ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

Книга I-я.

БОГЪ

НЕ ОПРОВЕРЖИМЪ НАУКОЙ.

И. А. Карышева.

ΒΑΣΙΛΕΙΟΝ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ
ΔΙΟΙΚΗΣΙΣ ΑΓΙΟΥ ΟΡΟΥΣ

Ἐλεύθερον δι' ἐξαγωγὴν εἰς Ἄλλας
κατὰ τὴν Ἐγκ. Ὑπουργείου Παιδείας
29711/650/63
ἐν Καρυαῖς 3-8-72

Δ. ΥΠΟΥΡΓΕΙΟΝ ΕΞΩΤΕΡΙΚΩΝ
ΔΙΟΙΚΗΣΙΣ ΑΓΙΟΥ ΟΡΟΥΣ

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати", Англійскій, 28.
1899.

ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ
Η

Digitized by Google

(Index x
size 3)
Q 113
.K3
1899
(RECAP)

Дозволено цензурою. С.-Петрбургъ, 11 Февраля 1899 года.

Digitized by Google

Предисловіе.

Когда въ пылу сраженія, въ горячей рукопашной схваткѣ воинъ задался цѣлью во что бы то ни стало вскочить на непріятельскій брустверъ, онъ занятъ только одной этой мыслью, все его существо жаждетъ только этого одного; онъ весь превратился въ свою идею, и для него ничего больше на свѣтѣ не существуетъ, кромѣ своего желанія и непріятельскаго брустверa. Въ это время не спрашивайте его, зачѣмъ это ему нужно: онъ не въ силахъ соображать, ибо онъ увлеченъ, охваченъ своей идеей и больше не разсуждаетъ. Для того, чтобы попасть на брустверъ, онъ жертвуетъ всѣмъ: онъ убиваетъ, ранитъ, колетъ направо и налѣво, не замѣчая своихъ собственныхъ ранъ и той опасности, которой подвергается, и даже въ бѣшеномъ бою, пораженный на смерть роковымъ ударомъ, онъ уже смертельно раненнымъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ своей цѣли.

Не такъ ли поступаютъ и всѣ интеллигентные представители высшей расы земныхъ существъ въ большинствѣ случаевъ своего жизненнаго пути. Вѣдь, жизнь во всѣ эпохи существованія человѣка никогда никому не давала очнуться или одуматься. Всегда и у всѣхъ одни впечатлѣніе и ощущенія быстро смѣняются другими, однѣ жизненныя задачи безъ малѣйшаго перерыва слѣдуютъ за разными испытаніями и превратностями, и каждый изъ насъ, охваченный и увлеченный вихремъ житейскаго вавилона, съ самыхъ юныхъ лѣтъ до самой старости стремится достигать земныхъ идеаловъ и всякаго рода житейскихъ кумировъ, возводимыхъ требованіями своего вѣка въ цѣли земной жизни. Мы называемъ эти идеалы и кумиры образованностью, ученостью, талантами, славой, властью, господствомъ и т. д., и т. д., и несемся безъ оглядки въ общемъ потокѣ житейской суеты, опасаясь больше всего отстать въ чемъ нибудь отъ вѣка, или какъ нибудь отдѣлиться отъ своего общества, отъ этого вальпургіева стада, или этой тысяче-головой гидры, завладѣвающей нами и всецѣло присасывающей насъ къ себѣ. Мы не смѣемъ быть во всемъ солидарнымъ съ обществомъ во

R 20074
85-13258
1133

Digitized by Google

всякой мелочи и до малѣйшихъ подробностей, ибо знаемъ, какъ оно немилосердно казнитъ всѣхъ отщепенцевъ и заклевываетъ, и умерщвляетъ ихъ такъ-же, какъ заклевываютъ галки свою подругу, имѣющую какую-нибудь лишнюю противъ другихъ отмѣтину. Напротивъ того, зная направленіе общественнаго и моднаго стремленія и его кумиры, наша завѣтная, но всегда скрытая отъ всѣхъ, мечта—опередить своихъ сверстниковъ и, правдою или неправдою, во что бы то ни стало, обогнать ихъ и стать впереди.

Въ этой бѣшеной жизненной скачкѣ, въ этой отчаянной борьбѣ за свое существованіе, за свое первенство, мы ничего кругомъ себя не видимъ, не разбираемъ и не сознаемъ, кромѣ потребностей дня, способныхъ удовлетворить условіямъ общаго стремленія, а впереди себя не видимъ ничего, кромѣ намѣченныхъ нами кумировъ.

Въ теченіе всей своей жизни мы попираемъ ногами все внутри насъ находящееся святое, возвышенное; отгоняемъ отъ себя всякія мысли, могущія чѣмъ-нибудь задержать или замедлить успѣхъ земныхъ удачъ, и когда, наконецъ, видимъ свои мечты сбывающимися, мы самодовольно говоримъ себѣ: „задача жизни блестяще мной рѣшена; все что было на меня возложено, я выполнилъ и теперь могу умереть спокойно“.

Но рядомъ съ этимъ, во всѣ времена человѣчества, появлялись люди исключительные по нравственному и духовному развитію. Они всегда выдѣлялись изъ толпы и никогда не слѣдовали общему потоку жизненной суеты, а, напротивъ, останавливали людей въ ихъ заблужденіяхъ и говорили: „вѣдь, вы совершенно на ложномъ пути и рѣшительно не понимаете истинной цѣли жизни и земной задачи. Развѣ земная слава и власть, развѣ возможность господствовать и эксплуатировать людей, или пріобрѣтать знанія и богатства, могутъ быть названы конечными цѣлями существованія человѣка на землѣ? Неужели Богъ создалъ людей для того только, чтобы дать однимъ возможность эксплуатировать, обижать и унижать другихъ? Это было бы ужасно! Одумайтесь, остановите ваше стремленіе, оно ложно и доведетъ васъ до погибели. Вы принимаете средство за цѣль. Власть, слава, богатство, таланты суть только орудія испытаній вашихъ добрыхъ и злыхъ качествъ, это только средства для исправленія васъ же самихъ; цѣль же жизни несравненно возвышеннѣе: она есть добро и милосердіе, которыя вы посѣете на землѣ черезъ свои дѣла и стремленія“.

Но общество никогда не понимало этихъ людей, не выслушивало ихъ, а еще меньше исполняло ихъ совѣты. Оно никогда не умѣло согласовать требованій, предъявляемыхъ этими людьми къ каждому человѣку, съ условіями удовлетворенія потребностей практической ежедневной жизни и съ условіями борьбы съ роковыми аттрибутами нашей земной жизни, какъ-то: нуждою, холодомъ и голодомъ; а измѣнять обычный ходъ образа жизни или сдѣлать его болѣе подходящимъ

Digitized by Google

къ преслѣдованію высшихъ цѣлей жизни никому и въ голову придти не могло, ибо это значило бы идти противъ общепринятаго теченія жизни. При томъ же люди эти требовали отъ толпы, чтобы каждый сталъ выше своихъ страстей и пороковъ, требовали здраваго отношенія каждаго къ самому себѣ, бо́льшей работы надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и меньшей горделивой жажды и пристрастія къ земнымъ дѣламъ. Понятно, что при маломъ развитіи людей исполненіе этихъ требованій казалось чрезмѣрно труднымъ и во всякомъ случаѣ несравненно труднѣе, чѣмъ исполненіе условій обыденной практической жизни, а потому общество живетъ привычнымъ порядкомъ.

Вѣка смѣнялись вѣками, поколѣнія поколѣніями, и на старыхъ выводахъ практической опытной дѣятельности воздвигались требованія новыхъ для каждаго вѣка современныхъ, условій жизни. Люди съ каждымъ вѣкомъ становились все умнѣе, развитѣе, но за то и требовательнѣе; стали строже относиться не къ себѣ, но къ окружающимъ людямъ и къ условіямъ жизни. Они стали отчетливѣе и настоятельнѣе понимать и чувствовать свой жизненный расчетъ и условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ. Практика общественной дѣятельности приспособляла разныя понятія къ формѣ, наиболѣе подходящей подъ строй своей практической жизни, почему взамѣнъ понятій о добродѣтели выработались, мало-по-малу, понятія: о чести, честности, благородствѣ и великодушіи; взамѣнъ понятія о всеобщемъ братствѣ и взаимной любви выработались понятія о правѣ и традиціонно-геральдійскихъ рангахъ наслѣдственнаго происхожденія высшихъ и низшихъ, о бѣлой и черной кости; понятія о благочестіи, смиреніи и покорности замѣнились чувствомъ черстваго исполненія своего долга, дѣловитой аккуратности, настойчивости и педантичности, и всѣмъ, что расширяетъ атмосферу пороковъ, страстей, ингригъ, зависти, гордости, тщеславія и имъ подобныхъ аттрибутовъ общественной практической жизни.

При подобныхъ условіяхъ жизнь общества и каждаго его члена не могла постоянно не усложняться; весь строй жизни, мысли, убѣжденій, науки и міровоззрѣній долженъ былъ создавать все болѣе и болѣе ненормальное и антиальтруистическое направленіе жизненной дѣятельности, а потому и общее стремленіе къ развитію принимало все болѣе и болѣе характеръ личный и эгоистичный.

Эта ненормальность жизненной дѣятельности не могла конечно, не завести все человѣчество далеко въ область запутанностей, безконечно затрудняющихъ существованіе каждаго, и, какъ слѣдствіе полнаго искаженія естественныхъ вглядовъ другъ на друга, отношенія между людьми стали многосложны и для многихъ окончательно невыносимы.

Digitized by Google

Каждый, возвышаясь въ какомъ либо отношеніи надъ другими, получалъ легальное право господствовать надъ ними, а нелегальное— эксплуатировать, притѣснять и унижать ихъ. Съ одной стороны, людямъ умнымъ, практичнымъ, сильнымъ волей или талантами, для того, чтобы съ бо̀льшимъ успѣхомъ возвышаться надъ людьми, было выгодно скрывать отъ всѣхъ и маскировать разными способами свои дѣла, свои намѣренія, а въ особенности свои сильныя и слабыя стороны, т.-е., свои пороки, недостатки и уродства какъ физическія, такъ и нравственныя. Съ другой стороны, людямъ болѣе слабымъ, или скромнымъ и вообще менѣе одареннымъ природой умственно или физически, необходимо было ограждать себя отъ чрезмѣрнаго коварства людей, отъ ихъ хитрости и дерзкихъ посягательствъ, какъ на ихъ личность, такъ и на ихъ права. Все это вызывало необходимость заключить въ какія-нибудь рамки взаимныя отношенія между людьми, чтобы стѣснить разгулъ и распущенность и хотя сколько нибудь оградить слабыхъ отъ произвольныхъ поступковъ и всякаго рода посягательствъ на нихъ. Для удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ обществѣ установились извѣстные принципы, этикеты, моды, правила приличія, свѣтскіе обязательные обычаи и разныя формы жизни, стѣсняющія поступки людей. Всѣ эти мѣры были, конечно, безполезны и не уберегали человѣка отъ тайныхъ враговъ, которымъ было можетъ быть еще удобнѣе дѣйствовать подъ прикрытіемъ общественнаго благочестія, но эти мѣры обезпечивали по крайней мѣрѣ внѣшнюю, показную сторону общественной жизни и устанàвливали внѣшнюю сторону въ отношеніяхъ людей.

Но многое, что было необходимо и имѣло смыслъ 100 или 200 лѣтъ тому назадъ, когда средній уровень умственнаго и нравственнаго развитія людей стоялъ ниже чѣмъ теперь, то могло бы въ настоящее время считаться лишнимъ и безполезно усложняющимъ нашу жизнь. Но человѣчество, однажды привыкшее къ извѣстному этикету, къ правилу подчиняться существующимъ: принципамъ, модамъ, приличіямъ и обычаямъ, уже не такъ легко разстается съ ними, какъ бы они ни были стѣснительны и нелѣпы; какъ бы отдѣльныя личности ни протестовали противъ нихъ, ничто не въ силахъ измѣнить общаго моднаго теченія жизни.

Поэтому каждый изъ насъ, самъ не замѣчая того, порабощенный съ молоду привычкой исполнять въ угоду обычаямъ всѣ обращенныя къ нему требованія жизни, торопится рѣшить свою задачу, не уклоняясь отъ предначертанной ему программы, захлебываясь отъ массы возложенныхъ на него прямыхъ обязанностей и отъ еще большаго количества совершенно въ настоящее время ненужныхъ и безцѣльныхъ обязанностей, перешедшихъ по традиціямъ изъ глубокой старины.

Въ такомъ состояніи застаетъ насъ предверіе двадцатаго столѣтія, и передъ нашими глазами начинаетъ совершаться диковинное, до сихъ поръ въ исторіи человѣчества небывалое явленіе: отъ общаго кипу-

Digitized by Google

чаго моднаго потока жизни, стали сотнями и тысачами отдѣляться люди, утомленные безцѣльностью своихъ собственныхъ поступковъ, своей пустой жизнью, влекущей ихъ ложными путями къ ложнымъ идеаламъ. Они встали поодаль отъ общаго теченія жизни, какъ-бы проснулись отъ тяжелаго удручающаго ихъ кошмара и начали требовать примѣненія разума къ анализу основъ нашей жизни. Они стали ощущать всю недостаточность сухого расчета, потребовали болѣе живой естественной мысли, доводящей до причины каждой необходимости и раскрывающей всѣ послѣдствія ея, и, въ то же время и отъ людей, и отъ себя—поступковъ, которые прямѣе-бы вели къ истинной цѣли жизни.

Съ ихъ точки зрѣнія нужно радикальное измѣненіе всего умственнаго строя мысли и новое міровоззрѣніе, болѣе соотвѣтствующее естественнымъ требованіямъ природы отъ человѣка. Они говорятъ, что въ настоящее время интеллигентный человѣкъ достаточно созрѣлъ для того, чтобы быть въ состояніи додумываться до конца и умѣть различать значеніе временныхъ и переходныхъ истинъ и цѣлей, съ которыми ему приходится сталкиваться въ жизни, отъ вѣчныхъ и абсолютныхъ. Интеллигентный человѣкъ долженъ умѣть различать цѣль отъ средства, причины отъ ихъ слѣдствій и долженъ умѣть отводить всему этому соотвѣтствующее мѣсто и давать преобладающее преимущество главенствующимъ двигателямъ жизни и прогресса, какъ духовнаго, такъ нравственнаго и умственнаго.

Неужели въ самомъ дѣлѣ людямъ никогда не суждено понять, что вся жизнь общества и каждаго отдѣльнаго его члена ведется въ разрѣзъ съ указаніями разума и здраваго смысла; что въ ней чрезвычайно много лишняго, пустого и даже совсѣмъ безсмысленнаго, безъ чего людямъ жилось бы несравненно легче? Пусть каждый провѣритъ свою жизнь, и если онъ въ состояніи безпристрастно прослѣдить ее, то увидитъ, что все общество и онъ самъ, совершенно того не понимая, живетъ машинально исключительно въ силу привычекъ, образовавшихся вслѣдствіе внушеній, которыя производили на него съ самыхъ раннихъ лѣтъ: кормилицы, мамки, няньки, родители, воспитатели, учителя и школы, и что эти внушенія дополнялись внѣшними давленіями, производимыми окружающей средой, обществомъ и условіями благосостоянія и довольства.

Родители и воспитатели наши, внушая намъ жизненныя привычки, руководствовались, также какъ и мы, не разумомъ и здравымъ смысломъ, но слѣдовали своимъ собственнымъ наслѣдственнымъ привычкамъ, возведеннымъ въ принципы жизни еще дѣдами и прадѣдами, отчего такъ часто мы въ своихъ поступкахъ можемъ усмотрѣть осколки традиціи самыхъ древнихъ временъ, нисходящихъ чуть не до временъ языческихъ и каменнаго періода, т.-е., до такой древности, когда люди были еще такъ мало развиты, что въ сущности не могли дать никакихъ полезныхъ указаній относительно образа жизни здраво-мыслящему и интеллигентно-развитому современному человѣку. А эти то самыя тра-

Digitized by Google

диціонныя привычки и принципы, перешедшіе въ насъ въ силу внушеній, были всегда самыми злѣйшими врагами всякой новой, свѣжей и возвышенной идеи, а слѣдовательно приносятъ чрезвычайно много вреда, какъ нашему личному усовершенствованію, такъ и общему развитію вѣка.

Замѣтьте, какъ на каждомъ шагу при обсужденіи своихъ поступковъ или своихъ мнѣній, мы неправильно употребляемъ свой разумъ и здравый смыслъ, какъ мы часто имъ злоупотребляемъ и въ какіе компромиссы входитъ съ нимъ; касается ли наше сужденіе общественной или практической жизни, науки, нашихъ отношеній къ людямъ или къ окружающей природѣ, это все равно, вездѣ наши сужденія перемѣнчивы, узки, поверхностны и никогда не имѣютъ достаточнаго основанія. Это лучше всего обрисовывается при обмѣнѣ мнѣній.

Нѣтъ двухъ одинаковыхъ мнѣній между людьми; каждый настаиваетъ на своемъ, рѣшительно не заботясь о томъ, чтобы черезъ посредство спора или обоюднаго обмѣна мысли возстановить истину и затѣмъ держаться ея. Этого никогда нѣтъ, истина остается одна въ сторонѣ отъ спорящихъ, и послѣ спора остается всякій при своемъ мнѣніи, даже тотъ, кто принужденъ считать себя побѣжденнымъ.

Вѣдь, если основанія, принятыя для сужденія, одни и тѣ же, то выводы разума и логики должны вести къ одинаковымъ результатамъ и разногласій не должно быть; стоитъ только спорящимъ добросовѣстно согласиться между собой, провѣрить основанія мысли, ходъ сужденія, указать другъ другу обоюдныя ошибки, и выводъ получился бы одинаковый. Но дѣло въ томъ, что рѣдко ведутся споры съ цѣлью выясненія истины, но всегда преслѣдуются тщеславное намѣреніе, во что бы то ни стало взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, быть побѣдителемъ и, ставъ въ общественномъ мнѣніи выше, осмѣять его и восторжествовать.

Многіе спорятъ для того, чтобы спорить; имъ нравится самый процессъ спора; сегодня они защищаютъ одно мнѣніе, а завтра ему противоположное и хвастаютъ тѣмъ, что въ обѣихъ случаяхъ остаются побѣдителями. Эта любовь къ одержанію побѣды при обмѣнѣ мнѣній совсѣмъ не рѣдкость и несравненно болѣе распространена, чѣмъ объ этомъ думаютъ; напротивъ, ее надо до нѣкоторой степени искать въ каждомъ изъ насъ и въ каждомъ спорѣ, ибо людей, способныхъ судить безпристрастно и радоваться успѣху ближняго, очень мало; большинство никогда не отказывается отъ случая указать другому, что и въ его хотя и правильномъ сужденіи есть доля смѣшного.

Если это не было бы такъ, то не существовало бы цѣлой науки—эристики,—объ искусствѣ вести въ обществѣ дебаты. Наука эта возводитъ искусство вести споръ на степень настоящаго турнира, гдѣ спорящіе прямо становятся въ оборонительныя другъ противъ друга положенія и, какъ на каждомъ поединкѣ, наносятъ удары, парируютъ, ихъ.

Digitized by Google

и болѣе искусный спорщикъ долженъ всегда имѣть перевѣсъ, независимо отъ того, на чьей сторонѣ правда.

Присемъ необходимо замѣтить, что эристика не создана искусственно для наученія человѣка злу и пренебреженію къ истинѣ; совсѣмъ напротивъ, она обращаетъ лишь вниманіе на наиболѣе распространенныя уклоненія отъ правильнаго сужденія или на ошибки мысли, которыя, сами того не замѣчая, допускаются люди, дѣлая свои выгоды и заключенія. Она основывается на практикѣ жизни и весьма наглядно указываетъ, какъ далеко заводитъ неправильная форма сужденія въ область самообмана.

Разбирая всѣ уклоненія отъ правильнаго сужденія, на которыя указываетъ эристика, и находя то однѣ, то другія невѣрности положительно въ каждой рѣчи, въ каждомъ сужденіи и на каждомъ шагу, надо къ сожалѣнію сказать, что ни что такъ не рѣдко между людьми, какъ свѣтлый и ясный разумъ, здравый смыслъ и непритворное желаніе быть ближе къ истинѣ.

Еще въ большія ошибки, чѣмъ форма сужденія и образъ мысли, заводитъ насъ недостаточность основаній, принимаемыхъ нами какъ исходныя точки нашего мышленія. Выражая свою мысль, или обсуждая какой нибудь вопросъ, мы всегда имѣемъ какую нибудь базу или основу мышленія, которую мы можемъ тутъ же и высказать или можемъ подразумѣвать, но всегда отъ нея мы строимъ дальнѣйшій выводъ разума. Напримѣръ, я говорю: „такъ какъ я привыкъ ежедневно спать ночью по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ утра, а завтра мнѣ предстоитъ встать въ 7 часовъ, то я лягу двумя часами раньше, а васъ попрошу разбудить меня 7 часовъ утра“. Я могу высказать всю эту мысль, или сказать только послѣднее, т. е. разбудите меня завтра въ семъ часовъ утра, тѣмъ не менѣе естественный ходъ моего мышленія основанъ на положеніи, что я привыкъ спать ежедневно по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ, и это положеніе служитъ въ данномъ случаѣ основаніемъ или исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго вывода.

Мы всегда принимаемъ исходные пункты своего мышленія за неприложныя истины, за нѣчто, не подлежащее ни оспариванію, ни доказательству, что они состоятъ изъ нашихъ привычекъ, изъ нашего привычнаго міровоззрѣнія или обычныхъ и общепринятыхъ принциповъ и правилъ жизни, которые, какъ мы себѣ представляемъ, не подлежатъ никакому контролю разума, такъ какъ въ нихъ не можетъ быть внесена ни малѣйшая поправка, ни измѣненіе, такъ какъ они освящены давностью въ исторіи нашей жизни и въ жизни нашихъ предковъ. А между прочимъ вотъ эти то самыя непогрѣшимыя основы нашего мышленія въ слишкомъ частыхъ случаяхъ не имѣютъ ни разумныхъ, ни логическихъ основаній. Вотъ ихъ то мы всегда меньше всего и подвергаемъ контролю нашего разума, такъ какъ всегда мы меньше всего сомнѣваемся въ своей собственной погрѣшимости и въ погрѣшимости

Digitized by Google

основныхъ принциповъ и обычаевъ, принятыхъ обществомъ. Съ другой стороны, признавая ихъ даже неразумными и нелогичными, мы все же не были бы въ состояніи ни отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ привычекъ, ни сломать принциповъ и обычаевъ общества и всякій нашъ протестъ въ этомъ направленіи напоминалъ бы только борьбу съ вѣтряными мельницами.

Само собой разумѣется, какъ бы ни былъ разуменъ и логично построенъ выводъ, онъ всегда будетъ лживъ, если исходитъ изъ недостаточно разумомъ провѣренныхъ данныхъ, и всѣ наши поступки, вызванные подобными выводами, будутъ одинаково ошибочны и неестественны.

И какъ много въ жизни общества и каждаго изъ насъ ошибокъ, заблужденій, нелогичностей, на которыхъ основывается наша жизнь, но которыя мы считаемъ до такой степени непреложными, что намъ и въ голову придти не можетъ провѣрить ихъ, а всѣ онѣ отражаются неблагопріятно на нашей жизни и заставляютъ насъ совершать часто совсѣмъ безсмысленнные поступки.

Для болѣе нагляднаго выясненія своей мысли мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько примѣровъ, но рѣшительно теряемся въ массѣ и обиліи ихъ. Ихъ мы находимъ на каждомъ уголкѣ дѣятельности человѣка: среди наукъ, искусствъ, медицины, общественныхъ отношеній, между людьми и практической жизни, въ семейной, однимъ словомъ— гдѣ угодно. Всякій знаетъ и чувствуетъ на себѣ, какъ много въ его ежедневной жизни мелочей и дрязгъ разнаго рода, отъ которыхъ желалъ бы онъ отдѣлаться, видя ихъ полную безцѣльность и не видя никакой разумной причины ихъ существованія. Стоитъ войти въ любую хату рабочаго, обратить вниманіе на любой фактъ изъ жизни живущихъ въ нихъ людей и спросить: чѣмъ оправдываете вы этотъ обычай, эту привычку или все, что касается строя жизни? Всякій удивится подобному вопросу, съ перваго раза затруднится отвѣтомъ и откажется отвѣчать; но если вы будете настойчивы и съумѣете заставить говорить, то вы всегда будете получать одни и тѣ же стереотипные отвѣты: это такъ принято, а потому безъ этого нельзя; или, какъ же иначе, всѣ такъ дѣлаютъ; или, это—требованіе вѣка и мы уже такъ привыкли; или это дѣлали наши дѣды и прадѣды, зачѣмъ будемъ мы иначе дѣлать. И ни одного объясненія не получите вы со ссылкой на здравый смыслъ и на чистый разумъ.

И это не въ какихъ нибудь мелочахъ жизни, въ которыхъ было бы дѣйствительно все равно, какъ ни поступать, — такъ или иначе. Въ этихъ случаяхъ, понятно, не стоило бы раздумываться, а дѣйствительно было бы проще всего дѣлать такъ, какъ принято, или — такъ, какъ другіе поступаютъ, но вѣдь это часто касается фактовъ серьезныхъ, влекущихъ за собой важныя послѣдствія, которыхъ каждый долженъ бы

Digitized by Google

остерегаться какъ чего нибудь опаснаго, вреднаго или безнравственнаго, а потому долженъ бы былъ избѣгать.

Приведемъ первый примѣръ. Обратите вниманіе, какъ каждая добродѣтельная и разумная мать холитъ и бережетъ свою всей душей любимую дочь. Она просто не надышется ею, учитъ, воспитываетъ, внушаетъ скромность и самое утонченное приличіе не въ однѣхъ только внѣшнихъ формахъ, но учитъ сохранять чистоту душевную и учитъ возвышать свои чувства до высшихъ идей всего прекраснаго, святого и разумнаго. Одна изъ ея главныхъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы оберегать свою дочь отъ худого примѣра: она удаляетъ отъ ея взоровъ все нечистое, порочное и двухсмысленное; и результаты разумнаго и задушевнаго воспитанія выходятъ дѣйствительно удивительны; дочь растетъ ангеломъ добродѣтели и обладаетъ нѣкоторыми талантами. Такимъ образомъ цѣль матери—сдѣлать изъ своей дочери добродѣтельную жену, мать-воспитательницу своихъ будущихъ дѣтей и и добрую и достойную своего отечества гражданку — оправдывается прекрасно.

Сколько посѣяно хлопотъ, сколько любви, самоотверженія осторожности, умѣнія и предусмотрительности; какія прекрасныя и возвышенныя преслѣдовались цѣли и стремленія, однимъ словомъ, все изобличаетъ въ матери женщину умную, разсудительную и въ высшей степени благонамѣренную.

Но вотъ періодъ образованія кончается. Мать объявляетъ дочери, что она уже почти большая и что наступила пора показать на практикѣ жизни результаты того, чему она такъ долго училась, и что она должна выказать всѣ свои добрыя качества, скромность, умѣніе вести себя въ обществѣ и т. д. Дождавшись перваго большого бала начинаются приготовленія ея къ первому выѣзду въ большой свѣтъ. Никто не потрудится спросить, чувствуетъ ли она къ этому влеченіе или отвращеніе. Если она не хочетъ того, ей говорятъ; дурочка, ты еще жизни не понимаешь, всѣ сперва боялись и привыкли же къ тому; и сама мать одѣваетъ дочь въ бальное платье, т. е. снимаетъ съ нея всѣ тѣ одѣянія, которыя не принято снимать публично, обнажаетъ ей все, что до сихъ поръ сама учила скрывать, и заставляетъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ, обнявшись съ мущиной, принимать самыя невозможныя позы и дѣлать самыя соблазнительныя тѣлодвиженія при многочисленномъ обществѣ, осматривающемъ со всѣхъ сторонъ эту несчастную жертву, приносимую модному вѣянію. Многіе ли замѣчаютъ, что на алтарь общественнаго приличія приносятся всѣ лучшія чувства, вся природная скромность и стыдливость? Многіе ли оцѣниваютъ всю важность этого грустнаго факта, который можетъ отразиться пагубно на всей послѣдующей жизни и имѣть важныя послѣдствія въ образованіи характера этого молодого, еще не сложившагося существа? Наконецъ, многіе ли уважаютъ тѣ горячія слезы, которыми заливалась бѣдная дѣвушка

Digitized by Google

передъ тѣмъ, чтобы выдти въ залъ въ костюмѣ, унижающемъ достоинство всякой жены, всякой матери и всякой женщины, какъ вѣнца творенія живыхъ существъ на землѣ?—Нѣтъ, въ обществѣ нѣтъ ни сострадания ни пощады никакимъ отщепенцамъ отъ него, и никто не смѣетъ быть лучше и чище другихъ, всѣ должны подходить подъ общій строй, дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе, и переживать то же, что переживали другіе. Общество только надзираетъ, оцѣниваетъ и критикуетъ: кто смотритъ на бѣдную жертву со злой иронической улыбкой, если она вполнѣ безупречна и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна, а потому нельзя послать по ея адресу ни одного обиднаго или критическаго замѣчанія; а кто просто—съ видомъ эксперта, осматривающаго вновь привезенный на базаръ свѣжій живой товаръ.

Проанализируйте хорошенько этотъ совершенно обыденный жизненный фактъ, сколько найдете вы диссонансовъ, нелогичностей, непослѣдовательностей, ошибокъ противъ совѣсти, нравственности, здраваго смысла, и вы сами удивитесь, какъ можетъ подобный образъ дѣйствій держаться въ интеллигентномъ и разумномъ обществѣ?—Отвѣтъ одинъ: „такъ принято".

Второй примѣръ. Многіе находятъ совершенно логичнымъ послѣ полученнаго ими личнаго оскорбленія драться на дуэли для возстановленія своей яко-бы утерянной чести. Спросимъ себя, что такое честь?—„Честь есть сознаніе своего личнаго достоинства, состоящаго изъ добраго имени, незапятнаннаго никакими преступленія или проступками, и признаніе этого факта другими".

Какимъ же образомъ, если признать это объясненіе правильнымъ, можно понять, что, совершая преднамѣренное убійство, можно возстановить свою честь, утерянную будто бы вслѣдствіе одного празднаго слова, сказаннаго другимъ, на которое самъ оскорбленный не подавалъ никакого повода? Какимъ образомъ это слово можетъ запятнать честь, а преднамѣренное собственноручное убійство можетъ возстановить ее? Совершенно не понятно. Одно объясненіе: „такъ принято".

Третій примѣръ. Все зданіе матеріалистическаго и позитивнаго изученія физики, химіи, физіологіи, космогоніи и многихъ другихъ естественныхъ наукъ построено на двухъ главныхъ основныхъ положеніяхъ: во первыхъ, что матерія вѣчна, т. е. что количество ея, которое существуетъ нынѣ, существовало отъ вѣчныхъ временъ и будетъ вѣчно существовать, а во вторыхъ, что матерія обладаетъ отъ вѣчности достаточнымъ количествомъ свойствъ и качествъ, чтобы быть въ состояніи сама, безъ помощи и вмѣшательства какой бы то ни было посторонней причины, самостоятельно творить всѣ явленія природы, весь видимый нами міръ и все живущее.

Сколько тысячъ лѣтъ существуютъ науки (если признать ихъ просхожденіе отъ арабовъ и древнихъ египтянъ)! Сколько сотенъ тысячъ ученыхъ положили свою жизнь на изученіе и разработку ихъ;

Digitized by Google

какъ старался каждый изъ нихъ все выше и выше надстраивать зданіе своей науки, быть безупречнымъ и непогрѣшимымъ въ своихъ выводахъ, для чего обставлялъ науку всевозможными способами провѣрокъ знанія и строгимъ анализомъ; все гипотетичное и сомнительное не включалось въ область позитивнаго метода изученія природы, и только однѣ положительныя и неоспоримыя данныя получали право служить основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Все зданіе наукъ представляется нашему воображенію чѣмъ то непоколебимымъ, неоспоримымъ и великимъ.

Но спросимъ себя: чѣмъ доказываются оба основныя положенія наукъ, служащія имъ краеугольнымъ камнемъ и исходнымъ пунктомъ всякаго матеріалистическаго и позитивнаго научнаго вывода? Чѣмъ доказывается, что матерія вѣчна или что она обладаетъ всѣми необходимыми качествами и свойствами, чтобы творить міры? Оказывается, что о доказательствѣ этихъ двухъ положеній меньше всего озабочивались ученые; за нихъ говоритъ одна давность. Ученые просто привыкли считать ихъ за неоспоримыя научныя истины, и эта привычка переходила изъ поколѣній въ поколѣнія безъ малѣйшихъ измѣненій, не смотря на протесты сотни великихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ находились еще Ньютонъ и Лейбницъ.

Въ настоящее время можно сказать, что современная наука очень близка къ тому, чтобы окончательно опровергнуть оба эти положенія и признать полную подчиненность и зависимость матеріи отъ силъ, дѣйствующихъ на нее и образовывающихъ ее.

Во что обращается зданіе, если разрушить его фундаментъ? Много ли въ позитивной наукѣ останется неоспоримыхъ данныхъ, если признать основныя положенія, служащія исходными пунктами для всѣхъ научныхъ выводовъ, ошибочными? Сколько въ такомъ случаѣ потребуется ввести въ нее измѣненій, сколько поправокъ и дополненій, если наука будетъ принуждена покинуть господствующій нынѣ позитивизмъ и его принципы: 1) автоматичности, 2) необходимости, 3) всесилія законовъ природы—и перейти на принципъ господства въ природѣ. Разумной Воли, предусмотрѣнности и полной цѣлесообразности всѣхъ явленій.

Если только позитивизмъ будетъ принужденъ признать какъ многіе уже лучшіе ученые признали, что силы образуютъ матерію и что силы эти имѣютъ разумное начало, то придется признать и сосредоточіе силъ въ одномъ Всеобъемлющемъ, Разумномъ Центрѣ всѣхъ силъ и Безконечно Премудрую и Разумную Единую Волю, правящую вселенной, а при этомъ допущеніи, конечно, отъ позитивизма и камня на камнѣ не останется. Но за то новая обновленная наука, поставленная на истинную и логическую почву, дастъ послѣ всѣхъ ея преобразованій необыкновенный скачекъ впередъ, ибо многое, что теперь

Digitized by Google

кажется намъ непонятнымъ, при новомъ строѣ наукъ получить совершенно простое и естественное разрѣшеніе.

Четвертый примѣръ. Человѣкъ заболѣваетъ, напримѣръ, болѣзнью печени и желчи; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ принято посылать немедленно за докторомъ и начинать серьезное лѣченіе. Докторъ, разсматривая больного, какъ субъекта, въ котораго проникло извѣстное количество болѣзнетворнаго яда, старается дать соотвѣтствующее количество противоядія, чтобы парализовать дѣйствіе яда, и прописываетъ лѣкарства, діэту и режимъ.

Лѣченіе помогаетъ, но п опрошествіи извѣстнаго времени болѣзнь возвращается и, притомъ, каждый разъ съ новою силой. Лѣченіе каждый разъ возобновляется, дозы лѣкарствъ увеличиваются, и съ теченіемъ времени тѣ лѣкарства, которыя оказывали благопріятное дѣйствіе, становятся недостаточными. Приходится прибѣгать къ сильно дѣйствующимъ средствамъ и разнаго рода наркотикамъ, которые, собственно говоря, не излѣчиваютъ болѣзнь, но только притупляютъ ощущенія боли, позволяя болѣзни усиливаться и идти своимъ естественнымъ ходомъ. Всѣ сильно дѣйствующія средства и въ особенности наркотики, дѣйствуя благопрітно въ одномъ направленіи, оказываютъ въ высшей степени вредное дѣйствіе на другіе органы, бывшіе до сихъ поръ здоровыми. Доктора охотно допускаютъ подобнаго рода разстройства въ томъ предположеніи, что когда коренная болѣзнь пройдетъ, то излѣчатся сами собой всѣ побочные недуги, вызванные наркотиками и сильно дѣйствующими лѣкарствами. Но предположите, что болѣзнь упорствуетъ, то въ результатѣ получается полное разстройство всего организма, и всѣ удивляются, отчего явились столь сильныя осложненія болѣзни у человѣка, который всю жизнь былъ здоровъ.

Никому и въ голову не придетъ спросить себя о причинѣ болѣзни, несмотря на то, что этотъ вопросъ долженъ всегда стоять раньше самаго лѣченія, ибо: 1) если устранить причину, то и болѣзнь должна прекратиться сама собой безъ всякаго лѣченія; а 2) если причина не устранена, то сколько бы ни лѣчили, болѣзнь должна же вновь вернуться; ибо нельзя залѣчивать рану, если въ ней находится какая-нибудь щепка, которая дѣлаетъ больше вреда, чѣмъ приноситъ пользы лѣкарство.

Разбирая настоящій случай, надо замѣтить, что болѣзни печени и желчи бываютъ, конечно, отъ разныхъ причинъ, но очень часто причина этой болѣзни зависитъ отъ нравственныхъ мотивовъ. Человѣкъ золъ и завистливъ, всякая его собственная неудача раздражаетъ его и приводитъ въ ярость; каждый успѣхъ другихъ доводитъ его до дрожи во всемъ тѣлѣ и заставляетъ внутренно завидовать до скрежета зубовъ; его болѣзнь, мѣшая ему въ дѣлахъ, приводитъ его въ отчаяніе, а злость и зависть кипятъ въ немъ и день и ночь. Такое ненормальное напряженіе желчныхъ пузырьковъ служитъ основной причи-

Digitized by Google

ной разстройства какъ самой желчи, такъ и сосѣднихъ непосредственно съ ней связанныхъ органовъ. Разумно-ли въ этомъ случаѣ лѣчить болѣзнь сильно дѣйствующими лѣкарствами и наркотиками, не обращая нисколько вниманія на причину болѣзни и не стараясь удалить ее?

Болѣе половины всѣхъ существующихъ на землѣ болѣзней—и въ томъ числѣ почти всѣ нервныя болѣзни—могутъ быть причислены къ числу тѣхъ болѣзней, причина которыхъ кроется въ нравственныхъ недостаткахъ, порокахъ, въ неправильныхъ отношеніяхъ къ жизни и въ томъ міровоззрѣніи, съ которымъ человѣкъ смотритъ на себя, на окружающихъ его людей, равно и на препятствія и превратности, встрѣчаемыя имъ на жизненномъ пути.

Если-бы люди разумно относились къ своей жизни и поступкамъ, они поняли-бы, что самъ здравый смыслъ указываетъ во всѣхъ этихъ болѣзняхъ, прежде чѣмъ начинать отравляться лѣкарствами, слѣдуетъ сначала постараться исправить свои пороки, недостатки и свое міровоззрѣніе, и что радикальное излѣченіе всѣхъ подобнаго рода болѣзней возможно только при этомъ условіи. На лѣкарство слѣдовало-бы смотрѣть только какъ на средство, временно облегчающее страданія и дающее больному время одуматься или, такъ сказать, справиться съ своимъ внутреннимъ человѣкомъ, но что лѣкарство никогда не въ силахъ оказать столь сильное дѣйствіе, чтобы радикально излѣчить болѣзнь въ то время, когда человѣкъ столь изобильно отправляетъ самъ свой организмъ. При этихъ же обстоятельствахъ всѣ старанія докторовъ будутъ всегда тщетны и будутъ только разстраивать здоровье человѣка.

Какъ капля воды, капая на одно мѣсто, принизываетъ камень, такъ и наши хотя бы самыя малыя несовершенства и порочныя наклонности, проявляясь въ насъ постоянно и всегда, должны вызывать ненормальныя отправленія нервной системы и, слѣдовательно, вліять на состояніе здоровья организма. Сколько разъ уже было замѣчено, что краткое пребываніе на минеральныхъ водахъ излѣчивало болѣзнь, тогда какъ передъ тѣмъ цѣлые годы употребленія этой же самой воды не оказывали никакого дѣйствія. Въ этомъ случаѣ сама вода играетъ только вспомогательную роль; важно же то, что что человѣкъ устранилъ на время причину болѣзни, измѣнилъ свою обычную жизнь, сопровождаемую трудностями, дрязгами, заботами, непріятностями, которыя вызывали въ немъ потребность сердиться, негодовать, завидовать, волноваться и т. д., — на жизнь болѣе спокойную въ нравственномъ отношеніи, окруженную комфортомъ, музыкой и развлеченіемъ. Наконецъ, не всѣ нравственныя причины могутъ быть названы мелочными: нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ въ высшей степени пагубно на организмъ. Случалось, что отъ чисто-нравственныхъ причинъ слѣдовалъ моментальный параличъ и даже мгновенная смерть.

Digitized by Google

Мы называемъ свой вѣкъ нервнымъ, потому что видимъ массу болѣзней нервной системы. Но не правильнѣе ли было бы назвать нашъ вѣкъ порочнымъ, такъ какъ причина разстройства нервной системы таится всегда въ людскихъ порокахъ. Если бы люди были менѣе самоувѣренны и тщеславны, то они ясно видѣли бы, что не поспѣваютъ за вѣкомъ, что отстали отъ него и что они не подготовлены достаточно — ни духовно, ни нравственно къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ нимъ жизнь.

Современная жизнь интеллигентнаго человѣка дѣйствительно чрезвычайно трудна и многосложна отъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ требованій, предъявляемыхъ человѣку. Она несравненно сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ была жизнь не только сто лѣтъ тому назадъ, но и пятьдесятъ. А чѣмъ большее количество условій надо выполнить для полученія полной жизни, тѣмъ больше надо работать и тѣмъ меньше вѣроятій, что всѣ эти условія будутъ выполнены и сложатся для насъ въ благопріятномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности такъ и выходитъ: какъ бы каждый изъ насъ ни обставлялъ свои дѣла, ему непремѣнно не достаетъ одного или нѣсколькихъ самыхъ для него существенныхъ условій; а у многихъ ихъ недостаетъ чрезвычайно много, и потому всякій изъ насъ желаетъ и добивается чего нибудь, именно того, что ему труднѣе всего можетъ достаться, такъ какъ этого ему не дано. Все дѣло въ томъ нравственномъ настроеніи, съ которымъ онъ добивается желаемаго; — вотъ тутъ то и есть начало всѣхъ нашихъ внутреннихъ душевныхъ страданій и изъ нихъ истекающихъ—какъ слѣдствіе—болѣзней организма.

Вся причина нашихъ страданій заключается всегда въ насъ самихъ и въ нашемъ несовершенствѣ. Мы не обладаемъ достаточнымъ количествомъ: въ 1) терпѣнья, чтобы переносить столько трудностей жизни и выжидать лучшихъ временъ, не раздражаясь, не волнуясь и не отчаяваясь; во 2) нѣтъ умѣнья вести свои житейскія дѣла такъ, чтобы не преступать естественныхъ законовъ нравственной и духовной жизни своей души; въ 3) у насъ никогда нѣтъ достаточно смиренія покорности Волѣ Божіей, проливающей Свои Дары на помощь недужному и слабому человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ Его проситъ о томъ; въ 4) нѣтъ благоразумія и достаточно силы воли надъ собой, чтобы сдерживать при многочисленныхъ жизненныхъ неудачахъ расходившіеся въ насъ злые элементы, какъ то: страсти, гнѣвъ, зависть, злость, оскорбленное самолюбіе, неудовлетворенную природную гордость и тщеславіе; а эта нравственная распущенность причиняетъ намъ самыя сильныя душевныя страданія, которыя и служатъ прямой причиной разстройства организма и лучшей подготовительной почвой для удобнаго воспріятія всевозможныхъ болѣзней.

Болѣе подробно мы позволимъ себѣ разобрать этотъ вопросъ въ одной изъ послѣдующихъ книгъ. Въ настоящее время мы скажемъ

Digitized by Google

только, что, бросая уже одинъ бѣглый взглядъ на жизнь человѣка, нельзя не замѣтить на каждомъ шагу неестественности и непослѣдовательности, въ которыхъ ясно обрисовывается вся несостоятельность человѣка въ связи съ его порочностью и недостаткомъ интеллектуальнаго развитія; и если съ одной стороны приходится убѣдиться, что человѣкъ самъ виноватъ во многомъ этомъ, то съ другой стороны нельзя не пожалѣть его отъ души и не признать, что онъ заслуживаетъ большого снисхожденія.

Разберите жизнь человѣка и вы увидите, при какихъ трудныхъ условіяхъ принужденъ онъ влачить свое существованіе: 1) живетъ онъ на землѣ, не помня своего прошлаго, не знаетъ, откуда онъ произошелъ, что предшествовало его жизни на землѣ; не знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ, гдѣ истинная цѣль его жизни и гдѣ конечный пунктъ, котораго онъ долженъ добиваться. Все это онъ долженъ однако постигнуть черезъ свою жизнь на землѣ, которая не даетъ ему ни одного прямого указанія, а для очень наблюдательныхъ одни только намеки, по которымъ человѣкъ можетъ лишь смутно догадываться о своемъ назначеніи и цѣли жизни. Человѣкъ является окончательно слѣпымъ въ своей жизни, и ему крайне трудно избирать вѣрный жизненный путь при его сильныхъ порочныхъ и страстныхъ наклонностяхъ и его безсильной воли, долженствующей смирять въ немъ зло.

2) Убѣжденія его шатки и неопредѣленны, и если иногда и озаряютъ его свѣтлыя мысли, открывающія ему отчасти истинную цѣль и назначеніе его бытія, то это всегда происходитъ такъ смутно и бездоказательно, что часто принужденъ медлить онъ исполненіемъ ихъ, такъ какъ опасается впасть въ еще большія ошибки.

3) Кругозоръ человѣка крайне ограниченъ, и онъ всегда болѣе склоненъ останавливать свое вниманіе на томъ, что передъ его глазами, или на тѣ нужды, въ которыхъ онъ чувствуетъ немедленную потребность, отодвигая далеко на второй планъ то, что несравненно существеннѣе, что могло бы принести ему въ будущемъ несравненно большую пользу, просвѣтлить его міровоззрѣніе и облегчить задачу познанія бытія. Однимъ словомъ, мало людей, которые живутъ настоящею жизнью для будущей, но большинство живетъ просто для того, чтобы жить, не давая себѣ яснаго отчета, кому и для чего вся ихъ жизнь нужна.

Мало того, есть люди, которымъ, вслѣдствіе ихъ узкаго кругозора, нравится самый процессъ жизни на землѣ, со всѣми ея темными сторонами, съ интригами, съ борьбой за свое личное существованіе, съ частными побѣдами надъ людьми, и даже собственныя неудачи не тяготятъ ихъ; они согласились бы на еще большія несчастія, лишь бы только земная жизнь никогда не прекращалась; они слишкомъ полюбили ее, и мысль о смерти, конечно, не можетъ ихъ занимать, а по-

Digitized by Google

тому они всегда отгоняютъ ее, не заботясь о томъ, что съ ними дальше будетъ.

4) Организація человѣка слишкомъ слаба; онъ скоро устаетъ при всякой работѣ надъ собой и, въ особенности, если эта работа сопряжена съ борьбой и преодолѣваніемъ свой злой природы; а борьбы съ самимъ собой неимовѣрно много у каждаго человѣка, который смотритъ на свою жизнь мало-мальски разумно и не желаетъ предоставить себя и всю свою участь общему роковому потоку жизни, сознавая вполнѣ отчетливо, что этотъ потокъ можетъ увлечь его только къ погибели.

Людей, сознающихъ весь гибельный путь общаго стремленія человѣчества и начинающихъ бороться съ нимъ, отставать отъ него и требующихъ для себя большей разумности и здраваго смысла въ поступкахъ, — стало въ послѣднее время появляться чрезвычайно много. Они всѣ ищутъ болѣе свѣжей атмосферы, болѣе чистыхъ идей и болѣе свѣтлыхъ и лучезарныхъ цѣлей жизни, на которыхъ они могли бы сосредоточить свое вниманіе и отдохнуть отъ давящей рутины автоматичной и безотчетной жизни—безъ прошлаго, безъ настоящаго, съ безсодержательнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне труднымъ настоящимъ. Они ищутъ, но пока еще, какъ заблудшіе въ темномъ лѣсу, не имѣя никакой возможности выдти изъ него.

Какъ поступаетъ человѣкъ, заблудившійся въ дремучемъ лѣсу, изъ котораго ему не видно ни солнца, ни звѣздъ, ни окружающей его мѣстности?

Онъ влѣзаетъ на болѣе высокое дерево и старается оттуда найти направленіе своего дальнѣйшаго пути. Онъ видитъ солнце, а потому можетъ опредѣлить, гдѣ югъ, гдѣ сѣверъ, видитъ горы, рѣки, и если вдали завидитъ колокольню, означающую близость жилья, то можетъ считать себя спасеннымъ. Онъ поминутно будетъ влѣзать на деревья, чтобы какъ нибудь не потерять прямого направленія и понапрасну не удлинить пути.

Такъ точно долженъ поступать всякій, который считаетъ себя заблудшимъ на жизненномъ пути и который желалъ бы выйти изъ этого положенія. Онъ долженъ призвать на помощь весь запасъ своихъ умственныхъ силъ, напречь свой разумъ, знанія и здравый смыслъ и, затѣмъ, постараться какъ можно болѣе возвыситься надъ своей жизнью, т. е. отрѣшиться на время отъ всякихъ своихъ личныхъ чувствъ, предразсудковъ и привычекъ, не основанныхъ на чистомъ разумѣ, и посмотрѣть на самого себя и на окружающій его міръ философскимъ, незаинтересованнымъ ни въ свои дѣла, ни въ свои поступки—взоромъ, какъ смотрѣлъ бы онъ на дѣла и жизнь посторонняго, совершенно чужого ему человѣка. Но этого всего еще окажется недостаточнымъ, ибо необходимо, чтобы въ этомъ такъ сказать,—таинствѣ, участвовалъ бы весь человѣкъ со всѣми его силами, а потому кромѣ ума онъ дол-

Digitized by Google

женъ напрячь всѣ свои духовныя чувства и способности. Для этого онъ долженъ мысленно приблизиться, насколько у него только хватитъ духовнаго разумѣнія, къ идеямъ высшей правды, справедливости милосердія, добра и любви, молитвенно сосредоточиться и вознестись къ источнику Вѣчной Истины съ горячей молитвой, прося Его о помощи, безъ которой человѣку ничего не дано знать чистаго, свѣтлаго и великаго. Сравнивая въ этомъ настроеніи свою жизнь, поступки, желанія и стремленія съ жизнью лучшихъ людей, уже постигшихъ до нѣкоторой степени цѣль и тайны бытія, возстановивъ въ своей памяти все величіе окружающей его природы, всю премудрость вселенной и всѣхъ міровъ, ее составляющихъ, все безконечное любвеобиліе Творца вселенной, проливающаго дары на все сущее, сотворенное Имъ,—увидѣлъ бы вѣкъ свое собственное положеніе во вселенной и всю его собственную жизнь. Онъ увидѣлъ бы себя мелкимъ, ничтожнымъ, жалкимъ существомъ, потопающимъ въ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ, въ своей пустой и безсодержательной жизни, вѣчно сопровождаемой праздными и никому не нужными желаніями, заботами и хлопотами. Призрачность его будто бы великихъ знаній природы дополнила бы ему картину, обрисовавъ ее еще рельефнѣе, ибо всѣ его знанія, вся наука и все его міровоззрѣніе представились бы ему однимъ сплошнымъ рядомъ заблужденій и микроскопично малы въ сравненіи съ глубиной и обиліемъ великихъ вѣчныхъ истинъ и таинъ бытія, безспорно существующихъ въ мірѣ, которыя всегда при извѣстныхъ условіяхъ и при сильномъ желаніи человѣка открываются и просвѣтляютъ его внутренній міръ, но которыя, безъ соблюденія этихъ условій и безъ сильнаго и настойчиваго съ его стороны желанія, остаются имъ не познанными. Люди ходятъ постоянно и ежедневно кругомъ и около нихъ, не будучи рѣшительно въ состояніи замѣтить и уловить ихъ.

Вотъ эти то впечатлѣнія или, скорѣе, настроенія долженъ ловить человѣкъ, если желаетъ слѣдовать ближайшимъ путемъ къ цѣли своего земного странствованія. Онъ долженъ въ теченіе всей своей жизни почаще возвращаться къ нимъ, и познанія, пріобрѣтенныя этимъ путемъ, долженъ бы былъ начертать неизгладимыми буквами въ своемъ сердцѣ, какъ основу своего мышленія. Передъ каждымъ своимъ поступкомъ онъ долженъ бы справляться съ ними и жить въ томъ расчетѣ, чтобы держаться по возможности ближе къ нимъ. Если обстоятельства заставили бы его отъ нихъ удалиться, онъ всегда долженъ знать то уклоненіе, которое онъ принялъ, чтобы по возможности скорѣе выправить направленіе своей жизни и быть вновь на кратчайшемъ пути къ вѣчнымъ истинамъ и прямой цѣли своей жизни.

При добромъ желаніи у каждаго нашлось бы всегда достаточно умѣнья проанализировать себя въ подобномъ направленіи, ибо Богъ не посылаетъ никому испытаній, превышающихъ его силы. Все дѣло

Digitized by Google

нашего исправленія задерживается всегда нашимъ личнымъ нерадѣніемъ и лѣнью приблизить себя къ истинѣ.

Къ истинѣ приближаются съ разныхъ сторонъ, разными путями; и главная задача знать тѣ пути, которые ведутъ къ ней, для того, чтобы избѣгнуть такихъ крупныхъ абсурдовъ и диссонансовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ разрѣшеніи не какихъ нибудь маловажныхъ вопросовъ нашей жизни, но даже вопросовъ, составляющихъ первую насущную потребность человѣческихъ знаній, а эти вопросы, составляющіе краеугольный камень всѣхъ знаній, остаются до сихъ поръ спорными.

Первый вопросъ подобнаго рода, на который мы укажемъ здѣсь, есть вопросъ *о существованіи Бога*.

Съ одной стороны, мы дѣйствительно видимъ, что людей вѣрующихъ въ Бога значительное большинство; съ другой стороны—мы видимъ людей невѣрующихъ, которыхъ несравненно меньше, чѣмъ вѣрующихъ, но большинство ихъ принадлежитъ къ числу наиболѣе умственно развитыхъ, стоящихъ близко къ очагу познаній и наукѣ, которая имѣетъ тоже атеистическій характеръ.

Человѣкъ ничто не ставитъ такъ высоко, какъ разумъ и науку; и это понятно: разумъ есть высшая способность человѣка, наука же есть лучшій и полезнѣйшій результатъ дѣятельности разума. Если мы не считаемъ науку совсѣмъ непогрѣшимой, то по крайней мѣрѣ мы привыкли думать, что она приближаетъ насъ къ истинѣ настолько, насколько только можетъ высшій людской разумъ приблизить насъ къ ней, и то, что не подтверждается наукой, мы привыкли считать сомнительнымъ.

Наша же современная наука не находитъ необходимымъ допускать присутствіе Божіе во вселенной. Она ведетъ свои изученія природы въ томъ предположеніи, что всѣ явленія природы происходятъ въ силу естественныхъ законовъ необходимости, т. е. признаетъ принципъ автоматически, причемъ, конечно, понятіе о Высшей Волѣ и о Высшемъ Разумѣ, правящими вселенной, становится излишнимъ. Наука обѣщала намъ, что, идя подобнымъ путемъ своихъ изслѣдованій дальше, она рано или поздно раскроетъ намъ всѣ тайны бытія, рѣшительно не измѣняя своихъ основныхъ принциповъ и міровозрѣній. И мы безусловно вѣримъ ей безъ всякой провѣрки, отчасти по привычкѣ вѣрить наукѣ, а отчасти по необходимости, ибо думаемъ всегда, что отдѣльная личность никогда не можетъ дерзнуть провѣрять науку, такъ какъ она составляется изъ корпоративныхъ трудовъ всѣхъ наиболѣе посвященныхъ въ нее людей, обладающихъ высшимъ умственнымъ развитіемъ.

Непризнаніе существованія Бога наукой для насъ равносильно отрицанію. И какъ бы каждый изъ насъ ни вѣровалъ глубоко, отрицаніе наукой Бога поселяетъ въ насъ большое сомнѣніе, и люди вѣрующіе и одновременно съ этимъ занимающіеся наукой, чтобы совсѣмъ

Digitized by Google

не отстать отъ вѣры и при возбужденіи вопроса о существованіи Бога,—вопроса, въ которомъ имъ необходимо принять участіе,—принуждены становиться въ какое то двусмысленное положеніе людей, оправдывающихся послѣ того, какъ ихъ поймали въ какихъ нибудь проступкахъ. Одни говорятъ: „да, я вѣрю, хотя существованіе Бога не можетъ быть доказано разумно". Другіе говорятъ: „по слабости своей организаціи я долженъ вѣровать; это можетъ быть и не разумно но я позволяю себѣ эту роскошь, такъ какъ меня съ молоду пріучили къ тому и это стало моей потребностью". Третьи говорятъ: „Вѣра есть осколокъ необразованности, оставшійся въ насъ въ силу привычекъ еще дѣдовъ и прадѣдовъ и перешедшій къ намъ съ разными другими нелѣпостями, которыя они оставили намъ въ наслѣдство".

Вопросъ о существованіи Бога слишкомъ важенъ въ жизни человѣка, чтобы можно было бы дальше оставлять людей въ недоумѣніи. Ему мы посвящаемъ эту книгу и желали бы, чтобы она разубѣдила хотя нѣкоторыхъ и увѣрила ихъ, что это далеко не традиціонный осколокъ старины и не бездоказательное предположеніе, но вполнѣ неоспоримый доказанный серьезной наукой фактъ.

Второй вопросъ, слѣдующій по своему значенію за первымъ, есть вопросъ *о существованіи души у человѣка.*

Можно ли назвать разумнымъ, что наше интеллигентное человѣчество, подвергая все строгому контролю разума, меньше всего интересуется вопросомъ о томъ, есть ли у него душа или нѣтъ. Вся наука изучаетъ человѣка въ предположеніи, что души въ немъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ такой души, которая отличалась бы чѣмъ нибудь отъ души животныхъ, т. е. какъ называетъ позитивная физіологія: жизненныя свойства матеріи. Трудно понять въ этомъ случаѣ, какое имѣетъ въ себѣ представленіе о душѣ всякій здравомыслящій человѣкъ, который и вѣруетъ въ Бога, значитъ признаетъ въ себѣ душу, и одновременно съ тѣмъ занимается наукой, слѣдовательно отрицаетъ ее. Какой логикой руководствуется онъ? Какимъ образомъ раздваивается его здравый смыслъ, чтобы одновременно при однихъ сужденіяхъ говорить въ положительномъ смыслѣ,—и о томъ же предметѣ при другихъ обстоятельствахъ говорить въ отрицательномъ?

Наконецъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о раздвоеніи въ извѣстныхъ случаяхъ здраваго смысла у людей, считающихъ себя здравомыслящими, мы обратимся къ нашему практическому разуму и жизненному опыту, на которыхъ люди нынѣшняго вѣка останавливаютъ свое главное вниманіе, и спросимъ: какъ не обратятъ они вниманія на то, что практическій смыслъ жизни окончательно мѣняется, — будемъ ли мы думать, что наша земная жизнь имѣетъ окончательный характеръ и что со смертью она уничтожается безвозвратно, или будемъ мы разбирать земную жизнь лишь подготовительной къ будущей загробной. То, что онъ можетъ себѣ позволять въ одномъ случаѣ, того онъ дол-

Digitized by Google

женъ себя лишать въ другомъ; то, что въ первомъ случаѣ ему было бы выгодно дѣлать, то во второмъ было бы опасно.

Разъясненіе этого вопроса читатель найдетъ во второй книгѣ: въ ней также ясно будетъ доказано, что наука должна признать душу въ человѣкѣ, какъ самостоятельный разумный и духовный элементъ его существа, но понятіе это выше средствъ позитивнаго метода, принятаго нынѣ наукой для изученія природы, а потому понятіе о душѣ недоступно ему. Для того, чтобы позитивизмъ когда нибудь, имѣлъ бы возможность изучать отвлеченные вопросы, необходимо капитальное измѣненіе всего строя его и всѣхъ его научныхъ взглядовъ на природу вещей, т. е. нужно его уничтожить и создать новую науку.

Цѣль обоихъ этихъ трудовъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что понятіе о Богѣ и о душѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ числу бездоказательныхъ положеній и основанныхъ лишь на одной вѣрѣ и догадкахъ, но что, совершенно наоборотъ, существованіе Бога доказывается чисто научнымъ путемъ, ибо высшій результатъ знанія и вѣнецъ всякой здравой научной мысли ведетъ каждаго къ признанію Бога Творцемъ міра и Промыслителемъ вселенной.

Укрѣпленіе же въ умахъ интеллигентно-развитыхъ людей понятія о полной доказанности существованія Бога и души въ человѣкѣ должно необыкновенно благотворно отразиться на всей ихъ духовной, разумной жизни. Оно должно разрушить множество сомнѣній, увеличить ихъ кругозоръ, открыть имъ совершенно новый взглядъ на систему міра и дать болѣе правильное направленіе ихъ мысли.

Всѣ религіи стараются развить и укрѣпить въ человѣкѣ вѣру въ Бога; но, идя теологическимъ путемъ мышленія, они дѣйствуютъ главнымъ образомъ на наши духовно-нравственныя силы и внутреннія чувства. Они вполнѣ правы, такъ какъ у большинства людей жизнь внутреннихъ чувствъ преобладаетъ надъ жизнью разума, и то, что они восприняли чувствами, то немедленно принимается ими къ руководству въ ихъ жизни, независимо отъ того, воспринято ли это ихъ разумомъ.

У нормальнаго человѣка мы должны себѣ представить развитіе духовныхъ чувствъ—въ одинаковой мѣрѣ съ разумомъ, но подобные примѣры очень рѣдки.

Характеристика современнаго интеллигентнаго человѣка не такова: онъ подавленъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ исключительно дѣятельностью своего разума въ ущербъ развитію внутреннихъ чувствъ. Истый послѣдователь положительныхъ и раціонныхъ наукъ окончательно не вѣритъ свидѣтельству даже своихъ собственныхъ глазъ, если свидѣтедьство это не оправдывается научными положеніями; онъ отвергаетъ самые достовѣрные факты, имъ самимъ видѣнные, которымъ нѣтъ научныхъ подтвержденій, основанныхъ на научной ло-

Digitized by Google

гикѣ,—до того вѣритъ онъ въ непогрѣшимость науки и своему научному складу разума.

Для подобныхъ людей недостаточно одно теологическое доказательство. Чтобы подѣйствовать на ихъ жизнь и убѣжденія, необходимо дать сперва научныя доказательства, а затѣмъ уже для подкрѣпленія выводовъ разума дѣйствовать на ихъ чувства.

Раскрывая настоящимъ трудомъ передъ ними всю картину исторіи научныхъ знаній, мы думаемъ вполнѣ доказательно выяснить, что истина въ мірѣ одна, что начало ея находится въ Богѣ, что Онъ Одинъ владѣетъ ею всецѣло, а что всѣ знанія, каковы бы они ни были, теологическія или научныя, приближаютъ человѣка къ истинѣ только отчасти, и что наибольшее приближеніе возможно только при условіи, чтобы человѣкъ весь, всѣмъ своимъ существомъ, безраздѣльно стремился къ ней какъ своими духовными чувствами, такъ и разумомъ. Только такое сочетаніе духа съ разумомъ можетъ дать истинную, христіанскую, разумную вѣру, непогрѣшимую руководительницу всѣхъ поступковъ, открывающую лучше всего цѣль жизни, истинное назначеніе человѣка на землѣ и Милосерднаго Бога—Творца вселенной.

Digitized by Google

Digitized by Google

Глава I.

Главное разногласіе.

Еще въ древности мудрецы старались внушить человѣчеству, что самое существенное знаніе и самая трудная наука—есть наука о самомъ человѣкѣ. Они настаивали на этомъ, и увѣковѣчили свое глубокое убѣжденіе слѣдующею надписью на Дельфійскомъ храмѣ: „Познай самого себя".

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Сколько труда было потрачено, чтобы разъяснить мѣсто человѣка въ природѣ и истинное назначеніе его жизни на землѣ. Однако, всѣ вопросы, касающіеся внутренней жизни, остаются и до сихъ поръ не разъясненными. Человѣчество не пришло ни къ какому заключенію, и разногласія въ пониманіяхъ себя и коренного смысла окружающей ихъ природы доходятъ до самыхъ рѣзкихъ противорѣчій.

Въ данномъ случаѣ мы и не думаемъ употреблять слово „человѣчество" въ полномъ и обширномъ его значеніи. Если бы мы стали разбирать всѣхъ людей на земномъ шарѣ, мы встрѣтили бы громадную разницу въ ихъ происхожденіяхъ, рассахъ, организаціяхъ, развитіяхъ, образѣ жизни, вызванныхъ климатами, обычаями и вѣрованіями, и, наконецъ, состояніемъ наукъ и образованности ихъ,—вслѣдствіе чего нельзя было бы и ожидать однообразія мысли и убѣжденій. Но мы хотимъ указать на то, что люди, исповѣдующіе одну и ту же вѣру, послѣдователи одного и того же Христа, черпающіе всѣ свои знанія изъ одного и того же источника, имѣющіе приблизительно одни и тѣ же обычаи, одно и то же умственное развитіе,—расходятся въ самыхъ основныхъ принципахъ и въ самомъ корнѣ пониманія себя и своей природы. Мы до сихъ поръ не знаемъ, что мы такое.—Игра ли мы случая? Слѣдствіе ли движенія атомовъ? Продуктъ ли силъ и способностей, заключа-

Digitized by Google

ющихся въ матеріи? Или, можетъ быть, мы сотворены? Подчинены чужой волѣ? Для чего же сдѣлались мы послушными ея исполнителями? Имѣемъ ли мы свою собственную волю? Можемъ ли мы располагать своими поступками? Имѣемъ ли мы самостоятельную личность, или это все намъ только кажется? Все это, можетъ быть, сумма нашихъ собственныхъ жизненныхъ ощущеній, которыя прекращаются и пропадаютъ вмѣстѣ съ жизнью нашего тѣла? Съ другой стороны—эта личность—наше „я“ не должно-ли пропадать послѣ нашей смерти? Мы это чувствуемъ, мы сознаемъ, но, однако, куда все это дѣвается? Во что преобразовывается то, что̀ въ насъ чувствовало, стремилось и думало? Что это за проблески свободной воли, которые мы такъ ясно въ себѣ ощущаемъ? Что это за проявленіе ума, силы слова, стойкости убѣжденій, дающихъ намъ несомнѣнныя преимущества передъ всѣми тварями земли, и которыя позволяютъ намъ господствовать надъ ними? Почему мы господствуемъ и приспособляемъ всю природу и весь земной шаръ подъ свои потребности? Имѣемъ ли мы на это право? Можетъ быть человѣкъ есть въ самомъ дѣлѣ независимый царь природы и единственный властелинъ вселенной? Можетъ быть онъ рано или поздно силой своего ума и воли покорить не только одну землю и всѣ на ней находящіяся силы и стихіи, но и другія небесныя тѣла, и само солнце преклонится предъ всесильной волей его? Или мы полное ничтожество, незамѣтная инфузорія, для вселенной? Если мы ни то, и ни другое, то что мы именно? Что такое человѣкъ? Гдѣ же, наконецъ, мѣсто его въ природѣ?

Чѣмъ болѣе совершенствуется общество, тѣмъ логичнѣе относится оно къ своимъ знаніямъ и предъявляетъ къ нимъ несравненно бо́льшія требованія. Отдѣлываясь мало-по-малу отъ всякой рутины научныхъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей всякаго рода, оно перестаетъ удовлетворяться однимъ поверхностнымъ изученіемъ природы, но требуетъ болѣе глубокаго взгляда, могущаго выяснить внутренній смыслъ явленій и фактовъ, ихъ происхожденіе, причину и сущность; а потому все чаще и чаще встрѣчается необходимость касаться подобнаго рода вопросовъ. Но гдѣ искать отвѣта на нихъ?

Адепты науки, конечно, обращаются къ своей наукѣ для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній. Они подвергаютъ всѣ мнѣнія, мысли и ощущенія неумолимой оцѣнкѣ позитивныхъ наукъ и анализируютъ ихъ, не отступая отъ ихъ общепринятыхъ правилъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ позитивизма въ наукѣ является потребность относиться ко всему скептически и съ недовѣріемъ, даже къ свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, если они не могутъ быть подтверждены или выяснены научнымъ

Digitized by Google

опытомъ и если они не поддаются мѣрѣ, вѣсу и другимъ положительнымъ и неоспоримымъ мѣрамъ или доказательствамъ.

Этотъ самый обычный пріемъ или взглядъ положительныхъ и матеріалистическихъ наукъ, который наши учителя стараются развить и укоренить въ насъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Этотъ взглядъ какъ бы сродняется съ нами, проникаетъ во всѣ отправленія разума, и мы до такой степени привыкаемъ къ нему, что готовы отвергать факты, даже существующіе, или, по крайней мѣрѣ, готовы оспаривать ихъ достовѣрность, если они не поддаются научному анализу и принципамъ позитивизма.

Съ другой стороны и у каждаго человѣка есть врожденное чувство почитанія Божества. Мы всѣ рождаемся съ задатками вѣры, чувствуемъ и сознаемъ свою духовную или нравственную сторону. Этимъ человѣкъ отличается отъ животнаго. Животное тоже живетъ и тоже умираетъ, но оно не знаетъ ни своей жизни, ни своей смерти, оно не думаетъ и не соображаетъ, оно просто живетъ и чувствуетъ. Человѣкъ отчетливо сознаетъ свое существованіе; постоянно видя смерть на другихъ и представляя себя въ такомъ же состояніи, онъ невольно задумывается и предается потоку мыслей, исходящихъ изъ самой глубины сердца, вызывающихъ самыя разнообразныя ощущенія.

Въ эти минуты всѣ чувства его не только не находятъ ни малѣйшаго отголоска въ наукѣ, но, напротивъ, они окончательно противорѣчатъ всѣмъ даннымъ ея. Несмотря на все наше уваженіе къ наукѣ, на привычку всюду слѣдовать и всегда преклоняться передъ ней, какой-то внутренній голосъ или какое-то безотчетное влеченіе заставляетъ насъ въ эти минуты совершенно отказываться отъ нея, отчетливо сознавать всю ея пустоту и ничтожество, въ сравненіи съ глубиной и полнотой волнующихъ насъ чувствъ, удаляющихъ насъ отъ всего житейскаго, вещественнаго и матеріальнаго.

Если же въ такомъ состояніи находится большинство людей, стоящихъ у одра умирающаго, то что могли бы мы сказать о самомъ умирающемъ въ полномъ сознаніи и памяти? Какія чувства и представленія заполняютъ послѣднія минуты его жизни? Какія мысли роятся въ его головѣ? Многочисленные примѣры показываютъ, что всѣ люди умираютъ съ однимъ и тѣмъ же убѣжденіемъ будущаго и безконечнаго бытія. Въ эти минуты человѣкъ не допускаетъ и мысли, чтобы его личность пропадала безслѣдно; онъ чувствуетъ, что существованіе его не кончается, что смерть есть только слѣдствіе слабой организаціи его, но что духъ его остается здоровъ и бодръ. Мы видимъ самыхъ ярыхъ атеистовъ, которые еще наканунѣ смерти отдали бы голову на отсѣченіе, что все существо ихъ ничего,

Digitized by Google

кромѣ игры атомовъ, въ себѣ не заключаетъ, но которые въ торжественныя минуты смерти смирялись, признавали свои заблужденія, плакали, какъ дѣти, и прибѣгали къ помощи Бога. Такъ созданъ человѣкъ! Люди упорные, съ сильнымъ характеромъ, бываютъ въ состояніи удержаться отъ подобныхъ нарушеній атеистическаго принципа, который они преслѣдовали въ теченіе всей ихъ жизни. Они бываютъ въ состояніи даже во время своего смертнаго часа, идя противъ своей природы, заглушить въ себѣ внутренній голосъ насмѣшками и остротами, направленными на самихъ себя, на вѣрующихъ и даже на самого Бога. Подобныя смерти оставляютъ всегда впечатлѣніе полнѣйшаго разлада всѣхъ внутреннихъ чувствъ и ощущеній съ внѣшними дѣйствіями человѣка.

Мы съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкаемъ безмолвно уважать и безпрекословно слѣдовать за своей наукой, мы вполнѣ убѣждены, что только черезъ нее мы можемъ получить знанія. Мы черезъ нее ищемъ одного доказаннаго, непреложно-вѣрнаго,—всего, умственно возвышающаго насъ надъ окружающей природой и тварями.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ массу настроенныхъ церквей; милліоны молящагося въ нихъ народа; пастырей церкви, проповѣдующихъ однѣ прекрасныя истины, смыслъ и глубина которыхъ поражаетъ насъ. Но это не тѣ истины, это не тотъ пріемъ, не тѣ начала, что даетъ наука, а потому онѣ чужды нашему пониманію. Мысли эти такъ рѣзко противоположны всему тому, что усваивалось нами съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря нашей наукѣ. Пастыри церкви говорятъ, что видимый міръ созданъ Богомъ, что все, что живетъ, есть твореніе Его всесильной Воли, что мы сами живемъ для будущей жизни, что мы будемъ и послѣ смерти жить, только въ другой формѣ, въ другомъ мѣстѣ.

Но наша наука ничего подобнаго намъ не указываетъ. Матеріалисты убѣждены, что отлично объясняютъ всѣ явленія естественными законами природы, безъ всякаго участія Высшаго Разума. Они вполнѣ удовлетворяются своимъ міровоззрѣніемъ, которое рѣшительно не нуждается въ присутствіи Божіемъ во вселенной. Ихъ физика, химія, физіологія, анатомія, космогонія и т. д. не нуждаются для полнаго выясненія всѣхъ необходимымъ положеній, ни въ какихъ отвлеченіяхъ, и все, что ихъ интересуетъ въ природѣ, они объясняютъ одинаково для себя отчетливо и опредѣленно.

Далѣе мы видимъ, что во главѣ ученія Церкви стоятъ люди безупречные, посвятившіе человѣчеству всю жизнь, съ полнымъ убѣжденіемъ, съ полной готовностью на все доброе и на всякія

Digitized by Google

самопожертвованія. Они ставятъ свои убѣжденія и свои воззрѣнія выше своего покоя, выше своего тщеславія и своей личности.

Съ другой стороны, мы видимъ тружениковъ науки не менѣе преданными своему дѣлу. Они своими собственными силами выработали все, чѣмъ только обладаетъ наука, начиная отъ азбуки и таблицы умноженія. Они съ полнымъ рвеніемъ старались выяснить себѣ всѣ явленія и открыли множество законовъ природы; всѣ успѣхи науки слагались черезъ усиленные труды людей, которые относились всегда въ высшей степени ревностно къ своему дѣлу. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ добромъ желаніи каждаго изъ нихъ къ отысканію истины и тѣмъ способствовать благу человѣчества, — но мы совершенно то-же должны сказать и объ Отцахъ Церкви.

Отъ этого недоразумѣніе не устраняется, а, напротивъ, затрудненія только усложняются и растутъ. Мы говоримъ: истина одна въ мірѣ, двухъ противорѣчащихъ истинъ допустить мы не можемъ, а подавно такихъ, которыя по своему смыслу діаметрально противоположны одна другой, а именно: 1) *что Богъ есть, и Онъ—начало всего;* 2) *Бога нѣтъ, матерія господствуетъ и сама производитъ все.*

Вотъ какая неимовѣрная пропасть установилась между этими двумя ученіями. Эта пропасть имѣетъ свое начало съ того самаго момента, какъ наука стала самостоятельною отъ Церкви. По мѣрѣ того, какъ наука крѣпла, эта пропасть нѣсколько разъ съуживалась, потомъ опять увеличивалась, и образованное человѣчество, мало-по-малу, совсѣмъ перестало интересоваться вопросами вѣры.

Люди до того сжились и привыкли къ этой пропасти, къ этому неизмѣримому пространству, раздѣляющему ученія Церкви отъ данныхъ науки, что считаютъ это совершенно нормальнымъ явленіемъ. Мы можемъ указать на множество людей, которые въ жизни преданные христіане, вѣруютъ въ Бога и исповѣдуютъ самымъ ревностнымъ образомъ свою религію, исполняя безпрекословно всѣ ея обрядности, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вопросахъ науки придерживаются крайняго матеріализма, со всѣми его послѣдствіями, ведущими къ атеизму въ наукѣ, а, слѣдовательно, къ полному отрицанію всего духовнаго и невидимаго, всего разумнаго и волевого въ природѣ.

Кто возьмется объяснить это чрезвычайно типичное разнорѣчіе въ пониманіи вещей, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ принять основными принципами всѣхъ своихъ убѣжденій въ жизни два совершенно противоположныя, по своему существу, понятія? Онъ какъ будто чувствами своими воспринялъ

Digitized by Google

и усвоилъ одно ученье, а разумомъ — другое, ему противорѣчащее. И это не только у людей нашего вѣка, но было и во всѣ времена исторіи науки; напримѣръ, родоначальникъ европейскаго атеизма Гессенди былъ настоятелемъ ортодоксальнаго католическаго монастыря въ Диньи, приверженецъ короля, епископской господствующей церкви и самымъ ревностнымъ католикомъ. Лордъ Бэконъ Веруламскій, второй виновникъ распространившагося атеизма, былъ не только вѣрующимъ, и человѣкомъ, имѣющимъ правильное понятіе о Богѣ,—онъ былъ въ высшей степени набожнымъ и даже суевѣрнымъ, ибо лечилъ заговоромъ бородавки, мозоли и зубы, и вѣрилъ во все чудесное и сверхъестественное. Эпикуръ, представитель атеистовъ древности, также вѣрилъ въ своихъ боговъ, строго исполнялъ всѣ обрядности своей языческой религіи и самымъ аккуратнымъ образомъ приносилъ жертвы своимъ богамъ.

Если мы находимъ такое разнообразіе убѣжденій въ одномъ и томъ же, и притомъ вполнѣ образованномъ и разумномъ человѣкѣ,—что нашли бы мы, если бы стали разбирать взгляды цѣлаго общества?—Разнорѣчіямъ, конечно, нѣтъ конца и они, дѣйствительно, доходятъ до неимовѣрныхъ предѣловъ: что признаетъ одинъ, то отвергаетъ другой, и всякій старается сослаться на свою науку и найти въ ней оправданіе своего матеріалистическаго и атеистическаго міровоззрѣнія.

Вопросъ о томъ, есть-ли Богъ въ природѣ или ничего подобнаго нѣтъ, и все это вымыселъ и заблужденіе,—слишкомъ важенъ и серьезенъ для каждаго человѣка, желающаго правильно смотрѣть на природу вещей, чтобы въ жизни своей дѣлать по возможности меньше ошибокъ, ибо онъ составляетъ основу всякой логической мысли. Вопросъ о существованіи Бога составляетъ краеугольный камень всѣхъ знаній и долженъ бы быть первой и главной посылкой всякаго логическаго міровоззрѣнія, а между тѣмъ наукой онъ совершенно не выясненъ.

Если доказано, что Бога нѣтъ, зачѣмъ же люди вѣрятъ въ Него и молятся Ему, зачѣмъ строятъ церкви, зачѣмъ самовольно лишаютъ себя земныхъ благъ, преслѣдуя какія-то вѣчныя истины, надѣясь на загробную жизнь и на будущее безконечное блаженство? Если-же признано, что Богъ есть, если неоспоримъ фактъ, что Разумная Воля правитъ Вселенной, а не безсмысленные атомы сами управляются собой, то вѣдь надо серьёзно обдумать все связывающее насъ лично съ этимъ вопросомъ и всю постановку нашихъ научныхъ основъ, дающихъ камертонъ всей разумной сторонѣ нашей жизни. И оказалось бы, что надо во многомъ исправить нашу современную атеистическую науку.

Digitized by Google

Въ такомъ случаѣ наука безспорно упростилась бы во многихъ отношеніяхъ и приняла бы совершенно другой характеръ: изъ односторонней и сухой она превратилась бы въ великую, возвышенную и божественную науку, что болѣе приличествовало бы истинному и святому ея назначенію.

Но адепты положительныхъ наукъ протестуютъ заранѣе и не допускаютъ подобнаго строя или характера въ наукахъ. Придерживаясь позитивной философіи Огюста Конта, они говорятъ, что каждая отдѣльная мысль и каждый классъ человѣческой идеи проходятъ черезъ три фазиса мышленія: въ младенческомъ состояніи мысль—теологическая, затѣмъ переходитъ въ метафизическую, и вѣнецъ знаній долженъ имѣть мысль положительную.

Въ первомъ періодѣ человѣкъ объясняетъ явленія природы какимъ-нибудь произвольнымъ образомъ, на основаніи предполагаемыхъ имъ аналогій. Недостатокъ его знаній заставляетъ его смотрѣть на природу, какъ на арену произвола и минутныхъ прихотей верховныхъ существъ, гдѣ разыгрываются самыя разнообразныя и измѣнчивыя роли. Необыкновенныя случайности наводятъ на людей страхъ, и они принуждены объяснять ихъ какими-нибудь чудесами.

Во второмъ періодѣ, въ метафизическомъ, замѣчается несравненно большая состоятельность *разума;* человѣкъ начинаетъ требовать для объясненія явленій какихъ-нибудь апріорностей, прирожденныхъ способностей и свойствъ, переходитъ на *сущности* и, на основаніи замѣченнаго имъ *постоянства* въ явленіяхъ, приходитъ къ заключенію, что они совершаются не вслѣдствіе какого-нибудь *вмѣшательства* со стороны внѣшняго существа, но вытекаютъ изъ свойства самихъ вещей.

Въ третьемъ періодѣ, въ позитивномъ, человѣкъ объясняетъ явленія природы раскрытыми ему законами, основанными на очевидной и безспорной достовѣрности и имѣющими свое оправданіе въ долговременныхъ и тщательныхъ вѣковыхъ изслѣдованіяхъ. Законы эти не только доказательны для разума, но и согласны съ дѣйствительностью, такъ какъ отличительный характеръ науки заключается въ томъ, что она постигаетъ явленія природы и предвидитъ ихъ. Наука есть предвидѣніе. Достовѣрность есть ея основа и ея слава.

Ссылаясь на эту классификацію знаній, адепты науки, считая себя въ третьемъ періодѣ развитія мысли, какъ болѣе близко стоящіе къ источнику разума и познанія, не удивляются, что всѣ прочіе, менѣе образованные люди, чѣмъ они сами, находятся еще въ первомъ фасисѣ развитія, а потому вѣрятъ еще въ Бога и поклоняются ему. Несмотря на глубокую увѣрен-

Digitized by Google

ность, съ которою Огюстъ Контъ и его послѣдователи относятся къ этой классификаціи, она возбуждала цѣлые потоки опроверженій. Очевидно, что подобный взглядъ на цивилизацію не вѣренъ. Напримѣръ, Гизо, болѣе Конта свѣдущій въ историческихъ фактахъ и болѣе его наблюдательный, совершенно противоположнаго мнѣнія. „Невозможно, — говоритъ онъ, — искажать сильнѣе исторію человѣка и міра. То, что Контъ признаетъ тремя послѣдовательными періодами жизни рода человѣческаго, не что иное, какъ полное и постоянное состояніе человѣчества. Изученіе физическаго міра, теологическія воззрѣнія и метафизическіе выводы далеко не обладаютъ положительнымъ значеніемъ. Различные взгляды и труды — необходимая принадлежность человѣческой натуры. Никогда и ни въ какой странѣ люди не переставали и не перестанутъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, также какъ не перестанутъ заниматься изученіемъ физическаго міра для удовлетворенія своихъ нуждъ. Народы и вѣка имѣютъ различныя нравственныя направленія; религіозная вѣра, метафизическое воззрѣніе и научное любопытство болѣе или менѣе продолжительны и развиваются то одиночно, то вмѣстѣ“ (Méditations sur la religion chrétiynne, tome II, page 285).

Люди, вѣрующіе въ Бога, положительно возмущаются подобной классификаціей и говорятъ: чтобы составить такую классификацію, надо абсолютно исказить дѣйствительность и не видѣть фактовъ и существующаго порядка вещей въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Можно было бы признать эту классификацію вѣрной только въ такомъ случаѣ, если бы дѣйствительно атеизмъ и матеріализмъ какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ государствахъ возростали пропорціонально знаніямъ, образованію и развитію людей. Если бы мы могли видѣть, что чѣмъ отдѣльная личность или чѣмъ цѣлое государство болѣе развито, обладаетъ болѣе обширными знаніями, чѣмъ выше поставлены его культъ и интеллектуальность, то тѣмъ и понятіе ихъ о Богѣ и о религіи слабѣе. Но вѣдь этого рѣшительно нѣтъ—это крупное заблужденіе.

– Обратите вниманіе на два государства, считающіяся самыми образованными въ мірѣ, на Англію и на Америку; тамъ атеизма рѣшительно нѣтъ и никогда не было ни въ народѣ, ни въ ученыхъ кружкахъ, ни въ обществахъ. Если бы конечный результатъ научныхъ знаній и интеллектуальнаго развитія доводилъ до атеизма, то его надо было бы искать въ этихъ государствахъ, и какъ разъ его тамъ нѣтъ.

Въ Англіи, говоритъ профессоръ М. П. Погодинъ, матеріализмъ XVII столѣтія принесъ даже нѣкоторую пользу, —

Digitized by Google

онъ значительно умѣрилъ господствовавшій тамъ сильнѣйшій клерикальный педантизмъ и, такимъ образомъ, установилъ болѣе правильный взглядъ на науку и искусство, вслѣдствіе чего сдѣлалъ образованіе доступнѣе для всѣхъ классовъ народа. Въ особенности выиграло отъ этого бѣдное населеніе, ибо оно заставило обратить на себя вниманіе аристократіи, что несомнѣнно отразилось благопріятно на увеличеніи ихъ торговли и промышленности. Матеріализмъ XVIII и XIX столѣтій рѣшительно не имѣлъ успѣха въ Англіи.

Атеизмъ и матеріализмъ господствовали въ Германіи и во Франціи въ срединѣ и въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Вотъ когда, какъ показываетъ исторія, онъ поглощалъ всю образованную публику, всѣ ученыя общества и университеты. Но съ тѣхъ поръ это міровоззрѣніе, съ усиленіемъ образованія и возвышеніемъ общаго уровня развитія, уменьшается и понемногу пропадаетъ.

Во Франціи вообще относились всегда безразлично къ вопросамъ вѣры. Тамъ никогда не было ни глубокой и педантичной вѣры, какую можно встрѣтить, напримѣръ, въ Англіи, ни абсолютнаго отрицанія. Французскій народъ всегда отличался своимъ легкимъ, фривольнымъ характеромъ; онъ вѣритъ и не вѣритъ въ одно и то же время, ибо это не составляетъ сущности его убѣжденій; у него отъ вѣры до безвѣрія одинъ только шагъ, переступить который онъ не задумается, лишь бы это соотвѣтствовало его настоящему настроенію и удовлетворяло его желаніямъ и страстямъ. Атеизмъ же въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ никогда не былъ модным вѣяніемъ Франціи.

Въ настоящее время въ Германіи атеизма въ обществѣ совсѣмъ нѣтъ; въ ученыхъ кружкахъ и у профессоровъ онъ большая рѣдкость, остался онъ еще у студентовъ. Въ Германіи народъ всегда стоялъ близко къ европейскимъ ученымъ, которые работаютъ и оглашаютъ свои труды, за которыми каждый слѣдитъ, совершенно разумно и добросовѣстно разбираетъ ихъ, исправляетъ ихъ ошибки, отвергаетъ или принимаетъ ихъ ученія. Тамъ каждый имѣетъ возможность доходить до сомнѣній и отрицаній строго осмысленнымъ и научнымъ путемъ,—путемъ анализа, критики и свободнымъ обмѣномъ мысли. Занимаясь свободно, легко и непринужденно, дойдя иногда даже до края бездны атеизма, онъ всегда имѣетъ возможность, рано или поздно, опомниться, одуматься и выбраться на истинную дорогу. Тамъ, разгульные студенты, откутивъ положенное время, дѣлаются строгими лютеранскими пасторами;—а наши, русскіе учителя, а тѣмъ болѣе ученики, находятся гораздо дальше

Digitized by Google

отъ центровъ образованія, поэтому и знанія ихъ болѣе поверхностны и достаются имъ гораздо труднѣе. Въ Западной Европѣ, говоря вообще, вмѣстѣ съ матеріализмомъ проникаетъ въ народъ сперва образованіе, а затѣмъ уже немного атеизма; у насъ же это дѣлается наоборотъ: матеріализмъ поселяетъ гораздо больше атеизма, чѣмъ просвѣщенія.

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ профессоромъ М. П. Погодинымъ, который говоритъ, что ни въ одной странѣ подобный матеріализмъ не отражается такъ пагубно на нравственное состояніе полуобразованнаго люда, какъ у насъ въ Россіи, и если матеріализмъ всегда оспаривался и возбуждалъ сильнѣйшіе протесты въ Западной Европѣ, то тѣмъ болѣе это должно относиться до насъ, при сравнительно низшемъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго культа и при чрезвычайной воспріимчивости и впечатлительности, свойственной характеру нашего молодаго и только-что возрождающагося народа. Теперь въ девятнадцатомъ столѣтіи происходитъ у насъ въ Россіи то же, что было во Франціи и въ Германіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, т. е. сто лѣтъ назадъ. Образованная публика не убѣждена въ логичности своихъ религіозныхъ воззрѣній и, не умѣя совмѣстить требованія церкви съ практикой своей жизни, охотно примыкаетъ къ болѣе простѣйшему міровоззрѣнію и модному вѣянію, просто отрицаетъ то, чего не понимаетъ, и обходитъ молчаніемъ или всѣми силами маскируетъ то, чего не знаетъ, считая позорнымъ въ обществѣ выказать свое незнаніе или непониманіе чего-нибудь.

Кромѣ того, русская литература не очень заботится о народной пользѣ, она бѣдна, однообразна, малодоступна для большинства и всегда потворствуетъ господствующимъ вкусамъ и модѣ времени, чѣмъ еще больше разжигаетъ страсти и укореняетъ каждаго въ его порокахъ, страстяхъ и въ его фальшивыхъ взглядахъ. У насъ не публика слѣдитъ за литературой, не литература ведетъ публику по пути прогресса, но литература старается лишь поддакивать публикѣ и угодить ея вкусамъ и желаніямъ. При этихъ условіяхъ, если кому-нибудь и удастся отрезвиться, онъ оказывается совершенно безпомощнымъ и положительно не знаетъ какимъ образомъ оправиться, гдѣ почерпнуть данныя, могущія сколько-нибудь направить его новый взглядъ, соотвѣтствующій тому настроенію, которое пріобрѣтено имъ, какъ слѣдствіе разбитой жизни и полнаго разлада внутреннихъ чувствъ съ привычками ума; и умираютъ они, какъ выражается профессоръ М. П. Погодинъ, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ.

Digitized by Google

Въ Россіи между профессорами университетовъ и академій атеисты встрѣчаются рѣже, чѣмъ между учителями школъ и гимназій, и гораздо большій процентъ ихъ найдется между самыми обучающимися. Наибольшее число закоренѣлыхъ атеистовъ безспорно находится между людьми, не имѣвшими достаточно умственныхъ силъ окончить университетъ или другія высшія учебныя заведенія.

Было бы совершенно понятно, если бы люди одной какой-нибудь школы или какой-нибудь одной отрасли знанія дѣлались повально атеистами; тогда, конечно, можно было бы сказать, что ученіе этой отрасли знанія ведетъ къ атеизму; напримѣръ, если можно было бы усмотрѣть, что люди, изучившіе естественныя науки или медицину, или вообще тѣ научные предметы, которые занимаются строеніемъ человѣка и животныхъ или ихъ происхожденіемъ, или тѣ, которые указывали хотя бы косвенно на то, что такое жизнь, въ чемъ заключается сущность ея и причины возникновенія матеріальнаго міра,— дѣлались бы всѣ повально атеистами, но этого мы рѣшительно не видимъ; напримѣръ, между студентами медиками и естественниками столько же атеистовъ, сколько между студентами филологами, юристами и математиками, наука которыхъ рѣшительно не имѣетъ соприкосновенія ни съ чѣмъ, что могло бы хотя косвенно имъ доказывать и опровергать существованіе Бога. Наука ихъ не имѣетъ ничего общаго ни съ религіей, ни съ чѣмъ-либо духовнымъ и, казалось бы, не могла никакимъ образомъ вліять на ихъ религіозныя убѣжденія, а въ дѣйствительности она оставляетъ за собой безвѣріе.

Совершенно то же мы увидимъ, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, между техниками и инженерами.

Наконецъ, атеизмъ можемъ мы встрѣтить между коммерсантами, биржевыми дѣятелями, торговцами, чиновниками, разночинцами разнаго рода, и положительно надо удивляться— изъ какихъ такихъ особенныхъ познаній могли они почерпнуть свое безвѣріе? Знанія ихъ вообще небольшія, то, что они знаютъ,—знаютъ поверхностно, неосновательно, отрывочно и безъ всякой послѣдовательности; вопросами вѣры также они никогда не занимались, а при каждомъ удобномъ случаѣ съ величайшею готовностью высказываютъ крайнія мнѣнія самой авторитетной оппозиціи.

Фактъ давно доказанный, что представители истинныхъ высокихъ знаній во всѣхъ странахъ міра, адепты чистаго идеальнаго человѣческаго разума, которыхъ Эммануилъ Кантъ въ своихъ философіяхъ такъ справедливо противопоставляетъ практическому разуму, люди, увѣнчавшіе себя пальмами пер-

Digitized by Google

венства міровыхъ открытій въ научномъ мірѣ и дѣйствительно способствовавшіе общему прогрессу науки,—были всѣ людьми, глубоко вѣрующими въ Бога и въ загробную жизнь. Ньютонъ никогда не позволялъ себѣ произносить имя Бога, *не снявъ предварительно шапки*, и чѣмъ выше было пониманіе природы, тѣмъ и глубже была вѣра каждаго ученаго, ибо передъ нимъ все шире и глубже открывалась необъятная и безпредѣльная премудрость Божія, передъ которою приходилось только преклоняться и смиряться.

Доказательство тому мы увидимъ ниже.

Digitized by Google

Глава II.

Міровоззрѣніе ученыхъ.

Истинные ученые относились всегда очень осторожно ко всякаго рода отрицаніямъ, а тѣмъ болѣе—къ отрицанію Бога. Они всегда понимали, что прямая обязанность и назначеніе науки заключается въ томъ, чтобы искать и доискиваться объясненій именно всего непонятнаго для нея. Всѣ факты и явленія, какъ ни казались бы на первый взглядъ загадочными и чудесными, не могутъ быть отвергнуты наукой; было бы совершеннѣйшимъ отступленіемъ отъ самаго кореннаго назначенія науки отрицать неразъясненный фактъ или отвергать непонятное явленіе, ибо въ концѣ концовъ, рано или поздно, всѣ они должны получить свое научное разъясненіе, становясь такимъ образомъ совершенно ясными *данностями* науки.

Лейбницъ прямо предостерегаетъ каждаго отъ ошибокъ отрицанія. Онъ говоритъ: „Я всегда находилъ, что большая часть ученій оказывались справедливы въ томъ, что они утверждали, и почти всегда ошибались въ томъ, что они отрицали", т. е. въ томъ, что они признавали нелѣпымъ. Въ этихъ простыхъ словахъ ясно проглядываетъ то всеобъемлющее глубокомысліе, вслѣдствіе котораго Лейбницъ отдѣляетъ великихъ мыслителей и людей дѣйствительно преданныхъ наукѣ отъ диллетантовъ и полуобразованной толпы. Обыкновенно принято судить обратно: умными людьми называть тѣхъ, которымъ нравится отрицаніе, которые во всемъ съумѣютъ найти смѣшную сторону, которые все бранятъ, ничего не одобряютъ, а только отрицаютъ. Эти личности вполнѣ упускаютъ изъ вида, что каждое утвержденіе—можетъ быть не совсѣмъ точное или даже совершенно ошибочное,—есть все-таки продуктъ мысли или изслѣдованія, имѣющій все-таки какое-нибудь основаніе, тогда какъ простое отрицаніе, безъ серьезнаго и основательнаго опроверженія, является всегда продуктомъ незнанія и непониманія.

Digitized by Google

Истинная наука никогда не высказывалась въ смыслѣ отрицанія Бога; такого примѣра никто намъ указать не можетъ, ибо его никогда не было. Напротивъ, чѣмъ глубже знанія человѣка, тѣмъ опредѣленнѣе его понятія о познаніи Божества; въ этомъ смыслѣ высказывались, по крайней мѣрѣ, многіе ученые, и даже Ньютонъ сказалъ: „Чѣмъ дальше человѣкъ проникаетъ тайны природы, тѣмъ яснѣе передъ нимъ открывается Единство Предвѣчнаго плана".

Если бы истинное глубокое изученіе науки доводило до отрицанія Бога, то всѣ высшіе и лучшіе представители науки, или, всѣ, такъ сказать, столпы человѣческихъ знаній, были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми рьяными атеистами; но этого нѣтъ,—они оказываются глубоковѣрующими людьми, всѣ признавая истиннаго Бога Творцемъ Вселенной и Руководителемъ всего сущаго.

Для большей наглядности приведемъ ихъ подлинныя выраженія:

1) **Анаксагоръ** первый въ философіи высказалъ противоположность между чувственно-ощущаемой матеріей и разумнымъ Духомъ. Онъ училъ, что изъ покойнаго, хаотическаго состоянія, въ которомъ находились сначала оміомеріи (однородныя частицы вродѣ атомовъ), онѣ перешли къ движенію не вслѣдствіе необходимости, какъ училъ Эмпедоклъ, а по волѣ Управляющаго міромъ, Духа, находящагося внѣ міра (Истор. философіи Бауера).

2) **Сократъ** заключилъ свою знаменитую рѣчь, произнесенную имъ послѣ объявленія ему смертнаго приговора, слѣдующими словами: „Теперь намъ пора разстаться, мнѣ—чтобы умереть, вамъ—чтобы жить; но кого изъ насъ ожидаетъ лучшая доля,—это неизвѣстно никому, кромѣ Бога" (Апологія Сократа).

3) **Платонъ** доказывалъ, что понятіе о существованіи Бога присуще каждому человѣку и что оно волнуетъ и увлекаетъ наши души сознаніемъ нашего сродства съ Нимъ. „Богъ,—говоритъ онъ,—есть Единое Существо, обнимающее всѣ другія и заключающее въ себѣ причину всего, что существуетъ на небѣ и на землѣ. Богъ есть высшая идея". Съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на космогонію Платона, примемъ ли мы, что Богъ создалъ Идею, или что Онъ только преобразовалъ безформенную матерію по образцу идей,—въ обоихъ случахъ, по ученію Платона, Богъ есть высшая Идея всякаго бытія, Онъ есть Великій Разумъ, Источникъ всякаго разума,—Солнце, свѣтомъ Котораго озаренъ міръ. Богъ есть совершенство, Онъ всегда одинаковъ, Ему чужда зависть, и Онъ всегда желаетъ только хорошаго. Познать Бога въ совершенствѣ невозможно для смертныхъ, можно имѣть только приблизительное

Digitized by Google

понятіе о Немъ, или о томъ, съ чѣмъ Онъ представляетъ сродство. Онъ долженъ быть добрымъ, потому что доволенъ Собою, равнымъ образомъ и міръ долженъ быть прекрасенъ, потому что созданъ Имъ. Но почему Богъ создалъ міръ? Потому что Богъ чуждъ зависти и желаетъ, чтобы все какъ можно болѣе походило на Него; въ виду этого, Онъ убѣдилъ Необходимость сдѣлаться постоянной и гармоничной и дать преобразовать себя по совершенному образцу. Убѣдилъ—это выраженіе Платона. Согласно его воззрѣнію, существуютъ два вѣчныхъ принципа. Разумъ и Необходимость, изъ смѣшенія которыхъ произошелъ міръ, но Разумъ убѣдилъ Необходимость дать себя преобразовать по совершенному образцу. Приводя въ порядокъ хаосъ, Богъ обратилъ его въ Красоту (Льюисъ, т. I, стр. 215).

4) **Плутархъ**. „Обойдите землю, вы найдете много городовъ безъ стѣнъ, безъ письменности, безъ царей, безъ искусствъ быть можетъ, но никогда и нигдѣ не найдете города, въ которомъ бы не было храмовъ и боговъ, гдѣ бы не приносились жертвы и мольбы, гдѣ бы не было въ употребленіи клятвъ и оракула, гдѣ бы не старались предотвращать бѣдствія священными жертвами. Думается мнѣ, что легче построить городъ на воздухѣ, нежели допустить, что безъ мысли о богѣ возможно было возникновеніе и существованіе обществъ".

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ Плутархъ говоритъ, что міръ созданъ богами, ибо міръ прекраснѣе всѣхъ твореній, а богъ—совершеннѣйшая изъ всѣхъ причинъ. Субстанція же или матерія, изъ которой міръ созданъ—она не рождена, она изъвѣчна находится въ подчиненіи и распоряженіи художника міра, уподобляясь, на сколько это возможно, ему самому и формируясь по его велѣнію. Міръ созданъ не изъ ничтожества, а изъ того, что было непрекрасно, неправильно, несовершенно: такъ созидается домъ, строится одежда, такъ высѣкается статуя, и такое мнѣніе въ древности почти было всеобщимъ.

5) **Овидій** въ своихъ „превращеніяхъ" о единствѣ божества учитъ, что послѣ творенія міра послѣдовало твореніе боговъ и все это было не случайность, не безсмысленное сочетаніе матеріи, а все было единственно произведено волею единаго вѣчнаго, верховнаго бога; всѣ области міра имъ-же населены соотвѣтственными живыми существами: море наполнилось рыбами, земля—животными и людьми, а небо—богами. Человѣкъ-же созданъ верховнымъ богомъ.

6) Ученый грекъ **Клеантъ** въ своемъ гимнѣ Юпитеру писалъ: „Исключая дѣлъ, совершаемыхъ въ своемъ безуміи нечестивыми, ничто на землѣ не совершается безъ тебя, о Боже!".

Digitized by Google

7) **Софоклъ** въ своей трагедіи „Эдипъ“, писанной за 2000 лѣтъ назадъ, выразился: „О, если бы судьба помогла мнѣ сохранить въ совершенной чистотѣ всѣ мои слова и дѣйствія соотвѣтственно тѣмъ высокимъ законамъ, которые, возникнувъ въ небесной высотѣ, имѣютъ своимъ началомъ одно небо, которыхъ смертные не могли дать міру и которые никогда не пріидутъ въ забвеніе! Въ нихъ видѣнъ всевышній богъ, а онъ— вѣчная жизнь“.

8) **Юліанъ богоотступникъ** въ защиту своего языческаго ученія и въ обличеніе христіанства говорилъ, что языческое религіозно-нравственное сознаніе прежде всего содержало въ себѣ истину знанія единаго бога, творца міра и человѣка; далѣе, ежели язычники и знали другихъ многихъ боговъ, то на нихъ смотрѣли какъ на меньшихъ, или просто, какъ на сотворенныя главнымъ богомъ и даже укоряли іудеевъ и христіанъ въ томъ, что будто-бы они взяли отъ язычниковъ знаніе единаго Бога. Онъ говоритъ: „Раньше всякихъ внушеній мы убѣждены, что есть нѣкоторое божество, на которое слѣдуетъ надѣяться и къ которому слѣдуетъ стремиться...“

9) **Лактанцій** писалъ: „Когда человѣкъ (идолопоклонникъ) въ несчастіи, тогда онъ обращается къ Богу (единому). Когда ему угрожаютъ ужасы войны, когда появляются моръ, засуха, буря, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ Богу... Когда застигаетъ его въ морѣ гроза или бѣда, грозящая ему гибелью, онъ тотчасъ призываетъ Бога. При видѣ неминуемой опасности, онъ обращается къ Богу... Такимъ образомъ, только тогда люди начинаютъ думать о Богѣ, когда они въ несчастіи; но какъ только опасность миновала и ничего болѣе имъ не грозитъ, они радостно устремляются въ храмы ложныхъ боговъ, дѣлаютъ имъ возліянія и приносятъ жертвы“.

10) **Аристотель**. Принципъ аристотелевской теологіи очень хорошо и очень сжато изложенъ у Ибервега (Grundriss, 1, 4 Aufl. S. 175 u. f.): „Міръ имѣетъ свой принципъ въ Богѣ, Который есть принципъ, не только такимъ образомъ, какъ порядокъ въ войскѣ, какъ имманентная форма, но и какъ сама по себѣ и для себя сущая субстанція, подобно полководцу въ войскѣ“. Его заключеніе теологіи показываетъ лежащую въ основаніи этическую тенденцію, но онтологическая опора отвлеченнаго Бога заключается въ положеніи, что всякое движеніе, а также и развитіе отъ возможности къ дѣйствительности, имѣетъ движущую причину, которая сама по себѣ недвижима. Какъ всякій отдѣльно возникшій объектъ предполагаетъ дѣйствительную движущую причину, такъ и міръ вообще предполагаетъ абсолютнаго Перваго Двигателя, который образуетъ

Digitized by Google

косную саму по себѣ матерію (Ланге, т. I, примѣч. *у*, стр. 67—68). Въ своей логикѣ и метафизикѣ Аристотель училъ, что каждый предметъ состоитъ изъ матеріи и формы, т.-е. изъ матеріальнаго субстрата и изъ идеи, по которой образуется матерія. Поэтому, для объясненія всего міра достаточно признать два начала: совершенно безкачественную матерію и чистую форму, или безкачественное мышленіе. По этому Божественному мышленію матерія принимаетъ различныя формы, когда возможность (потенціальность) переходитъ въ ней въ дѣйствительность (акціональность). Такое безначальное и безконечное происхожденіе есть движеніе, никогда не достигающее своей цѣли,— само Божество (Истор. философіи Бауера).

11) **Ученіе стоиковъ** отличалось существеннымъ образомъ отъ началъ аристотелевскаго ученія тѣмъ, что признавало Божество тѣлеснымъ и считало матерію не вѣчной, а сотворенной Божествомъ, которое само себѣ образовало свое собственное тѣло (Истор. филос. Бауера).

12) **Александрійская школа** учила, что Богъ, какъ бытіе и мысль, есть Богъ, представленіе о Которомъ выработано человѣческимъ разумомъ, и подняться до высшаго понятія о Богѣ человѣкъ не можетъ. Однако, уже то, что разумъ нашъ сознаетъ въ этомъ отношеніи свое безсиліе и увѣренъ, что Богъ есть нѣчто невыразимое и непостижимое, приводитъ насъ къ убѣжденію, что en dernière analyse Богъ не есть бытіе и мысль. Что такое мысль? Каковъ ея типъ?—Очевидно, типомъ ея служитъ человѣческій разумъ. Но что показываетъ намъ изслѣдованіе человѣческаго разума?—Она приводитъ насъ къ заключенію, что мыслить—значитъ сознавать какой-либо объектъ, отъ котораго мыслящій отличаетъ себя. Мыслить—значитъ сознавать себя, отдѣлять свою личность отъ всѣхъ другихъ объектовъ, опредѣлять отношеніе своего „*я*“ къ „не-*я*“. Но внѣ Бога нѣтъ ничего, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ установленіи различій, о самоопредѣленіи и взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ Богъ, въ Своей высшей формѣ, не можетъ думать, Онъ не можетъ быть мыслію, но долженъ быть выше ея. Отсюда необходимость третьей ѵпостаси, которая является третьей лишь въ порядкѣ обнаруженія ея логическимъ анализомъ, не должна быть первой въ порядкѣ бытія; эта ѵпостась есть Единство.

Единство не есть ни бытіе, ни разумъ, но выше того и другого, выше всякаго дѣйствія, выше всякаго самоопредѣленія. Какъ сложное содержится въ простомъ, а многое въ единомъ, точно также простое содержится въ единствѣ. Пока мы не признаемъ этого абсолютнаго единства, мы не овладѣемъ

Digitized by Google

сущностью предмета, ибо какъ возможно составить себѣ понятіе о ней внѣ этого принципа единства? Что такое индивидъ животное, растеніе, какъ не единство, главенствующее надъ множествомъ? Что такое само множество — армія, собраніе, стадо? — Это связь, соединяющая части самыхъ сложныхъ предметовъ. Единство безусловно, неизмѣнно, безконечно и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; это не единица въ ариѳметическомъ смыслѣ и не недѣлимая точка. Единство есть абсолютное, всемірное Единое въ его совершеннѣйшей простотѣ. Это высшая ступень совершенства, идеальная красота, высшее Добро (Льюисъ, т. I, стр. 290, 291).

13) Декартъ училъ: „Дабы познать природу Бога, насколько это доступно моей природѣ, я долженъ только соображать о каждой вещи, идею коей въ себѣ имѣю, было ли бы совершенствомъ или недостаткомъ владѣть ею. Я могу быть увѣренъ, что все отмѣченное какимъ-либо несовершенствомъ, отсутствуетъ въ Немъ, все совершенное въ немъ находится. Такимъ образомъ въ Немъ не можетъ быть сомнѣній, непостоянства, грусти и подобныхъ вещей, не имѣть которыхъ и я былъ бы радъ. Далѣе, я имѣю идеи о многихъ вещахъ тѣлесныхъ и чувственныхъ, ибо хотя я и предположилъ, что нахожусь въ состояніи сновидѣнія, и что все мною видимое и воображаемое есть обманъ, я долженъ былъ, однако, признать, что идеи эти дѣйствительно присутствовали въ моей мысли. Но познавъ очень ясно, что во мнѣ разумная природа вполнѣ раздѣлена отъ тѣлесной, и соображая, что всякая составленность свидѣтельствуетъ о зависимости, а зависимость есть явно недостатокъ, заключимъ, что быть сложеннымъ изъ двухъ природъ не было бы для Бога совершенствомъ, и что, дѣйствительно, въ Немъ нѣтъ такой составленности. А если есть во вселенной какія-либо тѣла, умы или иныя натуры, не имѣющія совершенства, то всѣхъ ихъ бытіе должно зависить отъ Его могущества, такъ что безъ Него они не могли бы просуществовать одного мгновенія.

„Наконецъ, если есть еще люди, которыхъ и приведенные доводы не убѣдятъ въ существованіи Бога и ихъ души независимо отъ тѣла, то пусть знаютъ, что всѣ другія вещи, въ кои они, можетъ быть, болѣе вѣрятъ, какъ то: что они имѣютъ тѣло, что есть звѣзды, земля и тому подобное—менѣе достовѣрны“ (М. Любимовъ, филос. Декар. 1886, стр. 117—119).

Посвящая свои „Размышленія“ Сорбоннѣ, онъ говоритъ: „Я всегда думалъ, что два вопроса—о существованіи Бога и о сущности души—должны считаться самыми главными въ ряду тѣхъ вопросовъ, рѣшать которые слѣдуетъ скорѣе философіи,

Digitized by Google

чѣмъ теологіи; ибо хотя для насъ, вѣрующихъ, совершенно достаточно вѣрить въ Бога и въ то, что душа не погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но, безъ сомнѣнія, невѣрующихъ невозможно заставить признать какую-либо религію или даже какую-либо нравственную добродѣтель иначе, какъ путемъ доводовъ разума" (Льюисъ, т. II, стр. 81).

14) **Лордъ Бэконъ Веруламскій** находилъ, что ученіе о Богѣ не должно отдѣляться въ воззрѣніяхъ человѣка отъ того религіознаго понятія, которое внушаетъ Церковь; какъ мы должны противъ своей воли повиноваться закону Божію, такъ точно должны приноравливаться къ вѣрѣ тамъ, гдѣ она противорѣчитъ нашей природѣ. Чѣмъ сверхъестественнѣе кажется Божественная тайна, тѣмъ большую славу воздаемъ мы Богу, когда вѣруемъ въ нее (Истор. филос. Бауера).

15) **Спиноза** былъ долгое время пугаломъ для теологовъ и для робкихъ мыслителей и всегда представлялся какимъ-то чудовищемъ, атеистомъ, и притомъ, къ вящему ужасу, атеистомъ-евреемъ; даже тѣ, которыхъ не пугалъ самый смыслъ его системы, все-таки считали его не болѣе какъ холоднымъ логикомъ. Но въ сущности этотъ мощный діалектикъ былъ мудрымъ, добродѣтельнымъ и любящимъ человѣкомъ.

Въ теченіе всей своей, въ высшей степени несчастной, жизни, отверженный всѣми, окруженный самой безъисходной нищетой, онъ отличался высокимъ мужествомъ, не оставившимъ его и въ его послѣднія минуты; и при томъ холодномъ, спокойномъ стоицизмѣ онъ обнаруживалъ всегда дѣтскую веселость, исходящую изъ его мягкой и доброй души. Въ ученомъ мірѣ распространялъ свои доктрины, на разработку которыхъ потратилъ огромный трудъ, но дѣтей онъ постоянно поучалъ аккуратному посѣщенію богослуженій.

Онъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать съ своимъ хозяиномъ и хозяйкой, по возвращеніи ихъ изъ церкви, о слышанной ими проповѣди и о той пользѣ, какую она имъ приноситъ. Ему былъ чуждъ тотъ неблагоразумный прозелитизмъ, который разрушаетъ извѣстнаго рода убѣжденія въ умахъ, неспособныхъ принять убѣжденія другого рода. Однажды хозяйка спросила его, — убѣжденъ ли онъ, что ея религія спасетъ ее. Онъ отвѣчалъ: „Ваша религія хороша, и вамъ не слѣдуетъ искать другой; не сомнѣвайтесь въ томъ, что она спасетъ васъ, если вы присоедините къ своему благочестію мирныя добродѣтели семейной жизни" (Истор. филос. Льюиса, стр. 105).

Шлейермахеръ (Rede über die Religion, стр. 47) восклицаетъ, говоря о Спинозѣ; „Отдайте вмѣстѣ со мною прядь своихъ волосъ праху святого, но отверженнаго Спинозы! Всемірный

Digitized by Google

духъ одушевлялъ его: безконечное было для него началомъ и концомъ всего; вселенная—его единственная и вѣчная любовь; онъ исполненъ былъ религіознаго духа и религіознаго чувства, и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ одинокъ и непонятый; достигнувъ совершенства въ своемъ искусствѣ, онъ высоко возносился надъ толпою, не имѣя никакихъ приверженцевъ и даже лишенный правъ гражданства".

Одни изъ главныхъ положеній его этики суть слѣдующія: „Есть одна только безконечная субстанція, — она есть Богъ. Все, что существуетъ, существуетъ въ Богѣ; внѣ Его ничего нельзя себѣ представить. Онъ есть всемірное существо, по отношенію къ Которому всѣ предметы суть проявленія Его. Онъ есть единственная субстанція; все же другое есть модусъ; безъ субстанціи, однако, модусъ не можетъ существовать. Богъ— какъ соединеніе аттрибутовъ безконечной субстанціи, есть natura naturans, а какъ проявленіе, какъ рядъ модусовъ, подъ которыми являются Его аттрибуты, Онъ есть natura naturata. Онъ причина всего, причина постоянная (имманентная), а не преходящая. Онъ имѣетъ два безконечныхъ аттрибута — Протяженіе и Мысль. Протяженіе есть видимая мысль, а Мысль есть невидимое протяженіе; это объективная и субъективная стороны, тождество которыхъ есть Богъ. Всякій предметъ есть модусъ Божественнаго аттрибута мысли. Декартъ считалъ субстанціями протяженіе и мысль, но что это несправедливо, ясно изъ того, что и то и другое мыслятся не per se, но per aliud. Если нѣчто протяженно, то оно есть не само протяженіе, но что-то предшествующее ему, оно есть субстанція. Субстанція не создаваема, но она сама творитъ въ силу внутренней сущности своей. Существующихъ предметовъ можетъ быть много, но существованіе только одно; точно также и формъ много, но субстанція только одна. Богъ есть „Idea immanens"— Единое и Все" (Истор. филос. Льюиса, стр. 115, 116).

16) **Ньютонъ** въ своей „Optics" говоритъ такъ: „Первоначальное устройство такихъ чрезвычайно искусныхъ частей животныхъ, какъ глаза, уши, мозгъ, мускулы, сердце и проч., также инстинктъ звѣрей и насѣкомыхъ, — все это не можетъ быть произведеніемъ чего-нибудь другого, кромѣ мудрости и искусства могущественнаго, вѣчно живаго Дѣятеля, который, будучи во всѣхъ мѣстахъ, можетъ двигать тѣлами, заключенными въ его безграничномъ и однообразномъ чувствилищѣ, и такимъ образомъ образовать и преобразовать части міра гораздо легче, чѣмъ мы можемъ двигать по нашей волѣ частями нашего тѣла. Мы не смотримъ, однако же, на міръ, какъ на тѣло Бога, и на части міра—какъ на части Бога. Богъ есть

Digitized by Google

однообразное существо, лишенное органовъ, членовъ или частей, и они суть Его созданія, подчиненныя Ему и служащія Его Волѣ.

„Органы чувствъ не служатъ для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того, чтобы доводить эти образы до чувствилища, Богъ же не имѣетъ нужды въ такихъ органахъ, такъ какъ Онъ повсюду присущъ самымъ вещамъ". (Міръ какъ Цѣлое, Страхова).

17) **Лейбницъ** считалъ правильное понятіе о Богѣ неизбѣжнымъ и необходимымъ; ибо если бы не было въ Богѣ, Творцѣ міра, достаточной причины для существованія послѣдняго и притомъ, если бы въ насъ не было достаточно условій и опредѣленныхъ способовъ для веденія всего существующаго, то можно было бы съ полною справедливостью спросить, почему „ничто" не лучше, чѣмъ „нѣчто"?

„Богъ—служащій основаніемъ всего бытія, существующій единственно по своей внутренней необходимости, долженъ естественно соединять въ Себѣ всю реальность, всѣ совершенства; Онъ есть безграничное существо, чуждъ всякаго отрицанія, абсолютная интеллигенція; потому и можетъ быть только одинъ Богъ, Его Одного совершенно достаточно" (Истор. филос. Бауера).

18) **Гейлинксъ Арнольдъ:** „Если мое тѣло двигается соотвѣтственно моему желанію, то основаніе этого движенія не лежитъ во мнѣ, не въ моей волѣ, но единственно по волѣ Бога движеніе мое это происходитъ въ тотъ моментъ, когда я захочу.

„Мы заблуждаемся, воображая, что мы въ состояніи сдѣлать сами что-либо въ этомъ мірѣ, мы только невольные наблюдатели зрѣлищъ, даваемыхъ Богомъ" (Истор. фил. Бауера).

19) **Локкъ** доказываетъ существованіе Бога тѣмъ, „что міръ долженъ же имѣть Творца, такъ какъ изъ „ничего" ничего не можетъ сдѣлаться, все должно имѣть свою причину. Многія естественно-историческія знаменитости XVII вѣка выражались въ этомъ направленіи" (Истор. филос. Бауера).

20) **Кантъ:** „Мы постулируемъ бытіе Бога, какъ основаніе нравственнаго образца дѣйствій" (Ланге, т. I, стр. 272).

„Двѣ вещи", говоритъ онъ въ заключеніи своего сочиненія (Kr. der. pract. Vern., 194), „наполняютъ меня все новымъ и возростающимъ изумленіемъ и страхомъ, чѣмъ чаще и продолжительнѣе я объ нихъ размышляю. Это — звѣздное небо надо мной и нравственный законъ во мнѣ. И то и другое я отнюдь не долженъ мыслить скрытымъ отъ себя въ какомъ-то сумракѣ или лежащимъ въ безконечности за моимъ горизонтомъ; и то и другое я дѣйствительно вижу передъ собою, и мое существованіе непосредственно связано съ ихъ бытіемъ.

Digitized by Google

Звѣздный міръ начинается съ того самаго мѣста, которое я занимаю во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и расширяетъ мою связь съ окружающимъ въ необозримыя протяженія міровъ надъ мірами и системъ за системами... Нравственный законъ имѣетъ начало въ моемъ невидимомъ „*я*“, въ моей личности и дѣлаетъ меня членомъ другого міра, истинно-безконечнаго, но доступнаго только разумному познанію. И въ этомъ новомъ мірѣ я нахожу себя уже не случайнымъ звеномъ, но въ необходимомъ и общемъ соединеніи (съ другими, подобными мнѣ, существами). Взглядъ на звѣздное небо съ его безконечными мірами уничтожаетъ все мое значеніе, какъ физическаго существа, онъ напоминаетъ мнѣ, что я долженъ буду отдать мое тѣло нашей планетѣ (которая сама составляетъ только точку въ безконечномъ мірѣ), мое тѣло, въ которомъ малая часть вещества, на короткое время и непостижимымъ образомъ получила жизненную силу. Но взглядъ на присущій моей личности нравственный законъ вновь и безконечно поднимаетъ мое значеніе, и именно какъ разумнаго существа. Этотъ законъ открываетъ мнѣ новую жизнь, независимую отъ моей животной природы и даже отъ всего чувственнаго міра, открываетъ по крайней мѣрѣ по столько, по скольку я цѣлесообразно подчиняюсь въ своихъ дѣйствіяхъ этому нравственному порядку, не ограниченному условіями и предѣлами этой жизни, но простирающемуся въ безконечность“.

21) **Шлоссеръ** въ своей Римской исторіи (XIV, 7) говоритъ: „Такимъ образомъ даже заблужденіе и обманъ людей стали однимъ изъ орудій, посредствомъ которыхъ Божество изъ гніющихъ остатковъ древняго міра, развило новую жизнь“ (Ланге, т. I, стр. 135).

22) **Викторъ Гюго** окончилъ свое духовное завѣщаніе словами: „Въ Бога вѣрую“.

23) **Паскаль**: „Божество христіанъ не заключается просто въ Богѣ, только Творцѣ геометрическихъ истинъ и системы элементовъ—это принадлежность язычниковъ. Оно не заключается просто въ Богѣ, Который вліяетъ на жизнь и благосостояніе людей, чтобы дать счастливое теченіе лѣтъ тѣмъ, которые предъ нимъ преклоняются — это удѣлъ іудеевъ. Но Богъ Авраама и Іакова, Богъ христіанъ есть Богъ любви и утѣшенія; это—Богъ, наполняющій избранную душу и сердце, Богъ, дающій имъ чувствовать ихъ нравственную нищету и свое безконечное милосердіе; наконецъ, Богъ соединяющійся съ ихъ душею и наполняющій ее блаженствомъ, радостью, довѣренностью и любовью.

„Богъ христіанъ есть Богъ, дающій чувствовать душѣ, что

Digitized by Google

Онъ ея единственное благо, что весь покой ея заключается въ Немъ и что радость ея — любить Творца, Который въ то же время заставляетъ ее ненавидѣть препятствія, удерживающія и не позволяющія любить Его всѣми силами. Самолюбіе и похоть, удерживающія душу, для Него нетерпимы. Богъ даетъ ей чувствовать, что хотя она въ основаніи и обладаетъ самолюбіемъ, но что Онъ одинъ въ состояніи ее отъ того исцѣлить.

„Вотъ какъ нужно по-христіански понимать Бога; но чтобы Его узнать, нужно въ то же время проникнуться своей нравственной нищетой и своей гнусностью и знать, что имѣешь нужду въ посредникѣ, чтобы приблизиться къ Нему и соединиться съ Нимъ. Подобныя чувства не должны быть разъединены, потому что въ такомъ случаѣ они не только безполезны, но и опасны. Познаніе Бога безъ пониманія нашей нравственной нищеты зарождаетъ гордость. Познаніе нашей нравственной нищеты безъ познанія Христа производитъ отчаяніе, потому что въ немъ мы находимъ Бога, нашу нищету и единственный путь къ ея улучшенію.

„Мы можемъ знать Бога, не зная нашихъ слабостей, или знать наши слабости, не зная Бога, или даже Бога и наши слабости, не зная средствъ избавиться отъ нихъ; но мы не можемъ знать Христа, не зная вмѣстѣ Бога и нашихъ слабостей и средствъ отъ нихъ, потому что Христосъ не только Богъ, но это Богъ, исправляющій наши слабости.

„Такимъ образомъ ищущіе Бога безъ Христа не находятъ удовлетворительнаго или истинно для себя полнаго свѣта, потому что или они не достигаютъ до сознанія одного Бога, или если достигаютъ, то безполезно для себя, отъ того что находятъ средства сблизиться съ Богомъ безъ посредника, какъ безъ посредника узнали Его; слѣдовательно, они впадаютъ или въ атеизмъ, или въ деизмъ,—двѣ вещи, почти одинаково не признаваемыя христіанскою религіею“ (Pensees, page 244—246).

24) **Агассисъ:** „Соотношеніе родовъ и видовъ органическаго міра указываетъ на предшествовавшій актъ свободной, премудрой и всемогущей воли Божіей“ (Contributions to the natural history).

25) **Малебраншъ:** „Богъ есть начало всѣхъ нашихъ представленій и воли въ человѣческомъ умѣ. Онъ же есть единственная причина движенія всѣхъ чувственныхъ предметовъ“ (Истор. филос. Бауера).

26) **Беркла:** „Наши представленія,—это нѣчто духовное, истекающее изъ Бога, — Богъ, въ которомъ первообразно соединены всѣ идеи, создаетъ ихъ въ нашемъ воображеніи; по-

Digitized by Google

этому идеи могутъ существовать внѣ насъ, но только въ мыслящемъ существѣ,—въ Богѣ“ (Истор. филос. Бауера).

27) **Ватсонъ,** астрономъ: „Изученіе дивнаго механизма звѣзднаго неба возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ насъ удивленіе къ безконечному совершенству всемогущаго и живаго Бога“ (Theoret. Astronomy, 1877, стр. 8).

28) **Астрономъ Гершель:** „Чѣмъ болѣе наука укрѣпляется въ своихъ знаніяхъ, тѣмъ съ каждымъ днемъ является больше и больше доказательствъ безконечной жизни, существованія Творца и силы Его всемогущества. Геологія, математика, астрономія, естественная исторія, — всѣ приносятъ по камню въ храмъ науки, воздвигаемый для восхваленія и прославленія Творца Бога нашего“.

29) **Кеплеръ,** открывъ три великихъ удивительныхъ закона, на которыхъ основывается новѣйшая астрономія, восклицаетъ въ заключеніи *Гармоніи міра:* „О Ты, Который чрезъ свѣтъ природы побудилъ насъ желать страстно свѣта Твоего милосердія, чтобы открыть намъ свѣтъ Твоей славы; благодарю Тебя, Создатель мой и Богъ, за то, что дозволяешь мнѣ удивляться Твоимъ твореніямъ и любить ихъ. Я окончилъ теперь подвигъ своей жизни, вполнѣ увѣренный, что Творецъ далъ мнѣ силу совершить его. Я повѣдалъ людямъ славу Твоихъ твореній на столько, на сколько мой умъ могъ понять ихъ величественную безконечность. Мои чувства обратились на отысканіе истины; и на сколько возможно было для меня это, я отыскалъ ее со всею справедливостью и чистосердечіемъ. Если я, ничтожный червь предъ Тобою, рожденный во грѣхѣ, высказалъ что-нибудь противное Твоимъ благимъ намѣреніямъ, пусть Св. Духъ внушитъ мнѣ это, чтобы я могъ то исправить. Если чудная красота Твоихъ твореній возвысила мою душу, и если я искалъ славы между людьми по мѣрѣ того, какъ подвигался въ своемъ трудѣ, предназначенномъ только къ Твоему прославленію, то прости мнѣ по Твоей благости и милосердію, и содѣлай, чтобы всѣ мои произведенія клонились къ Твоей славѣ и способствовали къ благу людей. Славьте Господа, о небесныя гармоніи, и вы, постигающіе земную гармонію, славьте Его! Да прославляетъ душа моя Творца въ продолженіе всей моей жизни! Имъ и въ Немъ существуетъ весь міръ матеріальный и духовный, существуетъ все, что мы постигаемъ и чего еще не постигаемъ, потому что много еще предстоитъ работы надъ тѣмъ, что мы оставляемъ не оконченнымъ“!

30) **Гете** говоритъ Экерману: „Я утверждаю, что у меня составилось точное понятіе о Богѣ, всѣ мои мнѣнія заключаются въ слѣдующемъ: Богъ непостижимъ, въ человѣкѣ есть

Digitized by Google

о Немъ только смутное предчувствіе и тусклое понятіе. Но природа и чувство до того проникнуто Божествомъ, что оно насъ руководитъ и поддерживаетъ! Въ немъ мы живемъ, дышемъ и существуемъ; мы радуемся и страдаемъ по вѣчнымъ законамъ, въ отношеніи которыхъ мы, въ одно и то же время, являемся существами дѣйствующими и страдательными; мы подчиняемся имъ часто безсознательно. Дитя ѣстъ съ удовольствіемъ сладкій пирогъ, не заботясь о томъ, кто его приготовилъ; воробей клюетъ вишню, не спрашивая какъ она выросла. Понятна ли для насъ идея о Богѣ? Хоть бы мы, подобно туркамъ, дали Ему сотню именъ, все-таки не могли бы обнять всѣхъ Его безчисленныхъ свойствъ и были бы еще безконечно далеки отъ истины. Высочайшее Существо, Которое мы называемъ Богомъ, проявляется въ человѣкѣ, во всей богатой и могущественной природѣ и великихъ событіяхъ міра; поэтому идея о Немъ, составляемая примѣнительно къ свойствамъ человѣческимъ, очевидно недостаточна".

31) **Гизо** сказалъ: „Вотъ фактъ, который, я думаю, заслуживаетъ вниманія противниковъ сверхъестественности. Наукою признано и доказано, что нашъ земной шаръ не всегда находится въ такомъ состояніи, какъ теперь, но что въ различныя и неопредѣленныя эпохи, онъ выдержалъ перевороты и преобразованія, измѣнившіе ему видъ, физическій строй, народонаселеніе; что человѣкъ, въ особенности, не всегда существовалъ на немъ и онъ не могъ существовать въ тѣ различные и послѣдовательные періоды, черезъ которые прошелъ этотъ міръ. Но какъ же онъ появился на немъ? Человѣкъ можетъ имѣть только два объясненія своего начала: или онъ былъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ природныхъ силъ вещества, или же твореніемъ сверхъестественной силы, высшей надъ веществомъ; и только двумя причинами—самовозрожденіемъ или сотвореніемъ—можетъ онъ объяснить свое появленіе на землѣ. Но, признавая самовозрожденіе (чего я ни въ какомъ случаѣ не допускаю въ своемъ сочиненіи), этотъ образъ творенія могъ только рождать существа младенческія въ первомъ возрастѣ начинающейся жизни, и никто, я думаю, не говорилъ и никогда не скажетъ, что силою только одного самовозрожденія, человѣкъ, т.-е. мужчина и женщина — человѣческая чета — могли—произойти и однажды произошли изъ нѣдра вещества совершенно сформированными и взрослыми, въ полномъ обладаніи силъ и всѣхъ ихъ способностей; только при этихъ условіяхъ, человѣкъ, явясь въ первый разъ на землѣ, могъ жить на ней, увѣковѣчить себя и основать родъ человѣческій. Итакъ, очевидно, другое начало человѣческаго рода единственно воз-

Digitized by Google

можно, и только одинъ фактъ сверхъестественнаго сотворенія объясняетъ появленіе человѣка на землѣ“ (L'Eglise et la société chrétienne, 1861, chap. IV).

32) **Уоллесъ**: „Большой шагъ впередъ составляетъ то, что мы, вмѣсто всей этой сложной теоріи, порождающей безчисленныя диллемы и противорѣчія, можемъ предложить гораздо болѣе простое и основательное мнѣніе, именно: матерія не существуетъ, какъ сущность, отличная отъ силы, и что сила, въ свою очередь, есть продуктъ духа“.

„Философія уже давно показала, что мы не можемъ доказать существованіе вещества, какъ его обыкновенно понимаютъ, и въ то же время она допускала, какъ доказанное для каждаго изъ насъ, наше собственное, самосознающее существованіе. Теперь наука пришла къ тому же результату, что и философія, и это согласіе должно бы поселить въ насъ довѣріе къ тому, чему онѣ вмѣстѣ насъ учатъ.

„Взглядъ, къ которому мы теперь пришли, кажется мнѣ болѣе возвышеннымъ и величественнымъ, равно какъ и болѣе простымъ, чѣмъ какой бы то ни было другой. По этому взгляду вся вселенная проникнута разумомъ и волей. Благодаря ему же, мы, наконецъ, можемъ перестать считать невозможнымъ изслѣдованія о духѣ иначе, какъ съ точки зрѣнія устарѣвшихъ представленій о матеріи. Этотъ взглядъ открываетъ намъ возможность безконечныхъ формъ бытія, связанныхъ съ безконечно разнообразными проявленіями силы, совершенно отличной отъ того, что мы называемъ веществомъ, хотя не менѣе его реальной“.

33) **А. Секки**: „Организмъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть дѣло Предвѣчнаго Зодчаго, и то, что мы называемъ природой. не что иное, какъ работа и искусство этого Высочайшаго Зиждителя. Онъ-то и далъ форму организованной матеріи подобно тому, какъ призвалъ къ существованію и движенію грубую матерію. Исключить это начало подъ какимъ бы то ни было предлогомъ—значило бы закрыть себѣ путь къ объясненію даже такихъ явленій, гдѣ оно ясно. Это до такой степени справедливо, что тѣ, которые хотѣли бы все объяснить одной матеріей, находятся вынужденными одаритъ ее силами и активными свойствами, хотя и весьма разнообразными, но все-таки недостаточными для достиженія ихъ цѣлей; но они забываютъ, что эти силы стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ основнымъ свойствомъ матеріи — съ инерціею. Во всякомъ случаѣ послѣднее звено этой цѣпи чудныхъ существъ всегда будетъ неразрывно связано съ понятіемъ Божества и служитъ для насъ знаменитой аллегоріей Гомера“.

Digitized by Google

34) Дарвинъ, по поводу постепеннаго усовершенствованія глаза на различныхъ ступеняхъ органической лѣстницы, говоритъ: „Пусть этотъ процессъ будетъ происходить въ теченіе милліоновъ лѣтъ; и въ теченіе каждаго года на милліонахъ особей разныхъ видовъ;—не можемъ ли мы повѣрить, что живой оптическій инструментъ могъ бы этимъ путемъ стать на столько совершеннѣе стекляннаго, на сколько дѣла Создателя совершеннѣе дѣлъ человѣческихъ?“ (Orig. of. spec., IV edit., p. 146). — На послѣдней страницѣ этого сочиненія (т. IV, стр. 429) мы находимъ слѣдующія слова: „Есть величіе во взглядѣ на жизнь съ ея различными силами, по которому она была первоначально вдохнута Творцемъ въ немногія или въ одну форму“.

Кромѣ того, въ заключительной главѣ той же книги (стр. 421, 422) мы находимъ слѣдующее: „Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорбительными для чьихъ бы то ни было религіозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія,—что на величайшее изъ открытій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ — на законъ тяготѣнія Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочтительное по отношенію къ религіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества для возмѣщенія пустотъ, причиненныхъ дѣйствіемъ Его же законовъ“ (Данилевскій, Дарвинизмъ, т. I, стр. 8, 9 и 11).

35) Карлъ Фохтъ въ Естественной исторіи Мірозданія (перев. Пальховскаго, Москва, 63, стр. 18), говоря о небесныхъ тѣлахъ, заканчиваетъ главу нижеслѣдующими словами: „Какъ великъ и какъ простъ весь этотъ процессъ! Только Божество могло задумать и выполнить его; человѣку же остается только размышлять о немъ и изслѣдовать его. И конечно, мы черезъ это приближаемся прямымъ путемъ къ нашему Величественному Отцу, Который можетъ все задумать,—соприсутствуемъ Ему и пребываемъ на Его совѣтѣ: если же этого нельзя, то падите въ прахъ и молитесь безмолвно“.

36) Тиндаль кончаетъ свою рѣчь, читанную имъ въ British Association, въ Бельфастѣ, въ 1874 году, слѣдующими словами; „Міръ вмѣщаетъ въ себѣ на ряду съ Ньютономъ—

Digitized by Google

Шекспира, на ряду съ Байлемъ — Рафаэля, на ряду съ Кантомъ — Бетховена, на ряду съ Дарвиномъ — Карлейля. Не въ одномъ изъ нихъ, лишь во всѣхъ ихъ вполнѣ выражается человѣческая натура. Они не противополагаются другъ другу, они другъ друга восполняютъ, одинъ не исключаетъ другаго, и всѣ соединимы вмѣстѣ. И когда духъ человѣка, не удовлетворенный всѣми ими, подобно пилигримму въ тоскѣ по родинѣ, обратится къ той тайнѣ, изъ нѣдра которой онъ вышелъ, захочетъ соединить мысль и вѣру, когда при этомъ будетъ изгнанъ всякій слѣдъ нетерпимости и изувѣрства и ясно будетъ сознано, что здѣсь для мысли нигдѣ не можетъ быть положено крайней преграды и что послѣдующимъ временамъ должна быть гарантирована свобода установить свои отношенія къ этой Тайнѣ сообразно съ своими собственными потребностями, тогда я, разбивъ тѣ преграды, которыя выставляетъ матеріализмъ, буду утверждать, что здѣсь открывается поле для упражненія благороднѣйшихъ способностей, которыя въ противоположность *познательнымъ,* можно назвать *творческими* способностями".

37) **Линней,** окончивъ свои наблюденія надъ организаціей растеній, восклицаетъ: „Вѣчный, безпредѣльный, всевѣдущій и всемогущій Богъ прошелъ мимо меня. Я не видалъ Его лицемъ къ лицу, но отблескъ божества наполнилъ мою душу безмолвнымъ удивленіемъ. Я видѣлъ слѣдъ Божій въ его твореніи; и вездѣ, даже въ самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ его произведеніяхъ, что за сила! Что за мудрость! Что за неизреченное совершенство! Я наблюдалъ, какъ одушевленныя существа, стоя на высшей ступени, связаны съ царствомъ растеній, а растенія, въ свою очередь, съ минералами, которые находятся въ нѣдрахъ земнаго шара, и какъ этотъ самый шаръ земной тяготѣетъ къ солнцу и въ неизмѣнномъ порядкѣ обращается вокругъ него, получая отъ него жизнь. Я видѣлъ, какъ солнце и всѣ другія звѣзды, вся солнечная система, безконечное звѣздное небо движется въ пространствѣ, поддерживается въ пустотѣ, по волѣ непостижимаго первоначальнаго двигателя, Существа существъ, Причины причинъ, Правителя и хранителя міра, Господа и Создателя всякаго творенія...

„Всѣ вещи носятъ на себѣ печать божественной мудрости и силы; въ нихъ заключается наше благо и источникъ нашего счастія. Въ пользѣ, какую онѣ намъ приносятъ, я вижу благость ихъ Творца, ихъ красота показываетъ Его мудрость, а ихъ гармонія — продолженіе ихъ существованія, ихъ точные размѣры и неисчерпаемая производительность показываютъ могущество этого великаго Бога!

Digitized by Google

„Не это ли вы называете провидѣніемъ? Да, это и есть провидѣніе; имъ только и объясняется устройство міра. Итакъ, справедливо вѣрить, что есть Богъ, существо безпредѣльное, вѣчное, ни отъ кого не происходящее, не сотворенное, безъ котораго ничего не существуетъ, которое создало и устроило міръ. Онъ невидимъ для нашихъ глазъ, своего свѣта; мы только мысленно постигаемъ Его, и которые наполняетъ Его величіе таится въ глубокомъ святилищѣ нашего духа“ (Богъ въ природѣ. Флам. стр. 5).

38) **Вольтеръ**, несмотря на то, что всю жизнь нападалъ на клерикаловъ и религію, находилъ богатую пищу для своего остроумія въ исповѣдываніяхъ вѣръ, смѣялся надъ чудесами, отлученіями отъ церкви, надъ *каѳедрой и катихизисомъ* и считалъ за великую для себя честь быть гонимымъ клерикалами, приправляя всякое столкновеніе съ ними ядами своей сатиры,—все же вѣрилъ въ существованіе Бога. Въ вопросѣ, слѣдуетъ ли принять достаточное основаніе для дѣйствія Бога, Вольтеръ ставитъ очень высоко убѣжденія Лейбница, который отвѣчалъ на это утвердительно; кромѣ того, онъ во многихъ своихъ произведеніяхъ рекомендуетъ взгляды Ньютона на Бога и на цѣлесообразность вселенной. Передавая теорію Ньютона, онъ прямо выражается слѣдующими словами: „Ньютонъ разсматриваетъ пространство и время какъ два существа, существованіе которыхъ необходимо слѣдуетъ изъ существованія Бога; ибо безконечное существо существуетъ на каждомъ мѣстѣ, слѣдовательно каждое мѣсто существуетъ; безконечное существо существуетъ безконечное время, слѣдовательно безконечное время есть нѣчто существующее“ (Міръ какъ Цѣлое, стр. 446).

Вольтеръ не хотѣлъ быть матеріалистомъ и энергично осмѣивалъ атеизмъ. Въ немъ бродило, очевидно, неразвитое и не вполнѣ сознанное имъ начало основной исходной точки зрѣнія Канта, когда онъ неоднократно возвращается къ темѣ о Богѣ, которую онъ рѣзче всего выражаетъ извѣстными словами: „Если бы не было Бога, то нужно было бы Его изобрѣсти“. Онъ чрезвычайно остроумно смѣется надъ Бэлемъ, считавшимъ возможнымъ атеистическое государство, и говоритъ, что если бы Бэлю дать пятьсотъ или шестьсотъ крестьянъ, подъ его управленіе, то онъ сейчасъ же заставилъ бы проповѣдывать ученіе о Божественномъ возмездіи. Очистивъ этотъ взглядъ отъ юмора и колкостей, можно безошибочно заключить, что Вольтеръ считалъ понятіе о Богѣ вполнѣ необходимымъ для поддержанія добродѣтели и справедливости. Если онъ и былъ очень далекъ отъ того, чтобы, слѣдуя сво-

Digitized by Google

имъ учителямъ Ньютону и Кларке, заключить миръ съ Церковью, то онъ все-таки оставался во всю жизнь вѣрнымъ двумъ великимъ основнымъ мыслямъ ихъ метафизики. Нельзя отрицать, что человѣкъ, который со всею силою работалъ надъ разрушеніемъ церковнаго вѣрованія, авторъ знаменитаго Ecrasez l'infame, есть великій приверженецъ теологіи, и что онъ относится къ бытію Бога можетъ быть серьезнѣе, чѣмъ кто-либо изъ англійскихъ деистовъ. Для него Богъ есть художникъ, Который создалъ міръ на основаніяхъ мудрой цѣлесообразности. Если Вольтеръ позднѣе и перешелъ къ мрачному воззрѣнію, любящему представлять зло въ мірѣ, то все-таки онъ былъ очень далекъ отъ признанія слѣпо правящихъ законовъ природы.

Вольтеръ полагалъ, что слѣдуетъ потерять всякій здравый человѣческій смыслъ для того, чтобы думать, что уже простаго движенія матеріи достаточно, чтобы произвести чувствующее и мыслящее существо (см. Hettener, II, S. 183). Слѣдовательно, не только Творецъ нуженъ для того, чтобы создать мыслящую матерію, но Творецъ и не можетъ произвести въ ней мышленіе посредствомъ простого движенія вещества. Должна быть особенная сила, которою Онъ надѣляетъ матеріею, и эта сила, по всей вѣроятности, хотя она сама и не есть движеніе, можетъ вызывать и движеніе (въ произвольныхъ дѣйствіяхъ) (Ланге, т. I, стр. 270—273).

39) **Фихте** въ Sittenlehre (стр. 189—194) говоритъ: „Въ Бога мы должны вѣровать, а не умозаключать о Немъ. Вѣра есть основа всякаго убѣжденія какъ научнаго, такъ и нравственнаго. Почему мы убѣждены въ существованіи міра? Міръ есть нечто иное, какъ воплощеніи того, что заключено въ насъ самихъ, а между тѣмъ мы убѣждены, что онъ существуетъ. Точно также Богъ существуетъ въ нашемъ сознаніи, но мы признаемъ Его бытіе. Богъ есть нравственный порядокъ міра, только такое представленіе о Немъ истинно. Лишь только мы начинаемъ приписывать Ему разумъ или олицетворять Его,— мы необходимо впадаемъ въ антропоморфизмъ. Богъ безконеченъ, поэтому Онъ внѣ вѣдѣнія нашей науки, способной обнять лишь конечное, но Онъ не внѣ нашей вѣры“ (Льюисъ, т. II, стр. 298).

„Я убѣжденъ также, что мы являемся въ этотъ міръ не для наслажденія, а для тяжелаго труда; всякая радость ниспосылается намъ только для того, чтобы подкрѣпить насъ для послѣдующихъ усилій, и я увѣренъ, что отъ насъ требуется не устроеніе своей собственной судьбы, но саморазвитіе. Поэтому я вовсе не безпокоюсь о томъ, что находится внѣ

Digitized by Google

меня; я стараюсь не казаться, а быть. Быть можетъ, этому я и обязанъ тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ, которымъ наслаждаюсь; впрочемъ, и мое внѣшнее положеніе довольно благопріятно для такого настроенія духа“ (Льюисъ, т. II. стр. 282).

40) **Шеллингъ.** Если отдѣлить его умозрѣнія отъ чисто діалектическихъ разсужденій, то выводы получаются такого рода:

„Идеализмъ одностороненъ. Кромѣ субъекта, долженъ существовать объектъ; оба же они совмѣщаются въ абсолютѣ. Этотъ обсолютъ не есть ни идеальное, ни реальное,—ни духъ, ни природа, но и то и другое. Онъ есть Богъ; онъ есть все во всемъ, вѣчный источникъ всякаго бытія. Одна форма, въ которой онъ реализируетъ себя, есть объективность, другая—субъективность. Онъ сознаетъ самого себя въ человѣкѣ; человѣкъ же проявляетъ разумъ, какъ высшую форму своего существованія, и посредствомъ этого разума Богъ познаетъ Самого Себя“ (Льюисъ, т. II, стр. 307).

41) **Гегель** признавалъ Пресвятую Троицу, да и вообще вся его система носитъ тройственный характеръ. Богъ Отецъ есть вѣчная идея an und für sich, т. е. идея, какъ необусловленная абстракція. Богъ Сынъ, рожденный отъ Отца, есть идея, какъ Andersein, или какъ обусловленная реальность. Происшедшее такимъ образомъ раздѣленіе сообщаетъ абстракціи, путемъ отрицанія, реальное бытіе. Богъ Духъ Святой есть совмѣщеніе Бога Отца и Бога Сына или, другими словами, отрицаніе отрицанія и совершенная цѣлостность бытія. Богъ Духъ Святой есть сознаніе самого себя какъ духа, сознаніе, составляющее условіе его бытія. Богъ Отецъ существовалъ прежде и создалъ его, это значитъ, что Богъ Отецъ существовалъ an sich, какъ чистая идея, прежде чѣмъ принять реальность. Онъ создалъ міръ потому, что творить — это его природа es gehört zu seinem Sein, Wesen, Schöpfer zu sein). Если бы Онъ не создалъ міра, Его собственное бытіе было бы неполно.

Съ вышеприведеннымъ воззрѣніемъ связано и другое, менѣе точно формулируемое, но столь же распространенное воззрѣніе, согласно которому Богъ, создавъ міръ актомъ Своей воли, предоставилъ затѣмъ міръ самому себѣ и не вмѣшивается въ его развитіе, какъ говоритъ Гёте: „Богъ возсѣдаетъ на высотѣ, смотря на движущійся міръ“. Но не таково ученіе св. Павла, которое онъ выразилъ полными глубокаго смысла словами: „Въ немъ мы живемъ и движемся, имѣемъ бытіе“. Мы живемъ въ Богѣ, а не внѣ Его и не только при посредствѣ Его. Это и разумѣетъ Гегель, утверждая, что творчество не есть единичный актъ. Творчество было, есть и всегда будетъ. Творчество есть реальность Бога, это такая дѣятельность Его,

Digitized by Google

которая прекращается послѣ одного акта и не исчерпывается имъ (Льюисъ, т. II, стр. 326, 327).

41) **Шлейденъ:** „Органы, бывшіе въ молодости мягкими и гибкими, дѣлаются жесткими, костенѣютъ и отказываются служить. Прахъ нашего тѣла все больше и больше приближается къ праху земли; душа, утомленная постояннымъ стѣсненіемъ, освобождается, наконецъ, отъ своей тяжелой оболочки; тѣло, происшедшее изъ земли, предоставляется медленному горѣнію, которое мы называемъ разложеніемъ. А душа одна, безсмертная и нетлѣнная, сбросивъ вещественныя оковы, улетаетъ къ вѣчному Источнику духовной свободы".

43) **Клодъ Бернаръ:** „Если бы нужно было опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: „жизнь есть Творчество" (Introd. a l'etude de la medicine experimentale, p. 163).

44) **Физіологъ Беръ** говоритъ: „Очевидно, что въ основаніи нападковъ на телеологію лежитъ лишь отверженіе извѣстной ея формы, при которой представляютъ себѣ человѣкообразнымъ Создателя, дѣйствующаго на пользу человѣка при каждомъ отдѣльномъ процессѣ природы. Тогда, конечно, можно находить дурнымъ, что жареные голуби не летятъ прямо въ ротъ человѣку. Тогда происходитъ странный взглядъ, что необходимости не могутъ служить средствами для достиженія цѣлей. Кто же въ томъ виноватъ, что эти господа исходятъ изъ такого жалкаго и мелочнаго взгляда, а не смотрятъ на законы природы, какъ на постоянныя выраженія воли Творческаго начала"? (Studien aus dem Geb. d. Naturw. II, 235).

45) **Жофруа Сентъ-Илеръ** въ „Principes de philosophie zoologique", развивая теорію Литтре о законномъ развитіи, утверждаетъ, что она не только не отрицаетъ Бога, но напротивъ есть славнѣйшее проявленіе творческаго могущества и побудительная причина къ большему удивленію, признательности и любви къ Нему".

46) **К. Д. Кавелинъ** въ своихъ „Задачахъ Этики" рѣшаетъ слѣдующій вопросъ: „Какъ же объяснить то равнодушіе и забвеніе, которымъ христіанская этика подвергалась въ XVIII и XIX вѣкахъ? Если она есть единственное вѣрное напутствіе личной душевной жизни, то какъ могло случиться, что мы его отбросили, отъ него отворотились и ищемъ на всѣхъ путяхъ того, что у насъ передъ глазами и сіяетъ яркимъ свѣтомъ глубочайшей правды, проникающей человѣческую психическую природу до мозга костей? Многіе приписываютъ это врожденной грѣховности человѣка, суемудрію и гордынѣ, обуявшимъ человѣческій умъ до слѣпоты и ожесточенія. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дурныя и порочныя наклонности отдѣль-

Digitized by Google

ныхъ лицъ не могутъ объяснить повальнаго отступничества отъ истины и правды. Христіанское ученіе о нравственности— такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, какъ математическія, химическія, механическія и т. д. формулы въ особенности положительнаго, реальнаго знанія. Какъ же можно ихъ отвергать или отъ нихъ отворачиваться людямъ съ здравымъ человѣческимъ смысломъ, которые во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества составляютъ огромное большинство? Ссылка на врожденную грѣховность не имѣетъ, съ точки зрѣнія вѣры, никакой силы и убѣдительности, такъ какъ вѣроученіе прямо говоритъ, что Спаситель своею земною жизнію и крестною смертью побѣдилъ грѣхъ и смерть и искупилъ отъ нихъ человѣческій родъ. Мы думаемъ, что причины, почему христіанское ученіе временно померкло въ сердцахъ и убѣжденіи людей, должно искать гораздо глубже,—именно въ отношеніяхъ человѣка къ вещественному міру, посреди и въ условіяхъ котораго совершается личная жизнь его. Живя подъ его вліяніемъ, испытывая на себѣ на каждомъ шагу его то благотворныя, то вредныя и губительныя дѣйствія и вліянія, человѣкъ, въ интересахъ своего личнаго существованія, вынужденъ былъ озаботиться о томъ, какъ бы приспособить свою обстановку къ себѣ и себя приладить къ ней. Эти заботы общи человѣку со всѣми другими организмами, но сознаніе чрезвычайно усиливаетъ, расширяетъ и разнообразитъ средства и способы такого рода и двоякой дѣятельности. Не оставаясь непосредственною, какъ у животныхъ, она у человѣка переходитъ въ знаніе; знаніе, въ свою очередь, ведетъ къ повѣркѣ и выработкѣ научныхъ пріемовъ, способовъ познаванія, словомъ — научнаго метода, а методъ послѣдовательно приводитъ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ и основаній знанія, законовъ умственной дѣятельности и ея значенія и роли въ экономіи человѣческаго существованія. Такимъ образомъ, не простая любознательность, не идеальное, безцѣльное стремленіе, а потребность, нужда влекли и гнали человѣческій умъ отъ вопроса къ вопросу, до самыхъ отвлеченныхъ высотъ мышленія, на которыхъ голова естественно кружится, и человѣкъ такъ же естественно и легко теряетъ нить, связующую первые робкіе и неопытные шаги въ области мысли съ самыми отвлеченными задачами ума, какъ онъ теряетъ связь между своимъ личнымъ существованіемъ и условіями среды, въ которой живетъ. Что такое этотъ вещественный міръ, дѣйствующій на людей самъ по себѣ, независимо отъ человѣка, — вотъ вопросъ, который тотчасъ же задаетъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько

Digitized by Google

вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались, разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ — каждый — свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманіе на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій" (стр. 52—54).

47) **М. П. Погодинъ** (О модныхъ толкахъ, стр. 25, 26) говоритъ: „Въ природѣ есть сила вездѣсущая, невидимая, потаенная, которая производитъ.... вотъ зерно, вотъ капля.... Какъ изъ этого зерна выростетъ пальма, розанъ, померанецъ, или изъ этой капли—верблюдъ, соловей, человѣкъ?... Вы не понимаете, философы, а допускаете, ибо видите своими глазами это происхожденіе. А скажи вамъ—Богъ, вы Его отрицаете. Бога нѣтъ? Что же есть? Вы есте.—Да откуда же вы? Сами сотворили вы себя, сотворились, произошли сами собою? Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе такихъ положеній, въ которыя вы упираетесь, идя путемъ логики ума?

„Вы родились случайно? Живете какъ-нибудь и умрете на-авось? И такая философія васъ удовлетворяетъ? Вашъ умъ не представляетъ никакого требованія болѣе? Вы можете жить спокойно? И вамъ даже хочется жить?

„Человѣкъ произошелъ самъ собою,—такъ и курица сотворила самое себя, сотворилася, произошла сама собою и начала нести яйца. Но откуда же подлетѣлъ къ ней пѣтухъ съ предложеніемъ своихъ услугъ? Курица несетъ яйца, но вѣдь она сама вылупляется изъ яйца? Итакъ яйцо было прежде курицы? Откуда же это первое яйцо? Какъ оно произошло? Къ такимъ простымъ вопросамъ и соображеніямъ снисходитъ ли ваша наука?

„Вы приписываете все твореніе какой-то силѣ: ну, вотъ это и есть Богъ. Слово только другое. Или у вашей силы нѣтъ сознанія, т. е. она творитъ чудеса премудрости, бывъ сама безумною?

„Удивительна дерзость или ограниченность тѣхъ философовъ, которые не ищутъ объяснить необъяснимое, и въ безсиліи объяснить ощущаютъ все и вся.

„Кроты роются въ землѣ, разсуждаютъ и спорятъ о солнцѣ, и вотъ находятся между ними умники, которые предлагаютъ доказательства, что солнца нѣтъ, да и быть не можетъ. Невѣжество рукоплещетъ! Несчастные!"

Подобныя этимъ свидѣтельства можно было бы отыскать многія другія у разныхъ не менѣе ученыхъ людей, если не въ ихъ научныхъ трудахъ, то въ ихъ мемуарахъ, въ частныхъ

Digitized by Google

перепискахъ и другихъ произведеніяхъ, ибо біографіи ихъ показываютъ, что многіе изъ нихъ были людьми глубоко вѣрующими, какъ, напримѣръ: А. Гумбольдтъ, Бойль, Клеркъ, Фермъ, Монтепюи, Д'Аламберъ, Либихъ, Іоаннъ Бернули, Бюффонъ, Галлилей, Гэртли, Дальтонъ, Босюетъ, Коперникъ, Кювье, Лафатеръ, Парацельсъ, Пристлей, Цольнеръ, Бремъ, Гельмкольцъ, Кетле, Пасторъ, Тайлоръ, Фарадей, Бутлери, Сталь, Берклей, Фехнеръ, Гелленбахъ, Реймарусъ, Шарль Бонне, Жанъ Рено, Дюпонъ-де-Немуръ и многіе другіе. Какъ читатель видитъ, мы приводимъ здѣсь имена однихъ только высоко выдающихся надъ общимъ уровнемъ ученыхъ людей, имена которыхъ записаны неизгладимыми буквами въ исторіи человѣческихъ знаній; если бы мы позволили себѣ включить въ этотъ списокъ ученыхъ, стоящихъ хотя одной ступенью ниже, то свидѣтельства ихъ о Богѣ заняли бы собой мѣсто, конечно, гораздо большее, чѣмъ вся книга наша.

Казалось бы, что такія вѣскія свидѣтельства великихъ ученыхъ должны были бы служить сильной аргументаціей въ пользу того мнѣнія, что *истинный смыслъ человѣческихъ познаній не можетъ ввести къ безвѣрію и къ отрицанію Бога.*

Странно было бы, конечно, черпать свое познаніе о Богѣ изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ ученыхъ, ибо каждому изъ нихъ открыла ихъ наука одну лишь незначительную и безконечно малую часть премудрости Божіей, изъ которой они могли лишь дойти до сознательнаго признанія всей необходимости вѣры въ Бога и въ Его Святое попеченіе о мірѣ и людяхъ.—И это уже великій шагъ и самое благотворное вліяніе, оказанное наукой въ исторіи нравственнаго развитія людей; само же ученіе о величіи Божіемъ можетъ, конечно, быть почерпнуто только изъ ученія Церкви, которое составляетъ единственное правильное ученіе о Богѣ, превыше всякихъ научныхъ и философскихъ попытокъ къ распознанію Его.

Полнота и опредѣленность всѣхъ вышеприведенныхъ сообщеній безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что теологическое міровоззрѣніе ученыхъ не можетъ занимать низшую степень въ развитіи мысли, а занимаетъ самую высшую, такъ какъ его придерживались всѣ высшіе умы человѣчества. Это міровоззрѣніе выработано ими послѣ многихъ десятковъ лѣтъ усидчивой работы надъ изученіемъ природы и ея явленій, послѣ многихъ сомнѣній, ошибокъ и заблужденій, какъ окончательный результатъ ихъ жизни, ихъ мысли и ихъ чувствованій. Онъ долженъ быть примѣромъ для всѣхъ и въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ можетъ безповоротно рѣшить вопросъ о томъ, что истинныя знанія и мудрость ведутъ прямо къ по-

Digitized by Google

знанію Божественной Премудрости, къ признанію Бога Творцемъ и Промыслителемъ вселенной и къ необходимости допущенія Высшей безконечной Воли, правящей и руководящей всѣмъ сущимъ, сотвореннымъ Имъ.

Но отчего же Огюстъ Контъ и его послѣдователи не обратили на это вниманія при составленіи своей классификаціи развитія мысли? Вѣдь это выходитъ: своя своихъ не познаша? Сами ученые причисляютъ свой лучшій цвѣтъ, самыхъ мудрѣйшихъ изъ себя къ низшей степени развитія и ставятъ себя, людей несравненно менѣе знающихъ на такой высокій пьедесталъ учености.

Подробно причины тому будутъ указаны ниже; теперь-же мы скажемъ, что главныхъ тому причинъ двѣ; а именно:

1) Совершенно такъ же поступили бы дѣти, которыхъ заставили бы судить дѣйствія своихъ учителей; не понимая смысла и логики, которые руководятъ ими и судя лишь по однимъ внѣшнимъ проявленіямъ, дѣти очень логично выводятъ по своему, что учителя мѣшаютъ имъ только играть, что́ для нихъ было бы полезнѣе.

Огюстъ Контъ и его послѣдователи, обладая несравненно меньшими умственными и научными средствами, не обладая достаточнымъ количествомъ внутреннихъ силъ души, взялись судить о великихъ мастерахъ науки, которые обладали несравненно большими средствами къ изученію природы. Огюстъ Контъ не потрудился даже стать на ту исходную точку мышленія, которая руководила ими, но судилъ о нихъ, не отступая отъ своего матеріалистическаго образа мысли; а потому для него и для его послѣдователей ученія великихъ мастеровъ казались и не ясны и ошибочны, и они никакъ не могли признать за ними того высокаго смысла, который дѣйствительно заключался въ этихъ ученіяхъ.

2) Вторая причина заключается въ неправильномъ пониманіи цѣли и назначенія науки, что образуетъ въ наукѣ двѣ категоріи людей: ученыхъ и позитивистовъ. Къ первой категоріи слѣдуетъ отнести адептовъ истинной и свободной отъ предвзятыхъ идей науки, и эта наука доводитъ своихъ послѣдователей всегда до познанія Бога, всего высшаго и премудраго въ природѣ, а ко второй категоріи принадлежатъ тѣ, которые допускаютъ лишь одинъ позитивный методъ при изслѣдованіяхъ природы. Эту категорію людей доводитъ ихъ позитивизмъ всегда до атеизма или до самого низшаго матеріализма. Постараемся выяснить это болѣе подробно.

Digitized by Google

Глава III.

Цѣль и назначеніе науки.

Человѣкъ обладаетъ двумя главными силами или способностями души, это: разумомъ и духовно-нравственными чувствами.

Какая изъ этихъ силъ главная?

На этотъ счетъ мнѣнія расходятся.

Одни находятъ, что безусловно разумъ въ человѣкѣ важнѣе, что, главнымъ образомъ, надо развивать его, и уже ему подчинять свои чувства.

Другіе полагаютъ, что міромъ управляютъ чувства, и что разумъ играетъ подчиненную роль.

Третьи говорятъ, что безъ гармоніи разума и чувства нѣтъ внутренняго согласія въ человѣкѣ, нѣтъ силы и мощности проявленій интеллектуальной дѣятельности, дающей максимумъ полезности, а потому не только безполезно, но и вредно развивать чувства въ ущербъ разуму или разумъ въ ущербъ чувствамъ; обѣ стороны должны быть развиты въ одинаковой степени.

Прослушаемъ геніальнѣйшее мнѣніе по этому поводу Герберта Спенсера, высказанное имъ въ его брошюрѣ: „Классификація наукъ“ (стр. 48, 49 и 50); онъ говоритъ: „не идеи управляютъ міромъ и ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ. Не умственная анархія, а нравственный антагонизмъ составляетъ причину политическихъ кризисовъ. Всѣ соціальныя явленія порождаются общимъ строемъ человѣческихъ ощущеній и вѣрованій, изъ которыхъ первыя опредѣлены почти всегда напередъ, а вторыя опредѣляются почти всегда впослѣд-

Digitized by Google

ствіи. Большинство желаній человѣческихъ унаслѣдовано, между тѣмъ какъ большинство вѣрованій пріобрѣтается и зависитъ отъ окружающихъ условій; а важнѣйшія изъ окружающихъ условій зависятъ отъ того состоянія общества, какое породили наиболѣе сильно господствующія желанія. Соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и проч. гражданъ-предковъ и гражданъ-современниковъ. Общепринятыя идеи такого соціальнаго состоянія должны, въ среднемъ выводѣ, быть вполнѣ соотвѣтственны чувствамъ гражданъ и, слѣдовательно, въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, какое породили эти чувства. Идеи, вполнѣ чуждыя этому состоянію, не могутъ въ немъ развиваться, а если вводятся извнѣ, не принимаются или же если и принимаются, то вымираютъ, какъ только кончается временный фазисъ чувствъ, допустившихъ ихъ принятіе. Поэтому, хотя передовыя идеи, установившись разъ, вліяютъ на общество и содѣйствуетъ дальнѣйшему его прогрессу, но установленіе такихъ идей зависитъ все-таки отъ подготовленности общества къ ихъ воспріятію. На дѣлѣ выходитъ такъ: народный характеръ и соціальное состояніе опредѣляютъ, какія идеи должны получить ходъ въ обществѣ; а не идеи эти опредѣляютъ соціальное состояніе и народный характеръ. Поэтому измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое безпрерывнымъ вліяніемъ соціальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ соціальнымъ отношеніямъ,—есть главная ближайшая причина общественнаго прогресса".

То же мнѣніе высказываетъ и Г. Г. Льюисъ (Философія наукъ Огюста Конта, стр. 7, 8) а именно—онъ говоритъ: „Я уже не разъ высказывалъ грѣховное убѣжденіе, что умственное міровоззрѣніе не есть наиблагороднѣйшее міровоззрѣніе человѣка. До тѣхъ поръ не будетъ существовать философіи, удовлетворяющей требованіямъ человѣчества, пока не признаютъ той истины, что человѣкомъ управляютъ не его мысли, а его ощущенія. Разсудокъ же служитъ человѣку только *путеводителемъ*. Другими словами, разсудокъ есть рабъ, а не властелинъ сердца; и наука есть пустое безполезное дѣло, заслуживающее такъ же мало уваженія, какъ и шахматная игра, если она не ставитъ себѣ какой-нибудь великой *религіозной цѣли*, если она не исходитъ изъ какого-нибудь широкаго взгляда на человѣческую жизнь и предназначеніе".

Совершенно то же мнѣніе приводилъ даже самъ Огюстъ Контъ въ своей „Système de politique positive"; онъ говоритъ, что „умъ долженъ всецѣло быть подчиненъ чувствамъ, или,

Digitized by Google

переводя это съ языка этики на языкъ логики, что упражненіе ума, какъ и всѣхъ прочихъ нашихъ способностей, должно имѣть единственной цѣлью общее благо. Всякое другое употребленіе ума слѣдуетъ считать не только безполезнымъ и напраснымъ, но даже нравственно преступнымъ. Вполнѣ обязанные человѣчеству тѣмъ развитіемъ, которое снабдило насъ умственными силами, какія мы имѣемъ теперь, мы должны всецѣло посвятить эти силы на служеніе ему. И на этомъ фундаментѣ Контъ строитъ выработанную систему полнаго подавленія всякой независимой мысли".

Въ развитіи мыслительной силы Контъ не видитъ нужды, или, пожалуй, видитъ нужду, но безконечно меньшую, нежели въ покорности и послушаніи. Онъ безпрестанно указываетъ, что изъ всѣхъ составныхъ аттрибутовъ человѣческой природы умъ требуетъ больше всего управленія и обуздыванія. Это самый буйный, „le plus perturbateur", изъ духовныхъ элементовъ нашей натуры — болѣе даже нежели эгоистическіе инстинкты. Въ теченіе всего переходнаго періода, начавшагося со временъ древней Греціи (Контъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ мы постоянно находились въ революціонно-переходномъ состояніи), умъ былъ въ положеніи систематическаго возстанія противъ le coeur".

У Огюста Конта есть обширнѣйшіе трактаты, доказывающіе, что нѣтъ возможности себѣ представить возрожденіе человѣчества безъ полнѣйшаго прекращенія „умственной анархіи" и безъ „систематизаціи человѣческихъ знаній", что можетъ лишь быть достигнуто подчиненіемъ ума руководству чувствъ (Д. С. Милль 153, 3, 165).

Обдумаемъ и вникнемъ хорошенько въ глубочайшій смыслъ этихъ трехъ сообщеній великихъ мыслителей. Не приходится ли намъ ежедневно убѣждаться въ справедливости ихъ словъ, разбирая лично свою жизнь, жизнь другихъ людей, жизнь обществъ и народовъ и даже строй каждаго государства?

Спросимъ себя, почерпаетъ ли каждый изъ насъ изъ внѣшняго міра всѣ впечатлѣнія и всѣ знанія, которыя существуютъ въ мірѣ?

О! далеко нѣтъ,—отвѣтитъ каждый, который хотя немного вдумывался въ строй вселенной. Окружающій насъ міръ такъ переполненъ бездною премудрости и самыхъ разнообразнѣйшихъ тайнъ во всѣхъ областяхъ и уголкахъ вселенной, которыя, конечно, со временемъ рано или поздно составятъ предметъ изученія; нѣкоторыя открываются каждому изъ насъ лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ созрѣваетъ въ своемъ интеллектуальномъ развитіи и дѣлается способнымъ замѣтить

Digitized by Google

какую-нибудь изъ нихъ и остановить на ней свое вниманіе, потому мы должны заключить, что одно и то же явленіе природы или какой-нибудь фактъ или какая-нибудь великая истина, видѣнная или слышанная нами, производитъ на каждаго изъ насъ совершенно разныя впечатлѣнія. Одни совсѣмъ ея не понимаютъ; есть такіе, которые не способны ее замѣчать ни одной силой или способностью своего существа. Изъ тѣхъ же, которые и видятъ, чувствуютъ или ощущаютъ этотъ фактъ или эту великую истину, всякій объясняетъ ее себѣ, сообразно своему интеллектуальному развитію съ тѣми оттѣнками, которые имѣетъ его развитіе, и съ тѣми пробѣлами и уклоненіями отъ общаго и истиннаго смысла этого явленія, которые существуютъ въ немъ самомъ, въ его существѣ, но не въ разбираемомъ явленіи. А слѣдовательно тотъ, кто больше развитъ, черпаетъ большее число впечатлѣній изъ природы, правильнѣе уясняетъ себѣ ихъ и даетъ имъ болѣе близкія къ истинному ихъ смыслу толкованія, чѣмъ тотъ, кто меньше развитъ.

Все ли хорошее, что намъ удается такимъ образомъ почерпнуть изъ внѣшняго міра, примѣняемъ мы къ жизни? Совершенствуетъ ли оно насъ и подвигаетъ ли насъ по пути развитія? Мы всякій день убѣждаемся, что видѣть и понимать истину не значитъ быть способнымъ примѣнить ее къ себѣ. Всякій изъ насъ знаетъ множество прекрасныхъ и неоспоримыхъ истинъ, однако, всѣ ли онѣ прививаются къ намъ и входятъ въ нашу жизнь? Изслѣдуемъ ли мы тѣ факты и явленія, которые въ дѣйствительности важнѣе, или тѣ, къ которымъ лежитъ больше наше сердце?

Приведемъ примѣры:

1) Изъ области духовной: вспомнимъ ученіе Христа о всеобщей взаимной братской любви, о смиреніи и покорности.

2) Изъ области нравственной: о вредѣ пьянства.

3) Изъ области политической: о несовременности войнъ.

Разумомъ мы превосходно понимаемъ всѣ эти истины; онѣ поражаютъ насъ своей ясной практической мудростью, полной примѣнимостью къ ежедневной жизни нашей на землѣ, а однако онѣ къ жизни не прививаются, развѣ мало-по-малу совершенно незамѣтнымъ образомъ.

Въ этомъ случаѣ и наука не дѣлаетъ исключеній; она охотнѣе изслѣдуетъ то, къ чему она привыкла и болѣе склонна. Изучая мельчайшія детали знакомыхъ ей фактовъ и явленій, и она оставляетъ неразслѣдованными цѣлыя области чудеснаго и загадочнаго, которыя должны бы были возбуждать ея жи-

Digitized by Google

вѣйшій интересъ. Для примѣра приведемъ весьма своеобразный и вполнѣ оффиціально доказанный историческій фактъ, а именно: цѣлый караулъ солдатъ видѣлъ одновременно и Императрицу Анну Іоанновну, и ея двойника въ тронной залѣ дворца. Подобныхъ фактовъ много; подвергался ли хотя одинъ изъ нихъ разслѣдованію позитивизма.

Скажите, кто не восхищался премудрой простотой великихъ истинъ и не мечталъ о томъ: 1) какъ жилось бы легко на землѣ, если бы каждый былъ слугой другихъ и дѣлалъ бы другимъ только то, что желалъ бы, чтобы ему сдѣлали. Всякій понимаетъ, что земля превратилась бы въ рай и всякому было бы легко, весело и удобно жить. Жизнь совсѣмъ измѣнила бы свой грубый корыстный характеръ, страсти и интриги изчезли бы и, положительно, всѣ сдѣлались бы лучше.

Всякій скажетъ, что высота этого ученія не соотвѣтствуетъ низкой степени средняго уровня нравственнаго развитія людей, а потому они и не въ состояніи примѣнять это ученіе. Когда-нибудь въ далекомъ будущемъ, когда люди станутъ совершеннѣе, и эта истина будетъ все болѣе и болѣе входить въ жизнь людей. При настоящемъ же строѣ жизни эта идея составляетъ одну утопію.

2) Кто не понимаетъ вреда отъ пьянства? Если бы люди не пьянствовали, сколько бы денегъ сохранилось, сколько бы уменьшилось преступленій, болѣзней, безобразій, оргій, несчастій, нищеты...

— Развѣ могутъ порочные люди не пить,—отвѣтятъ вамъ,— грусть свою топятъ въ винѣ! Можно указать много другихъ болѣе существенныхъ средствъ, чтобы отгонять свою грусть, но пьянство отъ этого нисколько не уменьшится, пока люди не сдѣлаются нравственно чище.

3) Если бы не было войнъ,—не было бы и войскъ и военнаго сословія; какъ обогатились бы государства! Это видятъ всѣ. Но всякій понимаетъ тоже, что, кромѣ внѣшнихъ враговъ въ государствѣ, есть болѣе злѣйшіе внутренніе враги и имя имъ: неразвитость, необузданность, дикость, жестокость, эгоизмъ, алчность, злость, зависть, обманъ и преступленіе, которые много хуже внѣшнихъ враговъ. Если не было бы государство сильно и авторитетно,—какой безпорядокъ царилъ бы въ немъ; такая распущенность, что жизнь всякаго сдѣлалась бы хуже и труднѣе, чѣмъ жизнь первобытнаго человѣка среди хищныхъ звѣрей, пантеръ и пещерныхъ медвѣдей. Однимъ страхомъ отвѣтственности наказанія и можно только сдержать страсти и злость людскую, и еще много времени пройдетъ, пока чувство долга сдѣлается общимъ достояніемъ.

Digitized by Google

4) Лѣтъ двадцать тому назадъ только шептались и передавали другъ другу не иначе, какъ по секрету, о сверхъестественныхъ явленіяхъ, которыя существуютъ по преданію въ каждомъ семействѣ и о которыхъ не было принято говорить громко, а потому они сохранялись въ тайнѣ. Теперь начали говорить о нихъ въ обществахъ, и даже открыто. Подобныхъ разсказовъ милліоны. Неужели эти факты достойны меньшаго вниманія для изслѣдователя, чѣмъ изученіе грозы, вѣтра, сѣвернаго сіянія? Казалось бы, что они должны были возбудить несравненно большій интересъ, ибо сами явленія загадочнѣе и чудеснѣе, а, между прочимъ, наука и не думаетъ приниматься за ихъ изученіе. Не знать о нихъ ученые не могутъ; зная же о ихъ существованіи, они не могутъ не поражаться ими, совершенно такъ же, какъ поражается каждый изъ насъ; отчего же никто еще не изучаетъ ихъ? Отвѣтъ ясенъ: духовное развитіе ученыхъ еще не возросло до того, чтобы быть въ состояніи открыто идти противъ невѣжественныхъ модныхъ толковъ и взяться за такое дѣло, которое можетъ подорвать ихъ репутацію позитивистовъ, которою они дорожатъ еще.

Мы всякій день убѣждаемся, что видѣть и понимать истину еще не значитъ быть способнымъ примѣнить ее къ себѣ.

Пока мы понимаемъ истину однимъ своимъ разумомъ, а не сердцемъ и не чувствомъ—мы никогда не будемъ въ состояніи осилить свою природу, передѣлать себя и заставить себя дѣлать то, что намъ не сродно.

Мы всѣ болѣе порочны, чѣмъ добродѣтельны, и потому, замѣтьте, какъ какая-нибудь гадость, пошлость, сальность къ намъ быстро прививается! Мы еле успѣемъ услыхать ее еще однимъ ухомъ и уже схватили ее на-лету и готовы исполнить. И сколькихъ трудовъ намъ иногда стоитъ удержать себя отъ этого! Вотъ какъ быстро принимается злое сѣмя, упавшее на подходящую ему злую почву души нашей. Совершенно противоположное явленіе происходитъ, если намъ приходится услышать о чемъ-нибудь высокомъ, прекрасномъ и мудромъ, о томъ, что выше нашего нравственнаго развитія. Намъ доказываютъ, что это хорошо, убѣждаютъ, что стоитъ намъ только принять эту истину — и мы сами будемъ лучше, и жизнь наша пойдетъ ровнѣе, безмятежнѣе, и отношенія наши къ окружающему міру и къ людямъ станутъ легче. Мы и сами знаемъ все это, но все-таки упорствуемъ, опровергаемъ и подыскиваемъ разныя препятствія, несмотря на то, что хорошо видимъ всю несостоятельность этихъ опроверженій, и въ концѣ концевъ эта истина нами не принята и къ нашей жизни не примѣнена.

Digitized by Google

Однимъ словомъ, разсудокъ нашъ во всѣхъ случаяхъ жизни является рабомъ сердца и чувствъ, но не властелиномъ. Разумъ можетъ понимать истину, но воспріять ее человѣкъ можетъ только тогда, когда онъ нравственно достаточно для того развитъ, и для того, кто мало развитъ, эти истины будутъ то, что мы называемъ *недосягаемымъ идеаломъ*.

Если бы разумъ былъ властелиномъ, то что мѣшало бы человѣку заставить свое сердце, свой характеръ и свои чувства примѣнять въ своей ежедневной жизни тѣ высокія истины, о которыхъ онъ слышалъ и разумомъ одобрилъ, и тогда не было бы недосягаемаго и не было бы идеаловъ. Идея, постигнутая разумомъ, прививалась бы къ намъ и становилась бы нашей собственной; измѣняя соотвѣтственно нашъ характеръ и привычки—улучшала бы насъ самихъ.

Но природа требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ самъ сперва подготовилъ почву души своей для возможности дальнѣйшаго совершенствованія; если почва не готова—то и совершенствованія нѣтъ. Однимъ словомъ, человѣкъ есть именно то, что онъ есть, не болѣе и не менѣе; и можетъ примѣнять къ своей жизни и къ себѣ лично только то, что соотвѣтствуетъ его нравственному развитію. Если онъ желаетъ совершенствоваться, то долженъ работать надъ собой, надъ развитіемъ своихъ чувствъ и своего духовнаго пониманія природы вещей. Онъ долженъ передѣлывать свой характеръ и свои привычки силой своей воли и принуждать слѣдовать идеямъ высшей правды, высшаго добра и совершенства. Безъ этой борьбы съ самимъ собой нѣтъ истиннаго, внутренняго и душевнаго прогресса, и человѣкъ останется тѣмъ же, на томъ же уровнѣ своего развитія. Пока у людей и у общества есть идеалы, къ которымъ они стремятся и не могутъ достигнуть, надо воспитывать ихъ душу и сердце болѣе усиленно, чѣмъ разумъ, ибо разумъ ихъ и такъ уже опередилъ сердце и дальнѣйшее его развитіе не только не принесетъ никакой пользы, но можетъ оказаться вреднымъ, какъ всякій серьезный и опасный инструментъ въ рукахъ ребенка, не умѣющаго обращаться съ нимъ.

Теперь перейдемъ къ другому вопросу и спросимъ себя, что такое наука?

Мы хотѣли бы видѣть въ наукѣ обширнѣйшую хранилищницу или сокровищницу всѣхъ безъ изъятія результатовъ полезной дѣятельности всѣхъ силъ и способностей человѣка, какъ разумныхъ, такъ и нравственныхъ и духовныхъ, ведущихъ какъ все общество, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его по пути прогресса. По точному смыслу наука должна охватывать всѣ знанія людскія, какія бы они ни были въ полномъ ихъ объемѣ.

Digitized by Google

Все, что только можетъ улучшать жизнь человѣка на нашей планетѣ, все, что можетъ совершенствовать и улучшать самую нашу планету и дѣлать ее болѣе легкою и приспособленною къ удобствамъ жизни на ней, все, что возвышаетъ и облагораживаетъ душу человѣка, или способствуетъ къ установленію правильныхъ отношеній людей между собой и къ окружающей ихъ природѣ — все должно бы было имѣть свою рубрику въ наукѣ и соотвѣтствующее мѣсто среди человѣческихъ знаній, ибо все это человѣку одинаково и безусловно необходимо; а слѣдовательно всѣ подобнаго рода темы должны считаться научными.

Выяснивъ себѣ до нѣкоторой степени нашъ взглядъ на цѣль и на назначеніе науки, на необходимость какъ разумнаго, такъ и нравственнаго воспитанія людей, разсмотримъ насколько наша современная господствующая наука удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, насколько она способствуетъ изученію великихъ истинъ и насколько она развиваетъ въ насъ нравственность, облагораживаетъ и возвышаетъ наши чувства, чтобы подготовлять почву нашей душѣ, чтобы она могла быть способна къ воспріятію высшихъ истинъ.

Digitized by Google

Глава IV.

Позитивизмъ.

Разбирая современную господствующую науку, мы далеко не найдемъ въ ней всего того, что желали бы видѣть, преслѣдуя наше выше приведенное понятіе о цѣли и назначеніи науки. Скажемъ болѣе,—въ настоящее время совершенно *нѣтъ науки*, а есть какая-то несчастная, жалкая и скомканная наука подъ весьма горделивымъ названіемъ *позитивизмъ*.

Приверженцы позитивизма окружили науку китайской стѣной положительныхъ принциповъ и предвзятыхъ идей, и тѣ знанія, которыя не соотвѣтствуютъ предначертанной ими программѣ, не включаются вовсе въ область положительныхъ наукъ.

Начало подобному взгляду на науку положилъ Огюстъ Контъ въ своей позитивной философіи; программа позитивизма была выработана его послѣдователями, которые, впрочемъ, считаютъ, что ни въ чемъ не нарушили кореннаго смысла первоначальнаго ученія своего учителя; но это нельзя считать безусловно вѣрнымъ.

Строго слѣдуя программѣ позитивизма, въ настоящее время исключены изъ числа наукъ и совсѣмъ къ нимъ не причисляются нижеслѣдующія науки:

1) Вся философія и метафизика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ матеріалистическихъ философій, вродѣ Бюхнера и Молешота, которыя названы адептами положительныхъ наукъ научными философіями, за отсутствіемъ въ нихъ и тѣни чего-нибудь метафизическаго.

Огюстъ Контъ самъ писалъ философію, и многія его разсужденія и допущенія имѣютъ ясный метафизическій характеръ; притомъ же Контъ не отвергалъ необходимости изученія причины, какъ это совершенно неправильно утверждаютъ многіе.

Digitized by Google

„Въ точномъ смыслѣ это невѣрно: онъ отвергаетъ только вопросы о первоначальномъ происхожденіи и о дѣятеляхъ, отличныхъ отъ того, что называютъ причинами естественными. Онъ считаетъ недоступными для насъ причины, которыя сами не суть явленія. Подобно многимъ, онъ допускаетъ изслѣдованіе причинъ въ томъ смыслѣ, по которому одинъ естественный фактъ можетъ быть причиною другого. Но Контъ не терпитъ слова „причина", онъ согласенъ говорить только о законахъ послѣдовательности. Отказываясь отъ употребленія слова, имѣющаго положительное значеніе, онъ упускаетъ изъ виду и мысль, выражаемую имъ. Онъ не видитъ различія между двумя такими обобщеніями, какъ законы Кеплера и теорія тяготѣнія. Онъ не старается понять разницу между законами послѣдовательности и сосуществованія, которые мыслителями другой школы называются законами явленій и законами того, что они зовутъ дѣйствіемъ причинъ (Д. Стюартъ Милль, стр. 53). „А потому точный смыслъ ученія Огюста Конта не имѣетъ своимъ основаніемъ исключеніе философіи и метафизики, и надо признать, что это сдѣлано его послѣдователями совершенно самовольно. Исключать философію изъ числа наукъ не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія, ибо въ истинномъ своемъ смыслѣ философія есть наука „о самомъ человѣкѣ, какъ о существѣ разумномъ, нравственномъ и соціальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ и его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что онъ можетъ знать—насколько это касается способа познаванія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія. Философія науки есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ сама наука, разсматриваемая не по отношенію къ ея результатамъ и истинамъ, которыя она опредѣляетъ, а по отношенію къ процессамъ, посредствомъ которыхъ умъ достигаетъ этихъ результатовъ, или по отношенію къ признакамъ, по какимъ онъ узнаетъ эти истины, а также по отношенію къ стройному и методическому расположенію ихъ въ видахъ возможно большей ясности пониманія, равно какъ самаго полнаго и удобнаго примѣненія: однимъ словомъ, это—логика науки" (Д. Стюартъ Милль, стр. 49, 50).

2) Изъ числа положительныхъ наукъ исключены всѣ богословскія науки, вся теологія, этика и всѣ нравственныя науки. Труды глубокихъ мыслителей, вродѣ Боссюэта, Паскаля, Давида Гэртли, Руссо, Дидро, Даланберта и многихъ другихъ, не находятъ себѣ мѣста среди положительныхъ наукъ, несмотря на то, что, воспитывая нравственность и образовывая чувство, они лучше другихъ наукъ способствуютъ развитію

Digitized by Google

людей и общей ихъ подготовкѣ для болѣе успѣшнаго слѣдованія по пути прогресса.

Это исключеніе совсѣмъ противорѣчитъ духу ученія Огюста Конта. Къ шести основнымъ наукамъ своего первоначальнаго ряда Огюстъ Контъ прибавляетъ еще седьмую подъ именемъ „науки нравственности"; она, по его мнѣнію, образуетъ самую высшую ступень лѣстницы, непосредственно выше вслѣдъ за соціологіей. Огюстъ Контъ не могъ исключить нравственныхъ наукъ изъ числа наукъ, такъ какъ въ ученіи о нравственности онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Гербертомъ Спенсеромъ и ставилъ нравственныя познанія выше всѣхъ существующихъ.

3) Огюстъ Контъ самъ исключилъ изъ числа положительныхъ наукъ политическую экономію, на которую онъ ужасно нападалъ за всѣ ея выводы, находя ихъ не серьезными и лишенными всякаго основанія. Онъ самъ исключилъ также и военныя науки, находя ихъ характеръ лишь временнымъ, утверждая, что будто бы съ увеличеніемъ развитія эти науки будутъ со временемъ замѣщены коммерческими. Въ своемъ линейномъ ряду Огюстъ Контъ не даетъ мѣста *психологіи* и повсюду говоритъ о ней съ пренебреженіемъ. Изученіе умственныхъ явленій, или, какъ онъ выражается, интеллектуальныхъ и нравственныхъ отправленій, помѣщено у него подъ рубрикою біологіи, но и то какъ вѣтвь физіологіи. Наши познанія объ умѣ человѣческомъ, полагаетъ Контъ, должны пріобрѣтаться чрезъ наблюденіе другихъ людей. Ему показалось, что самонаблюденіе можетъ дать намъ весьма не многое относительно чувствъ и ничего не даетъ касательно разума. Онъ полагалъ, что нашъ умъ въ состояніи наблюдать все другое, кромѣ себя самого, что мы не въ силахъ наблюдать свое наблюденіе и разсужденіе во время самыхъ процессовъ; и если бы захотѣли сдѣлать это, то вниманіе къ самому рефлексу уничтожило бы его объектъ, остановивъ собою наблюдаемый процессъ.

4) Изъ трудовъ всѣхъ ученыхъ позитивисты выкраиваютъ и исключаютъ все, что не поддается непосредственному опыту и наблюденію, и все, что не можетъ быть провѣрено мѣрой и вѣсомъ. Опытъ, по мнѣнію позитивистовъ, не можетъ имѣть никакого значенія въ вопросахъ сущности, происхожденія и начала, а слѣдовательно о сущности и происхожденіи вещей, фактовъ и явленій природы позитивизмъ не долженъ выражать никакихъ заключеній и не долженъ имѣть никакихъ сужденій, и всѣ попытки къ тому должны считаться не научными. Огюстъ Контъ порицалъ даже „изученіе солнечной системы, если оно простирается на какія-либо планеты, кромѣ тѣхъ, которыя видимы невооруженному глазу и однѣ только обнаруживаютъ въ

Digitized by Google

дѣлѣ тяготѣнія на нашу землю вліяніе, доступное опредѣленію". Даже изслѣдованіе возмущеній въ ихъ движеніяхъ онъ считаетъ напраснымъ, коль скоро оно идетъ далѣе общаго понятія о нихъ; онъ думаетъ, что астрономія съ пользой могла бы ограничить свою сферу движеніями и взаимнымъ дѣйствіемъ другъ на друга земли, солнца и луны. Подобнымъ же образомъ Контъ имѣлъ въ виду очистить и всѣ другія науки. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что большая часть дѣйствительно доступныхъ для насъ изслѣдованій напрасна и безполезна. Онъ хотѣлъ бы съузить насколько возможно больше предѣлы всѣхъ наукъ. Онъ постоянно повторяетъ, что „всякая наука, какъ изслѣдованіе абстрактное, не должна идти далѣе, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы положить основаніе слѣдующей за нею наукѣ, а въ окончательномъ результатѣ соціальной наукѣ, — главной цѣли всѣхъ ихъ". (Д. С. Милль, стр. 158).

Всѣ отвлеченные сужденія и выводы, какъ бы логичны они ни были, всѣ умозрѣнія и гипотезы, какъ бы они ни были научны, — не включаются въ область позитивизма, ибо человѣческій разумъ въ продолженіе своего развитія не разъ принималъ теоріи и системы, которыя прежде казались ему немыслимыми, и наоборотъ отказывался отъ другихъ, которыя считалъ раньше логичными; и всѣ эти заблужденія позитивисты относятъ къ тому, что каждый человѣкъ (хотя и ученый) долженъ считать себя въ научныхъ вопросахъ какъ бы психически несостоятельнымъ.

Нечего говорить уже о томъ, что позитивизмъ никогда не касался и считаетъ выше своихъ силъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ: о Высшей Волѣ, правящей вселенной, о Богѣ, какъ началѣ всего сущаго, о душахъ и духахъ и о загробной жизни.

М. Литтре очерчиваетъ раіонъ дѣятельности позитивизма слѣдующими словами: „Въ основѣ своей положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что разъ признавъ относительность человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностью человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что нашему знанію есть предѣлы; все, что не находится въ предѣлахъ познавательной способности разума, — все это положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятными эти гипотезы ни казались, положительная философія не принимаетъ ихъ и не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній, не строитъ на нихъ ни системъ, ни предложеній, ни догадокъ".

Digitized by Google

„Мы никогда не можемъ узнать всего, — говоритъ, Литтре, — и всѣ наши усилія достичь обсолютнаго, безусловнаго знанія не могутъ дать положительныхъ результатовъ; будемъ же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленіяхъ тѣмъ полемъ, гдѣ открытъ просторъ наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что можетъ быть изслѣдовано и провѣрено научнымъ образомъ; только такимъ путемъ мы пріобрѣтемъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно выводить вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной (?!); все прочее, что сочиняютъ разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Согласимся разъ навсегда, что и наши концепціи, наши доктрины, ни наши системы никогда не могутъ стать абсолютными и должны оставаться и по сущности своей, и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть не что иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказалась бы гордость наша, если бы мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благородно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посредствомъ генія и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возростающій, интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ созерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни".

„Я никогда не найду лишнимъ повторить, — продолжаетъ Литтре, — что все мыслимое или немыслимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической физіологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достовѣрностью, вѣрностью; но при первой попыткѣ перенести ихъ за наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе, и они падаютъ на насъ, какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство".

„Извѣстно, — говоритъ онъ, — что человѣческій разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, *что опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала.*

„Ничто не даетъ намъ права распространять психическую теорію нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества, во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства.

Digitized by Google

„Позитивизмъ имѣетъ въ виду разъяснить лишь то, что подлежитъ человѣческому *опыту и наблюденію;* каждый разъ, когда логика даннаго времени пыталась проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благоразумно останавливается и скромно *сознается въ безсиліи человѣческаго разума.* За этими предѣлами положительная философія *ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ; она, однимъ словомъ, не знаетъ непознаваемаго,* но констатируетъ существованіе его. Такова высшая философія; идти далѣе химерично, но доходить до этого—значило бы бѣжать отъ нашего сознанія.

„Человѣческій разумъ, въ продолженіе своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему немыслимыми, и отказывался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными: эта психическая несостоятельность въ немъ есть".

Необходимость позитивнаго метода при научныхъ изслѣдованіяхъ очень убѣдительно подтверждается, къ несчастью, слишкомъ многими учеными. — Приведемъ для примѣра слова Дж. Г. Льюиса (Истор. филос., пер. 1885 г., стр. 5 и 294): „Напрасно нѣкоторые силются доказать, что философія до сихъ поръ не подвинулась впередъ потому, что ея задачи сложны и требуютъ большихъ усилій въ сравненіе съ болѣе простыми вопросами положительнаго знанія. Напрасно предостерегаютъ насъ отъ заключеній о будущемъ по прошедшему, отъ увѣренности, что никакихъ успѣховъ не послѣдуетъ потому, что ихъ не было. Правда рискованно становить безусловныя границы развитію человѣческихъ способностей, но нисколько не рискованно утверждать, что философія никогда не достигнетъ своихъ цѣлей, потому что достиженіе ихъ внѣ человѣческихъ силъ. Здѣсь дѣло не въ трудности, а въ невозможности. Прогресса здѣсь быть не можетъ, потому что нѣтъ критерія правильности результатовъ метафизическаго изслѣдованія. Мы можемъ познавать только явленія, ихъ сходства, сосуществованія и послѣдованія, стремиться же къ познанію большаго— значитъ пытаться перейти положительныя границы человѣческихъ способностей,— *чтобы знать больше, надо быть больше, чѣмъ мы есть*".

Основной смыслъ этихъ двухъ выдержекъ изъ ученія двухъ ярыхъ позитивистовъ имѣетъ слѣдующее значеніе:

1) Придерживаясь программы положительныхъ наукъ при изслѣдованіяхъ и изученіяхъ природы и ея явленій, мы рискуемъ вдаться въ меньшія ошибки, чѣмъ то можетъ случиться, изыскивая умозрительнымъ путемъ отвлеченную для насъ область въ природѣ.

Digitized by Google

2) При настоящемъ развитіи наукъ позитивисты не видятъ никакой возможности начать какія-либо научныя изслѣдованія этой области, не потому чтобы ея въ дѣйствительности не было, а единственно ссылаясь на человѣческую несостоятельность, ибо они находятъ, что *человѣку пришлось бы быть больше того, чѣмъ онъ въ сущности есть.*

3) Для того, чтобы быть болѣе послѣдовательнымъ и менѣе погрѣшимымъ, позитивизмъ можетъ признавать только то, что подлежитъ наблюденію и опыту.

4) Опытъ не можетъ имѣть никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала, т.-е. о сущности и началѣ мы не можемъ знать ничего по опыту, слѣдовательно и разсуждать о нихъ положительныя науки права за собой не оставляютъ.

5) За предѣлами опыта и наблюденія позитивизмъ останавливается, и далѣе онъ ничего не отвергаетъ и не утверждаетъ.

Вотъ основные принципы и программа нашей современной господствующей науки, которая послѣ всѣхъ урѣзываній, которыя необходимо было въ ней сдѣлать для удовлетворенія программы, должна называться уже не наукой, а непремѣнно позитивизмомъ, въ отличіе отъ истинной свободной науки.

Съ прискорбіемъ надо сказать, что въ настоящее время почти нѣтъ другой науки, ибо всякіе даже проблески свободной мысли подавляются моднымъ позитивизмомъ; они отвергаются, осмѣиваются и не получаютъ мѣста въ наукѣ.

Положимъ, что позитивисты могутъ принять и преслѣдовать какую имъ угодно программу, ставить какія угодно рамки для своихъ знаній, далѣе которыхъ они не должны идти. Они, можетъ быть, правы, признавъ человѣка психически несостоятельнымъ, рѣшивъ въ принципѣ довѣрять болѣе мѣрѣ и вѣсу, чѣмъ обманчивымъ и несовершеннымъ чувствамъ человѣка. Подобный взглядъ на вещи избавитъ ихъ несомнѣнно отъ многихъ ошибокъ, неточностей и гипотетичностей.

Но человѣчество — можетъ ли оно удовлетвориться этой программой? Развѣ этимъ могутъ исчерпываться всѣ познанія, такъ глубоко интересующія его? Какъ можетъ отрѣшиться человѣкъ отъ врожденнаго желанія, хотя бы когда-нибудь узнать начало и сущность свою и вселенной? Каждый человѣкъ мало-мальски мыслящій задаетъ себѣ прежде всего вопросъ: что же я такое? Какъ мнѣ понять вселенную и все меня окружающее? Но каждый разъ, когда затрогиваются подобнаго рода вопросы, появляется полная несостоятельность положительныхъ наукъ. Придерживаясь своей программы, онѣ должны разсматривать вселенную въ томъ видѣ, какъ она въ настоящее время есть, не заглядывая ни въ прошедшее, ни въ

Digitized by Google

сужденія обыкновенной логикой, лѣтъ за семьдесятъ раньше, чѣмъ говорили Огюстъ Контъ, Д. Г. Льюисъ и М. Литтре о цѣли позитивизма; и Кантъ въ сущности дошелъ до того же самаго заключенія, до котораго дошли и эти послѣдніе; но смыслъ его великихъ словъ имѣетъ совершенно другое, болѣе глубокое, чисто философское значеніе. Онъ предостерегаетъ будущее; но вѣдь результатъ подобнаго изслѣдованія можетъ быть только обширнымъ генеалогическимъ описаніемъ вселенной или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, вотъ и все.

Въ какое безотрадное положеніе ставятъ человѣка положительныя науки; онѣ обрекаютъ его никогда не изучать вопросовъ, наиболѣе его интересующихъ,—вопросовъ, составляющихъ главный смыслъ его жизни, а что важнѣе всего,—онѣ не допускаютъ даже и попытокъ къ изученію ихъ. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, если вопросы о внутренней жизни человѣка и духовномъ элементѣ природы трудны и кажутся намъ не легко разрѣшимыми, то правильно не пытаться совсѣмъ ихъ разрѣшать, а прямо изгонять ихъ изъ предѣловъ науки, совершенно игнорировать ихъ?

Тѣмъ не менѣе позитивизмъ строго держится своей программы. Онъ не допускаетъ ни въ одинъ научный предметъ ничего духовнаго, ничего волеваго, или отвлеченнаго, и ничего, что вслѣдствіе незнанія факта или явленія съ перваго взгляда кажется таковымъ.

Если позитивисты признаютъ человѣка въ самомъ дѣлѣ психически несостоятельнымъ, то, конечно, надо признать вполнѣ правильнымъ, что они постановили не довѣрять ему. Но мы спросимъ,—можно ли психически-несостоятельному человѣку вѣрить въ чемъ бы то ни было? Какой вѣрный выводъ изъ опыта можетъ сдѣлать этотъ психически-несостоятельный человѣкъ? Если по отношенію однихъ чувствъ мы должны допустить возможность невольнаго обмана или безотчетной галлюцинаціи, то должны и по отношенію другихъ чувствъ допустить то же самое. Почему зрѣніе и слухъ—два чувства, чаще всего галлюцинирующія,—даютъ правильныя показанія, по крайней мѣрѣ такія, на которыя и позитивисты позволяютъ ссылаться, а другія, менѣе поддающіяся галлюцинаціи, заставляютъ признавать человѣка психически-несостоятельнымъ? Намъ кажется, что психическую несостоятельность надо искать совершенно не тамъ, гдѣ ее ищутъ позитивисты. Есть люди, которые видятъ, чувствуютъ и познаютъ природу больше другихъ, и именно они и заслужили со стороны позитивистовъ названіе психической несостоятельности; не будемъ ли мы ближе къ дѣйствительности, если скажемъ, что это „слѣпые увѣряютъ

Digitized by Google

зрячихъ въ томъ, что все, что эти послѣдніе видятъ больше первыхъ,—есть не болѣе, какъ ихъ бредъ, обманъ зрѣнія, или выдумка". Но такъ какъ подобнаго рода слѣпцовъ во всѣ времена было несравненно больше, чѣмъ дѣйствительно зрячихъ, такъ какъ они смѣлѣе нападали, энергичнѣе доказывали и и отстаивали свои невѣрныя положенія, тогда какъ противная сторона, увѣренная въ своей правотѣ, держала себя всегда болѣе скромно и съ достоинствомъ, болѣе подходящимъ къ истинному и глубокому смыслу науки, то личности, привыкшія судить по одной наружной формѣ, не входя въ самую суть факта, которую они и не поняли бы, считали все это вполнѣ правильнымъ и въ порядкѣ вещей.

Эммануилъ Кантъ выводилъ категоріи знанія изъ формъ всякаго не впадать въ ошибки, слѣдуя шаткимъ и скользкимъ путемъ отвлеченностей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ желаніе проникнуть въ духовно-нравственный міръ вполнѣ естественнымъ и прирожденнымъ человѣческой природѣ. Онъ находитъ, что идеи души, міра и Бога, если мы приписываемъ имъ объективное существованіе внѣ насъ, бросаютъ насъ въ безбрежное море метафизическихъ заблужденій; но если мы чтимъ ихъ, какъ идеи наши, то мы исполняемъ лишь требованія нашего разума, ибо искать причину, предшествующую причинѣ, есть естественная потребность нашего разума.

Идеи служатъ не для того, чтобы расширить наше познаніе, но для того, чтобы уничтожить утвержденіе матеріализма и черезъ то дать мѣсто *нравственной философіи*, которую Кантъ считаетъ самою важною частью философіи.

Для признанія метафизики, какъ науки, Кантъ поставилъ условіемъ, чтобъ она, по отношенію къ своимъ источникамъ, не была эмпирическою (т.-е. не основывалась только на одномъ опытѣ), потому что это условіе заключается въ самомъ понятіи о метафизикѣ; чтобы представить аподиктическую достовѣрность, она должна, по мнѣнію Канта, быть познаніемъ a priori.— Кантъ говоритъ (Пролегомены), что „разумъ нашъ, несмотря на всѣ свои апріористическія начала, никогда ничего не познаетъ, кромѣ предметовъ возможнаго опыта, и о нихъ узнаетъ только то, что можетъ быть доказано на опытѣ, но это ограниченіе не мѣшаетъ ему довести насъ до объективнаго предѣла опыта, т.-е. до чего-то, что само по себѣ не есть уже предметъ опыта, но должно быть высшимъ основаніемъ всякаго опыта". Такъ какъ Кантъ относитъ эти слова къ физико-теологическому доказательству бытія Божія, какъ высшаго основанія, то тѣмъ болѣе должно быть позволено выводить заключенія изъ необходимыхъ отношеній нашего опыта къ чему-то внѣ его лежа-

Digitized by Google

щему, когда это что-то стоитъ къ намъ во всякомъ отношеніи ближе, нежели Божество, которое есть нѣчто наиметафизичнѣйшее, тогда какъ никакъ нельзя сказать, чтобы какой-нибудь научный предметъ находился уже совсѣмъ внѣ области нашего опыта.

Человѣчество стремится, конечно, какъ въ положительныхъ, такъ и въ трансцендентныхъ наукахъ, къ достиженію достовѣрности; но когда не можетъ достичь ея, то должно довольствоваться вѣроятностью; и ею дѣйствительно всегда довольствовалась не только посредственная, но и серьезно научно-образованная часть человѣчества. Что наша организація ставитъ намъ предѣлы—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но находимся ли мы уже у этого предѣла—это еще вопросъ; мы все же должны проанализировать сами эти предѣлы и, сообразуясь съ возможностью, расширять ихъ, чтобы добыть для нашихъ взглядовъ на природу вещей нѣсколько надежныхъ предикатовъ; отъ нашихъ же преемниковъ будетъ зависѣть увеличить еще больше ихъ число, и такимъ образомъ можетъ устанавливаться наука.

Взглядъ Канта относительно необходимости наблюденій и опытовъ совершенно не носитъ того абсолютно запрещающаго и деспотическаго характера, который мы видимъ у всѣхъ позитивистовъ. Кантъ предлагаетъ въ этомъ случаѣ благоразуміе и осторожность, и не въ видахъ психической несостоятельности человѣка; онъ ссылается на неполноту нашихъ знаній и на несовершенство нашихъ опытовъ. „Было бы нелѣпостью,—говоритъ онъ,—надѣяться узнать о какомъ-нибудь предметѣ больше того, что заключается въ возможномъ опытѣ; нелѣпо было бы имѣть притязаніе опредѣлить такую вещь въ ея свойствѣ, какъ она есть сама по себѣ; ибо посредствомъ чего мы сдѣлаемъ такое опредѣленіе, когда время, пространство, всѣ разсудочныя понятія и, кромѣ того, всѣ тѣ понятія, которыя отвлечены отъ эмпирическаго воззрѣнія или воспріятія въ чувственномъ мірѣ, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого другого употребленія, какъ только обусловливать возможность опыта. Но, съ другой стороны, еще большею нелѣпостью будетъ, если мы не признаемъ совсѣмъ никакихъ вещей самихъ по себѣ, или станемъ считать нашъ опытъ за единственный способъ познанія вещей, слѣдовательно будемъ считать наше воззрѣніе, нашъ дискурсивный разсудокъ—за первообразъ всякаго возможнаго разсудка, и слѣдовательно примемъ принципы возможности опыта за всеобщія условія вещей самихъ по себѣ. Это правда: за предѣлами всякаго возможнаго опыта мы не можемъ дать никакого опредѣленнаго понятія о томъ, чѣмъ могутъ быть вещи сами по себѣ. Однако, при вопросѣ объ этомъ мы не свободны

Digitized by Google

вполнѣ воздержаться отъ всякаго отвѣта, ибо опытъ никогда не удовлетворяетъ разума вполнѣ, онъ отсылаетъ насъ при отвѣтѣ на вопросы все далѣе назадъ и оставляетъ неудовлетворенными относительно ихъ полнаго разрѣшенія, какъ это каждый можетъ достаточно усмотрѣть изъ діалектики чистаго разума, которая именно поэтому имѣетъ свое законное субъективное основаніе. Кто можетъ допустить, что относительно природы нашей души мы достигаемъ до яснаго сознанія субъекта и вмѣстѣ съ тѣмъ до убѣжденія, что его явленія не могутъ быть объяснены матеріалистически,—и не спросить при этомъ, что же такое собственно душа? А такъ какъ тутъ недостаточно никакого опытнаго понятія, то во всякомъ случаѣ приходится принять нарочно для этого нѣкоторое разумное понятіе (простаго нематеріальнаго существа), хотя бы мы никакъ не могли доказать объективную реальность этого понятія. Кто можетъ удовлетвориться однимъ опытнымъ познаніемъ во всѣхъ космологическихъ вопросахъ о продолжительности и величинѣ міра, о свободѣ и естественной необходимости, когда, какъ бы мы ни начали, каждый отвѣтъ, данный на основаніи опытныхъ законовъ, всегда порождаетъ новый вопросъ, который точно такъ же требуетъ отвѣта и этимъ ясно показываетъ недостаточность всѣхъ физическихъ объясненій для удовлетворенія разума? Наконецъ, при совершенной случайности и относительности всего, что мы мыслимъ и принимаемъ только по опытнымъ принципамъ, кто не видитъ невозможности остановиться на этихъ принципахъ и не чувствуетъ себя принужденнымъ, несмотря на всякія запрещенія, — пускаться въ область запредѣльныхъ идей, не чувствуетъ себя принужденнымъ искать успокоенія и удовлетворенія за предѣлами всякихъ опытныхъ понятій, — въ понятіи существа, котораго идея сама по себѣ хотя и не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута въ своей возможности, такъ какъ касается чисто мысленной сущности, но безъ которой (идеи) разумъ долженъ бы былъ навсегда остаться неудовлетвореннымъ?“ (Пролегомены, стр. 146—149).

Нельзя не признать всеобъемлющаго значенія этихъ въ высшей степени глубокомысленныхъ словъ великаго мыслителя, которому должны бы были поклоняться люди и положительно учить ихъ наизустъ, чтобы никогда не вдаваться въ такія крупныя ошибки въ выборѣ своего міровоззрѣнія, какъ это мы слишкомъ часто можемъ замѣтить въ людяхъ нашего вѣка.

Отнять отъ людей возможность изслѣдованія цѣлыхъ областей знанія, несравненно большихъ, чѣмъ тѣ, надъ которыми трудится въ настоящее время наука, единственно потому только, что, изучая и работая надъ ними, они могутъ впасть въ ошибку,

Digitized by Google

казалось бы, не можетъ быть названо цѣлесообразнымъ и серьезнымъ, и врядъ ли такой методъ, принятый людьми нашего вѣка, можетъ долго еще продержаться; самъ Кантъ сомнѣвался въ этомъ и надѣялся на большее благоразуміе: „Если спросятъ меня,—говоритъ онъ,—на чемъ я основываю эту надежду? Я отвѣчаю: на неотвратимомъ законѣ необходимости. Чтобы изъ опасенія ложной метафизики духъ человѣческій бросилъ вовсе метафизическія изслѣдованія—это также невѣроятно, какъ и то, чтобы мы когда-нибудь совсѣмъ перестали дышать изъ опасенія вдохнуть дурной воздухъ. Всегда и у каждаго мыслящаго человѣка будетъ метафизика и при недостаткѣ общаго мѣрила у каждаго на свой ладъ“ (Пролегомены, стр. 173).

Если бы позитивисты только поняли, что, избѣгая возможности однѣхъ ошибокъ, они впадаютъ въ другія бо́льшія, при которыхъ они придаютъ всей своей наукѣ фальшивый тонъ,—они, навѣрное, измѣнили бы свои отношенія къ наукѣ и установили бы большую откровенность въ оцѣнкѣ своихъ знаній и тогда они вводили бы своихъ послѣдователей въ меньшія ошибки, и, слѣдовательно, позитивизмъ не имѣлъ бы такихъ дурныхъ и чисто пагубныхъ послѣдствій.

Существенно необходимо, чтобы каждый зналъ и всегда помнилъ, что за каждымъ невыясненнымъ по существу понятіемъ кроется цѣлый недосягаемый для науки міръ, разслѣдованіе котораго еще предстоитъ, но пока еще остановлено и даже совсѣмъ запрещено позитивизмомъ, вслѣдствіе младенчества науки и умственной несостоятельности современнаго человѣчества; одно уже это сознаніе совершенно мѣняло бы взглядъ человѣка на свою науку и ставило бы ее на ту истинную почву въ ряду всѣхъ человѣческихъ знаній, которая по справедливости ей принадлежитъ. Этого въ настоящее время совершенно нѣтъ, всѣ относятся къ наукѣ какъ къ чему-то вполнѣ законченному, цѣльному, непреложно-вѣрному и авторитетному во всѣхъ отношеніяхъ. Позитивисты не хотятъ и допустить, чтобы могли существовать такія явленія въ природѣ, которыя не были бы имъ извѣстны и не были бы ими разъяснены; они полагаютъ, что всѣ явленія составляютъ достояніе ихъ науки. Все же непонятное имъ безжалостно исключается изъ среды достойнаго подлежать изученію; цѣлыя группы фактовъ, дѣйствительно существующихъ, отвергаются, цѣлыя теоріи извращаются, ссылаясь на психическую несостоятельность человѣка для того, чтобы наука не сталкивалась съ тѣми темами, которыя могутъ пошатнуть ея, такъ удобно для нихъ сложенное, міросозерцаніе.

Digitized by Google

Приведемъ примѣры:

I) Вспомнимъ какъ сто лѣтъ тому назадъ Месмеръ открылъ новую силу въ человѣчествѣ, способную вызывать разныя непонятныя состоянія организма. Къ Месмеру стекались тысячами больные и получали исцѣленіе. Месмеръ долго и упорно проводилъ свое открытіе, безплодно борясь съ ученымъ медицинскимъ міромъ, отъ котораго такъ и не добился оффиціальнаго изслѣдованія его открытія, какъ способа лѣченія больныхъ.

Открытіе Месмера возбудило противъ себя весь медицинскій міръ Франціи; медицинскій факультетъ выступилъ открыто противъ него и сталъ хлопотать о томъ, чтобы административнымъ порядкомъ было запрещено Месмеру продолжать свои опыты и лѣчить больныхъ. Когда происки эти не удались факультету, то онъ началъ дѣйствовать самъ. Онъ предложилъ ординарному профессору и доктору медицинскаго факультета Деслону, который помогалъ Месмеру, опомниться и оставить это дѣло. Когда тотъ отказался, факультетъ исключилъ его изъ числа профессоровъ факультета. Затѣмъ, видя, что успѣхи Месмера, съ исключеніемъ Деслона, ставятся еще болѣе популярными и стали еще больше привлекать вниманіе врачей, факультетъ, для вразумленія остальныхъ, неразумныхъ, сбившихся съ пути истиннаго членовъ своихъ, положилъ для полнаго прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній, отобрать подписки отъ всѣхъ членовъ факультета въ отреченіи отъ ученій Месмера. Отреченіе это слѣдующее: „Никогда не принадлежать къ числу послѣдователей животнаго магнетизма, ничего не говорить и не писать въ его пользу, подъ страхомъ исключенія изъ списка профессоровъ факультета". Многіе подписали; другіе отказались, и между послѣдними былъ заслуженный профессоръ Донгле. Поступокъ этотъ возмутилъ весь факультетъ, и научныя заслуги Донгле не спасли его отъ этихъ нападковъ,— онъ былъ такъ же, какъ и Деслонъ, исключенъ изъ числа профессоровъ.

Ясно, что послѣ такихъ внушительныхъ и рѣшительныхъ актовъ медицинскаго ареопага трудно было Месмеру добиться оффиціальнаго и, тѣмъ болѣе, конечно, безпристрастнаго научнаго разбора своего открытія, и оно было забыто для науки.

Съ тѣхъ поръ, всѣмъ вопросамъ, касательно месмеризма, гипнотизма, сомнамбулизма и т. п., входъ въ среду европейской науки оказался закрытымъ до тѣхъ поръ, пока „фокусникъ" и „шарлатанъ", какъ его называютъ адепты положительныхъ наукъ, Ганзенъ, около 1880 года, вздумалъ демонстрировать ихъ на театральныхъ подмосткахъ, объѣхавъ съ

Digitized by Google

этою цѣлью всѣ города Германіи. Тогда только болѣе разсудительные люди науки почувствовали себя устыженными въ своемъ невѣжествѣ и были принуждены открыть двери ученыхъ коллегій для этихъ ненавистныхъ и назойливыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поразительныхъ явленій. Двери ученыхъ коллегій въ настоящее время открыты, но эти непрошенные гости и до сихъ поръ не встрѣчаютъ радушнаго и справедливаго пріема въ храмѣ знаній; ихъ извращаютъ, издѣваются надъ ними и отказываются отъ нихъ до такой степени дерзко и упорно, что болѣе совѣстливые адепты положительныхъ наукъ обличаютъ сами своихъ же товарищей въ небрежномъ и даже въ недобросовѣстномъ отношеніи къ нимъ, а слѣдовательно, и по отношенію ко всѣмъ отраслямъ науки, которыя зависятъ отъ нихъ. Для примѣра приведемъ публичный упрекъ, сдѣланный Карпентеру Эдуардомъ фонъ-Гартманомъ въ его „Спиритизмѣ“, гл. II-я, упрекъ, который вполнѣ заслужилъ Карпентеръ рядомъ своихъ статей по предмету совершенно имъ не изученныхъ и еще непонятныхъ явленій. Еще Сократъ училъ, „что есть доля мудрости“ отчетливо знать: „что я знаю и чего я не знаю“. Противъ этого великаго и простаго положенія Сократа грѣшатъ многіе изъ современныхъ мыслителей, и въ особенности противъ такихъ явленій, знаніе которыхъ, по своему первенствующему значенію, должно въ скоромъ времени положительно измѣнить всю науку и уничтожить позитивизмъ съ самымъ корнемъ его, ибо значеніе его слишкомъ всеобъемлющее. Въ настоящее время въ этомъ убѣждены не одни спиритуалисты, но и люди противоположнаго лагеря. Выслушаемъ, для примѣра, что сказалъ **Артуръ Шопенгауеръ** о гипнотизмѣ и сомнамбулизмѣ: „Послѣ краткаго введенія, я перейду къ изложенію самаго предмета настоящаго изслѣдованія, но предварительно замѣчу, что фактическій матеріалъ предполагаю уже извѣстнымъ читателю. Ибо, во-первыхъ, задача моя—дать объясненіе, теорію фактовъ, а не изложеніе ихъ; во-вторыхъ, мнѣ пришлось бы написать довольно объемистую книгу, если бы я сталъ повторять здѣсь многочисленные случаи магнетизма, сомнамбулизма, сновидѣній и проч., собранные въ разныхъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ; въ-третьихъ, наконецъ, я вовсе не чувствую признанія бороться съ невѣжественнымъ скептицизмомъ, лжемудрые нападки котораго съ каждымъ годомъ теряютъ кредитъ свой. Человѣкъ, сомнѣвающійся нынѣ въ этихъ фактахъ магнетизма и ясновидѣнія, по моему, долженъ считаться не скептикомъ, а просто крупнымъ невѣждой“ (Parerga und Paralipomend). Или далѣе въ этомъ же сочиненіи своемъ А. Шопенгауеръ говоритъ: „Животный магнетизмъ, разсматриваемый

Digitized by Google

съ философской точки зрѣнія, есть важнѣйшее изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ умомъ человѣческимъ, но въ то же время представляетъ собою почти неразрѣшимую загадку. Кромѣ того, его можно разсматривать какъ истинную практическую метафизику, такъ какъ имъ устраняются въ извѣстныхъ случаяхъ самые общіе законы природы, и становится возможнымъ то, что даже á priori считалось невозможнымъ. Если въ обыкновенной физикѣ только одни опыты и факты недостаточны для пониманія явленія и чувствуется потребность еще въ правильно построенной гипотезѣ или теоріи, тѣмъ болѣе это необходимо для объясненія загадочныхъ явленій животнаго магнетизма—этой эмпирической метафизики. Такимъ образомъ, раціональная или теоретическая метафизика должна идти рука объ руку съ эмпирической, и можно надѣяться, что современемъ философія, животный магнетизмъ и естествознаніе такъ озарятъ своимъ свѣтомъ міръ и природу человѣческую, что обнаружатся истины, о которыхъ и мечтать теперь никто не смѣетъ".

II) Какъ встрѣтили ученыя общества французскихъ микрографовъ, когда они вздумали увѣрять, что споры тайно-брачныхъ растеній имѣютъ всѣ характеристическіе признаки животныхъ, а потому должны быть сопричислены къ царству животныхъ? Германія приняла ихъ хуже всѣхъ, она отразила это открытіе такими недостойными насмѣшками и глумленіемъ, каковыхъ не слѣдовало бы допускать въ наукѣ; гораздо серьезнѣе было бы взять микроскопъ и убѣдиться въ этомъ, теперь уже несомнѣнномъ, научномъ фактѣ. Они охотно сдѣлали бы съ ними то же, что сдѣлалъ Наполеонъ I послѣ того, какъ увидѣлъ идущимъ въ первый разъ по рѣкѣ Сенѣ пароходъ Фультона: онъ назвалъ пароходъ „весьма опасной игрушкой", Фультона велѣлъ засадить въ тюрьму, гдѣ и пробылъ онъ до смерти Наполеона.

Иногда гибкость ума человѣка допускаетъ разныя вольности даже и въ наукѣ; но встрѣчаются и такія роковыя темы, которымъ человѣкъ, несмотря на всю очевидность доказательствъ, не хочетъ дать мѣста въ числѣ своихъ знаній изъ упорства, и единственно изъ принципа: *не затрогивать этихъ опасныхъ темъ.*

III) Вспомнимъ, какъ парижская академія наукъ, послѣ вполнѣ доказаннаго паденія съ неба камня около города Эгля, въ 1803 году, запретила говорить своимъ членамъ объ аэролитахъ, считая для себя постыднымъ говорить такіе абсурды, какъ паденіе камней съ неба, въ которомъ, по ея мнѣнію, никакихъ камней быть не могло. Когда одинъ академикъ заявилъ, что онъ все-таки убѣжденъ, что этотъ камень упалъ

Digitized by Google

именно съ неба, то другой сказалъ ему, что, вѣроятно, этотъ камень попалъ ему на голову, что онъ рѣшается говорить такія глупости.

Послѣ всего вышесказаннаго имѣемъ ли мы право возставать на позитивизмъ и его примѣненіе къ наукѣ?—Несомнѣнно—да,—на сколько онъ можетъ быть и правъ, когда останавливаетъ онъ знанія тайнъ природы людей, погруженныхъ въ изученіе одной только матеріи, слѣдовательно совершенно не подготовленныхъ къ принятію болѣе глубокихъ истинъ природы, на столько же, а можетъ быть и въ тысячу разъ больше, онъ виновенъ, запирая всѣ двери науки даже къ знанію самаго существованія этихъ тайнъ, преграждая всѣ пути къ истинной оцѣнкѣ своихъ знаній.

Всѣ три вышеприведенные историческіе примѣры научной нетерпимости заимствованы нами изъ того періода времени, который предшествовалъ научной дѣятельности Огюста Конта и его послѣдователей, т. е. изъ того именно времени, когда позитивизмъ былъ еще безсознательнымъ, и наука считала себя свободною въ постановкѣ предѣловъ для своей компетенціи, такъ какъ не была сознательно и фактически закована въ тѣсныя рамки позитивныхъ принциповъ. Ученые, однако, и тогда еще вооружались не только на людей, которые создавали теоріи и научныя системы, не соотвѣтствующія временнымъ взглядамъ на факты и явленія природы, или просто сказать на людей, опережающихъ свой вѣкъ; но ученые не рѣдко вооружались даже на самые факты и явленія природы, которыхъ они не понимали и не хотѣли признать, ибо они могли бы пошатнуть существующее въ наукѣ міровоззрѣніе и могли заставить измѣнить привычный образъ научныхъ мыслей.

Нетерпимость современнаго господствующаго у насъ позитивизма къ новымъ передовымъ научнымъ идеямъ и къ фактамъ и явленіямъ природы, которые не соотвѣтствуютъ программѣ позитивизма и которые позитивисты не считаютъ возможнымъ затрогивать, еще несравненно деспотичнѣе, чѣмъ была эта нетерпимость въ старое время—она фанатически упорна. Въ нашъ вѣкъ позитивные взгляды на столько соотвѣтствуютъ общимъ практическимъ взглядамъ людей на ихъ жизнь и на ихъ дѣятельность, что они охватили всѣ убѣжденія людей, вошли какъ бы въ кровь и плоть всѣхъ ученыхъ и не ученыхъ и до такой степени отвоевали себѣ прочное положеніе въ умахъ, что слово „позитивный“ стало синонимомъ словъ: научный, серьезный и разумный. Всѣ научныя теоріи и системы и даже всѣ безспорно существующіе въ природѣ факты и явленія, но которые не отвѣчаютъ позитивнымъ взглядамъ на науку, считаются, прямо, не научными, не серьезными и не разумными, а потому

Digitized by Google

встрѣчаются съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ и не удостоиваются ровно никакого обсужденія, ни опроверженія, ни оспариванія, а прямо со сдержанной саркастической улыбкой, желающей сказать: „какъ онъ глупъ, что затрагиваетъ такія неблагодарныя и несерьезныя темы".

Обратите вниманіе, какое въ настоящее время появляется огромное количество новыхъ изобрѣтеній и научныхъ открытій. Наука, искусства, техника, фабрики, заводы, мануфактуры, мастерства и разныя ремесла снабжаютъ насъ ежегодно неисчислимымъ количествомъ новыхъ свѣдѣній о природѣ, указывающихъ намъ новыя области знаній, до которыхъ постепенно доходитъ человѣкъ и черезъ что отвоевываетъ себѣ мало-помалу все большій просторъ для своей мысли. Если судить по успѣхамъ экспериментальной части наука, можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ наши познанія природы обогащаются неимовѣрно и что, слѣдовательно наука, подвигается быстрыми шагами по пути развитія и прогресса. Но если мы болѣе внимательно проанализируемъ всѣ эти успѣхи знаній, то увидимъ:

1) Что раіонъ области, кругомъ которой концентрируются всѣ эти открытія и изобрѣтенія, чрезвычайно ограниченъ въ сравненіи съ раіономъ области, которою должна бы была заняться наука и безспорно могла бы это сдѣлать, если бы небыла позитивной.

2) Всѣ открытія и изобрѣтенія вращаются преимущественно около одного неизмѣннаго центра, а именно: около матеріи и ея видимыхъ проявленій.

3) Всѣ они въ большинствѣ случаевъ удовлетворяютъ требованіямъ нашей практической жизни или практическимъ взглядамъ на природу, но имѣютъ весьма мало назидательнаго и образовательнаго значенія и не могутъ удовлетворить научной любознательности современнаго развитаго общества, требующаго отъ науки совершенно иныхъ, болѣе глубокихъ отвѣтовъ, касающихся смысла жизни и явленій и условій существованія всего сущаго.

Видѣть, слышать, осязать что-нибудь, владѣть чѣмъ-нибудь, еще далеко не значитъ знать, что это такое. Дикарь видитъ солнце, видитъ землю, пользуется ими, но отдаетъ ли онъ себѣ правильно отчетъ, что это такое? Конечно, нѣтъ. Не такъ ли и мы? Пользуемся паромъ, электричествомъ, теплотой, свѣтомъ, строимъ гигантскія сообщенія черезъ океаны для передачи нашей мысли, переносимся съ материка на материкъ скорѣе рыбы, уничтожаемъ континентальныя разстоянія черезъ постройку желѣзныхъ дорогъ, говоримъ другъ съ другомъ на огромныя

Digitized by Google

разстоянія, дѣлаемъ химическій анализъ звѣздъ, совершаемъ самыя чудовищныя и удивительныя дѣла,—но знаемъ ли мы, чѣмъ мы пользуемся? понимаемъ ли, какъ это все происходитъ? въ силу какихъ импульсовъ и причинъ все это совершается? Мы въ этомъ случаѣ хуже каждаго дикаря, ибо тотъ объясняетъ себѣ явленія природы какъ-нибудь, какъ позволяютъ ему его умственныя средства; напримѣръ, затмѣніе солнца онъ объясняетъ злостью дракона, желающаго скрыть отъ людей солнце,—мы же пользуемся несравненно большими средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не задаемъ себѣ вопроса: чѣмъ мы пользуемся?

Всякій у кого есть глаза, тотъ видитъ; у кого они лучше, видитъ дальше, чѣмъ тотъ, у кого они хуже; человѣкъ, вооруженный телескопомъ, химической лабораторіей или физическимъ кабинетомъ, видитъ природу лучше и подробнѣе, чѣмъ тотъ, у кого подобныхъ средствъ нѣтъ. Это вполнѣ естественно. Но какъ бы онъ хорошо ни видѣлъ, какъ бы онъ подробно ни экспериментировалъ и ни анализировалъ природу, онъ еще не можетъ сказать, что знаетъ тѣ явленія природы, которыя онъ подмѣтилъ черезъ свои наблюденія, пока онъ ихъ не изучитъ, не выяснитъ до полной ясности представленія.

Всякое званіе, также какъ и наука, состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ факторовъ, другъ на друга окончательно непохожихъ. Первый факторъ есть экспериментъ; прежде чѣмъ начать изученіе чего-либо, человѣкъ долженъ убѣдиться въ существованіи предмета изслѣдованія. Второй,—который долженъ непосредственно слѣдовать за первымъ, чтобы сдѣлать наши познанія природы полными, есть факторъ чисто умозрительный, выясняющій разуму категорію факта, его природу, сущность, начало, происхожденіе, его связь и соотношеніе съ другими ему подобными фактами и средой, въ которой онъ проявляется. Чтобы человѣкъ имѣлъ право сказать, что онъ знаетъ данный фактъ, онъ долженъ непремѣнно составить себѣ хотя идею о его прошедшемъ, о его будущемъ и настоящее его значеніе. Мало того, что я знаю, напримѣръ *электричество настолько, чтобы умѣть имъ пользоваться, устраивать черезъ него двигатели, телеграфы, телефоны,* я долженъ знать, что это такое и какую роль оно играетъ не въ моихъ практическихъ примѣненіяхъ, но въ самой природѣ, зачѣмъ оно тамъ нужно, какое дѣйствительное назначеніе его; первое составляетъ задачу техники, второе задачу науки;—если этого нѣтъ, нѣтъ и знаній; если нѣтъ такой науки, которая даетъ такія познанія, то нѣтъ и науки, ибо ея труды не научны.

Представьте себѣ, что вы взошли въ музей, но не имѣете ни человѣка, могущаго выяснить вамъ значеніе каждаго пред-

Digitized by Google

мета, ни каталога съ комментаріями; вы будете въ весьма двусмысленномъ положеніи. Бродя безъ толку по музею, взоры ваши будутъ останавливаться на пустякахъ, а самые замѣчательные предметы, составляющіе гордость и славу музея, имѣющіе міровое значеніе, ускользнутъ отъ вашего вниманія; на все вы будете смотрѣть съ недоумѣніемъ, съ догадкой и съ досадой, что не имѣете возможности узнать все то, что̀ вамъ было бы необходимо знать. Выйдя изъ этого музея, вы будете принуждены сказать: „Да, я былъ въ этомъ музеѣ, видѣлъ все, что въ немъ находится, удивлялся отъ души всему богатству свѣдѣній которыя я бы могъ получить черезъ него, но съ величайшимъ сожалѣніемъ я принужденъ сказать, что умнѣе я отъ этого не сталъ, ибо я ничего не понялъ, я ничего не знаю, что тамъ находится“.

Совершенно также поступаетъ и современный нашъ позитивизмъ: онъ накопляетъ массы разныхъ научныхъ свѣдѣній, ставитъ ихъ на полочки своей науки подъ извѣстной рубрикой, сообразно роду и классу явленіе или факта, и иногда не спрашиваетъ себя, что это въ сущности такое, откуда это взялось для чего что нужно и какое истинное назначеніе этихъ вещей? Все, что позитивизмъ себѣ позволяетъ, это найти видимое соотношеніе этого факта или явленія съ другими ему подобными и объяснить его въ предѣлахъ опыта и наблюденія, т.-е. дать разъясненіе, касающееся самаго опыта или наблюденія. Однимъ словомъ, онъ собираетъ сырой матеріалъ для науки, но самой науки еще въ этихъ трудахъ нѣтъ, такъ какъ главной умозрительной части науки нѣтъ, есть одинъ лишь экспериментъ.

Никто не будетъ спорить, что для собранія всего этого сыраго матеріала положено много труда, много самаго добросовѣстнаго старанія дать возможно большее число новыхъ научныхъ описаній явленій природы и новыхъ свѣдѣній о ней и, наконецъ огромное искусство пользоваться тѣми средствами, которыя даетъ наукѣ современная техника. Въ этомъ надо видѣть главную заслугу позитивизма; но вѣдь это опять не научно: добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, трудъ, стараніе, искусство, ловкость и сообразительность при производствѣ опытовъ — суть лучшіе аттрибуты науки, но еще не наука.

Успѣхи техники, механики разнаго мастерства и ремесла идутъ неимовѣрными шагами впередъ; въ настоящее время выдѣлываются самыя чудовищныя машины и самые тончайшіе аппараты съ педантичною точностью. Войдите въ любую физическую, механическую или химическую лабораторію или въ какую-нибудь обсерваторію, вы будете поражены роскошью, точностью, чистотой и тщательностью отдѣлки аппаратовъ,

Digitized by Google

инструментовъ и приборовъ, которыми ученые изслѣдуютъ природу, и невольно зададите себѣ вопросъ: чья заслуга больше, техниковъ и механиковъ, которые довели совершенство своихъ издѣлій до такой высокой степени, черезъ что дали наукѣ столь обширныя средства изучать природу, или того ученаго, который, пользуясь этими средствами, видитъ далѣе насъ и описываетъ намъ то, что онъ видитъ? Этимъ мы хотимъ сказать, что успѣхи эксперимента не могутъ быть приписаны одному позитивизму; много способствуетъ тому интеллектульное развитіе общества и успѣхи техники.

Техника и механика будутъ и далѣе улучшать съ каждымъ годомъ свои издѣлія и пріобрѣтать все большее совершенство и большую точность въ изготовленіи научныхъ приборовъ, черезъ которые ученые будутъ все подробнѣе и точнѣе изучать природу и ея тайны. Но, какъ бы далеко ученые ни зашли въ этомъ направленіи и какими бы богатствами своего эксперимента ни снабдили міръ, но пока все объясненіе этихъ новыхъ фактовъ и явленій будетъ ограничиваться словами: я вижу, я слышу, я осязаю, взвѣшиваю, измѣриваю, наблюдаю, я нахожу отношеніе или подобіе между такими-то или другими фактами и явленіями изъ того же вещественнаго міра, я нахожу математическую или химическую формулу, объясняющую мнѣ видъ движенія или составъ вещества,—все это будетъ не наука, но одна лишь экспериментальная часть ея, все это будетъ маскированный на разные лады позитивизмъ, или, вообще говоря, все тѣ же вѣтви отъ несчастнаго древа, посаженнаго Огюстомъ Контомъ; все это будетъ одно собираніе инвентаря фактамъ и явленіямъ природы. Этотъ инвентарь вселенной будетъ, несомнѣнно, грандіозенъ, величественъ и обширенъ; намъ, конечно, придется преклоняться передъ нимъ безмолвно, изумляться ему, признать, что премудрость творенія и тайны бытія дѣйствительно безконечны; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказать: „я вижу все это, чувствую свое ничтожество и величіе вселенной; но это не дѣлаетъ меня умнѣе, такъ какъ изъ всего этого я ничего не понимаю, мнѣ позитивизмъ ничего ровно не объясняетъ".

Многіе возстанутъ на эти слова. Въ наше время слишкомъ много защитниковъ позитивизма и почти нѣтъ ему противниковъ, а потому на насъ обрушатся цѣлыя горы негодованія, которыя всѣ могутъ быть сведены къ нижеслѣдующимъ двумъ главнымъ протестамъ, а именно:

Во-первыхъ, намъ скажутъ, что главная задача всякой науки быть по возможности непогрѣшимою. Она должна стоять незыблемо на реальной почвѣ чистыхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Не можетъ наука допускать въ свои рамки

Digitized by Google

ничего гадательнаго, гипотетичнаго и метафизичнаго: это было бы не серьезно и не научно. Въ прежнія времена было уже сдѣлано много къ тому попытокъ, которыя повели ко многимъ неточностямъ и не разъ заводили науку въ область загадочнаго и придали ей фантастическое направленіе. Чтобы впредь избѣгнуть подобныхъ ошибокъ, весь образованный міръ остановился на томъ именно принципѣ, который нынѣ практикуется позитивизмъ, и только это направленіе способно дать положительное и раціональное знаніе природы.

Во-вторыхъ, скажутъ намъ, что позитивизмъ обладаетъ совершенно достаточной полнотой знаній и объясняетъ всѣ факты и явленія природы съ той подробностью, съ которой позволяютъ ему его научныя силы и средства. Сообразуясь съ ними, онъ ставитъ предѣлы познаваемаго, дальше которыхъ распространять свои умозаключенія онъ считаетъ безразсуднымъ, и тотъ, кто требуетъ отъ раціонально поставленной науки большаго, требуетъ невозможнаго и именно того, чего она при ея наличныхъ средствахъ дать не можетъ. Лучше знать меньше, но быть увѣреннымъ въ безошибочности своихъ познаній, чѣмъ знать много, но стоять на шаткой почвѣ.

Прежде, чѣмъ представить свои выраженія на эти протесты, мы замѣтимъ, что воззрѣнія наши съ позитивизмомъ рѣзко разнятся. Позитивизмъ стремится достигнуть безошибочныхъ знаній и добивается ихъ получить для нихъ самихъ, исключительно для того, чтобы знать, не преслѣдуя никакой другой цѣли и не заботясь ни о чемъ остальномъ. Наше же убѣжденіе о цѣли и назначеніи науки было высказано выше; изъ него читатель могъ уже себѣ составить понятіе, что мы считаемъ главнымъ назначеніемъ науки приносить пользу обществу, способствуя интеллектуальному развитію каждаго его члена, а потому понятно, что мы впадаемъ въ такія съ нимъ крупныя разнорѣчія. Онъ ищетъ знанія для знаній самихъ, мы ищемъ знаній для общественной пользы, мы желали бы, чтобы каждое новое состояніе науки, добытое экспериментомъ, расширяло уже круговоръ людей и приносило посильную пользу развитію идей, но не пропадало даромъ, какъ древняя вещь, поставленная въ музей, и не имѣющая своей исторіи. Поэтому указывая въ своихъ возраженіяхъ на замѣченные нами пробѣлы и недостатки позитивизма, мы кое-гдѣ будемъ намѣчать и желательныя исправленія его.

Первое свое возраженіе мы начнемъ съ вопроса: можно ли дѣйствительно считать позитивное міровоззрѣніе, способы, употребляемые позитивистами при ихъ изслѣдованіяхъ природы, и дѣлаемые ими выводы безусловно вѣрными и непогрѣши-

Digitized by Google

мыми?—Намъ кажется весь позитивизмъ со всѣмъ его міровоззрѣніемъ, его способами и выводами, однимъ сплошнымъ заблужденіемъ. Мы убѣждены, что позитивизмъ вдается въ несравненно болѣе крупныя ошибки, чѣмъ всякая фантастическая наука, т. е. наука, позволяющая себѣ затрогивать вопросы сущности, начала и происхожденія фактовъ и явленій природы, такъ какъ въ самомъ основномъ смыслѣ позитивнаго ученія лежитъ крупное заблужденіе.

Дѣло въ томъ, что всѣ свои выводы позитивисты основываютъ на опытахъ и на непосредственныхъ наблюденіяхъ. Считая сами себя психически несостоятельными, они рѣшили не довѣрять ни обманчивымъ чувствамъ человѣка, ни умозаключеніямъ, ибо бывали случаи, что чувства и умъ заводили ученыхъ въ дебри заблужденій.

Очевидно, что такое рѣшеніе невыполнимо; какъ можетъ человѣкъ дѣлать опыты, не употребляя своихъ чувствъ и своего разума; при этомъ условіи экспериментаторъ не будетъ въ состояніи ни видѣть, ни слышать, ни осязать, ни осмыслить самихъ результатовъ ими производимыхъ опытовъ; а что уже окончательно немыслимо,—это обойтись безъ ума и умозаключеній. На повѣрку такъ и выходитъ: для производства своихъ опытовъ они, такъ же какъ и всѣ люди ученые и не ученые, руководствуются показаніями всѣхъ своихъ чувствъ; что же касается умозаключеній, то они относятся къ нимъ весьма осторожно и не позволяютъ имъ простираться за предѣлы опыта и наблюденія.

Довѣряя своимъ чувствамъ болѣе, чѣмъ выводамъ разума, они неминуемо должны считать всѣ показанія своихъ чувствъ за нѣчто реальное, дѣйствительно въ природѣ существующее и существующее именно въ томъ видѣ, какъ они это черезъ посредство своего опыта видятъ, слышатъ или осмысливаютъ. Все, добытое опытомъ и подтвержденное наблюденіемъ, считается позитивистами непрелożно-вѣрными, данными науки, если они убѣждаются, что ихъ чувства не обманывали ихъ и не галлюцинировали. Но они никогда не принимали во вниманіе, что даже тогда, когда ихъ чувства не галлюцинируютъ и находятся въ самомъ трезвомъ и нормальномъ состояніи, не въ силахъ дать имъ представленіе о вещи въ самой себѣ (какъ выражался Эммануилъ Кантъ), т. е. о томъ видѣ, какой имѣетъ вещь въ дѣйствительности для самой себя, т. е. объ абсолютномъ видѣ и значеніи этой вещи.

У Рене Декарта, у Эммануила Канта, у Артура Шопенгауера, у Цельнера, у Гелленбаха и у многихъ другихъ мы находимъ подробныя ученія, въ которыхъ ясно и точно дока-

Digitized by Google

зано, что чувства наши не имѣютъ положительно никакихъ средствъ познать дѣйствительный или абсолютный видъ ни одного предмета и ни одного явленія природы. Видъ всякаго предмета или явленія, передаваясь черезъ органы чувствъ нашему сознанію, можетъ быть совершенно извращенъ для насъ до такой степени, что вся сущность этого предмета, вся его природа и весь его смыслъ могутъ быть совершенно иными, чѣмъ познаютъ наши чувства. Наши чувства въ состояніи передать нашему сознанію одно только впечатлѣніе, которое произвели на нихъ или этотъ предметъ, или это явленіе, но не видъ самаго предмета. Познаніе предмета или явленія въ самомъ себѣ возможно только умозрительнымъ способомъ чрезъ цѣлый рядъ правильно построенныхъ умозаключеній, чего позитивисты окончательно не допускаютъ.

Если же чувства наши не въ состояніи передавать намъ видъ предмета или явленія въ самомъ себѣ, то мы должны придти къ убѣжденію, что и опыты и наблюденія, произведенные подъ руководствомъ этихъ несовершенныхъ чувствъ, не могутъ считаться абсолютно непогрѣшимыми, если въ нихъ не введена соотвѣтствующая поправка, достаточно провѣренная умомъ и свободными, не стѣсняемыми никакими предѣлами, умозаключеніями; что опять несогласно съ программой позитивизма, который, не допуская умозаключеній простирающихся за предѣлы опыта и наблюденія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить такихъ выводовъ ума, которые діаметрально противорѣчатъ указаніямъ опыта.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, мы имѣемъ полное право заключить, что какъ міровоззрѣніе позитивистовъ, ихъ способы изслѣдованія природы, такъ и выводы, дѣлаемые ими, не могутъ считаться безусловно вѣрными и не погрѣшимыми, ибо предметомъ ихъ изученія служитъ не сама вещь, не самое явленіе природы, разсматриваемыя въ самомъ себѣ, а лишь одно впечатлѣніе, которое производитъ эта вещь на органы чувствъ. Изучая впечатлѣнія вмѣсто самихъ предметовъ позитивисты изучаютъ нѣчто, совершенно въ природѣ не существующее и совершенно не схожее ни по своей природѣ, ни по своей сущности, съ дѣйствительно существующимъ предметомъ.

Съ этимъ обстоятельствомъ, котораго никогда позитивисты, не принимали во вниманіе при своемъ изслѣдованіи природы, надо считаться гораздо серьезнѣе, чѣмъ съ психической несостоятельностью человѣка, чѣмъ съ научными правильно построенными гипотезами и чѣмъ съ галлюцинаціями чувствъ. Если въ припадкѣ психическаго аффекта, какой-нибудь позитивистъ

Digitized by Google

и составитъ нелѣпую теорію, то другіе немедленно это замѣтятъ и исправятъ ошибку, а невозможность познанія предметовъ въ самомъ себѣ черезъ непосредственный опытъ есть болѣзнь повальная, противъ которой до сихъ поръ позитивисты никакихъ мѣръ не приняли и которая съ основанія ихъ науки вводила ихъ въ страшныя заблужденія и продолжаетъ это и въ настоящее время, придавая всему позитивизму не научное и не серьезное значеніе.

Второе возраженіе, которое мы обязаны представить, должно касаться вопроса о полнотѣ позитивныхъ знаній и достаточности объясненій, даваемыхъ позитивизмомъ фактамъ и явленіямъ, добытымъ экспериментомъ. Отчасти вопросъ этотъ выясненъ предъидущимъ возраженіемъ. Въ немъ мы видѣли наглядно ту крупную ошибку, въ которую вдаются позитивисты при каждомъ своемъ опытѣ вслѣдствіе того, что не допускаютъ простора мысли и останавливаютъ ходъ всякаго вывода въ предѣлахъ опыта. Если бы не мысль была подчинена опыту, но опытъ былъ бы подчиненъ выводамъ разума, то съ измѣненіемъ ролей обоихъ факторовъ знанія, измѣнился бы и самый смыслъ эксперимента, а предѣлы познаваемаго расширились бы сами собой естественнымъ образомъ, сообразно развитію мысли. Въ этомъ случаѣ позитивизмъ никогда не могъ бы вдаться въ столь грубую ошибку, чтобы принимать впечатлѣніе, производимое какимъ-нибудь предметомъ на органы чувствъ, за самый предметъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ.

Прослѣдите все ученіе позитивистовъ, всѣ ихъ теоріи и всѣ выводы,—и вы всюду замѣтите постоянное угнетеніе мысли, порабощеніе свободы всякаго умозаключенія и ограниченіе выводовъ предѣлами опыта и наблюденія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствія при изученіи фактовъ и явленій природы является вполнѣ понятная узкость и поверхность позитивныхъ взглядовъ на природу, дѣлающая всѣ ихъ теоріи недоконченными и недосказанными. Эта недоконченность заставляетъ всякаго свободно мыслящаго и любознательнаго человѣка желать болѣе просторныхъ, болѣе смѣлыхъ выводовъ и чувствовать, что они вполнѣ возможны, но что почему-то они не дѣлаются, что почему-то позитивная мысль обрывается безъ видимой для разума причины въ то время, когда она вполнѣ свободно могла бы идти дальше, не погрѣшая ни противъ логики, ни противъ здраваго смысла.

Въ настоящее время большинство самихъ приверженцевъ позитивизма чувствуетъ этотъ гнетъ мысли и недостаточность своихъ же собственныхъ теорій и системъ. Они охотно извиняютъ ему этотъ недостатокъ, видя въ немъ доказательство

Digitized by Google

молодости своей науки. Они полагаютъ, что наука имѣетъ еще мало данныхъ для того, чтобы позволить себѣ дѣлать болѣе смѣлыя заключенія, но что со временемъ эти всѣ пробѣлы и недоговоренности сами собой заполнятся. Однако, не всѣ такого мнѣнія, и въ настоящее еще время мы можемъ указать на людей, которые положительно настаиваютъ на томъ, что нѣтъ пробѣловъ и недомолвокъ въ позитивизмѣ, что всѣ его теоріи и системы достаточно полны, что раціональная наука не имѣетъ права давать болѣе смѣлыя сужденія, иначе она утратитъ свой серьезный характеръ и станетъ не положительной, не позитивной.

Попробуемъ отвѣтить на оба эти мнѣнія, какъ тѣмъ, которые сознаютъ неполноту позитивнаго ученія, такъ и тѣмъ, которые считаютъ ихъ достаточно полными. Начнемъ съ послѣднихъ.

Чтобы отвѣтъ былъ нагляднѣе, сравнимъ полноту естествознаній, которыми владѣетъ позитивизмъ, съ полнотой знаній, которую мы требуемъ отъ спеціалиста по какому-либо другому, военному, коммерческому или техническому дѣлу.

На подобнаго рода сравненіе мы имѣемъ полнѣйшее право, ибо слово „знаю“ такъ же, какъ и всякое другое слово, должно заключать въ себѣ только одно значеніе. Если понятій нѣсколько или одно и то же понятіе имѣетъ рѣзкіе оттѣнки, то одного слово становится недостаточнымъ и для обозначенія ихъ нужно столько же словъ, сколько понятій или ихъ оттѣнковъ. Значеніе словъ иногда мѣняется прилагательными, которыя сопровождаютъ это слово, но если и прилагательныя одинаковыя, то мы всегда приписываемъ этому слову или выраженію абсолютно одинаковое значеніе, иначе была бы всегда путаница въ пониманіяхъ при передачѣ мыслей, и говорящій въ одномъ смыслѣ могъ бы быть понятымъ въ другомъ.

Сопоставимъ полноту двухъ родовъ знанія, двухъ почти однородныхъ предметовъ. Положимъ, что первый предметъ есть большой каменный шести-этажный домъ, второй—небольшая гора, которая, пожалуй, не выше и не больше этого дома. Положимъ, что объ этихъ двухъ предметахъ мы слышимъ два однозначащихъ заявленія; какъ-то: 1) архитектора, который заявляетъ, что онъ научно изучилъ и знаетъ все, что касается этого дома, 2) позитивиста, который говоритъ то же самое о горѣ: я изучилъ и знаю все, что касается этой горы.

Не будемъ спорить, что не всякій позитивистъ рѣшится такъ смѣло выразиться, эта фраза слишкомъ самоувѣрена и имѣетъ слишкомъ абсолютный характеръ. Однако, тотъ, кто признаетъ свою науку полною и обладающею всесторонними выводами и

Digitized by Google

заключеніями, будетъ принужденъ выразиться именно такъ или отказаться отъ своего убѣжденія о полнотѣ своей науки.

Спросимъ себя, что требуемъ мы отъ архитектора, спеціально знающаго вопросъ городскихъ домовъ? Онъ долженъ умѣть отвѣтить: 1) на вопросы географическіе, а именно: почему этотъ домъ строится въ Петербургѣ, а не гдѣ-нибудь за границей, почему онъ въ центрѣ города, а не гдѣ-либо на окраинѣ и т. д.; 2) на вопросы финансовые: какимъ образомъ и гдѣ достать выгоднѣе денегъ для постройки дома, какіе финансовые обороты ведутъ къ уменьшенію цѣнности постройки, какіе усложняютъ неблагопріятно бюджетъ и т. д.; 3) на вопросы экономическіе: почему домъ выстроенъ подъ мелкія квартиры а не барскій и не особнякъ; какіе доходы можно было бы ожидать во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ и вывести выгодность; затѣмъ вывести относительную выгодность этого дома сравнительно съ другими домами того же назначенія и доказать, что въ данномъ случаѣ избранъ наивыгоднѣйшій типъ и т. д.; 4) на вопросы административные, т. е. кто будетъ управлять этимъ домомъ, собирать плату за квартиры, исполнять полицейскія и городскія требованія; какъ будетъ ремонтироваться этотъ домъ, во что будетъ обходиться этотъ ремонтъ и т. д.; 5) на вопросы санитарные и на вопросы удобства живущихъ; почему устроены: подъемныя машины, электрическое освѣщеніе, водопроводы, водостоки, вентиляція, отопленіе и т. д. Онъ долженъ умѣть сказать, зачѣмъ нужно все это, вѣдь есть же дома безъ всѣхъ этихъ затѣй, во что они обойдутся, что они взамѣнъ этого принесутъ хозяину и какія системы выгоднѣе, и, наконецъ, 6) на вопросы конструктивные, а именно: откуда и по какой цѣнѣ будетъ пріобрѣтенъ кирпичъ, камень, дерево, известь, песокъ, приборы и т. д. Почему именно предпочли одинъ способъ постройки передъ другимъ, почему нужно производить кладку такъ, а не иначе. Однимъ словомъ, чтобы имѣть право назваться спеціалистомъ по какому-нибудь вопросу, мы требуемъ отъ человѣка милліоновъ разныхъ знаній, самыхъ мелочныхъ и детальныхъ, которыя всѣ вліяютъ на ходъ дѣла и на успѣхъ предпріятія, и если онъ не усмотрѣлъ или не предвидѣлъ какого-либо пустяка, отъ котораго могутъ явиться какія-нибудь худыя слѣдствія, мы безжалостно клеймимъ опрометчивость этого дѣятеля и объявляемъ, что „онъ своего дѣла не знаетъ“.

Такихъ точно подробныхъ знаній требуемъ мы отъ всѣхъ рѣшительно людей, знающихъ какое-либо дѣло: фабричное, заводское, техническое, отъ всѣхъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, сельскихъ хозяевъ, финансистовъ, коммерсантовъ, тор-

Digitized by Google

говцевъ, однимъ словомъ—отъ всѣхъ рѣшительно. Обратите вниманіе, какое тонкое знаніе судоваго хозяйства и деталей мореходства требуется отъ капитана корабля или парохода, и за каждое мелочное отступленіе отъ милліона ему предписанныхъ правилъ и на практикѣ изученныхъ имъ пріемовъ отвѣчаетъ онъ головой.

Только для науки дѣлаемъ мы снисхожденіе. Каждый разъ, какъ дѣло коснется науки, мы немедленно понижаемъ камертонъ нашей требовательности и становимся неимовѣрно сговорчивы и говоримъ: знаю, понимаю, когда мы еще ровно ничего не знаемъ и ровно ничего не понимаемъ. Было бы совершенно справедливо не употреблять этихъ словъ въ такомъ абсолютномъ смыслѣ для науки, а выдумать какія-либо другія слова, ибо значеніе этихъ словъ, когда мы говоримъ о наукѣ, совсѣмъ другое.

Для сравненія глубины и подробности научныхъ знаній о горѣ прослушаемъ позитивиста, на какія вопросы можетъ онъ отвѣтить? Всѣ вопросы, поставленные для дома, могутъ быть безусловно примѣнимы и для горы, разумѣется съ нѣкоторыми поправками редакціи и перестановкой нѣкоторыхъ понятій, а именно: вмѣсто денегъ намъ придется сказать энергія, вмѣсто средства—сила, вмѣсто цемента—тяготѣніе или притяженіе; вмѣсто администраціи—воля или законъ, вмѣсто кирпичъ, желѣзо—матерія и вещество; вмѣсто постройка—созданіе или происхожденіе и т. д. Но, кромѣ этихъ вопросовъ, изучая гору, мы должны будемъ добавить еще массу другихъ, касающихся ея происхожденія. Мы замѣчаемъ, что гора произошла не въ одинъ какой-либо періодъ времени, не въ одинъ пріемъ, какъ домъ, но мы видимъ, что однѣ ея части имѣютъ огненное происхожденіе, другія водяное, что она образовывалась черезъ какія-нибудь подземныя катастрофы, вѣроятно въ силу подземныхъ переворотовъ; видимъ, что ея прошлая жизнь есть чрезвычайно сложная и величественная трагедія, что проходила она черезъ разныя фазы еще съ того времени, когда она сама была туманностью и мало-по-малу доходила до того вида, въ которомъ мы ее теперь находимъ. Въ настоящее время гора покрыта травой и лѣсомъ, т.-е. растительною жизнью; на каждомъ листочкѣ живутъ милліарды инфузорій, на поляхъ разгуливаютъ животныя и люди, т. е. животная жизнь. Принимая все это въ соображеніе, мы видимъ, что наукѣ приходится считаться не съ одной бездушной матеріей, но и съ жизненнымъ и съ духовнымъ элементомъ,—съ чрезвычайно важными вопросами, которые не выходили въ программу знаній архитектора. Вообще, разбирая жизнь горы, мы на каж-

Digitized by Google

домъ шагу встрѣчаемъ бездну премудрости, которая не можетъ не возбуждать нашего живѣйшаго интереса и самой настойчивой любознательности.

Съ самымъ горячимъ и естественнымъ желаніемъ познать и изучить все, чѣмъ мы поражаемся и восторгаемся въ природѣ, обращаемъ мы умоляющій взоръ къ наукѣ, испрашивающій могущихъ насъ удовлетворить отвѣтовъ. Мы убѣждены встрѣтить въ наукѣ добрую, разумную мать, которая съ полнымъ участіемъ встрѣтитъ своихъ дѣтей, одобритъ въ нихъ эту жажду знаній, поддержитъ дальнѣйшую любовь къ природѣ и ко всему, такъ премудро сотворенному Создателемъ, и научитъ понимать тайны и красоты вселенной. Мы убѣждены, что наука чистосердечно откроетъ передъ нами истинную силу своихъ знаній безъ прикрасъ и безъ маскировки ихъ; разскажетъ намъ, какими знаніями она владѣетъ, какія изъ нихъ слѣдуетъ считать непогрѣшимыми, какія вѣроятными, какія гадательными или гипотетичными, на какихъ изъ нихъ намъ можно основывать наше сужденіе, какія знанія мы должны принимать только какъ соображенія и вообще какъ владѣть каждымъ знаніемъ, чтобы одновременно и пользоваться ими, и разумно смыслить, и вдаться на скользкомъ научномъ пути по возможности въ меньшія ошибки. Но не встрѣчаемъ мы въ наукѣ такой симпатичной и радушной матери; встрѣчаетъ васъ сухая и костлявая мачиха, въ видѣ позитивизма. Онъ съ необыкновеннымъ цинизмомъ сразу охлаждаетъ нашу любознательность словами: „О чемъ вы заботитесь, ничего тутъ интереснаго нѣтъ: все это матерія, матерія и одна матерія. Мы уже все, что можно было, то сдѣлали, все изучили, описали каждую вещь, каждый предметъ, каждую манифестацію матеріи и дали всему латинскія названія. Нами изучены и нѣдра земли и поверхность и растительность, животное царство, и все это отнесено въ соотвѣтствующія рубрики науки, сообразно классу, роду, виду, и семейству; явленія физическія отнесены къ физикѣ, химическія къ химіи, и все приведено въ стройную систему.

— „Мы безусловно вѣримъ вамъ,—говоримъ мы несмѣлымъ, заискивающимъ тономъ, какъ школьники передъ сердитымъ учителемъ,—мы привыкли повиноваться наукѣ и преклоняться передъ ней; мы знаемъ, какое обиліе знаній содержитъ она въ себѣ, а потому просимъ объяснить намъ, какъ произошла эта гора? Позвольте намъ мысленно отодвинуться къ отдаленнѣйшимъ періодамъ древнѣйшихъ временъ и прослѣдить жизнь горы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей земли съ того еще времени, когда она была туманностью и постепенно переходила

Digitized by Google

изъ одного состоянія въ другое, пока не сдѣлалась такою, какою мы ее видимъ въ настоящее время. Наука обладаетъ многими, вполнѣ научными гипотезами о происхожденіи земли, составленными въ разное время лучшими учеными; но всѣ эти системы не согласованы между собой; ни одна не похожа на другую, но скорѣе каждая противорѣчить остальнымъ. Въ этомъ обиліи мнѣній, мы, люди не обладающіе достаточными научными познаніями, только теряемся и путаемся. Позитивизмъ, вѣроятно же, провѣрилъ ихъ, оцѣнилъ и опредѣлилъ, какая изъ этихъ космогоній можетъ быть названа болѣе достовѣрною, какія мѣста въ этихъ всѣхъ ученіяхъ слабы и сбивчивы и какія вѣроятны; а потому мы просимъ сообщить намъ послѣднія научныя мнѣнія касательно хотя главныхъ основныхъ вопросовъ жизни земли, а именно: Вѣдь до образованія земли существовала одна первичная, инертная и газообразная матерія, изъ которой произошли всѣ остальныя; кто или что заставилъ эту первичную матерію покинуть свой покой и перейти къ такой въ высшей степени цѣлесообразной и премудрой дѣятельности? Кто или что проявилъ это обиліе энергіи? Въ какомъ видѣ проявилась она? Въ видѣ ли Высшей Всеобъемлющей Воли, въ видѣ ли необходимости; въ этомъ послѣднемъ случаѣ объясните, какая причина вызвала эту необходимость? Какъ это все случилось? Въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ выразились эти слѣдствія Величайшей Энергіи, которая привела въ движеніе эти массы хаоса, сформировала изъ нихъ міры и довела все до такой гармоніи, до такого стройнаго цѣлаго, какимъ мы все видимъ въ настоящее время? У кого хватило ума и предусмотрительности совершить все это?“

— „Позитивизмъ своихъ гипотезъ не создаетъ и чужихъ не провѣряетъ потому что ни одну изъ нихъ онъ не можетъ признать ни научною, ни серьезною, ни разумною, всѣ онѣ внѣ наукѣ. Научно только то, что подтверждается опытомъ и наблюденіемъ; но какой же опытъ возможно приложить для изслѣдованія столь отдаленнаго времени? Ваша правда; есть много космогоній, и надо удивляться, какъ могли такіе великіе умы, какъ Декартъ, Лапласъ, Фай, заниматься такими шаткими темами и трудиться надъ теоріями, которые не могутъ быть ни доказаны, ни провѣрены. Позитивизму нѣтъ рѣшительно до нихъ дѣла. Читайте ихъ сами, если онѣ вамъ интересны, и провѣряйте, какъ хотите, но не спрашивайте насъ о нихъ, мы ничего съ ними общаго не имѣемъ. Позитивизмъ можетъ вамъ дать только одни общія указанія; онъ не вдается ни въ какія детали, но зато его разъясненія во-

Digitized by Google

проса о происхожденіи земли непреложно вѣрны и безошибочны, а именно: всѣ манифестаціи матеріи, какъ первоначальныя, такъ и послѣдующія, вызываются, производятся и руководятся въ силу неотразимыхъ законовъ природы. Законъ природы есть главный моторъ и причина проявленія всего сущаго, онъ призвалъ все къ дѣятельности и произвелъ все..."

— „Но, скажите, какъ произошла жизнь на землѣ? Вѣдь всѣ опыты самопроизвольнаго самозарожденія показали отрицательные результаты. Вѣдь тысячи ученыхъ, въ числѣ которыхъ можно назвать самые высокіе умы, какъ Либихъ, Клодъ-Бернаръ, даже самъ докторъ Биша, требовали признанія жизненной силы въ живыхъ организмахъ. Жизнь могла проявиться только черезъ особый актъ творчества, совершенный Волей Всевышняго Разума. Ничего другаго мы себѣ представить не можемъ, ибо всякое разумное дѣйствіе должно имѣть свою разумную причину, нѣчто не разумное не можетъ произвести разумное. Разбирая же жизнь, сознаніе, мысль, волю, мы положительно теряемся въ безконечной безднѣ премудрости всего сотвореннаго, а потому совершенно сознательно должны заключить, что Творившій все это долженъ быть выше того, что Самъ сотворилъ, а слѣдовательно Онъ долженъ быть Безконечно Премудръ, Безконечно Предусмотрителенъ и Всесиленъ".

— „Вы поэтизируете, и это заводитъ васъ въ міръ представленій; опуститесь на землю и разберите вопросъ научно, тогда вы поймете все иначе. Самостоятельно существуетъ въ природѣ одна матерія, а все остальное, что вамъ иногда кажется столь хитрымъ и загадочнымъ, не болѣе, какъ проявленія ея свойствъ и качествъ. Одни изъ нихъ проще, другія сложнѣе, развѣ въ этомъ случаѣ можетъ сила проявленій служить препятствіемъ къ утвержденію очевидности? Какъ бы всѣ эти явленія ни были загадочны и какъ бы ни казались отвлеченны, они все-таки останутся проявленіями способностей матеріи. Вѣдь этотъ фактъ не можетъ требовать доказательствъ, такъ какъ онъ самъ по себѣ очевиденъ. Въ незнаніи своемъ вы, конечно, можете одно называть живымъ, а другое мертвымъ, но проанализируйте внимательно всѣ состоянія вещества—и вы не найдете грани, рѣзко отдѣляющей одно состояніе отъ другаго, а потому безошибочно вы можете все назвать мертвымъ и будете одинаково близки къ истинѣ, ибо и камни имѣютъ свою жизнь. Все находящееся на землѣ все очень просто и однообразно, и живое не имѣетъ никакого другаго отличія отъ мертваго, кромѣ того, что нѣкоторыя силы проявляются въ живомъ организмѣ, которыхъ въ мертвомъ не проявляется. На какомъ основаніи будемъ мы дѣлать различіе и

Digitized by Google

считать одно живымъ, а другое мертвымъ; все это проявленія все той же самой матеріи, руководимой неизмѣняемыми законами природы".

— „Вы вторично настаиваете на столь всеобъемлющемъ значеніи закона природы,—можете ли намъ объяснить, что это такое за законъ? Откуда онъ произошелъ? Если онъ созданъ, то кѣмъ? Какая его природа или его сущность? Изъ чего онъ состоитъ? Сила ли это? Матерія ли? Если отвлеченность, то какая? Однимъ словомъ, какое представленіе можемъ мы себѣ составить о немъ? Есть ли это вещь или существо? Можетъ быть, это духъ? Но, казалось бы, позитивизму говорить о духѣ не разумно. Мы совершенно недоумѣваемъ: какъ можетъ нѣчто несуществующее, нѣчто невозможное быть представленнымъ никакимъ воображеніемъ, никакимъ сопоставленіемъ идей—имѣть столь существенное значеніе въ судьбахъ міра, каждаго отдѣльнаго явленія, и проявлять такое обиліе разума, воли, премудрости, силы, цѣлесообразности и предусмотрительной премудрости?"

— „Позитивизмъ никогда не касался ни одного вопроса о сущности и природѣ, и на этотъ вопросъ онъ совершенно не въ правѣ отвѣчать вамъ. Неужели же вы не замѣтили роковаго однообразія слѣдствій при однообразіи причинъ? Если только вы это признаете, то ни въ какомъ случаѣ не имѣете права сдѣлать другаго вывода, кромѣ признанія неизмѣнности законовъ природы. Идти дальше въ своихъ мышленіяхъ и разбирать сущность позитивизмъ за собой права не оставляетъ, это было бы безразсудствомъ. Вы въ своихъ вопросахъ требуете отъ науки большаго, чѣмъ она въ состояніи вамъ дать".

— „Вы отказались отъ разрѣшенія вопросовъ и происхожденіи земли, ссылаясь на то, что ни одно заключеніе, касающееся древнихъ временъ, не можетъ быть подтверждено опытомъ или наблюденіемъ. Но эта причина была бы неумѣстна при изученіи современнаго состоянія земли, ибо правильно организованная наука должна умѣть экспериментировать всѣ безъ исключенія факты и явленія природы, ибо это именно и составляетъ ея прямое значеніе. Если бы нашлись такіе, которые наука не могла бы изучать или не могла бы дать о нихъ своего компетентнаго заключенія, то должна бы была отказаться отъ званія науки, руководительницы интеллигентной мысли вѣка. На этомъ основаніи мы просимъ разъяснить намъ; чѣмъ поддерживается энергія нашихъ міровъ, несущихся въ настоящее время съ неимовѣрной быстротой въ безпредѣльномъ пространствѣ? Если эту энергію поддерживаетъ законъ природы, создавшій, по вашему мнѣнію, міры, то объясните, откуда

Digitized by Google

онъ ее черпаетъ, какъ проявляетъ и какъ распредѣляетъ? Не можете ли выяснить намъ жизнь каждаго изъ безконечнаго числа атомовъ, составляющихъ вселенную? Какъ получаетъ онъ свое цѣлесообразное движеніе? Чѣмъ руководится законъ природы, распредѣляя эти движенія? Къ чему ведетъ онъ эти манифестаціи? Порядокъ, гармонія, цѣлесообразность во всѣхъ явленіяхъ природы невольно заставляетъ насъ предположить и дальнѣйшую цѣлесообразность въ великихъ и тайныхъ цѣляхъ, къ которымъ стремятся міры и вся вселенная, и если неорганическій міръ такъ полонъ дѣятельной цѣлесообразной попечительностью о немъ кого-то или чего-то, то подавно мыслящая природа тѣмъ болѣе должна имѣть высшую и разумную цѣль и причину своего существованія.

„Эти соображенія заставляютъ въ нашихъ умахъ возникать цѣлой серіи новыхъ весьма существенныхъ для жизни нашей вопросовъ, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно правильно мыслить, невозможно установить правильнаго взгляда на свою собственную жизнь въ связи съ жизнью цѣлаго міра и всей вселенной. Человѣкъ, не выясняющій себѣ этихъ вопросовъ, не можетъ достигнуть полной спокойной жизни и установить правильное міровоззрѣніе. Эти вопросы слѣдующіе: Для чего живемъ мы на землѣ? Кто и для чего сотворилъ всѣ твари, все живущее и самого человѣка? Что такое жизнь? Что такое смерть? Для чего все живущее умираетъ? Для чего оно живетъ? Для чего мучается человѣкъ, искупая каждую отрадную минуту своей жизни долгими страданіями и испытаніями? Признать ихъ безцѣльными мы не можемъ, гдѣ же цѣль ихъ? Въ чемъ она? Почему и зачѣмъ такъ жестока и трудна жизнь человѣка на землѣ? Нельзя ли сравнить жизнь человѣка на землѣ съ жизнью людей на другихъ планетахъ? Есть ли жители на другихъ планенахъ? Многіе ученые давали свѣту свои соображенія на этотъ счетъ; они описывали жителей планетъ, но мы рѣшительно не знаемъ, на сколько научны эти описанія? На сколько мы, публика, можетъ вѣрить имъ? Главную причину трудности земной жизни приписываютъ большому уклоненію эклиптики къ орбитѣ нашей планеты, и никто не укажетъ намъ, уменьшается ли оно? Нѣтъ ли основаній предполагать, что условія жизни на нашей землѣ когда-нибудь улучшатся, и человѣкъ получитъ возможность облегчить свое существованіе на землѣ черезъ улучшеніе физическихъ условій жизни? Или всего улучшенія жизни онъ долженъ ожидать отъ своего нравственнаго развитія. Если такъ, то что такое эта нравственность? Какая ея зависимость отъ физическаго міра? Для чего она нужна? И какъ она порождается“?

Digitized by Google

— „Вы уже давно зашли слишкомъ далеко и предъявляете такія требованія къ позитивизму, которыя могутъ назваться сплошными праздными притязаніями. Зачѣмъ нужно все это знать человѣку, а подавно наукѣ? Раціональная наука не должна заниматься подобными вопросами. Всѣ, какъ вы ихъ называете, великіе вопросы: *«зачѣмъ и почему вселенной»* давно сданы нами въ архивъ, ибо они всѣ не серьезны, не научны и не разумны".

— Позвольте предложить вамъ еще одинъ, послѣдній вопросъ. Мы увѣрены, что онъ будетъ болѣе удаченъ, чѣмъ всѣ предыдущіе, на которые вы не могли отвѣтить намъ. Но теперь мы попросимъ васъ развить ваши же собственныя слова, сказанныя въ вашемъ возраженіи на нашъ второй вопросъ. Вы сказали, что нѣтъ другой разницы между живымъ и мертвымъ, какъ только та, что въ живомъ проявляются нѣкоторыя силы, которыхъ въ мертвомъ нѣтъ. Мы въ восторгѣ отъ этого вашего научнаго вывода. Мы увѣрены, что если вы открыли ихъ присутствіе въ органическомъ мірѣ, вы изучили всѣ эти силы подробно во всѣхъ ихъ деталяхъ и не откажете разъяснить намъ все, что насъ интересуетъ въ нихъ. Мы догадываемся, о какихъ силахъ вы упомянули: это о жизненной силѣ, о духовномъ и разумномъ началахъ, заключающихся въ человѣкѣ, о силѣ воли и о цѣлой серіи загадочныхъ силъ, производящихъ, сверхчувственныя состоянія органической природы, въ особенности часто встрѣчающихся въ жизни людей. Эти силы во всѣ времена существованія человѣка заставляли его задумываться, возбуждая его удивленіе и желаніе искать разгадки ихъ. Душевно радуемся и поздравляемъ себя, что наконецъ въ позитивизмѣ мы найдемъ научно мотивированное мнѣніе о всѣхъ подобнаго рода явленіяхъ, фактахъ, силахъ и состояніяхъ.

„Мы удивляемся давно, что, несмотря на всю свою образованность, современная публика рѣшительно недоумѣваетъ, какъ относиться ко всѣмъ проявленіямъ этихъ силъ. Наука не руководитъ ею въ этой области, а между прочимъ нѣтъ дня, чтобы литература не сообщала какого-либо загадочнаго явленія. Передъ праздникомъ Рождества Христова нѣтъ и одной газеты или журнала, которые не печатали бы на своихъ страницахъ десятками разсказы о самыхъ чудесныхъ происшествіяхъ, встрѣчающихся въ жизни людей. 200 журналовъ и газетъ въ настоящее время круглый годъ помѣщаютъ статьи трансцендентальнаго характера, а 50 изъ нихъ составили себѣ спеціальность печатать на своихъ страницахъ только статьи трансцендентальнаго содержанія. Нѣтъ рѣшительно возможности относиться легко и безразлично къ подобнаго рода явленіямъ

Digitized by Google

и тѣмъ болѣе обвинять ихъ во лжи и обманѣ, ибо мы встрѣчаемъ между авторами статей великихъ ученыхъ, которые относятся совершенно къ нимъ серьезно и научно. Наконецъ, во всемъ образованномъ мірѣ устроены психическія, теософскія, спиритическія общества, въ которыхъ сотнями участвуютъ первокласные ученые; они даютъ множество теорій и системъ, повидимому, вполнѣ серьезныхъ и научныхъ. Число приверженцевъ окультизма, спиритизма и всѣхъ трансцендентальныхъ знаній ростетъ не по днямъ, а по часамъ, а между прочимъ наука никогда не выражала своего мнѣнія объ этихъ явленіяхъ и состояніяхъ. Она никогда не наставляла публики и не указывала ей, какихъ изъ всѣхъ этихъ теорій и системъ надо придерживаться, чтобы по возможности правильно смотрѣть на природу этихъ явленій. Она никогда не анализировала, не изучала этого предмета, не установила правильнаго взгляда на нихъ, а потому мы видимъ полное разногласіе въ мнѣніяхъ, а именно: одни ученые признаютъ въ человѣкѣ одну душу; другіе—другую; третьи совсѣмъ отвергаютъ ее, ссылаясь на какой-то психизмъ, руководящій внутренними проявленіями организма; четвертые приписываютъ все психомоторнымъ центрамъ; пятые находятъ въ человѣкѣ нервныя жидкости; шестые находятъ въ человѣкѣ новый элементъ, который называютъ астраломъ; однимъ словомъ, что ни общество, что ни ученый, занимающійся этимъ вопросомъ, то новое мнѣніе. Ихъ такъ много, всѣ они до того непохожи другъ на друга, что мы просто теряемся въ соображеніяхъ, котораго слѣдуетъ держаться, чтобы хотя сколько-нибудь имѣть понятіе о всѣхъ этихъ трансцендентальныхъ явленіяхъ."

— „Позитивизмъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не можетъ вамъ отвѣтить, онъ не идетъ такъ далеко въ своихъ умозаключеніяхъ и никогда не затрогивалъ столь неблагодарныхъ темъ. Силы, о которыхъ мы говорили вамъ, не что иное, какъ проявленіе свойствъ и качествъ матеріи. Позитивизмъ изучаетъ подробно матерію во всѣхъ ея деталяхъ и уже какъ слѣдствіе проявленій этой матеріи, какъ побочный продуктъ манифестаціи матеріи, касается силъ настолько, на сколько онѣ нужны для дальнѣйшаго и болѣе раціональнаго изученія матеріи".

— „Что матерія изучена вами въ подробности, нѣтъ ничего удивительнаго, ибо наука изучаетъ ее съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сама начала существовать, т. е. со временъ древнихъ кельтовъ, кельтиберовъ и египтянъ, или, лучше сказать, изучаетъ ее уже болѣе пяти тысячъ лѣтъ. Но, несмотря на то, къ стыду нашему, мы, публика, должны признаться, что до сихъ поръ

Digitized by Google

не уяснимъ себѣ, что такое матерія. Мы до сихъ поръ не знаемъ, изъ чего она состоитъ: если изъ атомовъ, то мы никакъ не можемъ уяснить себѣ, что такое атомъ? Какая его форма? Его размѣръ? Что заставляетъ одинъ атомъ держаться на извѣстномъ разстояніи отъ другого? Мы не знаемъ, какое это разстояніе? Если силы поддерживаютъ взаимное отношеніе атома къ атому, то опять остается для насъ темно: что такое сила? Что такое тяготѣніе? Какова природа того и другаго? Какое различіе между ними? Кто проявляетъ ихъ? Каковъ запасъ ихъ? Великъ ли онъ? И разные подобнаго рода вопросы".

— „Вы поступаете весьма благоразумно, что не наполняете своей головы праздными и неразрѣшимыми вопросами. Матерія не можетъ быть изучаема съ точки зрѣнія „что такое матерія", это не серьезно и не научно; матерія изучается со стороны ея проявленій или манифестацій. Мы не имѣемъ права спрашивать себя: „что такое матерія"? Но должны себя спрашивать: какъ проявляется матерія? Что она производитъ? Чѣмъ она можетъ быть? Разбирая же вселенную съ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ заключенію, что все въ природѣ есть матерія, или что матерія это все, и что кромѣ матеріи ничего нѣтъ".

— „Но чтоже послѣ этого составляетъ предметъ дѣятельности позитивизма? Вы сами заявляете, что спеціальность вашихъ изслѣдованій природы есть изученіе манифестацій матеріи. Но вѣдь матерію въ самой себѣ вы ни однимъ органомъ вашихъ чувствъ, ни однимъ инструментомъ, которымъ вы производите ваши опыты и наблюденія, познать не можете? Вполнѣ въ настоящее время доказано, что человѣкъ прямымъ опытомъ можетъ познавать одно лишь впечатлѣніе, производимое предметомъ черезъ органы чувствъ на головной мозгъ, и что эти впечатлѣнія часто совершенно непохожи ни по своей природѣ, ни по существу на самый предметъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что вся задача позитивизма заключается въ завѣдомомъ изученіи этихъ несуществующихъ фикцій, этихъ призраковъ, которые проявляются въ мозгу каждаго человѣка особо, при томъ условіи, что никто не можетъ провѣрить, одинаковыя ли впечатлѣнія получаются у всѣхъ отъ одного и того же предмета. Можетъ быть, и впечатлѣнія, производимыя предметомъ на мозги двухъ стоящихъ рядомъ людей, тоже разныя. Чѣмъ доказалъ позитивизмъ, что эти впечатлѣнія у разныхъ людей получаются одинаковыя? Вѣдь это тоже весьма сомнительно, и мы желали бы получить и этому обстоятельству какое-либо доказательство".

Digitized by Google

Вся эта масса не отвѣченныхъ вопросовъ ясно очерчиваетъ, на сколько дѣятельность позитивизма ограничена и какъ онъ мало удовлетворителенъ. Тотъ, кто будетъ говорить, что позитивизмъ принесъ много пользы знаніямъ, конечно, будетъ правъ, ибо познанія природы ежегодно расширяются неимовѣрно. Но съ другой стороны надо сказать, что все это кажущееся расширеніе знаній передъ той обширной областью, которая давно раскрыта для науки и настоятельно требуетъ своего изученія, сущее ничтожество. А потому надо сказать съ увѣренностью, что позитивизмъ не обладаетъ полными знаніями природы, и что тотъ, кто это утверждаетъ, крупно заблуждается.

Теперь разберемъ мнѣніе тѣхъ защитниковъ позитивизма, которые ощущаютъ и сознаютъ все ничтожество его настоящихъ трудовъ и задачъ и прощаютъ ему это, ссылаясь на его молодость; они надѣются, что настанетъ, наконецъ, то время, когда позитивизмъ заполнитъ всѣ пробѣлы своихъ знаній, которыми онъ изобилуетъ теперь.

Намъ кажется, что позитивизмъ не имѣетъ права ссылаться на свою молодость. Наука такъ же, какъ и всякое дѣло, имѣетъ свою цѣль и назначеніе; если кто не исполняетъ своихъ обязанностей, тотъ не стоитъ на той высотѣ своего положенія, на которой ему надлежало бы стоять. Почему сдѣлали бы мы наукѣ большее снисхожденіе, чѣмъ, напримѣръ воину, который сложилъ бы свое оружіе передъ трудностью борьбы съ болѣе сильнымъ врагомъ? Или должнику, который отказался бы платить по векселю? Наука,—позитивная она или какая бы она ни была,—она все же остается наукой и обязана давать научныя разъясненія тѣмъ фактамъ и явленіямъ природы, которые она добываетъ путемъ эксперимента; она обязана отвѣчать на всѣ вопросы, возрождающіеся въ мозгахъ мыслящей публики. Если бы даже ей былъ предъявленъ глупый вопросъ, она обязана снизойти къ неразвитости общества и сказать ему дурака, но не просто, не однимъ только словомъ, но вполнѣ толково и мотивированно. Она обязана давать отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ природы, доводя свои умозаключенія до того конца, котораго требуетъ средній уровень развитія публики. Если позитивизмъ дѣйствительно молодъ, онъ въ первое время могъ бы давать менѣе совершенныя объясненія, можетъ быть даже ошибочныя, но во всякомъ случаѣ они были бы ближе къ истинѣ, чѣмъ въ настоящее время объясняютъ сами себѣ эти факты, и каждый по своему, люди совсѣмъ не компетентные въ научномъ дѣлѣ. Со временемъ, по мѣрѣ того, какъ позитивизмъ крѣпнулъ бы въ

Digitized by Google

своемъ дѣлѣ и его разъясненія природы были бы все болѣе и болѣе совершенны, тогда успѣлъ бы онъ выправить старыя неточности прежнихъ знаній.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что позитивизмъ не можетъ давать разъясненія фактовъ и явленій, но въ томъ, что онъ не хочетъ, не считаетъ себя въ правѣ дѣлать это. Позитивисты увѣрили сами себя, что они психически несостоятельны и что они не могутъ доводить своихъ заключеній до конца, и, конечно, пока они будутъ держаться этого убѣжденія, они не будутъ расширять предѣловъ своей мысли. Дѣло совсѣмъ не въ молодости науки, но въ предвзятыхъ идеяхъ и принципахъ. Во всякомъ случаѣ наука оцѣнивается не потому, что изъ нея можетъ со временемъ быть, но по наличнымъ результатамъ. Наука, въ которой окончательно отсутствуетъ главный умозрительный элементъ, не можетъ быть названа молодой наукой, ибо, какъ наука, она еще совсѣмъ не родилась. Она тогда начнетъ быть наукой, когда введетъ въ свои стѣнки умозрительную часть. А въ томъ видѣ, въ какомъ въ настоящее время мы видимъ позитивизмъ, онъ не болѣе, какъ искусство.

Намъ скажутъ, въ современной наукѣ есть прекрасныя и точныя умозрительныя объясненія многихъ фактовъ и явленій природы; нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно смѣлы и простираютъ свои умозаключенія далеко за предѣлы познаваемаго, которыми оградили науку Огюстъ Контъ, Литтре и Льюисъ, а потому несправедливо было бы обвинять современный позитивизмъ въ томъ, что онъ до сихъ поръ строго держится ихъ программъ. Вѣдь это было бы коснѣніемъ, а всякое коснѣніе есть врагъ прогресса и науки.

На это мы просимъ позволенія возразить:

1) Какъ подробно читатель увидитъ ниже, въ статьѣ „Исторія развитія мысли“,—мы совершенно не считаемъ Огюста Конта и его послѣдователей создателями или творцами позитивизма. Позитивизмъ такъ же старъ, какъ и наука. Огюстъ Контъ и его послѣдователи только описали и мотивировали то, что раньше по необходимости и безотчетно существовало въ наукѣ; они уяснили значеніе позитивизма и классифицировали знанія. Позитивизмъ очень древенъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ находитъ, что въ наукѣ древнихъ арабовъ преслѣдовались совершенно тѣ же принципы экспериментальности, какъ и въ современномъ позитивизмѣ. Въ томъ-то и состоитъ главное горе, что позитивизмъ вошелъ въ кровь и въ плоть ученыхъ уже тысячелѣтія тому назадъ и сидитъ такъ глубоко въ нѣдрахъ науки, что его никто больше не замѣчаетъ; къ нему такъ всѣ привыкли, что считаютъ науку невозможной безъ него. Но узкость его программы дѣлаетъ то,

Digitized by Google

что каждый ученый, произнося свои умозаключенія, принужденъ въ большей или меньшей степени преступать эту программу; себѣ онъ это разрѣшаетъ, видя всю возможность, логичность и необходимость подобной вольности; но въ другихъ онъ этого не терпитъ, также какъ и другіе не терпятъ его свободнаго умозаключенія. Отчего всѣ эти научныя вольности не становятся общепринятыми, и каждый ученый принужденъ не надстраивать зданіе науки, основывая свои выводы на прежде выведенныхъ умозаключеніяхъ, но принужденъ основываться на позитивныхъ данныхъ и начинать свои выводы сначала. Всякая система или теорія, преступающая хотя отчасти программу позитивизма, разбору науки не подлежитъ, какъ бы она въ сущности ни была логична, научна и разумна, и, какъ справедливо говоритъ М. Литтре, она не обсуждается, не оспаривается и не утверждается, но прямо игнорируется, оставляется безъ вниманія, безъ обсужденія адептовъ раціональной науки; слѣдовательно, она не связывается съ остальными данными науки и не становится научнымъ достояніемъ. Подобное отношеніе позитивизма къ знаніямъ образуютъ полную безпровѣрочную анархію въ наукѣ, полную разрозненность мнѣній, однимъ словомъ, хаосъ.

2) Мы, дѣйствительно, видимъ въ наукѣ очень много смѣлыхъ умозаключеній и разъясненій фактовъ и явленій; но разберите ихъ глубже, и вы увидите, что большинство изъ нихъ— все вѣтви отъ древа, описаннаго Огюстомъ Контомъ. Эти вѣтви могутъ далеко удаляться отъ ствола, онѣ могутъ быть покрыты до того роскошной листвой, что она скроетъ отъ васъ все происхожденіе этой вѣтви; но, какая бы она ни была, она всегда будетъ вѣтвь, ибо всѣ основанія для выводовъ и всѣ исходныя точки мышленія исходятъ изъ позитивнаго ствола; и если когда-нибудь позитивизмъ будетъ признанъ заблужденіемъ и ему придется пасть, то погибнутъ и эти всѣ его прекрасныя и роскошныя вѣтви, какъ слѣдствія заблужденія позитивизма.

Многія изъ этихъ вѣтвей позитивизма необыкновенно красивы и заманчивы, мы считаемъ ихъ великими, научными открытіями, могущими составить славу и гордость нашего времени, но дѣйствительно ли это такъ и не потому ли мы ихъ считаемъ такими, что сами привыкли къ рутинѣ позитивизма и составляемъ невольныхъ и машинальныхъ его рабовъ и сообщниковъ и въ другихъ мы такъ же, какъ и всѣ остальные, не переваріваемъ научнаго вольнодумства.

Однако, мы совершенно не желаемъ бросать тѣнь на всю науку и утверждать, что, кромѣ позитивной, нѣтъ въ ней другой, болѣе свободной и правильной мысли. Мы говоримъ о

Digitized by Google

господствующей наукѣ и о большинствѣ. Свободная мысль существуетъ и въ наше время, ея можетъ быть больше, чѣмъ когда-либо она была. Умъ человѣческій работаетъ въ настоящее время такъ же, какъ и во всѣ времена существованія науки; это его естественное назначеніе, составляющее неизбѣжную потребность. Въ настоящее время появляются теоріи и системы, основанныя на выводахъ разума, не стѣсненнаго позитивными принципами; но въ массѣ самыхъ разнорѣчивыхъ научныхъ данныхъ очень трудно намъ, публикѣ, отличить пшеницу отъ плевеловъ. Укажемъ также на то, что всѣ эти вольнодумныя теоріи и системы, какъ тѣ, которыя основаны на свободной мысли, такъ и тѣ, которыя имѣютъ своимъ основаніемъ позитивные принципы, но въ выводахъ своихъ удаляются отъ позитивнаго ствола, не считаются достояніемъ науки. Привычка къ научной нетерпимости всего, что переступаетъ извѣстный предѣлъ познаваемаго, заставляетъ науку чуждаться ихъ, не затрогивать ихъ, не развивать, не считать ихъ безспорными данными науки; а потому онѣ не провѣряются, не прилагаются къ наукѣ, какъ безспорныя ея данныя, и на нихъ позитивизмъ не строитъ дальнѣйшихъ выводовъ своей науки.

Для примѣра, укажемъ на эфиръ. Необходимость признанія реальнаго существованія эфира въ настоящее время кажется намъ прочно установленною. Необходимость его участія во всѣхъ явленіяхъ и манифестаціяхъ матеріи доказана вполнѣ; выяснена величина его волнъ, его значеніе въ явленіяхъ, его вліяніе на каждое явленіе, но сталъ ли онъ отъ этого общепринятымъ въ наукѣ? Можно ли сказать, что онъ сталъ безспорной данностью науки, если всѣ разнородныя о немъ свѣдѣнія не согласованы между собой, если то, что признаетъ одинъ, отвергаетъ другой, то, что одинъ ученый признаетъ доказаннымъ, то признаетъ другой сомнительнымъ, наконецъ, и до сего времени. Вы найдете ученыхъ, которые отвергаютъ его совсѣмъ и рѣшительно признать не хотятъ.

Такая разрозненность и такой хаосъ царствуютъ во всемъ позитивизмѣ, даже въ теоріяхъ и въ системахъ, которыя должны бы были быть согласованы между собой, такъ какъ составляютъ область непосредственнаго и спеціальнаго вѣдѣнія позитивизма. Напримѣръ, **А. Введенскій**, приступая къ теоріи построеній матеріи на принципахъ критической философіи, собралъ нѣкоторыя несогласія въ ученіяхъ о матеріи и говоритъ: „Многіе ученые объявляютъ невозможнымъ существованіе въ матеріи такихъ силъ, какъ непосредственное притяженіе на разстояніи землей луны, и считаютъ необходимымъ объяснять эти явленія комбинаціями толчковъ междупланетной

Digitized by Google

среды и т. п. „Въ настоящее время, говоритъ г. Хвольсонъ, ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое. Всякій понимаетъ, что приближеніе тѣлъ другъ къ другу должно имѣть какую-нибудь внѣшнюю причину, которая, одинако, словомъ „притяженіе“ не объясняется“. Однако, эти дѣйствія признавались и признаются такими физиками, которыхъ никакъ нельзя назвать немыслящими, и не только физиками недавняго прошлаго, еще почти вчера жившими, каковы: Амперъ, Коши, Кренель и др., но и современными — Вильгельмомъ Веберомъ, Целльнеромъ, Гельмгольцемъ, Гирномъ и др.; послѣдній называетъ объясненіе тяготѣнія посредствомъ движеній non sens absolu. Не очевидный ли хаосъ мнѣній? По словамъ одного ученаго выходитъ, что такой изслѣдователь, какъ Гирнъ, оказывается немыслящимъ, а по словамъ послѣдняго, — первый проповѣдуетъ абсолютную безсмыслицу! Но каково мнѣніе самого Гирна? Для всѣхъ силъ, кромѣ развѣ тяготѣнія и упругости, онъ допускаетъ существованіе какой-то особой подвижной, но нематеріальной субстанціи, благодаря которой (но не ея движеніямъ) матеріальные атомы испытываютъ тѣ или другія перемѣны; она-то и составляетъ силу электричества, свѣта, теплоты и магнитизма. „Гирнъ, блестящимъ работамъ котораго по теплотѣ справедливо отдаетъ уваженіе весь ученый міръ, говоритъ Секки, придумываетъ для силъ какія-то особыя сущности, не то духовныя, не то матеріальныя, или, лучше сказать, нѣчто такое, что трудно и даже невозможно себѣ уяснить. Нельзя не пожалѣть, что столь искусный изслѣдователь вводитъ въ науку подобныя туманности“. Такое же разногласіе мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о построеніи матеріи. По однѣмъ теоріямъ, она считается сплошной и непрерывной, по другимъ же—атомистичной, причемъ и тѣ и другія подраздѣляются еще больше. Такъ, теоріи сплошной матеріи далеко не одинаково объясняютъ разнообразіе тѣлъ: Томсонъ предполагаетъ для этой цѣли существованіе въ матеріи неразрушимыхъ и несливающихся между собой вихревыхъ колецъ (вродѣ колецъ табачнаго дыма); Делингсгауземъ же допускаетъ въ ней состоянія волны (вродѣ тѣхъ, которыя возникаютъ при колебаніяхъ струны не какъ цѣлаго, а раздѣлившейся на отдѣльно колеблющіяся части), и т. д. Столь же разнообразны и признаваемыя нынѣ автомистическія теоріи. Однѣ допускаютъ протяженные атомы, которыя не имѣютъ никакихъ силъ. Другія сверхъ протяженнаго вещества допускаютъ въ нихъ и силы. Третьи, напротивъ, отрицаютъ въ атомахъ протяженность и считаютъ ихъ только пунктами, изъ которыхъ исходятъ дѣй-

Digitized by Google

ствующія на разстояніи силы. Четвертые считаютъ автомы постоянно однообразно измѣняющимися скопленіями матеріи, и т. д. То же самое разногласіе повторяется и въ пониманіи массы. Одни ее считаютъ какимъ-то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній, и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе разсматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ „количество“ объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣетъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы какъ коэффиціента, соопредѣляющаго вмѣстѣ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“

Весь этотъ хаосъ и вся эта распущенность въ наукѣ, порождающая полную анархію въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ ученыхъ, доказываетъ, что въ настоящее время науки нѣтъ, и что позитивизмъ не есть наука, ибо не представляетъ изъ себя чего-нибудь цѣльнаго, объединеннаго, стройнаго и авторитетнаго, т. е. того именно, чего мы непремѣнно должны требовать отъ всякой науки, и что должно проявляться на каждомъ шагу, при каждомъ новомъ открытіи или изобрѣтеніи. Позитивизмъ не держитъ въ своихъ рукахъ человѣческихъ знаній, онъ не управляетъ и не руководитъ ими, но собираетъ лишь экспериментальныя данныя и сваливаетъ ихъ въ общую кучу, изъ которой каждый ученый выбираетъ, по своему усмотрѣнію, что ему подходитъ, безъ всякой системы, безъ всякой связи съ остальными данностями науки, равно и строитъ свои заключенія, совершенно не справляясь съ параллельными трудами другихъ ученыхъ въ другихъ областяхъ знаній.

Вѣдь объединять знанія и вырабатывать принципіальныя понятія можетъ только философія. Философіи же съ конца XVIII вѣка совершенно нѣтъ, она вырвана съ корнями изъ науки, и все, что носитъ мало-мальски философскій характеръ, считается не научнымъ, не серьезнымъ и не разумнымъ.

Пусть читатель не думаетъ, что мы требуемъ введенія метафизики въ науку. Какъ метафизика въ наукѣ непонятна и неумѣстна, такъ и наука безъ научной философіи одинаково непонятна. Самъ Огюстъ Контъ считалъ философію (не мотафизику, повторяемъ) логикой науки и считалъ, что только она одна можетъ слить всѣ научныя знанія въ одно гармоничное цѣлое, свести ихъ всѣ къ одному общему выводу, правильно оцѣнить и сгруппировать ихъ.

Прослѣдимъ правильный научный ходъ развитія мысли, способный удовлетворить условіямъ правильнаго и всесторонняго изученія какой-либо области явленій. Прежде чѣмъ при-

Digitized by Google

ступить къ изученію чего-либо, я долженъ предварительно отмѣтить, что именно и съ какой точки зрѣнія я буду изучать. Затѣмъ, я долженъ справиться во всѣхъ областяхъ знанія, что именно было уже изучено по этому поводу, и знать, какія изъ найденныхъ мной такимъ образомъ данностей науки имѣютъ абсолютный, смыслъ, какія—вѣроятный, какія гипотетичный, а слѣдовательно какія могутъ служить исходными пунктами мышленія, ибо онѣ провѣрены наукой и приняты ею, какія могутъ служить лишь какъ соображенія и какихъ должно избѣгать, какъ заблужденій. Руководствуясь этими данными, я могу строить свои умозаключенія, владѣя незыблемыми руководящими нитями принциповъ, справляясь постоянно со всѣми выводами параллельныхъ областей знанія. Эта уже одна задача объединенія всѣхъ знаній не можетъ быть выполнена экспериментальной наукой, но должна составить предметъ научной философіи. Но, кромѣ того, научная философія должна бы была считаться еще съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, а именно: почти всѣ пріобрѣтенныя экспериментальнымъ путемъ понятія о природѣ не могутъ быть приняты прямо, какъ реальности, ибо вещь въ самой себѣ не есть еще то представленіе о ней, которое получено черезъ экспериментъ. Принимая, какъ до сихъ поръ принималъ позитивизмъ, понятія, добытыя экспериментомъ, за реальности, безъ всякой предварительной переработки ихъ философскимъ путемъ, и не отдѣливъ въ нихъ возможное и вѣроятное отъ сомнительнаго, мы дѣйствуемъ опрометчиво и вполнѣ не научно, что свидѣтельствуетъ: 1) что мы не обладаемъ чувствомъ фактичности, ибо въ противномъ случаѣ мы не смѣшивали бы условныя понятія съ абсолютными; а 2) то, что тѣ понятія, какія должны бы были служить одними лишь соображеніями ума, мы переносимъ на самыя явленія и устанавливаемъ на нихъ свое понятіе о реальности; тогда какъ завѣдомо они составляютъ только непрогрѣшимые исходные пункты мышленія, отъ которыхъ мы должны бы были исходить выводомъ нашего познанія природы, а ни въ какомъ случаѣ не принимать ихъ за самыя знанія. Принимая же начало мышленія за конечный выводъ, мы необходимо должны вдаваться въ безъисходныя противорѣчія и въ неисправимыя заблужденія.

Чтобы быть болѣе или менѣе непогрѣшимымъ, параллельно со всякимъ естественно-научнымъ изслѣдованіемъ, должна непремѣнно производиться философская обработка его, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи данныхъ, добытыхъ экспериментомъ, правильно установить наши познанія о немъ; т. е. выдѣлить все реальное, находящееся въ нихъ, и

Digitized by Google

построить такія понятія о природѣ, которыя имѣли бы дѣйствительное значеніе, вполнѣ возможное или вѣроятное, связанное со всѣмъ остальнымъ знаніемъ науки. Эти понятія могли бы при дальнѣйшихъ заводахъ нашего ума служить въ свою очередь исходными пунктами послѣдующаго мышленія. Безъ такого образа дѣйствій наука не можетъ пріобрѣсти никакого критерія, который далъ бы намъ возможность отличить реальное отъ воображаемаго, и мы будемъ всегда бродить въ туманѣ фантазій и противорѣчій.

Что позитивизмъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ считаться наукой,—не лучше ли всего доказываютъ царствующіе въ настоящее время въ немъ анархія мнѣній и полный хаосъ знаній, вызывающіе непримиримыя разногласія въ наукѣ, взаимные попреки и обвиненія въ недомыслiи и въ нелѣпостяхъ, которыя дѣлаютъ другъ другу не кто иной, какъ представители физики, т. е. той области, гдѣ, повидимому, не должно быть мѣста для произвольныхъ, шаткихъ и фантастическихъ взглядовъ.

Все вышесказанное доказываетъ, что въ настоящее время наука безъ руля и вѣтрилъ двигается по инерціи въ ожиданіи того времени, когда на нее взглянутъ болѣе серьезно и примутся за окончательную перестройку и переработку заново всего, что въ ней находится.

Не надо этому удивляться,—мысль эта не нова: самъ Огюстъ Контъ никогда не ставилъ высоко задачи позитивной науки. Онъ никогда не называлъ ее ни позитивной и ни раціональной наукой, а просто экспериментальной и придавалъ ей весьма ничтожное значеніе среди всѣхъ остальныхъ человѣческихъ знаній. Онъ самъ отвергалъ, чтобы эта экспериментальная наука могла быстро слѣдовать по пути своего развитія и совѣтывалъ умышленно тормазить ея развитіе, ибо величайшей изъ заботъ его была единственно та, чтобы люди не старались знать больше, чѣмъ достаточно. А потому разработку позитивизма онъ поручалъ только неудачнымъ кандидатамъ на священническую должность, кандидатамъ, „которымъ было отказано въ пріемѣ въ священники по недостаточности нравственнаго величія и твердости характера, но которые могли быть признаны достойными оставаться въ числѣ пенсіонеровъ духовнаго званія во вниманіе къ ихъ теоретическимъ способностямъ“ (Д. С. Милль, стр. 159). До такой степени пустымъ считалъ онъ экспериментальную науку. Онъ питалъ прямо ненависть къ ней и допускалъ ее только въ предѣлахъ строгой необходимости, когда черезъ неё можно было достигать или нравственной, или соціальной пользы.

Digitized by Google

Многіе ученые открыто протестовали противъ университетской науки вообще и возможности считать нашъ современный позитивизмъ наукой; напримѣръ, **Артуръ Шопенгауеръ** весьма энергично возстаетъ на возможность примѣненія принциповъ университетской науки въ серьёзной наукѣ и философіи. Онъ называетъ подобныхъ людей рыцарями ремесла и профессіи и въ своихъ „Философскихъ разсужденіяхъ о четвертомъ корнѣ закона достаточности основанія“ (Перев. Фета, Москва, 1886) говоритъ: „Если бы съ высокаго Олимпа истина сошла нагая, какъ мать ея родила, и приносимое ею найдено было несоотвѣтствующимъ требованіемъ тогдашнихъ временныхъ обстоятельствъ и цѣлямъ высшаго начальства, господа „профессіи и ремесла воистину не стали бы терять времени съ этой непристойной нимфой, съ этой невѣстой безъ приданаго, а поскорѣе прогнали бы ее комплиментами обратно на родной Олимпъ. Ибо, конечно, вступающій въ связъ съ этой заманчивой сиреной долженъ отказаться отъ счастія быть философомъ на государственной каѳедрѣ. Онъ будетъ, если и пойдетъ высоко, то развѣ философомъ на чердакѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба.

„Пусть они продолжаютъ поступать какъ хотятъ: истина „въ угожденіе ремеслу“ не станетъ другой.

„Дѣйствительно серьёзная философія переросла университеты. Быть можетъ, дѣло дойдетъ до того, что она будетъ сопричислена къ тайнымъ наукамъ; тогда какъ ея изнанка, та университетская ancilla theologiae, этотъ плохой дублетъ схоластики, коего высшимъ критеріумомъ философической истины—мѣстная догматика, тѣмъ громче будетъ раздаваться въ аудиторіяхъ: „Мы пойдемъ однимъ путемъ, а вы ступайте другимъ“.

Карлейль говоритъ: „Жизнь этихъ людей посвящена поруганію истины и религіи. Взоръ ихъ только скользитъ по поверхности природы. Вся ея красота съ безконечнымъ тайнымъ величіемъ, никогда ни на одно мгновеніе, ими не была понята.... Разлагая матерію, роясь во внутренностяхъ человѣческихъ труповъ и не находя въ нихъ ничего, кромѣ того, что можно взвѣсить и ощупать, они рѣшили, что нѣтъ души, нѣтъ Провидѣнія,—есть однѣ прирожденныя матеріи силы.... Ихъ теорія міра, картина человѣка и человѣческой жизни—какъ онѣ мелочны и жалки“.

Огюстъ Контъ находитъ, что метафизики и литераторы (lettrès) содѣйствовали ниспроверженію старой религіи и стараго соціальнаго порядка, но вполнѣ враждебно относятся къ созданію чего-либо новаго; они желаютъ только про-

Digitized by Google

длить время существующаго скептицизма и умственной анархіи, которые доставляютъ имъ дешевое средство къ соціальному вліянію избавляя ихъ отъ труда пріобрѣтать его посредствомъ прочной подготовки. Ученый классъ, отъ котораго можно было бы ожидать самыхъ лучшихъ проявленій, оказывается, если возможно, еще хуже. Чуждые обширныхъ взглядовъ, пренебрегающіе всѣмъ, что слишкомъ широко для ихъ пониманія, посвятившіе себя, каждый исключительно своей спеціальности, презрительно равнодушные къ нравственнымъ и политическимъ интересамъ — ученые имѣютъ единственную цѣль: пріобрѣсти поскорѣе репутацію, а во Франціи (путемъ состоящихъ на жалованьи академій и профессорскихъ каѳедръ) — даже и личную выгоду, сводя свою науку на праздныя и безполезныя изслѣдованія, не имѣющія значенія для дѣйствительныхъ интересовъ человѣчества и стремящіяся отвлечь мысль отъ этихъ интересовъ. Одна изъ самыхъ важныхъ обязанностей общественнаго вниманія и духовной власти состоитъ въ томъ, чтобы клеймить какъ безнравственное и дѣятельно устранить такое безполезное употребленіе умственныхъ способностей. Надо удерживать всякое упражненіе мысли, не приносящее какой-либо пользы человѣчеству“ (Милль о Контѣ, стр. 155—156).

Кантъ признаетъ матеріализмъ первою законною ступенью на длинной лестницѣ философскихъ системъ, ведущей постепенно до чистаго идеализма; вторая ступень, по его мнѣнію, есть скептицизмъ. Объ эти системы онъ считаетъ чистѣйшими заблужденіями, но говоритъ, что эти заблужденія весьма естественны при развитіи наукъ. Въ „Пролегоменахъ“, стр. 166 и 167, онъ говоритъ слѣдующее: „Я нахожу, что психологическая идея, хотя и не открываетъ мнѣ ничего относительно чистой сверхъ-опытной природы человѣческой души, однако, по крайней мѣрѣ, довольно ясно показываетъ неудовлетворительность опытныхъ понятій объ этомъ предметѣ и этимъ отклоняетъ меня отъ матеріализма, какъ такого психологическаго понятія, которое негодится ни для какого естественнаго объясненія и, сверхъ того, съуживаетъ разумъ въ практическомъ отношеніи. Точно также космологическія идеи, показывая очевидную недостаточность всего возможнаго естествознанія къ удовлетворенію законныхъ запросовъ разума, удерживаютъ насъ отъ натурализма, признающаго природу самодовлѣющею. Такимъ образомъ, трансцендентальныя идеи, хотя и не даютъ намъ положительнаго знанія, однако служатъ къ упраздненію дерзкихъ и съуживающихъ область разума утвержденій матеріализма, натурализма и фатализма, и чрезъ то даютъ просторъ

Digitized by Google

нравственнымъ идеямъ внѣ области умозрѣнія; это, мнѣ кажется, въ нѣкоторой степени объясняетъ естественную способность къ этимъ идеямъ".

Либихъ въ своихъ „Химическихъ Письмахъ" называетъ матеріалистовъ прямо „диллетантами".

Ф. А. Ланге, какъ выводъ изъ своей „Исторіи матеріализма", дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „что провозглашеніемъ матеріалистическихъ идей въ большинствѣ случаевъ занимались не самые основатели, открыватели и изобрѣтатели, однимъ словомъ,—не первые мастера какой-нибудь спеціальной области, и что потому не мало ошибокъ въ строгомъ методѣ сдѣлано людьми, подобными Бюхнеру, Молешотту и Фогту (стр. 120).

„Желаніе построить философское міровоззрѣніе исключительно на естественныхъ наукахъ въ наше время можетъ быть обозначено какъ философская односторонность самаго дурнаго свойства. Съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ эмпиристическій натурфилософъ, на манеръ Бюрхнера, противопоставляетъ себя одностороннему спеціальному изслѣдованію, всякій всесторонне образованный философъ можетъ противопоставить себя Бюхнеру и поставить ему въ упрекъ тѣ предубѣжденія, которыя неизбѣжно должны произойти изъ ограниченности его круга зрѣнія" (Ланге, т. II, стр. 123, 124).

Чольбе, въ сущности самъ матеріалистъ, и упрекаетъ своихъ же собратій въ томъ, что, несмотря на постоянные вѣковые споры за и противъ матеріализма, они не могли еще сдѣлать чего-нибудь, чтобы привести свой способъ пониманія вещей въ удовлетворительную систему: „что̀ въ самое новѣйшее время", спрашиваетъ онъ, „сдѣлали для этого Фейербахъ, Фогтъ, Молешоттъ и др.—суть лишь возбуждающія, отрывочныя утвержденія, которыя при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи дѣла неудовлетворительны. Утверждая лишь вообще объяснимость всѣхъ вещей чисто естественнымъ образомъ, но не сдѣлавши даже попытки доказать ее въ частности, они находятся еще въ сущности на почвѣ враждебной имъ религіи и умозрительной философіи" (N. Darst. d. Sensual. Leipzig, 1885 г., S. VII). (Ланге, т. II, стр. 113).

Ботаникъ фонъ-Моль: „Кто собственно велѣлъ натуралистамъ философствовать вмѣсто того, чтобы изслѣдовать? Развѣ когда-нибудь какой-либо философъ, даже въ періодъ сильнѣйшаго броженія, хотѣлъ серьезно замѣнить точное изслѣдованіе своею системою? Даже Гегель, самый высокомѣрный изъ новѣйшихъ философовъ, никогда не смотрѣлъ на свою систему, какъ на положительное завершеніе научнаго познанія,

Digitized by Google

какъ это должно бы быть по тому пониманію, которое мы оспариваемъ. Онъ очень хорошо зналъ, что никакая философія не можетъ пойти дальше совокупнаго умственнаго содержанія своего времени. Конечно, онъ былъ достаточно ослѣпленъ, чтобы не цѣнить богатыя философскія сокровища, которыя частныя науки даютъ мыслителю, и въ особенности онъ ставилъ слишкомъ низко умственное содержаніе положительныхъ наукъ. Если бы ихъ собственная наука имѣла болѣе твердое основаніе, то она лучше противостояла бы бурямъ страсти къ умозрѣнію.

„Это происходитъ отчасти отъ того, что наука, часто, ради денегъ и почестей, позволяла злоупотреблять собой для того, чтобы поддерживать отжившія силы и служила хищническому интересу указаніемъ на прошлое великолѣпіе и на историческое пріобрѣтеніе общевредныхъ правъ“ (Ланге, т. II, стр. 150, 151).

Н. Я. Гротъ, профессоръ, новороссійскаго университета, въ своей книжкѣ „О душѣ какъ силѣ“, 1886 г., восклицаетъ: „Не пора ли, наконецъ, намъ очнуться отъ „позитивнаго террора“, который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія“.

Докторъ Бенедиктъ: въ Вѣнѣ (въ своей книгѣ: „Каталепсія и Месмеризмъ“, СПБ., 1880, перев. Дмитріева, на 12 страницѣ), говоритъ: „Во-первыхъ, ученый міръ издавна свирѣпствовалъ противъ истинъ, вышедшихъ не изъ цеха, — это фактъ историческій. Но хотя бы истина вышла изъ среды ученыхъ и премудрыхъ, все-таки, если она не одобрена ученымъ міромъ, цеховое фарисейство ополчалось противъ ученія и учителя; если бы союзъ фарисейства съ свѣтской властью не былъ историческимъ фактомъ, — не пришлось бы Сократу выпить цикуту, Христу Спасителю быть распятымъ, Гуссу быть сожженнымъ и т. п.

„Во-вторыхъ, цеховая оппозиція вооружается и тогда, если мысль не созрѣла для научнаго міра, или самъ научный міръ не созрѣлъ для этой истины.

„Непонятность месмеровскаго вліянія не должна бы вызывать противъ себя столь злобной вражды со стороны врачей; дѣйствіе большей части лѣкарствъ и прежде было, да и теперь остается неизвѣстнымъ. Кому же извѣстенъ, напримѣръ, механизмъ дѣйствія морфія, атрофина, или почему яды дѣйствуютъ такъ, а не иначе?“

М. П. Погодинъ: „Наука, грамота, религія и вообще все можетъ быть употребляемо во зло. Злоупотребленія, увлеченія, дерзость возгордившихся жрецовъ науки возмущаютъ

Digitized by Google

всякаго благочестиваго скромнаго искателя истины (или лучше сказать, нашихъ попугаевъ имѣлъ я въ виду, говоря о безотвѣтственности науки на высшіе вопросы человѣческіе).

„Если бы мы поняли что-нибудь совершенно, если бы могли имѣть надежду, по вѣрнымъ даннымъ, что можемъ понять и узнать все, хотя мало-по-малу, то наше невѣріе могло бы сколько-нибудь оправдаться. Но вѣдь мы остаемся во мракѣ среди своихъ усиленныхъ, напряженныхъ изслѣдованій, и не должны имѣть никакой надежды выдти на свѣтъ по одному этому пути, подъ руководствомъ разума.

„Неужели весь родъ человѣческій осужденъ на Сизифову работу—втаскивать съ усиліемъ на гору камень, который скатывается оттуда внизъ? или на занятія Данаидъ, которыя должны были накачивать бездонныя кадки? Можетъ ли быть такъ? Неужели такъ должно быть, и этому не будетъ конца? Умъ отказывается вѣрить такому ученію. Что-нибудь да не такъ.

„По одному пути науки, разумѣется, въ своей степени необходимому, нельзя, видно, найти истины, получить здѣсь полное удовлетвореніе.

„Откуда все взялось? какъ произошло? кто далъ намъ жизнь? что она такое? для чего мы живемъ? что такое смерть? безконечность, безпредѣльность, вѣчность, пустота?... Одни изъ модныхъ философовъ ищутъ себѣ отвѣтовъ на эти и подобные существенные вопросы, не находятъ, встрѣчаются съ противорѣчіями и отвергаютъ; другіе, позитивисты, не отрицая существованія вопросовъ, объявляютъ ихъ непринадлежащими наукѣ; третьи говорятъ, что искать отвѣтовъ нечего, что вопросы эти не стоятъ вниманія, а должно думать только о томъ, изслѣдовать только то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ.

„Другіе философы признаютъ существованіе вопросовъ, но объявляютъ ихъ непринадлежащими позитивной наукѣ.

„Кому же они принадлежатъ? Куда дѣться отъ нихъ? Что дѣлать съ ними? Подъ красное сукно положить ихъ нельзя.

„Вы считаете ихъ непринадлежащими наукѣ, потому что объяснить ихъ не можете, но вы допускаете ихъ существованіе,—такъ отнеситесь, по крайней мѣрѣ, къ вопросамъ этого рода, какъ къ высшимъ тайнамъ религіи, съ большимъ почтеніемъ и смиреніемъ.

„Можно недоумѣвать, можно сомнѣваться, можно быть неувѣреннымъ и говорить: не понимаемъ, не знаемъ, но отрицать безусловно непонимаемое есть и дерзость, и невѣжество.

„Ученые, отвлекаясь, увлекаясь и завлекаясь, могутъ иногда довольствоваться мнимою положительностью и даже насла-

Digitized by Google

ждаться своими открытіями въ ея предѣлахъ: иные погружаясь въ свои изысканія, тонуть въ ихъ глубинѣ (а наши— въ помойныхъ ямахъ Запада), и до такой степени овладѣваются ими, что лишаются способности поднять голову, посмотрѣть на небо и обозрѣть горизонтъ. Теряясь въ частностяхъ, они не могутъ уже возвыситься до общаго; занимаясь мелкими дробями, тупѣютъ для воображенія милліардныхъ чиселъ и такъ тяжелѣютъ, что не могутъ возвыситься до мысли о великой Единицѣ трехъ ипостасей.

„А вы развѣ понимаете?—спрашиваютъ эти философы своихъ противниковъ.—Нѣтъ, не понимаемъ,—тѣ отвѣчаютъ,— и даже болѣе, не смѣемъ сказать, что вѣримъ, потому что часто колеблемся и забываемся, но можемъ сказать, что преклоняемся со страхомъ и трепетомъ предъ вѣчною Премудростію, чьею бы то ни было, говоря вашимъ языкомъ, передъ Богомъ, какъ мы ее называемъ, благоговѣемъ предъ Спасителемъ, великимъ Учителемъ рода человѣческаго, Іисусомъ Христомъ, и въ лучшія минуты своего сознанія, молимся: вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!

„Мы не понимаемъ и смиряемся предъ непостижимостью, а вы сквернословите и богохульствуете.

„Наши философы, нигилисты и прогрессисты суть большею частію недоучившіеся студенты и озлобленные семинаристы, или дилетанты самоучки.

„Со всѣми науками, искусствами, теоріями, системами, политикою и всякою премудростью они познакомились какъ будто изъ телеграммъ и, не дождавшись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всѣхъ великихъ задачахъ человѣческой жизни, о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія.

„Друзья мои! Подождать бы вамъ почты: можетъ быть принесла бы она вамъ основанія болѣе твердыя и прочныя“ (О модн. толк., стр. 22, 23 и 30).

Н. Я. Данилевскій въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Дарвинизмъ“ (т. II, стр. 504—506) говоритъ: „Я весьма далекъ отъ той мысли, что границы положительной науки не только въ данное время, но и вообще совпадаютъ съ законными границами человѣческаго мышленія. Есть ученіе, дающее себѣ названіе позитивной философіи, утверждающее это. Здѣсь не мѣсто его разбирать, и я замѣчу только, что такъ называемый позитивизмъ, такъ же мало имѣетъ права называться философіею, какъ ученіе, которое бы утверждало, что всякое врачеваніе (и діэтическое, и профилактическое, конечно, въ томъ числѣ) безполезно и безцѣльно, имѣло бы право назы-

Digitized by Google

вать себя врачебною наукой; или ученіе аббата Сентъ-Пьера о вѣчномъ мірѣ—стратегіей или тактикой. Притязанія позитивизма представляются мнѣ въ образѣ датскаго и англійскаго короля Канута Великаго, повелѣвающаго морскому приливу остановиться у ногъ, съ тою, однако же, существенною разницею не въ пользу позитивизма, что Канутъ приказывалъ приливу иронически, для посрамленія своихъ льстецовъ,— Контъ же и его послѣдовали серьезно отдаютъ приказъ человѣческой мысли остановиться и не идти далѣе. Конечно, и мысль имѣетъ столь же мало возможности послѣдовать ихъ велѣнію, какъ и море приказанію Канута.

„Неправильно то представленіе, по которому метафизика и положительная наука представляются фазисами развитія человѣческой мысли. Это не фазисы развитія, а два метода, которые всегда совмѣстно дѣйствуютъ при стремленіи человѣка познать природу (т. е. все, что есть). Но если по великолѣпному выраженію Бера: „наука вѣчна въ своемъ источникѣ, не ограничена ни временемъ, ни пространствомъ въ своей дѣятельности, неизмѣрима въ своемъ объемѣ, безконечна въ своей задачѣ, непостижима въ своей цѣли“ (Baer Reden., 1864, S. 121), то напрасны опасенія или надежды, что она когда-нибудь достигнетъ той точки, на которой или обратится вся въ философію, въ метафизику, въ дедуктивный выводъ изъ единой общейшей идеи, или, наоборотъ, вытѣснить всякую метафизику, т. е. послѣдовательнымъ и непрерывнымъ рядомъ наблюденій и опытовъ достигнетъ полнаго всецѣлаго знанія. То и другое одинаково невозможно!“

Послѣ всего вышесказаннаго дѣлается понятнымъ, отчего послѣдователи позитивизма должны непремѣнно быть атеистами или матеріалистами. И какое же другое міровоззрѣніе можетъ дать наука, которая проповѣдуетъ, что природа обходится своими собственными законами, что матерія обладаетъ достаточнымъ количествомъ свойствъ, ей присущихъ отъ вѣчности, чтобы производить всѣ явленія природы. Человѣкъ изучаетъ науку съ самыхъ раннихъ лѣтъ и не только никогда въ ней не встрѣчался съ вопросомъ о Богѣ, но считалъ запрещеннымъ и постыднымъ поднимать такой пустой вопросъ, на который онъ впередъ зналъ, какой получитъ отвѣтъ.

На это намъ возразятъ, что въ каждой школѣ обязательно изучать законъ Божій и что всякій знаетъ, насколько это необходимо.

Но дѣло не въ томъ, что учатъ, а на какую почву падаетъ сѣмя ученія. Если почва плохая, не разработанная, не готовая, то и плоды будутъ скудны.

Digitized by Google

Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя элементами: съ вопросомъ о безвѣріи, который весьма легко принимается на почвѣ нашей порочной души, нравственно парализованной, и съ вопросомъ о вѣрѣ въ отвлеченнаго Бога, который, какъ всякая отвлеченность, не соотвѣтствуетъ нашимъ привычкамъ и складу нашего позитивнаго ума.

Оставляя въ сторонѣ современный позитивизмъ, надо сказать, что во всѣ времена существованія науки, начиная съ самой глубокой древности, люди съ атеистическимъ и матеріалистическимъ складомъ ума давали изслѣдованія природы несравненно уже и поверхностнѣе, чѣмъ ученые со спиритуалистическимъ міровоззрѣніемъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Digitized by Google

Глава V.

Міровоззрѣніе матеріалистовъ.

Во всѣ времена существованія человѣка появлялись люди съ могучимъ и высокимъ развитіемъ своихъ внутреннихъ чувствъ, своего сердца и души, которые открывали въ природѣ впечатлѣнія истины и красоты, остающіяся для всѣхъ остальныхъ вполнѣ непонятными и недосягаемыми. Если къ этой нравственной силѣ присоединялись геніальный умъ и научныя познанія то свѣтъ обогащался новымъ ученымъ, обширнѣйшій кругозоръ котораго дарилъ наукѣ новыя ученія и великія открытія.

Современники рѣдко понимали всю высоту мысли ихъ и все значеніе этихъ ученій. Они всегда понимали ихъ по своему; частью ученія эти совсѣмъ оставлялись непонятыми и скоро забывались; частью они переиначивались и приспособлялись къ болѣе узкому и поверхностному взгляду людей на природу вещей.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ средній уровень нравственнаго развитія людей возвышался, и пониманіе этихъ ученій все болѣе и болѣе приближалось къ тому коренному смыслу, который самъ ихъ творецъ придавалъ имъ.

Ученія многихъ знаменитыхъ мыслителей оставались цѣлыя тысячелѣтія непонятыми и не понимаются въ истинномъ ихъ свѣтѣ и до настоящаго времени. Многое, что говорили намъ такіе мыслители, какъ Сократъ, Сенека, Маркъ Аврелій, возбуждаетъ въ насъ еще въ настоящее время сомнѣніе и даже улыбку; но свѣтъ дозрѣетъ и до нихъ, и когда-нибудь и они будутъ поняты и оцѣнены.

Digitized by Google

Великіе мыслители и столпы образованности рѣдко оцѣнивались ихъ современниками по достоинству. Оцѣнивали ихъ развѣ въ десятомъ и двадцатомъ поколѣніи; при жизни же они были обречены влачить тяжелое существованіе въ одинокой борьбѣ съ грубостью и невѣжествомъ.

Въ противоположность имъ, мы видимъ, какою популярностью и любовью общества пользуются матеріалистическіе и атеистическіе писатели и философы. Нравственное развитіе ихъ болѣе подходитъ подъ развитіе общества, всѣ ученія ихъ уже и поверхностнѣе и потому лучше усваиваются обществомъ. Изъ нихъ многіе были люди высоко умственно-развитые, обладали большой ученостью, даромъ слова, неотразимой логикой и умѣньемъ излагать свои мысли просто и естественно, такъ что слушатель не могъ не согласиться съ ними. Они при жизни своей уже пожинали лавры отъ научныхъ своихъ трудовъ и имѣли толпы послѣдователей.

Съ одной стороны, надо справедливо отнестись къ ихъ полезной дѣятельности, ибо хотя они проповѣдывали и матеріалистическія ученія, но этимъ они возбуждали научный интересъ общества и черезъ это подготовляли его къ воспріятію высшихъ истинъ. Неразвитое еще общество требовало себѣ легкихъ формъ ученій и пользовалось ихъ философіей, какъ временной и переходной формой, чтобы со временемъ умѣть понимать великихъ мастеровъ науки.

Съ другой стороны, не трудно видѣть и ихъ заблужденія. Многіе изъ нихъ рѣшительно не могли обнять никакихъ отвлеченныхъ представленій, ничего индуктивнаго, понятія о духовной сущности вещей и причинности были для нихъ положительно недоступны, и вся мудрость ихъ ограничивалась поверхностнымъ изученіемъ матеріи, ея законовъ и видимыхъ проявленій природы. Они въ матеріи самой и искали причину возникновенія матеріи; объявленія явленій искали въ самихъ явленіяхъ и ни за что не хотѣли, а лучше сказать не могли, не были способны допустить ничего отвлеченнаго и скрытаго и умозрительнаго, и вся природа, по ихъ мнѣнію, ограничивалась однимъ видимымъ міромъ.

При этомъ міровоззрѣніи никакая философія немыслима, ибо атеистической философіи нѣтъ и быть не можетъ. Сколько ни трудились люди, однако, до сихъ поръ, никому изъ нихъ еще не удалось создать атеистическую философію.

До сего времени ни одна изъ философскихъ системъ не могла создать такую космогонію, которая обходилась бы безъ чего-нибудь Всеобъемлющаго, Всесозидающаго, или вообще

Digitized by Google

безъ элемента Господствующаго или Первенствующаго во вселенной; ни одно міровоззрѣніе неполно и непонятно безъ этого „нѣчто". Каждый матеріалистическій философъ старался опредѣлить и выяснить это „нѣчто" по-своему; каждый изъ нихъ, не признавая ничего отвлеченнаго, ничего ему неизвѣстнаго, искалъ его кругомъ себя, въ своей наукѣ, въ своихъ знаніяхъ, въ опытности и, не находя другаго исхода, ничего болѣе подходящаго, долженъ былъ остановиться на признаніи Бога—матеріи, Бога—силы, Бога—движенія, или чего-либо подобнаго, лишь бы не признать истиннаго Бога; каждый изъ нихъ рисовалъ себѣ по-своему невѣрно понятаго Бога въ томъ видѣ, какъ позволяли ему ограниченныя и односторонніе научныя убѣжденія его въ связи съ слабымъ нравственнымъ развитіемъ души его.

Это фактъ, дѣйствительно достойный замѣчанія, что всякая философская система, какъ бы она ни желала стать ближе къ чистому атеизму, должна была все-таки признать если не кого-нибудь, то что-нибудь за Богъ.

„Если посмотрѣть", — говоритъ Ланге — „какъ атеистъ Штраусъ уснащиваетъ свою вселенную, чтобы ее почитать, то приходишь невольно къ убѣжденію, что онъ еще не очень удалился отъ почитанія истиннаго Бога. Повидимому, остается только дѣломъ вкуса, чтитъ ли онъ въ мужескомъ родѣ „Бога", или въ женскомъ „природу", или въ среднемъ „мірозданіе". Чувства тѣ же и даже способъ представленія предмета этихъ чувствъ не отличается существенно. Вѣдь по его теоріи этотъ Богъ не личенъ, а въ одушевленномъ энтузіазмѣ и въ мірозданіи принимается имъ за лицо" (Истор. мат., т. I, стр. 466).

Чтобы лучше ознакомиться со взглядами матеріалистическихъ теорій на Бога и на міръ, приведемъ вкратцѣ ихъ подлинныя слова, изъ которыхъ мы увидимъ, что многіе очень близко приходятъ къ понятію объ истинномъ и личномъ Богѣ, какъ Творцѣ вселенной. А именно:

I. Эпикуръ почиталъ представленіе о богахъ, какъ элементъ благородной человѣческой сущности, а не самихъ боговъ, какъ внѣшнія существа. Онъ почиталъ боговъ за ихъ совершенство, что онъ могъ дѣлать какъ въ томъ случаѣ, когда это совершенство выражается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ равно и тогда, когда оно раскрывается въ нашихъ мысляхъ какъ идеалъ: и это послѣднее, кажется, составляло его настоящую точку зрѣнія. Душа, по его мнѣнію, есть тонкое вещество, разсѣянное по всему аггрегату тѣла, походящее болѣе всего на воздухъ съ примѣсью тепла. Тѣло

Digitized by Google

облекаетъ душу и приводитъ въ ней ощущеніе; черезъ нее оно дѣлается причастно ощущенію, хотя не вполнѣ, и теряетъ это ощущеніе, когда душа разсѣвается. Когда тѣло разрѣшается, душа должна разрѣшиться вмѣстѣ съ нимъ (Ланге, т. I, стр. 79, 83).

„Эпикурійскіе боги совершенно похожи на человѣка, только имѣющаго невещественное тѣло; они обитаютъ промежуточныя пространства между отдѣльными мірами и наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ, состоящимъ въ томъ, что они не заботятся ни о чемъ, и не обращаютъ никакого вниманія на людей“ (Истор. филос. Бауера).

Онъ основывалъ существованіе боговъ на ясномъ, субъективномъ познаніи, которое мы имѣемъ о нихъ; но онъ училъ, что безбожникъ не тотъ кто отрицаетъ боговъ, но скорѣе тотъ, который соглашается съ мнѣніемъ толпы о богахъ. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на вѣчныя, безсмертныя существа, блаженство которыхъ исключаетъ всякую мысль о заботѣ или трудѣ; поэтому явленія природы идутъ въ своемъ теченіи по вѣчнымъ законамъ, и никогда на нихъ не дѣйствуютъ боги, величіе которыхъ мы оскорбляемъ, когда предполагаемъ, что они заботятся о насъ; но мы должны ихъ почитать *за ихъ совершенство*.

II. **Лукреций Кара** различалъ душу (пневма) и духъ (нусъ). И то и другое онъ считаетъ тѣсно соединенными между собою составными частями человѣка. Какъ рука, нога, глазъ составляютъ органы живаго существа, такъ же и духъ. Онъ отвергаетъ воззрѣніе, по которому душа состоитъ лишь въ гармоніи всей тѣлесной жизни. Теплота и жизненный воздухъ (которое составляютъ тѣло при смерти) образуютъ душу, и тончайшая самая внутренняя составная часть ея, которая имѣетъ свое мѣстопребываніе въ груди и единственно чувствуетъ, — есть духъ, — и душа и духъ имѣютъ вещественную природу и состоятъ изъ мельчайшихъ, самыхъ круглыхъ атомовъ.

Когда въ воздухѣ разносится букетъ вина или запахъ благовоннаго масла, то не видно, однако, никакого уменьшенія ихъ вѣса. То же самое происходитъ съ тѣломъ, когда изчезаетъ душа (Ланге, т. I, стр. 114).

III. **Ксенофонтъ** считалъ основою всего существующаго единственное существо, называемое Богомъ, или, что для него все равно,—это міръ. Но міръ онъ почиталъ не какъ множество различныхъ вещей, а какъ одно великое и таинственное цѣлое.

Digitized by Google

Онъ признавалъ основными началами міра четыре элемента: землю, воду, воздухъ и огонь.

IV **Джонъ Толандъ** говорилъ, что Богъ есть все, изъ Котораго все рождается и къ Которому все возвращается. Его культъ чтитъ истину, свободу и здоровье,—три высшія блага мудраго. Его святые Отцы Церкви суть выдающіеся умы и самые лучшіе писатели всѣхъ временъ, въ особенности классической древности; но и они также не должны представлять авторитета, который могъ бы держать въ оковахъ свободный духъ человѣка. Въ сократовской литургіи предстоящій взываетъ: „Не клянитесь словами учителя“! И на это изъ собранія несется отвѣтъ: „Ни даже словами Сократа“ (Ланге, т. I, стр. 257).

V. **Гессенди** считалъ міръ за устроенное въ порядкѣ цѣлое, и спрашивается только, какимъ образомъ онъ устроенъ; именно — одушевленъ онъ, или нѣтъ. Если понимать подъ душею міра Бога и утверждать только, что Богъ Своею сущностью и Своимъ присутствіемъ все сохраняетъ, всѣмъ управляетъ, и, такимъ образомъ, такъ сказать, одушевляетъ, то это, конечно, можно признать.

Его ученіе объ атомахъ, пустомъ пространствѣ, недѣлимости до безконечности, движеніе атомовъ и т. д. вполнѣ слѣдуетъ Эпикуру. Замѣчательно только то, что Гессенди отождествляетъ вѣсъ или тяжесть атомовъ съ ихъ внутреннею естественною способностью къ движенію. Впрочемъ, онъ признавалъ, что этимъ движеніемъ атомы одарены Богомъ съ самаго начала.

Богъ, заставившій землю и воду произвести растенія и животныхъ, сотворилъ опредѣленное число атомовъ, чтобы они составляли сѣмена. Затѣмъ, только начался рядъ твореній и разрушеній, который существуетъ и до сего дня, и будетъ существовать и потомъ.

„Первая причина всего есть Богъ“; однако, все разсужденіе далѣе имѣетъ дѣло только съ вторичными причинами, которыя ближайшимъ образомъ производятъ каждое частное измѣненіе. Но принципъ его долженъ быть необходимо тѣлеснымъ. Въ искусственныхъ продуктахъ двигающее начало отлично отъ вещества; но въ природѣ дѣятель дѣйствуетъ внутренно и есть только самая дѣятельная и самая подвижная часть матеріи. Между видимыми тѣлами одно двигается всегда другимъ; самодвижущееся начало суть атомы.

Digitized by Google

Его система знаетъ только матеріальную, состоящую изъ атомовъ, душу, но духъ долженъ принять на себя роль безсмертія и безтѣлесности (Ланге, т. I, 207—210).

VI. **Гоббсъ:** „Познаніе Бога вообще не принадлежитъ наукѣ, потому что тамъ, гдѣ нельзя ничего придать или вычесть, прекращается мышленіе. Правда, связь между причиною и слѣдствіемъ ведетъ насъ къ тому, чтобы принять послѣднее основаніемъ всякаго движенія,—первичное движущее начало; но ближайшее опредѣленіе его сущности остается чѣмъ-то совершенно немыслимымъ, даже противорѣчащимъ мышленію, такъ что дѣйствительное признаніе и выполненіе идеи Бога должно быть предоставлено религіозной вѣрѣ" (Ланге, т. I, стр. 219).

Гоббсъ не считаетъ возможнымъ отвергать чудеса, но онъ сравниваетъ ихъ съ пилюлями, которыя *надо проглатывать, но не слѣдуетъ жевать.*

Человѣкъ, по его мнѣнію, есть субъектъ ощущенія; объектъ—предметъ, который ощущается; но образы или чувственныя качества, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ предметъ, не суть самый предметъ, но нѣкоторое извнутри насъ самихъ происходящее движеніе. Слѣдовательно, отъ свѣтящихся тѣлъ не исходитъ никакого свѣта, отъ звучащихъ—никакого звука, но отъ обоихъ исходятъ только извѣстныя формы движенія. Свѣтъ и звукъ суть ощущенія и возникаютъ, какъ таковыя, лишь внутри насъ,—какъ обратное, исходящее отъ сердца движеніе. Отсюда выходитъ сенсуалистическое слѣдствіе, что всѣ такъ называемыя чувственныя качества, какъ таковыя, не принадлежатъ вещамъ, но возникаютъ только въ насъ самихъ. Но рядомъ съ этимъ стоитъ чисто матеріалистическое положеніе, что и человѣческое ощущеніе есть не что иное, какъ движеніе частицъ тѣла, возбуждаемое внѣшнимъ движеніемъ предметовъ.

Въ отношеніи къ разсмотрѣнію міроваго цѣлаго Гоббсъ придерживается исключительно познаваемыхъ и объясняющихся по закону причинности явленій. Все, о чемъ нельзя ничего знать, онъ предоставляетъ теологамъ. Замѣчательный парадоксъ заключается еще въ положеніи о дѣятельности Бога, который, конечно, не утверждается прямо, такъ какъ онъ противорѣчитъ одному изъ членовъ вѣры англиканской церкви, но онъ только намекаетъ на него, какъ на возможное слѣдствіе (Ланге, т. I, стр. 227).

VII. **Де-ла-Меттри:** „Для нашего спокойствія безразлично знать, есть ли Богъ, или Его нѣтъ, сотворилъ ли Онъ мате-

Digitized by Google

рію, или она вѣчна. Какое безуміе мучиться о вещахъ, знаніе которыхъ невозможно, но которыя, если бы мы знали ихъ, ничуть не сдѣлали бы насъ счастливѣе?"

О безсмертіи Ла-Меттри трактуетъ подобнымъ же образомъ, какъ о представленіи Бога, но, очевидно, онъ стремится представить безсмертіе возможнымъ. „И самая умная изъ гусеницъ", говоритъ онъ, „конечно вовсе не знаетъ, что изъ нея должна выйти бабочка; мы же знаемъ лишь ничтожную часть природы, и такъ какъ наша матерія вѣчна, то мы не знаемъ, что еще можетъ изъ нея выйти. Наше счастье зависитъ въ этомъ случаѣ *отъ нашего незнанія* (?). Кто думаетъ такимъ образомъ, тотъ становится мудрымъ и справедливымъ, покойнымъ о своемъ жребіи, а, слѣдовательно, счастливымъ. Онъ будетъ ожидать смерти, не страшась ея и не желая".

Принципа жизни Ла-Меттри не только не находитъ въ душѣ (которая для него есть лишь матеріальное сознаніе), онъ не находитъ его и въ цѣломъ, а въ отдѣльныхъ частяхъ. Каждое мельчайшее волокно организованнаго тѣла приводится въ движеніе присущимъ его принципомъ.

Человѣкъ относится къ животнымъ, какъ планетные часы Гюйгенса къ обыкновеннымъ часамъ. Какъ знаменитый механикъ Вокансонъ употребилъ для своего механическаго флейтиста больше колесъ, чѣмъ для своей утки, такъ и устройство человѣка сложнѣе устройства животныхъ. Для говорящаго человѣка Вокансонъ употребилъ бы еще больше колесъ, и такую машину нельзя уже болѣе считать невозможною (Ланге, т. I, стр. 315—318).

VIII. Джіордано Бруно былъ пантеистомъ. Богъ, по его ученію, есть безконечный разумъ, причина причинъ, источникъ жизни и духа, великая сила, проявленіе которой мы называемъ вселенной. Но Богъ не создалъ вселенную. Онъ одарилъ ее жизнію, бытіемъ. Онъ Самъ вселенная, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ причина есть дѣйствіе. Онъ заключаетъ въ Себѣ вселенную, порождаетъ ее, но не входитъ въ ея границы. Онъ самосущъ, и дѣятельность на столько свойственна Ему, что Онъ непрерывно проявляетъ Себя, какъ причину всего совершающагося. Высшее Существо отличается отъ подчиненныхъ ему низшихъ существъ тѣмъ, что оно абсолютно единообразно и не имѣетъ частей. Оно есть единое цѣлое, тождественное въ самомъ себѣ и вездѣсущее, между тѣмъ какъ другія существа суть лишь индивидуальныя части, отличныя отъ великаго цѣлаго. Надъ видимой вселенной и кромѣ

Digitized by Google

ея существуетъ безконечное невидимое,—неподвижное, неизмѣнное Тождество, управляющее всѣмъ разнообразіемъ. Это существо существъ, единство единствъ,—есть Богъ.

Бруно утверждаетъ, что хотя природу нельзя представить себѣ отдѣльно отъ Бога, но Бога можно постигнуть отдѣльно отъ природы. Безконечное существо есть средоточіе и субстанція вселенной, оно возвышается надъ сущностью и субстанціей всего существующаго, оно—supervessentialis, supersubstantialis. Такъ нельзя представить себѣ мысль независимо отъ ума, но можно себѣ составить понятіе объ умѣ независимо отъ мысли. Вселенная есть мысль Божественнаго Ума, и болѣе того—безконечная дѣятельность этого ума. Воображать, что міръ конеченъ, значитъ ограничивать могущество Божества. „На какомъ основаніи мы можемъ думать, что Божественная дѣятельность прекращается? Можно ли утверждать, что Божественной благости, способной проявляться и изливаться безконечно, угодно ограничивать самое себя? Вслѣдствіе чего безконечная способность Божества окажется недѣйствительной и будетъ лишена возможности создавать безконечные міры? Наконецъ, что можетъ побуждать насъ искажать совершенный образъ Божества, образъ котораго полнѣе отражается въ безконечномъ зеркалѣ, будучи по своей природѣ безконечнымъ и необъятнымъ?“ (Истор. филос. Льюисъ, т. II, стр. 41—42).

Такимъ образомъ, не только нѣтъ ни одной философской системы, которая могла бы опровергнуть Бога или доказать Его небытіе, но нѣтъ даже ни одной, которая могла бы отрицать или отвергать Его, ибо никакая изъ нихъ не можетъ довести своихъ умозаключеній до конца безъ этого высшаго элемента вселенной; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна изъ нихъ дѣйствительно не могла понять Его. Это понятіе было всегда превыше силы человѣческихъ способностей, а подавно выше силъ тѣхъ людей, которые никогда не развивали себя въ этомъ направленіи; знанія же законовъ матеріи не могутъ дать ровно никакихъ необходимыхъ къ тому указаній.

Чтобы болѣе наглядно убѣдиться въ этомъ чрезвычайно назидательномъ фактѣ полезно нѣсколько подробнѣе прослѣдить взгляды и міровоззрѣніе представителя современнаго позитивизма и виновника современнаго матеріализма—Огюста Конта,—и тогда увидимъ, до какихъ несообразностей и непослѣдовательностей можетъ доводить человѣка его постоянная и усиленная умственная дѣятельность, если она не руководится соотвѣтственнымъ развитіемъ внутреннихъ чувствъ, сердца и души.

Digitized by Google

Человѣкъ ходитъ кругомъ и около истины; разумъ и логика видятъ, что она находится тутъ гдѣ-то близко, но истина не дается ему и ускользаетъ въ то именно время, когда онъ увѣренъ, что достигъ ее.

Огюстъ Контъ, безспорно, былъ человѣкъ выдающагося ума. Онъ былъ и однимъ изъ выдающихся труженниковъ своего времени, и почти не было той отрасли знаній, которая не была бы ему знакома и изучена имъ. Онъ постоянно работалъ надъ науками, отдавалъ полную справедливость ихъ могущественному значенію въ жизни, но не могъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не относиться къ нимъ и критически. Онъ видѣлъ въ нихъ пробѣлы и безпорядокъ, его поражала разбросанность знаній и отсутствіе въ наукѣ всякой системы и послѣдовательности; поэтому свои труды онъ началъ съ классификаціи наукъ, отводя каждой наукѣ ея мѣсто въ общей лѣстницѣ знаній сообразно той пользѣ, которую каждая изъ нихъ должна принести.

На первую ступень онъ ставитъ математику съ ея тремя развѣтвленіями: наукой чиселъ, геометріей и механикой; на вторую — астрономію; на третью — физику съ ея пятью отдѣлами; на четвертую—химію; на пятую—біологію и на шестую—соціологію. Соціальныя науки онъ ставитъ главною цѣлью всѣхъ знаній и всѣ остальныя науки доводилъ только до той степени совершенства, чтобы они приносили, по возможности, большую пользу развитію соціальныхъ наукъ, искусству и промышленности.

Атеизмъ въ наукахъ онъ отвергалъ съ нѣкоторой ѣдкостью и говорилъ, что гипотеза преднамѣренности въ твореніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ гипотеза слѣпого механизма. Но догадка, обоснованная на аналогіи, не казалась ему достаточною опорою, на которой бы могла покоиться теорія въ періодъ зрѣлости человѣческаго разума. Онъ считалъ недоступнымъ для насъ всякое реальное знаніе относительно началъ міра, а изслѣдованіе объ этомъ — превосходящимъ „всѣ предѣлы нашихъ умственныхъ способностей“. Но допускалъ, что „если вселенная имѣла начало, то, по самымъ условіямъ случая, оно было сверхъестественное въ томъ смыслѣ, что законы природы не могутъ дать отвѣта касательно своего собственнаго происхожденія“.

Далѣе Контъ „утверждаетъ, что внутри существующаго строя вселенной или, лучше сказать, той ея части, которая извѣстна намъ, непосредственно опредѣляющая причина каждаго явленія — всегда естественна, а не сверхъестественна. Съ этимъ, однакожъ, вполнѣ примиримо вѣрованіе, что вселенная

Digitized by Google

создана и сознательно управляется Разумомъ, лишь только мы допустимъ, что разумный Правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ, которые только видоизмѣняются или парализируются другими законами той же самой природы, а не нарушаются ни по капризу, ни по предусмотрѣнію. Тотъ, кто видитъ въ каждомъ событіи составной элементъ непреложнаго порядка вещей, т. е. каждое изъ нихъ считаетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ какого-нибудь предшествовавшаго условія или комбинаціи условій, тотъ уже вполнѣ принимаетъ положительный видъ мысли. При этомъ нѣтъ дѣла до того, признаетъ ли онъ или нѣтъ нѣчто универсально-предшествовавшее, первоначальнымъ слѣдствіемъ котораго была вся система міра; также мало касается насъ и то, понимается ли это нѣчто универсально-предшествовавшее какъ Разумъ, или нѣтъ" (Джонъ Стюартъ Милль о Контѣ, стр. 15 и 16).

При дальнѣйшемъ развитіи своей мысли, Контъ находитъ необходимымъ „къ шести основнымъ наукамъ своего первоначальнаго ряда прибавить еще седьмую подъ именемъ Науки Нравственности; она образуетъ самую высшую ступень лѣстницы непосредственно вслѣдъ за соціологіей. При этомъ онъ замѣчаетъ, что ее съ большой основательностью можно назвать антропологіей, такъ какъ эта наука объ индивидуальной природѣ человѣка, если ее понимать правильно, гораздо болѣе спеціальна и сложна, нежели самая соціологія. Ибо тутъ должно принимать въ соображеніе различія въ организаціи и темпераментѣ и la réaction cérébrale des viscéres végétatifs, вліянія которыхъ, далеко еще не вполнѣ понятыя, въ высшей степени важны въ индивидѣ, между тѣмъ какъ въ теоріи объ обществѣ могутъ быть оставлены безъ вниманія, по той причинѣ, что, разнообразясь у различныхъ лицъ, они въ громадной пропорціи нейтрализируютъ другъ друга. Такое замѣчаніе достойно лучшихъ дней дѣятельности Конта. Наука же, понимаемая такимъ образомъ, служитъ, какъ говоритъ онъ, истинно-научнымъ основаніемъ для житейскаго искусства, а слѣдовательно, ставитъ жизнь—какъ философски, такъ и дидактически—въ надлежащую связь съ наукой" (Милль, стр. 169).

„Логика и умъ Огюста Конта не останавливаются даже на этомъ. Онъ видитъ и знаетъ, что надо идти дальше, туда—куда влечетъ его сила выводовъ и заключеній. Онъ сводитъ всю свою философію на религію. При этомъ, конечно, слово религія не можетъ быть понято въ обыкновенномъ смыслѣ. Онъ и при этомъ нисколько не измѣняетъ своего чисто-отрицательнаго отношенія, въ которомъ всегда находился къ теологіи: *въ его религіи нѣтъ Бога.*

Digitized by Google

„Огюстъ Контъ дошелъ путемъ мышленія до того, что для пользы самого человѣка должно существовать такое воззрѣніе или убѣжденіе, которое бы присвоивало себѣ власть надъ жизнью человѣка въ ея цѣлости; необходимо вѣрованіе или даже рядъ вѣрованій, разумно усвоенныхъ, относительно назначенія человѣка и его долга, — вѣрованій, которымъ, по внутреннему признанію самого вѣрующаго, должны подчиняться всѣ его дѣйствія. Сверхъ того, нужно существованіе чувства, которое было бы связано съ такимъ вѣрованіемъ или могло бы быть имъ вызвано, — чувства, достаточно сильнаго для того, чтобы на дѣлѣ доставить ему власть надъ дѣйствіями человѣка, которой оно требуетъ себѣ въ теоріи. Очень важно (однакожъ, не абсолютно необходимо), чтобы это чувство было сосредоточено на какомъ-либо конкретномъ объектѣ, если возможно, дѣйствительно существующемъ, хотя во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ представляющемся только идеально. Такой объектъ вѣрующій находитъ въ теизмѣ и христіанствѣ; но это условіе можетъ быть выполнено, хотя и не въ такой степени, другимъ объектомъ. Вѣдь говорили же, что тотъ, кто вѣруетъ въ „безконечную природу долга“, есть человѣкъ религіозный, даже если онъ не вѣритъ ни во что другое. Контъ вѣритъ въ то, что разумѣютъ подъ безконечной природой долга, но обязанности, вытекающія отсюда, также какъ и всѣ чувства преданности, онъ относитъ къ конкретному предмету, въ одно и то же время идеальному и дѣйствительному. Этотъ предметъ—родъ человѣческій, понимаемый какъ непрерывное цѣлое, включающее въ себѣ прошедшее, настоящее и будущее. Это Великое коллективное Существо, это „Crand Etre“, какъ называетъ его Контъ,—несмотря на то, что чувства, какія оно можетъ возбудить, по необходимости весьма отличны отъ тѣхъ, которыя стремятся къ существу идеально-совершенному, —это „Crand Etre“ имѣетъ для насъ (на чемъ онъ особенно сильно настаиваетъ) то отличительное свойство, что оно дѣйствительно нуждается въ нашихъ умахъ, чего нельзя сказать относительно существа, всемогущаго въ настоящемъ значеніи слова. При этомъ Контъ говоритъ, что если и допустить существованіе Верховнаго Промысла (онъ одинаково далекъ какъ отъ того, чтобы отрицать, такъ и отъ того, чтобы утверждать это), то и тогда самое лучшее и даже единственное средство достойно поклоняться и служить ему должно состоять въ стремленіи сдѣлать возможно больше съ нашей стороны въ дѣлѣ любви и служенія другому Великому Существу, провидѣніе котораго—хотя и менѣе верховное—даровало намъ всѣ блага, какими мы

Digitized by Google

обязаны трудамъ и усиліямъ предшествовавшихъ поколѣній" (Милль, стр. 121—122).

„Этотъ „контовскій" „Grand Etre" долженъ включать въ себя не только всѣхъ, кого мы уважаемъ, но и всякое чувствующее существо, которому мы обязаны услугами и которое имѣетъ право на нашу привязанность. Контъ, такимъ образомъ, вводитъ въ этотъ идеальный объектъ, назначеніе котораго—быть закономъ нашей жизни, не однихъ только людей, но, въ извѣстной степени, и ихъ скромныхъ помощниковъ—тѣ породы животныхъ, которыя являются въ настоящемъ обществѣ рядомъ съ человѣкомъ, привязываются къ нему и охотно раздѣляютъ его труды, какъ, напримѣръ, благородная собака, отдающая жизнь свою за ея друга и благодѣтеля,—человѣка. Строгое понятіе, какое онъ всегда обнаруживалъ о достоинствѣ низшихъ животныхъ и объ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ нимъ, составляетъ одну изъ тончайшихъ чертъ его характера" (Милль, стр. 124).

„Такъ какъ благо человѣчества есть высшій критерій справедливаго и несправедливаго, такъ какъ нравственное развитіе состоитъ въ достиженіи возможно бо́льшаго отвращенія ко всякому поступку, вредному для общаго блага, то Контъ заключаетъ, что благо другихъ есть единственное побужденіе, на которое бы намъ слѣдовало опираться въ своихъ дѣйствіяхъ,—что намъ нужно бы стараться умерщвлять всѣ желанія, которыя имѣютъ въ виду нашу личность, отказывать имъ во всякомъ удовлетвореніи, коль скоро это не составляетъ настоятельной физической потребности. Золотое нравственное правило въ контовой религіи—жить для другихъ, „vivre pour autres". Поступать такъ, какъ бы намъ хотѣлось, чтобы поступали по отношенію къ намъ, любить ближняго своего какъ самого себя,—недостаточно для Конта: ему кажется, что это все-таки имѣетъ характеръ личныхъ разсчетовъ. Намъ слѣдовало бы стараться не любить себя вовсе. Мы не достигнемъ полнаго успѣха въ этомъ, но должны все-таки стремится подойти къ цѣли возможно близко. По отношенію къ человѣчеству онъ ничѣмъ не хотѣлъ удовольствоваться, кромѣ чувства, какое одинъ изъ его любимыхъ писателей, Ѳома Кемпійскій, обращаетъ къ Богу: Amo te plus diam me, nec me nisi propter te. Воспитаніе и нравственная дисциплина должны имѣть въ виду одно: доставить *альтруизму* (слово контова изобрѣтенія: отъ латынскаго alter, другой) преобладаніе надъ *эгоизмомъ*. Если бы этимъ говорилось, что эгоизмъ всегда обязанъ уступать хорошо понятымъ интересамъ широкаго альтруизма, то никто изъ признающихъ какую-либо нравственность не

Digitized by Google

возражалъ бы на такое предложеніе. Но Контъ, опираясь на тотъ біологическій фактъ, что органы укрѣпляются отъ упражненія и атрофируются отъ бездѣйствія, и будучи твердо убѣжденъ въ существованіи отдѣльныхъ мозговыхъ органовъ для каждой изъ нашихъ основныхъ наклонностей, считаетъ важной задачей жизни не только укрѣплять въ насъ соціальныя стремленія постоянной практикой и направленіемъ къ тому всѣхъ нашихъ дѣйствій, но и ослаблять, на сколько возможно; личныя страсти и склонности путемъ сдерживанія ихъ. Даже и умъ, въ своихъ операціяхъ, долженъ подчиняться, какъ непремѣнному условію господству нравственныхъ чувствъ надъ разсудкомъ" (Д. С. Милль, стр. 125—126).

„Религіи безъ *культа* быть не можетъ. Подъ культомъ мы разумѣемъ систематическій рядъ обрядовъ, имѣющихъ цѣлью развитіе и поддержаніе религіознаго чувства. Огюстъ Контъ въ настоящемъ случаѣ все-таки беретъ на себя трудъ организовать внѣшнія формы до мельчайшихъ подробностей. Какъ относительно частной набожности, такъ и касательно общественныхъ церемоній онъ создаетъ для своей религіи нѣчто равносильное тому, что существуетъ въ другихъ. Читатель изумится, когда узнаетъ, что частная набожность состоитъ въ молитвѣ. Но молитва, какъ ее понимаетъ Контъ, не значитъ— просьба: она есть простое изліяніе чувства. Съ этой цѣлью прививается христіанская мистика. Съ молитвой слѣдуетъ обращаться не къ „Crand Etre", не къ коллективному человѣчеству—хотя иногда Контъ доводитъ метафору до того, что называетъ свой „Crand Etre" богиней. Чествованія коллективнаго человѣчества отнесены къ общественнымъ обрядамъ; частное же поклоненіе должно быть обращаемо къ нему въ лицѣ его достойныхъ индивидуальныхъ представителей. То могутъ быть люди живые или умершіе, но во всякомъ случаѣ женщины: потому что женщины какъ *sexe aimant,* воплощаютъ въ себѣ самый лучшій аттрибутъ человѣческой природы,—аттрибутъ, который долженъ регулировать всю нашу жизнь; съ другой стороны само человѣчество нѣтъ возможности символически представить иначе, какъ въ видѣ женщины. Предметами частнаго поклоненія служатъ мать, жена и дочь, въ отдѣльности выражающія собой прошедшее, настоящее и будущее и вызывающія къ дѣятельному проявленію три соціальныхъ чувства: почтеніе, привязанность и доброту. Мы должны видѣть въ этихъ существахъ—живыхъ или умершихъ—нашихъ ангеловъ хранителей, „les vrais anges gardiens". Если два послѣднихъ женскихъ типа иногда не существуютъ для насъ или же если, въ частномъ случаѣ, какой-либо изъ этихъ трехъ типовъ

Digitized by Google

оказывается неспособнымъ къ своему назначенію, то ихъ мѣсто можетъ быть занято какимъ-нибудь другимъ видомъ женственности, хотя бы даже историческимъ. Живъ ли или умеръ предметъ боготворенія, оно, сколько мы понимаемъ, должно относиться только къ идеѣ. Молитва состоитъ изъ двухъ частей: изъ воспоминанія и сопровождающаго его изліянія чувствъ. Подъ воспоминаніемъ Контъ разумѣетъ усиліе памяти и воображенія вызвать съ возможно большей ясностью образъ предмета. Всякія искусственныя средства могутъ быть употреблены съ цѣлью сдѣлать образъ столь подходящимъ къ настоящей галлюцинаціи, сколько позволяетъ здоровое состояніе разсудка. По достиженіи, насколько возможно, этой степени умственнаго направленія, является изліяніе чувства. Каждый составляетъ для себя свой собственный образецъ молитвы, которую слѣдуетъ повторять не только въ умѣ, но и устами, которую также можно дополнять или видоизмѣнять—но въ силу достаточнаго основанія, а никакъ не произвольно. Молитва можетъ быть перемѣшана отрывками изъ лучшихъ поэтовъ, коль скоро эти отрывки представляются сами собой, какъ счастливое выраженіе для собственныхъ чувствъ молящагося. Такого рода обряды Контъ совершалъ въ память своей Клотильды и предписываетъ соблюденіе ихъ всѣмъ истиннымъ адептамъ его религіи. Обряды должны занимать ежедневно два часа, раздѣленные на три части при вставаньи, въ срединѣ рабочихъ часовъ и предъ сномъ. Первая часть, совершаемая на колѣняхъ, будетъ обыкновенно самой продолжительной, а вторая самой краткой. Вечерняя же молитва должна быть доводима по возможности до того самаго момента, когда сонъ сомкнетъ наши глаза,—такъ, чтобы ея вліяніе могло отразится на нашихъ грезахъ“ (Милль, стр. 136—138).

„Сверхъ того, контова религія имѣетъ девять таинствъ. Они заключаются въ торжественномъ освященіи всѣхъ великихъ перемѣнъ въ жизни человѣка. Освященіе съ приличнымъ данному случаю увѣщаніемъ совершается жрецами человѣчества. Великія событія для людей суть вступленіе въ жизнь и послѣдовательные переходы отъ одного состоянія къ другому, какъ напримѣръ, воспитаніе, женитьба, выборъ профессіи и т. д. Сюда относится также и смерть, которая носитъ имя превращенія и на которую должно смотрѣть какъ на переходъ отъ объективнаго существованія къ субъективному, т. е. къ жизни въ памяти себѣ подобныхъ. Не имѣя возможности обѣщать намъ вѣчность объективнаго существованія, контова религія даетъ намъ все, что она въ силахъ дать: поддерживая въ насъ надежду на безсмертіе субъективное, т. е. на существованіе

Digitized by Google

въ воспоминаніи и въ посмертномъ почитаніи со стороны человѣчества вообще, если мы чѣмъ-нибудь заслужили это или хоть со стороны тѣхъ людей, которыхъ мы любили при жизни. По смерти же этихъ людей мы найдемъ свое безсмертіе въ коллективномъ почитаніи, которое будутъ воздавать человѣчеству въ совокупности, какъ единому „Grand Etre". Нужно пріучить людей видѣть въ этомъ достаточное вознагражденіе за то, что вся жизнь ихъ была посвящена на служеніе человѣчеству. Семь лѣтъ спустя послѣ смерти—совершается послѣднее таинство: жрецы произносятъ публичный судъ о памяти умершаго. Это имѣетъ своею цѣлью не осужденіе, а почесть, и каждый, заявленіемъ при жизни, можетъ освободить себя отъ этого обряда. Если же надъ человѣкомъ произвели судъ и онъ оказался достойнымъ, то его торжественно сопричисляютъ къ „Crand Etre", а останки его переносятся съ гражданскаго мѣста погребенія на религіозное, „le boi sacrè qui doit entourer chaque tempe de l'Jtumenttè"! (Милль, стр. 138, 139).

„Не довольствуясь созданіемъ для своей религіи молитвъ, равносильныхъ католическимъ „Pater" и „Ave", Контъ счелъ необходимымъ изобрѣсти также нѣчто соотвѣтствующее крестному знаменію и выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: Cette expansion peut être perfectionèe par des signes universels... Afin de mieux dèvelopper l'aptitudenècessaire de la formule positiviste à reprèsenter toujours la condition humaine, il convient ordinairemeut de l'énoncer en touchant successivement les principaux organes que la thèorie cèrébrale assigne à ses trois éléments" (Système de Politiqne Positive IV, 100). Быть можетъ, это и дѣйствительно самый лучшій и удобный способъ для выраженія нашего благоговѣнія предъ „Grand Etre"; но если бы кому-либо случилось опредѣлить, какое дѣйствіе можетъ произвести подобная вещь на читателя, не посвященнаго въ эти тайны, тотъ, вѣроятно, счелъ бы благоразумнымъ держать это про себя до поры до времени, пока не наступитъ періодъ значительно бо́льшаго распространенія положительной религіи" (Милль, стр. 140).

Такъ шелъ Огюстъ Контъ долгимъ путемъ заблужденій и духовной слѣпоты, которыя, однако, мало-по-малу довели его до истины. Онъ умеръ на шестидесятомъ году своей жизни религіознымъ и набожнымъ христіаниномъ, признавъ многіе свои труды ложными.

Постараемся доказать, что не въ наукѣ и не въ основномъ смыслѣ ея ученія заключается причина того міровоззрѣнія, которое выносятъ изъ нея люди, изучающіе ее. Всѣ трудятся

Digitized by Google

надъ одной и той же наукой, а въ конечномъ результатѣ оказывается, что одни утверждаютъ, что они черезъ свою науку сдѣлались атеистами, другіе—матеріалистами, а третьи—спиритуалистами.

Постараемся доказать обратное: что не наука образуетъ міровоззрѣніе каждаго, а напротивъ міровоззрѣніе человѣка дѣлаетъ для одного науку атеистичною, для другаго матеріалистичною, а для третьяго спиритуалистичною. Однимъ словомъ, въ наукѣ, какъ и въ жизни, все дѣло зависитъ отъ личнаго характера и отъ внутренняго развитія каждаго. Начнемъ съ атеизма.

Digitized by Google

Глава VI.

Атеизмъ.

Атеизмъ возбуждалъ несравненно меньше научныхъ протестовъ, чѣмъ матеріализмъ, ибо онъ окончательно не наученъ. Цѣль науки изучать и изслѣдовать все ей непонятное. Атеизмъ же въ вопросахъ, касающихся Бога, загробной жизни, души человѣческой и т. д. поступаетъ совершенно наоборотъ: онъ просто отрицаетъ, не изслѣдуя, не изучая, не опровергая, а просто и безусловно отрицаетъ. Это есть самое низшее пониманіе природы вещей, если только можно назвать атеизмъ пониманіемъ; это есть отсутствіе всякого желанія понять природу и начало вещей. Это не есть міровоззрѣніе—это есть отсутствіе всякаго міровоззрѣнія; и съ такими людьми наукѣ прямо дѣлать нечего, ибо они стоятъ внѣ науки.

Если вы спросите дикаря: откуда произошелъ свѣтъ и что въ немъ главное? Онъ покажетъ вамъ на истукана и скажетъ: „Вотъ причина“. Изъ этого мы заключимъ, что онъ идолопоклонникъ, другой дикарь покажетъ на огонь—мы заключимъ, что онъ огнепоклонникъ. Люди въ самой низшей степени своего развитія стараются уже составить себѣ понятіе о природѣ и началѣ вещей. Они могутъ заблуждаться, говорить глупости, нести ахинею, что свѣтъ стоитъ на трехъ китахъ, что людей приноситъ на свѣтъ сорока на хвостѣ,—это ихъ мнѣніе, это мысль идея, хотя не совершенная, но все же, идея. Атеисты же, часто стоя на очень высокой степени развитія, совсѣмъ отказываются судить и абсолютно и безусловно отрицаютъ, рѣшительно не приводя никакихъ мотивовъ и не пробуя даже опровергать, прямо отрицаютъ всѣ мнѣнія, какія только существуютъ не давая взамѣнъ ихъ, конечно, ничего своего.

Digitized by Google

Если вы спросите атеиста; откуда произошелъ свѣтъ? въ большинствѣ случаевъ вы получите слѣдующіе отвѣты: я не знаю и знать не могу, или этого никто не знаетъ; или скажетъ: я боюсь затрогивать эти темы, или я не хочу говорить о нихъ. Безполезно убѣждать ихъ, что наука можетъ ошибаться, что гипотезы ея ни къ чему не обязываютъ и что съ развитіемъ науки явятся и гипотезы болѣе совершенныя, но что пока, при настоящемъ состояніи науки, мы знаемъ и т. д.—Это неправда, ложь, скажутъ они,—свѣтъ ни отъ чего и ни откуда не произошелъ. И ничего большаго имъ отвѣтить нельзя, ибо, если они выскажутъ какую-нибудь мысль или причину, то ихъ уже причислятъ или къ матеріалистамъ, или къ скептикамъ, или къ пантеистамъ. Чтобы быть истымъ атеистомъ,—надо съумѣть ничего не отвѣчать, не дать никакого смысла своему отвѣту, не высказать никакой опредѣленной мысли и совсѣмъ отказаться судить или совершенно не быть въ состояніи судить; но до такого состоянія никого и никакая наука, довести не могла. И тѣ, которые говорятъ, что наука довела ихъ до чистаго атеизма, говорятъ несообразность.

Паскаль въ своей книгѣ „Мысли о религіи“ (стр. 59—60) говоритъ: „Опроверженіе ихъ имѣло бы силу въ томъ только случаѣ, когда бы они по праву могли сказать, что, употребивъ всѣ усилія къ отысканію истины, даже въ томъ, что указывается какъ путь къ истинѣ самою церковью, удовлетворительнаго результата не достигли. Говоря такъ, они дѣйствительно пошатнули бы одно изъ притязаній религіи. Но я надѣюсь показать, что ни одинъ разумный человѣкъ не говорилъ и не можетъ говорить подобнымъ языкомъ. Извѣстенъ образъ дѣйствій людей такого порядка. Они думаютъ, что сдѣлали все возможное для вразумленія себя, употребивъ нѣсколько часовъ на чтеніе какой-нибудь Библейской книги и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ священнику объ истинахъ вѣры. А потомъ хвалятся тщетностью своихъ исканій въ книгахъ и между людьми. Но, право, не могу сдержаться, чтобы не высказать не разъ повтореннаго мною, — что подобная небрежность невыносима. Здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-нибудь второстепенномъ вопросѣ, чтобы возможно было такое отношеніе къ дѣлу: рѣчь идетъ о насъ самихъ и обо всемъ, что намъ должно быть особенно дорого.

„Безсмертіе души столь важный вопросъ для насъ, касается насъ такъ глубоко, что равнодушіе къ нему служило бы признакомъ потери всякаго сознанія. Въ зависимости отъ ожиданія вѣчныхъ благъ въ будущей жизни, всѣ наши дѣйствія и наши мысли должны принимать столь различное направленіе,

Digitized by Google

что нѣтъ возможности не сообразовать всякаго сужденія нашего съ точкою зрѣнія на этотъ самоважнѣйшій для насъ предметъ".

Жанъ-Поль Рихтеръ выразился еще рѣзче: „Атеизмъ", говоритъ онъ, „совершенно не можетъ быть названъ убѣжденіемъ, онъ не есть даже отрицаніе какого-либо опредѣленнаго убѣжденія; онъ долженъ быть названъ просто-на-просто ослѣпленіемъ, или, лучше сказать, параличемъ нравственнаго органа въ человѣкѣ" (L'education progressive pr. M-me de Sossure T. I, 208, ch. VII).

Лордъ Бэконъ Веруламскій выразился прямо: „Никто не отрицаетъ бытія Божія, кромѣ того, кому выгодно чтобы не было Бога".

Въ обыденной жизни подъ общимъ именемъ „атеисты" понимаются люди, не вѣрующіе въ Бога. Они могутъ быть и матеріалистами, и скептиками, и пантеистами, и, наконецъ, людьми всевозможныхъ профессій—научныхъ и ненаучныхъ. Это просто, въ большинствѣ случаевъ, люди, относящіеся безразлично къ вопросамъ вѣры, погруженные въ свои житейскія дѣла или въ свой позитивизмъ; они считаютъ все остальное для себя второстепеннымъ, и винить въ томъ науку, ихъ образованіе, ихъ профессію рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Винить они могутъ только самихъ себя, свою внутреннюю неразвитость и свою полную слѣпоту ко всему духовному.

Digitized by Google

Глава VII.

Матеріализмъ и спиритуализмъ.

Чтобы рельефнѣе видѣть разницу между матеріалистическими и спиритуалистическими положеніями и выводами, приведемъ параллель обоихъ ученій касательно одного какого-нибудь предмета.

Для примѣра возьмемъ ученіе о соотношеніи природы духа и вещества и вникнемъ въ разномнѣніе философа.

Какъ разъ за этимъ самымъ вопросомъ мы застаемъ высоко уважаемаго профессора Московскаго университета Н. Я. Грота въ его книгѣ: „Душа въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“ стр. 32—36. Прослѣдимъ его мысль.

Онъ говоритъ, что этотъ вопросъ рѣшается наилучшимъ образомъ, если сравнить положеніе матеріалистическаго монизма съ спиритуалистическимъ дуализмомъ; ибо въ сущности идеализмъ всегда былъ на повѣрку скрытымъ дуализмомъ, или же особой формой дуализма.

Весь вопросъ сводится къ тому: *существуетъ ли духъ*, какъ независимое отъ матеріи начало, или не существуетъ, т. е. составляетъ только свойство матеріи, второстепенный придатокъ ея развитія. При противоположномъ рѣшеніи этой дилеммы большую роль играло всегда *понятіе силы*, какъ терминъ, *посредствующій* между понятіями матеріи и духа.

Матеріалисты утверждаютъ, что *духъ* есть особая форма *силы*, а сила—качество *матеріи* или даже *основа* и настоящая сущность ея.

Спиритуалисты, какъ мы отнынѣ будемъ называть для краткости всѣхъ искреннихъ дуалистовъ, безъ различія оттѣн-

Digitized by Google

ковъ въ ихъ воззрѣніяхъ, утверждаютъ также, что *духъ* есть *сила*, но совершенно особаго рода сила, не имѣющая ничего общаго съ *физическою* или *матеріальною* силою, которую и они соглашаются признать свойствомъ или даже основою матеріи.

Отсюда ясно, что главное разногласіе вертится около вопроса *о природѣ силы*. Что такое сила? Есть ли она только свойство матеріи, или нѣчто болѣе,—есть ли два *рода* силъ или только *одинъ*, и если два, то *какіе*?

Что именно такова сущность вопроса, мы легко убѣдимся изъ анализа тѣхъ традиціонныхъ доводовъ, которые выставляли спиритуалисты и матеріалисты въ пользу своихъ ученій. Эти доводы систематически сгруппированы у двухъ современныхъ психологовъ, Бэна и Горвица, и мы приведемъ ихъ цѣликомъ, а затѣмъ дадимъ имъ разборъ.

Сводъ аргументовъ защитниковъ *спиритуализма* даетъ Бэнъ въ своемъ сочиненіи: „Душа и тѣло“ (Пер. съ VI изд. Кіевъ. 1880, стр. 168 и слѣд.) Вотъ они:

1) Душа должна быть причастна природѣ и сущности Божества.

2) Душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ.

3) Разумъ и мышленіе, способность познанія всеобщаго несовмѣстны съ матеріей (Ѳ. Аквинатъ).

4) Достоинство духа требуетъ сущности высшей, сравнительно съ матеріей.

5) Матерія дѣлима,—духъ недѣлимъ.

5) Матерія измѣняется и искажается,—духъ есть чистая субстанція.

7) Духъ активенъ, обладаетъ силою,—матерія пассивна, инертна.

8) Душа есть первоначальный источникъ, или начало жизни.

9) Духъ имѣетъ личную тождественность,—частицы тѣла постоянно измѣняются.

Въ параллель этому, приведемъ важнѣйшіе аргументы *матеріалистовъ*, сгруппированные Горвицемъ (Ps. Anal. auf phys. Gr. I, Halle 1872, p. 25).

1) Высшій основной принципъ слѣдующій: нѣтъ силы безъ вещества и вещества безъ силы; не существуетъ ни силы, которая была бы нематеріальна, ни матеріи, которая не обладала бы силой.

2) Законъ сохраненія матеріи и силы требуетъ, однако же безконечности ихъ бытія во времени и безпредѣльности въ пространствѣ; изъ обоихъ принциповъ слѣдуетъ:

Digitized by Google

3) Всеобщность, необходимость и неизмѣнность законовъ природы.

4) Невозможность личнаго акта творенія: возникновеніе и разрушеніе всего есть продуктъ самодвиженія и саморазвитія вещества.

5) И органическій живой міръ возникъ исключительно вслѣдствіе самодѣятельности вещества...

6) Нѣтъ конечныхъ причинъ, т. е. цѣлесообразныхъ явленій въ природѣ;

7) Душа имѣетъ мѣстомъ пребыванія мозгъ;

8) Соотношеніе мозга и души по существу равно соотношенію вещества и силы;

9) Нѣтъ прирожденныхъ идей: все мышленіе возникаетъ изъ чувственнаго воспріятія;

10) Нѣтъ безсмертія души;

11) Нѣтъ свободы воли.

Уже при бѣгломъ обзорѣ этихъ тезисовъ спиритуалистовъ и матеріалистовъ, легко замѣтить что одни изъ нихъ, притомъ не менѣе половины, составляютъ только развитіе или примѣненіе немногихъ другихъ *основныхъ*, которые только и могутъ быть признаны *доводами* или главными положеніями обѣихъ школъ. Такъ, напр., утвержденіе *спиритуалистовъ* о причастности души природѣ Божества и о достоинствѣ духа уже суть слѣдствія допущенія, что душа и божество существуютъ независимо отъ вещества и ему противоположны; утвержденіе, что душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ, и другое — о несовмѣстимости способности познанія съ свойствами вещества суть также не столько доводы, сколько выводы изъ признаннаго положенія о разнородности духа и вещества.

Настоящія основанія *спиритуалистовъ* для утвержденія о самостоятельности духа, заключающіяся въ остальныхъ положеніяхъ, сводятся къ слѣдующему:

1) Матерія дѣлима, духъ недѣлимъ.

2) Матерія измѣняется—она пассивна, инертна и мертва, духъ—неизмѣненъ, обладаетъ силою, активенъ, является единственнымъ возможнымъ источникомъ жизни.

Этимъ аргументамъ матеріалисты противопоставляютъ слѣдующіе два главные:

1) Законы природы всеобщи, однообразны и необходимы—и матерія и силы вѣчны и безпредѣльны, слѣдовательно духъ не можетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ силы, присущей матеріи, и есть не что иное какъ эта сила, локализованная въ мозгу.

Digitized by Google

2) Нѣтъ силы безъ вещества, безъ силы, слѣдовательно сила есть свойство матеріи, и всѣ свойства духа объяснимы изъ самодвиженія и саморазвитія матеріи — силы.

Остальныя положенія матеріалистовъ тоже представляютъ лишь развитіе этихъ основныхъ тезисовъ. Такъ, четвертое, о невозможности происхожденія міра чрезъ актъ творенія, и пятое, о способѣ происхожденія органическаго міра, суть выводы изъ положенія о всеобщности законовъ природы; отрицаніе конечныхъ цѣлей, безсмертія души, прирожденныхъ идей и свободы воли суть слѣдствія отрицанія существованія духа, какъ самостоятельнаго начала, и признанія силы за простое свойство матеріи.

Очевидно далѣе, изъ разбора приведенныхъ основныхъ положеній матеріалистовъ и спиритуалистовъ, что главныя мысли, которыя въ нихъ содержатся, слѣдующія.

По мнѣнію спиритуалистовъ: 1) законы матеріи и духа различны (матерія дѣлима—духъ недѣлимъ; матерія измѣнчива—духъ неизмѣненъ), 2) матерія сама по себѣ инертна, безсильна, безжизненна,—способность дѣйствія, силу, жизнь даетъ ей духъ одушевляющій ее и ей противуположный. По мнѣнію матеріалистовъ наоборотъ: 1) законы матеріи и духа тождественны, необходимы, 2) матерія неотдѣлима отъ силы и сила отъ матеріи—и жизнь и духъ суть продукты развитія этой матеріальной силы.

Сведя, такимъ образомъ, къ простѣйшимъ формуламъ основныя положенія спиритуалистовъ и матеріалистовъ, мы уже легко можемъ видѣть, что главный пунктъ разногласій между ними есть ученіе объ отношеніи вещества и силы. И тѣ другіе признаютъ, что духъ есть сила, но вторые считаютъ силу неразрывною принадлежностью или даже самою основою вещества, первые же признаютъ ее чѣмъ-то противоположнымъ матеріи и совершенно разнороднымъ съ нею. Самое утвержденіе однородности или разнородности законовъ вещества и силы есть собственно только слѣдствіе того или другого воззрѣнія на отношенія силы и вещества и является весьма условнымъ разномнѣніемъ, такъ какъ можно предположить, что и при разнородности этихъ началъ всего существующаго, законы природы, будучи не чѣмъ инымъ какъ *законами взаимодѣйствія* этихъ разнородныхъ началъ, по существу своему однородны, однообразны и неизмѣнны для всей природы,— что же касается до „необходимости“ ихъ, то съ одной стороны такая необходимость можетъ быть продуктомъ свободной воли Творца, съ другой — относительная свобода духа нашего можетъ быть тоже есть лишь продуктъ дѣйствія

Digitized by Google

этихъ необходимыхъ законовъ, свободно измышленныхъ Высшимъ свободнымъ духомъ, т. е. есть сама — одна изъ формъ необходимости.

Слѣдовательно, коренной вопросъ во всемъ спорѣ есть вопросъ *о соотношеніи силы и вещества.* А этотъ вопросъ сводится къ вопросу о томъ, *что такое сила?*

Въ возможности выразить идею духа терминомъ силы никто не сомнѣвается; но многіе признаютъ въ то же время возможнымъ выразить идею матеріи терминомъ силы. Если бы, однако, и то и другое оказалось возможнымъ, то и тогда споръ спиритуалистовъ и матеріалистовъ еще не былъ бы рѣшенъ, такъ какъ можетъ быть есть *два рода силъ:* сила-духъ и сила-вещество, или сила духовная и сила матеріальная.

Этотъ вопросъ представляетъ обширное поле для мышленія и что ни человѣкъ, то даетъ свое особое заключеніе смотря по тому, какъ позволитъ ему его нравственное развитіе чувствовать, понимать природу вещей и какъ глубоко поведетъ онъ свой анализъ. Люди, душевно болѣе развитые, зададутъ себѣ вопросы болѣе глубокомысленные касательно сущности и природы силъ, вообще существующихъ въ природѣ, и силъ, участвующихъ въ образованіи матеріи. Люди менѣе развитые зададутъ себѣ болѣе поверхностные вопросы и будутъ стараться отвѣчать только на нихъ. Наконецъ, люди, совсѣмъ не видящіе ничего духовнаго въ природѣ, равно и ничего загадочнаго и отвлеченнаго, дадутъ объясненія явленій, не удаляясь отъ видимаго міра и внѣшнихъ, видимыхъ его проявленій. И это понятно. Не можетъ человѣкъ ни въ какихъ случаяхъ дать объясненіе какого-либо факта, которое бы превышало силы и способности его индивидуальнаго развитія. Почему можемъ мы думать, что люди, занимающіеся исключительно умственнымъ трудомъ и наукой, могутъ сдѣлать исключеніе и не подлежатъ этому общему закону природы. Развивая въ себѣ одинъ умъ въ ущербъ развитія чувствъ, они уменьшаютъ въ себѣ среднюю силу своихъ способностей, совершенно такъ же, какъ люди, развивающіе свои чувства въ ущербъ разуму. Какъ во всемъ въ мірѣ—и въ этомъ должна существовать гармонія и соотвѣтственность. Если бы мы принялись развивать силу своихъ рукъ въ ущербъ силѣ ногъ или общему своему здоровью—для чего послужило бы намъ это развитіе? Совершенно тоже и въ интеллигентномъ человѣкѣ.

Но вернемся къ рѣшенію вопроса: что такое сила?

Матеріалисты скажутъ: какое же сомнѣніе? Рѣшеніе вопроса совершенно ясно: духовнаго въ природѣ ничего нѣтъ и никакихъ духовныхъ силъ не существуетъ,—всѣ силы мате-

Digitized by Google

ріальны. Матерія состоитъ изъ атомовъ, снабженныхъ отъ вѣчности свойствами, которыя и производятъ всѣ явленія въ мірѣ. Силы, какія бы ни проявлялись въ природѣ, всѣ суть свойства матеріи и отдѣлимы отъ нея быть не могутъ; ибо мы нигдѣ никогда этого не видѣли и представить себѣ не можемъ. Гдѣ матерія, тамъ и сила; однѣ силы никогда и нигдѣ не проявлялись. Не логично ли вывести изъ этого, что онѣ суть не болѣе какъ свойства матерій.

„Всѣ способности, которыя мы разумѣемъ подъ именемъ души,—говоритъ Карлъ Фогтъ (въ Phisiologische Brief, стр. 206),—не что иное, какъ отправленія мозговаго вещества. Между мыслію и мозгомъ такое же отношеніе, какъ между желчью, печенью, почками и ихъ отдѣленіями".

Кабанисъ говоритъ прямо: „Мысль есть только выдѣленіе мозга".

„Всѣ поступки человѣка суть неизбѣжные продукты мозгового вещества", сказалъ Тэнъ, „порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ".

Ко всѣму этому Молешоттъ сказалъ въ своемъ „Круговоротѣ Жизни", что „человѣкъ есть сумма предковъ и кормилицъ, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды" и далѣе тамъ же онъ говоритъ: „Даже совѣсть есть продуктъ матеріи".

Вотъ разительный и назидательный примѣръ, какъ могутъ заблуждаться и до какихъ несообразностей доходить въ своемъ нравственномъ ослѣпленіи такіе ученые, какъ Карлъ Фохтъ, Кабанисъ, Тэнъ, Молешоттъ, которые многими возведены на степень первоклассныхъ ученыхъ наравнѣ съ Дарвиномъ, Уоллесомъ, Ньютономъ. А между тѣмъ понятіе ихъ о началѣ и природѣ вещей ограничивается весьма несложной картиной: атомы, бродя въ пространствѣ, непроизвольно, черезъ свои столкновенія и удары съ сосѣдними, также безличными и неразумными атомами, безъ всякой причины, а часто случайно, могутъ составлять тѣла, цѣлые міры разумныхъ существъ, образовывать въ нихъ мысль, сознаніе, разумъ, нравственность, совѣсть и т. д.,—и все это совершенно случайно.

Такое міровоззрѣніе многимъ должно показаться недостаточнымъ и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ узкимъ и поверхностнымъ. Болѣе глубокомысленные люди хотѣли бы знать болѣе этого; они не могли бы остановиться и удовлетвориться объясненіемъ матеріалистовъ и спросили бы: да существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ атомъ? Если мы будемъ разсматривать строеніе матеріи со стороны проявляющейся энергіи въ вселен-

Digitized by Google

ной, то большая часть современныхъ физиковъ подадутъ голосъ за то, что, въ сущности, ни силы и ни матеріи никакой нѣтъ, а есть только одни разные виды движенія, а при этомъ ученіи вся матерія и всякое вещество обращаются въ какую-то фикцію и представленіе. Но положимъ, что это представленіе мы примемъ за нѣчто реально существующее, какъ принимаютъ матеріалисты, и мельчайшую недѣлимую часть его назовемъ атомомъ; допустимъ даже, что они обладаютъ свойствами, то опять являются вопросы,—откуда же взялись эти атомы? Кто сотворилъ или сдѣлалъ ихъ? Кто надѣлилъ ихъ этими премудрыми способностями принимать всевозможныя и самыя причудливыя формы, напримѣръ: составить изъ себя нашъ глазъ, мозгъ, мысль, сознаніе, размѣстить все совершенно цѣлесообразно и производить это въ одномъ и томъ же порядкѣ, сохраняя поколѣнія, виды и т. д.? Какимъ образомъ дѣлаютъ они это? Случайно, или не случайно? Для того, напримѣръ, чтобы сдѣлать глазъ человѣка, слагаются ли атомы непроизвольно для нихъ, напримѣръ на подобіе акта кристаллизаціи, или же участвуетъ при этомъ актѣ доля разума и цѣлесообразности,—въ такомъ случаѣ кто проявляетъ эту долю разума и цѣлесообразности—сами ли атомы, или какая-нибудь посторонняя сила? Ньютонъ, напримѣръ, ясно говоритъ въ своей „Optic“, что глазъ не могъ быть сдѣланъ безъ всякаго понятія оптики, а ухо—безъ понятія о законахъ звука. Но глаза и уши есть у всякаго; задавали ли себѣ матеріалисты вопросъ,—кто проявляетъ эту разумную дѣятельность въ производствѣ глазъ и кто обладаетъ достаточными познаніями оптики и законовъ звука, чтобы быть въ состояніи придумать первые экземпляры? Сами ли атомы, или какой-либо посторонній Разумъ, находящійся внѣ этихъ глазъ и ушей. Если они присвоиваютъ своимъ атомамъ достаточно знанія для возможности выдумыванія такихъ трудныхъ орудій передачи впечатлѣній, то пусть укажутъ источники, откуда атомы эти могли почерпнуть столь обильныя знанія? Если мысль, воля, совѣсть—тоже проявленія или результаты дѣятельности или дрожанія атомовъ въ пространствѣ, то какая же зависимость между ними? Чѣмъ это все доказывается? Чѣмъ провѣряется?

Прекрасно затрогиваетъ этотъ вопросъ Либихъ. Онъ говоритъ: „Элементарный химическій анализъ не даетъ ни малѣйшей опоры для обсужденія или объясненія свойствъ органическихъ соединеній. Химически всякій каменный домъ состоитъ, что касается строительнаго матеріала, изъ силиція, кислорода, алюминія, кальція, небольшого количества желѣза, свинца и мѣди, изъ углерода и элементовъ воды. Но если бы

Digitized by Google

кто-нибудь вздумалъ утверждать, что домъ образовался самъ собою, игрою силъ природы, случайно соединившихся и распредѣлившихъ элементы въ форму дома, потому будто бы, что части его состоятъ изъ этихъ именно элементовъ, которые вслѣдствіе химическаго сродства держатся другъ около друга, а вслѣдствіе силы сцѣпленія достигаютъ извѣстной плотности,—что, слѣдовательно, химическія и физическія силы являются здѣсь причиной, ибо онѣ обнаруживаются тутъ опредѣленнымъ образомъ, то утверждающій все это подвергся бы осмѣянію. А между тѣмъ, если мы возьмемъ растенія, то въ любомъ изъ нихъ, какъ въ строеніи, такъ и въ развитіи, замѣчаемъ, что вещества слагаются въ такія тонкія и правильныя формы и въ такомъ порядкѣ, который превосходитъ все, что мы наблюдаемъ въ устройствѣ дома. Мы не замѣчаемъ, правда, силы, овладѣвающей противящимся ей матеріаломъ и заставляющей его слагаться именно въ эти формы и именно въ этомъ порядкѣ, но нашъ разумъ признаетъ, что въ живомъ тѣлѣ заключается нѣкоторая причина, управляющая химическими и физическими силами и слагающая ихъ въ формы, которыя внѣ организма никѣмъ и никогда замѣчаемы не были". (Индивидуализмъ, Л. Гелленбаха, стр. 197 и 298).

Старались ли матеріалисты хотя отчасти ответить Либиху на это его положеніе? Нѣтъ,—въ этомъ случаѣ всѣ матеріалистическія ученія уподобляются тому человѣку, который, не имѣя понятія о часахъ, случайно нашелъ ихъ въ полѣ, сталъ разсматривать, поверхностно изучать ихъ и совершенно неосновательно пришелъ бы къ убѣжденію, что автоматичность хода ихъ доказываетъ автоматичность ихъ возникновенія, т. е. что никто ихъ не выдумалъ и не сдѣлалъ, но произошли они сами собой.

Ничего само собой въ природѣ не дѣлается; все имѣетъ свои причины, и если мы ихъ не видимъ и не знаемъ, то все же логика и чувства наши должны подсказывать намъ, что есть Что-то выше насъ и намъ неизвѣстное, что́ нужно учить и изучать, а не утверждать, что все уже намъ давно понятно и извѣстно, что ничего болѣе премудраго въ природѣ нѣтъ, какъ только то, что безсмысленные атомы, бродя нецѣлесообразно въ пустомъ пространствѣ и машинально сталкиваясь между собой, могутъ совершенно случайно произвести такія сложныя, осмысленныя и премудрыя вещи, какъ, напримѣръ, глазъ человѣка, какъ совѣсть, какъ волю и какъ мысль.

Не доказываетъ ли все вышеприведенное, что не сущность самаго ученія, не коренной смыслъ науки ведетъ людей къ

Digitized by Google

матеріалистическому міровоззрѣнію и къ атеизму, а, наоборотъ, атеизмъ людей и ихъ внутреннее душевное развитіе, находящееся еще на низшей степени пониманія природы вещей, обладаетъ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, который и отражается на ихъ наукѣ и дѣлаетъ ее матеріалистической; и люди, которые сами склонны къ атеизму, имѣютъ кругозоръ еще болѣе ограниченный, ставятъ свои ученія на высокій пьедесталъ учености, совсѣмъ не сознавая, какъ ничтожна, какъ пуста эта наука и какъ много въ ней еще заблужденій.

Digitized by Google

Глава VIII.

Обзоръ исторіи развитія мысли.

Исторія развитія мысли подтвердитъ лучше всего, что ни въ какомъ случаѣ нельзя считать матеріализмъ естественнымъ слѣдствіемъ современнаго успѣха наукъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, и что онъ также не постоянный спутникъ или аттрибутъ образованности, какъ утверждаютъ другіе; ибо современный матеріализмъ не есть что нибудь новое, созданное нашимъ временнымъ или высокою образованностью людей, но, наоборотъ; онъ со всѣми своими принципами, недостатками и заблужденіями есть не болѣе, какъ сколокъ или полнѣйшее подраженіе тому самому матеріализму, который проповѣдывался еще въ VI и V вѣкахъ до Р. Х., и что какъ тогда, такъ и теперь великіе умы и свѣтила науки никогда не держались его, а, напротивъ, нападали на него и признавали его результатомъ несовершенства мысли и заблужденіемъ.

Исторія развитія мысли указываетъ лучше всего: во 1) что истинно ученыхъ и мудрецовъ никогда не понимали ихъ современники; во 2) что высокія, проповѣдываемыя ими, истины очень часто передавались въ значительно измѣненномъ видѣ и приспособленномъ къ матеріалистическому или атеистическому міровоззрѣнію, причемъ весь коренной смыслъ ученія, который придавалъ имъ самъ творецъ ихъ, совершенно утрачивался, и въ 3) что чѣмъ глубже и всестороннѣе изучаетъ человѣкъ вещественную природу, тѣмъ нагляднѣе для него обрисовывается все это; онъ начинаетъ совершенно ясно видѣть всю второстепенную и вполнѣ зависимую роль матеріи и,

Digitized by Google

вмѣстѣ съ тѣмъ, ему открывается все первенствующее значеніе духовно-нравственнаго міра въ каждомъ мелочномъ, и даже совершенно пустомъ, повидимому, явленіи; вслѣдствіе чего всякое изученіе одной внѣшней формы перестаетъ удовлетворять его любознательность, оно дѣлается для него узко, тѣсно и недостаточно. И въ самомъ дѣлѣ, какую можно отыскать логическую причину заниматься одними слѣдствіями, если человѣку ясно и наглядно обрисовывается возможность своимъ умомъ, подъ руководствомъ логики, знанія и чувствъ, проникнуть въ самую сущность явленій и отыскать и выяснить себѣ причины ихъ, тѣмъ болѣе, что только подобнаго рода изученіе природы могло-бы образовать правильное воззрѣніе на природу вообще и на каждый отдѣльный фактъ и явленіе—въ отдѣльности.

Кантъ въ „Пролегоменахъ“, на стр. 125, говоритъ: „Эмпирически внѣ меня находится то, что созерцается въ пространствѣ; пространство же, вмѣстѣ со всѣми содержащимися въ немъ явленіями, принадлежитъ къ представленіямъ, связь которыхъ по опытнымъ законамъ доказываетъ ихъ объективную истинность точно такъ же, какъ связь явленій внутренняго чувства доказываетъ дѣйствительность моей души (какъ предмета внутренняго чувства); такимъ образомъ посредствомъ внѣшняго опыта я сознаю дѣйствительность тѣлъ, какъ внѣшнихъ явленій въ пространствѣ, точно также, какъ посредствомъ внутренняго опыта я сознаю существованіе моей души во времени; вѣдь и душу мою, какъ предметъ внутренняго чувства, я познаю чрезъ явленія, образующія внутреннее мое состояніе, хотя сущность сама́ по себѣ, лежащая въ основѣ этихъ явленій, мнѣ неизвѣстна“.

Свой краткій обзоръ развитія мысли мы дѣлимъ на 5 отдѣльныхъ періодовъ, чтобы, не вдаваясь въ излишнія детали и не утруждая читателя, нагляднѣе охарактеризовать ихъ.

Первый періодъ мы намѣтимъ отъ начала возникновенія наукъ, что теряется въ древности, и до VI вѣка до Рождества Христова.

Второй періодъ отъ VI вѣка до Р. Х. до IV вѣка послѣ Рожд. Хр.

Третій періодъ отъ IV вѣка до XVII вѣка.

Четвертый періодъ XVII и XVIII вѣка.

Пятый періодъ XIX вѣкъ.

Первый періодъ. Со времени процвѣтанія древней цивилизаціи у Арабовъ, Египтянъ, Индійцевъ, Кельтовъ и Евреевъ и до VI вѣка до Р. Х., всѣ знанія были исключительно въ

Digitized by Google

рукахъ духовенства и жрецовъ, которые составляли отдѣльные замкнутые классы и касты.

У всѣхъ народовъ эти касты составляли особыя сословія и имѣли наслѣдственный характеръ. Для пріобрѣтенія большей власти и авторитета въ народѣ они обставляли себя всевозможными мистицизмомъ и таинственностью и не разоблачали передъ народомъ ни своихъ знаній, ни премудростей своихъ религій.

Мы не видимъ у нихъ разграниченія между знаніями научными и религіозными вѣрованіями, — вся ихъ ученость сливается въ одно. Но у Арабовъ мы видимъ нѣкоторую обособленность знаній отъ вѣрованія и религіи. У нихъ знанія составляли особый отдѣлъ, порученный особымъ членамъ или семьямъ изъ касты. О нихъ упоминаетъ итальянскій ученый Пеццани, и А. фонъ-Гумбольдъ находитъ, что принципы ихъ науки совершенно схожи съ современнымъ позитивизмомъ. Арабы такъ же, какъ современные позитивисты, давали вѣру только эксперименту и измѣренію.

Но, вообще, тайны знанія и религіи у всѣхъ народовъ считались священными, а потому даже не всѣ принадлежащіе къ кастамъ могли знать все въ полномъ объемѣ. Каждый могъ владѣть ими только по степени высоты своего посвященія. Были даже такія глубокія тайны, почитаемыя настолько священными, о которыхъ самые избранные старики изъ посвященнаго духовенства не имѣли права говорить между собой, развѣ только въ экстренныхъ случаяхъ, обсуждая какіе либо вопросы, имѣющіе единственную цѣль: извлеченій разныхъ указаній вѣры.

Изучающіе священные книги и готовящіеся къ переходу въ высшее посвященіе не имѣли права произносить громко ни одного слова изъ священнаго писанія, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія отъ учителя своего.

Учить народъ могли только избранныя и привилегированныя лица. Они всегда ограничивались указаніями, касающимися исповѣдыванія вѣры и соблюденія обрядностей. Но однихъ указаній оказывалось всегда слишкомъ мало; нужны были принудительныя мѣры, безъ которыхъ нельзя было заставить повиноваться грубый и полудикій народъ. А потому на обязанности этихъ учителей лежало измышленіе разныхъ способовъ и примѣненіе нѣкоторыхъ принудительныхъ мѣръ, чтобы вести народъ по предначертанной программѣ.

Главнымъ принципомъ всѣхъ вѣръ было тѣмъ или другимъ путемъ вести людей къ ихъ нравственному внутреннему усовершенствованію, угрозами и наказаніями заставить народъ

Digitized by Google

отвыкнуть отъ пороковъ, злодѣяній, грубыхъ вкусовъ, привычекъ и пріучить ихъ, хотя внѣшнимъ образомъ, быть мягкимъ, обходительнымъ, послушнымъ и исполнять обрядности своей религіи, иногда черезъ силу принуждая себя, иногда для того только, чтобы вообще бороться со своей грубой природой изъ-за идеи и черезъ это вырабатывать въ себѣ смиреніе и послушаніе.

Вообще, жрецы держали народъ очень строго, обѣщали имъ загробныя награды и наказанія, побѣды надъ врагами — если цѣлыя страны будутъ вести себя достойно, благоденствіе ихъ нисходящаго потомства и отвѣтственность ближайшихъ родственниковъ другъ за друга; и, наконецъ, прямо наказывали фактически всѣхъ строптивыхъ, не желающихъ исполнять предписанія духовенства и не исповѣдующихъ достойнымъ образомъ обряды и догматы своей религіи.

Вообще надо сказать, что жрецы держали всегда свой народъ въ строгомъ подчиненіи и весьма настойчиво насиловали волю каждаго, направляя ее къ внѣшнему исполненію добра и къ исполненію обрядовъ религіи путемъ таинственности, страха, разныхъ обѣщаній и, наконецъ, прямымъ наказаніемъ.

Таковы были отношенія жрецовъ ко всѣмъ сословіямъ своего народа во всю эпоху до VI вѣка до Р. Х.

Второй періодъ. Начиная съ VI вѣка до Р. Х. стали появляться свѣтскіе ученые среди народа, которые передавали свои знанія непосредственно въ народъ безъ всякаго вмѣшательства духовенства. Мы видимъ, что между самимъ народомъ начинается броженіе умовъ и желаніе не одного слѣпого подчиненія, но и самостоятельнаго знанія. Мы видимъ, что наука, искусство, литература и философія начинали мало по малу дѣлаться достояніемъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Появились люди выдающагося ума и логики, съ мощной силой воли и слова, способные воодушевлять полудикую толпу и внушать ей пониманіе самыхъ возвышенныхъ истинъ, явившихся результатомъ ихъ знаній и ихъ мысли.

Народъ чрезвычайно охотно слушалъ и почиталъ своихъ учителей, но не всегда понималъ все ученіе въ томъ духѣ, какъ желали внушить ему учителя. Уровень развитія народа былъ не великъ, а потому народъ перетолковывалъ эти ученія на свой ладъ, упрощая, обобщая и примѣняя ихъ къ своему кругозору и къ своей степени пониманія природы вещей.

Ученія эти развивали всегда въ народѣ тщеславную увѣренность въ собственныя силы и способности, и авторитетъ духовенства начиналъ передъ ними быстро падать. Почувство-

Digitized by Google

вавъ себя до нѣкоторой степени на свободѣ, предоставленнымъ самому себѣ, своему разуму и знанію, народъ старался совершенно отдѣлиться отъ духовенства, переставалъ слушать его и исповѣдывать свою религію, замѣнивъ свое вѣрованіе слѣпымъ почитаніемъ того философскаго ученія, которое ему нравилось, или которое болѣе соотвѣтствовало его характеру.

Представителями *матеріализма* въ періодъ древней философіи являются въ VI и V вѣкахъ до Р. Х. философы Левкиппъ и Демокритъ—первые атомисты, для которыхъ и душа была совокупностью тончайшихъ матеріальныхъ атомовъ; въ IV вѣкѣ гедонисты—та сократическая школа, которая признавала удовольствіе, какъ единственную цѣль жизни (Аристиппъ и его послѣдователи. Изъ этой школы вышелъ и первый греческій *пессимистъ* Гегезій, проповѣдникъ самоубійства, учившій въ Александріи, въ III вѣкѣ до Р. Х.); съ конца IV вѣка и въ слѣдующіе—Эпикуръ и эпикурейцы, слившіе во едино и развившіе далѣе обѣ упомянутыя доктрицы.—Представителями чистаго спиритуализма являются нѣкоторые пиѳагорейцы, напр., Парменидъ въ V в., отрицавшій всякое реальное бытіе, кромѣ идейнаго; далѣе, Платонъ, отрицавшій реальное бытіе матеріи, въ IV в.; нѣкоторые платоники и новоплатоники въ слѣдующіе вѣка.—Представителями *дуализма* въ древности считаются Анаксагоръ и Сократъ въ V в., изъ которыхъ первый впервые противуположилъ умъ веществу, а второй развилъ это ученіе примѣнительно къ природѣ человѣка, затѣмъ Аристотель въ VI в., противуполагавшій безсмертный дѣятельный умъ смертной безформенной матеріи,—позднѣе его послѣдователи, нѣкоторые перипатетики.—*Пантеизмъ* въ полусознательной формѣ возникаетъ еще въ VII в. и развивается далѣе въ VI в. въ ученіяхъ іоническихъ физиковъ или гилозостовъ—Ѳалеса, Анаксимандра, Гераклита и др., учившихъ, что матерія—одушевлена и одарена жизнью; Ксенофанъ въ VI в., учившій о единомъ Богѣ, какъ реальной сущности всѣхъ вещей,—натурфилософъ Эмпедоклъ въ V в., одушевлявшій свою матерію началами любви и ненависти, а въ IV и въ слѣдующихъ вѣкахъ пантеизмъ находитъ себѣ болѣе сознательное выраженіе въ ученіяхъ стоиковъ (Зенонъ и его послѣдователи).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ древности развивался и господствовалъ матеріализмъ, ибо, во-первыхъ, вѣкъ былъ языческій; слѣдовательно, никто и не могъ себѣ составить правильнаго понятія объ истинномъ Богѣ—Творцѣ вселенной, а во-вторыхъ, состояніе наукъ было чисто примитивное, не могущее удовлетворить потребностямъ и любознательности даже тогдашняго грубаго и неразвитого человѣка. Но и при томъ въ

Digitized by Google

Греціи, напримѣръ, матеріализмъ не былъ никогда достояніемъ толпы, ибо какъ ни былъ народъ мало развитъ, онъ все-таки съумѣлъ создать себѣ свой собственный Олимпъ, который удовлетворялъ его міровоззрѣнію лучше и полнѣе, чѣмъ господство безсмысленныхъ, безличныхъ и неодушевленныхъ атомовъ.

Разбирая философію древнихъ, мы должны скорѣй обратить вниманіе на противоположный фактъ, что люди, бывши язычниками, не зная ничего объ ученіи Христа, силою своей собственной логики и своихъ слабыхъ, говоря относительно, научныхъ познаній, могли дойти до необходимости признанія Бога Творцомъ и Владѣтелемъ вселенной. Это должно поражать насъ болѣе, чѣмъ безвѣріе и грубые примитивные взгляды на природу въ средѣ языческаго народа, и достойно гораздо большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляютъ этому факту.

Этотъ первый тысячелѣтній періодъ, собственно говоря, и создалъ свѣтскую философію, и былъ творцемъ множества всевозможныхъ философскихъ системъ. Болѣе легкія философіи, т. е. тѣ, которыя позволяли человѣку безпрепятственно пользоваться благами земными, которыя поощряли страсти и пороки, какъ, напримѣръ, эпикуреизмъ, имѣли наибольшій успѣхъ; чѣмъ нравственнѣе и возвышеннѣе была философская система, тѣмъ имѣла она и послѣдователей меньше; ибо въ то время совершенно такъ же, какъ и теперь, большинство охотнѣе принимаетъ то, что каждому нравится, чѣмъ то, что дѣйствительно полезно и истинно. Человѣку, стоящему близко къ жизни, къ потребностямъ и заботамъ всякаго рода, очень трудно отрѣшиться отъ своихъ матеріальныхъ выгодъ изъ за идеи; для этого надо имѣть возможность побороть свои страсти, пороки, привычки, привязанности, однимъ словомъ, надо передѣлать себя самого и всю свою природу; не несравненно ли легче слѣдовать влеченіямъ своего порочнаго характера.

Только люди нравственно развитые, внутреннія чувства которыхъ даютъ себя понимать настолько отчетливо, что невольно подчиняютъ своимъ требованіямъ весь организмъ и всѣ животныя желанія ихъ вещественнаго тѣла, могутъ быть безраздѣльно преданы идеѣ и выполнять всѣ требованія ея.

Таковыми были высокіе научные умы и философы всѣхъ временъ. Они умѣли заглушать или, по крайней мѣрѣ, умѣрять животныя и инстинктивныя стремленія до такой, по крайней мѣрѣ, степени, чтобы они не препятствовали развитію идей, а вслѣдствіе этого могли далеко вести свои умозаключенія. Они умѣли всегда отличать хорошее отъ дурного, временное отъ вѣчнаго, слѣдствіе отъ причины и средство отъ цѣли. Они

Digitized by Google

всегда умѣли отдѣлаться отъ своего житейскаго эгоизма и тщеславія, ставить идею выше всего, выше себя самого, выше своихъ потребностей и разсчетовъ; умѣли становится на нейтральную точку зрѣнія, на наблюдательную почву и мыслить свободно, безъ предвзятыхъ мыслей.

Развитіе наукъ и философіи шло своимъ, независимымъ и роковымъ путемъ. Развитіе народа шло совершенно независимо отъ развитія наукъ, шло медленно и вяло. Ученые, конечно, много трудились надъ народомъ, внушали ему истинное пониманіе вещей, предотвращали отъ заблужденій, внушали покоряться истинѣ, но народъ, имѣя раньше духовенство своимъ руководителемъ, привыкъ къ строгости въ обращеніи, къ принужденію, идущему извнѣ, чего ни въ какомъ случаѣ не допускали ученые принципа ради, да и средствъ къ тому у нихъ не было.

Неутомимыми трудами ученыхъ философія шла все далѣе и далѣе. Каждый изъ философовъ создавалъ свою систему; ихъ провѣряли, критиковали, составляли другія системы, которыя претерпѣвали ту же участь, и, такимъ образомъ, изъ обоюдныхъ критикъ и провѣрокъ философія тихими шагами стремилась къ истинѣ, и въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х. Александрійская школа слилась съ религіей. Дальнѣйшее развитіе или совершенствованіе философіи было невозможно, ибо она познала все превосходство надъ собой религіи; она доказала всю недосягаемость обыкновенно человѣческаго разума до тѣхъ истинъ, которыя развиваетъ и утверждаетъ христіанство, и вмѣстѣ съ тѣмъ признала, что вся человѣческая мудрость неизбѣжно ведетъ прямымъ путемъ къ подтвержденію ихъ.

Зачатки теологическаго направленія философіи были посѣяны еще Филономъ, затѣмъ появляется Аммоній Саккосъ и Плотинъ, съ своими учениками Порфиріемъ и Ямблихомъ, и, наконецъ, философъ Проклъ сливаетъ окончательно философію съ религіей. Сперва Александрійская школа признала Трисвятую Троицу (Жуль Симонъ, Histoire de l'Ecole d'Alexandrie) и закончила своимъ ученіемъ объ эманаціяхъ, и весь рядъ ея ученія все ближе и ближе подвигался къ ученію Христіанства.

Послушаемъ, напримѣръ, чему учитъ Александрійская школа во времена Плотина. Она задаетъ себѣ три вопроса: „можетъ ли человѣческое знаніе быть абсолютно истиннымъ? какова природа Бога? какъ начался міръ?—И отвѣчаетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ: 1) человѣческое знаніе необходимо лишено достовѣрности; но это невыгодное обстоятельство находитъ себѣ поправку въ гипотезѣ экстаза, во время

Digitized by Google

котораго душа отождествляется съ безконечнымъ; 2) природа Бога выражается въ Тройственномъ Единствѣ, въ трехъ ипостасяхъ Единаго существа; 3) міръ образовался путемъ эманаціи.

„Этотъ третій отвѣтъ заключается во второмъ. Богъ, какъ Единство, но есть бытіе, но Онъ становится бытіемъ въ силу эманаціи отъ Его Единства (разумъ), а также въ силу другой эманаціи отъ его разума (душа), и образовавшаяся такимъ путемъ душа; въ ея проявленіяхъ, есть міръ.

„Если Богъ отличенъ отъ міра, то Онъ долженъ отличаться отъ него своею сущностью. Но въ такомъ случаѣ, на вопросъ: какъ начался міръ?—нѣтъ отвѣта, ибо при этомъ условіи міръ долженъ существовать одновременно съ Богомъ.

„Все затрудненіе здѣсь заключается въ слѣдующемъ: Богъ или сотворилъ міръ, или нѣтъ. Если онъ сотворилъ его, то, спрашивается, изъ чего? Логика говоритъ, что Онъ не могъ создать его изъ ничего, ибо изъ ничего можетъ получиться только ничто; поэтому Богъ долженъ былъ создать міръ изъ своей субстанціи. Но если это такъ, то, слѣдовательно, міръ тождественъ Богу и долженъ былъ уже ранѣе содержаться въ Немъ, иначе Богъ не могъ бы создать его изъ Себя. Но такое отожествленіе Бога съ міромъ есть пантеизмъ, и тогда вопросъ не рѣшается, но измѣняется лишь постановка его. Если Богъ создалъ міръ не изъ Своей субстанціи, то онъ могъ создать его лишь изъ какой-либо субстанціи, уже существовавшей, и въ томъ случаѣ вопросъ опять остается безъ отвѣта.

„Христіане и послѣдователи Александрійской школы рѣшили этотъ вопросъ почти одинаковымъ образомъ. Христіане говорили, что Богъ создалъ міръ изъ ничего, силою Своей всемогущей воли, такъ какъ для всемогущества все возможно, и одно дѣло столь же легко, какъ и всякое другое. Послѣдователи же Александрійской школы говорили, что міръ отличенъ отъ Бога больше по дѣйствію, чѣмъ по сущности, такъ какъ міръ есть проявленіе Его воли или Его разума.

„Такимъ образомъ, по ученію этой школы, міръ есть Богъ, но Богъ не есть міръ. Не признавая, слѣдовательно, необходимости двухъ основныхъ началъ, Александрійская школа признаетъ различіе между Создателемъ и созданіемъ. Богъ, согласно этому воззрѣнію, не смѣшивается съ матеріею, и тѣмъ не менѣе философія освобождается отъ трудности объяснить присутствіе двухъ вѣчно существующихъ и вѣчно отличныхъ основныхъ началъ.

„Плотинъ, путемъ своей діалектики, пришелъ къ необходимости признать Единство основою бытія; тѣмъ же путемъ

Digitized by Google

онъ пришелъ къ заключенію, что Единство не можетъ быть единичнымъ, ибо тогда не могло бы существовать многое. Если многое предполагаетъ Единое, то и Единое предполагаетъ многое. Всякое начало порождаетъ послѣдующее начало присущею ему неизъяснимою силою, причемъ не умаляется отъ этого порожденія. Эта неизъяснимая и неисчерпанная сила дѣйствуетъ безъ перерыва, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока не достигнетъ предѣловъ возможнаго.

„Законъ этотъ управляетъ міромъ, и его вліянія не можетъ избѣгнуть само Божество. Въ силу этого закона всѣ существа образуютъ одну іерархію, начинающуюся Богомъ и оканчивающуюся чувствующей матеріей, составляютъ одну нерасторжимую цѣпь, такъ какъ каждое существо есть необходимый продуктъ предшествующаго существа и производитель послѣдующаго.

„На вопросъ, что заставляетъ единство обращаться въ множество и отчего Богъ проявляется въ мірѣ, Плотинъ отвѣчаетъ: принципъ Единаго уже давно признанъ недостаточнымъ, такъ какъ Божество, не имѣющее разума, не можетъ быть совершенно. Аристотель говоритъ, что Божество, не размышляющее, не достойно уваженія. Слѣдовательно, если разумъ присущъ Божеству, то оно необходимо должно быть дѣятельно; ибо можно ли назвать дѣйствительной силой такую силу, которая ничего не производитъ. Поэтому Богъ по самому существу долженъ былъ создать міръ.

„Богъ, слѣдовательно, есть по самой природѣ Своей Создатель. Онъ подобенъ солнцу, отдающему отъ себя лучи безъ потери своего вещества. Весь этотъ наплывъ новыхъ явленій, эти постоянныя измѣненія, это рожденіе и смерть, все это— проявленія непрерывно дѣйствующей силы. Проявленія эти не имѣютъ абсолютнаго бытія и постоянства. Индивидуальное гибнетъ, потому что оно индивидуально; только всеобщее существуетъ постоянно. Индивидуальное, конечно, и преходяще; всемірное — безконечно и безсмертно. Богъ есть единственно истинное Бытіе, мы же и всѣ остальныя существа и предметы— преходящія проявленія Его. И, однако, смерть страшитъ робкаго, невѣжественнаго человѣка, робкаго именно вслѣдствіе его невѣжества. Между тѣмъ, умереть значитъ начать жить истинною жизнію. Правда, со смертію мы лишаемся ощущенія, освобождаемся отъ страстей и интересовъ, отъ условій пространства и времени, отрѣшаемся отъ своей личности, но зато мы покидаемъ этотъ міръ и возрождаемся въ Богѣ, отдѣлываемся отъ этой эфемерной и жалкой индивидуальности и погружаемся въ бытіе безконечнаго. Смерть есть переходъ къ

Digitized by Google

истинной жизни. Нѣкоторые слабые намеки на нее—нѣкоторое подавляющее насъ указаніе на невыносимый для чувства смертнаго блескъ—являются въ краткіе моменты экстаза, когда душа сливается съ безконечнымъ, хотя она и не можетъ долго пребывать въ немъ. Эти чудные, хотя и краткіе моменты обнаруживаютъ предъ нами Божество и показываютъ, что въ глубинѣ нашей личности таится лучъ Божественнаго свѣта, постоянно стремящійся освободиться и возвратиться къ Своему Источнику. Умереть значитъ начать жить истинной жизнью, и умирающій Плотинъ, отвѣчая въ предсмертной агоніи на вопросы друзей, сказалъ: „Я стараюсь освободить заключенное во мнѣ Божество“ (Ист. филос. Льюиса, т. I, стр. 294—297).

Философъ Проклъ окончательно поставилъ вѣру выше науки. Вѣра, по его мнѣнію, была единственною способностью, посредствомъ которой можно было познать Бога, т. е. Единое. „Философъ,—говоритъ онъ,—есть жрецъ не одной, но всѣхъ религій, другими словами, онъ долженъ своими разъясненіями примирить всѣ вѣрованія. Разумъ есть выразитель вѣры“ (Льюисъ, т. 1, стр. 298).

Со смертью философа Прокола Александрійская школа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее развитіе философіи прекращаются. Далѣе философіи идти было некуда; она слилась съ религіей и тѣмъ самымъ блестящимъ образомъ доказала, что высшія человѣческія познанія и вся его высшая мудрость есть первая ступень къ познанію Божественной премудрости. На этомъ рѣшеніи можно считать законченнымъ второй періодъ развитія мысли, независимо отъ того, какъ поняла толпа эти высокія ученія. Они, конечно, не для всѣхъ; но виновата ли въ этомъ сама истина, или, ограниченность людей.

Третій періодъ длился около 1200 лѣтъ, т. е. до самаго XVII вѣка по Р. Х.

Въ теченіе этого длиннаго періода вся философія была теологическая; всѣ знанія, всѣ науки, искусства, литература и даже образованіе юношества были въ рукахъ духовенства и монастырей. Ни въ одинъ историческій періодъ духовенство не имѣло столь сильной власти надъ культомъ, какъ въ этотъ; оно входило въ семейную жизнь и руководило соціальной жизнью странъ.

Выдающихся и геніальныхъ свѣтилъ науки изъ людей свѣтскихъ совсѣмъ не появлялось; это былъ періодъ абсолютнаго научнаго застоя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовительный для образованія новаго центра цивилизацій; это былъ періодъ нравственнаго и духовнаго развитія людей.

Digitized by Google

Древній міръ, дойдя до высшихъ степеней умственной напряженности и высказавъ черезъ Александрійскую школу свое послѣднее слово, сталъ кульминировать, а арена, для проявленія слѣдующей усиленной научной и умственной дѣятельности еще не была подготовлена. Въ этой именно подготовкѣ новой арены дѣятельности на новомъ мѣстѣ и прошло 13 столѣтій.

Послѣ паденія Римской имперіи вся Западная Европа была населена варварскими, языческими, но крайне воинственными племенами самыхъ разнообразныхъ народностей и была раздѣлена на тысячи мелкихъ княжествъ, герцогствъ, курфюрствъ, феодальныхъ владѣній и т. д., состоящихъ въ непримиримой враждѣ между собой.

Чтобы, однимъ словомъ, охарактеризовать первую четверть этого періода, можно безъ большой ошибки сказать, что главнымъ яблокомъ раздора между всѣми властителями была жажда власти и господства; въ народѣ было стремленіе доказать превосходство своей силы, ловкости и своего оружія; наивысшимъ идеаломъ добродѣтелей у всѣхъ считались храбрость и отвага, и всѣ преклонялись передъ силой, могуществомъ и властью, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись. Поэтому можно себѣ представить, какую воинственную жизнь вели эти народы, въ особенности, если вспомнить, что вслѣдъ за паденіемъ Римской имперіи было нашествіе на западную Европу Гунновъ, Готовъ и великое переселеніе народовъ.

Сколько времени должно было пройти, чтобы тысячи разрозненныхъ владѣній слились вмѣстѣ для образованія нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ, могущихъ силою своего оружія сдерживать посягательства внѣшнихъ враговъ и черезъ то дать возможность мирнаго ихъ процвѣтанія! Сколько времени нужно было, чтобы эти государства выработали свой строй, установили порядки, упрочили свой культъ, торговлю, образованіе и искусства! Сколько времени должно было пройти въ заботахъ о самой трудной задачѣ при возрожденіи всякой страны,—о самоусовершенствованіи самихъ людей. Отъ полудикаго, языческаго и воинственнаго состоянія они должны были перейти къ состоянію, способному понимать высшія истины, добро, милосердіе, свои обязанности передъ людьми, государствомъ и цивилизаціей. Для этого имъ надо было положительно переродиться и переобразоваться, отвыкнуть отъ буйной и бродячей жизни, отъ грубыхъ и жестокихъ наклонностей и заставить себя привыкнуть къ болѣе мирной, осѣдлой жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнить весь свой характеръ, всѣ вкусы, всѣ привычки и взгляды; храбрость и отвага

Digitized by Google

должны были уступить мѣсто другимъ идеаламъ, указаннымъ имъ Христіанской религіей, замѣнившей прежнее язычество.

Въ теченіе всего этого времени о наукѣ, конечно, никто и не имѣлъ возможности думать; никакая философія не могла занимать умы людей; она рѣшительно имъ не была нужна и окончательно была забыта. Научныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ предъидущимъ періодомъ, было болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія потребностей и весьма ограниченной любознательности того времени.

Подъ благотворнымъ вліяніемъ быстро распространяющагося по всей Западной Европѣ христіанства и вслѣдствіе повсемѣстной постройки церквей и монастырей, при которыхъ учреждались массы школъ и коллегій всякаго рода, развитіе народовъ и странъ, подъ строгимъ надзоромъ духовенства, шло необычайно быстро. Въ скоромъ времени и самыя войны стали принимать религіозный характеръ; страны стали воевать между собой, преслѣдуя уже не однѣ личныя, корыстныя или тщеславныя цѣли, но дрались изъ-за принциповъ и убѣжденій. Это уже былъ громадный шагъ по пути прогресса. Возникли крестовые походы, съ ихъ восторженнымъ религіознымъ энтузіазмомъ и неудачами. Главные дѣятели крестовыхъ походовъ раздували вопросы вѣры, дѣлая ихъ своими народными вопросами, что отразилось весьма благопріятно на взаимныхъ отношеніяхъ странъ и сплотило интересы свѣтскихъ и духовныхъ властей. Чѣмъ больше было неудачъ, чѣмъ борьба съ иновѣрными была труднѣе, тѣмъ болѣе народъ привязывался къ своей вѣрѣ, старался ее сильнѣе чтить и оградить, что способствовало еще большему укрѣпленію духовной власти надъ странами и народами.

Послѣ крестовыхъ походовъ стали появляться отщепенцы католицизма и еретики, недовольные католицизмомъ вообще и его гнетомъ и чрезмѣрной строгостью—въ особенности; въ числѣ ихъ появились Гусситы, которые съ оружіемъ въ рукахъ заявляли свой протестъ. Кровопролитнѣйшія войны возобновились, и чѣмъ энергичнѣе отстаивалъ народъ свою религію, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ ней, добровольно отдаваясь господствующей надъ нимъ власти духовенства.

Такъ продолжалось до эпохи возрожденія, т. е. до 1500 года. Къ этому времени обозначились всѣ великія державы, ихъ будущее значеніе и характеръ; хотя до окончательнаго своего устройства онѣ должны были пережить крайне трудное и смутное столѣтіе.

До нѣкоторой степени нравственно подготовленное и духовно развитое общество начинало уже мыслить. Во многихъ

Digitized by Google

мѣстахъ стали открываться школы и университеты подъ вѣдѣніемъ свѣтскихъ властей. Изобрѣтеніе книгопечатанія сдѣлало образованіе и литературу доступными каждому. Открытіе Америки и многія другія причины возбуждали умы къ научнымъ познаніямъ. Во всей Западной Европѣ явилась потребность въ образованіи. Вмѣсто одной господствующей теологической философіи стали появляться новые послѣдователи платоновской, аристотелевской, стоической и атомистическихъ философій; явились схоластики, съ представителемъ своего ученія Помпонаціемъ.

Одновременно съ этимъ является великій реформаторъ Лютеръ, произведшій общественный переворотъ религіозныхъ убѣжденій на огромномъ пространствѣ.

Успѣшное распространеніе реформаціи Лютера почти по всѣмъ германскимъ владѣніямъ, постоянно усиливающаяся жажда знаній въ обществѣ, учрежденіе по всей Западной Европѣ огромнаго числа школъ и даже университетовъ, подчиненныхъ уже не духовенству, но свѣтскимъ властямъ, появленіе разныхъ философскихъ ученій, передаваемыхъ учителями и профессорами университетовъ безъ всякаго контроля католическихъ монаховъ,—подрывали авторитетъ католицизма, оспаривая у него его исключительную власть и господство надъ народомъ и странами. Католицизмъ, однако, не желалъ подчиниться подобному вредному, по его понятіямъ, требованію вѣка. Онъ полагалъ возможнымъ усиленной строгостью смирить отпадающихъ отъ его стада блудныхъ овецъ, а потому сталъ принимать строжайшія мѣры наказанія противъ всякихъ еретиковъ и отступниковъ, какъ онъ называлъ всѣхъ, кто не былъ съ нимъ единомышленникомъ, и, какъ къ послѣднему средству строгости, прибѣгъ къ учрежденію инквизиціи.

Буллой папы Павла III, въ 1540 году, 27 сентября, былъ назначенъ первымъ генераломъ Іезуитскаго ордена Игнатій Лойола. Этотъ орденъ уже въ первыя 10 лѣтъ существованія насчитывалъ до 22.000 своихъ дѣятельныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ было много людей, стоящихъ во главѣ государствъ и правленій странъ. Іезуиты открывали множество школъ высшихъ (университетовъ) и низшихъ (гимназій); въ низшихъ школахъ главнымъ образомъ изучался латинскій языкъ и, не смотря на серьезное образованіе, даваемое въ этихъ заведеніяхъ, іезуиты старались въ то же время подавлять въ ученикахъ всякое самостоятельное мышленіе и вырабатывать подчиненіе. Подготовленные такимъ образомъ ученики поступали въ высшія школы, подвергаясь еще большей дисциплинѣ и неимовѣрной строгости; изучали педантично главнымъ образомъ: аристоте-

Digitized by Google

левскую философію, мораль, схоластику, богословіе, казуистику и догматы вѣры.

Инквизиція была бичемъ того времени, и трудно себѣ представить, какими жестокими мѣрами, истязаніями и убійствами католицизмъ думалъ удержать свое прежнее вліяніе надъ міромъ. Всѣ властелины странъ трепетали подъ страхомъ отвѣтственности передъ приговоромъ неумолимой инквизиціи, а потому, находясь въ полной отъ нея зависимости, подчиняли ей и свои государства. Всякая научная истина, не отвѣчающая видамъ инквизиціи, считалась ересью, и виновникъ ея сжигался на кострѣ. Инквизиція стремилась, во что бы то ни стало, владѣть и господствовать надъ всѣмъ міромъ.

Но требованія времени были сильнѣе. Инквизиція могла до нѣкоторой степени сдержать видимыя проявленія самостоятельной мысли, но тѣмъ болѣе возбуждались внутреннія, скрытыя желанія каждаго слѣдовать за наукой.

Начало открытому протесту противъ инквизиціи положилъ, преслѣдуемый ею, чрезвычайно умный, энергичный и восторженный итальянецъ Джіордано Бруно, объѣхавшій всю Европу, проповѣдуя свою пантеистическую философію и возбуждая повсюду самый живой интересъ. Онъ былъ сожженъ на кострѣ, такъ какъ обвинялся инквизиціей въ ереси, отъ которой не пожелалъ публично отказаться передъ своей смертью. Его геройская смерть, воспоминанія о его свѣтлой личности и о восторженныхъ ученіяхъ оставили неизгладимое впечатлѣніе какъ о немъ самомъ, такъ и о его ученіи.

Вслѣдъ за Джіордано Бруно стали появляться другія еще болѣе значительныя научныя открытія: Коперника, Галилея, Рене Декарта и, наконецъ, Ньютона. Труды этихъ великихъ ученыхъ заинтересовали и завладѣли всѣмъ обществомъ до такой степени, что научный интересъ сталъ общественнымъ интересомъ; общество жаждало новыхъ открытій и слѣдило за ними, какъ за вопросами дня.

Этотъ научный энтузіазмъ совпалъ съ началомъ XVII вѣка, и съ этого времени мы начнемъ свой четвертый періодъ развитія мысли.

Четвертый періодъ длился около 200 лѣтъ, развѣ немного болѣе. Онъ начался съ 1600 года и продолжался до начала нашего XIX столѣтія. Первые года и XIX столѣтія (лѣтъ 20 или 30) могли бы быть отнесены также къ нему.

Это былъ періодъ самаго усиленнаго и дѣятельнаго развитія мысли. Второй періодъ создалъ науку и философію—4-й ихъ расширилъ, дополнилъ и установилъ окончательно; всѣ лучшія и высшія познанія пріобрѣтены наукой въ этотъ пе-

Digitized by Google

ріодъ. И, дѣйствительно, въ теченіе XVII и XVIII столѣтій было такъ много геніальныхъ научныхъ умовъ, какъ ни въ одинъ историческій періодъ. Свѣтилами науки того времени выступили: Ньютонъ, Декартъ, Галилей, Коперникъ, Тихо-де-Браго, Фарадей, Бойль, Клеркъ, лордъ Бэконъ, Юмъ, Лейбницъ, Локкъ, Сталь, Шарль Бонне, Линней, Паскаль, Дюпонъ-де-Немуръ, Босюэтъ, Берклей, Гертли, Дальтонъ, Парацельсъ, Гей-Люсакъ, Бернули, Гексли, Кабанисъ, Литтре, Лавуазье, Лапласъ, Пристлей, Бишъ, Тайлоръ, Берцеліусъ, Кондорсе, Жильберъ, Гюйгенсъ, Толмандъ, Александръ фонъ-Гумбольдтъ, Артуръ Шопенгауэръ, Спиноза, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Кантъ и многіе другіе.

За этимъ множествомъ научныхъ свѣтилъ первой величины слѣдовали ученые второстепенные, профессора университетовъ, далѣе учителя школъ, затѣмъ писатели, комментаторы, популяризаторы ученыхъ трудовъ первыхъ мастеровъ науки; и можно себѣ представить, какую массу новыхъ научныхъ свѣдѣній получало ежедневно общество. Оно слѣдило за ними съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ; съ восторгомъ встрѣчало оно и принимало всякое новое открытіе, всякій новый трудъ, и просвѣщеніе стало потребностью вѣка.

Бросая общій взглядъ на ходъ развитія мысли въ этотъ періодъ, нельзя не найти въ немъ поразительнаго сходства съ ходомъ развитія мысли второго періода въ древнемъ мірѣ. Разница между ними, въ сущности, конечно громадная. 1) Въ древнемъ мірѣ народъ былъ несравненно меньше интеллектуально развитъ; 2) наука древнихъ стояла на несравненно низшей степени; 3) способъ распространенія знаній въ древности былъ попреимуществу устный. Совсѣмъ не то было послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ новомъ мірѣ. Однимъ словомъ, одинъ періодъ усиленнаго развитія мысли отстоялъ отъ другого на двѣ тысячи лѣтъ, слѣдовательно, само собой понятно, что всѣ условія, сопровождающія одинъ, несходны съ условіями, сопровождающими другой; но отношеніе несовершенства природы человѣка къ возлагаемой на него задачѣ самообразованія и самоулучшенія даетъ необыкновенное сходство между ходомъ развитія мысли обоихъ періодовъ. Вмѣсто того, чтобы быть слугой науки и своего собственнаго улучшенія, человѣкъ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, остается прежде всего человѣкомъ, со всѣми своими страстями, пороками, привязанностью къ своимъ привычкамъ и принципамъ, которые суть самые большіе тормазы образованія и самые злѣйшіе враги новыхъ идей. Человѣкъ никогда не можетъ отдѣлаться отъ своего прежняго взгляда на вещи и, узнавая

Digitized by Google

новыя истины или пріобрѣтая новыя познанія, онъ разбираетъ ихъ со старой точки зрѣнія, примѣняя свой прежній взглядъ, который и служитъ ему первымъ и главнымъ мѣриломъ и критеріумомъ его собственной оцѣнки, отъ чего непосредственно зависитъ степень допущенія или пониманія этихъ истинъ или этихъ познаній. Однимъ словомъ, человѣкъ никогда не могъ додумываться до конца, т. е. до того конца, до котораго додумывались великіе мыслители его вѣка; онъ останавливалъ свое мышленіе на степени своего собственнаго развитія, на той степени, которая соотвѣтствовала чувствамъ и силамъ его интеллектуальнаго существа.

Изъ этого выходитъ, что ходъ развитія мысли, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, имѣетъ большое сходство, не смотря на полное разнообразіе всѣхъ сопровождающихъ условій, а именно:

I. Обоимъ періодамъ „свободнаго“ умственнаго и научнаго развитія предшествовали очень долгіе періоды нравственнаго и духовнаго „насилія“.

Крайне трудно подобрать другія названія этимъ періодамъ; потому мы второй и четвертый назвали свободными, въ отличіе отъ перваго и третьяго, которые мы назвали періодами духовнаго насилія. Собственно говоря, и то и другое названіе не совсѣмъ правильно; ибо какъ умственное образованіе не можетъ быть названо вполнѣ свободнымъ, такъ подавно нравственное и духовное воспитаніе не похоже на насиліе; однако, для большей рельефности характеристики различія этихъ періодовъ, оставимъ эти эпитеты.

Дѣло въ томъ, что какъ основной смыслъ нравственнаго и духовнаго воспитанія, такъ и пріемы, употребляемые при немъ, рѣшительно не схожи съ основнымъ смысломъ умственнаго и научнаго образованія и съ практикуемыми педагогическими пріемами.

Воспитаніе и нравственное и духовное сопровождается постепеннымъ измѣненіемъ внутренней природы человѣка. Человѣкъ дѣлается мягче, добрѣе, снисходительнѣе къ ближнему, строже къ себѣ и т. д. Ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ быть пріобрѣтено безъ извѣстной работы надъ собой, безъ принужденія себя или безъ нѣкотораго воздержанія. Никакая мораль помочь не можетъ. Человѣкъ можетъ видѣть примѣры самой высокой добродѣтели и ежедневно слушать самыя убѣдительныя рѣчи о превосходствѣ добродѣтели надъ порокомъ,—однако, ничто не сдѣлаетъ его лучше, если онъ самъ не будетъ себя принуждать отставать и отучаться отъ

Digitized by Google

всего злого и несовершеннаго и не будетъ заставлять себя поступать хорошо.

Эта искусственная и принудительная ломка организма, сначала, въ особенности, покажется человѣку непреодолимо трудной. Но послѣ нѣкотораго упражненія задача значительно облегчается, и со временемъ онъ привыкаетъ и даже чувствуетъ удовольствіе въ томъ, что раньше казалось ему совсѣмъ противнымъ его природѣ и недостижимымъ. Такой внутренній нравственный и духовный прогрессъ отразится на всемъ его характерѣ, во взглядахъ на людей и на окружающую его природу, на привычкахъ, и обязательно войдетъ во всю его жизнь и въ обращеніе его съ людьми и животными.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло со злымъ и грубымъ человѣкомъ и желали бы, во что бы то ни стало, превратить его въ нѣжнаго и любящаго,—какой образъ дѣйствій предписали бы мы ему? что посовѣтовали бы ему сдѣлать?

Сначала онъ долженъ бы былъ пріучить себя наружно не выказывать своей злости. Какъ бы люди ни сердили его и сколько бы зла ему ни дѣлали,—онъ долженъ бы былъ употребить всѣ свои силы, чтобы сдержать, остановить или подавить въ себѣ всякія, даже мельчайшія, внѣшнія проявленія злости и казаться добрымъ и снисходительнымъ. Внутренно онъ, конечно, будетъ сердиться; злость будетъ въ немъ кипѣть; весь организмъ его будетъ протестовать и противиться такому неестественному проявленію силы воли надъ собой же самимъ; и дѣйствительно, нужна необыкновенная стойкость или какая нибудь сильная посторонняя причина, которая заставляла бы человѣка сдерживать всѣ порывы его порочной природы. Положимъ, что, черезъ усиленное стараніе, онъ одержалъ верхъ надъ самимъ собой и надъ своей природой и сдержался разъ десять, двадцать или сто—вѣдь, какъ бы ни была зла его природа, онъ долженъ же наконецъ пріучить ее къ послушанію и отучить отъ внѣшнихъ проявленій злости. Вмѣстѣ же съ внѣшними проявленія злости станутъ пропадать и внутреннія, и борьба съ собой будетъ ему даваться уже легче; и такъ долженъ онъ поступать до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезнетъ всякая ненависть и злость къ людямъ и пока не дойдетъ онъ до индифферентизма.

Такимъ точно путемъ долженъ поступать человѣкъ для уничтоженія въ себѣ каждаго порока и каждой дурной наклонности. Ничего не дается въ области духовнаго прогресса безъ борьбы и принужденія; скажемъ даже больше: одно принужденіе себя—въ особенности, если оно разумно и не имѣетъ внѣшняго давленія, а дѣлается человѣкомъ съ охотой, по доб-

Digitized by Google

рой волѣ,—уже совершенствуетъ его, искореняетъ въ немъ злыя наклонности и дѣлаетъ его способнымъ къ воспріятію высшаго самовоспитанія, которое онъ найдетъ въ христіанствѣ. Никакая борьба съ собой и со своими недостатками не остается безъ внутренняго и дѣйствительнаго самоулучшенія всего нашего существа и всей природы нашей. Окончивъ подобную ломку и насилованіе своей злой природы, человѣкъ можетъ сказать, что кончилъ первую часть своего нравственнаго и духовнаго воспитанія, т. е. подготовилъ почву своей души для благопріятныхъ всходовъ на ней сѣмени слова Божія. Это будетъ уже вторая часть его самовоспитанія, еще болѣе существенная, чѣмъ первая, но зато и еще болѣе трудная.

Легче отучить себя дѣлать людямъ зло, чѣмъ пріучить дѣлать имъ добро; легче отучить себя отъ праздныхъ словъ и отъ отрицанія того, о чемъ не имѣешь понятія, чѣмъ полюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всей душой; легче быть рабомъ буквы, чѣмъ вникнуть въ духъ закона; легче быть формалистомъ и исполнять извѣстное количество внѣшнихъ правилъ и обрядностей, чѣмъ быть вѣрнымъ слугой Бога, чистымъ, мудрымъ и смиреннымъ духомъ и съ самоотверженіемъ повиноваться волѣ Божіей. А если задача труднѣе, то и достиженіе ея достается съ большей работой надъ собой. Конечно, работа христіанина надъ самоулучшеніемъ совершенно другого рода, чѣмъ первоначальная работа надъ искорененіемъ въ себѣ зла; тѣмъ не тенѣе, она очень трудна и сопряжена съ большими принужденіями и борьбой съ самимъ собой. При этомъ такъ же, какъ и при всякомъ новомъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи себя, человѣкъ постоянно до нѣкоторой степени совершенствуетъ свой характеръ, свою жизнь и всю свою природу. Духовному воспитанію нѣтъ предѣла,—оно также безконечно, какъ и самъ Богъ, и каждая новая степень даетъ все новыя преимущества и новыя совершенства.

Образованіе научное и умственное имѣетъ совершенно другой характеръ. Конечно, чтобы что нибудь знать, надо трудиться и работать. Чѣмъ болѣе человѣкъ учится, тѣмъ онъ образованнѣе,—это несомнѣнно (очевидно, въ этомъ случаѣ мы говоримъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ, такъ какъ природныя дарованія у людей весьма различны). Но при научномъ и умственномъ образованіи цѣнится не количество положеннаго кѣмъ нибудь труда, не самая его забота объ образованіи и не безсонныя ночи, проведенныя въ изученіи наукъ, но конечный результатъ, степень образованности и количество усвоенныхъ знаній.

Digitized by Google

Человѣкъ, окруженный всѣми средствами, облегчающими ему ученіе, достигаетъ лучшихъ результатовъ гораздо скорѣй и съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ другой, ихъ не имѣющій. Иной, живя между умными людьми и прислушиваясь постоянно къ ихъ научнымъ разговорамъ, совершенно безъ всякаго труда и даже совершенно нехотя можетъ научиться тому, на что другіе убили цѣлые годы своей жизни. Простой безграмотный сторожъ-солдатъ въ физической лабораторіи научается черезъ простую наблюдательность, но безъ всякихъ знаній физики, производить любой самый трудный физическій опытъ со всѣми деталями. Таковъ характеръ умственнаго и научнаго воспитанія, въ которомъ болѣе преуспѣваютъ тѣ, у которыхъ больше разума, памяти и сообразительности. Но вопросъ въ томъ,— преобразовываютъ ли эти знанія человѣка? Дѣлаютъ ли они лучше и совершеннѣе самое существо его, улучшаютъ ли они его душу?

На этотъ вопросъ надо, несомнѣнно, отвѣтить отрицательно. Умственныя и научныя познанія расширяютъ ему только кругозоръ всего познавательнаго; открываютъ ему новыя арены дѣятельности, на которыя можетъ онъ вступить или отказаться; позволяютъ ему болѣе разумно и здраво относиться къ природѣ, къ людямъ и тварямъ; но будетъ ли онъ въ дѣйствительности такъ относиться,—это зависитъ отъ его личнаго желанія. Но за то умственное развитіе ведетъ за собой и большое пониманіе житейскихъ и личныхъ вопросовъ, открываетъ ему глаза на его выгоды и разсчеты, учитъ ловкости въ обращеніи съ людьми, учитъ командовать и господствовать надъ ними. Изъ сего надо заключить, что умственное развитіе, вмѣстѣ съ приносимой пользой человѣку, можетъ принести ему и вредъ, ибо можетъ породить въ немъ излишнюю увѣренность въ свои силы и достоинство, что вызоветъ тщеславную гордость и пренебреженіе къ людямъ, т. е. можетъ сдѣлать ему нравственный вредъ, и онъ падетъ съ высшей ступени своего духовнаго развитія на болѣе низшую.

Въ видахъ этой разницы задачъ нравственнаго воспитанія и умственнаго образованія, учители нравственности, для воспитанія своихъ учениковъ, поступаютъ иначе, чѣмъ профессора и учители наукъ; и въ періоды усиленнаго нравственнаго развитія отношеніе духовенства къ народу было иное, чѣмъ отношеніе ученыхъ къ тому же народу въ періоды усиленныхъ умственныхъ развитій.

Въ теченіе всего перваго и третьяго періода духовенство имѣло безусловную власть надъ народомъ во всѣхъ фразахъ его жизни: семейной, домашней, уличной и общественной. Мало

Digitized by Google

того, духовенство оказывало давленіе не на одни только поступки людей, но и на всѣ потаеннѣйшія мысли каждаго, заставляя на исповѣдяхъ высказывать все безъ малѣйшей утайки, подъ страхомъ двоякой отвѣтственности. Первая отвѣтственность была передъ самимъ духовенствомъ, которое наказывало разными способами за неполную исповѣдь; вторая же была передъ самимъ собой и Богомъ, ибо совѣсть каждаго не должна была давать покоя въ теченіе всей жизни, въ случаѣ преднамѣренной утайки какой нибудь самой сокровенной мысли. Никто отъ руководства духовенства никуда скрыться не могъ и всякій шагъ каждаго былъ подъ контролемъ.

Заботясь о внутреннемъ нравственномъ улучшеніи народа, духовенство, конечно, должно было не только оказывать давленіе, но даже употреблять нѣкоторое насиліе надъ волей народа, чтобы заставить каждаго относиться къ себѣ строго и, въ свою очередь, принуждать себя насиловать свою злую природу, пріучая ее къ добру! И, конечно, чѣмъ грубѣе былъ народъ, тѣмъ и насилованіе его воли было сильнѣй и выражалось въ болѣе грубыхъ и принудительныхъ формахъ. Имѣя дѣло съ полудикимъ народомъ, законоучители и не думали даже освѣдомляться о внутреннихъ душевныхъ качествахъ своего народа; ибо въ каждомъ изъ нихъ было еще такъ много дикости и внѣшней грубости, что первой заботой духовенства было работать надъ уничтоженіемъ внѣшнихъ проявленій ихъ дикой и животной натуры. Моисей, напримѣръ, никого не спрашивалъ, съ какимъ внутреннимъ настроеніемъ исполняетъ человѣкъ его законъ, и трудно-ли ему воздерживаться отъ злодѣяній; онъ говоритъ: „Будь проклятъ всякъ кто не исполняетъ закона“. А законъ усматривалъ каждый шагъ даже домашней жизни и былъ необычайно мелоченъ и подробенъ; но, тѣмъ не менѣе, исполненіе сего было обязательно.

Ветхій завѣтъ строго преслѣдовалъ нарушеніе обрядностей; напримѣръ: соблюденіе субботы было обставлено самыми мелочными, до нелѣпости точными, до смѣшного ничтожными ограниченіями. Пророкъ назвалъ ее „отрадой“, и поэтому ставилось въ обязанность даже бѣдняку ѣсть три раза въ этотъ день. Евреи должны были пиршествовать, хотя не имѣли права ни зажигать огня, ни варить пищи. Согласно жестокому и узкому наставленію Шамайи, въ субботу никто не могъ даже ободрить больного или утѣшить печальнаго; спасти жизнь ближняго считалось нарушеніемъ субботы. Какой нибудь вопросъ о стеблѣ бобовъ или о способѣ убивать дичь до ея употребленія въ пищу возбуждалъ самые многочисленные трактаты, вырабатывающіе новыя затруднительныя условія.

Digitized by Google

Общее религіозное убѣжденіе каждаго іудея сводилось къ тому, что хотя изъ 248 заповѣдей и 365 запрещеній Моисеева закона иныя были легки, а иныя тяжелы, однако всѣ они и въ отдѣльности, и вмѣстѣ взятыя были необходимы къ исполненію съ самой строгой тщательностью, не только по духу и по буквѣ, но и въ безчисленныхъ выводахъ, къ которымъ могла повести буква, когда даже послѣдній слѣдъ смысла и значенія терялся въ массѣ всевозможныхъ опредѣленій. Этого, по убѣжденію іудеевъ, требовалъ Богъ; только это считалось истиннымъ понятіемъ о безукоризненной праведности закона. Хотя подобный взглядъ іудеевъ есть отчасти плодъ утрировки фарисейской, тѣмъ не менѣе развѣ не торжественно и не рѣшительно выражена заповѣдь: „не дѣлать никакого дѣла въ субботній день?“ Развѣ самъ Моисей и все общество не побили камнями человѣка въ пустынѣ за то только, что онъ собиралъ дрова въ этотъ день?

А развѣ легко было дикому народу, подъ страхомъ отвѣтственности, почитать своихъ родителей, не воровать, не убивать, не завидовать, не пожелать жены ближняго, смирять свой гнѣвъ, который для нихъ, по словамъ языческаго поэта, „возникаетъ какъ дымъ въ сердцѣ человѣка и слаще текущихъ капель меда“ и, вмѣсто удовольствія мести и блаженства пролить кровь врага, его принуждали къ воздержанію, спокойствію и смиренію.

Въ третьемъ періодѣ строгость была другого рода—болѣе тонкая, но не менѣе активная. Задача самоусовершенствованія, возлагаемая на христіанъ, несравненно труднѣе, чѣмъ въ другихъ религіяхъ. Установленіе инквизиціи достаточно доказываетъ ту степень строгости, съ которой католицизмъ поддерживалъ вѣру среди народа.

Научное и умственное образованіе имѣетъ тоже своего рода принужденія, но они совершенно другого рода и гораздо слабѣе. Въ каждой странѣ учатся далеко не всѣ, давленія же духовнаго воспитанія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ не избѣгалъ положительно никто; ни одинъ человѣкъ и ни одинъ ребенокъ даже не былъ освобожденъ отъ полнѣйшаго на него вліянія духовенства. Далеко не такъ распространено воспитаніе у насъ, въ Россіи; напримѣръ, въ свѣтскихъ школахъ и въ университетахъ учится одинъ ученикъ на 1.600 человѣкъ изъ общаго числа всего народонаселенія. Гдѣ же почерпаютъ остальныя 1.599 человѣкъ свои знанія? Почерпаютъ-ли они вообще откуда нибудь какую нибудь премудрость, или остаются въ полномъ невѣжествѣ,—никому до этого дѣла нѣтъ. Обязательное обученіе грамотности не введено еще во мно-

Digitized by Google

гихъ странахъ въ настоящее даже время; можно же себѣ представить, въ какомъ состояніи оно было 300 лѣтъ тому назадъ, не говоря уже о второмъ періодѣ, который былъ 2.000 лѣтъ тому назадъ.

Никакая страна не въ состояніи дать образованіе всѣмъ желающимъ его получить—на это не достанетъ ея годового бюджета, а потому число учениковъ, обучающихся во всѣхъ школахъ и университетахъ каждой страны, въ большинствѣ случаевъ ограничивается извѣстнымъ количествомъ, которое опредѣляется въ зависимости отъ числа необходимыхъ чиновниковъ, учителей, офицеровъ и, вообще, служащихъ въ самой странѣ.

Кромѣ дѣйствительнаго желанія просвѣщенія, въ эти учебныя заведенія часто загоняетъ учениковъ нужда и необходимость доставать себѣ занятіе и пропитаніе для всей предстоящей жизни. А тамъ, гдѣ замѣшиваются вопросы нужды, холода и голода, можетъ-ли человѣкъ поручиться за чистоту своихъ намѣреній.

Въ этихъ заведеніяхъ, конечно, существуютъ своего рода строгости взысканія. Они заботятся о томъ, чтобы оканчивающіе курсъ были достойны того. Но имъ все равно—окончитъ-ли въ нихъ Сидоръ или Карпъ, а потому, если Сидоръ плохо учится, то его выгоняютъ и берутъ Карпа на его мѣсто; и никому дѣла нѣтъ, гдѣ этотъ несчастный, малоспособный Сидоръ кончитъ свое образованіе, и будетъ-ли онъ вообще учиться—также никого не интересуетъ.

Вотъ причина, отчего мы назвали второй и четвертый періоды свободными, а первый и третій—періодами нравственнаго насилія и обратили вниманіе читателя на то, что обоимъ періодамъ усиленнаго умственнаго развитія предшествовали періоды строжайшей нравственной дисциплины, и что періоды нравственнаго воспитанія были разъ, по крайней мѣрѣ, въ 5 длиннѣе, чѣмъ періоды образованія. Это было первое сходство.

II. Второе сходство заключается въ томъ, что, какъ въ первомъ, такъ и въ третьемъ періодахъ, послѣ того, какъ общество начинало интересоваться научными вопросами и міровыми открытіями великихъ ученыхъ, для него, кромѣ авторитета религіи, являлся еще другой авторитетъ науки. Согласить требованія этихъ двухъ авторитетовъ общество никогда не могло. Оно никогда не умѣло держаться вполнѣ необходимой середины, позволяющей человѣку пользоваться преимуществами обѣихъ сторонъ. Видя прежнюю надъ собой

Digitized by Google

власть духовенства значительно ослабленной, вслѣдствіе вѣянія времени, оно старалось совершенно отдѣлиться отъ него и переносило все свое почитаніе на научныя знанія.

III. Третье сходство заключается въ томъ, что какъ общество, такъ и его учителя и профессора никогда не могли дойти до той глубины мышленія, которой владѣли великіе мастера науки, и стать на то міровоззрѣніе, на которомъ стояли сами авторы и создатели этихъ философскихъ системъ и научныхъ теорій; а потому системы эти и теоріи передавались обществу совершенно въ другомъ свѣтѣ, значительно измѣненныя, вслѣдствіе чего тѣже самыя данныя, которыя приводили самого автора системы къ однимъ заключеніямъ и заставляли видѣть въ нихъ новыя подтвержденія славы Божіей,—доводили общество до совершенно противуположныхъ убѣжденій и утверждали въ немъ матеріализмъ и атеизмъ.

Подробное доказательство этого страннаго явленія будетъ помѣщено ниже.

IV. Четвертое сходство заключается въ томъ, что чѣмъ возвышеннѣе была философская система, чѣмъ болѣе приближала она человѣка къ Божественной истинѣ, тѣмъ менѣе она понималась и тѣмъ менѣе имѣла она послѣдователей. Наоборотъ, чѣмъ легче была система, чѣмъ болѣе была она поверхностна и менѣе удалялась отъ видимаго міра, тѣмъ имѣла она болѣе послѣдователей. Самое большое число послѣдователей, какъ во второй, такъ и въ четвертый періодъ, имѣлъ эпикуреизмъ, который поощрялъ развращенные вкусы тщеславнаго человѣчества, не корилъ пороки и потакалъ изнѣженности и сластолюбію. Онъ училъ, что въ жизни слѣдуетъ выше всего ставить свое собственное счастіе; что вся жизнь состоитъ въ вѣчномъ стремленіи духа къ счастію, довольству и добродѣтели. Онъ отвергалъ вліяніе общества на міръ, не признавалъ загробной жизни, старался вдохнуть въ учениковъ своихъ жажду къ мудрости, умѣренность, твердость духа и удаленіе отъ публичныхъ обязанностей.

Такая легкая и пріятная форма философіи, позволяющая предаваться со всѣмъ пыломъ своимъ страстямъ, послѣ той нравственной дисциплины, къ которой обязывали религіи, не могла не нравиться порочному человѣку. И какъ только власть религіи ослабѣвала, люди видѣли, что они предоставлены своему произволу и своей собственной свободной волѣ, и что есть возможность замѣнить католицизмъ со всѣми его обязательными правилами и стѣсненіями эпикуреизмомъ,—то они не замедлили это исполнить, что совершенно естественно.

Digitized by Google

V. Поразительное сходство видимъ мы въ послѣдовательномъ ходѣ развитія мысли и философіи и въ формѣ сужденія въ теченіе каждаго изъ этихъ двухъ періодовъ.

Люди могутъ быть болѣе или менѣе образованы, знанія ихъ природы могутъ у однихъ быть несравненно выше и обширнѣе, чѣмъ у другихъ, но сила и глубина ихъ сужденія, зависящая отъ внутренняго ихъ развитія, устанавливаетъ все однѣ и тѣ же формы сужденія.

Достойно положительно удивленія, что, несмотря на то, что четвертый періодъ имѣлъ большій запасъ научныхъ данныхъ, больше средствъ къ распознанію истины и изученію природы, къ личному самоусовершенствованію, однако онъ не создалъ ни одной новой формы философіи, ибо каждая форма сужденія имѣетъ уже своихъ одинаково достойныхъ представителей въ древности.

Не вдаваясь въ разныя переходныя и смѣшанныя формы философіи, надо сказать, что древній міръ выработалъ шесть основныхъ формъ сужденія, а именно:

а) Самой легкой и удобопонятной для всякаго неразвитого нравственно человѣка формой философіи представляется несомнѣнно матеріализмъ,—онъ разбираетъ и анализируетъ всѣ явленія матеріи, отвергая или не замѣчая духа; для него духа нѣтъ, нѣтъ ничего отвлеченнаго и загадочнаго въ природѣ, все понятно, ибо онъ разсматриваетъ духъ и все ему непонятное какъ свойства, развивающіяся или проявляющіяся въ матеріи. Духъ—это все равно, что цвѣтокъ или плодъ, выростающій современемъ на древѣ вещества.

Одной ступенью выше матеріализма, какъ сказалъ Кантъ, на длинной лѣстницѣ всѣхъ философскихъ системъ—стоитъ скептицизмъ. Онъ недаетъ еще ученія о духѣ, не познаетъ его и не старается ни понять, ни изучить его; но анализируя свои знанія матеріи, онъ убѣждается въ шаткости ихъ, ибо, по ученію скептиковъ, всякое познаніе, которое можетъ быть оспорено, не достовѣрно, а слѣдовательно—и не должно быть принято. Скептики держатся того убѣжденія, что мудрый человѣкъ не долженъ ничего рѣшать, не долженъ останавливаться ни на чемъ, но все подвергать только изслѣдованію.

Эммануилъ Контъ находитъ, что обѣ эти формы сужденія должны быть отнесены къ числу явныхъ заблужденій.

б) Пантеизмъ — сливающій или, лучше сказать, не отличающій идеи Божества отъ видимаго міра. По его ученію, или Божество поглощаетъ въ себѣ весь міръ, тогда можно сказать, что Богъ есть все или міръ поглощаетъ Божество, тогда „все“—есть Богъ. Въ первомъ случаѣ міръ нечто иное, какъ

Digitized by Google

скопленіе феноменовъ или разныхъ проявленій Божества, безъ отдѣльнаго и реальнаго существованія его; во второмъ случаѣ Божество составляетъ только всеобщую силу, распространенную въ природѣ и сливающуюся съ нею.

в) Дуализмъ или спиритуализмъ,—система, по которой духъ и матерія одинаково реальныя начала, совершенно противоположныя другъ другу по своей природѣ и не имѣющія между собой ничего общаго ни въ свойствахъ, ни въ законахъ своего дѣйствія.

г) Идеализмъ или чистый спиритуализмъ,—система, по которой существуетъ только духъ, а матерія есть только представленіе, одна изъ идей духа, но на самомъ дѣлѣ ея не существуетъ. Матерія это только созданіе творческой мысли духа, имѣющаго потребность облечь въ вещественный (трехъмѣрный) образъ мыслимую имъ противоположность своего собственнаго бытія. Для этой системы реально существуютъ только идеи духа.

Чистый идеализмъ можетъ быть названъ непосредственной ступенью, ведущей къ правильному пониманію ученія Церкви. Уллихъ признаетъ ученіе Церкви высшей формой человѣческихъ познаній и называетъ его наукой всѣхъ наукъ, или философіей всѣхъ философій, и какъ мы увидимъ ниже, онъ имѣетъ на то полное и несомнѣнное право.

Разбирая всѣ появившіяся въ четвертый періодъ формы философіи, можно подвести ихъ совершенно подъ одну съ этими формами рубрику, и высокая ученость XVII и XVIII столѣтій не прибавила къ нимъ ни одной новой формы сужденія.

VI. Шестое сходство второго періода съ четвертымъ—является тождественность окончательныхъ выводовъ, до которыхъ довели труды всѣхъ великихъ ученыхъ обоихъ періодовъ.

Второй періодъ создалъ философію, четвертый ее развилъ. Но въ четвертомъ, какъ и во второмъ, труды великихъ ученыхъ шли независимо отъ того, какъ понимали ихъ второстепенные, третьестепенные ученые, профессора, учителя и, наконецъ, все общество. Великіе умы понимали другъ друга и, собственно говоря, въ развитіи ихъ высокихъ идей и состоитъ прогрессъ мысли и значеніе вѣка. Каждый новый великій дѣятель науки основывалъ свои выводы на точномъ смыслѣ ученія своихъ предшественниковъ; исправлялъ и дополнялъ ихъ пробѣлы и создавалъ свои системы, которыя тоже исправлялись, критиковались и дополнялись вновь появляющимися великими умами, и такъ росло знаніе науки. Къ концу XVIII вѣка философія сказала свое послѣднее слово, которое было

Digitized by Google

тождественно съ тѣмъ выводомъ, къ которому пришла наука, а именно: что человѣкъ можетъ познать истину только черезъ Бога. Разница лишь въ томъ, что второй періодъ длился 1000 лѣтъ,—четвертый же черезъ двѣсти лѣтъ пришелъ къ тому же результату.

Разбирая всѣ идеалистическіе системы съ послѣдней половины XVIII столѣтія и начала XIX, не трудно убѣдиться, что въ основномъ смыслѣ окончательныхъ ихъ выводовъ предъявляются къ человѣку тѣ же требованія, которыя уже давно поставила ему Церковь, а они всѣ дошли до своихъ положеній, идя строгимъ логическимъ путемъ отъ данныхъ положительной науки, пройдя всю трудную школу человѣческихъ знаній.

Для примѣра приведемъ нѣкоторыя ихъ положенія.

Кантъ находитъ, что „теологическая идея, дающая основаніе самому важному примѣненію разума, которое, однако, при исключительно умозрительномъ направленіи становится запредѣльнымъ и потому діалектическимъ—это идеалъ чистаго разума. При психологической и космологической идеѣ разумъ начинаетъ съ опыта и чрезъ подборъ основаній старается, гдѣ возможно, достигнуть абсолютной полноты причиннаго ряда; здѣсь же, напротивъ, разумъ совершенно оставляетъ опытъ, и отъ однихъ понятій объ абсолютной полнотѣ всего существующаго, т. е. отъ идеи всесовершенной первосущности, нисходитъ къ опредѣленію возможности, а потому и дѣйствительности всѣхъ другихъ вещей“ (Пролегомены, стр. 143).

Фихте главнымъ образомъ старался установить тождество бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта. Въ виду такой цѣли онъ разсматриваетъ „я“, какъ дѣятельность по преимуществу.

Согласно съ этимъ въ практической части своей философіи онъ приходитъ къ заключенію, что истинное назначеніе человѣка не мысль, но дѣйствіе, которое есть осуществленная мысль. „Я свободенъ“, говоритъ онъ. „Это откровеніе моего сознанія. Я свободенъ; все мое достоинство опредѣляется не только моими дѣйствіями, но и свободнымъ рѣшеніемъ моей воли повиноваться голосу совѣсти. Вѣчный міръ для меня теперь свѣтлѣе, и основные законы его устройства яснѣе раскрываются предъ моимъ умственнымъ взоромъ. Моя воля, сокрытая въ глубокомъ тайникѣ души моей, есть первое звено въ цѣпи слѣдствій, охватывающей невидимое царство духа, точно такъ, какъ въ этомъ земномъ мірѣ дѣйствіе—движеніе, сообщенное матеріи,—есть первое звено въ матеріальной цѣпи причинъ и слѣдствій, охватывающей этотъ міръ. Воля есть

Digitized by Google

дѣйствующая причина, живой принципъ духовнаго міра, движеніе же есть принципъ чувственнаго міра. Я стою между этихъ двухъ міровъ: съ одной стороны — міра видимаго, въ которомъ существенно одно только дѣйствіе, тогда какъ намѣреніе не имѣетъ никакого значенія; съ другой — міра невидимаго и непостижимаго, на который воздѣйствуетъ воля. Въ обоихъ этихъ мірахъ я — дѣйствующая сила. Божественная жизнь, какъ ее можетъ представить себѣ конечный умъ, есть самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертныхъ она является облеченной въ безчисленное множество чувственныхъ формъ, она проникаетъ меня и всю неизмѣримую вселенную, пробѣгая по моимъ жиламъ и мышцамъ и сообщая жизнь деревьямъ, цвѣтамъ, травѣ. Мертвая, тяжелая масса инертной матеріи, наполнявшей природу, исчезла, и вмѣсто нея течетъ изъ своего безконечнаго источника свѣтлый, вѣчный потокъ жизни и силы".

„Вѣчная воля есть Творецъ міра и Творецъ конечнаго разума. Кто полагаетъ, что міръ созданъ изъ инертной матеріи, которая всегда должна оставаться безжизненной, подобно сосуду, сдѣланному человѣческими руками, тотъ не знаетъ ни міра, ни его Творца. Только воля или безконечный разумъ существуютъ въ самомъ себѣ, конечный же въ немъ; въ нашей душѣ воля эта создала міръ, или по крайней мѣрѣ то, при посредствѣ чего онъ раскрывается предъ нами. Въ ея свѣтѣ мы видимъ свѣтъ и все, что онъ обнаруживаетъ. Великая животворящая воля, невыразимая словомъ и необъемлемая никакимъ понятіемъ, къ тебѣ я возношусь мыслію, потому что только въ тебѣ я могу разумно мыслить! Въ тебѣ, непостижимая воля, разгадка моего собственнаго существованія и бытія міра,—въ тебѣ я нахожу рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и обрѣтаю царство полной гармоніи. Я закрываю предъ тобою лицо и налагаю перста на свои уста". (Льюисъ, т. II, стр. 290, 291).

Уллихъ называетъ религію „наукой наукъ", онъ отвергаетъ всѣ положенія, основанныя только на вѣроятности или догадкѣ, какъ, напр., предположеніе сознательной міровой души; онъ опредѣляетъ истину „какъ отраженіе въ человѣческой душѣ дѣйствительности, дѣйствительнаго міра, съ его вещами и силами, законами и событіями".

„Что находится за границами изслѣдованія, говоритъ онъ, то не должно входить и въ религію". При этомъ для него религія есть „признаніе отношенія человѣчества къ нѣкоторому вѣчному порядку, или, если угодно, къ Священной Силѣ, которой оно должно подчиняться". „Единое, что нужно" есть

Digitized by Google

устроеніе Царства истины, добра и прекраснаго. Фундаментъ всего ученія, слѣдовательно, долженъ заключаться въ соединительной точкѣ этической и умственной части, въ принципѣ, въ силу котораго строго научное познаніе приходитъ къ нравственному дѣйствію. А этотъ принципъ есть единство истины, добра и прекраснаго. Съ истиною, вслѣдствіе этого принципа, пріобрѣтается и болѣе полная благородная человѣчность, которая ведетъ къ высшей красотѣ, къ чистѣйшей радости и блаженству (Истор. Мат. Ланге, т. II, стр. 424, 325).

Далѣе философіи, конечно, идти некуда, она болѣе немыслима, ибо съ достоинствомъ и самымъ блестящимъ образомъ выполнила свое назначеніе; она ясно и точно доказала людямъ, что тайный и непонятный для многихъ смыслъ нашей науки доводитъ непременно до познанія Бога Высшей Воли, правящей вселенною. Въ настоящее время было бы очень жалко и недостойно, если бы мы не воспользовались поучительнымъ выводомъ, даваемымъ намъ исторіей философіи, и не приложили бы его къ нашей наукѣ и къ нашей вседневной жизни, проникнувшись той несомнѣнно глубокой пользой, которую могъ бы принести болѣе религіозный и менѣе самоувѣренный взглядъ при изученіи нашей, къ сожалѣнію сказать, вполнѣ атеистической науки.

Чтобы окончить съ четвертымъ періодомъ, разберемъ болѣе подробно весьма интересный и на первый взглядъ совершенно невѣроятный фактъ: какъ могутъ дуалистическія или идеалистическія философскія системы, открыто и опредѣленно доказывающія, что Богъ есть, что міръ управляемъ, что духъ существуетъ самостоятельно отъ матеріи, производить на общество впечатлѣніе, подтверждающее его матеріалистическое міровоззрѣніе, или порождать въ обществѣ атеизмъ?

Подобныхъ фактовъ въ наукѣ слишкомъ много не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но и въ нашемъ XIX, а потому стоитъ нѣсколько дольше остановиться на нихъ.

Дѣло въ томъ, что поборники строгой и якобы безошибочной науки и современные позитивисты, считая сами себя психически несостоятельными, изобрѣтаютъ разные способы контроля въ наукѣ, не довѣряя ничему, что не можетъ быть подтверждено опытомъ, мѣрой и вѣсомъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изобрѣли еще главнаго мѣрила—это, мѣрила ума самого экспериментатора, мѣрила, для опредѣленія степени логичности и глубины его сужденія и, пожалуй, мѣрила для оцѣнки совершенства его внутреннихъ чувствъ или такъ называемой духовной прозорливости. А пока подобныхъ мѣрилъ нѣтъ, то всякій имѣетъ возможность мнить себя умнѣе всѣхъ.

Digitized by Google

Такова уже природа тщеславнаго человѣчества. Вотъ причина, отчего часто мелкія научныя сошки и даже совсѣмъ не научныя, но просто диллетанты, рѣшаются критиковать, исправлять или дополнять великіе труды геніальнѣйшихъ мастеровъ науки, предварительно не понявъ коренного смысла ученія; результатомъ сего является совершенное искаженіе самого основного смысла всего труда.

Къ такому пріему прибѣгаютъ учителя и профессора для того, чтобы болѣе понятнымъ образомъ передать эти труды учащимся; или также точно поступаетъ пресса, чтобы передать популярнымъ образомъ читающей публикѣ смыслъ какого нибудь очень труднаго и мало доступнаго сочиненія великаго автора. Не понимая его въ томъ духѣ, какъ его понималъ самъ авторъ, они и не передаютъ его въ полномъ объемѣ, а выбираютъ изъ него только одну часть, которая имъ кажется болѣе существенной или болѣе интересной, передѣлываютъ ее такъ, чтобы она была болѣе понятной, вставляютъ свои комментаріи и дѣлаютъ свое собственное заключеніе. Довѣрчивая публика читаетъ эти сочиненія и въ простотѣ сердечной думаетъ, что она читаетъ трудъ и заключеніе самого автора, а въ сущности ничего общаго съ оригиналомъ нѣтъ. Извращеніе выходитъ еще больше, если рецензентъ рѣшается писать не съ подлиннаго труда, а съ того, который уже отчасти искаженъ. Тогда уже совершенно ничего общаго съ подлинникомъ и быть не можетъ. Статьи эти становятся подчасъ очень популярны и вводятъ общество въ крупныя ошибки.

Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что въ настоящее время наука раздроблена на научные предметы и, никто не изучаетъ какого либо великаго учителя, напримѣръ Ньютона, но изучаютъ физику, математику, оптику и т. д. Только въ древности изучали самого философа или ученаго. Ученики каждаго изъ нихъ всюду слѣдовали за своимъ геніальнымъ учителемъ, принимали его міровоззрѣніе, его взгляды на природу вещей, его способы и пріемы изученій и изслѣдованій, и затѣмъ, послѣ смерти учителя, ученіе его сохранялось безъ искаженій, и если были у него достойные преемники и продолжали въ томъ же духѣ разрабатывать дальше тѣ же теоріи, то свѣтъ обогащался еще большими открытіями, которыхъ при другомъ образѣ дѣйствій не могло быть.

Платонъ былъ достойный ученикъ Сократа. Если бы онъ не продолжалъ начатаго Сократомъ дѣла и создавалъ бы свое, то никогда не былъ бы Платономъ, а былъ бы какимъ нибудь второстепеннымъ или третьестепеннымъ философомъ, или совсѣмъ затерялся бы въ массѣ неудачниковъ, не имѣв-

Digitized by Google

шихъ возможности въ теченіе одной короткой жизни прочувствовать, продумать и высказать все, что онъ высказалъ.

Современные адепты науки изучаютъ не ученыхъ, не ихъ самихъ, но научные предметы. Астрономы выкроили у Ньютона все, что касается до астрономіи, оптики, что нужно для ихъ науки; то же сдѣлали математики; однимъ словомъ, что каждому нужно, то выхвачено и выкроено изъ ученія Ньютона и другихъ ему подобныхъ, а вся общая часть, дающая, собственно говоря, все значеніе Ньютону, какъ генію, та часть, которая открываетъ все міровоззрѣніе, руководившее имъ всю жизнь, которая помогала ему во всѣхъ открытіяхъ,—эта часть остается мало извѣстною.

Наконецъ, остается уже совершенно неизвѣстнымъ все то, что сказано какимъ нибудь великимъ учителемъ на тѣ темы, которыя не могутъ быть причислены ни къ одной изъ изучаемыхъ научныхъ рубрикъ. И какъ бы ни были эти истины велики и премудры, онѣ прямо бракуются, не получаютъ мѣста въ наукѣ и самымъ варварскимъ образомъ изгоняются.

Никто въ настоящее время не додумается до того, чтобы съ начала до конца, со всѣми деталями, изучить какого либо великаго учителя или нѣсколькихъ, но съ однимъ и тѣмъ же направленіемъ, и не задается пѣлью продолжать въ ихъ духѣ начатую ими работу. Но всякій хочетъ создать свое, исправляетъ старое сообразно своему пониманію и не хочетъ понять, какъ это пагубно отзывается на ходѣ развитія науки, ибо черезъ это онъ только портитъ великія произведенія, которыя, выйдя изъ подъ его пера, можетъ быть и становятся болѣе популярными, тѣмъ не менѣе, они теряютъ великое значеніе, какое до того имѣли.

Изучая какого либо великаго учителя, необходимо непремѣнно стать на ту исходную точку мышленія, на которой стоялъ самъ авторъ обдумывая и создавая свою систему или совершая свои научныя открытія. Только при этомъ условіи можно составить себѣ правильное понятіе о тѣхъ идеяхъ, которыя онъ проводитъ, и о тѣхъ разъясненіяхъ явленій природы, которыя онъ давалъ; ибо они ему самому стали ясны только благодаря его міровоззрѣнію, его пріемамъ и той послѣдовательности, которую онъ принялъ. Для этого необходимо изучать великихъ авторовъ въ полномъ ихъ объемѣ и въ послѣдовательномъ порядкѣ и, мало того, необходимо вдумываться въ основной смыслъ ихъ и даже въ ихъ причины, заставившія этихъ великихъ учителей думать такъ, а не иначе. Это очень ясно; ибо если мы допустимъ, что они сами стали бы

Digitized by Google

на другую исходную точку мышленія, то, конечно, всѣ системы и всѣ выводы ихъ были бы другіе и никогда не достигли бы той высоты, на которую ихъ довело именно это міровоззрѣніе. Тѣмъ болѣе все вышесказанное должно относиться до всякаго сужденія о нихъ посторонняго человѣка, имѣющаго меньшія познанія, меньшую опытность и навыкъ и совершенно другое міровоззрѣніе. Къ подобнымъ сужденіямъ надо всегда относиться очень скептически, ибо они часто приводили къ большимъ и весьма существеннымъ ошибкамъ.

Казалось бы, что прямая обязанность науки состоитъ въ томъ именно, чтобы сохранять, какъ святыню, каждое слово и каждую мысль великихъ ученыхъ въ педантической неприкосновенности, въ томъ именно видѣ и въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ самъ авторъ представилъ ее свѣту, безъ малѣйшихъ измѣненій, улучшеній и дополненій, какія вводятъ въ настоящее время люди, стоящіе много ниже ихъ по интеллектуальному развитію, ибо всѣ эти, такъ называемыя, улучшенія ведутъ прямо къ заблужденіямъ.

Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ изъ исторіи матеріализма:

Какъ только общество стало выходить изъ своего научнаго индифферентизма, обративъ вниманіе на научные труды Джіордано Бруно, Галлилея, Коперника, Декарта и Ньютона, и стало слѣдить за наукою, то этимъ общимъ возрождающимся стремленіемъ къ образованію чрезвычайно удачно воспользовались матеріалисты: Гессенди во Франціи, лордъ Бэконъ Веруламскій и Гоббсъ въ Англіи, а французъ Ла-Меттри въ Германіи.

Гессенди взялъ за основаніе своего ученія нѣсколько очищенный имъ эпикуреизъ и подцвѣтилъ его ученіемъ Декарта. Онъ придалъ всему своему ученію чрезвычайно доступную, легкую и понятную форму изложенія и матеріалистическую подкладку, вслѣдствіе чего ученіе его имѣло чрезвычайный успѣхъ среди общества, чему много способствовали потребности времени и все болѣе и болѣе усиливающаяся въ публикѣ жажда знанія. Суевѣрный и тщеславный (Ланге, т. I, стр. 186) Бэконъ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе людей на методы изслѣдованія. Атеистъ Гоббсъ утверждалъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего реальнаго; ученіе обоихъ имѣло главнымъ своимъ основаніемъ ученіе Декарта. Легкомысленный и задорный диллетантъ-философъ Ла-Меттри (Ланге, т. I, стр. 229) ставилъ удовольствія главнымъ принципомъ жизни. Подъ особымъ покровительствомъ Фридриха Великаго онъ издалъ свое сочиненіе „Человѣкъ-машина“, за основаніе котораго была имъ

Digitized by Google

принята главнымъ образомъ, та часть ученія Декарта, которая говоритъ, что всѣ духовныя и физическія проявленія жизни можно разсматривать, какъ продукты механическихъ процессовъ.

Находясь подъ ревностнымъ покровительствомъ аристократіи и дворовъ, матеріализмъ, распространенный четырьмя этими личностями, не обогатившими науку никакими самостоятельными научными трудами или открытіями, имѣлъ невообразимый успѣхъ, пріобрѣлъ послѣдователей во всѣхъ классахъ общества; подражателямъ положительно не было конца, появились сотнями разныя другія сочиненія, основанныя будто-бы на ученіи Декарта, но съ атеистической подкладкой, вполнѣ покорившія публику, развившія въ ней жажду знанія въ ущербъ авторитета Церкви.

Такимъ образомъ Декартъ, — строгій и ревностный католикъ, человѣкъ, глубоко вѣрующій въ Бога, какъ Творца Вселенной, написавшій дуалестическую философію отвергающій мысленность атомовъ, говоря что если бы существовали самыя маленькія частички, которыя никакъ нельзя было бы раздѣлить, то все же Богъ могъ бы раздѣлить ихъ, потому что дѣлимость ихъ мыслима, — попалъ во мнѣніяхъ общества въ матеріалисты.

Всѣ, положительно всѣ, читающіе произведенія Гессенди, Гоббса, лорда Бэкона, Ла-Меттри и всю клику ихъ послѣдователей, полагали, что читаютъ теорію Декарта, или, по крайней мѣрѣ, ученія, основанныя на строгомъ смыслѣ картезіанскаго дуализма, чего въ сущности совершенно не было; всѣ эти теоріи не походили даже на выводы Декарта; онѣ частью заимствовали одну наружную форму его, а большею частью заимствовали его переходныя теоріи, изъ которыхъ самъ Декартъ выводилъ совершенно другія слѣдствія, чѣмъ тѣ, къ которымъ приходили его послѣдователи.

Первый возсталъ противъ матеріализма самъ Декартъ; не мало посвятилъ онъ труда для убѣжденія людей въ томъ, что ученіе его рѣшительно не имѣетъ того основного смысла, какой ему придаютъ; сколько онъ прочелъ публичныхъ лекцій, доказывая, что его философія не можетъ быть понимаема въ атеистическомъ смыслѣ, однако моднаго стремленія онъ не остановилъ.

За Декартомъ возстали на матеріализмъ Ньютонъ, Бойль, Клеркъ, Пристлей, Гэртли, Лейбницъ, Фарадей, Бэркли и многіе другіе, но труды ихъ были оцѣнены лишь въ Англіи. Матеріализмъ былъ такъ простъ и понятенъ; онъ такъ соотвѣтствовалъ вкусамъ и взглядамъ общества и людей того вре-

Digitized by Google

мени, что они положительно отказывались онъ всякаго другого міровоззрѣнія; они почитали ученыхъ за ихъ умъ и дѣятельность, съ радостью и нѣкоторымъ даже рвеніемъ принимали новѣйшія открытія и успѣхи наукъ, *но всегда понимали ихъ по-своему*, не мѣняя своего міровоззрѣнія. Чѣмъ больше росло образованіе и жажда знанія, тѣмъ сильнѣе вкорѣнялся атеизмъ.

Въ этомъ общемъ модномъ стремленіи къ атеизму труды даже набожныхъ людей, какъ Ньютонъ, Фарадей, Клеркъ, Бойль и Бэрклей, которыхъ глубоко возмущало непониманіе истиннаго смысла наукъ, доводящее до атеизма, принимались какъ подтвержденія матеріализма.

Ньютонъ напримѣръ, давалъ математическія разъясненія явленій, показывалъ тѣ законы, которые поддерживаютъ и производятъ явленія, утвердилъ то великое обобщеніе, которое существуетъ между паденіемъ яблока и движеніемъ луны, полагая, *самымъ непреложнымъ образомъ, что причиною* или виновникомъ *возникновенія этихъ законовъ есть Творецъ Вселенной.* Онъ говорилъ: „Естественные законы природы представляютъ постоянно и во всемъ самые ясные слѣды мудрѣйшихъ цѣлей, но нигдѣ и ни въ чемъ не удавалось намъ подмѣтить и слѣда необходимости".

Но все это понималось совершенно иначе: ходъ исторіи окончательно выключилъ эту Ньютоновскую Высшую и Разумную Причину явленій и поставилъ самый математическій законъ въ рядъ физическихъ причинъ. Ударъ атомовъ превратилъ въ нѣкоторую объединяющую мысль, которая, будто-бы, въ такомъ автоматическомъ видѣ управляетъ міромъ безъ всякаго матеріальнаго посредства. — То, что Ньютонъ считалъ такою *„великою безсмыслицею"*, что никакая философски мыслящая голова не могла вмѣстить,—какъ выразился онъ самъ въ своемъ письмѣ къ Бенли въ 1693 году (Ланге, т. I, стр. 249),—потомство прославило какъ великое открытіе его.

Многія мѣста ученія Ньютона принимались и перешли въ науку не такъ, какъ понималъ и училъ самъ Ньютонъ. Матеріалисты, напримѣръ, говорятъ: „Ньютонъ открылъ гармонію мірового цѣлаго",—это совершенная правда, но понимать *это цѣлое* надо совершенно не такъ, какъ понимаютъ его они. Онъ говорилъ, что движеніе атомовъ производится черезъ посредство всепроникаемой тончайшей матеріи по законамъ удара, причина котораго скрыта отъ насъ; принято же это ученіе было иначе, а именно: что частицы массъ будто бы направляютъ свое движеніе, слѣдуя математическому закону безъ всякаго матеріальнаго посредства. Это, конечно, почти все равно для общаго пониманія міровой гармоніи, и, можетъ быть, усвоивается го-

Digitized by Google

раздо легче и нагляднѣе, но, въ сущности, второе объясненіе заключаетъ въ себѣ громадную нелѣпость, утверждая, что сила или причина движенія можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, т. е. все понятіе о „дѣйствіи“ атомовъ другъ на друга рушится и даже понятіе о *причинности* должно принять другую, болѣе абстрактную форму.

Почти тоже случилось съ трудами Фарадея, Пристлея и Давида Гэртли.

Давидъ Гэртли, съ особой энергіей боровшійся всегда противъ матеріализма, въ 1749 году издалъ довольно обширное теологическое сочиненіе, защищавшее чудеса и доказывающее всю необходимость Библіи; оно подробно трактуетъ о загробной жизни, опровергая только положеніе Церкви о загробныхъ мученіяхъ. Небольшая часть этого сочиненія была посвящена физіологіи, или скорѣе психологіи, въ которой Гэртли излагаетъ ученіе свое объ ассоціаціи идей, какъ основаніе внутренной духовной дѣятельности человѣческаго организма. Основаніе этой ассоціаціи Гэртли приписывалъ отправленіямъ головного мозга. Эта психологическая часть имѣла наибольшій успѣхъ; она была переведена на всѣ языки и дала богатую пищу атеизму, тогда какъ остальная, самая обширная и существенная, но теологическая часть его труда во многихъ странахъ осталась совершенно никому неизвѣстна, и Давидъ Гэртли въ общемъ атеистическомъ водоворотѣ получилъ очень громкую извѣстность, какъ философъ-матеріалистъ, не смотря на то, что всю жизнь боролся противъ матеріализма.

Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX появилась идеалистическая философія Канта, не отвергающая ни Бога, ни отвлеченный въ природѣ элементъ, ни душу, ни свободную волю. Кантъ полагалъ только строгія границы между познаваемымъ и непознаваемымъ; онъ говорилъ, что правильно судить о вещахъ можетъ человѣкъ только въ извѣстныхъ границахъ, его неполнота чувствъ и разума человѣческаго кладетъ предѣлы познанія для неразвитыхъ людей, дальше которыхъ опасно идти при современныхъ успѣхахъ наукъ; онъ находилъ болѣе осторожнымъ предоставить расширеніе предѣловъ границы познанія болѣе отдаленному времени, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ развитіемъ самихъ наукъ. Кантъ во всякомъ случаѣ признавалъ, что въ насъ есть начало пространственнаго и временного созерцанія a priori; онъ первый показалъ намъ, что именно то, чѣмъ мы владѣемъ, a priori, не имѣетъ внѣ нашего опыта никакого притязанія на значеніе; потому, что оно происходитъ изъ устройства нашего духа.

Digitized by Google

(Подробно это его мнѣніе мы дословно приводимъ ниже, говоря о позитивизмѣ въ наукѣ и о его программѣ).

Шлейденъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи (Ueber den Materialismus. Leipzig, 63 г.) выразилъ свою полную увѣренность, что философія Канта должна прочно установить идеи о Богѣ, свободной волѣ и безсмертіи души и, во всякомъ случаѣ, такъ же незыблимо, какъ установлены законы движенія небесныхъ тѣлъ, ибо для всякаго, понявшаго ученіе Канта въ истинномъ его значеніи, т. е. въ духѣ, какъ понималъ его самъ Кантъ, матеріализмъ долженъ обратиться въ абсурдъ и безсмыслицу.

Но въ дѣйствительности вышло совершенно иначе: тѣ мѣста Кантовской философіи, которыя *прочно* устраняютъ матеріализмъ, не достигли общаго признанія, публика осталась ими не довольна и отвергла ихъ, и даже то освобождающее отъ матеріализма дѣйствіе, которое произвела философія Канта въ болѣе чуткихъ къ пониманію истины умахъ, длилось только одно мгновеніе, ибо было естественнымъ путемъ заглушено все усиливающимся потокомъ атеизма, болѣе соотвѣтствующимъ духу времени (Ланге, т. II, стр. 75).

О томъ, какъ большинство поняло ученіе Канта, можно сказать рѣшительно то же самое, что сказалъ самъ Кантъ о противникахъ Юма, что они „всегда принимали за допускаемое имъ то, въ чемъ онъ именно сомнѣвался и, напротивъ, всегда съ жаромъ и часто даже съ большей невѣжливостью доказывали то, сомнѣваться въ чемъ самому Канту никогда не приходило на умъ".

Кантъ остается постоянно недоволенъ своими рецензентами, онъ жалуется на то, что они не понимаютъ его, не достаточно серьезно изучаютъ его, прежде чѣмъ судить о немъ, а потому своими критиками только извращаютъ смыслъ его системъ: „Мой рецензентъ,—говоритъ онъ,—кажется вовсе не понимаетъ, о чемъ собственно идетъ дѣло въ томъ изслѣдованіи, которымъ я удочно или неудачно занимался; виной ли тому недостатокъ терпѣнія продумать обширное сочиненіе, или досада на угрожающую реформу въ той наукѣ, гдѣ онъ считаетъ все для себя выясненнымъ, или наконецъ—что я не охотно предполагаю—дѣйствительная ограниченность пониманія, не позволяющая ему никогда выйти мыслію за предѣлы своей школьной метафизики; коротко сказать, онъ поривисто пробѣгаетъ длинный рядъ положеній, при которыхъ, если не знать ихъ предпосылокъ, нельзя совсѣмъ ничего мыслить; разбрасываетъ тамъ и здѣсь свое порицаніе, коего основанія такъ же мало понятны для читателя, какъ и тѣ положенія, про-

Digitized by Google

тивъ которыхъ они направлены, и такимъ образомъ онъ не можетъ ни принести публикѣ полезныхъ свѣдѣній, ни повредить сколько-нибудь мнѣ въ сужденіи знатоковъ, поэтому я совсѣмъ бы оставилъ безъ вниманія этотъ отзывъ, если бы онъ не давалъ мнѣ повода къ нѣкоторымъ объясненіямъ, могущимъ въ извѣстныхъ случаяхъ предохранить читателя отъ недоразумѣнія" (Эм. Кантъ, Пролегомены, стр. 182, 183). И это вполнѣ понятно: Кантъ относился къ своему ученію и къ истинѣ, какъ истый слуга науки, преданный ей всѣмъ своимъ существомъ; матеріалисты же въ большинствѣ случаевъ—люди; стоящіе слишкомъ близко къ жизни со всѣми ея страстными проявленіями борьбы за существованіе. Они иногда даютъ направленіе научнымъ истинамъ, сообразуясь съ потребностями времени, преслѣдуя какія-нибудь предвзятыя мысли, тенденціи, цѣли, совершенно не относящіяся къ коренному смыслу ихъ науки, иногда же подобныя отступленія допускаются ими въ виду личныхъ выгодъ или тщеславныхъ стремленій. Такое двойственное отношеніе внушалъ самъ родоначальникъ матеріализма, Гессенди. Интереснѣе всего, что хотя онъ по воспитанію былъ іезуитъ, но эту двойственность онъ основываетъ, руководствуясь примѣромъ Эпикура. Въ его произведеніи „Жизнь Эпикура" находится пространное разсужденіе, суть котораго заключается въ положеніи, что внутренно Эпикуръ могъ думать то, что онъ хотѣлъ, но въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ онъ подчинялся законамъ и цѣлямъ своего государства. Еще рѣзче развилъ это ученіе Гоббсъ: „Государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ,—говоритъ онъ,—всякій частный человѣкъ долженъ подчинять свои сужденія, но не внутренно, потому что наши мысли не зависятъ отъ произвола, и потому никого нельзя принудить вѣрить" (Ланге, т. I, стр. 200).

Не даютъ-ли эти три ученыхъ, Эпикуръ, Гассенди и Гоббсъ, права заключить, что многія извращенія научныхъ трудовъ сдѣланы преднамѣренно, не изъ одного непониманія ученія или по неразвитости, но преслѣдуя какіе нибудь посторонніе принципы, можетъ быть соціальные, можетъ быть полицейскіе или экономическіе, или личные, но во всякомъ случаѣ не научные.

Вспомнимъ еще два факта изъ современной жизни:

1) Аббатъ Секки въ заключеніи своего превосходнаго труда „Единство физическихъ силъ" посвящаетъ тринадцать страницъ одной общей силѣ, въ которой находитъ начало всѣхъ существующихъ въ природѣ силъ. Эту всеобъемлющую силу называетъ онъ Всевышнимъ Зодчимъ и находитъ въ ней

Digitized by Google

разумность. Во многихъ переводахъ эти 13 страницъ прямо пропущены, что окончательно мѣняетъ весь смыслъ книги, и изъ глубокаго Божественнаго смысла, который придавало чудеснѣйшее заключеніе автора, весь трудъ обращается въ простую атеистическую физику безъ всякаго конца и заключенія.

2) Дарвинъ издалъ извѣстный свой трудъ „Происхожденіе видовъ". Всю книгу редактировалъ англиканскій пасторъ. Она всѣмъ обществомъ была принята и до сихъ поръ еще считается какъ безусловно подтверждающая матеріализмъ, а между прочимъ самъ авторъ въ заключительной главѣ той же книги говоритъ: „Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорбительными для чьихъ бы то ни было религіозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія, что на величайшее изъ открытій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ,—на законъ тяготѣнія—Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочтительное по отношенію къ религіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества, для возмѣщенія пустотъ, причиненныхъ дѣйствіемъ Его же законовъ" (Darv. Orig. ef spec. VI edit., p. 421—422),—изъ чего мы видимъ, что самъ авторъ никакъ и не думалъ, что его книга могла бы быть одной изъ причинъ утвержденія въ публикѣ атеизма.

Пятый періодъ. Нашъ XIX вѣкъ есть вѣкъ позитивизма. Ко всему сказанному выше о позитивизмѣ мы добавимъ только, что позитивизмъ, собственно говоря, не есть твореніе Огюста Конта. Огюстъ Контъ только привелъ въ систему, исправилъ и оставилъ классификацію тому строю наукъ, который былъ до его времени. Онъ самъ назвалъ этотъ строй совсѣмъ не позитивнымъ и не раціональнымъ, но экспериментальнымъ способомъ изученія природы. Это большая разница въ понятіяхъ. Позитивнымъ названъ этотъ строй наукъ уже послѣдователями Огюста Конта.

Этотъ строй наукъ создавался мало-по-малу, начиная съ середины XVIII вѣка, какъ временная мѣра, вызванная необходимостью привести цѣлыя горы накопившихся въ то время знаній въ одну правильную систему. Разница лишь въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ позитивизмъ былъ сознатель-

Digitized by Google

ный, вызванный временными обстоятельствами, и не приносилъ никому вреда; въ XIX же столѣтіи онъ сталъ принципіальнымъ безъ всякой надобности и приноситъ огромный вредъ.

Постараемся это выяснить. Въ XVIII вѣкѣ общество было несравненно менѣе развито, чѣмъ въ настоящее время. Оно еще не было въ состояніи предъявлять какія нибудь требованія къ наукѣ, такъ какъ оно не поспѣвало даже и слѣдить за слишкомъ быстрымъ ходомъ развитія наукъ. Одни открытія смѣнялись другими и все болѣе и болѣе завлекали общество; оно положительно захлебывалось въ массѣ тѣхъ новыхъ свѣдѣній, которыми изобиловалъ четвертый періодъ. Въ то время общество благоговѣло передъ учеными и смотрѣло на нихъ, какъ на нѣчто высшее, какъ на полубоговъ и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло относиться къ нимъ критически или просить ихъ дополнять свои ученія какими нибудь новыми свѣдѣніями, ибо разница между среднимъ уровнемъ развитія ученыхъ и среднимъ уровнемъ развитія общества была громадная и во всякомъ случаѣ несравненно большая, чѣмъ въ наше время.

Трудно себѣ представить то обиліе самыхъ разнообразныхъ знаній, свѣдѣній, теорій и научныхъ системъ разнаго рода, которыя дали XVII и XVIII столѣтія. Наука была положительно запружена до такой степени, что разобраться во всемъ этомъ не было ни малѣйшей возможности. Дѣло это усложнялось еще тѣмъ, что знанія не были приведены ни къ какой правильной системѣ, и взгляды на нихъ не были еще установлены, что позволяло каждому относить ихъ къ разнымъ научнымъ рубрикамъ и преслѣдовать свои самостоятельныя цѣли, имѣть свой особый образъ мысли, и всѣ стремились посвоему къ увеличенію количества познаній.

Великіе умы создавали свои самостоятельныя теоріи и системы, трудились надъ открытіями и изобрѣтеніями. Второстепенные и третьестепенные ученыя заимствовали у первыхъ великихъ мастеровъ науки нѣкоторыя части изъ ихъ ученій; дополняли, развивали ихъ и строили на ихъ дальнѣйшее зданіе науки. Эти системы находили всегда въ болѣе легкой поверхностной формѣ и были всегда доступнѣе и удобопонятнѣе для общества. Профессора университетовъ и учителя школъ черпали и у великихъ мастеровъ науки, и у второстепенныхъ ученыхъ то, что они признавали самымъ полезнымъ и существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи; составляли свои лекціи, курсы и просто руководства для всѣхъ возрастовъ. Наконецъ, пресса заимствовала у всѣхъ понемногу и

Digitized by Google

уже въ совершенно легкой и доступной формѣ помѣщала свои статьи въ журналахъ и газетахъ.

Какъ различны были цѣли, для которыхъ пользовались учеными трудами, такъ были разнообразны и взгляды каждаго научнаго дѣятеля: одни признавали науку свободною въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, говорили, что ея умозаключенія могутъ быть распространяемы до неограниченныхъ предѣловъ и потому заходили слишкомъ далеко въ область гадательнаго и гипотетичнаго; другіе вдавались въ другую крайность: они преслѣдовали чрезмѣрную доказательность въ наукѣ и, относясь ко всему въ высшей мѣрѣ скептично, признавало все мало доказаннымъ. Третьи увѣряли, что наука еще такъ молода и что всѣ положенія и теоріи такъ шатки, что слѣдуетъ пока еще воздерживаться отъ всякихъ умозаключеній и ограничиться однимъ собраніемъ фактовъ. Четвертыхъ интересовали преимущественно вопросы сущностей и началъ природы и основныхъ принциповъ жизненныхъ явленій. Пятые оспаривали совсѣмъ возможность наукѣ затрогивать вопросы сущностей и жизненныхъ принциповъ,—они называли это научными утопіями; наконецъ, были и такіе, которые, соглашаясь съ Гоббсомъ и Эпикуромъ, признавали науку правительственнымъ агентомъ и находили, что государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ, а потому всякій слуга науки долженъ подчинять свои сужденія видамъ правительства. Кромѣ того, наука стала слишкомъ близка къ жизни, вслѣдствіе чего въ науку вносились аттрибуты чисто житейскіе и личные.

Въ такомъ состояніи была наука къ концу XVIII столѣтія, и понятно, что всѣ стали тяготиться полнѣйшею путаницею, царившею въ ней. Само благоразуміе заставляло всякаго серьезно подумывать объ ограниченіи компетенціи науки и объ установленіи какого-либо общаго взгляда на нее, чтобы имѣть возможность сократить трудъ и облегчить непосильную работу разборки пѣлыхъ горъ накопившихся разрозненныхъ данныхъ. Сначала и къ этой задачѣ приступилъ каждый по своему, но это длилось не долго. Въ Англіи и Франціи, а въ очень скоромъ времени и по всей Европѣ, приняли одинъ и тотъ же принципъ, камертонъ для котораго далъ знаменитый физіологъ и анатомъ докторъ Биша. Онъ признавалъ науку слишкомъ молодой, чтобы позволять ей затрогивать вопросы основныхъ сущностей и жизненныхъ принциповъ, а потому совѣтовалъ *изучать одни только явленія природы* и оставить будущимъ поколѣніямъ заботу изученія причинъ, вызвавшихъ ихъ.

Съ самаго начала XIX столѣтія стали всѣ изучать одни явленія и факты и оставили для будущаго поколѣнія все остальные

Digitized by Google

ное, все трудно поддающееся доказательствамъ, все гипотетичное, отвлеченное и все умозрительное, и всѣ вопросы сущности и начала фактовъ и явленій природы.

Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIX столѣтія былъ почти тотъ же позитивизмъ, который мы видимъ въ настоящее время, но онъ былъ сознательный, ибо всякій зналъ и помнилъ, что вступилъ на подобную ограниченную почву своихъ изслѣдованій для того, чтобъ быть послѣдовательнымъ и изучить раньше то, что болѣе необходимо, на что за предѣлами его труда остаются заброшенными и покинутыми громаднѣйшія области знаній, изученіе коихъ предстоитъ будущему поколѣнію.

Выше мы сказали, что этотъ сознательный позитивизмъ не приносилъ никому вреда, и это понятно: общество было еще такъ мало развито, что однѣ уже имѣющіяся научныя данныя были сверхъ его силъ, и никакихъ лишнихъ требованій оно не могло предъявлять къ наукѣ. Однимъ словомъ, общество вполнѣ удовлетворялось своей наукой.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 100 лѣтъ. Средній общій уровень образованія и развитія людей поднялся неимовѣрно. Наука же все болѣе и болѣе стѣсняла рамки познаваемаго до самыхъ сороковыхъ годовъ и постепенно забывала о всѣхъ тѣхъ задачахъ и обязанностяхъ, которыя были возложены на нее предшественниками.

Въ сороковыхъ годахъ сталъ устанавливаться въ знаніяхъ позитивный принципъ, окружившій науку невозможно узкими рамками и поставившій окончательный крестъ на всѣ тѣ познанія, которыя не взошли въ эти рамки. Позитивисты объявили торжественно, что наука дальше этихъ рамокъ идти не должна, что, выходя изъ нихъ, ей случалось ошибаться, чего они впредь желаютъ избѣгнуть, а потому, признавая человѣка психически несостоятельнымъ, они могутъ дать вѣру только опыту, мѣрѣ, вѣсу и осязанію.

Въ настоящее время развитое общество само мыслитъ трезво и логично. Всѣ мѣры, признаваемыя къ его образованію, дѣлаютъ то, что люди, окончившіе высшее образованіе, знаютъ столько же какъ ихъ профессора. Ихъ занимаютъ вопросы сущностей и происхожденіе явленій и фактовъ, они желали бы знать основные принципы жизненныхъ началъ, хотѣли бы отдѣлить слѣдствія отъ причинъ и, вообще, получить отвѣты на тысячи вопросовъ бытія, которые въ настоящее время роятся въ головѣ всякаго любознательнаго и свободно мыслящаго человѣка. Многіе, можетъ быть, и сами бы начали изслѣдованія природы въ этомъ направленіи, ума и познаній у нихъ

Digitized by Google

достаточно, но въ нашъ меркантильный вѣкъ не всякій имѣетъ достаточно средствъ и времени.

Двѣсти журналовъ и газетъ ежедневно возбуждаютъ умы читающей публики тысячами сверхчувственныхъ явленій и состояній, въ которыя впадаетъ человѣкъ; постоянно возбуждается любознательность разными спиритическими фактами, явленіями призраковъ изъ загробнаго міра, медіумическими сеансами, гипнотическими и магнетическими исцѣленіями, фокусами факировъ, силою воли индусовъ и теософовъ; всякій желаетъ получить объясненіе, составить себѣ правильное понятіе объ этихъ явленіяхъ, требуетъ строго мотивированныхъ теорій, могущихъ удовлетворить его любознательность. Казалось бы весьма естественнымъ обращаться за всякимъ научнымъ разъясненіемъ къ наукѣ; куда же больше? Но наука на всѣ подобнаго рода вопросы отвѣчаетъ, что у насъ свои рамки; мы вѣдаемъ далеко не всѣми познаніями, а только весьма ограниченною частью ихъ, и за предѣлами этихъ рамокъ мы ничего не отрицаемъ, ничего не отвергаемъ, но ничего и не утверждаемъ.

Получивъ такой опредѣленный отпоръ со стороны науки, дѣйствительно, приходится каждому дѣйствовать такъ, какъ кто хочетъ или можетъ, или какъ позволяютъ ему средства и обстоятельства, однимъ словомъ, обходиться безъ науки.

Какъ существенно необходимо было бы имѣть въ настоящее время не столь сухую, ограниченную и мертвящую науку, но живую, практическую, которая могла бы отвѣчать на вопросы, возраждающіяся въ умахъ людей, которая насколько нибудь опережала бы своими познаніями общество и не тормазила бы его дальнѣйшаго развитія. Все равно, истины высокой божественной и абсолютной человѣкъ никогда не узнаетъ на землѣ, это, вѣроятно, станетъ его удѣломъ за гробомъ; но у каждаго человѣка есть врожденное чувство искать и доискиваться истиннаго во всѣхъ степеняхъ его развитія. Готентоты, бушмены, самоѣды, всѣ рѣшительно составляютъ себѣ какое нибудь объясненіе фактовъ и рисуютъ себѣ свой идеалъ по своему и на этомъ успокаиваются; мы, люди болѣе развитые, видимъ ихъ заблужденія, но это имъ все равно: они удовлетворены и потому довольны.

Мы совершенно такъ, же какъ бушмены, самоѣды, какъ люди всѣхъ развитій, живущіе на землѣ, желаемъ имѣть тоже объясненіе вопросовъ, насъ интересующихъ, не превышающихъ силы нашихъ способностей, и ищемъ ихъ, но мы лишены возможности получить ихъ. Надъ нашимъ обществомъ

Digitized by Google

нѣтъ инстанціи интеллигентно болѣе его развитой на одну или на двѣ ступени, которая вела бы его по пути прогресса и развитія и успокоивала бы его внутреннее стремленіе или жажду къ распознаванію истины; однако безъ нея человѣкъ не можетъ чувствовать внутренняго удовлетворенія.

Конечно, чрезъ какія нибудь сто лѣтъ, родъ людской, усовершенствовавшись, нашелъ бы, можетъ быть, старое міровоззрѣніе дикимъ, уничтожилъ бы его и на развалинахъ поставилъ бы свое, болѣе правильное и болѣе близкое къ Божественному идеалу истины. Но вѣдь и оно со временемъ претерпѣло бы туже участь, чтобы уступить свое мѣсто еще болѣе возвышенному и болѣе истинному. Это понятно, въ этомъ состоитъ міровой прогрессъ, а потому люди понимающіе, что истина получается единственно изъ непосредственнаго ряда заблужденій, не должны бы были бояться заблужденій до такой степени, чтобы лишать многія поколѣнія отрады хотя приблизительно знать: что такое человѣкъ и что его окружаетъ?

Digitized by Google

Глава XI.

Исходныя точки мышленія матеріалистовъ.

Проанализируемъ матеріалистическую мысль, постараемся указать на ея особенности, такъ рѣзко отличающія ее отъ другихъ образовъ мысли, и намъ ясно обрисуется неосновательность принимаемыхъ матеріалистами исходныхъ точекъ ихъ мышленія, отъ которыхъ они начинаютъ свои выводы и до которыхъ они доводятъ свои окончательныя заключенія.

Какъ ни многочисленны и ни разнообразны матеріалистическія ученія, однако во всѣхъ есть много общихъ пріемовъ и совершенно тождественныхъ допущеній.

Для большой наглядности возьмемъ любую изъ ихъ системъ, напримѣръ: ихъ космогонію.

Всѣ матеріалистическія космогоніи утверждаютъ, что матерія существуетъ отъ вѣчности, что она отъ вѣчности обладаетъ извѣстными качествами и свойствами, которыхъ въ ней такъ много и, во всякомъ случаѣ, совершенно доcтаточно, чтобы быть въ состояніи самостоятельно и безъ посторонней внѣшней помощи или вмѣшательства совершать акты творчества и поддерживать во всемъ сотворенномъ полный порядокъ, гармонію и благоустройство. Вся вселенная, всѣ міры всѣ явленія природы, всѣ существа, живущія на землѣ, и все, что мы видимъ, есть не болѣе, какъ слѣдствіе проявленія свойствъ и качествъ матеріи. „Въ природѣ нѣтъ ничего,—восклицаетъ Бюхнеръ,—кромѣ атомовъ и пустого пространства“! И это составляетъ девизъ матеріалистовъ. По ихъ мнѣнію, всѣ силы

Digitized by Google

химическія, физическія и механическія, все живущее, сама жизнь со всѣми ея проявленіями, органическими и разумными, сила воли, мысль, логика, умъ, сила рѣчи—ничѣмъ, въ сущности, не отличаются отъ простой химической реакціи, ибо все это составляетъ продуктъ проявленій качествъ и свойствъ матеріи.

Матеріалисты полагаютъ возможнымъ себѣ представить:

1) Что матерія, не обладая сама разумностью, способна производить самостоятельно всѣ самыя разумнѣйшія, мудрѣйшія и сложнѣйшія творчества безъ всякаго участія, или руководства, или помощи какого-либо разума, какъ находящагося внутри матеріи, такъ и внѣ ея. Ихъ ученіе въ этомъ именно и заключается: что неразумные, безсмысленные и неодушевленные атомы, безцѣльно бродя въ пространствѣ, творятъ разумнѣйшія акты. Если бы матеріалисты допустили разумъ въ какомъ бы то ни было видѣ, или гдѣ нибудь, то ихъ ученіе уже не было бы матеріализмомъ. Если бы они допустили разумъ внутри анатомовъ или гдѣ нибудь, но внутри самой матеріи, то все ихъ ученіе превратится въ пантеизмъ; если бы они допустили разумъ находящійся въ природѣ, но внѣ атомовъ и вообще внѣ матеріи, и что разумъ этотъ имѣетъ возможность вліять на матерію или руководить ею, то все ихъ ученіе превратилось бы въ дуализмъ.

2) Матеріалисты полагаютъ возможность допустить, что матерія, безъ всякой посторонней помощи, безъ какой бы то ни было посторонней, но внѣ ея лежащей силы, или энергій, или воли, или какого-либо внѣшняго импульса, или силы возбудителя, или первоначальнаго толчка, способна сама порождать достаточно силѣ, чтобы управлять всѣми явленіями природы и даже движеніями милліардовъ планетъ, летящихъ съ незапамятныхъ временъ съ неизмѣримыми скоростями, и пополнять весь расходуемый при семъ запасъ энергіи единственно только качествами и свойствами, заключающимися въ матеріи.

3) Матеріалисты полагаютъ возможнымъ допустить, что безжизненная, безсмысленная, инертная матерія способна была породить жизнь на землѣ, какъ одно изъ свойствъ и качествъ своихъ и что она по тѣмъ же причинамъ и до сего времени проявляетъ жизнь и разумъ, какъ продуктъ свой на землѣ.

Вообще, матеріалисты отвергаютъ всякую предварительную цѣль въ природѣ или какой нибудь заранѣе обдуманный планъ или предначертанія въ послѣдовательности дѣйствій, явленій и фактовъ, смѣняющихся въ природѣ; по ихъ ученію тѣ или другіе качества и свойства матеріи, чтобы произвести одно

Digitized by Google

или другое явленіе природы, называются каждый разъ роковыми и неизмѣнными законами случайности, законами причинности или, вообще, законами природы.

Въ общихъ чертахъ всѣ матеріалистическія космогоніи учатъ одинаково и этотъ ихъ взглядъ съ разными детальными отступленіями примѣняется ко всѣмъ явленіямъ природы во всей вселенной, отъ самыхъ обширныхъ и грандіозныхъ движеній планетъ, образованія новыхъ созвѣздій и планетныхъ системъ и до прозябанія малѣйшей инфузоріи. Всюду и вездѣ фигурируетъ матерія и вещество, всюду и вездѣ одни качества и свойства, которыя творятъ чудовищныя дѣла въ силу законовъ природы.

Деистическія системы принимаютъ, что вѣченъ одинъ Богъ-Духъ, Всемогущій Премудрый, что все, что есть въ природѣ—видимое и невидимое, все сотворено Его Всесильною и Разумною волею, все, что сотворено, должно было имѣть начало, а слѣдовательно отъ вѣчности ничего существовать не могло, вѣченъ одинъ Богъ.

Все сотворенное Богомъ охраняется, управляется и руководится Имъ. Нѣтъ конца попеченію Божію о мірѣ: Богъ безконеченъ въ своихъ предначертаніяхъ и Своемъ предвидѣніи и ведетъ все во вселенной къ благому концу. Для Бога нѣтъ ничего ни большого, ни малаго, ни великаго, ни ничтожнаго, каждая инфузорія охраняется Имъ и вызываетъ Его святое попеченіе въ одинаковой степени, какъ и міръ, какъ и вся вселенная, ибо для Существа безконечнаго нѣтъ передѣла Вездѣсущію, Онъ всюду и вездѣ одновременно.

Вся система деистовъ необыкновенно полна, логична, ясна и послѣдовательна. Нѣтъ ничего непонятнаго и недоговореннаго, все вытекаетъ одно изъ другого такъ просто, естественно и наглядно; всякій выводъ основанъ на предъидущемъ выводѣ, одинаково неоспоримомъ для нашихъ чувствъ; и такимъ послѣдовательнымъ образомъ строится вся система міровоззрѣнія, и самымъ простымъ и естественнымъ путемъ она совершенно незамѣтно доходитъ до самыхъ премудрыхъ и великихъ истинъ, которыя при всякомъ другомъ способѣ мышленія остаются вполнѣ непонятны и невыяснены.

Этого не отвергаютъ даже и матеріалисты. Но они всегда возстаютъ противъ Главнаго Элемента, на которомъ построена всѣ деистическія космогоніи и котораго матеріалисты никакъ признать не могутъ, ибо они Его не видятъ, не чувствуютъ и не находятъ въ своей наукѣ, а потому требуютъ, чтобы имъ доказали Его существованіе на основаніи ихъ же науки:—этотъ Главный Элементъ есть Богъ.

Digitized by Google

То, что легко доказать одному, то очень трудно доказать другому. Спросите, есть ли Богъ у необразованной части народонаселенія, которая составляетъ 99/100 всего числа, развитіе которой не затемнялось научными предвзятыми мыслями; вся ихъ жизнь шла естественно, а потому незначительное умственное развитіе этихъ людей не преобладаетъ надъ нравственнымъ,—они отвѣтятъ вамъ: „Какое же можетъ быть сомнѣніе, если я вижу Его всюду кругомъ себя и въ себѣ самомъ, какъ могу я на минуту усомниться въ Его существованіи и попеченіи обо мнѣ". Задайте тотъ-же вопросъ всѣмъ столпамъ науки, великимъ ученымъ всѣхъ временъ и народовъ, вы также получите утвердительный отвѣтъ; они скажутъ вамъ: „Въ существованіи Бога сомнѣваться нельзя; безъ Бога ничего ни на одинъ мигъ быть не можетъ, и если бы Богъ оступился отъ міра, то все моментально разсыпалось бы въ прахъ и не было бы ничего, ибо все въ Немъ и Онъ во всемъ и безъ Него никакое существованіе не мыслимо".

Только одни матеріалисты отвѣтятъ вамъ: „Ничего не знаемъ, докажите". И имъ доказать существованіе Бога положительно невозможно. Какъ докажу я слѣпорожденному, что я вижу передъ собою облако? Онъ самъ не видитъ, никакимъ увѣреніямъ въ ясности моего зрѣнія не вѣритъ и требуетъ, чтобы я далъ ему ощупать облако? Какъ докажу я человѣку, у котораго параличъ нравственнаго органа и полная неспособность чувствовать и понимать что-либо отвлеченное и духовное, что я ясно чувствую въ себѣ нѣкій духовный элементъ, сливающій меня съ природою видимою и невидимою. Мои чувства и всѣ мои внутреннія пониманія себя и окружающей меня жизни положительно устраняютъ всякое сомнѣніе въ необходимости признать существованіе Единаго Всеобъемлющаго и Всесозидающаго Начала?

Положеніе это еще болѣе усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что требуется представить доказательства, пользуясь одною лишь матеріалистическою или положительною наукою, ибо никакой другой матеріалисты не признаютъ, и какъ только умозрѣнія станутъ удаляться отъ законовъ матеріи и вещества, они объявляютъ, что какъ ни убѣдительны доказательства, но человѣкъ психически несостоятеленъ, и остаются при своей матеріалистической космогоніи.

Обратимся къ ней и разберемъ, насколько она полна и доказательна. Матеріалисты чрезвычайно строги къ всѣмъ трудамъ, вышедшимъ не изъ ихъ лагеря, и всегда отвергаютъ ихъ, говоря, что: „положеніе, не доказанное научно, должно быть отвергнуто". На этомъ основаніи слѣдуетъ ожидать, что всѣ

Digitized by Google

матеріалистическія положенія педантически точны и ясны и доказаны безъ малѣйшей гипотетичности; посмотримъ—такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Главныя основанія, на которыхъ матеріалисты строятъ свою космогонію и которыя въ настоящее время желательно провѣрить, слѣдующія:

1) Вѣчность матеріи.
2) Свойства и качества матеріи.
3) Законы случайностей и законы причинностей.
4) Законы природы.

Приступимъ къ ихъ разбору.

I. „*Матерія вѣчна*", говорятъ матеріалисты. Первое, что должно насъ удивить, это то, что матеріалисты позволяютъ себѣ говорить о вѣчности. Развѣ вѣчность поддается опыту и наблюденію? Они вѣдь сами отняли у себя право выражать свои сужденія по всѣхъ подобнаго рода вещахъ, и о вѣчности ихъ наука имѣетъ менѣе правя выражать свои сужденія, чѣмъ о многомъ другомъ отвлеченномъ.

Но, кромѣ того, можемъ ли мы себѣ представить вѣчную матерію? Вѣчность не измѣряется цифрами. Какое бы мы большое число ни написали и сколько бы этихъ цифръ себѣ ни представили, мы никогда до вѣчности не дойдемъ. Говоря о срокѣ чего-нибудь вещественнаго, мы должны положить ей срокъ одного съ нею вида, т.-е. тоже вещественный, реальный или цифровой, но ни въ какомъ случаѣ не отвлеченный и не вѣчный. Допустивъ вмѣстѣ съ матеріалистами, что матерія существуетъ очень давно, что она претерпѣвала милліоны разныхъ реакцій и преобразованій изъ одного вида въ другой, что нельзя и вычислить, сколько лѣтъ она существуетъ,—мы все-таки никакъ не можемъ допустить, что она существуетъ вѣчно.

Но обратимся къ матеріалистической наукѣ и спросимъ: чѣмъ доказываетъ она, что матерія вѣчна?

Къ изумленію нашему окажется, что это ровно ничѣмъ не доказано. Это гипотеза не научнаго характера; это—простое допущеніе или представленіе. Матеріалисты, видя, что при химическихъ реакціяхъ, преобразовываясь изъ одного рода въ другой, количество матеріи не измѣняется, заключили, что матерія не пропадаетъ и не пріобрѣтается. Въ этомъ же фактѣ они увидали новое доказательство древнѣйшей теоріи о вѣчности матеріи. Тутъ нѣтъ ни логики, ни послѣдовательности. Весь выводъ, который возможно сдѣлать изъ этого факта,—только тотъ, что при извѣстныхъ намъ химическихъ реакціяхъ количество матеріи остается одно и то же; но можемъ ли мы поручиться, что мы знаемъ всѣ химическія реакціи? Мо-

Digitized by Google

жетъ быть, большинства мы совсѣмъ не знаемъ. Наконецъ, матерія претерпѣваетъ множество другихъ преобразованій физическихъ, механическихъ, которыя одинаково могутъ мѣнять количество матеріи.

Нашъ міръ, уносясь въ пространство съ неимовѣрною быстротою, не теряетъ ли части своего воздуха на своемъ пути; мы этого не знаемъ, но есть большое вѣроятіе, что это такъ, а можетъ быть онъ при этомъ полетѣ пріобрѣтаетъ еще что-нибудь изъ окружающей среды,—опять ничего неизвѣстно. Наконецъ, прочтя кинетическую гипотезу Ярковскаго, надо очень сильно задуматься и спросить себя: не растетъ ли,—въ самомъ дѣлѣ, наша земля,—и тогда вопросъ о постоянномъ количествѣ матеріи на нашей землѣ будетъ вопросомъ совершенно праднымъ.

Но главное заблужденіе состоитъ совсѣмъ не въ томъ; вопросъ постоянства количества матеріи въ химическихъ реакціяхъ не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о происхожденіи самой матеріи. Матерія могла быть сотворена вчера, а сегодня она можетъ доказывать намъ постоянство своего количества при химическихъ реакціяхъ; для этого нѣтъ еще основанія предполагать матерію не только вѣчной, но и древней.

Но какъ бы мы въ самомъ дѣлѣ мысленно ни отдалили срокъ появленія матеріи, вопросъ о томъ, откуда взялась матерія, остается, тѣмъ не менѣе, крайне интереснымъ; на это, конечно, въ ученіи матеріалистовъ отвѣта нѣтъ. Они нашли возможнымъ остановиться на совершенно бездоказательномъ представленіи, что матерія вѣчна, и это ошибочное представленіе принимаютъ за исходную точку своего дальнѣйшаго мышленія, на которой опять строятъ свои теоріи.

Болѣе пытливые умы, даже изъ признающихъ вѣчность матеріи, конечно, спросили бы себя; а откуда же могла взяться матерія? Сотворена ли она, или появилась сама? Какъ и откуда она появилась? Какой первоначальный видъ ея? Что заставило ее принять этотъ видъ? и т. д.

Ученые, которые продолжали свои умозаключенія и касались причинъ и началъ, приходили все къ одному и тому же заключенію, что первоначально существовала первичная матерія, чрезвычайно тонкая, ученые ее называли разно, но всегда сходились на томъ, что она должна была существовать и что она есть результатъ акта творчества Разумной и Безконечной Силы, которая есть Богъ.

Въ заключеніе мы спросимъ: какое же изъ двухъ ученій болѣе правильно — матеріалистическое или деистическое? Существованіе Бога, Творца вселенной, внѣ всякаго сомнѣнія;

Digitized by Google

это подтверждаетъ наука въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, это подтверждаютъ намъ наши чувства, подтверждаютъ премудрый и разумный порядокъ и гармонія, царствующіе въ мірѣ и, наконецъ, полная невозможность представить себѣ все существующее и живущее безъ Всесильнаго и Всеобъемлющаго Промысла, руководящаго всѣмъ. Положеніе матеріалистовъ о вѣчности матеріи, съ этой точки зрѣнія, должно показаться чистѣйшимъ заблужденіемъ.

Но откинемъ все это: примемъ временно матеріалистическое міровоззрѣніе и вообразимъ себѣ, что мы тоже нравственно слѣпы и не въ состояніи охватить все величіе деистическаго ученія. Согласившись съ матеріалистами, что матерія вѣчна, спросимъ себя, что логичнѣе допустить: что нѣкоторое Разумное Существо сотворило міръ изъ этой имѣвшейся, будто бы, налицо вѣчной матеріи, или что безсмысленная, бездушная, инертная матерія, совершенно случайно носящаяся въ пустомъ пространствѣ, совершаетъ премудрѣйшіе акты творчества? Гдѣ въ природѣ видѣли мы, чтобы нѣчто безсмысленное творило разумное, чтобы матерія творила жизнь?

Въ природѣ мы никогда не видали никакого аналогичнаго факта, откуда могла явиться подобная мысль. Но, во всякомъ случаѣ, гдѣ же доказательства? Все это голословно, невѣроятно и нелогично.

II. Свойства и качества матеріи. Еще до Эпикура матеріалисты-философы учили, что матерія обладаетъ разными свойствами и качествами, вслѣдствіе которыхъ она производитъ всѣ явленія въ природѣ, иногда даже самыя сложныя и чудесныя, напоминающія акты творчества. Эпикуръ заимствовалъ это ученіе у своихъ предшественниковъ и самъ развивалъ его и дополнилъ.

Научныхъ доказательствъ ученіе это совсѣмъ не имѣетъ; ученіе о матеріи не только во времена Эпикура, но и въ настоящее время не стоитъ на такой высотѣ, чтобы быть въ состояніи точно доказать, составляютъ ли силы слѣдствія свойствъ матеріи, или наоборотъ. Такимъ образомъ, и это положеніе матеріалистовъ не можетъ быть даже причислено къ числу научныхъ гипотезъ, ибо научная гипотеза должна имѣть вѣрныя и безспорныя умозрительныя доказательства, построенныя на опытныхъ данныхъ, здѣсь же ничего подобнаго мы не видимъ. Это должно быть названо просто допущеніемъ или голословнымъ представленіемъ. Древніе матеріалисты считали это положеніе настолько очевиднымъ при своихъ малыхъ познаніяхъ сущности матеріи, что не трудились даже доказывать его.

Digitized by Google

Кромѣ того, что оно легко понимается, оно чрезвычайно удобно и прекрасно маскируетъ незнаніе ученыхъ вопросовъ сущностей и началъ. Что можетъ быть болѣе удобно, какъ объясненіе всѣхъ явленій природы проявленіемъ качествъ и свойствъ матеріи, въ особенности когда нѣтъ необходимости указывать, какое именно качество проявляется, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ. Вѣдь это позволяетъ каждому незнающему человѣку скрывать свое незнаніе за этими голословными заявленіями о качествахъ и свойствахъ, какъ за каменною стѣною. Какое бы непонятное явленіе ни случилось въ природѣ, все объяснялось чудесными свойствами матеріи, и это представленіе, въ сущности совершенно не научное, маскировало все научное незнаніе людей и выставляло ихъ знающими.

Опроверженій этого положенія появлялось слишкомъ много, чтобы можно было упомянуть хотя о сотой части ихъ; скажемъ только, что противъ него писали: Ньютонъ, Декартъ, Гюгенсъ, Бернули, и, наконецъ, Вольтеръ направлялъ свои злыя сатиры на науку, допускающую такія несообразности. Въ опроверженіе этихъ пресловутыхъ и никому непонятныхъ качествъ матеріи, никѣмъ не выясненныхъ и ничѣмъ не подтверждающихся, больше всѣхъ писалъ Лейбницъ и называлъ ихъ „qualitas occulta“. Въ то время, какъ столь великіе умы протестовали противъ этого положенія, оно отъ древнихъ матеріалистовъ, въ полномъ своемъ объемѣ, безъ малѣйшихъ измѣненій, переходило къ матеріалистамъ среднихъ вѣковъ, а отъ нихъ со временемъ перешло и къ современнымъ. Ничто не было въ состояніи уничтожить или пошатнуть представленіе невѣжественное, но соотвѣтствующее низкому уровню нравственнаго развитія общества.

Современные матеріалисты убѣждены, что это положеніе въ послѣднее время доказано Молешоттомъ и Бюхнеромъ, которые находили также возможнымъ признавать, что силы составляютъ свойства матеріи, но подобныхъ доказательствъ и слѣда въ наукѣ нѣтъ. Молешоттъ и Бюхнеръ совсѣмъ и не думали доказывать этого, а тѣ мѣста, въ которыхъ они упоминали о свойствахъ матеріи, должны быть признаны лишь одобреніями давно, будто бы, извѣстныхъ и доказанныхъ системъ, но никакъ не доказательствами новой теоріи.

Вотъ что говоритъ Ланге (Исторія матеріал., т. II, стр. 184, 185); „Въ молешоттовскомъ „Круговоротѣ жизни“ очень длинная глава, озаглавленная „сила и вещество“, содержитъ, главнымъ образомъ, полемику противъ аристотелевскаго понятія о силѣ, противъ теологіи, противъ приниманія сверхчувственной

Digitized by Google

силы и т. д., но въ ней слишкомъ мало указаній и полное отсутствіе доказательствъ объ отношеніи простой силы притяженія или отталкиванія между двумя атомами къ самимъ атомамъ, которые предполагаются носителями этой силы. Мы слышимъ, что сила не есть толкающій Богъ, но мы не слышимъ, какъ же собственно она дѣлаетъ, чтобы, начиная отъ частички вещества черезъ пустое пространство вызвать движеніе въ другой частичкѣ. Въ сущности мы получаемъ только миѳъ вмѣсто миѳа.

„Именно то свойство вещества,—говоритъ онъ,—которое дѣлаетъ возможнымъ его движеніе, мы называемъ силой. Основныя вещества обнаруживаютъ свои свойства только по отношенію къ другимъ. Но если они не достаточно близки, при надлежащихъ обстоятельствахъ, то они не обнаруживаютъ ни отталкиванія, ни притяженія. Ясно—здѣсь не недостаетъ силы, но она незамѣтна нашимъ чувствамъ, потому что нѣтъ случая къ достиженію. „Гдѣ бы ни находился кислородъ, онъ обладаетъ сродствомъ къ *кали*“...

„Въ этомъ мѣстѣ его сочиненій мы застаемъ Молешотта въ полномъ разгулѣ самой бездоказательной схоластики съ такимъ авторитетомъ, что можно подумать, что онъ самъ творилъ міръ; его „сродство“ есть превосходнѣйшее качество, какого только возможно требовать. Оно сидитъ въ кислородѣ, какъ бы съ человѣческими руками. Если приблизить кали,—руки сейчасъ же его хватаютъ; если нѣтъ, то все же существуютъ руки и желаніе хватать кали“.

Бюхнеръ еще менѣе Молешотта вникаетъ въ отношеніе силы и вещества, хотя самое извѣстное свое сочиненіе озаглавилъ этими понятіями. Только мимоходомъ выставлено его положеніе: „сила, которая не обнаруживается, не можетъ существовать“. Это, по крайней мѣрѣ, здравое воззрѣніе въ противоположность указанному олицетворенію человѣческаго отвлеченія у Молешотта. Самое лучшее, что Молешоттъ говоритъ о силѣ и веществѣ, есть длинное мѣсто изъ предисловія Дю-Буа-Реймона къ его изслѣдованіямъ животнаго электричества, но именно самый ясный и самый важный отдѣлъ этого предисловія пропущенъ у Молешотта“.

Признать эти мимоходныя соображенія за доказательства столь важныхъ и сложныхъ научныхъ положеній нѣтъ никакой возможности.

Доказать, что матерія обладаетъ такими неограниченными качествами и свойствами, очень трудно. Если бы даже матеріалистамъ и удалось доказать, что нѣкоторыя силы дѣйствительно составляютъ свойства матеріи, то вѣдь этимъ бы еще дѣло

Digitized by Google

не ограничилось; это было бы слишкомъ недостаточно. Чтобы сдѣлать свою теорію доказанною, имъ слѣдуетъ доказать, что всѣ силы, рѣшительно всѣ, которыя существуютъ въ природѣ, составляютъ свойства матеріи, а этого доказать нельзя: во-первыхъ, потому, что въ природѣ есть множество силъ, которыя намъ положительно неизвѣстны. Развѣ можетъ человѣкъ, слабое и ничтожное созданіе, думать, что онъ когда нибудь познаетъ всѣ силы въ природѣ, всю ея энергію, всѣ причины, вызывающія движенія и преобразованія въ мірѣ, однимъ словомъ всю Премудрость Создателя и весь строй Его святаго попеченія о вселенной. Во-вторыхъ, изъ извѣстныхъ намъ силъ, конечно, найдутся такія, которыя могутъ казаться свойствами матеріи, но эти силы всегда возбудятъ научныя несогласія между учеными; одни будутъ думать такъ, а другіе иначе; но никто пока еще не рѣшится утверждать это, ибо наши знанія законовъ матеріи слишкомъ еще малы. Но изъ извѣстныхъ намъ силъ найдется еще большее число такихъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы свойствами матеріи, и ни одинъ ученый никогда не могъ бы быть противорѣчащаго о семъ предметѣ мнѣнія.

При современномъ состояніи наукъ большинство физиковъ несомнѣнно выразится, что они болѣе склонны признать матерію пассивною, а силы активными во всѣхъ явленіяхъ, разбирая ли матерію двигающеюся въ безконечномъ пространствѣ междупланетнаго эфира въ видѣ солнцъ, планетъ, кометъ и тѣлъ всякаго рода, или перейдя затѣмъ въ область болѣе ограниченную, въ ту среду, въ которой мы ее видимъ. Сила оказывается въ большинствѣ случаевъ самостоятельной, какъ по силѣ своей, по формѣ, такъ и по своимъ проявленіямъ. Развѣ звукъ, свѣтъ, магнетизмъ и электричество принадлежатъ матеріи? Развѣ они составляютъ нераздѣльное качество или свойство матеріи? Можно ли хотя на минуту усомниться, что силы, развивающіяся въ динамо-машинахъ, составляютъ свойство матеріи? Солнечная теплота произвела растенія, которыя превратились въ каменный уголь и возвращаютъ вложенную въ нихъ силу непосредственно электрическою энергіею. Силы могутъ развиваться страшно большія, но ни одинъ человѣкъ не признаетъ (если не замѣшаются предвзятыя идеи), что во всемъ этомъ актѣ матерія играетъ даже не пассивную, но одну лишь передаточную роль и всю активную роль играютъ силы. И такихъ примѣровъ можно привести множество.

Нѣтъ, — опыты показываютъ совершенно противное: это только различные виды движенія частицъ. Причина движенія должна лежать внѣ частицъ, что правильнѣе, понятнѣе и

Digitized by Google

логичнѣе; единственное затрудненіе при семъ объявляются слѣдствія, а не причины, ибо при семъ надо допустить, (чего матеріалисты никакъ допустить не хотятъ), что кто-нибудь или что-нибудь даетъ форму этому движенію и управляетъ этими силами. Сами ли силы управляются, одна ли Верховная Сила обнимаетъ ихъ всѣхъ,—это уже вопросъ второстепенный; во всякомъ случаѣ, не матерія и не частицы управляютъ силой, иначе самой матеріи надо приписать, если не разумъ, то нѣчто вродѣ разума, какія-нибудь отправленія свободной воли, что также не можетъ быть допущено матеріалистами. Матерія всегда и во всѣхъ случаяхъ своего движенія есть предметъ пассивный и страдательный.

О жизненныхъ явленіяхъ, какъ результатѣ свойствъ и качествъ матеріи, мы позволимъ себѣ совсѣмъ умолчать. Давно доказано, что жизнь порождается только жизнью, и никакіе опыты о произвольномъ зарожденіи никогда ни приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Конечно, Эпикуру это могло быть неизвѣстно, но современные матеріалисты должны же это знать и постараться отвѣтить на вопросъ, кто или что вдохнулъ первый задатокъ жизни на землѣ, чтобы она имѣла возможность разростись и размножаться.

Матеріалисты очень часто вмѣсто того, чтобы постараться разъяснить самое пониманіе какого-нибудь явленія, ограничиваются тѣмъ, что дѣлаютъ себѣ о немъ представленіе или замѣняютъ понятіе словомъ и считаютъ все выясненнымъ въ то время, когда и къ изученію даннаго представленія еще не приступлено. Къ этимъ словамъ или къ представленіямъ такъ привыкаютъ всѣ, что ихъ не замѣчаютъ. Напримѣръ: „жизненныя свойства матеріи“, „галлюцинація“, „воображеніе“, „экстазъ“, „сомнамбулизмъ“, „атомъ“, „анэстезія“, „аффектъ“, „каталепсія“, „химическое сродство“, „сила“, „ежедневный сонъ человѣка“ и т. д., и т. д., и такихъ словъ употребляются тысячи, которыя, будучи совершенно непоняты и неразъяснимы положительными науками, принимаются за понятія и даже за исходную точку логическаго, будто бы, хода мышленія. Отъ нихъ начинаютъ свои доказательства и къ нимъ приводятъ свои выводы, рѣшительно не понимая самой сути явленій, которыя обозначены этими словами.

„Мы вѣримъ во что-либо не потому, что оно дѣйствительно истинно“, сказалъ Паскаль, „но мы считаемъ истиннымъ то, что мы любимъ, къ чему мы привыкли. Привычка есть вѣчное препятствіе человѣческаго прогресса. Мы любимъ истину не потому, что она истина, но потому, что намъ кажется, что она согласуется съ тѣми воззрѣніями, которыя мы привыкли

Digitized by Google

считать правильными". Очень немногіе, и только люди съ дѣйствительно развитой душой, преданные своему дѣлу безпредѣльно и безусловно, поставившіе себя независимо отъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей, оказываются достаточно сильными, чтобы быть въ состояніи отрѣшиться отъ рутины своихъ научныхъ привычекъ и принциповъ. Это труднѣе, чѣмъ можно себѣ это вообразить; для этого надо имѣть правильное понятіе о дѣйствительномъ значеніи своей науки и о значеніи и смыслѣ жизни на землѣ, не умаляя, но и не превознося ни одно изъ нихъ. Надо умѣть правильно сопоставить одно съ другимъ и отдѣлить каждому свое мѣсто; тогда только человѣкъ будетъ въ состояніи сосредоточить все свое вниманіе на одной высшей истинѣ въ силу твердаго убѣжденія, что никакое знаніе никогда не можетъ быть вредно, какими бы признаками ни было бы оно окружено.

Попробуемъ попросить объясненія, по существу, у позитивиста, что такое, напримѣръ, „жизненныя свойства матеріи", или что такое „галлюцинація", „экстазъ", „атомъ"—онъ удивится, какъ можно задавать подобные вопросы, или вообще затрогивать эти запрещенныя научными вѣковыми обычаями темы; онъ почтетъ васъ еретикомъ науки и отвѣтитъ вамъ съ тщеславнымъ достоинствомъ, что слова эти достаточно сами себя обрисовываютъ и не требуютъ другихъ поясненій.

Но какъ же это?!... Если какая-нибудь подметка на сапоги вызываетъ для поставки своей въ армію тысячи разныхъ условій, которымъ она должна удовлетворять, если о простомъ порѣзѣ на пальцѣ или подсѣдѣ на лошадиной ногѣ пишутъ многотомныя сочиненія и получаютъ такія же опроверженія, то послѣдовательно ли, говоря о нашей душѣ, о всей сути жизни нашей, которая въ сущности и подразумѣвается подъ словомъ „жизненныя свойства матеріи", отдѣлываться однимъ названіемъ, не давая ровно никакихъ объясненій; или говоря объ атомѣ, изъ котораго, по мнѣнію позитивистовъ, состоитъ весь міръ и которымъ онъ управляется,—ничего не сказать объ его сущности и природѣ!

Этотъ пріемъ науки—маскировать въ себѣ все непонятное, чтобы придать себѣ большее значеніе и большую цѣльность и законченность, чего въ сущности въ извѣстныхъ случаяхъ и не бываетъ,—составляетъ чрезвычайно важную ошибку, не только допускаемую по необходимости, но иногда практикуемую въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; онъ очень много содѣйствуетъ узкому и поверхностному міросозерцанію и придаетъ всей наукѣ тщеславный и деспотическій видъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо лживый смыслъ, позволяющій злоупо-

Digitized by Google

треблять научными выводами. Для примѣра возьмемъ всю „Философію Безсознательнаго“ Эдуарда фонъ-Гартмана; это громадный трудъ, находящій себѣ милліоны поклонниковъ во всѣхъ странахъ свѣта; онъ многими выставлялся на такую высокую степень геніальности, что можетъ будто бы оспаривать пальму первенства у лучшихъ философскихъ системъ,— и что же мы находимъ въ немъ?—Какъ только дѣло дойдетъ до чего-нибудь непонятнаго, превышающаго программу позитивизма, чего-нибудь долженствующаго служить началамъ выясненія сущности или начала явленій или фактовъ,—нить философіи обрывается всегда на одномъ и томъ же: это все— говоритъ Гартманъ,—дѣйствія „Безсознательнаго“, и какъ только встрѣчается какой-нибудь еще неразъясненный опытной наукой вопросъ,—это просто дѣйствіе „Безсознательнаго“—повторяетъ онъ, въ полной увѣренности, что это ничего въ сущности невыражающее слово, при томъ значеніи, которое ему угодно дать, пріобрѣтаетъ особую силу, способную разъяснить все, устранить всѣ трудности пониманія, вслѣдствіе чего разбираемое явленіе или фактъ становится будто бы выясненнымъ. Это слово „безсознательное“ служитъ ему каменной стѣной или непроницаемой броней, за которую онъ очень удачно прячется каждый разъ, когда является необходимость отвѣчать на тѣ для науки недосягаемые вопросы, которые сами напрашиваются, вслѣдствіе затронутыхъ его философіей темъ.

Ф. А. Ланге даетъ весьма мѣткое сравненіе этой системы, принятой Гартманомъ; онъ находитъ, что американскіе индѣйцы дѣлаютъ постоянно совершенно то же самое. Когда они видятъ что-нибудь для себя непонятное или неразъяснимое—они говорятъ „devil-devil“ (чертъ-чертъ) и думаютъ, что этимъ они рѣшительно все себѣ разъяснили (Истор. матер., т. II., стр. 257).

III. Законъ случайностей и причинностей. Ньютонъ сказалъ: „Чѣмъ дальше человѣкъ проникаетъ тайны природы, тѣмъ яснѣе передъ нимъ открывается Единство Предвѣчнаго Плана“. Но матеріалисты не раздѣляютъ съ нимъ этого мнѣнія. Они находятъ, что Предвѣчный Планъ не можетъ быть доказанъ наукою, и потому имъ кажется, что несравненно научнѣе предположить, что міромъ управляютъ законы, изъ которыхъ мы теперь разберемъ — законъ причинностей и законъ случайностей.

Вся атомистика матеріалистовъ была бы во многомъ имъ самимъ не понятна и не наглядна, если бы для приданія ей законченности матеріалисты не ссылались во всѣхъ непонятныхъ мѣстахъ своего ученія на существующую будто бы въ

Digitized by Google

природѣ безусловную и *неограниченную силу закона случайности или закона причинности*, управляющихъ будто бы вселенною и вызывающихъ будто бы сами по себѣ, безъ всякой разумной причины, всѣ явленія природы и даже формы существъ. Эти законы составляютъ постоянную исходную точку всѣхъ матеріалистическихъ системъ, отъ которыхъ онѣ начинаютъ свои выводы и до которыхъ онѣ доводятъ ихъ, какъ только что-нибудь помѣшаетъ имъ вести свою теорію дальше.

Напримѣръ, Джонъ Ст. Милль, въ своей „Системѣ логики", стр. 106, говоритъ: „Я убѣжденъ, что каждый, кто привыкъ къ абстракціи и анализу и правильно употребляетъ свои способности, какъ скоро его воображеніе пріучилось питать это понятіе, ни мало не затруднится представить себѣ, что, напримѣръ, въ одной изъ твердей, на которыя теперь астрономія раздѣляетъ вселенную, могутъ слѣдовать другъ за другомъ событія произвольно и безъ опредѣленнаго закона; и въ нашемъ опытѣ или въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего, что могло бы составить достаточное, или, въ дѣйствительности, лишь какое-нибудь основаніе для того, чтобы думать, что это нигдѣ не бываетъ".

Отсюда можно ясно заключить, что Милль, становясь на сторону матеріалистовъ, считаетъ вмѣстѣ съ ними, что вѣра въ законъ причинности есть прямой результатъ непроизвольной для самого человѣка индукціи, которая можетъ допустить, что на нашей землѣ, точно также, какъ и въ самыхъ отдаленныхъ твердяхъ, могли бы возникать и образоваться не только цѣлесообразныя явленія, не только отдѣльные, но и цѣлые міры безъ всякой разумной причины, безъ всякой цѣли, совершенно случайно и непроизвольно.

Это что-то очень трудно понимается, однако признается всѣми матеріалистами. Атомы, бродя въ пространствѣ, непроизвольно, черезъ свои столкновенія и удары съ сосѣдними, также безличными и неразумными атомами, безъ всякой причины, а часто случайно, могутъ составлять тѣла, цѣлые міры разумныхъ существъ, образовывать въ нихъ мысль, сознаніе, разумъ, нравственность, совѣсть и т. д.,—и все это совершенно случайно...

Простая логика должна опровергать подобную силу случайности.

Руссо въ одномъ своемъ сочиненіи говоритъ: „Если бы мнѣ сказали, что въ сосѣдней комнатѣ разсыпался типографскій шрифтъ, и что случайно, при паденіи шрифта на полъ, изъ буквъ сложился первый стихъ Энеиды, то я даже не

Digitized by Google

поднялся бы съ мѣста, чтобы посмотрѣть, правду ли мнѣ говорятъ".

Онъ вполнѣ правъ. Въ общежитіи всякій назвалъ бы подобнаго рода допущенія чистѣйшимъ абсурдомъ, недостойнымъ никакихъ опроверженій. Какой бы охотникъ согласился, выйдя въ поле, стрѣлять вправо и влѣво безъ разбора куда и зачѣмъ, думая, что этимъ способомъ онъ убьетъ больше дичи, чѣмъ если бы онъ ее отыскивалъ и стрѣлялъ съ прицѣломъ только послѣ того, какъ отыщетъ дичь? Кто согласится, имѣя въ виду написать какую-нибудь философію, взять въ руки перо, писать всю свою жизнь, писать не размышляя разный наборъ фразъ, надѣясь на то, что случайно изъ этого безсмысленнаго набора глупостей выйдетъ когда-нибудь философія; вѣдь подобныхъ людей никто не задумался бы посадить прямо въ сумасшедшій домъ, а совершенно такія же мысли и допущенія, родившіяся въ головѣ авторитетныхъ, патентованныхъ наукой лицъ, принимаются за великія идеи, находящія себѣ милліоны послѣдователей, несмотря на всю бездоказательность этихъ идей, на полный разгулъ несдержанной фантазіи, въ защиту которой не говоритъ ни одинъ фактъ. Простой здравый умъ долженъ отвергнуть все это, ибо обыкновенная логика до этого дойти не можетъ.

Это ошибочное пониманіе законовъ причинности такъ же старо, какъ и самъ матеріализмъ, и внушалось еще Эпикуромъ, хотя во всѣ времена человѣчества вызывало удивленіе своею нелогичностью. Это воззрѣніе очень рѣдко оспаривалось, ибо заключаетъ въ себѣ настолько наглядную и произвольную погрѣшность, понятную каждому, что всякому болѣе или менѣе научному человѣку оспаривать ее дѣлалось смѣшно и совѣстно. Еще Эпикуръ принималъ возможнымъ для атомовъ уклоненія ихъ отъ прямой линіи безъ всякой причины; Кантъ, всегда болѣе чѣмъ деликатный по отношенію къ чужимъ мнѣніямъ и всегда умѣренный въ своихъ выраженіяхъ, не могъ, однако, воздержаться, чтобы не назвать прямо это воззрѣніе „*безстыднымъ*" (Allg. Naturgesch. Hartenst. I, S. 217).

Какъ можемъ мы причину явленія искать въ самомъ явленіи!—это совершенно не научно. Какъ можемъ мы въ самой грозѣ искать причину ея возникновенія, въ самомъ человѣкѣ искать причину его жизни, въ самой планетѣ искать причину ея движенія!—Вѣдь это рядъ ни съ чѣмъ несообразныхъ абсурдовъ.

Ф. А. Ланге, въ своей „Исторіи матеріализма", стр. 54, протестуя противъ вышеприведенной выдержки изъ „Логики" Милля говоритъ: „Вслѣдствіе подобнаго же понятія причин-

Digitized by Google

ности происходитъ то, что обезьяна хватаетъ лапою позади зеркала, или оборачиваетъ насмѣхающійся снарядъ, чтобы найти причину появленія своего двойника. Вслѣдствіе понятія причинности, происходитъ то, что дикарь приписываетъ громъ колесницѣ Бога, или воображаетъ при солнечномъ затмѣніи дракона, который хочетъ проглотить раздаятеля свѣта. Законъ причинности заставляетъ грудnаго ребенка соединить благодѣтельное появленіе матери съ своимъ крикомъ и порождаетъ этимъ путемъ опытъ. Привилегированный же глупецъ приписывающій все случаю, мыслитъ себѣ, (если онъ вообще мыслитъ) случай, какъ демоническое существо, коварство котораго заключаетъ въ себѣ достаточное основаніе для всѣхъ его нападеній".

Чрезвычайно трудно, занимаясь постоянно положительными науками или слѣдуя матеріалистическому міровоззрѣнію и привыкнувъ думать, что ничего духовнаго въ природѣ нѣтъ, перейти потомъ къ правильному и свободному пониманію почвы чистаго идеализма. Несмотря на то, что многіе, болѣе развитые, сами собой доходятъ до убѣжденія, что позитивизмъ слишкомъ поверхностно изучаетъ природу и чувствуютъ естественное влеченіе проникнуть глубже своими познаніями въ тайный смыслъ вселенной, все-таки привычка стараго образа мыслей постоянно сбиваетъ ихъ съ пути и вовлекаетъ въ невольныя заблужденія. Въ этомъ очень часто сознавались сами атеисты; напримѣръ, Фейербахъ, самый отъявленный пропагандистъ атеизма (Философія будущаго, 43 года, стр. 23), не могъ умолчать объ этомъ невольномъ тормазѣ человѣческой мысли, сказавъ: Кто сосредоточиваетъ свой умъ и сердце только на вещественномъ, на чувственномъ, тотъ фактически отрицаетъ реальность сверхчувственнаго, потому что (для человѣка по крайней мѣрѣ) только то дѣйствительно и реально, что составляетъ предметъ реальной и дѣйствительной его дѣятельности". И въ этомъ случаѣ Фейербахъ больше, чѣмъ правъ. Рѣдко встрѣчаемъ мы человѣка, который работалъ бы надъ своимъ внутреннимъ духовнымъ развитіемъ и заставлялъ бы себя думать такъ, какъ думали великіе умы и сильно нравственно развитые люди. Напротивъ, мы несравненно чаще встрѣчаемъ стремленіе отвергать всякій авторитетъ, даже людей геніальнѣйшихъ; и каждый находитъ возможнымъ дойти самому до высшихъ истинъ и высшаго знанія, всякій убѣжденъ что самъ ничуть не глупѣе какихъ-то Декартовъ, Ньютоновъ, Гумбольдтовъ и Кантовъ, и рѣшительно не желаетъ, да и не можетъ самъ знать вѣрную оцѣнку своихъ силъ, способностей и внутренняго развитія.

Digitized by Google

Вотъ причина, отчего всѣ матеріалистическія ученія и системы были всегда болѣе популярны, чѣмъ всякія другія болѣе трудныя.

Ученія матеріалистовъ во всѣ времена дѣлались очень скоро извѣстными и всегда проникали скорѣе всякихъ другихъ во всѣ слои общества. И это весьма естественно и очень понятно.

Представимъ себѣ молодого, еще не окрѣпшаго въ своихъ знаніяхъ науки, человѣка, который, заинтересовавшись вопросами жизни, вздумалъ бы, понадѣясь на свои силы ума, обратиться къ изученію философіи безъ дѣльнаго и всесторонне-образованнаго руководителя,—онъ непремѣнно увлекся бы ученіемъ матеріалистовъ: во-первыхъ, потому, что не можетъ одинъ человѣкъ прочесть всѣ философіи, существующія въ мірѣ—ихъ тысячи. Не будучи въ состояніи прочесть всѣ, онъ, конечно, возьметъ на выдержку самыя популярныя и извѣстныя системы, а онѣ-то какъ разъ и есть матеріалистическія. Во-вторыхъ, избравъ для своего изученія нѣсколько теорій, можетъ ли онъ, не твердо знающій науки, быть разумнымъ судьей въ степени правильности и непогрѣшимости сужденія какой-нибудь изъ нихъ? Вѣдь явныхъ и грубыхъ ошибокъ ни въ какой теоріи нѣтъ, есть неточное объясненіе фактовъ, сбивчивыя толкованія начальныхъ принциповъ. Всѣ ошибки каждой теоріи заключаются въ неуловимомъ уклоненіи отъ истины—въ неправильномъ взглядѣ на вещи; надо быть хорошо образованнымъ человѣкомъ и во всякомъ случаѣ имѣть правильный взглядъ на міръ, чтобы уловить и тонко оцѣнить эту невѣрность, а на этихъ-то мелочныхъ уклоненіяхъ и построены всѣ тѣ слѣдствія, которыми такъ радикально отличаются матеріалистическія теоріи отъ философскихъ.

Слѣдовательно, каждый не изучившій спеціально предмета наукъ и обладающій достаточной силой логики, чтобы вѣрно оцѣнить правильность сужденія каждой изъ представляющихся его усмотрѣнію теорій, можетъ только увлечься какой-нибудь изъ нихъ, но не судить о ней, не изобличать ее въ ошибкахъ и заблужденіяхъ.

Какъ только одна изъ теорій или системъ ему понравится больше другихъ, онъ сейчасъ и принимаетъ ее, какъ правило и руководство въ жизни. Но почему же онъ долженъ увлечься непремѣнно матеріалистической или атеистической теоріей? А вотъ почему: весь періодъ нашего образованія, т. е. съ самой молодости до самой возмужалости, а иногда половину всей жизни нашей, мы занимаемся изученіемъ наукъ, въ которыхъ никогда и ничего о Богѣ не слышимъ. Мы до того отстаемъ

Digitized by Google

отъ этого понятія, до того привыкаемъ къ атеизму науки, что безбожіе науки отражается и на нашей жизни; мы невольно думаемъ, что такъ какъ Бога нѣтъ въ наукѣ, слѣдовательно Его нѣтъ и въ природѣ, и никто и никогда не говорилъ намъ противоположнаго.

Мы чуждаемся, если нападаемъ на какую-нибудь философскую систему, открыто говорящую о Богѣ, душѣ или свободной волѣ, мы удивлены ею и думаемъ, что напали по ошибкѣ на какое-нибудь духовное сочиненіе, на нашихъ устахъ появляется улыбка, намъ какъ-будто совѣстно читать эту книгу и по невольному чувству привычки подрывается въ насъ весь авторитетъ къ ней.

Намъ дико встрѣтить имя Бога въ философіи, ибо мы никогда Его въ нашей наукѣ не встрѣчали, и, наоборотъ, мы чувствуемъ себя въ своей сферѣ, когда возьмемъ Бюхнера, Бруссе, Кабаниса, Фейербаха и т. д.,—мы чувствуемъ что-то свое, привычное; они самымъ понятнымъ образомъ выясняютъ намъ факты, совершенно въ духѣ нашего пониманія. И съ какимъ апломбомъ, и съ какою увѣренностью защищаютъ они свои положенія. Въ матеріалистическихъ ученіяхъ вы сплошь и рядомъ встрѣтите такіе обороты рѣчи: я утверждаю, я отвергаю, этого нѣтъ, это не существуетъ, наука присудила, наука произнесла свой приговоръ, наука осуждаетъ подобное; и все это нравится, все это въ духѣ времени; эта увѣренность, эта сила рѣчи поневолѣ заставляетъ всѣхъ, поверхностно знающихъ предметъ, слѣдовать за ними и преклоняться передъ этими ученіями. Это совершенно естественно: ошибокъ въ теоріи науки молодежь уловить не можетъ, а наружная форма такъ увлекательна и такъ понятна.

Истинный смыслъ науки не такъ понятенъ; и сама наука, по наружной своей формѣ, далеко не такъ самоувѣренна; истинная наука далека отъ всякой гордости, она не имѣетъ и тѣни даже подобнаго апломба. Наука ищетъ и изучаетъ, она работаетъ и предлагаетъ свои выводы для провѣрки. Вы нигдѣ у серьезно ученыхъ людей, живущихъ для своей науки, не встрѣтите: *утверждаю*, *запрещаю*, *приказываю*;—это совершенно не научные пріемы. Ньютонъ говоритъ: „Намъ кажется, предыдущія наблюденія даютъ намъ право предположить....“ Кеплеръ говоритъ: „Я предлагаю на ваше обсужденіе эти гипотезы... можетъ быть законъ таковъ“, и т. д. Въ истинной наукѣ вы встрѣтите только подобные обороты рѣчи, вполнѣ скромные и вполнѣ соотвѣтствующіе тому глубокому смыслу и правотѣ, заключающейся въ самомъ ученіи. Ньютонъ сказалъ: „Я похожъ на ребенка, собирающаго раковины на берегу моря“.

Digitized by Google

Матеріалисты же своими фразами вводятъ въ заблужденіе тѣхъ, которыя не имѣли возможности знать столько, сколько они сами знаютъ. Они пользуются своимъ преимуществомъ и увлекаютъ внѣшней стороной своихъ доводовъ и часто бездоказательныхъ положеній. Они слишкомъ часто забываютъ, что, явившись посредникомъ между наукой и ея искателями, надо совершенно точно объяснять факты, надо оставаться вѣрнымъ и скромнымъ служителемъ науки.

„Извѣстно, что нелѣпость, предложенная дерзко и безъ уловокъ,—говоритъ Жантильи,—имѣетъ иногда странное могущество; она ослѣпляетъ, какъ правило... Какъ только разъ умъ имѣлъ слабость сомнѣваться въ видимой нелѣпости, онъ погибъ. Какъ нечего болѣе ожидать отъ ума, требующаго доказательства очевидности, такъ тѣмъ болѣе нельзя надѣяться на умъ, ожидающій опроверженій нелѣпости, которая есть очевидное заблужденіе. Очевидность нечего доказывать; нелѣпость нечего опровергать. Философія тутъ останавливается... Тогда умъ, лишенный точки опоры очевидности и поддержки нелѣпости, выходитъ изъ границъ разума и покидаетъ здравый смыслъ и можетъ дойти до любой нелѣпости“ (Атеизмъ опровер. наук., стр. 143).

Какъ много погубилъ молодежи одинъ изъ современныхъ философовъ, воскликнутъ: Небо теперь очищено, мы свели оттуда Бога“. Грустно и тяжело смотрѣть какъ эти праздныя рѣчи съ нѣкоторымъ особымъ увлеченіемъ повторяются людьми, отъ которыхъ, судя по ихъ образованію, можно было бы ожидать болѣе серьезнаго отношенія и болѣе осмысленнаго сужденія о такихъ воззрѣніяхъ, которыя служатъ основой всей нашей жизни и составляютъ критеріумъ всего нашего существа.

IV Законы природы. Одно изъ самыхъ распространенныхъ между матеріалистамы представленій, которое чрезвычайно дополняетъ всѣ ихъ системы и дѣлаетъ многое совершенно непонятное понятнымъ, это—представленіе о законахъ природы.

Матеріалисты говорятъ, напримѣръ, что матерія, пользуясь своими свойствами, производитъ всѣ тѣла въ мірѣ. Атомы, черезъ непосредственный рядъ комбинацій, слагаются иногда въ самыя причудливыя формы и образуютъ самыя сложныя вещи, напримѣръ, глазъ человѣка. Всякій, конечно, задумается надъ этимъ; какъ въ самомъ дѣлѣ безсмысленные, неразумные атомы, простые бездушные шарики, вродѣ нашей охотничей дроби, случайно насыпанные въ какомъ-нибудь уголку человѣческаго тѣла, вдругъ сложились такъ, что сдѣлали глазъ, и почему этотъ глазъ сдѣлался на томъ мѣстѣ, гдѣ ему надлежитъ быть,

Digitized by Google

а не гдѣ-нибудь подъ мышками или на пяткѣ. Это весьма логичный вопросъ, на которой отвѣтить было бы очень трудно, если бы каждый разъ не являлось на выручку представленіе о законѣ природы. Вѣдь это законъ природы, отвѣчаютъ матеріалисты, и все становится яснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если въ природѣ есть законъ, который направляетъ дѣйствія всѣхъ атомовъ и они слагаются въ силу законовъ природы, то что же остается еще объяснять? Все становится понятнымъ для человѣка, не привыкшаго додумываться до конца.

Разберемъ, какими законами управляется вселенная и можетъ ли существовать такой законъ природы, который игралъ бы *активную* роль въ явленіяхъ природы, направляя все существующее къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Вопросъ этотъ въ подробности разобранъ Н. Я. Данилевскимъ въ его книгѣ „Дарвинизмъ“ (т. II, стр. 516—520), а потому мы имѣемъ возможность прямо цитировать оттуда.

Слово „законъ природы“, такъ же, какъ и слово „развитіе“, вводитъ многихъ въ большія заблужденія. Точно такъ подведя явленіе подъ развитіе, думаютъ, что получили его объясненіе, точно такъ же думаютъ, что сдѣлали это, когда говорятъ, что подвели его подъ законъ. Выраженіе „законъ природы“, очевидно, метафорическаго происхожденія; напримѣръ, я скажу:

„Рабъ слѣпой слѣпыхъ законовъ
Мчится поѣздъ въ тьмѣ ночной“.

(Гр. А. А. Голенищева-Кутузова).

„Въ стихахъ, дѣло которыхъ представлять намъ живые, смѣлые“, красивые, величественные, увлекательные образы, это прекрасно. Метафора ихъ область. Я даже не придерусь къ тому, что поѣздъ собственно никакъ уже не рабъ слѣпыхъ законовъ, а цѣлесообразнѣйшихъ намѣреній, выразившихся въ постройкѣ дороги, кладкѣ рельсовъ, устройствѣ машины, въ коихъ всякая милость была предусмотрѣна, цѣлесообразно соображена и разумно выполнена, въ гораздо большей степени, нежели простая дорога и экипажъ, везомый лошадьми и управляемый кучеромъ. Слѣпота, очевидно, относится тутъ къ законамъ упругости паровъ; но пары вѣдь—или просто бы шипѣли и свистѣли, выходя понемногу, и увеличивали бы влажность окружающей атмосферы, или разорвали бы котелъ, а не везли бы поѣзда, совершенно какъ и тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ организмѣ, да и во всемъ мірѣ ничего толковаго бы не произвели, или даже ровно ничего бы не произвели, если

Digitized by Google

слѣпо строили организмы или міры. Но стихи все-таки хороши, и дѣло въ томъ, что пониманіе явленій, въ нихъ выраженное, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, которое соединяютъ съ понятіемъ о законахъ природы не только образованные люди, но и многіе ученые, пониманіе, по которому явленіе есть рабъ, исполняющій нѣкое велѣніе нѣкоей слѣпой воли—закона. Очевидно, что это метафора, а метафоры, метафорическій смыслъ которыхъ забытъ, всегда производятъ великую путаницу въ головахъ человѣческихъ, какъ, напримѣръ, и понятіе развитія, которое также вѣдь метафора. Но мало метафоръ, которыя бы столько путали, какъ метафора „законъ природы". Берется одна сторона явленій, представляющая частную аналогію; по этой аналогіи наименовывается предметъ или явленіе; пока дѣло совершенно невинное,—но это происхожденіе метафоры скоро забывается, и все, выражающееся въ метафорическомъ названіи, принимается за полную аналогію, за тождество,—и путаница готова.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ представляется людямъ, не получившимъ естественно-научнаго образованія, или весьма поверхностно къ нему относящимся, знаменитая Ньютонова формула? Во-первыхъ, ее называютъ закономъ природы, хотя она и нѣчто гораздо высшее, какъ сейчасъ покажу; далѣе думаютъ (и это опять говорю по опыту), что это нѣкая уловка, нѣкая фортель, въ одной части котораго придумано, притяженіе дѣйствовало въ прямомъ отношеніи, а въ другой части какъ-то обратно; и затѣмъ въ первой части просто во сколько разъ больше масса, во столько же разъ и сильнѣе должна она притягивать, а во второй части не просто, а ухищреніемъ, это притяженіе должно ослабѣвать въ квадратномъ отношеніи. Штука преудивительная. И вотъ въ эту-то штуку, уловку, въ этотъ фортель и въ это ухищреніе проникъ Ньютонъ, какъ бы отперъ секретный замокъ. Конечно, люди мало-мальски естественно-научно образованные такъ не думаютъ, но все-таки многіе и очень многіе и изъ нихъ вполнѣ отрѣшаются отъ ошибочности въ пониманіи выраженія „законъ природы",—ошибочности, приставшей къ нему отъ метафорическаго происхожденія, и все еще приписываютъ этимъ законамъ какое-то таинственное, мистическое, объяснительное значеніе.

„Въ выраженіи „законы природы", аналогія, послужившая поводомъ къ этому метафорическому термину, заключается въ сходствѣ обязательности, замѣчаемой въ извѣстномъ порядкѣ явленій, съ обязательностью поступковъ людей, повинующихся гражданскому закону. Но законъ гражданскій есть нѣчто и извнѣ обязательное, и извнѣ объясняющее характеръ поступковъ съ

Digitized by Google

нимъ сообразныхъ. На вопросъ, почему вы такъ-то и такъ-то поступаете—дается отвѣтъ: потому, что такъ повелѣваетъ законъ, и вы понимаете поступокъ, т.-е. нѣтъ ни внѣшняго повелѣнія, нѣтъ ни объяснительной причины, пока такъ называемый законъ природы есть не болѣе какъ законъ. Напримѣръ, въ Европѣ среднимъ числомъ рождается 106 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ. Это называется закономъ; но кто или что повелѣваетъ этому такъ быть? И гдѣ тутъ объясненіе явленію?—ни того, ни другаго не видно. То же самое будетъ и относительно болѣе точныхъ и строгихъ законовъ, напримѣръ, относительно знаменитыхъ Кеплеровыхъ законовъ. Въ первомъ отношеніи ясно, что обязательность тутъ внутренняя, а не внѣшняя. И потому правильнѣе было бы говорить объ обычаяхъ, чѣмъ о законахъ природы; потому что обычай въ себѣ самомъ носитъ свою обязательность. Другое преимущество заключалось бы въ томъ, что исполненіе обычая гораздо сильнѣе обезпечено, чѣмъ исполненіе законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой законъ исполняется такъ строго и точно лицами, ему подлежащими, какъ, напримѣръ, обычай дѣлать визиты на новый годъ членами общества, признающими это правило? Хотя аналогія была бы полнѣе и метаформа правильнѣе, но все-таки осталась бы метафорою. Въ сущности же законъ природы есть не что иное, какъ явленіе или фактъ, не единичный, а извѣстной общности,—общности, могущей распространяться и на очень малое число единичныхъ явленій или фактовъ, даже всегда на два, и на очень большое число ихъ, даже на всѣ. Это будутъ законы частные и законы общіе, между которыми различіе только количественное. Всѣ планеты движутся по эллипсисамъ! Что это такое?—это есть общее, замѣченное въ формѣ всѣхъ планетныхъ путей. Великъ или малъ ихъ экцентрицитетъ, то или иное взаимное наклоненіе плоскостей этихъ путей, во всемъ этомъ и во многомъ другомъ они могутъ различествовать—это будутъ единичные, индивидуальные для каждой планеты факты, а эллиптичность орбитъ есть ихъ законъ. Но чѣмъ же законъ отличается отъ этихъ единичныхъ фактовъ?—Ничѣмъ, кромѣ его общности для всѣхъ планетъ, потому что изъ него, какъ изъ закона, не видно ни причины факта, ни того, что составляетъ его обязательность, совершенно такъ же, какъ и въ томъ, что на 100 дѣвочекъ рождается 106 мальчиковъ, какъ и въ томъ, что при извѣстномъ родѣ лихорадки пароксизмы появляются каждый день,—что также для этой лихорадки составляетъ законъ, т. е. общее явленіе, между тѣмъ какъ многія другія могутъ быть, и дѣйствительно бываютъ, различными, особенными для каждаго

Digitized by Google

больнаго индивидуума. Причины періодичности мы и тутъ не знаемъ, въ чемъ и откуда ея обязательность, или, лучше сказать, мы самую-то констатированную общность, метафорически называя закономъ, какъ бы принимаемъ за обязательность. Если вмѣсто однѣхъ планетъ мы возьмемъ всѣ тѣла нашей солнечной системы, т.-е. и кометы, мы должны будемъ сказать, что вообще онѣ движутся по кривымъ, называемымъ коническими сѣченіями, къ числу коихъ принадлежитъ и эллипсисъ. Законъ получитъ большую общность, будучи общимъ явленіемъ для большаго числа орбитъ, но всѣ прочія свойства его не измѣняются, ничего онъ намъ по прежнему не объяснитъ и не укажетъ, чему приписать его обязательность.

„Но не только законъ природы, все равно частный или общій, ничего не разъясняетъ,—онъ и есть именно то, что преимущественно, даже почти исключительно требуетъ объясненія. Объясненіе частнаго, отдѣльнаго факта съ одной стороны мало интересно, а съ другой—по большей части невозможно, потому, что онъ зависитъ отъ перекрещиванія множества неуловимыхъ причинъ и обстоятельствъ. Такъ, въ вышеприведенномъ астрономическомъ примѣрѣ, кто можетъ сказать, почему такая-то планета имѣетъ именно такое, а не другое, наклоненіе ея орбиты къ плоскости? Но эллиптичность всѣхъ этихъ орбитъ, будучи закономъ, т.-е. общимъ фактомъ, съ одной стороны и вызываетъ объясненіе, требуетъ его, а съ другой—объясненіе это становится возможнымъ, и Ньютономъ дано. Это объясненіе также называютъ закономъ, но совершенно неправильно. Это объясненіе заключается въ гипотезѣ существованія притягательной силы, свойственной всякой долѣ матеріи и распространяющейся равномѣрно во всѣ стороны; и объясненіе это, замѣтимъ, есть метафизическое предположеніе, какъ и всякое дѣйствительно объясняющее начало, а никакъ не законъ природы. Такъ же точно: какой интересъ и какая возможность объяснить тотъ единственный фактъ, что безводная сѣрнистая кислота состоитъ изъ 32 частей сѣры и 32 кислорода, а безводная сѣрная — изъ 32 же сѣры, но 48 кислорода? Но если мы найдемъ, что вообще тѣла соединяются въ немногихъ простыхъ между собою отношеніяхъ и взаимно замѣщаются въ таковыхъ же, т. е. получимъ общій фактъ, такъ называемый законъ, то явится интересъ, и даже принудительный интересъ, а вмѣстѣ и возможность объясненія его, какъ это сдѣлалъ Дальтонъ атомистическою гипотезою, т.-е. предположеніемъ существованія мельчайшихъ, абсолютно недѣлимыхъ частицъ, составляющихъ матерію или вещество. Этотъ предполагаемый атомистическій составъ матеріи никакъ не мо-

Digitized by Google

жетъ быть названъ закономъ природы (предполагая даже полную достовѣрность гипотезы), а такъ же точно, какъ и сила притяженія, есть объяснительное начало и опять-таки метафизическое.

„Итакъ, законы природы суть не что иное, какъ факты или явленія различной степени общности; но именно это-то общее въ нихъ и требуетъ объясненія, и, конечно, само себя объяснить не можетъ. То именно, что факты не остаются въ своей единичности, а сводятся въ болѣе и болѣе общія категоріи фактовъ и явленій, это, и только это, собственно и требуетъ себѣ объясненія."

Однимъ словомъ, и въ этомъ случаѣ повторяется та же ошибка матеріалистовъ, которая проходитъ черезъ все ихъ ученіе. Они составили себѣ представленіе о всесильныхъ законахъ природы, не проанализировавъ, какую дѣйствительно роль играютъ законы въ природѣ, и не позаботившись уже нисколько о какомъ бы то ни было, хотя малѣйшемъ, доказательствѣ своего постоянно примѣняемаго представленія.

Въ сущности же говоря, представленіе „законъ природы" должно всецѣло быть признано *простой грамматической метафорой*, черезъ посредство которой замаскировано какое-то совершенно непонятное и неизученное наукой явленіе природы. Это явленіе природы какъ разъ требовало бы изученія и разъясненія, котораго наука, не выходя изъ узкихъ рамъ позитивизма дать не можетъ, а слѣдовательно, оно до преобразованія программы позитивизма останется вѣчно неизученнымъ.

Однако Бюхнеръ и Молешоттъ настаиваютъ на своемъ и восклицаютъ: „Никому непонятно, — говоритъ Бюхнеръ въ „Stoff und Kraft", — какъ вѣчная, управляющая міромъ причина можетъ согласоваться съ неизмѣнными законами. Или законы природы управляютъ, или вѣчный умъ; вмѣстѣ имъ существовать нельзя: между ними были бы постоянныя столкновенія. Если бы міромъ управляла вѣчная мудрость, законы природы были бы излишними; если же, напротивъ, неизмѣнные законы природы управляютъ міромъ, они исключаютъ всякое вмѣшательство Высшаго Разума".

„Если какая-либо личность, съ какой-нибудь цѣлью, управляетъ матеріею, — говоритъ Молешоттъ, — законъ необходимости исчезаетъ въ природѣ. Каждое явленіе дѣлается достояніемъ случайности и произвола".

На два эти положенія отвѣтить очень легко, тѣмъ болѣе, что они сами по себѣ не вѣрны. Съ одной стороны, матеріалисты не хотятъ допустить возможности, чтобы Предвѣчная Мудрость могла согласоваться съ законами, а съ другой сто-

Digitized by Google

роны они вмѣстѣ съ деистами находятъ, что идея неизмѣнности и постоянства въ природѣ гораздо болѣе согласуется съ идеальнымъ совершенствомъ невѣдомаго Существа, котораго мы называемъ Богомъ, чѣмъ идея измѣняемости и произвола.

Не странно ли утверждать, что постоянство, порядокъ и гармонія, царствующіе въ природѣ, составляютъ признакъ отсутствія Высшаго Разума. Деисты понимаютъ это въ обратномъ смыслѣ: постоянство и мудрость, которыя мы видимъ въ законахъ природы, доказываютъ мудрость въ причинахъ возникновенія этихъ законовъ; именно *эти* законы и показываютъ имъ Вѣчный Разумъ, правящій вселенной. Матеріалисты же хотятъ видѣть безпорядокъ и произволъ въ природѣ, чтобы признать существованіе Бога.

Для сравненія возьмемъ органъ. Онъ прекрасно сдѣланъ; всѣ звуки, выходящіе изъ него, удовлетворяютъ всѣмъ законамъ гармоніи и мелодіи; онъ совершенно машинально производитъ самыя упоительныя мелодіи, и, конечно, не можетъ взять ни одной фальшивой ноты, ни одного негармоничнаго звука. Матеріалисты нашли бы въ этомъ отсутствіе интеллигентной воли строителя его и признали бы ее только тогда, когда бы органъ сталъ фальшивить.

Развѣ идея о законѣ въ государствѣ исключаетъ идею о правителяхъ страны? Развѣ мы не видимъ опроверженія словъ матеріалистовъ въ административномъ строѣ каждаго государства? Развѣ каждое государство не имѣетъ столько законовъ, что, можно сказать, всякій шагъ подданныхъ разсчитанъ и предусмотрѣнъ ими, и, тѣмъ не менѣе, правителямъ остается еще достаточно дѣла при управленіи своими странами. Тѣмъ болѣе это должно относиться до управленія вселенною.

Мы спросимъ: кто далъ эти законы природѣ? Кто устроилъ эту производительность? Кто далъ природѣ постоянное стремленіе къ развитію и къ прогрессу? Кто далъ атомамъ ихъ премудрый строй и способности составлять матерію? Матеріи— силу производить жизнь? Кто выдумалъ живыхъ существъ? И кто далъ имъ ихъ формы и органы, приспособленные къ достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей? Кто заботится о сохраненіи недѣлимыхъ и родовъ, давъ имъ ткани, костяную основу, механизмъ движенія и предусмотрительный инстинктъ? Кто одарилъ ихъ всѣми разнообразными способностями, сообразно назначенію своего и тому положенію, которое они должны занимать въ мірѣ? Однимъ словомъ, если сила жизни одного свойства съ молекулярной силой, — кто же произвелъ ее? Не отъ того ли они отвергаютъ Творца, что Онъ не произвелъ этого, такъ сказать, собственными руками? Зачѣмъ хо-

Digitized by Google

тятъ сдѣлать они изъ Бога чернорабочаго, ворочающаго атомами, по своему произволу безъ всякаго порядка? Ни одинъ мудрый правитель страны никогда не отступалъ отъ изданныхъ имъ же самимъ законовъ; разбирать же форму управленія, принятую Богомъ для поддержанія и храненія своихъ твореній было бы, во всякомъ случаѣ, преждевременно, если не совсѣмъ невозможно человѣку, который не можетъ даже познать Его своими слабыми чувствами. Довольно же и того одного, что правильное пониманіе науки позволяетъ намъ, въ настоящее время, съ полнымъ убѣжденіемъ признать, что міръ управляемъ Разумной Волей, и это уже шагъ громадный, который долженъ измѣнить весь взглядъ науки какъ на самого человѣка, такъ и на всю вселенную и на всѣ отношенія наши ко всей природѣ. Поэтому совершенно понятно, отчего все истинно ученое человѣчество, какъ мы раньше уже видѣли,—люди глубоко и разумно вѣрующіе.

Digitized by Google

Глава X.

Общій характеръ матеріалистической науки.

Разборъ четырехъ коренныхъ матеріалистическихъ положеній, которыя служатъ для дальнѣйшихъ выводовъ и на которыхъ матеріалисты строятъ свое міровоззрѣніе, рѣшительно не подтверждаетъ ихъ обѣщанія ни въ чемъ не уклоняться отъ строгаго опыта и непосредственнаго наблюденія. Напротивъ, мы видимъ одни допущенія и бездоказательныя представленія, которыя не имѣютъ даже права называться научными гипотезами.

Прослѣдивъ всю матеріалистическую науку, вы вездѣ найдете тотъ же самый характеръ бездоказательности.

Самые опыты наблюденія и изслѣдованія производятся серьезно и научно, но всѣ выводы, дѣлаемые на основаніи этихъ опытовъ имѣютъ свой особый матеріалистическій характеръ, ибо ко всякой новой научной данности, добытой опытомъ для разъясненія ее себѣ, они примѣняютъ свой обыкновенный взглядъ на природу вещей и свои принципы, отдѣляющіе ихъ отъ всей вселенной китайскою стѣною разныхъ допущеній и представленій, отчего получается прежняя бездоказательность, недоговоренность, поверхность взглядовъ, требующая опять новыхъ представленій или новыхъ словъ вмѣсто понятія или, наконецъ, ссылокъ на всесильное дѣйствіе законовъ природы.

Digitized by Google

Напримѣръ, **Бюхнеръ** сказалъ: „Міръ состоитъ изъ пустого пространства и атомовъ". Что такое атомъ? — Недѣлимая часть матеріи.

Вы думаете, что, дѣлая такое авторитетное заявленіе и ставя подобный окончательный научный постулатъ, онъ понимаетъ и знаетъ, что такое атомъ и что такое пространство,— всесторонне и абсолютно? — Вы думаете, что онъ выяснилъ себѣ ихъ ясно и наглядно до такой степени, что можетъ отвѣтить на всѣ могущіе возродиться вопросы въ головѣ человѣка, ищущаго истины вообще, или природы вещей и сущности фактовъ и явленій.— Совершенно нѣтъ.

Было бы безполезно стараться искать и доискиваться не только у самаго Бюхнера, но и во всѣхъ остальныхъ матеріалистическихъ ученіяхъ опредѣленій или изслѣдованій касательно природы атомовъ, или чего-нибудь, касающагося сущности или происхожденія ихъ; — такихъ объясненій совершенно нѣтъ.

Всѣ матеріалистическія ученія считаютъ понятіе объ атомахъ совершенно установившимся и начинаютъ всѣ свои дальнѣйшіе выводы о какихъ бы то ни было явленіяхъ природы, какъ о слѣдствіяхъ или свойствахъ этого, давно будто бы намъ извѣстнаго атома. Не говоря уже о неорганическомъ мірѣ, весь органическій міръ разбирается ими, принимая это не вполнѣ выясненное понятіе; — наши мысли, сама жизнь наша, наше сознаніе, все это они считаютъ слѣдствіями свойствъ атомовъ.

Приведемъ слова **Вундта** (Grundz d. Phys. Psychologie, Leipzig, 73 г., S. 226, 228), которыми онъ думаетъ разъяснить проявленіе сознанія и другія сложныя отправленія человѣческаго организма.

„Мы можемъ себѣ представить, что извѣстное первое волокно или извѣстная узловая клѣточка функціонируетъ только въ формѣ ощущенія свѣта, или двигательнаго импульса, но не такъ, что извѣстные центральные элементы служатъ фантазіи, а другіе разсудку. Очевидно, противорѣчіе здѣсь заключается въ томъ, что представляешь себѣ сложныя функціи связанными съ простыми образованіями. Но мы необходимо должны предположить, что элементарныя образованія способны только къ элементарнымъ же дѣйствіямъ. Такія элементарныя дѣйствія въ области центральныхъ функцій суть ощущенія, побужденія къ движенію, а не фантазія память и т. д. Все, — замѣчаетъ далѣе Вундтъ, — что мы называемъ волею и интеллигенціей, разрѣшается, какъ скоро она

Digitized by Google

преслѣдуется до своихъ физіологическихъ элементарныхъ феноменовъ, въ одни превращенія чувствительныхъ впечатлѣній—въ движенія".

Матеріалисты полагаютъ, что подобными, совершенно уже бездоказательными, голословными положеніями они могутъ удовлетворить любознательность людей, желающихъ дѣйствительнаго познанія природы самыхъ явленій. Неужели они думаютъ, что этими поверхностными словами они выяснили все, что интересуетъ въ этомъ случаѣ человѣка, разбирающаго и анализирующаго, что такое сознаніе? Что такое атомъ? Что такое этотъ двигательный импульсъ, играющій такую видную, первенствующую и причинную роль во всѣхъ отправленіяхъ живого организма?.. Неужели этотъ самый главный двигатель человѣческой жизни и дѣятельности не достоинъ бо́льшаго изслѣдованія? Отчего удостоиваютъ они его такимъ малымъ вниманіемъ?—Замѣнять понятія словами есть общераспространенный пріемъ во всѣхъ матеріалистическихъ ученіяхъ; попробуемъ обрисовать болѣе наглядно общій характеръ мышленія матеріалистовъ.

Приведемъ здѣсь примѣръ, помѣщенный у **Ланге** (Истор. матер., т. II, стр. 324), какъ опытъ выясненія матеріалистическихъ пріемовъ.

Купецъ сидитъ удобно въ креслѣ и самъ не знаетъ, долженъ ли онъ заняться куреньемъ, спаньемъ, чтеніемъ газетъ или пищевареніемъ. Входитъ лакей, приноситъ депешу, а въ ней стоитъ: „Антверпенъ и т. д. Іонасъ и К⁰ обанкрутился".— „Пусть кучеръ запрягаетъ лошадей",—вскрикиваетъ купецъ.— Лакей летитъ. Баринъ вскочилъ, встрепенулся; нѣсколько шаговъ по комнатѣ—внизъ въ контору, распоряженія сдѣланы, письма продиктованы, депеши посланы, потомъ въ экипажъ. Лошади фыркаютъ; онъ въ банкѣ, на биржѣ, у дѣловыхъ пріятелей,—не прошло и часу, онъ дома, бросается опять въ кресло со вздохомъ: „Слава Богу, въ самомъ скверномъ случаѣ—я въ безопасности. Теперь надо обдумать дальше".

Это прекрасный мотивъ для душевной картины, могущій служить темой для цѣлой поэмы. Испугъ надежда, потрясеніе, разчетъ, погибель и затѣмъ побѣда; все это совмѣщено въ одинъ какой-нибудь часъ времени; всѣ эти возбужденія были произведены самыми разнообразными впечатлѣніями и представленіями, вызванными одними образами и представленіями, возникающими постепенно, вслѣдствіе какихъ-то высшихъ, отъ организма человѣческаго совершенно не зависящихъ причинъ, которыя человѣческое сознаніемъ не обнимаетъ.

Digitized by Google

Матеріалистъ, разбирая данное лицо, *какъ объектъ вещественнаго міра*, сказалъ бы: „что вошло въ этого человѣка? Образъ нѣсколькихъ чертъ синимъ карандашемъ по бѣлому фону. На сѣтчатую оболочку упали извѣстные лучи свѣта, которые въ своихъ колебаніяхъ сами по себѣ не развиваютъ болѣе живой силы, чѣмъ всякіе другіе лучи. Живая сила для процесса произведенія подготовлена въ нервѣ такъ же, какъ сила сокращенія мускуловъ — въ мускулахъ; безконечно слабымъ импульсомъ волны свѣта она лишь разрѣшится, какъ разрѣшается сила бочки съ порохомъ тлѣющейся искоркой. И ничего большаго матеріалистъ не скажетъ, ибо всѣ дальнѣйшія его изслѣдованія повели бы къ необходимости признать отвлеченность, что матеріалистъ не допускаетъ, — слѣдовательно, для него остается одно только возможное изслѣдованіе, что онъ въ данномъ случаѣ и дѣлаетъ; не принимая сознанія, онъ можетъ только прослѣдить физическій причинный рядъ, черезъ мозгъ до перваго повода къ внезапному движенію; а затѣмъ вся самая существенная сторона факта остается неразъясненною: какимъ образомъ происходитъ, что *эти синія черты производятъ именно въ этомъ человѣкѣ такое дѣйствіе*, котораго онѣ не произвели бы никогда, если бы изображеніе ихъ пало на сѣтчатую оболочку глаза какого-нибудь другого человѣка, не имѣющаго никакого отношенія къ дѣламъ „Іонасъ и К°“? Не произвело ли бы на него другое впечатлѣніе, если бы въ телеграммѣ были тѣмъ же синимъ карандашемъ написаны другія слова, напримѣръ: „невѣста ваша даетъ вамъ согласіе на свою руку и сердце“, или „отецъ вашъ умеръ“?

Всякій отвѣтъ, который ссылается на „представленіе“ въ этомъ случаѣ, не можетъ считаться отвѣтомъ, — это уклоненіе отъ желанія знать истину. Мы желали бы въ этомъ случаѣ видѣть проводники, пути живой силы, объемъ, способъ распространенія и источники физическихъ и химическихъ процессовъ, изъ которыхъ исходятъ первые импульсы, извѣстнымъ способомъ приводящіе въ дѣятельность каждый мускулъ отдѣльно. Мы желали бы видѣть несравненно болѣе важныя нервныя точки, которыя распространяются въ органахъ рѣчи, въ дыхательныхъ мускулахъ, производятъ приказаніе, слово и крикъ, которыя повторяютъ десять разъ ту же игру путемъ звуковыхъ волнъ и слуховыхъ нервовъ другихъ недѣлимыхъ. Мы желали бы, однимъ словомъ, разъяснить такъ называемое психическое дѣйствіе и объяснить физическое, которое мы видимъ, физическими причинами.

Digitized by Google

Пусть читатель не думаетъ, что въ этомъ случаѣ мы требуемъ, чего-либо невозможнаго, ибо матеріалисты признаютъ въ принципѣ, что какъ строеніе организаціи живыхъ существъ, такъ и причинность явленій ими вполнѣ поняты. Если же они признаютъ себя на столько свѣдущими, то, слѣдовательно, имъ должны быть ясны всѣ эти явленія, которыя мы и просили бы разъяснить подробно, не прибѣгая къ употребленію словъ и названій, взамѣнъ прямого и точнаго описанія явленія, или въ противномъ случаѣ мы должны были бы просить ихъ сойти съ своего авторитетнаго пьедестала всезнанія и признаться въ своемъ невѣдѣніи, или по крайней мѣрѣ, въ ограниченности своихъ знаній.

Мы могли бы еще удовлетвориться, если бы намъ выяснили связь между первымъ впечатлѣніемъ волны свѣта и соединенными съ точнымъ фиксированіемъ буквъ импульсами движеній такъ же ясно, какъ мы видимъ, наприм., отраженное въ судорогѣ бедра лягушки. А они вмѣсто этого разыскиваютъ въ мозгу „мышленіе“, „чувствованіе“ и „хотѣніе“, все равно, какъ если бы въ мускулахъ подъ мышкою піаниста желали открыть Dur, Moll, Allegro Adagio и Fortissimo, каждое въ особенномъ закоулкѣ (Ланге, т. II, стр. 326).

Несомнѣнно, что причина всѣхъ этихъ недомолвокъ и поверхностнаго изслѣдованія научныхъ вопросовъ лежитъ въ томъ узкомъ и совершенно спокойномъ взглядѣ, съ которымъ всѣ матеріалистическія системы смотрятъ на окружающій ихъ міръ, вслѣдствіе чего явленія очень сложныя и самая жизнь наша являются пустымъ и шуточнымъ фактомъ. Такое опасное повѣрье глубоко вкоренилось въ убѣжденіи нашей публики, за лучшими представителями во главѣ. Напримѣръ, Д. Писаревъ въ одной изъ своихъ статей пишетъ: „Мы всѣ сильно заражены наклонностью къ натуръ-философіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка и прочей дребедени (!), которая смущаетъ многихъ даже спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться какъ слѣдуетъ съ микроскопомъ и анатомическимъ ножемъ.....“

Этотъ спокойный, исключающій возможность всякаго глубокаго анализа взглядъ Н. Страховъ описываетъ чрезвычайно типично и совершенно въ духѣ матеріалистическихъ ученій въ своемъ сочиненіи „Міръ какъ Цѣлое“, 1872, стр. 160—168, желая удержать всякаго отъ излишнихъ и, по его мнѣнію, суетныхъ требованій отъ жизни и отъ науки. Онъ говоритъ, что замѣчаніе: *„Нѣтъ великаго человѣка, который бы былъ великимъ для своего лакея“* — неблагопріятно не для вели-

Digitized by Google

кихъ людей, какъ многіе думаютъ, но для лакеевъ. Лакей великаго человѣка видитъ въ немъ только черты, которыя въ силахъ понимать, т. е. черты обыкновеннаго, или даже плохого человѣка.

„О человѣкѣ должно судить не по тому, чѣмъ онъ есть въ данную минуту, а потому чѣмъ онъ былъ и чѣмъ онъ можетъ быть.

„Вмѣсто того, чтобы спрашивать: что есть человѣкъ?— мы должны спрашивать: чѣмъ можетъ быть человѣкъ? Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, изъ чего состоитъ человѣкъ мы должны разсмотрѣть, что бываетъ съ человѣкомъ вмѣсто сущности нужно взять дѣятельность, вмѣсто постояннаго—перемѣнное, вмѣсто души—жизнь. Тогда мы убѣдимся, что нѣтъ существа болѣе разнообразнаго, менѣе подчиненнаго какимъ бы то ни было ограниченіямъ, болѣе общаго и, слѣдовательно, совмѣщающаго въ себѣ болѣе противорѣчій чѣмъ человѣкъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что содержитъ этотъ міръ, который озаряется свѣтомъ сознанія? И для чего служитъ самое озареніе? Гдѣ искать твердаго зерна жизни? Что отъ нея остается, что изъ нея выходитъ?“

Возьмемъ вопросъ въ этой послѣдней формѣ. Такъ онъ былъ предложенъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей. Въ порывѣ скорби, возбужденной въ немъ картиною жизни современнаго человѣчества, онъ спросилъ: что выходитъ изъ жизни? — И, казалось, не нашелъ отвѣта. Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе безотвѣтности на такой вопросъ.

„Повидимому, однако же, онъ разрѣшается легко. Можно сказать, что изъ жизни, кромѣ жизни, дѣйствительно ничего не выходитъ,—но что и не нужно, чтобы что-нибудь еще изъ нея выходило. Въ самомъ дѣлѣ — выходитъ жизнь; — чего же больше?

„Представьте, напримѣръ, что кто-нибудь идетъ по тротуару. Такъ или иначе, но только здѣсь совершается нѣкоторое явленіе жизни. Положимъ, философъ наблюдаетъ это явленіе и старается понять. Что найдетъ онъ?—Человѣкъ идетъ. Идти, двигаться, это вѣдь значитъ чего-нибудь достигать, приближаться къ какой-нибудь цѣли. Но философъ очень бы ошибся, если бы сталъ задавать себѣ вопросъ: куда и зачѣмъ идетъ этотъ человѣкъ? Онъ никуда и ни зачѣмъ не идетъ; онъ вовсе не хочетъ куда-нибудь придти; онъ идетъ просто для того, чтобы идти.

Digitized by Google

„На человѣкѣ шляпа. Философъ пожалуй подумаетъ, что она надѣта съ какою-нибудь цѣлью и станетъ разсматривать ее съ этой точки зрѣнія. Повидимому, даже нѣтъ сомнѣнія, что она служитъ для защиты отъ холода, такъ что голова—цѣль, а шляпа—средство. Ничуть не бывало: во-первыхъ у этого человѣка прегустые волосы, такъ что для головы не нужна другая защита, а во-вторыхъ совершенно наоборотъ—не шляпа служитъ для головы, а голова служитъ поддержкой шляпы. Шляпа куплена для того, чтобы ее носить во время прогулокъ, и если этотъ человѣкъ несетъ на своей головѣ шляпу, то именно для того, чтобы нести ее.

„Точно также напрасно мы стали бы ломать себѣ голову, если бы вздумали объяснить себѣ форму этой шляпы. Форма ея также не имѣетъ никакого внутренняго значенія. Шляпѣ дана такая форма ради самой этой формы".

Казалось бы, что, въ настоящемъ пытливомъ вѣкѣ точныхъ наукъ, изслѣдованій и анализовъ всякаго рода, это узкое и поверхностное міросозерцаніе должно было бы находить себѣ очень мало послѣдователей, а на повѣрку выходитъ, что большинство образованныхъ людей, придерживаясь матеріализма, совершенно для себя незамѣтно являются поборниками его. Гораздо труднѣе стараться философскимъ путемъ проникнуть до познанія сущности и природы явленій и фактовъ, чѣмъ остановиться на полъ-дорогѣ изъ-за какихъ-то принциповъ и вообразить себѣ, что дальше идти не слѣдуетъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ этотъ взглядъ на вещи можетъ быть признанъ философскимъ взглядомъ; никакой мало-мальски философски сложенный умъ не можетъ допустить, что человѣкъ живетъ только для того, чтобы жить, идти по улицѣ только для того, чтобы идти, носить голову на плечахъ отъ того, что у него есть шапка? Это значило бы исключить всякое понятіе о цѣли даже въ желаніяхъ и стремленіяхъ самого человѣка, это должно быть признано несообразностью всякимъ, который только потрудился бы вникнуть въ отношенія свои къ условіямъ жизни и къ обстоятельствамъ, окружающимъ его.

А между прочимъ можно безъ всякой утрировки сказать, что всѣ безъ исключенія матеріалистическія системы носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ дѣтской или примитивной науки и смѣшиваютъ идею съ формой, внѣшность съ сущностью. Матеріалистамъ кажется, что они уже исчерпали вопросъ тогда, когда они начали его, не имѣя достаточно основаній, и окончили, не разъяснивъ ровно ничего.

Эта общая черта справедливо заставила многихъ, болѣе глубокихъ мыслителей, совершенно не признавать матеріали-

Digitized by Google

стическія ученія за философію, а, причисляя ихъ къ позитивизму, считать ихъ за особый родъ научныхъ обобщеній, не выходящихъ изъ программы, которой придерживаются положительныя науки.

Такъ говорятъ о матеріалистической философіи противники матеріализма; приверженцы же матеріализма говорятъ то же самое; они тоже исключаютъ ихъ изъ области философіи и причисляютъ также къ позитивизму, оставляя всецѣло за философіей метафизическую и умозрительную части. Они говорятъ, что только въ Англіи злоупотребляютъ словомъ философія, называя даже протоколы парламентскихъ засѣданій „философскими",—такъ широко примѣняютъ они это слово.

Поборники матеріализма находятъ, что большинство матеріалистовъ никогда не уклонялось въ своихъ произведеніяхъ отъ программы позитивизма; какимъ же образомъ можно причислить ихъ произведенія къ рубрикѣ философскихъ, если въ нихъ нѣтъ и слѣда метафизики? Они восхваляютъ какъ свое міровоззрѣніе, такъ и результаты, добытые черезъ него; они говорятъ, что единственно черезъ него они успѣли пріобрѣсти тѣ неоцѣненныя и безспорныя данныя для своихъ познаній, которыми они владѣютъ въ настоящее время. Заканчивая свою исторію философіи, **Дж. Г. Льюисъ** (перев. съ англійскаго, 1885 г., стр. 367) говоритъ: „Достойно вниманія—и это фактъ весьма знаменательный—что въ развитіи умозрѣнія наблюдается прогрессъ только въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, которые доступны позитивному изслѣдованію. Если мы въ настоящее время столь же далеки отъ рѣшенія какой-либо онтологической проблемы, какъ и во времена Прокла, то мы уже гораздо менѣе невѣжественны въ отношеніи законовъ дѣятельности человѣка. Психологія еще не закончена, но она обладаетъ уже многими несомнѣнными истинами. Хотя многое еще остается сдѣлать, но многое уже сдѣлано и, благодаря новому позитивному методу, мы обладаемъ отраднымъ сознаніемъ того, что вышли, наконецъ, изъ заколдованнаго круга *діалектическихъ и логическихъ ухищреній* (?) и идемъ путемъ прямымъ, гдѣ каждый шагъ приближаетъ насъ къ позитивному познанію, гдѣ каждое завоевываніе есть неизмѣнимая истина".

Это, конечно, дѣло личнаго взгляда, но надо думать, что не всѣ согласятся съ нимъ. Вопросъ въ томъ: что лучше?—помощью ли діалектическихъ и логическихъ ухищреній (если бы точный анализъ былъ дѣйствительно немыслимъ) стараться проникнуть въ сокровенныя тайны природы и такимъ образомъ достигнуть истины, или—совершенно обходить ихъ, а если онѣ сами попадаютъ намъ въ глаза и возбуждаютъ наше вни-

Digitized by Google

маніе, то маскировать ихъ разными ложными *представленіями* или исключать ихъ совсѣмъ изъ науки. На это мы замѣтимъ только, что программа положительныхъ наукъ нужна человѣчеству для установленія категорій знанія, для опредѣленія границъ, возможныхъ по точной наукѣ познаній; тѣмъ не менѣе, положительныя науки далеко не могутъ исчерпывать всего того, что было бы желательно знать свободно-мыслящему человѣку и что онъ рано или поздно долженъ достигнуть при развитіи науки, такъ какъ въ головѣ каждаго уже гнѣздятся цѣлые рои вопросовъ.

Дю-Буа-Реймонъ, говоря въ строгомъ смыслѣ слова, тоже матеріалистъ и поборникъ механики атомовъ, онъ также убѣжденъ, что все познаніе природы можетъ быть сведено, рано или поздно, къ механикѣ атомовъ; но онъ философъ въ томъ отношеніи, что не признаетъ свою науку окончательною и допускаетъ причину движенія, лежащаго не въ самихъ атомахъ, что еще больше расширяетъ его свободный и ясный взглядъ на міръ и на способы изслѣдованія его. Онъ смотритъ не узкимъ матеріалистическимъ взглядомъ на задачу жизни и науки, его требованія относительно знанія этой атомистической механики совершенно другія.

На конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ, въ 1872 году, онъ сказалъ: Умъ, который зналъ бы положеніе и движеніе всѣхъ атомовъ вселенной для даннаго, очень маленькаго, періода времени, долженъ быть также въ состояніи, по правиламъ механики, вывести изъ этого все будущее и прошедшее. Онъ могъ бы посредствомъ надлежащаго развитія своей міровой формулы сказать намъ, *кто была Желѣзная Маска*, или *какъ погибъ Президентъ*. Какъ астрономъ предсказываетъ тотъ день, въ который черезъ многіе годы опять возникнетъ на небесномъ сводѣ комета изъ глубины мірового пространства, такъ этотъ умъ читалъ бы въ своихъ уравненіяхъ тотъ день, когда греческій крестъ будетъ блистать на соборѣ Софіи, или когда Англія сожжетъ свой послѣдній каменный уголь. Если бы онъ вставилъ въ міровую формулу время равнымъ безконечности, то передъ нимъ раскрылось бы загадочное первобытное состояніе вещей. Онъ увидѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію или уже движущеюся, или неравно распредѣленною, такъ какъ при равномъ распредѣленіи неустойчивое равновѣсіе никогда не нарушалось бы. Если бы онъ увеличивалъ время безгранично въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, угрожаетъ ли теорема Карно вселенной лишь послѣ безконечнаго или уже послѣ конечнаго времени ледяною неподвижностью".

Digitized by Google

По его мнѣнію, только подобная формула могла бы утвердить человѣка въ истинности его познанія атома. Эта задача, конечно, могла бы и не быть скоро выполнена; можетъ быть, до этого никогда не достигъ бы человѣкъ, но, тѣмъ не менѣе, пока задача эта еще не разрѣшена, пока подобная формула еще не отыскана, наука должна стремиться и добиваться такого знанія и сознавать, что вопросъ этотъ въ сущности остается еще совершенно открытымъ, однимъ словомъ—наука должна чувствовать свое безсиліе и видѣть пробѣлы своихъ знаній.

Digitized by Google

Глава XI.

Богъ и безконечность Его твореній.

„Бога никто же не видѣ нигдѣ же,
Единородный Сынъ сый въ лонѣ Отчѣ,
Той исповѣда". (Іоаннъ I).

На основаніи всего вышесказаннаго, мы считаемъ себя въ вольномъ правѣ заключить нижеслѣдующее:

1) Истинная и свободная наука въ лицѣ своихъ лучшихъ и геніальнѣйшихъ представителей признаетъ Бога Творцемъ и Промыслителемъ вселенной и Его Высшую Безконечную Волю — правящей и руководящей всѣмъ сущимъ, сотвореннымъ Имъ.

2) Позитивисты, матеріалисты, вообще представители такъ называемыхъ раціональныхъ наукъ, не только не опровергли существованія Бога, но не имѣли бы къ тому ни малѣйшей возможности при всемъ своемъ желаніи, такъ какъ въ рамки ихъ наукъ не включена ни одна изъ тѣхъ наукъ, которыя могли бы трактовать о столь возвышенныхъ и отвлеченныхъ темахъ. Поэтому, если когда-нибудь какой-нибудь изъ ученыхъ, принадлежащихъ къ лагерю позитивизма или матеріализма, и позволилъ себѣ сказать что-либо о Богѣ, то это его мнѣніе должно быть признано частнымъ и совершенно произвольнымъ, ибо никакихъ основаній, почерпнутыхъ изъ его положительной науки, оно ни въ какомъ случаѣ имѣть не могло.

3) Надо быть вполнѣ увѣреннымъ, что когда средній уровень духовно-нравственнаго развитія людей, стоящихъ во главѣ господствующей нынѣ науки, возвысится до того, что они

Digitized by Google

поймутъ всю недостаточность и бездоказательность теорій и представленій ихъ науки, то они, конечно, перестанутъ удовлетворяться ими. Тогда они увидятъ себя принужденными пересмотрѣть всѣ свои науки и исправить всѣ неточности и ошибки, вкравшіяся въ нихъ отъ неестественнаго допущеннаго ими міровоззрѣнія и отъ примѣненія въ наукѣ не строго разумомъ провѣренныхъ основаній. Для облегченія этого предстоящаго имъ громаднѣйшаго труда, они волей или неволей должны будутъ преклониться передъ авторитетомъ великихъ и геніальнѣйшихъ учителей науки и вновь отыскать давно заброшенныя и уже заплѣснѣвшія странички старой науки, покрытыя мохомъ и пылью, гдѣ давно уже были подняты и до нѣкоторой степени разработаны вопросы о сущности и природѣ вещей, фактовъ и явленій, гдѣ великіе учителя требовали включенія въ науку Высшей Воли и Высшаго Разума, какъ главныхъ факторовъ природы, какъ начало всѣхъ началъ. Только послѣ своего преобразованія новая возрожденная наука и ея послѣдователи будутъ въ состояніи продолжать изслѣдованія природы, но уже въ новомъ духѣ, на новыхъ основаніяхъ и въ томъ божественномъ направленіи, въ которомъ науку начинали вести ихъ великіе учители. Передъ адептами этой новой науки будутъ открываться сокровенныя тайны премудрости бытія, какъ нѣкогда открывались онѣ и передъ геніальнѣйшими ихъ предшественниками, и они тоже станутъ прозрѣвать великія истины и увидятъ Бога въ природѣ управляющимъ вселенною. Только тогда они поймутъ, до какой степени ослѣпленіе ихъ было велико, что они могли простую грамматическую метафору подъ пресловутымъ названіемъ „законъ природы“ возводить на степень Божества, способнаго творить чудеснѣйшія и премудрѣйшія дѣла и управлять вселенной.

Тотъ, чье духовно-нравственное развитіе позволяетъ вникнуть въ величіе и премудрость вселенной, тотъ никогда не могъ бы впасть въ столь тяжелую, крайне грустную ошибку; ибо онъ не могъ бы себѣ иначе представить вселенную, какъ фактически безконечною, какъ по ея протяженію, такъ и по обилію проявляющихся движеній и жизни въ каждомъ уголкѣ ея.

Понимая въ истинномъ свѣтѣ сущность безконечности, онъ не усомнился бы, что сотворить безконечность могло только такое Существо, которое Само обладаетъ безконечными качествами, способностями и властью, а слѣдовательно, Оно никогда не можетъ быть постижимо человѣкомъ. Поэтому здравый смыслъ и логика должны были бы протестовать, если бы кому-нибудь пришло въ голову назвать творцомъ вселенной

Digitized by Google

что-либо конечное или вообще находящееся въ предѣлахъ человѣческой познаваемости. Онъ долженъ былъ бы сказать себѣ: „Нѣтъ, это невозможно, это не творецъ міра, ибо это я понимаю, а Создавшаго безконечность я понять не въ состояніи; это было бы слишкомъ смѣло и тщеславно съ моей стороны думать, что я охватилъ своимъ разумомъ, постигъ безконечность и Бога".

Вглядитесь въ звѣздное небо въ темную ночь; постарайтесь сосредоточиться на этихъ милліардахъ звѣздъ, сіяющихъ передъ вашими глазами. При видѣ этого величія, на каждаго нападаетъ благоговѣйное чувство необходимости преклониться передъ обиліемъ непостижимой премудрости. Является невольное желаніе слиться съ природой, вознестись надъ всѣмъ міромъ, хотя бы однѣми своими мыслями и превратить ее всѣмъ своимъ существомъ въ одно безраздѣльное созерцаніе.

Разсматривая небо, человѣкъ видитъ планеты и ихъ спутниковъ, вращающихся около солнца, и знаетъ, что всѣ эти планеты суть отдѣльные міры, такіе же, какъ и наша земля; что однѣ изъ планетъ лучше по условіямъ жизни, другія — хуже, но что всѣ онѣ, по даннымъ современной астрономіи, обитаемы, всѣ онѣ кишатъ жизнью и растительностью, и во всемъ соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя даетъ сама планета; а потому флора и фауна однѣхъ планетъ можетъ не походить на флору и фауну другихъ. Разнообразіе формъ жизни такъ же многочисленно, какъ и сами условія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой годъ, свой мѣсяцъ, свою длину дня; особую силу тяжести и напряженія солнечныхъ: теплоты и свѣта, а слѣдовательно и разныя напряженія магнитныхъ, электрическихъ, эфирныхъ и другихъ токовъ; особое число спутниковъ, особыя составныя части воздуха и разное наклоненіе осей эклиптики, устанавливающее климаты и времена года планетъ; особую плотность матеріи, составляющую какъ неорганическое, такъ и органическое царство ихъ; особую силу притяженія, дающую равныя ускоренія движеніямъ тѣлъ на планетѣ и обусловливающую вѣсъ предметовъ.

Астрономическая физіологія, разбирая все это разнообразіе жизни, приходитъ къ самымъ интереснымъ и въ высшей степени замѣчательнымъ выводамъ. Она совершенно измѣняетъ самоувѣренный и тщеславный взглядъ людей на свою планету и на будто бы исключительное положеніе земнаго человѣка во вселенной. Успѣхи астрономіи показываютъ не ничтожество человѣка, но настоящее его мѣсто въ природѣ. Астрономія показываетъ, что если мы, можетъ быть, и послѣднее звено творенія на землѣ, то мы все-таки не единственныя существа въ

Digitized by Google

своемъ родѣ. Другія планеты имѣютъ также существъ, аналогичныхъ намъ, изъ которыхъ многія лучше и совершеннѣе насъ. Жизнь на этихъ планетахъ легче и болѣе удовлетворяетъ условіямъ развитія тѣлесныхъ формъ и образованію интеллектуальныхъ качествъ.

Но разнообразіе физіологическаго сложенія тѣла жителей планетъ относится только до формы и способностей тѣла, но не до состава души и разумнаго начала существъ. Объ этомъ прекрасно говоритъ Камиллъ Фламмаріонъ (Les terres du ciel, 2 ed., 1877, p. 165): „Разница условій жизни на планетахъ породила соотвѣтственныя разнообразія организмовъ существъ, живущихъ на нихъ. Тѣла ихъ непохожи на наши тѣла; но это не можетъ относиться до души ихъ, ни къ разумному началу; ибо чистый разумъ одинъ, и истина одна. Могутъ быть разнообразія въ степени разумности, въ проявленіяхъ способностей души, но не въ сущности разума и въ существѣ души. Можетъ быть, на нѣкоторыхъ планетахъ не ѣдятъ, можетъ быть, ходятъ не на ногахъ, у нихъ глаза, уши, зубы могутъ быть сдѣланы иначе; но несомнѣнно, что вездѣ разсуждаютъ о безспорныхъ принципахъ совершенно такъ же, какъ и мы: на всѣхъ мірахъ дважды два — четыре, вездѣ трехугольникъ состоитъ изъ трехъ угловъ и сумма его угловъ равна двумъ прямымъ. Вездѣ совѣсть приближается, болѣе или менѣе, къ тѣмъ же абсолютнымъ нравственнымъ истинамъ. Какъ бы тѣла ни разнились въ своемъ сложеніи, но мыслящія души должны непремѣнно быть сестрами между собой“.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь планетъ, есть еще неисчислимое количество мелкихъ тѣлъ, слѣдующихъ по солнечной системѣ: болидовъ, метеоровъ, падающихъ звѣздъ и просто камней, падающихъ на землю. На нихъ мы не будемъ останавливаться, упомянемъ только объ астероидахъ. Астероиды— это остатки разорванной планеты, находившейся между Марсомъ и Юпитеромъ. Это маленькія планетки, числомъ около 180, имѣютъ свой совершенно правильный и самостоятельный ходъ, свои времена года и всѣ особенности, какъ и большія планеты. Астрономія не отнимаетъ и отъ нихъ возможности быть заселенными. Она говоритъ что не величина планетъ даетъ ей жизнь. Юпитеръ въ 114 разъ больше земли, Сатурнъ въ 864,—это нисколько не мѣшаетъ землѣ быть заселенною.

Отъ астероидовъ перейдемъ къ кометамъ. Кометы также двигаются кругомъ солнца, слѣдуя его поступательному движенію, но онѣ не имѣютъ кругового движенія, онѣ проходятъ близко около солнца по дугѣ эллипсиса; затѣмъ, слѣдуя той

Digitized by Google

же дугѣ, удаляются на разныя, болѣе или менѣе, значительныя разстоянія и приближаются обратно къ солнцу черезъ извѣстные для каждой кометы періоды времени. Множество кометъ, въ особенности маленькихъ, направляются прямо на солнце, и массы такихъ кометъ падаютъ на него и поглощаются имъ.

Изъ всѣхъ, являющихся на небѣ кометъ, только малая часть видна простымъ глазомъ; мы видимъ только большія и только тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ близко отъ земли. Не всѣ кометы имѣютъ постоянное свое движеніе только кругомъ солнца; есть такія, которыхъ скорый ихъ ходъ увлекаетъ за сферу притяженія солнца и онѣ улетаютъ дальше, вертясь около другихъ солнцъ, а можетъ быть есть и такія которыя гуляютъ кривыми траекторіями по всей вселенной.

Самая замѣчательная комета эта та, которая проходила по нашему небосклону въ 1843 году, и хвостъ ея былъ длиной 320.000.000 верстъ. Она прошла по дугѣ параболы чрезвычайно близко отъ солнца, именно 800.000 верстъ отъ центра его, или 50.000 верстъ отъ математической или видимой поверхности солнца; а такъ какъ на высоту до 320.000 верстъ отъ поверхности солнца поднимаются массы, бросаемыя вулканами и взрывами постоянно кипящаго ядра солнца, а водоворотъ, окружающій солнце идетъ еще дальше, то надо сказать, что эта комета пронизала эту поверхность солнца и испытала всю силу его жары. Жара эта, по крайней мѣрѣ, въ 3.000 разъ сильнѣе той, которую мы получаемъ отъ солнца. Эта жара не имѣющая себѣ подобныхъ въ мірѣ, не произвела, однако, никакого видимаго вліянія на комету. Комета совершенно своевременно и въ такомъ же видѣ появилась на другой сторонѣ солнца, неизмѣнно продолжая свое движеніе. Скорость этого движенія была ужасная, ядро кометы двигалось 600.000 верстъ въ часъ, т.-е. въ 6 разъ скорѣе земли, а хвостъ ея (какъ и у всякой кометы держалъ свое направленіе отъ солнца, т.-е. въ какомъ бы положеніи ни была комета,— хвостъ ея направленъ въ противоположную сторону) описалъ кругъ, отворачиваясь отъ солнца, съ ни съ чѣмъ несравнимою быстротою а именно: оконечность хвоста сдѣлала 500.000.000 верстъ въ часъ.

Эта ужасная быстрота заставила астрономовъ предположить, что хвостъ кометы не матеріаленъ. Они полагали, что что-нибудь вѣсомое и матеріальное, въ особенности газообразнаго сложенія, не можетъ разсѣкать пространство съ такою скоростію; они хотѣли остановиться на томъ опредѣленіи, что хвосты кометъ состоятъ изъ какого-нибудь эфира, или игры

Digitized by Google

свѣта, или вообще изъ состава намъ неизвѣстнаго; но спектральный анализъ ясно показываетъ, что хвостъ имѣетъ своею главною составною частью углеродъ; тѣмъ не менѣе подобное состояніе углерода въ наукѣ окончательно неизвѣстно.

Движеніе кометъ крайне интересно и загадочно. Если мы думаемъ, что знаемъ причины движенія планетъ кругомъ солнца, ибо подобрали такія математическія формулы, которыя показываютъ намъ законы ихъ движенія, то все же мы рѣшительно ничего не можемъ сказать о кометахъ. Что заставляетъ ихъ двигаться съ такой быстротой? Почему, летя къ солнцу, онѣ заворачиваютъ кругомъ него? Зачѣмъ и почему, отходя отъ него нормально, на извѣстное разстояніе, онѣ опять возвращаются назадъ, дѣлая крутой поворотъ?— Все это темно и невыясняется астрономами.

Астрономія говоритъ только, что странныя и загадочныя силы, начинаютъ тревожить комету, когда она подходитъ къ солнцу; изъ круглаго ядро ея дѣлается овальнымъ, она вытягивается по направленію къ солнцу,—до того притягательная сила его велика; но что задерживаетъ ее? Какія развиваются отталкивающія силы, мѣшающія ей упасть на солнце?— Это неизвѣстно и непостижимо.

Есть ли жизнь на этихъ кометахъ?—Многіе астрономы выражались утвердительно; стѣсняло ихъ только одно обстоятельство, что кометы имѣютъ всегда измѣняющіяся температуры. Нѣкоторыя изъ нихъ проходятъ слишкомъ близко отъ солнца, но затѣмъ, испытавъ всю силу его жары, онѣ удаляются въ царство ни съ чѣмъ несравнимыхъ морозовъ на многія столѣтія. Но! восклицаютъ астрономы, послѣ всего, что намъ приходится видѣть, мы можемъ спросить: гдѣ же кончается матерія и гдѣ начинается духъ? Развѣ мы это знаемъ? Развѣ трудно предположить такую переходную степень въ организаціи существъ, гдѣ бы не ощущались переходы температуры. Температура есть только состояніе эфира; дѣйствуетъ ли это состояніе эфира на все живое, или есть живыя существа во вселенной, на которыхъ это состояніе не отражается и не дѣйствуетъ,—мы на это отвѣта дать не можемъ.

Какое пространство занимаетъ солнечная система?—Мы сказали, что солнце имѣетъ поступательное движеніе со скоростью 3.333 версты въ часъ и что всѣ планеты, вертясь около солнца, описываютъ винтовыя линіи, слѣдуя за движеніемъ солнца; то же дѣлаютъ всѣ небесныя тѣла солнечной системы, соблюдая строгій порядокъ и послѣдовательность, слѣдуя движеніямъ солнца; но велика ли обширность, или вся площадь, занимаемая движеніемъ этихъ тѣлъ? Мы видѣли, что

Digitized by Google

самая отдаленная планета отъ нашей системы, Нептунъ, отстоитъ отъ солнца на 4.440.000.000 верстъ; мы видѣли комету 1680 г., которая отходитъ отъ солнца на 128.000.000.000 верстъ, но это далеко не все,—сфера притяженія солнца еще гораздо дальше.

Ближайшая соперница солнцу—это звѣзда **а** созвѣздія Центавра, видимая на южномъ полушаріи и находящаяся въ разстояніи отъ солнца въ 32 трилліона верстъ (32.000.000.000.000). Ея масса равна половинѣ массы солнца и **а** Центавра будетъ на разстояніи 24 трилліоновъ верстъ отъ солнца. Слѣдовательно, тѣло, которое выйдетъ изъ-за этого предѣла, будетъ притянуто звѣздой **а** Центавра. Съ другой стороны солнца мы видимъ ближайшую къ намъ звѣзду, это 61-ю въ созвѣздіи Лебедя. Предѣлъ притяженія солнца съ этой стороны 60 трилліоновъ верстъ; остальныя звѣзды всѣ гораздо дальше. Слѣдовательно, наша солнечная система занимаетъ площадь поперекъ своего движенія, принимая въ разсчетъ сферу притяженія **а** Центавра, 3 нональона квадратныхъ верстъ (3.000.000.000.000.000.000.000.000.000.000).

И вся эта солнечная система, съ милліардами спутниковъ своихъ, не можетъ, по отношенію ко всей вселенной, сравниться даже съ одной песчинкой въ Сахарѣ, съ одной каплей воды въ океанѣ.

Какое же представленіе можемъ мы себѣ сдѣлать о вселенной?—Мы положительно теряемся въ этихъ величинахъ при нашихъ ограниченныхъ пяти чувствахъ; если бы мы и призывали на помощь все наше вниманіе и все наше воображеніе, то тогда развѣ только мы получили бы тѣнь нѣкотораго понятія объ этихъ безконечныхъ пространствахъ, или, лучше сказать, мы вполнѣ поняли бы и убѣдились бы, что представить себѣ и охватить своими способностями вселенную мы положительно не въ силахъ.

Развѣ уже такъ велика вселенная? Развѣ такъ разнообразно небо, сотворенное Богомъ? Да,—обширность неба и тѣ новыя разнообразія, которыя мы встрѣтимъ въ условіяхъ жизни на планетахъ, такъ безконечно многочисленны, какъ и самое число планетъ, какъ безконечно то пространство, по которому двигаются всѣ міры.

Мы попробуемъ сдѣлать бѣглое описаніе вселенной въ самыхъ краткихъ чертахъ, не упоминая о милліонахъ весьма замѣчательныхъ, но второстепенныхъ, по нашему, предметовъ, для которыхъ мы положительно не имѣемъ мѣста въ нашей книгѣ.

Digitized by Google

Когда въ безоблачную ночь вы наблюдаете небо, то видите его усѣяннымъ звѣздами. Но то, что вы видите простымъ глазомъ,—это только одна десятитысячная часть всего того, что вы можете видѣть въ телескопъ. То же, что вы видите въ выши самые сильные телескопы, въ свою очередь, будетъ, опять-таки, самая ничтожная часть того количества звѣздъ, которое въ дѣйствительности существуетъ.

Всѣ эти звѣзды называются нами „постоянными“ и кажутся намъ стоящими неподвижно на необосклонѣ, но, тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное и чрезвычайно скорое движеніе, а кажутся онѣ намъ стоящими неподвижно по причинѣ своей отъ насъ отдаленности.

Всякая изъ этихъ звѣздъ составляетъ отдѣльную солнечную систему, совершенно такую, какъ и наша система; кругомъ каждой изъ нихъ вертятся такія же планеты съ ихъ спутниками и кометы, какъ и кругомъ нашего солнца, которыя получаютъ совершенно такъ же отъ своихъ солнцъ движеніе, свѣтъ, теплоту, жизнь и т. д. Мы, конечно, не видимъ этихъ планетъ, ибо онѣ слишкомъ далеки отъ насъ, мы не видимъ даже ихъ въ самые сильные телескопы, но существованіе ихъ вполнѣ доказано еще со временъ Кеплера.

Всѣ эти планеты, какъ мы уже сказали, такіе же отдѣльные міры, какъ нашъ; на нихъ такая же жизнь, такая же растительность но всѣ онѣ имѣютъ разныя условія существованія, во многомъ несхожія съ нашими условіями, напримѣръ: многія такія системы находятся въ зависимости отъ двухъ звѣздъ, или солнцъ своей системы, многія—отъ трехъ и даже отъ четырехъ. Конечно, тѣ системы, которыя имѣютъ два, три или четыре источника тепла, свѣта, а слѣдовательно нѣсколько центровъ притяженія, должны имѣть многія условія физическія и механическія, совершенно непохожія на наши условія жизни и движенія, о которыхъ мы, въ настоящее время, мало имѣемъ понятія.

Въ этихъ многосолнечныхъ системахъ замѣчательно главнымъ образомъ то, что въ большинствѣ случаевъ одно изъ этихъ солнцъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ, а другое солнце цвѣтное: синее, красное, желтое или зеленое. Напримѣръ, въ созвѣздіи „Персея“ есть звѣзда, которая сопровождается другимъ солнцемъ синяго цвѣта. Въ созвѣздіи „Змѣеносца“ есть два солнца, красное и синее и т. д. Такихъ системъ очень много. Во всѣхъ этихъ системахъ съ цвѣтными солнцами свѣтъ долженъ странно разнообразить ландшафты.

Надо большое художественное воображеніе, чтобы представить эти сочетанія цвѣтовъ, намъ, привыкшимъ видѣть все

Digitized by Google

освѣщеннымъ въ одинъ только бѣлый цвѣтъ. Какое представленіе можемъ мы себя сдѣлать о ландшафтѣ, который освѣщенъ одновременно двумя солнцами: однимъ краснымъ, а другимъ синимъ? Или представить себѣ полдень:—синее солнце свѣтитъ полной своей силой, и освѣщенные предметы имѣютъ ярко-блестяще-синій цвѣтъ; тѣни темносиняго цвѣта и звѣзды видны на небѣ, ибо воздухъ не достаточно освѣщенъ, чтобы скрывать ихъ отъ взора жителей; въ это время встаетъ красно-пурпуровое солнце, какъ зарево огромнаго пожара; это сочетаніе цвѣтовъ трудно себѣ представить, оно измѣнило бы видъ всего, на что мы привыкли смотрѣть. Спутники планетъ, которые окрашиваются тоже въ разные цвѣта, должны представлять глазу совершенно намъ непостижимыя зрѣлища. Кокой художникъ можетъ изобразить, или какое воображеніе можетъ себѣ представить ландшафтъ, освѣщенный сразу четырьмя разноцвѣтными солнцами и четырьмя такими лунами, какія являются тѣни и полутѣни, во что обратится всякій нашъ видъ послѣ такого освѣщенія?

Это разнообразіе цвѣтовъ и присутствіе нѣсколькихъ сильныхъ центровъ притяженія и источниковъ тепла должно неминуемо отразиться на бытѣ, на условіяхъ жизни и составѣ всего находящагося на планетахъ подобной системы: на климатъ, на произрастеніе, на приливы и отливы, на вѣтры, на магнитные и другіе токи, на всѣ физическія явленія и т. д., и т. д., вообще на всѣ состоянія и организмы жителей и на всю жизнь этихъ планетъ.

Приведемъ здѣсь другую, рѣзко отличающуюся особенность звѣздныхъ системъ. Свѣтъ, распространяемый солнцемъ и большинствомъ постоянныхъ звѣздъ, имѣетъ одну и ту же силу и цвѣтъ, которыя никогда не прибавляются и не убавляются. Но есть звѣзды, у которыхъ сила свѣта чрезвычайно измѣнчива; мы видимъ ихъ сегодня свѣтлыми, а завтра совершенно блѣдными; черезъ нѣкоторое время свѣтъ ихъ опять усиливается. Есть такія, которыя совсѣмъ пропадаютъ и болѣе никогда не видны. Объ этой способности звѣздъ было много писано, напримѣръ: у Араго (Astronomie populaire 372—376). Тутъ же желающіе ближе ознакомиться, на страницахъ 376 и 380, найдутъ указанія о томъ, что многія звѣзды, которыя были долгое время наблюдаемы астрономами, исчезли и погасли окончательно.

Звѣзда „О“ въ созвѣздіи Кита вообще чрезвычайно свѣтла; но временами она блѣднѣетъ и пропадаетъ совсѣмъ; черезъ нѣкоторое время появляется опять. „Х“ въ созвѣздіи Лебедя очень часто, моментально, изъ пятой величины превращается

Digitized by Google

въ звѣзду десятой величины, и черезъ нѣкоторое время моментально дѣлаетъ обратное превращеніе—изъ десятой величины переходитъ въ пятую. Многія звѣзды имѣютъ періоды для подобныхъ превращеній въ силѣ своего свѣта, другія перемѣняютъ его совершенно произвольно.

К. Фламмаріонъ, разбирая въ своемъ сочиненіи Les merveilles celestes", стр. 131, всѣ слѣдствія, которыя должна оказывать эта способность измѣнять силу свѣта у солнца на планеты его системы,—приходитъ къ разнымъ, чрезвычайно замѣчательнымъ заключеніямъ. „Солнце такой системы иногда расточаетъ въ огромномъ количествѣ свѣтъ и теплоту на планеты, отчего поверхность ихъ нагрѣвается непомѣрно, иногда просто накаляется. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы видимъ, что свѣтило, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, гаснетъ и мало-по-малу погружается въ абсолютную темноту; и вся система, вслѣдъ за своимъ солнцемъ, стынетъ, замерзаетъ и все покрывается льдомъ; есть планеты, которыя совершаютъ это періодично, другія совершенно произвольно и неправильно. Послѣ нѣкотораго, болѣе или менѣе продолжительнаго, времени свѣтило опять возгарается и достигаетъ своего первоначальнаго блеска и теплоты".

Это „рѣзкія особенности, которыя астрономія открыла въ жизни планетъ и которыя не встрѣчаются у насъ въ нашей солнечной системѣ. Мелкихъ особенностей можно было бы привести очень много, онѣ положительно неисчислимы. Скажемъ только, что какъ безконеченъ Богъ, создавшій эти планеты, такъ безконечно и то количество условій, которыми онъ ведетъ существа къ высшему благу и совершенству. Если бы матерія имѣла свойство порождать всѣ эти явленія, какъ учатъ матеріалисты, то проявленія были бы всегда однообразны; мы видѣли бы на каждой планетѣ повторенія того же самаго, какъ слѣдствіе способности матеріи. Это же постоянное разнообразіе не допускаетъ сомнѣнія въ Правящемъ и Высшемъ Разумѣ и служитъ однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ безконечной и разумной силы Творчества.

Перейдемъ къ разстоянію, отдѣляющему насъ отъ другихъ планетъ. Но для этого надо сперва оговориться. Эти разстоянія такъ велики, что мы не можемъ считать ихъ верстами; цифры помрачатъ совсѣмъ наше понятіе и не будутъ давать ясныхъ представленій. Въ астрономіи принято считать эти разстоянія, принимая за единицу мѣры разстояніе отъ земли до солнца. Разстояніе это равно 152.000.000 верстъ.

Переходя отъ нашей версты, какъ единицы мѣры, на другую, болѣе обширную единицу, надо, для лучшаго ея пред-

Digitized by Google

ставленія себѣ, сдѣлать наглядное сравненіе ея съ представленіями, намъ хорошо извѣстными: 1) Пушечное ядро, вѣсомъ въ 30 фунтовъ и заряженное 15-ю фунтами пороха, летитъ 1750 фут. въ секунду; этою скоростью ядро долетитъ отъ земли до солнца въ 10 лѣтъ. 2) Звукъ, если мы предположимъ, что онъ будетъ распространяться также скоро и за предѣлами нашего воздуха, т. е. 1225 фут. въ секунду, — пойдетъ только въ 15 лѣтъ. 3) Скорый поѣздъ желѣзной дороги, дѣлая каждый часъ по 50 верстъ, дойдетъ до солнца въ 340 лѣтъ. 4) Свѣтъ отъ солнца идетъ до земли 8 минутъ и 13 секундъ. Вотъ какое разстояніе будетъ нашей единицей мѣры.

Посмотримъ теперь, насколько удалены ближайшія къ намъ звѣзды. Самая близкая изъ нихъ отстоитъ отъ насъ, какъ мы уже сказали, на южномъ полушаріи,—это звѣзда „а“ въ созвѣздіи Центавра, а на сѣверномъ 61-я звѣзда созвѣздія Лебедя; первая удалена на 222.000 разъ болѣе разстоянія отъ земли до солнца, а вторая на 404.000 разъ больше. Чрезвычайно удобно мѣрять эти разстоянія временемъ прохода свѣта; свѣтъ пробѣгаетъ 300.000 верстъ въ одну секунду или 1 милліардъ верстъ въ 1 часъ (1.000.000.000), отъ „а“ Центавра свѣтъ проходитъ въ $3^1/_2$ года, отъ 61-й звѣзды Лебедя $6^6/_{10}$ года. Это ужасныя разстоянія; звукъ прошелъ отъ „а“ Центавра до насъ въ 3 милліона лѣтъ, а поѣздъ желѣзной дороги, идя 60 верстъ въ часъ, дошелъ бы до „а“ Центавра въ 60 милліоновъ лѣтъ.

Приведемъ здѣсь нѣсколько звѣздъ, какъ напримѣръ:

НАИМЕНОВАНІЯ:	Видимая величина звѣзды.	Разстояній отъ земли до солнца.	Время прохода свѣта.
„а“ Центавра	1	222.000	$3^1/_2$ года.
61-я Лебедя	$5^1/_2$	404.000	$6^2/_{10}$ „
Сиріусъ	1	1.069.000	$16^7/_{10}$ „
Вега	1	1.146.000	18 лѣтъ.
„а“ Лиры	1	1.330.700	21 годъ.
„а“ Большой Медвѣдицы . .	4	1.551.000	$24^8/_{10}$ „
Арктусъ	1	1.624.000	$25^4/_{10}$ „
Полярная звѣзда	2	2.714.000	$42^1/_2$ „
Капелла	1	4.484.000	$76^6/_{10}$ „

Итакъ, мы видимъ, что даже отъ звѣздъ первой величины, т. е. самыхъ блестящихъ на нашемъ небосклонѣ, свѣтъ можетъ идти до насъ 76 лѣтъ, дѣлая по милліарду верстъ въ каждый часъ. Если бы вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы эта звѣзда исчезла, мы узнали бы это только черезъ 76 лѣтъ;

Digitized by Google

а въ продолженіе всѣхъ этихъ 76 лѣтъ свѣтъ доносился бы до насъ, пробѣгая эти громадныя пространства. Очень возможно, что астрономы наблюдаютъ въ настоящее время такія звѣзды, которыя уже десятки лѣтъ не существуютъ.

Въ приведенной таблицѣ, мы видѣли одну звѣзду, очень близкую къ намъ, которая 5-й величины, и, наоборотъ, Капеллу — первой величины, какъ самую отдаленную отъ насъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами звѣздъ, — это указываетъ только на разнообразіе ихъ величины. Дальность, однако, играетъ все-таки существенную роль въ видимой величинѣ звѣздъ; очень большія звѣзды покажутся намъ, за дальностью разстоянія ихъ, ничтожными и, наконецъ, пропадаютъ у насъ совсѣмъ изъ виду, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Въ приведенной таблицѣ мы помѣстили преимущественно звѣзды 1-й величины. Разбирая же звѣзды меньшихъ величинъ, мы увидимъ, что онѣ несравненно дальше. Звѣзды 5-й и 6-й величины отстоятъ такъ далеко, что свѣтъ отъ ближайшихъ изъ нихъ идетъ до земли въ періоды времени около 1.000 лѣтъ, а отъ болѣе отдаленныхъ до 3.300 лѣтъ.

Разбирая звѣзды, видимыя только въ телескопы, напримѣръ 14-й величины, мы увидимъ, что свѣтъ отъ нихъ достигаетъ земли только черезъ 120.000 лѣтъ, ибо онѣ находятся отъ насъ въ разстояніи одного квинтиліона верстъ (1.000.000.000.000.000.000).

Слѣдовательно, есть звѣзды, погибшія или потерявшія свой блескъ до появленія человѣка на землѣ и еще до сихъ поръ доносящія лучи свѣта до земли, а человѣкъ изучаетъ ихъ, думая, что онѣ еще существуютъ.

Видимое нами, въ настоящее время, небо показываетъ намъ только древнюю и давно прошедшую исторію звѣздъ; звѣзда, которую мы видимъ на небѣ, была на этомъ мѣстѣ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ; гдѣ она теперь и въ какомъ она видѣ, мы положительно не можемъ составить себѣ никакого понятія.

Всѣ звѣзды—самостоятельныя солнца своихъ системъ; всѣ онѣ, въ этомъ безконечно пустомъ пространствѣ, одиноки, ибо всѣ такъ же далеки до своихъ сосѣдокъ, какъ и наше солнце; всѣ онѣ оказываютъ свое вліяніе и свое притяженіе другъ на друга; но не это притяженіе причиной ихъ скораго хода въ безконечной пустотѣ. Причинъ ихъ скораго полета мы совершенно не знаемъ. Многія летятъ несравненно быстрѣе, чѣмъ наше солнце, а слѣдовательно можно себѣ представить, съ какою скоростью вертятся планеты и спутники ихъ. Арктусъ, напримѣръ, имѣетъ поступательное движеніе около 300.000 верстъ

Digitized by Google

въ часъ, это въ 100 разъ скорѣе, чѣмъ двигается наше солнце. Маленькая звѣзда изъ созвѣздія Большой Медвѣдицы подъ № 1830 двигается еще скорѣе; она въ 1 часъ уходитъ 460.000 верстъ или 150 разъ скорѣе солнца.

При всей ихъ быстротѣ эти звѣзды кажутся намъ неподвижными, ибо разстояніе ихъ до земли слишкомъ велико, такъ, звѣзда № 1830 отстоитъ отъ насъ въ 133-хъ трилліонахъ верстъ, а, слѣдовательно, при этомъ разстояніи движеніе ея намъ мало замѣтно; именно: въ 255 лѣтъ она передвинется на ширину видимаго нами нашего солнца. Вотъ та причина, по которой мы видимъ и считаемъ наши созвѣздія постоянными, несмотря на то, что всѣ звѣзды двигаются съ разными скоростями, въ разныя стороны; но переживутъ сотни и сотни поколѣній людей, пока форма созвѣздія видимо измѣнится. Большая Медвѣдица, напримѣръ, черезъ 50.000 лѣтъ передвинется настолько, что будетъ все-таки узнаваема, не смотря на то, что всѣ ея звѣзды двигаются въ разныя стороны.

Относительно количества звѣздъ надо сказать, что число ихъ также неисчислимо; что простымъ и невооруженнымъ глазомъ мы видимъ ихъ около 6.000 на всемъ небосклонѣ; въ телескопъ астрономы видятъ ихъ до 60.000.000 шт., а улучшите наши телескопы и вы увидите ихъ еще и еще гораздо больше. Вы увидите все небо усыпаннымъ сплошь золотыми песчинками, черезъ которыя нигдѣ не будетъ видно небесной лазури, ибо число ихъ безконечно.

Да,—звѣздъ еще гораздо больше, чѣмъ мы до сихъ поръ объ этомъ говорили. Вселенная еще обширнѣе, она въ полномъ смыслѣ безконечна, и конца ея никакія наши средства и чувства охватить или понять не могутъ. Мы укажемъ въ этомъ случаѣ на туманныя пятна, видимыя на небѣ, и на млечный путь.

Туманныя пятна на небѣ состоятъ изъ большаго количества такихъ же звѣздъ, какъ и всѣ, но, по причинѣ своей отдаленности, каждая изъ нихъ не можетъ быть видна, а видны только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ такъ близки одна отъ другой, что сливаются вмѣстѣ и такимъ образомъ представляются намъ однимъ общимъ освѣщеннымъ пятномъ. Млечный путь совершенно то же самое; масса такихъ пятенъ, покрывая небо, слилась въ одну туманную полосу, которую мы и называемъ млечнымп путемъ. Есть туманныя пятна, на глазъ совершенно невидимыя, но въ телескопъ представляющіяся чрезвычайно маленькими блестящими пятнышками, мѣстами слившимися вмѣстѣ и образующими такимъ образомъ свѣтлое пятно, кото-

Digitized by Google

рое постепенно сливается съ небосклономъ отъ постоянно рѣдѣющихъ звѣздъ.

Есть ли возможность сосчитать ихъ?—Астрономы считаютъ ихъ приблизительно; вѣрное число ихъ неизвѣстно, ибо онѣ чрезвычайно мелки и, кромѣ того, цѣлые десятки звѣздъ слиты вмѣстѣ, и только при этомъ условіи образуютъ одно, еле замѣтное въ телескопъ, пятнышко. Араго считалъ ихъ однажды въ одномъ туманномъ пятнѣ, которое около созвѣздія Центавра, и не въ самомъ ядрѣ пятна, гдѣ онѣ закрываютъ другъ друга, а на окраинахъ пятна, гдѣ онѣ рѣже,—и нашелъ, что на пространствѣ неба, не болѣе одной десятой части нашей луны, ихъ находится до 20.000. Сколько же ихъ окажется на всемъ небѣ? Гершель считалъ число звѣздъ въ одномъ туманномъ пятнѣ и нашелъ болѣе 18-ти милліоновъ. Лучъ свѣта отъ этихъ солнцъ достигаетъ земли въ **пять милліоновъ лѣтъ**. Это разстояніе ужасающее уже само по себѣ; если же мы скажемъ, что это разстояніе до тѣхъ звѣздъ изъ туманныхъ пятенъ, которыя видны въ одиночку, а не до тѣхъ изъ нихъ, которыя слились десятками вмѣстѣ и которыя еще гораздо дальше,—мы должны признать вселенную положительно безконечною и безпредѣльною въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но, повторяемъ, что это не пустое пространство, но что оно все переполнено жизнію. Солнца имѣютъ свои планеты, планеты своихъ спутниковъ, все пространство между ними переполнено кометами, которыя имѣютъ свой правильный ходъ вокругъ солнцъ; есть такія, которыя переходятъ отъ одной системы къ другой и гуляютъ по всѣмъ небесамъ; вездѣ жизнь кипитъ, вездѣ существа дышутъ и наполняютъ всѣ сферы. Вездѣ все имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, все подчиняется одному строгому порядку и закону, исходящему непосредственно отъ Владыки и Творца вселенной.

Только Тотъ, кто съумѣлъ сотворить все это, Тотъ только можетъ сохранить и цѣлесообразно вести всю эту безконечную громаду къ благимъ цѣлямъ. Наше слабое воображеніе должно теряться въ своихъ представленіяхъ, ибо мы не сдѣланы для того, чтобы понимать всю эту безконечность Премудрости Божіей.

Однако, сдѣлаемъ еще попытку вникнуть глубже во все это. Мы попросимъ каждаго, думающаго отвергать руководящее Начало и Высшій Разумъ, управляющій вселенной, объяснить намъ слѣдующее: положимъ, что это безконечное небо кажется намъ только такимъ, ибо мы ничтожны въ своихъ пониманіяхъ; положимъ, что въ дѣйствительности конецъ существуетъ гдѣ-нибудь, можетъ быть на разстояніяхъ въ мил-

Digitized by Google

ліоны разъ большихъ, чѣмъ могутъ охватить наши инструменты и наши знанія; тогда мы можемъ себя спросить: какъ держатся и по какимъ законамъ двигаются послѣднія звѣзды на окраинахъ этой, будто бы мнимой, безконечности? Отчего онѣ, притягиваемыя сосѣдними звѣздами только съ одной стороны, не имѣя ни одной, уравновѣшиваемой это притяженіе силы съ другой стороны, не придвигаются къ своимъ сосѣдкамъ? А это непремѣнно должно бы было случиться, если бы вселенная имѣла конецъ. Подобное передвиженіе всѣхъ крайнихъ солнцъ и ихъ системъ къ одному общему центру было бы неминуемыхъ слѣдствіемъ того, что вселенная имѣетъ конечные предѣлы. Отвергать это положеніе, значило бы отвергать всѣ извѣстные намъ законы тяготѣнія. Но въ этомъ случаѣ мы увидали бы всѣ небесныя тѣла подвигающимися къ одному общему центру, и скоро бы образовался одинъ міръ, или одно громадное тѣло ибо всѣ міры слились бы въ одинъ общій міръ. Исходя изъ этого разсужденія, мы должны заключить, что наша матеріалистическая наука не можетъ допустить конца, она должна, опираясь твердо на свои законы, объявить, что конца въ звѣздномъ небѣ дѣйствительно нѣтъ и быть не можетъ и что оно въ полномъ смыслѣ безконечно во всѣ стороны, по всѣмъ направленіямъ, иначе не было бы вселенной, а было бы одно тѣло.

Безконечность!... какъ можетъ положительная наука признать то, о чемъ она понятія не имѣетъ; можетъ ли она признать что-нибудь безконечнымъ? Развѣ есть у насъ въ матеріальномъ мірѣ безконечность? Развѣ имѣемъ мы въ какой-нибудь части нашихъ наукъ ученіе о безконечности?—Нѣтъ; даже математика не изучаетъ безконечности, математика, изучая конечныя величины, примѣняетъ только свои выводы къ очень большимъ величинамъ и только въ этомъ смыслѣ употребляетъ слово: безконечность. Она говоритъ, что „безконечность есть предѣлъ большой величины, или что безконечность больше всякой данной величины". Но, вѣдь, этого въ сущности нѣтъ; всегда можно написать величину больше данной другой величины, слѣдовательно это еще не будетъ безконечность. Математика говоритъ, что когда уголъ между двумя пересѣкающимися линіями нуль, то линіи параллельны, т. е. пересѣкутся на безконечномъ разстояніи.—Никогда онѣ не пересѣкутся, продолжите ихъ мысленно на это безконечное разстояніе, продолжите ихъ хотя еще дальше—онѣ и тамъ не пересѣкутся, ибо онѣ параллельны. Математика ни въ какихъ случаяхъ не изучаетъ безконечныхъ величинъ, а если употребляетъ это слово или понятіе, то только для замѣны другаго,

Digitized by Google

болѣе для насъ яснаго, слова „нигдѣ“, или „никогда“ ибо безконечность, по ея мнѣнію, не есть величина, это только предѣлъ величины, это математическая фикція или неопредѣленность.

Математика, изучая величины и ихъ законы, приближается лишь къ безконечности, но не доходитъ до нея, такъ что безконечность остается за предѣлами ея пониманія, иначе ее можно бы было изобразитъ по аналитикѣ. Безконечность ей такъ же недоступна, какъ и всѣмъ остальнымъ отраслямъ знанія. Положительная же наука не должна отвѣчать на тѣ вопросы, которые выходятъ за предѣлы ея компетенціи, а потому и этотъ вопросъ долженъ быть оставленъ безъ отвѣта, несмотря на все существенное значеніе его.

Главная сбивчивость пониманія заключается въ томъ, что, безконечность, которую признаютъ математики, имѣетъ одну природу съ численными величинами; ибо она измѣряется ими, а слѣдовательно должна быть одной съ ними природы и сущности. Тогда же, когда мы говоримъ: безконечное время или безконечное пространство, мы должны себѣ представить нѣчто совсѣмъ другое, имѣющее совсѣмъ другую сущность и природу, ибо это нѣчто совсѣмъ цифрами измѣримо быть не можетъ; нѣчто совсѣмъ изъ цифръ не состоящее. Но что же это такое? Что это за протяженность времени или пространства, которая не измѣряется величиной? Какъ можемъ мы себѣ представить неизмѣримую цифрами протяженность? Вотъ этотъ вопросъ останется всегда за предѣлами научныхъ силъ человѣка.

Но допустимъ, что наука была вправѣ отвѣтить такъ и допустить вселенную дѣйствительно безконечной, — но изъ этого является совершенно уже непонятное слѣдствіе: мы спросимъ, какъ образовались небесныя тѣла, всѣ ли разомъ, или по одиночкѣ, т.-е. одни раньше, а другія послѣ? На этотъ вопросъ всякій изучившій физику, отвѣтитъ: „Непремѣнно разомъ,—предполагать иначе мы не можемъ, ибо если одинъ міръ образовался бы прежде другихъ, то онъ, навѣрное, притянулъ бы слѣдующіе за нимъ, начинающіе образоваться міры, ибо два тѣла въ пространствѣ должны притянуться другъ къ другу и слиться вмѣстѣ, если нѣтъ другаго оттягивающаго въ противоположную сторону элемента.

Да,—образованіе міровъ должно было непремѣнно начаться одновременно во всемъ этомъ безконечномъ пространствѣ. Они могли, въ первыя времена, быть дальше одинъ отъ другаго или вообще говоря,—рѣже; но образованіе ихъ, во всякомъ случаѣ, должно было совершиться одновременно и притомъ,

Digitized by Google

съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что каждое тѣло начало бы свое образованіе на тѣхъ мѣстахъ вселенной, и въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно было одинаково притягиваемо со всѣхъ сторонъ, чтобы оно не выходило изъ равнодѣйствующей точки сферъ притяженія другихъ тѣлъ, дабы другая какая звѣзда не притянула ее къ себѣ.

Итакъ, образованіе планетныхъ системъ должно было начаться во всей вселенной одновременно. Мы до сихъ поръ строго держимся туманной гипотезы Канта и Лапласа, которая понятнѣе и опредѣленнѣе другихъ выяснила намъ порядокъ тѣхъ комбинацій, которыя должны были превратить матеріальные элементы простыхъ тѣлъ, парящихъ въ эфирномъ пространствѣ, сперва въ туманную массу, затѣмъ въ жидкую, наконецъ, въ твердую, каковую мы теперь видимъ. Если первыми двумя частицами, которыя сплотились вмѣстѣ и образовали такимъ образомъ центръ притяженія, болѣе сильный, чѣмъ окружающая среда, и къ которому начали притягиваться послѣдующія вблизи находящіяся, частицы, руководилъ одинъ случай, то присемъ образовался бы сперва только одинъ центръ. Трудно предположить, чтобы случайность могла повториться во многихъ мѣстахъ одновременно; и еще труднѣе предположить, что эта случайность повторилась на *безконечномъ числѣ пунктовъ*.

Мы говоримъ „на безконечномъ числѣ пунктовъ“, ибо полагаемъ, что вселенная занимаетъ безконечное пространство. Если это пространство безконечно, то оно должно имѣть безконечное число звѣздъ, и какъ бы ни были онѣ рѣдки, ихъ будетъ все-таки безконечное число, такъ какъ безконечность, дѣленная на конечное число, все-таки не измѣнится,—она останется все-таки безконечностью. Предположить одновременное образованіе безконечнаго числа центровъ притяженія, вслѣдствіе одного случая, безъ какой-нибудь безконечно разумной и руководящей силы,—очень мало вѣроятности; а именно: какъ одинъ противъ безконечности, и такое предположеніе должно быть отвергнуто. Случай могъ образовать одну систему, одинъ центръ; но въ такомъ случаѣ всѣ остальные стали бы примыкать къ нему и не было бы столькихъ солнцъ. Не случайность здѣсь нужно видѣть, здѣсь ясно проявляется разумная, обдуманная причина, здѣсь безпредѣльный Божественный Разумъ и никогда не ошибающаяся Предусмотрительность.

Туманная гипотеза передаетъ законы и послѣдовательность образованія солнца со всѣми его планетами. Законы круговаго движенія планеты также выяснены. Но въ ней и намека нѣтъ на

Digitized by Google

поступательныя движенія солнцъ: что заставило ихъ имѣть это движеніе и съ такой громадной быстротой? Кто выяснитъ намъ законы движенія планетъ по винтовой линіи, слѣдующихъ такъ послушно всѣмъ движеніямъ солнца? Кто объяснитъ намъ движеніе кометъ? По какимъ законамъ онѣ не падаютъ въ солнце? По какимъ законамъ онѣ двигаются и возвращаются? По какимъ законамъ онѣ слѣдуютъ движеніямъ солнца, отходя отъ него на страшныя разстоянія?— Всѣ солнца, имѣя громадныя скорости, не могутъ быть всегда въ равнодѣйствующемъ пунктѣ притяженія своихъ сосѣдокъ, однако они не падаютъ на нихъ, не сталкиваются въ пути своемъ съ другими системами, а имѣютъ правильный ходъ и порядокъ; это не можетъ быть дѣломъ случая, это не слѣдствіе способностей слѣпыхъ атомовъ, это не свойство матеріи,—это руководящая Рука Создателя ихъ, находящагося всегда и всюду во всѣхъ частяхъ всего сотвореннаго Имъ, направляющаго все, дающаго всему законы для сохраненія себя и полнаго порядка и гармоніи.

Постичь все это мы, конечно, не можемъ, какъ многое другое. Но нужны сильныя данныя, чтобы оспаривать подобный простой и логичный выводъ, который всегда самъ напрашивается, самъ приходитъ каждому въ голову и который отвергается только изъ тщеславной увѣренности въ непоколебимость микроскопическаго знанія людей, которые не хотятъ вникнуть въ величіе и разумъ природы и въ свое собственное ничтожество.

Богъ вездѣ въ природѣ,—развѣ можно положить предѣлъ Творцу всей этой безконечности? Не будемъ Его искать здѣсь или тамъ. Онъ вездѣ одновременно, иначе мы себѣ Его представить не можемъ. Какъ можемъ мы постичь Существо, создавшее безконечность? Всякій, создавшій что-нибудь, долженъ стоять выше того, что онъ создалъ; что можемъ мы сказать о Богѣ? Если Онъ могъ создать,—Онъ долженъ умѣть управлять Своимъ твореніемъ, наблюдать за нимъ и направлять его, и эти способности должны быть въ Немъ такъ же совершенны, какъ и все остальное.

Это непреложная истина, которая прямо приводитъ насъ къ естественному, внутреннему стремленію души нашей и къ врожденной ея потребности вѣрить въ Бога, а слѣдовательно благословлять и преклоняться предъ Творцемъ вселенной. Только преслѣдуя и развивая одну истинную науку, человѣку удастся узнать: что онъ такое, какое его назначеніе на землѣ и для чего его создалъ *Всесильный Богъ*.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . III—XXIII

ГЛАВА I.

Главное разногласіе . . . . . 1—12

Познаетъ ли человѣкъ самъ себя, свою природу и смыслъ своей жизни? За этими познаніями одни обращаются къ наукѣ; другіе добываютъ ихъ черезъ вѣру—3. Разные способы достиженія самопознанія породили цѣлую пропасть въ пониманіи „себя“ и смысла бытія—5. Разногласіе въ одномъ и томъ же человѣкѣ—6. Три фазиса мышленія: теологическій, метафизическій и позитивный—7. Возраженія 7—12.

ГЛАВА II.

Міровоззрѣніе ученыхъ . . . . . 13—36

Ко всякаго рода отрицаніямъ слѣдуетъ относиться весьма осторожно—13. Истинная наука никогда не высказывалась въ смыслѣ отрицанія Бога—14. Отзывы ученыхъ въ смыслѣ признанія Бога: Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ—14. Плутархъ, Овидій, Клеантъ—15. Софоклъ, Юліанъ, Лактанцій, Аристотель—16. Стоики, Александрійская школа—17. Декартъ—18. Лордъ Бэконъ Веруламскій, Спиноза—19. Ньютонъ—20. Лейбницъ, Гейлинксъ, Локкъ, Эммануилъ Кантъ—21. Шлоссеръ, Викторъ Гюго, Паскаль—22. Агассисъ, Малебраншъ, Берклэ—23. Ватсонъ, Гершель, Кеплеръ, Гёте—24. Гизо—25. Уолесъ, Секки—26. Дарвинъ, Карлъ Фогтъ, Тиндаль—27. Линней—28. Вольтеръ—29. Фихте—30. Шеллингъ, Гегель—31. Шлейденъ, Клодъ Бернаръ, Беръ, Сентъ-Илеръ, Кавелинъ—32. Погодинъ—34.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

стр.

Цѣль и назначеніе науки . . . . . 37—44

Что главнѣе: разумъ или нравственность?—37. Мысли о семъ: Герберта Спенсера—37. Г. Г. Льюиса—38. Огюиса Конта—39. Почерпаетъ ли человѣкъ изъ внѣшняго міра всѣ впечатлѣнія, которыя въ немъ есть—39. Все хорошее, почерпнутое человѣкомъ, примѣняется ли имъ къ жизни и все это совершенствуетъ ли его?—40. Порочная мысль легко прививается къ порочной душѣ—42. Разсудокъ есть рабъ сердца и чувствъ—42. Назначеніе науки—43.

ГЛАВА IV.

Позитивизмъ . . . . . 45—95

Позитивизмъ не во всёмъ согласенъ съ ученіемъ Огюста Конта—45. Районъ дѣятельности позитивизма по М. Литтре—48. Дж. Г. Льюисъ о позитивизмѣ—50. Сводъ обоихъ мнѣній—51. Эммануилъ Кантъ о категоріяхъ знанія—53. Позитивизмъ впадаетъ въ большія ошибки чѣмъ тѣ, отъ которыхъ оберегаетъ людей—56. Примѣры тому—57. Нетерпимость современнаго позитивизма—60. По количеству изобрѣтеній нельзя еще судить объ успѣхѣ наукъ—61. Знанія состоятъ изъ двухъ самостоятельныхъ факторовъ—62. Если ихъ обоихъ нѣтъ, нѣтъ и науки—63. Сходство позитивизма съ музеемъ, у котораго нѣтъ указателя—63. Прогрессъ техники и механики даетъ новыя средства позитивизму—64. Позитивизмъ ищетъ знаній для самихъ знаній, но не для общественной пользы—66. Безусловно ли непогрѣшимы знанія, добытыя позитивизмомъ?—67. Чувства наши передаютъ не вещь въ самой себѣ, но одни лишь впечатлѣнія—67. Неполнота позитивной мысли—68. Полнота знаній вообще—69. Знанія научныя пользуются снисхожденіемъ—71. Масса не отвѣченныхъ вопросовъ—72. Молодость науки—80. Смѣлыя ученія—81. Разрозненность и хаосъ—85. Правильный ходъ мышленія—86. Позитивизмъ не есть наука—87. Мысли о семъ: Огюста Конта—87. Шопенгауера, Карлейля—88. Эммануила Канта—89. Либиха. Ланге, Чольбе, Моль—90. Гротъ, Бенедиктъ—91. Погодинъ—91. Данилевскій—93.

ГЛАВА V.

Міровоззрѣніе матеріалистовъ . . . . . 96—111

Нѣтъ атеистической философіи—96. Эпикуръ—98. Кара, Ксенофонтъ, Толандъ—99. Гессенди, Гоббсъ—101. Де-ла-Метри—101. Бруно—102. Огюстъ Контъ—102—111.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

стр.

Атеизмъ . . . . . 112—114

Атеизмъ окончательно ненаученъ—112. Говорящій, что наука довела его до атеизма, говоритъ несообразность—113. Мысли объ атеизмѣ: Паскаль—113. Рихтеръ, Лордъ Беконъ Веруламскій—114.

ГЛАВА VII.

Матеріализмъ и спиритуализмъ . . . . . 115—123

Разномнѣніе въ ученіи о соотношеніи природы духа и вещества—115. Аргументы Бэна—116. Параллель, сгрупированная Горвицемъ—116. Сводъ аргументовъ—117. Соотношенія силы и вещества—118. Что такое сила?—119. Либихъ о жизни—121. Ничего само собой въ природѣ не дѣлается—122. Не смыслъ науки ведетъ человѣка къ безвѣрію, но недостатокъ развитія самого человѣка, занимающагося наукой—122.

ГЛАВА VIII.

Обзоръ исторіи развитія мысли . . . . . 124—165

Матеріализмъ не есть естественное слѣдствіе современнаго успѣха науки—125. Первый періодъ развитія: духовный—125. Второй періодъ: умственный—127. Развитіе мысли шло независимо отъ того, какъ понималъ ее народъ—128. Философія Плотина—131. Проклъ—133. Третій періодъ: духовный—133. Образованіе новой арены дѣятельности—135. Четвертый періодъ: умственный—137. Разница между условіями, сопровождающими второй и четвертый періоды—138. Сходство между ними,—первое—139. Разница между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ образованіемъ—140. Второе сходство—145. Третье сходство—146. Четвертое сходство—146. Пятое сходство—147. Шестое сходство—148. Окончательный выводъ философскихъ ученій ведетъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, которыя внушаетъ и церковь—149. Философія Эммануила Канта—149.—Фихте—149. Уллихъ—150. Далѣе философіи некуда идти въ своемъ развитіи, она блестяще окончила свою задачу—151. Какъ могутъ идеалистическія философіи утверждать въ публикѣ ихъ атеистическіе взгляды—152. Въ настоящее время изучаютъ научные предметы, но не великихъ мастеровъ—153. Ученія великихъ учителей искажаются—153. Противъ матеріализма возстаютъ Декартъ, Ньютонъ, Бойль, Клеркъ, Пристлей, Гэртли, Лейбницъ, Фарадей, Бэркли, но ученія ихъ доводятъ публику до атеизма—155. Ученія великихъ учителей остаются непоня-

Digitized by Google

тыми: Ньютонъ—156. Гэртли—157. Эммануилъ Кантъ—157. Секки, Дарвинъ—159. Пятый періодъ: позитивный—160. Сознательный позитивизмъ XVIII вѣка и безсознательный XIX вѣка—160. Вредъ отъ безсознательнаго позитивизма—161. Истина познается черезъ непосредственный рядъ заблужденій—162.

стр.

ГЛАВА IX.

Исходныя точки мышленія матеріалистовъ . . . . 166—191

Матеріалистическая космогонія—167. Деистическая космогонія—168. Матеріалисту трудно внушить понятіе о Богѣ—169. Доказательны ли матеріалистическіе принципы—169. I. Вѣчность матеріи—170. II. Свойства и качества матеріи—172. III. Законы случайностей и причинностей—178. IV. Законы природы—184. Доводы о законахъ природы Н. Я. Данилевскаго—185. Понятіе о „законѣ природы" есть не болѣе, какъ грамматическая метафора—186. По Бюхнеру и Молешотту, вѣчная управляющая міромъ причина не согласуется съ закономъ природы—189. Опроверженіе—190.

ГЛАВА X.

Общій характеръ матеріалистической науки . . . 192—201

Бюхнеръ—192. Вундтъ—193. Примѣръ, приводимый Ланге—194. Д. Писаревъ—196. Спокойный взглядъ на жизнь Н. Страхова—196. Злоупотребленіе словомъ философія—199. Дж. Г. Льюисъ о діалектическихъ ухищреніяхъ—199. Дю-Буа-Реймонъ о механикѣ атомовъ—200.

ГЛАВА XI.

Богъ и безконечность Его твореній . . . . . 202—219

Наука признаетъ Бога. Позитивизмъ не имѣетъ возможности опровергнуть Его—202. Съ развитіемъ наукъ упрочатся правильныя пониманія природы и Бога—204. Звѣздное небо—204. Замѣчательная комета—206. Есть ли жизнь на кометахъ—207. Пространство, занимаемое солнечной системой—207. Разстояніе до планетъ—208. Сочетаніе цвѣтовъ—210. Разстояніе до звѣздъ—211. Есть ли фактическій конецъ звѣздному небу; какъ держатся крайнія звѣзды—215. Безконечность—216. Безконечность неизмѣрима цифрами—217. Образованіе планетныхъ системъ должно было начаться на безконечномъ числѣ пунктовъ—218. Богъ вездѣ въ природѣ—219.

Digitized by Google

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

Книга II-я.

СОСТАВЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СУЩЕСТВА;

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

И. А. Карышева.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати“, Англійскій, 28.
1899.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 февраля 1899 г.

Digitized by Google

Глава I.

Отвлеченный элементъ человѣка.

Чтобы имѣть возможность жить и проявлять свою дѣятельность на землѣ, человѣкъ необходимо долженъ имѣть матеріальное тѣло, состоящее изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ сама земля, всѣ минералы и всѣ твари, на ней находящіяся.

Появившись на землѣ безъ памяти прошлаго, мы такъ привыкаемъ къ своему тѣлу, оно дѣлается такой насущной необходимостью нашего существа, что мы лишаемся возможности представлять себѣ „самого себя“ безъ этого тѣла. Съ нимъ непосредственно, совершенно машинально, связываемъ мы все свое земное существованіе, всѣ ощущенія и всѣ рѣшительно представленія о своемъ „я“. Мало того, это тѣло въ нашихъ представленіяхъ о себѣ становится нами самими и нашимъ настоящимъ „я“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій изъ насъ очень хорошо знаетъ, что это тѣло, когда наше „я“ его оставитъ при смерти, превращается не болѣе, какъ въ трупъ, т. е. въ кусокъ обыкновенной, бездушной, органической матеріи, который, подчиняясь общимъ физическимъ законамъ, какъ всякое органическое вещество, разлагаясь на составныя части, превращается въ землю, тогда какъ наше „я“ послѣ смерти тѣла остается неприкосновеннымъ, неразрушимымъ и свободнымъ.

Есть люди, утверждающіе, что признаютъ свое небытіе за гробомъ. Они полагаютъ, что будто бы наше „я“ уничтожается съ разрушеніемъ тѣла, и все, что въ насъ чувствовало, сознавало и мыслило, уничтожается безслѣдно. Они говорятъ, что имъ легче представить себя уничтоженнымъ за гробомъ, чѣмъ

Digitized by Google

представить свою личность и свое „я“ продолжающимъ дальнѣйшее свое существованіе до безконечности; но не заблужденіе ли это?

По крайней мѣрѣ, всѣ философы, которые самымъ тщательнымъ образомъ анализировали и изучали человѣческое представленіе идеи о небытіи за гробомъ, приходили къ убѣжденію, что подобное представленіе совершенно немыслимо и что въ самомъ корнѣ его кроется крупная нелогичность и полнѣйшее непониманіе идеи о самомъ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ человѣкъ представить себѣ небытіе своего „я“, т. е. своего личнаго пониманія и ощущенія себя самого? Ибо, когда онъ думаетъ, что представляетъ себя несуществующимъ, то что же въ сущности онъ себѣ представляетъ, какъ не самого себя? И представляетъ онъ себя, конечно, такимъ точно, какимъ онъ въ дѣйствительности есть, и иначе онъ себѣ „себя самого“ представить не можетъ, т. е. онъ непремѣнно долженъ „себя“ представить существующимъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ себѣ представить „себя“ несуществующимъ— ибо въ такомъ случаѣ ему пришлось бы представить что-нибудь другое, но никакъ не „себя“ и не свое существующее „я“. Что же именно другое долженъ онъ себѣ представить? Онъ и самъ этого не знаетъ. Это вопросъ неразрѣшимый ни умомъ, ни чувствами; сама природа наша противится такому представленію; разумъ возстаетъ и опрокидываетъ всю мнимую идею небытія, дѣлая весь дальнѣйшій ходъ логическаго мышленія въ этомъ направленіи невозможнымъ.

Не гораздо ли проще не извращать естественнаго хода мышленія и не представлять себѣ того, что логически нельзя допустить, и черезъ это не насиловать своего воображенія вопреки здравому смыслу? Если человѣкъ не въ состояніи ни черезъ посредство своихъ чувствъ, ни черезъ свой разумъ и логику допустить свое небытіе за гробомъ, то, ясно, онъ волей и неволей принужденъ себѣ представить „себя“ существующимъ. Другаго логическаго исхода нѣтъ. Что можетъ быть естественнѣе и логичнѣе умозаключить, что если мы чему-нибудь не можемъ допустить конца, то должны признать это „нѣчто“ безконечно существующимъ?

Надо удивляться, но факты налицо, что этотъ строгій и непогрѣшимый выводъ здраваго разума находитъ всегда себѣ подтвержденіе въ нашемъ сознаніи лишь отчасти; у кого больше, у кого меньше, но у всѣхъ смутно и неопредѣленно.

Нельзя не замѣтить этой весьма типичной черты изъ жизни человѣка на землѣ, которая проявляется, за весьма рѣдкими исключеніями, почти у всѣхъ людей. Они никогда не даютъ

Digitized by Google

себѣ правильнаго отчета въ ощущаемыхъ и сознаваемыхъ имъ впечатлѣніяхъ и положительно люди не въ состояніи анализировать себя безпристрастно.

Это непониманіе себя замѣчается не въ одномъ вопросѣ о бытіи или небытіи за гробомъ, но и во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ сталкивается отвлеченный элементъ человѣка съ матеріальнымъ.

Замѣтьте, напримѣръ, что въ большинствѣ случаевъ всѣ люди, какъ тѣ, которые вѣруютъ въ загробное существованіе и безсмертіе души, такъ и признаніе небытіе за гробомъ, — всегда весьма смутно выясняютъ себѣ вопросъ о томъ, къ чему должны они относить сознаніе своего „я“ — къ душѣ или къ тѣлу?

Люди, признающіе небытіе, не допускающіе никакого отвлеченнаго элемента ни въ мірѣ, ни въ строеніи человѣческаго существа, слѣдуя логическимъ путемъ мышленія отъ невѣрно принятыхъ ими исходныхъ точекъ, должны неминуемо относить сознаніе своего „я“ всецѣло къ своему тѣлу; но у нихъ остается невыясненнымъ: откуда берется само сознаніе? Они считаютъ, что чувства передаются нервами, разумъ, и мысль есть отправленіе мозга, однимъ словомъ—всякое проявленіе человѣческихъ способностей имѣетъ въ тѣлѣ человѣка свой спеціальный органъ; но сознаніе—имѣетъ ли оно свой спеціальный органъ въ человѣческомъ организмѣ, черезъ который оно могло бы свободно проявляться? При полномъ желаніи матеріалистовъ отыскать такой органъ въ тѣлѣ человѣка, это имъ никогда не удавалось, а потому у нихъ вопросъ о томъ, что такое сознаніе, гдѣ его резиденція, какъ проявляется оно, остается постоянно открытымъ.

Люди, признающіе въ себѣ душу, должны были бы относить всецѣло къ ней все сознаніе своего „я“. Они признаютъ, что когда ихъ „я“ покинетъ тѣло, то тѣло превращается въ трупъ, а ихъ „я“, не измѣненное этой метаморфозой, въ полномъ своемъ составѣ дѣлается свободнымъ. Анализируя это свое допущеніе, они должны безспорно признать независимое положеніе жизни души отъ жизни тѣла и, наоборотъ, жизни тѣла отъ жизни души, ибо оба эти элемента имѣютъ совершенно разную природу: душа есть отвлеченность, это—духъ, не умѣющій ничего матеріальнаго; тѣло же наше есть вещество, не имѣющее ничего духовнаго, и потому и отправленіе одного изъ этихъ элементовъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть смѣшиваемо съ отправленіями другаго. Матерія можетъ производить только матерію, но ничего духовнаго; сознаніе же нашего „я“ не имѣетъ ничего матеріальнаго, а потому оно

Digitized by Google

не можетъ быть жизненнымъ продуктомъ вещества и, ясно, должно быть сопричисленно къ отправленіямъ нашей души. На этомъ логическомъ и вѣрномъ выводѣ слѣдовало бы остановиться и принять его за безошибочный исходный пунктъ логическаго мышленія. Но слишкомъ опредѣленное ощущеніе тѣла во всѣхъ проявленіяхъ нашей органической жизни и та первенствующая роль, которая выпадаетъ на его долю во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, какъ бы протестуютъ противъ выводовъ разума и заставляютъ насъ совершенно непроизвольно полагать, что отчасти или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ не можетъ наше „я“ не относиться къ нашему тѣлу.

Для людей же, которые предполагаютъ, что ихъ „я“ иногда относится къ душѣ, а иногда къ тѣлу, вопросъ объ отношеніяхъ тѣла къ душѣ и о распредѣленіяхъ жизненныхъ функцій между ними чрезвычайно усложненъ, и это обстоятельство не можетъ не породить множества неясностей въ представленіяхъ ихъ собственнаго внутренняго міра. Они невольно спрашиваютъ себя: какія ощущенія и жизненныя проявленія должно относить къ тѣлу и какія къ душѣ? Гдѣ кончаются функціи тѣла и гдѣ начинаются функціи души, т. е. какая грань раздѣляетъ ихъ? Что играетъ главную роль въ жизни человѣка на землѣ—душа или тѣло? И какъ слѣдствіе этихъ вопросовъ, касающихся прямо природы ихъ существа или организаціи, являются другіе, затрогивающіе форму и образъ ихъ жизни на землѣ, и они опять въ недоумѣніи спрашиваютъ себя: что же надо больше культивировать въ себѣ—тѣло или душу? Подчинять ли душу требованіямъ тѣла, или, наоборотъ тѣло—требованіямъ души? Слѣдовать ли нѣкоторымъ аскетическимъ вѣроученіямъ, требующимъ, путемъ изнуренія своего тѣла, вызывать его подчиненіе душѣ, или, слѣдуя древнимъ философамъ, воспитывать и беречь тѣло, такъ какъ будто бы въ здоровомъ тѣлѣ должна быть здоровая душа?

Вообще говоря, ни одна наука не дается человѣку съ такимъ трудомъ, какъ наука о самомъ себѣ и ничто не кажется ему такъ загадочнымъ, какъ онъ самъ.

Не слѣдуетъ, однако, удивляться, что человѣкъ, живя на землѣ въ своемъ грубомъ и вещественномъ тѣлѣ, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ природѣ своихъ ощущеній и проявленій жизненной дѣятельности. Они дѣйствительно, чрезвычайно сложны и разнохарактерны, а способности человѣка слишкомъ ограничены и вполнѣ недостаточны, чтобы помочь ему изучить самого себя; кромѣ того, человѣкъ самъ не сознаетъ съ одинаковой отчетливостью всѣхъ впечатлѣній, ощущеній, отправленій и потребностей своего существа. Сознаніе ощущеній болѣе

Digitized by Google

сильныхъ и интензивныхъ всегда затемнятъ, а иногда совсѣмъ стушевываетъ сознаніе ощущеній болѣе слабыхъ. Въ большинствѣ случаевъ сознаніе своей органической жизни тѣла и дѣятельность разума, направленная къ удовлетворенію житейскихъ потребностей и заботъ, проявляютъ наибольшую силу и давленіе на его существо, что всегда ослабляетъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ все сознаніе его внутренней духовной жизни. Чѣмъ сильнѣе проявляются и напрягаются человѣкомъ жизненныя или органическія силы, чѣмъ болѣе онъ озабоченъ житейскими нуждами или матеріальнымъ своимъ обезпеченіемъ, чѣмъ сильнѣе напрягаетъ онъ свой разумъ для разрѣшенія вопросовъ своего земнаго благосостоянія и своего личнаго довольства, тѣмъ болѣе затемняется въ немъ сознаніе отвлеченнаго духовнаго міра, какъ того, который находится въ немъ самомъ, такъ и того, который проникаетъ всю вселенную и служитъ основной всего существующаго въ природѣ.

Это совершенно такъ же, какъ свѣтъ солнца днемъ скрываетъ отъ нашего взора свѣтъ луны и звѣздъ; но стоитъ солнцу вечеромъ начать уменьшать силу своего свѣта, и мало-по-малу станутъ появляться на небѣ звѣзды одна за другой, пока не загорится все небо. Свѣтъ звѣздъ, на темномъ небосклонѣ, непохожъ на солнечный свѣтъ, онъ имѣетъ совершенно другой видъ и свойства; однако, обратите вниманіе, какъ ярко онѣ для насъ горятъ въ темную ночь; какъ отчетливо мы видимъ каждую порознь и каждую съ самостоятельнымъ цвѣтомъ, а вѣдь днемъ онѣ совершенно не были намъ видны.

Человѣку, желающему увидать свой внутренній и духовный міръ сіяющимъ и блестящимъ и посредствомъ этого убѣдиться, что, кромѣ видимыхъ жизненныхъ потребностей и органическихъ отправленій, въ немъ есть нѣчто другое, невидимое, высшее, болѣе чистое и святое—нельзя посовѣтовать производить изслѣдованія себя въ то время, когда органическая и жизненная дѣятельность находится въ полномъ разгарѣ и напряженіи, или когда дѣятельность разума поглотила все его существо житейскими или научными заботами.

Не время начинать въ себѣ поиски своего духовнаго элемента за какимъ-нибудь лукулловскимъ обѣдомъ при многочисленномъ обществѣ, разгоряченномъ виномъ и праздными рѣчами, или во время ученыхъ диспутовъ, или въ разгарѣ бала, или медоваго мѣсяца. На все долженъ человѣкъ отводить особое время, и тѣмъ болѣе это мудрое правило должно относиться къ проявленію въ человѣкѣ духовной стороны его существа, требующей извѣстной подготовки и исполненія нѣкоторыхъ

Digitized by Google

условій, касающихся обѣихъ природъ, заключающихся въ человѣкѣ, какъ отвлеченной, такъ и матеріальной.

Для анализа духовнаго своего элемента лучшее время наступаетъ тогда, когда дѣятельность нашихъ умственныхъ и органическихъ силъ нѣсколько понижена; когда солнце нашей ежедневной жизни умѣряетъ силу своихъ лучей, а это случается часто:

1) Всякій день вечеромъ, когда жизненныя силы истощены, разумъ усталъ отъ дневной работы, и человѣкъ чувствуетъ потребность отдохнуть, сосредоточиться, свести итоги дня и набраться новыхъ духовныхъ и физическихъ силъ для дальнѣйшей работы.

2) Во время болѣзней наиболѣе ясныя ощущенія внутренней жизни получаетъ всякій, какъ слѣдствіе сильныхъ и продолжительныхъ страданій.

3) Подъ старость, когда весь организмъ расшатанъ и отказывается служить, но душа бодра, крѣпка и мысли свѣжи.

4) При сильныхъ житейскихъ неудачахъ и постигшихъ человѣка несчастіяхъ, когда, послѣ чрезмѣрной напряженности умственныхъ силъ, является безнадежное состояніе апатіи, при которомъ разумъ ослабѣваетъ и начинаетъ сознавать свое безсиліе.

5) Лучше всего предъявляетъ наша внутренняя природа свои права у одра умирающаго близкаго намъ человѣка, или при сознаніи своей собственной близкой смерти. Въ эти минуты, когда передъ нашими глазами совершается страшное таинство смерти, мы всецѣло поглощаемся могущественнымъ вліяніемъ, производимымъ имъ, какъ на самого умирающаго, такъ и на всѣхъ присутствующихъ, окружающихъ его лицъ. Это впечатлѣніе стушевываетъ и затѣмняетъ всѣ остальныя, какъ житейскія, такъ и органическія, и нашъ духовный элементъ блеститъ передъ нами, какъ яркая звѣздочка на темномъ небосклонѣ, такъ свѣтло и опредѣленно, что исчезаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что не послѣдуетъ наше „я“ за тѣмъ бреннымъ останкомъ который сдѣлается скоро достояніемъ земли.

Но пріобрѣтаемая опытомъ жизни увѣренность въ духовную жизнь принимается разными лицами совершенно разно, а именно:

1) Если люди, которые прямо избѣгаютъ анализа своего внутренняго духовнаго міра и вообще всѣхъ разговоровъ и напоминаній о смерти. На нихъ нападаетъ какой-то безотчетный паническій страхъ и какой-то трепетъ, какъ передъ чѣмъ-нибудь необъятнымъ, сверхъестественнымъ, противнымъ природѣ ихъ существа. Одни сравниваютъ это чувство съ чув-

Digitized by Google

ствомъ безотрадной и безъисходной пустоты; другіе—съ ощущеніемъ, когда человѣкъ теряетъ почву подъ ногами; третьи говорятъ, что это чувство похоже на головокруженіе или обморокъ, при которомъ человѣкъ не теряетъ полнаго сознанія, но всѣ ощущенія переходятъ въ тяжелый и удручающій кошмаръ, при которомъ человѣкъ представляетъ себя летящимъ внизъ въ безпредѣльную бездну. Всѣ эти ощущенія, конечно, нестерпимы уже сами по себѣ, но, кромѣ того, они доводятъ человѣка до такого состоянія или настроенія, при которомъ онъ не можетъ заниматься житейскими дѣлами. Поэтому люди эти всѣми силами отгоняютъ отъ себя всякое воспоминаніе о смерти, стараются развлекаться или еще съ большею ревностью погрузиться въ водоворотъ обыденной жизненной дѣятельности. Но благоразумно ли они поступаютъ? Если одно воспоминаніе о смерти уже леденитъ человѣка до мозга костей, то какова же будетъ дѣйствительность; вѣдь смерти они избѣгнуть не могутъ, что же будетъ тогда? Какую будущность они сами себѣ готовятъ? Всякій маломальски практически развитой умъ, сопоставляя условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ настоящихъ въ связи съ будущими, пойметъ, что сойти за гробъ человѣку, къ тому не подготовленному, не можетъ составить разсчета, ибо жертвовать безконечной жизнью для временной безразсудно. Убійственнѣе всего, когда эта особенность характера встрѣчается между вѣрующими людьми и исповѣдующими свою религію. Эти люди должны считать себя въ высшей степени несчастными.

2) Безспорно, что значительное большинство вѣритъ въ Бога и въ загробную жизнь. Исповѣдуя религію, люди научаются ощущать въ себѣ свой духовный элементъ. Многіе изъ нихъ доходятъ до возможности вызывать совершенно опредѣленныя сознанія или ощущенія своей души, и тогда они начинаютъ чувствовать не только потребность, но и высшее ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, удовольствіе въ молитвенной сосредоточенности, т. е. они пріобрѣтаютъ способность временно понижать требованія своей организаціи и уходить своими ощущеніями вглубь своей собственной души; черезъ это они приближаются, а нѣкоторые даже сливаются съ Душей Міра, Богомъ. Въ эти минуты они переживаютъ разныя сверхчувственныя ощущенія, входятъ до нѣкоторой степени въ состояніе экстаза и, вообще говоря, переживаютъ то, что для людей, не обладающихъ столь сильной способностью молиться, остается совершенно непостижимо, непонятно и даже невѣроятно.

Въ эти минуты душевной сосредоточенности матеріальное тѣло, конечно, всецѣло подчиняется требованіямъ духовнаго

Digitized by Google

элемента человѣческаго тѣла, такъ какъ сознаніе души сильнѣе, чѣмъ сознаніе органической жизни тѣла, которое въ большинствѣ случаевъ у лицъ, достигшихъ столь высокаго духовнаго развитія, не избаловано и привыкло подчиняться требованіямъ ихъ воли.

Вообще, надо замѣтить, что тотъ, кто способенъ хотя въ малой степени ощущать въ себѣ высшій элементъ своего существа, тотъ, кто способенъ вѣрить свидѣтельству своихъ внутреннихъ чувствъ больше, чѣмъ выводамъ разума,—тотъ пріобрѣтаетъ извѣстное равновѣсіе внутреннихъ душевныхъ чувствъ съ чувствами своего матеріальнаго тѣла, при которомъ первыя имѣютъ всегда господствующее значеніе, отчего заботы о душѣ отодвигаютъ далеко на второй планъ всѣ заботы о тѣлѣ. Слѣдствіемъ такого отношенія въ жизни является то, что человѣкъ дѣлается болѣе устойчивъ для переживанія всѣхъ жизненныхъ трудностей, превратностей и разныхъ невзгодъ, черезъ что упрощаетъ и облегчаетъ самъ себѣ свое существованіе на землѣ. Поэтъ сказалъ о такихъ людяхъ: „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ жить“, и дѣйствительно, кто проникся идеей, что истинная жизнь его есть загробная, безконечная, блаженная, что земная есть только подготовительная, временная школа для этой безконечной жизни, что переживаетъ онъ эту трудную и временную подготовку—для безконечнаго блаженства,—того и печали земныя не могутъ печалить, а радовать могутъ только тѣ радости, которыя имѣютъ безконечное значеніе.

3) Третью категорію людей создалъ нашъ вѣкъ господства классическаго ума и практическаго разсчета. Въ предъидущемъ вѣкѣ вся эта категорія людей просто объявила бы себя атеистами, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ средній уровень нравственнаго развитія общества, и каждаго изъ нихъ, заставляетъ ихъ чувствовать и отчетливо сознавать, что есть *„нѣчто“* духовное, какъ въ мірѣ, такъ и въ нихъ самихъ, но чего они никакъ уловить не могутъ. Это *„нѣчто“* ускользаетъ отъ ихъ пониманія сущности фактовъ и явленій природы. Они никакъ не могутъ допустить, что препятствіе къ ясному сознанію этого *„нѣчто“* заключается въ ихъ собственномъ міровоззрѣніи и въ ихъ собственномъ существѣ, а не въ природѣ этого самаго *„нѣчто“*, которое понимается другими весьма легко. Все дѣло въ томъ, что дѣятельность ихъ органической жизни, ума или практическаго разсчета находится всегда въ усиленномъ напряженномъ состояніи, какъ крѣпко натянутыя струны, и ослабить эту дѣятельность они не считаютъ для себя возможнымъ, не производя непріятной для нихъ перемѣны въ привычномъ об-

Digitized by Google

разѣ жизни и мысли. Они, такъ сказать, охвачены жизненнымъ вихремъ и несутся въ одномъ направленіи безъ оглядки и рѣшительно не стараясь предугадывать настоящую сущность своей жизни, они вполнѣ довольны своимъ образомъ жизни и временными, избранными ими близкими цѣлями ихъ жизни. Одни не находятъ достаточной причины идти противъ требованій ихъ избалованной и извращенной организаціи, а потому потакаютъ всѣмъ прихотямъ своего тѣла и исключительно заняты удовлетвореніемъ своихъ страстей, капризовъ и т. д.; другіе находятъ, что любовь, милосердіе, уступчивость, доброта, могутъ только разстроить ихъ благосостояніе и накопленное богатство, а потому усиленно и съ полной ревностью направляютъ дѣятельность своего разсудка исключительно на имѣнія, банковскія дѣла, игру на биржѣ, на свою службу, интриги, карьеру и т. д. Третьи, получивъ съ молоду классическое образованіе, развивали исключительно свою память и умъ въ ущербъ своимъ духовнымъ познаніямъ природы и пріобрѣли позитивную мысль, отъ которой не могутъ отдѣлаться до самой старости; они рѣшительно не находятъ нужнымъ измѣнять свой привычный взглядъ на природу и ея явленія. Они остаются удовлетворенными привычнымъ для нихъ позитивнымъ способомъ изученія матеріальнаго міра и, не зная другаго, желаютъ тотъ же способъ примѣнить для изученія отвлеченныхъ и духовныхъ областей вселенной, что, конечно, имъ не удается, ибо природа духа не имѣетъ ничего общаго съ природой вещества и матеріи. Они рѣшительно неудомѣваютъ, какъ согласить свои привычные взгляды на міръ съ съ тѣмъ сознаніемъ отвлеченнаго и духовнаго, которое, хотя весьма слабо, но все-таки чувствуютъ въ себѣ изрѣдка.

Изученіе существа человѣка вообще чрезвычайно трудно. Изъ всѣхъ организмовъ, существующихъ на землѣ, самый совершенный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый сложный есть организмъ человѣка. Онъ единственный, который заключаетъ въ себѣ отвлеченное начало, проявляющееся съ такой силой и опредѣленностью въ каждомъ отправленіи его матеріальной организаціи; несмотря на это, однако, на изученіе здороваго организма человѣка потрачено учеными менѣе труда, чѣмъ на изученіе остальныхъ менѣе сложныхъ организмовъ, и многое, что мы знаемъ о человѣкѣ, выведено по аналогіи, переходя отъ тѣла животныхъ, на которыхъ изучались эти факты или явленія. Многіе явленія и факты изъ жизни человѣческой организаціи, которыхъ у животныхъ нѣтъ, или тѣ, которые находятся у нихъ въ зачаточномъ состояніи, а потому наукой неуловимы,—совсѣмъ на человѣкѣ не изучались.

Digitized by Google

Стоитъ только человѣку задуматься надъ своимъ существомъ и захотѣть *разумно выяснить себѣ „себя самого“* хотя бы примѣрно, хотя бы въ общихъ чертахъ, чтобы сразу попасть въ дремучій лѣсъ неразвѣданной еще наукой области догадокъ, ни на чемъ ровно неосновательныхъ представленій, недоведенныхъ до конца теорій, рѣшительно неотвѣчающихъ ни на одинъ интересующій человѣка вопросъ, касающійся его сущности. Вообще, можно сказать, что наука о человѣкѣ находится еще въ самой примитивной фазѣ, и приходится только удивляться, отчего до сихъ поръ среди наукъ нѣтъ спеціальнаго мѣста этой самой главной наукѣ—наукѣ о самомъ человѣкѣ. Никто не можетъ отрицать, что эта наука была бы самая полезная и самая существенная изъ всѣхъ остальныхъ наукъ, ибо она прямо создала бы разумныя и логичныя отношенія человѣка къ своему внутреннему, духовному существу, а слѣдовательно больше всего способствовала бы нравственному пониманію природы и ея явленій. Этой наукѣ открылось бы обширнѣйшее поле дѣйствій въ совершенно дѣвственной области знаній еще не затронутой нашимъ позитивизмомъ эта новая наука весьма скоро показала бы человѣку его душу, разъяснила бы ему весь составъ его существа и всѣ условія его жизни на землѣ. Кромѣ физическихъ и органическихъ проявленій животнаго организма, она подробно изучила бы всѣ сверхчувственныя проявленія души, какъ въ организмѣ, живущемъ полной силой своей органической дѣятельности, такъ и въ умирающемъ и уже умершемъ.

При этой наукѣ человѣку, мало духовно-развитому, не пришлось бы заниматься самому сизифовой работой отыскиванія въ себѣ изрѣдка и весьма слабо проявляющихся микроскопическихъ проблесковъ души, ибо эта наука собрала бы и разслѣдовала множество фактовъ, сверхчувственныхъ состояній и ощущеній у людей въ тѣхъ случаяхъ, когда они проявлялись съ извѣстной силой.

Подобныхъ фактовъ несмѣтное количество, и всѣ они пропадаютъ въ настоящее время, не принося пользы всему человѣчеству, а только отдѣльнымъ личностямъ, которымъ они извѣстны, такъ какъ двери науки для нихъ заперты, не взирая на то существенное значеніе и на тѣ неизгладимые слѣды, которые они оставляютъ въ жизни каждаго, видѣвшаго или переиспытавшаго ихъ человѣка. Насколько многочисленны проявленія сверхчувственныхъ состояній между людьми, явленія призраковъ изъ загробной жизни и всѣхъ подобнаго рода фактовъ, можно судить изъ слѣдующаго. Лондонское психическое общество сдѣлало вызовъ черезъ журналы и газеты, приглашая желающихъ сообщить ему болѣе или менѣе доказатель-

Digitized by Google

ные факты явленій живымъ людямъ призраковъ людей умершихъ въ моментъ ихъ смерти. Несмотря на то, что менѣе одной десятой всѣхъ существующихъ газетъ и журналовъ помѣстили этотъ вызовъ и что сообщался только одинъ видъ изо всѣхъ явленій подобнаго рода, однако лондонское психическое общество было положительно завалено подобнаго рода сообщеніями. Оно получило ихъ болѣе ста тысячъ штукъ изъ всѣхъ положительно странъ свѣта. По порученію психическаго общества наиболѣе доказательныя изъ этихъ сообщеній, подтвержденныя нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, были изданы профессорами Э. Гернеемъ и Ф. Мейерсомъ въ книгѣ, въ которой 1416 страницъ очень убористаго шрифта, подъ заглавіемъ „Фантасмы живыхъ“. Этотъ трудъ далеко не единственный въ своемъ родѣ; напротивъ, въ настоящее время литература изобилуетъ подобными произведеніями. Книги спиритическаго, теософскаго и вообще мистическаго содержанія появляются сотнями, и, наконецъ, до двухъ сотъ журналовъ и газетъ обогащаютъ ежедневно подобнаго рода литературу огромнымъ количествомъ новыхъ фактовъ чудеснаго и загадочнаго характера.

Если бы мы предположили даже, что извѣстное количество изъ нихъ могло бы быть причислено къ области выдумокъ, или игрѣ праздной фантазіи, или, наконецъ, къ области аффекта и болѣзненно-разстроеннаго воображенія, то все же мы ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы права сказать того же о всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, ибо хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ должна же быть доля правды; а если есть хотя малѣйшая доля правды во всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, то прямая обязанность науки состоитъ въ томъ, чтобы разслѣдовать и изучить ихъ, ибо во всѣхъ этихъ явленіяхъ таится главная суть нашей внутренней, душевной жизни, проявляющаяся съ извѣстной отчетливостью, въ которой мы и должны искать всю разгадку нашего бытія.

Что не вся литература сверхчувственныхъ явленій и фактовъ составляетъ бредъ, химеру или выдумку, свидѣтельствуетъ лучше всего то обстоятельство, что многіе позитивисты и матеріалисты, т. е. люди, принадлежащіе къ лагерю самой крайней оппозиціи, высказывались во многихъ случаяхъ въ пользу достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Для примѣра укажемъ на Вильямса Карпентейра, А. Доссьэ, Эдуарда Гартмана Дю-Буя-Реймона, и на Вильгельма Вундта. Всѣ они признали неоспоримое существованіе непонятныхъ и загадочныхъ фактовъ въ природѣ и въ человѣкѣ; но рамки ихъ позитивныхъ міровоззрѣній и знаній не допускали ихъ доводить изученія этихъ явленій до причины и сущности. Не додумываясь же до конца,

Digitized by Google

останавливая свою мысль на полъ-пути изслѣдованій, и объясненія ихъ получались недостаточно глубоки и неудовлетворительны. Такъ, одни изъ нихъ причисляютъ эти явленія къ рубрикѣ галлюцинацій, т. е. къ области болѣзненно-разстроеннаго воображенія; другіе объясняютъ ихъ дѣйствіемъ нервныхъ жидкостей; третьи называютъ ихъ слѣдствіями психическихъ силъ, заключающихся въ человѣкѣ. До нѣкоторой степени они, конечно, всѣ правы, ибо при видѣ всѣхъ этихъ явленій у каждаго человѣка до нѣкоторой степени и воображеніе ненормально, и нервы напряжены, и психическія силы работаютъ болѣе усилено, чѣмъ въ обыкновенное время. Но нельзя не замѣтить опять все тѣ же недостатки, все то же недомысліе, которые мы всегда встрѣчаемъ во всѣхъ позитивныхъ и матеріалистическихъ объясненіяхъ фактовъ и явленій.

Всѣ эти объясненія слишкомъ поверхностны и недостаточны для умовъ, желающихъ изучать природу болѣе опредѣленно и отчетливо. Ни позитивисты, ни матеріалисты рѣшительно не объясняютъ по существу, что такое именно эта ихъ галлюцинація? Отчего она является? Какая природа этой болѣзни? И чѣмъ доказывается, что это—болѣзнь? Можетъ быть, это и есть самое нормальное состояніе человѣка, когда онъ дѣлается способенъ видѣть вещь въ „самой себѣ“? Вѣдь подобное доказательство было бы крайне необходимо. Можетъ быть, это—лишняя и новая способность въ человѣкѣ видѣть загробный міръ; можетъ быть, это проявленіе новаго шестаго чувства, которымъ владѣютъ не всѣ люди. Намъ эти объясненія кажутся логичнѣе, чѣмъ объясненія галлюцинація болѣзнью. Разсудить, кто правъ,—должна была бы наука, изучивъ этотъ вопросъ.

Тоже самое, говоря о нервныхъ жидкостяхъ и о психизмѣ, развѣ позитивизмъ объясняетъ природу этихъ вещей? Развѣ мы можемъ составить себѣ понятіе, по ихъ объясненіямъ, какъ они дѣйствуютъ? Какъ, напримѣръ, нервныя жидкости выходятъ изъ человѣка, собираются гдѣ-нибудь въ уголку комнаты и образуютъ тамъ другаго человѣка? Положимъ, что такое загадочное, невѣроятное явленіе и происходитъ въ дѣйствительности, но вѣдь надо же объяснить, какъ это все происходитъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и, наконецъ, доказать, что это дѣйствительно все такъ, а не иначе.

Всякій, видѣвшій или переиспытавшій какое-либо сверхчувственное настроеніе или состояніе, или видѣвшій видѣнія изъ загробной жизни, будетъ вполнѣ несогласенъ съ позитивными объясненіями этихъ состояній и никогда не признаетъ себя больнымъ. Всѣ эти лица въ большинствѣ случаевъ были

Digitized by Google

совершенно здоровы и въ здравомъ умѣ, какъ до видѣнія, во время его, такъ и послѣ. Видѣнія эти нисколько не отразились ни на ихъ организмѣ, ни на ихъ здоровьѣ, но зато нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое не принесло бы человѣку великой нравственной и духовной пользы и не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ его послѣдующей духовной жизни. Такимъ образомъ, если причислить эти, такъ называемыя, галлюцинаціи къ числу болѣзней, то никакъ нельзя причислить ихъ къ числу болѣзней организма, скорѣе къ числу болѣзней нравственныхъ и весьма полезныхъ. Развѣ мы знаемъ среди всѣхъ болѣзней организма хотя одну которая, не причиняя вреда организму, приносила бы всегда громадную и самую существенную, нравственную пользу человѣку и дѣйствовала бы въ высшей степени благотворно на внутреннюю жизнь человѣка, всегда улучшая его душу? Наконецъ, нельзя не замѣтить, что причина этой болѣзни всегда разумная и нравственная, но не случайная и не органическая, ибо никакая логика не можетъ допустить, чтобы разумному дѣйствію могла бы быть неразумная причина.

Вся ошибка позитивистовъ и матеріалистовъ заключается въ томъ, что всѣ объясненія ихъ природы и сущности этихъ состояній слишкомъ коротки авторитетны и мало научны, а безъ этого все ихъ изученіе даннаго предмета не можетъ удовлетворить любознательности развитаго человѣка. Можетъ ли себѣ, въ самомъ дѣлѣ, позволить серьезная наука, для объясненія цѣлой области явленій и фактовъ самаго загадочнаго и чудеснаго содержанія, кинуть, какъ бы изъ милости, нѣсколько ничего незначащихъ словъ и латынскихъ номенклатуръ, не потрудившись даже дать этимъ словамъ какія-нибудь научныя разъясненія?

Послушаемъ, какъ относились къ сверхчувственнымъ ощущеніямъ или настроеніямъ нѣкоторые великіе умы, напримѣръ:

1) Ѳ. М. Достоевскій. Въ „Вѣстникѣ Европы“, извѣстная г-жа Ковалевская, въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, какъ у Ѳ. М. Достоевскаго появилась падучая болѣзнь.

Болѣзнь эта началась у него,—разсказываетъ она,—когда онъ былъ уже не на каторгѣ, а на поселеніи. Онъ ужасно томился тогда одиночествомъ и цѣлыми мѣсяцами не видалъ живой души, съ которою могъ бы перекинуться разумнымъ словомъ. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ къ нему одинъ его старый товарищъ. Это было, именно, въ ночь передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ. Но на радостяхъ свиданія они и забыли, какая это ночь, и просидѣли ее всю

Digitized by Google

напролетъ дома, разговаривая, не замѣчая ни времени, ни усталости и пьянѣя отъ собственныхъ словъ.

Говорили они о томъ, что обоимъ всего было дороже—о литературѣ, объ искусствѣ и философіи, коснулись, наконецъ, религіи.

Товарищъ былъ атеистъ, Достоевскій — вѣрующій, оба горячо убѣжденные, каждый въ своемъ.

Есть Богъ, есть,—закричалъ, наконецъ, Достоевскій, внѣ себѣ отъ возбужденія. Въ эту самую минуту ударили колокола сосѣдней церкви къ Свѣтло-Христовой заутрени. Воздухъ весь загудѣлъ и заколыхался. „И я почувствовалъ,—разсказывалъ Ѳедоръ Михайловичъ,—что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигъ Бога и проникнулся Имъ. Да, есть Богъ!—закричалъ я—и больше ничего не помню".

— Вы всѣ здоровы люди,—продолжалъ онъ,—и не подозрѣваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываемъ мы, эпилиптики, за секунду передъ припадкомъ. Магометъ увѣряетъ въ своемъ Коранѣ, что видѣлъ рай и былъ въ немъ. Всѣ умные дураки убѣждены, что онъ просто лгунъ и обманщикъ. Анъ нѣтъ! Онъ не лжетъ! Онъ дѣйствительно былъ въ раю въ припадкѣ падучей, которою страдалъ, какъ и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или мѣсяцы, но вѣрьте слову, всѣ радости, которыя можетъ дать жизнь, не взялъ бы я за него!".

2) **Знаменитый натуралистъ Линней** признавалъ двойниковъ человѣка, и однажды самъ разсказывалъ случай, гдѣ онъ самъ являлся въ видѣ двойника своего. „Мои комнаты, — говорилъ онъ, — были расположены по одну сторону общей залы, а комнаты жены по другую. Однажды она, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, слышала, какъ я прошелъ черезъ залу, отперъ мой кабинетъ, вошелъ въ него, и выйдя оттуда, заперъ дверь; она думала, что я оставилъ тамъ свою шляпу и палку и тотчасъ же войду къ ней; однако, никто не являлся. Тогда моя жена сказала: „Вы увидите, что сейчасъ придетъ мужъ!" Что черезъ нѣкоторое время и случилось. Ей не разъ случалось передъ моимъ возвращеніемъ домой слышать тоже самое, даже передъ моимъ возвращеніемъ изъ Стокгольма" (Nemesipdivina).

3) **Гёте** говоритъ: „Между любящими эта магнетическая сила нерѣдко дѣйствуетъ на большое разстояніе: въ юности мнѣ случалось во время уединенныхъ прогулокъ испытать сильнѣйшее желаніе увидать любимую особу, и я такъ долго и напряженно думалъ о ней, что, наконецъ, она приходила ко мнѣ на встрѣчу, говоря: „Мнѣ стало невыносимо тоскливо

Digitized by Google

сидѣть дома! Я ничѣмъ не могла развлечься и пришла сюда". Одинъ изъ такихъ случаевъ описанъ имъ очень подробно и заслуживаетъ серьезнаго вниманія (Эккерманъ—разговоры съ Гёте, III, 137—139).

4) **Философъ Эммануилъ Кантъ.** Приведемъ его слова по цитатѣ Цёльнера, переведенной по-англійски Массейемъ, предупреждая читателя, что когда онъ употребляетъ слово „невещественный", онъ не подразумѣваетъ въ немъ отсутствіе всякой сущности, такъ какъ извѣстно, что онъ признавалъ неудовлетворительнымъ картезіанское гипотетическое понятіе о духѣ.

„Не скрываю, что я очень склоненъ признавать существованіе невещественныхъ существъ въ этомъ мірѣ и причислить и мою душу къ категоріи такихъ существъ.

„Мы можемъ представить себѣ существованіе невещественныхъ существъ безъ страха быть опровергнутыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ надежды доказать его по разуму. Существованіе такихъ духовныхъ существъ въ пространствѣ не мѣшаетъ обитанію этого пространства существами матеріальными ибо присутствіе въ немъ первыхъ, какъ активныхъ силъ, не занимаетъ въ немъ мѣста, въ смыслѣ вещественномъ, т.-е. не представляетъ сопротивленія, присущаго твердымъ тѣламъ.

„Не трудно было бы доказать это, вникнувъ въ вопросъ поглубже, а не то скажемъ еще лучше: это будетъ доказано въ будущемъ,—гдѣ и когда, я не знаю,—что и въ земной жизни человѣческая душа состоитъ въ неразрывномъ общеніи съ невещественными существами духовнаго міра, производитъ ни нихъ свое воздѣйствіе, а взамѣнъ получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, хотя и безсознательно для себя, пока все въ ней обстоитъ нормально.

„Для человѣчества было бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы подобный систематическій строй духовнаго міра, какъ мы его понимаемъ, предполагался не на основаніи только слишкомъ гипотетическаго понятія о духовной природѣ вообще, а основывался или, по крайней мѣрѣ, считался вѣроятнымъ посредствомъ какого-либо реальнаго и всѣми признаваемаго наблюденія".

Эти слова замѣчательны и вполнѣ заслуживаютъ глубокаго вниманія читателей. Кантъ между философами стоитъ на одномъ уровнѣ съ Платономъ, Аристотелемъ и Лейбницемъ. Онъ говоритъ намъ положительно,—и это болѣе ста лѣтъ тому назадъ—что фактъ общенія человѣческой души и въ

Digitized by Google

этой жизни съ существами духовнаго міра будетъ доказанъ современемъ. Не настало ли уже это время теперь? Спиритическіе факты, по крайней мѣрѣ, вполнѣ оправдываютъ его предсказаніе.

Кантъ идетъ еще далѣе. Неудовлетворенный „слишкомъ гипотетическимъ понятіемъ о духовной природѣ человѣка“ (картезіанское понятіе было въ его время господствующимъ)— онъ заявляетъ, что было бы истиннымъ благодѣяніемъ для человѣчества, если бы фактъ взаимодѣйствія и общенія обоихъ міровъ, имъ предчувствуемый, могъ быть признанъ существующимъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ, на основаніи реальнаго и всѣми допускаемаго наблюденія (Творенія Канта, т. VII, стр. 32) и (Ребусъ 1886 г., стр. 490).

5) **Философъ-пессимистъ Артуръ Шопенгауеръ** въ своемъ сочиненіи „О духовидѣніи“, говоритъ слѣдующее: „Явленія духовъ, которыя въ прошломъ черезчуръ умномъ столѣтіи, казалось, были совершенно изгнаны или, по крайней мѣрѣ, осуждены всѣми, теперь снова получили права гражданства. Не трудно объяснить себѣ такую перемѣну. Ибо доводы противъ возможности такихъ явленій были отчасти метафическіе, которые, какъ таковые, не имѣли подъ собой прочнаго основанія, отчасти эмпирическіе, которыми доказывалось лишь то, что во всѣхъ случаяхъ, когда не было ни случайнаго ни явнаго обмана, не было и ничего такого, что могло бы повліять путемъ отраженія свѣтовыхъ лучей на сѣтчатую оболочку глаза или путемъ колебанія воздуха на барабанную перепонку уха. Но эти доводы говорили лишь противъ присутствія тѣлесныхъ предметовъ, чего никто, впрочемъ, и не утверждалъ, потому что самое понятіе духа предполагаетъ совершенно иной способъ явленія, отличный отъ способа явленія тѣла.

„Отрицаніе a priori всякой возможности этого рода явленій и осмѣиваніе тѣхъ, кто признаетъ ихъ, ни на чемъ иномъ не основано, какъ только на убѣжденіи, будто смерть есть абсолютное уничтоженіе. Но коль скоро такое убѣжденіе несостоятельно и даже невозможно, то нельзя понять, почему существо, гдѣ-нибудь еще пребывающее, нигдѣ не должно обнаруживаться и оказывать вліяніе на другое существо, которое находится въ иномъ состояніи“ (Реб. 1889 г., стр. 161 — 237).

6) **Н. И. Лобачевскій** имѣлъ при жизни своей также два таинственныхъ факта, которые его сынъ передаетъ слѣдующими словами: „Въ жизни моего отца были два весьма странныхъ случая. Незадолго до назначенія попечителемъ

Digitized by Google

В. П. Молоствова, отецъ мой въ своей крошечной спальнѣ былъ разбуженъ какъ бы отворившейся дверью. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ стояла какая-то женщина въ бѣломъ покрывалѣ, съ бѣлою косою и цѣпью на рукахъ. Предположивъ, что къ рѣсницамъ присталъ пухъ отъ подушки, онъ протеръ глаза, но видѣніе не исчезло. Женщина, показавъ рукою въ сторону нашего дома, вышла въ окно съ двойною рамою. Утромъ помощникъ инспектора Зоммеръ, придя съ рапортомъ (Лобачевскій былъ въ то время ректоромъ), что-то замялся, проговоривъ, однако, слово „еще"; отецъ попросилъ Зоммера не стѣсняться и доложить въ чемъ дѣло. Оказалось, что ночной часовой доложилъ экзекутору, что изъ окна его превосходительства вышла какая-то бѣлая женщина, прошла черезъ дворъ, крышу каретника и исчезла. Экзекуторъ обругалъ часового, заподозривъ, что онъ былъ пьянъ, и посадилъ его подъ арестъ. Позвавъ экзекутора и приказавъ немедленно освободить часового, отецъ подтвердилъ его разсказъ".

„Второй случай тоже не лишенъ интереса. Когда мы укладывались и переѣзжали въ свой домъ, вся прислуга слышала какой-то стонъ, выходившій какъ бы изъ-подъ пола, а затѣмъ мы всѣ слышали (мнѣ было тогда лѣтъ 15), какъ перебирались клавиши на запертыхъ фортепьянахъ, издавая унылый звукъ" (Воспоминанія о Лобачевскомъ. „Историческій вѣстникъ", январь 1895 года, стр. 159 и 160).

7) **Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.** Въ „Русскомъ Дѣлѣ" № 17, за 1887 годъ, помѣщена, заимствованная изъ „Современныхъ Извѣстій" 1884 года, горячая полемика по поводу спиритизма, въ которой принималъ участіе и покойный ихъ издатель Гиляровъ-Платоновъ. Приведемъ только конецъ частнаго письма слишкомъ хорошо извѣстнаго всей Москвѣ Никиты Петровича къ одному изъ полемистовъ, помѣщеннаго въ томъ же номерѣ „Русскаго Дѣла".

„Сущность спиритизма заключается въ положеніи, что между тѣмъ міромъ и здѣшнимъ возможно и бываетъ сообщеніе. Это есть основаніе, а далѣе идетъ разноголосица и толкованія. Алланъ Кардекъ, Оуенъ, Вагнеръ, каждый придумываетъ свою теорію. Я, положимъ, имѣю свою догадку, хотя въ ней не увѣренъ, а тѣмъ менѣе согласенъ съ Кардекомъ. Вопросъ въ томъ, есть ли, бываютъ ли сообщенія? Несомнѣнные факты спиритизма, которыхъ безчисленное множество, означаютъ ли реальное выступленіе умершихъ, или собственное наше, потенцированное видѣніе? Я себѣ ставлю такъ вопросъ и, признаюсь, не берусь рѣшать его. Покойный В. И. Даль получилъ

Digitized by Google

„откровеніе“ (назыв. такъ) отъ умершаго Вышеславцева (въ первый разъ слышанная имъ фамилія), съ просьбой написать извѣстнаго рода утѣшеніе здравствующему сыну такого-то, въ такомъ-то селѣ (ни то, ни другое не было Далю извѣстно); Даль написалъ письмо къ лицу, въ существованіи котораго не былъ увѣренъ, и въ село не зная, дѣйствительное, или мнимое. Написалъ и получилъ отвѣтъ. Вотъ вамъ фактъ *изъ рядя безчисленныхъ*, мнѣ лично извѣстныхъ. Фактъ фактомъ, а объясненіе стройте какое угодно“.

8) **А. Р. Уоллесъ**, ученыя заслуги котораго ставятъ его несомнѣнно на ряду съ Дарвиномъ, въ своей статьѣ, озаглавленной: „Защита современнаго спиритизма“ стр. 63 — 65), говоритъ:

„Большинство оффиціальныхъ ученыхъ отказывается изслѣдовать эти явленія, когда ихъ приглашаютъ къ тому. Общество, членомъ котораго состоитъ ученый этотъ, отказывается даже занести его изслѣдованія въ протоколъ, а пресса начинаетъ кричать, что нуженъ лучшій свидѣтель, чѣмъ г. Круксъ, и что подобные факты требуютъ новыхъ подтвержденій, прежде чѣмъ имъ можно будетъ повѣрить. Но зачѣмъ больше подтвержденій? Послѣ того, какъ цѣлый рядъ этихъ явленій былъ изслѣдованъ въ продолженіе десяти лѣтъ и въ реальности ихъ убѣдилися тысячи скептиковъ, здравомыслящихъ и остроумныхъ американцевъ всѣхъ классовъ общества, — они были подтверждены первымъ химикомъ Америки—профессоромъ Робертомъ Геромъ. Два года спустя они были подтверждены тщательными и настойчивыми изслѣдованіями одного изъ первыхъ американскихъ юристовъ — судьи Эдмондса; потомъ другимъ извѣстнымъ химикомъ, профессоромъ Д. Мепсомъ. Во Франціи дѣйствительность физическихъ явленій была подтверждена графомъ А. де-Гаспареномъ въ 1856 году, а нѣсколько позже, астрономомъ Камилломъ Фламмаріономъ, нѣсколькими математиками и химиками, занимающими не послѣднее мѣсто въ ученомъ мірѣ. Профессоръ женевскаго университета Тюри подтвердилъ ихъ также въ 1855 году. У насъ, въ Англіи, такіе люди, какъ профессоръ математики де-Моргамъ, докторъ медицины Локгартъ Робертсонъ, писатель А. Троллопъ, докторъ правъ Коксъ, физикъ, завѣдующій электрическими аппаратами трансатлантическаго телеграфа С. Ф. Варлей и цѣлый комитетъ діалектическаго общества подтвердили, каждый съ своей стороны, реальность этихъ явленій; наконецъ, извѣстный химикъ Уильямъ Круксъ, членъ королевскаго общества, производитъ свои опыты и изслѣдованія въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ двумя сильнѣйшими и замѣ-

Digitized by Google

чательнѣйшими медіумами нашего времени и, въ свою очередь, убѣждается въ дѣйствительности спиритическихъ явленій, о чемъ печатно свидѣтельствуетъ. Но и это еще не все. Цѣлый рядъ самыхъ компетентныхъ изслѣдователей получаетъ подтвержденіе спиритуалистическихъ фактовъ съ помощью фотографіи, которая не можетъ быть обманута, не можетъ имѣть никакого предвзятаго мнѣнія, которую субъективныя впечатлѣнія не могли ввести въ ошибку, которая отмѣчаетъ только то, что дѣйствительно случается. И что противопоставляютъ наши противники этому ряду безпристрастныхъ и неподкупныхъ свидѣтельствъ? Они высказываютъ нелѣпыя и неумѣстныя подозрѣнія и не приводятъ ни одного дѣйствительнаго факта, который могъ бы служить подтвержденіемъ ихъ мнѣнія.

„Прежде, чѣмъ отвергать эту теорію, нужно доказать, что подобныхъ фактовъ не было; а простое отрицаніе или невѣріе не уничтожаетъ фактовъ, которые подтверждаются тремя свидѣтелями, наблюдавшими ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ, — людьми здравосмыслящими, просвѣщенными, которые все это время вели себя и дѣла свои такъ, что заслужили уваженіе и довѣріе всѣхъ своихъ согражданъ.

„Вслѣдствіе всего этого я утверждаю, что явленія спиритуализма въ своей совокупности не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ подтвержденій. Они такъ же хорошо доказаны, какъ всякіе другіе факты въ наукѣ, и никакое отрицаніе не въ состояніи опровергнуть ихъ. Если бы противники спиритизма могли представить описаніе своихъ изслѣдованій столь же продолжительныхъ и полныхъ, какъ изслѣдованія его защитниковъ; если бы они могли открыть и объяснить подробно или какъ происходятъ эти явленія, или какимъ образомъ всѣ, указанные нами, въ высшей степени разсудительные и способные люди были приведены съ помощью обмана къ твердому убѣжденію, что они были свидѣтелями дѣйствительныхъ явленій, и если бы при этомъ они могли доказать справедливость своей теоріи,—тогда только, но не раньше, спиритамъ необходимо было бы представить новыя подтвержденія фактовъ, достаточно реальныхъ и неоспоримыхъ, чтобы убѣдить каждаго честнаго и терпѣливаго изслѣдователя.

„Принимая во вниманіе всѣ эти свидѣтельства и доводы, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что спиритуалистическіе факты, а вмѣстѣ съ ними и спиритуалистическая теорія — какъ единственная, вполнѣ удовлетворительно объясняющая ихъ — имѣютъ въ настоящее время совершенно прочное основаніе“.

Digitized by Google

9) Викторъ Гюго: „Reviews of Reviews“ за ноябрь 1893 г. помѣстилъ статью Октава Узана, озаглавленную: *„разговоры и мнѣнія Виктора Гюго“*. Содержаніе этой статьи почерпнуто изъ дневника сына Виктора Гюго, Франца, который онъ велъ во время изгнанія своего отца. Изъ этой статьи мы видимъ, что во дни изгнанія Виктора Гюго призракъ, называемый „Бѣлой женщиной“, часто посѣщалъ морской берегъ и вообще всю мѣстность, прилагаемую къ Маринъ-террасѣ; почти каждую ночь странствовалъ онъ по самой террасѣ, вслѣдствіе чего на стѣнѣ, отдѣлявшей ее отъ моря помѣстили большой черный крестъ. Авторъ дневника говоритъ:

„Легковѣрные люди слѣпо вѣрятъ во все таинственное, скептики, напротивъ, вполнѣ отрицаютъ его, великіе же умы относятся серьезно къ необъяснимому, къ невѣдомому; они не говорятъ ни да, какъ легковѣрные, ни нѣтъ, какъ скептики; они ждутъ и присматриваются“.

Много страннаго пришлось видѣть и слышать Виктору Гюго. Въ его комнатахъ раздавались непонятные звуки, слышались стуки въ стѣнѣ. Иногда, безъ малѣйшаго вѣтра, бумаги сами собою передвигались по столу. Карлъ и Францъ Гюго слышали тѣ же звуки изъ сосѣдней комнаты. Разъ, ночью, г-жа Гюго проснулась въ темнотѣ, хотя она отлично помнила, что, ложась спать, она не погасила свѣчки, спрашивается, кто-же потушилъ ее? 22 февраля Викторъ Гюго случайно вошелъ поздно вечеромъ въ залу, два окна которой выходили на улицу. Каминъ былъ погашенъ, лампъ и свѣчъ на столѣ не было, прислуга вся спала; затѣмъ онъ прошелъ въ свою комнату, легъ и заснулъ. Въ ту же ночь въ два часа вернулись домой Карлъ и Францъ Гюго, и со удивленіемъ увидѣли, что зала освѣщена и не только топившимся каминомъ, а настолько ярко, что казалось, какъ будто зажжены еще канделябры. Крайне пораженные, они хотѣли отворить дверь, ведущую въ залу, но она оказалась запертою.

При этомъ случаѣ въ „Journal de l'Exil„ (дневникъ изгнанія) впервые упоминается о столоверченіи. Карлъ Гюго, удивленный столь необычайнымъ явленіемъ, попробовалъ вопрошать столъ. Духъ, проявившійся на первомъ сеансѣ, назвался „Бѣлой женщиной“ и объявилъ, что о дальнѣйшемъ онъ сообщитъ не иначе какъ только на улицѣ въ три часа утра. Викторъ Гюго кому это было сказано, не отличаясь храбростью, нашелъ, что время и мѣсто свиданія крайне неудачно выбраны, и остался дома; остальные члены семьи послѣдовали его примѣру. Ночью, когда Викторъ Гюго еще сидѣлъ, по своему

Digitized by Google

обыкновенію, за своимъ письменнымъ столомъ, вдругъ раздался сильный звонокъ; мгновенно онъ вспомнилъ о „Бѣлой женщинѣ“ и, посмотрѣвъ на часы, убѣдился, что было ровно три часа утра. „Привидѣнія очень пунктуальны“! воскликнулъ онъ и съ этихъ поръ сталъ ощущать нѣкоторое волненіе, ему сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ его разговора съ близкими.

Викторъ Гюго. Прежде я могъ спокойно спать, теперь же при наступленіи темноты, я чувствую нѣкоторый страхъ; просыпаюсь ночью не иначе, какъ съ очень непріятною дрожью во всемъ тѣлѣ. Въ спальнѣ не рѣдко слышу стучащихъ духовъ, а иногда и такіе громкіе звуки (онъ сильно стукнулъ по столу). Два мѣсяца тому назадъ, когда „Бѣлая женщина“ еще не бросала намъ своего портрета, я не испытывалъ ничего подобнаго, теперь же, признаюсь, познакомился съ чувствомъ ужаса.

Г-жа Гюго. Ты всегда былъ такимъ. Когда умеръ Саксенъ-Кобургъ и къ тебѣ вошла его огорченная мать съ отчаянными рыданіями, ты такъ испугался ея, что въ продолженіи двухъ недѣль не могъ оставаться одинъ при наступленіи ночи; точно также преслѣдовало тебя твое видѣніе, когда ты писалъ „Послѣдній день осужденнаго“: ты долго не могъ избавиться отъ образа старой женщины, явившейся, по твоему представленію, во снѣ осужденному.

Огюстъ Вакери. Все это превышаетъ мое пониманіе, я думалъ, что мы вступили въ эпоху зрѣлости ума, а оказывается, что мы еще немного отошли отъ средневѣковыхъ фантазій.

Викторъ Гюго. Конечно, міръ находится еще въ младенчествѣ; человѣчество не можетъ довольствоваться одной философіей, не можетъ обходиться безъ откровеній. Истины, добытыя человѣкомъ, должны быть подтверждены Богомъ. Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ явленіями столоверченія и написалъ о нихъ книгу, которую наша дочь такъ настоятельно проситъ меня издать, съ изложеніемъ подтверждающихъ ее явленій. Почти всѣ великіе люди имѣли откровенія. У Сократа былъ свой геній-хранитель. Зороастръ,— говоритъ онъ самъ,—имѣлъ особенную способность наглядно различать добро отъ зла. Шекспиръ видѣлъ призраковъ. Черезъ сто лѣтъ можетъ быть скажутъ, что моя книга о столоверченіи внушена мнѣ призракомъ, являвшимся на Маринъ-террасѣ.

10) Великій **Бетховенъ** писалъ: „Я говорилъ уже разъ, но меня не поняли, какъ вообще не понимаютъ силы артисти-

Digitized by Google

ческаго вдохновенія, какъ не понимаютъ того, что я дѣйствую повелѣніемъ внутреннихъ невѣдомыхъ толпѣ законовъ и что самъ перестаю понимать себя, когда миновалъ часъ творческаго восторга... Глупцы!.. Руководимые холодной своей экзальтаціей, они въ свободное время избираютъ себѣ темы, развиваютъ ихъ и заботятся о томъ, чтобъ повторить ту же самую тему въ другомъ тонѣ: по указанію и желанію постороннихъ лицъ, они добавляютъ затѣмъ къ своей композиціи какіе-нибудь духовные инструменты или какіе-нибудь странные аккорды. Все у нихъ въ высшей степени разсудительно, въ высшей степени умѣренно и прилизано. Но развѣ я могу работать такимъ образомъ? Меня сравнивали съ Микель Анжело... Пусть... Но какъ же работалъ творецъ „Моисея"? Онъ работалъ въ неистовствѣ, въ изступленіи; въ такомъ именно состояніи онъ ударами молота о неподвижный мраморъ покорялъ его своей волѣ и вызывалъ живую мысль, затаенную въ глыбахъ мрамора... Также создаю и я. Для меня минуты вдохновенія—то таинственное состояніе, когда цѣлый міръ является мнѣ одной великой гармоніей, когда всякая мысль, всякое чувство находитъ себѣ отзвукъ, и дрожь проходитъ по всѣмъ моимъ членамъ и я начинаю слышать всѣ голоса въ природѣ, и волосы подымаются у меня дыбомъ на головѣ".

11) **Берліозо** пишетъ: („Воспоминанія" стр. 246). „Въ трепещущей груди моей является пустота и мнѣ кажется, что сердце мое, подъ давленіемъ какой-то непреодолимой силы, начинаетъ испаряться и, расширяясь, стремится къ полному растворенію. Потомъ, на всемъ моемъ тѣлѣ кожа становится болѣзненной и горитъ, я краснѣю съ головы до ногъ. Мнѣ хотѣлось-бы крикнуть, позвать кого-нибудь на помощь, чтобы онъ утѣшилъ, охранилъ бы меня, помѣшалъ бы мнѣ уничтожиться, удержалъ во мнѣ жизнь, угрожающую покинуть меня. Во время этого кризиса я ни минуты не думаю о смерти; мысль о самоубійствѣ даже нѣчто нестерпимое; я не хочу умирать; напротивъ того, я хочу жить, жить съ тысячекратной удвоенной энергіей, съ удивительнымъ стремленіемъ къ счастью, со страшнымъ желаніемъ дѣятельности, которая можетъ удовлетвориться лишь безконечными, примиряющими, бѣшеными наслажденіями, отвѣчающими неизмѣримому изобилію чувствительности"...

12) **Философъ Шеллингъ** говоритъ, что умственное прозрѣніе дано не всѣмъ людямъ, но лишь немногимъ избраннымъ; это—спеціальная способность философствованія. Шеллингъ презрительно отзывается о „болтунахъ", не понимающихъ высшихъ истинъ философіи. „По истинѣ непонятно", восклицаетъ онъ, „какое дѣло можетъ быть у философіи съ неспособностью. Гораздо лучше изолировать философію отъ

Digitized by Google

всѣхъ, могущихъ приходить къ ней обычнымъ путемъ; ее слѣдуетъ отдѣлить отъ обыкновеннаго знанія. Философія начинается тамъ, гдѣ оканчивается обыкновенное знаніе. Высшія истины науки не могутъ быть доказаны, ихъ можно только прозрѣть; кто неспособенъ къ этому, для того доказательства безполезны, и къ нему можно чувствовать только сожалѣніе". (Neue Zeitschrift für speculative Physik, II, 34).

13) **А. М. Бутлеровъ**, профессоръ химіи петербургскаго университета („Спиритическій методъ въ области психофизіологіи", Спб. 1885 г.), говоритъ: „Я веду рѣчь о внѣтѣлесномъ, продолжающемся существованіи человѣка,—о человѣкѣ, какъ звенѣ духовнаго міра, вѣра въ существованіе котораго была почти потеряна интеллигентнымъ большинствомъ, а теперь начинаетъ возвращаться къ намъ снова, твердо опираясь на реальное знаніе (стр. 34). Съ моей точки зрѣнія, людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою. Но, къ сожалѣнію, запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борющіеся зачастую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ. Дѣйствительно, мы часто видимъ, какъ оберегатели общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ оказываются нераспознавшими своего возникающаго пособника (т. е. спиритизма) и, преслѣдуя его, сами наносятъ, къ сожалѣнію, удары тому дѣлу, которое мнятъ защищать. Вредъ подобной слѣпой борьбы, идущей на руку противникамъ, очевиденъ; но борьба эта и тщетна, потому что является въ сущности преслѣдованіемъ фактовъ, (Буткевичъ, стр. 104, 105).

14) **Д. И. Менделѣевъ** говоритъ: „Тотъ мостъ между явленіями физическими и психическими, который видятъ спириты въ медіумическихъ явленіяхъ, составляетъ дѣйствительно мостъ желанный, и такой мостъ наука рано или поздно построитъ. На постройку пойдетъ матеріалъ физіологіи и психологіи, терапіи и психіатріи, захватитъ, быть можетъ, и факты спиритизма; мостъ этотъ соединитъ ученыхъ, не встанетъ поперекъ дороги. Медики уже начали изслѣдовать гипнотизмъ, трансъ и другія нервныя состоянія, въ которыхъ выражаются съ извѣстнымъ оттѣнкомъ особенности нервной дѣятельности. Ученые не боятся этихъ вопросовъ, ихъ напрасно боятся и многія другія лица, не достаточно подготовленныя къ пониманію общаго движенія науки".

Digitized by Google

15) **А. Суворинъ.** Всѣмъ извѣстный издатель „Новаго Времени“ въ № 6766 своей газеты описываетъ фактъ случившійся съ нимъ самимъ; нижеслѣдующими словами:

„Вдругъ шорохъ... Я оглянулся и сердце забилось... Я проворно положилъ письма и заперъ ящикъ. Но только что замолкъ звенящій звукъ замка, я услышалъ ясно шорохъ именно въ томъ ящикѣ, гдѣ лежалъ портретъ Ѳедора Михайловича Достоевскаго. Неужели это мыши? Теперь говорятъ, вся Россія наполнена мышами, которыя даромъ пріобрѣтаютъ никѣмъ не покупаемый хлѣбъ, и, естественно также, что онѣ любятъ водиться въ библіотекахъ и зубами читать книги. Мыши навѣрно знаютъ, что есть книги, напечатанныя исключительно для нихъ. Я отперъ ящикъ. Портретъ былъ закрытъ, но бумага смята. Я снялъ листы и увидѣлъ, что портретъ перевернутъ внизъ лицомъ. Не можетъ быть! Вѣроятно, я самъ нечаянно перевернулъ. Развѣ возможно, чтобъ чья-нибудь невидимая рука распоряжалась въ этомъ ящикѣ? Къ тому еще ящикъ неглубокій, полотно натянуто на рамѣ, а потому перевернуть портретъ можно не иначе, какъ снявъ полотно съ рамы. Тѣмъ не менѣе, мнѣ становилось жутко и я подчинялся тому, что называется паникой. Я захлопнулъ ящикъ и бросился вонъ. Но только-что я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ свѣчку кто-то задулъ.

— Ѳедоръ Михайловичъ! крикнулъ я невольно, точно кто-то подсказалъ мнѣ, что это шутки покойнаго Достоевскаго. Сердце у меня такъ билось, что я ухватился рукою за столъ и ясно слышалъ, что будто что-то пронеслось надо мною, какъ тихое движеніе воздуха...

Я ушелъ къ себѣ въ спальню и старался уснуть. Но Достоевскій не давалъ мнѣ покою. Я такъ ясно его видѣлъ, его фигуру, тихо и осторожно движущуюся, его худое и печальное лицо. Я видѣлъ его, когда глаза мои были закрыты. Онъ носился сверху внизъ. Я не видѣлъ, какъ онъ поднимался вверхъ, но опустившись внизъ, онъ снова являлся вверху и плылъ внизъ. Разъ я видѣлъ его говорящимъ. Онъ двигался сверху внизъ говоря что-то и только-что онъ скрылся изъ пространства моего внутренняго зрѣнія, я ясно услышалъ, что кто-то ступалъ осторожно, точно въ валенкахъ.

— Кто это?—произнесъ я,—кто?

— Это я, сказалъ чей-то голосъ, и шаги снова послышались за ширмою, которая отдѣляла мою постель отъ комнаты. Человѣкъ ходилъ взадъ и впередъ тихо и осторожно, а я старался зажечь лампочку и искалъ ощупью электрическіе

Digitized by Google

проводники, висѣвшіе по стѣнѣ, у постели. Говорить я не могъ отъ страшнаго волненія. Но въ уши мои несся тихій шумъ шаговъ и глухой голосъ:

— Алеша Карамазовъ, Алеша Карамазовъ... Два генія— Толстой и Нитче, Нитче и Толстой... Нитче выступилъ антихристомъ, Толстой христосикомъ... Ха, ха, ха...

Это былъ не смѣхъ, а сухіе, холодные звуки, выходившіе точно изо рта механической куклы.

— Я утопистъ, утопистъ, утопистъ... Я мистикъ... мистикъ... Ахъ, Алеша Карамазовъ... Ты тоже мистикъ... Тоже утопистъ... И доброта—утопія, большая утопія... Вѣдь даже у Господа Бога есть адъ...

И затѣмъ глубокій вздохъ и какъ будто кто-то побѣжалъ мелкими шажками, точно, маленькая птичка.

Огонь, наконецъ, вспыхнулъ. Передо мною невысокая ширма и на этой ширмѣ я увидѣлъ голову Достоевскаго.

Онъ стоялъ сзади ширмы и изъ-за нея виднѣлась только его голова, но не та, что на портретѣ, а другая, несомнѣнно на него похожая, съ рѣдкими волосами на головѣ, съ его глазами, съ его бородой. Она точно воткнута была на ширмѣ...

Галлюцинація, галлюцинація, повторялось въ моемъ мозгу, точно маятникъ, отбивающій секунды. Но голова несомнѣнно виднѣлась мнѣ совершенно реально, и глаза свѣтились и моргали...

— Галлюцинація, галлюцинація, говорила голова, качаясь взадъ и впередъ. Сначала умри, а потомъ говори: галлюцинація, галлюцинація...

И голова закачалась быстрѣе... и исчезла...

Не знаю, я, можетъ-быть, съ ума сходилъ. Но то, что я видѣлъ—видѣлъ, а какъ это называется въ наукѣ—не все ли равно?

16) **Вильгельмъ Вундтъ**, знаменитый физіологъ и одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, въ своемъ научномъ трудѣ Essais" стр. 359, сказалъ:

„Нѣтъ такого времени, которое было бы отмѣчено отсутствіемъ явленій, болѣе или менѣе сходнымъ со спиритическими. Въ этомъ отношеніи имѣются многочисленныя показанія даже членовъ суда, которымъ, конечно, нельзя безпричинно отказать въ довѣріи. Явленія, считавшіяся до сихъ поръ выраженіемъ вреднаго суевѣрія, превращаются съ свидѣтельства особенно успѣшнаго распространенія трансцендентныхъ тайнъ".

17) Профессоръ **Дю-Буа-Рэймонъ** разсказывалъ слѣдующій, заинтересовавшій его фактъ: Одинъ врачъ въ небольшомъ

Digitized by Google

померанскомъ городкѣ лечилъ женщину отъ какой-то болѣзни, діагнозъ который никакъ ему не удавался. И вотъ, онъ видитъ во снѣ, что читаетъ во вновь вышедшей брошюрѣ способъ леченія, подходящей къ этой болѣзни. Приложивъ его онъ вылечилъ больную.

Два года спустя врачъ нашелъ во вновь вышедшей брошюрѣ, на той же страницѣ, какъ онъ видѣлъ это во снѣ, указаніе на средство, имъ употребленное. Автора брошюры онъ совсѣмъ не зналъ. Профессоръ Дю-Буа-Рейманъ прибавляетъ: „Наука не съ состояніи объяснить это явленіе, слѣдовательно, она должна умалчивать о немъ!“

Но вѣдь это не что иное, какъ признаніе несостоятельности науки, такой, по крайней мѣрѣ, науки, какъ понималъ ее Дю-Буа-Реймонъ, авторъ знаменитаго ignorabimus. Но наука обширнѣе, она заключаетъ въ себѣ и такія отрасли, какъ магнетизмъ, сомнамбулизмъ, спиритизмъ, которыхъ не признавалъ въ ней знаменитѣйшій физіологъ, (Messager, 15 декабря 1897 г.).

18) **Эдуардъ фонъ-Гартманъ,** пользующійся всемірной извѣстностью, авторъ знаменитой философіи „Безсознательнаго“ занимался также изслѣдованіемъ сверхчувственныхъ явленій и издалъ даже довольно обширный трудъ, подъ заглавіемъ: „Спиритизмъ“.

Изъ этого труда надо заключить, что Гартманъ самъ никогда не занимался лично экспериментальной частью спиритизма, но долженъ былъ признать всю подлинность его, въ виду уже одной многочисленности данныхъ, скопившихся въ спиритической литературѣ, и въ виду очевидности и убѣдительности всѣхъ доводовъ, приводимымъ спиритами. Какъ строгій поборникъ положительныхъ знаній, не допускающій ни свободной воли, ни души, ни загробной жизни, онъ не могъ признать системы спиритовъ, а составилъ свою собственную, въ которой, не затрогивая вопросовъ сущности, объясняетъ всѣ эти явленія дѣйствіями нервной жидкости или нервными токами, излучающимися, будто бы, изъ человѣка, и скрытою въ человѣкѣ способностью къ непроизвольной галлюцинаціи, которая можетъ будто бы, доходить до такой интенсивности, что человѣкъ начинаетъ галлюцинировать всѣми своими пятью чувствами.

Вся его система не выдержала критики, ибо, съ одной стороны, дѣйствіе нервныхъ токовъ внѣ предѣловъ человѣческаго организма, т. е. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, останется навсегда совершенно непонятной загадкой. Система же галлюцинацій

Digitized by Google

была опровергнута фотографическими снимками и алебастровыми слѣпками, снятыми съ духовъ, что вполнѣ опровергло всю его систему, ибо ни фотографія, ни алебастръ галлюцинировать не могутъ, а передаютъ внѣшнія формы вполнѣ реально и безошибочно. Совѣтуемъ каждому, желающему ознакомиться съ заблужденіями Эдуарда фонъ-Гартмана прочесть прекраснѣйшій трудъ профессора А. Аксакова „Критика гипотезъ „галлюцинацій“ и „безсознательнаго“, какъ рѣшающихъ проблему медіумическихъ явленій“, помѣщенную въ журналѣ „Ребусъ“ за 1890 г. №№ отъ 1 до 20—это трудъ, достойный большаго вниманія; онъ положительно уничтожаетъ всю систему Гартмана и способенъ заставить задуматься самаго упорнаго изъ скептиковъ.

Впрочемъ здѣсь, насъ должна, главнымъ образомъ, интересовать не исторія заблужденій Гартмана но самый фактъ признанія медіумическихъ явленій человѣкомъ выдающагося ума и настроеннаго очень враждебно противъ всего сверхчувственнаго и чудеснаго; не смотря на все это, однако, онъ стоитъ за всю цѣлесообразность дальнѣйшихъ изученій всѣхъ этихъ загадочныхъ фактовъ. Приведемъ подлинныя слова Гартмана изъ его книги „Спиритизмъ“.

„Очевидно, совершенно непростительно натуралисту отказываться отъ изслѣдованія этихъ явленій въ силу того, что они связаны съ условіями, установленіе которыхъ въ каждое время не лежитъ во власти изслѣдователя. Когда хотятъ изслѣдовать паразита кротовъ или глисту, водящуюся въ кузнечикахъ, то, само собою разумѣется, необходимо прежде всего изловить крота или кузнечика, чтобы отыскать въ нихъ этихъ животныхъ. Если изслѣдованію подлежитъ извѣстная форма сумасшествія, то надобно идти въ домъ умалишенныхъ, гдѣ есть такіе больные. Если хотятъ изслѣдовать электрическаго ската или угря, то надобно велѣть прислать ихъ себѣ оттуда гдѣ они водятся. Точно также, при желаніи изучать анормальныя явленія человѣческой природы, надобно отыскивать личностей, одаренныхъ анормальнымъ организмомъ, или вызвать таковыхъ къ себѣ. Нерѣдко и лабораторные опыты зависятъ отъ такихъ сложныхъ условій, что изслѣдователь не можетъ ручаться за ихъ успѣхъ въ каждомъ данномъ случаѣ; но это не уменьшаетъ доказательности удачныхъ опытовъ. Если электрическая рыба больна или истощена вслѣдствіе путешествія, то опыты надъ нею будутъ также неудовлетворительны, какъ и опыты съ медіумомъ, который боленъ. Когда влажность атмосферы переходитъ за извѣстныя границы, то опыты съ электрической машиной такъ же не удаются, какъ иногда и

Digitized by Google

опыты съ медіумами. Но все это не должно препятствовать изученію анормальныхъ явленій".

Или далѣе: „Тотъ, кто при всякихъ своихъ предосторожностяхъ считаетъ свои пять чувствъ недостаточными для того, чтобы отличить фокусничество отъ непроизвольныхъ явленій, тотъ этимъ самымъ считаетъ органы человѣческихъ чувствъ вообще недостаточными для установленія фактовъ и долженъ точно также отказать въ значеніи всякому судебному свидѣтельству и всякому научному изслѣдованію. Если къ каждому засѣданію можно привлечь искуснаго фокусника, въ качествѣ четвертаго присутствующаго, то это, конечно, слѣдуетъ рекомендовать,—фокусникъ, очевидно, будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы открыть фокусничество и не допустить медіумовъ затмевать славу фокусниковъ. Два первые фокусника Германіи и Франціи, Беллавини и Гуденъ, свидѣтельствовали, какъ извѣстно, въ пользу медіумовъ, которыхъ они наблюдали; другіе фокусники (напр., Германъ) утверждали, что они могутъ посредствомъ своего искусства произвести тѣ же явленія, какъ и медіумы.

„Если поближе разсмотрѣть эти послѣднія утвержденія и познакомиться съ безъименной книгой „Исповѣдь медіума" или съ „Посѣтителями съ того свѣта" Кумберлэнда и т. п. обличеніями, то можно тотчасъ же замѣтить, что фокусничество требуетъ такихъ условій и связано съ такими предположеніями, которыя не относятся къ медіуму. Такъ, напр., при письмѣ на разстояніи достаточно заботиться о томъ, чтобы медіумъ или вовсе не дотрогивался до доски, или имѣлъ бы ее въ рукахъ лишь на мгновеніе, при концѣ опыта; такимъ образомъ, возможность подготовки будетъ устранена; чтобы сдѣлать невозможнымъ для медіума прямое писаніе собственными пальцами, достаточно наблюдать положеніе его рукъ и заботиться о томъ, чтобы доска была надежно закрыта. Такъ какъ существуютъ безчисленныя извѣстія о слышномъ для уха писаніи, происходящемъ въ хорошо закрытомъ пространствѣ между грифельными досками, когда онѣ находятся въ рукахъ третьяго лица или свободно лежатъ на столѣ; такъ какъ нѣкоторые наблюдатели видѣли при письмѣ движеніе кусочка грифеля по доскѣ, часть которой была выдвинута изъ-подъ стола, а нѣкоторые наблюдали даже писаніе по бумагѣ карандашемъ, который самъ собою стоялъ прямо; такъ какъ писаніе останавливается, когда присутствующіе разрываютъ цѣпь и, какъ говорятъ, начинается снова при соединеніи рукъ; такъ какъ, при закрытыхъ доскахъ, нерѣдко пишутся тѣ слова или предложенія, которыя диктуются медіуму однимъ изъ присутствую-

Digitized by Google

щихъ, послѣ того какъ доска закрыта или когда уже писаніе началось; какъ такъ этимъ способомъ, при закрытыхъ доскахъ, даются вполнѣ осмысленные отвѣты на написанные извѣстные медіуму вопросы, и подобныя явленія наблюдались сотнями свидѣтелей не только при Слэдѣ, Монкѣ и Эглингтонѣ, но также и при частныхъ медіумахъ,—то, если и можно сомнѣваться въ достовѣрности этихъ свидѣтельствъ, такъ это, во всякомъ случаѣ, не потому, что посредствомъ фокусничества можно произвести подобныя же явленія при существенно другихъ условіяхъ".

Или: „Самъ я не могу по личному опыту судить о реальности необыкновенныхъ явленій, но имѣющіяся налицо свидѣтельства исторіи и современниковъ во всей ихъ связи считаю достаточными для допущенія, что въ человѣческомъ организмѣ существуетъ болѣе силъ и способностей, чѣмъ сколько открыло и изслѣдовало ихъ нынѣшнее точное знаніе, и что обстоятельство это можетъ служить достаточнымъ вызовомъ наукѣ для того, чтобы принятся за точное изслѣдованіе этой области явленій" (Ребусъ 1886 г., стр. 2, 19 и 42).

19) Профессоръ Вильямъ Карпентеръ въ Лондонѣ и позитивистъ А. Дассьэ въ Парижѣ занимались также изученіемъ медіумическихъ явленій; они также должны были скоро признать всю реальность ихъ и такъ же, какъ и Эдуардъ фонъ-Гартманъ, не нашли возможнымъ для объясненія ихъ пожертвовать своими принципами позитивизма, но старались дать каждый свои особыя объясненія, которымъ, впрочемъ, не суждено было пріобрѣсти популярности, несмотря на ихъ громкую и научную авторитетность.

До сихъ поръ, какъ читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, мы не привели ни одного свидѣтельства лицъ, принадлежащихъ къ лагерю спиритовъ, ни къ лагерямъ теософовъ и окультистовъ. Но, говоря о сверхчувственныхъ ощущеніяхъ и состояніяхъ человѣка, нѣтъ положительно возможности не упомянуть и о нихъ; ибо число приверженцевъ всѣхъ трансцендентальныхъ знаній ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ особенности увеличивается лагерь спиритовъ. Между ними мы видимъ множество именъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего вѣка, которые всѣ, пройдя черезъ долгій рядъ сомнѣній, колебаній, опытовъ, почувствовали себя покоренными строгой доказательностью реальности медіумическихъ явленій, производящихся въ настоящее время положительно во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Реальность же медіумическихъ явленій не можетъ не заставить всякаго здраво смотрящаго на дѣло своего знанія природы, задуматься и воскликнуть: „Вѣдь міръ въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ совершенно не такой, какъ учатъ насъ позитивисты".

Спиритизмъ необыкновенно заманчивъ. Не всѣ, конечно, убѣдившись въ реальности медіумическихъ явленій, начинаютъ правильно изучать ихъ; но тѣ, которые вникли въ спиритизмъ безъ предвзятыхъ идей, съ чистымъ желаніемъ добиться истины, скоро становились въ ряды спиритовъ; ибо вся система ихъ чрезвычайно убѣдительна, вся ихъ теорія до-нельзя проста, понятна и логична; всѣ объясненія явленій и фактовъ проявленія загробнаго міра въ нашей матеріальной средѣ чрезвычайно опредѣленны, своеобразны и доказательны, ихъ вліяніе на убѣжденія каждаго, желающаго вникнуть въ нихъ, положительно неотразимо.

Нѣтъ ни одного человѣка, къ какому бы онъ обществу ни принадлежалъ, какое-бы ни было его развитіе— интеллигентное или нравственное,—который, захотѣвъ заняться спиритизмомъ и вникнуть въ него безъ предвзятыхъ мыслей, не убѣждался бы какъ въ абсолютной реальности медіумическихъ явленій, такъ и въ правотѣ самаго ученія, а слѣдовательно, и не перешелъ бы на сторону спиритическаго міросозерцанія.

Фактъ, достойный большаго вниманія,—что всѣ естествоиспытатели, которые добросовѣстно брались за провѣрку спиритизма, какъ бы они ни были сначала предубѣждены противъ него, въ концѣ концовъ, послѣ извѣстнаго періода сомнѣній и не довѣрія, всегда оказывались на сторонѣ его; только тѣ, которые не захотѣли заняться спиритизмомъ и вникнуть въ него, оказывались въ рядахъ его противниковъ и отрицателей.

Можно биться объ закладъ, что каждый отрицатель спиритизма всегда съ охотой признается, что онъ никогда не занимался имъ, не изучалъ его и впредь изучать его не станетъ, ибо спиритизмъ противорѣчитъ его научнымъ убѣжденіямъ. Онъ будетъ ратовать за то, что если бы и было все такъ, какъ доказываетъ спиритизмъ, то все же человѣку научному не слѣдуетъ касаться его, а, напротивъ, обязанность каждаго адепта науки отказаться, а въ крайнемъ случаѣ—прямо отвергать его. Онъ ни за что не захочетъ понять, что въ этомъ случаѣ въ немъ говоритъ не разумъ, но вполнѣ, человѣческія страсти, его умственная лѣнь; что въ немъ говоритъ односторонность его ума въ связи съ недостаткомъ нравственнаго развитія.

Какъ бы ни былъ образованъ человѣкъ, тайны природы останутся всегда за предѣлами его знанія; въ какихъ бы чудесныхъ и загадочныхъ образахъ онѣ ни проявлялись, обязанность каждаго образованнаго человѣка не отказываться отъ нихъ, но изслѣдовать и изучать до послѣдней крайности; если

Digitized by Google

же онѣ не поддаются его изученію, то слѣдуетъ оставить вопросъ открытымъ, предоставивъ изслѣдованія этого факта будущему. Ни въ какомъ случаѣ человѣкъ науки не можетъ окружать свою науку китайской стѣной рутины, ибо это показало бы вполнѣ тщеславныя и эгоистическія отношенія къ своимъ, весьма ограниченнымъ, знаніямъ. Однимъ словомъ, спиритизмъ противорѣчитъ не самой наукѣ, ибо наука должна идти впередъ, не ограничиваясь никакими препятствіями, но онъ противенъ самимъ людямъ, ихъ привычкамъ и принципамъ, вслѣдствіе ихъ небрежнаго отношенія къ дѣлу.

Однако, давая такой радушный отзывъ о спиритизмѣ, мы должны оговориться и сказать, что не считаемъ его еще за науку. Онъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую впалъ и позитивизмъ. Мы обязаны чистосердечно сдѣлать ему этотъ упрекъ. Вся дѣятельность спиритовъ направлена исключительно къ доказательству реальности медіумическихъ явленій и собранію фактовъ проявленія загробной жизни между живущими. У спиритовъ, такъ же, какъ у позитивистовъ, вся дѣятельность направлена на обогащеніе экспериментальной части, а другая умозрительная часть знаній положительно отсутствуетъ.

Намъ кажется, что какъ химіи предшествовала алхимія, какъ астрономіи предшествовала астрологія, такъ и спиритизмъ есть начало будущей великой, истинной, міровой науки. Несмотря на всю молодость спиритизма, въ немъ накоплено въ настоящее время такое неимовѣрное количество всевозможныхъ сверхчувственныхъ явленій, состояній, настроеній фактовъ и всевозможныхъ данныхъ самаго непонятнаго и чудеснаго характера, которые ждутъ только геніальнаго обобщителя, который привелъ бы ихъ въ стройный и цѣльный видъ и представилъ бы ихъ всѣ въ одной связной системѣ, которая и послужила бы канвой для передѣлки всѣхъ позитивныхъ знаній на новый деистическій ладъ.

Ученые не должны забывать, что слово „чудо“, или названіе какого-либо явленія природы чудеснымъ или сверхъестественнымъ не имѣетъ абсолютнаго знанія. Значеніе этого понятія сокращается по мѣрѣ развитія образованія въ человѣкѣ, и многое, что считается чудомъ у дикарей и чего боится невѣжество, совсѣмъ не кажется чудомъ для образованнаго человѣка. Образованіе и развитіе человѣка, завоевывая познаніями своими вселенную, мало-по-малу уничтожаетъ это понятіе. Чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше для него чудесъ. Наука не должна бояться ихъ, ибо всякій разъ какъ ученые брались за изученіе чудесъ, такъ немедленно передъ ними расширялся горизонтъ, просвѣтлялись картины міра, и все

Digitized by Google

непознаваемое, все чудесное и таинственное превращалось въ естественное и понятное, и прежнія чудеса передъ ними исчезали, но, конечно, возставали новыя, о которыхъ они прежде ничего не знали Все дѣло совсѣмъ не въ невозможности изученія этихъ отвлеченныхъ областей мірозданія, но въ неразвитости людей, въ упорномъ традиціонномъ убѣжденіи, полученномъ ими еще съ молокомъ матери и закрѣпленномъ внушеніями нашихъ школъ, что дальше позитивныхъ предѣловъ идти нельзя. Спросите: „отчего же нельзя“? Вамъ всегда отвѣтятъ: „такъ принято“.

Задавалъ ли себѣ читатель вопросъ,—что такое общество со всѣми его модами, модными принципами, обычаями и приличіями? Вдумывался ли онъ, въ какихъ ежевыхъ рукавицахъ и неумолимыхъ тискахъ держатъ они каждаго человѣка, желающаго посѣщать это общество, его салоны и считаться его сочленомъ?

Попробуйте придти въ это общество въ черномъ галстукѣ въ то время, когда всѣ въ бѣлыхъ, или придти на балъ или взойти въ ложу бель-этажа въ сюртукѣ; или разрѣжьте за обѣдомъ рыбу ножемъ, и ваша репутація будетъ навсегда потеряна; послѣ этого можете себя считать выбывшимъ изъ него, и васъ уже болѣе приглашать никто не будетъ, такъ какъ вы не отвѣчаете моднымъ требованіямъ. Общество охотно прощаетъ сочленамъ своимъ цѣлыя преступленія, пороки, слабости, страсти, но отступленіе отъ коренныхъ, самыхъ мелочныхъ принциповъ, обычаевъ и приличій наказывается жестоко, а потому всѣ стремятся ему понравиться, и угодить, чтобы не получить какого-либо возмездія за свою строптивость. Девизъ общества есть: „Canaille tant que vous voulez, mais mauvais genre jamais“.— Научныхъ вопросовъ въ обществѣ не принято затѣвать, но всякій долженъ представляться человѣкомъ, знающимъ науку или, по крайней мѣрѣ, ея принципы и быть въ курсѣ новѣйшихъ модныхъ открытій, принятыхъ наукой, и, главное, знать всѣ памфлеты, направленные на еретиковъ науки. Нашъ современный позитивизмъ не допускаетъ въ своихъ стѣнахъ изслѣдованія ничего сверхъестественнаго. Но вѣдь такая неестественность и можетъ существовать только при позитивныхъ, сухихъ, практическихъ, модныхъ взглядахъ общества на сущность земной жизни. Модный взглядъ на жизнь обязателенъ для всѣхъ. Стремясь имѣть какъ можно больше подписчиковъ, модная пресса обязана потакать моднымъ вкусамъ и взглядамъ и отвѣчать требованіямъ дня; и это одно условіе можетъ только и составитъ репутацію серьезной модной газеты или журнала. Они, какъ церберы, слѣдятъ за

Digitized by Google

появленіемъ въ другихъ не модныхъ вольнодумныхъ газетахъ и журналахъ сообщеній о какомъ-нибудь чудесномъ фактѣ, который можно было бы принять на смѣхъ и тѣмъ угодить обществу, наукѣ и наполнить столбцы своего изданія пикантной насмѣшкой, дающей лишнюю тему для веселыхъ разговоровъ и остротъ.

Если случалось вамъ, читатель, наблюдать, когда какой-нибудь смѣльчакъ рѣшится разсказать въ обществѣ слышанный имъ отъ другихъ или бывшій съ нимъ самимъ какой-нибудь фактъ изъ сверхчувственной области, то, навѣрное, вы замѣтили, что никто не пропуститъ этого удобнаго случая весело провести время, и конечно, и самъ разсказчикъ, и весь загробный міръ подвергались осмѣянію такимъ неприличнымъ образомъ, что, глядя со стороны, можно было бы поручиться, что никому изъ нихъ не придется никогда умирать и быть именно въ томъ положеніи, которое съ такимъ истерическимъ остервенѣніемъ осмѣивается ими.

Сколько разъ въ интимной бесѣдѣ, происходящей глазъ на глазъ, случалось мнѣ слышать разсказъ одного изъ этихъ ярыхъ насмѣшниковъ загробнаго міра въ обществѣ о какомъ-нибудь происшествіи изъ сверхчувственной области, которое случилось или съ нимъ самимъ, или въ его семействѣ. Съ дрожью въ тѣлѣ и со слезами на глазахъ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ самъ лично наяву видѣлъ своихъ умершихъ родителей, которые говорили ему и сообщили, и т. д. — „Какое же право имѣли вы", спросишь его, съ такой яростью осмѣивать тогда-то въ такомъ-то обществѣ совершенно аналогичный разсказъ?" — „Да развѣ въ обществѣ можно поднимать такія вопросы?" отвѣчалъ онъ мнѣ. Это крайне неприлично, это все равно, что въ общество явиться голымъ. Въ обществѣ мы обязаны соблюдать приличіе, какъ въ одеждѣ своего тѣла, такъ точно и въ маскированіи своихъ чувствъ; но кромѣ того, эти темы священны для насъ, и мы не имѣемъ права касаться ихъ открыто, всенародно и публично; это значило бы осквернять ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть неприличнымъ въ обществѣ, которое требуетъ извѣстной внѣшней личины во всемъ рѣшительно, не заботясь о внутреннемъ человѣкѣ. Я, правда, погорячился нѣсколько, наговорилъ много лишняго, и зато я не спалъ нѣсколько ночей, меня укоряла моя совѣсть; но виноватъ ли я въ томъ? Виноватъ тотъ, кто осмѣливается поднимать такіе разговоры въ обществѣ".

Какъ трудно пробиться истинѣ черезъ заколдованный кругъ модныхъ толковъ и запутанностей земной практической жизни! Тѣмъ не менѣе, истина для угожденія имъ не станетъ другой.

Digitized by Google

Послушаемъ по этому поводу слова четырехъ великихъ ученыхъ, а именно:

1) **Артуръ Шопенгауеръ** сказалъ:

„Чтобы позволить себѣ насмѣхаться надъ тайными симпатіями или надъ магическими вліяніями, надо признать міръ вполнѣ понятнымъ. А это возможно лишь для того, кто смотритъ на міръ совершенно поверхностнымъ взглядомъ".

2) **Кантъ**, въ предисловіи къ своему сочиненію: „Сны духовидца", говоритъ: „Не вѣрить ничему изъ того, что разсказываетъ съ нѣкоторой степенью достовѣрности, такой же глупый предразсудокъ, какъ вѣрить безъ критики всему, что говоритъ общая молва".

3) **Дарвинъ**, знаменитый авторъ: „Происхожденія видовъ", писалъ одному іенскому студенту: „Привычка къ анализу и къ научнымъ изслѣдованіямъ заводитъ человѣка слишкомъ далеко, пока не заставитъ его относиться окончательно недовѣрчиво къ одному опытному знанію... Во всѣхъ же вопросахъ будущей жизни всякій долженъ искать истину между сомнительными вѣроятностями и ихъ опроверженіями", а слѣдовательно и возводить ихъ на степень своихъ положительныхъ знаній.

Тотъ, кому не случалось видѣть видѣній и не случалось даже провѣрять или разбирать видѣнное кѣмъ-либо, которому онъ вѣритъ безусловно, сдѣлаетъ вполнѣ правильно, если воздержится отъ всякаго сужденія о нихъ; ибо никакая наука, никакая научная логика или человѣческая ученость не въ состояніи себѣ представить то, что можетъ въ дѣйствительности познать человѣкъ и временами совершенно ясно ощущать своими внутренними чувствами, которыя до поры до времена таились въ самой глубинѣ человѣческаго существа".

4) „Одно изъ условій мудрости", сказалъ **Сократъ** (§ XXI), „состоитъ въ томъ, чтобы не думать, что ты не знашь то, чего ты въ дѣйствительности знаешь".

Digitized by Google

Глава II.

Явленіе изъ загробнаго міра.

Всякое явленіе изъ загробнаго міра всегда глубоко поражаетъ людей, видѣвшихъ ихъ и пережившихъ эти ужасныя минуты, въ теченіе которыхъ появлялись и исчезали призраки. Они никогда не проходили, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ жизни человѣка и не принеся ему радикальной духовной и нравственной пользы. Они всегда открывали людямъ новыя чувства и впечатлѣнія, а слѣдовательно новыя области природы, познаніе которыхъ дѣлается положительной потребностью человѣка.

Самые ярые скептики, которымъ удавалось видѣть видѣнія изъ загробной жизни, бросали свои матеріалистическія и атеистическія убѣжденія, ибо то, что имъ приходилось перечувствовать и переживать въ теченіи какой-ниубдь одной минуты, было достаточно для того, чтобы увидать, насколько ничтожно и безцвѣтно ихъ знаніе и ихъ, такъ называемыя, разумныя отношенія къ природѣ, въ сравненіи съ истинною сутью жизни,—въ сравненіи съ міромъ чувствъ.

Человѣкъ, вслѣдствіе своей природной неразвитости въ связи съ порочнымъ чувствомъ упорнаго, научнаго тщеславія, можетъ, опираясь на свои микроскопическія и во всѣхъ отношеніяхъ шаткія знанія, храбриться и оспаривать то, о чемъ онъ не имѣетъ никакого понятія; но если глаза его откроются для уразумленія этихъ запрещенныхъ позитивизмомъ темъ, то для него дѣлается очевиднымъ весь его прошлый абсурдъ, вся его

Digitized by Google

дерзость, и онъ принужденъ покинуть свои фальшивые принципы, въ виду подавляющаго величія истинной сути жизни.

Выше мы сказали, что многія видѣнія изъ загробной жизни были удостовѣрены оффиціальными документами, не допускающими ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ правдивости; здѣсь мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Видѣніе Митрополиту Платону.

Въ „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ помѣщенъ слѣдующій случай изъ жизни митрополита Платона, разказанный самимъ владыкою:

„Въ моей жизни есть одинъ случай, при которомъ я видѣлъ тѣнь другаго человѣка, да притомъ такъ живо и отчетливо, вотъ какъ васъ вижу теперь. Это было въ 80-хъ годахъ, я былъ инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, я былъ молодъ и дѣятеленъ. У насъ былъ въ числѣ студентовъ Иванъ Крыловъ — вотъ какъ теперь его вижу! Учился онъ недурно, былъ хорошаго поведенія и благообразнаго вида. Онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ меня, чтобы я позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думалъ себѣ: вѣрно онъ истощалъ, пусть тамъ его покормятъ курочкою, дадутъ бѣлаго хлѣбца и онъ поправится. Проходитъ нѣсколько времени; я о немъ ничего не слышу; докторъ ничего не говоритъ. Разъ я лежу на диванѣ, на лѣвомъ боку, и читаю книгу, передо мной стоитъ ломберный небольшой столъ. Я отвелъ глаза отъ книги и вижу: за столомъ стоитъ Крыловъ и смотритъ на меня такъ пристально. Лицо его я вижу ясно, — вотъ какъ васъ, — но тѣло его было какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Я опять взглянулъ на него... Онъ?... Меня передернуло. Призракъ точно понесся отъ стола къ окну и въ окнѣ скрылся. Я еще недоумѣвалъ, чтобы это значило?.. Вдругъ слышу стукъ въ мою дверь; я надѣлъ рясу и вижу, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: „студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ“.

— Давно ли?—спросилъ я въ изумленіи.

— „Да вотъ минутъ пять, я только собрался къ вамъ“.— „Вотъ извольте разгадать эту тайну, — сказалъ архипастырь, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при разсказѣ. Всѣ молчали. „Все это, — заключилъ владыка, — несомнѣнно доказываетъ намъ какую-то таинственную связь между нами и душами умершихъ“.

Digitized by Google

Видѣніе Императора Павла.

Въ началѣ января 1798 года, когда Императрица Марія Ѳеодоровна готовилась быть матерью десятаго младенца, Императору Павлу I представлялась въ Зимнемъ дворцѣ депутація петербургскихъ старообрядцевъ для выраженія ему чувствъ признательности за оказываемое имъ покровительство. Купецъ Маловъ поднесъ Императору древнюю икону Михаила Архангела въ драгоцѣнной, золотокованной ризѣ. Государь очень милостиво принялъ депутацію; икона была поставлена въ кабинетѣ Государя и передъ нею затеплена лампадка.

Въ сумерки этого дня Павелъ I, возвратясь въ свой кабинетъ съ половины своей супруги, состояніе здоровья которой внушало ему серьезныя опасенія, въ глубокой задумчивости сѣлъ въ кресло у стола и устремилъ свои прекрасные голубые глаза на икону, поднесенную ему старообрядцами. Тихій шорохъ пробудилъ его отъ задумчивости; онъ оглянулся: у дверей стоялъ старикъ въ монашеской рясѣ, съ красивымъ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ длинною сѣдою бородою, съ кроткимъ, привѣтливымъ взглядомъ. Какъ онъ попалъ въ кабинетъ Государя? Объ этомъ Павелъ Петровичъ никогда никого не спрашивалъ.

— Что скажешь, сударь?—обратился онъ къ незнакомцу.

— Супруга твоя—отвѣчалъ тотъ—подаритъ тебя сыномъ Михаиломъ. Этимъ же именемъ святаго архангела ты наречешь дворецъ, который строишь на мѣстѣ своего рожденія. Помни слова мои: „Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

И таинственный гость исчезъ за дверью, какъ показалось Государю. 28 января Императрица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, и, по желанію Павла I, ему, при молитвѣ, дано было имя Михаилъ.

Въ то самое время, когда грохотъ пушекъ съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ жителямъ столицы о прирощеніи царской семьи, любимецъ Государя, графъ Кутайсовъ, доложилъ ему, что дежурный по внутреннему дворцовому караулу офицеръ желаетъ сообщить Государю, по секрету, нѣчто важное.

Въ первую минуту Императоръ встревожился,—подобно всѣмъ нервнымъ людямъ, при всякомъ внезапномъ извѣстіи, онъ ощущалъ непріятное болѣзненное чувство. — „Пошли его сюда!"—сказалъ онъ, нѣсколько пріободрившись.

Digitized by Google

—Честь имѣю донести Вашему Императорскому Величеству — отрапортовалъ офицеръ, — что на посту, занимаемомъ часовымъ наменбургскаго полка, произошелъ необыкновенный казусъ...

— Какой такой, сударь?

— Часовой, вѣроятно, въ припадкѣ горячки, доложилъ мнѣ о какомъ-то бывшемъ ему видѣніи... Какой-то старецъ, въ монашеской рясѣ въ самый моментъ разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Величества, подойдя къ часовому, сказалъ: „Напомните, Государю, чтобы новорожденный названъ былъ Михаиломъ, а вновь строящійся дворецъ — Михайловскимъ".

— Прислать сюда часоваго!—крикнулъ Государь.

Часовой, дрожа отъ страха, изъ слова въ слово повторилъ то, что дежурный по караулу передалъ Императору. Къ удивленію солдата и офицера, Государь сказалъ:

— Знаю, знаю... Это уже исполнено!

Часовому Государь приказалъ выдать щедрую награду, а офицеру пожаловалъ орденъ Св. Анны.

На другой день онъ потребовалъ къ себѣ архитектора Бренно.

— На главномъ фронтонѣ, обращенномъ къ Итальянской улицѣ — приказалъ ему Государь — сдѣлайте надпись эту самую—онъ подалъ ему лоскутокъ бумаги, на которой собственною рукою Государя было начертано:

„Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

Историкъ, сообщающій объ этомъ событіи, отвѣчаетъ, что число буквъ (47) вышеприведенной надписи, и до нынѣ сохранившейся на фронтонѣ Михайловскаго замка, равняется числу лѣтъ, прожитыхъ Императоромъ Павломъ (1754—1801). (Ребусъ 1887 г., стр. 386).

Видѣніе Императрицы Анны Іоанновны.

Одинъ изъ родственниковъ дѣда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова,—сообщаетъ графиня А. А. Блудова въ „Русскомъ Архивѣ", 1889 г., книжка I,—разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертью Анны Іоанновны.

„Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ, на Фонтанкѣ, у Аничкова моста,

Digitized by Google

въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь троицкое подворье, въ покояхъ митрополита московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась во внутренніе покои. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что Императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается идти дальше залы, и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что случилось.—„Не можетъ быть,—говоритъ герцогъ,—я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться“.

„Взгляните сами, она въ тронной залѣ“.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее. „Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ!“ вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно, съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Она увидала женщину, поразительно похожую на нее, которая ни мало не смутилась. „Дерзкая!“ вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Офицеръ своими глазами увидѣлъ двѣ Анны Іоановны, изъ которыхъ настоящую, живую можно было отличить отъ другой только по наряду, и потому что она вошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: „Кто ты, зачѣмъ ты пришла?“ Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направленіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахиномъ“. „Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ стрѣляйте въ эту женщину“, сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшійся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина стоявшая на

Digitized by Google

ступеняхъ у самаго трона, обратила еще разъ глаза на Императрицу и исчезла. Анна Іоановна повернувшись къ Бирону, сказала: „Это моя смерть!“, поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Графиня Штейнбокъ у гроба королевы Ульрики.

Когда шведская королева Ульрика скончалась въ своемъ дворцовомъ замкѣ въ Окрестностяхъ Стокгольма, то тѣло ея, по обычаю, было выставлено въ открытомъ гробу на парадномъ катафалкѣ въ траурной комнатѣ. Отрядъ королевской лейбъ-гвардіи, занимая почетный караулъ, находился въ полномъ составѣ въ сосѣднемъ покоѣ. Около полудня, къ крыльцу замка подъѣхала карета статсъ-дамы королевы и ея искренняго друга—графини Штейнбокъ, пріѣхавшей изъ Стокгольма отдать послѣдній долгъ своей высокой покровительницѣ. Командовавшій почетнымъ карауломъ капитанъ вышелъ къ ней на встрѣчу, помогъ ей выйти изъ кареты и ввелъ ее въ траурную комнату, дверь которой графиня затворила за собою, показавъ тѣмъ, что желаетъ остаться одна со своею скорбію; такое ея очень понятное желаніе офицеры, составлявшіе почетную стражу у гроба, поспѣшили исполнить и удалились всѣ изъ траурной комнаты, въ которой водворилась глубочайшая тишина.

Прошло не мало времени, а графиня не показывалась. Тогда одинъ изъ офицеровъ, опасаясь, что съ статсъ-дамой сдѣлалось дурно, рѣшился отворить дверь и вдругъ съ ужасомъ отскочилъ назадъ. Всѣ находившіеся тутъ офицеры подбѣжали къ отворенной двери и ясно увидали, какъ покойная королева, стоя во весь ростъ въ гробу, крѣпко и нѣжно обнимала графиню Штейнбокъ. Явленіе представилось имъ какъ бы въ колебательномъ состояніи и вскорѣ потомъ превратилось въ густой дымъ или туманъ; когда же онъ постепенно разсѣялся, то всѣ увидали тѣло королевы покойно лежащимъ въ своемъ парадномъ гробу въ прежнемъ положеніи, а графиня Штейнбокъ куда-то исчезла. Тщетно искали ее во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, потомъ сбѣжали внизъ посмотрѣть карету, но кареты, съ лошадьми, кучеромъ, лакеемъ, нигдѣ отыскать не могли. Тогда немедленно былъ посланъ въ Стокгольмъ курьеръ съ донесеніемъ о такомъ чрезвычайномъ происшествіи, и тамъ выяснилось, что графиня Штейнбокъ не выѣзжала изъ столицы, а умерла въ ту самую минуту, когда ее видѣли въ

Digitized by Google

объятіяхъ королевы. О событіи этомъ составленъ былъ обстоятельный протоколъ и подписанъ всѣми присутствовавшими при немъ лицами. При протоколѣ находится еще особое показаніе командовавшаго почетнымъ карауломъ относительно важной тайны, ввѣренной ему покойною статсъ-дамою при самомъ еще входѣ ея въ траурную комнату. Протоколъ хранится въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ.

Бѣлая Дама.

Бѣлая дама, какъ извѣстно всѣмъ въ Берлинѣ, является постоянно въ разныхъ замкахъ Германіи, начиная съ V столѣтія до нашихъ временъ; въ послѣднее время ее видѣли въ 1850 и 1879 гг. Ее видѣли сотни лицъ, не всегда вечеромъ, но и въ самый полдень; утверждаютъ даже, что она иногда говоритъ. Она является всегда въ томъ же неизмѣнномъ бѣломъ платьѣ, имѣя на головѣ вдовье покрывало съ большимъ бантомъ и ключами въ рукахъ; она высокаго роста и съ добрымъ выраженіемъ красиваго лица.

Во второй половинѣ XVI вѣка жила въ Германіи молодая вдова-красавица, владѣтельная маркграфиня Бранденбургъ-Байрейтская, урожденная графиня Орламюнде, мать двухъ прелестныхъ малютокъ. Въ нее влюбился Маркграфъ Бранденбургскій, и маркграфиня отвѣчала ему взаимностью. Любовь эта была платоническая, подобная любви рыцаря Тогенбурга, который чуть ли не сорокъ лѣтъ пѣлъ серенады подъ окномъ своей жестокой возлюбленной. Однако же, вздыханія и нѣжныя пѣсни маркграфа не удовлетворяли пылкихъ желаній маркграфини. Однажды она сказала маркграфу: „Почему бы ему на ней не жениться?“ Этотъ весьма простой вопросъ смутилъ маркграфа (который замѣтимъ, былъ уже женатъ и тайно исповѣдывалъ лютеранизмъ, а графиня была католичка). Онъ отвѣчалъ весьма загадочно, что браку ихъ есть два неопредѣлимыя препятствія, и какъ не добивалась она, маркграфъ объявилъ ей, что сказать этого ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ. Маркграфиня, ослѣпленная страстью, поняла, что онъ намекаетъ на ея двухъ дѣтей отъ перваго брака—и, долго не думая задушила своихъ малютокъ. При первомъ же его посѣщеніи она объявила ему, что препятствій къ ихъ браку болѣе не существуетъ и созналась въ своемъ преступленіи. Тогда маркграфъ, въ ужасѣ отшатнувшись отъ нея, сказалъ, въ чемъ именно состояли оба препятствія. Марк-

Digitized by Google

графиня назвавъ его убійцею дѣтей, покончила и съ собою; но передъ смертью, осыпая проклятіемъ и маркграфа, и все его потомство, дала обѣщаніе явиться ему и являться его потомкамъ передъ ихъ кончиною.

Съ тѣхъ поръ привидѣніе бывшей графини Орламюнде извѣстное въ Германіи подъ именемъ „Бѣлой Дамы", въ теченіе трехъ вѣковъ являлось очень часто потомкамъ маркграфа.

Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, основатель королевства прусскаго, прославившійся удачными битвами съ поляками и со шведами, сынъ его Фридрихъ I и отецъ Фридриха Великаго, король-фельдфебель Фридрихъ-Вильгельмъ I— видѣли каждый передъ своею кончиною „Бѣлую Даму". Всѣ трое были люди со стальными нервами и уже никакъ не фантазеры, тѣмъ болѣе, что каждый разъ, кромѣ курфюрста и обоихъ королей, ее видѣли ихъ семейства, дворцовая прислуга, часовые... Медленно, подобно клубу тумана, привидѣніе проносилось по дворцовымъ покоямъ Кенигсберга, Берлина и Потсдама; появлялось въ опочивальняхъ умирающихъ, стоя въ ногахъ или въ изголовіи ихъ постелей.

Вошелъ на прусскій престолъ Фридрихъ II Великій, философъ-матеріалистъ, который абсолютно ни чему не вѣрилъ. О фамильномъ преданіи по „Бѣлую Даму" онъ много слыхалъ еще въ дѣтствѣ отъ очевидцевъ и, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, любилъ посмѣяться надъ суевѣрами. Семилѣтняя война, раздѣлъ Польши, война съ Австріею изъ-за наслѣдства баварскаго престола, „вооруженный нейтралитетъ", дѣла по внутреннему благоустройству Пруссіи—отвлекали матеріалиста-короля отъ заоблачныхъ фантазій. Это былъ типъ упорнаго вольнодумца, истаго сына XVIII вѣка. Съ іюня 1786 года престарѣлый Фридрихъ сталъ прихварывать, старость замѣтно одолѣвала героя. Смѣясь надъ медициной, онъ, уступая просьбамъ окружавшей его родни, отдалъ себя на попеченіе докторовъ, взявъ вмѣсто сидѣлки стараго гусара, одного изъ своихъ сподвижниковъ при Росбахѣ. Старикъ ни на шагъ не отходилъ отъ короля; какъ вѣрный песъ смотрѣлъ ему въ глаза, предупреждая малѣйшія желанія. 3 августа 1786 года, часовой, стоявшій во внутреннихъ покояхъ дворца, съ ужасомъ сообщилъ гусару, что онъ видѣлъ „Бѣлую Даму". Гусаръ выругалъ часоваго нехорошими словами, однако же счелъ своимъ долгомъ сообщить королю о явленіи призрака.

— Вздоръ! — отвѣчалъ больной. — Часовому стоило бы засыпать ста два фухтелей..... да чортъ съ нимъ; а ты не повторяй пустяковъ. Это какая-нибудь камеръ-медхенъ. шла на

Digitized by Google

свиданіе съ пажемъ или камеръ-лакеемъ, либо ему пригрезились съ просонья.

Вечеромъ слѣдующаго дня, 4 августа, король, сидя въ креслахъ, дремалъ; гусаръ сидѣлъ около него и вдругъ замѣтилъ у камина бѣлую фигуру. Не смѣя тревожить короля, онъ установилъ на нее глаза и очень явственно увидѣлъ бѣлую женщину.

— Видишь?—спросилъ король хриплымъ голосомъ.

— Кого, государь.

— Бѣлую женщину, около камина?

— Вижу, государь.

— Видно, камрадъ, бабьи сказки правду говорятъ,—продолжалъ король, спокойно всматриваясь.—Пусть же убирается къ чорту, откуда пришла!

— Говорятъ есть такія молитвы....

— Можетъ быть, но я ихъ не знаю!—усмѣхнулся король.

Онъ опять задремалъ. Видѣніе мало-по-малу исчезло, какъ дымъ. Къ ночи вѣсть о явленіи „Бѣлой женщины“ разнеслась по всему дворцу; оттуда и по всему городу. На слѣдующій день, 5 августа 1786 г., Фридрихъ скончался.

Черезъ три года послѣ тильзитскаго примиренія, въ 1810 году, когда король съ своимъ семействомъ собирался въ Потсдамъ, „Бѣлая Дама“ дважды явилась королевѣ Луизѣ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (Русскій Архивъ, 1873 г., № 11, стран. 2088—2090).

Королева уже собиралась переѣхать на лѣто въ Потсдамъ, и время, повидимому, шло незамѣтно въ хлопотахъ по приготовленію къ отъѣзду. Королева была съ m-lle Бишофсверденъ въ большой комнатѣ дворца, занятыя обѣ какимъ-то дѣломъ, но мысль была далеко. Вдругъ королева вздрогнула и сказала, показывая на противоположную стѣну комнаты: „Видите ли?“

Фрейлина повернула голову. Вдоль стѣны шла или, лучше сказать, двигалась медленно и плавно незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, съ бѣлыми волосами и блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ. Дрожь пробѣжала по членамъ фрейлины.—„Еще грозитъ бѣда“! сказала королева. Обѣ поняли, что это привидѣніе, именно „Бѣлая Дама“. Черезъ два, три дня королева собралась въ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ. Она сошла съ лѣстницы садиться въ карету. Фрейлина шла за ней; уже отворены были дверцы экипажа; кто-то изъ придворныхъ чиновъ подалъ руку, чтобы посадить королеву, она уже подняла ногу, чтобы стать на подножки—и вдругъ попятилась и остановилась въ дверяхъ. Фрейлина подумала, что она осту-

Digitized by Google

пилась, порѣшила подойти и остолбенѣла. Между дверями сѣней и дверцами кареты у самой подножки медленно и плавно, глядя прямо въ глаза королевѣ, проходила та же бѣлая, безжизненная фигура. Фрейлина видѣла ее своими глазами. Черезъ минуту королева поспѣшно сѣла въ карету и фрейлина съ ней. „Слава Богу“,—сказала Луиза:—„это до меня касается: я не ворочусь живою“!

Видѣніе Карла XI.

Карлъ XI, отецъ знаменитаго Карла XII, былъ одинъ изъ наиболѣе деспотичныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе разумныхъ шведскихъ королей. Онъ ограничилъ чудовищныя привиллегіи дворянства, уничтожилъ власть сената, сталъ издавать законы самостоятельно; однимъ словомъ, измѣнилъ все государственное устройство Швеціи, до него олигархическое, заставилъ Государственные Штадты вручить ему самодержавную, неограниченную власть. Былъ онъ при этомъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, храбрымъ, глубоко преданнымъ лютеранской религіи; характера непреклоннаго, холодный, положительный, совсѣмъ лишенный воображенія. Онъ только что лишился жены своей Ульрики-Элеоноры. Хотя жестокость его и суровость съ нею, какъ говорилось тогда при дворѣ, ускорили кончину королевы, онъ, однако, уважалъ ее, и, повидимому, былъ болѣе огорченъ ея смертью, чѣмъ можно было ожидать отъ его сухого сердца. Послѣ этой потери онъ сдѣлался еще болѣе мрачнымъ и молчаливымъ, чѣмъ прежде, и сталъ такъ ревностно заниматься дѣлами, посвящая всѣ свои часы работѣ, что окружающіе его приписывали этотъ усиленный трудъ потребности отвлекаться отъ тяжелыхъ мыслей.

Подъ конецъ одного осенняго вечера, онъ сидѣлъ въ халатѣ и туфляхъ передъ ярко пылающимъ каминомъ своего кабинета въ стокгольмскомъ дворцѣ. При немъ находились одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему лицъ, камергеръ графъ де-Браге, и его Лейбъ-медикъ Баумгартенъ, любившій хвастаться своимъ невѣріемъ во все, кромѣ медицины. Въ этотъ вечеръ король, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ врача.

Вечеръ затягивался, но король, противъ своей привычки ложиться рано, не спѣшилъ отпускать своихъ собесѣдниковъ.

Digitized by Google

Склонивъ голову и устремивъ глаза на пылавшій каминъ, онъ давно уже пересталъ разговаривать и сильно скучалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ какой-то непонятный страхъ остаться одному. Графъ де-Браге, конечно, видѣлъ насколько его общество было въ этотъ разъ въ тягость королю, и нѣсколько разъ намекалъ, что не пора-ли Его Величеству отдохнуть, но отрицательный жестъ короля удерживалъ его на своемъ мѣстѣ. Начиналъ и докторъ говорить, что продолжительное бодрствованіе вредно для здоровья. И ему Карлъ отвѣтилъ сквозь зубы: „Останьтесь, я еще не хочу спать".

Тогда пробовали начинать разговоры о различныхъ предметахъ, но всѣ они истощались на второй, третьей фразѣ. Ясно было, что король находится въ своемъ наиболѣе мрачномъ настроеніи, а въ такомъ случаѣ положеніе царедворца очень щекотливо. Графъ, предполагая, что грусть короля происходитъ отъ воспоминаній о королевѣ, посмотрѣвъ пристально на висѣвшій въ кабинетѣ ея портретъ, воскликнулъ съ глубокимъ вздохомъ: „Какъ похожъ этотъ портретъ!.. Вотъ именно ея выраженіе величественное и кроткое въ одно и то же время!..

— Ба! рѣзко отвѣтилъ король, подозрѣвавшій въ каждомъ разговорѣ о королевѣ упрекъ себѣ.—Портретъ этотъ сильно польщенъ! Королева была дурна собою!

Затѣмъ внутренно недовольный вырвавшеюся у него рѣзкостью, онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, желая скрыть свое смущеніе. Машинально остановился онъ передъ окномъ, выходившимъ на дворъ. Ночь была темная, безлунная.

Дворецъ, въ которомъ живутъ теперь шведскіе короли, не былъ еще оконченъ, начавшій строить его Карлъ XI, проживалъ въ старомъ дворцѣ, стоявшемъ на вершинѣ Рительгольма, и обращенномъ главнымъ фасадомъ на Мелярское озеро. Это было огромное зданіе въ формѣ подковы, кабинетъ Короля находился на одномъ концѣ, а на другомъ, напротивъ кабинета была большая зала, въ которой собирались Штадты, когда призывались для выслушиванія какого-либо сообщенія отъ королевской власти.

Окна этой залы представлялись въ эту минуту ярко освѣщенными, что показалось очень страннымъ королю. Сперва онъ предположилъ, что свѣтъ исходитъ изъ факела какого-нибудь лакея, но зачѣмъ вошелъ онъ въ эту залу, давно уже не отворявшуюся? Да свѣтъ былъ и слишкомъ ярокъ для одного факела. Можно, пожалуй, приписать его пожару, но дыма не видно, окна не выбиты, и при этомъ никакого шума, освѣщеніе скорѣе походило на праздничную иллюминацію.

Digitized by Google

Карлъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на эти свѣтлыя окна. Графъ де-Браге протянулъ руку къ звонку, чтобы позвать пажа и послать его посмотрѣть, что это за свѣтъ, но король остановилъ его, сказавъ:—Я пойду самъ въ эту залу. Выговоривъ эти слова, онъ страшно поблѣднѣлъ, лицо его выражало нѣчто вродѣ мистическаго ужаса, но вышелъ онъ изъ кабинета твердыми шагами, камергеръ и докторъ послѣдовали за нимъ, взявъ каждый по зажженной свѣчѣ.

Привратникъ, на отвѣтственности котораго были ключи, уже легъ спать; Баумгартенъ пошелъ разбудить его, приказавъ ему именемъ короля тотчасъ же отворить двери въ залу Государственныхъ Штадтовъ. Привратникъ очень удивился такому приказанію, но, конечно, одѣлся на спѣхъ и отправился со своей связкой ключей къ королю. Сперва онъ отперъ галлерею, черезъ которую проходили въ залу Штадтовъ. Каково же было удивленіе Карла, когда онъ увидалъ всѣ стѣны галлереи обитыми чернымъ.

— Кто приказалъ обить эти стѣны? гнѣвно спросилъ онъ.— Никто, государь, сколько я знаю, отвѣчалъ смущенный привратникъ. Въ послѣдній разъ какъ по моему распоряженію выметали эту залу, она была, какъ и всегда, обшита темнымъ дубомъ... Конечно, эта обивка не изъ придворнаго хранилища.

Быстро шагавшій король, прошелъ уже болѣе половины галлереи; графъ и привратникъ слѣдовали за нимъ; докторъ же нѣсколько отсталъ, раздумывая, что ему дѣлать? Остаться одному онъ, по правдѣ сказать, боялся, но боялся, также подвергнуться послѣдствіямъ такого глупаго въ сущности приключенія.

— Не идите дальше, государь, воскликнулъ привратникъ. Клянусь Богомъ, тутъ замѣшалось колдовство. Въ эти часы... послѣ кончины ея величества королевы... говорятъ, она сама прогуливается по этой галлереѣ.... Да помилуетъ насъ Господь!

— Остановитесь, государь, съ своей стороны воскликнулъ графъ де-Браге. Развѣ вы не слышите странный шумъ, идущій изъ залы? Кто знаетъ, какимъ опастностямъ можетъ подвергнуться ваше величество.

— Государь, сказалъ Баумгартенъ, когда свѣча его погасла отъ порыва вѣтра, позвольте по крайней мѣрѣ мнѣ сходить за вашими драбантами.

— Войдемъ, сказалъ король твердымъ голосомъ, останавливаясь передъ дверьми большой залы. Отвори скорѣе. При

Digitized by Google

этомъ онъ толкнулъ дверь ногою и звукъ, повторенный эхомъ сводовъ, раздался по галлереи какъ пушечный выстрѣлъ.

Привратникъ дрожалъ такъ сильно, что никакъ не могъ вложить ключа въ замочную скважину.

— Старый солдатъ и дрожитъ, сказалъ король, пожимая плечами. Ну, такъ вы, графъ, отворите намъ эту дверь.

— Государь отвѣтилъ де-Браге, невольно пятясь назадъ. Прикажите мнѣ идти подъ выстрѣлы датскихъ или нѣмецкихъ пушекъ, я, не колеблясь, исполню приказаніе вашего величества, но вы требуете, чтобы я бросилъ вызовъ самому аду!

Король вырвалъ ключъ изъ рукъ привратника. «Вижу, сказалъ онъ съ замѣтнымъ презрѣніемъ въ голосѣ, что это касается одного меня!» И прежде чѣмъ свита успѣла удержать его, онъ отворилъ тяжелую дубовую дверь и вошелъ въ большую залу, проговоривъ при этомъ: «Съ Божьею помощью!» И спутники его, не смотря на свой страхъ, не то изъ любопытства, не то считая невозможнымъ оставить короля одного, всѣ трое послѣдовали за нимъ.

Большая зала оказалась освѣщенной множествомъ факеловъ, черная драпировка, замѣняя собою старинные обои, покрывала всѣ стѣны, однако, вокругъ нихъ, какъ и всегда красовались трофеи побѣдъ Густафа Адольфа, нѣмецкія, датскія и московитскія знамена, стоявшіе же по угламъ шведскіе флаги покрыты чернымъ крепомъ.

Многолюдное собраніе занимало скамьи. Всѣ четыре государственныя сословія въ траурныхъ одеждахъ засѣдали каждое на своемъ мѣстѣ. Множество человѣческихъ лицъ на черномъ фонѣ драпировки казались свѣтящимися и такъ ослѣпляли глаза, что изъ четырехъ свидѣтелей этой поразительной сцены ни одинъ не узналъ между ними знакомаго ему лица. Такъ актеръ передъ многочисленной публикой видитъ только безразличную массу, никого среди нея не различая.

На высокомъ тронѣ, съ котораго король, обыкновенно, обращался къ собранію, лежало окровавленное тѣло въ королевскихъ регаліяхъ. Направо отъ него стоялъ ребенокъ въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, налѣво пожилой человѣкъ, или скорѣе другой призракъ, опирался на тронъ. На немъ была парадная мантія, какую носили прежніе правители Швеціи ранѣе того времени, какъ Ваза провозгласилъ ее королевствомъ. Противъ трона нѣсколько лицъ съ мрачной строгой осанкой въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ,—повидимому судьи,—возсѣдали за столомъ, покрытымъ огромными фоліантами. Между тропомъ и залой возвышалась обтянутая чернымъ крепомъ плаха, а возлѣ нея лежалъ топоръ.

Digitized by Google

Никто въ этомъ не человѣческомъ собраніи, казалось, не замѣчалъ Карла и его трехъ спутниковъ. При входѣ въ залу они сперва слышали только невнятный говоръ, среди котораго ухо не различало ни одного раздѣльнаго слова; потомъ старшій изъ судей въ черныхъ одѣяніяхъ, исполнявшій, по видимому, обязанности предсѣдателя, всталъ и три раза ударилъ рукою по одному изъ развернутыхъ передъ нимъ фоліантовъ. Тотчасъ же водворилось глубокое молчаніе. Нѣсколько молодыхъ людей съ аристократической осанкой и богато одѣтыхъ, со связанными назадъ руками вошли въ залу черезъ дверь, противоположную той, которую отворилъ Карлъ XI. Шли они съ безстрашнымъ взглядомъ, высоко поднявъ голову. Шедшій вслѣдъ за ними человѣкъ, видимо, отличающійся не дюжинной силой, держалъ въ своихъ рукахъ концы, веревокъ, связывавшихъ имъ руки. Тотъ, кто былъ впереди всѣхъ, вѣроятно, самый главный изъ осужденныхъ, остановился середи залы передъ плахой и бросилъ на нее гордо-презрительный взглядъ. Въ ту же минуту мертвецъ на тронѣ судорожно вздрогнулъ и свѣжая струя крови полилась изъ его раны. Молодой человѣкъ, ставъ на колѣни, протянулъ голову; топоръ блеснулъ въ воздухѣ и тотчасъ же опустился съ зловѣщимъ звукомъ. Потокъ крови брызнулъ до самаго возвышенія и смѣшался съ кровью мертвеца; голова, подпрыгнувъ нѣсколько разъ по окровавленному полу, докатилась до ногъ Карла и запачкала ихъ кровью.

До этой минуты онъ молчалъ, пораженный всѣмъ, что видѣлъ, но ужасное зрѣлище это развязало ему языкъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ возвышенію и, обращаясь къ фигурѣ, облеченной въ парадную мантію правителя, онъ твердо проговорилъ хорошо извѣстную формулу.

— *„Если ты отъ Бога то говори, если же отъ „другого“, оставь насъ въ покоѣ“.*

Призракъ отвѣтилъ ему медленно и торжественнымъ голосомъ:

— „Король Карлъ! Кровь эта прольется не въ твое царствованіе... (тутъ голосъ сдѣлался менѣе внятнымъ) но черезъ четыре царствованія, въ пятое. Горе, горе, горе роду Густава Вазы!“

Послѣ этихъ словъ всѣ фигуры засѣдавшихъ на скамьяхъ начали блѣднѣть и изглаживаться, а потомъ и совсѣмъ исчезли, фантастическіе факелы погасли, и свѣчи въ рукахъ спутниковъ короля освѣщали уже лишь старинные обои, слегка колыхаемые вѣтромъ. Нѣкоторое время еще слышался какой-то мелодическій шумъ, напоминавшій, по словамъ одного изъ

Digitized by Google

свидѣтелей, шелестъ вѣтерка между листьями, а по опредѣленію другого, звукъ лопающихся струнъ во время настраиванія арфы. Что же касается продолжительности явленія, то всѣ одинаково опредѣляютъ ее приблизительно въ десять минутъ.

Траурныя драпировки, отрубленная голова потоки крови, разлившіеся по полу, все исчезло вмѣстѣ съ призраками, только королевская туфля сохранила кровяное пятно, которое должно было напоминать Карлу о событіяхъ этой достопамятной ночи, еслибъ онъ могъ когда либо забыть ихъ.

Возвратясь въ свой кабинетъ король приказалъ сдѣлать подробное описаніе всего, что они видѣли, подписалъ его самъ и потребовалъ подписи своихъ трехъ спутниковъ. Самыя тщательныя предосторожности для сокрытія отъ общества и народа содержанія этого страннаго документа ни къ чему не повели, оно сдѣлалось извѣстнымъ еще при жизни Карла XI. Запись эта хранится до сихъ поръ въ государственныхъ архивахъ Швеціи, какъ нѣчто несомнѣнно подлинное. Замѣчательна приписка къ этому описанію, сдѣланная рукою короля: „Если то, что разсказано здѣсь мною за моею подписью, не есть точная несомнѣнная истина, я отказываюсь отъ всякой надежды на лучшую жизнь, сколько нибудь заслуженную, быть можетъ, мною нѣкоторыми добрыми дѣлами, главнымъ же образомъ, моими усиліями способствовать благоденствію моего народа и поддерживать религію моихъ предковъ“.

Теперь, если вспомнимъ смерть Густава III и судъ надъ Анкарстромомъ, его убійцей, то найдется полное соотвѣтствіе между этимъ событіемъ и обстоятельствами разсказаннаго здѣсь страннаго пророчества.

Молодой человѣкъ, обезглавленный въ присутствіи Государственныхъ Штадтовъ, былъ Анкарстрома.

Мертвецъ въ королевскихъ регаліяхъ—Густавъ III.

Ребенокъ, его сынъ и наслѣдникъ—Густавъ-Адольфъ IV.

Наконецъ, старики въ мантіи—герцогъ Зюдерманландскій—дядя Густава IV, бывшій регентомъ королевства, а потомъ и королемъ по низложеніи его племянника.

Просперъ Мериме.

Еще нѣкоторыя видѣнія.

Кромѣ этихъ примѣровъ, можно было бы привести много случаевъ, гдѣ явленія были также подтверждены вполнѣ безспорными доказательствами, а слѣдовательно должны быть

Digitized by Google

приняты за реальные факты, наглядно доказывающіе, что у человѣка, кромѣ видимаго и грубаго тѣла, есть дѣйствительно другое, которое переживаетъ его, но что оно бываетъ видимо только при извѣстныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можемъ заключить, что эти тѣла бываютъ иногда даже совершенно не такъ эфирны; капитанъ, напримѣръ, высадилъ графиню Штейнбокъ изъ кареты подъ руку, слѣдовательно онъ ее чувствовалъ, трогалъ и не нашелъ разницы между сложеніемъ обыкновеннаго живаго тѣла и настоящимъ сложеніемъ тѣла графини; потомъ она говорила съ нимъ и передавала секреты королевы, которыхъ никогда и никто, кромѣ королевы и графини, не зналъ. Впрочемъ, фактъ матеріальности духовъ въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію съ тѣхъ поръ, какъ удалось снять съ духовъ фотографическіе снимки и гипсовые слѣпки.

Въ большинствѣ случаевъ видѣнія являются человѣку неожиданно, моментально и совершенно также скоро исчезаютъ и пропадаютъ безслѣдно, а слѣдовательно имѣть вполнѣ неоспоримыя данныя, при описаніи подобныхъ явленій, не всегда возможно. Вотъ главная причина, почему многія изъ подобныхъ явленій остаются совершенно неузнанными и не охотно разсказываются тѣми, которые ихъ видѣли, тѣмъ болѣе, что вообще не только ученые, но и многіе изъ общества часто признаютъ эти видѣнія за игру воображенія.

Недовѣріе это имѣетъ свои основанія, ибо человѣкъ въ минуты появленія призраковъ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ не въ нормальномъ состояніи, а подъ нѣкоторымъ психическимъ аффектомъ, и можетъ подъ вліяніемъ его искажать фактъ. Тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, гдѣ человѣкъ и не подозрѣваетъ, что видитъ призракъ, и только послѣ всего видѣннаго узнаетъ, что это былъ духъ, а не человѣкъ. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ даже и подозрѣвать психическаго аффекта.

Приведу пять соотвѣтствующихъ примѣровъ:

1) Докторъ Вакуловскій разсказываетъ слѣдующее: „Моя служба заставляетъ меня дежурить въ госпиталѣ. Однажды, въ минувшую зиму, я только-что улегся спать, какъ вдругъ стучитъ кто-то. Отворяю дверь, вижу фельдшеръ. „Ваше благородіе, въ палатѣ № такой-то больной очень плохъ". „Хорошо,—сказалъ я,—сейчасъ иду". Поднимаюсь по лѣстницѣ и вижу,—стоитъ больной въ халатѣ, какъ живой.— „Зачѣмъ не

Digitized by Google

спишь?“ — сказалъ я, и вдругъ больнаго — какъ нѣтъ. Прихожу въ палату, а фельдшеръ говоритъ: „Сейчасъ успокоился“. Прикладываю руку ко лбу — холодный: щупаю пульсъ — не бьется; кладу руку на сердцѣ — все тихо... А больной — вылитое лицо того, что попался мнѣ на встрѣчу на лѣстницѣ. Я не передавалъ никому этого разсказа, только внесъ его въ свою записную книжку. Вернувшись въ дежурную, я не могъ тотчасъ же спать, а сѣлъ писать и написалъ статью по поводу рожденія А. В. Жуковскаго, появившуюся потомъ въ Русинской газетѣ „Слово“. Очевидно, мозгъ мой не былъ вовсе нестроенъ къ чему-либо фантастическому, о чемъ не замедлили бы начать говорить иные, если бы я вздумалъ разсказать имъ этотъ фактъ. Значитъ, не галлюцинаціей было то, что я увидѣлъ передъ собою умершаго больнаго“...

2) Г-нъ Т., старый холостякъ, не вѣрящій ни во что сверхъестественное, имѣлъ привычку каждый вечеръ передъ сномъ гулять, иногда навѣщать любимаго своего племянника и, если застанетъ его дома, то, просидѣвши у него до половины двѣнадцатаго, никакъ не позже, возвращался домой, сопутствуемый племянникомъ.

Въ одну изъ такихъ возвратныхъ прогулокъ, дядя, подходя къ своему дому (жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ, на улицу), обратился къ племяннику съ замѣчаніемъ: „Странно, что у меня въ кабинетѣ свѣтъ!“ Племянникъ съ удивленіемъ замѣтилъ то же самое. Интересуясь этимъ, они заглянули въ окно и что же увидѣли? — Самъ дядя, въ халатѣ и ермолкѣ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, немного спустя всталъ, взялъ со стола свѣчу и ушелъ за драпировку, раздѣлявшую спальню отъ кабинета, потомъ завернулъ занавѣсъ и свѣча потухла. Дѣйствительно дядя настолько испугался, что, несмотря на стремленіе племянника изслѣдовать фактъ, заявилъ, что идетъ ночевать къ нему и такъ настоятельно, что племяннику пришлось согласиться.

На другой день, рано утромъ, когда всѣ еще спали, лакей дяди, старикъ Василій, прибѣжалъ, спрашивая испуганно и торопливо у прислуги племянника, тутъ ли его баринъ? Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ умолялъ какъ можно скорѣе доложить о его приходѣ. Когда его ввели въ спальню, гдѣ спалъ дядя, Василій, заикаясь и путаясь, сообщилъ, что потолокъ надъ кроватью барина провалился, и что Господь спасъ его отъ вѣрной смерти. Всѣ были поражены. Какъ это объяснить? (19 января 1884 г.).

3) Случай изъ жизни писателя и эмигранта Кельсіева, разсказанный имъ самимъ:

Digitized by Google

„Это было давно, когда я еще учился въ коммерческомъ училищѣ. Я жилъ на квартирѣ недалеко отъ училища, а отецъ мой съ семействомъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ служилъ чиновникомъ въ таможнѣ и занималъ казенную квартиру около биржы. Занятый службою, онъ посѣщалъ меня рѣдко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читалъ какую-то книгу, бывши одинъ въ комнатѣ, вижу: моя дверь отворилась и въ комнату входитъ мой отецъ, блѣдный такой, печальный. Я нисколько не удивился его приходу, объясняя оный естественною отцовскою заботливостью обо мнѣ. Прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Вася, я пришелъ тебя благословить... живи хорошенько и не забывай Бога“. Сказавъ это, онъ благословилъ меня какъ слѣдуетъ и скрылся, т.-е. вышелъ въ эту же дверь. Это посѣщеніе не произвело на меня никакого впечатлѣнія, какъ вещь обыкновенная,—отецъ часто приходилъ ко мнѣ и такъ же скоро уходилъ. Но каково же было мое удивленіе, когда немного спустя, послѣ ухода моего отца, ко мнѣ стучатъ въ дверь (такъ какъ я заперся, чтобы ложиться спать). Отворивъ дверь, я увидѣлъ кучера, пріѣхавшаго за мною. Онъ мнѣ сказалъ, что отецъ мой только-что скончался. И дѣйствительно, какъ оказалось, онъ умеръ не болѣе часа тому назадъ и именно почти въ то самое время, когда я видѣлъ его у себя въ комнатѣ. Тутъ для меня стало все ясно: благословлялъ меня отецъ, уже умершій“.

4) Докторъ, послѣ многочисленныхъ визитовъ, сидѣлъ вечеромъ нѣсколько усталый въ своемъ пріемномъ кабинетѣ; когда пробила половина девятаго, онъ подумалъ, что пора ему закончить пріемъ и отдохнуть, и всталъ съ своего кресла, чтобы запереть дверь, но въ эту минуту она отворилась и въ комнату вошла дѣвочка, худенькая и блѣдная съ, большимъ платкомъ на головѣ, и такъ обратилась къ моему другу: „Докторъ, пожалуйста, навѣстите мою мать, — она очень больна“. Докторъ спросилъ у дѣвочки ея имя, имя матери и ихъ адресъ, на что та отвѣтила ему совершенно внятно, и онъ подошелъ къ своему письменному столу, стоявшему въ глубинѣ кабинета, чтобы записать ея слова. Записывая, ему пришло въ голову идти къ больной тотчасъ же, вмѣстѣ съ дѣвочкой, но когда онъ отвернулся, чтобы сказать ей это, ея уже не было въ комнатѣ. Быстро отворивъ двери, онъ вышелъ на подъѣздъ, посмотрѣть во всѣ стороны, дѣвочки нигдѣ не было. Немало удивленный ея быстрымъ исчезновеніемъ, онъ наскоро взялъ свою шляпу и палку и послѣдовалъ за нею. Безъ труда нашелъ онъ домъ по данному адресу, и былъ введенъ къ больной: „Я врачъ,—сказалъ онъ,—вы посылали за мной“?

Digitized by Google

„Нѣтъ, не посылала“, отвѣтила больная“. Думая, что онъ ошибся адресомъ, докторъ, читая въ своей записи, спросилъ: такъ ли ея имя? и получилъ утвердительный отвѣтъ. „А есть ли у васъ дочка такого-то имени?“ На этотъ вопросъ больная отвѣтила не тотчасъ же; на глазахъ ея блеснула слеза, прежде чѣмъ она выговорила съ замѣтнымъ волненіемъ: „Нѣтъ, докторъ, теперь нѣтъ. У меня была дѣвочка, которую звали этимъ именемъ, но она умерла полтора часа тому назадъ?“ „Умерла? гдѣ умерла?“ спросилъ докторъ. — „Здѣсь“, отвѣчала мать. „Гдѣ же лежитъ ея тѣло?“ — „Въ сосѣдней комнатѣ“. Старшая дочь больной повела туда доктора, и онъ узналъ въ умершей ту дѣвочку, которая приходила звать его къ больной матери.

5) Случай этотъ сообщенъ самимъ сэромъ Эдмондомъ Горбни, главнымъ судьею высшаго консульскаго суда въ Китаѣ и Японіи, который самъ о себѣ говоритъ какъ „о человѣкѣ закона, какъ по образованію, такъ и по семейнымъ традиціямъ, неспособнымъ давать волю своему воображенію и невѣрящемъ въ чудесное“.

Онъ разсказываетъ, что, живя въ Шанхаѣ, имѣлъ обыкновеніе принимать у себя по вечерамъ газетныхъ репортеровъ, приходившихъ къ нему для полученія судебныхъ приговоровъ, которые на другой день должны были появиться на страницахъ газетъ. Репортеры довольно аккуратно посѣщали его съ упомянутой цѣлью; въ особенности г-нъ Х...., бывшій издателемъ одной вечерней газеты. Это былъ странный, молчаливый человѣкъ, очень мало говорившій о себѣ и, очевидно, много испытавшій горя въ своей жизни. Я съ нимъ не былъ знакомъ иначе, какъ съ газетнымъ репортеромъ, и другихъ отношеній къ нему не имѣлъ.

Въ тотъ день, когда имѣлъ мѣсто необъяснимый случай, о которомъ хочу разсказать, въ 1875 или въ 1876 году, я ушелъ въ свой кабинетъ, часъ или два спустя послѣ обѣда, и занялся перепискою судебныхъ рѣшеній. Въ половину двѣнадцатаго часа ночи я окончилъ свою работу, позвонилъ камердинера и передалъ ему пакетъ съ переписанными приговорами для передачи репортеру, если бы онъ за ними пришелъ. Не было еще полуночи, когда я раздѣлся и легъ въ постель. Нужно замѣтить, что я сплю очень чутко, въ противоположность женѣ моей, которая, напротивъ, спитъ очень крѣпко, такъ что бываетъ трудно разбудить ее въ первый періодъ сна. Французская постель помѣщалась какъ разъ напротивъ камина, на которомъ стояли часы. Газъ вполнѣ не потушался, но только уменьшался, такъ что во всякое время ночи, не вставая съ постели, я имѣлъ возможность свободно различать время,

Digitized by Google

когда просыпался и закуривалъ, по своему обыкновенію, сигаретку.

Я уже успѣлъ заснуть, когда внезапно былъ разбуженъ стукомъ въ дверяхъ моего кабинета. Полагая, что стукъ произведенъ камердинеромъ, который пришелъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ и уменьшенъ ли газъ, я повернулся на другой бокъ съ намѣреніемъ снова уснуть. Но тутъ раздался снова стукъ, но уже въ дверяхъ моей спальни. Все еще полагая, что это камердинеръ, имѣющій надобность передать что-нибудь мнѣ, я сказалъ: „войдите". Дверь отворилась, и къ моему изумленію, вошелъ г. Х., репортеръ. Я приподнялся съ постели и сказалъ: „Вы вѣроятно, ошиблись дверью, рѣшенія переданы камердинеру, ступайте и получите ихъ отъ него". Но вмѣсто того, чтобы выйти, онъ приблизился ко мнѣ и сказалъ въ ногахъ постели. „Г-нъ Х.,—сказалъ я,—вы забываетесь, будьте столь добры, выйдите отсюда, вы злоупотребляете моей любезностью!". Онъ былъ смертельно блѣденъ; одѣтъ какъ обыкновенно и, очевидно, не былъ пьянъ.—Я знаю, сказалъ онъ, что моя настойчивость не извинительна, но, не найдя васъ въ кабинетѣ, я рѣшился идти сюда". Я началъ терять терпѣніе, но что-то было въ наружности этого человѣка, что меня останавливало вскочить съ постели и вытолкать его за дверь. Я отвѣчалъ спокойно: „Все это можетъ быть такъ, но въ настоящую минуту прошу васъ выйти". Но вмѣсто того, онъ оперся рукой о постель и тихо, какъ бы страдая, опустился на постель въ ногахъ у меня. Я взглянулъ на часы, было двадцать минутъ второго. Я опять повторилъ: „Камердинеръ получилъ рѣшенія въ одиннадцать часовъ, спуститесь къ нему и возьмите ихъ". Онъ отвѣчалъ: „Простите меня пожалуйста, но если бы вы знали всѣ обстоятельства, вы бы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Время не ждетъ. Дайте мнѣ сокращенное рѣшеніе, и я запишу его въ своей книжкѣ", и съ этими словами онъ изъ кармана вынимаетъ свою репортерскую книжку. Я отвѣчалъ: „Теперь не время, спуститесь съ лѣстницы, отыщите камердинера и не разстраивайте меня, вы разбудите мою жену, иначе я принужденъ буду силою выпроводить васъ отсюда". Онъ сдѣлалъ движеніе рукою. Я опять спросилъ: „Кто васъ впустилъ?"—„Никто",—отвѣтилъ онъ.—Проклятіе, вскричалъ я,—какого чорта вамъ нужно отъ меня,—пьяны вы, что ли?—Онъ отвѣчалъ спокойно: „Нѣтъ, и никогда больше пьянымъ не буду. Но я прошу васъ, сэръ, дать мнѣ ваши рѣшенія, такъ какъ времени остается немного".—„Вы кажется, очень мало безпокоитесь о моемъ времени, и это въ послѣдній разъ, что я позволяю репортеру переступить порогъ моего

Digitized by Google

дома". Онъ отвѣчалъ отрывисто: „Это въ послѣдній разъ, что я васъ вижу здѣсь или въ другомъ мѣстѣ".

Опасаясь, чтобы эта сцена не разбудила моей жены и не испугала ее, я въ самыхъ сокращенныхъ выраженіяхъ продиктовалъ ему свои рѣшенія, которыя онъ, казалось, стенографировалъ. Это продолжалось отъ двухъ до трехъ минутъ. Когда я кончилъ, онъ поднялся, поблагодарилъ меня, просилъ извинить за безпокойство, открылъ дверь и вышелъ; я взглянулъ на часы, было ровно половина второго. Въ это время проснулась леди Горбни и, полагая, что она слышала нашъ разговоръ, я передалъ ей, что случилось. На другой день, одѣваясь я опять пересказалъ ей ночное приключеніе.

Я прибылъ въ судъ за нѣсколько минутъ до 10 часовъ. Приставъ вошелъ въ мою комнату, подалъ мнѣ мою судейскую одежду и сказалъ: „Сэръ, случилось печальное происшествіе сегодня ночью. Бѣдный Х. былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ".—„Боже мой! возможно ли это! — воскликнулъ я, — отчего и въ какое время онъ умеръ?" — „Кажется, что онъ поднялся въ свою комнату по обыкновенію въ десять часовъ, чтобы работать для своей газеты. Около полуночи жена заходила къ нему спросить, скоро ли онъ кончитъ и пойдетъ спать, но онъ отвѣчалъ: „Мнѣ остается только приготовить отчетъ о судебныхъ рѣшеніяхъ, и я кончу". Однако, въ часъ съ четвертью жена вторично зашла къ нему и опять увидѣла его пишущимъ, а потому не пожелала ему мѣшать. Черезъ четверть часа она снова постучалась къ нему, чтобы разбудить и, о ужасъ!—нашла его мертвымъ. Его записная книжка, которую я принесъ съ собою, лежала на землѣ. Жена послала за докторомъ, который пришелъ немного послѣ двухъ часовъ и объявилъ, что смерть послѣдовала около часа тому назадъ". Я взглянулъ въ записную книжку. Въ ней послѣ обычнаго предисловія „Въ высшемъ консульскомъ судѣ, главнымъ судьею Г. постановлены рѣшенія по слѣдующимъ дѣламъ", — видны были стенографическія письмена, которыхъ я разобрать не могъ.

Изъ двухъ разслѣдованій, произведенныхъ одно у репортера, другое у судьи, оказалось, что репортеръ не выходилъ въ эту ночь совсѣмъ изъ дому и если бы даже и вздумалъ выйти, — не могъ попасть къ судьѣ, такъ какъ всѣ двери, по обыкновенію были заперты. „И теперь, какъ и тогда, — продолжаетъ сэръ Эдмондъ Горбни,—я утверждаю, что я не спалъ и былъ въ полномъ сознаніи".

Въ этихъ послѣднихъ пяти примѣрахъ нѣтъ возможности предположить ни психическаго аффекта, ни игры воображенія. Если нѣтъ здѣсь ни того, ни другаго, то надо заключить, что

Digitized by Google

подобныя видѣнія реальны. Если же они реальны, то нельзя ли въ наукѣ найти, если не прямыхъ, то, по крайней мѣрѣ, косвенныхъ указаній для возможности какого-либо, хотя примѣрнаго, указанія сущности этихъ явленій, чтобы выяснить себѣ, хотя бы въ общихъ чертахъ: что такое человѣкъ? Какіе элементы составляютъ его существо? Что остается при немъ послѣ его смерти, и, наконецъ, что покидаетъ и оставляетъ онъ землѣ, разставаясь съ нею?

Digitized by Google

Глава III.

Душа.

Душа матеріалистовъ и позитивистовъ.

Мышленіе матеріалистовъ и позитистовъ никогда еще не простиралось такъ далеко, чтобы замѣтить въ человѣкѣ хотя какое-либо одно изъ всѣхъ вышеуказанныхъ сверхчувственныхъ ощущеній, состояній или явленій. Большинство позитивистовъ не только не вѣритъ и не допускаетъ ихъ совсѣмъ, но не допускаетъ никакого отвлеченнаго или духовнаго элемента въ строеніи человѣческаго существа и ничѣмъ не отличаетъ существа человѣка отъ животныхъ, животныхъ отъ растеній, растеній отъ кристалловъ, кристалловъ отъ обыкновенной неорганической матеріи. По строенію своему все видимое въ природѣ признается ими аналогичнымъ.

Напримѣръ, М. Дитгре въ своемъ „Медицинскомъ Лексиконѣ“ говоритъ: Слово „душа“ выражаетъ совмѣстность всѣхъ отправленій головного и спинного мозга и совмѣстность мозговыхъ ощущеній, т.-е. пониманіе внѣшнихъ предметовъ, сумму потребностей и наклонностей, служащихъ къ сохраненію самого себя, расы и отношеній къ другимъ существамъ; способность составлять воображеніе, языкъ, выраженія, проявлять свою волю и, наконецъ, способность приводить въ дѣйствіе всю ассоціацію мускуловъ и тѣмъ дѣйствовать на окружающую среду“.

Матеріалисты учатъ, что смерть парализуетъ отправленія мозга и души, или то, что подразумѣвается подъ этимъ именемъ, уничтожается съ разложеніемъ тѣла. Всю разумную сто-

Digitized by Google

рону человѣка они считаютъ вполнѣ связанною съ отправленіями и строеніемъ его мозга; вслѣдствіе этого, со смертью, все должно, будто бы, разрушаться. Это, факелъ, который зажигается съ жизнію и гаснетъ безвозвратно.

„Человѣкъ", говорятъ матеріалисты, „рождается отъ зародыша, живетъ и умираетъ, какъ растенія и животныя, и совершенно такъ же развиваются. Въ растеніяхъ и животныхъ со смертію все пропадаетъ,—отчего было бы это иначе у человѣка?"

По воззрѣнію матеріалистовъ, всѣ проявленія въ человѣкѣ, органическія, физическія, интеллектуальныя и нравственныя, зависятъ единственно отъ его организма. Мозгъ имѣетъ способность производить или образовывать мысль, воображеніе, память, добродѣтели и пороки совершенно такъ же, какъ печенка имѣетъ способность производить желчь, а слюнная железа—слюну.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„Всѣ способности, которыя мы разумѣемъ подъ именемъ души", говоритъ Карлъ Фогтъ (въ Phisiologische Brief, стр. 206) „не что иное, какъ отправленія мозговаго вещества. Между мыслію и мозгомъ такое же отношеніе, какъ между желчью, печенью, почками и ихъ отдѣленіями".

Кабанисъ говоритъ прямо: „Мысль есть только выдѣленіе мозга".

„Всѣ поступки человѣка суть неизбѣжные продукты мозговаго вещества". сказалъ Тэнъ, „порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ".

Молешоттъ сказалъ въ своемъ „Круговоротѣ Жизни", что „человѣкъ есть сумма предковъ и кормилицъ, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды".

Утверждая, что мысль есть результатъ работы мозга, матеріалисты впадаютъ въ ужасную ошибку. Мысль не матеріальна, не вещественна, а потому смѣшивать оба понятія—матерія и мысль, добродѣтель и сахаръ—не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Матерія, выдѣляющая мысль, должна тоже быть разумна. Предполагать разумъ въ матеріи, значитъ говорить несообразности. Матерія, которая разумна, имѣетъ мысль, перестаетъ быть матеріей, а потому не можетъ уже больше называться матеріей. Разумъ, мысль, воля — сами по себѣ не матеріальны, они не обладаютъ свойствами матеріи, они не имѣютъ ни протяженія, ни вѣса, ни непроницаемости, а слѣдовательно, они не могутъ быть продуктами или проявленіями частей человѣческаго тѣла, имѣющихъ матеріальное сложеніе,

Digitized by Google

какъ-то: мозга и нервовъ; матерія можетъ произвести только матерію, а никакъ не отвлеченные предметы. И, такъ ясно, что самъ мозгъ не можетъ производить мысль. Мы знаемъ, что мозгъ состоитъ изъ воды, фосфора, альбумина, кислорода и т. д. Если способность мыслить заключается не во всемъ мозгу, но въ какой нибудь части его,—то въ какой же именно Если бы мы предположили, что способность мыслить заключается въ какой-нибудь одной недѣлимой частичкѣ, въ какомъ-нибудь атомѣ, то и тогда мы не имѣли ли бы еще права отвергать безсмертіе души, потому что способность мыслить была бы такъ же неразрушима, какъ и самый атомъ. Но вѣдь при семъ надо, чтобы этотъ атомъ былъ одной природы, одного вида съ мыслію, чтобы производить мысль. Но въ этомъ случаѣ онъ не можетъ быть матеріальнымъ. Какого же онъ вида? Что же онъ такое?

Природа духа и матеріи до того различны одно отъ другаго, что на всѣхъ языкахъ, у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка, ихъ считали элементами діаметрально противоположными. Законы и силы духа существуютъ независимо отъ законовъ и силъ тѣла. Сила воли очень различна отъ силы мускуловъ, честолюбіе отъ голода, внутреннее желаніе отъ жажды. Развѣ можно найти дѣйствіе матеріи въ нравственныхъ законахъ, которые управляютъ совѣстью?

Дѣйствительно, углубляясь внимательно въ сущность предмета, надобно удивляться, какъ люди, привыкшіе размышлять, могли дойти до того, чтобы считать за одно міръ духовный и міръ вещественный.

Всякое дѣйствіе должно имѣть свою причину, всякое разумное дѣйствіе должно имѣть свою разумную причину. Никто не смѣшаетъ звука колокола, когда веревку его случайно раскачаетъ вѣтеръ, съ тѣмъ звукомъ, который вызванъ кѣмъ-либо для возвѣщенія чего-нибудь. По звуку его мы сейчасъ отличаемъ, что приложена къ нему разумная воля, ибо никто не признаетъ въ матеріи колокола свойства мыслить, слѣдовательно и способности издавать цѣлесообразные звуки. Никто не думаетъ приписывать трупу человѣка разумъ или мысль; слѣдовательно, не свойство матеріи заставляетъ его думать и дѣйствовать;—ясно, что есть же что-либо, лежащее отдѣльно отъ мертваго тѣла, которое оживляетъ его. При звонѣ колокола эта разумная причина всегда внѣ его. У человѣка она всегда внутри,—вотъ и сходство, и разница.

Итакъ, человѣкъ неоспоримо долженъ состоять изъ двухъ существенно отличающихся другъ отъ друга элементовъ: одинъ—

Digitized by Google

который думаетъ, другой—который не думаетъ. Это—истина неоспоримая и очевидная. Мысль не имѣетъ ничего матеріальнаго, она сама и отправленія ея чисто духовны. Рука, палецъ, ноготь, нисколько не думаютъ, и какъ составъ ихъ, такъ и отправленія чисто матеріальны.

А. Р. Уллесъ сказалъ въ своемъ „Естественномъ подборѣ": „Кто хочетъ сказать, что духъ есть продуктъ вещества, долженъ предположить опредѣленное представленіе о веществѣ, ясно формулировать свойство его и показать, что необходимымъ результатомъ нѣкотораго сложнаго расположенія элементовъ или атомовъ этого вещества будетъ появленіе сознанія. Никакъ нельзя устранить слѣдующую диллему: или всякое вещество сознательно, или сознаніе есть нѣчто отличное отъ вещества, и, въ такомъ случаѣ, присутствіе сознанія въ матеріальныхъ формахъ есть доказательство существованія сознательныхъ веществъ внѣ, независимо отъ того, что мы называемъ веществомъ".

Тиндаль, въ своей рѣчи при открытія британскаго научнаго общества, сказалъ: „Даже и въ томъ случаѣ, если бы мы достигли до уясненія себѣ движеній въ мозговыхъ фибрахъ, сопровождающихъ наши впечатлѣнія, намъ бы оставалось еще объяснить, какимъ путемъ въ насъ является сознаніе этихъ впечатлѣній. Между сознаніемъ и всевозможными модификаціями органа навсегда останется бездна, черезъ которую не въ состояніи перешагнуть никакой матеріализмъ, такъ какъ здѣсь передъ нимъ является нѣчто, совершенно отличное по существу отъ превращенія одного движенія въ другое".

Приведемъ еще нѣсколько мнѣній ученыхъ:

1) „Чувства и мысли не только совершенно отличны отъ всего того, что мы называемъ веществомъ, но они находятся на совершенно противоположномъ полюсѣ . . . . Они не только наиболѣе реальны, но, строго говоря, представляютъ собою единственно достовѣрное, что мы знаемъ" (Джонъ Ст. Милль).

2) „Между мыслію и явленіемъ физическаго міра не только не существуетъ никакого сходства, но мы не можемъ даже себѣ представить возможности подобнаго сходства. Есть цѣлая бездна между лишенной сознанія (неорганической) жизнію и одаренной сознаніемъ; бездна эта глубока и непереходима" (Профессор. Ольмани, президентъ британской ассоціаціи для развитія наукъ).

3) „Существуютъ люди", говоритъ Тэнъ, „не заслуживающіе названія естествоиспытателей (хотя они громко претендуютъ на названіе философовъ), которые утверждаютъ, что только

Digitized by Google

жизнь, но и даже воля и сознаніе наше суть простыя физическія явленія" (Лекціи физики, стр. 22).

4) „Вещество и движеніе ничего не могутъ породить, кромѣ вещества и движенія" (Гертли, La Psych. de Association, pag. 39).

5) „Свѣтъ, цвѣтъ, звукъ, теплота, осязаніе, запахъ и проч., и проч. суть лишь *простыя состоянія* нашего сознанія. Что они такое сами *по себѣ* мы знать не можемъ . . . . Природа сама по себѣ есть для насъ *вѣчный міръ*, вѣчное безмолвіе" (Льюисъ, Ист. философіи).

6) „Когда матеріалисты переступаютъ границы своей науки и начинаютъ утверждать, что въ природѣ не существуетъ ни чего, кромѣ вещества и движенія,—я отказываюсь слѣдовать за ними. Насколько мнѣ извѣстно, „вещество" и „движеніе" суть простыя лишь формы сознанія, потому что мы знаемъ не самый вещественный міръ, а только наши представленія о немъ въ нашемъ сознаніи. Слѣдовательно, Декартъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что знаніе души въ насъ болѣе непреложно, чѣмъ знаніе нашего тѣла" (Гёксли, президентъ лондонскаго королевскаго Общества).

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы смотримъ на какой-либо предметъ, можемъ ли мы сказать, что онъ именно такой, какимъ мы его видимъ, будемъ ли мы разбирать цвѣтъ его, звукъ, имъ издаваемый, или форму его, все, что мы о немъ познаемъ, все составляетъ лишь продуктъ воздѣйствія этого предмета на наше сознаніе; это—представленія, сдѣланныя нашей душой о немъ, но не онъ самъ по себѣ, слѣдовательно мы познаемъ представленія нашей души, но не самый предметъ, который остается всегда внѣ нашего познанія.

Далѣе,—гдѣ вы видѣли, чтобы въ природѣ что-нибудь пропадало? Даже матерія—и та не пропадаетъ. Наука доказываетъ, что разложившіяся тѣла перемѣняютъ лишь свое состояніе и что они могутъ быть отысканы въ другой формѣ, въ другомъ мѣстѣ. Наше тѣло разлагается, растворяется, продукты эти переработываются воздухомъ и водой и производятъ въ этихъ средахъ новыя комбинаціи и химическія реакціи, но никакъ не пропадаютъ, а перерождаются, тѣмъ болѣе думающій элементъ человѣка, или его душа, не можетъ пропасть безслѣдно. Она можетъ развѣ только переобразовываться, но не уничтожаться.

Наиболѣе вѣское и научное возраженіе представилъ Батусъ. Не трогая общаго вопроса, онъ указываетъ на частный и второстепенный фактъ. Онъ говоритъ: „Когда мозгъ боленъ, разумъ, который долженъ быть проявленіемъ души, тоже не нормаленъ.

Digitized by Google

Если вынуть часть мозга у человѣка или животнаго, нѣкоторыя способности души пропадаютъ. Слѣдовательно, если пропадаетъ весь мозгъ, какъ это дѣлается послѣ смерти, душа тоже должна пропасть".

Это абсолютно не вѣрно; можно замѣчать, что одна какая-нибудь способность души исчезла, но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, что душа совсѣмъ не существуетъ. Разумъ затемненъ ненормальнымъ состояніемъ мозга, онъ даже можетъ мгновенно исчезнуть, для этого не надо душѣ уничтожаться. Въ сумасшествіи способности разума, воображенія, вниманія пріостанавливаются, но не исчезаютъ, такъ какъ немедленно, послѣ выздоровленія, онѣ опять появляются въ полной ихъ силѣ.

Какъ можемъ мы принять за общее правило, что отъ ранъ или отъ другихъ болѣзней мозга нѣкоторыя способности души совсѣмъ пропадаютъ? Способностей души мы ощутить не можемъ, т.-е. ни трогать, ни видѣть; кто-же можетъ сказать, что онѣ пропали? Онѣ, можетъ быть, находятся просто въ состояніи бездѣйствія; онѣ могутъ совершенно свободно, съ полной своей энергіей работать, послѣ того, какъ душа отдалится отъ тѣла, послѣ того, какъ узы, связывающія ее временно съ больнымъ тѣломъ, будутъ разорваны.

Это предположеніе мы постараемся выяснить нѣсколько нагляднѣе, приведя фактъ изъ обыденной жизни: піанистъ не можетъ выполнить свою піесу, если въ фортепіано не хватаетъ нѣсколькихъ струнъ. Но это еще совершенно не значитъ, что способности піаниста пропали; дайте ему новый инструментъ или исправьте старый—и вы увидите, что піанистъ покажетъ вамъ все прежнее свое искусство.

„Что я такое?" спрашиваетъ Декартъ, во второмъ размышленіи. „Вещь, которая мыслитъ. Что такое вещь, которая мыслитъ?—Это вещь, которая сомнѣвается, которая понимаетъ, которая утверждаетъ, отрицаетъ, которая хочетъ, не хочетъ, которая также соображаетъ и которая чувствуетъ".

„Пока",—читаемъ въ параграфѣ седьмомъ,—„мы отбрасываемъ все, въ чемъ можемъ малѣйшимъ образомъ сомнѣваться и представляемъ себѣ даже, что все такое ложно, мы легко можемъ предположить, что нѣтъ Бога, нѣтъ ни неба, ни земли, что мы не имѣемъ рукъ, ногъ и всего тѣла; но мы никакъ не можемъ представить, чтобы не было насъ, кои сомнѣваемся во всѣхъ этихъ вещахъ, чтобы то, что думаетъ не существовало на самомъ дѣлѣ въ то время, какъ оно думаетъ. Потому заключеніе: мыслю, слѣдовательно я есмь, есть первое и

Digitized by Google

достовѣрнѣйшее, какое представляется тому, кто размышляетъ по порядку" (Философ. Декарта. Любимовъ, стр. 132, 133).

„Я всегда считалъ,—говоритъ Декартъ въ своемъ посвященіи,—что два вопроса—о Богѣ и о душѣ,—суть главнѣйшіе изъ тѣхъ, кои должны быть доказаны скорѣе доводами философіи, чѣмъ богословія: ибо, если для насъ, вѣрующихъ, достаточно вѣрно принимать, что Богъ есть, и что душа не умираетъ съ тѣломъ, то невѣрующимъ, мнѣ кажется, невозможнымъ пренодать сколько-нибудь религію, ни даже какую-либо нравственную добродѣтель, если предварительно не докажемъ имъ эти два положенія путемъ естественнаго разума"... (Любимовъ. Философ. Декарта, стр. 124).

Digitized by Google

Глава IV.

Душа спиритуалистовъ.

Если всѣ позитивисты и матеріалисты, изъ боязни впасть въ ошибки, совершенно не изучаютъ человѣческой души, обходятъ всѣ непонятныя имъ мѣста человѣческаго существа, не обращаютъ вниманія на всѣ загадочные явленія и факты въ жизни человѣка и въ окружающей природѣ, то значило-ли бы это, что ничего подобнаго въ мірѣ и въ человѣкѣ нѣтъ? Конечно, нѣтъ!

Заблужденія позитивистовъ ясны, они находятъ возможнымъ изучать въ человѣкѣ только одинъ элементъ; это именно—трупъ или одну только ту часть человѣка, которая послѣ смерти обращается въ трупъ. Они считаютъ, что всѣ остальныя проявленія, какъ жизненныя, такъ и духовныя, какъ-то: жизнь, сознаніе, чувства, мышленіе и т. д., суть только слѣдствія проявленія качествъ и свойствъ той матеріи, которая составляетъ этотъ трупъ. Но вѣдь мы ясно видимъ, что когда эти слѣдствія отдѣлятся отъ трупа, то они становятся самостоятельными, проявляются совершенно независимо отъ самаго трупа, и послѣ чего самъ трупъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ произвести опять этихъ же самыхъ слѣдствій и на вѣчныя времена остается трупомъ, въ какія бы условія мы его ни поставили и чего бы мы съ нимъ ни дѣлали. Изъ чего мы должны заключить, что то, что позитивисты называютъ слѣдствіями, не есть слѣдствіе, но самая причина, оживлявшая трупъ и дѣлавшая этотъ трупъ человѣкомъ. Эта самая причина, проявляясь въ трупѣ, дѣлала его и живымъ, одухотвореннымъ, разумнымъ и осмысленнымъ. Вотъ къ изученію этой

Digitized by Google

самой причины, одухотворяющей трупъ, мы желали бы приступить, но, конечно, уже въ этомъ случаѣ мы должны отказаться отъ всякой помощи позитивныхъ наукъ, такъ какъ никакихъ указаній онѣ намъ дать не могутъ, находясь совершенно на ложномъ пути изслѣдованій своихъ. Ошибка позитивизма понятна. Онъ никогда не затрогивалъ никакихъ вопросовъ, ни сущности, ни происхожденія, ни природы вещей, явленій и фактовъ; не разбирая вопроса сущности жизни природы и одухотворяющаго начала, онъ и смѣшалъ причину со слѣдствіемъ и въ слѣдствіяхъ видитъ причину тогда, когда въ дѣйствительности зависимость трупа отъ оживляющаго его начала совсѣмъ другая.

Если позитивизмъ не можетъ удовлетворить любознательности человѣка, желающаго себѣ выяснить хотя примѣрно, въ общихъ чертахъ, природу ощущаемаго въ себѣ своего „я", не естественно ли обратиться къ другимъ источникамъ?

Если господствующая наука не даетъ отвѣтовъ на возрождающіеся въ умахъ людей вопросы, существенно необходимые и представляющіе въ настоящее время потребность для всего общества, то не естественно ли обратиться къ другимъ, одинаково научнымъ и серьезнымъ ученіямъ, но которыя не входятъ въ составъ моднаго и привычнаго для современныхъ ученыхъ позитивизма.

Мы не находимъ причины не черпать воды изъ чужаго источника, если свой зараженъ; такъ точно нѣтъ причины отказывать себѣ пользоваться существующими теоріями и научными системами, вполнѣ серьезными и разумными, только потому, что онѣ не вошли въ составъ намъ привычной науки. На этомъ основаніи изъ множества ученій о душѣ и вообще о существѣ человѣка мы приведемъ здѣсь три ученія, наиболѣе характерныя, а именно:

1) Душа, по ученію доктора Сталя,—это первое допущеніе подобнаго рода по медицинѣ.

2) Душа, по ученію монтепельской школы, введенной въ медицину докторами Бертезомъ и Лорда,—это самый серьезный и удачный трудъ; въ этомъ направленіи, онъ можетъ считаться положительнымъ торжествомъ науки надъ матеріализмомъ, какъ опредѣленностью своихъ воззрѣній, такъ и числомъ своихъ послѣдователей во Франціи, Англіи, Италіи, а впослѣдствіи и въ Германіи. Міровоззрѣніе это держится уже болѣе столѣтія и укрѣпилось теперь во многихъ ученыхъ центрахъ.

3) Душа, по системѣ доктора Биша. Воззрѣніе Биша достойно вниманія въ томъ отношеніи, что оно нашло себѣ

Digitized by Google

наибольшее примѣненіе въ медицинѣ новѣйшаго времени, не составляя само по себѣ законченнаго цѣлаго. Оно проливаетъ свѣтъ на шаткость основаній тѣхъ взглядовъ, которые приняты теперь многочисленными современными дѣятелями.

Душа по ученію Сталя и Аристотеля.

Нѣмецкій докторъ Сталь безспорно можетъ назваться одною изъ выдѣляющихся личностей прошедшаго вѣка. Онъ оказалъ своими трудами великую услугу медицинской философіи, ибо ввелъ духовный элементъ въ медицину и тѣмъ избавилъ ее отъ глубокаго матеріализма, который господствовалъ въ ней. Его трудъ нашелъ полное сочувствіе въ докторахъ всего свѣта, и въ свое время свѣтила наукй: Пиду, Труссо, Паршанъ, Кайоль, Салъ-Жиронъ, Бушю, Шоффаръ—были всѣ анимисты, защитники и послѣдователи доктора Сталя.

Въ деталяхъ они нѣсколько измѣнили первоначальную теорію Сталя, они освободили ее отъ всего, что не согласовалось съ медицинскими теоріями и новѣйшими въ то время открытіями науки; но сущность ученія осталась та же.

Въ теоріи своей докторъ Сталь приписываетъ душѣ человѣка не только полную чувствительность, но и вполнѣ активную роль; онъ нѣсколько утрируетъ необходимыя свойства души, придавая ей значеніе живаго существа и приписывая ей слѣдующія качества: свареніе желудка, циркуляцію крови, производительность, образованіе матеріи, поглощеніе жидкости и газовъ, питаніе и т. д. Сталь придаетъ душѣ нѣкоторый вѣсъ и матеріальность. Кромѣ того, даетъ ей разумъ, мысль и способность руководить всѣми животными отправленіями человѣка.

Теорія эта обнародована Сталемъ въ 1708 году подъ заглавіемъ: „Theorie Medica vera“.

„Душа, сотворенная Богомъ по Его образу и Его подобію“, говоритъ Сталь, „начинаетъ сама образовывать тѣло, которое готово ее принять. Потомъ сама приступаетъ къ выполненію всѣхъ животныхъ отправленій, и на нее же возлагается обязанность и сохранять это тѣло“.

Сталь даетъ животнымъ такую же душу, какъ и человѣку, имѣющую двойную обязанность, т.-е. сотворить себѣ тѣло и потомъ охранять его.

По теоріи Сталя, матерія, сама по себѣ, играетъ пассивную роль въ организмѣ: она совершенно неспособна произвести

Digitized by Google

сама по себѣ ничего, пока ее на это не подвинетъ разумная душа. Душа единственная причина нашихъ вольныхъ и невольныхъ дѣйствій. Душа питаетъ каждую часть тѣла, она собираетъ жидкости всюду, гдѣ онѣ нужны, пополняетъ все, что Декартъ и его современные товарищи приписывали *животному разуму*. Душа одинаково присутствуетъ въ каждой части нашего тѣла и постоянно заботится объ ихъ содержаніи и сохраненіи.

Въ этой теоріи всякая болѣзнь организма есть только ошибка природы, и на обязанности души—немедленно исправлять ее.

Во всѣхъ болѣзняхъ излеченіе надо приписывать необыкновеннымъ усиліямъ самой природы. „Усилія эти вполнѣ разумны", говоритъ Сталь, „они удаляютъ причины, вредно вліяющія на болѣзнь, и приближаютъ то, что можетъ принести пользу". „Душа", заключаетъ Сталь, „это нашъ лучшій врачъ".

Ученіе Стали вполнѣ гармонируетъ съ ученіемъ католицизма. Католицизмъ также считаетъ душу за разумное существо, которое живетъ въ тѣлѣ человѣка только одинъ разъ и въ продолженіе этого времени сохраняетъ себя и порученное ей тѣло при жизни человѣка, а послѣ смерти даетъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Католицизмъ считаетъ, что послѣ смерти душа живетъ отдѣльно отъ тѣла, въ состояніи облегченномъ, т.-е. не имѣющемъ вѣса; но что придетъ часъ воскресенія, въ который душа соединится опять съ тѣломъ, принявъ видъ совершенно такой же, какой она имѣла при жизни, и опять будетъ имѣть вѣсъ.

Всѣ, писавшіе по антропологіи и медицинѣ въ духѣ католицизма, не удалялись отъ ученія Сталя, всѣ они признавали сталицизмъ. Ксавье-де-Местръ, въ своемъ сочиненіи „Путешествіе вокругъ моей комнаты" съ большимъ увлеченіемъ и необыкновенною точностью, развиваетъ свой взглядъ на „душу и животное". Въ сущности его ученіе ничѣмъ не отличается отъ философіи и физіологіи Сталя: Душа направляетъ, вдохновляетъ и надзираетъ за животнымъ, т.-е. за тѣломъ.

Съ другой стороны, сталицизмъ во многомъ схожъ съ ученіемъ Аристотеля о душѣ. По Аристотелю, тѣло и душа связаны нераздѣльно. Онъ говоритъ: „Пока достаточно признанія того, что служитъ началомъ упомянутыхъ состояній и опредѣляется дѣятельностями питанія, распознаванія, мышленія" (De anima, II, 2).

По своимъ функціямъ душа и сознаніе у Аристотеля не одинаковы, такъ какъ онъ относитъ къ душѣ и органическую дѣятельность. Аристотель, приписывая душѣ и органическую

Digitized by Google

дѣятельность, обусловливающую созиданіе, питаніе, ростъ и смерть организма, принужденъ признать душу у животныхъ и у растеній. При подобной органической связи съ явленіями біологіи, и душа должна подпасть подъ вліяніе развитія. Та часть души, которая обусловливаетъ питаніе и проявляется въ мірѣ растеній, свойственна, по Аристотелю, и высшимъ организмамъ—животнымъ и человѣку; въ противоположность этому, растенія обладаютъ душой несовершенной, способной руководить исключительно однимъ питаніемъ и лишенной всякихъ высшихъ способностей.

Итакъ, по Аристотелю, душа не является принципомъ и носителемъ исключительно одного познаванія, но развивается эмбріологически и біологически. Прогрессъ сознанія идетъ рука объ руку съ прогрессомъ организаціи, и изъ одного этого вытекаетъ, что душа должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ, и носителемъ организаціи, какъ біологически, такъ и индивидуально. Органическая жизнь не должна быть отдѣляема отъ души. Жизнь и душу уже потому нельзя разъединять, что духъ является развитіемъ природы, обусловливаетъ чувственное сознаніе посредствомъ физическаго организма и составляетъ цвѣтокъ этого организма. Такъ какъ душа не только мыслитъ, но и организуетъ, то должно быть признано, что способность души въ организаціи не уничтожается смертью, а сохраняется или въ видѣ потенціальной (возможной) способности, или же мы должны принять душу за нѣчто организованное и существующее въ пространствѣ.

По Аристотелю, душа имѣетъ существенное отношеніе къ формѣ тѣла, а именно: она относится къ нему, какъ форма къ веществу.

Вопросъ объ ихъ единствѣ рѣшается Аристотелемъ слѣдующимъ образомъ: душа относится къ тѣлу, какъ возможность къ дѣйствительности; вотъ путь, по которому онъ пришелъ къ своему знаменитому опредѣленію души: „душа первая, законченная дѣйствительность способнаго къ жизни, естественнаго тѣла и притомъ обладающаго органами“ (De anima, II, 1—4). Живое существо не составлено изъ отдѣльныхъ души и тѣла, но душа есть сила, дѣйствующая въ тѣлѣ, а тѣло представляетъ собою лишь естественное орудіе души. Они такъ же мало способны къ разъединенію, какъ, напр., глазъ и способность зрѣнія. Тѣло существуетъ лишь ради души. Подобно разумному человѣку, природа даетъ каждому то орудіе, которымъ онъ способенъ воспользоваться. Онъ возстаетъ на Анаксагора, высказавшаго мнѣніе, повторенное позже Гельвеціемъ, будто

Digitized by Google

человѣкъ лишь потому самое разумное животное, что обладаетъ руками. Аристотель былъ совершенно противоположнаго мнѣнія: „человѣкъ,—говоритъ онъ,—потому и обладаетъ руками, что онъ самое разумное существо,—орудіе сообразуется съ употребленіемъ, а не употребленіе съ орудіемъ (De part., IV, 10). Физіологическія причины только средства для цѣлей природы. Подобно Платону, Аристотель различаетъ дѣйствующую причину, благодаря которой что-либо происходитъ, отъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ что-либо не можетъ произойти.

По Аристотелю, цѣль всякаго возникновенія—форма. Окончательное назначеніе вещи и причина, ее формирующая, совпадаютъ. Какъ отдѣльные органы существуютъ лишь ради своихъ функцій, такъ весь организмъ существуетъ для всей своей дѣятельности и сводится къ проявленіямъ души, какъ къ своему началу. Тѣло существуетъ для того, чтобы душа могла активно проявиться въ этомъ мірѣ (De gen. an., II, 4).

Позитивизмъ не имѣетъ основанія выступать противъ ученій какъ Сталя, такъ и Аристотеля о душѣ, такъ какъ учитъ, что не только функціи сознательнаго мышленія, но и функціи безсознательной жизни управляются нервной системой. По ихъ мнѣнію, мышленіе совершается при помощи нервовъ мозговой системы, а жизнь (физическія отправленія) съ помощью нервовъ гангліозной системы. Значитъ, для обоихъ,—и для сознанія, и для жизни—мы должны признать одно общее происхожденіе.

„Такъ какъ органомъ нашего сознанія служитъ головной мозгъ,—говоритъ Шопенгауеръ,—то это сознаніе должно быть ограничено въ нашемъ организмѣ предѣлами распространенія сѣти нервовъ головнаго мозга; оно отсутствуетъ, если передающій ощущеніе нервъ будетъ перерѣзанъ. Животныя функціи жизни совершаются потому безсознательно, что гангліозная система изолирована отъ мозговой—по крайней мѣрѣ, между ними существуютъ лишь посредственныя соединенія (анастомозы). Эта гангліозная система, напротивъ, сама обладаетъ своими собственными, ей подчиненными, нервными центрами, которые легко могутъ обладать сознаніемъ, въ существованіи котораго мы непосредственно убѣдиться не можемъ. У насъ, значитъ, нѣтъ никакого основанія принять два различныхъ источника для измѣненій, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ; обѣ нервныя системы должны быть продуктомъ одного и того же организующаго начала. Различіе между сознательнымъ и безсознательнымъ, произвольнымъ и непроизволь-

Digitized by Google

нымъ въ движеніяхъ нашего организма объясняется физіологически. Организмъ не можетъ быть слугою двухъ господъ,— всѣмъ его дѣйствіямъ и воздѣйствіямъ должна быть положена въ основаніе единая воля" (Шопенгауеръ. Воля въ природѣ).

Надо относиться съ большимъ уваженіемъ къ теоріи Сталя, ибо ученіе его сдѣлало капитальный переворотъ въ медицинской философіи его времени, оно исправило нѣкоторыя ошибки Декарта и ввело въ медицину духовный элементъ. Мы обязаны Сталю, что современныя парижскія школы оставили свои грубыя матеріалистическія воззрѣнія, которыя были введены Кабанисомъ и Бруссе. Добавимъ еще къ заслугамъ Сталя, что бартезіанское ученіе есть только продолженіе или усовершенствованіе сталицизма.

Тѣмъ не менѣе, разбирая сталицизмъ, который проповѣдывалъ самъ Сталь или въ такомъ видѣ, какъ его измѣнили гг. Пиду, Труссо, Кайоль, Шоффаръ, Саль-Жиронъ и т. д., надо замѣтить, что онъ недостаточно опредѣленно передаетъ настоящую природу человѣка и разныя проявленія какъ здороваго, такъ и больнаго организма.

Сталицизмъ смѣшалъ два совершенно разнородныхъ понятія: онъ не различаетъ проявленій чисто интеллектуальныхъ отъ чисто матеріальныхъ; у него смѣшана мысль съ функціями физіологическими.

Душа имѣетъ характеръ чисто духовный и безсмертный, т.-е. матеріальный. Все, проявляющее жизненность, должно имѣть характеръ смертный и разрушающійся. Душа вѣчна, тѣло умираетъ. Душа, главнымъ образомъ, проявляетъ свою волю, тѣло подчиняется этой волѣ. Бо́льшая часть нашихъ натуральныхъ отправленій совершается безъ нашей воли, какъ бы помимо насъ. Мы не можемъ препятствовать сердцу биться, нашимъ нервамъ чувствовать, легкимъ дышать. Какимъ же образомъ одна и та же сила будетъ имѣть противоположныя дѣйствія? Какъ я могу сказать, что душа перевариваетъ мою пищу, что она дышетъ или заставляетъ кровь циркулировать, учавствуетъ при питаніи, содержаніи и лѣченіи больныхъ органовъ? Какъ я могу думать, что душа, какъ вѣрный сторожъ, слѣдитъ за здоровьемъ и устраняетъ все, могущее вредить ему; это значитъ совершенно не такъ понимать природу души, ея роль и ея настоящее строеніе.

Весьма авторитетные защитники сталицизма находятъ сами, что душа не участвуетъ въ физіологическихъ отправленіяхъ. Сошлюсь на Тиссо и его книгу: „О жизни, заключающейся въ человѣкѣ".

Digitized by Google

Важное опроверженіе сталицизма мы находимъ въ жизни зародыша. Когда жизнь наиболѣе работаетъ для произведенія организма, когда всѣ силы напряжены и отъ крѣпости и совокупности ихъ зависитъ развитіе новаго существа, по теоріи Сталя, какъ разъ въ это время и нужно было бы содѣйствіе разумнаго элемента; но душа въ это время еще бездѣйствуетъ.

Еще одно, чрезвычайно важное опроверженіе теоріи Сталя мы находимъ въ смерти стариковъ, умирающихъ естественною смертью, или; какъ говорится, отъ старости. Душа вѣчна по своей природѣ, но начало или причина жизни имѣетъ свой предѣлъ. Бываютъ смерти необходимыя, смерти отъ старости, происшедшія не отъ того, что тѣло состарилось, а отъ того, что истощился весь запасъ жизненныхъ силъ.

Фонтенебло умеръ на 99-мъ году жизни и, судя по его собственному выраженію: „по невозможности жить"; дѣйствительно, всѣ органы и отправленія его были въ такомъ порядкѣ, что ничто не могло объяснить его смерть. Корнаро умеръ совершенно такимъ образомъ на 100-мъ году жизни. Если бы душа была въ самомъ дѣлѣ жизненнымъ началомъ, мы могли бы быть безсмертны, ибо матерія въ насъ постоянно возобновляется; слѣдовательно, даже у стариковъ, она новая и молодая.

Тиссо, большой защитникъ сталицизма, не находитъ опроверженій подобнаго взгляда, и ибо то, что онъ отвѣчаетъ по этому поводу въ своей книгѣ „Жизнь въ человѣкѣ", для ученаго профессора не можетъ назваться опроверженіемъ: „Это можетъ быть еще новый законъ природы", говоритъ онъ, „когда душа предоставляетъ свое еще живое тѣло вліянію внѣшнихъ силъ, чтобы ускорить свое собственное преобразованіе".

Нѣкоторые ученые упрекали Сталя въ томъ, что его теорія должна привести къ матеріализму, и Сталь самъ ихъ опровергалъ, отстаивая свое ученіе; но онъ не былъ правъ. Жизненное начало, или принципъ жизни, должно быть непремѣнно разрушимо и прекращаться съ жизнью. Отождествляя его и душу, т.-е. начало нашей духовной жизни, мы никогда не дойдемъ до безсмертія души, и это не дало бы намъ никакихъ объясненій касательно духовной стороны въ человѣкѣ, чего именно и добивался Сталь. Слѣдствія, выводимыя на основаніяхъ, предположенныхъ Сталемъ, сами разбивали его теорію и приводили ко многимъ неясностямъ.

Лорда выразилъ въ нѣсколькихъ энергичныхъ словахъ главные аргументы опроверженія ученія Сталя. Они слѣдующіе: „Болѣе пятидесяти лѣтъ я доказываю всѣмъ, ищущимъ правду, безъ предвзятыхъ мыслей, ошибки и абсурды сталицизма. Я

Digitized by Google

прямо указываю на послѣдствія ученія Сталя. По его ученію, истекаетъ прямо тождественность проявленія жизни у человѣка и у животныхъ, дѣлимость души, имѣющей вѣсъ, а слѣдовательно—ея смертность. Сталицизмъ имѣетъ въ основаніи своемъ совершенно фальшивую гипотезу, затемняя постоянно внутреннюю раздѣлимость человѣка. Въ основаніи его теоріи лежитъ убѣжденіе, что причина всѣхъ тѣлесныхъ отправленій совершенно та же, что и разсудка или воли. Мы положительно смотримъ на эту гипотезу, какъ на абсурдъ; душѣ, имѣющей вѣсъ, никакихъ такихъ качествъ приписывать нельзя".

Критикуя сталицизмъ, какъ объясненіе природы человѣка, и предпочитая бартезизмъ и монтепельскую школу, мы нисколько не думаемъ оспаривать ту существенную роль, которую играетъ душа въ большинствѣ человѣческихъ отправленій. Вліяніе, которое имѣетъ воображеніе на многія физіологическія явленія, большинство нервныхъ проявленій, находящихъ въ нихъ основаніе, проявленіе, сомнамбулизма, какъ естественнаго, такъ и вызваннаго магнетизерскими пассами, потеря чувствительности, которая вызывается въ моментъ экстаза или гипноза,—все это неоспоримо и прямо доказываетъ ту громадную роль, которую играютъ нервы въ жизни человѣка; но, основываясь на этихъ фактахъ, мы все же не можемъ сказать, что душа составляетъ начало *всѣхъ* животныхъ отправленій.

Душа по ученію Бартеза Лорда.

Бартезъ, французскій докторъ прошлаго столѣтія и профессоръ монтепельскаго университета, доказывалъ, что въ духовной сторонѣ человѣка два элемента: душа (или то, что Лорда называлъ внутреннимъ разумомъ) и жизненная сила или жизнь.

Основатели этой теоріи называли это двойнымъ человѣческимъ динамизмомъ.

Если къ двойному динамизму, т. е. къ душѣ и жизни прибавить тѣло, то это и составитъ тройственное соединеніе въ человѣкѣ:

1) Тѣло.
2) Душа, или внутренній разумъ.
3) Жизнь, или жизненное начало.

Разберемъ характеръ всѣхъ этихъ трехъ элементовъ и постановимъ между ними ясное различіе.

Digitized by Google

Тѣло не трудно узнать въ этихъ трехъ элементахъ. По своей матеріальности оно легко отличается отъ жизни, по своей смертности—отъ души.

Не такъ легко отдѣлить жизнь отъ души. Вотъ главныя характерическія различія:

Душа нематеріальна, безсмертна и неразрушима. Она способна думать, сознавать и выражать свою волю. Она не ослабѣваетъ, не устаетъ, не старится, не умираетъ. Она не подвергается никакимъ вліяніямъ времени. Никогда не уставая, душа только крѣпнетъ отъ упражненій, развивается, вдохновляется и совершенствуется.

Жизнь нематеріальна, но небезсмертна, это и есть главное отличіе души отъ жизни. Какъ теплородъ и какъ электричество, жизнь есть сила, которая рождается отъ извѣстныхъ причинъ; имѣя начало, она, конечно, будетъ имѣть свой конецъ; и конецъ этотъ будетъ безвозвратный. Жизнь какъ сила, не имѣетъ матеріи, но она можетъ прекращаться, какъ отъ внѣшнихъ постороннихъ причинъ, такъ и сама по себѣ, послѣ извѣстнаго періода времени; она невѣчна, какъ душа.

2) Жизнь можетъ передаваться, душа не передается. Жизнь сообщается однимъ существомъ другому черезъ произрожденіе, черезъ воспроизведеніе, черезъ потомственность. Жизнь, заключаясь въ жидкостяхъ, въ твердыхъ частяхъ и во всей химической основѣ организма матеріи, находитъ въ утробѣ ея необходимыя условія для развитія того сѣмячка, которое въ нее попало. Оно, пользуясь необходимыми условіями, производитъ новое существо, которое должно унаслѣдовать своимъ родителямъ.

3) Жизнь есть сила, преимущественно образовательная, созидательная, пластическая или устроительная; но эта сила дѣйствуетъ инстинктивно, у ней нѣтъ сознанія своихъ дѣйствій. Кончивши созидать человѣческое тѣло, жизненное начало остается въ немъ, управляетъ и поддерживаетъ все существованіе; оно обладаетъ всѣми качествами, которыя Сталь приписываетъ душѣ, въ заботѣ о сохраненіи тѣла. Душа же всегда дѣйствуетъ разумно и сознательно, ибо душа есть самъ разумъ, это наше высшее разумное начало.

4) Жизнь развивается, усиливается и, наконецъ, ослабѣваетъ. Жизнь исчезаетъ, и тѣло умираетъ. Исчезнувъ однажды, человѣкъ умираетъ, и жизнь уже болѣе не возстановляется. Наоборотъ, душа отъ упражненій только крѣпнетъ и совершенствуется.

Digitized by Google

„Сама жизнь“,—говоритъ Лорда,—„увеличивается въ первой половинѣ существованія человѣка; но вторая половина проходитъ въ постоянномъ ослабленіи ея, гдѣ старость и смерть, конечно, есть предѣлъ. Развитіе души не слѣдуетъ этому состоянію жизни: если болѣзни организма не мѣшаютъ, душа можетъ совершенствоваться до самаго конца существованія человѣка; такъ что въ самый послѣдній моментъ глубокой старческой жизни душа можетъ сдѣлать большіе успѣхи въ своемъ усовершенствованіи и выказать наиболѣе своего разума, правдивости и прозорливости. Изъ этого слѣдуетъ,—и что мы часто видимъ совершенно опредѣленно,—что иногда, когда жизнь потухаетъ и смерть уже наступаетъ, психическая дѣятельность души находится въ полной силѣ и могуществѣ, ибо она не испытывала ни старости, ни упадка силъ,—причины, служащія единственными вѣрными доказательствами близости разрушенія“.

Въ книгѣ Лорда мы находимъ въ высшей степени остроумное и самобытное объясненіе развитія души у стариковъ. Нисколько неослабленная душа, напротивъ, набирается энергіи и мужества тогда, когда жизнь и матеріальное тѣло изношены и мало-по-малу приходятъ въ ветхое состояніе. Это состояніе Лорда называетъ ажеразіею, или бодрой старостью души.

Размѣръ нашей книги не позволяетъ повторить здѣсь всѣ историческіе и біографическіе факты, которые Лорда приводитъ въ своей книгѣ, чтобы съ очевидностью доказать, что въ то время, когда жизнь и тѣло изнашиваются, душа, наоборотъ, крѣпнетъ и ростетъ постоянно въ своей дѣятельности и могуществѣ.

5) О различіи между душой и жизнью Лорда говоритъ еще слѣдующее: „Жизненная сила проявляется въ зародышѣ съ самаго перваго времени его образованія, съ первыхъ моментовъ оплодотворенія, и производитъ уже очень сложныя явленія образованія младенца въ теченіе всей его утробной жизни, въ продолженіе которой мы никакихъ психическихъ отправленій не видимъ. Душа проявляется въ немъ въ минуту рожденія, съ того времени, какъ онъ входитъ въ общеніе съ внѣшней средой.

Съ самаго начала зарожденія жизненная сила проявляетъ большую крѣпость и совершенство. Психическія силы съ начала ихъ проявленія чрезвычайно слабы и несовершенны, чрезъ вниманіе и упражненія онѣ постепенно развиваются.

Digitized by Google

„Все, что совершается жизненною силою, наслѣдственно и зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ пользу или во вредъ развитія: дѣти наслѣдуютъ отъ родителей красоту формъ, здоровье, уродства, цвѣтъ кожи, наклонности къ болѣзнямъ. Качества души ненаслѣдственны, они зависятъ отъ образованія и воспитанія и умираютъ съ человѣкомъ, не передавшись въ потомство. Человѣкъ въ наслѣдство нисколько не получаетъ ни добродѣтели, ни пороковъ своего отца, а потому и оправдываться въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ порочными качествами своихъ предковъ не можетъ; образованіе нисколько не передается въ потомство,—у образованныхъ отцовъ могутъ быть совершенно необразованныя дѣти“.

Вотъ связь между тѣломъ, душой и жизнью, которую даетъ монтепельская школа, по словамъ Бартеза и Лорда.

Теорія эта чрезвычайно проста, ясна и не имѣетъ серьезныхъ возраженій. Мы охотно приводимъ слѣдующія слова Лорда:

„Теорія двойнаго динамизма—фактъ настолько ясный и здравый, что отрицаніе или сомнѣніе въ вѣрности его есть доказательство нелогичности, незнанія природы и истинъ науки; такихъ людей надо отправить опять въ школу доучиваться“.

Это тройственное соединеніе замѣчается не у одного человѣка, но и у животныхъ.

Животныя имѣютъ также тѣло и душу, но душа эта стоитъ много ниже по своему развитію, чѣмъ душа человѣка; мы можемъ ясно судить объ этомъ, разбирая отправленія ея. Имѣя мало потребностей, животное имѣетъ небольшое число душевныхъ проявленій, и онѣ всѣ показываютъ лишь начальное развитіе.

Строеніе человѣка отличается отъ строенія животныхъ только своимъ небольшимъ превосходствомъ, въ физіологическомъ же и въ анатомическомъ отношеніи всѣ тѣла окончательно тождественны.

Душа по ученію Биша.

Далеко не всѣ доктора признаютъ у человѣка и у животныхъ присутствіе жизненной силы, отличительной отъ силъ физическихъ и химическихъ. Многіе французскіе, нѣмецкіе, англійскіе доктора и физіологи охотнѣе слѣдуютъ теоріи Биша

Digitized by Google

и называютъ „жизненными свойствами матеріи“ все, что бартезизмъ приписываетъ совмѣстнымъ отправленіямъ жизненной силы и души.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Клодъ Бернардъ въ своей первой лекціи физіологіи, прочитанной имъ въ 1871—1872 годахъ во французской школѣ: „Непосредственная причина жизненныхъ явленій не должна быть приписана какимъ-либо особеннымъ причинамъ и какой-либо жизненной силѣ. Не надо ее искать въ „душѣ“ Пифагора, „въ физіологической душѣ“ Гиппократа, въ „душѣ“ Атенея, въ „l'archee“ Парацельса, въ „l'anima“ Сталя, въ „жизненной силѣ“ Бартеза. Это все существа выдуманныя и непонятныя. Причина жизни заключается въ свойствахъ живой матеріи, *какъ училъ Бишá*, и въ свойствахъ органическихъ элементовъ. Мы не можемъ глубже касаться этого предмета, и *этотъ взглядъ совершенно достаточенъ для научнаго объясненія всѣхъ явленій*“.

Бишá ничѣмъ не объясняетъ причину самой жизни, объявляя невозможность, при настоящихъ научныхъ данныхъ, проникнуть внутреннее значеніе этого факта. На этомъ основаніи онъ принимаетъ, что живой матеріи можно приписать только два общихъ видимыхъ и ощутительныхъ свойства: чувствительность и сжимаемость. Свойства эти присущи элементамъ живаго организма, и неравное ихъ распредѣленіе должно порождать количество и качество проявленій ихъ жизни.

Клодъ Бернардъ сказалъ: „Жизненныя свойства матеріи, которыя приводитъ Бишá, совершенно достаточны для всѣхъ научныхъ объясненій“. Но онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Бишá подчинилъ эти свойства Высшему Дѣятелю и Высшей Волѣ, которыхъ онъ отказывается понять, но существованіе которыхъ онъ находитъ неоспоримыми.

Бишá разсматривалъ начало жизни, какъ не подчиняющееся нашему пониманію, при современномъ состояніи науки; онъ думалъ, что разгадка этой истины будетъ вѣнцомъ физіологіи въ будущемъ. Эта мысль имъ выражена такъ:

„Большая ошибка физіологовъ заключается въ томъ, что они начали съ конца, когда сама наука была еще въ младенчествѣ, всѣ вопросы вертѣлись около основныхъ причинъ жизненныхъ явленій. Что же изъ этого вышло?—Большія груды разсужденій и полное убѣжденіе въ томъ, что надо начать сперва изученіе самихъ явленій, а потомъ уже думать о причинахъ, вызвавшихъ ихъ“.

Итакъ, когда Бишá говоритъ о жизненныхъ свойствахъ и о жизни, онъ понимаетъ это такъ, какъ будто первоначальную

Digitized by Google

причину ихъ разгадать намъ нельзя, а слѣдовательно намъ о ней заботиться не слѣдуетъ. Отсюда мы ясно видимъ, что Биша́ вездѣ разбиралъ самыя явленія, никогда не касаясь вызывающей ихъ причины.

Если мы прослѣдимъ взгляды Биша́ на сущность человѣческаго существа, мы вполнѣ убѣдимся, что самъ Биша́ далекъ отъ того воззрѣнія, которое приписываетъ ему Клодъ Бернардъ и его послѣдователи. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ функцію жизни: „Она есть совокупность отправленій, которыя противостоятъ смерти. Не привязываясь къ словамъ въ этомъ опредѣленіи, спросите, что скорѣе всего насъ поражаетъ въ строеніи животнаго или растенія? Это постоянное соотношеніе органическихъ отправленій, образующихъ живое существо. А что это за отношеніе, если не система силъ, назначеніе которыхъ—приводить въ движеніе живой механизмъ? Значитъ, тутъ все-таки главное дѣло — сила; устранимъ ее отъ живаго существа, — останется трупъ". —Или въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Органическія силы", говоритъ Биша́, „ускользаютъ отъ вычисленія и дѣйствуютъ неправильно и измѣнчиво, а физико-механическія силы вполнѣ подчиняются правильнымъ и постояннымъ законамъ. Впрысните въ вены животнаго составные элементы крови, безъ того элемента, который производитъ ея синтезъ и который находится въ вашей власти, и вы не только не продолжите его жизнь, но убьете его. Кровь, пробывшая нѣсколько времени внѣ вены и снова впущенная въ нее, причиняетъ большое разстройство въ организмѣ. Положите въ желудокъ трупа питательныя вещества; отъ соприкосновенія съ тканями всѣ эти вещества начнутъ гнить, тогда какъ въ живомъ организмѣ они превратились бы въ кровь и поддерживали его жизнь. Спросимъ у химиковъ, какъ дѣйствуетъ въ организмѣ опіумъ, хина, чилибуха, куссо, сѣра, поташный іодъ и т. д.? Какое химическое дѣйствіе никотина, синильной кислоты и всѣхъ растительныхъ ядовъ, которое не оставляетъ никакого слѣда? Какъ дѣйствуетъ перецъ во время столбняка? Отчего ипекакуанна, войдя въ желудокъ, тотчасъ сокращаетъ вдыхательные мускулы? и т. д. Это *„дѣйствія присутствія"* говорятъ физики; это дѣйствіе присутствія, повторяютъ химики и думаютъ, что дали удовлетворительный отвѣтъ!"

Клодъ Бернардъ и доктора, которые становятся подъ знамя Биша́, или забываютъ основанія теоріи самого автора, или, зная эти основанія, искажаютъ ихъ, подражая только во внѣшнемъ его пріемѣ и всегда обходятъ молчаніемъ причину самыхъ явленій, слѣдуя глубоко вкоренившемуся обычаю, не говорить ничего касательно нравственной стороны человѣка и

Digitized by Google

отвлеченностей, чтобы не изобличить своей вѣры въ Бога, или своего безвѣрія, или вообще своихъ анимистическихъ убѣжденій. Такой удобный пріемъ въ наукѣ чрезвычайно упростилъ отношеніе ученыхъ ко всему духовному, неразрывно связанному съ существомъ человѣка. Они даютъ предѣлъ, дальше котораго наукѣ не слѣдуетъ идти въ своихъ разъясненіяхъ и разслѣдованіяхъ и тѣмъ самымъ скрываютъ концы, связывающіе ихъ съ загробной жизнью и съ областью, для насъ невидимою и неощущаемою.

Всѣ послѣдователи научнаго пріема Биша очень ошибаются, думая объяснить что-нибудь, говоря: „жизненныя свойства матеріи", ибо это означаетъ только слѣдствіе, а не причину. Теорія Биша, понятая такимъ образомъ, есть не болѣе, какъ обычный атеизмъ въ наукѣ, ибо „жизненныя свойства" пропадаютъ вмѣстѣ съ жизнью, и ничего не останется отъ того, что производило мысль, разумъ и волю.

Скажемъ больше: всѣ подобнаго рода толкованія совершенно ненаучны, ибо они не выясняютъ ничего ровно и похожи на тѣ, которыя даетъ Мольеръ въ своей комедіи: „Мнимый больной". Въ ней докторъ объявляетъ больному, что „опіумъ производитъ сонъ, потому что у него есть снотворныя способности"! Совершенно то же выражаетъ Клодъ Бернардъ, — примѣняя теорію Биша, онъ говоритъ: что „сердце бьется, ибо оно имѣетъ сократительныя мышцы". Эти оба объясненія совершенно равносильны и одинаково не серьезны. Обыкновенно всѣмъ подобного рода объясненіямъ придаютъ нѣсколько болѣе научную форму, при которой исчезаетъ лишь одна забавная и комическая форма, въ которую облекъ Мольеръ свой отвѣтъ, и абсурдъ не бьетъ такъ въ глаза, оставляя, впрочемъ, въ сущности одинъ и тотъ же смыслъ, одну и ту же пустоту и поверхностный характеръ міровоззрѣнія на природу и сущность вещей, который покрывается извѣстнымъ и всегда практикующимся въ матеріалистической части науки оборотомъ рѣчи; они говорятъ: „потому, что опій наркотическое средство". Такой отвѣтъ, не разъясняя самъ по себѣ ровно ничего, прекрасно маскируетъ все дальнѣйшее незнаніе науки и вводитъ въ заблужденіе „самихъ избранныхъ", которые, успокоиваясь на словѣ „наркотическое", прекращаютъ нить своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ будто для нихъ все остальное совершенно понятно.

Не долженъ ли серьезный и здравомыслящій слуга науки искать причину возникновенія явленій и фактовъ, т. е. тѣ силы и дѣйствія, которыя производятъ ихъ? Для него недостаточно только любоваться красотою неба, онъ долженъ

Digitized by Google

знать также, что означаютъ всѣ движенія небесныхъ тѣлъ; для него недостаточно знать, что одна звѣзда превосходитъ другую по своему великолѣпію, онъ долженъ знать — зачѣмъ и почему это такъ. Результатомъ такого упорнаго доискиванья причинъ явилась современная астрономія, созданная трудами поколѣній именно въ этомъ направленіи. Наша астрономія создалась именно посредствомъ тщательнаго наблюденія надъ явленіями и глубокаго размышленія о причинахъ тѣхъ фактовъ, которые удалось ей подмѣтить въ природѣ. Подобное же стремленіе существуетъ и у людей, изучающихъ медицину; но оно почему-то всегда подавляется болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Недостаточно знать, что opium производитъ сонъ, мы хотимъ еще знать, почему и какимъ образомъ онъ это дѣлаетъ? Это неизбѣжно. Чтобы получить желанные отвѣты, мы должны идти дальнѣйшимъ путемъ, допытываться и изучать, а не отдѣлываться одними фиктивными объясненіями и латинскими названіями, преграждающими правильный ходъ мысли и правильное развитіе науки.

Клодъ Бернардъ имѣлъ менѣе другихъ право вовлекать слушателей въ заблужденія, внушая имъ ошибочный взглядъ на природу вещей, слѣдуя модѣ, принятой наукою его времени, такъ какъ научныя познанія раскрыли ему высшій и глубочайшій смыслъ природы, лежащій за предѣлами всякихъ человѣческихъ познаній, ибо иначе онъ не сказалъ бы: „Если бы нужно опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: „жизнь есть творчество“.

Человѣкъ, который путемъ своего научнаго анализа, приходитъ къ необходимости признать всякую жизнь творчествомъ, долженъ былъ раньше этого признать осмысленнымъ и логическимъ путемъ Предвѣчную Причину творчества, или Бога Промыслителя вселенной, и эти глубокія убѣжденія и выводы о сокровенномъ смыслѣ всей нашей жизни онъ не долженъ бы былъ хоронить въ отдаленныхъ тайникахъ своего сердца, выставляя на показъ какое-то парадное или подставное міровоззрѣніе, съ которымъ онъ только и находитъ приличнымъ являться передъ своими слушателями, проповѣдуя истины, идущія въ разрѣзъ съ своими внутренними и духовными убѣжденіями, строя уже на нихъ все зданіе своей науки.

Итакъ, какъ можетъ быть ни популярно и ни общеупотребительно воззрѣніе Биша на природу, въ связи съ возможностью познать ее человѣческими силами и умственными его средствами,—однако, правильнымъ оно признано быть не можетъ, и потому должно быть отвергнуто здравымъ смысломъ. Система же монтепельской школы, выработанная Бартезомъ и

Digitized by Google

Лорда, не имѣла никогда серьезныхъ возраженій и до сихъ поръ принималась и признавалась безъ всякихъ измѣненій всѣми докторами и медицинскими школами, которые находили только возможнымъ допустить присутствіе души въ человѣкѣ.

Безспорно, что большинство докторовъ, и въ особенности у насъ въ Россіи, отвергаютъ систему Бартеза, но никому еще не удалось оспорить или опровергнуть ее. Обыкновенно, ставятъ ей въ укоръ, что она, будто бы, устарѣла, такъ какъ появилась болѣе столѣтія тому назадъ, и наука, быстрыми шагами двигаясь по пути прогресса, не можетъ останавливаться на старыхъ, давно забытыхъ, принципахъ. Но едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: таблица умноженія, напримѣръ, или логариѳмы выдуманы не одно тысячелѣтіе тому назадъ, однако, вслѣдствіе своей непогрѣшимости, не могутъ устарѣть и не могутъ быть покинуты человѣчествомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять міръ. Совершенно то же надо сказать и о всякомъ вѣрномъ научномъ положеніи и о всякой вѣрной системѣ,—онѣ должны быть вѣчны всегда и при всякомъ ихъ примѣненіи. Правильный взглядъ на Бога и на истинную природу вещей будетъ неизмѣнно стоять до тѣхъ поръ, пока Богъ существуетъ, и не будетъ подвергаться измѣненію, ибо Самъ Богъ неизмѣненъ и не имѣетъ причины мѣняться, а потому и истинный и вѣрный взглядъ на природу вещей останется всегда и вездѣ неизмѣннымъ, но зато тѣмъ труднѣе онъ усвоивается людьми и принимается наукой; онъ слишкомъ простъ, нагляденъ и понятенъ, чтобы быть общепринятымъ.

Исторія человѣческаго развитія наглядно показываетъ, какъ человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ходитъ иногда долго кругомъ и около истины, зная, но не понимая ее; въ какую массу самыхъ грубыхъ заблужденій впадаетъ онъ въ виду очевидностей, которыя никакъ не удается ему охватить и понять, и впослѣдствіи только оказывается, что то, что онъ такъ упорно отвергалъ и оспаривалъ, такъ тщательно избѣгалъ,—и было то самое простое и вѣрное рѣшеніе задачи, не оставляющее ни одного пробѣла въ знаніи. Система Бартеза должна быть отнесена именно къ числу подобныхъ.

Всѣ знаютъ, что есть душа, всѣ ее чувствуютъ и сознаютъ никто не можетъ оспорить этого. Декартъ сказалъ, что можно опровергнуть, что есть вещество, что есть у человѣка тѣло, но нельзя оспаривать душу, ибо именно она даетъ намъ то представленіе, которое мы составляемъ себѣ о каждомъ видимомъ и ощущаемомъ нами предметѣ; слѣдовательно, можно оспаривать предметъ, ибо онъ можетъ быть совершенно не такой, какимъ онъ намъ представляется, а можетъ и даже совсѣмъ не

Digitized by Google

существовать, но нельзя оспаривать наше представленіе о немъ, ибо мы его видимъ и сознаемъ. Всѣ знаютъ, что есть жизненное начало въ природѣ, ибо безъ него не было бы жизни на землѣ, не было бы разницы между трупомъ и живымъ человѣкомъ, между зародышемъ пшеницы и ржи, между яйцомъ курицы и гуся, между яйцомъ живымъ и мертвымъ, иначе не было бы роста, жизни; вся природа была бы мертва, т.-е. состояла бы изъ однихъ только камней и металловъ. Надо идти противъ очевидности, чтобы отвергать жизненное начало; однако, позитивизмъ не принимаетъ его, ибо не можетъ подчинить его своей власти въ своихъ лабораторіяхъ, ибо оно выше его понятій и способностей.

Digitized by Google

Глава V.

Три элемента человѣческаго существа.

На основаніи вышесказаннаго, мы должны признать что наука признаетъ въ существѣ человѣка три элемента, его составляющіе, а именно:

1) Матеріальное тѣло.
2) Жизненное начало, или жизнь.
3) Душу, или внутренній разумъ, или духовное начало.

Разберемъ болѣе подробно послѣдніе два элемента, такъ какъ матеріальное тѣло человѣка изучается совершенно удовлетворительно нашимъ позитивизмомъ.

Жизненное начало.

Ни положительныя, ни матеріалистическія науки до сихъ поръ не признаютъ жизненнаго начала, или жизненной силы за необходимый элементъ въ строеніи всякой живой матеріи, а между тѣмъ—что можетъ быть естественнѣе, проще и понятнѣе? Мы видимъ, что сѣмена всѣхъ растеній имѣютъ одинъ и тотъ же химическій составъ; яйца всѣхъ птицъ—имѣютъ также одинаковое сложеніе и химическій составъ. Отчего, если мы посѣемъ въ землю сѣмена пшеницы—выростаетъ непремѣнно пшеница, а не что-либо другое? Отчего изъ яйца курицы выйдетъ непремѣнно курица, а не утка? Причины тому, конечно, химіи недоступны; на какомъ же основаніи она отвергаетъ

Digitized by Google

такъ упорно жизненную силу въ организмахъ? Она признала понятіе о жизненной силѣ отвлеченностью, явленіемъ непонятнымъ и необъяснимымъ наукой. Но развѣ химическое сродство не одинаково непонятно и отвлеченно? Развѣ позитивисты лучше себѣ объясняютъ, что такое химическое сродство? И отчего оно именно происходитъ? Они говорятъ, что химическое сродство наглядно и неоспоримо, что они, пользуясь этимъ химическимъ сродствомъ, могутъ взять два простыхъ тѣла и произвести третье, на нихъ непохожее. Это все такъ; это напоминаетъ нѣкоторый родъ творчества, какъ бы присущаго ничтожному, но крайне самолюбивому и тщеславному человѣчеству, и принимается потому, что нравится ему; а жизненное начало показываетъ все ничтожество человѣка въ тщеславныхъ знаніяхъ его микроскопической науки по отношенію всей органической природы и, наоборотъ, все величіе Отвлеченнаго Начала, Управляющаго вселенной. И на этомъ только основаніи химическое сродство принято позитивизмомъ, а другое такое же по своему существу, явленіе отвергнуто. Какое логическое основаніе имѣютъ они отвергать его? Наука не знаетъ до сихъ поръ по существу самаго явленія, что это за сродство и какъ оно дѣйствуетъ? Она умѣетъ поставить два простыхъ тѣла въ извѣстныя условія, при которыхъ и получается та реакція, которая и производитъ данное тѣло. Совершенно то же можно сдѣлать и при воспроизведеніи организма. Возьмите куриное яйцо и поставьте его въ тѣ условія, при которыхъ выйдетъ изъ него курица. Это совершенно то же, что дѣлаетъ наука съ химическими реакціями; но такъ какъ для химическихъ реакцій неорганическаго царства имѣете одно опредѣленное выраженіе „химическое сродство“, то дайте этой силѣ, которая производитъ то же самое въ органическомъ царствѣ, какое-нибудь другое названіе, такъ какъ эта сила проявляетъ себя дѣйствительно иначе, чѣмъ „химическое сродство“. Что же, казалось бы, можетъ быть проще, яснѣе и опредѣленнѣе? — „Нѣтъ“, — говоритъ Бюхнеръ,— „физіологія имѣетъ основанія утверждать, что нѣтъ существенной разницы между ограничеcкой природой и неорганической“, — и на этомъ совершенно бездоказательномъ положеніи матеріалисты порѣшили, что все это одно и то же, все это сродство и реакція.

Пусть матеріалисты говорятъ, что хотятъ, а жизнь остается все-таки силой выше всякихъ химическихъ процессовъ и матерій.

Несмотря на протестъ свой, никто изъ нихъ не объяснилъ, однако, разницу между яйцомъ курицы и утки, между зерномъ пшеницы и ржи, между яйцомъ, способнымъ къ высиживанію,

Digitized by Google

и яйцомъ мертвымъ, между трупомъ человѣка и человѣкомъ живымъ. — Нѣтъ, — это одно упорство изъ принципа; позитивисты слишкомъ хорошо знаютъ, что признаніе жизненной силы поведетъ къ допущенію источника разума и мысли, т.-е. къ признанію души, и заведетъ ихъ въ непроходимый лѣсъ отвлеченностей и измѣнитъ весь характеръ позитивности въ наукѣ. Поэтому все это запрещено, и отъ всѣхъ подобныхъ темъ они прямо отворачиваются, отдѣлываются одними названіями вмѣсто понятій, или громкими фразами и насмѣшками; и эти бездоказательные фразы, насмѣшки и голословныя отверганія изъ принципа и по привычкѣ, имѣютъ несравненно большій успѣхъ и прививаются охотнѣе и легче, чѣмъ свидѣтельства маститыхъ ученыхъ людей истинно преданныхъ своей наукѣ. Приведемъ въ защиту жизненной силы свидѣтельства нѣсколькихъ научныхъ и всѣмъ міромъ признанныхъ авторитетовъ.

1) **По Клодъ Бернару,** органическія тѣла имѣютъ свои законы жизни и обладаютъ исключительно имъ принадлежащими качествами; но, стоитъ только появиться жизни, тѣла эти уже начинаютъ пользоваться физико-химическими силами. Жизненная сила есть, слѣдовательно, сила организаціи, свойственная живымъ тѣламъ, и, по мнѣнію этого великаго философа, законы, ее характеризующіе, предшествуютъ организму. „Если нужно было бы", говоритъ Клодъ Бернаръ, „опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: жизнь есть творчество" (Introduction a l'etude de la medecine experimentale, p. 163).

2) **Вирховъ** въ своей публичной лекціи, въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: „Атомъ и индивидуумъ", сказалъ слѣдующее: „Подобное и схожее съ жизнью сама только жизнь... Природа двойственна; органическая совершенно отличается отъ неорганической. Состоящая изъ той же матеріи, изъ тѣхъ же атомовъ, органическая природа представляетъ намъ безпрерывный рядъ явленій, совершенно различныхъ отъ неорганической, не потому, чтобы она была мертвою, такъ какъ мертво только то, что живо. Неорганическая природа обладаетъ тоже своею дѣятельность, своимъ вѣчнымъ движеніемъ но эта дѣятельность не жизнь, развѣ только въ иносказательномъ смыслѣ" (Revue des cours scientifiques, 1866 года.

3) **Стевартъ и Тэтъ,** разбирая вопросъ о жизненной силѣ, говорятъ приблизительно слѣдующее: „Всякій разъ когда человѣкъ встрѣчается съ вопросомъ о необходимости принять и допустить особую жизненную силу въ природѣ и въ представленіи своемъ онъ доходитъ до первоначальной ячейки или

Digitized by Google

первой появившейся органической клѣточки на землѣ,—онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ совершенно непреодолимыми препятствіями. Откуда взялась она? Всѣ данныя науки говорятъ, что жизнь можетъ быть произведена только жизнью. Что же предшествовало этой клѣточкѣ такое, что могло бы ее произвести? Чтобы отвѣтить на это вопросъ, мы должны или признать творческую силу, или молчать, такъ какъ кромѣ творчества, произведеннаго постороннею, внѣшнею волею, ничто не въ состояніи удовлетворить требованію логики. Разница слишкомъ велика и наглядна между всѣмъ живымъ и мертвымъ, между органическимъ и неорганическимъ, и теперь больше чѣмъ когда-нибудь должно считаться доказаннымъ, что нѣтъ возможности силамъ, развивающимся въ неорганической видимой природѣ, произвести что-либо живое,—нужны совершенно новыя силы или новыя энергіи" (L'univers invisible, page 308—328).

4) Американскій профессоръ Barnard говоритъ во своихъ новѣйшихъ „Успѣхахъ науки": „Что касается процесса органическаго роста и развитія, ассимиляціи пищи, всасываній, отдѣленій и другихъ физіологическихъ функцій, непрерывно совершающихся въ животной и растительной жизни, то можно не колеблясь принять, что дѣйствующая сила, производящая соотвѣтственныя измѣненія, является извнѣ, и что сами эти измѣненія представляютъ собою точные эквиваленты приложенной силы. Возьмемъ, напримѣръ, растеніе. Его пищу составляетъ углеродъ, получаемый изъ углекислоты воды, которую извлекаетъ оно изъ земли или изъ окружающаго воздуха. Сила, разлагающая это очень прочное соединеніе, освобождающая углеродъ для его соединенія съ растеніемъ, доставляется при посредствѣ солнечныхъ лучей. Въ равнозначительности обѣихъ силъ не можетъ быть сомнѣнія, и столь же мало нужно намъ призывать на помощь нѣкоторую спеціальную силу, подъ именемъ жизненной, съ тѣмъ чтобы извѣстную часть измѣненія приписывать и ея вліянію. Но все-таки, несомнѣнно, здѣсь есть нѣчто большее, чѣмъ простое скопленіе веществъ подъ вліяніемъ солнца. *Если бы жизненнаго принципа не заключалось въ растеніи, тогда не было бы и всего этого процесса.* Углекислота можетъ быть на-лицо, растительная ткань точно также, и все-таки лучи солнца будутъ *безплодно играть на мертвомъ матеріалѣ, не вызывая никакого дѣйствія.*

„Жизненный принципъ, слѣдовательно, есть нѣчто такое, что обусловливаетъ ростъ растенія. Я не хочу называть его силой я считаю ложнымъ выраженіе „жизненная сила", ибо ничего не совершается безъ присутствія еще другихъ силъ,

Digitized by Google

равно важныхъ и необходимыхъ; но я говорю, что, чѣмъ бы онъ ни былъ, его присутствіе необходимо для совершенія работы, и при его отсутствіи работа останавливается. Еще болѣе—я говорю, что силы, обусловливающія возможность роста, не только не въ состояніи продолжать свое дѣло съ прекращеніемъ жизни растенія, но что никакое соединеніе силъ, вліяній или веществъ, которое только въ состояніи произвести человѣческое умѣнье, никогда не воспроизведетъ даже листка простѣйшаго растенія или стебля ничтожнѣйшей травинки, а между тѣмъ природа съ помощью жизненнаго принципа производитъ ихъ каждое лѣто неисчислимое количество милліоновъ" (Индивидуализмъ. Л. Гелленбаха, стр. 295, 296).

5) **Либихъ**, величайшій изъ химиковъ, говоритъ о жизненной силѣ: „Химія можетъ только анализировать, т.-е. разлагать тѣла на ихъ элементы, но она не можетъ даже узнать расположенія этихъ элементовъ, между тѣмъ какъ въ этомъ самомъ расположеніи, а не въ элементахъ, вся суть дѣла. Тѣ же самые три элемента: углеродъ, кислородъ и водородъ, и даже въ одинаковомъ вѣсѣ, образуютъ и молочный сахаръ, и щавель, и хлопчатую бумагу. Точно также стрихнинъ (ядъ чилибухи), хининъ (лѣкарство), теинъ, кофеинъ и даже кровь одинаково даютъ при химическомъ анализѣ углеродъ, азотъ и элементы воды. Стало быть, причина ихъ различія заключается только во внутреннемъ распорядкѣ, а для познанія этого распорядка всякій анализъ тщетенъ. Если уже и теперь ясно, что чисто случайное совпаденіе никогда не могло образовать этихъ веществъ, то подобное утвержденіе въ отношеніи къ происхожденію высшихъ органическихъ существъ будетъ совершенно безсмысленнымъ... Всѣ неорганическія силы образуютъ только прямыя линіи и плоскости, всѣ же органическія, напротивъ, даютъ линіи кривыя и поверхности выпуклыя. Если же мы спросимъ о той силѣ, которая эти линіи закривляетъ, то мы должны будемъ принять новую силу сверхъ тѣхъ трехъ, которыя опредѣляютъ порядокъ элементовъ въ неорганическихъ тѣлахъ. Къ силѣ сцѣпленія и кристаллизаціи, къ теплотѣ и къ сродству химическихъ веществъ прибавляется еще органическая—жизненная сила. Одна эта сила, наприм., покоряетъ и ограничиваетъ, сообразно извѣстнымъ цѣлямъ, вредныя сами по себѣ дѣйствія силы сцѣпленія въ животномъ тѣлѣ. Всѣ отрицатели этой органической силы вовсе не знаютъ природы, и никакой физіологъ не можетъ принять ихъ заключенія за научно доказанныя. Тѣ дилетанты, которые въ своихъ прогулкахъ по границамъ науки слышали звонъ, да не знаютъ гдѣ онъ, думаютъ, наприм., что такъ какъ химикъ можетъ

Digitized by Google

приготовить изъ дерева сахаръ, то онъ долженъ дойти и до составленія организованныхъ соединеній. Но химическія соединенія не суть организованныя, а только сходны съ ними, потому что содержать въ себѣ тѣ же элементы. Въ живомъ тѣлѣ дѣйствуютъ и химическія силы, но онѣ распредѣляются по извѣстной идеѣ, и никогда не удастся химіи изъ углерода, аммоніака, воды, фосфора и извести (это составныя части человѣческаго тѣла) составить хотя бы одну единую органическую клѣточку. Неорганическія, лишенныя жизни, вещества дѣйствуютъ всегда только неорганически" (Frauenschtedt. Der Materialismus, стр. 116).

Образованіе органическихъ тканей можетъ быть выяснено по аналогіи изъ тѣхъ же самыхъ законовъ природы, которые мы видимъ ежедневно для предметовъ неорганическихъ. По мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ явленія природы, она сама открываетъ намъ то, что кажется на первый взглядъ недосягаемымъ и сложнымъ, все сливается съ тѣми же законами, которые намъ давно извѣстны. Постараемся выяснить это.

Химія признала нѣкоторыя тѣла простыми, ибо они сами не разлагаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для составленія другихъ тѣлъ. Черезъ разныя комбинаціи этихъ простыхъ тѣлъ являются тѣла сложныя: разныя окиси, закиси, алкалоиды, соли и несмѣтное количество другихъ тѣлъ.

Для успѣшнаго исполненія каждой изъ этихъ комбинацій нужны непремѣнно извѣстныя условія; напримѣръ, опредѣленная температура, степень влажности, иногда сырость, движеніе или покой, а нѣкоторыя комбинаціи требуютъ присутствія электрическаго тока и т. д. Если требуемыя условія для данной комбинаціи выполнены, она можетъ совершиться; если ихъ нѣтъ, или какого-нибудь условія для этого недостаетъ, то она можетъ не совершиться.

Если подобная комбинація совершилась, то новое тѣло, образовавшейся изъ двухъ или нѣсколькихъ другихъ тѣлъ, пріобрѣтаетъ другія, свои особыя качества, совершенно непохожія ни на одно изъ качествъ, которыя были у первоначальныхъ веществъ, составившихъ это новое тѣло. Напримѣръ, изъ водорода и кислорода,—двухъ безцвѣтныхъ газовъ,—при химической ихъ реакціи является вода, вещество твердое или жидкое, смотря по той температурѣ, въ которую она поставлена.

Вода, такимъ образомъ, разъ образовавшись, уже болѣе непохожа и не имѣетъ ничего общаго ни съ водородомъ, ни съ кислородомъ. Говоря о водѣ, мы совершенно исключаемъ всякое понятіе о составныхъ ея частяхъ. Совершенно то же надо сказать и объ обратной реакціи. Мы можемъ воду разложить

Digitized by Google

на составныя ея части, послѣ чего не будетъ больше воды, а будутъ два газа, не имѣющіе ничего общаго съ водой. И такъ можемъ мы продолжать до безконечности: изъ газовъ дѣлать воду, изъ воды обратно—газы, безъ того, чтобы произошла въ концѣ концовъ какая-нибудь перемѣна или въ количествѣ, или въ качествѣ этихъ веществъ.

Соединенія эти и разложенія имѣютъ мѣсто вслѣдствіе извѣстнаго химическаго сродства, которое имѣютъ одни тѣла къ другимъ. Кислородъ соединяется съ водородомъ вслѣдствіе того сродства, которое имѣютъ частицы одного тѣла къ частицамъ другаго. Но если въ воду положить тѣло, у котораго химическое сродство къ одной изъ составныхъ частей воды больше, то оно соединится съ нимъ и образуетъ новое тѣло, другая же составная часть воды остается свободною. Въ этомъ случаѣ не будетъ воды, а будутъ опять новыя тѣла, которыя на воду нисколько непохожи.

Эти законы повторяются постоянно во всѣхъ химическихъ реакціяхъ, а потому они могутъ называться основными законами природы. Сочетанія производятся всегда въ однихъ и тѣхъ же паяхъ, всегда при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ для того условій,—и это относится до всѣхъ 70-ти простыхъ тѣлъ, дающихъ намъ всѣ существующія въ мірѣ тѣла и вещества, ибо тотъ же законъ относится и къ органическимъ веществамъ.

Химическій анализъ показываетъ намъ, что органическія вещества состоятъ совершенно изъ тѣхъ же составныхъ частей, изъ которыхъ состоятъ и неорганическія; но органическое царство имѣетъ нѣсколько видовъ преобразованій, которыхъ не имѣетъ неорганическое, напримѣръ:

1) Въ сокѣ винограда нѣтъ ни вина, ни алкоголя,—это простая смѣсь сахара съ водой; но когда сокъ поспѣлъ и поставленъ въ извѣстныя условія, то внутри его начинается медленная работа, называемая броженіемъ; причемъ часть сахара переходитъ въ разложеніе и образуетъ алкоголь. Такимъ образомъ, въ сокѣ винограда нѣтъ нисколько алкоголя, онъ является лишь послѣ броженія, причемъ количество основныхъ составныхъ частей до броженія и послѣ броженія остается совершенно одинаково.

2) Въ хлѣбѣ или въ овощахъ, что мы ѣдимъ, нѣтъ ни мяса, ничего подобнаго тому, что должно поступить для питанія нашего тѣла, а между прочимъ эти продукты поступятъ всѣ въ нашъ организмъ.

3) Въ сѣмячкѣ дерева нѣтъ ни древесины, ни цвѣтовъ, ни коры,—была бы большая ошибка думать, что зернышко заклю-

Digitized by Google

чаетъ въ себѣ всѣ составныя части, необходимыя для образованія дерева, хотя бы въ микроскопическомъ видѣ: въ немъ нѣтъ достаточнаго матеріала, чтобы сдѣлать хотя бы одинъ листикъ. Зернышко заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, зародышъ. Если этотъ зародышъ поставленъ въ соотвѣтствующія условія, то можетъ развиться и произвести такія сочетанія и комбинаціи элементовъ, которыя заставятъ его прорости. Зернышко черпаетъ изъ земли и воздуха соки, которые сами по себѣ—ни древесина, ни кора, но подъ вліяніемъ процесса, который производится въ зародышѣ, они превращаются въ то и другое.

Итакъ, различныя сочетанія первоначальныхъ элементовъ должны имѣть извѣстныя условія для образованія тѣлъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ; если ихъ нѣтъ,— нѣтъ и самыхъ сочетаній; способность преобразованія этихъ элементовъ остается въ скрытомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока не явятся необходимыя условія для каждаго такого преобразованія. Какъ только обстоятельства будутъ благопріятствовать, начинается работа частицъ, онѣ станутъ двигаться, вслѣдствіе сродства къ окружающему ихъ матеріалу,— и произойдутъ самыя разнообразныя сочетанія.

Кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и другіе простые и сложные элементы, сочетаясь для образованія разныхъ тѣлъ, образуютъ изъ себя органическія или неорганическія комбинаціи, смотря по тому, дѣйствовало ли на нихъ жизненное начало, или нѣтъ; въ одномъ случаѣ изъ тѣхъ же элементовъ образуется одно тѣло, въ другомъ—другое. Для примѣра, приведемъ слѣдующіе физіологическіе факты: возьмите пережеванную пищу, смѣшайте ее со слюной и желудочнымъ сокомъ, подражая во всемъ работѣ желудка и вашихъ челюстей, при той же температурѣ, при тѣхъ же движеніяхъ, похожихъ на движенія желудка,—получите ли вы то же свареніе пищи, образованіе изъ нея питательныхъ соковъ и совершенно тѣ же реакціи, какъ если бы эта самая пища находилась въ желудкѣ подъ дѣятельнымъ вліяніемъ жизненнаго начала живаго организма?—Конечно нѣтъ; всѣ реакціи будутъ другія. Сдѣлайте то же съ растеніемъ, попробуйте питать его черезъ кору или вводя въ его поры искусственно приготовленный сокъ, совершенно тождественный по химическому составу съ его дѣйствительнымъ сокомъ, и увидите, что оно погибнетъ. Для образованія извѣстныхъ химическихъ реакцій нужно непремѣнно присутствіе жизненнаго начала.

Дѣятельность жизненнаго начала поддерживаетъ жизнь организма и поддерживается сама черезъ то дѣйствіе которое

Digitized by Google

оно производитъ на организмъ. Мы будемъ имѣть слабое понятіе объ этомъ, если вспомнимъ, какъ при благопріятномъ духовеніи вѣтра можетъ разгораться потухающая уже искра,— найдя кругомъ себя достаточно сгораемаго матеріала, она сперва зажжетъ его, и отъ избытка дѣйствія жары будетъ все больше и больше разгораться сама.

Химія совершенно не улавливаетъ ни одного изъ проявленій жизненнаго начала. Она, при анализахъ своихъ, очень удачно разлагаетъ съ одинаковымъ успѣхомъ всѣ тѣла органическія и неорганическія; составлять же она можетъ только неорганическія тѣла, и никогда еще не удавалось ей ни составить, ни даже возстановить жизнь, хотя бы въ засохшемъ листкѣ, что служитъ очень вѣскимъ доказательствомъ, что живые организмы имѣютъ нѣчто, чего нѣтъ въ безжизненной матеріи.

Подобнаго рода взглядъ сдѣлаетъ для насъ яснымъ, почему наука такъ положительно утверждаетъ, что самопроизвольное самозарожденіе невозможно; ибо при всѣхъ подобнаго рода опытахъ она рѣшительно не могла ввести въ свои реакціи тѣхъ силъ, которыя производитъ жизнь; слѣдовательно, всѣ ея опыты, не имѣя главнаго, необходимаго присемъ, дѣятеля, не могли до сихъ поръ привести къ правильному рѣшенію задачи. Вотъ логическое объясненіе научныхъ неудачъ въ этомъ отношеніи.

Есть ли жизненное начало совершенно такая же сила, какъ сила химическаго сродства, взаимнаго частичнаго притяженія, или электричества, магнетизма и т. д.? На этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно и сказать, что жизненное начало есть сила, приблизительно такая же, какъ и всѣ силы; хотя, говоря, что это такая же сила, какъ другія, мы только обобщаемъ или облегчаемъ объясненіе ея, ибо въ сущности это объясненіе имѣетъ слишкомъ ничтожное значеніе. Развѣ силы похожи другъ на друга, напримѣръ, магнетизмъ и химическое сродство? Онѣ даже по природѣ своей не имѣютъ ничего схожаго, а жизненное начало еще меньше походитъ на всѣ прочія силы природы; тѣмъ не менѣе, оно все же сила.

Жизненное начало есть проявленіе творчества Бога. Оно несравненно выше всѣхъ другихъ силъ. Ничто не можетъ зародиться безъ Бога; Богъ всюду и вездѣ!.... Только воля Создателя вызываетъ въ матеріи и во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, какія бы они ни были, органическую жизнь, поддерживаетъ ее и сохраняетъ; безъ Его Воли все превратилось бы въ безсмысленную груду. Вотъ почему химики и не могутъ

Digitized by Google

уловить главный смыслъ и причину жизни въ своихъ лабораторіяхъ; вотъ отчего жизненное начало всегда ускользало отъ ихъ опытныхъ глазъ и навсегда останется далеко за предѣлами всѣхъ научныхъ познаній.

Причиной появленія на землѣ органической жизни и было именно это самое жизненное начало, возбуждаемое Высшей Волей, составляющей единственный Источникъ жизни всего живого; безъ него нѣтъ жизни. Богъ одинъ способенъ призвать къ жизни безсмысленную матерію. Жизнь есть великая тайна природы, которая никогда не будетъ разгадана человѣкомъ, несмотря на то, что онъ, видя ее ежедневно, вездѣ и всюду кругомъ себя и въ себѣ самомъ, до такой степени привыкъ къ ней, что считаетъ это высокое проявленіе творчества Божія за совершенно заурядный фактъ. Человѣкъ думаетъ, что зерно, положенное въ землю, обязано прорости, что у родителей должны быть дѣтеныши и что они непремѣнно должны сохранить породу своихъ родителей, и что это иначе быть не можетъ. Да,—это такъ бываетъ, но не потому, что это есть необходимость; необходимости въ органической природѣ нѣтъ,—есть Воля Божія.

Съ химической точки зрѣнія человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ млекопитающихъ, его кровь, мясо, кости имѣютъ тождественный составъ. Онъ также родится, живетъ и умираетъ; его тѣло такъ же разлагается, какъ и тѣла всѣхъ другихъ животныхъ. Сходство организмовъ до того велико во всѣхъ отправленіяхъ, что, по организаціи своей, человѣкъ не можетъ быть выдѣленъ изъ числа другихъ тварей, живущихъ на землѣ.

При смерти каждаго существа жизненное начало прекращаетъ свое дѣйствіе на организмъ, и онъ умираетъ. Отъ жизненнаго начала послѣ смерти человѣка ничего не остается, это факелъ, который зажигается съ жизнью и со смертью погасаетъ безвозвратно.

Духовное и разумное начало.

Духовное и разумное начало и есть то самое наше „я“ или наша истинная личность, которую каждый изъ насъ чувствуетъ и сознаетъ въ себѣ существующей, мыслящей, и разсуждающей. Это наше „я“ есть элементъ нашего существа, который по природѣ своей и по всѣмъ своимъ проявленіямъ чистѣйшая отвлеченность, не заключающая въ себѣ ничего матеріальнаго

Digitized by Google

и не состоящая ни изъ какихъ элементовъ, составляющихъ нашу землю. Иначе человѣкъ не могъ бы быть наслѣдникомъ будущей безконечной небесной жизни въ царствѣ безпредѣльнаго добра и милосердія, ибо въ этомъ случаѣ тѣлесная смерть уносила бы какіе-нибудь элементы, составляющіе духовное начало и черезъ то нарушала бы неприкосновенность естества души. Никакой зависимости между матеріей и духомъ нѣтъ и быть не можетъ, иначе и душевныя отправленія прекращались бы со смертью.

Что существуетъ въ человѣкѣ духовное начало и источникъ нравственныхъ и разумныхъ отправленій его,—это фактъ неоспоримый, ибо очевидность его подтверждается слѣдствіями.

Духовное начало въ человѣкѣ доказывается существованіемъ Бога; безъ него нѣтъ причины Богу существовать, ибо въ такомъ случаѣ надо допустить, что Высшій Разумъ, Источникъ добра и милосердія, управляетъ такой вселенной, которая состоитъ изъ однихъ каменьевъ, или вообще говоря, изъ одной грубой и неразумной матеріи; это было недостойно Бога, котораго мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ безконечно справедливымъ и безконечно благимъ. Эти качества были бы совершенно лишними, если бы Онъ имѣлъ дѣло только съ веществомъ.

Невозможно было бы понять Высшую Правду и Высшее Добро въ Богѣ, если бы Онъ сотворилъ чувствующихъ и разумныхъ существъ и обрекъ ихъ на уничтоженіе, послѣ нѣкотораго времени мученія на землѣ.

Если мы не предположимъ, что нравственная и разумная часть человѣка переживаетъ его матеріальное тѣло, мы должны приписать Богу жестокость, причину которой мы опять ни въ чемъ отыскать не въ состояніи. Вотъ почему матеріализмъ и атеизмъ разбиваются другъ другомъ: отрицая причину, они не могутъ допустить слѣдствія; изъ этого выходитъ, что оба эти ученія послѣдовательны только въ извѣстныхъ предѣлахъ и не соотвѣтствуютъ дальнѣйшему анализу природы вещей.

Идея о загробной жизни присуща человѣчеству, оно чувствуетъ ее всегда, какъ утѣшеніе въ земныхъ страданіяхъ; это главная причина, почему во всѣ времена матеріалистовъ было меньше, чѣмъ спиритуалистовъ, атеистовъ меньше, чѣмъ людей вѣрующихъ.

По наружному виду, по химическому составу и по проявленіямъ органической жизни люди очень мало отличаются отъ прочихъ тварей земныхъ. Но на этомъ основаніи еще нельзя никакъ основывать предположеніе, что и существа людей тождественны между собой, и тождественны съ существами осталь-

Digitized by Google

ныхъ тварей земныхъ. Матерія сама по себѣ всегда останется бездушной, неразумной, мертвой и инертной матеріей; такова уже ея природа и та подчиненная роль, которую она имѣетъ во всѣхъ явленіяхъ природы. Чтобы оживить это мертвую матерію, нужно присутствіе жизненной силы, вызываемой Всесильной Волей Божіей и превращающей неограниченную матерію въ ограниченную. Эта органическая матерія хотя и жива, но она еще бездушна; она не можетъ проявить ни разума, ни воли, ни мысли и ни сознавать своей жизни. Образецъ подобныхъ органическихъ живыхъ матерій, мы видимъ въ растеніяхъ и во многихъ простѣйшихъ животныхъ.

Чтобы эта оживленная матерія могла проявлять разумъ, волю или сознаніе, необходимо, чтобы какое-либо самостоятельно чувствующее и сознающее разумное существо непосредственно соединилось съ этой матеріей, такъ сказать вошло бы въ одну неразрывную съ ней связь, и тогда уже это существо (но не матерія сама) можетъ проявлять свою дѣятельность, свои способности и волю; матерія же во всемъ повинуется и безпрепятственно исполняетъ то, что дѣлаетъ это существо.

Чѣмъ болѣе духовно и разумно развито существо, вселившееся въ эту матерію, тѣмъ и отправленія его выше, лучше и отчетливѣе. Разумныя и нравственныя проявленія въ человѣкѣ нисколько ни зависятъ отъ сложенія тѣла, но единственно отъ качествъ и развитія особи, заселяющей данное тѣло. Напротивъ, душа, заселяя тѣло во время своего рожденія, еще до появленія тѣла въ свѣтъ, приспособляетъ сама свое тѣло и дѣлаетъ его удобнымъ для проявленій черезъ него всѣхъ своихъ способностей и качествъ.

Жизненное начало и духовное нисколько не связаны между собой: какъ отправленія ихъ, такъ и всѣ функціи каждаго изъ нихъ не находятся ни въ какой зависимости другъ отъ друга. Тѣло можетъ жить совершенно нормальною жизнью въ то время, когда душа покидаетъ его временно или, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ себя въ этомъ тѣлѣ не проявляетъ; такія состоянія замѣчаются у человѣка во время нѣкоторыхъ болѣзней разума, памяти, воли или ежедневно во время обыкновеннаго сна человѣка, а еще рѣзче обнаруживаются они во время летаргіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ жизнь органическая находится въ полной силѣ и дѣятельности, а всѣ разумныя и волевыя отправленія остаются въ полномъ бездѣйствіи. Вотъ отчего все искусство докторовъ разбудить особу, спящую въ летаргическомъ снѣ или вылѣчить болѣзнь воли остается окончательно безсильнымъ, ибо это не болѣзни тѣла, но болѣзни духа или души человѣческой. Какъ можетъ докторъ вызвать своими лѣ-

Digitized by Google

карствами сознаніе, если сознательный субъектъ отсутствуетъ изъ тѣла? Или какъ можетъ докторъ вылѣчить болѣзнь воли, если такого качества нѣтъ у души человѣка? Докторъ своими лѣкарствами можетъ воздѣйствовать только на тѣло; но тѣло здорово, все въ немъ исправно и живетъ нормальною жизнью, больна одна душа, или лучше сказать больна нравственно, т.-е. порочна.

Душа же не можетъ оставаться въ тѣлѣ, если жизненныя силы погаснутъ и прекратятъ свое живительное дѣйствіе. Когда тѣло умираетъ, душа принуждена оставить его. Однимъ словомъ, не потому тѣло умираетъ, что душа покидаетъ его, но душа можетъ покинуть тѣло только тогда, когда тѣло умретъ, когда оно становится негодно къ жизни.

Digitized by Google

Глава VI.

Поиски четвертаго элемента.

Все вышеизложенное открываетъ намъ полнѣйшую вѣроятность и логичность мнѣнія, что существо человѣка состоитъ изъ трехъ элементовъ, одинаково необходимыхъ для выполненія жизненныхъ функцій организма.

Не безъинтересно провѣрить выводъ этотъ съ ученіями тѣхъ народовъ, у которыхъ знанія и вѣрованія составляли достоянія однихъ и тѣхъ же лицъ или одной и той же касты, а именно: съ ученіями о душѣ египтянъ, древнихъ евреевъ и современныхъ теософовъ, почерпнувшихъ свое ученіе изъ древней Индіи. Кстати, кинемъ бѣглый взглядъ и на ученіе современныхъ спиритовъ.

Душа теософовъ-окультистовъ. Теософы-окультисты составляютъ тоже существо человѣка изъ 4-хъ элементовъ. Они выработали свои религіозныя воззрѣнія на основаніи ученія древней Индіи и ея священныхъ книгъ, которыя писались нѣсколько тысячелѣтій подрядъ. Одинъ посвященный за другимъ, одинъ гіерофантъ за другимъ излѣдовали и переизслѣдовали эти великія тайны природы въ тѣ долгія минуты духовнаго созерцанія, когда душа, соединившись съ божественнымъ духомъ, покидала временно ихъ тѣло.

Индія съ самыхъ древнихъ временъ была колыбелью человѣческой цивилизаціи; она была родиной всевозможныхъ религіозныхъ системъ. Религіозные догматы древнѣйшихъ человѣческихъ религій: египетской, ассирійской, религіи Зороастра—носили явные отпечатки индійскихъ представленій, образы которыхъ мы также встрѣчаемъ въ „Ведахъ“ и въ за-

Digitized by Google

конахъ „Ману“. Теософы-окультисты въ послѣднее время имѣютъ много послѣдователей въ ученыхъ обществахъ и умственныхъ центрахъ Европы и Америки.

Теософы, собственно говоря, полагаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ семи элементовъ, хотя въ сущности всѣ эти семь элементовъ могутъ быть сведены къ четыремъ элементамъ, а именно:

1) Физическая или матеріальная оболочка, т.-е. тѣло; оно послѣ смерти возвращается въ землю и воздухъ.

2) Жизненная сила или жизнь управляетъ физическими и химическими функціями тѣла. Послѣ смерти жизнь прекращается безвозвратно.

3) Астральное тѣло состоитъ изъ тонкой эфирной матеріи, которая образуетъ, такъ сказать, двойникъ физическаго тѣла; оно проницаетъ тѣло человѣка во всѣхъ его частицахъ и составляетъ эфирную основу его. Астральное тѣло существуетъ и у животныхъ; оно смертно и уничтожается.

Далѣе идутъ четыре элемента, которые могутъ быть всѣ безъ всякой погрѣшности слиты въ одинъ элементъ, такъ какъ они всѣ могутъ быть названы членами или качествами одной и той же души, т.-е. безсмертнаго элемента человѣческаго тѣла, а именно:

4) Животная душа состоитъ изъ двухъ элементовъ: а) животная душа — принципъ, находящійся въ связи съ слѣдующимъ пунктомъ б; б) разумъ или личное сознаніе.

Животная душа условно смертна и уничтожается лишь для полученія высшихъ качествъ.

Высшая душа состоитъ также изъ двухъ элементовъ:

а) Высшаго разума.

б) Божественнаго начала — эманація (частица или отпрыскъ) высшаго существа.

Душа безсмертна, неразрушима.

Высшей душой обладаютъ не всѣ люди,— это есть слѣдствіе бо́льшаго совершенства разумной силы. Люди съ низшими качествами души, люди несовершенные, обладаютъ животной душей и личнымъ сознаніемъ, которыя у нихъ, сообразно съ ихъ улучшеніемъ и усовершенствованіемъ, переходятъ въ высшую душу.

Египтяне, начиная съ глубокой древности, считаютъ человѣка состоящимъ изъ:

1) Частицы Высшаго Міроваго Духа.

2) Души.

3) Изъ такъ называемаго двойника человѣка, и

4) Тѣла.

Digitized by Google

Всѣ эти четыре элемента дополняютъ другъ друга. Душа активна, самостоятельна; обладаетъ свободой воли и получаетъ добрыя внушенія отъ духа, а злыя отъ тѣла. Двойникъ совершенно пассивенъ, душа каждымъ своимъ поступкомъ оставляетъ на немъ извѣстный оттискъ; такимъ образомъ, нравственная физіономія двойника зависитъ всецѣло отъ поведенія души въ земной жизни. Послѣ смерти человѣка духъ улетаетъ и соединяется съ высшей міровой силой, тѣло разсыпается въ прахъ, а душа и двойникъ обязаны предстать на судъ боговъ. При этомъ двойникъ играетъ роль или защитника, или обвинителя, смотря по тому, добрымъ или порочнымъ создана его душа при жизни человѣка. Если приговоръ дѣлается неокончательный, то душа обрекается на странствованіе изъ одного человѣка въ другаго, и если при этомъ она не исправляется, то ей даютъ вмѣстилищемъ урода, со смертію котораго погибаетъ все, за исключеніемъ Божественной частицы духа. Вообще же, двойники, созидаемые душею, безсмертны; они могутъ оказывать вліяніе на судьбу другихъ людей.

Въ древне-еврейскомъ ученіи мы находимъ тѣ же четыре элемента, составляющихъ человѣческое существо. А именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Душа, которая и составляетъ наше „я“, и Божественное начало (Нушума).

3) Духъ жизней всѣхъ существованій и всѣхъ переселеній этой души; сила активная и пластическая (Раухъ):

4) Духъ астральный, оболочка души, сдѣланная изъ земныхъ элементовъ и служащая связью или способомъ скрѣпленія души съ тѣломъ (Нефешъ).

Душа спиритовъ. Современный спиритизмъ составляетъ существо человѣка также изъ четырехъ элементовъ, а именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Жизненная сила, или начало.

3) Духовное и разумное начало.

4) Эфирная полуматеріальная оболочка духа (Perisprit), состоящая изъ элементовъ, составляющихъ землю. Она вполнѣ матеріальна и обладаетъ инерціей, но вѣса не имѣетъ. Она не занимаетъ пространства въ матеріальномъ мірѣ, такъ какъ она настолько разжижена и эфирна, что помѣщается между матеріальными атомами. Протяженность она имѣетъ, но матеріальный міръ не представляетъ препятствія для ея свободнаго пребыванія въ покоѣ или въ движеніи, такъ какъ она проникаетъ вещество такъ же свободно, какъ дымъ пронизываетъ сито.

Digitized by Google

Эта эфирная полуматеріальная оболочка, по мнѣнію спиритовъ, составляетъ резиденцію духа или души, или, лучше сказать, каждое существо духа облечено въ извѣстную оболочку, которая соотвѣтствуетъ его духовному развитію, его качествамъ и особенностямъ его характера и наклонностей. По сложенію своему она болѣе подходитъ къ природѣ духа, чѣмъ обыкновенная матерія; по своему составу она есть настоящая матерія, но только разжиженная и эфирная, что позволяетъ ей въ строеніи человѣческаго существа играть роль посредствующую или связывающую существо духа, которое есть чистая отвлеченность, съ его матеріальнымъ тѣломъ. Во время жизни человѣка на землѣ эта полуматеріальная оболочка связана съ матеріальнымъ тѣломъ, атомъ за атомъ, что даетъ духу возможность воздѣйствовать своей волей на каждую часть тѣла отдѣльно и передавать ей всѣ свои желанія и свою волю, которыя исполняются тѣломъ со всѣми деталями. Всѣ ощущенія тѣла совершенно также передаются той же самой оболочкой черезъ органы чувствъ въ центръ сознанія или, лучше сказать, самому отвлеченному существу духа.

Необходимость признанія четвертаго элемента.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ вышеприведенныя вѣроученія въ общихъ чертахъ согласны между собой и составляютъ существо человѣка изъ четырехъ элементовъ. Три изъ нихъ въ общихъ чертахъ тѣ же, что были и нами приняты и которые болѣе или менѣе приняты наукой, а четвертый элементъ совершенно новый, о которомъ система Бартеза и Лорда никогда не упоминала. Во всѣхъ этихъ ученіяхъ мы видимъ этотъ элементъ одинаковымъ, т. е. состоящимъ изъ эфирнаго вещества и служащимъ посредствующимъ звеномъ, связующимъ духъ съ тѣломъ.

Бартезъ и Лорда считали душу за чистую отвлеченность, но нигдѣ не выразили своего мнѣнія, какимъ образомъ эта чистая отвлеченность можетъ воздѣйствовать на грубое матеріальное тѣло. Они никогда не задавали себѣ подобнаго вопроса. Вѣдь природа чистой отвлеченности не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, ни подобія съ природой матеріи; какимъ же образомъ можно представить себѣ эти два разнородные элемента абсолютно связанными или соединенными въ одно нераздѣльное существо? Этого обстоятельства Бартезъ и Лорда рѣшительно не выяснили.

Digitized by Google

Докторъ Сталь считалъ душу состоящею изъ тончайшихъ частей матеріи, не имѣющихъ вѣса; Аристотель былъ того же мнѣнія; подобная матерія могла бы образовать связь съ нашимъ матеріальнымъ тѣломъ, но надо замѣтить:

1) что и эти два ученые не даютъ намъ подробнаго представленія объ этой связи, и

2) мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ приписать душѣ матеріальнаго сложенія; это уничтожило бы всѣ преимущества системы Бартеза и Лорда и заставило бы сомнѣваться въ безсмертіи души.

Постараемся найти болѣе подробныя разъясненія касательно этого четвертаго элемента въ строеніи человѣческаго тѣла. Для этого намъ придется отклониться отъ нашей главной мысли и сперва согласиться на весьма до сихъ поръ спорномъ вопросѣ, а именно: что такое вещество?

Digitized by Google

Глава VII.

Ученіе физики о матеріи.

Неполнота знанія матеріи.

Шеллингъ разсказываетъ, что когда во время консульства философъ Якоби былъ въ Парижѣ и вмѣстѣ съ другими лицами и сановниками представлялся первому консулу,—Наполеонъ быстро обратился къ нему съ вопросомъ: „Что такое вещество?“—Якоби смутился и не зналъ что отвѣтить, а Наполеонъ не сталъ долго ожидать и заговорилъ съ другими.

Дѣйствительно, не легко отвѣтить на этотъ, повидимому, совершенно простой и естественный вопросъ, который задаетъ себѣ не одинъ Наполеонъ, но всякій человѣкъ, мало-мальски интересующійся природой.

Со времени консульства прошло безъ малаго цѣлое столѣтіе; наука ушла значительно впередъ, и если философъ Якоби не умѣлъ отвѣтить Наполеону, то посмотримъ, насколько мы теперь въ состояніи удовлетворить его любопытству и дать короткій, опредѣленный, а главное неоспоримый отвѣтъ.

Къ величайшему прискорбію, надо признаться, что и въ настоящее время еще всякій, кто-бы задумалъ мысленно, зная многосторонне науку, спросить себя: „что такое вещество?“—увидалъ-бы цѣлый хаосъ самыхъ разнохарактерныхъ мнѣній, господствующихъ въ научномъ ученіи о веществѣ или матеріи, объ ея природѣ и ея проявленіяхъ.

Во-первыхъ, онъ долженъ-бы былъ спросить себя:—да существуетъ-ли въ дѣйствительности вещество, или, можетъ быть,

Digitized by Google

въ сущности совсѣмъ его нѣтъ? Во-вторыхъ, совершенно естественъ вопросъ: если вещество существуетъ, то таково-ли оно, какимъ оно намъ кажется, какимъ мы его видимъ? Декартъ весьма основательно доказывалъ, что человѣкъ знаетъ только свою собственную мысль, которая можетъ доказывать только его собственное существованіе, или, лучше сказать, существованіе его души. „Cogito, ergo sum", сказалъ онъ, т. е. „я сознаю, значитъ я существую"; но это не можетъ рѣшить вопроса о существованіи окружающихъ насъ предметовъ. Все окружающее человѣка можетъ быть разсматриваемо какъ одно только представленіе или какъ одно впечатлѣніе, производимое на наше сознаніе или на нашу душу, образующееся посредствомъ дѣлаго ряда операцій и преобразованій, проходя отъ предмета до нашего сознанія черезъ органы чувствъ, сосредоточиваясь въ мозгу и передаваясь нашему сознанію; такъ что собственно самаго вещества мы не знаемъ, его можетъ и не существовать на самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что если оно и существуетъ, то оно въ сущности существуетъ совершенно не такимъ, какимъ мы его знаемъ.

Артуръ Шопенгауеръ доказывалъ феноменальность нашей личности. Онъ доказывалъ, что между познаваемымъ нами предметомъ (міромъ въ собственномъ смыслѣ) и нашимъ представленіемъ о немъ стоитъ нашъ интеллектъ, неотдѣлимый отъ организма; отсюда онъ выводилъ, что все наше представленіе о мірѣ, со включеніемъ нашего человѣческаго „я", есть нѣчто феноменальное, или есть не болѣе, какъ одно представленіе. Онъ аргументировалъ это приблизительно слѣдующимъ образомъ: множественность обусловлена пространствомъ и временемъ и въ нихъ только мыслима; слѣдовательно, пространство и время есть только начало нашей личной познательности. Внѣ нашего представленія не существуетъ ни пространства, ни времени; отсюда и множественность существуетъ только въ нашемъ представленіи, за которымъ можетъ стоять только общая всему и единая воля.

Цѣльнеръ и Л. Гелленбахъ были приблизительно одного мнѣнія. Приведемъ наглядный примѣръ, которымъ Л. Гелленбахъ выясняетъ („Индивидуализмъ". С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 284, 276) свой взглядъ на познавательную природу человѣка: „Представимъ себѣ комнату,—говоритъ онъ,—въ которой находятся предметы, и двигаются люди; положимъ, въ одной изъ стѣнъ этой комнаты расположено зеркало, которое на своей двумѣрной плоскости отражаетъ всѣ предметы и всѣ измѣненія, могущія произойти въ комнатѣ.

Digitized by Google

„Само собою разумѣется, что въ зеркалѣ отразится не все находящееся въ комнатѣ, а только то, что находится подъ извѣстнымъ угломъ; точно такъ-же и на зеркальной плоскости мы не увидимъ ни одного предмета, случайно заслоненнаго какимъ-либо другимъ.

„Представимъ теперь себѣ человѣка внѣ комнаты, который, однако, видитъ зеркало, хотя самой комнаты и не видитъ, напримѣръ, въ отверстіе, сдѣланное въ двери. Если мы предположимъ, что трехмѣрная комната и все, въ ней находящееся, представляетъ собою лицъ, и что зеркало, черезъ которое мы смотримъ на міръ, есть организмъ человѣка, то можно-бы было двухмѣрный образъ на зеркалѣ сравнить съ трехмѣрнымъ образомъ въ нашемъ сознаніи.

„Тогда всѣ явленія въ четырехмѣрномъ мірѣ отражались бы въ нашемъ сознаніи въ трехмѣрной формѣ точно такъ-же, какъ явленія въ трехмѣрной комнатѣ отражаются въ зеркалѣ въ формѣ двухмѣрной.

„Субъектъ во мнѣ и всѣ атомы моего тѣла и всего міра вовсе не суть трехмѣрныя образованія, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ, а четырехъ и вообще x-мѣрныя сущности. Для уясненія себѣ этого обратимся опять къ вышеупомянутому сравненію. Пусть читатель обратитъ особенное вниманіе на нижеслѣдующія параллели. Если эти листки попадутся на глаза женщинѣ, то пусть моя прекрасная читательница не забываетъ той мысли, что стѣнное зеркало и головной мозгъ суть то-же самое: оба отражаютъ извѣстные образы; первое—плоскостный образъ трехмѣрныхъ тѣлъ, второй тѣлесный образъ невидимаго для человѣка и потому умопостижимаго только (четырехмѣрнаго) міра.

„Мы знаемъ, что въ зеркалѣ мы видимъ только отраженіе нѣкоторой реальности, и только животное или дикарь могли-бы разбить зеркало, если-бы увидѣли въ немъ угрозу или вообще что-нибудь непріятное. Мы знаемъ, что не изъ зеркала грозитъ намъ опасность, ибо оно даетъ намъ только мертвый образъ. Также и относительно нашего міра хочу я поставить читателя на философско-критическую точку зрѣнія—видѣть въ трехмѣрномъ образѣ міра и нашей личности лишь отраженіе нѣкотораго другаго міра“ (Индивидуализмъ, стр. 279).

Цельнеръ иногда высказывается такъ, что могутъ возникнуть недоразумѣнія; напримѣръ, когда онъ говоритъ: „нашъ міръ есть проекція четырехмѣрнаго міра“. Это должно понимать съ прибавленіемъ: для нашего сознанія, или проекція въ зеркалѣ нашего сознанія. Міръ только одинъ, и именно онъ

Digitized by Google

x-мѣрный, но можетъ разсматриваться въ стекло о 2, 3, 4 или n-измѣреніяхъ. Мы совершенно не увѣрены въ томъ, что наши „возлѣ, за, подъ надъ, другъ другомъ“ не суть на самомъ дѣлѣ „другъ въ другѣ“, которое мы только распредѣляемъ по тремъ измѣреніямъ, но которое весьма хорошо могло-бы быть распредѣлено и по одному.

„Для того, кто освободился отъ вѣры въ реальность ощущеній, матеріи, пространственныхъ отношеній и своей личности, признавъ и уяснивъ себѣ ихъ феноменальность, для того міръ является въ новомъ, особенномъ освѣщеніи. Такой человѣкъ похожъ на того, кто, имѣя передъ своими глазами двумѣрный образъ, отраженный въ зеркалѣ, знаетъ при этомъ, что этотъ образъ есть отраженіе трехмѣрныхъ процессовъ и объектовъ, и потому сохраняетъ вѣрное пониманіе того, что происходитъ въ зеркалѣ. Онъ, напримѣръ, не удивится, если какой-нибудь предметъ исчезнетъ въ отраженномъ образѣ, будучи заслоненъ другимъ предметомъ, или выступивъ изъ предѣловъ пространства, отраженнаго въ зеркалѣ, и потомъ опять появится, потому что вѣдь онъ знаетъ, что передъ нимъ только двухмѣрный образъ вещей, находящихся въ пространствѣ трехъ измѣреній; онъ многое сочтетъ вполнѣ естественнымъ, чего другой, принимающій отраженіе въ зеркалѣ за нѣчто реальное и не имѣющій никакого представленія о третьемъ измѣреніи, не пойметъ совершенно. Если-бы это былъ современный тупой натуралистъ, то онъ, можетъ быть, и совсѣмъ-бы сталъ отрицать неудобное для него явленіе. Подобно тому, какъ мы черезъ зеркало не можемъ ощутить, тепло-ли въ комнатѣ или холодно, или хорошій въ ней воздухъ,—такъ существуетъ множество вещей и состояній сверхчувственнаго міра, недоступныхъ для нашей познавательной способности“ (Индивидуализмъ, стр. 280, 281).

Но, рядомъ съ подобными міровоззрѣніями на природу познавательныхъ способностей человѣка, мы видимъ, что всѣ наши положительныя науки смотрятъ на вещество, какъ будто онѣ познали его самого, такъ какъ въ дѣйствительности оно есть, или, какъ выражается Кантъ: „вещество въ самомъ себѣ“,—и ни о какомъ представленіи и рѣчи быть не можетъ въ ихъ ученіи. Позитивисты принимаютъ, что вещество именно такое, какое оно имъ кажется, какимъ они его видятъ и какимъ они его ощущаютъ.

Обратимся къ нимъ и спросимъ: что такое вещество? Каково его строеніе? Что такое масса? Что такое сила?—И сейчасъ же мы нападемъ на самые разнообразные, взаимно противорѣчащіе взгляды.

Digitized by Google

Многіе ученые объявляютъ невозможнымъ существованіе въ матеріи такихъ силъ, какъ непосредственное притяженіе луны землей на разстояніи, и считаютъ необходимымъ объяснять эти явленія комбинаціями толчковъ междупланетной среды и т. п. „Въ настоящее время,—говоритъ Хвольсонъ,—ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое. Всякій понимаетъ, что приближеніе тѣлъ другъ къ другу должно имѣть какую-нибудь внѣшнюю причину, которая словомъ „притяженіе“ не объясняется. Однако, эти дѣйствія признавались и признаются такими физиками, которыхъ никакъ нельзя назвать немыслящими, и не только физиками недавняго прошлаго, еще почти вчера жившими — каковы: Амперъ, Коши, Френель и друг., но и современными—Вильгельмомъ Вебером, Цельнеромъ, Гельмгольцемъ, Гирномъ и друг.; послѣдній называетъ объясненіе тяготѣнія посредствомъ движеній non-sens absolu (абсолютной нелѣпостью). По словамъ одного ученаго выходитъ, что такой изслѣдователь, какъ Гирнъ, оказывается немыслящимъ, а по словамъ послѣдняго—первый проповѣдуетъ абсолютную безсмыслицу! Но каково мнѣніе самого Гирна?—Для всѣхъ силъ, кромѣ развѣ тяготѣнія и упругости, онъ допускаетъ существованіе какой-то особой, подвижной, но не матеріальной субстанціи, благодаря которой (но не ея движеніямъ) матеріальные атомы испытываютъ тѣ или другія перемѣны; она-то и составляетъ силу электричества, свѣта, теплоты и магнетизма. „Гирнъ, блестящимъ работамъ котораго по теплотѣ справедливо отдаетъ уваженіе весь ученый міръ,—говоритъ Секки,—придумываетъ для силъ какія-то особыя сущности, не то духовныя, не то матеріальныя, или, лучше сказать, нѣчто такое, что трудно и даже невозможно себя уяснить. Нельзя не пожалѣть, что столь искусный изслѣдователь вводитъ въ науку подобныя туманности“. Такое же разногласіе мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о строеніи матеріи. По однѣмъ теоріямъ, она считается сплошной и непрерывной, по другимъ же—атомистичной, причемъ и тѣ и другія подраздѣляются еще дальше. Такъ, теоріи сплошной матеріи далеко не одинаково объясняютъ разнообразіе тѣлъ. Томсонъ предполагаетъ для этой цѣли существованіе въ матеріи неразрушимыхъ и несливающихся между собою вихревыхъ колецъ (вродѣ колецъ табачнаго дыма); Делингсгаузенъ же допускаетъ въ ней стоячія волны (вродѣ тѣхъ, которыя возникаютъ при колебаніяхъ струны не какъ цѣлаго, а раздѣлившейся на отдѣльно колеблющіяся части) и т. д. Столь же разнообразны и признаваемыя нынѣ атомистическія теоріи. Однѣ допускаютъ протяженные атомы, которые не

Digitized by Google

имѣютъ никакихъ силъ. Другія сверхъ протяженнаго вещества допускаютъ въ нихъ и силы. Третьи, напротивъ, отрицаютъ въ атомахъ протяженность и считаютъ ихъ только пунктами, изъ которыхъ исходятъ дѣйствующія на разстояніи силы. Четвертыя считаютъ атомы постоянно однообразно измѣняющимися скопленіями матеріи, и т. д. То же самое разногласіе повторяется и въ пониманіи массы. Одни ее считаютъ какимъ-то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній, и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе разсматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ „количество“ объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣетъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы, какъ коэффиціента, соопредѣляющаго вмѣстѣ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“ (А. Введенскій. Опытъ построенія теоріи матеріи стр. V, VI).

Разбирая весь этотъ хаосъ мнѣній, можно вывести лишь одно заключеніе, что несмотря на поражающее количество труда, потраченнаго на изученіе и на изслѣдованіе этого вопроса, его, оказывается, слишкомъ недостаточно для того, чтобы вывести какое-либо правильное и однообразное заключеніе.

Мы встрѣчаемъ цѣлыя горы свѣдѣній и фактовъ и самыя разнообразныя толкованія ихъ, но рядомъ съ этимъ столько же, если не больше, вполнѣ основательныхъ возраженій и опроверженій, доказывающихъ, что вопросъ этотъ пока еще совершенно не охватывается научнымъ пониманіемъ.

Анализируя научныя объясненія нѣкоторыхъ явленій, мы частенько замѣтимъ, что они несогласны, а въ извѣстныхъ случаяхъ прямо затемняютъ или даже противорѣчатъ ученіямъ другихъ явленій, по природѣ своей схожихъ съ ними; а между прочимъ ученія эти приняты наукой, иногда уже сотни лѣтъ тому назадъ, и считаются безспорными данностями науки.

Явленія, сопровождающія матерію, такъ разнообразны и ихъ такъ много,—они обнимаютъ большую часть всѣхъ человѣческихъ знаній, а, между тѣмъ, нѣтъ до сихъ поръ ни одной теоріи, охватывающей хотя бы гипотетично все это ученіе,—такой, изъ которой мы могли бы заимствовать правильный взглядъ на природу вещества.

Всѣ ученія, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются одними разъясненіями фактовъ и явленій, сгруппированныхъ въ тѣсныхъ, но многочисленныхъ, научныхъ рубрикахъ; собственно-же говоря, ученія о сущности самой матеріи мы со-

Digitized by Google

вершенно не встрѣчаемъ. Матерія изучается единственно со стороны ея проявленій.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и ученыхъ физиковъ, А. Секки, разбирая результаты всѣхъ этихъ трудовъ, сравниваетъ каждое тѣло со зданіемъ библіотеки, „наполненной книгами разныхъ форматовъ, напечатанными чрезвычайно различными шрифтами и трактующими о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, причемъ буквы шрифтовъ составлены изъ безконечной сѣти до того мелкихъ точекъ, что самые сильные микроскопы едва лишь позволяютъ ихъ различать".

„Современная наука",—говоритъ онъ,—„не посягаетъ на чтеніе этихъ книгъ, она до сихъ поръ стремится лишь отличать одинъ томъ отъ другаго; тѣмъ менѣе она претендуетъ на разборъ словъ и шрифтовъ и долго еще не надѣется достигнуть до раздѣленія точекъ, изъ которыхъ составлены эти послѣднія". Скоро-ли она дойдетъ до изученія смысла, заключающагося въ этихъ книгахъ?

Онъ вполнѣ правъ. Въ такихъ запутанныхъ дебряхъ дремучаго лѣса разныхъ противорѣчивыхъ представленій и системъ разнаго рода очень трудно найти кратчайшій путь.

Въ настоящее время мы находимся совершенно въ такомъ же положеніи: мы хотимъ указать на нѣкоторыя уклоненія отъ истиннаго смысла науки, но, не находя стройной, оконченной и общепринятой системы, указывающей прямо на строеніе матеріи, чтобы быть болѣе послѣдовательными въ изложеніи нашей мысли, мы видимъ себя принужденными подробно остановиться на этомъ предметѣ и разобрать его такъ, чтобы вся наша мысль представилась читателю цѣльной, ясной и стройной системой.

Попробуемъ въ краткихъ чертахъ прослѣдить нѣкоторыя главныя основанія современнаго ученія о матеріи.

Непризнаніе наукой эфира.

Сперва вѣрили въ сплошность матеріи, т.-е. признавали, что матерія состоитъ изъ мелкихъ частицъ, крѣпко сплоченныхъ между собой. Но это мнѣніе было оставлено послѣ того, какъ удалось доказать скважность и проницаемость ея; ибо соотвѣтствующій опытъ и постепенно улучшавшіеся микроскопы стали ясно показывать, что матерія не есть сплошная масса, что она имѣетъ въ себѣ пустыя и ничѣмъ незаполненныя пространства между своими плотными частицами.

Digitized by Google

Это обстоятельство позволило Ньютону объяснить всѣ тепловыя явленія въ тѣлахъ существованіемъ нѣкотораго рода невѣсомой жидкости (флюида), заполняющей будто-бы пространство между частицами матеріи, которую онъ назвалъ теплородомъ, а самую свою систему „теоріей истеченія".

Эта теорія была замѣнена скоро: сперва теоріей волненія эфира, потомъ теоріями движенія матеріи и, наконецъ, теоріей динамической теплоты.

Эта послѣдняя заставила взглянуть на природу и сущность матеріи совершенно иными глазами, ибо всѣ тепловыя и многія другія явленія объяснялись просто движеніемъ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ вещество, или общимъ движеніемъ самого тѣла; но всѣ явленія, происходящія въ веществѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, находили себѣ объясненіе всегда въ одномъ движеніи.

Всѣ три послѣднія теоріи должны были допустить существованіе эфира.

Допущеніе эфира, заполняющаго собой все пространство между матеріальными частицами тѣла обыкновенной вѣсомой матеріи, вызывало всегда оппозицію со стороны послѣдователей положительныхъ наукъ. Они не хотѣли признать эфира, несмотря на всю очевидность фактовъ, требующихъ непремѣнно для своего объясненія невѣсомой эфирной среды.

Чрезвычайно характерно выразилъ свою оппозицію Огюстъ Контъ. Онъ говоритъ: „Это представленіе эфировъ есть лишь осколокъ метафизическаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, что такое теплота (какъ бы ее ни объясняли), разсматриваемая особо отъ нагрѣваемаго тѣла? Что такое свѣтъ, независимо отъ свѣтящагося предмета? Что такое электричество, взятое отдѣльно отъ наэлектризованнаго тѣла? Очевидно, все это не что иное, какъ чистыя сущности, точно такъ же, какъ и мысль, если ее разсматривать независимо отъ мыслящаго существа, или пищевареніе, отдѣленное отъ перевариваемаго тѣла. Единственное отличіе ихъ отъ древне-схоластическихъ сущностей— то, что эти совершенно отвлеченныя существа замѣнены мнимыми жидкостями, составъ которыхъ весьма сомнителенъ, ибо мы лишаемъ ихъ всѣхъ свойствъ, могущихъ характеризовать какую бы то ни было матерію. Дѣйствительно, мы даже не разсматриваемъ ихъ, какъ идеальную границу разрѣженнаго до безконечности газа..."

Или далѣе: „Основной характеръ метафизическихъ воззрѣній состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на явленія, какъ на независимыя отъ предметовъ, ихъ проявляющихъ, и приписывать свойствамъ каждаго вещества самостоятельное существо-

Digitized by Google

ваніе. Что толку въ томъ, называемъ-ли мы эти олицетворенія отвлеченными духами или жидкостями? Происхожденіе ихъ всегда одинаково; оно всегда коренится въ томъ откапываніи сокровенной сути вещей, которое во всѣхъ расахъ служатъ признакомъ младенчества человѣческаго ума, и которое породило представленіе боговъ; боги эти были впослѣдствіи обращены въ духовъ и сущности и, наконецъ, въ мнимыя жидкости...“

Какъ ни протестовали положительныя науки противъ невѣсомыхъ матерій, — необходимость допущенія ихъ въ среду науки была очевидна, ибо безъ нихъ многія явленія оставались бы совершенно загадочными и необъяснимыми.

Однако, защитники положительныхъ наукъ настаивали, они пробовали объяснить междупланетный эфиръ обыкновенной вѣсомой матеріей въ состояніи наивысшаго ея разрѣженія, а Грове создалъ цѣлый научный синтезъ, основанный на движеніи матеріальныхъ вѣсомыхъ частицъ въ тѣлахъ. Онъ отвергъ не только роль эфира, какъ посредника въ передачѣ теплоты и движенія, но окончательно не допускаетъ существованія никакихъ невѣсомыхъ жидкостей; всѣ-же тепловыя явленія объясняетъ движеніемъ обыкновенной вѣсомой матеріи.

Эта теорія встрѣтила очень многихъ противниковъ и не была принята наукой, ибо оставляетъ много пробѣловъ, по невозможности ею объяснить многія явленія природы.

Эйлеръ также думалъ доказать, что свѣтъ можетъ распространяться въ тѣлахъ черезъ посредство самой вѣсомой матеріи. Но Ламе аналитическимъ путемъ доказалъ всю невозможность подобной гипотезы.

Вообще, всѣ попытки изгнать эфиръ изъ науки окончательно устранены, и въ настоящее время почти всѣ ученые на сторонѣ эфира.

Эфиръ сталъ до того общепринятъ, что строгій приверженецъ положительныхъ наукъ Льюисъ съ нѣкоторою горечью восклицаетъ, что „люди науки, особенно въ Англіи, почтутъ васъ за еретика, если вы осмѣлитесь предполагать, что свѣтъ, теплоту, электричество можно выдѣлить изъ ихъ таинственныхъ жидкостей“. И онъ вполнѣ правъ. Эфиръ долженъ быть принятъ наукой, — и дѣйствительно принятъ большинствомъ.

Еще въ 1863 году Ламе сказалъ: „Существованіе эфирной жидкости неопровержимо доказывается распространеніемъ свѣта въ междупланетныхъ пространствахъ и простотой объясненія диффракціи по теоріи волнообразнаго движенія. Мы ви-

Digitized by Google

дѣли также, что законы двойнаго преломленія доказываютъ съ неменьшей ясностью присутствіе эфира во всѣхъ прозрачныхъ средахъ. Такимъ образомъ, природа состоитъ не изъ одной только вѣсомой матеріи, но частицы этой послѣдней какъ-бы плаваютъ въ извѣстнаго рода жидкой средѣ. Если эта жидкость не есть единственная причина всѣхъ наблюдаемыхъ нами явленій, то она должна, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнять ихъ, болѣе или менѣе способствовать ихъ возникновенію и извѣстнымъ образомъ усложнять ихъ законы. Можно положительно сказать, что никакое, сколько-нибудь раціональное и полное, объясненіе явленій физической природы невозможно безъ принятія въ разсчетъ этого повсемѣстно распространеннаго агента, и потому нельзя сомнѣваться, что съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ его свойствъ будетъ найдена истинная причина дѣйствій, приписываемая въ настоящее время теплотѣ, электричеству, магнетизму, всемірному тяготѣнію, сцѣпленію и химическому сродству, такъ какъ всѣ эти таинственныя и малопонятныя сущности есть не что иное, какъ гипотезы, безъ сомнѣнія полезныя только при настоящемъ невѣдѣніи нынѣшнихъ изслѣдователей о первичныхъ причинахъ наблюдаемыхъ ими явленій; но успѣхи реальной науки должны въ концѣ концовъ развѣнчать этихъ непризванныхъ узурпаторовъ положительнаго знанія и свергнуть ихъ съ троновъ, на которыхъ они возсѣдали съ такой гордостью и такъ долго, лишь вслѣдствіе окружающаго ихъ мрака".

Съ 1863 года существованіе эфира дѣлалось все болѣе и болѣе доказаннымъ, и въ настоящее время онъ долженъ считаться окончательно принятымъ наукою, хотя въ сущности и теперь еще онъ имѣетъ огромное число противниковъ.

Вотъ что говорятъ объ эфирѣ и о необходимости его признанія три знаменитыхъ англійскихъ профессора: Бальфуръ, Стеваръ и Тэтъ (L' univers invisible, 83 г., стр., 201—203): „Что бы ни говорили, но въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія, что значеніе эфира въ таинственномъ составѣ вселенной несравненно могущественнѣе, чѣмъ всякой вѣсомой матеріи. А такъ какъ первосвященники или самые главные заправилы положительныхъ наукъ находятъ изученіе его превышающимъ силу ихъ способностей, за исключеніемъ отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ случаевъ его слишкомъ нагляднаго проявленія, то мы не будемъ распространяться или останавливаться на самой теоріи его (ибо всѣ затрудненія не касаются сущности ученія, но лишь принципа признанія его). Въ данномъ случаѣ намъ достаточно знать, что все, что выполняетъ эфиръ,—несомнѣнно, такъ существенно и всеобъем-

Digitized by Google

люще, что надо признать его значеніе гораздо болѣе распространеннымъ, чѣмъ объ этомъ до сихъ поръ думали".

Если читатель прослѣдитъ весь ходъ нашей предшествующей мысли въ этой главѣ,—онъ долженъ признать, что въ настоящее время научный умъ отъ видимаго и вѣсомаго логичнымъ путемъ естественно приводится къ невидимому и невѣсомому.

На этомъ основаніи мы считаемъ болѣе правильнымъ въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ держаться эфирныхъ системъ, не боясь быть обвиненными въ произвольныхъ и ни на чемъ не основанныхъ навязываніяхъ наукѣ такихъ понятій, которыя идутъ въ разрѣзъ съ современнымъ положеніемъ ея.

Строеніе матеріи.

Рѣшивши въ принципѣ придерживаться эфирныхъ системъ, какъ болѣе правильныхъ и опредѣленныхъ, и желая выяснить себѣ внутреннее строеніе матеріи, мы смѣло можемъ придерживаться того описанія ея, которое даетъ А. Секки въ своей, во всѣхъ отношеніяхъ достойной вниманія, книгѣ: „Единство физическихъ силъ" (стр. 359, 360). Оно слѣдующее:

1) „Матерія повсемѣстно находится въ непрерывномъ движеніи, которое проявляется въ формѣ теплоты. Эта постоянная дѣятельность и стремленіе къ разсѣянію исходятъ изъ движенія, составляющаго въ матеріальныхъ частицахъ то, что подразумѣвается подъ отталкивательной или разъединяющей силой, напряженіе которой возростаетъ вмѣстѣ со степенью разъединенія частицъ и уменьшеніемъ размѣровъ массы тѣлъ".

2) „Кромѣ осязаемой и ощущаемой матеріи, внутри тѣлъ въ свободномъ пространствѣ между частицами заполнены тончайшимъ веществомъ, непосредственно ускользающимъ отъ нашихъ чувствъ, но существованіе котораго дѣлается для насъ несомнѣннымъ изъ дѣйствій, оказываемыхъ имъ на вѣсомую матерію. Это вещество проявляется передъ нами, такъ сказать, спеціально въ формѣ движеній, называемыхъ радіаціей или излученіемъ (лучеиспусканіемъ). Его матеріальность и инерція доказываются обмѣномъ работы, часто происходящей между нимъ и вѣсомой матеріей".

3) „Внутри вѣсомыхъ тѣлъ проявляется еще другой родъ движенія, а именно движеніе крайне тонкой матеріи, которая то течетъ, какъ жидкость, то накопляется въ напряженномъ состояніи на ихъ поверхности, или, говоря точнѣе, концетри-

Digitized by Google

руется въ напряженіе тамъ, гдѣ существуетъ перерывъ проводящей способности между двумя веществами,—напряженіе, возростающее иногда до колебанія и разрушенія частицъ. Эта матерія неощутима, несжимаема и сопутствуетъ веществу при всякомъ составѣ тѣлъ, откуда слѣдуетъ, что она есть не что иное, какъ эфиръ".

Это опредѣленіе было выведено имъ послѣ подробнаго разбора явленій теплоты, свѣта и электричества. Разбирая матерію со стороны ея проявленій, нельзя дать лучшаго, болѣе точнаго и опредѣленнаго описанія,—оно соотвѣтствуетъ тому пониманію, которое слѣдовало-бы имѣть при изученіи всѣхъ тѣхъ явленій, которыя всюду сопровождаютъ матерію. Посмотримъ, насколько это описаніе соотвѣтствуетъ представленію, которое составили себѣ приверженцы положительныхъ знаній.

Во-первыхъ, они совершенно не признаютъ такихъ матерій, которыя не подчинены тяготѣнію и не имѣютъ вѣса, а между прочимъ, сами по себѣ совершенно матеріальны и обладаютъ инерціею.

Во-вторыхъ, они держатся того, что взаимное притяженіе частицъ между собой, вѣсъ тѣла и сила тяготѣнія—суть неотъемлемыя свойства и качества всякой матеріальной частицы, находящейся во вселенной, и никакого исключенія не допускаютъ; они говорятъ: если эфиръ существуетъ въ междупланетномъ пространствѣ, то онъ долженъ быть причисленъ къ числу вѣсомыхъ матерій, какъ-бы онъ ни былъ размельченъ или разжиженъ.

Въ-третьихъ, они никакого эфира между матеріальными частицами тѣлъ не признаютъ, а все взаимное отношеніе и ихъ воздѣйствіе другъ на друга объясняютъ свойствами, которыми обладаютъ эти матеріальныя частицы.

Эти, повидимому, небольшія допущенія совершенно мѣняютъ весь взглядъ на строеніе матеріи, и они, можетъ быть, упрощаютъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ болѣе глубокому изученію ея. И въ самомъ дѣлѣ, какой просторъ оставляется мысли и возможности дальнѣйшаго изученія природы и сущности матеріи, если намъ съ молодыхъ лѣтъ внушаютъ, что свойство матеріи есть притягиваться къ матеріи, и гдѣ-бы только ни скопилась матерія, она, по врожденному своему свойству, должна притягивать всякую другую матерію, скопившуюся въ меньшемъ количествѣ. Намъ съ молоду внушаютъ, что это законъ природы, что это аксіома, въ которой никто не сомнѣвается, что иначе думать—преступленіе. Возьмите любой учебникъ физики—и вы встрѣтите приблизи-

Digitized by Google

тельно слѣдующее: „Причина, заставляющая всѣ тѣла падать на землю, называется силой тяжести. Стремленіе это тѣлъ падать на землю ясно показываетъ, что между землей и окружающими ея тѣлами дѣйствуютъ силы, которыя должны называться притягательными".

Затѣмъ никакихъ разъясненій относительно того, что такое сила, что ее возбуждаетъ, отчего именно она дѣйствуетъ такъ, а не иначе? Да какія-же и нужны объясненія, если это аксіома и вполнѣ доказанный законъ природы, заключающійся въ свойствахъ самой матеріи. И это, впрочемъ, не въ однихъ учебникахъ; мы встрѣчаемъ у Гирна въ его сочиненіи (L'avenir du Dynamisme, 1886, p. 5) слѣдующее мнѣніе: „Ньютонъ сказалъ очень благоразумно, что все происходитъ такъ, какъ будто бы тѣла притягивались. Со времени опыта Кавендиша подобная осторожность была бы безсмыслицей. Притяженіе вошло въ область пріобрѣтенныхъ ясныхъ и простыхъ фактовъ. Я не думаю, чтобы теперь нашелся хотя одинъ астрономъ, который бы приписывалъ слову притяженіе условный смыслъ и тѣмъ самымъ смѣшивалъ дѣйствительный фактъ съ гипотезою".

Коментаторъ Ньютона, Котесъ, (Principes de Newton: 1713, p. XXIX), утверждаетъ прямо въ своемъ предисловіи, что Ньютонъ полагалъ тяжесть свойствомъ, присущимъ матеріи, точно такъ же, какъ протяженность и подвижность.

На это мы должны возразить:

1) что Ньютонъ не смотрѣлъ на притягательную силу, проявляющуюся какъ въ частичномъ протяженіи каждаго тѣла, такъ при тяготѣніи его, какъ на свойство, присущее веществу. Это вполнѣ доказывается тѣми оговорками, которыя онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать, передавая въ своей „Principia" законъ всемірнаго тяготѣнія и условія движенія планетъ; а именно, онъ говоритъ: „Я объяснялъ небесныя и морскія явленія силой тяготѣнія. Эта сила порождается какою-то причиною, которая проникаетъ до самаго центра солнца и планетъ, ничего не утрачиваетъ въ своей активности; она находится въ зависимости отъ количества вещества, и дѣйствіе ея распространяется во всѣ стороны на громадныя разстоянія, уменьшаясь постоянно обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Мнѣ еще не удалось вывести изъ явленій причину этихъ свойствъ тяготѣнія, а я гипотезъ не изобрѣтаю... Достаточно того, что тяготѣніе существуетъ, что оно дѣйствуетъ по законамъ, которые были нами изложены, и что оно объясняетъ всѣ небесныя и морскія движенія. Словомъ, — тяготѣніемъ я выражаю то стремленіе, которое имѣютъ тѣла сближаясь,—

Digitized by Google

отъ чего бы ни зависѣло это стремленіе: отъ дѣйствія-ли самихъ тѣлъ, ищущихъ другъ друга или вліяющихъ другъ на друга истеченіями, или же отъ дѣйствія эфира, воздуха или какой-нибудь другой среды, — вещественной или невещественной, которая какъ-нибудь толкала бы другъ къ другу тѣ тѣла, которыя въ ней плаваютъ".

Совершенно въ томъ же духѣ высказывается Ньютонъ въ своемъ 3-мъ письмѣ къ Бентлею: „Непостижимо, какимъ образомъ неодушевленная, грубая матерія могла бы вліять на другое тѣло безъ посредства чего-либо и безъ непосредственнаго прикосновенія, какъ это должно было бы быть, если допустить подобно Эпикуру, что тяжесть присуща матеріи. Это одна изъ причинъ, по которой я просилъ бы васъ не приписывать мнѣ доктрины тяготѣнія, какъ свойства присущаго матеріи, и что оно можетъ дѣйствовать на разстояніи безъ посредства чего-либо, чтобы могло передать вліяніе силы одного тѣла на другое, — представляется, по моему мнѣнію, такою большою нелѣпостью, допустить которую не можетъ ни одинъ человѣкъ, способный разсуждать о философскихъ вопросахъ. Тяготѣніе должно быть слѣдствіемъ дѣйствія какого-либо посредника, который постоянно согласуется съ точными законами; но матеріаленъ ли этотъ посредникъ или нематеріаленъ,—это вопросъ, котораго рѣшеніе я предоставляю читателю".

Итакъ, самъ Ньютонъ никакъ не выяснилъ себѣ сущности тяготѣнія, а слѣдовательно тѣ ученые, которые, ссылаясь на него, учатъ, что тяготѣніе есть какое-то свойство, присущее всѣмъ тѣламъ, дѣлаютъ крупную и непростительную ошибку, тѣмъ болѣе, что воззрѣнія Ньютона на этотъ предметъ были совершенно опредѣленны и вмѣстѣ съ тѣмъ діаметрально противоположны, что мы можемъ наглядно видѣть изъ того, какъ онъ заканчиваетъ свое превосходное сочиненіе „О математическихъ началахъ естествознанія": „Всѣ правильныя движенія,— сказалъ онъ, — (въ солнечной системѣ) происходятъ не отъ механическихъ причинъ. Этотъ прекраснѣйшій союзъ солнца, планетъ и кометъ могъ произойти отъ назначенія и власти Существа разумнаго и всемогущаго . . . . Всѣмъ этимъ управляетъ не душа міра, а Господь всяческихъ, Вседержитель вѣчный, безконечный, всесовершенный, всевѣдущій, всемогущій, вездѣсущій . . . . Мы знаемъ Его только по Его свойствамъ, только по премудрому и всеблагому устройству всѣхъ вещей и по причинамъ конечнымъ, и чтимъ Его, зная Его владычество; ибо безъ владычества, безъ промысла и безъ причинъ конечныхъ Богъ былъ бы не болѣе, какъ судьба или природа".

Digitized by Google

Незнаніе начальной причины не помѣшало Ньютону открыть геометрическій законъ движенія тѣлъ; принимая ускореніе за фактъ, не трудно было дать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ звѣздной механики и притомъ съ такою точностью результатовъ, которая не могла быть поколеблена самыми тщательными астрономическими наблюденіями. Кромѣ того, Ньютонъ своей системой объяснилъ массу явленій, напримѣръ: приливовъ и отливовъ, притяженіе падающихъ тѣлъ, фигуру земли, притяженіе, оказываемое массами горъ и т. д., не прибѣгая къ тѣмъ магнитамъ, помощью которыхъ тѣ же явленія объяснялись до него Жильберомъ и Кеплеромъ. Она значительно подвинула знанія того вѣка; но отождествленіе планетной силы съ земнымъ тяготѣніемъ нисколько не пролило свѣта на вопросъ о происхожденіи ея и ничего не прибавило къ доказаннымъ уже законамъ ея дѣйствія.

2) Лейбницъ открыто протестовалъ противъ всякихъ врожденныхъ свойствъ, присущихъ матеріи, и утверждалъ, что матерія не можетъ имѣть никакихъ первоначальныхъ качествъ, которыя не вытекали бы изъ ея сущности, потому что подобныя qualitates occultae были бы чудо. (Opera philos., изд. Эрдмана, стр. 485, 568, 732 и 777).

Противъ подобныхъ qualitatum occultarum возставали Дю-Буа-Реймондъ, Секки и очень многіе другіе.

И дѣйствительно, въ положеніи, что сила есть свойство матеріи, нельзя не усмотрѣть множества несообразностей. Говоря вообще, въ обширномъ смыслѣ, силы дѣйствительно не могутъ быть отдѣлены отъ матеріи, ибо, въ такомъ случаѣ, матерія перестанетъ быть матеріей,—это понятно; но, съ другой стороны, не трудно также видѣть, что въ этомъ положеніи смѣшиваются два совершенно отдѣльныя понятія, имѣющія разную природу, вслѣдствіе чего было бы правильнѣе отдѣлять ихъ друга отъ друга и не смѣшивать вмѣстѣ; а именно: матерію съ силой. Мы видимъ то же въ силѣ химическаго сродства; мы не можемъ изъ воды выдѣлить кислородъ безъ того, чтобы она не перестала быть водой, но мы это все-таки дѣлаемъ и убѣждаемся въ слѣдствіяхъ. Мы не можемъ себѣ представить точку во вселенной, гдѣ бы силы не дѣйствовали на нее,—это совершенно справедливо; но заключить изъ этого, что сила есть свойство матеріи, тоже нельзя, ибо все-таки можно себѣ представить силу, переставшую дѣйствовать, и въ такомъ случаѣ является невольный вопросъ: во что превратится матерія?

Это совершенно естественный вопросъ, который можетъ подлежать изслѣдованію; равно долженъ подлежать изслѣдо-

Digitized by Google

ванію вопросъ; почему считаютъ силу свойствомъ матеріи, а не матерію продуктомъ силы или движенія,—это опять совершенно разныя понятія, требующія анализа, разъясненій и соотвѣтствующихъ доказательствъ.

На эти вопросы мы не находимъ отвѣтовъ въ положительныхъ наукахъ, и никакого яснаго представленія по нимъ мы себѣ сдѣлать не можемъ.

Попробуемъ глубже вникнуть въ эти положенія:

1) Предположимъ, что сила есть свойство матеріи и что въ природѣ эфира нѣтъ,—мы простымъ и логическимъ разсужденіемъ должны дойти прямо до абсурдовъ, а именно: если мы себѣ представимъ, что частицы матеріи обладаютъ нѣкоторымъ дѣятельнымъ началомъ, сосредоточеннымъ внутри ихъ, то должны допустить, что частицы дѣйствуютъ другъ на друга безъ всякаго посредства черезъ абсолютную пустоту. Такая роль силы совершенно непонятна, она заставляетъ допустить, что тѣла оказываютъ вліяніе другъ на друга черезъ разстояніе, т.-е. что силы дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ—гипотеза въ высшей степени невѣроятная въ обоихъ случаяхъ, имѣемъ ли мы дѣло съ громадными междупланетными разстояніями, или тогда, когда мы обратимся къ атомамъ каждаго тѣла.

Мы невольно себя спрашиваемъ: какъ дѣйствуетъ земля на солнце черезъ пустоту? Надо же предположить, что сила выходитъ изъ тѣла или дѣйствуетъ на разстояніи,—или мы должны предполагать, что силы распространяются на подобіе токовъ?—И опять мы приходимъ къ абсурдамъ. Если частицы не могутъ сами соприкасаться между собой для передачи своихъ силъ,—онѣ должны имѣть посредника при этой передачѣ, каковымъ опять долженъ явиться эфиръ, безъ него же мы никакого воздѣйствія одной частицы на другую допустить не въ состояніи.

2) Мы встрѣчаемъ громадное затрудненіе при разборѣ силъ со стороны стремленія ихъ, т.-е. направленія ихъ воздѣйствія на сосѣднія частицы. Прилагая это „стремленіе“ къ частичному притяженію, мы видимъ, что оно должно быть направлено то въ ту, то въ другую сторону, т.-е. силы являются то притягательными, то отталкивательыми; это измѣненіе стремленія дѣлается непонятнымъ и требуетъ опять массу новыхъ доказательствъ и, во всякомъ случаѣ, какъ аксіома принято быть не можетъ.

Современная физика окончательно избавилась отъ представленія матеріи, обладающей отталкивательными силами,—этой старой гипотезы, не дававшей отвѣта даже на такіе основные

Digitized by Google

вопросы, какъ, напр., вопросъ о тѣхъ границахъ, за которыми эти таинственные агенты прекращаютъ свое дѣйствіе и уступаютъ поле битвы своимъ противникамъ — притягательнымъ силамъ.

3) Вся система взаимнаго протяженія частицъ между собой основана на совершенно бездоказательномъ положеніи, принимающемъ, что если мы двѣ матеріальныя частицы помѣстимъ въ пустое пространство, то онѣ, въ силу своей притягательной способности, должны оказать взаимное воздѣйствіе и стремиться другъ къ другу по извѣстнымъ законамъ. Такое положеніе не можетъ въ свою защиту привести ни одного факта, во-первыхъ, потому, что мы не можемъ наблюдать дѣйствіе только двухъ частицъ, а тѣмъ менѣе въ обсолютной пустотѣ. Во-вторыхъ, мы всегда имѣемъ дѣло съ массами частицъ или тѣлами, находящимися или въ одной, или въ другой средѣ „и поэтому, — говоритъ А. Секки, — полагаемъ, что основное начало притяженія матеріи не можетъ опираться ни на какое опытное данное. Произошло же оно на свѣтъ, по всей вѣроятности, такимъ образомъ. Видя, что всѣ небесныя тѣла притягиваются другъ къ другу и имѣютъ шарообразную форму, теоретики, съ помощью математической фикціи, представили себѣ всю ихъ массу сосредоточенною въ ихъ центрѣ, т.-е., говоря иначе, свели ихъ мысленнно къ простымъ атомамъ, или частицамъ. Но эти движенія происходятъ не въ абсолютно пустомъ пространствѣ, и потому можно еще спросить, не порождаются ли они скорѣе дѣйствіемъ внѣшняго побужденія, чѣмъ тѣми внутренними силами, которыми теоретики въ такомъ изобиліи, совершенно гадательно, надѣлили частицы матеріи. Старинные физики, и даже самъ Ньютонъ, оставили этотъ вопросъ открытымъ. Математики здѣсь не могутъ ничего рѣшить, и если имъ извѣстно, что два тѣла притягиваются между собою со скоростью, находящеюся въ извѣстной зависимости отъ отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга разстояній, то это положеніе не болѣе какъ эмпирическій законъ, нисколько не поясняющій причины явленія и не указывающій, вызывается ли это притяженіе внѣшнимъ побужденіемъ или внутреннимъ. Повторяемъ еще разъ, что взаимное притяженіе двухъ частицъ, находящихся въ пустомъ пространствѣ, есть не что иное, какъ чисто математическая фикція“.

Скажемъ болѣе. Основываясь на фактахъ, слѣдуетъ полагать, что двѣ уединенныя матеріальныя частицы, въ совершенную противность основному закону тяготѣнія, должны скорѣе отталкиваться, чѣмъ притягиваться. Не видимъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, что расширительная сила увеличивается вмѣстѣ съ

Digitized by Google

разрѣженіемъ матеріи и что напряженіе ея достигаетъ своего максимума тамъ, гдѣ эта матерія наиболѣе раздѣлена, какъ это бываетъ, напримѣръ, при прохожденіи ея черезъ скважныя вещества?

Пока наука признавала существованіе только осязаемой матеріи, было еще позволительно представлять себѣ междупланетныя пространства абсолютной пустотой; но теперь, когда доказана возможность существованія не только среды, неуловимой для нашихъ чувствъ, но и проявленія съ ея стороны могущественныхъ дѣйствій, мы имѣемъ полное право считать доказаннымъ, что притяженіе, производимое однимъ тѣломъ на другое, никогда не замѣчается между двумя изолированными атомами, а постоянно только между системами атомовъ, и притомъ внутри матеріальной среды. Всѣ эти явленія въ дѣйствительности много сложнѣе и гораздо болѣе непонятны, чѣмъ рисуютъ ихъ люди, знакомые съ этимъ предметомъ поверхностно. Дю-буа-Реймондъ говоритъ слѣдующее:

„Сила (насколько она мыслится какъ причина движенія) есть не что иное, какъ замаскированное порожденіе непреодолимой склонности къ олицетворенію, которая намъ врождена, какъ бы реторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборотъ, потому что ему недостаетъ яснаго представленія для прямаго выраженія. Въ понятіяхъ о силѣ и веществѣ мы видимъ возвращеніе того же дуализма. Это, въ утонченномъ видѣ, та же потребность, которая нѣкогда заставила людей населить рощи и источники, скалы, воздухъ и море созданіями своего воображенія. Что мы выигрываемъ, когда говоримъ, что вслѣдствіе взаимной силы притяженія сближаются между собою двѣ вещественныя частички?—Ни тѣни вникновенія въ сущность процесса. Но, довольно странно, для присущаго намъ стремленія къ причинамъ есть нѣкотораго рода удовлетвореніе въ непроизвольно являющемся передъ нашимъ внутреннимъ окомъ образѣ руки, которая слегла подталкиваетъ косную матерію, или невидимыхъ рукъ полипа, которыми частички вещества обхватываютъ одна другую, стараются притянуть къ себѣ другъ друга, наконецъ, сплетаются въ одинъ узелъ“ (Unt. u. thier, Elect. Berlin. 1848) (Ланге, т. II, стр. 185).

4) Нельзя не указать еще на несообразность въ ученіи о матеріи; многіе ученые, даже въ настоящее время, принимаютъ, что вещество одновременно инертно и притягивается по какимъ-то законамъ. Логичнѣе было держаться одного какого-нибудь положенія, ибо оба одновременно существовать не могутъ: если чистицы сближаются въ силу свойствъ своихъ, то можно ли говорить, что онѣ инертны? Въ такомъ слу-

Digitized by Google

чаѣ онѣ активны, и все зданіе механики, воздвигнутое на идеѣ инерціи, рушится.

Къ величайшему сожалѣнію, съ самыхъ временъ Ньютона, до настоящаго времени, т.-е. въ продолженіе болѣе полутораста лѣтъ, физики ни сколько не подвинули и не разъяснили этого вопроса. Они систематически уклонялись отъ всякихъ попытокъ къ тому. Не видя никакой безусловной необходимости въ опредѣленіи причины тяготѣнія, они не только не пытались проникнусь въ эту область, но смотрѣли на воякое углубленіе въ нее, какъ на опасный рискъ для своей научной репутаціи. Что касается астрономовъ, то они, относя тяготѣніе къ свойствамъ матеріи, совсѣмъ перестали заниматься имъ.

Только въ послѣднее время, если никто изъ изслѣдователей и не далъ намъ строго формулированнаго рѣшенія, то никто уже болѣе не сомнѣвается въ возможности объяснить всѣ явленія тяготѣнія, сродства и притяженія посредствомъ механическаго дѣйствія среды и свести всѣ силы къ одному общему началу.

Постараемся въ очень краткихъ чертахъ привести здѣсь современное ученіе о матеріи. Мы спросимъ себя:

Каковы свойства вещества?

1) Непроницаемость,—въ сущности это только опредѣленіе самого вещества, потому что кусокъ вещества и есть именно то, что занимаетъ извѣстную часть пространства, исключая своимъ присутствіемъ все прочее.

2) Инерція—главный выводъ человѣческаго опыта, главная основа механики: вещество начинаетъ двигаться только тогда, когда оно подвергается предварительному толчку, удачу, а утрачиваетъ свое движеніе тогда, когда сообщаетъ его другому веществу. Для движенія, какъ и для вещества, возможны только превращенія.

Что такое сила?—Причина движенія. Слово сила рѣшительно непонятно, кто возьмется намъ объяснить силу независимо отъ предмета, производящаго ее; но, главное, оно не имѣетъ цѣли—къ чему намъ понятіе о силѣ? Причиной движенія бываетъ всегда другое движеніе. Поэтому постараемся совсѣмъ обойтись безъ понятія о силѣ, или, скорѣе (такъ какъ для того, чтобы понимали насъ, необходимо употреблять все-таки всѣмъ понятныя слова) мы подъ словомъ сила будемъ

Digitized by Google

разумѣть всегда то, вслѣдствіе чего одно движеніе даетъ начало другому.

Что такое свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ?— Самый опредѣленный отвѣтъ будетъ слѣдующій: теплота— одинъ родъ движенія, свѣтъ—другой, объ электричествѣ и магнетизмѣ, вѣроятно, можно будетъ въ скоромъ времени сказать то же самое. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что одно изъ этихъ движеній порождаетъ или преобразовывается въ другое, т.-е. что теплота можетъ порождать электричество, а электричество—свѣтъ.

Если перейдемъ затѣмъ къ другому ряду фактовъ и обратимъ вниманіе на другую группу силъ—на сцѣпленіе, которымъ держатся тѣла въ твердомъ или жидкомъ состояніи, на химическое сродство, которое сближаетъ разнородныя частицы и, наконецъ, на тяжесть, въ силу которой тѣла стремятся двигаться по направленію другъ друга, то увидимъ, что современная теорія и здѣсь, если не наглядно показываетъ, то, покрайней мѣрѣ, хотя смутно, но даетъ намъ понять, что дѣйствіе и этихъ силъ природы можетъ быть сведено къ „сообщенію движенія“. Вотъ, напримѣръ, кусокъ свинца, частицы котораго такъ скрѣплены, что образуютъ кусокъ твердаго вещества. Я знаю, что, если подвергну свинецъ нагрѣванію, т.-е. сообщу его частицамъ извѣстное движеніе, то этимъ разрушу сцѣпленіе, которое дѣлаетъ свинецъ твердымъ тѣломъ, и приведу частицы его къ тому другому сцѣпленію, при которомъ свинецъ будетъ жидкостью; если же я еще буду нагрѣвать, т.-е. если еще увеличу количество того движенія, которое сообщаю, то разрушу и этотъ родъ сцѣпленія и превращу металлъ въ пары. Эти факты достаточно ясно доказываютъ, что сцѣпленіе есть какое-то относительное движеніе этихъ частицъ. Очевидно, что то, что разрушаетъ движеніе, есть самое движеніе. Сцѣпленіе, какъ сказано выше, происходитъ иногда отъ какого-нибудь относительнаго движенія частицъ. Дѣйствительно, оно иногда наглядно для насъ является результатомъ одного только движенія, сообщеннаго смежнымъ частицамъ въ одномъ и томъ же направленіи, съ однѣми и тѣми же скоростями. Когда, напримѣръ, струя жидкости вытекаетъ изъ узкаго отверстія подъ сильнымъ давленіемъ, то она принимаетъ видъ твердаго тѣла, и не видимъ ли мы въ этомъ своего рода сцѣпленія, которое зависитъ отъ того, что частицы струи двигаются съ одинаковой скоростью? Или, иногда, поднимаются вихри изъ воды, воздуха, или пыли и слѣдуютъ совершенно спокойно, не измѣняя своей формы, цѣлые десятки верстъ, что̀ зависитъ отъ одинаковой угловой скорости перемѣщенія частицъ.

Digitized by Google

Конечно, пусть читатель на эти оба примѣра смотритъ пока лишь, какъ на нѣкоторое обособленіе явленія сцеплѣнія. Мы пока вовсе не желаемъ объяснять сущности самого явленія. Все, что мы хотимъ сдѣлать, это—показать, на какую точку зрѣнія становится современная физика; мы не приводимъ какихъ-либо опредѣленныхъ объясненій, а желаемъ только показать, какого рода эти объясненія.

Что такое эфиръ?—Возьмемъ какой-нибудь простой газъ, напримѣръ, кислородъ,—мы представляемъ его себѣ, какъ совокупность элементарныхъ частицъ, одаренныхъ движеніемъ, сталкивающихся между собой и этимъ производящихъ расширительную силу, присущую всякому газу, и то давленіе, которое газъ оказываетъ на сосудъ, въ которомъ онъ заключенъ. Въ такомъ точно видѣ мы будемъ представлять себѣ и эфиръ, предполагая только, что кислородъ состоитъ изъ матеріальныхъ частичекъ, а эфиръ долженъ состоять изъ атомовъ, которые не подлежатъ раздробленію. Если намъ возразятъ, что нельзя представить себѣ недѣлимыхъ атомовъ, мы отвѣтимъ, что для насъ достаточно считать, что они относяться къ внѣшнимъ вліяніямъ, какъ недѣлимые, такъ какъ мы вовсе не имѣетъ претензіи говорить о безконечно большихъ и безконечно малыхъ величинахъ. Атомы способны имѣть движенія, которыя они могутъ сообщать другъ другу и окружающимъ предметамъ.

Вещественны ли атомы эфира?—Конечно, да. Есть два главныя свойства, нераздѣльныя съ понятіемъ вещества: непроницаемость и инерція. Атомы эфира непроницаемы по самому опредѣленію ихъ. Они также инертны: движеніе, въ которомъ они находятся, есть движеніе, сообщаемое имъ извнѣ, и утрачиваютъ они это движеніе не иначе, какъ сообщая его другимъ предметамъ. Слѣдовательно, эфиръ ни въ чемъ не разнится по существу отъ обыкновеннаго вещества.

Имѣетъ ли эфиръ вѣсъ?—Нѣтъ, вѣса онъ не имѣетъ, ибо онъ самъ есть причина вѣса. Это сдѣлается ясно послѣ того, какъ будетъ изложена одна изъ многочисленныхъ современныхъ гипотезъ о причинахъ тяготѣнія.

Упругъ ли атомъ эфира?—Нѣтъ, понятіе объ атомѣ не совмѣстно съ понятіемъ объ упругости. Упругую можетъ быть сложная частица. Понятіе объ упругости сопряжено съ понятіемъ о пустотѣ или скважности. Всѣ упругія тѣла имѣютъ губчатое сложеніе,—атомъ непроницаемъ и недѣлимъ, и въ немъ не можемъ быть пустоты. Изслѣдованія Пуансо о тѣлахъ, находящихся во вращательномъ движеніи, объясняютъ, какимъ образомъ атомы эфира могутъ отскакивать другъ отъ друга,

Digitized by Google

не будучи вовсе упругими. Для этого надо допустить только, что атомы эфира имѣютъ, кромѣ поступательнаго, еще и вращательное движеніе.

Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь всего хода разсужденій Пуансо; мы только укажемъ здѣсь на то, что авторъ строго математически доказалъ слѣдующія положенія:

1) Что два движушіяся на встрѣчу другъ другу неупругія тѣла, при ихъ столкновеніи въ направленіи, не совпадающемъ съ линіей ихъ центровъ тяжести, послѣ столкновенія начинаютъ вращаться,—и

1) что вращающіяся тѣла, хотя бы они были совершенно неупруги, имѣютъ способность отталкиваться другъ отъ друга такъ, какъ будто бы они были упруги.

На основаніи этого вывода Пуансо, мы приходимъ къ чрезвычайно замѣчательнымъ заключеніямъ. Дѣйствительно, въ моментъ сообщенія нашему веществу движенія, всѣ атомы, его составляющіе, начали двигаться по прямымъ линіямъ въ различныхъ направленіяхъ; при этомъ движеніи необходимо должны были происходить между ними столкновенія. Самый общій случай этого столкновенія долженъ былъ происходить не по направленію линіи центровъ, а при такомъ косомъ ударѣ атомы должны были начать вращаться, и пріобрѣтенное такимъ образомъ вращеніе дало имъ возможность при послѣдующихъ столкновеніяхъ отталкиваться одинъ отъ другаго, какъ будто бы они были упруги. Такимъ образомъ, сообщеніе нашей средѣ движенія дѣлаетъ ее упругою, подобному тому состоянію тѣлъ, которое мы называемъ газообразнымъ. Вотъ первое свойство, которое можетъ быть выведено изъ движенія нашей матеріи. Какъ мы видимъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности приписывать матеріи врожденное, присущее ей свойство упругости. Свойство это получается для атомовъ совершенно твердыхъ на основаніи законовъ механики, не прибѣгая ни къ какимъ добавочнымъ допущеніямъ.

Дополнимъ нѣкоторыми подробностями то представленіе, которое надо себѣ сдѣлать о матеріи. Мы сказали, что эфиръ распространенъ въ междупланетномъ пространствѣ, и что онъ проникаетъ также въ глубочайшія нѣдра тѣлъ и облекаетъ мельчайшія ихъ частицы. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни одного явленія, въ которомъ бы онъ ни принималъ участія, если не главнаго, то второстепеннаго. Поэтому если бы можно было познать массу и скорость эфирныхъ атомовъ, массу и скорость вѣсовыхъ частицъ, то мы въ нѣкоторомъ родѣ захватили бы ключъ отъ физическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, тотъ, кому удалось бы найти извѣстную связь между этими величи-

Digitized by Google

нами, кому удалось бы, такъ сказать, постигнуть отношеніе, существующее между ними, положилъ бы начало многочисленнымъ открытіямъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго до сихъ поръ нѣтъ. По результатамъ мы знаемъ, что существуетъ нѣкое взаимодѣйствіе между эфиромъ и обыкновеннымъ веществомъ; видимъ, что горящее тѣло производитъ свѣтъ; видимъ, что свѣтъ этотъ превращается въ химическое дѣйствіе,—но ни въ одномъ еще случаѣ не удалось свести явленіе къ механическимъ его элементамъ и посмотрѣть на самомъ дѣлѣ обмѣнъ движенія.

Каково разстояніе между частицами тѣла?—Относительно разстоянія между атомами и между частицами матеріи существуютъ только совершенно приблизительныя догадки. Обыкновенно предполагается, что пустоты между вѣсовыми частицами огромны, сравнительно съ величинами самихъ частицъ. Томасъ Юнгъ прямо утверждаетъ, что частицы воды находятся другъ отъ друга на такомъ разстояніи, какъ 100 человѣкъ, которые были бы распредѣлены равномѣрно по поверхности Англіи, т.-е. почти на 60 верстъ разстоянія другъ отъ друга. Кристаллографы, конечно, не согласятся на такое разстояніе для объясненія строенія ихъ кристаллическихъ тѣлъ. Касательно эфира Коши вывелъ очень остроумными вычисленіями, что разстояніе между его атомами должно быть вродѣ $^2/_{100}$-хъ длины красной волны; если же это вѣрно, то на протяженіи одного миллиметра умѣстилось бы ихъ около 300.000 штукъ. Буше-Порнъ считаетъ себя вправѣ утверждать, что эфирные атомы такъ тѣсно скучены, что сумма пустотъ равняется $^1/_{20}$ заполненнаго пространства.

И. О. Ярковскій („Строеніе матеріи“) протестуетъ противъ такихъ обширныхъ разстояній, будто бы существующихъ въ природѣ между частицами тѣлъ. Онъ находитъ, что столь свободно размѣщенныя частицы матеріи не могли бы удовлетворять не только условіямъ непроницаемости и несжимаемости, но и условіямъ непрозрачности матеріи. Онъ размѣщаетъ свои частички матеріи, въ предлагаемой имъ системѣ строенія матеріи, весьма близко одна отъ другой и говоритъ, что если допустить, что сила тяготѣнія есть эффектъ, производимый постоянно движущимся къ центру земли токомъ эфира, то плотность и тяжесть тѣлъ объясняются совершенно легко и просто. Въ этомъ случаѣ тяжесть зависитъ не отъ массы тѣла, а отъ суммы поверхностей всѣхъ частицъ тѣла, омываемыхъ этимъ токомъ. При этихъ условіяхъ въ одномъ и томъ же объемѣ можетъ заключаться одна и та же масса вещества;

Digitized by Google

но если она будетъ состоять изъ крупныхъ частицъ, то сумма ихъ поверхностей будетъ незначительна, слѣдовательно — и вѣсъ малъ; то же самое количество вещества, наполняющее тотъ же объемъ, но только въ видѣ частицъ болѣе мелкихъ, даетъ бо́льшую поверхность и, стало быть, и бо́льшій вѣсъ тѣла. Эта послѣдняя теорія, безспорно, ближе всѣхъ остальныхъ къ истинѣ, въ чемъ надо отдать ей полную справедливость. Однако, и она требуетъ еще многихъ выясненій.

Вообще, всѣ эти свѣдѣнія не могутъ считаться вполнѣ вѣрными, но надо сказать, что въ этомъ отношеніи ничего болѣе серьезнаго пока еще не найдено; однако, мы все-таки можемъ вывести заключеніе, что пространство между матеріальными частицами тѣла существуетъ и что оно довольно значительно.

Что такое частицы матеріальнаго тѣла, которыя мы называемъ простыми, напримѣръ: частицы кислорода, водорода, углерода? — Недѣлимыя онѣ единицы, настоящіе атомы или аггрегаты?

Наука въ настоящее время стала уже называть ихъ аггрегатами. Послѣ эпохи первыхъ открытій, положившихъ основаніе новѣйшей химіи, когда анализъ вынужденъ былъ остановиться передъ веществами, которыя мы не могли никакъ разложить,—Берцеліусъ принялъ, что эти вещества различны по своимъ качествамъ. По этой теоріи, золото, углеродъ, платина—тѣла совершенно разнородныя, самые атомы которыхъ имѣютъ особыя спеціальныя свойства. Между тѣмъ понятіе объ эквивалентахъ, которое было введено въ химію съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, естественно наводило умы на совершенно противоположное заключеніе. Оказалось, что простыя тѣла соединяются и замѣщаются въ соединеніяхъ согласно опредѣленнымъ пропорціямъ, а это естественно наводило на мысль, что эквивалентныя количества различныхъ тѣлъ не что иное, какъ разнообразныя аггрегаты атомовъ какого-нибудь вещества.

Какъ извѣстно, еще въ 1804 году Дальтонъ открылъ такъ называемый законъ кратныхъ отношеній, который какъ бы воскресилъ и подтвердилъ старинное атомистическое ученіе, требующее недѣлимости атомовъ. Ученіе это было поддержано многими выдающимися химиками (Волластономъ, Томсономъ, Берцеліусомъ) и затѣмъ укоренилось окончательно. Д-ръ Праутъ пошелъ далѣе: онъ предложилъ гипотезу, по которой атомные вѣса элементовъ суть кратныя цѣлыя числа отъ единицы, равной атомному вѣсу водорода. Томсонъ утверждалъ, что этотъ законъ общепримѣнимъ; однако, Берцеліусъ и Турнеръ заявили, что эта гипотеза несогласна съ результатами самыхъ

Digitized by Google

лучшихъ анализовъ. Впослѣдствіи бельгійскій ученый Стасъ самыми точными опытами доказалъ неточность предположенія Праута. Мартиньякъ и Дюма старались подыскать подходящее объясненіе указаннымъ Стасомъ неточностямъ, однако, ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ.

„Всѣмъ извѣстно,—говоритъ В. Круксъ въ своей рѣчи („О происхожденіи химическихъ элементовъ". Переводъ подъ редакціею Столѣтова. Москва, 1886), — что позднѣйшія, болѣе точныя, опредѣленія атомныхъ вѣсовъ различныхъ элементовъ далеко не представляютъ близкаго согласія съ числами, требуемыми по закону Праута. Но все-таки въ немаломъ числѣ случаевъ дѣйствительный атомный вѣсъ такъ близко подходитъ къ требуемому гипотезою, что мы едва ли можемъ считать это совпаденіе случайнымъ. Поэтому многіе авторитетные химики думаютъ, что мы имѣемъ здѣсь выраженіе истины, замаскированное какими-то остаточными или побочными явленіями, которыхъ намъ еще не удалось исключить".

Подлинныя вычисленія, на которыхъ основываются самыя точныя цифры атомныхъ вѣсовъ, недавно были перевычислены Ф. В. Кларкомъ. Въ своихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ г. Кларкъ, говоря о Праутовскомъ законѣ, находитъ, что „ни одно изъ кажущихся исключеній нельзя назвать необъяснимымъ. Словомъ, если принять половинныя кратныя за истинныя, то представляется болѣе вѣроятнымъ — немногія кажущіяся исключенія приписывать нераскрытымъ постоянно ошибкамъ, чѣмъ счесть за простую случайность близкое согласіе въ большомъ числѣ цифръ. Я началъ это перевычисленіе атомныхъ вѣсовъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ гипотезы Праута, но по мѣрѣ того, какъ факты выступали передо мною, я вынужденъ былъ отнестись къ ней съ большимъ уваженіемъ".

Круксъ склоняется въ пользу гипотезы Праута, видоизмѣненной Кларкомъ, и указываетъ на то, что единицею можетъ быть не водородъ, а какое-нибудь другое тѣло съ болѣе низкимъ атомнымъ вѣсомъ. Какъ на такое тѣло, онъ указываетъ на *гелій*—элементъ чисто гипотетическій, пока дѣло идетъ о землѣ, но который, по мнѣнію многихъ авторитетовъ, существуетъ на солнцѣ и другихъ свѣтилахъ.

Э. Спѣ въ запискѣ, читанной въ брюссельской академіи, показалъ, что гелій, буде онъ существуетъ, долженъ обладать двумя замѣчательными свойствами: его спектръ состоитъ только изъ одного луча и его паръ не имѣетъ вовсе поглощательной способности. И то и другое доказываетъ чрезвычайную простоту его молекулярнаго сложенія. На этомъ осно-

Digitized by Google

ваніи Круксъ предполагаетъ, что его атомный вѣсъ долженъ быть ниже, чѣмъ у водорода, и выводитъ заключеніе, что именно гелій можетъ быть тою единицею, которая требуется, по Кларку, въ основу закона Праута.

Какъ мы видимъ, гипотеза Праута была опровергаема, а теперь, какъ будто, подтверждена работами Кларка. Опроверженія относятся только къ той единицѣ, которую нужно бы принять въ основу, но, вѣдь, эта единица можетъ быть намъ и неизвѣстна, а тѣмъ не менѣе принципъ можетъ остаться вѣренъ.

Философское значеніе этой гипотезы заключается въ стремленіи свести всѣ разновидности существующей матеріи къ одному какому-либо виду, будетъ ли это водородъ, гелій, эфиръ, или еще иной элементъ, съ еще меньшимъ атомнымъ вѣсомъ.

Въ настоящее время возвышенная температура признана всѣми за весьма могущественное средство, способствующее разложенію матеріи на ея составныя части. Если мы знаемъ, напримѣръ, что вода въ предѣлахъ 100 градусовъ Цельсія принимаетъ уже три различные вида: льда, жидкости и пара; если мы знаемъ, что пары, нагрѣтые еще градусовъ на 300 разлагаются на кислородъ и водородъ, — можемъ ли мы судить,—во что обратятся эти кислородъ и водоводъ въ температурѣ солнца, достигающей до 100,000 градусовъ? Можемъ ли мы, хотя примѣрно, сказать, пользуясь нашимъ лабораторскимъ опытомъ,—многія ли останутся неизмѣняемыми изъ числа 70 тѣлъ, которыя мы считаемъ простыми и неразложимыми, если мы помѣстимъ ихъ въ температуру солнца или Сиріуса, который еще бѣлѣе?

Норманъ Локіеръ въ своихъ астрономическихъ изслѣдованіяхъ поднимаетъ именно этотъ вопросъ, и приходитъ къ заключенію, что чѣмъ свѣтъ звѣзды болѣе, т.-е. чѣмъ температура ея выше, тѣмъ и спектральный анализъ открываетъ менѣе составныхъ частей въ ней. Весьма важно то обстоятельство, что, напримѣръ, Сиріусъ кажется намъ состоящимъ изъ одного водорода; и нѣтъ причинъ предполагать, что въ немъ есть какія-либо другія извѣстныя намъ тѣла. Локіеръ нашелъ, что звѣзды менѣе бѣлыя показываютъ признаки не одного водорода, но и желѣза, соды и т. д., а звѣзды желтыя, оранжевыя показываютъ уже признаки сложныхъ тѣлъ. Если это такъ, если мы можемъ бѣлый цвѣтъ звѣздъ считать признакомъ простоты и легкости,—мы должны убѣдиться въ могуществѣ температуры къ разложенію частицъ матеріи и

Digitized by Google

сказать, что нѣтъ въ нихъ неразложимыхъ при извѣстныхъ условіяхъ.

В. Круксъ объ этихъ изслѣдованіяхъ говоритъ: „Норманъ Локіеръ показалъ, мнѣ кажется, убѣдительно, что въ небесныхъ тѣлахъ, весьма высокой температуры, многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ элементовъ диссоціированы, или, можетъ быть, лучше будетъ сказать, они никогда не составлялись".

Причина отсутствія нѣкоторыхъ элементовъ на солнцѣ ставило ученыхъ въ затруднительное положеніе. Локіеръ предложилъ теорію, способную устранить многія затрудненія. Онъ полагаетъ, что наши простыя тѣла въ дѣйствительности суть тѣла сложныя, способныя диссоціироваться подъ вліяніемъ высокой температуры, и этимъ объясняетъ, что нѣкоторые изъ элементовъ подъ вліяніемъ солнечной теплоты могли разложиться или совсѣмъ не образоваться.

Такой же взглядъ поддерживалъ профессоръ Грэгэмъ, который говорилъ: „Понятно, что различные роды матеріи, признаваемые нынѣ въ различныхъ элементарныхъ веществахъ, могутъ обладать однимъ и тѣмъ же элементомъ или атомической молекулой, существующей въ различныхъ условіяхъ подвижности. Единство матеріи въ ея существѣ, — добавляетъ онъ,—есть гипотеза, находящаяся въ согласіи съ равнымъ дѣйствіемъ тяжести на всѣ тѣла". Подобные же взгляды защищалъ знаменитый французскій химикъ Дюма, который основывалъ мысль о сложной природѣ элементарныхъ атомовъ на извѣстныхъ отношеніяхъ атомическихъ вѣсовъ. Сложная природа химическихъ элементовъ поддерживалась также Генри Сенъ-Клеръ-Девилемъ и Бертело, который признавалъ, что атомы у элементовъ одни и тѣ же, а различаются только по способу своего движенія. Профессоръ Шустеръ, въ докладѣ, читанномъ въ 1880 году передъ Британской Ассоціаціей, поддерживалъ гипотезу о диссоціаціи химическихъ элементовъ.

Что всѣ чисто физическія науки когда-нибудь придутъ къ небольшому числу общихъ законовъ и принциповъ, и что вся совокупность признаваемыхъ нынѣ химическихъ элементовъ сведется къ одному или двумъ элементамъ матеріи,— есть выводъ, къ которому въ настоящее время тяготѣетъ физическая наука.

Бенджаменъ Броди о до-туманностномъ состояніи матеріи говоритъ: „Существуютъ очень принудительныя основанія, приводящія насъ къ сомнѣнію въ томъ, что химическія вещества дѣйствительно состоятъ изъ примитивной системы элементарныхъ тѣлъ, аналогичныхъ по ихъ общей природѣ съ

Digitized by Google

нашими теперешними элементами, т.-е. нѣкоторыя изъ тѣхъ тѣлъ, которыя мы называемъ теперь элементами, могутъ быть сложными". Эти-то принимаемые имъ идеальные элементы, по его словамъ, „хотя теперь возникаютъ передъ нами при помощи числовыхъ свойствъ химическихъ уравненій только какъ подразумѣваемыя и зависимыя существованія, о которыхъ мы можемъ только догадываться, могутъ когда-нибудь сдѣлаться, или могли быть въ прошедшемъ, отдѣльными независимыми существованіями, какъ, напр., на солнцѣ, гдѣ температура чрезвычайна. Мы можемъ,—прибавляетъ онъ далѣе,—считать, что въ отдаленныя эпохи температура матеріи была гораздо выше, чѣмъ теперь, и что эти „иныя существованія" (идеальные элементы) были тогда въ состояніи газовъ—въ отдѣльномъ существованіи, т.-е. несоединенные".

Годъ спустя послѣ того, какъ были высказаны предыдущіе взгляды относительно химической диссоціаціи сэромъ Бенджаменомъ Броди, въ чтеніи своемъ „О химіи первичной земли", передъ Королевскимъ Институтомъ (31 мая 1867), докторъ Гюнтъ высказалъ, повидимому самостоятельно, мнѣнія о диссоціаціи, совершенно сходныя съ мнѣніями Броди. Въ этомъ чтеніи онъ говоритъ: „Я разсматриваю химію туманностей, солнца и звѣздъ при соединенномъ освѣщеніи, проливаемомъ на этотъ вопросъ съ одной стороны спектральнымъ анализомъ, съ другой—изслѣдованіями Девиля о диссоціаціи, и заключаю путемъ обобщенія, что распаденіе сложныхъ тѣлъ, или диссоціація элементовъ, посредствомъ сильной теплоты, есть начало, примѣнимое и къ общеміровымъ явленіямъ, такъ что мы можемъ предположить, что всѣ элементы, которые образуютъ солнце или нашу планету, если бы они были такъ сильно нагрѣты, что находились бы въ газообразной формѣ, которую способна принять вся матерія,—то они въ этомъ состояніи оставались бы несоединенными, т. е. они существовали бы вмѣстѣ въ состояніи химическихъ элементовъ, дальнѣйшая диссоціація которыхъ въ звѣздныхъ или туманныхъ массахъ можетъ дать намъ доказательство о существованіи матеріи еще болѣе элементарной, чѣмъ та, которая получается въ опытахъ нашихъ лабораторій, гдѣ мы можемъ только догадываться о сложной природѣ многихъ изъ такъ называемыхъ „элементарныхъ субстанцій". „Наша атмосфера,—говоритъ Гюнтъ,—не есть земная, но міровая (космическая), существующая какъ міровая среда, разлитая по всему пространству, но сгущенная вокругъ различныхъ центровъ притяженія въ суммѣ, пропорціональной ихъ массамъ и температурѣ, и самыя воды океана принадлежатъ къ той же всемірной атмосферѣ" (Nature, авгу-

Digitized by Google

ста 29, 1878 г., стр. 475). Подобный же взглядъ былъ высказанъ М. Вильямсомъ, который говоритъ, что „газообразный океанъ, въ который мы погружены, есть лишь часть безконечной атмосферы, наполняющей все пространство; это связываетъ между собою всѣ элементы міра и распредѣляетъ между ними ихъ теплоту, свѣтъ и всѣ другія физическія и жизненныя силы, которыя способна породить теплота“ (Fuell of the Sun., стр. 5). (Развитіе звѣздъ, Джемсъ Кролль, стр. 69—72).

Въ докладѣ, читанномъ передъ химической секціей Британской Ассоціаціи въ 1886 году, Вилльямъ Круксъ довольно долго занимался вопросомъ о зарожденіи или эволюціи химическихъ элементовъ. Мы дадимъ здѣсь краткій остовъ его взглядовъ, введенныхъ въ этотъ важный докладъ.

„Мы спрашиваемъ,—говоритъ Круксъ,—не могли ли сами химическіе элементы развиться изъ немногихъ предшествующихъ формъ матеріи, или быть можетъ изъ одной только, совершенно такъ же, какъ теперь принимаютъ, что всѣ безчисленныя видоизмѣненія растеній и животныхъ развились изъ немногихъ ранѣе существовавшихъ формъ органической жизни? Для поверхностнаго и торопливаго взгляда планъ и постепенное развитіе кажутся вещами несовмѣстимыми, исключающими другъ друга; но болѣе тщательный изслѣдователь видитъ, что постепенное развитіе, непоколебимо совершающееся по возвышающимся ступенямъ совершенства, есть самый прочный аргументъ въ пользу предусмотрѣннаго плана.

„Значитъ, какъ въ органическомъ мірѣ, такъ и въ неорганическомъ является естественнымъ смотрѣть на химическіе элементы не какъ на первосуществующіе, но какъ на постепенные продукты процесса развитія. Но эта эволюція или развитіе элементовъ могли происходить въ періодѣ столь отдаленномъ, что его трудно представить въ воображеніи, когда наша земля, или скорѣе—матерія, изъ которой она состоитъ, была въ состояніи весьма различномъ отъ ея теперешнихъ условій“ (Кролль, стр. 76, 77).

Разбирая доказательства такого постепеннаго развитія химическихъ элементовъ, Круксъ сожалѣетъ, что никакихъ прямыхъ доказательствъ онъ представить не можетъ, но говоритъ, что зато косвенныхъ доказательствъ слишкомъ много, которыя не менѣе краснорѣчиво ратуютъ за существованіе, какъ онъ называетъ, „протила“ или первичной матеріи, изъ которой образовались всѣ остальные элементы или простыя тѣла, а затѣмъ и всѣ сложныя тѣла вселенной. Какъ болѣе убѣдительныя косвенныя доказательства, онъ приводитъ: 1) заклю-

Digitized by Google

ченіе Гершеля и Кларка Максуэля по вопросу о томъ, что атомы носятъ отпечатокъ производныхъ предметовъ; 2) законъ Праута, исправленный Кларкомъ; 3) анализъ земной коры; 4) анализъ сложныхъ радикаловъ; 5) полимерность многихъ элементовъ и въ 6) законъ періодичности, даваемый Ньюландсомъ, на которомъ онъ и заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Чѣмъ болѣе я изучаю расположеніе зигзаговъ кривыхъ этихъ періодичностей, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что Ньюландсъ овладѣлъ ключомъ, съ которымъ будетъ дозволено заглянуть въ нѣкоторыя самыя глубокія тайны созданія. Вообразимъ, насколько это возможно, отблескъ немногихъ секретовъ, скрытыхъ тамъ. Вообразимъ себѣ самое начало временъ, передъ геологической эпохой, передъ тѣмъ временемъ, когда земля отдѣлилась отъ центральнаго ядра расплавленной жидкости, даже передъ тѣмъ временемъ, когда само солнце оплотнилось изъ первичнаго протила. Вообразимъ еще, что въ этой первичной стадіи, температура была невообразимо болѣе высокою, чѣмъ какая-либо изъ температуръ, существующихъ нынѣ въ видимой нами вселенной,—настолько высокою, что химическіе атомы не могли бы еще образоваться, такъ какъ точка ихъ диссоціаціи была гораздо ниже.

„По скольку протилъ способенъ былъ излучать или отражать свѣтъ, по скольку это обширное море раскаленнаго тумана должно было казаться астроному, на какой-либо отдаленной звѣздѣ, въ видѣ туманности, дающей въ спектроскопѣ небольшое число отдѣльныхъ линій, предвѣстниковъ будущаго спектра водорода, углерода и азота.

„Но съ теченіемъ времени, нѣкоторые процессы, родственные охлажденію, вѣроятно—внутренніе, привели температуру мірового протила къ точкѣ, въ которой имѣла мѣсто первая степень грануляціи (т. е. образованія атомовъ); матерія, какою мы ее знаемъ, начинала существовать, и образовались атомы. Но едва образовался какой-нибудь атомъ изъ протила, онъ былъ уже запасомъ энергіи, потенціальной (по его тенденціи связываться съ другими атомами посредствомъ притяженія или химически) и кинетической (по его внутреннему движенію). Чтобы получить эту энергію, сосѣдній протилъ долженъ былъ охлаждаться этимъ атомомъ, а отсюда, слѣдовательно, образованіе другихъ атомовъ ускорилось. Но съ образованіемъ вещества атомнаго, начали дѣйствовать различныя формы энергіи, требующія для своего проявленія матеріи, а между другими формами энергіи — и та форма ея, которую мы теперь называемъ атомнымъ вѣсомъ. Представимъ себѣ, что элементарный протилъ содержитъ въ себѣ самомъ потенціальность

Digitized by Google

(возможность) всякой пропорціи соединенія или, всякаго возможнаго атомическаго вѣса. Допустимъ, что извѣстные намъ теперь элементы еще не были въ то время созданы сразу. Элементы, образующіеся легче другихъ, т.-е. болѣе всѣхъ родственные протилу по простотѣ, родятся прежде другихъ. Водородъ,—или, быть можетъ, гелій — изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ элементовъ обладаетъ самымъ простымъ строеніемъ и самымъ низшимъ атомнымъ вѣсомъ; онъ-то и долженъ былъ прежде другихъ начать существованіе. Нѣкоторое время водородъ былъ единственною существующею формою матеріи (какою мы ее знаемъ), и между водородомъ и элементами, образовавшимися ближе другихъ къ нему, долженъ былъ существовать огромный промежутокъ времени, въ послѣдней части котораго элементы, наиболѣе близкіе къ водороду, по своей простотѣ, приблизились бы постепенно къ пункту своего рожденія. Разсматривая этотъ періодъ, мы можемъ предположить, что эволюціонный процессъ, который скоро долженъ былъ опредѣлить рожденіе новаго элемента, опредѣлялъ также и его атомный вѣсъ, его сродство и его химическое положеніе".

Дальнѣйшія доказательства того, что всѣ химическіе элементы развились, вѣроятно, изъ одного общаго источника, даются „Логариѳмическимъ закономъ атомныхъ вѣсовъ" д-ра Станея, который онъ сообщилъ Королевскому Обществу 19 апрѣля 1888 г. Главная черта этого открытія состоитъ въ томъ, что въ немъ атомные вѣса представляются объемами, а не линіями. Мы имѣемъ въ ней послѣдовательность сферъ, объемы которыхъ пропорціональны атомнымъ вѣсомъ и которыя можно бы назвать атомными сферами. Если радіусы этихъ сферъ начертить на діаграммѣ, какъ ординаты, а ряды цѣлыхъ чиселъ,—какъ абсциссы, то общая форма логарифмической кривой становится наглядною, а тщательное изслѣдованіе показываетъ, что или логариѳмическая кривая, или какая-нибудь кривая, весьма близкая къ ней, выражаютъ реально этотъ законъ природы.

Если, какъ представляется вѣроятнымъ, логариѳмическій законъ есть законъ природы, то оказывается, что должны быть три элемента, болѣе легкіе, чѣмъ водородъ, которымъ д-ръ Станей далъ названіе: инфра-флуоринъ, инфра-кислородъ и инфра-азотъ. И во всякомъ случаѣ существуетъ шесть утраченныхъ элементовъ между водородомъ и литіемъ.

Открытіе д-ра Станея основано на фактѣ, что если атомные вѣса химическихъ элементовъ расположить въ порядкѣ ихъ величины, то выступаетъ на свѣтъ періодическій законъ, т.-е. законъ, открытый Ньюландсомъ, Менделѣевымъ и Мейе-

Digitized by Google

ромъ. А изъ него слѣдуетъ, что долженъ быть какой-нибудь законъ, связывающій атомные вѣса съ послѣдовательными членами числовыхъ рядовъ—или одинъ, или съ другими измѣненіями.

Сообщая объ этой теоріи, профессоръ Рейнольдъ говоритъ: „Она вводитъ, несомнѣнно, пункты крайне важные, хотя, можетъ быть, они въ настоящее время не могутъ реализировать своего полнаго значенія. Съ этимъ оказываются связанными нѣкоторые немного трудные пункты, но, тѣмъ не менѣе, ясно намѣчается выводъ, что скоро придетъ время, когда и химики, и физики соединятся для развитія научной работы, лежащей на границѣ области наиболѣе важныхъ и поразительныхъ фактовъ".

Связь между выводами д-ра Станея, какъ и Крукса, съ примитивнымъ состояніемъ всемірнаго матеріала очевидна (Развитіе звѣздъ. Кролль, стр. 81—85).

Наконецъ, нѣкоторые ученые пришли къ убѣжденію, что эта первичная міровая или космическая матерія произвела первоначально свѣтовой эфиръ, т.-е. гипотетичную среду, которая, по предположенію, и наполнила все міровое пространство. „Всемірная міровая ткань, безгранично разлитая въ пространствѣ, можетъ въ крайнемъ состояніи разрѣженности, — говоритъ профессоръ Уинчель,—быть эфирной средой, и изъ этой-то полу-духовной (demispiritual) субстанціи могли зародиться молекулы обыкновенной матеріи. Конечно, возможно, — говоритъ онъ,—представить эти косметическіе атомы какъ нѣкоторое преобразованіе эфирной среды, но мы очень мало знаемъ о природѣ эфира, чтобы обосновать научный выводъ такого рода".

Но происхожденіе матеріи отъ эфира защищалось Сежé, докторомъ Мейвикаромъ и многими другими. Въ лекціи профессора Оливера Лоджа, передъ Лондонскимъ институтомъ въ декабрѣ 1882 г., онъ также отстаиваетъ происхожденіе матеріи отъ эфира. „На сколько мы знаемъ", говоря его словами, „этотъ эфиръ, кажется, долженъ быть однороднымъ, несжимаемымъ, непрерывнымъ тѣломъ, неспособнымъ разрѣшиться въ простые элементы или атомы; онъ, въ самомъ дѣлѣ непрерывенъ, а не состоитъ изъ частицъ (не молекуляренъ). Нѣтъ другаго тѣла, о которомъ мы могли бы сказать то же, а отсюда свойства эфира должны быть чѣмъ-то различны отъ свойствъ обыкновенной матеріи"... „Естественно спросить, существуетъ ли такое ясное различіе между эфиромъ и матеріей какъ мы до сихъ поръ молча подразумѣвали? Не могутъ ли они быть лишь различными видоизмѣненіями или даже про-

Digitized by Google

явленіями одной и той же вещи?“ Затѣмъ, онъ принимаетъ теорію Вил. Томсона о вихреобразныхъ атомахъ. „Въ заключеніе—говоритъ профессоръ Лоджъ,—я постарался познакомить васъ съ простѣйшей идеей о матеріальномъ пространствѣ,—съ идеей, что существуетъ единая матеріальная субстанція, совершенно однородная, непрерывная и простая въ своемъ строеніи, простирающаяся до отдаленнѣйшихъ границъ пространства, о которыхъ мы имѣли какое-либо познаніе, и существующая вездѣ одинаково, а именно: нѣкоторыя ея части находятся или въ покоѣ, или въ простомъ невращательномъ движеніи, передающемъ колебанія (вольнообразныя движенія), которыя мы называемъ свѣтомъ, другая часть ея находится въ движеніи вращательномъ,—т.-е. въ вихряхъ,—и этимъ движеніемъ постоянно выдѣляется (дифференцируется) отъ остальной среды.

„Эти вихревые атомы часто составляютъ то, что мы зовемъ матеріей; ихъ движеніе даетъ имъ неуступчивость (rigidity), и изъ нихъ построены наши тѣла и всѣ матеріальные предметы, которые намъ извѣстны.

„Непрерывная субстанція, наполняющая все пространство, которая можетъ вибрировать, какъ свѣтъ, которая можетъ обладать положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, которая въ формѣ вихрей образуетъ матерію и которая передаетъ, благодаря непрерывности, а не въ силу толчковъ, всякое дѣйствіе и противодѣйствіе, къ какому способна матерія,—таковъ современный взглядъ на эфиръ и его функціи“ (Nature, февраль 1883 г.).

Итакъ, основываясь на всемъ вышесказанномъ, мы приходимъ къ заключенію, что разницу между частицами кислорода, водорода, углерода, золота платины и т. д. мы должны искать въ количествѣ и качествѣ движенія, которому подвергаются частицы, ибо природа ихъ всѣхъ совершенно одинакова. Если это справедливо относительно этихъ тѣлъ между собою сравниваемыхъ, то подавно это справедливо и относительно этихъ тѣлъ по сравненію съ эфиромъ. Какое различіе можно было бы найти между ними и эфиромъ, которое бы касалось природы вещества? Такимъ образомъ, мы можемъ каждую матеріальную частицу принимать за аггрегатъ атомовъ эфира.

Въ состояніи наибольшей разрѣженности вещество состоитъ изъ атомовъ эфира; затѣмъ, слѣдуютъ элементарныя частицы тѣлъ, которыя мы называемъ простыми. Частицы эти, соединяясь, образуютъ сложныя частицы химическихъ соединеній и затѣмъ — всѣ тѣла природы.

Digitized by Google

Новѣйшая физика сводитъ къ одному движенію все строеніе и свойства всѣхъ частицъ. Она, правда, не имѣетъ еще прямыхъ и совершенно неопровержимыхъ доказательствъ, совершенно такъ же, какъ и старая теорія, говорящая, что разнообразіе свойствъ вещества истекаетъ изъ внутреннихъ качествъ матеріи. Въ этомъ отношеніи обѣ теоріи остаются гипотетичными. Но новѣйшая теорія основываетъ свои выводы на всей совокупности открытыхъ физикой и химіей законовъ и считаетъ себя вправѣ принять эти объясненія, судя по тому, что извѣстно о свѣтѣ, теплотѣ и электричествѣ и на основаніи выводовъ относительно природы тяготѣнія. Позитивизмъ же строитъ свои отрицанія на однихъ своихъ незнаніяхъ; онъ говоритъ: первичной матеріи мы не можемъ признать, ибо мы еще не разложили нашихъ простыхъ тѣлъ; эфиръ мы не можемъ признать, ибо онъ не поддается программѣ нашей системы изученія природы; природа атома ускользаетъ отъ нашихъ изслѣдованій; умозрѣнія мы допустить не можемъ, ибо оно заводило насъ иногда къ ошибочнымъ выводамъ, и т. д. Однимъ словомъ, они желаютъ полнаго бездѣйствія, боясь впасть въ ошибки; это, конечно, одно изъ радикальныхъ средствъ, но невозможныхъ въ примѣненіи къ наукѣ. Мы скажемъ:

1) Въ пользу сложности элементовъ имѣются хоть какія-либо косвенныя доказательства; въ пользу же того, что они неразложимы—не имѣется равно никакихъ. Эти косвенныя доказательства, о которыхъ говоритъ Круксъ, должны насъ привести къ заключенію, что творческою силою былъ созданъ одинъ типъ матеріи. Какъ-то странно предполагать, чтобы каждый элементъ былъ слѣдствіемъ особаго попеченія этой творческой силы.

2) Эфиръ долженъ быть принятъ наукой, ибо безъ него мы не можемъ себѣ выяснить ни одного явленія природы, такъ какъ qualitates occultae, или свойства, присущія матеріи, которыя признаетъ позитивизмъ,—есть абсурдъ, ибо они были бы чудомъ, какъ выразился Лейбницъ, на которое никакихъ доказательствъ приведено быть не можетъ и никогда и не приводилось.

3) Будущее можетъ только показать, насколько современная наука ошибается, подходя такъ близко къ основнымъ первоначальнымъ условіямъ, которыя до сихъ поръ хранились въ глубочайшихъ нѣдрахъ вещества; но во всякомъ случаѣ послѣ всего, что намъ извѣстно о немъ въ настоящее время, вся эта система должна быть признана совершенно логичною, а слѣдовательно и научною, и должна имѣть свое мѣсто въ наукѣ, пока не отыщутся ей опроверженія.

Digitized by Google

На этомъ основаніи мы считаемъ себя вправѣ идти дальше и приступить къ изложенію тѣхъ теоретическихъ соображеній, которыя могли бы выяснить намъ сущность притягательной силы. Въ предстоящихъ нашихъ доводахъ мы преднамѣренно будемъ ставить слово „атомъ“ всегда для обозначенія элементовъ эфира, а слово „частица“—для обозначенія элементовъ обыкновеннаго вещества, такъ что во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ мы можемъ оставаться при первоначальномъ понятіи, которое установила химія, и разсматривать частицы элементовъ, какъ маленькіе недѣлимые *кусочки* вещества, внутреннее строеніе которыхъ не оказываетъ никакого дѣйствія на изучаемыя явленія.

Какова сущность притягательной силы?—Представимъ себѣ,—говоритъ А. Секки,—что эфиръ наполняетъ все пространство, а атомы его находятся постоянно въ поступательномъ и въ очень быстро вращательномъ движеніи, а потому сталкиваются между собою.

Затѣмъ, предположимъ, что въ какой-нибудь точкѣ этой среды существуетъ какая-нибудь спеціальная и постоянная причина возмущенія, которая сообщаетъ частицѣ вѣсомаго вещества колебательное движеніе. Тогда сотрясенія этой частицы будутъ распространяться по эфирной средѣ и, вслѣдствіе однородности среды, будутъ именно распространяться по всѣмъ направленіямъ. Атомы, самые близкіе къ частицѣ вѣсомой матеріи, будутъ получать отъ нея сильные удары, частица съ силою будетъ отгонять ихъ отъ себя цѣлыми рядами, а слѣдовательно въ центрѣ сотрясенія атомы эфира станутъ рѣдѣть, а всего рѣже будетъ тотъ слой, который прямо прилегаетъ къ самой частицѣ.

Если возмущающее дѣйствіе будетъ продолжаться, то тоже дѣйствіе распространится отъ слоя къ слою по всему пространству. Въ конечномъ результатѣ эфиръ расположится вокругъ частицы концентрическими слоями, изъ которыхъ самые близкіе будутъ всѣхъ рѣже, прочіе же будутъ все плотнѣе и плотнѣе. Не трудно вообразить себѣ это состояніе, начертивъ слѣдующую фигуру: въ самомъ центрѣ частицу, а вокругъ нея сферы атомовъ, сначала широко разставленныхъ, а потомъ сближенныхъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Замѣтивъ тутъ же, что, какъ всегда при распространеніи какого-нибудь дѣйствія въ концентрическихъ сферахъ, разность плотности смежныхъ слоевъ будетъ обратно пропорціальна поверхностямъ сферъ, т.-е. квадратамъ радіусовъ.

Предположимъ затѣмъ, что въ какую-нибудь точку системы такихъ концентрическихъ слоевъ попадаетъ другая матеріальная

Digitized by Google

частица. Эта частица встрѣтитъ по направленію къ первой эфирные слои менѣе плотные, чѣмъ съ противоположной стороны, а такъ какъ она, кромѣ того, получаетъ со всѣхъ сторонъ удары отъ атомовъ эфира, то ясно также, что со стороны первой частицы она будетъ получать меньшее число ударовъ, чѣмъ со всѣхъ другихъ сторонъ; поэтому она станетъ приближаться къ первой частицѣ.

Вотъ такимъ образомъ получается причина притяженія. Невыясненною остается только первоначальная причина движенія частицы. Она не имѣетъ себѣ объясненія ни въ какой наукѣ; это выше всѣхъ возможныхъ познаній Декартъ, Ньютонъ, Бойль, Фарадей, Клэркъ, Лейбницъ и многіе другіе совершенно опредѣленно высказались, что первоначальная причина движенія есть Воля Божія и что никакой другой быть не можетъ.

Вторая частица движется къ первой потому, что съ разныхъ сторонъ ее окружаютъ эфирные слои неодинаковой плотности; а энергія этого дѣйствія, по причинѣ указанной выше, должна быть обратно пропорціальна квадратамъ разстояній обѣихъ частицъ. Но это и есть именно тотъ законъ, по которому и дѣйствуетъ тяготѣніе.

Сказанное нами объ отдѣльныхъ частицахъ естественно прилагается и къ группамъ частицъ, образующихъ какое-либо тѣло. Такое скопище частицъ также вызываетъ въ эфирѣ различіе плотностей, которыя мы описали; и дѣйствіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ многочисленнѣе будутъ частицы, т.-е. чѣмъ больше будетъ масса тѣла. Міровыя тѣла не что иное, какъ громадныя тѣла, которыя повинуются тѣмъ же самымъ вліяніямъ, которыя заставляютъ вѣсомыя тѣла на землѣ падать къ поверхности ея. Въ томъ и другомъ случаѣ тяготѣніе есть не что иное, какъ то самое стремленіе къ сближенію, механизмъ котораго мы сейчасъ описали и причины котораго мы свели къ внѣшнимъ импульсамъ. При семъ мы не должны забывать, что разстояніе между матеріальными атомами, по отношенію къ размѣрамъ атомовъ эфира, чрезвычайно велико, и что оно занято эфиромъ. Однако, при семъ не слѣдуетъ впадать въ преувеличеніе, сравивая частицу съ небесными тѣлами, а отдѣляющіе ихъ другъ отъ друга промежутки—съ междупланетными пространствами.

Мы полагаемъ, что всѣ частицы вѣсомой матеріи постоянно находятся во вращательномъ движеніи, но такъ какъ форма частицъ не сферическая, то вокругъ каждой изъ нихъ долженъ неминуемо образоваться слой, въ которомъ окружающій эфиръ будетъ претерпѣвать уменьшеніе плотности, совершенно такъ же, какъ при вращеніи твердаго тѣла внутри жидкости, гдѣ

Digitized by Google

очень часто извѣстное число частицъ принимаетъ коловратное движеніе; если же это движеніе очень скоро, то образуются прямо пустоты на задней сторонѣ движущейся частицы, совершенно такія же, какъ пустоты, образующіяся при движеніи аэролитовъ. То же самое можетъ произойти и съ эфиромъ, окружающимъ вѣсомыя частицы, и мы, такимъ образомъ, предположимъ вокругъ этихъ частицъ настоящіе эфирные вихри; но въ этомъ нѣтъ никакой крайности, потому что и безъ гипотезы вихрей можно понять, что эфирная атмосфера частицъ должна разрѣжаться отъ дѣйствія частичнаго вращенія. Во всякомъ случаѣ мы, для простоты рѣчи, будемъ это разрѣженіе среды называть вихрями.

Можно положительно считать за доказанное, что между частицами вѣсомыхъ матерій не существуетъ одинаковости ни въ формахъ ихъ, ни въ размѣрахъ: это различіе очертаній должно оказывать значительное вліяніе не вихри, образующіеся вокругъ каждой матеріальной частицы, и ничто, слѣдовательно, не мѣшаетъ намъ полагать, что эти вихри разнятся между собою какъ по своимъ скоростямъ, такъ и по массамъ; отсюда и объясняется все разнообразіе физическихъ и химическихъ свойствъ, присущихъ различнымъ веществамъ природы.

Совершенно иное представляетъ эфиръ. Можно съ огромнымъ вѣроятіемъ считать, что всѣ его атомы обладаютъ совершенно тождественной массой, формой и объемомъ, а также и одинаковымъ вращательнымъ движеніемъ, вслѣдствіе чего они всѣ развиваютъ одну степень упругости.

Это положеніе, разобранное здѣсь вкратцѣ, не есть еще строгая и вполнѣ доказанная теорія, принятая всей наукой; однако, надо сказать, что она имѣетъ мало возраженій и объясняетъ всѣ явленія силъ сцѣпленія и тяготѣнія много лучше всѣхъ другихъ и принята многими учеными.

Выяснимъ здѣсь въ краткихъ словахъ два важныя и, повидимому, серьезныя возраженія противъ этой вихревой системы. Первое изъ нихъ слѣдующее: какимъ образомъ вращательныя вихреобразныя движенія вѣсомыхъ частицъ могутъ постоянно сохранять одну и ту же степень напряженія, если эфирная жидкость обладаетъ инерціею? Такой результатъ былъ бы понятенъ въ пустомъ пространствѣ; но частица, двигаясь въ извѣстной средѣ, должна мало-по-малу терять свою живую силу, сообщая ее окружающимъ частицамъ.

Это возраженіе было весьма основательно, если бы мы разсматривали часть эфира, выдѣленнаго изъ остальной массы общаго пространства,—въ этомъ случаѣ сила быстро истощилась бы. Но въ дѣйствительности это не такъ, ибо если нѣ-

Digitized by Google

которые атомы міровой среды уступаютъ часть своей скорости сосѣднимъ частицамъ, то, въ свою очередь, эти послѣднія возвращаютъ имъ соотвѣтствующее количество живой силы, и эти взаимныя уравновѣшиванія проявляются въ тысячахъ разныхъ формъ. Между множествомъ процессовъ подобнаго рода, укажемъ на одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, напримѣръ, горѣніе угля. Развѣ это горѣніе не есть возвращеніе міровой средѣ той живой силы, которую солнце сообщало углю при отложеніи его въ земныхъ частяхъ растеній изъ углекислоты? Путемъ опыта мы приходимъ всегда къ заключенію, что энергія природы никогда не теряется, но только разсѣевается между другими тѣлами, стремится уравняться между ними и когда это повсемѣстное равенство будетъ достигнуто, — міровая машина перестанетъ дѣйствовать. Впрочемъ, пока еще не представляется никакой опасности. Центры неравной энергіи, будучи размѣщены различно, дѣйствуютъ одинъ на другой, причемъ абсолютное количество энергіи, распространенное во вселенной, остается постояннымъ. Но дѣло представляется совершенно иначе, если ограничить наблюденія только извѣстнымъ опредѣленнымъ пространствомъ.

Разберемъ, какимъ образомъ вихри могутъ сохраняться вокругъ каждой частицы. Мы не могли бы еще доказать ихъ строго математическимъ путемъ, хотя факты неоспоримы. Мы видимъ, что круговращательное движеніе распространяется иногда на большія пространства въ водяныхъ массахъ циклоновъ, точно такъ же, какъ въ воздухѣ смерчи и вихри пыли пробѣгаютъ по нѣсколъку десятковъ верстъ безъ всякаго существеннаго измѣненія въ своей формѣ. Часто говорятъ, что смерчи переносятся вѣтромъ; но очевидно, что, на основаніи всего вышесказаннаго, они должны распространяться и другими путями, и дѣствительно въ южныхъ моряхъ часто замѣчали циклоны, которые слѣдовали направленію прямо противоположному нижнимъ атмосферическимъ теченіямъ.

Второе вѣское возраженіе, которое дѣлаютъ противъ вихреобразнаго движенія частицъ и противники эфирной теоріи,— это то, что эфиръ въ такомъ видѣ, какъ его обрисовываетъ настоящая система, долженъ оказывать сопротивленіе движенію небесныхъ тѣлъ по своимъ орбитамъ. „Быть можетъ, задерживающее вліяніе и существуетъ, но только мы его не можемъ замѣтить“—отвѣчаютъ приверженцы эфира. Доказано вычисленіями, что сопротивленіе эфира въ такой разрѣженной формѣ уменьшало бы ежегодно только на $1^1/_2$ сажени разстояніе отъ земли до солнца; вслѣдствіе такого процесса, продолжительность года уменьшалась бы въ каждыя 6000 лѣтъ на

Digitized by Google

одну секунду; какъ бы ни были точны вычисленія, мы въ настоящее время столь малаго измѣненія въ орбитѣ нашей узнать не въ силахъ.

Обратившись же къ кометамъ, масса которыхъ ничтожна по отношенію къ массамъ другихъ планетъ, мы видимъ скорѣе подтвержденіе этой системы, чѣмъ опроверженіе ея.

Безспорно, что для кометъ, при ихъ легкости, сопротивленіе міровой среды должно имѣть большое значеніе; кромѣ того, онѣ, вслѣдствіе своей разрѣженности, подвергаются многимъ другимъ возмущеніямъ. Онѣ сильно отклоняются отъ своей орбиты при прохожденіи мимо какой-нибудь планеты. Такъ, комета Лекселя въ 1770 г., проходя близко спутника Юпитера, измѣнила совершенно внезапно періодъ своего обращенія, который изъ 50-ти лѣтняго превратился въ $5^1/_2$-лѣтній. Какимъ образомъ можемъ мы при подобныхъ обстоятельствахъ вѣрно опредѣлить вліяніе среды на движеніе кометъ? Эти условія на столько разнообразны, и притомъ можемъ ли мы поручиться, что знаемъ ихъ всѣ. Однако, комета Енке, наблюдаемая съ 1818 года, сокращаетъ періоды своихъ обращеній, при чемъ доказано, что это сокращеніе—не отъ вліянія планетъ. На этомъ основаніи, не видя другихъ причинъ, нѣкоторые астрономы высказались, что слѣдуетъ отнести его къ вліянію среды; но, конечно, этотъ, единственный въ своемъ родѣ, примѣръ не можетъ считаться еще полнымъ и безспорнымъ доказательствомъ.

Математическій анализъ силы тяготѣнія сводитъ къ двумъ силамъ тѣ причины, которыя порождаютъ криволинейное движеніе небесныхъ тѣлъ: къ первоначальной импульсной силѣ, или къ пріобрѣтенной скорости, стремящейся дать тѣламъ прямолинейное движеніе, и къ силѣ тяготѣнія, которая непрерывно загибаетъ путь тѣла. Именно это самое динамическое равновѣсіе, которое было установлено астрономами помимо всякихъ соображеній объ эфирѣ, и сдѣлалось сомнительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ физики установили понятіе объ эфирѣ; явились опасенія, что эфиръ долженъ нарушить это равновѣсіе двухъ силъ, которое было выведено безъ принятія въ соображеніе его дѣйствія.

Но теперь, когда мы видимъ, что самъ эфиръ, повидимому, производитъ одну изъ двухъ составляющихъ силъ,—вопросъ измѣняется. Теперь нельзя уже говоритъ, что эфиръ не принимаетъ никакого участія въ установленіи равновѣсія движенія космическихъ тѣлъ; оказывается, напротивъ, что мы, сами того не подозрѣвая, уже ввели дѣйствіе эфира. Поэтому нечего и говорить о какомъ-то еще новомъ сопротивленіи, за-

Digitized by Google

висящемъ отъ эфира. Если мы говоримъ, что эфиръ производитъ тяготѣніе, что онъ сообщаетъ міровымъ тѣламъ движеніе въ извѣстномъ направленіи, то, значитъ, мы уже приняли въ соображеніе всѣ его дѣйствія, приняли въ соображеніе тѣ удары, которые онъ сообщаетъ со всѣхъ сторонъ міровымъ тѣламъ.

Если же это такъ, если справедливо, что эфиръ не можетъ быть въ одно и то же время причиною движенія небесныхъ тѣлъ и сопротивленіемъ тому же движенію, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что астрономы нигдѣ не находятъ слѣдовъ дѣйствія какой-нибудь сопротивляющейся среды.

Одинаково дѣлается понятнымъ, отчего эфиръ, обладая матеріальностью и инерціею, не имѣетъ вѣса; какъ можетъ онъ имѣть вѣсъ, если онъ самъ составляетъ причину вѣса и взаимнаго притяженія? Вѣсъ есть реакція или видимыя слѣдствія, проявляющіяся отъ толчковъ, которые производятъ атомы эфира на частички или цѣлыя массы тѣлъ; слѣдовательно, *какъ бы эфиръ ни былъ плотенъ, онъ самъ по себѣ вѣса имѣть никакъ не можетъ.*

Слѣдуетъ обратить также особое вниманіе на разницу природы тѣхъ вихрей, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, отъ тѣхъ, которые введены ученіями Кеплера и Декарта. По настоящей теоріи, эфиръ не является дѣйствующей причиной движенія планетъ, а только сопровождаетъ ихъ; при этомъ движеніи причина вихря находится въ самой планетѣ, которая и вызываетъ вихри окружающаго эфира. По Декарту же, причиною движенія планетъ являлись вихри, которые своей силой и увлекали планету; это—громадная разница.

И. О. Ярковскій („Всемірное тяготѣніе", стр. 77—83) даетъ совершенно новую кинетическую гипотезу, выясняющую совершенно наглядно сущность силы тяготѣнія. Эту совершенно вѣроятную и въ высшей степени логичную и послѣдовательную систему притяженія малыхъ тѣлъ къ центру большихъ Ярковскій строитъ на свойствѣ газовъ пропитывать пористыя тѣла и образовывать въ нихъ давленіе болѣе, чѣмъ окружающая ихъ среда. Совершенно такъ же, какъ кусокъ угля или губчатая платина обладаютъ способностью поглощать въ себя грубые газы, такъ точно и болѣе тонкій газъ, т. е. эфиръ, долженъ обладать той же способностью при соприкосновеніи съ другими родами матеріи менѣе скважными. Всѣ тѣла должны впитывать и сгущать въ себѣ эфиръ, ибо всѣ наши земныя тѣла по отношенію къ эфиру могутъ разсматриваться губчатыми.

Такъ какъ это поглощеніе идетъ со всѣхъ сторонъ, то, понятно, оно должно быть больше всего въ центрѣ. Тѣла различнаго состава поглощаютъ различно эфиръ, а потому сте-

Digitized by Google

пень его уплотненія зависитъ отъ внутренняго строенія тѣлъ. Но при одинаковомъ составѣ тѣлъ степень уплотненія зависитъ отъ величины, отъ размѣровъ тѣла. Чѣмъ больше размѣры тѣла, тѣмъ больше число тѣхъ сообщающихся сосудовъ, которые будутъ принимать участіе въ уплотненіи, и, слѣдовательно, тѣмъ до большей степени абсолютнаго уплотненія можетъ быть доведенъ эфиръ внутри тѣла. Размѣры тѣла могутъ быть мыслимы сколь угодно большими. Мы знаемъ тѣла громадныхъ размѣровъ: Юпитеръ, солнце, звѣзды. Исходя изъ всего вышесказаннаго, мы должны допустить, что и уплотненіе эфира можетъ быть мыслимо сколь угодно большимъ. Но такому уплотненію эфира имѣется предѣлъ; при извѣстномъ уплотненіи эфиръ превращается въ первичное вещество, въ аморфную массу съ громаднымъ запасомъ скрытой энергіи, которая при нарушеніи равновѣсія заставляетъ это первичное вещество распасться и образовать вѣсомую или химическую матерію. Такъ какъ уплотненіе эфира мыслимо сколь угодно большимъ, то, очевидно, оно можетъ быть доведено и до этого предѣла. Для этого нужно только, чтобы тѣло имѣло размѣры нѣкоторой опредѣленной величины; но во всякомъ случаѣ долженъ быть такой размѣръ тѣла, при которомъ эфиръ внутри его дойдетъ до полнаго своего максимальнаго уплотненія и образуетъ первичное вещество.

Вообразимъ себѣ теперь, что въ эфирной средѣ появилось тѣло чрезвычайно большихъ размѣровъ. Такъ какъ оно для эфира пористо, то на поверхности его тотчасъ же начнется поглощеніе эфира. Переходя отъ поры къ порѣ, эфиръ нашъ начнетъ все болѣе и болѣе уплотняться. На извѣстной глубинѣ, наконецъ, уплотненіе это достигнетъ своего максимума, то-есть частицы его прикоснутся одна къ другой, движеніе прекратится, и кинетическая энергія эфира превратится въ скрытую,—образуется пластъ того, что мы назвали первичнымъ веществомъ. Эфиръ въ этомъ видѣ уже перестаетъ оказывать давленіе на частицы, давящія на него сверху; онъ связанъ; онъ на поверхность возвратиться можетъ не иначе, какъ распавшись, а при распаденіи первичнаго вещества получится химическое вещество, подобное тому, изъ котораго состоитъ вся масса тѣла. Эта, вновь образовавшаяся, масса вѣсомаго вещества будетъ такъ же пориста для эфира, какъ и вся прочая, а потому будетъ производить также поглощеніе и уплотненіе. Итакъ, внутрь тѣла будутъ постепенно прибывать все новые и новые эфирные атомы, которые, по мѣрѣ своего уплотненія, будутъ откладываться тамъ сначала въ видѣ первичнаго вещества, превращающагося затѣмъ въ вѣсомую матерію, давая при

Digitized by Google

этомъ мѣсто для доступа все новыхъ и новыхъ атомовъ эфира, двигающихся отъ поверхности тѣла къ его центру.

Какъ видимъ, рядъ постепенныхъ логическихъ разсужденій приводитъ И. О. Ярковскаго къ двумъ чрезвычайно важнымъ и любопытнымъ заключеніямъ:

1) Такъ какъ внутри нашего тѣла отлагаются все новые и новые слои вѣсомаго вещества, то мы можемъ сказать, что тѣло переработываетъ эфиръ въ вѣсомую матерію, что тѣло это ростетъ.

2) Такъ какъ эфиръ, превратившійся въ вѣсомую матерію, обратно не можетъ возвратиться на поверхность въ видѣ эфира и можетъ образовать внутри химическія тѣла, обладающія тѣмъ же свойствомъ поглощенія и уплотненія эфира, то работа поглощенія будетъ идти постоянно, неустанно, отчего получится какъ бы постоянный токъ эфира отъ поверхности къ центру тѣла. Эфиръ изъ міроваго пространства будетъ двигаться постепенно къ центру нашего тѣла для того, чтобы внутри его на извѣстной глубинѣ превратиться въ химическое вещество.

Движеніе или теченіе эфира должно оказывать вліяніе на всѣ тѣла, попадающіяся на пути этого теченія. Вліяніе это выразится давленіемъ, направленнымъ въ сторону движенія эфира. Такъ какъ эфиръ направляется постоянно къ центру тѣла, то направленіе этого давленія будетъ тоже къ центру. Отсюда первый выводъ, что всѣ тѣла, находящіяся на пути движенія эфира, будутъ претерпѣвать нѣкоторое давленіе, направленное къ центру поглощающаго эфиръ тѣла.

Эфиръ, поглощаемый тѣломъ, черпается имъ изъ міроваго пространства, а слѣдовательно — движеніе его будетъ отражаться, если угодно, на безконечное разстояніе, но только скорость движенія будетъ уменьшаться по мѣрѣ удаленія отъ центра тѣла.

Такъ какъ разсматривавшееся ранѣе давленіе на тѣло, претерпѣваемое имъ отъ тока эфира, очевидно, будетъ зависѣть отъ числа частицъ эфира, проходящихъ въ единицу времени черезъ единицу поверхности, то мы вправѣ заключить, что давленіе это на тѣло будетъ находиться въ нѣкоторой зависимости отъ разстоянія и будетъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе тѣло къ центру поглощающаго тѣла, и что величина этого давленія будетъ обратно пропорціональна квадрату разстоянія тѣла отъ центра.

Давленіе всякаго газа при подобнаго рода движеніи было бы пропорціонально поверхности тѣла, потому что газъ, напримѣръ, воздухъ, настолько грубъ, что онъ не можетъ про-

Digitized by Google

никнуть внутрь тѣла; атомы же эфира настолько малы, что они проникаютъ черезъ всѣ мельчайшія поры всякаго тѣла, а потому дѣйствіе его будетъ совершенно иное. Онъ будетъ проникать внутрь тѣла, такъ сказать, омывать своимъ токомъ всякій атомъ тѣла, а потому будетъ оказывать давленіе на поверхность всякаго атома, такъ что общее давленіе выразится суммою давленій на поверхность всякаго атома, то-есть, оно будетъ пропорціонально количеству этихъ атомовъ, заключающихся въ тѣлѣ, или, проще сказать, давленіе это будетъ пропорціонально массѣ тѣла. Все вышесказанное приводитъ И. О. Ярковскаго къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Токъ эфира, поглощаемаго какимъ либо тѣломъ, оказываетъ давленіе на всѣ тѣла.

2) Такъ какъ этотъ токъ распространяется, собственно говоря, безгранично, то этому давленію подвергаются всѣ тѣла.

3) Давленіе это направлено къ центру поглощающаго эфиръ тѣла.

4) Сила этого давленія измѣняется съ разстояніемъ и находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній,—и, наконецъ,

5) Сила этого давленія увеличивается въ зависимости отъ числа атомовъ тѣла, которое находится на пути тока, то-есть она пропорціональна массѣ этого тѣла.

Давленіе, дѣйствующее подобнымъ образомъ, должно заставить свободное тѣло двигаться въ направленіи своего дѣйствія, или, проще сказать, тѣло должно падать къ центру, какъ будто-бы оно притягивалось этимъ центромъ. Дѣйствительно, если бы въ центръ нашего тѣла была вложена сила, способная притягивать всѣ тѣла, то ея дѣйствіе было бы совершенно однородно. Токъ эфира, который мы признали неизбѣжнымъ слѣдствіемъ высказанныхъ положеній, долженъ воспроизвести тѣ же явленія, которыя мы приписываемъ притяженію и вообще тяготѣнію.

Если наша земля достаточно велика, чтобы воспроизвести этотъ токъ эфира, то на ней мы должны замѣчать подобныя явленія, и, дѣйствительно, какъ всякій изъ насъ хорошо знаетъ, явленія эти мы наблюдаемъ; мы ихъ называемъ притяженіемъ тѣлъ къ центру земли, или тяжестью. Притяженіе это направляется къ центру; оно пропорціонально массѣ притягивающагося тѣла и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній тѣла до центра земли. Это все совершенно согласно; но насъ учатъ, что это притяженіе еще пропорціонально массѣ самой земли. Подобной зависимости въ нашемъ случаѣ мы не замѣчаемъ; мы можемъ сказать, что это притяженіе зависитъ отъ

Digitized by Google

того количества эфира, которое наша земля способна поглотить въ единицу времени. Если бы это количество удвоилось, очевидно и давленіе на тѣла, то-есть то, что мы называемъ тяжестью, должно было бы удвоиться. Но удвоилась ли бы, дѣйствительно, эта способность поглощенія, если бы могли удвоить массу земли,—мы этого не знаемъ, мы этого сказать не можемъ, точно такъ же, какъ мы не можемъ утверждать и противнаго: мы не можемъ сказать, что количество поглощаемаго тѣломъ эфира не должно быть пропорціонально массѣ тѣла. Казалось бы, что для допущенія такой пропорціональности нѣтъ достаточныхъ основаній; болѣе вѣроятія, что количество поглощенія зависитъ отъ той поверхности, которая собственно и производитъ это поглощеніе; но въ настоящее время мы еще не знаемъ законовъ этого поглощенія, а потому что-либо утверждать въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ права.

Что такое сила частичнаго сцѣпленія?—По проявленіямъ своимъ сила тяготѣнія и сила частичнаго притяженія не тождественны. Такъ, желѣзная проволока можетъ разорваться подъ вліяніемъ собственнаго вѣса только тогда, когда она достигнетъ длины 5-ти верстъ, изъ чего мы видимъ, что тяготѣніе, дѣйствующее громаднѣйшими массами, можетъ преодолѣвать только сцѣпленіе, проявляющееся въ какомъ-нибудь разрѣзѣ проволоки. Но что еще необыкновеннѣе,—это то, что когда однажды сцѣпленіе нарушено, и проволока порвалась, то и самаго тѣснаго сближенія разорванныхъ частей недостаточно, чтобы снова появилось между ними первоначальное сцѣпленіе. Слѣдовательно, сцѣпленіе, которое несравненно сильнѣе тяготѣнія, производитъ дѣйствіе только на самыхъ ничтожныхъ разстояніяхъ; тяготѣніе же, которое гораздо слабѣе, дѣйствуетъ, напротивъ, на безконечно большихъ разстояніяхъ.

Извѣстно, что при замораживаніи воды или висмута, при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое они могутъ разрывать желѣзныя бутылки въ нѣсколько сантиметровъ толщины.

Химическое сродство проявляетъ себя также иногда съ могущественной силой, напримѣръ, во взрывчатыхъ веществахъ; но уже и тѣ дѣйствія, которыя образуютъ и поддерживаютъ обыкновенные аггрегаты, такъ могущественны, что трудно составить себѣ понятіе о нихъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ частицы, погруженныя въ эфиръ, могутъ притягиваться. Для объясненія же сцѣпленія частицъ между собою необходимо какое-нибудь другое начало, и это другое начало можно отыскать въ гипотезѣ, что частицы имѣютъ вращательное движеніе. Основываясь на этой гипо-

Digitized by Google

тезѣ, А. Секки вывелъ множество самыхъ остроумныхъ заключеній.

Когда частицы вращаются, то онѣ должны увлекать за собою атмосферу, состоящую изъ эфирныхъ атомовъ; это—фактъ, который доказывается ясно явленіями измѣненія состоянія физическихъ тѣлъ вслѣдствіе измѣненія температуры. Эти атмосферы, впрочемъ, отнюдь не надо смѣшивать съ тѣми явленіями, которыя заставляютъ эфиръ располагаться вокругъ частицъ въ слои различной плотности. Это послѣднее дѣйствіе стремится распространяться въ безконечность, между тѣмъ какъ образованіе атмосферъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, простирается лишь на незначительное разстояніе въ ближайшемъ сосѣдствѣ частицъ. Въ самомъ этомъ пространствѣ атомы принимаютъ непосредственное участіе въ вращеніи частицъ, внѣ же его они свободны отъ такого вліянія. Въ теоріи теплоты показано, какъ эти атмосферы дѣйствуютъ, когда тѣло, утрачивая часть своей теплоты, переходитъ изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, а изъ жидкаго — въ твердое. Замѣтимъ здѣсь, что эта гипотеза объясняетъ, отчего жидкое и твердое состоянія наступаютъ внезапно, какъ только частицы станутъ на опредѣленныя другъ отъ друга разстоянія. Пока атмосферы не соприкасаются, не замѣчается сцѣпленія; а какъ только онѣ начинаютъ соприкасаться, является эта сила. Понятнымъ также становится отчего темературы, при которыхъ происходитъ плавленіе или отвердѣніе, неизмѣнны для однихъ и тѣхъ же веществъ; эти явленія наступаютъ, какъ только діаметры атмосферъ, измѣняющіеся съ температурой, достигнутъ опредѣленной величины.

Что такое химическое сродство?—Обратимъ сперва вниманіе на способъ его дѣйствія. Оно дѣйствуетъ въ теченіи извѣстнаго времени съ большею или меньшею внезапностью и нарушаетъ данное равновѣсіе тѣла; тѣла, находящіяся въ соприкосновеніи, взаимно проникаются, и затѣмъ устанавливается опять новое равновѣсіе. Это явленіе можно объяснить посредствомъ той же самой гипотезы, которою мы тотчасъ пользовались.

У частицъ однородныхъ атмосферы одинаковы, и потому нѣтъ никакой причины, чтобы одна изъ нихъ измѣняла другую; оттого здѣсь происходитъ простое сцѣпленіе. Если же частицы разнородны, то атмосферы различны, и эти атмосферы могутъ взаимно сливаться, входить другъ въ друга и этимъ измѣнять положеніе частицъ обоихъ тѣлъ; является третье тѣло, расположеніе частицъ котораго непохоже на расположеніе первыхъ двухъ. Такимъ образомъ получается химическое сродство.

Digitized by Google

Чѣмъ разнороднѣе атмосферы, тѣмъ болѣе шансовъ для нарушенія равновѣсія и тѣмъ энергичнѣе химическое дѣйствіе. Кромѣ того, различія въ атмосферахъ могутъ касаться не только ихъ объемовъ, но и скоростей, такъ что является нѣсколько элементовъ измѣненія. Естественно, что температура оказываетъ вліяніе на состояніе атмосферъ, а такимъ образомъ и на химическія дѣйствія.

Можетъ случиться, что двѣ частицы будутъ имѣть, въ извѣстный моментъ, несходныя атмосферы, а потому и сильное сродство, а потомъ, когда температура измѣнится, атмосферы могутъ сдѣлаться сходными, и сродство станетъ незначительнымъ. Можетъ случится и такъ, что, съ возвышеніемъ температуры, атмосферы обмѣняются свойствами. Этимъ объяснились бы нѣкоторыя вполнѣ извѣстныя аналогіи; такъ, напримѣръ, бываетъ, что при очень близкихъ температурахъ то желѣзо разлагаетъ воду и освобождаетъ водородъ, то, напротивъ, водородъ разлагаетъ окись желѣза и овладѣваетъ кислородомъ.

Такимъ образомъ, у химической частицы есть одна оболочка, но это еще не значитъ, чтобы не было спеціальныхъ, своихъ, атмосферъ у элементарныхъ частицъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что эти атмосферы суть, такъ сказать, тѣ внѣшнія проявленія, подъ которыми мы находимъ самыя разнообразныя формы движенія самихъ частицъ. Равновѣсіе, отъ котораго зависитъ прочность, устанавливается между всѣми этими движеніями частицъ, частныхъ оболочекъ и общей оболочки. Составное тѣло будетъ тѣмъ постояннѣе, чѣмъ меньше шансовъ для нарушенія этого динамическаго равновѣсія. Если элементовъ много, то самое легкое измѣненіе температуры внесетъ безпорядокъ въ аггрегатъ и разрушитъ всѣ связи.

Это дѣйствіе особенно замѣтно проявляется, когда мы отъ царства минераловъ, въ которомъ господствуетъ сравнительная простота, переходимъ къ веществамъ органическимъ, строеніе которыхъ гораздо сложнѣе. Принимается, что въ частицѣ альбумина содержится около 900 элементарныхъ частицъ. Не трудно понять, что такія сложныя соединенія должны легко разрушаться при измѣненіи температуры. Еще сложнѣе устройство органическихъ тканей. Оттого каждое растеніе живетъ въ своемъ климатѣ; а если животныя имѣютъ болѣе широкое распространеніе, то это потому, что въ нихъ самихъ есть источникъ теплоты, вслѣдствіе чего температура ихъ можетъ оставаться болѣе постоянною.

Со времени Лавуазье химія развивалась какъ наука массъ; можно сказать, что теперь ей остается построиться какъ наукѣ

Digitized by Google

скоростей. Поэтому мы видимъ, что при настоящемъ положеніи физики мы будемъ болѣе точны и будемъ находиться ближе къ истинѣ, если назовемъ *„матерію продуктомъ силы"*, чѣмъ, придерживаясь старыхъ ученій, скажемъ, что „сила есть свойство матеріи".

Нельзя отвергать, что химія сдѣлала громадные успѣхи, развиваясь только какъ наука массъ. Законъ опредѣленныхъ пропорцій, законъ кратныхъ отношеній, самое понятіе о химической эквивалентности,—естественно выведенное изъ этихъ двухъ основныхъ законовъ,—все это совершенно независимо отъ всякой идеи о движеніи. Химики, съ вѣсами въ рукахъ, прослѣдили всѣ элементарныя соединенія простыхъ тѣлъ и опредѣлили шкалу ихъ насыщенія. Затѣмъ, явилась аналитическая химія, основанная сначала на изученіи жировъ, а потомъ на анализахъ алкоголей и эфировъ; тогда обнаружилось, что вѣсы недостаточны для того, чтобы прослѣдить за такими сложными явленіями, а, между тѣмъ, тѣ теоріи, которыя химикъ создаетъ, приложимы, повидимому, только къ частицамъ, находящимся въ покоѣ. Законъ замѣщеній резюмируетъ собою успѣхи органической химіи. Этотъ законъ, казалось бы, по крайней мѣрѣ, не предполагаетъ никакихъ частичныхъ движеній; но едва ли представляется необходимость разъяснять, какъ недостаточно было бы такое воззрѣніе на химическія явленія. Процессъ образованія частицъ нельзя сравнивать съ кладкою камней зданія; если мы желаемъ рельефно себѣ представить его, то должны представить вихри, встрѣчающіеся и проникающіе другъ друга, причемъ элементы этихъ вихрей переходили бы при встрѣчѣ въ новое подвижное равновѣсіе. Притомъ это—вовсе не гипотезы. Обратившись къ фактамъ, мы увидимъ, что химическое дѣйствіе производитъ работу, а работу производятъ массы, движущіяся съ извѣстною скоростью. Почти всѣ наши машины приводятся въ движеніе горѣніемъ угля, т.-е. химическимъ процессомъ.

Мы до сихъ поръ не нашли средства для измѣренія химической работы; можно измѣрять ее только косвенно, черезъ посредство теплоты или электричества; мы умѣемъ судить о химическомъ дѣйствіи по внѣшнимъ его проявленіямъ. Но для того, чтобы познать самое химическое дѣйствіе, распознать его сокровенную природу, необходимо было бы дать точную мѣру не только молекулярныхъ массъ, но и молекулярныхъ скоростей. Когда въ нашемъ распоряженіи будетъ и то и другое, то увидимъ, что изъ химіи исчезнетъ все странное и непонятное, и мы въ состояніи будемъ объяснить себѣ различныя соединенія и вытекающія изъ нихъ матеріальныя свой-

Digitized by Google

ства. Тогда воздвигнется зданіе молекулярной механики, которая будетъ обнимать всѣ явленія природы, одна общая динамика и будетъ парить вмѣсто настоящихъ астрономій, физикъ и химій.

Вотъ какое описаніе природы неорганической матеріи даетъ намъ современная физика. Руководствуясь настоящимъ воззрѣніемъ, можно отчасти понимать всѣ явленія, сопровождающія матерію, проникать въ сущность самыхъ явленій и находить разъясненія тѣмъ результатамъ и слѣдствіямъ, которые являлись до тѣхъ поръ намъ непонятными и загадочными. Ученіе это даетъ ясный и правильный взглядъ на природу вещества, на вѣсъ, на притяженіе, на тяготѣніе и на сродство тѣлъ.

Но!!... мы видимъ, что на насъ уже поднимается цѣлая гроза со стороны неумолимаго позитивизма; насъ обвиняютъ въ томъ, что наша теорія не научна, что мы внѣ науки. Позитивизмъ не допускаетъ даже эфира, а мы пошли гораздо дальше: мы доказали невѣсомость нѣкоторыхъ матерій, признали движеніе причиною существованія матеріи, предположили оболочки въ каждой частичкѣ вѣсомаго вещества, близки къ признанію единства матеріи и къ тому, чтобы свести всѣ явленія природы къ движенію,—къ одному движенію,

Первое „veto“ накладываетъ Льюисъ словами Огюста Конта въ своей „Философіи наукъ“. Онъ говоритъ: „Къ чему же и въ физикѣ для объясненія явленій теплоты, свѣта, электричества, магнетизма употреблять гипотезы безъ надлежащихъ предосторожностей и предполагать жидкости и эфиры невидимые, неосязаемые, невѣсомые и нераздѣльные отъ вещества которому они сообщаютъ свои качества? Уже самый фактъ, что существованіе этихъ пресловутыхъ жидкостей, по своему существу, не подлежитъ ни отрицанію, ни утвержденію, показываютъ, что они не подлежатъ положительной провѣркѣ. Вы могли бы точно такъ же допустить существованіе элементарныхъ духовъ Парацельса, ангеловъ и геніевъ“.

Мы видимъ, что Эмиль Сеже уже оправдывается въ заключеніи къ своей „Современной физикѣ“,—онъ говоритъ: „Намъ могутъ замѣтить, что мы недостаточно строго разбирали явленія; что иногда мы выражались утвердительно, когда слѣдовало, по правиламъ позитивизма, выражаться съ сомнѣніемъ; что мы не достаточно сильно упирали на оговорки, которыя намъ приходилось дѣлать. Мы не станемъ и оправдываться въ такомъ заслуженномъ упрекѣ. Было бы, можетъ быть, лучше, если бы мы оставили въ тѣни нѣкоторые вопросы и ограничились достовѣрными фактами. Да извинятъ намъ нѣкоторыя отважныя предположенія: *безспорные резуль-*

Digitized by Google

таты, нами полученные, слишкомъ важны, и ихъ не могутъ компрометировать нѣсколько смѣлыхъ (но вполнѣ научныхъ и логическихъ) гипотезъ".

„Нѣтъ,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, въ своей „Системѣ логики" (стр. 20), разбирая эфирныя гипотезы,—сколько-нибудь осторожный мыслитель *не можетъ допустить* (?), чтобы гипотеза могла быть принята за непреложно истинную *только потому* (?), *что она объясняетъ всѣ извѣстныя явленія (?)*".

А. Секки даже совсѣмъ не признаетъ никакой гипотезы въ этомъ ученіи; до того всѣ дѣлаемыя заключенія онъ считаетъ близкими къ истиннымъ выводамъ науки. Онъ говоритъ (стр. 11): „Единственное мое желаніе было популяризовать тѣ теоретическіе взгляды, которые, благодаря болѣе серьезному изученію явленій, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входятъ въ сознаніе мыслящихъ естествоиспытателей. Развиваемые мною взгляды есть не что иное, какъ прямой выводъ изъ работъ ученыхъ, составляющихъ славу нашего вѣка, каковы, напримѣръ: Мейеръ, Сегенъ, Джуль, Томсонъ, Грове, Гирнъ, Ламе, Муанью, Тиндаль, Клазіусъ, Дюма, Кантони, Фузиньери, Зантедески, Бичіо, Турацца, Грэгэмъ, Бунзенъ, Фуко, Депре и пр., и пр., которые въ небольшой промежутокъ времени такъ много сдѣлали для развитія, разъясненія и утвержденія механической теоріи теплоты. Уже одинъ этотъ фактъ, не говоря о безднѣ другихъ, ясно показываетъ, что въ смыслѣ научнаго прогреса нашему вѣку не въ чемъ завидовать прошлымъ эпохамъ, даже въ самые цвѣтущіе ихъ дни".

„Я старался,—говоритъ А. Секки,—на сколько возможно, не вводить въ книгу своихъ личныхъ мнѣній и позволялъ себѣ дѣлать это лишь тамъ, гдѣ научные пробѣлы, остающіеся въ естествовѣдѣніи, за недостаткомъ или невозможностью наблюденій, давали мнѣ право сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ работамъ и теоріямъ другихъ ученыхъ. Позволяю себѣ думать, что такой образомъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ произвольнымъ обращеніемъ съ научнымъ матеріаломъ".

Мы закончимъ этотъ научный споръ словами Гиндаля, сказанными имъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ: „Строго говоря, безъ участія воображенія всѣ наши свѣдѣнія о природѣ ограничились бы одной классификаціей фактовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить только о совмѣстности ихъ существованія и порядкѣ слѣдованія другъ за другомъ. Конечно, мы знали бы о смѣнѣ дня ночью, одного времени года другимъ и т. п., но сила, это душа вселенной, была бы изгнана изъ области нашихъ представленій; отноше-

Digitized by Google

нія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ разсыпались бы въ прахъ, а вмѣстѣ съ этимъ рухнула бы и самая наука, главная цѣль которой состоитъ въ установленіи связей между различными частями природы и изслѣдованіи ея, какъ одного организованнаго цѣлаго".

„Наконецъ,—говоритъ Броди,—физическія изслѣдованія, кромѣ своихъ многочисленныхъ преимуществъ, показываютъ намъ истинную цѣну и научную роль воображенія, этой чудесной способности, которая, будучи предоставлена самой себѣ, безъ всякаго посторонняго контроля, уноситъ насъ въ непроходимыя дебри ошибокъ и заблужденій, но, руководимая строгимъ опытомъ и трезвымъ размышленіемъ, дѣлается благороднѣйшимъ аттрибутомъ человѣка, источникомъ поэтическаго генія и могущественнымъ орудіемъ открытій, безъ помощи котораго Ньютонъ никогда не изобрѣлъ бы своихъ „флюксій" (дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія), Дэви не разложилъ бы металловъ, земель и щелочей, а Колумбъ не пустился бы въ отдаленнѣйшія поиски за „Новымъ Свѣтомъ".

Что можемъ мы добавить отъ себя въ свою защиту?—Мы скажемъ, что мы, не стоимъ достаточно близко въ наукѣ, чтобы вмѣшаться въ качествѣ компетентнаго эксперта въ научный споръ, въ которомъ участвуютъ такіе столбы знанія. Поэтому и не будемъ касаться существа даннаго предмета.

Мы взглянемъ съ другой, не заинтересованной въ научномъ спорѣ, стороны, какъ посторонніе свидѣтели, какъ должно было бы отнестись человѣчество, говоря вообще, къ такому несогласію мнѣній у людей науки касательно своей науки.

Мы скажемъ, что, съ одной стороны, полная понятность, неопровержимость и необыкновенная логичность, съ другой—авторитетъ и большинство на сторонѣ новыхъ воззрѣній, а потому менѣе шансовъ впасть въ ошибки, придерживаясь приведенной нами теоріи, чѣмъ слѣдовать за положительными науками. Позитивизмъ уже доживаетъ свой вѣкъ, его придерживаются только по привычкѣ, такъ называемые, люди стараго закала.

Развѣ можетъ наука имѣть свои принципы и привычки?—Гдѣ принципы и привычки, тамъ начинается царство рутины и умственнаго застоя; тамъ прогресса, образованія и умственнаго развитія уже болѣе быть не можетъ,—нѣтъ этихъ главныхъ аттрибутовъ и двигателей науки. Научныя воззрѣнія, которыя удовлетворяли въ дѣтскомъ и первоначальномъ состояніи науки, не могутъ остаться неизмѣнными, и, по мѣрѣ развитія наукъ, по мѣрѣ предъявленія къ ея разслѣдованію новыхъ фактовъ и явленій, какъ взгляды, такъ системы дока-

Digitized by Google

зательствъ должны быть измѣнены; должны быть придуманы и примѣнены новые способы, новые пріемы для изслѣдованій, для доказательствъ и для контроля знанія. Конечно, способы изученія предметовъ, принятые наукою не сотни, а, по Гумбольдту, уже тысячи лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время не могутъ удовлетворять насъ; это ясно, ибо наука должна же идти впередъ.

Но, кромѣ того, обратимся къ нашей собственной логикѣ; мы имѣемъ передъ собой вполнѣ здравые выводы, вполнѣ научныя доказательства и должны отказаться отъ нихъ только потому, что, напримѣръ, эфиръ ничего не вѣситъ на нашихъ вѣсахъ и не видѣнъ нашему глазу. Есть ли въ этомъ малѣйшій смыслъ? Развѣ мы видимъ когда-нибудь силу? Развѣ она тоже вѣситъ что-нибудь? А однако принимается положительными науками. Намъ скажутъ,—силу можно вычислить, мы видимъ ее по проявленіямъ. А развѣ мы не вычисляемъ свѣтовую эфирную волну? Развѣ мы не видимъ ее одинаково по проявленіямъ? Надо только удивляться подобнаго рода научнымъ запрещеніямъ: этого „*не хочу*“ принципа ради.

Мы видимъ передъ собою прекрасныя научныя положенія, основанныя всегда на фактическихъ доказательствахъ, почерпнутыхъ изъ прямаго опыта. Нѣтъ,—повторяютъ позитивисты за Огюстомъ Контомъ,—человѣкъ психически несостоятеленъ, положительныя науки не идутъ такъ далеко“.

Какъ это такъ? Здѣсь кончается всякая логика, здѣсъ прямо подрывается весь авторитетъ человѣческаго разума и здраваго смысла. Какъ можетъ наука отказаться отъ разслѣдованія какого-либо факта или явленія? Послѣ этого солдатъ откажется идти въ аттаку, должникъ откажется платить по векселю.

Если мы принуждены въ настоящее время принять за доказанное существованіе такихъ жидкостей, которыя невѣсомы, невидимыя и не занимаютъ мѣста въ нашей грубой матеріи, то дѣлается яснымъ, что всѣ три непогрѣшимые контролера положительныхъ наукъ—мѣра, вѣсъ и глазъ человѣка—должны получить отставку, или, по крайней мѣрѣ, быть замѣнены, въ извѣстныхъ случаяхъ, чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ природѣ того вещества, которое подлежитъ нашему анализу и изученію. Не можемъ же мы отказаться отъ изученія эфира единственно потому, что положительныя науки еще не придумали непогрѣшимаго способа контроля, тѣмъ болѣе, что позитивизмъ и не выказываетъ къ тому ни малѣйшей наклонности.

Digitized by Google

Для научныхъ изслѣдованій нужно именно это научное благоразуміе,—строгій опытъ и трезвое размышленіе, котораго требуетъ Броди; безъ него наука не пойдетъ впередъ, и никакіе автоматическіе контролеры и вѣковые принципы не помогутъ дѣлу.

Все вышесказанное убѣждаетъ насъ, что хотя наука еще далеко не выработала окончательнаго понятія о сущности матеріи, но во всякомъ случаѣ приведенное здѣсь ученіе современной физики много ближе къ истинѣ, чѣмъ то, котораго придерживаются положительныя науки. На этомъ основаніи мы совершенно увѣренно въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ можемъ смѣло опираться на него, безъ боязни заслужить упрекъ въ недостаточной основательности приводимыхъ нами доводовъ или отступленіи отъ научныхъ истинъ.

Органическая клѣточка.

Установивъ нашъ взглядъ на природу неорганическаго царства, перейдемъ къ органическому и постараемся себѣ выяснить физическое сложеніе человѣка.

При изученіи неорганической матеріи мы встрѣтили двоякаго рода затрудненія: во-первыхъ, со стороны трудности и сложности самаго предмета изученія, требующаго точныхъ и разносторонніхъ наблюденій и чревычайной осторожности выводовъ, вслѣдствіе сбивчивости и загадочности фактовъ, подлежащихъ нашему разслѣдованію, а во-вторыхъ - со стороны привычекъ и принциповъ ученыхъ, которые, изучая неорганическую матерію столько времени, въ виду даже самыхъ очевидныхъ фактовъ, не могли рѣшиться высказаться за то, что матерія въ основѣ своей не имѣетъ ничего вѣсомаго и матеріальнаго. Переходя затѣмъ къ обзору органическаго міра, мы должны сознаться, что затрудненія не только удесятеряются, но положительно дѣлаются непреодолимыми. Трудность изученія самаго предмета возростаетъ неимовѣрно, сложность самихъ матеріальныхъ частичекъ увеличивается, условія образованія ихъ усложняются; жизненныя условія требуютъ для своихъ объясненій введенія жизненной силы, которая почти совсѣмъ не разслѣдована наукой. Условія поддержанія и возобновленія органическихъ частичекъ положительно ускользаютъ отъ точныхъ наблюдателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ принципы и привычки ученыхъ и обычаи разныхъ школъ положительно вооружаются на смѣлыхъ, которые могли бы хотя попытать-

Digitized by Google

ся начать изслѣдованія этихъ трудныхъ и вполнѣ загадочныхъ для насъ явленій. Казалось бы совершенно логичнымъ, что если мы, при изученіи даже неорганической природы, приходимъ къ отвлеченностямъ, какъ ихъ называютъ въ положительной наукѣ, то при изученіи сложной машины живыхъ организмовъ мы должны еще гораздо дальше проникать въ область, положительными науками запрещенную. Какъ бы все это ни было для насъ ново и загадочно и какъ бы это ни казалось намъ отвлеченнымъ и, пожалуй, духовнымъ,—мы не имѣемъ права отказываться отъ изученія его и считать его неподлежащимъ нашему разслѣдованію, ибо все это составляетъ проявленія матеріи, это все еще тотъ путь, на который должна наука ступить. Однако, до сихъ поръ каждый кто искушался этимъ предметомъ, нападая на выводы, столь ненавистные положительнымъ наукамъ, долженъ былъ или рисковать своей научной репутаціей, или отступиться отъ изученія этихъ предметовъ; на этомъ основаніи нѣтъ до сихъ поръ даже цѣлой науки, гдѣ были бы сгруппированы всѣ физическія проявленія органическаго царства; органическая физика сама напрашивается въ число наукъ, но ничего еще не сдѣлано для нея, никакихъ усилій для точнаго изученія природы всѣхъ подобнаго рода явленій.

Правда, во всѣхъ параллельныхъ наукахъ, можно встрѣтить самыя разнообразныя попытки къ указанію на явленія сопровождающія органическое царство, но только въ видѣ отдѣльныхъ соображеній и догадокъ; поэтому, даже при усиленномъ желаніи людей, истинно преданныхъ наукѣ, перейти эту завѣтную черту отвлеченностей, представляются непреодолимыя трудности.

На это намъ могутъ возразить, что физическія явленія обоихъ царствъ одинаковы; поэтому нѣтъ необходимости въ какой-то органической физикѣ. Отвѣтимъ на это, что дѣло не въ названіяхъ, а въ возможности выясненія себѣ извѣстной группы фактовъ органическаго міра, котораго намъ физика не даетъ; равно этого выясненія мы не находимъ ни у физіологовъ, ни у естественниковъ. Мы видимъ, что по сложности этихъ явленій физика отказывается отъ нихъ, и тѣмъ болѣе понятно, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ проявляется совершенно новый для нея дѣятель, который положительно видоизмѣняетъ физическія, явленія —это жизненная сила Физіологія также не разбираетъ ихъ, ибо считаетъ, что они прямо касаются свойствъ матеріи, предметъ изученія которыхъ не входитъ въ программу занятій физіологіи. Естественныя науки

Digitized by Google

подавно не признаютъ этихъ явленій подлежащими ихъ вѣдѣнію и только указываютъ на нихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, для примѣра, два совершенно, повидимому, схожихъ вещества: одно-изъ царства животныхъ, другое—изъ неорганической природы, а именно: кости животнаго и хотя бы искусственно приготовленное и совершенно тожественное по своему химическому составу вещество; однимъ словомъ, передъ нашими глазами лежатъ два куска, совершенно схожіе по наружному виду, по цвѣту, по вѣсу и, пожалуй, по объему; разница лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ вынутъ изъ тѣла животнаго, другой — приготовленъ въ лабораторіи, и спросимъ: одинаковой ли природы эти два куска?

Еще такъ недавно положительныя науки съ полнымъ апломбомъ отвѣтили бы: никакія сомнѣнія здѣсь неумѣстны, — это рѣшительно одно и то же. Но успѣхи современной науки отвѣчаютъ иначе и говорятъ: по химическому составу своему оба эти куска совершенно одинаковы и состоятъ изъ извѣстныхъ химическихъ соединеній извести съ фосфоромъ, удѣльный вѣсъ ихъ и наружный видъ тоже не имѣютъ различія, въ сложеніи ихъ мы найдемъ незначительную разницу; но условія образованія и внутренняя жизнь ихъ, — природа этихъ обоихъ кусковъ, — не имѣетъ ничего схожаго. То, что мы высказали о частичномъ состояніи нашего неорганическаго куска, о природѣ вихрей, составляющихъ его, — проявляется въ органическомъ кускѣ или въ кости животнаго съ значительными услоэкненіями и измѣненіями, имѣющими свой, совершенно спеціальный, жизненный характеръ.

Трудно себѣ представить, до чего дѣятельна жизнь въ этомъ, повидимому, неодушевленномъ кускѣ, до чего быстро производится обмѣнъ, какая происходитъ кипучая работа въ перемѣщеніяхъ матеріальныхъ частичекъ. Наглядное доказательство тому мы находимъ въ трудахъ Флуренса. Онъ кормилъ животныхъ мареной, которая имѣетъ свойство окрашивать кости живыхъ тварей въ красный цвѣтъ. Черезъ мѣсяцъ весь скелетъ животнаго получаетъ красный цвѣтъ. Если потомъ кормить животное обыкновенной пищей, то кости дѣлаются вновь бѣлыми. Переходъ отъ краснаго цвѣта костей къ бѣлому дѣлается не постепеннымъ измѣненіемъ цвѣта, а вновь наростающая часть кости наростаетъ уже бѣлой, старая же остается того же цвѣта. Вскрывая этихъ животныхъ, онъ убѣдился, что въ теченіе мѣсяца у каждаго изъ нихъ кости окончательно мѣняютъ составъ своихъ частицъ. Онъ ясно и наглядно видѣлъ, что кость наростаетъ извнутри кнаружи. Внутри образуется слой бѣлый, который подвигается, утолщаясь, все

Digitized by Google

дальше къ наружной поверхности кости; слѣдовательно, каждая частичка матеріи, изъ которой состоятъ кости, находится въ постоянномъ движеніи, а не имѣетъ всегда одного постояннаго положенія по отношенію къ своимъ сосѣдкамъ, какъ это мы видѣли въ неорганическихъ тѣлахъ. Черезъ каждый мѣсяцъ всѣ кости человѣка и животнаго мѣняютъ наличный составъ своихъ частицъ, не остается ничего стараго; каждый элементъ кости, каждый атомъ въ теченіе мѣсяца успѣлъ образоваться, постоянно подвигаться кнаружи и наконецъ, изчезнуть совсѣмъ, замѣненный другимъ.

Еще поразительнѣе этотъ обмѣнъ въ остальныхъ тканяхъ живыхъ организмовъ. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ Катрфажъ: „Въ тайныхъ глубинахъ живыхъ существъ господствуютъ два противоположные тока: одинъ постоянно уноситъ частицу за частицей и отнимаетъ что-нибудь изъ организма; другой—возстановляетъ потерю, которая, ежели бы слишкомъ увеличилась, привела бы неминуемую смерть“.

Молешоттъ говоритъ, что черезъ 22 дня въ человѣческомъ организмѣ не остается ни одного стараго атома,—всѣ замѣнены новыми. По опытамъ Либиха, этотъ обмѣнъ производится въ 25 дней.

Молешоттъ и Марфель нашли, что цвѣтные шарики крови барановъ, впрыснутые въ большомъ количествѣ въ кровь лягушки, вполнѣ исчезли черезъ 17 дней. А такъ какъ обмѣнъ матеріи у лягушки происходитъ медленнѣе, чѣмъ у животныхъ теплокровныхъ, то можно предполагать, что красные шарики человѣческой крови вполнѣ возобновляются меньше нежели черезъ 17 дней.

Молешоттъ въ своемъ сочиненіи „Круговращеніе жизни“ говоритъ, что, согласно выводамъ изъ наблюденій, полученныхъ изъ трехъ различныхъ основаній, можно назначить 30 дней для полнаго возобновленія человѣческаго тѣла. Было бы слишкомъ большой несообразностью, если бы мы согласились съ давно существующимъ мнѣніемъ, что для полнаго возобновленія всѣхъ атомовъ въ человѣкѣ необходимо 7 лѣтъ. Какъ бы на первый взглядъ ни показалась удивительною эта быстрота обмѣна,—говоритъ онъ—эти наблюденія во всѣхъ отношеніяхъ непреложно вѣрны.

Шталь говоритъ, что жаворонки теряютъ въ продолженіе дня весь жиръ, который образовался въ нихъ продолженіе ночи. Развитіе клѣточекъ въ крови происходитъ въ теченіе 7 или 8 часовъ на счетъ веществъ, доставляемыхъ питательнымъ сокомъ. Кому не извѣстно, что человѣкъ въ нѣсколько дней можетъ такъ похудѣть, что его не узнаешь?

Digitized by Google

Чѣмъ больше увеличивается дѣятельность, тѣмъ быстрѣе происходятъ реакціи. При сильномъ движеніи у человѣка выдѣляется черезъ поры его кожи въ 9 часовъ то количество углекислоты, которое въ спокойномъ состояніи у него выдѣлилось бы въ теченіе 24 часовъ. Когда лошадь бѣжитъ рысью, то у нея выдѣленіе бываетъ въ 117 разъ больше, нежели въ то время, когда она стоитъ. Человѣкъ же, по свидѣтельству Молешотта, лѣтомъ теряетъ въ 24 часа $^1/_{14}$ часть вѣса своего тѣла, а зимою $^1/_{12}$.

Какъ можемъ мы себѣ представить, что каждый день отъ насъ, отъ тѣла нашего и мускуловъ отлетаетъ отжившихъ частицъ и замѣняется новыми въ лѣтній день $^1/_{14}$ часть, а въ зимній день $^1/_{12}$ часть всего вѣса нашего тѣла, — вѣдь это 15 или 17 фунтовъ матеріи, долженствующей занять объемъ около полуведра; даже каждый атомъ нашихъ костей подвинулся въ теченіе дня на $^1/_{30}$ ея толщины, и все наше тѣло находится въ непрерывномъ молекулярномъ движеніи, напоминающемъ скорѣе рой пчелъ или кучу муравьевъ, чѣмъ отвѣчающемъ понятію, которое мы обыкновенно имѣемъ о твердомъ тѣлѣ.

Бюффонъ говоритъ, „что и основу нашей организаціи составляютъ не мускулы, не артеріи, не вены, а внутреннія силы. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать силы, основываясь на ихъ дѣйствіи, ученые стали отвергать всякое понятіе о нихъ и хотѣли изгнать ихъ совсѣмъ изъ философіи. Но вотъ онѣ вновь явились и съ еще большимъ блескомъ, чѣмъ когда-нибудь“.

„Этотъ жизненный вихрь,—говоритъ Кювье,—непрерывно происходящій въ нашей кожѣ и подъ нею, въ нашемъ мозгу, въ нашей крови, въ костяхъ въ лицѣ, во всемъ тѣлѣ, есть какъ бы одежда, которая сама собою возобновляется. Тѣло 60 или 80-лѣтняго старика существуетъ только одинъ мѣсяцъ, совершенно столько же времени, какъ тѣло ребенка, только-что начинающаго ходить.

„Слѣдовательно, тѣло всегда бываетъ новымъ, и мы не можемъ не удивляться этому мудрому закону природы. Однако же неоспоримо, что на землѣ есть люди всѣхъ возрастовъ, отъ колыбели до могилы. И если правда, что наше тѣло возобновляется ежемѣсячно, — что же въ насъ состаривается? Конечно, это не частицы, образующіе наше тѣло. Частицы, которыя очень еще недавно не принадлежали намъ, а составляли часть курицы, куропатки, хлѣбнаго зерна, соли, быка, барана, вина кофе или чего-нибудь другаго, что мы ѣли или пили; частицы, которыя, какъ мы знаемъ, неизмѣнны и, какъ мертвыя, никогда не могутъ старѣть. Значитъ, въ насъ есть что-то другое, кромѣ этихъ частицъ.

Digitized by Google

„Матерія есть только вмѣстилище силы, — продолжаетъ Кювье, — которая заставляетъ будущую матерію идти тѣмъ же путемъ, какъ и прежняя; слѣдовательно, *форма тѣла гораздо существеннѣе матеріи, потому что матерія постоянно измѣняется, тогда какъ форма тѣла остается одна и та же*".

Какъ выясняетъ наука все это?—Вѣдь, большая разница знать, какимъ образомъ проявляется извѣстное дѣйствіе, или опредѣлить причину явленія и природу дѣйствующаго начала.

При полномъ нашемъ и самомъ усиленномъ стремленіи отыскать какое-либо опредѣленное объясненіе, касающееся *существа* явленій, мы должны признаться, что во всѣхъ отрасляхъ знанія мы встрѣчаемъ одно гробовое молчаніе, одни указанія на факты безъ всякихъ разъясненій, хотя бы гадательныхъ и гипотетичныхъ. Позитивисты маскируютъ свои дальнѣйшія незнанія явленій природы однѣми общими фразами и говорятъ что явленія эти, сами по себѣ свидѣтельствуя очень многое, вполнѣ будто бы открываютъ глаза на строй органической матеріи, и затѣмъ вся эта кипучая во всѣхъ отношеніяхъ жизнь безъ всякаго подробнаго и тщательнаго изученія сливается ими въ общую кучу свойствъ матеріи. Не могутъ законы природы кончаться именно тамъ, гдѣ прекращается знаніе человѣка; такое предположеніе было бы не болѣе какъ натяжка и имѣло бы свое начало въ человѣческомъ тщеславіи; человѣкъ науки очень неохотно сознается въ своемъ незнаніи. Во всякомъ случаѣ, мы принуждены заявить, что позитивизмъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій намъ дать не можетъ, и что знанія его далѣе этого не простираются.

Какъ послѣдній научный доводъ, мы приведемъ слова профессора Пурготти, прекрасно очерчивающаго условія жизни живыхъ организмовъ, не касаясь, конечно, какъ и всегда, существа и природы явленій. Онъ говоритъ: Мы видимъ въ живыхъ организмахъ присутствіе начала, которое, будучи выше матеріи, управляетъ ея реакціями. Физическія силы снабжаютъ его агентомъ первой необходимости, а именно — движеніемъ, составляющимъ основаніе всѣхъ актовъ организма. Дѣйствія силъ, подчиненныхъ вліянію этого начала, не тождественны съ тѣми, которыя они проявляютъ въ независимомъ состояніи, такъ что животныя отправленія слагаются изъ движеній гораздо болѣе сложныхъ и утонченныхъ, чѣмъ въ растительныхъ процессахъ, и принадлежатъ поэтому, такъ сказать, къ высшему порядку. Это-то самое начало, которое заставляетъ переходить извѣстное количество движенія отъ одной точки индивида къ другой и позволяетъ этому движенію сообщаться внѣшнимъ предметамъ, причемъ оно всецѣло сохраняется,

Digitized by Google

какъ элементъ общаго движенія матеріи. Однимъ словомъ, въ животныхъ движеніе всегда играетъ только роль аппарата или средства, находящагося въ распоряженіи высшаго начала и направляемаго имъ согласно желаемой цѣли. Для лучшаго уясненія нашей мысли позволимъ себѣ привести сравненіе. Представьте себѣ самый совершенный локомотивъ; какой бы идеальной конструкціи онъ ни былъ, онъ никогда самъ собою не придетъ въ движеніе и не станетъ дѣйствовать съ свойственною ему правильностью; для этого необходимъ механикъ, который открылъ бы въ надлежащую сторону кранъ и сталъ управлять рычагомъ съ цѣлью сообщить паровозу передній или задній ходъ, и т. д. То же самое можно сказать и о животныхъ, одаренныхъ произвольнымъ движеніемъ. Они не только обладаютъ этимъ движеніемъ, составляющимъ аттрибутъ, неразрывно связанный съ грубой матеріей, но, кромѣ того, надѣлены еще направляющей силой болѣе высшаго порядка, чѣмъ матерія. Какъ только это движеніе пріостанавливается въ организмѣ, послѣдній тотчасъ же умираетъ.

„Отсюда нѣкоторые заключаютъ, — говоритъ профессоръ Пургогти,—что силы, дѣйствующія въ живомъ организмѣ, отличны отъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ послѣ смерти. Но это заблужденіе было побѣдоносно разбито еще Мейеромъ, знаменитымъ основателемъ термодинамики. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что при жизни животнаго въ немъ происходятъ тѣ же самыя химическія реакціи, какъ и послѣ смерти. Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что живой организмъ можетъ удалять отъ себя вещества, сдѣлавшіяся безполезными и вредными для его тканей, тогда какъ мертвый лишенъ этой способности. Отсюда накопленіе веществъ не только безполезныхъ, но и прямо вредныхъ для экономіи, которыя, быстро прибывая, скоро производятъ измѣненіе самыхъ органовъ и дѣлаютъ ихъ неспособными къ дѣйствіямъ, свойственныхъ здоровому и живому тѣлу“.

Эфирныя тѣла.

Вотъ тѣ данныя, которыя должны служить основаніемъ для уясненія интересующаго насъ въ настоящее время вопроса: далеко ли наука отъ признанія эфирныхъ двойниковъ человѣческаго тѣла, о которыхъ говорятъ намъ евреи, египтяне, теософы, буддисты и спириты? Противорѣчитъ ли понятіе о двойникахъ ученіямъ науки и идетъ ли оно въ раз-

Digitized by Google

рѣзъ со всѣми научными воззрѣніями на природы органической матеріи?

Для болѣе опредѣленнаго представленія приведемъ еще нѣкоторыя научныя данныя.

Если мы признаемъ основою каждаго тѣла движеніе, происходящее въ средѣ однородныхъ атомовъ эфира, то математика и механика—двѣ непогрѣшимыя и абстрактныя науки—должны дать намъ самыя точныя свѣдѣнія по этому предмету.

И дѣйствительно, когда мы обращаемся къ нимъ, то видимъ, что онѣ, составляя уравненія, съ цѣлью опредѣлить по извѣстнымъ условіямъ возможность разныхъ сочетаній, для полученія разнородныхъ движеній, приходятъ къ самымъ изумительнымъ выводамъ.

Математикою и механикою можно, конечно, выводить всѣ, извѣстные намъ, виды движенія матеріи, какъ-то: свѣтъ звукъ, движеніе планетъ, свѣтовыя волны и т. д.; но можно еще, вводя въ вычисленія извѣстные уже намъ физическіе законы, получать многія незнакомыя и совершенно для насъ новыя движенія, которыя всѣ имѣютъ возможность существовать въ дѣйствительности. Мы не можемъ сказать, какія изъ нихъ существуютъ дѣйствительно въ природѣ, ибо мы ихъ не знаемъ и не улавливаемъ: они не поддаются нашимъ чувствамъ и нашей трехмѣрной аналитикѣ, ибо многія изъ нихъ переходятъ въ четвертое, пятое и т. д. измѣренія.

Мысль о возможности не только четвертаго, но бо́льшаго числа измѣреній пространства подтверждена даже извѣстнымъ философомъ Кантомъ. „Наука объ этихъ возможныхъ видахъ измѣренія пространства была бы — говоритъ онъ — безспорно высшею геометріею, которую умъ человѣка могъ когда-либо построить“ (Gedanken von der wahren Schätzung der Kräfte). Надъ этою же гипотезою много работали извѣстные математики Гауссъ, Боліай, Риманъ и нашъ знаменитый математикъ, профессоръ казанскаго университета Николай Ивановичъ Лобачевскій.

Лобачевскій и Гауссъ указывали на то, что въ обыкновенной (Эвклидовой) геометріи, не идущей далѣе трехмѣрнаго пространства, нѣкоторыя положенія не могутъ быть строго доказаны, и рѣшенія ихъ заходятъ въ другія высшія измѣренія. Они, конечно, не имѣютъ фактическихъ данныхъ для утвержденія существованія другаго міра, тѣмъ не менѣе принуждены рядомъ съ этимъ матеріальнымъ міромъ признать другой. Назовете ли вы его духовнымъ или четырехмѣрнымъ, пятимѣрнымъ,—дѣло не въ названіи; но, во всякомъ случаѣ, это

Digitized by Google

такой міръ, аналитика котораго могла бы наглядно изобразить высшія измѣренія. Профессоръ Бутлеровъ придавалъ возможности знанія такого міра первенствующее значеніе въ ряду человѣческихъ знаній и называлъ ее геометріею абсолютныхъ пространствъ.

Мы охватываемъ своимъ пониманіемъ только три измѣренія, а потому должны сказать, что все препятствіе въ познаніи многихъ изъ этихъ движеній—единственно въ недостаткѣ нашихъ чувствъ, ибо по математикѣ всѣ они имѣютъ право дѣйствительнаго бытія.

Самое разрѣженное тѣло, которое поддается анализу, это водородъ, самое плотное—платина. Вотъ предѣлы, за которые не идетъ наше пониманіе; но природа этимъ не ограничивается. Неоспоримо, что на другихъ планетахъ есть тѣла болѣе плотныя, а также и болѣе легкія, и если они существуютъ мы не можемъ ихъ видѣть, ибо водорода мы не видимъ; мы не видимъ даже воздуха, который въ 14 разъ плотнѣе водорода.

Однако, не всѣ эфирныя тѣла намъ не видны; мы видимъ на небѣ кометы, которыя служатъ вѣчнымъ укоромъ нашимъ чувствамъ. Нѣкоторыя кометы двигаются съ ужасною быстротою уже многія тысячелѣтія кругомъ солнца, не мѣняя формы своего хвоста, а, между прочимъ, какая ихъ плотность? По наблюденіямъ Джона Гершеля, эти загадочные для насъ міры имѣютъ хвосты длиною по нѣсколько сотенъ милліоновъ верстъ и въ поперечникѣ около сотни тысячъ, а вѣсъ ихъ такой, что можно было бы, спресовавъ и, сгустивъ ихъ въ одну массу, имѣющую вѣсъ нашихъ земныхъ тѣлъ, увезти каждую на одной подводѣ. Тиндаль, поправляя въ этомъ отношеніи Джона Гершеля, говоритъ, что, по его мнѣнію, въ одинъ чемоданъ можно было бы спрятать цѣлый десятокъ кометъ.

Астрономъ Фай, вычисляя плотность субстанціи такихъ кометъ, нашелъ, что она въ 250 млрдовъ разъ рѣже, чѣмъ плотность нашего воздуха подъ воздушнымъ колоколомъ, въ которомъ $^1/_{1000}$ разрѣженія. Теперь, какъ представимъ мы себѣ, что подобной плотности комета 1843 года пронизала фотосферу солнца, обогнувъ его въ теченіе двухъ часовъ, причемъ она не измѣнила даже ни формы своего хвоста, ни скорости своего полета и показалась на другой сторонѣ солнца совершенно такою же, какою она за него скрылась, несмотря на то, что скорость конца хвоста равнялась 500 милл. верстъ въ часъ, т. е. $^1/_2$ скорости молніи. Все это заставляетъ призна-

Digitized by Google

вать, что кометы при всей ихъ разжиженности — настоящія тѣла (никто, впрочемъ, изъ современныхъ астрономовъ и не оспариваетъ этого).

Подобныхъ кометъ на небѣ неисчисленное количество. Когда о числѣ ихъ спросили Кеплера, онъ отвѣтилъ, что „кометъ на небѣ столько, сколько рыбъ въ океанѣ". Араго говоритъ, что тѣхъ кометъ, которыя приближаются къ солнцу не далѣе Нептуна,—около 20 милліоновъ; но такъ какъ, собственно, сфера притяженія солнца простирается еще гораздо дальше, то астрономы, по приближенію, насчитываютъ ихъ милліардами.

Что значитъ передъ этимъ поражающимъ количествомъ число нашихъ грубыхъ матеріальныхъ планетъ, вращающихся въ солнечной системѣ? Ихъ насчитываютъ едва до 70 (считая астероиды за одну планету), а слѣдовательно мы смѣло можемъ принять, что число матеріальныхъ планетъ, болѣе или менѣе похожихъ на нашу землю или солнце, по отношенію къ количеству эфирныхъ небесныхъ тѣлъ, совершенно ничтожно, и что эфирныя тѣла въ милліоны разъ болѣе распространены въ природѣ, чѣмъ твердыя планеты. Кромѣ того, мы можемъ легко предположить, что возможность видѣть нашими глазами столь разрѣженныя тѣла не есть общій законъ природы, и что на каждую видимую нами комету, въ дѣйствительности найдется еще много другихъ на небѣ, намъ невидимыхъ; но, не говоря уже объ этихъ невидимыхъ тѣлахъ, мы скажемъ, что и милліарды кометъ для нашей солнечной системы составляютъ весьма вѣскій доводъ въ пользу оживленности и обилія совершенно новой, незнакомой намъ и недосягаемой эфирной жизни междупланетнаго пространства.

Итакъ, ко всѣмъ безспорнымъ даннымъ науки мы можемъ прибавить еще два: 1) что эфирныя тѣла въ природѣ существуютъ; что нашъ водородъ не есть самое разжиженное тѣло; что есть тѣла, которыя, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохраняютъ свою опредѣленную форму при страшныхъ скоростяхъ, съ которыми они двигаются, и разрѣженность ихъ въ милліарды разъ больше нашихъ земныхъ тѣлъ. Это составляетъ новое и весьма вѣское доказательство того, что разнообразіе природы идетъ дальше нашего чувственнаго пониманія ея; 2) что математически можно доказать существованіе еще многихъ родовъ движенія, кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ черезъ наши чувства и черезъ нашу матеріалистическую науку, и что кометы составляютъ только одинъ видъ изъ массы другихъ, намъ пока еще неизвѣстныхъ, видовъ движенія.

Digitized by Google

Эфирный элементъ въ строеніи человѣческаго тѣла.

Послѣ всего вышесказаннаго, мы не можемъ болѣе представлять себѣ твердое тѣло такъ, какъ понимали его въ древности, т. е. кускомъ матеріи, въ которомъ всѣ частички крѣпко сплочены между собой и находятся въ вѣчной неподвижности по отношенію къ своимъ сосѣдкамъ, такимъ же однороднымъ съ ними частичкамъ. Напротивъ, мы должны себѣ представлять каждое тѣло состоящимъ изъ милліардовъ частныхъ вихрей, ничѣмъ не связанныхъ между собою и находящихся на очень значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, по отношенію къ своему собственному объему и къ величинѣ сосѣднихъ частичныхъ вихрей. Каждый подобный вихрь имѣетъ скорость, конечно, превышающую скорость свѣта и электричества и окруженъ своею спеціальною эфирною оболочкою, обусловливающею характеръ движенія и, слѣдовательно, видимую форму его. Эти вихри плаваютъ въ пространствѣ, наполненномъ эфирными первичными неупругими атомами, находящимися также въ движеніи, во вращательномъ и въ поступательномъ. Эти атомы, подъ вліяніемъ движенія этихъ частныхъ частичныхъ вихрей, слагаются въ общія оболочки и сдавливаютъ вихри въ одну общую кучу, что производитъ видимое для нашего глаза твердое тѣло. Для наглядности представленія сравниваютъ подобное строеніе матеріи съ циклонами, носящимися въ воздухѣ, съ роемъ пчелъ, съ кучею муравьевъ, съ летящею саранчею, застилающею иногда все небо. Единственная невѣрность при этомъ въ представленіи состоитъ лишь въ томъ, что всѣ эти рои не становятся въ зависимое положеніе по отношенію къ окружающей ихъ средѣ, а потому не достигаютъ должной связности между собой.

Обращаясь къ органическимъ тѣламъ, мы видимъ бо́льшій порядокъ, бо́льшую цѣлесообразность движенія тѣхъ же самыхъ приведенныхъ въ вихревое движеніе частичекъ матеріи. Мы видимъ бо́льшую сложность ихъ движенія и правильный строй въ общемъ состояніи каждаго живаго организма; онъ управляется чѣмъ-то; въ немъ есть нѣчто, распредѣляющее каждый изъ этихъ частичныхъ вихрей, не только по роду его, но и по достоинству. Мейеръ говоритъ, что „силы, дѣйствующія въ живомъ организмѣ тѣ же, что и въ неорганическомъ тѣлѣ; но только живой организмъ обладаетъ способностью удалять вредныя и отжившія части изъ организма“. Онъ сохраняетъ и распредѣляетъ годные; слѣдовательно, это „нѣчто“ находится въ

Digitized by Google

связи съ каждою матеріальною частичкою нашего тѣла, иначе это „нѣчто“ не могло бы подвигать каждый атомъ, даже атомъ кости нашей къ наружѣ, по мѣрѣ изнашиванія каждаго изъ нихъ, и затѣмъ упразднять его за негодностью. Это ясно,—другихъ объясненій мы не въ состояніи сдѣлать.

Что это за форма, которую требуетъ Кювье? Онъ говоритъ, что форма важнѣе матеріи, ибо матерія мѣняется постоянно, а форма остается неизмѣнною для каждаго индивидуума. Если это „нѣчто“, что́ требуетъ Мейеръ, проникаетъ все тѣло, управляетъ каждою частицею и остается всегда, во всю жизнь особо, постояннымъ, оно и должно составлять ту форму, которую требуетъ Кювье. Вопросъ, конечно, что это за „нѣчто“,—эфирный ли это двойникъ человѣческаго тѣла, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ подобное объясненіе само напрашивается и чрезвычайно было бы логично. Что можетъ мѣшать такому предположенію, если доказано, что въ природѣ эфирныхъ тѣлъ много?

Подобное допущеніе объяснило бы намъ многое изъ жизни организмовъ: 1) мы получили бы разъясненіе на положеніе **Бюффона**, который сказалъ, что основу нашего тѣла составляютъ силы; но силы не могутъ передаваться черезъ пустоту, не могутъ дѣйствовать внѣ тѣла, значитъ онѣ передаются черезъ что-нибудь по всѣмъ направленіямъ къ каждой частичкѣ тѣла, къ каждому частному вихрю, и притомъ вполнѣ цѣлесообразно. Эта цѣлесообразность должна быть доведена почти до разумности, сохраняя породу, видъ форму существа или зародыша и всякой органической клѣточки, коей принадлежность она составляетъ.

Эта короткая фраза, сказанная Бюффономъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ затрудненій. Сосредоточіе цѣлесообразныхъ силъ, управляющее милліардомъ вихревыхъ частицъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, дающихъ жизнь цѣлому организму, не можетъ состоять изъ чего-либо разрозненнаго; оно неминуемо должно быть само правильно организованнымъ организмомъ, и наилучшее представленіе, которое мы можемъ себѣ составить, есть именно та форма эфирнаго тѣла, проникающая весь организмъ, которая и называется церковью—душею, спиритизмомъ — полуматеріальною оболочкою духа, теософами—астральнымъ тѣломъ.

2) **Кювье** утверждаетъ, что тѣло 80-ти-лѣтняго старца состоитъ изъ частицъ на столько же новыхъ и свѣжихъ, какъ у ребенка, только-что начинающаго ходить, и спрашиваетъ, что же въ насъ состаривается?—Теперь мы можемъ отвѣтить:—

Digitized by Google

старѣется основа наша, сосредоточіе жизненныхъ силъ въ нашемъ эфирномъ тѣлѣ, оно отживаетъ свой вѣкъ и постепенно потухаетъ; оно старѣется и дѣлается неспособнымъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ организма; старѣется въ насъ то, что производило въ насъ видимый организмъ; старѣется въ насъ жизненнная способность эфирной оболочки души, управляющая всѣми частичными вихрями, образующими наше видимое тѣло.

Что не нервы передаютъ мозгу ощущенія,—высказывали уже многія ученія. Они находили, что нельзя предполагать, чтобы сами нервы при передачѣ ощущеній колебались, какъ музыкальныя струны: это колебаніе происходитъ не въ нервахъ, а въ эфирѣ, проникающемъ ихъ и всѣ ткани нашего тѣла.

1) Первый высказалъ это, какъ предположеніе, **Ньютонъ** въ двухъ своихъ произведеніяхъ: въ первый разъ—въ концѣ своихъ „Principia", а въ другой разъ— въ „Optics".

2) **Гэртли** подробно и многосторонне доказывалъ это. Приводимъ его подлинныя слова (Conjec q. de Sensu. p. 41), какъ окончательный выводъ его системы передачи чувствъ: „Внѣшніе предметы, дѣйствуя на чувства, вызываютъ сначала въ нервахъ, испытывающихъ ихъ вліяніе,—а потомъ и въ мозгу,—колебаніе мелкихъ, или, какъ можно выразиться, безконечно малыхъ частицъ мозговаго вещества. Колебанія эти суть движенія взадъ и впередъ и подобны колебаніямъ маятника или дрожанію частицъ звучащихъ тѣлъ. Необходимо представлять себѣ эти колебанія крайне короткими и слабыми, такъ что они рѣшительно не могутъ дѣйствовать или приводить въ движенію всю массу мозга и нервовъ. Было бы въ высшей степени нелѣпо предполагать, что нервы колеблются всею своею массою, подобно музыкальнымъ струнамъ.

3) **Швейцарскій натурфилософъ Шарль Боннэ** въ своей „Contemplation de la Natura" порицаетъ тѣхъ физіологовъ, которые думали иначе. „Они хотятъ,—сказалъ онъ,—заставить нервы колебаться, какъ струны, для того, чтобы передать ощущенія мозгу. Но вѣдь нервы дрожать не могутъ, ихъ природа совершенно не та, они мягки и вялы" (Льюисъ, т. II, стр. 219, 220).

4) „Никто не станетъ отвергать,—говоритъ **Дарвинъ** (Zoonomia III, 112),—что мозговое вещество головнаго мозга и нервовъ имѣетъ извѣстную форму; вещество это, будучи распространено почти по всему тѣлу, должно имѣть и форму приблизительно такую же, какъ и тѣло. Но такъ какъ живо-

Digitized by Google

творящій духъ, или жизненный принципъ, заключенъ именно въ этомъ веществѣ, то и онъ имѣетъ такую же форму, какъ и оно, т.-е. приблизительно форму тѣла. Когда въ насъ возникаетъ ощущеніе твердости, то это значитъ, что въ это время какая-либо часть органа осязанія, занимающаго огромную поверхность, сжимается тѣмъ или другимъ внѣшнимъ предметомъ, и при этомъ сжатая такимъ образомъ часть чувствилища вполнѣ принимаетъ форму сжимающаго его предмета. Поэтому, когда мы пріобрѣтаемъ понятіе о твердости, въ насъ выработывается и идея формы. Эта идея формы, или движеніе части осязательнаго органа, совершенно походитъ, по своей формѣ, на форму предмета, вызвавшаго эту идею, и, такимъ образомъ, послѣдняя даетъ намъ точное понятіе объ этой сторонѣ внѣшняго міра".

Гэртли и Шарль Боннэ принимали эфирные токи, заключающіеся въ нервахъ за посредниковъ передачи ощущеній въ чувствующій и сознательный центръ. Мы видѣли, что Дарвинъ идетъ дальше, онъ считаетъ способность эту прямо свойствомъ этого сознательнаго центра, который онъ прямо и безъ всякихъ научныхъ обиняковъ называетъ *духомъ*, не упоминая о посредникѣ, ибо, по его мнѣнію, этотъ посредникъ долженъ быть нераздѣльная часть существа самого духа и долженъ онъ непремѣнно состоять изъ эфира; „ибо всеобъемляющій духъ", говоритъ Дарвинъ, (Zoonomia I, 115) „передавая или получая движеніе отъ твердыхъ тѣлъ, долженъ и самъ обладать свойствомъ твердости. Затѣмъ, этотъ духъ, воспринимая другаго рода движеніе, получаемое имъ отъ свѣта, долженъ обладать свойствомъ свѣта передавать это движеніе, обусловливающее собою видѣніе. Равнымъ образомъ духъ обладаетъ и свойствомъ передавать возбужденія вкусовыя, обонятельныя, осязательныя и слуховыя" (Льюисъ, т. II, стр. 227).

Съ другой стороны, если наука признала душу,—элементъ чисто отвлеченный и источникъ мысли, разума и воли, не имѣющій ничего матеріальнаго и веществennаго въ своемъ сложеніи, который проявляетъ свое полное вліяніе и могущество надъ тѣломъ и играетъ совершенно ту же роль, по выраженію профессора Пурготи, какъ и машинистъ для паровоза, то является совершенно понятный вопросъ: чѣмъ связано грубое тѣло, или каждая неодушевленная и неразумная частица тѣла съ этимъ отвлеченнымъ и чисто духовнымъ элементомъ?—Совершенно логично предположить, что связь эта заключается именно въ эфирномъ тѣлѣ, заполняющемъ всѣ промежутки матеріальнаго тѣла и составляющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и со-

Digitized by Google

средоточіе тѣхъ силъ, которыя требуетъ Бюффонъ въ живомъ организмѣ; эта связь, по крайней мѣрѣ, намъ была бы понятна и наглядна.

Т. Креббсъ, въ „Превращеніи энергіи“ (стр. 83), говоритъ: „Основатель атомистики философъ Демокритъ (500 лѣтъ до Р. Х.) училъ, что душа состоитъ изъ само-мельчайшихъ и самыхъ гладкихъ атомовъ, что жизнь есть результатъ движенія душевныхъ атомовъ, по тѣлу. Совершенно то же проповѣдывалъ Эпикуръ; и нельзя отвергать, что теперешнее естествознаніе во многихъ отношеніяхъ согласуется съ воззрѣніями этими. Наука въ послѣднее столѣтіе встрѣчала на каждомъ шагу подтвержденія этого ученія“.

Если сохраненіе состоянія неорганической частички требуетъ уже особой эфирной оболочки, обусловливающей форму частнаго, вихреобразнаго движенія, то совершенно логично, что съ пріобрѣтеніемъ лишнихъ условій своего существованія и эти оболочки болѣе соотвѣтствуютъ характеру явленій, являясь въ сложныхъ органическихъ тѣлахъ болѣе усовершенствованными эфирными тѣлами. Вѣдь нѣтъ никакой необходимости предполагать, что эти двойники, при всей своей эфирности, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое же крѣпкое сложеніе, какъ, напримѣръ, костяная основа нашего матеріальнаго тѣла, чтобы быть въ состояніи осилить давленіе воздуха, свой собственный вѣсъ и другія матеріальныя препятствія. Не забудемъ, что эфирныя тѣла вѣса не имѣютъ, ибо они по природѣ своей невѣсомы, они занимаютъ пространство между нашими матеріальными частицами и сами составляютъ причину вѣса нашего вѣсомаго тѣла, слѣдовательно, они сами по себѣ вполнѣ активны и дѣятельны, но природа этой дѣятельности совершенно другая, чѣмъ та, которую имѣютъ частицы нашего тѣла.

Многіе матеріалисты, между прочимъ Мольдеръ, смѣются надъ ученіемъ о жизненной силѣ и сравниваютъ ее съ битвой, въ которой участвуютъ тысячи сражающихся, однакожъ такъ, какъ будто тамъ дѣйствовала только одна сила, которая стрѣляетъ изъ пушекъ, рубитъ саблями и проч. „Совокупность этихъ выводовъ—прибавляетъ Мольдеръ—не есть результатъ одной силы,—силы сраженія, но совокупность многихъ дѣйствующихъ силъ“. Изъ этого они заключаютъ, что жизненная сила не есть начало, а только слѣдствіе.

Они и сами не подозрѣваютъ, какъ они близки къ истинѣ. Сравненіе тѣла человѣка съ правильно организованнымъ полкомъ совершенно вѣрно и наглядно обрисовываетъ намъ внутреннюю жизнь человѣка.

Digitized by Google

Если необходимо, чтобы войскомъ распоряжался одинъ начальникъ и для единства тысячи солдатъ нужна самая строгая дисциплина, — тѣмъ болѣе необходима сила, которая бы управляла матеріей и приводила въ гармоническое единство милліоны частицъ, составляющихъ тѣло. Эта-то одна сила и даетъ жизнь тѣлу, такъ же какъ полку — управляющая имъ власть. Рекруты приходятъ, старые солдаты возвращаются домой, и черезъ одинъ мѣсяцъ составляется новый полкъ. Въ теченіе этого времени отпуски, частныя вербовки производятъ измѣненія въ составныхъ частяхъ войска. Всякій солдатъ, всякій офицеръ есть не больше какъ номеръ,—личность каждаго ничего не значитъ.

Солдаты, офицеры и полковники перемѣняются, а полкъ остается въ прежнемъ своемъ составѣ. Военная іерархія есть единица,—это и составляетъ ея силу. Что касается до составныхъ частей этой единицы,—ихъ не берутъ въ разсчетъ. Неоспоримо также, что командующій полкомъ въ службѣ значительнѣе простаго солдата, также какъ атомъ мозговаго жира значительнѣе кусочка ногтя. Но то, что составляетъ стволъ или узелъ развѣтвленія дерева, не составляетъ еще всего дерева. Такимъ образомъ, сравненіе нашихъ противниковъ скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ нашу мысль.

Но полкомъ командуетъ воля; эта воля, изливаясь въ формѣ устныхъ приказаній, дѣйствуетъ на разстояніи на каждую частичку полка, или на каждый номеръ, ибо эта частичка существо разумное, мыслящее и повинуется разумно этой волѣ; частички же, составляющія наше тѣло, не обладаютъ разумомъ, а поэтому приказанія воли должны быть передаваемы иначе, они должны выражаться въ вещественномъ воздѣйствіи на нихъ: извнѣ эта воля должна выражаться силою, порождающею движеніе; въ этомъ отношеніи еще нѣтъ научныхъ затрудненій,—это ясно; затрудненія начинаются лишь съ того момента, какъ мы спросимъ: что передаетъ волю и производитъ это кипучее движеніе? — По нашему, безспорно, это — эфирное тѣло, или полуматеріальный двойникъ нашъ, матеріалисты же смѣются и отрицаютъ, но взамѣнъ никакихъ объясненій не даютъ, никакихъ теорій, хотя бы даже какихъ-либо научныхъ опроверженій.

Прослѣдимъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ въ наукѣ серьезныхъ свидѣтельствъ, могущихъ подтвердить нашъ выводъ?—Конечно, есть, но ни одно изъ нихъ не было принято позитивизмомъ; мы почерпнемъ ихъ изъ статьи „Астральное тѣло, какъ субстанція человѣка“, написанной однимъ изъ выдающихся и

Digitized by Google

чрезвычайно популярныхъ современныхъ германскихъ философовъ и мыслителей, барономъ Карломъ дю-Прель (Sphinx, 86 г., мартъ). Онъ приводитъ нижеслѣдующія свидѣтельства.

1) **Аристотель** положилъ въ основаніе своего ученія о душѣ слѣдующее воззрѣніе: „Если душа не только мыслитъ, но и организуетъ, то форма существъ должна быть ея дѣломъ". Эта „форма" является у него не простой абструкціей, а организующимъ матерію принципомъ, и хотя у него отношенія формы въ душѣ часто совершенно не ясны, тѣмъ не менѣе смыслъ его ученія тотъ, что форма—результатъ дѣятельности души. То, что скрыто въ веществѣ, какъ простая возможность, превращается формой въ дѣйствительность, и потому-то Аристотель называетъ душу энергіей или энтелехіей вещества. Когда же онъ говоритъ, что душа составляетъ энтелехію тѣла (De an. II, 1), то приравниваетъ этимъ отношенія между душой и формой къ отношеніямъ между органомъ и дѣятельностью. Форма вещей, въ качествѣ творческой силы, должна имъ предшествовать; она-то и составляетъ дѣятельную сущность вещи и заключена внутри самой вещи. Если мы попробуемъ опредѣлить форму вещи, то выразимъ этимъ самую сущность ея, которую невозможно представить себѣ независимо отъ формы вещи. Поэтому жизнь не представляетъ собою простаго соединенія души съ тѣломъ, но душа способна столь же мало разъединяться отъ тѣла, какъ, напр., глазъ и способность зрѣнія.

„Если способность къ организаціи переживаетъ смертный организмъ, потому что смерть поражаетъ лишь проявленіе, а не причину, то тѣло дѣлается тѣмъ самымъ какъ бы безсмертнымъ. Существующая уже въ материнскомъ чревѣ способность души проявляться тѣлесно, должна сохраняться за нею и послѣ смерти тѣла, перевоплощеніе должно быть возможно. Если между душей и тѣломъ существуетъ необходимое соотношеніе, и если тѣло составляетъ лишь внѣшнее выраженіе того, что представляетъ собою живущая въ немъ душа, то и эта душа должна быть существомъ, въ извѣстномъ смыслѣ обладающимъ формою, которое, въ свою очередь, намъ приходится представлять себѣ такъ или иначе матеріальнымъ. Необходимость такого логическаго вывода ничуть не пугаетъ Аристотеля; онъ дѣйствительно приписываетъ душѣ вещественность, называя составляющее душу вещество, которое, по его мнѣнію, совершеннѣе и тоньше каждаго изъ четырехъ элементовъ и родственно эфиру,—то теплотой, то пневмой" (Gen. an. II, 3).

2) „**Теофрастъ второй** называетъ также божественное тѣло души эфирнымъ" (Zeller. Philosophie der Griechen, II, 2, 3, 7).

Digitized by Google

3) „По мнѣнію стоиковъ, душа также обладаетъ вещественною формою и занимаетъ пространство. Она уже потому не можетъ быть безформенною, что распространена въ тѣлѣ по всѣмъ тремъ измѣреніямъ; а то, что обладаетъ протяжимостью, несомнѣнно должно быть вещественнымъ“ (Тамъ же, III, 194, 708).

4) „Эпикурейцы учили о взаимодѣйствіи души и тѣла, что-бы имѣть возможность вывести изъ этого взаимодѣйствія воздухообразную тѣлесность души“ (Тамъ же, III, 1, 417).

„Это для нашего столѣтія столь парадоксальное воззрѣніе, однако, раздѣлявшееся всѣми средневѣковыми мыслителями, къ которому должно придти каждое мистическое ученіе, казалось греческимъ философамъ столь естественнымъ, что они для обозначенія тѣла человѣка даже имѣли два различныхъ названія: „саркъсъ“ и „сѡма“; словомъ „саркъсъ“ обозначалось тѣло, въ различіе отъ души; душа же, на сколько она тѣлесна, называлась „сѡма“ (Тамъ же, III, 1, 443). (Ребусъ 89 г., стр. 265, 266).

5) „У неоплатониковъ астральное тѣло составляетъ какъ бы колесницу души, ея невидимое одѣяніе, эфирное, безсмертное, воздушное тѣло. Наше физическое тѣло, разсматриваемое какъ матерія, какъ изображающее душу вещество, чуждо нашей душѣ, и подобно палаткѣ, въ которой мы не дома, хотя въ то же время и не на чужбинѣ; но то же тѣло, разсматриваемое какъ форма, принадлежитъ душѣ, потому что безсмертна не только мыслящая, но и органическая душа. Организующій принципъ, лежащій въ основѣ нашего организма, со смертью тѣла не разрушается: его дѣйствіе—вещественное тѣло погибаетъ, причина же—остается.

6) „По Ямблиху и Порфирію, эфирное тѣло переживаетъ физическій организмъ; оно опредѣляется Ямблихомъ, какъ не измѣняющееся свѣтовое тѣло, не нуждающееся ни въ чемъ для своего сохраненія“ (De myst. Aegupt. 1. 8. V. 10).

7) „Философъ Проклъ говоритъ, что эфирное тѣло послѣ смерти, смотря по качественному состоянію души, остается болѣе или менѣе чистымъ, и съ этой чистотой онъ связываетъ возможность явленія духовъ людямъ“ (Zeller. III. 2. 314).

8) „Баронъ Карлъ дю-Прель въ своей статьѣ поясняетъ, что не у однихъ древнихъ грековъ астральное тѣло добыло себѣ право гражданства. „За исключеніемъ дубоватыхъ матеріалистовъ,—говоритъ онъ,—всѣ философы и естествоиспытатели приняли существованіе организующаго принципа, какъ различно ни называли и не опредѣляли они его, начи-

Digitized by Google

ная съ идей Платона и до внутренней основной формы Бюффона, жизненной силы виталистовъ, и метаорганизма Гелленбаха, чѣмъ и утверждается потенціальная способность не находиться въ зависимости отъ матеріала, которымъ орудуетъ,— созиданіе тѣла изъ органическихъ клѣточекъ является лишь однимъ изъ возможныхъ самоизображеній души".

„Кто не въ состояніи удовлетвориться неосуществимымъ представленіемъ только мыслящей души, т. е. такой, въ которой мышленіе является не столько функціей, сколько самой сущностью, и гдѣ душа обращается въ простую мысль, тотъ a priori долженъ допустить существованіе носителя душевнаго мышленія, который можно себѣ представить лишь обладающимъ формою. Вотъ почему Эпикуръ полагалъ, что даже за богами нужно признать образность, но что этотъ божественный образъ, вслѣдствіе тонкости составляющихъ его элементовъ, не можетъ быть воспринятъ нашими чувствами и доступенъ намъ лишь духовно (Plutaeh. De plac. phil. I. c. 7). По его мнѣнію, тѣ, которые объясняютъ душу невещественно, говорятъ вздоръ, потому что, если бы душа была дѣйствительно такою, какъ они полагаютъ, то не могла бы ни дѣйствовать, ни ощущать.

„Это представленіе, по отношенію къ которому средневѣковый дуализмъ составлялъ шагъ назадъ, было у грековъ господствующимъ: душа строитъ тѣло изъ самой себя, тѣло составляетъ ея отдѣлимую часть и входитъ въ понятіе о душѣ, и только про извѣстное вещественное тѣло, самый матеріалъ, можно сказать, что она получаетъ его извнѣ. Отсюда различеніе вещественнаго тѣла отъ тѣла, свойственнаго душѣ.

„Древніе греки, при ихъ эстетической манерѣ одѣваться, при характерѣ ихъ искусствъ, танцевъ, общественныхъ игръ и находящемся въ связи съ климатомъ ихъ родины отсутствіи ложной стыдливости, были бы до крайности удивлены скудностью принциповъ нашей физіономики; они совершенно не поняли бы, почему мы ищемъ согласованія между внутреннимъ и наружнымъ лишь въ особенностяхъ одной части нашего тѣла—головѣ, и сдѣлали бы намъ совершенно основательное возраженіе, что не одна голова, а весь организмъ составляетъ видимое проявленіе души.

„Форма нашего организма должна имѣть въ оформляющей душѣ свой трансцендентальный прототипъ, и вступленіе въ земное существованіе трансцендентальнаго субъекта представляетъ собою лишь уплотненіе размѣровъ этой схемы. Вотъ то воззрѣніе, которое существовало у древнихъ грековъ подъ понятіемъ астральнаго тѣла (юхема). Это астральное тѣло со-

Digitized by Google

ставляетъ неизбѣжное логическое слѣдствіе всякой попытки объяснить человѣка.

„Дальнѣйшія опредѣленія астральнаго тѣла, въ видѣ заключенія въ греческой философіи, мы находимъ въ библейской антропологіи, гдѣ дѣлаются два различія.

„Первое представляетъ выраженіе чувственно-вещественной субстанціи тѣла, которая, подобно матеріи, переходяща (измѣнчива), составляетъ источникъ и естественное основаніе зла и заблужденій и уничтожается смертью. Ему противополагается пневматическое тѣло, которое, правда, тоже не совсѣмъ лишено субстанціональности, но состоитъ изъ небесной, свѣтовой субстанціи.

„Идеями Аристотеля опредѣлилось направленіе и дальнѣйшее развитіе философскихъ ученій. Одно только естествознаніе ничѣмъ не содѣйствовало разработкѣ идеи астральнаго тѣла.

„Еще на первыхъ вселенскихъ соборахъ астральное тѣло сдѣлалось предметомъ догматическихъ опредѣленій, но церковь, желавшая, по весьма понятнымъ причинамъ, удержать идею безсмертія и нерасположенная къ естественно-научнымъ воззрѣніямъ, не видѣла необходимости особеннаго напиранія на организующую способность души и передвинула дѣйствительное соотношеніе особенностей души, склоняясь на сторону дуалистическаго ученія. На халкедонскомъ и четвертомъ лютеранскомъ соборахъ настоятельно предлагалась дихотомія, трихотомія же была отвергнута, какъ вредная ересь, почему позже отцы церкви, отнюдь не отказавшіеся отъ астральнаго тѣла, присоединяли его то къ духу, то къ физическому организму. Наконецъ, соборъ въ Віеннѣ, въ 1311 году, постановилъ въ духѣ ученія Аристотеля, „считать еретикомъ всякаго, кто позволитъ себѣ отрицать, что душа составляетъ форму тѣла“. На этомъ соборѣ, постановленія котораго были направлены противъ лжеученія Ивана-Петра Оливы, было провозглашено, что духъ человѣка такъ тѣсно соединенъ съ его теломъ, что образуетъ не одно только внѣшнее, но и внутреннее единство, и потому составляетъ существенный факторъ, человѣка“ (Реб. 1889 г. 281, 282).

Въ силу данныхъ естествознанія мы должны приписать душѣ протяжимость по меньшей мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ эта протяжимость признается за растительнымъ зародышемъ, какъ потенціальная способность, какъ сила пластическая и созидательная, въ смыслѣ Аристотелевой формы. Скрытая въ зародышѣ способность обратиться въ растеніе только тогда и мыслима, если самъ зародышъ уже предварительно

Digitized by Google

дифференцированъ морфологически и состоитъ изъ органически соединенныхъ частей. Подъ физическимъ вліяніемъ внѣшняго міра и чрезъ питаніе совершается ростъ зародыша. Невозможность непосредственнаго наблюденія такой микроскопической, атомистической систематики можетъ намъ столь же мало помѣшать признать ее, какъ мало невозможность непосредственнаго наблюденія атомовъ помѣшала физику признать ихъ существованіе. Форма, въ качествѣ образующаго принципа, должна быть приписана зародышу не идеально, а реально, и эта реальная образность должна разсматриваться дѣйствующею подъ вліяніемъ внѣшнихъ жизненныхъ условій причиною будущей реальной оформленности.

„Разнообразіе животнаго и растительнаго царствъ,—говоритъ дю-Прель,—заставляетъ насъ допустить необходимость систематическаго расположенія самихъ атомическихъ составныхъ частей вещества (развивающихся впослѣдствіи въ организмъ), хотя микроскопическое изслѣдованіе и не обнаруживаетъ намъ ничего подобнаго. Замѣчательное разнообразіе растеній и животныхъ и ихъ видовое богатство должно обусловливаться уже этой атомистической систематизаціей".

9) **Лейбницъ** совершенно также глядѣлъ на этотъ вопросъ и, благодаря этому воззрѣнію, вѣроятно, и былъ принужденъ къ признанію существованія астральнаго тѣла:

„Наблюденія естествоиспытателей,—говоритъ онъ,—позволяютъ принять, что существованіе созданіи не начинается, какъ то обыкновенно полагаютъ, съ зарожденія ихъ, но что сѣменныя животныя, или оживленное сѣмя, уже существовали съ самаго начала вещей; порядокъ же и разсудокъ требуютъ, чтобы всегда существовавшее въ прошломъ никогда не переставало существовать и въ будущемъ. Слѣдовательно, зарожденіе составляетъ лишь увеличеніе въ объемѣ заранѣе сформировавшагося и развившагося существа, а потому и смерть—только уменьшеніе переформированнаго и свернувшагося созданія, составляющаго неизмѣняющуюся основу всѣхъ этихъ метаморфовъ, подобно тому, какъ напр., гусеница и бабочка составляютъ одно и то же животное" (Betrachtungen über einen allgemeinen Geist).

10) **Парацельсъ** говоритъ: „Поймите же меня хорошенько: у человѣка два тѣла: одно,—состоящее изъ элементовъ, другое,—изъ астральной матеріи, почему ихъ и слѣдуетъ различать. Послѣ смерти человѣка его элементное тѣло, съ его духомъ (жизненной силой) зарываютъ въ могилу, астральное же тѣло сливается съ эфиромъ, и духъ изображенія возвращается къ тому, кѣмъ было сотворено изображеніе. Человѣкъ обладаетъ

Digitized by Google

двумя тѣлами—элементнымъ и астральнымъ, но оба тѣла составляютъ одного, единаго человѣка. Смерть разъединяетъ совмѣстную жизнь этихъ тѣлесъ" (Philosophia sag. I. 3. T. II).

Парацельсъ считаетъ астральное тѣло свободнымъ отъ всѣхъ недостатковъ физическаго тѣла, а трансцендентальное сознаніе—отъ всѣхъ недостатковъ чувственнаго сознанія,—„и если природа и ошибается, гдѣ-нибудь, то на душу и духъ эти ошибки не простираются,—они отъ воплощенія не измѣнились. Напримѣръ, вотъ одинъ родился кривымъ и хромымъ, безъ ногъ, такъ что принужденъ ползать по землѣ; а вотъ другой здоровый, могущій бѣгать. Который же будетъ хромымъ на томъ свѣтѣ?—ни тотъ, ни другой. А который будетъ дуракомъ? Тоже ни тотъ, ни другой. И вотъ потому-то не слѣдуетъ никого считать или называть глупцомъ или дуракомъ, такъ какъ ошибка здѣсь лишь со стороны физической природы, которой мы подпали" (De generatione stultorum W. W. II, 180).

10) **Эттингеръ** тоже не можетъ себѣ представить духа необладающимъ тѣлесностью: „Никакая душа, никакой духъ не могутъ существовать безъ тѣла (Vom der Verbindung d. Seele d. Körpers. 10), и никакая духовная вещь не можетъ быть совершенна, не обладая тѣлесностью. Все, что—духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло (Эттингеръ видитъ въ тѣлесности созданій не недостатокъ, а, наоборотъ, совершенство). Тѣлесность составляетъ реальность или совершенство, если только эта тѣлесность очищена отъ недостатковъ, свойственныхъ земной тѣлесности".

12) **Философъ Боодеръ** говоритъ: „Если я, живя еще самъ земною жизнью, познаю всѣ земныя тѣла, лишь какъ предметы и сопротивленія, которыя я принужденъ устранить, сломать или раздѣлить, чтобы имѣть возможность существовать въ тѣлесномъ образѣ, то внезапное превращеніе моего тѣла въ динамическое (астральное) имѣло бы для меня то послѣдствіе, что всѣ эти земныя тѣла сдѣлались бы для меня призрачными тѣлами, и мое собственное тѣло перестало бы для нихъ существовать, какъ не могущее, по своей тонкости, ощущаться ими. Въ матеріализованной природѣ прикосновеніе обусловливается непроницаемостью, а видимость—непрозрачностью; прямая противоположность этому существуетъ въ матеріальной природѣ" (Тамъ же).

Какъ ни парадоксально для насъ понятіе объ астральномъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе оно подвергалось всесторонней обработкѣ не только философами, медиками, теологами и мистиками, но и народнымъ сознаніемъ.

Digitized by Google

Отрицаніе дуализма силы и вещества и признаніе ихъ лишь разными сторонами одного и того же основанія (перваго начала) мы находимъ и въ средѣ матеріалистовъ, напр, у Бюхнера. Но такого рода монизмъ — лишь словесный монизмъ. Если бы утвержденіе Бюхнера было имъ сколько-нибудь логически продумано, онъ былъ бы вынужденъ перейти отъ него къ метафизическому индивидуализму или, по крайней мѣрѣ, къ пантеизму.

„Но нашъ просвѣщенный вѣкъ,—говоритъ баронъ Карлъ дю-Прель, — собравшись совсѣмъ похоронить всякую мистику, въ дѣйствительности не могъ даже вычеркнуть изъ задачъ философіи астральнаго тѣла. Разработкѣ его посвятилъ свои умственныя силы цѣлый рядъ философовъ и естествоиспытателей, какъ то видно изъ литературныхъ списковъ, приведенныхъ Генингсомъ, Даумеромъ и Фезнеромъ; при этомъ послѣдній самъ оказывается вынужденнымъ признать существованіе астральнаго тѣла. Въ новѣшее время заслуживаютъ особеннаго вниманія труды Фихте младшаго и Форшлаге".

Германскій мыслитель Фихте младшій, въ своемъ психологическомъ ученіи, дошелъ философскимъ путемъ до понятія о душѣ, какъ о внутреннемъ тѣлѣ человѣка, т.-е. до тѣхъ же двойниковъ человѣческаго тѣла.

Приведемъ его взглядъ изъ книги: „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ" (СБП. 1886 г.), профессора Влаславскаго. — Фихте младшій, объясняетъ авторъ, желалъ примирить въ своей философіи односторонности двухъ направленій: идеальнаго и реальнаго; эту односторонность сознавали и заявляли раньше Фихте многіе другіе германскіе мыслители. Областью приложенія этой теоріи служитъ не одна психологія, но и вся философія. Фихте считаетъ душу реальнымъ существомъ, т.-е. признаетъ за нею качественное, опредѣленное, дѣйствительное бытіе, а никакое качество немыслимо безъ того, чтобы оно не заключало въ себѣ количественной формы, опредѣленной извѣстными свойствами.

Душа, по его теоріи, сама создаетъ себѣ въ тѣлѣ свой пространственно-временный образъ, и, конечно, созданіемъ души, въ этомъ случаѣ, нельзя считать обыкновенное тѣло— собраніе веществъ, управляющихся извѣстными физическими и химическими законами.

Разбирая человѣка съ этой точки зрѣнія, Фихте естественно пришелъ къ понятію органической силы. Полная цѣлесообразность устройства нашего тѣла, до мельчайшихъ подробностей приспособленнаго къ дѣятельности души, подтверждаетъ, по убѣжденію Фихте, его идею о внутреннемъ тѣлѣ.

Digitized by Google

Итакъ, внутреннее тѣло есть нѣчто среднее, посредствующее между душою и физическими элементами, составляющими видимое тѣло. Психологія оставалась бы, по его мнѣнію, крайне неполною наукою, если бы она не пыталась раскрыть смыслъ душевной жизни и разгадать загадку бытія. „Мы живемъ въ этой жизни, — говоритъ Фихте, — только для будущей, даже уже отчасти будущею жизнію; ибо какъ же иначе понимать внутреннее неразрѣшимое разногласіе между истинными потребностями и желаніями человѣка и тѣмъ, чего онъ вообще здѣсь можетъ достигнуть?... Короче, настоящая жизнь понятна лишь, какъ отрывокъ будущей. Поэтому психологія и антропологія должны заканчиваться въ теософіи и служить для нея основаніемъ. Человѣкъ долженъ знать вѣчное, но онъ можетъ найти его только въ Богѣ".

Не логично ли заключить изъ всего вышесказаннаго, что понятіе объ астральномъ тѣлѣ, или о полуматеріальной оболочкѣ души, не можетъ идти въ разрѣзъ съ данными всякой логической науки, какихъ бы положительныхъ знаній ни желалъ держаться человѣкъ,—ибо всѣ выводы безспорно клонятся къ признанію его.

На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ, говоря о душѣ, всегда воображать ее облеченною въ нѣкоторую эфирную оболочку, которая и есть орудіе передачи разума, воли, мысли и чувства, составляющихъ проявленія или принадлежность разумнаго и духовнаго начала, или насъ самихъ и нашего чувствующаго и сознающаго „я".

Digitized by Google

Глава VIII.

Полуматеріальная оболочка.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы принуждены принять, какъ болѣе вѣроятное и логичное, что существо человѣка составляютъ не три элемента, но четыре, а именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Жизненная сила, или начало.

3) Духовное и разумное начало, или наше сознательное „я",—и

4) Полуматеріальная и эфирная оболочка нашего сознательнаго и отвлеченнаго „я". Ее часто называютъ двойникомъ человѣческаго тѣла.

Первые два элемента нужны человѣку для возможности жизни на землѣ; безъ нихъ онъ не могъ бы быть человѣкомъ и не могъ бы проявлять своей земной дѣятельности. Эти два элемента имѣютъ чисто земной, временный характеръ и послѣ смерти человѣка уничтожаются безвозвратно. Послѣднія два элемента остаются неприкосновенны для смерти, и существо духа, освободившись отъ тѣла, дѣлается свободнымъ и независимымъ отъ законовъ вещества.

Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ принято называть *душей* совокупность послѣднихъ двухъ элементовъ въ то время, когда они находятся въ тѣлѣ человѣка, живущаго на землѣ, и ту же совокупность называть *духомъ* послѣ смерти человѣка. Мы будемъ придерживаться этой номенклатуры и, говоря: духъ или душа,—будемъ подразумѣвать субъективное наше „я", всегда облеченное въ нѣкую эфирную оболочку. Живетъ ли человѣкъ на землѣ, или избавился уже онъ отъ аттрибутовъ

Digitized by Google

земной жизни, это не мѣшаетъ душѣ во многихъ отношеніяхъ быть совершенно тѣмъ же духомъ, но поставленнымъ временно въ нѣсколько другія, болѣе трудныя и стѣсняющія его условія.

Принимая эту номенклатуру, мы считаемъ, однако, долгомъ оговориться и предупредить читателя, что слова: душа и духъ разными ученіями и вѣрованіями понимаются иначе, и потому, чтобы не впасть въ крупныя недоразумѣнія въ семъ, и такъ уже весьма шаткомъ, вопросѣ, слѣдуетъ всегда обращать особое вниманіе на понятіе, которое подразумѣвается авторами каждаго ученія подъ словами: душа и духъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности представить себѣ духъ или душу иначе, какъ чисто-отвлеченнымъ существомъ, но всегда облеченнымъ въ нѣкую полуматеріальную оболочку, которая болѣе или менѣе эфирна, тонка и разжижена, а потому болѣе или менѣе ограничиваетъ районъ жизненной дѣятельности духа въ извѣстной сферѣ или въ какой-нибудь одной опредѣленной области загробнаго міра. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы эта свобода не была ничѣмъ ровно ограничена для всѣхъ духовъ, даже для тѣхъ, уровень развитія которыхъ находится еще на низшей степени іерархіи духовнаго міра. Не можетъ быть предоставлена имъ одинаковая возможность пребыванія во всѣхъ отдаленнѣйшихъ уголкахъ вселенной и во всѣхъ безпредѣльныхъ областяхъ безконечнаго загробнаго міра. Одинъ Богъ Безпредѣленъ, Безконеченъ и Вездѣсущъ, духи и слухи Его неминуемо должны быть ограничены въ проявленіи своей жизненной дѣятельности своими собственными качествами и свойствами, выражающимися степенью эфирности ихъ полуматеріальныхъ оболочекъ, не дающихъ имъ возможности удаляться за предѣлы области, положенной для жизни каждаго изъ нихъ. Люди ограничены еще больше духовъ. Вѣдь въ сущности человѣкъ тотъ же духъ, но онъ временно прикованъ къ землѣ своимъ земнымъ тѣломъ, которое заставляетъ его жить и проявлять свою дѣятельность только на поверхности земли, влача всюду за собою грузъ своего тяжелаго и крайне неповоротливаго тѣла. Это тѣло при жизни духа на землѣ играетъ роль механическаго тормаза, связывающаго динамическую свободу духа; но, кромѣ того, оно въ состояніи, парализовать совсѣмъ, или только до извѣстстепени, нѣкоторыя духовныя чувствованія и пониманія, которыя имѣлъ духъ до входа въ это тѣло.

Духи, хотя бы и самаго низшаго духовнаго и нравственнаго развитія, несравненно болѣе свободны, чѣмъ люди, и чувства ихъ и пониманіе себя и окружающей ихъ природы не

Digitized by Google

стѣснены такъ сильно ихъ эфирнымъ тѣломъ. Однако, эта эфирная оболочка составляетъ и у духовъ (до нѣкоторой степени, конечно), такъ же, какъ и у людей, динамическій тормазъ ихъ передвиженіямъ по міровымъ пространствамъ и удерживаетъ ихъ въ тѣхъ предѣлахъ или районахъ заоблачнаго міра, которые предназначены каждому для проявленія ихъ жизненной дѣятельности.

Свойства, качества и степень эфирности этихъ полуматеріальныхъ оболочекъ во всемъ должны соотвѣтствовать степени духовнаго, нравственнаго и разумнаго развитія духа; иначе было бы невозможно ему проявлять своихъ способностей, удовлетворять своимъ желаніямъ и стремленіямъ и преслѣдовать свои жизненныя цѣли свободно и самостоятельно.

Чѣмъ духъ духовнѣе, чѣмъ чище и возвышеннѣе его желанія и стремленія, чѣмъ онъ болѣе способенъ проникать вглубь тайнъ природы и предначертаній Божіихъ, тѣмъ болѣе онъ по составу существа своего долженъ приближаться къ идеѣ чистой отвлеченности и духовности, какимъ мы должны себѣ представлять Бога Безконечнаго и Вездѣсущаго, не имѣющаго ничего матеріальнаго и вещественнаго въ Своемъ Безконечно и Абсолютно-Чистомъ Существѣ. По мѣрѣ того, какъ интеллектуальное развитіе духа удаляется отъ Идеала Вездѣсущности, и полуматеріальныя оболочки ихъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ степени развитія, дѣлаются менѣе эфирны, менѣе разжижены и менѣе чисты, а слѣдовательно все болѣе и болѣе сѣсняютъ дѣятельность духа и ограничиваютъ районъ возможности пребыванія его въ міровыхъ пространствахъ.

Чѣмъ духъ менѣе интеллигентно развитъ, чѣмъ привязанности, привычки и особенности характера его болѣе сосредоточиваются на предметахъ вещественныхъ и земныхъ, чѣмъ вкусы его грубѣе, чѣмъ онъ самъ эгоистичнѣе, порочнѣе и носитъ на себѣ большій отпечатокъ земныхъ разнузданныхъ страстей,—тѣмъ и мысли его, и цѣли жизни, и желанія, и стремленія болѣе вращаются вокругъ того, что могла бы ему дать одна земля, а слѣдовательно, для выполненія задачи его загробной жизни и не требуется большой эфирности полуматеріальной оболочки; она у подобнаго рода низшихъ духовъ, говоря относительно, плотна, тяжела и стѣсняетъ въ высшей степени районъ ихъ жизненныхъ отправленій.

Теософы называютъ эти полуматеріальныя оболочки духовъ и душъ—астральными тѣлами на томъ основаніи, что, будто бы, качества этихъ астральныхъ тѣлъ соотвѣтствуютъ способности духа имѣть временное пребываніе на разныхъ планетахъ. Они полагаютъ, что чѣмъ большій районъ дѣятель-

Digitized by Google

ности охватываетъ духъ въ безпредѣльныхъ міровыхъ пространствахъ, тѣмъ и оболочка эфирнѣе, легче и удобоподвижнѣе, дающая духу возможность пребыванія на большемъ числѣ планетъ и солнечныхъ системъ. У низшихъ же она до того груба, тяжела и мало подвижна, что не позволяетъ имъ удаляться изъ предѣловъ атмосферы одной какой-либо планеты. Это ученіе объ астральныхъ тѣлахъ весьма правдоподобно и вполнѣ соотвѣтствуетъ логическому выводу, построенному на вышеприведенныхъ научныхъ данныхъ.

Говоря, что эфирная оболочка груба или легка, разжижена или тяжела, мы примѣняемся только къ человѣческому языку и земнымъ номенклатурамъ, которыя рѣшительно непримѣнимы къ небеснымъ сущностямъ и очерчиваютъ намъ ихъ весьма не точно и только отчасти. Точнаго понятія о нихъ человѣкъ не можетъ себѣ составить, у него нѣтъ для этого ни достаточно прозорливости, ни соотвѣтствующихъ чувствъ, ни понятія объ измѣреніи высшихъ степеней, ни, наконецъ, соотвѣтствующихъ въ его лексиконѣ словъ для выраженія своихъ понятій, дабы имѣть возможность передать другому то, что кому-нибудь одному удастся иногда видѣть, ощущать или чувствовать,—но зато у человѣка есть разумъ и воображеніе, которые могутъ дать ему возможность приспособить свои пониманія природы аналогичными сравненіями; черезъ это онъ иногда можетъ составить себѣ кое-какое представленіе, приводящее его къ заключенію о возможности допущенія въ природѣ того, что выходитъ изъ предѣловъ познаваемости человѣка.

Разбирая же вопросъ о степени эфирности тѣлъ, мы, уже по самой строгой наукѣ, не удаляясь ни на іоту въ своихъ умозаключеніяхъ отъ давно извѣстныхъ научныхъ данныхъ и идя вполнѣ логическимъ путемъ мышленія, можемъ придти къ возможности допущенія не только эфирныхъ матерій, болѣе плотныхъ и болѣе легкихъ, но и къ допущенію такой среды, которая еще болѣе легка, чѣмъ эфиръ, еще болѣе тонка и играетъ въ природѣ для образованія эфира ту же роль, какую эфиръ играетъ при образованіи нашей вѣсомой матеріи.

Для указанія возможности допущенія существованія въ природѣ подобнаго рода въ высшей степени разжиженныхъ матерій высшихъ порядковъ или измѣреній, которыя были бы на столько рѣже эфира, насколько эфиръ рѣже нашей матеріальной среды, намъ придется вернуться опять къ вопросу о сущности вещества и разобрать его на основаніи тѣхъ данныхъ, до которыхъ доходитъ В. Татариновъ въ своемъ строго математическомъ трудѣ: „О свойствахъ эфира“.

Digitized by Google

Если отъ принятыхъ В. Татариновымъ данныхъ, выведенныхъ на основаніи строгаго математическаго анализа, подвинуться логическимъ путемъ только на одинъ шагъ, то получаются уже вполнѣ ясныя подтвержденія возможности допущенія цѣлаго ряда тѣлъ, жидкостей, эфирныхъ сферъ, и вообще такихъ состояній матерій, одна другой разжиженнѣе и могущественнѣе (ибо одно состояніе матеріи служитъ причиною существованія другой), что по неволѣ придется заключить, что въ этихъ, до безконечности разжиженныхъ матеріяхъ и кроется самая суть нашей жизни и самый смыслъ бытія.

Сущность вещества.

Начнемъ обзоръ сущности матеріи съ данныхъ, принятыхъ В. Татариновымъ. Онъ говоритъ:

„Въ настоящее время механикой признаются слѣдующіе факторы: матерія, движеніе и сила.

Изъ нихъ, какъ говорятъ, матерія не подвергается никакимъ измѣненіямъ, а сила можетъ перейти въ движеніе и обратно: движеніе можетъ перейти въ силу. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ также: *матерія и движеніе суть вѣчны.*

Силы раздѣляются на два класса: 1) силы, дѣйствующія, повидимому, на разстояніи (всемірное тяготѣніе, магнетизмъ, электричество), и 2) силы, дѣйствующія при соприкосновеніи матеріи (живая сила удара, частичное сцѣпленіе, химическое сродство). Кромѣ того, существуетъ понятіе, касающееся свойства матеріи: это инерція матеріи, на основаніи которой объясняютъ явленіе центробѣжной силы. Мы хотимъ сказать, что понятіе о центробѣжной силѣ не есть понятіе о какой-либо новой силѣ, а есть просто представленіе о свойствѣ матеріи сохранять полученное движеніе.

Всѣ извѣстныя силы, дѣйствующія на конечномъ разстояніи, подчиняются одному закону: *ихъ напряженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія.*

Относительно одной изъ нихъ,—электричества, мы видѣли, что дѣйствіе ея распространяется собственно отъ частицы къ частицѣ, а не есть дѣйствіе на разстояніи.

Понятіе о магнетизмѣ неразрывно связано съ понятіемъ объ электричествѣ,—а потому и его дѣйствіе должно передаваться собственно отъ частицы къ частицѣ.

Остается одно всемірное тяготѣніе. Но въ виду того, что его дѣйствіе подчиняется тому же закону убыли съ увеличе-

Digitized by Google

ніемъ разстоянія,—является необходимое обобщеніе, что и оно передается отъ частицы къ частицѣ.

Такимъ образомъ, оба вида силъ сводятся къ одному, т.-е. всѣ силы дѣйствуютъ при соприкосновеніи матеріи. По этому за типъ силы можемъ принять силу удара, другими словами, само движеніе. Такой взглядъ тѣмъ удобенъ, что уменьшаетъ число факторовъ и, слѣдовательно, упрощаетъ всѣ задачи. Ударъ, какъ извѣстно, обладаетъ отталкивательными свойствами, и потому можетъ родиться вопросъ: *какъ же объяснить фактъ притяженія?*—Постараемся отвѣтить на него слѣдующимъ образомъ.

Для удара необходимо движеніе. При поступательномъ движеніи тѣло отталкиваетъ переднія тѣла, а сзади себя оставляетъ пустоту, въ которую попадутъ сосѣднія тѣла, отталкиваясь въ свою очередь другъ отъ друга. Наблюдателю же будетъ казаться, что движущееся тѣло притягиваетъ заднія тѣла.

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, есть еще видъ движенія безъ перемѣны общаго занятаго тѣломъ пространства, это—вращеніе около неподвижной оси. Этотъ видъ движенія обладаетъ свойствомъ отталкивать въ одномъ направленіи сильнѣе, а въ другомъ слабѣе. А именно: всѣ ударяющіяся о вращающееся тѣло частицы послѣ отраженія приближаются къ экватору. Слѣдовательно, вращающееся тѣло какъ бы уничтожаетъ тѣ частицы, которыя подходятъ къ его полюсу и выпускаетъ новыя въ направленіи ближе къ экватору. Поэтому къ полюсу будутъ подходить все новыя и новыя частицы для замѣщенія прежнихъ, а наблюдателю будетъ казаться, что полюсъ вращающагося тѣла притягиваетъ ихъ.

Всѣ эти явленія могутъ существовать только въ средѣ, частицы которой находятся въ движеніи. Но частицы всякой извѣстной намъ среды дѣйствительно находящагося въ движеніи, и потому во всякой средѣ эти явленія будутъ замѣчаться.

Матерію, подобно силамъ, раздѣляютъ на два вида: вѣсомую и невѣсомую. Къ первому относятъ то, что называютъ тѣлами, ко второму—эфиръ. Прежде предполагали, что и эфиръ есть вѣсомая матерія. Такое предположеніе выводили изъ того умозаключенія, что если бы эфиръ былъ невѣсомъ, то и всѣ тѣла, составленныя по новѣйшимъ гипотезамъ изъ атомовъ эфира же, были бы тоже невѣсомы. Но теперь пришли къ заключенію о неправильности этого умозаключенія, показавъ возможность полученія вѣсомыхъ частицъ изъ частицъ невѣсомыхъ, и составить гипотезу о различіи между вѣсовыми и невѣсовыми атомами.

Digitized by Google

Къ главнымъ или первичнымъ свойствамъ матеріи относятъ: непроницаемость, дѣлимость и инерцію. Понятіе о непроницаемости и инерціи настолько сродно нашему уму, что относительно ихъ не было высказываемо сомнѣній. Что же касается дѣлимости, то хотя и она присуща нашему уму, но относительно ея ученые расходятся. Одни говорятъ, что дѣлимость матеріи можетъ продолжаться безконечно до одной математической точки. Другіе говорятъ, что ее можно производить сначала до одной частицы, не измѣняя вида тѣла; затѣмъ, съ большимъ уже трудомъ при одновременномъ измѣненіи вида тѣла, можно частицу раздѣлить на атомы, которые дальше уже не дѣлятся. Можно бы было обѣ гипотезы согласить, допустивъ, что атомъ составляетъ математическую точку. Но такая гипотеза была бы черезчуръ абстрактна и малопонятна. Поэтому мы примемъ слѣдующее математическое опредѣленіе: *атомъ есть безконечно малая величина очень большаго порядка.*

Къ свойствамъ матеріи вѣсомой относятъ удѣльный специфическій атомный вѣсъ.

Это ученіе выражаетъ два понятія: во-первыхъ, оно предполагаетъ, что атомы различныхъ тѣлъ обладаютъ разною способностью притяженія; во-вторыхъ, что масса ихъ, количество заключающейся въ нихъ матеріи можетъ быть разное. Но такъ какъ послѣднее допущеніе не согласуется, съ одной стороны, со свойствомъ дѣлимости матеріи, и съ другой—со свойствомъ непроницаемости ея,—то правильнѣе будетъ удѣльный атомный вѣсъ объяснять согласно другой существующей гипотезѣ тѣмъ, что дѣленіе матеріи, въ случаѣ полученія различнаго атомнаго вѣса, произведено до разныхъ предѣловъ. Мы будемъ придерживаться этой гипотезы, развивъ ее слѣдующимъ образомъ:

Атомы міровой матеріи, изъ которыхъ состоятъ всѣ тѣла, вѣсомыя и невѣсомыя,—одинаковы между собой. Это суть первичные атомы. Атомы же вѣсомой матеріи или тѣлъ—состоятъ каждый изъ нѣсколькихъ первичныхъ атомовъ. Масса этихъ сложныхъ атомовъ зависитъ отъ числа входящихъ въ ихъ составъ первичныхъ атомовъ. Вся эта среда находится въ постоянномъ движеніи, различіе между атомами вѣсомыми и невѣсомыми заключается лишь въ видѣ движенія и разныхъ скоростяхъ. Атомы различныхъ тѣлъ могутъ обладать разною скоростью вращательнаго движенія, чѣмъ обусловится разная степень притяженія ихъ.

Разсуждая о вѣсомой матеріи, различаютъ тѣла болѣе или менѣе плотныя. Понятіе о плотности неясно, именно въ виду

Digitized by Google

существованія гипотезы различнаго атомнаго вѣса. Дѣло вотъ въ чемъ. Если мы беремъ одно и то же тѣло подъ разными давленіями, въ различныхъ состояніяхъ, то всѣ ученые сходятся въ опредѣленіи плотности и говорятъ, что при болѣе плотномъ состояніи одного и того же тѣла разстоянія между его частицами меньше, чѣмъ при менѣе плотномъ его состояніи. Но когда сравниваютъ тѣла разнородныя, то одни ученые продолжаютъ говорить то же, только относя свои разсужденія не къ частицамъ, а къ атомамъ матеріи; другіе же утверждаютъ, что измѣняются не разстоянія, а массы атомовъ.

Мы отклонили гипотезу о разномъ атомномъ вѣсѣ, какъ несогласную со свойствами дѣлимости и непроницаемости матеріи. Равнымъ образомъ въ понятіи о плотности мы будемъ придерживаться ученія объ измѣненіи ея только съ разстояніемъ между атомами. Но въ виду того, что частицы тѣлъ находятся постоянно въ движеніи, мы дадимъ другое болѣе научное опредѣленіе плотности, а именно скажемъ такъ: *мѣрою плотности среды въ данной точкѣ можетъ служить отношеніе времени, въ продолженіи котораго точка бываетъ занята матеріей, ко всему времени наблюденія.*

Кромѣ плотности въ тѣлахъ различаютъ упругость ихъ или давленіе, производимое ими на прикасающіяся къ нимъ другія тѣла.

По отношенію къ газамъ всѣ согласны, что упругость ихъ опредѣляется ихъ плотностью и количествомъ движенія, сообщеннаго ихъ частицамъ. Другими словами: всѣ признаютъ, что давленіе, производимое газомъ, пропорціально нормальной слагающей количества движенія его частицъ, ударяющихся о тѣла, составляющія оболочку. Каждая точка этой оболочки получитъ число ударовъ, пропорціональное плотности, и сила каждаго удара будетъ пропорціональна скорости каждаго атома газа.

Тѣ же разсужденія распространяются и на случай сжатаго твердаго тѣла, представляющаго пружину.

Такъ какъ всякое измѣненіе формы твердаго тѣла сопровождается мѣстными, но подчиненными извѣстному порядку, расширеніями и сжатіями его, т.-е. увеличеніемъ и уменьшеніемъ его плотности, то, слѣдовательно, напряженное состояніе пружины есть не болѣе, какъ измѣненіе количества движенія въ различныхъ его мѣстахъ.

Представимъ себѣ двѣ упругія перегородки и бросимъ между ними шаръ съ извѣстной скоростью такъ, чтобы онъ послѣдовательно отражался то отъ одной, то отъ другой изъ нихъ. Положимъ, что онъ при этомъ совершаетъ въ секунду по 20

Digitized by Google

ударовъ о каждую. Уменьшимъ теперь разстояніе между перегородками вдвое. Тогда число ударовъ о каждую изъ нихъ увеличится до 40, т.-е. количество движенія, совершавшееся прежде на извѣстномъ пространствѣ, теперь производится на пространствѣ вдвое меньшемъ, и перегородки получаютъ вдвое большее давленіе. Таково значеніе измѣненія формы пружины и вообще вида всякаго тѣла.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы узнать, къ какимъ колебаніямъ способна данная среда и опредѣлить мѣста, въ которыхъ будутъ отброшены тѣ или другіе атомы, чѣмъ либо отличающіеся отъ атомовъ среды. Отсюда мы видимъ, кромѣ того, что для вѣсомости матеріи нужно только одно качество ея: ея атомы должны чѣмъ-либо отличаться отъ атомовъ среды. Это-то обстоятельство и заставило отказаться отъ предположенія, будто эфиръ долженъ быть вѣсомымъ. Достаточно, чтобы атомы матеріи состояли изъ нѣсколькихъ атомовъ эфира, и чтобы каждый изъ нихъ былъ, вслѣдствіе этого, больше атома эфира.

Представимъ себѣ слѣдующій случай, слѣдующее стеченіе обстоятельствъ.

1) Два атома движутся на встрѣчу другъ другу, но не по одной линіи, а по двумъ параллельнымъ линіямъ, съ равною скоростью. Массы атомовъ, конечно, равны между собою.

2) Грани, которыми они соприкоснутся при ударѣ, перпендикулярны къ направленію скоростей (это нужно, дабы послѣ удара атомы не сохранили тангенціальныхъ скоростей и не могли разойтись).

3) Точка приложенія давленія удара расположена такъ, что линія давленія касается эллипсоидовъ инерціи обоихъ атомовъ.

4) Главныя оси инерціи одного атома соотвѣтственно параллельны осямъ другаго, и въ каждомъ изъ нихъ одна ось перпендикулярна къ направленію скоростей.

Вслѣдствіе двухъ послѣднихъ условій эти оси инерціи могли бы обратиться послѣ удара въ свободныя оси вращенія для каждаго. Но такъ какъ онѣ вращаться отдѣльно другъ отъ друга не могутъ, то и будутъ вращаться вмѣстѣ около оси, проходящей черезъ центръ удара, причемъ ось эта, въ силу 3-го условія, сдѣлается одною изъ главныхъ осей для всей системы и будетъ, слѣдовательно, свободною осью вращенія.

Это, понятно, *не есть единственный случай. Можно вообразить и другіе;* но для насъ *пока* достаточно показать возможность такого факта, какъ соединеніе двухъ первичныхъ атомовъ въ одно цѣлое.

Digitized by Google

Разъ атомы соединились, нужно еще большее стеченіе обстоятельствъ, чтобы разъединить ихъ. Мало того: это разъединеніе перваго и втораго атома можетъ произойти въ большинствѣ случаевъ только при одновременномъ соединеніи одного изъ нихъ съ третьимъ, и, притомъ, соединеніи болѣе тѣсномъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ велико должно быть стеченіе обстоятельствъ для обратнаго разъединенія атомовъ, обратимъ вниманіе на то, что угловая скорость вращенія атомовъ безконечно велика. Въ самомъ дѣлѣ, она опредѣлится изъ условія равенства количества движенія до и послѣ удара, т.-е. изъ уравненія:

$$2\ M.\ r.\ w = 2\ M.\ v$$

или

$$r.\ w = v.$$

гдѣ скорость поступательнаго движенія до удара v есть величина конечная (пропорціональная скорости свѣта), а радіусъ вращенія r, пропорціональный размѣрамъ атома, есть величина безконечно малая высокаго порядка. А потому предположивъ даже, что r есть величина безконечно малая перваго порядка, найдемъ, что угловая скорость w есть величина безконечно большая.

Равнымъ образомъ мы можемъ представить себѣ случаи, въ которыхъ не два, а нѣсколько атомовъ образовали одно цѣлое. Тогда найдемъ точно также, что разложеніе, разъединеніе ихъ можетъ произойти или при одновременной замѣнѣ одного соединенія другимъ, болѣе прочнымъ, или безъ таковой замѣны, въ видѣ распаденія, но какъ исключительный случай.

Всякое подобное соединеніе первичныхъ атомовъ мы можемъ считать атомомъ матеріи вѣсомой и невѣсомой — безразлично.

Что же такое частица матеріи? Но для насъ это уже деталь совершенно излишняя. Всѣ ученые, дававшіе свои объясненія относительно строенія матеріи, говорили, что каждая частица матеріи есть конгломератъ или одинъ или другой видъ движенія многихъ соединенныхъ между собою вѣсомыхъ атомовъ. В. Татариновъ того же мнѣнія, онъ только нѣсколько спеціализируетъ свое объясненіе и говоритъ: „Подраздѣляться на частицы можетъ только матерія, не составляющая среды, отличная отъ нея. Частица можетъ состоять изъ нѣсколькихъ одинаковыхъ или различныхъ атомовъ расположенныхъ въ соотвѣтствующихъ узлахъ вибрирующей среды и заполняю-

Digitized by Google

шихъ цѣлую серію этихъ узловъ. Другую серію узловъ будетъ заполнять другая частица".

Сферы высшихъ жизней.

Если мы для простоты пониманія обобщимъ сущность *строенія* всего видимаго и вещественнаго міра, то увидимъ, что вся основная сущность его заключается въ двухъ или трехъ сплоченныхъ невѣсомыхъ атомахъ первичной матеріи, находящихся въ средѣ нѣсколькихъ сотенъ имъ вполнѣ подобныхъ подругъ атомовъ одиночекъ, состоящихъ изъ совершенно той же невѣсомой первичной матеріи. Вся эта масса кипитъ движеніемъ. Высшая Воля Создателя управляетъ невидимымъ образомъ движеніемъ каждой изъ нихъ и придаетъ каждому роду этихъ атомовъ особый видъ и силу движенія. Сплоченные атомы ничѣмъ другимъ не отличаются отъ одиночекъ, какъ только большею массою и видомъ движенія, и только это одно отличіе порождаетъ въ нихъ ту особенность, которая дѣлаетъ ихъ видимыми для нашего глаза и вообще ощущаемыми для нашихъ чувствъ.

Всѣ сплоченные атомы расположены отдѣльно другъ отъ друга, совершенно независимо, и каждое такое соединеніе получаетъ свое движеніе особо; эти сплоченные атомы больше и сильнѣе своихъ подругъ одиночекъ, но одиночки гораздо многочисленнѣе. Сплоченные толкаютъ, ударяютъ и стараются разбрасывать своихъ малыхъ сосѣдокъ, но и тѣ далеко не бездѣйствуютъ: они сопротивляются, тѣснятъ большимъ числомъ своимъ; мало того, они осиливаютъ ихъ, сжимаютъ, соединяютъ въ извѣстныя кучи и сдерживаютъ ихъ въ этомъ постоянномъ положеніи. Этотъ натискъ малыхъ атомовъ на сплоченные и образуетъ, собственно говоря, самое вещество; онъ-то и порождаетъ тѣ явленія, которыя мы называемъ вѣсомъ, тяжестью, притяженіемъ и тяготѣніемъ.

Мы приписываемъ всѣ эти явленія способностямъ и качествамъ самой матеріи и думаемъ, что сама матерія производитъ ихъ, что она сама сжалась въ извѣстныя кучи и образовала сама себя. Но думая такъ, мы никогда не обращали вниманія на то обстоятельство, что никогда никакой физико-математическій анализъ еще не подтверждалъ подобнаго положенія или подобной теоріи; напротивъ, математическіе выводы всегда показывали, что причины: 1) которыя должны обжимать частицы твердаго тѣла, 2) которыя должны производить изъ отдѣльныхъ частичекъ самостоятельное вещество и 3) которыя должны

Digitized by Google

придавать каждой частичкѣ вещества свой особый динамизмъ,— должны лежать внѣ самихъ частичекъ и внѣ самой матеріи. Не такъ ли мы въ настоящее время и видимъ? Вся активная роль въ атакѣ образованія матеріи принадлежитъ всецѣло атомамъ одиночкамъ, ибо безъ ихъ участія и безъ ихъ совокупнаго дѣйствія всѣ частички матеріи разлетѣлись бы въ разныя стороны, и вещество распалось бы и исчезло. Вся видимая и вѣсомая часть вселенной видима и вѣсома только благодаря дѣятельности невидимой и невѣсомой матеріи, т.-е. того, что мы называемъ эфирною средою, окружающею каждую частичку твердаго тѣла. Все состояніе твердаго тѣла зависитъ всецѣло отъ состоянія эфирной среды: при возвышеніи температуры она уменьшаетъ натискъ, производимый ею на частицы, а тѣло расширяется; при уменьшеніи температуры она сжимаетъ тѣло; то же происходитъ при переходѣ тѣла изъ жидкаго состоянія въ твердое или газообразное; однимъ словомъ, нѣтъ ни одного явленія или факта изъ области какихъ-либо манифестацій матеріи, чтобы всѣ причины не скрывались въ дѣйствіяхъ и въ состояніяхъ этой эфирной среды. А потому, если кто хочетъ правильно изучить матерію, не имѣетъ другой возможности, какъ сосредоточить все свое изученіе и наблюденіе исключительно на этой эфирной средѣ, и необходимо долженъ начать съ нея и кончить ею; а тотъ, кто изучаетъ матерію, не принимая во вниманіе эфира, никогда до правильныхъ умозаключеній дойти не можетъ.

Вотъ правильное философское понятіе, которое долженъ себѣ составить каждый, желающій въ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ быть ближе всего къ вѣроятному строю и составу матеріи.

Но что такое эфиръ? Атомами эфира или первичной космической матеріи мы назвали тѣ частички одиночки, изъ которыхъ при соединеніи ихъ по нѣсколько штучекъ образовались частички видимой и вѣсомой матеріи. Въ настоящее время мы желали бы знать, какая природа и сущность этихъ атомовъ первичной космической матеріи? Составляютъ ли они простыя тѣла или тоже сложныя; если они сложныя тѣла, то изъ чего они состоятъ? На это мы отвѣтимъ: ничто не даетъ намъ права и возможности отрицать, что эти частички одиночки первичной матеріи не были бы совершено такимъ же продуктомъ вторичной космической матеріи, еще гораздо болѣе тонкой и болѣе эфирной, чѣмъ первая, которая разлита во всей вселенной между атомами первичной матеріи. Эта вторичная среда окружаетъ атомы первичной и образуетъ изъ своихъ атомовъ одиночекъ—спаренные атомы; сила Создателя даетъ каждой

Digitized by Google

изъ нихъ свое особое движеніе. Однимъ словомъ, образованіе, атомовъ первичной матеріи изъ вторичной совершается на подобіе того, какъ первая космическая матерія образуетъ нашу земную вѣсомую матерію.

Премудрость Божія безконечна въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы не смѣемъ предположить, чтобы вся Премудрость Божія и всѣ тайны творенія ограничивались тѣмъ, что понимаетъ и чувствуетъ человѣкъ, или чтобы природа кончалась тамъ, гдѣ кончаются разумъ и представленіе человѣка. Такое допущеніе должно было бы быть названо высшею степенью гордости и тщеславія, которыхъ не имѣетъ право позволить себѣ человѣкъ, занимающійся серьезно научнымъ изученіемъ природы и желающій извлечь изъ нея свои познанія. Тайны природы идутъ дальше познаваемаго человѣкомъ. Для Существа Безконечнаго нѣтъ ничего ни малаго, ни большаго, ни слишкомъ разжиженнаго и эфирнаго, ни твердаго и плотнаго,— для Него сама мысль, сама идея также матеріальна и наглядна, какъ для насъ камни и металлы; Онъ одинаково свободно присутствуетъ какъ въ каждой мысли, такъ и въ камнѣ; Онъ всюду, вездѣ и во всемъ.

Какъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ сферахъ вращаются солнца кругомъ невидимыхъ и непостигаемыхъ нами центровъ, какъ кругомъ этихъ солнцъ вращаются миріады невидимыхъ намъ планетъ со своими невидимыми для насъ спутниками; какъ кругомъ каждаго солнца вращаются и пробѣгаютъ миріадами видимыя и не видиныя намъ кометы, такъ точно и частички матеріи имѣютъ каждая свои особыя движенія и жизнь въ средѣ своихъ товарокъ,—такъ, въ свою очередъ, и эти послѣднія имѣютъ свою причину существованія въ еще отдаленнѣйшихъ тайникахъ природы. Мы, конечно, многаго-чего не выдимъ, не чувствуемъ не сознаемъ, но вѣдь мы знаемъ, что причина нашей слѣпоты есть несовершенство наше и ограниченность: зная же это и находясь въ постоянной борьбѣ съ своимъ несовершенствомъ, мы обязаны для расширенія своего кругозора и для просвѣтлѣнія своего ума выяснять и дополнять умозаключеніями все, что намъ удается подмѣтить въ природѣ, все, что можетъ быть возведено на степень вѣроятнаго и возможнаго, проливающаго свѣтъ на Безконечную Премудрость окружающихъ насъ тайнъ природы. Если же мы допустимъ, что каждый атомъ первичной космической матеріи произошелъ изъ атомовъ вторичной матеріи приблизительно такъ же, какъ атомы вѣсомой матеріи произошли изъ атомовъ первичной матеріи, то ничто не мѣшаетъ намъ представить себѣ:

Digitized by Google

1) Что первичная космическая матерія имѣетъ тоже свой вѣсъ и свое притяженіе, тяготѣющее къ неизвѣстнымъ намъ центрамъ. Этотъ вѣсъ, конечно, не передается ни на наши вѣсы, ни на вторичную космическую матерію.

2) Что вторичная матерія своимъ внѣшнимъ и механическимъ давленіемъ среды соединяетъ спаренныя свои частички въ одну кучу и черезъ то образуетъ тѣла первичной матеріи, а родъ движенія каждой отдѣльной частички первой матеріи порождаетъ разнообразіе видовъ этихъ матерій совершенно такъ же, какъ родъ движенія вѣсомой матеріи порождаетъ на нашей землѣ различіе между гранитами, металлами, деревомъ, воздухомъ, водородомъ, водой, золотомъ и т. д.

3) При подобнаго рода допущеніи намъ выяснилась бы сущность строенія такъ называемыхъ нами въ настоящее время эфирныхъ тѣлъ. Мы могли бы себѣ представить: строеніе кометъ, полуматеріальныхъ оболочекъ нашихъ чувствующихъ и сознающихъ „я"; различіе между разнаго рода электрическими, гальваническими, динамо-электрическими жидкостями; различіе между стастическими и динамическими электричествами между магнетизмомъ. Однимъ словомъ, мы могли бы себѣ представить новый міръ или, лучше сказать, другую новую сферу жизни, раздѣленную тоже на природы органическую и неорганическую ибо она состояла бы также изъ предметовъ и существъ. Эта новая сфера жизни могла бы служить причиною нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ проявляла бы себя совершенно самостоятельно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ живемъ и мы, рѣшительно не стѣсняясь и не замѣчая нашего присутствія на немъ, совершенно такъ же, какъ въ настоящее время и мы не замѣчаемъ ихъ присутствія и ихъ жизни, которая вся группируется кругомъ насъ и въ насъ самихъ.

Мы не хотимъ даже ограничиться только этимъ однимъ предположеніемъ. Мы идемъ дальше и утверждаемъ, что совершенно логично допустить, что атомы вторичной космической матеріи суть также продуктъ еще болѣе разжиженной и еще болѣе могущественной, третичной, космической матеріи, которая образуетъ вторую сферу жизни,—сферу еще болѣе интеллигентныхъ существъ и еще болѣе легкихъ матерій. Вторая сфера вызвана къ жизни третьею, третья сфера—четвертою и такъ далѣе, до безконечности. Кто положитъ предѣлъ Премудрости Божіей и тайнамъ бытія? Единъ Богъ знаетъ число блаженныхъ небесъ, которыми Онъ награждаетъ любящихъ Его. Всѣ силы въ этихъ высшихъ сферахъ иныя, чѣмъ въ нашемъ мірѣ; все значеніе ихъ архиэфирныхъ тѣлъ для нихъ иное, чѣмъ наше; однако, для нихъ самихъ ихъ тѣла, какъ бы

Digitized by Google

они ни были легки и эфирны, должны быть такъ же реальны и ощутимы, какъ и намъ реальны наши матеріальныя тѣла; и для нихъ они должны играть совершенно ту же въ сущности роль, какъ и наши, ибо это ихъ природа и ихъ сущность.

Существа каждой сферы должны относиться къ существамъ сферы, находящейся на одну ступень выше ихъ такъ же, какъ и мы относимся къ жителямъ загробнаго міра, т. е. они не должны имѣть возможности ни понимать ихъ, ни знать, ни постигать ни однимъ изъ своихъ чувствъ и должны считать ихъ фиктивными, сказочными и чудесными существами, ибо сами они не стоятъ еще на всей высотѣ того духовнаго и умственнаго развитія, при которой могли бы понимать и постигать всю премудрость жизни ихъ. Тѣмъ не менѣе, та жизнь и то существованіе, которое было бы немыслимо однимъ слѣпымъ и мало развитымъ существамъ, возможно другимъ существамъ, которымъ, сообразно высокому развитію ихъ, Богъ даетъ возможность приводить въ исполненіе ихъ высшія способности, высшія намѣренія и желанія съ меньшими стѣсненіями и ограниченіями и налагаетъ меньшіе тормазы при проявленіи ихъ дѣятельности, позволяя имъ расширять районъ предѣловъ ихъ жизненной дѣятельности до отдаленнѣйшихъ и высочайшихъ областей всезнанія и могущества, придавъ ихъ высшимъ тѣламъ плотность мысли и воли.

Развивая только такой взглядъ на природу матеріи, можемъ мы удовлетворить понятію о безконечномъ Промыслѣ Божіемъ, управляющемъ и руководящемъ всѣмъ сущимъ во вселенной. Міры созданы для возможности проявленія каждымъ созданнымъ Богомъ существомъ своей жизненной дѣятельности. Несовершенныя существа, живя на одномъ или другомъ мѣстѣ вселенной, черезъ свои заблужденія и ошибки доходятъ до пониманія и до усвоиванія въ себѣ самихъ добрыхъ качествъ, черезъ что кругозоръ ихъ увеличивается, и они получаютъ возможность съ помощью Бога переходить къ лучшимъ жизнямъ.

Первоначально души, созданныя Богомъ, какъ мало еще интеллектуально развитыя, принуждены жить на матеріальныхъ планетахъ въ своихъ вѣсомыхъ тѣлахъ. Черезъ проявленіе своей дѣятельности онѣ, съ одной стороны, улучшаютъ самую ту планету, на которой живутъ, подготовляя болѣе удобную жизнь для послѣдующихъ ея обитателей; съ другой— онѣ улучшаютъ сами себя, свою душу и подготовляютъ возможность себѣ болѣе легкой жизни за гробомъ въ болѣе легкомъ и болѣе способномъ выполнять ихъ желанія эфирномъ тѣлѣ.

Digitized by Google

Въ загробную жизнь или въ первую сферу міровыхъ жизней сходитъ человѣкъ въ той полуматеріальной оболочкѣ, какую создалъ самъ себѣ черезъ свою болѣе или менѣе праведную жизнь на землѣ или черезъ свои пороки, дурныя качества, необузданныя страсти и злыя дѣла. Чѣмъ менѣе духовно развитъ человѣкъ, тѣмъ и его полуматеріальная оболочка менѣе эфирна и обладаетъ болѣе грубымъ сложеніемъ, дающимъ менѣе простора проявленію дѣятельности духа. Духи, болѣе развитые, пользуются эфирными тѣлами болѣе легкими, и, наконецъ, духи, достигшіе высшихъ, возможныхъ для земли, совершенствъ, получаютъ оболочки эфирнѣйшія и легчайшія, какія только способна имъ дать эта первая сфера духовной жизни. Слѣдуя строго логически научнымъ путемъ отъ вышевысказанныхъ данныхъ строенія эфирныхъ матерій, мы можемъ весьма легко представить себѣ разныя состоянія матерій, образующихся изъ атомовъ первичной космической матеріи; одни изъ нихъ могутъ быть весьма плотныя и мало чѣмъ отличающіяся по своей субстанціи отъ нашей вѣсомой матеріи; другія можемъ допустить разрѣженными до высшихъ предѣловъ; въ этомъ ничего невѣроятнаго нѣтъ, ибо, если наша грубая и вѣсомая матерія образуетъ тѣла разныхъ плотностей отъ водорода до золота, то, подавно, космическая матерія должна вмѣстѣ со степенью своего разрѣженія представлять и бо́льшіе предѣлы разнообразія свойствъ и качествъ полуматеріальнымъ оболочкамъ духовъ. Это ясно и логично.

Живя въ этой первой сферѣ духовной жизни, слѣдуя законамъ всеобщаго міроваго прогресса, духи должны улучшаться и совершенствоваться въ своемъ духовномъ и умственномъ развитіи черезъ свою жизненную дѣятельность и успѣшное выполненіе возлагаемыхъ на нихъ жизненныхъ задачъ. Улучшаясь постепенно и пріобрѣтая новыя познанія и совершенства, духи незамѣтно для самихъ себя утоньшаютъ свою полуматеріальную оболочку, ибо она, несомнѣнно, должна отвѣчать каждой вновь пріобрѣтенной духомъ, вслѣдствіе его усовершенствованія, способности. Пройдя всѣ степени развитія, существующія въ этой первой сферѣ, духъ, несомнѣнно, чтобы перейти во вторую сферу духовной жизни, долженъ будетъ пройти черезъ таинство смерти.

Нѣтъ возможности предположить, чтобы духи не умирали для своей сферы и не возрождались для слѣдующей. Ихъ смерть, конечно, не можетъ имѣть столь тяжелаго для нихъ значенія, какое она имѣетъ на землѣ; она не можетъ сопровождаться чрезвычайно невзрачнымъ актомъ разложенія ихъ трупа, такъ какъ вся субстанція ихъ эфирна; она, наконецъ,

Digitized by Google

не можетъ быть болѣзненна, ибо для нихъ смерть есть награда за успѣшно выполненную задачу жизни, а слѣдовательно она должна быть въ высшей степени пріятна и отрадна для духа. Тѣмъ не менѣе, это есть смерть для первой сферы духовной жизни. Это есть исчезновеніе его изъ этой сферы и возрожденіе въ слѣдующей. Духъ дѣлается уже существомъ болѣе высшаго порядка въ іерархіи духовныхъ существъ, онъ дѣлается болѣе блаженъ и болѣе чистъ, а слѣдовательно болѣе разуменъ, силенъ и свѣдущъ, и задачи жизни, возлагаемыя на него, становятся сложнѣе и премудрѣе.

Главная задача всѣхъ сферъ духовной жизни, несомнѣнно, одна и та же: степени ея выполненія лишь разныя. Жители всѣхъ сферъ должны работать надъ своимъ самоулучшеніемъ, состоящимъ въ болѣе успѣшномъ преуспѣяніи въ добрѣ, въ любви и въ милосердіи, и единственно черезъ это они научаются истинному познанію дѣлъ Божіихъ, въ чемъ и состоитъ высшее блаженство и высшій покой существа ихъ, сливающій ихъ съ источникомъ добра и любви. Успѣхи ихъ развитія приближаютъ ихъ къ высшему совершенству и къ Богу, и позволяютъ имъ прогрессировать въ іерархіи духовныхъ существъ, переходить изъ сферы въ сферу, причемъ каждый подобный актъ перехода дѣлается все болѣе радостнымъ и отраднымъ и встрѣчается все съ большимъ благоговѣніемъ и безконечной благодарностью Богу за все, содѣланное Имъ для спасенія грѣшныхъ душъ.

Вникните, читатель, и вдумайтесь глубже въ эту величественнѣйшую, таинственнѣйшую и премудрѣйшую картину сущности природы, открывающуюся передъ вами. Отрѣшитесь на время отъ вашего педантично-черстваго и сухаго позитивнаго взгляда на природу и дайте нѣкоторую свободу своему научному воображенію, или, говоря научнымъ языкомъ, примите индуктивный способъ мышленія, и тогда проницательности вашего умственнаго взора станетъ открываться, если не самая премудрость бытія, то нѣкоторое весьма близкое подобіе ея, могущее составить положительное торжество возвышеннаго разума надъ ограниченностью и слѣпотою.

Какъ бы ни была велика вселенная, однако, всѣ манифестаціи видимой и вѣсомой матеріи, существующей въ ней, мы признаемъ возможнымъ свести въ своемъ представленіи къ одной матеріальной частичкѣ и говоримъ, что если изучимъ ее, то будемъ знать сущность всего безконечнаго числа подобныхъ ей частичекъ, образующихъ всю видимую вселенную. Черезъ всѣ предыдущіе научные доводы мы дошли до возможности признанія каждой частички матеріи особымъ міркомъ

Digitized by Google

съ своимъ собственнымъ и самостоятельнымъ движеніемъ. Эти частички, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ сложныя тѣла, тѣла существъ, живущихъ на землѣ, всѣ органическія и неорганическія земныя царства.

Причина существованія этого видимаго и вещественнаго міра и всѣхъ явленій и фактовъ природы таится не въ самой этой матеріи, но въ матеріи, окружающей каждую частичку вещества—въ области первично-космической матеріи. Она образуетъ и руководитъ всѣмъ видимымъ міромъ, она, какъ всякая причина, должна быть мощнѣе, премудрѣе и разнообразнѣе своихъ слѣдствій, но, въ сущности, она опять новый міръ, находящійся внутри нашего міра—это сфера разумной жизни, служащая причиною существованія нашей матеріальной среды.

Она такъ же, какъ и нашъ міръ, состоитъ изъ атомовъ и частичекъ, подчиняющихся такъ же, какъ и мы, законамъ Божіимъ; можетъ быть, законы эти другіе, чѣмъ законы матеріи, или, можетъ быть, они также незначительно видоизмѣнены, это рѣшительно все равно, это не препятствуетъ тому міру, или этой первой сферѣ обиталища духовныхъ существъ, составлять одно стройное цѣлое, одинъ гармоническій міръ, со всѣми аттрибутами, удовлетворяющими требованіямъ какъ причины существованія всего вѣсомаго міра, такъ и возможности жизни въ ней существъ, живущихъ въ этой первой сферѣ.

Районъ этой сферы, конечно, не можетъ ограничиваться предѣлами одной какой-нибудь планеты или послѣднимъ атомомъ окружающаго планету воздушнаго пространства, но долженъ идти неизмѣримо дальше. Обитатели этой сферы, конечно, заселяютъ всѣ ея уголки и имѣютъ одинаковую возможность жить и проявлять свою цѣлесообразную дѣятельность. Ихъ не можетъ стѣснять даже наша грубая матерія, они одинаково чувствуютъ себя свободно, какъ внутри нашей планеты, какъ на поверхности ея, какъ въ воздушномъ пространствѣ, такъ и за предѣлами нашей атмосферы. Вездѣ въ природѣ, гдѣ только разлита эта первичная космическая матерія, составляющая сущность этой первой сферы, вездѣ могутъ жить и пребывать существа, принадлежащія этой сферѣ. Наша вѣсомая матерія должна производить на жителей первой сферы впечатлѣніе, подобное тому, которое мы испытываемъ, прогуливаясь по туману: всѣ движенія наши свободны, всюду мы имѣемъ возможность проникать, но среда немного гуще, кругозоръ ограниченнѣе, и мы чувствуемъ себя нѣсколько стѣсненными.

Digitized by Google

Причиною существованія атома первичной космической матеріи мы назвали вторую космическую матерію, которая должна окружать каждый атомъ первичной и образовывать изъ него тѣла и оболочки существъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить совершенно такою же причиною существованія первой заоблачной сферы жизни, какъ и первичная матерія была причиною существованія нашего матеріальнаго міра. Почему всѣ сочетанія атомовъ вторичной космической матеріи не были бы тоже новою второю сферою жизненной дѣятельности, которая давала бы возможность проявляться существамъ высшей іерархіи духовныхъ существъ? Почему не могли бы мы допустить еще нѣсколько такихъ жизненныхъ сферъ, служащихъ одна причиною другой? Каждая новая и болѣе возвышенная сфера могла бы обнимать все бо́льшія и бо́льшія міровыя и междупланетныя пространства, которыя своими жизненными условіями все болѣе и болѣе подходили бы для существованія и пребыванія въ нихъ существъ еще болѣе высшихъ іерархій духовныхъ существъ, все болѣе и болѣе приближающихся къ идеѣ абсолютной чистоты, совершенства, всевѣдѣнія и вездѣсущія.

Каждая изъ этихъ сферъ проникала бы своею жизнедѣятельностью всѣ предыдущія, низшія себя, жизненныя сферы; каждая жила бы въ нихъ, руководила бы ими, наполняла бы ихъ и сама простиралась бы далеко въ областяхъ междупланетнаго пространства, наполняя жизнью все безконечное междупланетное пространство, которое не можетъ быть не заполнено жизнью и жителями.

Вся вселенная населена, нѣтъ въ ней пустаго пространства, все въ каждомъ уголку вселенной кишитъ жизнью, дѣятельностью и все живетъ другъ для друга и одно въ другомъ. Вся вселенная составляетъ одно цѣлое, и все стремится къ одной высшей, вездѣсущей первосущности, объясняющей всѣ сферы, всѣ развитія, всѣ жизни и все сущее одновременно, такъ какъ для нея нѣтъ ни времени, ни пространства, и все въ ней, и она во всемъ.

Мы не можемъ себѣ представить междупланетныя пространства пустыми и необитаемыми, иначе мы должны придти къ заключенію, что вселенная это обсолютная пустыня, что несогласно съ идеей безконечной полноты твореній Божіихъ. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы нашу солнечную систему. Объёмъ солнца, всѣхъ планетъ и ихъ спутниковъ едва достигаетъ 125.000.000.000.000.000 кубическихъ верстъ. Эта масса вѣсомой матеріи положительно теряется въ безпредѣльности пустаго пространства, окружающаго его. Чтобы сдѣлать себѣ хотя слабое представленіе, насколько этотъ объёмъ вѣсомой

Digitized by Google

матеріи ничтоженъ по отношенію къ окружающей его средѣ, мы укажемъ на слѣдующее: 1) Если окружающимъ солнечную систему пространствомъ мы назовемъ призму, поперечный разрѣзъ который былъ бы многогранникъ, углы граней котораго составляли бы точки равнаго притяженія солнца и ближайшихъ къ нему звѣздъ, а высотой этой призмы мы приняли бы весь путь, пройденный солнцемъ со времени его существованія, то отношеніе объёма этой призмы къ количеству вѣсомой матеріи было бы въ полномъ смыслѣ слова безконечно.

2) Если же мы примемъ только, что пространство, окружающее солнечную систему есть шаръ, радіусъ котораго есть точка равнаго притяженія солнца къ ближайшей отъ солнца звѣздѣ а, въ созвѣздіи Центавра, то и тогда объёмъ этого пространства будетъ неимовѣрно великъ въ сравненіи съ количествомъ вѣсомой матеріи, а именно: объёмъ этого шара будетъ равенъ числу кубическихъ верстъ, которое должно быть выражено цифрой 55 съ приставленными семьюдесятью пятью нулями съ правой стороны.

Изъ этого простаго соображенія вытекаетъ тотъ выводъ, что на каждую единицу объёма вѣсомой матеріи приходится такое число единицъ пустаго пространства, которое должно быть выражено цифрой 44 съ пятьюдесятью восемью нулями, приставленными съ правой стороны. Это ничтожное количество вѣсомой матеріи, находящееся во вселенной, не должно ли заставлять насъ предполагать эти безпредѣльные пространства заселенными и наполненными той природой, тѣми существами, которыя выходятъ изъ предѣловъ познаваемаго человѣкомъ? Все въ этихъ безпредѣльныхъ областяхъ скрыто отъ человѣка, однѣ кометы служатъ для насъ безмолвными свидѣтелями того, что это пространство не пусто и этихъ кометъ на небѣ безчисленное множество, столько, сколько рыбъ въ океанѣ, какъ выразился астрономъ Кеплеръ. Если бы не было даже и этой улики, то здравый смыслъ долженъ бы былъ подсказывать человѣку: ищите въ этихъ безднахъ жизнь и бытіе, ибо безъ полноты этихъ пространствъ мы не понимаемъ полноты твореній Божіихъ.

Связь души съ тѣломъ.

Отъ безпредѣльныхъ междупланетныхъ пространствъ вернемся къ жизни человѣка на землѣ и укажемъ нѣкоторыя де-

Digitized by Google

тали функцій полуматеріальныхъ оболочекъ при жизни души въ матеріальномъ тѣлѣ.

Когда духъ долженъ водвориться въ какомъ-нибудь человѣческомъ матеріальномъ тѣлѣ для жизни на землѣ, тогда съ первыхъ моментовъ зародышной жизни образуется роковая органическая связь между атомами зародыша и атомами полуматеріальной оболочки духа. Въ силу этой связи образуется единство ихъ взаимодѣйствій, могущее быть нарушеннымъ только смертью.

По мѣрѣ того, какъ зародышъ развивается черезъ посредство жизненной силы, духъ укореняется въ зародышѣ, проникаетъ его и охватываетъ все матеріальное тѣло. Эта связь настолько крѣпка, что каждый невѣсомый атомъ оболочки духа приростаетъ къ вѣсомому атому земнаго тѣла. Подобная связь не можетъ не отразиться на формированіи жизненною силою самаго организма; качества и способности духа должны вліять на сложеніе матеріальнаго тѣла, какъ бы сильны ни были органическіе процессы и наслѣдственныя начала и сложеніе тѣла. Духъ во многомъ измѣняетъ строеніе того тѣла, въ которомъ поселяется и вноситъ въ него всѣ тѣ особенности, которыми самъ владѣетъ. Ко времени рожденія человѣка связь между тѣломъ и духомъ устанавливается окончательно, и образуется одно нераздѣльное, связное и гармоничное существо.

Во время жизни человѣка на землѣ, этотъ полуматеріальный двойникъ служитъ проводникомъ мысли духа; черезъ него духъ приводитъ въ движеніе всѣ части тѣла силою своей воли и своего желанія; черезъ него передаются духу всѣ внѣшнія впечатлѣнія тѣла.

При смерти происходитъ совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ при рожденіи. Когда жизненныя силы мало по малу перестаютъ дѣйствовать, умершія частицы тѣла отпадаютъ и разъединяются съ частицами полуматеріальной оболочки и, какъ зрѣлый плодъ, отрываются отъ своего стебля. Смерть всегда происходитъ не отъ того, что духъ покидаетъ тѣло, но духъ необходимо долженъ покинуть тѣло, ибо оно стало негодно къ жизни.

Со времени смерти тѣла духъ въ своей оболочкѣ дѣлается независимымъ, единичнымъ и цѣльнымъ существомъ. Его способности, какъ ничѣмъ болѣе не стѣсненныя, проявляются независимѣе, полнѣе и отчетливѣе; только въ этомъ состояніи можетъ человѣкъ сказать, что онъ именно такое, для чего

Digitized by Google

онъ жилъ и страдалъ, все ли онъ сдѣлалъ въ земной жизни, что ему надлежало сдѣлать, чтобы выполнить съ достоинствомъ свою жизненную функцію;—а пока онъ не достигъ этого предѣла, на его долю выпадаетъ возможность только догадываться и между сомнительнымъ искать вѣроятнаго.

Digitized by Google

Глава IX.

Жизнь человѣка.

„Скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ—жизнь не шутка и не забава, жизнь—даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща".

(Фаустъ, Тургенева).

Человѣкъ образованный, до нѣкоторой степени развитой духовно, мыслящій свободно безъ предвзятыхъ принциповъ, могущій вникнуть, до какой степени велика вселенная и что такое вѣчность по отношенію ко времени—не можетъ допустить, чтобы наше существованіе на землѣ было окончательнымъ, и что жизнь человѣка не связана ни съ чѣмъ внѣ ея самой.

Съ одной стороны, жизнь человѣка на землѣ чрезвычайно кратковременна; средняя продолжительность жизни на землѣ, по новѣйшимъ исчисленіямъ, не превышаетъ 40 лѣтъ; одна четверть людей умираетъ, не достигнувъ 7-ми лѣтъ, и половина—не достигнувъ 27 лѣтъ. Что значатъ эти малые промежутки времени въ сравненіи съ общимъ временемъ и съ продолжительностью существованія нашей планеты, или всего свѣта? Это менѣе одной секунды для вѣчности. Это ровно ничего.

Вспомнимъ только, что первоначальная температура земли опредѣляется приблизительно въ 55.000 градусовъ по Цельсію;

Digitized by Google

періодъ охлажденія земли отъ 2.000 градусовъ до 200 продолжался не менѣе 350.000.000 лѣтъ. Сколько же времени длилась борьба падавшей и испарявшейся воды, прежде чѣмъ могъ начаться хотя первобытный физіологическій процессъ? Милліоны лѣтъ прошли отъ появленія первой растительности на землѣ, на образованіе гигантскихъ лѣсовъ, на періоды пребыванія на ней гигантскихъ животныхъ, до появленія человѣка; появленіе человѣка на землѣ было приблизительно около 50.000 лѣтъ тому назадъ" (К. Фламмаріонъ „Les terrs du Ciel", стр. 297).

А. Р. Уоллесъ (въ своей книгѣ „Естественный подборъ", стр. 330) говоритъ, что человѣкъ еще гораздо древнѣе этого, что есть основанія предполагать, что прошло уже десятокъ тысячъ вѣковъ со времени появленія перваго человѣка на землѣ, а можетъ быть и больше.

Вникнемъ въ условія жизни человѣка на землѣ.

Земля наша есть планета солнечной системы, она помѣщается между Венерою и Марсомъ и находится совершенно въ той же зависимости отъ солнца и совершенно въ томъ же положеніи, какъ и всѣ другія планеты.

Если мы прослѣдимъ всю солнечную систему, начиная отъ солнца, то увидимъ, что первая планета будетъ Меркурій, вторая Венера, послѣ—Земля. Затѣмъ идутъ Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и, послѣдняя изъ нихъ, Нептунъ.

Всѣ эти планеты одинаково вращаются вокругъ солнца подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, всѣ онѣ одинаково пользуются животворною теплотою солнца, всѣ они имѣютъ свои дни и времена года.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, приписать землѣ ни бо́льшаго значенія, чѣмъ другимъ планетамъ, ни какой-либо особенности, могущей чѣмъ-либо отличить ее отъ другихъ ея сестеръ-планетъ. Одинокая въ безконечномъ пространствѣ, она вертится вокругъ солнца въ разстояніи отъ него 150 милліоновъ верстъ.

Какъ всѣ остальныя планеты, наша земля летитъ съ ужасною быстротою. Представьте себѣ шаръ въ пространствѣ безъ всякихъ поддержекъ, посреди пустоты, которая простирается отъ него во всѣ стороны на безконечное пространство.

Да!... на безконечное пространство... во всѣ направленія! Какъ понять такую безпредѣльность? Предположимъ, что мы хотимъ смѣрять безконечность и вылетѣли для этого съ земли въ любое отъ нея направленіе со скоростью въ тысячу разъ

Digitized by Google

большею, чѣмъ молнія. Мы могли бы летѣть года, столѣтія, тысячелѣтія и цѣлую вѣчность, и передъ нами открывались бы только одни новыя пустыя пространства.

Послушная солнцу земля вертится, проходя въ годъ 940.000.000 верстъ, или 108.000 верстъ въ одинъ часъ.

Самые скорые поѣзды желѣзныхъ дорогъ рѣдко доходятъ до скорости 100 верстъ въ часъ. Поэтому мы видимъ, что земля летитъ въ 100 разъ скорѣе. Никакія скорости на поверхности земли не могутъ намъ дать понятія о быстротѣ, съ которою двигается земля; пущечное ядро летитъ въ 75 разъ тише земли.

Мы помѣщаемся на поверхности этого шара въ видѣ безконечно малыхъ инфузорій, приклеенныхъ къ нему силой притяженія; мы увлечены поверхностью земли и участвуемъ въ этомъ движеніи, а потому ни видѣть, ни познавать это движеніе мы не можемъ.

Этотъ шаръ имѣетъ діаметръ по экватору 12.000 верстъ и окружность 36.000 верстъ. Его поверхность равна 450.000.000 квадратнымъ верстамъ, считая въ томъ числѣ воду, сушу; послѣдняя одна занимаетъ 130.000.000 квадратныхъ верстъ, или 13.000.000.000 десятинъ. Объемъ этого шара около 864.000.000.000 кубическихъ верстъ, его плотность почти въ $5^1/_2$ разъ болѣе, чѣмъ вода, и вѣситъ 367 секстаріоновъ пудовъ (367.000.000.000.000.000.000.000.000 пуд.).

Какъ бы ни казались великими эти цифры, но солнце еще тяжелѣе въ 324.000 разъ, а объемъ солнца еще въ 1.279.000 разъ больше, чѣмъ объемъ земли.

Атмосфера, окружающая землю, вѣситъ 391 квадраліоновъ пудовъ (391.000.000.000.000.000), т. е. почти въ одинъ милліонъ разъ легче, чѣмъ самый шаръ. Подъ этою тяжелою толщиною воздуха ползаемъ мы, какъ устрицы на днѣ моря, претерпѣвая давленіе воздуха на наше тѣло больше, чѣмъ 1.000 пуд. Кромѣ движенія вокругъ солнца, земля имѣетъ массу другихъ движеній, а именно: 2) кругомъ своей оси; 3) качательное движеніе земли, вслѣдствіе уклоненія оси земли или эклиптики на $23—37_{00}$; 4) измѣненіе земной орбиты; 5) перемѣщеніе перихеліи; 6) движеніе, устанавливающее процессію равноденствія; 7) нутація земной оси; 8) притяженіе вслѣдствіе приближенія земли къ Венерѣ или къ Юпитеру; 9) перемѣщеніе всей солнечной системы, вслѣдствіе неправильнаго движенія солнца; 10) поступательное движеніе всей солнечной системы. Солнце неподвижно: оно летитъ по направленію своей оси вращенія, уклоняясь въ сторону подъ угломъ 38 градусовъ, со скоростью 800.000 верстъ въ сутки.

Digitized by Google

Законы движенія заставляютъ предполагать, что солнце двигается кругомъ какого-то центра, котораго мы пока еще не знаемъ. Но очень легко можетъ быть, что солнце имѣетъ просто поступательное движеніе въ безконечность, увлекая за собою въ строгомъ порядкѣ всѣ планеты и кометы своей системы.

Если предположимъ даже это движеніе прямолинейнымъ, то оно все же могло бы продолжаться цѣлую вѣчность безъ того, чтобы достигнуть предѣла этого безграничнаго небеснаго пространства.

Выводы астрономіи служатъ главнымъ основаніемъ для наукъ, а они записали нашу землю въ разрядъ планетъ солнечной системы, несмотря на протестъ чувствъ нашихъ, несмотря на заблужденія прежнихъ лѣтъ во взглядахъ на положеніе земли въ природѣ, несмотря на главный протестъ со стороны людскаго тщеславія.

Итакъ, земля, подверженная всѣмъ этимъ силамъ, вертится въ пространствѣ, качается, кланяется своимъ сестрамъ-планетамъ и летитъ съ громадною быстротою къ неизвѣстной намъ цѣли.

Съ тѣхъ поръ, какъ земля существуетъ, она еще ни разу не прошла по одному и тому же мѣсту, такъ какъ въ суммѣ поступательное движеніе солнечной системы по направленію оси солнца съ нѣкоторымъ уклоненіемъ въ бокъ и вращательное кругомъ солнца даютъ нѣкую винтовую линію, удаляющую землю постоянно отъ того мѣста, гдѣ она уже разъ была.

Какую бы ни чувствовалъ человѣкъ привязанность къ жизни на землѣ, однако, всѣ, вдумавшись немного въ условія ея, признаютъ ихъ далеко не лучшими, какими могъ бы себѣ представить человѣкъ. Какъ много недостатковъ, абсурдовъ и несообразностей представляется каждому наблюдательному глазу, который вздумалъ бы анализировать нѣсколько съ философской точки зрѣнія жизненныя условія нашей планеты.

Земля обитаема не потому, что это ея исключительное преимущество, а потому, что обитаемость есть свойство всякой планеты.

Очень возможно, что астрономы Сатурна и Юпитера признали нашу землю необитаемою; это болѣе чѣмъ вѣроятно, если вспомнить, какое впечатлѣніе производитъ наша земля, наблюдаемая съ Сатурна.

Сатурнъ есть превосходный шаръ въ 864 раза больше земли. Прекрасныя кольца, возвышающіяся надъ головами жителей Сатурна одно за другимъ, далеко прорѣзаютъ его небеса. Солнце кажется имъ гораздо меньшимъ, чѣмъ намъ, и сила

Digitized by Google

его свѣта въ 9 разъ меньше; но зато восемь громадныхъ спутниковъ вертятся по тому же направленію, какъ и онъ, давая разные оттѣнки свѣта. Звѣздное небо почти такое же, какъ и наше, но чрезъ него проходятъ три великолѣпныя планеты, которыя мы видимъ совершенно иначе,—это Юпитеръ, Уранъ и Нептунъ. Годъ у нихъ въ 30 разъ длиннѣе нашего и состоитъ изъ 25.069 дней.

Земля почти не видна жителямъ Сатурна; она видна имъ менѣе, чѣмъ намъ видны спутники Юпитера. Это маленькая блѣдная точка, отстоящая отъ нихъ въ разстояніи 1.200.000.000 верстъ и можетъ быть имъ видна лишь при томъ условіи, если мы предположимъ у жителей Сатурна очень хорошіе и, во всякомъ случаѣ, болѣе сильные телескопы, чѣмъ у насъ.

Эта точка блуждаетъ вправо и влѣво, отъ солнца никогда не удаляясь болѣе чѣмъ на 6 градусовъ, а слѣдовательно, находясь всегда въ сферѣ яркаго освѣщенія солнца. Земля можетъ быть видна жителямъ Сатурна только тогда, когда она проходитъ черезъ дискъ солнца, тогда они могутъ видѣть землю въ видѣ чернаго пятнышка на дискѣ солнца,—не болѣе какъ уколъ булавки и то, собственно говоря, не жители Сатурна, а только ихъ астрономы, черезъ хорошіе телескопы.

Вотъ впечатлѣніе, производимое нашей землей на жителей Сатурна. Что же можемъ мы сказать о томъ, что думаютъ о ней жители Урана или Нептуна?

Мы не можемъ себѣ представить такихъ инструментовъ, которыя могли бы отыскать или видѣть ее. И жители этой маленькой ничтожной точки сколько времени думали, что творчество Всемогущаго Бога ограничивалось ею одною.

Какъ размѣромъ своимъ, такъ и вѣсомъ, плотностью, разстояніемъ отъ солнца, величиною года, временами года, положеніемъ своимъ,—земля не имѣетъ никакихъ преимуществъ, отличающихъ ее отъ другихъ планетъ. Напротивъ, мы видимъ въ другихъ планетахъ несравненно лучшія условія, которыхъ у земли нѣтъ. Условія жизни на каждой планетѣ должны вполнѣ зависѣть отъ тѣхъ условій жизни, которыя даетъ сама планета; иначе и быть не можетъ, такъ какъ эти-то самыя условія и породили именно такую жизнью на этой самой планетѣ. Эта жизнь не можетъ быть перенесена на другую какую-либо планету, ибо она при всѣхъ другихъ условіяхъ непремѣнно погибнетъ.

Очевидно, что невозможно было бы перенести какое-нибудь существо съ земли на Уранъ; перемѣны условія жизни немыслимы ни для одной твари, ни для одного растенія. Даже у насъ на землѣ мы не можемъ перенести рыбу въ воздухъ;

Digitized by Google

слѣдовательно, ни о какомъ частномъ случаѣ мы говорить не будемъ, а разберемъ этотъ вопросъ съ общей физіологической точки зрѣнія.

Всякія новыя физіологическія условія порождаютъ и жизнь иную, которая, опять-таки, можетъ существовать только при этихъ, а не при другихъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ разбирать и землю, ибо для тѣхъ животныхъ и людей, которыя живутъ на землѣ въ настоящее время, необходимы именно эти условія, а не какія-либо другія. Для сравненія же условій жизни на землѣ и на другихъ планетахъ нужно разобрать общія физіологическія условія. Если бы на землѣ могли быть другія условія жизни, явились бы, конечно, другія существа—лучше старыхъ или хуже, смотря по тому, лучше или хуже были бы эти новыя условія жизни.

Разберемъ сперва вліяніе временъ года. Безспорно, что зима на землѣ нужна для нѣкоторыхъ растеній, напримѣръ, для винограда, для хлѣбныхъ и нѣкоторыхъ другихъ произрастающихъ, цвѣтущихъ и созрѣвающихъ растеній. Но было бы ошибочно заключить, что Юпитеръ необитаемъ именно потому, что на немъ нѣтъ зимы.

Вліяніе временъ года, конечно, помогаетъ нѣкоторой земной растительности; но большія измѣненія температуры, большіе морозы, въ общемъ ихъ результатѣ, пагубно дѣйствуютъ какъ на животныхъ, такъ и на растенія, ясное доказательство чего мы видимъ въ томъ, что на землѣ наибольшее развитіе флоры и фауны достигаетъ тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ морозовъ.

Предположимъ, что ось нашей эклиптики была бы не такъ уклонена, какъ теперь, тогда царство растительное и царство животныхъ были бы болѣе чувствительными. Не подвергаясь такимъ большимъ измѣненіямъ температуръ, все живущее было бы менѣе грубо, было бы менѣе случайностей, и, конечно, все шло бы лучше.

Три четверти земнаго шара покрыты водой, и только одна четверть его обитаема. Изъ этой одной четверти сколько пространства совсѣмъ недоступно для жизни: на полюсахъ—по причинѣ невозможныхъ морозовъ, и на экваторѣ—отъ непомѣрной жары! Конечная же цѣль планеты быть обитаемою; если же теперь, въ нашъ цивилизованный вѣкъ, условія жизни нашей планеты такъ ограничены, что же можемъ мы себѣ представить о первыхъ временахъ существованія человѣчества, когда жизнь начинала зарождаться и развиваться?

Нѣтъ, наша мать земля очень скудно кормитъ своихъ дѣтей. Надо усиленнымъ трудомъ вырывать у нея пищу. Въ

Digitized by Google

этомъ странномъ свѣтѣ надо, чтобы существа поѣдали другъ друга, чтобы быть сытыми.

Изъ 90.000 людей, умирающихъ ежедневно, большинство умираетъ отъ чрезмѣрнаго труда, отъ дурныхъ условій жизни, или, въ концѣ концовъ, можно сказать, что они умираютъ отъ истощенія, или, выражаясь короче—просто отъ голода. Причину тому надо, конечно, искать въ томъ фактѣ, что нашъ шаръ былъ всегда безплоднымъ и самъ по себѣ не можетъ давать столько питательныхъ веществъ, сколько того нужно для жизни. Насколько упростился бы вопросъ жизни, если бы атмосфера могла сама питать насъ.

Кислородъ, смѣшанный съ азотомъ, даетъ намъ три четверти всѣхъ питательныхъ веществъ, необходимыхъ нашему организму. Неустаннымъ дѣйствіемъ непроизвольнаго акта дыханія наша кровь возстановляетъ свою жизненную способность и совершенно даромъ поддерживаетъ самыя основанія нашего существованія. Но дыханіе не можетъ удовлетворять всей питательности организма, наша природа требуетъ хлѣба, которымъ мы должны наполнять желудокъ, что́ могло бы считаться при другихъ условіяхъ совершенно излишнимъ.

Голода тогда, конечно, не существовало бы, и животныя, развиваясь подъ этими новыми условіями, имѣли бы совершенно другую форму. Челюсти, желудокъ и его принадлежности, занимающія половину нашего туловища, были бы совершенно лишними. Всѣ существа не подходили бы на свое настоящее положеніе, и, конечно, новое ихъ состояніе было бы несравненно лучше и совершеннѣе.

Утопія! Бредъ! Химера!—воскликнутъ многіе читатели, прочтя эти слова. Нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ;—въ астрономической физіологіи нѣтъ ни бреда, ни химеръ, ни утопій. Если кто, не видавъ ничего, кромѣ своей деревни, желалъ бы, чтобы весь свѣтъ походилъ на нее; если кому-нибудь случалось тонуть въ морѣ и на этомъ только основаніи онъ хотѣлъ бы объявить, что жизнь въ морѣ невозможна,—это все еще не основанія! Разберемъ вопросъ подробнѣе. Всякій согласится, что гдѣ живутъ одни твари,—умираютъ другія. Вы не можете жить тамъ, гдѣ живутъ рыбы, а рыбы не живутъ тамъ, гдѣ вы. Даже у насъ на землѣ, на которой всѣ питаются при посредствѣ желудка, есть существа, которыя живутъ безъ ѣды, питаясь окружающей средой; таковы многія червеобразныя животныя изъ свойства солитеровъ (tenis, gregorina).

Физіологія позволяетъ намъ пояснить нѣсколько этотъ вопросъ. Въ настоящее время питаніе производится черезъ прохожденіе пищи по трубамъ, заключающимся внутри нашего

Digitized by Google

тѣла; переваренныя желудкомъ частицы грубой пищи, проходя по нимъ, всасываются чрезъ стѣнки трубъ въ организмъ. Не то же ли самое было бы, если бы всасываніе могло производиться черезъ поры поверхности нашего тѣла снаружи во внутрь? Обмѣнъ матеріи и всѣ прочія отправленія могли бы происходить совершенно такъ же, какъ и теперь. Этотъ способъ былъ бы менѣе грубъ и, безспорно, болѣе совершененъ.

Съ другой стороны, наши легкія сами могли бы, непроизводительнымъ актомъ вдыханія, черпать изъ воздуха и передавать организму остальную четверть нужныхъ намъ питательныхъ веществъ, совершенно такъ же, какъ мы теперь получаемъ необходимый намъ азотъ и кислородъ. Разберемъ этотъ вопросъ: сколько нужно дѣйствительно человѣку питательныхъ веществъ для замѣны имъ расходуемой матеріи. Собственно, для поддержанія нашихъ силъ и возобновленія расходуемаго нами запаса матеріи нужно очень мало вещества; все же остальное, принятое человѣкомъ, можетъ считаться излишнимъ и совершенно непроизводительно утяжеляющимъ его организмъ.

Трудно положить норму въ этомъ случаѣ и назначить границу между необходимымъ и излишнимъ, ибо это много зависитъ отъ климата, образа жизни и количества работы, производимой человѣкомъ. Но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ можетъ обойтись несравненно меньшимъ количествомъ пищи, чѣмъ онъ въ дѣйствительности теперь потребляетъ.

Человѣкъ возвелъ принятіе своей пищи на степень удовольствія, а потому онъ ѣстъ не столько, сколько нужно для возобновленія его силъ, а сколько позволяетъ ему исправность его желудка. Когда желудокъ отказывается перевариватъ то, что съѣдено, человѣкъ принимаетъ разныя средства, искусственно усиливающія пищевареніе. И это ненормальное развитіе способности желудка переваривать съѣденное доходитъ у нѣкоторыхъ людей до колоссальныхъ размѣровъ.

Наоборотъ, мы видимъ людей, которые очень мало ѣдятъ. Мы видимъ аскетовъ и цѣлыя аскетическія касты или сословія, которыя, изъ поколѣнія въ поколѣніе, долгимъ упражненіемъ доводятъ свои потребности до очень ограниченныхъ размѣровъ. Какъ примѣръ въ этомъ случаѣ, приведемъ факировъ и браминовъ. Законъ не позволяетъ имъ ѣсть болѣе чѣмъ одну горсть риса въ день послѣ заката солнца; кромѣ этого риса, они могутъ пить извѣстное количество воды, а затѣмъ всякая другая пища или принятіе пищи въ бо́льшемъ количествѣ имъ положительно запрещены. Есть изъ нихъ люди, достигшіе высшихъ степеней священства—гуру и гіерофанты,—

Digitized by Google

которые до того довели отправленія своего тѣла долгими упражненіями въ воздержаніи, что этой порціи имъ достаточно на цѣлую недѣлю.

Такое воздержаніе не разстраиваетъ ихъ здоровья или организма. Это доказывается тѣмъ, что, пробывъ до 80-ти лѣтъ на подобной діэтѣ, они покидаютъ священство, и срокъ всѣхъ ихъ прежнихъ обѣтовъ для нихъ кончается; они освобождаются отъ всякихъ духовныхъ обязательствъ и начинаютъ обыкновенную свѣтскую жизнь въ полномъ удовольствіи за счетъ пáгоды или церкви ихъ. Пáгода, послѣ 80-ти-лѣтняго ихъ возраста, окружаетъ ихъ всею роскошью, которую можетъ доставить только Индія; и нерѣдко такіе старцы живутъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ со здоровьемъ и желудкомъ, которымъ позавидовалъ бы всякій изъ насъ. Результатомъ этой жизни являются даже многочисленныя семейства, такъ какъ вся пáгода, не исключая и сотенъ баядерокъ, всегда къ услугамъ заслуженнаго гуру.

Горсть риса,—это не болѣе 8-ми лотовъ или 24 золотника. Человѣкъ, дѣлая 20 вдыханій въ минуту, дѣлаетъ ихъ 3.000 въ сутки. Если бы разложить эти 24 золотника равномѣрно на 3.000 вдыханій, то каждый разъ человѣкъ долженъ бы былъ вдохнуть $^1/_{120}$ часть золотника. Это въ 20 разъ меньше одного грана, т.-е. самой малой аптекарской единицы вѣса—это величина совершенно для насъ неуловимая, она гораздо больше того количества пыли, разныхъ бактерій и микроорганизмовъ, которые вдыхаетъ человѣкъ при каждомъ вдыханіи и которые онъ выдыхаетъ обратно, какъ нѣчто лишнее, ему не нужное—и эта незначительная только часть питательныхъ веществъ должна заключаться въ томъ объемѣ воздуха, который вдыхаетъ человѣкъ каждый разъ.

На это намъ могутъ возразить, что аскеты ведутъ малодѣятельную жизнь; многіе изъ нихъ днемъ совсѣмъ не выходятъ изъ своихъ жилищъ, тѣло ихъ отъ долгаго воздержанія истощено и приспособлено къ этому. Это совершенно вѣрно,—организмъ ихъ, дѣйствительно, изъ поколѣнія въ поколѣніе выработался въ этомъ направленіи; но, вѣдь, это же самое могъ бы сдѣлать и всякій другой организмъ, если бы въ этомъ была необходимость. Что же касается малодѣятельной жизни ихъ, то если бы для людей дѣятельныхъ удесятерить и даже удвадцатерить эту порцію, то все-таки она была бы очень мала, такъ какъ не превышала бы одного грана.

При нормальномъ дыханіи своемъ человѣкъ пропускаетъ черезъ свои легкія около 9 куб. футовъ воздуха въ часъ, что составляетъ въ сутки 216 куб. фут., или 500 ведеръ воздуха.

Digitized by Google

Обыкновенный воздухъ заключаетъ въ себѣ около 65% водяныхъ паровъ, или въ этихъ 500 ведрахъ воздуха проходитъ черезъ наши легкія ежедневно 30 фунтовъ воды.

Слѣдовательно, наши легкія, пропуская черезъ себя каждыя сутки 30 фунтовъ, или около ведра воды, все же не въ состояніи даже утолить жажду человѣка. Это количество въ 80 разъ больше по вѣсу, чѣмъ горсть риса, которою удовлетворяется факиръ. Изъ этого надо заключить, что существуетъ полная возможность питаться безъ участія желудка, на что мы не имѣемъ возможности вслѣдствіе недостатка собственной организаціи и состава нашего воздуха. Легко предположить, что во вселенной могутъ быть такія существа, которыя по всѣмъ своимъ остальнымъ способностямъ, подходя очень близко къ намъ, питаются не такъ, какъ мы.

Мы ѣдимъ, а потому желаемъ, чтобы все живущее въ природѣ ѣло; чтобы всѣ дѣлали такъ, какъ въ нашемъ муравейникѣ. Нѣтъ, на землѣ ѣдятъ, *ибо она несовершенна*, только въ этомъ и можно видѣть главную причину нашего столь грубаго и тягостнаго питанія.

Мы можемъ представить себѣ условія еще хуже. Мы сказали, что дыханіе даетъ намъ три четверти изъ всего того количества питательныхъ веществъ, которыя необходимы для нашего существованія, преобразовывая и возстановляя нашу кровь. Этотъ актъ непроизвольный и данъ намъ природою безвозмездно. На какомъ же это основаніи мы дышемъ даромъ? Мы могли бы быть еще болѣе несчастны, чѣмъ теперь; мы могли бы быть осуждены пріобрѣтать себѣ и эти элементы жизни. И кто увѣритъ насъ, что нѣтъ и такихъ планетъ, гдѣ жители ихъ принуждены сами доставать всѣ четыре четверти необходимаго имъ для питанія вещества, совершенно на томъ же основаніи, какъ мы теперь пріобрѣтаемъ свою одну четверть. Очень возможно, что они получаютъ тотъ же кислородъ и азотъ, но не въ видѣ воздуха, а въ какомъ-нибудь другомъ видѣ. Поэтому и строеніе ихъ тѣла измѣнено сообразно. Совершенно такъ же, какъ строеніе нашего тѣла зависитъ отъ способа питанія и другихъ условій жизни на нашей планетѣ, мы должны заключить, что люди, живущіе на другихъ планетахъ, при другихъ условіяхъ, не имѣютъ строенія нашего тѣла.

Коснемся полноты чувствъ человѣка: мы видимъ, что у многихъ животныхъ ихъ два, у другихъ—три, у болѣе высшихъ—пять, у человѣка—тоже пять. Мы ограничиваемся этимъ и удовлетворяемся. Мы думаемъ, что на этомъ кончается все творчество Божіе, и что будто уже нѣтъ нигдѣ никого въ

Digitized by Google

мірѣ, кто обладалъ бы шестью чувствами. Да, совершенно тоже думаютъ и животныя, которыя обладаютъ двумя чувствами: они увѣрены, если только можно такъ выразиться о нихъ, что не можетъ быть третьяго, ибо понять то чувство, котораго мы не имѣемъ, абсолютно невозможно.

Но наука и разумъ говорятъ иначе и открываютъ громадные пробѣлы въ нашихъ чувствахъ. Не будемъ говорить о философскихъ и метафизическихъ доказательствахъ,—ихъ слишкомъ много; укажемъ только на одно, которое очень наглядно и опытнымъ путемъ откроетъ намъ глаза на наши способности.

Что такое звукъ? — Это чрезвычайно быстрое движеніе. Если заставимъ какой-нибудь предметъ двигаться такъ, чтобы онъ давалъ намъ 32 колебанія въ секунду, мы получимъ первую басовую ноту въ нашемъ ухѣ, какъ результатъ этого колебанія. Усиливая движеніе, мы будемъ постепенно получать и ноты сообразно выше и выше. При 36.000 колебаній мы получимъ рѣзкій звукъ, или дискантовую ноту, и затѣмъ какъ бы мы быстро ни заставляли колебаться этотъ предметъ, мы никакого больше звука не услышимъ; 37.000—38.000 колебаній человѣку не доступны.

Что такое свѣтъ и теплота? Свѣтъ и теплота это совершенно то же, что и звукъ—это движеніе, но движеніе еще болѣе быстрое. Не свѣтъ и не теплота распространяется въ пространствѣ: мы видимъ, что свѣтъ и теплота, проходя по междупланетному пространству не освѣщаютъ его и не грѣютъ; оно имѣетъ ледяную температуру и остается темнымъ, въ чемъ мы можемъ убѣдиться, смотря на небо ночью. Свѣтъ и теплота—это свойство, это быстрое движеніе или колебаніе эфира, которое можетъ, сокрыто отъ насъ, распространяться до безконечности, пока не встрѣтитъ какое-либо препятствіе, которое заставитъ ихъ проявиться и сдѣлаться доступными нашимъ чувствамъ въ видѣ свѣта или теплоты.

Колебанія эфира дѣлаются намъ опять видимы, когда они достигаютъ 450 трилліоновъ колебаній въ одну секунду и тогда они познаются нами уже не ухомъ, а глазомъ, и мы называемъ ихъ: свѣтовыми явленіями. Возьмемъ кусокъ желѣза и будемъ его нагрѣвать; когда онъ достаточно нагрѣется, онъ приводитъ въ движеніе эфиръ, его окружающій, колебанія котораго необыкновенно скоры. Длина свѣтовой волны такова, что на одномъ сантиметрѣ ихъ помѣщается 15.000, если онѣ раскалятся до ярко-краснаго цвѣта. Принимая во вниманіе, что свѣтъ двигается со скоростью 300.000 верстъ въ секунду, мы должны заключить, что въ одну секунду мы получаемъ 450,000.000.000.000 свѣтовыхъ волнъ въ нашъ глазъ.

Digitized by Google

Увеличивая число колебаній до 700 трилліоновъ, мы будемъ получать постепенно впечатлѣніе 7-ми цвѣтовъ спектра, какъ говорили во время Ньютона; нынѣ же, послѣ примѣненія спектральнаго анализа Кирхгофа и Бунзена, въ спектрѣ стали насчитывать несмѣтное количество цвѣтовъ.

Если мы будемъ производить колебаніе больше 700 трилліоновъ,—нашъ глазъ не будетъ видѣть ничего ровно.

Но насъ спросятъ: чѣмъ же можно доказать, что существуютъ въ природѣ колебанія еще болѣе скорыя 700 трилліоновъ въ секунду,—это такая быстрота, что трудно себѣ представить большую?

Фотографія подтверждаетъ это. Лучъ свѣта, пропущенный черезъ спектроскопъ, разлагается по количеству колебаній имъ производимыхъ; глазъ человѣка видитъ только тѣ лучи, которые имѣютъ 450 до 700 трилліоновъ колебаній; но фотографія, или разложеніе химическихъ реагентовъ, идетъ дальше безъ всякаго перерыва,—и гораздо дальше; мы получаемъ отпечатки и должны убѣдиться, что колебаніе существуетъ.

Конечно, чтобы ихъ видѣть, намъ можетъ быть нужно было бы получить шестое чувство или сообразное развитіе одного изъ старыхъ чувствъ.

Совершенно то же мы можемъ сказать относительно разложенія тепловыхъ лучей. Теплота луча, проходя черезъ призму спектроскопа, разлагается тоже и даетъ своего рода спектръ, невидимый глазу, но ощущаемый головкою термометра. Максимумъ и минимумъ его напряженія, его начало и конецъ, можно очень ясно изслѣдовать термометромъ и нарисовать на бумагѣ совершенно такъ же, какъ и химическій спектръ. Всѣ эти три спектра, нарисованные на бумагѣ, показываютъ свою полную независимость одинъ отъ другаго и имѣютъ разныя углы преломленія. Изъ этого мы должны заключить, что и для познанія тепловыхъ явленій необходимо имѣть еще седьмое чувство, котораго у насъ нѣтъ.

Рождается еще невольный вопросъ: два совершенно тождественныхъ явленія познаются двумя отдѣльными нашими чувствами. Колебанія эфира отъ 32 до 36.000 познаются ухомъ, а колебанія отъ 457 до 700 трилліоновъ—зрѣніемъ: развѣ нѣтъ въ природѣ промежуточныхъ колебаній, т.-е. отъ предѣловъ 36.000 въ 1 секунду до 450 трилліоновъ? Въ природѣ перерыва нѣтъ, природа сохраняетъ всегда во всемъ постепенность,—колебанія существуютъ всякія, болѣе рѣзкія, чѣмъ 36.000, что доказываютъ намъ опыты Лиссажу надъ дрожаніемъ пластинокъ для полученія геометрическихъ линій, обозначающихъ разныя звуковыя волны при изученіи гармоніи. То

Digitized by Google

же самое доказываютъ намъ опыты итальянскаго ученаго Мелloли надъ искусственнымъ дрожаніемъ пластинокъ. Всякое движеніе на землѣ должно сопровождаться звукомъ или свѣтомъ. Отчего мы слышимъ движеніе пули или ядра, но не слышимъ движенія луны кругомъ земли, движенія земли кругомъ солнца, которыя еще гораздо стремительнѣе и навѣрное производятъ впечатлѣніе на болѣе совершенныхъ существъ? Еще Пиѳагоръ сказалъ, что эту музыку сферъ физическія уши не могутъ слышать, но понимаютъ ихъ только интеллектуальныя уши. Всѣ постепенные переходы колебаній отъ 36.000 до 450 трилліоновъ въ природѣ существуютъ—это несомнѣнно, но познавать ихъ могутъ болѣе совершенныя существа, чѣмъ мы.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ предположеніе, что существуютъ въ мірѣ такіе звуки, которые могутъ быть не слышны человѣку. Неужели есть звуки, которыхъ ухо не слышитъ?—Непремѣнно есть. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, разберемъ строеніе уха у человѣка. Въ книгѣ профессора Сѣченова „Психическіе этюды“, на стр. 53-ей, мы находимъ: „Въ части уха, называемой улиткою, слуховой нервъ разсыпается на отдѣльныя нервныя волокна, и каждое изъ послѣднихъ находится въ связи съ эластическимъ тѣломъ клавишей. Принимаютъ, что клавиши эти, подобно струнамъ въ музыкальныхъ инструментахъ, настроены въ правильномъ музыкальномъ порядкѣ, и что колебанію каждой клавиши соотвѣтствуетъ опредѣленный музыкальный тонъ. Клавишей этихъ у человѣка считаютъ до 3.000“.

Далѣе, въ томъ же сочиненіи, на стр. 54, сказано: „Какъ бы это ни было, а все дѣло слуховаго анализа сводится на различіе нервныхъ волоконъ, служащихъ для воспринятія частей звуковыхъ впечатлѣній. Въ сущности механизмъ тотъ же, что и въ глазу“.

Слѣдовательно, всякое существо способно воспринимать и познавать только тѣ отдѣльные звуки, для которыхъ оно имѣетъ соотвѣтствующія клавиши въ слуховомъ своемъ органѣ; остальные звуки остаются непонятными. Человѣкъ можетъ познать своихъ ухомъ изъ 36.000 только до 3-хъ тысячъ, слѣдовательно только $^1/_{12}$ часть даже изъ тѣхъ звуковъ, которые считаются ему доступными. Мы видимъ, что у многихъ животныхъ слухъ развитъ менѣе, чѣмъ у человѣка, и что предѣлъ распознаваемыхъ ими звуковъ еще болѣе сжатъ. Они не слышатъ многихъ звуковъ, которые слышитъ человѣкъ; это можетъ быть очень просто объяснено тѣмъ, что у нихъ отсутствуютъ ушныя клавиши для принятія извѣстныхъ звуковъ или колебаній эфира.

Digitized by Google

Наоборотъ, мы видимъ филина, сову, кошку и многихъ другихъ животныхъ, у которыхъ зрительные органы способнѣе нашихъ,—они принимаютъ и познаютъ такія свѣтовыя колебанія, которыхъ человѣкъ не видитъ. Эти животныя видятъ ночью въ то время, когда человѣкъ не можетъ видѣть. Это доказываетъ, во-первыхъ, то, что тѣ предметы, которые намъ не видны, въ сущности имѣютъ цвѣтъ, ибо только при этомъ условіи они могутъ сообщить колебаніе окружающему ихъ эфиру, фактически дѣйствующее на глазъ кошки или филина; если бы они не обладали способностью вызывать колебанія эфира, то, конечно, были бы для всѣхъ одинаково невидимы и неуловимы; а во-вторыхъ, что человѣкъ познаетъ только тѣ цвѣта или колебанія эфира, которые соотвѣтствуютъ способности его глаза, а не всѣ существующіе въ мірѣ. Способность зрѣнія летучей мыши начинается именно тамъ, гдѣ способность человѣка кончается,—она видитъ только тѣ колебанія эфира, которыхъ человѣкъ не видитъ.

Мы очень легко можемъ предположить совершенно то же относительно звука,—что животныя, не слыша нѣкоторыхъ звуковъ, которые мы слышимъ, могутъ слышать тѣ, которыхъ мы не слышимъ, т.-е. звуки, производимые колебаніемъ эфира 38.000—39.000 и т. д. разъ въ одну секунду, и даже тѣ звуки, которые находятся въ предѣлахъ человѣческой способности, но которые остаются ему не слышны, т.-е. отъ 36 до 36.000. Этимъ многое объяснилось бы въ жизни животныхъ. Мы часто задаемъ себѣ вопросъ: „Неужели животныя не говорятъ? Какіе, невидимые намъ, знаки употребляютъ они, чтобы понимать другъ друга? Эти вопросы не разъ уже занимали человѣчество и не находили, однако, никакого объясненія.

Кому изъ охотниковъ на дрохвъ не удавалось видѣть цѣлое спящее стадо, причемъ всѣ онѣ держатъ головы спрятанными подъ крылья и кажутся вполнѣ погруженными въ свой сонъ, одна лишь сторожевая дрохва бдительно расхаживаетъ кругомъ и зорко осматривается. Вотъ подползаетъ охотникъ, или тихо подходитъ, спрятавшись за искусственнымъ переноснымъ кустомъ: одно неосторожное движеніе, и—сторожевая дрохва уже почуяла опасность, она вытянула шею, повернула голову по направленію охотника, не издавъ ни малѣйшаго звука, и все стадо моментально поднялось и полетѣло. Какимъ образомъ передала она стаду впечатлѣніе своего испуга? Такихъ примѣровъ безмолвной передачи мыслей между животными можно привести множество, которые получаютъ свое объясненіе только тогда, когда мы предположимъ, что они объ-

Digitized by Google

ясняются, но при тѣхъ колебаніяхъ эфира, которыя остаются человѣку недоступны.

Относительно способности нѣкоторыхъ животныхъ видѣть ночью, намъ могутъ возразить, что темные лучи свѣта сами по себѣ не производятъ непосредственнаго впечатлѣнія на глазъ кошки и филина, что у всѣхъ животныхъ, которыя видятъ ночью, есть лишняя пленка въ глазу, называемая „глазнымъ коврикомъ", которой нѣтъ въ глазу другихъ существъ. Это совершенно вѣрно, но это служитъ только подтвержденіемъ нашего положенія, а не опроверженіемъ его.

Существованіе этого коврика было открыто давно, но не находили связи между нимъ и возможностью видѣть темные лучи; только въ послѣдніе годы въ Германіи замѣтили, что, напримѣръ, ультра-фіолетовые лучи, пропущенные въ абсолютной темнотѣ черезъ растворъ хинина, даютъ, даже въ глазу человѣка, впечатлѣніе голубаго цвѣта. Совершенно такъ же нѣкоторые растворы другихъ металлоидовъ преобразовываютъ и другіе цвѣта спектра, находящіеся въ абсолютной темнотѣ, а слѣдовательно намъ невидимые, въ цвѣта свѣтлые, уловимые нашимъ взоромъ. Химическій анализъ показалъ, что какъ разъ всѣ эти металлоиды находятся въ химическомъ составѣ этого коврика, а слѣдовательно можно предположить, что невидимые темные лучи, проходя черезъ него, преобразовываются въ глазѣ филина и кошки въ видимые,—это доказываетъ, во-первыхъ, что они существуютъ, если могутъ преобразовываться въ другіе; въ настоящее же время мы только и хотимъ доказать существованіе такихъ лучей, которые человѣку не видны, ибо мы не занимаемся анатомическимъ строеніемъ глаза; а во-вторыхъ,—то, что, въ концѣ концовъ, способности филина и совы идутъ дальше въ распознаваніи колебанія эфира, чѣмъ способности человѣка.

Мы совершенно свободно можемъ предположить, что у болѣе совершенныхъ существъ, чѣмъ человѣкъ, и предѣлы познаванія этихъ колебаній больше, какъ и при распознаваніи звука, такъ и при распознаваніи свѣта, и, наконецъ,—вполнѣ совершенныя существа должны познавать всѣ колебанія; именно такъ: они видятъ, и слышатъ всѣ колебанія, т.-е. у нихъ для слуха и для зрѣнія одинъ и тотъ же, но вполнѣ совершенный органъ, познающій всѣ явленія одного и того же разряда, но проявляющійся лишь съ разными напряженіями.

Неразвитость и неполнота чувствъ нашихъ доказываются еще тѣмъ, что даже грубыя тѣла могутъ пропасть у насъ изъ глазъ. Возьмите пластинку и заставьте ее колебаться болѣе 15 разъ въ секунду,—вы ее болѣе не увидите; струна, колеб-

Digitized by Google

люшаяся и издающая звуки, намъ тоже не видна; даже спицы большаго колеса при скоромъ ихъ вращеніи изчезаютъ у насъ изъ глазъ. Мы не будемъ разбирать, почему эти колеса и пластинки исчезаютъ: отъ того ли, что виды ихъ сливаются въ одинъ отъ скорости движенія, отъ того ли, что скорость сама по себѣ велика и недоступна нашимъ глазамъ,— это положительно безразлично, ибо одинаково доказываетъ недостатокъ нашихъ чувствъ, несовершенство ихъ. Не все ли равно, отчего я не вижу громаднаго сто-пудоваго колеса, которое въ двухъ шагахъ отъ меня вертится со скоростью совершенно ничтожною въ сравненіи, напримѣръ, со скоростью вращенія земли и другихъ скоростей, существующихъ въ природѣ. Если для нашихъ чувствъ могутъ быть невидимы цѣлыя колеса, то мы уже не знаемъ, какъ еще болѣе можетъ надъ нами, бѣдными жителями земли, издѣваться природа. Мы можемъ, слѣдовательно, не замѣчать проходящей мимо насъ цѣлой толпы существъ, лишь бы всѣ они были одѣты въ тѣ цвѣта, которыя недоступны нашимъ чувствамъ, лишь бы они двигались со скоростью, недоступною нашему глазу, и говорили громко, но при тѣхъ дрожаніяхъ воздуха, которыхъ мы не ощущаемъ и т. д., и т. д.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести цѣлый рядъ заключеній не въ пользу большаго развитія чувствъ человѣка. Не будемъ касаться существъ, стоящихъ выше человѣка въ своемъ развитіи, но упомянемъ о существахъ, стоящихъ ниже человѣка, т.-е. возьмемъ опять въ примѣръ животныхъ.

Есть чувства у животныхъ, или, скорѣе, степень развитія нашихъ чувствъ, которыя намъ положительно непостижимы; напримѣръ, обоняніе развито у охотничьихъ собакъ до такой степени, что наше воображеніе ничего бо́льшаго себѣ представить не можетъ. Какъ понять этотъ, хотя и заурядный, фактъ: собака чувствуетъ запахъ зайца или птицы, которая нѣсколько часовъ тому назадъ прошла по этому мѣсту и теперь находится уже за нѣсколько верстъ. Собака знаетъ даже, въ какую сторону бѣжало животное или улетѣла птица. Зрѣніе, напримѣръ, у орла и у другихъ хищныхъ птицъ должно насъ удивлять не менѣе. Птица паритъ подъ облаками и видитъ свою небольшую добычу на землѣ, въ одно мгновеніе ока она бросается по совершенно отвѣсному направленію, нисколько не отклонившись отъ первоначально принятаго направленія. Осязаніе летучихъ мышей доходитъ до удивительнаго развитія. Лишенная зрѣнія днемъ, летучая мышь такъ же хорошо летаетъ, обходя всѣ встрѣчающіяся ей на пути препятствія, какъ будто это ночью, когда она хорошо видитъ, ибо

Digitized by Google

она осязаетъ своими крыльями издали приближеніе къ предметамъ и такъ же хорошо отыскиваетъ обратный путь къ своему жилищу, какъ будто она пользуется зрѣніемъ.

Ничего подобнаго въ человѣкѣ мы не видимъ, а слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право позавидовать животнымъ въ развитіи нѣкоторыхъ чувствъ, превосходящихъ въ значительной степени силу тѣхъ, которыми онъ владѣетъ. Но этого мало,— онъ долженъ бы былъ считать себя вполнѣ счастливымъ, если бы превосходство животныхъ ограничивалось только однимъ сложеніемъ организаціи. Мы хотимъ указать на то, что многія — почти нравственныя или общежитейскія — способности животныхъ должны претерпѣть ту же участь, ибо они весьма отчетливо превосходятъ все то, на что способенъ человѣкъ.

Обратите вниманіе на порядокъ, господствующій въ каждой муравейной кучѣ или въ каждомъ ульѣ пчелъ, и вы должны будете признать, что какъ ни просты отношенія между муравьями или между пчелами, однако намъ, людямъ, личностямъ разумно-нравственнымъ, обладающимъ всѣми высшими средствами и способностями, никакъ нельзя не только стать выше ихъ, но хотя отчасти поравняться съ ними.

Что можетъ быть проще: всѣ послушны своей царицѣ, всѣ подчиняются безпрекословно, всѣ работаютъ, всѣ трудятся, всѣ самымъ добросовѣстнымъ образомъ складываютъ свои заработки въ одно общее мѣсто, изъ котораго пополняются потребности какъ каждой отдѣльной личности, такъ и всего общества. Всякій правильно распредѣленный и совмѣстный трудъ, въ особенности при содѣйствіи, оказываемомъ другими, и общемъ согласіи, гораздо благодарнѣе, легче и спорнѣе, чѣмъ тотъ же трудъ, но производимый отдѣльно каждою личностью, въ особенности, если окружающіе относятся къ нему со злобою и завистью.

Муравьи и пчелы хорошо это поняли, а потому относятся честно и добросовѣстно къ своему дѣлу, приносятъ домой все, что собрали и наработали, все поступаетъ въ общее пользованіе, никто изъ нихъ и не думаетъ украдкою утягивать часть изъ этого въ свое собственное распоряженіе, какъ гарантію на черный день, никто не желаетъ возвышаться надъ другими, никто изъ нихъ не предъявляетъ своихъ правъ на господство и не находитъ причины, по которой онъ могъ бы считаться выше другихъ,—этотъ вѣчный поводъ ко всѣмъ междоусобіямъ, существующимъ у людей, еще неизвѣстенъ пчеламъ. У нихъ сильный поддерживаетъ слабаго своею бо́льшею работою и бо́льшими трудами, общее попеченіе и симпатіи направлены на

Digitized by Google

дѣтенышей, и никто изъ нихъ не разбираетъ—это мой, а потому онъ лучше другихъ и достоинъ большей порціи, у нихъ всѣ получаютъ одинъ и тотъ же кусокъ.

Сколько было людскихъ общежитій и большихъ и малыхъ въ исторіи человѣчества? Какой былъ имъ конецъ? Не всегда ли они кончались общимъ раздоромъ и полнымъ разореніемъ общественной кассы въ пользу наживы отдѣльныхъ лицъ?— Это понятно, скажутъ намъ, человѣкъ умнѣе пчелы и потому соблюдаетъ свой собственный интересъ, чего не можетъ дѣлать пчела. Но! Неужели умъ можетъ мѣшать человѣку облегчать свой трудъ, обезпечивать себя, жить ровно и спокойно, а слѣдовательно гораздо болѣе счастливо, чѣмъ теперь. Кромѣ того, тогда не было бы нуждающихся, всѣ были бы довольны судьбою своею, не было бы зависти, ибо всякій довольствовался бы тѣмъ, что имѣетъ общество, былъ бы порядокъ, ибо не было бы злоупотребленій.

Дѣйствительно, не мѣшало бы людямъ хотя отчасти воспользоваться тѣмъ примѣромъ, который даютъ имъ пчелы; надо думать, что этотъ порядокъ вещей установилъ бы хотя отчасти нравственный принципъ между людьми, при которомъ всѣ члены общества выработывали бы, кромѣ своего экономическаго благосостоянія, теплыя чувства участія и самыя благородныя стремленія взаимной дружественной помощи по отношенію другъ къ другу; сильный черезъ свою силу избавлялъ бы слабаго отъ неносильнаго труда; слабый, недужный и старый, оберегая общее имущество, способствовалъ бы сбереженіямъ того, что нажито другими; умный руководилъ бы, направлялъ бы всѣмъ; сироты не чувствовали бы своего печальнаго положенія, и не было бы бѣдности на землѣ. Между людьми все это могло бы быть много лучше и совершеннѣе, чѣмъ это у пчелъ и муравьевъ, а между прочимъ пчелы довели свою жизнь до совершенства, а люди еще и не подумали осуществить это на дѣлѣ, несмотря на то, что такой способъ жизни можетъ быть приложенъ и къ цѣлому государству, и къ обществу и даже отдѣльнымъ семействамъ и кружкамъ, такъ какъ онъ несомнѣнно принесъ бы матеріальное благосостояніе и способствовалъ бы нравственному развитію людей.

Но люди думаютъ иначе. Нравственный порядокъ никогда не составлялъ для нихъ приманки; освободить страну отъ нищеты и отъ нищей братьи никогда не возводилось ими на степень идеальной цѣли ихъ стремленій, которую взялось бы преслѣдовать все общество. Въ совершенную противоположность тому, мы у людей встрѣчаемъ лѣнь, гордость, тщеславіе, эгоизмъ, злость, зависть, укрывательство чужой собственности,

Digitized by Google

лицепріятіе, общее несогласіе, упорство въ своихъ, часто совершенно глупыхъ, мнѣніяхъ и полное нежеланіе подчиниться чужимъ, иногда очень умнымъ, требованіямъ, вражду и, наконецъ, месть со всѣми ужасными отъ нея подслѣдствіями. Всѣ эти качества составляютъ прямые тормазы человѣческаго благосостоянія, которыхъ мы ни у муравьевъ, ни у пчелъ не встрѣчаемъ, почему мы фактически ничего подобнаго между людьми устроить не можемъ и зачастую покрываемся или оправдываемся тѣмъ, что муравьи и пчелы ведутъ слишкомъ простую жизнь, и подобное поведеніе у людей было бы недостойно высокаго ума ихъ.

Нѣтъ, человѣкъ—не послѣднее звено творенія, онъ не можетъ назваться вѣнцомъ живыхъ и разумныхъ существъ, онъ не идеалъ совершенства. Всмотритесь въ его жизнь, какъ въ частную, такъ и общественную,—развѣ это не цѣлый и безконечный рядъ курьезовъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ: вѣдь всякій себя медленно убиваетъ; всѣ народы мало-по-малу себя разоряютъ; всѣ общества погрязли въ непроходимыхъ абсурдахъ и связали себя по рукамъ и ногамъ совершенно ненужными предразсудками, принципами, тенденціями и обычаями; причуды, въ которыхъ они запутались, заставляютъ страдать каждаго изъ нихъ и милліоны народовъ, стоящихъ въ зависимости отъ нихъ.

Не будемъ вдаваться въ первыя времена существованія человѣка на землѣ, въ какія-нибудь эпохи пещерныхъ медвѣдей или въ каменный періодъ, въ которомъ были бы понятны разнаго рода неровности человѣческаго характера и даже дикость нравовъ, ибо можно было бы сослаться на грубыя условія жизни; но вспомнимъ нѣсколько послѣднихъ страничекъ нашей новѣйшей исторіи, о томъ, напримѣръ, какъ какихъ-нибудь лѣтъ двѣсти тому назадъ инквизиція истязала и умерщвляла ежегодно десятками тысячъ ничѣмъ неповинныхъ людей; какія выдумывала она сложныя и вполнѣ замысловатыя орудія пытки и казни для того, чтобы больше заставить страдать и мучиться этихъ бѣдныхъ жертвъ во имя всемилостиваго и всеблагаго Бога—идеала добра, кротости и любви! Вспомнимъ дѣйствія англичанъ въ Индіи, исторію коммуны во Франціи, которую закончила послѣдняя франко-прусская война; вспомнимъ всѣ наши войны съ ихъ губительными послѣдствіями; вспомнимъ тысячи примѣровъ самаго варварскаго обращенія съ ничѣмъ неповиннымъ человѣкомъ, хотя бы недавно закономъ отмѣненное рабовладѣльчество, но которое фактически существуетъ и въ настоящее время въ видѣ господства сильнаго надъ слабымъ, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ видовъ эксплоа-

Digitized by Google

таціи бѣдности, нищеты, недуга, порока, страсти, привычки и нужды; вспомнимъ процентъ убійствъ, самоубійствъ и другихъ преступленій и сравнимъ ихъ съ количествомъ общественной благотворительности; всѣ страны, всѣ общества, всѣ семейства и, за малымъ исключеніемъ, можно сказать, что всѣ повально люди загрязнены въ такихъ исторіяхъ, что ясно и наглядно показываютъ, насколько, несмотря на современное образованіе, на эпоху господства ума и анализа, на глубокое значеніе науки, прошедшей даже до нашей ежедневной и обыденной жизни, на количество ученыхъ коллегій, университетовъ, высшихъ и низшихъ школъ,—человѣкъ рѣшительно не умѣетъ распоряжаться собою и своимъ ближнимъ. Все это показываетъ полное отсутствіе тѣхъ знаній, которыя могли бы, хотя сколько-нибудь, облегчить его жизнь, сдѣлавъ ее нѣсколько лучше, мягче, ровнѣе и обезпеченнѣе, дать правильную цѣль его жизни, стараясь достигнуть которую, путемъ опыта и навыка, человѣкъ могъ бы самъ дѣлаться лучше, добрѣе, покорнѣе своей судьбѣ, снисходительнѣе къ ближнему и строже къ себѣ.

Для образованія себя въ этомъ направленіи надо было бы человѣку укорениться въ началахъ нравственности и пріобрѣсти нѣкоторое развитіе силъ душевныхъ, безъ которыхъ никто отчетливо сознавать не будетъ тѣ высшія понятія о правильныхъ отношеніяхъ своихъ къ другимъ, единственно черезъ которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти задатки мира на землѣ. Только подобное развитіе могло бы точно указать ему, что никогда общество не можетъ быть дружно, если есть еще въ немъ личности гордыя, самолюбивыя, тщеславныя, завистливыя, и если всякій членъ его не будетъ жертвовать хотя частью своего личнаго разсчета, своимъ покоемъ и своими трудами въ пользу другихъ.

У личностей, нравственно слабыхъ, потребности организаціи преобладаютъ надъ стремленіями души; онѣ легче понимаютъ все, что охватывается разумомъ или поддается анализу ума, чѣмъ то, что составляетъ влеченіе сердца ихъ. Разсчетъ и практическая логика заглушаютъ въ нихъ то, что изрѣдка, какъ лучъ свѣта, осѣняетъ ихъ, проявившись совершенно для нихъ непонятнымъ образомъ откуда-то, изъ какой-то непонятной и не признаваемой ими глубины ихъ существа, какъ нѣчто совершенно неподходящее, противорѣчащее всѣмъ ихъ воззрѣніямъ, идущее прямо въ разрѣзъ съ ихъ страстями, съ ихъ эгоизмомъ, съ ихъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ, съ которымъ они привыкли смотрѣть на страданія ближняго, находя ихъ въ порядкѣ вещей.

Digitized by Google

Какъ все это жалко и ошибочно!... Вѣдь въ настоящее время можно признать вполнѣ доказаннымъ, что счастье людей не пріобрѣтается однимъ умомъ и разсчетомъ, что развитіе одного ума не приводитъ къ познанію истины и правильныхъ отношеній человѣка къ природѣ. Наука, вѣдь, вырабатываетъ единственно законы матеріи, вся дѣятельность ея только тѣмъ и ограничивается и нисколько не затрогиваетъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые способствуютъ человѣку достигать довольства собою и чистой совѣсти. Въ этомъ случаѣ можно сослаться на вполнѣ компетентный авторитетъ великаго русскаго сердцевѣда и профессора К. Д. Кавелина, который въ своихъ „Задачахъ этики“ очень опредѣленно выясняетъ этотъ вопросъ; онъ говоритъ: „Что дало наукѣ такое первенствующее положеніе, создало ей роль верховнаго трибунала истины?

„Ея орудіе есть умъ, мышленіе. Сначала онъ считался единственнымъ источникомъ знанія. Его выводы и заключенія признавались за единственное и безусловное мѣрило истины. Логика заняла между науками первое мѣсто.

„Это было высшимъ торжествомъ мыслящей способности человѣка; но и съ нею произошло потомъ то же, что съ развѣнчанною ею непосредственно данною истиною.

„Сперва противъ безусловнаго авторитета разума и мышленія возстало опытное знаніе, которое доказало, что мышленіе, само по себѣ, безсильно и впадаетъ въ ошибки, что оно есть дѣйствительная сила и даетъ въ результатѣ истину только тогда, когда оперируетъ надъ данными—явленіями и фактами. Отсюда пришли къ заключенію, что для полученія истины надо повѣрять выводы и заключенія ума,—наблюденіями и опытомъ.

„Это былъ сильный ударъ, нанесенный авторитету ума. Онъ, привлекавшій все къ своему суду, самъ былъ призванъ къ суду фактовъ и опытныхъ наблюденій.

„Съ этого времени всемогущество ума было поколеблено. Съ разныхъ сторонъ онъ началъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Прежде всего отъ него отложились естественныя науки, потомъ психологія, право и науки соціальныя. Наступаетъ пора критической переработки и логики по началамъ опытной психологіи.

„Въ наше время всемогущество разума и мышленія обратилось уже въ преданіе, которое скоро совсѣмъ забудется. Циклъ полнаго его развитія совершился, и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышленіе—не все для человѣка; что умъ есть одна изъ способностей психической человѣческой природы: мышленіе—одна изъ ея функцій; что рядомъ съ нею

Digitized by Google

есть и другія, которыя она замѣнить не можетъ; что въ общей экономіи человѣческаго существованія она занимаетъ особое мѣсто, имѣетъ свое особое назначеніе, свой кругъ дѣйствія, свои сильныя и слабыя стороны.

„Пока опытное знаніе доканчивало дѣло съ безусловною властью мышленія и вытѣсняло ея слѣды изъ всѣхъ отраслей науки, казалось, будто возникаетъ новая сила, которая овладѣетъ умами и такъ же будетъ руководить ими, какъ прежде вѣра, потомъ чистый разумъ. Но скоро пришлось въ этомъ разубѣдиться. Опытное знаніе есть, по принципу, то же знаніе, какъ и прежнее, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины,—но знаніе приближенное къ людямъ, менѣе отвлеченное, болѣе для нихъ полезное и практическое. И логическое, и опытное знаніе одинаково объясняютъ общія условія и общіе законы бытія вещественнаго міра. Противники знанія поняли это ихъ сродство, но не поняли того, что борьба опытнаго, индуктивнаго знанія съ логическимъ и метафизическимъ была междоусобіемъ и громаднымъ шагомъ впередъ къ развѣнчанію злѣйшаго ихъ врага—разума и мышленія, къ обращенію его изъ безапелляціоннаго судьи, безусловнаго распорядителя и устроителя человѣческихъ судебъ въ одно изъ прирожденныхъ свойствъ человѣческой природы. Новаго руководящаго принципа опытное знаніе съ собою не несло и не поставило, но, приблизивъ отвлеченное мышленіе къ дѣйствительному живому человѣку, стало служить ему, удовлетворять его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ и открыло широкую дверь развитію прикладныхъ наукъ, техники и техническаго искусства по всѣмъ отраслямъ, въ которыхъ прежде о раціональномъ примѣненіи знанія никто не думалъ и даже не смѣлъ мечтать.

„Въ такихъ условіяхъ стоитъ человѣкъ у порога двадцатаго столѣтія. Они обрисовываютъ его положеніе и ближайшія задачи будущаго“ (стр. 140—142). Кавелинъ говоритъ далѣе: „А если это—такъ, то не въ однихъ вещественныхъ условіяхъ существованія, а вмѣстѣ съ ними и въ жизни индивидуальнаго, единичнаго лица, слѣдуетъ искать причины золъ, удручающихъ человѣческій родъ, слѣдовательно не одинъ вещественный міръ долженъ быть улучшенъ и исправленъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, и единичный, дѣйствительный человѣкъ. Понявъ настоящее значеніе вещественнаго міра и то, въ чемъ заключается тѣсная его связь съ единичнымъ, живымъ человѣкомъ, мы должны рано или поздно убѣдиться, что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, оторванный отъ почвы, на которой выросъ, т.-е. отъ психической жизни индивидуальнаго лица, для

Digitized by Google

которой онъ существуетъ, вещественный міръ не имѣетъ смысла и не можетъ самостоятельно существовать въ понятіяхъ человѣка, какъ собственная его тѣнь, или какъ облака и тучи, съ дождями, грозами и градами, образуемыя испареніями суши и водъ.

„Но специфическое то, что отличаетъ человѣка отъ природы и отъ него самого, какъ животнаго организма—это его сознательная психическая жизнь и дѣятельность, рождаемая способностью переработывать внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія въ новыя формы и приводить ихъ въ новыя сочетанія. Условія, вносимыя этою способностью, неизвѣстны остальному міру; только человѣку доступны формы и комбинаціи, рождаемыя сознательностью. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами сознательности, какъ съ вещественными явленіями; наступаетъ пора обратить вниманіе на роль этой способности въ жизни и дѣятельности индивидуальнаго лица и въ устроеніи его личной судьбы посреди внѣшней природы и другихъ людей, въ организованномъ сожительствѣ.

„Такимъ образомъ, развитіе самаго знанія приводитъ насъ снова къ религіи и научной нравственности. Обѣ, сначала отвергнутыя, оказываются двумя различными путями къ устроенію личной судьбы, жизни и дѣятельности единичнаго, дѣйствительнаго человѣка, какъ выработка такъ называемаго вещественнаго міра есть лишь путь для устроенія судьбы, жизни и дѣятельности. Мы не можемъ остановиться ни на религіи, какъ на догматическомъ ученіи, ни на этикѣ, какъ на научной системѣ, а должны спуститься еще ниже, сдѣлать еще одинъ послѣдній шагъ,—осуществить въ жизни, на самомъ дѣлѣ, то, чему учатъ религія и нравственность. Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ мысль обращается въ дѣйствительность, и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ: идеалъ становится дѣйствительностью, дѣйствительность—идеаломъ.

„Обратимся назадъ. Длиненъ и тяжелъ былъ путь знанія, которымъ шли новые европейскіе народы; но они совершили великое дѣло и великій подвигъ. Они окончательно, безповоротно и блистательно разрѣшили вопросъ о мышленіи, его условіяхъ, законахъ его дѣятельности и участіи въ жизни человѣка и людей. Въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по этому вопросу христіанскою Европою, всѣ усилія и попытки древняго міра и Востока кажутся ребяческими начинаніями, младенческимъ лепетомъ. Соблазнившись древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, христіанскіе народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли его миражи, выяснили механику, которая ихъ производитъ. Въ этомъ великая заслуга

Digitized by Google

европейцевъ. Благодаря результатамъ, достигнутымъ ихъ неимовѣрными усиліями и тяжкими жертвами, дальнѣйшій путь указанъ и облегченъ. Будущіе дѣятели и двигатели развитія рода человѣческаго, кто бы они ни были, могутъ, зная то, что уже сдѣлано и выяснено, идти далѣе, не смущаясь тѣмъ, что такъ долго и такъ мучительно сбивало ихъ съ толку на пути къ возможному улучшенію быта и дѣятельности человѣка—посреди природы и другихъ людей" (стр. 145—147).

Чтобы познакомиться съ мнѣніемъ Канта, мы приведемъ сокращенный смыслъ его разсужденій изъ книги: „Kritik der practischen Vernunft".

По Канту, нравственность есть сама по себѣ цѣль. Исполнять этотъ законъ должно не для того, чтобы получить счастіе (все равно въ этой или будущей жизни), но только потому, что этотъ законъ самъ по себѣ хорошъ, разуменъ и соотвѣтствуетъ истинной природѣ человѣка. Вопросъ о томъ, для чего надо быть нравственнымъ, безсмысленъ; это высочайшій долгъ человѣка и никакого другаго смысла онъ не имѣетъ. Искать какой-нибудь иной цѣли—значило бы подчинять его чему-нибудь иному, и тѣмъ отрицать безусловную высоту нравственнаго начала, видѣть въ немъ лишь средство.

Но здѣсь возникаетъ передъ нами наиболѣе трудный вопросъ. Счастье не можетъ быть цѣлью нравственной дѣятельности; это установлено окончательно. Но, съ другой стороны, если долгъ и есть самъ по себѣ высшее благо, то полная и окончательная справедливость требуетъ, чтобы добрый человѣкъ не былъ несчастнымъ. И это не есть эгоистическое желаніе человѣка, но требованіе самого разума, который ищетъ полной справедливости (стр. 133). Затрудненіе это состоитъ не столько въ томъ, что мы видимъ теперь въ мірѣ несправедливое распредѣленіе счастія, но дѣйствительная и, повидимому, неустранимая трудность вопроса состоитъ въ томъ, что мы вообще не можемъ представить никакой связи между исполненіемъ долга и счастіемъ.

Счастье и нравственность вообще могутъ быть связаны только трояко: или счастіе и нравственность есть одно и то же, или нравственность порождаетъ счастіе, или, наконецъ, счастіе порождаетъ нравственность. Что счастіе и нравственность не одно и то же, что правила для достиженія втораго иныя, чѣмъ правила для достиженія перваго—это уже доказано: долгъ состоитъ именно въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ всѣхъ предметовъ желаній и слѣдовать одному формальному, нравственному закону. Еще невозможнѣе второе предположеніе, именно, что счастіе есть причина нравственности. Это

Digitized by Google

утвержденіе прямо ложно, ибо нравственность состоитъ не въ какой-нибудь цѣли, но въ самомъ нравственномъ дѣйствіи. Что касается третьяго возможнаго предположенія, именно, что нравственность есть причина счастія, то оно, повидимому, тоже невозможно, ибо счастіе обусловленно неизмѣнными законами природы; для достиженія его должно знать эти законы, умѣть ими воспользоваться, однимъ словомъ, — имѣть совершенно иное правило поведенія, чѣмъ безусловное и формальное предписаніе нравственнаго долга (стр. 140—143)

Таково коренное противорѣчіе дѣятельнаго разума. Онъ требуетъ, съ одной стороны, чтобы полное благо, т. е. соединеніе нравственности со счастіемъ, было возможно, съ другой— не находитъ никакихъ основаній для этого совпаденія.

Изъ этого противорѣчія,—говоритъ Кантъ,—есть только одинъ исходъ, именно признанія бытія такого Верховнаго Существа, которое, стоя выше какъ природы съ ея законами, такъ и конечныхъ существъ, привело бы въ правильную связь добродѣтель съ счастіемъ. Человѣкъ, какъ разумно дѣйствующее въ мірѣ существо, не есть творецъ міра и природы; поэтому и въ исполняемомъ имъ нравственномъ законѣ нѣтъ еще никакого основанія для необходимаго совпаденія между добромъ и счастьемъ. Но такъ какъ это совпаденіе есть требованіе (постулатъ) его разума, безъ котораго сама нравственность, какъ возможность полнаго блага, недостигаема, то мы необходимо приходимъ къ утвержденію бытія Разумнаго Творца и Промыслителя, востановляющаго міровую справедливость, т. е. Бога. Бытіе Бога, признанное возможнымъ, но непостижимымъ для теоретическаго разума, открывается теперь какъ дѣйствительное и необходимое нравственному сознанію. Нравственный долгъ открываетъ новый міръ, міръ сверхчувственный съ его Главою и Промыслителемъ—Богомъ (стр. 150)

Фихте старался установить тождество бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта. Въ виду такой цѣли, онъ разсматриваетъ „я“, какъ дѣятельность по преимуществу.

Согласно съ этимъ, въ практической части своей философіи, онъ приходитъ къ заключенію, что истинное назначеніе человѣка не мысль, но дѣйствіе, которое есть осуществленная мысль. „Я свободенъ“, говоритъ онъ.

„Это откровеніе моего сознанія. Я свободенъ; все мое достоинство опредѣляется не только моими дѣйствіями, но и свободнымъ рѣшеніемъ моей воли повиноваться голосу совѣсти. Вѣчный міръ для меня теперь свѣтлѣе, и основные законы его устройства яснѣе раскрываются передъ моимъ умственнымъ взо-

Digitized by Google

ромъ. Моя воля, сокрытая въ глубокомъ тайникѣ души моей, есть первое звено въ цѣпи слѣдствій, охватывающей невидимое царство духа, точно такъ, какъ въ этомъ земномъ мірѣ дѣйствіе,—движеніе, сообщенное матеріи,—есть первое звено въ матеріальной цѣпи причинъ и слѣдствій, охватывающей этотъ міръ. Воля есть дѣйствующая причина, живой принципъ духовнаго міра, движеніе же есть принципъ чувственнаго міра. Я стою между этихъ двухъ міровъ: съ одной стороны—міра видимаго, въ которомъ существенно только одно дѣйствіе, тогда какъ намѣреніе не имѣетъ никакого значенія, съ другой—міра невидимаго и непостижимаго, на который воздѣйствуетъ воля. Въ обоихъ этихъ мірахъ „я"—дѣйствующая сила. Божественная жизнь, какъ ее можетъ представить себѣ конечный умъ, самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертныхъ она является облеченною въ безчисленное множество чувственныхъ формъ, она проникаетъ меня и всю неизмѣримую вселенную, пробѣгая по моимъ жиламъ и мышцамъ и сообщая жизнь деревьямъ, цвѣтамъ, травѣ. Мертвая, тяжелая масса инертной матеріи, наполнявшей природу, исчезла и вмѣсто нея течетъ изъ своего безконечнаго источника свѣтлый, вѣчный потокъ жизни и силы.

„Вѣчная воля есть Творецъ конечнаго разума. Кто полагаетъ, что міръ созданъ изъ инертной матеріи, которая всегда должна оставаться безжизненною подобно сосуду, сдѣланному человѣческими руками, тотъ не знаетъ ни міра, ни его Творца. Только воля или безконечный разумъ существуютъ въ самомъ себѣ, конечный же—въ немъ; въ нашей душѣ воля эта создала міръ, или по крайней мѣрѣ то, при посредствѣ чего онъ раскрывается предъ нами. Великая, животворящая воля, невыразимая словомъ и необъемлемая никакимъ понятіемъ, къ тебѣ я возношусь мыслію, потому что только въ тебѣ я могу разумно мыслить! Въ тебѣ, непостижимая воля, разгадка моего собственнаго существованія и бытія міра; въ тебѣ я нахожу рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и обрѣтаю царство полной гармоніи. Я закрываю предъ тобою лицо и налагаю перста на свои уста". (Ист. филос., Льюисъ, т. II, стр. 290, 291).

Человѣкъ, потерявши вѣру въ непогрѣшимость своихъ чувствъ, въ абсолютное значеніе своей науки, въ неограниченную силу своего разума и своихъ способностей, неминуемо долженъ сойти съ своего высокомѣрнаго пьедестала, тщеславнаго всевѣдѣнія и признаться, что былъ на ложномъ пути. Онъ долженъ понять, наконецъ, что есть нѣчто Высшее, передъ чѣмъ уничтожаются, стушевываются и теряютъ всю свою привлекательную прелесть всѣ тѣ идеалы, которые съ такимъ увлеченіемъ онъ преслѣ-

Digitized by Google

дóвалъ раньше; онъ долженъ признать себя совершенно несчастнымъ и даже презрѣннымъ существомъ, если, не откинувъ всю свою гордость, все тщеславіе, всю самоувѣренность, не будетъ смотрѣть на себя, какъ на *ребенка*, изъ котораго долженъ современемъ только выйти другой, болѣе совершенный, человѣкъ; если онъ не будетъ желать своего полнаго образованія, т. е. умственнаго и нравственнаго одновременно, и если онъ не будетъ увѣренъ, что рано или поздно достигнетъ того, что составляло уже для него цѣль, и чего онъ здѣсь на землѣ достигнуть не могъ.

Digitized by Google

Глава X.

Смерть человѣка.

Если смерть еще не конецъ нашего существованія, а только метаморфоза, если могила не болѣе какъ колыбель новой лучшей и безконечной жизни, то, умирая, не вполнѣ ли мы походимъ на бабочку, которая только-что выходитъ изъ своей куколки, или изъ своей временной могилы:—она еще не оправилась отъ тѣхъ физическихъ усилій, которыя ей пришлось испытать; она скоро отдохнетъ и сейчасъ же поднимется на воздухъ, станетъ летать и парить подъ облаками, чего она никакъ не могла сдѣлать, бывши червячкомъ. Это весьма наглядное изображеніе этой метаморфозы, которая неминуемо должна постигнуть всѣхъ насъ.

Но вотъ вопросъ,—постигнетъ ли эта метаморфоза всѣхъ насъ одинаково? Будутъ ли слѣдствія ея для всѣхъ насъ однообразны? Что по преимуществу должно вліять на результаты ея?

Несомнѣнно, что наше матеріальное тѣло со всѣми его физическими свойствами и потребностями, наша красота и элегантность или, наоборотъ, наша грубость и всякаго рода тѣлесныя уродства—не будутъ вліять на результаты роковой метаморфозы; все это останется на землѣ и будетъ похоронено въ могилѣ, какъ принадлежности никуда уже болѣе негоднаго и отслужившаго свою службу тяжелаго чехла или временной оболочки души.

Что же можетъ остаться при душѣ, потерявшей свое земное тѣло и сохранившей лишь свою индивидуальность или свое земное „я“. Что же останется при душѣ такое, что больше

Digitized by Google

всего будетъ вліять на результаты, или, лучше сказать, на ощущенія, сопровождающія какъ самый переходъ человѣка въ новую жизнь, такъ и на самое загробное его состояніе? Отъ чего, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть состояніе души въ этомъ царствѣ безконечнаго добра и милосердія? Нѣтъ сомнѣнія, что все состояніе души, какъ во время перехода, такъ и въ теченіе всей загробной жизни будетъ зависѣть всецѣло отъ тѣхъ нравственныхъ качествъ души, которыя выработала она въ себѣ въ теченіе земной жизни, ибо только одни качества остались при ней, все же остальное—матеріальное и вещественное погребено въ могилѣ; поэтому весь вопросъ сводится къ слѣдующему: человѣкъ обладаетъ двумя главными силами и способностями своей души, это—умомъ и нравственностью; вліять могутъ только результаты дѣятельности этихъ силъ, присущихъ его существу, а потому постараемся разобрать результаты дѣятельности каждой изъ нихъ и вывести возможность вліянія ихъ на состояніе души за гробомъ.

Начнемъ съ *нравственности*. Разбирая свои нравственныя качества, человѣкъ дѣлаетъ имъ огромное число подраздѣленій: есть люди добрые, злые, честные, преступные и т. д. Очень много подраздѣленій происходитъ отъ разнообразія занятія, мѣста жительства, отъ образованія и культуры; есть люди дикіе и грубые,—вспомните первобытныхъ людей или современныхъ камчадаловъ и самоѣдовъ; есть, наоборотъ, и чрезвычайно образованные, чувствительные и развитые люди; есть люди обращающіе вниманіе и вникающіе во всѣ требованія своихъ внутреннихъ стремленій и потребностей; есть такіе которые отвергаютъ и стараются заглушать, если бы что-либо подобное и проявилось въ нихъ. Несмотря на то, мы, однако, видимъ, что понятіе о нравственности не относительно, а, напротивъ, нравственность имѣетъ свой абсолютный смыслъ и законъ. Вездѣ считается безнравственнымъ убивать ближняго, пользоваться чужимъ добромъ, бить слабаго, быть неблагодарнымъ, лгать, посягать на свою жизнь и т. д., изъ чего дѣйствительно должно заключить, что нравственность не относительна, а пониманіе ея до нѣкоторой степени опредѣленно и абсолютно въ самой природѣ нашей души, а слѣдовательно весьма естественно, что наша душа, преступая законы нравственности во время своей жизни, послѣ смерти должна быть болѣе или менѣе грѣшна, а можетъ быть и совсѣмъ преступна. Только лица совершенно нравственныя могутъ имѣть чистую душу. Мы всѣ должны перейти черезъ смерть; встрѣтимъ ли мы всѣ одно и то же въ будущей нашей жизни? Наше сознаніе и совѣсть намъ говорятъ, что этого быть не можетъ.

Digitized by Google

Если каждый изъ насъ еще при жизни на землѣ чувствуетъ всегда, когда преступаетъ законы нравственности и законы любви, то въ правѣ ли мы предполагать, что за гробомъ голосъ совѣсти будетъ меньше преслѣдовать насъ и настаивать на своихъ требованіяхъ?

Это немыслимо,—нельзя въ этомъ случаѣ не принять во вниманіе, что въ теченіе всей земной жизни всѣ чувства нашей души притуплены познаніемъ ощущенія нашего грубаго и вещественнаго тѣла; по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ философовъ, которые признавали душу въ человѣкѣ, всѣ выражались въ этомъ направленіи, никто изъ нихъ не могъ допустить, чтобы тѣло человѣка хотя сколько-нибудь способствовало свободнымъ отправленіямъ души. Давъ человѣку тѣло, природа совсѣмъ отняла у него многія способности души, а тѣ, которыя и остались, стѣснены отправленіями его тѣла. Вотъ эти-то только парализованныя чувства души и ощущаетъ человѣкъ, пока не умретъ, они-то и производятъ въ немъ: мученіе совѣсти, сознаніе пороковъ или вообще сознаніе нашей грѣховности. Эти мученія, конечно невелики, ибо не могутъ проявиться со всей ихъ силой; они не причиняютъ намъ на землѣ физическихъ безпокойствъ, или чего-либо изъ того, что мы называемъ „болью“ въ полномъ смыслѣ этого слова; эти мученія никакъ непохожи ни на прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ, ни на то ощущеніе, которое получается при вытягиваніи жилъ изъ тѣла, или на что-либо подобное. За гробомъ это должно быть совершенно иначе: отправленія души будутъ свободны, всѣ ощущенія ея будутъ предоставлены самимъ себѣ, полному и свободному дѣйствію ихъ, и ничто уже больше не будетъ стѣснять ихъ развитія и ихъ стремленій.

Въ природѣ мы видимъ, что чѣмъ грубѣе организмъ, тѣмъ менѣе впечатлѣнія производятъ на него нравственныя страданія. Животныя почти совсѣмъ не имѣютъ ихъ, ибо тѣ слабые признаки совѣсти и сознанія своей вины, которые изрѣдка мы замѣчаемъ у высшихъ, и притомъ только у домашнихъ, животныхъ, могутъ быть всегда сведены къ страху наказанія. У животныхъ въ дикомъ или въ неприрученномъ состояніи мы ихъ совершенно не видимъ; лишнее было бы говорить о птицахъ и рыбахъ. Чувствительность души существуетъ только у людей, и она ростетъ по мѣрѣ образованія и развитія человѣка. Камчадалы и самоѣды имѣютъ чувствительность низшую, чѣмъ люди образованные.

Люди развитые, нервные, совершившіе преступленія, мучаются укорами совѣсти. Она причиняетъ имъ нравственныя страданія. Эти страданія усиливаются отъ одиночества и во

Digitized by Google

снѣ, когда отправленія души свободнѣе, когда укоры совѣсти не развлекаются жизнію. Преступники въ ужасѣ вскакиваютъ, вспоминая ужаснѣйшія страданія, которымъ они подвергались во снѣ; сонъ для нихъ не утѣшеніе, онъ не облегчаетъ ихъ общаго состоянія, и ихъ нравственный недугъ дошелъ бы, можетъ быть, до сильныхъ мученій, если бы этому не препятствовала слабость организаціи, — тѣло изнуряется, слабѣетъ и отказывается передать то, что чувствуетъ душа. Наконецъ, организмъ свыкается и приспособляется къ этому положенію, и скоро человѣкъ, безъ всякихъ рѣзкихъ ощущеній, вспоминаетъ о своемъ поступкѣ и находитъ возможность заглушить и тѣ слабыя проявленія сознанія, которыя изрѣдка тревожатъ его.

Сильныя ощущенія душевныхъ страданій мы видимъ только при моментальныхъ ихъ проявленіяхъ: человѣкъ, вспомнивъ вдругъ свое злодѣяніе, впадаетъ въ ужасное состояніе, которое часто самъ опредѣлить не можетъ; но онъ положительно утверждаетъ, что это что-то ужасное и непостижимое. Преступники въ тюрьмахъ, для того, чтобы заглушить приступы уколовъ совѣсти, прибѣгали не разъ къ самымъ звѣрскимъ самоистязаніямъ, на которыя не можетъ рѣшиться человѣкъ добровольно, и эти истязанія неспособны были удовлетворить ихъ,— они искали и желали всегда еще бо́льшихъ и бо́льшихъ тѣлесныхъ мученій.

Иногда душа вызываетъ въ мозгу настолько ясное представленіе лица пострадавшаго или мѣста преступленія, что человѣкъ видитъ образы своихъ жертвъ, признавая ихъ здѣсь присутствующими. Но подобное состояніе тоже не можетъ долго длиться, организація беретъ перевѣсъ, силы слабѣютъ, все сглаживается и проходитъ.

Душа наша, освобожденная отъ тѣла, будетъ предоставлена всей силѣ чувствъ; и чѣмъ она сама совершеннѣе, развитѣе и чувствительнѣе, тѣмъ и ощущенія ея будутъ сильнѣе и рѣзче. Нѣтъ причины имъ ослабѣвать или прекращаться, такъ какъ усталость не можетъ быть свойствомъ духа; за гробомъ нѣтъ притупленія чувствительности; поэтому сильныя причины должны вызывать у души рѣзкія ощущенія. Рѣзкія же ощущенія, вызванныя во всемъ существѣ души, состоящей изъ одной чувствительности, должны безспорно вызывать страданія дѣйствительно ужасныя, такія, какія мы своимъ грубымъ тѣломъ и представить не можемъ, хотя бы мы вспомнили самыя ужаснѣйшія боли, которыя только можетъ испытать наше тѣло.

Итакъ, если человѣкъ въ продолженіе своего земного странствованія вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, очищаться отъ страстей и недостатковъ, отяжелялъ свою совѣсть грѣхов-

Digitized by Google

ными поступками, выработывалъ въ себѣ ненормальныя привычки, а слѣдовательно и неестественную природу души, т.-е. несоотвѣтствующую условіямъ загробной жизни,—то, конечно, онъ долженъ будетъ страдать въ загробной жизни.

Необходимость этихъ страданій выводится весьма логично и естественно. Всякое существо—можетъ жить удобно только въ средѣ соотвѣтствующей ея организаціи и чѣмъ болѣе оно гармонируетъ или отвѣчаетъ условіямъ среды, тѣмъ и удобнѣе его жизнь и тѣмъ устойчивѣе его существованіе въ ней. На землѣ всѣ твари вымираютъ, если измѣнить среду ихъ существованія и окружить ихъ другою несвойственною ихъ организаціи. Напримѣръ, рыба, лишенная воды, или животное, погруженное въ воду,—погибаютъ немедленно; при менѣе рѣзкихъ переходахъ, какъ всѣ твари, такъ и человѣкъ чувствуютъ свое ненормальное состояніе, они страдаютъ; отчасти ихъ организмъ имѣетъ возможность приспособляться къ этому состоянію; происходитъ борьба органическихъ силъ съ внѣшними условіями, всегда очень тягостная и томительная, которая кончается или акклиматизаціею, или смертью субъекта. Загробное царство мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ царствомъ добра милосердія и любви. Все дышетъ въ немъ этими качествами, все проникнуто ими или, лучше сказать, все состоитъ изъ нихъ, и все, что не соотвѣтствуетъ идеѣ добра и любви, все, что не носитъ въ себѣ соотвѣтствующихъ оттѣнковъ и характера, не можетъ отвѣчать условіямъ удобной и нормальной въ немъ жизни, ибо не можетъ гармонировать съ условіями загробной среды. Злая, преступная, завистливая, душа не найдетъ подходящихъ условій, для жизни за гробомъ не найдетъ никакихъ условій, которыя отвѣчали бы ея природѣ. Она всегда будетъ чувствовать себя, какъ рыба, вынутая изъ воды и предназначенная жить въ воздухѣ, съ тою только разницею, что смерти (понимая ее въ земномъ смыслѣ) за гробомъ уже нѣтъ, а потому ей предстоитъ весьма тягостная акклиматизація, или, лучше сказать, весьма болѣзненное перерожденіе и измѣненіе всѣхъ своихъ качествъ и всей своей природы на другую, окончательно непокожую на ту, которая въ настоящее время у нея. Какъ произойдетъ все это перерожденіе, конечно, мы знать не можемъ;—но логика должна подсказывать, что состояніе ощущеній этой души должно быть весьма болѣзненно и тѣмъ болѣе болѣзненно, нѣмъ менѣе душа эта соотвѣтствовала условіямъ добра и любви.

Однако, не одно количество отступленій отъ нормальныхъ условій загробной жизни будетъ причиною страданія души; это было бы немыслимо. Мы можемъ сожалѣть только о томъ,

Digitized by Google

что мы понимаемъ, охватываемъ и произвольно отвергаемъ. Наша грѣховность можетъ составлять для насъ причину наказанія только тогда, когда мы знаемъ ее и осмысленно допускаемъ ее. При этомъ только условіи пороки и страсти могутъ быть связаны непосредственно съ существомъ души и составлять ея болѣзни и язвы.

Возьмемъ, для примѣра, первобытнаго человѣка, камчадала или самоѣда. Уровень нравственнаго развитія у нихъ стоитъ очень низко, способности души не развиты, она груба и маловоспріимчива,—какъ можетъ такая дикая душа понимать оттѣнки нравственности, какъ можемъ мы требовать, чтобы совѣсть ея заговорила отъ тѣхъ поступковъ, которые у нравственно развитаго человѣка считаются цѣлыми преступленіями. Убивать врага считается, по мнѣнію дикихъ народовъ, доблестью; хоронить заживо жену при похоронахъ мужа—это обязанность; убивать на могилѣ друга раба, чтобы онъ отнесъ на тотъ свѣтъ привѣтствіе другу,—есть обыкновеніе, сохранившееся и до сихъ поръ въ Дагомеѣ и т. д. Какъ можно осуждать ихъ за подобные поступки, если совѣсть ихъ не преслѣдуетъ, не подсказываетъ имъ всю худую сторону ихъ поведенія, а слѣдовательно они не преступны, они только несовершенны, чувства ихъ грубы, они не въ состояніи понять, охватить то, что вызвало бы у образованнаго человѣка вѣчные укоры совѣсти. Предположимъ, что они оба умираютъ; могутъ ли одинаковые поступки въ одинаковой степени произвести впечатлѣніе, а слѣдовательно и одинаковое болѣзненное ощущеніе въ этихъ двухъ душахъ, имѣющихъ совершенно разную степень развитія и совершенства? Душа одного чувствительна, нѣжна, развита, разумъ свободенъ, мысли возвышенны, пониманія полны и отчетливы, онъ можетъ вполнѣ свободно отличать худое отъ хорошаго. Душа другаго жестка и нечувствительна, развитіе ея только немногимъ превосходитъ развитіе животныхъ, разумъ не получилъ никакого образованія и не имѣетъ никакой мыслительной способности. Ясно, что подобная душа по существу своему не можетъ еще охватывать и понимать въ достаточной степени всю порочность своего поведенія. Ясно, что имѣя пороки, объ души послѣ смерти не могутъ блаженствовать, ибо объ еще не очистились отъ грѣховъ; но душа одного болѣе совершенна и должна быть чувствительнѣе второго, а потому одинъ и тотъ же грѣхъ производитъ въ загробномъ состояніи первой души болѣе сильныя ощущенія, чѣмъ въ душѣ втораго. Разница между этими объими душами та, что первой душѣ нужно только исправиться и очиститься отъ грѣховъ, загладить свою душевную

Digitized by Google

порочность и отдѣлаться отъ всего, что мучаетъ ее, тогда какъ другой нужно еще пріобрѣтать свое нравственное развитіе и пониманіе истины.

Но какимъ же образомъ природа своими собственными средствами можетъ отдѣлить хорошее зерно отъ плевелъ?—Человѣкъ, конечно, не въ состояніи отвѣчать на всѣ подобные вопросы, ибо на нихъ не можетъ быть законовъ природы. По смерти своей всякій представляется на судъ пресвятой воли Всесильнаго Творца. Онъ сотворилъ человѣка. Онъ одинъ можетъ оцѣнить его поступки и опредѣлить каждому изъ нихъ особое состояніе, которое каждый заслужилъ; человѣку же остается только съ покорностью принять ее, ибо она святая, непогрѣшимая и правосудная.

Таково роковое вліяніе нравственной жизни на загробное существованіе человѣка. Какъ оно, такъ все внутреннее духовное развитіе души отразится всецѣло на родѣ и степени ощущеній, которыя будутъ сопровождать душу въ теченіе всей безконечной ея загробной жизни, иначе человѣкъ, слѣдуя логическимъ путемъ мышленія отъ извѣстныхъ ему данныхъ, не можетъ себѣ составить представленія о загробномъ своемъ существованіи.

Разберемъ результаты дѣятельности *ума*.

Предметъ дѣятельности ума человѣческаго состоитъ въ познаніяхъ вообще. Онъ, главнымъ образомъ, занятъ изученіемъ природы и отношеній между людьми. Всѣ остальныя дѣятельности ума, какъ второстепенныя, могутъ всегда быть подведены подъ одну изъ этихъ рубрикъ.

Но всю ли природу изслѣдуетъ умъ и всѣ ли отношенія между людьми? Если вникнуть въ область дѣятельности ума, мы увидимъ, что онъ, главнымъ образомъ, касается того, что находится въ предѣлахъ его силъ и способностей, то, что для него наглядно и неоспоримо, что онъ можетъ охватить и понять и ясно себѣ представить; на этомъ основаніи изученіе природы ограничивается почти исключительно изученіемъ одной матеріи, а опредѣленіе отношеній между людьми исчерпывается опредѣленіемъ законныхъ и общественныхъ правъ, ограничивающихъ произволъ личностей, преступающихъ изъ своихъ личныхъ разсчетовъ естественныя права другихъ.

Подобная дѣятельность ума, ограниченная одними знаніями матеріи и установленіемъ или распредѣленіемъ правильныхъ отношеній между людьми, не вліяетъ на загробное состояніе души. Постараемся это выяснить, указавъ на естественныя способности каждаго духа.

Digitized by Google

Духи обладаютъ такими способностями видѣть и знать природу, до которыхъ никогда наука и дойти не можетъ въ своей компетентности. Опредѣленіе правильныхъ отношеній между людьми на землѣ подавно не можетъ распространяться въ другія сферы жизни и должно считаться необходимымъ на одной землѣ. Начнемъ съ разбора чувствъ духовъ:

1) Духи должны обладать всѣми чувствами, которыя имѣемъ мы; это весьма естественно и иначе быть не можетъ, ибо всѣ способности человѣка составляютъ способности его души, а не тѣла. Но, кромѣ того, у духовъ онѣ должны быть несравненно больше развиты, чѣмъ у насъ, ибо вещественное тѣло человѣка значительно парализуетъ ихъ.

2) Духи должны имѣть, кромѣ этихъ чувствъ, еще другія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Какія же это чувства у нихъ, которыхъ у насъ нѣтъ? Это вопросъ, на который, конечно, отвѣта получить нельзя. Попробуйте слѣпорожденному описать яркокрасный цвѣтъ — онъ вамъ скажетъ: „Да; я понялъ,—это такъ же блеститъ, какъ звукъ трубы". Если вы будете описывать глухорожденному звукъ арфы,—онъ вамъ скажетъ: „Я понялъ,—это также нѣжно и пріятно, какъ зелень луговъ". Итакъ скажемъ, что понять мы ихъ не въ состояніи, а слѣдовательно и настаивать на этомъ излишне. Хотя можно съ увѣренностью сказать, что духи относятся къ нашимъ матеріальнымъ предметамъ совершенно не такъ, какъ мы,—у нихъ свои, особые взгляды на вещи, они имѣютъ дѣло съ такими силами, съ такими матеріями, такими и разными другими факторами и законами природы, которые намъ не могутъ быть знакомы. Царство междупланетнаго эфира, конечно, имѣетъ свою географію, свои государства, свои законы, но все это отъ насъ такъ скрыто, что мы не можемъ составить себѣ никакого ровно представленія, а потому обратимся къ тѣмъ пяти чувствамъ, которыя намъ знакомы, а именно: зрѣнію, обонянію, осязанію, вкусу и слуху.

Выше мы отчасти коснулись недостаточности чувствъ человѣка; мы сказали, что даже многія животныя имѣютъ такое развитіе чувствъ, которому мы можемъ только удивляться; мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыхъ людей, обладающихъ чувствами, значительно превышающими способности ихъ собратій; напримѣръ, развитіе слуха у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ доходитъ до неимовѣрныхъ предѣловъ,—они, приложивъ ухо къ землѣ, слышатъ за 2 версты идущаго человѣка и, кромѣ того, по звуку шаговъ и по походкѣ угадываютъ: врагъ ли это, или свой. Необыкновенное развитіе слуха мы также видимъ у нѣкоторыхъ капельмейстеровъ,—они могутъ слышать фальшивую

Digitized by Google

ноту въ оркестрѣ въ то время, когда сотня музыкантовъ играетъ полною силою своихъ инструментовъ, и различить, какой именно инструментъ взялъ эту ноту.

Если бы мы приписали духамъ только подобное развитіе чувствъ,—мы никакого понятія о нихъ еще не составимъ. Надо предположить въ дѣйствительности ихъ способности много выше.

Мы можемъ составить себѣ понятіе о развитіи чувствъ у духовъ, только разобравъ успѣхи нашей науки, которая искусственнымъ путемъ съумѣла улучшить наши естественныя чувства. Разберемъ, напримѣръ, зрѣніе. Конечно, до изобрѣтенія микроскопа мы не имѣли даже и понятія о существованіи безконечно малыхъ существъ, напримѣръ, въ каплѣ воды; но видимъ ли мы ихъ всѣхъ? Нѣтъ,—мы должны сознаться, что наши микроскопы слишкомъ несовершенны, ибо есть еще множество меньшихъ тварей, которыя намъ не видны; не говоря уже о нихъ, мы скажемъ, что микроскопическія животныя, которыхъ еле-еле улавливаютъ наши самые сильные микроскопы, о которыхъ мы можемъ сказать только, что они существуютъ, не вникая въ подробности и въ детали ихъ строенія, которыя слишкомъ мелочны для этого,—составляютъ свой особый міръ, свою лабораторію жизни, совершенно такую же, какъ и наша организація. Духи, управляя всѣми явленіями міра и самою организаціею существъ, должны видѣть не только одно то, что живетъ, но и всѣ причины жизни, начиная отъ самаго атома и идя дальше до причинъ образованія атома; ибо субстанція, изъ которой состоятъ сами духи, много тоньше и чище, чѣмъ всѣ эфиры и все носящее на себѣ характеръ матеріальный и временный.

Совершенно то же должно сказать и о дальнихъ разстояніяхъ; только изобрѣтеніе телескопа открыло намъ глаза на ограниченность нашего зрѣнія въ распознаваніи небесныхъ тѣлъ. Тамъ, гдѣ Гиппократъ, Птоломей ничего не видѣли,—Галилей, Гюгенсъ, Кеплеръ въ нѣсколько ночей съ телескопомъ, увеличивающимъ только въ 28 разъ, обогатили науку массою самыхъ существенныхъ открытій; съ улучшеніемъ телескопа мы быстро подвигали свои знанія; но до чего мы дошли? Не должны ли высшіе духи, по крайней мѣрѣ, видѣть въ милліонъ разъ больше этого? Конечно, должны. Если мы и видимъ звѣзды на небѣ въ наши телескопы, то мы не видимъ ни одной планеты, сопровождающей эти звѣзды или солнца своихъ системъ. Даже самыя ближайшія отъ насъ остаются намъ совершенно неизвѣстными; мы въ наши телескопы почти совсѣмъ не видимъ Нептуна и Урана—планетъ

Digitized by Google

нашей же системы; мы путемъ вычисленій только отыскали астероиды, отстоящіе отъ земли не далѣе, чѣмъ солнце.

Высшіе духи, безспорно, должны имѣть зрѣніе много выше нашихъ телескоповъ,—иначе нельзя и предположить, чтобы средою ихъ жизни могло бы быть междупланетное пространство.

Высшіе духи, имѣя тѣло изъ безконечно тонкой субстанціи, должны видѣть всѣ эфирные токи, всѣ состоянія эфира и всѣ колебанія его несравненно лучше, чѣмъ мы видимъ теченіе нашихъ рѣкъ, движеніе нашихъ водопадовъ и вообще состояніе всѣхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ на землѣ; было бы невозможно предположить, чтобы высшіе духи, управляя явленіями природы, не были полновластными распорядителями всѣхъ электрическихъ и магнетическихъ токовъ, звуковыхъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ, колебаній эфира, — они всѣ должны быть имъ вполнѣ ясны и доступны.

Нечего и говорить, на сколько возвысились бы наши понятія, если бы мы обладали такою способностью зрѣнія, какой ужасный скачекъ сдѣлала бы наша земная наука, насколько упростились бы методы нашихъ изслѣдованій!

Какое громадное упрощеніе послѣдовало бы въ химіи, если бы простой глазъ могъ проникать во внутренность тѣлъ, могъ прямо видѣть самые молекулы и судить относительно ихъ кристаллизаціи, ихъ формы, и прямо видѣть движеніе атомовъ. Достаточно было бы одного взгляда, чтобы узнать весь внутренній составъ тѣла; можно было бы однимъ взглядомъ дѣлать всѣ химическіе анализы и самыя запутанныя комбинаціи.

Физика также не имѣла бы отъ насъ секретовъ,—мы могли бы простымъ глазомъ видѣть то, о чемъ мы теперь догадываемся, надъ чѣмъ трудимся и стараемся разрѣшить. Мы простымъ глазомъ видѣли бы, какъ нагрѣваются тѣла и какъ они наэлектризовываются. Мы видѣли бы, что такое теплородъ, и что такое свѣтъ; мы видѣли бы объясненіе всѣхъ законовъ математики, объясненіе всѣхъ физическихъ силъ, свѣта, магнетизма. Такой глазъ былъ бы совершенно достаточенъ для разрѣшенія физическихъ, механическихъ задачъ, надъ которыми остановились геніальные умы Ньютона, Ампера и Ге-Люссака.

Мы могли бы повторить подобное разсужденіе и для остальныхъ четырехъ чувствъ; но намъ кажется достаточнымъ дать понятіе о томъ совершенствѣ, до котораго доведены у высшихъ духовъ тѣ чувства, которыя находятся у насъ, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи.

Но человѣкъ лишенъ этого; такія способности и качества будутъ ему даны только тогда, когда онъ, нравственно чистый,

Digitized by Google

переселится на тотъ свѣтъ, пріобрѣтя на землѣ достаточныя умственныя развитія; если же онъ не пріобрѣтетъ ихъ, то тѣ ничтожныя знанія законовъ матеріи, которыми онъ владѣлъ на землѣ, не улучшатъ его загробнаго состоянія.

Говоря, что знанія законовъ матеріи не могутъ улучшить загробнаго состоянія души, мы рѣшительно не хотимъ оспаривать значеніе наукъ и знаній вообще. Наука можетъ не играть прямой роли въ нашемъ загробномъ состояніи, тѣмъ не менѣе она можетъ быть полезна въ другихъ отношеніяхъ. Не надо забывать, что черезъ успѣхъ наукъ улучшаются условія жизни на землѣ. Облегчая жизнь людей, подготовляется возможность болѣе чуткаго, тонкаго и отчетливаго развитія нравственности; слѣдовательно, если наука и не прямо способствуетъ улучшенію нашей загробной жизни, то, по крайней мѣрѣ, косвенно, черезъ свое вліяніе, она содѣйствуетъ общему ходу міроваго прогресса, который съ своей стороны непосредственно способствуетъ улучшенію условій жизни, а потому смягчаетъ нравы, укореняетъ добродѣтели и дѣлаетъ человѣка лучше.

Итакъ, если знанія не могутъ принести пользы человѣку въ загробномъ его существованіи, долженъ ли онъ возводить пріобрѣтеніе ихъ на степень главной цѣли своей жизни? Можетъ ли онъ думать, что онъ дѣйствуетъ здраво и благоразумно, занимаясь всю жизнь единственно обогащеніемъ своихъ познаній и извлекая изъ земной жизни максимумъ той пользы, которая ему нужна для его личнаго счастья и блаженства? Конечно нѣтъ. Земныя знанія во всякомъ случаѣ не могутъ быть цѣлью жизни человѣка, хотя они безспорно служатъ лучшимъ средствомъ, черезъ которое человѣкъ можетъ достигнуть своего высшаго значенія.

Никто не можетъ такъ разумно и сознательно дѣлать добро и способствовать благу своихъ ближнихъ, какъ умственно развитой и всесторонне образованный человѣкъ.

Мы видимъ, что многіе глупые и совершенно неразвитые люди дѣлаютъ тоже добро, что, конечно, похвально и заслуживаетъ поощренія, ибо ихъ добро всегда останется добромъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось и какіе бы мотивы ни заставляли человѣка такъ поступать; но, вѣдь, добро это, дѣлаемое ими по влеченію ихъ сердца безотчетно и какъ бы невольно, совершается ими безъ работы надъ собою и надъ своими противоположными качествами и стремленіями, безъ всякихъ принужденій себя къ своему внутреннему улучшенію, а потому мало способствуетъ нравственному возвышенію человѣка въ его развитіи. Добро, дѣлаемое по влеченію сердца, можетъ быть разсматриваемо, какъ естественное проявленіе

Digitized by Google

или потребность по природѣ своей доброй души человѣка; во всякомъ случаѣ фактъ подобнаго безсознательнаго добра не можетъ заключать въ себѣ понятіе о преуспѣяніи въ добрѣ или прогрессѣ на почвѣ добродѣтелей, составляя лишь слѣдствіе добрыхъ качествъ, которыми владѣла душа человѣка раньше, можетъ быть, еще отъ самаго рожденія его.

Несравненно бо́льшую заслугу имѣетъ добро, дѣлаемое разумно, здраво и обдуманно, при которомъ человѣкъ взвѣшиваетъ ту пользу, которую онъ дѣлаетъ и отчетливо знаетъ тѣ лишенія, которымъ онъ себя подвергаетъ, дѣлая его, принуждая себя внутренне, душою своей, участвовать въ немъ и видѣть въ самомъ дѣлаемомъ имъ добрѣ и заслугу. Однимъ словомъ,—никто не можетъ такъ цѣлесообразно прогрессировать на пути нравственнаго развитія, какъ умственно развитой человѣкъ; но въ этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что знанія и умственное развитіе составляютъ не цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ, но лишь средства къ нравственному его развитію, которое одно въ состояніи дать ему высшее счастье и блаженство на томъ свѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно облегчить его труды по пріобрѣтенію знаній на этомъ свѣтѣ.

Трудно себѣ представить, до какой степени въ каждомъ, даже самомъ мелочномъ, нашемъ поступкѣ нравственные и духовные принципы облегчаютъ и упрощаютъ задачу жизни даже у насъ на землѣ. То, надъ чѣмъ человѣкъ можетъ умомъ работать цѣлыя тысячелѣтія, составлять тысячи системъ и теорій, можетъ написать милліоны томовъ, все это оказалось бы сущимъ вздоромъ передъ тѣмъ, что можетъ дать человѣку нравственное міровоззрѣніе, установившееся въ немъ, какъ основа его знаній жизни и поступковъ.

Приведемъ, для примѣра, всѣ соціальныя науки, имѣющія цѣлью улучшить положеніе человѣка на землѣ и выработать наилучшій строй его жизни. Литература этихъ наукъ громадна, она по объему своему можетъ поспорить съ литературою любой другой отрасли знаній, ибо ни о чемъ такъ не хлопочетъ человѣкъ, какъ о томъ, чтобы облегчить свою жизнь, создать себѣ счастье на землѣ и обезпечить какъ свое положеніе, такъ и положеніе своего потомства. Но кого имѣла въ виду вся эта громадная литература? Не одно ли порочное деморализованное человѣчество, не имѣющее понятія о своей нравственной и духовной силѣ. Чему можетъ она научить и что можетъ она дать человѣку съ дѣйствительно развитою душею, съ возвышенными чувствами, проникнутому евангельскими добродѣтелями, преисполненному любовью къ ближнему и отдающему все свое на пользу человѣчества? Передъ его поступками блѣднѣли бы всѣ

Digitized by Google

соціальныя системы и теоріи, ибо ни одна изъ нихъ не требуетъ и сотой доли того, что добровольно самъ отдавалъ бы этотъ человѣкъ, и для него всѣ милліоны томовъ наполненныхъ соціальными выводами превращаются въ жалкій и безцѣльный лепетъ.

Если какое-либо общество приняло бы принципомъ своей жизни любить другъ друга, положить весь свой трудъ и всю свою дѣятельность на пользу человѣчества, причемъ каждый былъ бы слугою своего ближняго,—кому изъ нихъ нужны были бы всѣ науки, устанавливающія правильныя отношенія между людьми, науки, вырабатывающія имущественныя и личныя права, т. е. всѣ юридическія и полицейскія науки, всѣ уложенія о наказаніяхъ, когда не кого было бы наказывать; всѣ римскія, гражданскія и уголовныя права, когда все имущество составляло бы собственность того, кто въ немъ дѣйствительно нуждается, и никто себѣ лишняго не оставлялъ бы; всѣ полицейскія права, когда порядокъ могъ бы востановить каждый, напомнивъ лишь о Христѣ и Его Святомъ ученіи? Для такого общества одна притча Христова о блудномъ сынѣ замѣнила бы милліоны ученыхъ книгъ, написанныхъ во всѣ времена существованія человѣчества.

Однимъ словомъ,—надо признать, что порочному и нравственно-неразвитому человѣку нужно внушать науку о жизни и о необходимыхъ отношеніяхъ между людьми; нравственно же развитый безъ всякой науки сдѣлаетъ во сто разъ больше и лучше, чѣмъ могутъ ему указать всѣ научныя теоріи, основанныя на доводахъ ума и на какой-то фиктивной человѣческой справедливости.

Конечно, пока на землѣ такъ много порочныхъ, неразвитыхъ и безнравственныхъ, нужна грубая физическая сила, могущая сдерживать всякаго преступающаго чужія права, не исполняющаго свои обязанности, нужна наука жизни, силой удерживающая каждаго въ своихъ границахъ, чтобы сначала, хотя одними наружными пріемами, пріучить человѣкъ къ порядочности и развить въ немъ хотя отчасти желаніе добра. Поэтому всѣ науки жизни, всѣ работы и труды человѣка на этомъ пути умственнаго вразумленія будутъ признаны крайне полезными и цѣлесообразными, пока есть порочные люди на землѣ.

Но нельзя оспаривать, что болѣе цѣлесообразенъ и радикаленъ трудъ того, кто тѣмъ или другимъ путемъ стремится развить въ человѣкѣ нравственность, непосредственно дѣйствуетъ на причину неправильныхъ отношеній между людьми, а слѣдовательно и стремится уничтожить зло въ корнѣ и зачаткѣ его.

Digitized by Google

Высокое нравственное развитіе заставляетъ человѣка забывать свои личныя потребности, свой личный интересъ, требованія и капризы своей грубой матеріальной природы въ пользу другихъ; онъ не только охотно уступаетъ свое благосостояніе, свой покой, свои выгоды, но не ищетъ даже своего счастья и блаженства за гробомъ, ибо въ этомъ есть доля эгоизма. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается на служеніе личности, человѣчеству, обществу и государству, и вотъ, именно, когда должна высказаться вся сила и мощь его знаній и его учености, ибо онъ будетъ умѣть разумно ставить людей въ такія обстоятельства, при которыхъ они увидятъ для себя пользу отвыкать отъ грѣха и работать надъ своимъ нравственнымъ улучшеніемъ. Только подобная задача и можетъ составить цѣль жизни и идеалъ счастья нравственно развитаго человѣка, который, отдавшись вполнѣ этой великой идеѣ, будетъ работать надъ укорененіемъ между людьми чистой нравственности и добиваться, чтобы она привилась до такой степени, чтобы составляла потребность человѣка, и только въ этомъ можетъ онъ видѣть вѣнецъ своихъ желаній, стремленій и ту „*pia desideria*“, которую можно только мечтать достигнуть человѣку, но которую въ сущности человѣкъ никогда не достигаетъ, ибо постепенно увеличивающійся круговоръ будетъ открывать ему все новыя, болѣе свѣтлыя области, увлекающія его въ безконечность. Идея чистой нравственности не можетъ имѣть предѣла; она также безконечна, какъ Самъ Богъ, а потому это одно увлеченіе чистой нравственной идеей именно и должно составлять высшее познаніе человѣка, ибо одно это знаніе реально, чисто и свято.

Нѣкоторыя условія жизни духовъ.

Чтобы составить себѣ хотя отчасти картину загробной жизни, постараемся вникнуть въ условія жизни духовъ и спросимъ себя:

Чѣмъ поддерживаютъ духи питаніе своего тѣла? Нужна ли имъ пища для поддержанія расхода жизненной силы?—На это надо отвѣтить, что мучительная обязанность, возложенная на человѣка и на животныхъ, и тѣмъ болѣе въ такой грубой формѣ, какъ она у насъ, конечно, не существуетъ. Ихъ тѣло, какое бы оно ни было, эфирное или еще гораздо рѣже и тоньше, какъ всякое тѣло, можетъ быть и должно поддерживаться чѣмъ-нибудь, какимъ-нибудь возобновленіемъ; но это возобновленіе должно ограничиваться однимъ непроизвольнымъ актомъ—вдыханіемъ того же эфира, который ихъ окружаетъ.

Digitized by Google

Вопросъ о питаніи существъ на землѣ занимаетъ большую часть жизни ихъ. Многія животныя, въ особенности рыбы, должны питаться постоянно, цѣлый день, иначе они умрутъ отъ истощенія. Съ повышеніемъ въ іерархіи земныхъ существъ уменьшается и необходимость такого частаго принятія пищи, и актъ питанія много облегчается дыханіемъ.

Для высшихъ духовъ достаточно одного дыханія для поддержанія ихъ эфирнаго тѣла, и актъ этотъ, непроизвольный для нихъ, и совершается безъ особаго, для того приспособленнаго, органа, эфирнымъ тѣломъ; это, такъ сказать, свойство ихъ тѣла. Мы видимъ въ природѣ такой способъ въ примѣненіи къ тѣламъ матеріальнымъ; у нѣкоторыхъ лягушкообразныхъ гадовъ и устрицъ и у другихъ простѣйшихъ животныхъ дыханіе производится черезъ посредство кожи, которая съ виду имѣетъ совершенно гладкій видъ.

Отсутствіе всякой заботы о насущномъ хлѣбѣ, занимающей насъ такъ упорно въ теченіе всей жизни, есть огромное ихъ преимущество. Всѣ земныя существа обязаны всю жизнь и постоянно для поддержанія своего общественнаго существованія подстерегать другихъ существъ, ловить ихъ, бороться съ ними; изъ этой борьбы за существованіе, изъ соревнованія въ добываніи себѣ пропитанія и другихъ потребностей жизни, являются страсти, ссоры, физическія боли, насилія всякаго рода и, какъ слѣдствіе всего этого, ненависть другъ къ другу, страхъ и опасенія за безопасность своего собственнаго существованія. Положеніе человѣка въ этомъ отношеніи рѣшительно не лучше всѣхъ другихъ существъ земли, а во многихъ отношеніяхъ гораздо хуже, потребности его значительно больше, чѣмъ животныхъ, организмъ его хуже приспособленъ къ борьбѣ съ условіями жизни, вкусы избалованы, онъ предпочитаетъ общество себѣ подобныхъ, несмотря на то, что это еще болѣе услюжняетъ и утяжеляетъ вопросъ его довольства.

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ родъ людской, если бы ему не надо было съ такимъ трудомъ доставать свое пропитаніе, и если бы всѣ потребности его сводились бы къ непроизвольному акту дыханія.—Это одно произвело бы уже большой переворотъ. Тогда не было бы войнъ, сословій, народовъ, государствъ, не было бы соревнованія, ненависти и страстей. Это былъ бы настоящій рай, воспѣтый поэтами, это были бы послѣдствія счастливо созданнаго организма. Это благодѣяніе природы достигается только высшими нравственными качествами человѣка послѣ перехода его въ загробное состояніе.

Отсюда надо заключить, что дурныя наклонности, не имѣя причины возродиться, не могутъ быть извѣстны духамъ: избав-

Digitized by Google

ленный отъ хлопотъ отыскивать себѣ пропитаніе, возобновляя свои силы единственно непроизвольнымъ актомъ вдыханія,— житель эфира долженъ предаваться исключительно впечатлѣніямъ своего счастья и спокойствію безъ конца.

Поработавъ немного, мы устаемъ; наши силы истощаются. Чтобы передвинуться съ одного мѣста на другое, мы должны тащить свое тяжелое тѣло, мы поднимаемся въ гору, мы спускаемся, — причемъ расходуемъ большой запасъ нашихъ жизненныхъ силъ и скоро совсѣмъ останавливаемся отъ усталости, мы должны отдохнуть и возобновить весь запасъ израсходованной жизненной энергіи.

Наша мысль также слаба; она уничтожаетъ также запасы, собираемые нашимъ тѣломъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, вниманіе наше разсѣевается, разсудокъ ослабѣваетъ, и мы принуждены бросать или перемѣнить нашу работу. Все наше тѣло непрочно, вяло, часто разстраивается, и мы хвораемъ. Болѣзни наши есть ужаснѣйшій бичъ человѣчества; всякое нездоровье ростетъ и накопляется; современемъ, подъ старость, человѣкъ дѣлается положительно складомъ разныхъ болѣзненныхъ ощущеній.

Жители эфира не знаютъ ни усталости, ни болѣзней. Не зная усталости, они не требуютъ отдохновенія, какъ мы, послѣ труда.

Духи должны имѣть необыкновенную быстроту въ своихъ перемѣщеніяхъ. Въ очень короткое время они должны облетать необыкновенныя пространства. Если наша мысль уничтожаетъ разстояніе и переходитъ въ одно мгновеніе съ одного конца свѣта на другой,—можно утверждать, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, высшіе духи съ такою же скоростью сами переносятся по междупланетному эфиру, иначе они не могли бы управлять вселенною. Быстрота электричества и свѣта не могутъ дать намъ даже и слабаго понятія о подобныхъ скоростяхъ. Высшіе духи должны перемѣщаться гораздо скорѣй. Мы, жители земли, имѣемъ мало понятія о скоростяхъ вообще, существующихъ въ междупланетномъ пространствѣ; эти скорости не имѣютъ себѣ подобныхъ на землѣ. Самое скорое передвиженіе, которому можетъ подвергнуться человѣкъ, — это на поѣздѣ желѣзной дороги: наши экстренные поѣзда рѣдко двигаются скорѣе 100 верстъ въ часъ; были рѣдкіе примѣры передвиженія однимъ паровозомъ въ 200 и однажды даже въ 250 верстъ въ часъ, и въ этомъ уже случаѣ человѣкъ долженъ былъ защищать и приспособлять свое тѣло, такъ какъ быстрота движенія воздуха захватывала его дыханіе; это наглядно доказываетъ, что эта быстрота несвойственна

Digitized by Google

его организму. Самое быстрое передвиженіе твердыхъ тѣлъ по поверхности земли мы находимъ при движеніи артиллерійскихъ снарядовъ; они достигаютъ скорости 2.000 верстъ въ часъ; наши чувства уже отстаютъ отъ этой быстроты, и мы не можемъ сдѣлать себѣ яснаго представленія о такихъ быстротахъ; глазъ совершенно не видитъ ядра, а потому даже сравнить нашими чувствами относительность полета двухъ снарядовъ мы не въ состояніи. Но что значатъ всѣ эти скорости въ сравненіи со скоростями движенія планетъ: вспомнимъ, что каждая точка, находящаяся на поверхности земли, пробѣгаетъ до 150.000 верстъ въ часъ; но есть планеты, которыя двигаются еще скорѣе; напримѣръ, Марсъ имѣетъ скорость на поверхности своей болѣе 200.000 верстъ въ часъ; вся солнечная система, съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, не прошла ни разу по одному и тому же мѣсту. Есть скорости еще гораздо большія; такъ, конецъ хвоста кометы 1864 года, огибая солнце, дѣлалъ въ часъ 500.000.000 верстъ; жители эфира должны неминуемо имѣть неимовѣрныя быстроты своихъ передвиженій, чтобы сообщаться съ землею и съ другими планетами. Это ясно; скорость электричества и свѣта — 300.000 верстъ въ секунду; состоя изъ эфира и командуя эфиромъ не должны ли загробные жители двигаться скорѣе его?

Сонъ у человѣка отнимаетъ одну треть жизни, у животныхъ еще болѣе. Мы нуждаемся въ снѣ, чтобы запастись истощающимися силами нашего слабаго организма. Духи совершенно не нуждаются въ немъ; силы ихъ не могутъ ослабѣвать; впрочемъ, и ночи для нихъ нѣтъ. Ночь и день происходятъ у насъ попеременно, вслѣдствіе поворота земли кругомъ своей оси; слѣдовательно, дальше предѣловъ нашей атмосферы и вообще въ междупланетномъ эфирѣ дня и ночи не можетъ существовать.

У духовъ нѣтъ половаго различія. Взаимныя привязанности и уваженіе, царствующія у счастливыхъ обитателей эфира не могутъ допускать ничего грубаго и исключительнаго по отношенію себѣ подобныхъ существъ; любовь къ одному существу есть такое несовершенство, какъ многія другія, которыя мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ и которыхъ у высшихъ духовъ быть не можетъ.

Взаимныя привязанности и уваженіе другъ къ другу возростаютъ и замѣняютъ мѣсто любви у всѣхъ существъ земли, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они занимаютъ высшее мѣсто въ іерархіи земныхъ существъ. Животнымъ почти незнакомо чувство дружбы. Чувство привязанности, которое иногда проявляется у животныхъ, сводится всегда лишь къ материнскому чувству.

Digitized by Google

Материнское чувство у нихъ иногда проявляется очень ясно и искренно, но никогда не длится долго. Мать ласкаетъ своего ребенка и очень внимательно ухаживаетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока маленькій нуждается въ этихъ ласкахъ вслѣдствіе своей слабости; но какъ только дѣтенышъ подростетъ и можемъ самъ себя прокормить,—мать бросаетъ его и не узнаетъ при всѣхъ съ нимъ встрѣчахъ до самаго конца своей жизни. Постоянство замѣчается лишь въ любви, которая истекаетъ изъ разницы половъ.

У человѣка есть уже чувства уваженія и привязанности, и они часто бываютъ совершенно чисты. Мы любимъ нашихъ сыновей, матерей и родственниковъ одинаково въ продолженіе всей своей жизни, и въ этой любви иногда нельзя уловить оттѣнка чего-либо фальшиваго; эта любовь имѣетъ корни во всемъ существѣ нашемъ. Часто безкорыстная любовь существуетъ между людьми совершенно посторонними. Въ этомъ отношеніи человѣкъ стоитъ несравненно выше животныхъ. Если мы сдѣлаемъ одинъ шагъ дальше и перейдемъ къ соотвѣтствующему чувству у духовъ, то мы необходимо должны будемъ приписать имъ высшую степень нашихъ качествъ, а именно—дружбу, освобожденную отъ всякихъ нечистыхъ побужденій. Въ счастливой жизни ихъ совершенно не нужно половое различіе для того, чтобы любить другъ друга; привязанность ихъ есть результатъ ясныхъ отношеній, безконечной доброты и симпатіи, происходящей отъ обоюднаго совершенства.

Тамъ будетъ царство любви и дружбы; ни человѣческія страсти, ни чувственность и ничто нечистое не будетъ заглушать этой безпредѣльной любви, дружбы, чувства полнаго участія и живѣйшаго желанія добра всему окружающему. Это идеальное чувство полнаго счастія и полнаго довольства собою будетъ все увеличиваться и займетъ всецѣло его существо, которое вдохновлено и увлечено высокими стремленіями и самой искренней симпатіей ко всему, сотворенному Богомъ. Полное милосердіе ихъ будетъ увѣнчано постояннымъ высокимъ почитаніемъ и восхваленіемъ Творца вселенной.

Но если это такъ, то какимъ образомъ производится размноженіе? Какимъ образомъ поддерживается и увеличивается ихъ раса? Нѣтъ никакой необходимости въ непосредственномъ размноженіи и поддержаніи расы самими духами. Это производится низшими мірами, т.-е. землей и другими планетами. Таковъ удѣлъ, положенный природою. Размноженіе безполезно и неизвѣстно счастливымъ обитателямъ эфира; они получаютъ съ земли и другихъ планетъ цѣлыя массы новыхъ вполнѣ

Digitized by Google

достойныхъ существъ для пополненія выбывающихъ въ высшія степени той же безконечной іерархіи.

Изъ всего вышеизложеннаго мы должны заключить, что вся матеріальная забота, возложенная на насъ, людей, занимающая всю нашу жизнь, всегда наполняющая насъ заботами и попеченіями о себѣ, не существуетъ у духовъ; они должны быть всецѣло поглощены ощущеніями своихъ чувствъ, своихъ нравственныхъ вкусовъ и своей духовной природы.

Пушé, директоръ руанскаго музея естественной исторіи, въ своемъ сочиненіи „Природа", приводитъ слова нѣмецкаго натуралиста **Бремзена**, который доказываетъ, что у человѣка физіологическихъ отправленій столько же, сколько и духовныхъ, т.-е. что человѣка можно назвать состоящимъ по матеріи и по духу изъ двухъ равныхъ частей. Онъ основываетъ это положеніе на томъ, что у человѣка, временами, духъ господствуетъ и распоряжается надъ тѣломъ, а иногда тѣло надъ духомъ. „Мы не можемъ,—говоритъ онъ,—разсматривать человѣка, какъ чистаго духа, но какъ духа, ограниченнаго матеріей. Одниимъ словомъ,—человѣкъ не духъ, но въ его тѣлѣ есть духъ, который, несмотря на всю прочную связь съ тѣломъ, довольно свободенъ, и часто можно видѣть, что имъ управляетъ существо высшее, чѣмъ самъ человѣкъ. Надо думать, что будутъ когда-нибудь существа много совершеннѣе человѣка. Духовная сторона въ человѣкѣ, къ его матеріальной сторонѣ относится, какъ 50 къ 50 съ маленькими колебаніями, ибо иногда духъ господствуетъ, иногда тѣло. Въ послѣдующихъ твореніяхъ, если человѣкъ не составляетъ вѣнца природы,— были бы существа, которыхъ духъ могъ бы быть свободнѣе и достигать, можетъ быть, пропорціи, какъ 75 къ 25. Надо заключить, что человѣкъ былъ сотворенъ въ первыя времена существованія земли и не составляетъ даже средней пропорціональной величины между животнымъ и ангеломъ. Онъ силится узнавать все возвышенное, но не можетъ, хотя многіе современные философы и утверждаютъ противоположное. Человѣкъ хочетъ познать причину всѣхъ вещей, всего живущаго, чего онъ достигнуть не можетъ. Съ меньшими духовными способностями онъ не желалъ бы этого достигнуть; при большихъ же, онѣ не были бы ему нужны, ибо онѣ были бы ему ясны" (L'Univers p. 750, 3-e ed. Paris 1872).

Пушѐ желаетъ видѣть на землѣ то, что Богомъ опредѣлено для человѣка на небѣ; онъ логическимъ путемъ дошелъ до возможности лучшаго состоянія, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы духъ его преобладалъ и господствовалъ надъ его

Digitized by Google

матеріей; онъ вполнѣ правъ въ основномъ выводѣ своей мысли, но ошибся только мѣстомъ и временемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какія несомнѣнныя преимущества имѣли бы мы, если бы нравственыя силы наши могли бы выказыватья и проявляться съ большею отчетливостью и съ большею силою,—какая должна быть мощная сила во всѣхъ стремленіяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ воли.

Одна изъ главныхъ причинъ малаго развитія чувствъ человѣка и вообще всѣхъ способностей его,—есть кратковременность его жизни. Вспомнимъ, какъ коротка жизнь наша въ сравненіи съ существованіемъ всего міросданія или нашей земли, а въ такое ограниченное время и развитіе способностей души не можетъ дойти до высокихъ степеней. Если бы мысль наша развилась въ это время, мы рѣшительно не имѣли бы времени для соотвѣтствующаго ея употребленія. Въ высшемъ свѣтѣ все имѣетъ время развиться и усовершенствоваться, ибо все подготовлено нашею земною жизнію, и кромѣ того развитіе имѣетъ всѣ необходимыя къ тому условія.

Вниманіе, мысль, разумъ, воля, разсудительность должны достигать у высшихъ духовъ необыкновенныхъ размѣровъ. **Лабрюіеръ** сказалъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе рѣдкаго на этомъ свѣтѣ, какъ здравый смыслъ. Не надо быть большимъ мизантропомъ, чтобы вполнѣ согласиться съ нимъ и сказать, что на 100 человѣкъ мы едва найдемъ одного съ здравымъ смысломъ. У большинства предразсудки, страсти и привычки берутъ верхъ надъ разумомъ. У высшихъ духовъ здравый смыслъ, логика и догадливость должны доходить до размѣровъ, конечно, намъ непонятныхъ.

Усиливая ту логичность, которою иногда обладаетъ человѣкъ, предполагая ее гораздо могущественнѣе и цѣлесообразнѣе, мы можемъ себѣ вообразить, что должны быть существа, у которыхъ логика можетъ дойти до такихъ степеней развитія, что мы будемъ принуждены измѣнить ея названіе и признать ее за чистое пророчество, какъ болѣе подходящее къ нашимъ пониманіямъ.

Одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и высокихъ качествъ, отъ котораго зависитъ вся возможность установить свои понятія или сравненіе—это память. Она чрезвычайно несовершенна у человѣка, не говоря уже о томъ, что мы ничего не помнимъ о первыхъ годахъ нашей жизни, о періодѣ утробной жизни, о рожденіи и т. д. Память развивается только около перваго года нашей жизни, даже въ моментъ ея полнаго развитія, она подвергается тысячѣ случайностей какъ отъ болѣзней, такъ и отъ неправильнаго ея употребленія. Это качество находится

Digitized by Google

въ насъ въ очень малой степени развитія. У высшихъ же духовъ она должна быть развита неимовѣрно.

Оставляя жизнь, высшій духъ долженъ немедленно получить новый запасъ знаній и впечатлѣній, благодаря новому зрѣлищу, открывающемуся передъ нимъ, и новымъ познаніямъ, являющимся ему отъ совершенства чувствъ. Онъ долженъ будетъ удержать въ памяти всю новую географію съ необыкновеннымъ количествомъ новыхъ мѣстъ, онъ долженъ будетъ знать и видѣть всѣ обращенія планетъ, всѣ народы, живущіе на нихъ, всѣ условія жизни во всѣхъ этихъ планетахъ и во всѣхъ ихъ странахъ. Онъ будетъ знать все, что заключается въ планетахъ и въ ихъ спутникахъ, когда онъ самъ ихъ посѣщаетъ. Совершенно такъ же, какъ ѣздимъ мы въ Америку, Азію, Австралію для своего развитія, такъ и высшіе духи будутъ на Марсѣ, на Венерѣ, и ихъ память должна будетъ удержать весь громадный запасъ ими почерпнутыхъ новыхъ свѣдѣній. Какое могущество можетъ дать уму такая память, которая можетъ всегда во время вызвать всѣ подробности всего видѣннаго, хотя бы за тысячу лѣтъ тому назадъ.

Языкъ—это только выраженіе нашихъ идей. Кондорсе сказалъ, что наука и образованность—въ прямомъ отношеніи къ языку. Языкъ высшихъ духовъ долженъ быть совершененъ, ибо понятія ихъ совершенны и обширны. Чѣмъ умъ выше, тѣмъ и языкъ его опредѣленнѣе, а слѣдовательно языкъ ихъ долженъ быть очень выразителенъ и кратокъ.

Алгебру можетъ читать одновременно и французъ, и нѣмецъ такъ же, какъ и китаецъ и австраліецъ, ибо знаки употребленія просты и опредѣленны. Языкъ математиковъ, который дѣйствительно совершенъ и можетъ войти во всеобщее пониманіе, долженъ намъ дать нѣкоторое слабое понятіе о способѣ выраженія или передачи мыслей между обитателями междупланетнаго эфира, ибо онъ можетъ служить всѣмъ безъ различія народностей и нарѣчій.

Благодаря своимъ громаднымъ способностямъ и совершенству языка, высшіе духи обладаютъ невообразимой логикой, силой рѣчи и увѣренностью въ своихъ сужденіяхъ, что вмѣстѣ съ запасомъ знаній и фактовъ, дающихся памятью, дѣлаютъ ихъ соучастниками всемірной науки.

Вопросы, которые останавливаютъ безсильнаго человѣка, и которые сводятъ его съума, если онъ думаетъ осиливать ихъ, должны быть совершенно просты и доступны высшимъ духамъ.

Всѣ, кого человѣчество почитаетъ за геніальные умы: Гомера, Аристотеля, Гиппократа, Кеплера, Ньютона и другихъ,—

Digitized by Google

всѣ были бы ничто въ сравненіи съ высшими духами. Нѣтъ въ природѣ науки, которая не была бы имъ понятна. Они постигли это великое „зачѣмъ“ природы; они знаютъ, зачѣмъ живетъ человѣкъ и зачѣмъ они сами живутъ; они знаютъ: откуда они идутъ и куда. Тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ безпорядокъ, они видятъ гармонію, ибо имъ видна цѣль и они понимаютъ способы къ достиженію этой цѣли. То, что намъ, подъ-часъ, кажется несправедливымъ, дурнымъ и жестокимъ со стороны Провидѣнія,—они, понимая глубже, видятъ въ томъ одну только пользу, справедливость и тотъ глубокій смыслъ, который долженъ бы былъ вызвать у насъ однѣ горячія слезы благодарности. Имъ извѣстны святыя предначертанія Божіи, судьбы народовъ и существъ; чѣмъ болѣе они познаютъ всю Премудрость Божію, тѣмъ болѣе они убѣждаются въ безконечныхъ Его качествахъ и утверждаются въ увѣренности своей, что никакому конечному существу никогда не дано будетъ постигнуть Безконечнаго; восторгъ ихъ при видѣ дѣлъ Божіихъ возростаетъ по мѣрѣ ихъ познанія, и они, проникнутые высшимъ чувствомъ покорности и восторга, не могутъ вѣчно не преклоняться, не славословить, не восхвалять всю премудрость дѣлъ Его, сознавая свое собственное ничтожество и безсиліе.

Время не должно существовать у высшаго духа; они одинаково, безъ нетерпѣнія и безъ всякихъ тревожныхъ ожиданій, наслаждаются настоящимъ счастьемъ, не заботясь о будущемъ и всегда пребывая неизмѣнно, спокойно и величественно предъ лицезрѣніемъ Бога и всего Его творенія.

Все въ мірѣ прогрессируетъ, все стремится къ своему высшему назначенію, къ своему блаженству чрезъ борьбу, стремленія, старанія и труды. Всѣ достигнутъ рано или поздно, того, что уже удалось достигнуть другимъ; ибо эти другіе видятъ свое дальнѣйшее возвышеніе въ добрѣ и благѣ тѣхъ, которыхъ труды и старанія еще не увѣнчались такимъ блестящимъ успѣхомъ. Эта общая цѣль безконечной связи всего блаженнаго въ мірѣ прекрасно очерчивается швейцарскимъ натурфилософомъ **Шарлемъ Бонне,** въ eroPolingenesie philosophique Geneve“ (стр. 427). Онъ говоритъ: „Если Высшій Разумъ такъ разнообразитъ свое твореніе; если Онъ не создалъ ничего тождественнаго въ природѣ: если такая прогрессивная гармонія царствуетъ между всѣми существами на землѣ, заключая въ одну непрерывную цѣпь все живущее, то какъ вѣроятно, что эта непрерывная цѣпь твореній не ограничивается одной нашей землей, а захватываетъ всѣ міры и всѣ планеты. Въ настоящее время изъ этой общей цѣпи твореній мы не можемъ уловить нѣсколькихъ звенъ; мы даже не знаемъ объ ихъ существова-

Digitized by Google

ніи; но пробѣлы эти меньше той части общей цѣпи, которая, намъ извѣстна.

„Когда намъ будетъ доступна эта цѣпь такъ же, какъ и Высшему Разуму, для котораго именно и созданъ міръ, когда мы будемъ въ состояніи видѣть продолженіе этой цѣпи въ мірѣ невидимомъ,—тогда только мы уѣнаемъ всю зависимость, отношенія и ближайшую причину между каждымъ звеномъ ея, и сами мы, повышаясь въ нашемъ совершенствѣ, дойдемъ до самыхъ поразительныхъ истинъ,

„Какими чувствами будетъ тогда переполнена наша душа, когда мы, основательно изучивъ экономическое значеніе одного свѣта, перелетимъ на другой, и будемъ въ состояніи сравнить оба, хотя бы въ томъ же экономическомъ отношеніи! Какое будетъ тогда совершенство нашихъ рѣчей и выраженій; какое обобщеніе и плодородность нашихъ пониманій; какая связь, обиліе и правильность нашихъ выводовъ и заключеній; какой новый свѣтъ познаній проявится на сколько новыхъ отраслей всемірной науки, и на наши: физику, геометрію, астрономію, философскія науки и въ особенности на Божественную нашу науку.

„Всѣ правды между собой связаны и, несмотря на ихъ видимую отдѣльность, присоединены къ общимъ узламъ, которые отъ насъ скрыты; сущность и заключается въ пониманіи и въ улавливаніи этихъ узловъ. Ньютонъ самъ собою восхищался, отыскавъ связь между паденіемъ яблока и движеніемъ планетъ; перерожденный теперь, онъ, навѣрное, смѣясь, смотритъ на эту дѣтскую забаву, ибо прежнія его, будто бы, большія знанія геометріи кажутся ему теперь первыми шагами въ другой безконечной наукѣ.

„Но умъ человѣческій идетъ дальше—за область пониманія планетъ,—онъ стремится къ небу, въ Божественную обитель. Умъ человѣческій, возвышаясь, любуется Престоломъ Всевышняго и видитъ, какъ міры двигаются у Его ногъ и послушны мановенію руки Его; умъ человѣческій слышитъ восхищеніе и славословіе Высшаго Разума, окружающаго Престолъ Его и присоединяется къ поклоненію и восхваленію Его въ величественномъ и грандіозномъ хорѣ существъ этой іерархіи; онъ взываетъ, глубоко чувствуя все свое ничтожество: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѳъ! и проситъ милосердія для людей. О, обиліе неисчерпаемой доброты! которая высказалась такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ благотворныхъ проявленій; она еще доведетъ насъ до блаженныхъ обителей и до блаженства. Обителей много въ домѣ Отца Нашего, это такъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся, ибо это было

Digitized by Google

намъ сказано Сыномъ Его; Онъ намъ сказалъ, что идетъ приготовить намъ мѣсто... что придетъ за нами и возьметъ насъ туда... гдѣ Онъ Самъ; не въ преддверье рая, не въ небеса, не въ святилище и не въ храмъ всемірныхъ существъ, но въ Святую Святыхъ, туда, гдѣ Онъ Самъ будетъ; гдѣ обитаетъ Царь Ангеловъ и человѣка,—Посредникъ новаго единенія, Причина всѣхъ вѣръ, Тотъ, Кто стяжалъ намъ смертію путь къ новой жизни... Только въ этомъ жилищѣ вѣчномъ, въ царствѣ добра, свѣта, совершенства и блаженства, мы прочтемъ общую міровую исторію и частную исторію Самаго Провидѣнія, какъ причастники Его управленія мірами, Его закона и Его предназначенія; мы увидимъ и съ восторгомъ и съ полнымъ благоговѣніемъ поймемъ, секретную пока для насъ, причину столькихъ частныхъ и общихъ событій, которыя теперь насъ такъ удивляютъ, путаютъ и заставляютъ сомнѣваться, на которыя ни наука, ни философія никакого отвѣта дать не можетъ, и отчасти лишь помогаетъ одна вѣра.

„Мы будемъ думать и размышлять надъ большой книгой судьбы міровъ. Мы будемъ останавливаться на той страницѣ ея, которая говоритъ объ одной изъ самыхъ малыхъ планетъ мірозданія, но для насъ самой дорогой, которая служила колыбелью нашего дѣтства и первымъ доказательствомъ безграничной любви Создателя и Его отеческихъ попеченій о человѣкѣ. Мы съ величайшимъ удивленіемъ откроемъ въ ней исторію разныхъ переворотовъ земли, происшедшихъ съ нею до того времени, какъ она пріобрѣла настоящій свой видъ,—и будемъ глазомъ слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что будетъ съ ней происходить въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Предѣломъ нашей благодарности и благоговѣнія будутъ тайны нашего искупленія, которыя заключаютъ еще много чудесъ выше ограниченнаго пониманія не только насъ, но и пророковъ нашихъ. Одно слово этой страницы откроетъ намъ исторію всего человѣчества и разовьетъ взглядъ великаго значенія: „зачѣмъ“ и „почему“, всѣхъ бѣдствій, испытаній мукъ, лишеній, посылаемыхъ терпѣливому праведнику для очищенія души, — лишеній, возвышающихъ добродѣтель, потрясающихъ и раздирающихъ слабыхъ.

„Достигнувъ такого высокаго пониманія, мы не будемъ затрудняться происхожденіемъ добра и зла, мы увидимъ какъ ихъ источникъ, такъ и самыя отдаленныя слѣдствія ихъ, и мы будемъ вполнѣ сознавать, что все, что сотворилъ Богъ— безупречно.

„Теперь мы видимъ одни слѣдствія, и видимъ ихъ съ одной поверхностной стороны; всѣ причины скрыты отъ насъ.

Digitized by Google

Потомъ мы увидимъ дѣйствія въ ихъ причинѣ, слѣдствія въ ихъ зачаткѣ, исторію существа въ его расѣ, исторію расы въ исторіи планеты, исторію планеты—въ исторіи всего міра и т. д.

„И какъ эта высшая наука самая обширная, самая важная изъ всѣхъ, или, скорѣе сказать, единственная всемірная наука будетъ совершенна, полна, отъ близкаго отношенія съ Вѣчнымъ Источникомъ Идеальнаго Совершенства".

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА I.

Отвлеченный элементъ человѣка . . . . . 1—36

Чтобы имѣть возможность жить на землѣ, человѣкъ долженъ имѣть матеріальное тѣло—3. Заблужденіе людей, признающихъ за гробомъ свое уничтоженіе—4. Люди мало даютъ себѣ отчета въ сознаваемыхъ ими впечатлѣніяхъ—5. Сознаніе впечатлѣній болѣе сильныхъ заслоняетъ сознаніе слабѣйшихъ—7. Увѣренность во внутренней и духовной жизни принимается разно—8. Изъ всѣхъ организмовъ самый совершенный, а потому и самый трудный къ изученію, есть организмъ человѣка—11. Сверхчувственныя ощущенія—13. Свидѣтельства о нихъ: Ѳ. М. Достоевскаго—15. Линнея, Гёте—16. Эммануила Канта—17. Шопенгауера, Н. И. Лобачевскаго — 18. Н. П. Гилярова-Платонова — 19. А. Р. Уоллеса—20. Виктора Гюго—22. Бетховенъ—23. Берліоза, Шеллинга—24. А. М. Бутлерова, Д. И. Мендѣлева—25. Суворина—26. Вильгельма Вундта, Дю Буа-Рэймонъ—27. Эдуарда фонъ-Гартмана—28. Карпентеръ, Дассьэ и спириты—31. Взглядъ на слово „чудо"—33. Общество съ его модами и принципами—34.

ГЛАВА II.

Явленія изъ загробной жизни . . . . . — . . 37—58

Видѣніе митрополита Платона—38. Видѣніе императора Павла—39. Видѣніе императрицы Анны Іоанновны—40. Графиня Штейбокъ у гроба королевы Ульрики—42. Бѣлая дама—43. Видѣніе Карла XI—46. Еще нѣкоторыя видѣнія—51.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

стр.

Душа матеріалистовъ и позитивистовъ . . . . . 59—65

Душа по М. Литтре—59. Мнѣнія, что всѣ отправленія интеллектуальныя и нравственныя зависятъ отъ организма: Карла Фогта, Кабаниса, Тэна, Молешотта—60. Возраженіе—61. Мнѣнія о семъ же Уоллеса, Тиндаля, Милля, Ольмани—62. Тэна, Гертли, Льюса, Гексли—63. Доводъ Батуса—мнѣніе Декарта—63.

ГЛАВА IV.

Душа спиритуалистовъ . . . . . 66—83

Душа по ученію Сталя и Аристотеля—67. Душа по ученію Бартеза и Лорда—74. Душа по ученію Биша—77. Заключеніе—82.

ГЛАВА V.

Три элемента человѣческаго существа . . . . . 84—96

Жизненное начало—84. Признаніе его: Клодъ-Бернардомъ, Вирховымъ, Стервардомъ, Тэномъ—85. Бернардомъ—87. Либихомъ—88. Выясненіе функціи жизненнаго начала—90. Духовное и разумное начало—93.

ГЛАВА VI.

Поисни четвертаго элемента . . . . . 97—101

Душа теософовъ-окультистовъ—97. Душа по понятіямъ египтянъ—98. Душа по древне-еврейскому ученію—99. Душа по ученію спиритовъ—99. Необходимость признанія четвертаго элемента—100.

ГЛАВА VII.

Ученіе физики о матеріи . . . . . 102—176

Неполнота знанія матеріи—102. Непризнаніе эфира—108. Строеніе матеріи—112. Каковы свойства вещества?—120. Что такое эфиръ? Вещественны-ли атомы эфира?—122. Имѣетъ

Digitized by Google

стр.

ли эфиръ вѣсъ? Упругъ-ли атомъ эфира?—122. Каково разстояніе между частицами тѣлъ?—124. Что такое частицы матеріальнаго тѣла?—125. Какова сущность притягательной силы?—136. Что такое сила частичнаго сцѣпленія?—145. Что такое химическое сродство?—146. Протестъ позитивистовъ и научный споръ—149. Заключеніе—152. Органическая клѣточка—153. Обмѣнъ органической ткани—155. Форма тѣла существеннѣе матеріи—158. Эфирныя тѣла—159. Эфирный элементъ въ строеніи человѣческаго тѣла—163. Мнѣніе, что не нервы передаютъ ощущенія, высказывали: Ньютонъ, Гэртли, Боннэ, Дарвинъ—165. Креббсъ—167. Мольдеръ надъ жизненной силой—167. Сравненіе строенія тѣла съ организаціей пола—168. Выводъ нашъ находитъ себѣ подтвержденіе въ ученіяхъ: Аристотеля—169, Теофраста, стоиковъ, Эпикура, неоплатониковъ, Ямблиха, Порфирія, Прокла, барона дю-Прель—169, Лейбница, Парацельса—173, Эттингера, Боодера—174. Фихте младшаго 175.

ГЛАВА VIII.

Полуматеріальная оболочка . . . . . 177—198

Различіе между душою и духомъ—177. Матеріальное тѣло человѣка есть динамическій тормазъ—178. Теософы объ астральныхъ тѣлахъ—179. Сущность вещества—181. Сферы высшихъ жизней—181. Обитаемость вселенной—194. Связь души съ тѣломъ—198.

ГЛАВА IX.

Жизнь человѣка . . . . . 199—225

Кратковременность жизни—199. Астрономическое мѣсто земли—200. Соображенія астрономической физіологіи—203. Мы можемъ себѣ представить еще болѣе трудныя условія—205. Животныя видятъ иногда то, что человѣкъ не въ состояніи видѣть—214. Человѣкъ не послѣднее звено творенія—217. Мнѣніе К. Д. Кавелина—219, Канта—222. Фихте—223.

ГЛАВА X.

Смерть человѣка . . . . . 226—250

Смерть есть только метаморфоза—226. Нравственныя качества человѣка—227. Совѣсть—228. Необходимость страданій за гробомъ—230. Результаты дѣятельности ума—232.

Digitized by Google

Соображенія относительно силы чувства у загробныхъ жителей—233. Черезъ успѣхи наукъ улучшаются условія жизни на землѣ—236. Значеніе нравственнаго міровозрѣнія—237. Нѣкоторыя условія жизни духовъ—239. Условія питанія—238. Быстрота передвиженія—241. Сонъ—242. Дружба и любовь—243. Мнѣніе Бремзена о духѣ и плоти—244. Мнѣніе Ла-Брюіера о здравомъ смыслѣ—245. Память и языкъ у Духовъ—247. Мнѣніе Шарля Бонне о будущности человѣка—248.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

Книга III-я.

СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ.

И. А. Карышева.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати“, Офицерская, 58.
1899.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Февраля 1899 г.

Digitized by Google

Предисловіе.

Какъ бы ни были обширны знанія человѣка и какой бы онъ ни обладалъ всесторонней ученостью, онъ еще не можетъ считать себя достаточно образованнымъ, если умомъ своимъ не выясняетъ себѣ смысла и сущности жизни; если онъ не знаетъ, зачѣмъ и почему онъ живетъ, что такое, именно, его жизнь, какія задачи она возлагаетъ на него, и какую конечную цѣль долженъ онъ стараться достигать черезъ свою жизнь.

Не зная смысла и сущности жизни, никто никогда не можетъ во всѣхъ случаяхъ жизни здраво и осмысленно относиться: къ окружающей его природѣ, къ людямъ, къ самому себѣ, къ условіямъ своей жизни и смерти и, наконецъ, къ требованіямъ Бога отъ человѣка. Незнаніемъ этихъ самыхъ существенныхъ въ жизни вопросовъ человѣкъ вполнѣ уподобляется страннику, который шелъ бы по невѣдомой ему странѣ безъ опредѣленной цѣли, не зная, что это за страна, куда и зачѣмъ онъ идетъ, куда заведетъ его путь, по которому онъ идетъ; однимъ словомъ, страннику, который идетъ безотчетно, на авось.

Человѣкъ и такъ уже, роковымъ образомъ, поставленъ для исполненія своей жизненной задачи въ весьма для него неблагопріятныя условія. Слѣдуя жизненнымъ путемъ, онъ знаетъ одно свое настоящее и весьма неотдаленное прошедшее; все же будущее отъ него совершенно скрыто. Онъ рѣшительно не знаетъ, откуда онъ произошелъ, что привело его на землю, зачѣмъ онъ живетъ и что ожидаетъ его завтра. Подумайте! Какъ трудно было бы путешествовать человѣку по землѣ, если бы его близорукіе глаза были на затылкѣ, и онъ имѣлъ возможность видѣть только настоящее и ближайшее прошлое, но ничего ровно не видѣть изъ того, что находится впереди? Надо думать, что путешественники постоянно оборачивались бы, чтобы посмотрѣть, что ихъ ожидаетъ впереди, стараясь избѣжать всякія случайныя препятствія и избирать возможно близкіе пути для достиженія свей цѣли.

Digitized by Google

II

Отчего же такъ трудно заставить человѣка дѣлать то-же самое на его жизненномъ пути для болѣе здраваго и осмысленнаго выполненія своей жизненной задачи? Отчего такъ трудно заставить человѣка напречь всѣ имѣющіяся въ немъ силы и способности, чтобы, хотя отчасти, узнать, что онъ именно такое, не можетъ ли онъ избѣжать тѣхъ трудностей, которыя онъ ежедневно переживаетъ и нѣтъ-ли на его пути такихъ опасныхъ мѣстъ, попавъ въ которыя, онъ долженъ погибнуть безвозвратно.

Вѣдь человѣку данъ Богомъ разумъ, здравый смыслъ, способность разсуждать, умозаключать, соображать, догадываться, прямая цѣль и назначеніе которыхъ восполнять всѣ пробѣлы его существа и путемъ мышленія и логики доходить до познанія всего того, что роковымъ образомъ сокрыто отъ него. Поэтому самъ здравый смыслъ долженъ подсказывать, что изъ всѣхъ знаній самыми полезными и самыми существенными должны быть тѣ, которыя помогали бы ему ясно понимать себя; а между тѣмъ, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ сущности и бытія, разумъ считается излишнимъ; и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нужнѣе всего, постоянно обходятся и до такой степени упорно обходятся безъ разума, что можно подумать, что кромѣ вреда онъ ничего человѣку принести не можетъ.

Обыкновенно думаютъ, что будто бы рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся цѣли бытія и сущности жизни, можно найти только въ религіяхъ, что будто бы принять ихъ можетъ человѣкъ только своей вѣрой или своимъ сердцемъ и что будто бы все, что можетъ быть на этотъ счетъ выяснено, все уже достаточно выяснено религіей и большаго ждать не откуда.

Какое глубокое заблужденіе! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, разумъ, эта наивысшая способность, эта лучшая руководительница человѣка во всѣхъ его поступкахъ, во всѣхъ его умозаключеніяхъ, должна отсутствовать при изученіи самыхъ насущныхъ вопросовъ жизни? Это очевидный абсурдъ, и всякій, обладающій мало-мальски здравымъ смысломъ, не можетъ допускать подобнаго мнѣнія.

Но, кромѣ того, развѣ религія разъясняетъ что-либо съ такой научной точностью, которая могла бы удовлетворять требованіямъ разума? Развѣ конечная цѣль религій есть разъясненіе своихъ ученій?— Совсѣмъ нѣтъ.

Основная цѣль и стремленіе христіанской религіи есть—доводить человѣка до его внутренняго и душевнаго самоулучшенія, развивать въ немъ добро, усиливать любовь и теплое участіе ко всему, сотворенному Богомъ,—а совсѣмъ не удовлетворять требованіямъ разума. Религія стремится развивать сознаніе внутренняго духовнаго чувствованія истины, уничтожать въ человѣкѣ злую волю, отучать отъ злыхъ поступковъ и направлять существо къ любви, милосердію, къ внутрен-

Digitized by Google

нему пониманію Бога въ природѣ и находить Его святое присутствіе внутри самого себя. Все это достигается совсѣмъ не черезъ разумъ, но путемъ смиренія себя, путемъ абсолютной вѣры, послушанія, покорности и путемъ безусловной нравственной дисциплины.

Слишкомъ ясное толкованіе небесныхъ сущностей во всѣхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ религіяхъ считается не только излишнимъ, но и вреднымъ. Разумъ есть во всѣхъ случаяхъ жизни рабъ сердца. (Сравни „Богъ неопровержимъ наукой", страницы 36—43). Развивая сердце и душу, религіи дѣйствуютъ на причину, оставляя всѣ слѣдствія, какъ нѣчто второстепенное, въ сторонѣ.

Въ основѣ нехристіанскихъ религій, дѣйствительно, находится извѣстная доля знаній природы, почерпнутыхъ мистическимъ путемъ; но этотъ мистицизмъ не передавался въ полномъ его объемѣ послѣдователямъ этихъ вѣръ, какъ нѣчто разъясняющее сущность природы или жизни, а, напротивъ, всегда скрывался отъ нихъ. Обратите вниманіе, до какой подробности знаютъ буддисты и брамины законы, какъ органической, такъ и неорганической природы и всю основную сущность ихъ. Факиры показываютъ народу самыя изумительныя вещи, настоящія чудеса, доказывающія ихъ полное господство надъ внѣшнимъ міромъ; однако, ни одинъ факиръ еще не обмолвился никогда ни единымъ словомъ, могущимъ выяснить непосвященнымъ въ эти тайны хотя бы малѣйшую часть изъ этихъ знаній: всѣ они не должны имѣть другого значенія для народа, какъ только подтвержденія ученія вѣры и принужденія путемъ страха передъ таинственностью къ поддержанію въ народѣ нравственной дисциплины, повиновенія и принужденія къ исполненію обязанностей вѣры.

Совершенно то-же видимъ мы и у древнихъ кельтовъ, и у египтянъ, да и самъ Моисей и его преемники никогда не разъясняли своего ученія народу и не открывали имъ источниковъ своего знанія природы.

Моисей сообщалъ свой законъ совѣту изъ семидесяти старцевъ, который оставался во главѣ ученія много столѣтій послѣ смерти Моисея. Эти старцы записали все, сообщенное Моисеемъ, переняли отъ него всю премудрость, развивали это ученіе дальше и учили народъ. Народъ получилъ самую незначительную часть изъ тѣхъ знаній, которыми владѣли учители вѣры. Главнымъ образомъ, народъ получилъ десять заповѣдей, книги, вошедшія впослѣдствіи въ составъ ветхаго завѣта и книгу „Торы", содержащую весьма ничтожныя и переданныя въ доступной формѣ для тогдашняго неразвитаго народа выдержки изъ великой книги „Кабалы". Сама же „Кабала", составляющая обширнѣйшее ученіе, въ которомъ скрывалась вся мудрость древне-еврейскихъ ученыхъ, весьма тщательно оберегалась, какъ нѣкая великая святыня отъ глазъ не только народа, но и отъ тѣхъ учителей вѣры, которые не достигли еще высшихъ степеней мудрости.

Digitized by Google

Если бы учителя новозавѣтной вѣры стремились съ точностью разъяснить себѣ и своимъ послѣдователямъ сущность жизни, они сами изучили бы Кабалу и передали бы намъ всю премудрость, заключающуюся въ этихъ таинственныхъ книгахъ. Но новозавѣтные учителя признали ихъ, какъ для себя, такъ и для народа, совсѣмъ безполезными и не соотвѣтствующими цѣли и предначертаніямъ христіанской религіи, и этотъ громаднѣйшій тысячелѣтній мистическій трудъ остался совершенно неизвѣстнымъ для христіанскаго міра.

Если древнія, нехристіанскія вѣроученія скудно удовлетворяли разумнымъ требованіямъ своего времени, то что же можно сказать о христіанской религіи, которая составляетъ чисто нравственное ученіе. Оно еще болѣе отвлечено и, если можно такъ выразиться, еще независимѣе отъ всякихъ законовъ матеріи и еще меньше позволяетъ себѣ всякія разъясненія и бытоописанія загробной жизни. Если христіанское ученіе иногда и касается чего-либо вещественнаго или бытового, то оно просто излагаетъ фактъ очень сухо и коротко, вполнѣ авторитетно, какъ нѣчто давно всѣмъ извѣстное, безспорное и не требующее никакихъ доказательствъ, а слушатели обязаны принять это на вѣру.

Никакихъ грубыхъ и вещественныхъ представленій о небесныхъ сущностяхъ христіанская религія абсолютно не допускаетъ. Души за гробомъ живутъ исключительно жизнью своихъ чувствъ; для нихъ предметы вещественные какъ бы совсѣмъ не существуютъ или, по крайней мѣрѣ, играютъ далеко второстепенную роль. Поэтому, желая воспитать человѣка, какъ наслѣдника небеснаго, блаженнаго и отвлеченнаго царства, христіанскія религіи настаиваютъ на томъ, чтобы человѣкъ въ теченіе своей земной жизни до нѣкоторой степени развилъ свою духовную сторону и ясность ощущенія въ себѣ своихъ внутреннихъ чувствъ души; по крайней мѣрѣ настолько, чтобы душа могла возвышаться до ощущенія въ себѣ идей добра, милосердія, любви, терпѣнія, покорности и т. д. Чѣмъ больше будетъ человѣкъ ощущать въ себѣ эти идеи, тѣмъ, значитъ, его душа болѣе готова пользоваться блаженствами, для которыхъ она, собственно говоря, и создана.

Христіанская религія открываетъ чрезвычайно много небесныхъ сущностей, но никогда при семъ не удовлетворяетъ любознательности человѣка. Напримѣръ, она учитъ, что души будутъ жить за гробомъ вѣчно, но никогда не отвѣчала на вопросы: гдѣ онѣ, именно, будутъ жить? Какъ жить? Въ чемъ?—Или она учитъ: что въ домѣ Отца Нашего Небеснаго обителей много, что есть рай для блаженныхъ душъ, что есть адъ для грѣшниковъ; но гдѣ же все это находится? Въ чемъ состоитъ адъ и въ чемъ рай? Этого мы черезъ вѣру никогда не узнаемъ. На эти вопросы вѣра отвѣчаетъ, что рай и адъ находятся внутри насъ. Этотъ отвѣтъ также разуму не понятенъ; разумъ требуетъ совершенно

Digitized by Google

иныхъ, болѣе опредѣленныхъ отвѣтовъ, болѣе наглядной и ощутительной формы и изложенія мысли. Но какъ эти отвѣты и ни были бы непонятны разуму, они, тѣмъ не менѣе, слишкомъ понятны духовно развитой душѣ, вѣрующей Слову Божью и понимающей силу внутреннихъ душевныхъ ощущеній. Кто испыталъ, хотя въ слабой степени, силу внутреннихъ ощущеній души, или радостныхъ или печальныхъ, тотъ знаетъ, насколько они полны и настоятельны, и вполнѣ убѣжденъ, что въ минуты душевныхъ радостей или душевныхъ потрясеній все вещественное для человѣка пропадаетъ. Никто не поинтересуется знать, въ какой комнатѣ или при какой обстановкѣ онъ скрежеталъ зубами или рвалъ себѣ волосы въ припадкѣ угрызенія совѣсти. Весь внутренній человѣкъ участвуетъ въ этихъ ощущеніяхъ и не остается въ немъ мѣста для какихъ бы то ни было комментарій и разъясненій, и ничто не въ силахъ ни развлечь, ни утѣшить.

Въ эти минуты сознаніе внутренней, душевной жизни такъ велико, что все значеніе разума и органической жизни, въ ощущеніяхъ и представленіяхъ человѣка, обращается въ истинное ничтожество передъ подавляюще-великимъ и могущественнымъ значеніемъ чувствъ. Чѣмъ больше духовно развитъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе производятъ на него впечатлѣнія всякіе нравственные мотивы, и очень развитые люди ощущаютъ такіе оттѣнки тончайшихъ и чисто духовныхъ сущностей въ каждомъ фактѣ, въ каждомъ проявленіи жизни, которые ясно и реально открываютъ имъ присутствіе Всесильной Воли всюду и вездѣ. Они наглядно видятъ участіе Бога въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ фактахъ, въ каждой химической реакціи, въ каждомъ органическомъ процессѣ, въ жизни каждой инфузоріи, совершенно одинаковое, какъ въ безпредѣльныхъ міровыхъ феноменахъ, и понимаютъ, что для Него, какъ для Существа Безконечнаго, нѣтъ ничего большого и ничего мелкаго, все одинаково уравнивается Его безконечнымъ Вездѣсущіемъ.

Довести до такого состоянія самосознаніе человѣка и его ощущенія окружающей его природы и составляетъ истинную цѣль христіанской религіи; ибо человѣкъ подъ руководствомъ подобнаго міровоззрѣнія, борясь со своими несовершенствами и испрашивая въ молитвахъ поддержки Всевышняго, идетъ по правильной стезѣ своего внутренняго самоусовершенствованія и, конечно, спасется. Этого одного только и добиваются христіанскія религіи и дальше этой онѣ никакой другой цѣли не преслѣдуютъ. Поэтому и не будемъ въ ученіи церкви стараться отыскивать разумнаго уясненія себѣ вопросовъ сущности жизни и смысла бытія, т. е. того, чего, по самому смыслу ея ученія, въ ней нѣтъ и быть не можетъ.

Однако, внутреннее и духовное развитіе, которое достигается человѣкомъ черезъ ученіе вѣры, не можетъ косвенно не отразиться и на разумной дѣятельности человѣка. Человѣкъ духовно развитый,

Digitized by Google

сознающій, какими безконечными дарами снабженъ онъ Богомъ для возможности жить на землѣ, понимаетъ, что само его развитіе налагаетъ уже на него обязанность возвратить міру и Богу, хотя отчасти, то, чѣмъ онъ самъ пользовался и что получилъ не по своимъ личнымъ заслугамъ, но по Благодати Божіей.

Богъ создалъ человѣка по образу Своему, далъ ему способности, силу, умъ, волю, законъ и благодать Свою; но предоставилъ человѣку самому выработать въ себѣ Его подобіе черезъ цѣлесообразные поступки и стремленія, черезъ добрую жизнь и черезъ разумное приложеніе къ жизни всего своего развитія и всѣхъ своихъ способностей. Для этой цѣли далъ Богъ человѣку двойственную природу; кромѣ души, человѣкъ имѣетъ тѣло; кромѣ нравственныхъ и духовныхъ силъ, душа обладаетъ умственными силами. Обязанности каждой изъ этихъ силъ различны, что порождаетъ и два рода интеллектуальной дѣятельности, изъ которыхъ одной вѣдаетъ церковь, а другой наука; и быть хорошимъ христіаниномъ еще не значитъ быть образованнымъ и здраво, т. е. въ Богѣ, мыслящимъ человѣкомъ.

Несомнѣнно, что проявленія наивысшей интеллектуальной дѣятельности у каждаго отдѣльнаго человѣка бываютъ только при совмѣстномъ, гармоничномъ сочетаніи развитыхъ внутреннихъ чувствъ съ отправленіями здраваго, свободно мыслящаго (безъ всякихъ предвзятыхъ идей) разума. Только при этомъ счастливомъ совпаденіи, можемъ мы себѣ представить проявленіе высшей, разумной, прозорливой вѣры, или, что все равно, высшаго Божественнаго всеобъемлющаго разума, который одинъ только и можетъ возвыситься до постигаемости высшихъ истинъ и тайнъ природы.

Люди, культивирующіе въ себѣ одни способности ума, не заботясь нисколько объ улучшеніи своей внутренней природы, никогда не доходили до высшихъ предѣловъ пониманія тайнъ природы и всегда уподоблялись дереву, растущему въ одинъ какой нибудь сукъ; оно всегда криво и никогда не достигаетъ полной высоты.

Почти вся моя книга—„Богъ неопровержимъ наукой“ посвящена доказательству того, что разумъ человѣческій, предоставленный самому себѣ, постоянно вовлекалъ людей въ капитальныя заблужденія. Не руководимый духовными силами души, разумъ всегда принималъ атеистическое или матеріальное міровоззрѣніе, подъ руководствомъ котораго все самопознаніе и познаваніе природы, получая противуестественный характеръ, превращалось въ нѣчто ненормально узкое, поверхностное и вмѣсто того, чтобы увеличивать кругозоръ людей, постоянно суживало его. Ученые, вмѣсто того, чтобы расширять глубину анализа и силу своихъ умозаключеній по мѣрѣ интеллектуальнаго развитія людей, видѣли себя принужденными все болѣе и болѣе ограничивать районъ познаваемости науки. Однимъ словомъ, въ этомъ трудѣ

Digitized by Google

мы доказали, что, дойдя до извѣстнаго предѣла, наука начала итти назадъ, слѣдуя по пути регресса. Чѣмъ болѣе накопляется научныхъ фактовъ и данныхъ, чѣмъ болѣе совершенствуется техника и снабжаетъ науку бо́льшими возможностями болѣе подробнаго изслѣдованія природы, тѣмъ все болѣе и болѣе растутъ и затрудненія ученыхъ. Обиліе научныхъ данныхъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать кругъ познаній природы, стало путать ихъ, ибо вновь пріобрѣтаемыя данныя противорѣчатъ прежнимъ выводамъ, вслѣдствіе фальшиваго міровоззрѣнія, принятаго наукой, и всякій дальнѣйшій научный выводъ сталъ невозможнымъ. Не признавая своего міровоззрѣнія фальшивымъ, ученые давно признали сами себя психически несостоятельными для изученія таинъ природы (Богъ стр. 44—49) и остановились, наконецъ, на одномъ чистомъ экспериментѣ, признавъ полнѣйшую невозможность всякаго научнаго умозаключенія, простирающагося за предѣлы прямого опыта и наблюденія.

Въ этой противоестественной и экспериментальной наукѣ, похожей больше на мастерство, чѣмъ на науку, мы также не найдемъ отвѣтовъ на вопросъ о сущности жизни и о смыслѣ бытія. Подобныхъ отвѣтовъ въ ней и быть не можетъ, ибо она совсѣмъ не признаетъ жизни, какъ нѣчто отличное отъ реакцій.

Однако, если среди модныхъ позитивныхъ наукъ нѣтъ никакихъ указаній для рѣшенія вопросовъ сущности жизни и тайнъ бытія, значило бы это, что ихъ совсѣмъ нѣтъ, и что мы лишены всякой возможности имѣть ихъ? О, совсѣмъ нѣтъ, подобнаго рода занятій множество, ими изобиловали всѣ времена существованія наукъ еще въ самой глубокой древности.

Безусловная необходимость при изученіи природы примѣнять всѣ силы и способности души, а не какую либо одну отдѣльную часть ея, могла бы еще считаться недоказанной до выхода въ свѣтъ геніальнѣйшаго труда Карла дю-Преля: „Философія мистики“. Онъ, болѣе чѣмъ наглядно указалъ, что наше самопознаніе далеко не обнимаетъ всего своего объекта и что наше „я“ больше нашего самопознанія; или, иначе говоря, что душа наша заключаетъ въ себѣ скрытыми такія способности и силы, которыя обыкновеннымъ путемъ, черезъ органы внѣшнихъ чувствъ, проявиться не могутъ, а слѣдовательно и самопознаніе не только выяснить, но и уловить ихъ не въ состояніи. Однимъ словомъ, что скрытыя способности души въ полной ихъ силѣ вызываются только тѣмъ путемъ, который мы называемъ мистическимъ и причисляемъ его къ сверхъестественнымъ путямъ, совершенно не подозрѣвая, что кто желаетъ пользоваться всѣми способностями, которыми онъ въ сущности владѣетъ, долженъ прибѣгать, именно, къ этому сверхъестественному пути, ибо въ противномъ случаѣ онѣ останутся для него на вѣки скрытыми.

Digitized by Google

Если это такъ, если ясно доказано теперь, что вызвать всѣ скрытыя способности души можно только мистическимъ путемъ, то отсюда надо заключить, что этотъ путь совершенно неправильно называется сверхъестественнымъ, ибо, въ сущности, онъ и есть самый естественный; что можетъ быть болѣе естественно и логично, какъ ни пользоваться всѣми тѣми способностями, какими владѣетъ каждый изъ насъ. Какой здравый смыслъ, какая логика можетъ довести человѣка до такого безсмысленнаго заключенія, при которомъ онъ принужденъ добровольно отказаться отъ наивысшихъ и наилучшихъ проявленій своего „я".

Въ „Философіи мистики", стр. V—VI, Карлъ дю-Прель говоритъ: „Только потому новѣйшая наука и утратила пониманіе мистики, что почти совершенно пренебрегла изученіемъ сонамбулизма, образующаго субъективную основу мистическихъ явленій. А между тѣмъ никакая другая область не сулитъ психологамъ и философамъ болѣе обильной жатвы, никакая другая не позволяетъ такъ глубоко проникнуть въ тайну человѣка и такъ далеко подвинуться въ рѣшеніи вопросовъ о мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ природѣ.

„Нельзя ставить мистику въ изолированное положеніе; ея явленія должны быть изучаемы въ органической связи со всѣми прочими явленіями. Всякая философія, въ которую не входитъ въ видѣ составной ея части мистика, уже въ силу одного этого содержитъ въ своихъ основахъ фальшь и наоборотъ: исключить мистику изъ правильнаго міровоззрѣнія такъ же трудно, какъ вывести фокусъ изъ эллипса.

„Но мистическія явленія не могутъ быть поставлены на одну доску съ остальными явленіями природы: они представляютъ *верхушечныя вѣтви феноменальнаго дерева.* Устарѣла не мистика, скорѣе устарѣли тѣ, хотя и новыя воззрѣнія, въ которыхъ не отведено ей мѣста. Мистика отнюдь не отошла въ область безвозвратнаго прошлаго; все ея значеніе въ будущемъ. Какъ кантовская критика разума, такъ физіологическая теорія чувственнаго воспріятія и дарвинизмъ ведутъ сообща къ такому міровоззрѣнію, въ которое войдетъ мистика въ видѣ органической ея части.

„Дошедши до понятій своихъ о силѣ и атомѣ, естественныя науки исчерпали всю феноменную толщу и стоятъ теперь предъ сверхчувственной основой явленій. То-же самое должно произойти и съ наукой о человѣкѣ...

„Явленіе сна и сонамбулизмъ доказываютъ существованіе нашего умопостигаемаго субъекта и приводятъ насъ, такимъ образомъ, къ тончайшему и вмѣстѣ съ тѣмъ положительному опредѣленію безсознательно: его надобно понимать индивидуалистически, а не пантеистически и оно не само по себѣ безсознательно, а только не созна-

Digitized by Google

ваемо чувственнымъ нашимъ существомъ". И далѣе на страницѣ XIII онъ продолжаетъ:

„Ничто не препятствуетъ допустить, что анормальныя способности сонамбуловъ представляютъ нормальныя способности обитателей другихъ міровъ. Но эти способности отчасти таковы, что мы никакъ не можемъ представить ихъ себѣ совмѣстно существующими съ нашею тѣлесною организаціею. Такъ, напримѣръ, нельзя представить себѣ, чтобы въ клѣточкахъ головного нашего мозга могла возникнуть способность ясновидѣнія. Значитъ, всякъ, кто въ своихъ занятіяхъ экспериментальною психологіею встрѣтится хотя съ этимъ только явленіемъ, обязанъ, если не хочетъ погрѣшить противъ логики, допустить существованіе носителя способности ясновидѣнія, носителя разнствующаго и независимаго отъ нашего тѣлеснаго существа. Отсюда слѣдуетъ, что наше самопознаніе не исчерпываетъ всего нашего существа. Наше тѣло и наше тѣлесное посредственное сознаніе образуютъ только половину нашего существа. Такимъ образомъ, человѣкъ — существо двойственное. Въ немъ, безсознательно для него, скрыто ядро его существа, обладающее другими, чѣмъ какими обладаетъ оболочка его существа, способностями познанія и реагированія.

„Но если это такъ, то передъ нами воскресаетъ проблемма о безсмертіи: вѣдь смерть можетъ уничтожить только наше тѣло, но отнюдь не носителя нисколько независящихъ отъ нашего тѣла нашихъ способностей. Мы можемъ назвать этого носителя душой (нѣтъ важности въ словахъ); только мы должны непрестанно помнить, что этой души мы не можемъ обрѣсти въ нашемъ сознаніи; она находится внѣ его.

„Наука, разрушивъ вѣру въ существованіе души, вполнѣ послѣдовательно отрицаетъ самую возможность существованія мистики: но какъ несомнѣнно то, что безъ души немыслима мистика, такъ несомнѣнно и то, что кто признаетъ существованіе нашей души, не обнимаемой тѣлеснымъ нашимъ сознаніемъ, тотъ необходимо придетъ, какимъ бы то ни было путемъ, къ признанію мистики".

Нельзя не считаться съ фактами и не видѣть, что наша наука, съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія, имѣла во главѣ своей наилучшихъ представителей умственнаго развитія, людей, у которыхъ умственныя силы поглощали все ихъ существо; эти люди были всегда преданы своему дѣлу до самопожертвованія, трудились надъ своей наукой самымъ добросовѣстнымъ образомъ, они всегда имѣли къ своимъ услугамъ всѣ лучшія средства, какими только владѣлъ каждый вѣкъ; и, несмотря на это, наука до сихъ поръ еще не имѣетъ тѣхъ знаній, которыми многія тысячелѣтія владѣютъ уже люди, получивъ ихъ мистическимъ путемъ.

Достойно положительно серьезнаго вниманія то обстоятельство, что, работая надъ изученіемъ природы мистическимъ путемъ, люди,

Digitized by Google

обладающіе несравненно меньшими разумными силами, не имѣющіе далеко тѣхъ средствъ и того высокаго образованія, какія имѣли ученые, но прилагающіе къ изученію природы не одинъ свой слабый разумъ, но и духовныя силы и способности, т. е. свои внутреннія чувства, умѣли всегда почерпать изъ природы самой всѣ тѣ знанія, какія были имъ необходимы.

Карлъ дю-Прель называетъ знанія, почерпнутыя мистическимъ путемъ, „верхушечными вѣтвями феноменальнаго дерева“. Онъ вполнѣ правъ; никто не будетъ спорить, что знанія, почерпаемыя мистическимъ путемъ, не имѣютъ научныхъ доказательствъ, строгой послѣдовательности и системы, возведенной въ категоріи: но тѣмъ не менѣе никогда еще наука не могла уличить знанія, почерпнутыя людьми мистическимъ путемъ, въ невѣрности или ошибкахъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наука устанавливала свое понятіе о какомъ-либо фактѣ или явленія, о которомъ уже раньше высказывалась мистика, заключенія оказывались тождественны. Разница лишь въ томъ, что мистическія знанія появлялись всегда во-время, т. е. когда въ нихъ дѣйствительно нуждалось человѣчество, а наука, давая свои, хотя и точныя знанія и разъясненія, всегда опаздывала, гоняясь за доказательствами, и тѣ знанія, которыми уже многія тысячелѣтія владѣетъ человѣкъ, пріобрѣтя ихъ мистическимъ путемъ, до сего времени еще наукой не разъяснены и не разслѣдованы; подтвердимъ это примѣрами:

I. Люди въ первый разъ услыхали, что земля кругла и имѣетъ шарообразный видъ, еще отъ Моисея и его послѣдователей. Въ древнееврейскомъ ученіи „Кабала“ мы находимъ слѣдующее мѣсто:

„Намъ дано въ подробномъ ученіи доказательство тому, что земля вертится на своей оси, по дугѣ круга. Что въ то время, какъ одни жители земли на верху, другіе внизу, и видъ для нихъ мѣняется такъ же, какъ и небо, сообразно съ вращательнымъ движеніемъ земли. Все поддерживаетъ свое равновѣсіе. Когда одна часть земли освѣщена солнцемъ, на другой сторонѣ мракъ — ночь; есть страны, гдѣ ночь очень коротка“.

Или, въ книгѣ „Зоѓаръ“, говоритъ М. Драхъ, находимъ повтореніе того же самаго, но въ другой формѣ“.

„Земля вращается кругомъ своей оси и по дугѣ круга, по условіямъ, присвоеннымъ каждому сферическому тѣлу. Между жителями земли есть такіе, которые находятся на верху, а другіе внизу и ходятъ они все-таки ногами по землѣ. У однихъ свѣтъ—это день; и въ то-же время у другихъ темно—это ночь. Есть точки, которыя всегда свѣтлы или темны и это у нихъ непремѣнно измѣняется. Все, что было написано у древнихъ учителей, все согласуется съ этимъ ученіемъ, но это ученіе было предано не географамъ, а учителямъ мудрости, ибо это глубокая тайна закона“.

Digitized by Google

Подобныхъ сообщеній можно было бы привести множество и не объ одной формѣ земли, но касательно разныхъ указаній и астрономическихъ, астрологическихъ и космологическихъ и всѣ они передавались не географамъ, но учителямъ мудрости.

Припомните, когда узнала наука, что земля кругла? Менѣе 300 лѣтъ тому назадъ отъ Тихо-де-Браго, Галилея, Коперника, т. е. пять тысячъ лѣтъ послѣ того, какъ зналъ уже это человѣкъ черезъ мистику.

II. Наука только теперь доходитъ и весьма неохотно до доказательствъ существованія души въ человѣкѣ и особой жизненной силы, служащей необходимой причиной существованія живыхъ организмовъ. Это признаніе еще въ настоящее время не можетъ назваться всеобщимъ, ибо многіе ученые рѣшительно не желаютъ ихъ принять.

Добытыми же мистическимъ путемъ познаніями души, жизненной силы и всѣхъ проявленій органической природы человѣчество владѣло еще съ самыхъ древнихъ временъ, еще со времени процвѣтанія науки въ древнемъ Египтѣ, въ Индіи, а также еще во время Моисея и его послѣдователей. Напримѣръ, въ той же книгѣ „Зо̀гаръ“ находится слѣдующее ученіе:

„Въ этихъ трехъ элементахъ: въ духѣ, въ душѣ и въ жизни чувствъ мы находимъ точное подражаніе тому, что происходитъ вверху, ибо эти три элемента тѣсно связаны въ одно нераздѣльное (нефешь—оболочка души). Жизнь чувствъ, сама по себѣ, не обладаетъ никакимъ свѣтомъ и, по этой причинѣ, она такъ тѣсно связана съ тѣломъ, которое она веселитъ и которому она доставляетъ все необходимое для питанія. Можно здѣсь привести слова мудреца: она распредѣляетъ пищу своего дома и назначаетъ обязанности каждому изъ своихъ слугъ. Домъ—это тѣло, которое кормятъ, а слуги—это члены тѣла, которые повинуются. Надъ жизнью господствуетъ душа (нушума—душа), предписываетъ ей законы и освѣщаетъ ее настолько, насколько того требуетъ природа. Вотъ порядокъ, какимъ образомъ животное начало оживлено душой. Но что ихъ окончательно связываетъ во всѣхъ человѣческихъ тѣлахъ и что можетъ ихъ заставить блистать во всѣхъ жизняхъ,—это Раухъ, духъ жизни, духъ всѣхъ существованій и духъ всѣхъ странствованій, которымъ подвержена душа, прежде чѣмъ подняться до Того, къ Которому возвращается только по *своему* желанію; вотъ самыя возвышенныя правила этого духовнаго ученія“. (Пецани, стр. 158, 159). Въ книгѣ „Зо̀гаръ“ находится до 20 подобныхъ указаній, освѣщающихъ природу души съ разныхъ сторонъ.

Подобныя указанія находятся также въ книгахъ „Большая и Малая Йдра“. Многія изъ нихъ собраны въ трудѣ М. Шюца, стр. 336 и 345.

Приведемъ еще выписки изъ книги „Зо̀гаръ“:

„До сотворенія ихъ, всѣ предметы были предъявляемы Божественной мысли въ тѣхъ видахъ и формахъ, которыми они обладаютъ; то-же

Digitized by Google

самое относится и ко всѣмъ душамъ человѣчества; онѣ до жизни своей жили уже передъ Богомъ въ небесахъ, въ томъ же видѣ, въ которомъ онѣ живутъ теперь, и все, чему онѣ учатся на землѣ, онѣ знали уже прежде, до прибытія ихъ на землю".

Или: „Всѣ, дѣлающіе злое на землѣ, начали уже въ мірѣ отдѣляться отъ Святого (Имя Котораго будетъ благословенно во вѣки), они подвигаются къ пропасти и тѣмъ приближаютъ то время, которое было имъ назначено для жизни на землѣ. Вотъ какими были ихъ души до появленія на землю".

III. Казалось бы физика есть наука, основанная на фактахъ. Какое дѣло ученымъ, добыто ли физическое знаніе мистическимъ путемъ или какимъ-либо другимъ; интересенъ фактъ. Но на дѣлѣ оказывается не такъ: наука не только не провѣряетъ и не старается объяснить интересные факты, почерпнутые мистическимъ путемъ, но, какъ таковые, она совсѣмъ игнорируетъ.

Напримѣръ, умѣетъ ли наука соорудить такой аппаратъ, который назывался Моисеемъ скиніей завѣта? По всѣмъ описаніямъ, это должно было быть нѣчто вродѣ нашей Лейденской банки, заряжающейся статическимъ электричествомъ и, сравнительно со своими размѣрами, обладающей неимовѣрной силой.

Сумѣетъ-ли наука въ настоящее хотя время соорудить такіе аппараты, какіе стояли по бокамъ главнаго входа въ святилищницу храма Моисея? Это, по всей вѣроятности, было нѣчто подобное нашимъ вольтовымъ столбамъ, но обладавшимъ чисто чудесными свойствами. Сорокъ тысячъ полудикихъ, звѣрски разъяренныхъ, взбунтовавшихся евреевъ, желали подойти къ Моисею, стоявшему въ открытыхъ дверяхъ скиніи, чтобы убить его, но всякій, кто приближался, падалъ мертвымъ. Все наше пресловутое научное знаніе физики, вообще, и законовъ электричества не въ состояніи соорудить того, что уже существовало пять тысячъ лѣтъ тому назадъ. Право, надо думать, что знанія идутъ назадъ, и человѣчество забываетъ, что нѣкогда уже знало.

IV. Обратите вниманіе на знаніе органической природы и жизненныхъ проявленій у индійскихъ факировъ. Они заставляютъ сѣмя бобовъ, положенное въ землю, прорости, вырости, разцвѣсть и принести плодъ въ теченіе двухъ часовъ. Намъ, конечно, это дико, чуждо, непонятно; мы до того привыкли къ своей ничтожной наукѣ, которая, до сихъ поръ, еще не имѣетъ и рубрики для подобнаго сорта явленій; мы до сихъ поръ не озаботились учредить органическую физику, считая всю природу мертвой и бездушной, въ то время, когда еще пять тысячъ лѣтъ тому назадъ факиры умѣли и до сихъ поръ практикуютъ: подыматься самопроизвольно на воздухъ, невидимо переносить предметы, закапывать себя въ землю на четыре мѣсяца, раздвоять свою личность, переноситься за 8000 верстъ въ одинъ моментъ и появляться въ Англіи,

Digitized by Google

находясь фактически въ Индіи. Слыша подобные чудеса, намъ, конечно, остается только удивляться, глупо смѣяться и отрицать безспорно существующіе факты, чтобы не выказать своего невѣжества.

V. Великую услугу оказалъ профессоръ геологіи въ Нью-Джерси Арнольдъ Гюйо своимъ трудомъ, озаглавленнымъ: „La création où la Cosmologie biblique à la lumière de la science moderne (Louasanne 1885 года).

Онъ сопоставилъ исторію міросданія въ томъ видѣ, какъ ее даетъ Моисей въ книгѣ Бытія, съ той космогоніей, которая выработана современной наукой и нашелъ между ними тождественность.

Какъ было много нападковъ со стороны атеистическихъ писателей на космогонію Моисея! Не имѣя возможности, въ силу позитивизма въ наукѣ, составить нѣчто свое, ни принять космогонію, построенную философскимъ путемъ, на умозаключеніяхъ, атеистическіе писатели все-таки нападали на Моисея, говоря: „какъ бы міръ ни произошелъ, во всякомъ случаѣ не могла земля произойти раньше солнца и звѣздъ; развѣ небо, т. е. видимое нами пустое пространство, требовало сотворенія? Развѣ свѣтъ могъ быть сотворенъ? Пустое пространство или твердь не требовало ровно никакого сотворенія, и какъ могло оно произойти посреди воды; какъ могли солнце, луна и звѣзды быть сотворены тогда, когда на землѣ была уже растительность. День и ночь сотворены въ первый день творенія, а свѣтила въ четвертый, что же производило эти дни и ночи въ теченіе столь длиннаго періода и т. д. Нареканій было много, на которыя люди вѣрующіе не умѣли отвѣчать.

Мы считаемъ трудъ Арнольда Гюйо настолько важнымъ, что позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на немъ и привести здѣсь краткую изъ него выдержку, тѣмъ болѣе, что пониманіе библейской космогоніи облегчитъ намъ изложеніе космогоніи, помѣщенной въ 3-й главѣ этого труда.

Арнольдъ Гюйо касается этого вопроса чрезвычайно разносторонне, со всѣми деталями, приводя подробныя доказательства для всѣхъ своихъ сопоставленій. Онъ не упустилъ изъ виду даже нравственной стороны предпринятаго имъ труда; онъ говоритъ:

„Обыкновенно люди вѣрующіе, затрогивая священныя темы, опираясь на то, что откровеніе и, вообще, слово Божіе не можетъ передать намъ ничего ложнаго, впадаютъ часто въ крупныя ошибки, страдая полною бездоказательностью. Другіе, наоборотъ, изъ принципа, не затрогиваютъ этихъ темъ, полагая, что обсуждавшія ихъ не могли имѣть тѣхъ свѣдѣній, которыми, въ настоящее время, владѣетъ наука, а слѣдовательно ничего вѣрнаго, будто-бы, эти темы передать имъ не могутъ".

На этомъ основаніи авторъ особенно строго относится къ своимъ сужденіямъ, чтобы не впасть ни въ одну изъ этихъ ошибокъ и быть

Digitized by Google

свободнымъ и безпристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ находитъ, что дѣйствовать иначе было бы не научно. И, дѣйствительно, всякій, кто прочтетъ эту книгу, убѣдится, что нѣтъ никакой предвзятой мысли въ дѣлаемыхъ имъ выводахъ, и что вся книга написана строго научнымъ образомъ.

Арнольдъ Гюйо дѣлитъ первую главу книги Бытія на три главныя части: 1) Прологъ, 2) Эпоха сотворенія матеріи, 3) Эпоха сотворенія животныхъ и излагаетъ свои сопоставленія по порядку книги Бытія.

Разборъ книги Бытія.

Прологъ: а) Первоначальное сотвореніе.

1) „Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю".

Изъ этого стиха мы заимствуемъ, что вселенная имѣла начало, что она была сотворена, и что Богъ ея Творецъ".

Здѣсь въ еврейскомъ подлинникѣ употреблено слово „бара", которое переведено словомъ „сотворилъ"; это слово употребляется только при упоминаніи о дѣлахъ Божьихъ и обозначаетъ:—„сдѣлать изъ ничего", или „сотворить изъ ничего". На древне-еврейскомъ языкѣ есть еще другое слово, азахъ, которое обозначаетъ—„дѣлать". На это слово обращено особое вниманіе автора, такъ какъ различіе въ значеніи этихъ словъ громадное.

На этотъ стихъ наука никакихъ объясненій дать намъ не можетъ рѣшительно никакихъ.

Сдѣлать что-нибудь изъ ничего,—это чудо изъ чудесъ. Философія и наука должны для правильнаго сопоставленія фактовъ и для понятнаго и логическаго вывода имѣть что-нибудь, чтобы что-нибудь сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ выйдетъ уже не сотвореніе, а скорѣе преобразованіе или перехожденіе изъ одного состоянія въ другое, но на слово „ничего" нельзя сдѣлать никакой силлогической первой посылки. Наука говоритъ просто, что матерія существовала раньше, не вдаваясь ни въ какія болѣе точныя объясненія о томъ, откуда она взялась и въ какомъ видѣ она существовала.

б) Первоначальное состояніе матеріи.

2) „Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною, и Духъ Божій носился надъ водою".

Въ этомъ стихѣ авторъ дѣлаетъ двѣ поправки перевода, или, лучше сказать, разъясненія значенія словъ. Въ еврейскомъ подлинникѣ

Digitized by Google

употребляется слово „ерецъ“, переведенное на русскій языкъ словомъ „земля“. Старо-еврейскій языкъ былъ бѣденъ словами; одно слово имѣло массу значеній, которыя мы теперь замѣняемъ десятками словъ, сообразно тому значенію, въ которомъ его употребляемъ.

Обозначаетъ ли слово „ерецъ“ непремѣнно планету земли, отдѣльно стоящую въ солнечной системѣ и имѣющую тотъ видъ, который она имѣетъ въ настоящее время? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Если бы перевели слово „матерія“ на древне-еврейскій языкъ, то не нашли бы другого слова, какъ „ерецъ“, ибо въ немъ нѣтъ никакого болѣе подходящаго слова для обозначенія понятія о матеріи; если бы мы желали выразить на древне-еврейскомъ языкѣ отвлеченное выраженіе, обозначающее мѣсто пребыванія, напримѣръ: „здѣсь, у насъ, въ семъ мірѣ“, употребили бы то же „ерецъ“. Слово „ерецъ“ имѣетъ массу значеній, изъ которыхъ мы можемъ, какъ доказываетъ совершенно логично Гюйо, принять слово „матерія“.

Второе слово, которое требуетъ объясненія, слово—„вода“, которое во второмъ стихѣ замѣняетъ въ переводѣ еврейское слово „маимъ“. Слово „маимъ“ не обозначаетъ въ точномъ смыслѣ воду и не передаетъ намъ даже понятія о чемъ-нибудь жидкомъ, оно имѣетъ значеніе гораздо обширнѣе.

Понятіе объ эфирномъ или газообразномъ тоже переводится словомъ „маимъ“ и другого, болѣе подходящаго слова на еврейскомъ языкѣ нѣтъ. Въ псалмѣ 148, стихѣ 4, есть это слово, но въ другомъ смыслѣ; тамъ сказано: „хвалите Его воды, которыя превыше небесъ“.

Въ обширномъ смыслѣ надо сказать, что слово „маимъ“ обозначаетъ всякую субстанцію вообще. На этомъ основаніи и на многихъ другихъ, приводимыхъ авторомъ, мы можемъ слово „вода“ замѣнить въ настоящемъ случаѣ словомъ „газы или эфиръ“ и намъ будетъ вполнѣ понятенъ второй стихъ „Бытія“.

Только что созданная газообразная матерія была безвидна и не имѣла никакихъ правильныхъ очертаній, это всегдашнее свойство газовъ. Она была пуста и безплодна, ибо она была однородна и невидима. Она была темна, ибо не имѣла никакого вида движенія, такъ какъ свѣтъ есть слѣдствіе дѣятельности физическихъ и химическихъ силъ, которыя не были еще возбуждены въ ней. Это была бездна, ибо распространеніе газовъ въ безпредѣльномъ пространствѣ имѣло все-таки границы, которыя могли бы быть исчислены цифрами. И Духъ Божій носился по поверхности этого обширнаго, спокойнаго, газообразнаго пространства, готовый дать ему движеніе и направленіе.

Вотъ какъ описываетъ Моисей начало творенія. Наука говоритъ совершенно тоже. Разлагая всѣ тѣла—твердыя, жидкія и газообразныя, мы видимъ, что простѣйшая форма ихъ есть та, въ которой атомы или частички, составляющія каждое тѣло, болѣе или менѣе удалены другъ

Digitized by Google

отъ друга, т. е. газообразная форма, а потому наука признала, что первобытное состояніе тѣла было газообразное. Это утверждаютъ Гершель, Лапласъ, Араго, какъ представители астрономіи, Амперъ, какъ физикъ, Бекерель и Тенаръ, какъ химики, Кювье и Гумбольдтъ, какъ геологи. Всѣ единогласно признаютъ, что первоначально вселенная состояла изъ однородной простой газообразной матеріи.

Моисей прибавляетъ только одинъ элементъ, о которомъ наука ничего не говоритъ, это—Духъ Божій—причина движенія. Духъ Божій вездѣ выставляется дѣятельнымъ и отдѣльнымъ отъ всего, сотвореннаго Имъ. Онъ вездѣ вызываетъ дѣятельность и жизнь однимъ Своимъ Словомъ, какъ проявленіе Его всесильной воли. Обращаясь къ наукѣ, приходится сказать, что наука, не принимая такого положенія Моисея, и взамѣнъ его не даетъ положительно ничего, никакихъ объясненій или толкованій. Она абсолютно умалчиваетъ о причинѣ движенія, энергіи и силъ, проявившихся при сотвореніи міра и проявляющихся въ настоящее время.

Послѣ пролога слѣдуетъ первый день творенія и начало эпохи сотворенія матеріи.

3) „И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ".

4) „И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы".

5) „И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. И былъ вечеръ и было утро, день одинъ".

До сихъ поръ мы видѣли одну покойную газообразную массу, погруженную въ непроницаемый мракъ, но съ наступленіемъ перваго дня творенія мы видимъ движеніе и первое проявленіе этого движенія по всѣмъ законамъ физики долженъ былъ быть свѣтъ. Это не творчество, это простое слѣдствіе проявленія дѣятельности въ матеріи, вызванное какой-либо причиной, лежащей внѣ предмета. Въ данномъ случаѣ Моисей свидѣтельствуетъ, что эта причина была воля Создателя.

Совершенно также объясняетъ и наука выводы въ своихъ гипотезахъ возможность образованія міровъ изъ газообразной матеріи.

Касательно этого предмета признана наиболѣе цѣлесообразной туманная гипотеза Канта и Лапласа. Мы не будемъ вдаваться въ подробности; скажемъ только, что если бы намъ пришлось въ двухъ словахъ передать ее, мы сказали бы почти слово въ слово то, что говоритъ книга Бытія, а именно: отъ причинъ, лежащихъ внѣ матеріи, началось движеніе частицъ, которое и произвело свѣтъ.

Свѣтъ, появившійся въ центрѣ всего этого туманнаго пространства, ясно выдѣлился отъ всего окружающаго мрака и былъ названъ днемъ, мракъ былъ названъ ночью.

И было начало этого длиннаго перваго періода и былъ конецъ его.

Digitized by Google

Въ слѣдующихъ стихахъ эпоха сотвореніе матеріи продолжается, но наступаетъ второй день.

6) „И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды и да отдѣляетъ она воду отъ воды".

7) „И создалъ Богъ твердь и отдѣлилъ воду, которая подъ твердію, отъ воды, которая надъ твердію: и стало такъ".

8) „И назвалъ Богъ твердь небомъ. И былъ вечеръ и было утро, день второй".

Надо обратить вниманіе на то, что здѣсь слово „твердь" должно замѣнять еврейское слово „ракіахъ". Въ точномъ смыслѣ „ракіяхъ" обозначаетъ „пространство, или протяженіе".

Замѣнивъ это слово, мы ясно видимъ, что второй день творенія отдѣляетъ „маимъ" отъ „маима", т. е. массу отъ массы. Эта громадная туманная масса дѣлится на множество массъ меньшаго размѣра, которыя отъ дѣйствія жары и разнородныхъ силъ конденсируются, сжимаются въ отдѣльныя свѣтящіяся пятна или звѣзды. Движеніе и работа силъ повсюду. Физическія силы и силы тяготѣнія хотятъ соединить матерію около однихъ извѣстныхъ центровъ; въ то-же время центробѣжныя силы стремятся разбросать ихъ. По законамъ матеріи и движенія, даннымъ Самимъ Богомъ, какъ выраженіе Его Воли, эти безчисленныя тѣла, всякихъ размѣровъ и величинъ, наполнили пространство и украсили группами звѣздъ весь небосклонъ, описать и изучить который достается теперь на долю нашей астрономіи. Было бы, конечно, преждевременно сказать, что астрономія наша могла бы отвѣтить на всѣ вопросы, которые тѣснятся въ воображеніи каждаго, кто затронетъ этотъ вопросъ. Однако, многое уже сдѣлано.

Мы имѣемъ много теорій, которыя, въ общихъ чертахъ, говорятъ болѣе или менѣе подробно рѣшительно то же самое.

Обратившись опять къ туманной гипотезѣ, мы видимъ, что солнцѣ, двигаясь кругомъ своей оси, имѣетъ бо́льшую скорость на окружности экватора, что заставляетъ въ этомъ мѣстѣ скопляться матерію, которая принимаетъ сперва видъ кольца, вродѣ кольца Сатурна, потомъ разрывается, концетрируется и, наконецъ, образуетъ самостоятельное тѣло въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того же солнца. Таково образованіе земли по современной астрономіи; по крайней мѣрѣ, болѣе подходящаго объясненія до настоящаго времени нѣтъ.

Послѣ второго дня наступаетъ третій день. Онъ служитъ также продолженіемъ сотворенія матеріи, хотя во второй половинѣ этого дня видно появленіе растительности, которая составляетъ переходное звено отъ царства минеральнаго къ царству животныхъ.

Digitized by Google

Образованіе земли.

9) „И сказалъ Богъ: да соберется вода, которая подъ небомъ въ одно мѣсто и да явится суша; и стало такъ".

10) „И назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ назвалъ морями: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо".

Главную мысль этихъ стиховъ составляетъ отдѣленіе воды отъ земли и воздуха; здѣсь, какъ и вездѣ, Моисей даетъ намъ одинъ только окончательный результатъ событія, но не причины явленія; но въ этомъ случаѣ мы ихъ найдемъ въ геологіи. До наступленія третьяго дня творенія мы оставили землю въ видѣ расплавленной массы, въ которой жидкое ядро постепенно сливалось съ газообразной поверхностью. Для того, чтобы сдѣлаться обитаемою, ей осталось пройти періодъ остыванія минераловъ, періодъ горячихъ океановъ, періодъ холодныхъ океановъ, послѣ чего только водворяется на землѣ растительность на берегахъ, окружающихъ воды и въ самой водѣ.

Весь этотъ періодъ и заключается, главнымъ образомъ, въ борьбѣ горячей массы земли съ водой, которая и была одна изъ важныхъ дѣятелей при охлажденіи земли. Наконецъ, земля остыла въ такой мѣрѣ, что могла держать воду, сперва быстро испаряющуюся, а затѣмъ вода спокойно заняла пониженныя мѣста материковъ.

Появленіе растительности.

11) „И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень, траву, сѣющую себя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ; и стало такъ".

12) „И произвела земля зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду ея, и дерево, приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо".

13) „И былъ вечеръ и было утро, день третій".

Появленіе растительности на землѣ не сопровождается словомъ „бара"; этимъ Моисей хотѣлъ выразить только подготовку къ животной жизни, или одну только перемѣну условій, способныхъ удовлетворять жизни животнаго царства; въ стихахъ 4 и 5 главы II сказано: „Всякій полевой кустарникъ, который еще не былъ на землѣ и всякую полевую траву, которая еще не росла",—что показываетъ, что природа растеній рѣзко отличается отъ жизни минераловъ и что каждая отдѣльная особь была предъявляема Его Всесильной Волѣ.

Наука рѣшительно не даетъ намъ никакихъ данныхъ относительно причины появленія растительности на земномъ шарѣ. Всѣ опыты доказать возможность самозарожденія окончательно не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Digitized by Google

Съ наступленіемъ четвертаго дня начинается новая эпоха—эпоха сотворенія живыхъ существъ.

14) „И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи и для знаменій, и временъ, и дней и годовъ".

15) „И да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтили на землю; и стало такъ".

16) „И создалъ Богъ два свѣтила великія, свѣтило большое для управленія днемъ и свѣтило меньшее для управленія ночью и звѣзды".

17) „И поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю".

18) „И управлять днемъ и ночью и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо".

19) „И былъ вечеръ и было утро, день четвертый".

Примѣняясь къ туманной гипотезѣ, мы должны сказать, что солнце и луна были, собственно, сотворены гораздо раньше. Но, съ другой стороны, до сего времени жители земли, если бы таковые были на ней, не могли бы ихъ видѣть, ибо сама земля была въ расплавленномъ видѣ, а потому ея собственный свѣтъ долженъ былъ быть сильнѣе лучей солнца и луны. Кромѣ того, вся земля была окружена расплавленной фотосферой и вотъ, именно, въ четвертый день фотосфера начала остывать, темнѣть, уступать мѣсто облакамъ, которыя, расчистившись, допустили лучи солнца и луны до самой поверхности земли, послѣ чего только могли вліять лучи солнца на температуру. Послѣ этого только земля могла получить времена года.

Такимъ образомъ, третій день приготовилъ землю и воду къ произрастенію, четвертый день приготовилъ воздухъ къ возможности животной жизни.

Мы не будемъ болѣе шагъ за шагомъ слѣдить за Гюйо о всѣхъ его подробныхъ доводахъ, они понятны каждому. Скажемъ только, что порядокъ появленія живыхъ тварей совершенно тождественъ, какъ въ книгѣ Бытія, такъ и въ предположеніяхъ современной науки и что слово „бара" встрѣчается еще при двухъ обстоятельствахъ — передъ появленіемъ животныхъ и передъ появленіемъ человѣка.

Передъ появленіемъ человѣка въ одномъ стихѣ слово „бара" употребляется три раза, чѣмъ Моисей заставляетъ обратить особое вниманіе на сотвореніе человѣка, какъ на вѣнецъ творенія.

Наука, какъ разъ въ этихъ же мѣстахъ, въ которыхъ употребляется слово „бара", имѣетъ свои пробѣлы, ибо о возможности появленія живыхъ организмовъ и о появленіи человѣка всѣ научныя теоріи не выдерживаютъ критики, если мы не допустимъ при семъ дѣйствіе посторонней воли, т. е. сотворенія.

Этотъ трудъ Арнольда Гюйо не можетъ не оставить глубокаго впечатлѣнія у каждаго, кто захочетъ постараться найти объясненіе

Digitized by Google

такому поразительному совпаденію двухъ ученій, имѣющихъ совершенно разные источники, изъ которыхъ они черпали данныя для своихъ выводовъ.

Все вышесказанное не доказываетъ ли совершенно ясно и наглядно, что нѣтъ никакой логической причины людямъ игнорировать и пренебрегать мистическими знаніями. Они, можетъ быть, не научны, бездоказательны, приблизительны, даже иногда аллегоричны, но тѣмъ не менѣе они открываютъ людямъ глаза и даютъ понятіе о томъ, о чемъ наука совсѣмъ умалчиваетъ, но тѣмъ не менѣе необходимо знать человѣку, чтобы имѣть правильный взглядъ на жизнь и на природу вещей.

Людей всегда останавливаетъ обращаться къ мистическимъ знаніямъ то обстоятельство, что представленіе о мистицизмѣ такъ тѣсно всегда связано съ представленіемъ о религіяхъ. Весьма распространено мнѣніе, что мистицизмъ долженъ быть всецѣло отнесенъ къ области религій, что другой мистики, кромѣ религіозной, нѣтъ, и что всѣ религіи мистичны, не исключая даже христіанской религіи. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Мистицизмъ есть наука въ полномъ смыслѣ этого слова и назвать мистицизмъ религіознымъ не имѣетъ никакого основанія. Постараемся выяснить это.

Справляясь во всѣхъ толковыхъ словаряхъ о точномъ смыслѣ слова мистика или мистицизмъ, мы всюду встрѣтимъ примѣрно одно и то-же опредѣленіе, а именно: мистицизмъ есть стремленіе *познать внѣшними чувствами* тайны природы, или *изученіе* области сверхъестественной, или таинственное ученіе, признающее возможнымъ *постигнуть* сокровенное въ природѣ. Однимъ словомъ, всѣ опредѣленія будутъ вращаться около словъ: изучить, познать, вывести, постигнуть внѣшними чувствами и т. д., т. е. все одни слова, изобличающія мистику, какъ науку, а не какъ вѣру.

И, дѣйствительно, мистицизмъ есть наука, и наука въ полномъ смыслѣ слова, со всѣми атрибутами науки. Она, такъ же, какъ и всякая наука, основываетъ свои ученія на опытѣ и наблюденіи, такъ же изучаетъ природу и даетъ свои умозаключенія, слѣдуя тѣмъ взглядамъ и принципамъ, которые выработаны путемъ долгаго изученія смысла факта или явленія; какое право имѣли бы мы отказать мистицизму въ признаніи „науки"?

Наукой должно называть всякое расширеніе *познаній*, или всякое развитіе мысли, которое основано на опытномъ наблюденіи вселенной. Всякая наука можетъ быть лишь болѣе или менѣе точной, болѣе или менѣе положительной, но науку никто съ религіей смѣшивать не долженъ, какъ бы ни восходили далеко ея умозаключенія въ область высшихъ и отвлеченнѣйшихъ понятій и какъ бы далеко ни удалялась мысль отъ первоначальнаго ея корня, т. е. отъ опытнаго наблюденія природы. Если

Digitized by Google

только первоначальное зарожденіе мысли находится въ прямой или косвенной связи съ опытомъ, то всякая подобная мысль должна быть названа научной. Напримѣръ, Гегель, развивая свои умозаключенія, имѣющія прямыя основы въ экспериментальной наукѣ, дошелъ чисто философскимъ путемъ до необходимости признать не только Единаго Бога, правящаго вселенной, но и Пресвятую Троицу. Такая деталь, казалось бы, должна заставить отнести его ученіе къ области вѣры. Однако, никто и не подумалъ объ этомъ, ибо философія имѣетъ опытныя основанія.

Весь ходъ развитія мысли зависитъ отъ тѣхъ міровоззрѣній, которыхъ держались ученые и отъ тѣхъ принциповъ, которые они преслѣдовали. Лишь эта разница въ міровоззрѣніяхъ, въ допущеніяхъ, въ способѣ изученія природы и въ ограниченіяхъ, какія признавали необходимымъ положить ученые въ своей наукѣ, и породила все различіе между знаніями, и это есть единственная причина, отчего мы и называемъ однѣ науки позитивными, другія философскими, третьи метафизичными, четвертыя умозрительными, пятыя мистическими, шестыя абстрактными, но тѣмъ не менѣе всѣ эти знанія, какъ бы далеко они ни удалялись отъ первоначальной основы, какъ всѣ продукты разума и какъ всякое знаніе, должны безусловно быть причислены къ наукамъ, а не къ религіямъ.

Всѣ великіе иниціаторы, или составители нехристіанскихъ вѣроученій, эти лучшіе люди, какихъ только видѣлъ міръ, всѣ дошли до своихъ высокихъ знаній черезъ мистическое изученіе природы и условій жизни, и уже изъ этихъ знаній, какъ слѣдствія, выводили свои вѣроученія. Такимъ образомъ, дѣйствительно всѣ вѣроученія, составленныя людьми, имѣютъ въ основѣ своей мистическое изученіе природы и условій жизни. Слѣдовательно, если не раздѣлять окончательно понятіе о религіи и ея основахъ, то можно сказать, что всѣ нехристіанскія религіи заключаютъ въ себѣ мистическое начало, но сказать, что мистицизмъ религіозенъ, нѣтъ никакой логической причины.

Кромѣ того, мы должны придти къ заключенію, что мистицизмъ есть не только наука, но она есть высшая и самая естественная наука, ибо, именно, мистическаго міровоззрѣнія и мистическаго способа изученія природы держались всѣ лучшіе люди, какіе только существовали между людьми. Уже одно то, что мистицизмъ могъ служить основаніемъ для составленія вѣроученій, должно служить яснымъ и вполнѣ убѣдительнымъ аргументомъ за то, что мистическое изученіе природы приближаетъ насъ къ Божественной истинѣ много ближе, чѣмъ наша атеистическая и матеріалистическая позитивная наука.

Но имѣемъ ли мы право сказать, что христіанская религія мистична?—Абсолютно нѣтъ.

Digitized by Google

Христіанская религія въ основѣ своей не заключаетъ человѣческаго мистическаго изученія природы и ея явленій, потому что она дана людямъ не человѣкомъ, но Самимъ Богомъ; а потому она, уже по самому происхожденію своему, не можетъ быть отнесена ни къ какой рубрикѣ человѣческихъ знаній. Ей приличествуетъ одна исключительная рубрика *„Божественнаго ученія“;* и ни одно вѣроученіе, данное человѣкомъ людямъ, ни въ какомъ отношеніи съ нимъ сравниться не можетъ.

Христіанская религія основана всецѣло на словахъ и жизни Самого Бога Іисуса Христа и на той Божественной власти, которую имѣлъ Онъ Одинъ, какъ Богъ, надъ всей живой и мертвой природой, надъ людьми и всѣми силами, земными и небесными.

Это ученіе настолько выше и святѣе всего того, что можетъ дать человѣкъ людямъ, что мы, дѣлаясь послѣдователями Христа и принимая это ученіе, должны усваивать его совсѣмъ не съ тѣмъ настроеніемъ, съ которымъ мы принимаемъ другія ученія, безъ всякаго оттѣнка какихъ бы то ни были мудрствованій, безъ всякихъ умоухищреній и вообще безъ всякой работы нашего ума и нашего человѣческаго пониманія природы вещей, но со смиреннымъ сердцемъ, съ благоговѣніемъ, съ молитвой, съ вѣрой въ то, что каждое слово этого ученія проникнуто божественнымъ, нечеловѣческимъ смысломъ.

Ни одинъ вѣроучитель изъ людей, никакой подробностью своихъ мистическихъ знаній природы не могъ дойти до евангельскихъ простыхъ истинъ и дать человѣку тѣ великія милости, которыя Іисусъ Христосъ даетъ всѣмъ желающимъ слѣдовать за Нимъ и быть Его учениками.

Земные вѣроучители давали людямъ законъ къ обязательному исполненію и предписывали правила жизни. Христосъ же не даетъ никакихъ обязательныхъ шаблонныхъ формулъ жизни, никакого мотивированнаго закона, или, по крайней мѣрѣ, все обязательное къ исполненію отодвинуто Имъ далеко на второй планъ. Христосъ, какъ Богъ, даетъ Своимъ послѣдователямъ, главнымъ образомъ, *Благодать Свою.* Онъ даетъ внутреннее духовное уразумѣніе истины, при которомъ предоставляетъ на усмотрѣніе самого человѣка полный выборъ его поступковъ.

Земные законодатели говорили: не воруй, не убей, и если ты нарушишь законъ, то ты проклятъ. Іисусъ Христосъ сказалъ: люби, и если ты будешь любить ближняго, то, конечно, ты отъ него ничего не украдешь и не убьешь его; поэтому развивай любовь, и съ ней вмѣстѣ исполнишь весь законъ и приблизишься ко Мнѣ.

Земные вѣроучители предписывали вѣрить въ правильность ихъ законовъ и строго слѣдили, чтобы всѣ исполняли этотъ законъ; Христосъ же приказываетъ вѣрить въ Него Самого, а не въ законъ. Онъ

Digitized by Google

Самъ есть лоза виноградная, и каждый вѣрующій невидимо связуется съ Нимъ Самимъ, черезъ вѣру въ Него, образуетъ одно общее и нераздѣльное цѣлое, какъ бы вѣтвь отъ этого крѣпкаго и могущественнаго ствола, т. е. превращается въ участника Его собственой жизни или въ одно съ Нимъ духовное существо.

Земные вѣроучители учреждали обрядности при исповѣдываніи вѣръ. Обрядности эти были обязательны всѣ, до единой, до мельчайшей подробности, не только по самому строгому смыслу ученія и по буквѣ закона, но и въ безчисленныхъ выводахъ, къ которымъ вела буква, когда даже послѣдній слѣдъ смысла терялся въ массѣ всевозможныхъ опредѣленій. Христосъ даетъ, главнымъ образомъ, не обрядность, не повелѣніе исповѣдывать вѣру; исповѣдываніе вѣры должно совершиться натуральнымъ образомъ, само собой, какъ слѣдствіе душевнаго настроенія. Христосъ, какъ Богъ, главнымъ образомъ даетъ таинства, которыя невидимо сливаютъ съ Нимъ каждаго прибѣгающаго къ Его помощи съ вѣрой, духовно улучшаютъ человѣка и ограждаютъ отъ зла. Христосъ ищетъ Себѣ поклонниковъ въ духѣ и истинѣ, а не по формѣ и по названію только.

Въ кодексѣ Безы, древней и цѣнной рукописи, хранящейся теперь въ библіотекѣ Кембриджскаго университета (говоритъ Фарраръ „Жизнь I. X“, стр. 276), въ Евангеліи Луки, въ VI главѣ, послѣ 5 стиха, находится такое замѣчательное прибавленіе: „Въ тотъ же самый день, видя человѣка, работающаго въ субботу, Онъ сказалъ ему: *„О, человѣкъ, если ты знаешь, что ты дѣлаешь, то ты благословенъ; если же ты не знаешь, то ты проклятъ и нарушитель закона“*.

Случай этотъ можетъ быть апокрифиченъ, но онъ замѣчательно вѣрно обрисовываетъ всю разницу ученій и весь истинный духъ ученія Спасителя. Смыслъ разсказа, очевидно, такой: если ты посвященъ въ духъ ученія Спасителя и поступаешь какъ истинный христіанинъ, то имѣешь право такъ поступать, ибо и Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „суббота ли для человѣка или человѣкъ для субботы.“ Если же ты просто ослушникъ еврейскаго закона или какой-нибудь другой нехристіанской религіи, запрещающей такія дѣянія, то ты, какъ всякій нарушитель закона, проклятъ.

Ученіе Христа есть ученіе чисто духовно-нравственное и ни въ самомъ себѣ, ни въ своей основѣ никакихъ мистическихъ человѣческихъ знаній не заключаетъ. Вся сила христіанскаго ученія заключается въ самомъ источникѣ его, который есть Спаситель міра и Богъ.

Выяснивъ мѣсто мистицизма среди человѣческихъ знаній, коснемся сущности самыхъ знаній.

Въ нашъ жесткій, меркантильный вѣкъ всякій добивается опредѣленныхъ и вполнѣ ему наглядныхъ знаній и желаетъ ограничиться

Digitized by Google

одними подобнаго рода знаніями. Всякое умозаключеніе считается уже метафизикой; намекъ на какое-либо отвлеченное понятіе принимается уже за мистику; слова же философія, метафизика и мистика стали страшными словами нашего вѣка, и всякій серьезный и практическій адептъ нашего вѣка боится и бѣжитъ отъ нихъ. Всѣ модныя знанія должны быть приведены къ такой наглядности и очевидности, какую мы можемъ встрѣтить только въ торговлѣ или въ мастерствахъ.

Но имѣетъ-ли это разумный смыслъ? Развѣ природа, со всѣми ея явленіями, можетъ быть изучена съ тою наглядностью и съ тою опредѣленной точностью, какая возможна при изученіи коммерческихъ, экономическихъ, военныхъ и математическихъ наукъ? Всѣ попытки позитивизма обобщить свою науку, установить въ ней ясность разумнаго представленія, повели только къ ошибкамъ, заблужденіямъ и къ извращенію истиннаго значенія фактовъ и явленій природы.

Вѣдь позитивизмъ, подражая коммерческимъ и экономическимъ наукамъ. самъ того не замѣчая, превращается въ мастерство. Онъ знаетъ, какъ возбудить электричество или, лучше сказать, на какой фабрикѣ купить электрическую батарею; знаетъ, какъ ее пускать въ ходъ, какъ и сколько можетъ она возбудить при данныхъ условіяхъ вольтъ или амперъ, сколько можно зажечь лампъ, какъ ее выгоднѣе эксплуатировать; развѣ все это научные вопросы? Развѣ наука не должна идти дальше этого? Можетъ-ли наука пасть еще ниже этого?

Прямымъ путемъ человѣку не дано знать смысла вселенной, т. е. значеніе вещи или явленія „въ самомъ себѣ“, ибо для этого нужно изучать самую вещь или самое явленіе, а не то впечатлѣніе, которое производитъ предметъ или явленіе на сѣтчатую оболочку нашего глаза, какъ изучаетъ позитивизмъ. И весь позитивизмъ можетъ только существовать при допущеніи этой крупной ошибки, которую ни одна наука, поставленная болѣе или менѣе на правильную ногу, допустить не имѣетъ права.

Исправить эту ошибку можно только мистическимъ или умозрительнымъ путемъ.

Только одни умозаключенія въ состоянія отвѣтить на вопросы сущности или о „вещи или явленіи въ самомъ себѣ“. Если-бы только позитивизмъ выдумалъ исправить этотъ крупный пробѣлъ, таящійся въ самой основѣ всѣхъ его допущеній и вздумалъ-бы изучать не впечатлѣніе, производимое органами внѣшнихъ человѣческихъ чувствъ, но самый предметъ, то несомнѣнно онъ тоже утерялъ-бы свой точный и опредѣленный характеръ и сталъ-бы въ ряду мистическихъ или умозрительныхъ наукъ.

Неужели здравый смыслъ не долженъ подсказывать каждому, знающему все вышесказанное, что точность и ясность пониманія природы существуетъ только до тѣхъ поръ, пока мы стоимъ на фальши-

Digitized by Google

вой почвѣ изслѣдованія природы, т. е. принимаемъ впечатлѣніе за вещь въ „самомъ себѣ", ибо только это впечатлѣніе для нашего сознанія реально, но не сама вещь и какъ только мы пожелали-бы изучить не впечатлѣніе, а самую вещь, мы естественно должны утерять экономическую точность или меркантильную наглядность пониманія природы. Изъ всего вышесказаннаго надо заключить, что мистическія знанія имѣютъ большую возможность глубже изучать природу, чѣмъ положительныя. Гоняясь за ясностью, мы теряемъ сущность. Чтобы не терять возможности изучать сущности, мы не должны бояться и избѣгать умозаключеній, какъ не боялся ихъ ни одинъ изъ великихъ иниціаторовъ, ибо всѣ они были мистики, и результаты мистическихъ трудовъ людей были всегда несравненно значительнѣе, чѣмъ результаты трудовъ позитивизма.

Чтобы понять, насколько это явленіе нормально и насколько, въ самомъ дѣлѣ, логика мистическихъ наукъ болѣе соотвѣтствуютъ истинному смыслу природы и вообще дѣлъ Рукъ Божьихъ, прослѣдимъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, грѣшитъ современный позитивизмъ и какую поправку необходимо ввести въ него, чтобы приблизить его къ истинному смыслу природы и черезъ то дать ему возможность глубже и подробнѣе изучить его.

1) Первое, что мы должны обязательно требовать отъ позитивизма, это то, чтобы онъ изучалъ природу не въ томъ видѣ, какъ каждый предметъ и каждое явленіе представляется человѣческому сознанію, а въ томъ видѣ, какъ она въ дѣйствительности есть. Для выполненія этой первой неправильности, онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ принимать за безусловныя реальности понятія и знанія, пріобрѣтаемыя имъ экспериментальнымъ путемъ только потому, что они кажутся такими, но вполнѣ необходимо подвергать ихъ предварительно философской обработкѣ для отдѣленія возможнаго и вѣроятнаго отъ сомнительнаго. Затѣмъ, тѣ понятія, которыя должны были бы служить одними лишь соображеніями ума, не переносить на самыя явленія и не устанавливать, такимъ образомъ, понятія о реальностяхъ на предметы, которые въ сущности, по природѣ своей, еще не составляютъ реальностей. Однимъ словомъ, мы потребовали бы отъ позитивизма, чтобы онъ строго отдѣлялъ непогрѣшимыя исходныя точки мышленія, отъ которыхъ онъ имѣетъ право только начать свое умозаключеніе, отъ самыхъ знаній. Принимая же начало мышленія за самый конечный выводъ, позитивизмъ, очевидно, заблуждается.

2) Мы потребовали бы отъ позитивизма, чтобы онъ расширялъ рамки познаваемости своей науки по мѣрѣ того, какъ увеличиваются данныя науки и сообразно съ возростаніемъ интеллектуальнаго развитія между людьми. Не смѣшно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ больше знаютъ люди научныхъ фактовъ и чѣмъ они становятся умнѣй, тѣмъ

Digitized by Google

меньше они могутъ объяснить эти факты и тѣмъ болѣе они сознаютъ, что ходятъ ощупью въ своей наукѣ, какъ въ темномъ лѣсу, не вѣря ни себѣ, ни своей наукѣ.

3) Мы требовали-бы, чтобы позитивизмъ измѣнилъ свое міровоззрѣніе на болѣе соотвѣтствующее истинному строю вселенной.

Причина существованія вселенной есть Всемогущій Богъ, правящій ею и сохраняющій ее, поэтому нѣтъ никакой разумной причины быть наукѣ ни атеистической, ни матеріалистической и всѣми силами маскировать и оправдывать свое неестественное міровоззрѣніе. Богъ есть причина существованія вселенной, а потому, желая изучить смыслъ и сущность вселенной, не естественнѣе-ли всего искать причины всѣхъ вещей тамъ, гдѣ онѣ находяться, т. е. въ Богѣ.

Въ какомъ бы видѣ люди не представляли бы себѣ Бога, даже тѣ, которые признаютъ Его безличнымъ и слитымъ съ веществомъ (см. „Богъ неопровержимъ наукой“, стр. 95—109), и тѣ даже представляютъ себѣ Его всеобъемлющимъ, всесозидающимъ, всесильнымъ, вездѣсущимъ и въ полномъ смыслѣ безконечнымъ въ своемъ вліяніи на природу и они даже признаютъ эту Силу или это Начало основной причиной существованія міра.

Если же къ такому убѣжденію приходили люди, абсолютно слѣпые къ познанію Божественной истины, то наука христіанскихъ ученыхъ должна же сказать о Богѣ нѣсколько больше. Она не можетъ не признать, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что всякое разумное дѣйствіе должно имѣть разумную причину; а разумъ можетъ проявлять никакъ не вещество и не нѣчто слитое съ веществомъ, но непремѣнно личность, и личность, непремѣнно находящуюся отдѣльно отъ вещества и по своему существу стоящую выше своего творенія, ибо никто никогда не видалъ въ мірѣ, чтобы кто-нибудь творилъ нѣчто себѣ подобное, но творецъ долженъ быть выше своего творенія.

Если же принять за доказанное, что вселенной, всякимъ явленіемъ и всякимъ даже мельчайшимъ фактомъ управляетъ Высшая, Безконечная, Разумная Воля, то нѣтъ никакой логической причины сохранять въ наукѣ принципъ автоматичности, необходимости и случайности, ибо понятіе о Богѣ прямо исключаетъ понятіе о случайности и необходимости. Поэтому наука, носящая въ себѣ атеистическій характеръ, должна быть прямо отвергнута людьми.

Нѣтъ мѣста „необходимости“, „случайности“ и „автоматичности“ при безконечно подробномъ попеченіи Бога о природѣ. Если не всякая пылинка, не всякая инфузорія, не всякая даже проходящая мысль, не всякій вѣтерокъ, находящіеся на любомъ мѣстѣ вселенной, во всѣхъ ихъ деталяхъ и всесторонне не управлялись бы Богомъ съ самаго сотворенія міра и непрестанно, то Онъ не былъ бы безконеченъ, ибо Его управленіе вселенной подробнѣе всего того, что можетъ

Digitized by Google

себѣ представить слабое и конечное представленіе людей — ибо Онъ безконеченъ въ Своихъ предначертаніяхъ.

Для того, кто вѣритъ въ безконечность качествъ Божіихъ, должно исчезнуть слово „законъ природы“ въ томъ автоматичномъ смыслѣ, который оно нынѣ имѣетъ въ позитивной наукѣ или, лучше сказать, выраженіе „законъ природы“ должно обозначать словами „Воля Божья“, ибо постоянство есть одно изъ качествъ Божіихъ. Онъ не былъ бы Богомъ, если бы желанія и хотѣнія Его были перемѣнчивы. Что однажды рѣшено Имъ, то и исполняется до конца вѣковъ и исполняется не само собой, но въ силу постояннаго проявленія Его желанія, которому нѣтъ причины измѣняться, ибо это желаніе—Бога.

4) Ни одинъ философъ и ни одинъ ученый, признающій Бога, никогда еще не отвергалъ души въ человѣкѣ. Эти два понятія были всегда неразрывно вмѣстѣ связяны.

Признаніе позитивизмомъ особаго разумнаго и чувственнаго элемента должно окончательно измѣнить науку о человѣкѣ. Позитивизмъ понимаетъ подъ словомъ „душа“ совокупность ощущенія всѣхъ органическихъ отправленій тѣла и онъ отвергаетъ абсолютно въ человѣкѣ всѣ жизненныя функціи. Онъ не признаетъ ни высшихъ, ни низшихъ проявленій жизни; по его мнѣнію, всѣ жизни одинаковы, и онъ убѣжденъ, что жизнь человѣка и жизнь камня это одно и то-же; что можно назвать и камень живымъ, если мы желаемъ употреблять это слово вообще, или можемъ и всю жизнь человѣка разсматривать, какъ мы разсматриваемъ камни, со стороны реакціи, со стороны преобразованія вещества, т. е. не живымъ. По ихъ мнѣнію, камень живетъ тою же жизнью, какъ человѣкъ, потому что все въ природѣ одинаково живо или все одинаково мертво.

Очевидно, что этотъ взглядъ на человѣка не соотвѣтствуетъ Богомъ предначертанной цѣли человѣческой жизни, а слѣдовательно ясно, что весь методъ изученія человѣка долженъ быть капитально измѣненъ. (Сравни: „Богъ неопровержимъ наукой“ стр. 159—160).

Всякій мало-мальски здравомыслящій человѣкъ, дорожащій истиной, долженъ же себя спросить: если силы, проявляющіяся въ человѣкѣ, отличны отъ силъ, проявляющихся въ камнѣ, то въ чемъ же состоитъ эта разница? Какая разница между химической реакціей и жизненной силой, ибо нельзя отвергать, что жизнь и назначеніе камня другое, чѣмъ жизнь и назначеніе человѣка. Въ чемъ же именно эта разница находится? Всякій, признающій въ человѣкѣ душу, какъ отдѣльный самостоятельный элементъ, независимый отъ матеріальнаго тѣла, долженъ же постараться себѣ выяснить, проявляется ли когда-нибудь этотъ самостоятельный элементъ человѣка независимо отъ органическихъ функцій тѣла? Какого сорта эти проявленія? Что они открываютъ людямъ и какой ихъ смыслъ? Развѣ всѣ эти вопросы не логичны, не

Digitized by Google

интересны и не естественны? Какая наука естественнѣе? Та-ли, которая отвергаетъ всякія самостоятельныя и отдѣльныя отъ тѣла проявленія души или та, которая ихъ изучаетъ? Позитивизмъ принципіально изгоняетъ ихъ изъ области своихъ знаній, нисколько не изучая ихъ, и называетъ ихъ вздоромъ, не заслуживающимъ вниманія, и галлюцинаціями. Но на какомъ же это основаніи? Если это мнѣніе было продуктомъ здраваго вывода, полученнаго позитивистами послѣ долгаго изученія проявленія души, тогда мы обязательно должны бы были вѣритъ имъ; но заключеніе это есть продуктъ предвзятыхъ идей и принциповъ, не позволяющихъ имъ касаться этихъ темъ. Позитивисты отвергаютъ всѣ самостоятельныя проявленія души, ибо не желаютъ выказать своей некомпетенціи въ изученіи этихъ вопросовъ, ибо вполнѣ признали свою науку неспособной къ изученію ихъ, а себя психически несостоятельными. Не должны ли мы, сознающіе всю важность этого познанія, потребовать отъ позитивизма измѣненія методовъ его изслѣдованія природы, допускающихъ возможность изученія человѣческой природы въ истинномъ ея смыслѣ, безъ всякихъ предвзятыхъ идей и безъ принциповъ, препятствующихъ правильному изученію природы.

Пора, наконецъ, познать человѣку, что гдѣ предвзятыя мысли и гдѣ принципы, тамъ нѣтъ болѣе здравой мысли, нѣтъ науки, нѣтъ прогресса и нѣтъ развитія, тамъ одно коснѣніе и одна мертвечина.

5) Нѣтъ ни одного ученаго, признающаго душу въ человѣкѣ, который не признавалъ бы ее самостоятельной и безсмертной. Если это такъ, то правильно ли поступаетъ позитивизмъ, отказываясь искать зависимость этой самостоятельности и этого безсмертія въ физической природѣ матеріальной организаціи человѣка.

Эта зависимость, проявляющаяся на каждомъ шагу жизни человѣческой, не можетъ не возбуждать живѣйшаго желанія узнать ее. Но современный позитивизмъ и не думаетъ начинать изученія ея, полагая, что камень, что человѣкъ—одно и то-же.

Затѣмъ, если душа безсмертна, то куда дѣвается она послѣ смерти? Развѣ не было-бы это существенно полезно узнать человѣку по его наукѣ, т. е. по выводамъ здраваго разума? Если точныя свѣдѣнія невозможны, то мы были бы рады получить хотя научныя соображенія, указывающія намъ предѣлы возможнаго и невозможнаго. Напримѣръ, Артуръ Шопенгауеръ говоритъ:

Отрицаніе a priori всякой возможности дѣйствительнаго явленія умершихъ и подобающее ему осмѣяніе противоположнаго мнѣнія могутъ основываться единственно на убѣжденіи, что смерть есть абсолютное уничтоженіе человѣческаго существа. Ибо внѣ такого убѣжденія нельзя усмотрѣть, почему бы существо, которое еще какимъ-либо образомъ существуетъ, не могло бы какъ-либо себя обнаружить и подѣйствовать на другое, хотя бы и находящееся въ иномъ состояніи.

Digitized by Google

„Напротивъ, если въ человѣкѣ есть еще нѣчто неразрушимое, кромѣ матеріи, то невозможно не допустить, чтобы то, что вызывало чудесный феноменъ жизни, оказалось, по ея окончаніи, отнюдь неспособнымъ ни къ какому воздѣйствію на живущихъ".

Шопенгауеръ сказалъ это еще въ 1840 годахъ; неужели съ тѣхъ поръ вся наука, совокупными силами работая надъ природой человѣка, не имѣетъ ровно ничего добавить къ этому? Таинство смерти играетъ столь важную роль въ жизни человѣка, что наука могла бы, склоняясь къ пользѣ человѣка, дать свои соображенія; если же она не даетъ ихъ добровольно, то слѣдовало бы потребовать ихъ отъ нея.

Позитивизмъ не можетъ отговориться неимѣніемъ достаточнаго матеріала для изученія. Если бы только позитивизмъ откинулъ свои предвзятыя мысли и принципіально согласился бы изучать всѣ сверхчувственныя состоянія человѣка, то нашелъ бы для своего изслѣдованія такую обильную неразвѣданную область, что изумился бы. Въ каждомъ сонномъ, полусонномъ состояніи человѣка, въ сонамбулизмѣ, месмеризмѣ, гипнотизмѣ, магнетизмѣ, каталепсіи, монтевизмѣ, летаргіи, въ трансѣ, позитивизмъ нашелъ бы безпредѣльное количество матеріала къ изученію человѣка. Но вѣдь это было бы далеко не все; ему предстояло бы затронуть область магіи, науки факировъ, буддистовъ, египтянъ, умное дѣланіе христіанскихъ монаховъ, созерцанія природы нехристіанскихъ аскетическихъ сектъ, ясновидѣніе тайнозрителей и явленія изъ-за гроба живымъ людямъ; однимъ словомъ, нѣтъ конца обилію неразвѣданнаго матеріала, который могъ бы быть весь отданъ позитивизму на разслѣдованіе.

Несомнѣнно, если бы позитивизмъ согласился сойти съ почвы своихъ заблужденій, исправить свои вышеупомянутыя заблужденія и измѣнить сообразно съ ними свое міровоззрѣніе и методъ изслѣдованія природы, то, конечно, онъ сталъ бы подъ знамя мистической науки, ибо она одна только и есть натуральная, естественная и Божественная наука.

Но пока этого нѣтъ, пока нашъ позитивизмъ остается глухъ къ мольбамъ любознательныхъ людей современнаго общества и не желаетъ помочь имъ постигнуть разумомъ смыслъ и цѣль ихъ жизни, мы считаемъ себя въ правѣ обратиться къ мистицизму и сдѣлать краткую выдержку изъ показанія христіанскихъ очевидцевъ загробнаго міра, до нѣкоторой степени разъясняющихъ смыслъ и цѣль жизни.

Въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ совершенно такъ же, какъ дѣйствуютъ люди, которымъ желательно изучить какую-нибудь невѣдомую и недоступную страну, напримѣръ, внутренность Африки или землю какихъ-нибудь папуасовъ. Они отправляютъ сперва экспедицію, которая доставляетъ предварительныя свѣдѣнія о богатствѣ страны, объ ея жителяхъ, о нравахъ и обычаяхъ; эти предварительныя свѣдѣнія далеко

Digitized by Google

не подробны, отрывочны и кратки, а потому могутъ дать лишь общее понятіе о странѣ; тѣмъ не менѣе они очень цѣнны и открываютъ глаза на ту страну, которая безъ нихъ была бы окончательно неизвѣстна.

Многіе христіанскіе тайнозрители посѣщали загробный міръ; всѣ они видѣли одну или другую часть его и разновременно сообщали людямъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими, лично, отъ тамошнихъ обитателей, касательно жизни ихъ, которая станетъ, со временемъ, и нашимъ удѣломъ, ибо всѣ мы стремимся къ одной и той же Высшей Цѣли. Неужели можетъ для кого-нибудь быть неинтереснымъ выслушать выдержку изъ этихъ разсказовъ. Разсказы могутъ быть не полны, отрывочны и заключать въ себѣ много еще не договореннаго, но зато каждое слово ихъ дышитъ Божественной правдой и логикой. Каждое изъ нихъ западаетъ глубоко въ сердце, согрѣваетъ его, даетъ отраду и свѣжее энергичное желаніе слѣдовать за добромъ и бороться со зломъ. Жить и страдать съ открытыми глазами, зная, зачѣмъ живешь и почему страдаешь, несравненно легче, чѣмъ получать удары судьбы, не зная, зачѣмъ они, откуда они, нельзя ли предотвратить ихъ и слѣдуетъ ли вообще стараться предотвращать ихъ.

Вотъ именно это послѣднее и есть прямая задача нашей книги. Мы только мотивировали и привели въ систему, для возможности болѣе ясной передачи, то, что разновременно сообщалось міру христіанскими тайнозрителями или то, что повѣдалось духами, являющимися изъ загробнаго міра. Всѣ они открывали людямъ великія истины, которыя не могутъ не возбуждать самаго живѣйшаго интереса въ нихъ уже по одной той причинѣ, что всѣ эти сообщенія давались людямъ по соизволенію Самого Бога, какъ наиболѣе полезныя для нихъ свѣдѣнія, составляющія сущность и смыслъ ихъ жизни.

Дерево узнается по плодамъ его. Такъ точно и глубину истинъ, высказываемыхъ этой книгой, оцѣнитъ сердце каждаго, найдя въ нихъ отвѣты на самые сокровенные вопросы о цѣли бытія, которая для многихъ до сего времени остается вполнѣ неизвѣстной и загадочной, вслѣдствіе чего они не останавливаются ни на какомъ опредѣленномъ міровоззрѣніи, а влачатъ свою жизнь на-авось.

Авторъ.

Digitized by Google

Глава I.

Начало міроздàнія.

Было время, когда ничего не было: ни неба, ни земли, ни солнца, ни звѣздъ; была бездна пространства во тьмѣ и Духъ Божій царилъ надъ ней.

Одинъ Богъ безначаленъ. Одинъ Онъ не имѣетъ начала Своего Царства и силой Своей Всемогущей Воли создалъ изъ ничего все во вселенной, рѣшительно все, какъ то, что̀ мы видимъ нашими органическими глазами, такъ и то, что невидимо ими. Все, что только существуетъ,—существуетъ по Его Святой Волѣ.

Онъ Одинъ пребывалъ отъ вѣчности, и всегда пребывалъ въ блаженномъ ощущеніи свѣтозарности своей красоты и безконечной мощи Своего Всемогущества.

Онъ отъ вѣчности созерцалъ вожделѣнное обиліе Своей любви и милосердія, равное и равно совершенное величіе Трисіяннаго Божественнаго Существа Своего, какъ то извѣстно Одному Богу и тѣмъ, кому Онъ захотѣлъ открыть это.

Царствуя въ пустотѣ вѣковъ, Мысль Всевышняго была поглощена желаніемъ создать по возможности бо̀льшее число духовно-разумныхъ существъ, способныхъ свободно и разумно, какъ Онъ Самъ, наслаждаться тѣмъ блаженствомъ, которое есть слѣдствіе святой, чистой и любвеобильной жизни, и даромъ Божественнаго Творца Своего.

Его Творческій Всепредвидящій Умъ созерцалъ уже въ Своихъ умопредставленіяхъ Имъ-же Самимъ составленные образы міровъ, необходимыхъ для жизни и проявленія дѣятельности каждому изъ подлежащихъ сотворенію существъ. Весь высшій и премудрѣйшій планъ міроздàнія, предначертанный Его Предвидѣніемъ, былъ для Него какъ бы настоя-

Digitized by Google

щимъ и уже совершившимся; ибо у Бога все одинаково передъ Очами: и прошедшее, и настоящее, и будущее, и, какъ бы отдалены они ни были, они сливаются въ одно общее всезнаніе—Онъ Всевѣдущъ.

Богъ—источникъ безконечной благости, любви и милосердія, ни могъ быть удовлетворенъ однимъ личнымъ сознаніемъ Самого Себя, Своихъ высокихъ качествъ и Своей безконечной силы; Онъ не могъ быть удовлетворенъ также однимъ личнымъ сознаніемъ и ощущеніемъ того безконечнаго блажества, въ которомъ пребывалъ отъ вѣчности, но требовалъ, чтобы это благо, эта любовь и милосердіе, находящіяся въ Немъ въ такомъ изобиліи, разливались бы безпредѣльно, чтобы они, отражаясь въ сонмѣ осчастливленныхъ Имъ существъ, вновь зарождались бы въ нихъ, умножались бы еще больше и шли бы все дальше и дальше, изъ силы все въ бо́льшую силу, изъ свѣта къ бо́льшему свѣту и чтобы число этихъ блаженныхъ существъ было бы возможно больше, было бы несчислимо велико.

Могъ ли Богъ, любвеобильнѣйшій источникъ блага и милосердія, ограничиться однимъ личнымъ ощущеніемъ Своего блаженства и однимъ сознаніемъ Своихъ высокихъ и чистѣйшихъ качествъ?—Если мы, эгоистическое человѣчество, охотно благотворимъ ближнимъ, чтобы удовлетворить то ничтожное чувство любви и милосердія, которое находится въ насъ лишь въ зачаточномъ состояніи; если мы, порочные люди, въ минуту нашего микроскопическаго счастья, которое иногда выпадаетъ на нашу долю, уже чувствуемъ потребность дѣлиться имъ съ кѣмъ-нибудь, то тѣмъ болѣе Богъ, не имѣющій и тѣни эгоизма, ни слѣда порочности, совершенно свободно и непринужденно желалъ излить Свою безконечную любовь и милосердіе и тѣмъ осчастливить неограниченное число существъ, чтобы всѣ они, ощущая то-же, что и Онъ Самъ, хотя отчасти поняли, оцѣнили Его и, однимъ словомъ, раздѣлили бы съ Нимъ Его счастье и блаженство.

Такимъ образомъ, единственнымъ побужденіемъ къ созданію міра духовно-разумныхъ существъ были благость и любовь. Побужденіе это было вызвано отнюдь не какой-либо необходимостью, но единственно Его свободнымъ произволеніемъ. Единственною цѣлью сотворенія было дарованіе блаженства этимъ созданнымъ существамъ.

Для выполненія этой единственной, но величественнѣйшей цѣли творенія, необходимо было создать всѣ видимые и невидимые міры, всю вселенную, всѣхъ животныхъ и растеній

Digitized by Google

для возможности проявленія цѣлесообразной жизненной дѣятельности этихъ существъ, черезъ которую и долженъ каждый мало-по-малу доходить до своего совершенствованія и высшихъ нравственныхъ, разумныхъ и духовныхъ развитій, при которыхъ только и возможно постигнуть дѣла Божіи, проникнуться всей глубиной той премудрости и того блага, которыя въ Богѣ, и, пользуясь этимъ высшимъ пониманіемъ, быть счастливымъ и блаженнымъ, какъ Онъ Самъ счастливъ и блаженъ.

Изъ-подъ-всесовершеннѣйшихъ творческихъ рукъ Божіихъ не могло выходить что-либо несовершенное, а потому и духовно-разумныя существа, призванныя Богомъ къ жизни, и были всѣ одинаково чисты и непорочны. Иначе быть не могло, ибо Господь Богъ, даруя существамъ жизнь, удѣлялъ каждому святѣйшую часть отъ Себя Самого; ту часть, изъ которой состоялъ Самъ и которой владѣлъ Самъ. Такимъ образомъ, всѣ духовно-разумныя существа не только создавались подобно Существу Божьему, но были Божественны, были Имъ Самимъ, а слѣдовательно имѣли полную возможность пользоваться блаженною жизнью наравнѣ съ Самимъ Богомъ; для сотворенія тѣла каждаго изъ существъ, Богъ отдѣлилъ часть тончайшей и чистѣйшей матеріи, изъ которой состоитъ Онъ Самъ, изъ матеріи разрѣженной, конечно, до непонятной намъ безконечности; для сотворенія души Онъ отдѣлилъ часть Своего Святѣйшаго Духа; для жизни Онъ далъ возможность пользоваться тѣми совершеннѣйшими качествами, которыми владѣетъ Онъ Самъ, и эти дары нисколько не умаляли Его, ибо Онъ безконеченъ въ абсолютномъ смыслѣ этого слова.

По высшему правосудію Своему и вслѣдствіе одинаковой безконечной любви, которую питаетъ Богъ къ сотвореннымъ Имъ существамъ, Онъ даруетъ всѣмъ одинаковую частицу Свою и никто не лишается ея, и даже тѣ, которые сами захотѣли отвергнуть ее, заглушить ее въ себѣ и жить наперекоръ своей природы и въ тѣхъ даже она не исчезаетъ, не уничтожается Богомъ, но пребываетъ въ сокрытомъ для нихъ видѣ, всегда готовая къ призыву раскаянія.

Эта благодатно дарованная частица такъ-же безконечна, какъ и Самъ Богъ безконеченъ; но качества, заключающіяся въ ней, могутъ быть вызваны или воздѣланы не иначе, какъ только доброй волей существа, получившаго ее въ даръ отъ Бога и непремѣнно съ помощью и благословенія Самого Бога. Это есть необходимое условіе развитія всякаго существа, положен-

Digitized by Google

ное Самимъ Богомъ при сотвореніи его. Каждый пользуется дарами Божественной благодати въ той мѣрѣ, которая необходима ему для выполненія его жизненной задачи, сообразно со степенью своего умственнаго, нравственнаго и духовнаго развитія. Всякая новая степень развитія существа, пріобрѣтаемая имъ черезъ собственныя и добровольныя страданія и стремленія къ самоусовершенствованію, открываетъ въ немъ, съ помощью Бога, новыя силы и способности къ возможности все бо̀льшаго пониманія Бога, къ осмысленному ощущенію блаженства чистаго, безгрѣшнаго существованія. Полнаго блаженства жизни достигаетъ только тотъ, кто сталъ совершенъ, кто обильно воздѣлалъ въ себѣ дары Божіи при Его Святой помощи, приблизился къ Богу и становится подобенъ Ему; но въ полномъ смыслѣ слова Одинъ Богъ святъ и блаженъ.

Давая часть Себя Самого при сотвореніи существъ, Господь Богъ даетъ каждому: 1) жизнь; 2) Свой собственный образъ и возможность быть Ему подобнымъ; 3) Онъ даруетъ каждому его самостоятельное „я“, или его личность, или то, что мы называемъ въ себѣ душой. Эта душа такъ же безсмертна, какъ Самъ Богъ, ибо она именно и есть Божественная частичка, освящающая все существо и составляющая вѣчное и постоянное личное присутствіе Самого Бога въ каждомъ изъ сотворенныхъ Имъ духовно-разумныхъ существъ; 4) Богъ каждому даетъ совѣсть: это гласъ Божій, вѣчно въ каждомъ находящійся. Эта совѣсть осуждаетъ или одобряетъ всѣ поступки и намѣренія существъ, и, наконецъ, 5) Богъ далъ свободную, никѣмъ не стѣсняемую волю, дѣлающую каждое духовно-разумное существо — существомъ личнымъ, свободнымъ и независимымъ.

Только эти священные дары Создателя могутъ сдѣлать существо личнымъ, самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ за поступки. Только эти божественныя качества и свойства, цѣлесообразно направленныя, могутъ довести до вполнѣ яснаго пониманія Бога и возложенной на каждаго задачи самоулучшенія.

Не должны ли мы всѣ, сколько только есть существъ во вселенной, быть глубоко благодарны Богу за всѣ благодѣянія, которыми награждены Имъ рѣшительно ни за что, безъ всякаго съ нашей стороны повода, лишь вслѣдствіе Его безконечной любви и милосердія. Не должны ли мы постоянно благодарить Бога, вспоминая постоянно, что все, что мы имѣемъ,—имѣемъ по Его милости и имѣемъ безконечно много, а именно:

Digitized by Google

1) Не есть-ли, въ самомъ дѣлѣ, „жизнь“ величайшій даръ, который только могъ желать получить человѣкъ и этотъ даръ не могъ бы онъ, конечно, получить ни отъ кого другого, какъ только отъ существа безконечнаго — отъ Бога. Большинство людей трепещетъ передъ однимъ воспоминаніемъ о смерти, т. е. передъ однимъ опасеніемъ потерять жизнь. Не доказываетъ-ли это ихъ сильную привязанность къ жизни. Разставаніе съ жизнью человѣка, признающаго свое уничтоженіе за гробомъ, производитъ всегда самое удручающее впечатлѣніе. Онъ борется со смертью, какъ со своимъ злѣйшимъ врагомъ, и это сильное желаніе жить до нѣкоторой степени останавливаетъ процессъ смерти. У подобныхъ людей агонія длится иногда нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ.

Вообще говоря, какъ бы жизнь ни была тяжела, въ какой бы ни жилъ человѣкъ бѣдности, горѣ и болѣзняхъ, какія бы ни претерпѣвалъ онъ бѣды, несчастія, превратности судьбы,— онъ все же такъ дорожитъ жизнью, что охотно принялъ бы еще бо̀льшія мученія, лишь бы отъ него не отнимали жизни.

Люди, вѣрующіе въ Бога и въ безконечное загробное блаженное существованіе, спокойно ждутъ конца своего. Есть между ними и такіе, которые желаютъ смерти, какъ избавленія отъ трудности земной жизни; но вѣдь это желаніе смерти не есть желаніе своего уничтоженія, но есть желаніе получить скорѣе лучшую жизнь на небѣ. Они не допускаютъ и мысли, что смерть есть уничтоженіе; они увѣрены, что какъ они жили на землѣ, такъ точно будутъ они продолжать жить и за гробомъ, только при лучшихъ условіяхъ и въ лучшемъ мѣстѣ. Но спросите ихъ, желаютъ-ли они своего уничтоженія?— Всякій изъ нихъ ужаснется передъ подобной мыслью, заставляющей застывать кровь въ жилахъ и подыматься на головѣ волосамъ дыбомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно изъ „я“ превратиться въ „ничто“. Это тѣмъ болѣе ужасно, что никакое самое пылкое человѣческое воображеніе не въ состояніи себѣ составить идею объ этомъ „ничто“.

Какъ глубоко долженъ быть человѣкъ благодаренъ Своему Создателю, который вызвалъ его изъ этого „ничто“ и призвалъ къ жизни. Только тотъ можетъ относиться безразлично къ этому великому дару Творца, кто, по своей гордости, признаетъ жизнь своею неотъемлемою собственностью, а потому рѣшительно не желаетъ понять, что безъ особой милости Божіей онъ до сего времени былъ бы въ состояніи небытія, т. е. „ничто ровно“—менѣе животнаго, менѣе всякаго

Digitized by Google

растенія, менѣе куска камня, ибо и тотъ получилъ отъ своего Творца, хотя и низшую, но все же жизнь.

Только человѣкъ, не говоря уже о духовной его порочности, но безъ общегражданскихъ принциповъ о долгѣ и чести, можетъ присвоить себѣ то, что ему не принадлежитъ, но дано на извѣстныхъ условіяхъ. Если бы человѣкъ распорядился чужимъ добромъ не такъ, какъ желаетъ его владѣлецъ и сталъ бы злоупотреблять чужимъ имуществомъ, онъ былъ бы названъ человѣкомъ безчестнымъ. Такъ точно мы, принявшіе отъ Бога жизнь, не должны ли стараться узнать, для чего она намъ дана, и какія обязанности наложилъ на насъ Богъ, давая намъ ее.

2) Давши человѣку жизнь, Господь Богъ вдунулъ въ него Духъ Свой, дыханіе жизни, частичку Самого Себя, которая освящаетъ человѣка и даетъ ему духовное пониманіе истины. Этотъ второй даръ открываетъ человѣку возможность укоренять въ себѣ всѣ нравственныя и духовныя начала, ибо съ этимъ даромъ онъ получаетъ зачатки всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми владѣетъ Самъ Богъ и которыя онъ обязанъ возростить въ себѣ черезъ свою правильную жизненную дѣятельность, производимую имъ въ духѣ Божественнаго Закона, чтобы не извратить святыхъ качествъ, вложенныхъ въ него Богомъ.

Итакъ: а) Богъ призвалъ человѣка къ жизни, т. е. вырвалъ его изъ небытія, изъ состоянія смерти, въ которомъ онъ, безъ этого, находился бы вѣчно; б) освятилъ его, поставилъ выше всѣхъ животныхъ, выше всего сотвореннаго Имъ, далъ ему частичку Себя Самого и присутствіе Свое въ немъ, и в) далъ ему Свой образъ и возможность быть Ему подобнымъ. Можно-ли больше наградить человѣка? Не обязанъ-ли человѣкъ спросить себя: за что такія милости? Чѣмъ могу отплатить Богу, чтобы, по крайней мѣрѣ, не быть неблагодарнымъ? Какъ могъ я, бывши вчера еще ничтожнѣе куска грязи, быть сегодня носителемъ и хранителемъ Святѣйшей частички Самого Бога.

Мы чтимъ священныя вещи, образа, храмы и относимся къ нимъ съ благоговѣніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не обращаемъ вниманія на то, что мы сами храмы и что, давъ намъ жизнь, Богъ Самъ живетъ въ насъ. Нося въ себѣ Бога, мы должны всегда строго и съ благоговѣніемъ относиться какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ людямъ, ибо они то-же храмы и въ нихъ то-же пребываетъ Богъ.

Развѣ не должно налагать на человѣка извѣстныхъ обязательствъ столь великое количество щедротъ Божіихъ, дан-

Digitized by Google

ныхъ ему рѣшительно ни за что, а единственно изъ одной любви Бога къ людямъ. Изъ одного уже чувства благодарности мы должны-бы были умножать вложенное въ насъ добро, а не закапывать свои таланты въ землю.

3) Не есть-ли умъ, мысль и другія дарованія и таланты, которыми владѣетъ человѣкъ, третьимъ и величайшимъ даромъ, которымъ только могъ наградить человѣка Одинъ Богъ. Ничто не уподобляетъ такъ человѣка Богу, какъ употребленіе этого дара въ Божественномъ смыслѣ и, наоборотъ, ничто такъ не отдаляетъ человѣка отъ Бога, и не порождаетъ въ немъ разврата мысли и тѣла, какъ употребленіе этого дара въ противу Божественномъ смыслѣ.

Большинство думаетъ, что умъ, разсудокъ, таланты и всѣ преимущества, которыми пользуется человѣкъ надъ другими людьми, суть его неотъемлемыя достоянія, его личная собственность, которыми онъ властенъ распорядиться, какъ ему угодно. Поэтому каждый злоупотребляетъ ими на разные лады.

Конечно, если думать, что превосходство ума или талантъ, или всякое преимущество, которыми я владѣю, это моя собственность или, лучше сказать, „я самъ“, то справедливо мнѣ одному и пользоваться результатами, пріобрѣтенными отъ этихъ преимуществъ. Но вѣдь въ сущности это ошибка. Это не моя собственность, это не мое личное пріобрѣтеніе, но даръ Божій, данный мнѣ на подержаніе. Если же это только чужое преимущество, данное мнѣ на извѣстныхъ условіяхъ, то я долженъ дѣлать изъ него то употребленіе, которое требуетъ собственникъ этого имущества, т. е. Богъ.

Если я считаю, что умъ, талантъ, власть, успѣхъ по службѣ, удачи въ дѣлахъ, высокое мое положеніе между людьми, блестящія способности, знатность, богатство, физическая и нравственная силы и т. д. суть результаты чего-нибудь мнѣ лично принадлежащаго, то я въ правѣ возгордиться, вознестись передъ людьми, эксплуатировать и порабощать ихъ тѣмъ или другимъ способомъ, т. е. впасть въ грѣхи самаго Денницы. Но такъ какъ всѣ эти преимущества даны Богомъ, то это обстоятельство уже налагаетъ на меня отвѣтственность передъ Богомъ за правильное употребленіе Его достоянія. Тутъ уже нѣтъ мѣста ни самохвальству, ни тщеславію, ни наживѣ; а всякій честный человѣкъ долженъ постоянно оглядываться въ жизни и спрашивать себя, все ли я такъ сдѣлалъ съ Божьимъ имуществомъ, какъ Онъ Самъ того желаетъ.

Разница между этими двумя воззрѣніями громадна, и она отражается на всей жизни людей, на всей культурѣ, на всемъ

Digitized by Google

прогрессѣ міра и на всѣхъ отношеніяхъ между людьми или, лучше сказать, на всей общественной и частной жизни.

4) Не обладая совѣстью, никто изъ насъ не былъ бы въ состояніи правильно оцѣнивать своихъ поступковъ. Совѣсть постоянно останавливаетъ и уберегаетъ каждаго отъ зла. Она заставляетъ искать истинные и правильные пути въ жизни и упрекаетъ того, кто противится ея указаніямъ. Безъ этого могущественнаго помощника было бы трудно держаться на высотѣ своего совершенства, а тѣмъ болѣе преуспѣять въ добрѣ.

5) Не обладая свободной волей, мы не были бы личностями, и не были бы существами разумными. Понятіе о личности, которая должна нести отвѣтственность за поступки, непосредственно связано съ понятіемъ о свободной, ничѣмъ не стѣсняемой волѣ. Отвѣчать за свои поступки можетъ только тотъ, кто дѣлаетъ ихъ свободно и сознательно, слѣдуя своимъ собственнымъ желаніямъ и стремленіямъ. Если бы кто-нибудь или что-нибудь заставляло эту личность поступать такъ, а не иначе, то она не была бы свободна и не имѣла бы причины стать отвѣтственной за свои поступки. Какъ всѣ животныя, напримѣръ: волкъ — золъ и алченъ, ягненокъ — добръ и безобиденъ, оселъ—терпѣливъ и безотвѣтенъ, но никто не ставитъ имъ въ заслугу этихъ качествъ, ибо это отъ природы. Волкъ долженъ быть золъ, а оселъ долженъ быть терпѣливъ, и пока только будетъ существовать волкъ и оселъ, они вѣчно будутъ такими, ибо это качества, вложенныя въ нихъ Богомъ при сотвореніи ихъ, а потому ни оселъ за свое терпѣніе, ни ягненокъ за свою доброту не получатъ награды, ибо они добры не потому, что хотятъ быть добрыми, а потому, что не могутъ быть злы, такова уже ихъ природа и иначе они поступать не могутъ и должны безусловно исполнять требованія своей природы. Нѣтъ заслуги огню за то, что онъ жжетъ, или водѣ за то, что течетъ, ибо это только неотъемлемыя качества ихъ, безъ которыхъ вода не была бы водою и огонь не былъ бы огнемъ.

Но не таковы обязанности, возложенныя Богомъ на всѣхъ духовно-разумныхъ существъ. Онъ далъ имъ частичку Самого Себя и желаетъ, чтобы каждый изъ нихъ, добровольно воздѣлывая эту частичку черезъ практику жизни, совершенно непринужденно и свободно возростилъ бы ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя до высшихъ степеней добра и святости, при которыхъ онъ будетъ самъ Богоподобенъ, а слѣдовательно и блаженъ.

Мы, въ своемъ общежитіи, даже не цѣнимъ тѣхъ слугъ, которые честны и исполнительныя только тогда, когда за ними слѣдятъ, вслѣдствіе чего они принуждены быть честны и

Digitized by Google

исполнительны; но цѣнимъ ихъ тогда, когда мы увѣрены, что можемъ положиться на нихъ и знаемъ, что за глазами они будутъ вести себя совершенно такъ же, какъ и на глазахъ. Тѣмъ болѣе Господь Богъ, сотворивъ подобныхъ Себѣ существъ, долженъ требовать отъ нихъ, чтобы они не дѣлали зла не потому, что фактически не могли его сдѣлать, если бы даже пожелали, но потому, что зло имъ противно, что они, понимая всю прелесть добра, свободно и сознательно не желаютъ дѣлать зла, хотя, если бы захотѣли, то имѣли полную возможность его дѣлать.

Какъ свободная воля ни необходима для всякаго духовно-разумнаго существа, однако, она есть одинъ изъ великихъ камней преткновенія въ жизни и развитіи ихъ. Она даетъ имъ полную возможность искушаться грѣхомъ, идти въ жизни по ложнымъ путямъ развитія и уклоняться отъ истины; но тѣмъ не менѣе, чтобы достигнуть Богоподобія, всякое духовно-разумное существо необходимо должно умѣть владѣть именно тѣми качествами, которыми владѣетъ Самъ Богъ, а потому должно развивать въ себѣ именно ихъ, а не какія-либо другія качества, не соотвѣтствующія Богу. Богъ обладаетъ свободнымъ произволеніемъ и Его Волѣ нѣтъ предѣла, а слѣдовательно, чтобы достигнуть когда-либо Богоподобія, духовно-разумныя существа должны обладать свободной волей и умѣть владѣть ею; т. е. не только пріучаться не искушаться ею, но пріучаться пользоваться ею для развитія въ себѣ добра, любви и другихъ дѣлъ, ведущихъ къ славѣ Божіей. Таково требованіе Самого Бога отъ нихъ.

Предназначивъ всѣ эти дары предначертаннымъ къ сотворенію духовно-разумнымъ существамъ, Богъ, по Своему всевѣдѣнію, видѣлъ уже отъ вѣчности до конца вѣковъ каждаго изъ нихъ, отъ перваго сотвореннаго имъ существа и до послѣдняго. Его всевидящее Око уже созерцало впередъ всю жизнь каждаго изъ нихъ, всѣ ихъ старанія и стремленія къ самоусовершенствованію и къ подражанію Ему; Онъ предвидѣлъ уже весь характеръ, который приметъ жизненная дѣятельность каждаго изъ нихъ. Отъ Его всевидящаго Взора не могли утаиться и всѣ жизненные пути, какіе изберетъ каждое существо, пользуясь дарованными Имъ дарами, къ какимъ заблужденіямъ и соблазнамъ эти дары приведутъ каждое изъ нихъ, какую борьбу поведетъ оно со своими пороками, дурными привычками и страстями; а равно предвидѣлъ Онъ и время, сколько употребитъ каждое на свое самоусовершенствованіе и на достиженіе своей праведности.

Digitized by Google

Онъ отъ вѣчности уже созерцалъ всѣхъ тѣхъ существъ, которыя съ успѣхомъ воспользуются всѣми излитыми на нихъ благодѣяніями, свободно предадутся Его Волѣ и всѣми силами своего существа будутъ стремиться къ преумноженію въ себѣ даровъ Его, а слѣдовательно скоро дойдутъ до высшихъ степеней развитія и самоусовершенствованія и скоро будутъ въ состояніи достигнуть Его, уподобиться Ему и быть блаженными. Этимъ существамъ Онъ отъ вѣчности еще предопредѣлилъ вести ихъ жизненныя испытанія на планетахъ духовныхъ силъ и ангеловъ Своихъ.

Онъ отъ вѣчности уже предвидѣлъ и всѣхъ тѣхъ изъ подлежащихъ къ сотворенію существъ, которымъ наука жизни будетъ даваться несравненно труднѣе; которыя не сразу поймутъ возложенную на нихъ жизненную задачу самоусовершенствованія, а потому и развитіе ихъ пойдетъ медленно. Его предвѣчная предусмотрительность знала уже, что этимъ существамъ нужна сильная поддержка, помощь и руководительство, что имъ нужны особыя условія жизни и дѣятельная предусмотрительная помощь добрыхъ покровителей, чтобы научить ихъ добру, уберечь отъ зла и что нужно осторожно вести ихъ шагъ за шагомъ по тернистымъ путямъ заблужденій, ошибокъ, разныхъ превратностей жизни и тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, но что каждый изъ нихъ рано или поздно выйдетъ на истинный путь и прославитъ Его Имя. Существамъ этимъ еще отъ вѣчности предопредѣлилъ Господь Богъ жизнь на матеріальныхъ планетахъ, въ грубо матеріальныхъ тѣлахъ, предвидя, что этотъ родъ испытаній скорѣе всего доведетъ ихъ до блаженныхъ обителей.

Онъ отъ вѣчности уже предвидѣлъ и тѣхъ изъ предназначенныхъ къ сотворенію существъ, которыя соблазнятся дарами Его благодати и употребятъ свою свободную волю себѣ на вредъ и на растлѣніе, а потому падутъ. Одни изъ нихъ будутъ считать всѣ дары Божіи за свое неотъемлемое достояніе, за свои личныя качества, возгордятся этими будто бы своими собственными высокими дарованіями и отвергнутъ Бога. Другіе откажутся отъ своего развитія; они такъ полюбятъ свою порочную жизнь, она такъ придется имъ по ихъ извращенному вкусу, что они ничего бо̀льшаго желать не будутъ, какъ только развивать свои страсти и пороки и коснѣть въ своемъ невѣжествѣ. Третьи совсѣмъ ожесточатся въ жизни; зло понравится имъ больше добра, и они не только будутъ слѣдовать ему, но возстанутъ на Бога и на все, такъ премудро созданное Имъ. Его предвѣчная предусмотрительность пред-

Digitized by Google

видѣла, что возвращеніе къ Нему этихъ существъ затянется на долгія времена, потребуетъ сильныхъ и энергичныхъ мѣръ, способствующихъ къ отклоненію ихъ отъ принятой ими жизненной дѣятельности, но что возвращеніе это будетъ, и будетъ величественно. Онъ предвидѣлъ, что этимъ существамъ, чтобы достигнуть Богоподобія, придется перейти черезъ крайнее зло и адъ.

Онъ отъ вѣчности уже предвидѣлъ жизнь не однихъ существъ трехъ вышеуказанныхъ категорій, но рѣшительно каждаго изъ всего сонма сотворенныхъ Имъ существъ, имѣющихъ въ себѣ всѣ промежуточныя степени добра и зла, отъ самыхъ блаженныхъ и праведныхъ до самыхъ злыхъ и ожесточенныхъ, и Его благое умопредставленіе измышляло уже отъ вѣчности всѣ средства, чтобы спасти ихъ всѣхъ до единаго, сдѣлать всѣхъ наслѣдниками Своего Святого царства, приблизить всѣхъ къ Себѣ и сдѣлать счастливыми и блаженными.

Богъ не создавалъ одного существа добрѣе другого, одного способнѣе или совершеннѣе другого; всѣ одинаково могутъ пользоваться Его любовью, поддержкой и попеченіемъ, а потому отъ каждаго зависитъ дойти, скоро или тихо, до конечной цѣли своего существованія. Тотъ, чье развитіе идетъ тихо или принимаетъ ненормальное направленіе, или тотъ, кто привязался ко злу и полюбилъ его болѣе добра и даже Бога, долженъ винить въ томъ только себя одного и никого больше, такъ какъ Богъ никого не соблазняетъ зломъ и не только не далъ никому даже и задатковъ зла, но и не могъ ихъ дать, ибо въ Богѣ ни малѣйшей тѣни зла мы и допустить не смѣемъ.

Богъ создалъ одно совершенство, ибо Онъ Самъ совершенъ, зло же введено въ мірѣ злой, но свободной волей тѣхъ существъ, которыя злоупотребляли дарами Божественной благодати и обратили ихъ на дѣла противленія волѣ Божьей. Зло ввели въ міръ тѣ существа, которыя по невѣжеству своему не могли понять всей премудрости дѣлъ Божіихъ (т. е. не могли понять, для чего Богъ устраиваетъ все такъ, а не иначе и требуетъ отъ каждаго поступать именно такъ, а не иначе), а по гордости своей не захотѣли ни повѣрить Ему, ни подчиниться Его Святой Волѣ, но, пользуясь своей свободной волей и своимъ ничтожнымъ разумомъ, стали жить и поступать въ жизни такъ, какъ имъ самимъ казалось лучше, что окончательно извратило весь смыслъ ихъ жизни и породило зло, т. е. уклоненіе отъ истины.

Богъ отъ вѣчности уже предвидѣлъ, какое количество зла внесутъ въ міръ созданныя Имъ существа, слѣдуя длиннымъ путемъ жизненной школы, прежде чѣмъ они дойдутъ до сво-

Digitized by Google

его самоусовершенствованія и до Богоподобнаго пониманія всѣхъ тайнъ бытія.

Онъ отъ вѣчности уже зналъ, насколько это зло исказитъ и извратитъ многіе изъ міровъ, такъ премудро и такъ совершенно устроенныхъ Имъ. Зная впередъ всѣхъ существъ, которыя будутъ вносить зло въ міръ, Богъ свободно могъ бы не создавать ихъ, не давать имъ жизнь или создать ихъ другими или, наконецъ, отнять отъ нихъ возможность грѣшить самимъ и соблазнять своихъ ближнихъ, уча ихъ грѣху. Но Всемогущій Идеалъ правосудія и милосердія не могъ допустить никакихъ изъятій и не могъ давать какихъ-либо льготъ однимъ существамъ, какія не были даны другимъ. Дать одному существу то, чего не дано другому, не можетъ соотвѣтствовать идеѣ правосудія. Всѣ получаютъ отъ Бога одно и то-же, всѣ одинаково должны пользоваться дарами Его любви и благодати и всѣ должны достигнуть одной и той же цѣли, ибо всѣ передъ Богомъ равны.

Богъ не остановился передъ безконечной трудностью задачи превратить все зло, внесенное въ міръ сотворенными Имъ существами, въ добро, блаженство и всеобщую любовь. Для Бога все возможно, ибо Онъ всесиленъ и всемогущъ.

Его Божественная цѣль заключалась въ томъ, чтобы привлечь къ жизни и блаженству какъ можно бо́льшее число существъ, облагодѣтельствовать неисчислимое число ихъ и всѣхъ сдѣлать наслѣдниками Своего Святого царства. Онъ, какъ благой Отецъ, не отказался ни отъ одного изъ своихъ неразумныхъ и преступныхъ дѣтей, принялъ ихъ всѣхъ подъ Свое покровительство, зная впередъ, какъ глубоко будутъ они благодарны Ему, когда со временемъ поймутъ всѣ свои заблужденія и оцѣнятъ, какое зло внесли они въ міръ, узнаютъ, какъ обижали они Бога, какъ любилъ и оберегалъ ихъ Богъ, и что эта любовь была единственной причиной, вслѣдствіе которой они достигли полнѣйшаго счастья и блаженства.

„Всѣхъ привлеку къ Себѣ, данныхъ мнѣ Богомъ Отцемъ“, сказалъ Христосъ, обращаясь къ людямъ, живущимъ на землѣ, и мы должны вѣрить, что рано или поздно Онъ привлечетъ къ блаженству всѣхъ людей до одного, ибо всѣ существа духовно-разумныя, сотворенныя Богомъ Отцемъ и живущія на землѣ, даны Ему, Высшему Слову и Высочайшему Учителю, для назиданія ихъ и исправленія. Если же это такъ, то мы должны быть убѣждены, что рано или поздно вся злая воля, существующая на землѣ, какъ бы она ни была зла и упорна, падетъ передъ всесильнымъ желаніемъ Творца, будетъ

Digitized by Google

побѣждена Его любовью и милосердіемъ и будетъ превращена въ добрую, способную понять и прославить Его святыя предначертанія. Мы должны быть убѣждены, что весь вредъ и все искаженіе земли, внесенное злой волей людей, будетъ возмѣщено и искуплено той же самой злой волей, превращенной Богомъ въ добрую, и она же сама воздастъ праведными дѣлами за все то зло, которое сама произвела и вознесетъ Богу разумную благодарность за всѣ тѣ благости, всю любовь и долготерпѣніе, которыя были положены Богомъ для осуществленія Его великой задачи бытія.

Но какое право имѣли бы мы думать, что мы составляемъ исключеніе изъ всѣхъ духовно-разумныхъ существъ всей вселенной. Какъ будто Іисусъ Христосъ не Богъ и любовь Его ко всѣмъ существамъ вселенной не одинаково безконечна и будто бы Его всесильное слово относится только къ намъ, людямъ земли, а не къ людямъ всей вселенной? Какое основаніе имѣли бы мы думать, что другимъ, совершенно подобнымъ намъ существамъ, Онъ сказалъ бы нѣчто другое?

Іисусъ Христосъ назидаетъ всю вселенную, всѣхъ безъ исключенія духовно-разумныхъ существъ на всѣхъ планетахъ вселенной и Силѣ Его Слова нѣтъ предѣла.

Мы всѣ дѣти одного Отца; всѣ мы получили отъ Бога то же самое, всѣ стремимся къ одной общей цѣли и нѣтъ причины думать, что правила жизни и нравственности, внушаемыя намъ Второй Ипостасью Пресвятой Божественной Троицы не одинаковы и что любовь Его, поученія, назиданія и заботы то-же не одинаковы. Они, конечно, должны видоизмѣняться сообразно нравственнымъ особенностямъ существъ, сообразно силѣ и формѣ порочности ихъ, но основанія всѣхъ ученій и назиданій должны быть одинаковы, ибо цѣль стремленія всѣхъ духовно-разумныхъ существъ одна и та-же.

Нѣтъ конца любви Божіей ко всѣму сотворенному Имъ, а потому и нѣтъ конца обилію попеченія и помощи, изливающихся на всѣхъ существъ вселенной. Чтобы хотя отчасти постигнуть это безконечное любвеобиліе, слѣдуетъ вдуматься въ притчу Христову „О блудномъ сынѣ“ или вспомнить слова Христовы, что „больше бываетъ радости на небѣ объ одномъ покаявшемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяносто девяти праведникахъ, не требующихъ покаянія“. Эти слова для желающихъ ихъ понять достаточно ясно очерчиваютъ отношеніе Бога къ грѣшнымъ и заблудшимъ существамъ, каковыми должны мы признать себя, а вмѣстѣ съ собой и всѣхъ духовно-разумныхъ существъ вселенной, ибо всѣ имѣютъ бо̀льшія или

Digitized by Google

меньшія несовершенства, всѣ имѣютъ бо̀льшіе или меньшіе грѣхи и пороки, отъ которыхъ они должны отрѣшаться, всѣ имѣютъ недостатокъ въ добрыхъ качествахъ и всѣ стремятся къ самоусовершенствованію; праведенъ и блаженъ лишь Одинъ Богъ.

Если больше бываетъ на небѣ у Бога радости объ одномъ покаявшемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяносто девяти праведникахъ, не требующихъ покаянія, то и заботы Божіи больше направлены къ приведенію этихъ великихъ грѣшниковъ къ покаянію, тѣмъ болѣе желаетъ Господь этого покаянія и нѣтъ причины не сбыться желаніямъ Божіимъ, а потому мы должны непремѣнно вѣрить, что Онъ привлечетъ одну за другой всѣ грѣшныя души, какъ бы онѣ ни были порочны и злы, какъ бы онѣ ни были ожесточены на Бога и на все доброе.

Богъ уже отъ вѣчности предвидѣлъ и конецъ, творенія, и исполненія цѣли бытія, когда все сущее, все сотворенное Имъ изъ Себя, возвратится къ Нему же чистымъ, непорочнымъ, разумнымъ и сольется въ одно блаженное стадо Божіе, свободно славословящее Премудрость Его, слѣдуя невольному влеченію своего совершеннаго существа, отъ избытка чувствъ и полноты сердца.

Тогда будетъ одно блаженство, одно счастье безъ конца и одно совершенство во всемъ. Тогда не будетъ болѣе ни смерти, ни ада, ни зла и ничего временнаго и переходнаго, но будетъ одна блаженная вѣчность, будетъ безконечная жизнь въ Богѣ.

До сотворенія духовно-разумныхъ существъ надо было подготовить жилище для нихъ. Поэтому отъ вѣчности еще мысль Божія измышляла величественнѣйшій и обширнѣйшій планъ вселенной и всѣхъ міровъ, на которыхъ должны были бы жить и проявлять свою жизненную дѣятельность подлежащія къ сотворенію существа. Вся вселенная, со всѣмъ неисчислимымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ міровъ, есть подобіе обширнѣйшей школы практическаго самообученія жизни. Вѣдь, чтобы достигнуть Богоподобія, надо умѣть пользоваться жизнію, надо умѣть пользоваться свободной волей, надо умѣть пользоваться тѣми благами, которыми въ такомъ изобиліи надѣлилъ Богъ каждаго, надо умѣть не злоупотреблять ничѣмъ, ибо именно только это злоупотребленіе и ведетъ къ погибели. Весь смыслъ жизни на планетахъ есть пріобрѣтеніе опытнымъ путемъ навыка разумно и цѣлесообразно пользоваться дарами и

Digitized by Google

благами, дарованными Богомъ и въ умѣніи владѣть ими, не соблазняясь ими и не злоупотребляя ими. Разумное и цѣлесообразное пользованіе жизнію ведетъ къ самоусовершенствованію, злоупотребленіе же жизнію или неправильное примѣненіе даровъ Божіихъ ведетъ къ погибели и порождаетъ зло. Разумной и цѣлесообразной жизнью должна называться та жизнь, которая ведется въ духѣ Божіемъ, согласуясь съ закономъ и волей Божіей т. е. та, которая даетъ естественное развитіе дарамъ Божіимъ, прямымъ путемъ ведущее къ Богоподобію. Всякое другое косвенное направленіе жизненной дѣятельности удаляетъ человѣка отъ Бога, порождаетъ зло и развиваетъ пороки.

Богъ по благости Своей устроилъ всѣ міры такъ, что существа всѣхъ развитій и степеней совершенствъ, отъ самыхъ высокихъ и святыхъ до самыхъ низменныхъ, малоразвитыхъ и только что призванныхъ къ жизни, имѣли бы возможность, пользуясь жизнію разумно и цѣлесообразно, съ Его Святою помощью быть счастливыми и блаженствовать. Эти существа всегда нашли бы на той планетѣ, на которой они живутъ, полное удовлетвореніе ихъ праведнымъ желаніямъ и наклонностямъ, ибо міры, вышедшіе изъ рукъ Творца, были также совершенны, какъ совершенны были сотворенныя Богомъ существа.

Но въ этой трудной школѣ самообученія жизни, гдѣ всѣ предоставлены своей собственной волѣ, не всѣ духовно-разумныя существа находятъ нужнымъ вести свою жизнь той стезей, которая скорѣе всего доводитъ до Богоподобія и до Бога. Жизненная дѣятельность многихъ изъ нихъ принимаетъ кривое, неестественное направленіе, которое задерживаетъ ихъ развитіе, удаляетъ ихъ отъ Бога и отъ истины. Многіе изъ нихъ позволяютъ себѣ жить такъ, какъ имъ хочется, а не такъ, какъ предначерталъ имъ Богъ. Это вполнѣ ошибочное и ложное направленіе жизненной дѣятельности порождаетъ въ нихъ пороки, существа впадаютъ въ грѣхи, развиваютъ и разжигаютъ страсти, коснѣютъ въ своемъ невѣжествѣ, а нѣкоторыя, совершенно сознательно чувствуя свои заблужденія, все-таки отказываются отъ своего исправленія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ само ложное направленіе жизненной дѣятельности или, иначе говоря, вкоренившіеся въ каждомъ пороки служатъ сами по себѣ причиной жизненныхъ несчастій, бѣдствій и мученій существъ. Грѣхъ искажаетъ самую природу существа, подтачиваетъ и искажаетъ всѣ добрыя качества, вложенныя Богомъ, закрываетъ двери къ добро-

Digitized by Google

дѣтели и развиваетъ дурныя неестественныя привязанности, привычки и наклонности, которыя ослѣпляютъ каждое существо и дѣлаютъ его неспособнымъ понимать истину и Бога, а потому начинается жизнь безъ Бога, безъ правды, безъ любви, развращающая и душу, и мысль, и тѣло.

Все предвидѣлъ Господь Богъ еще отъ вѣчности, и все растлѣніе, и все зло, вносимое грѣшными существами въ міръ, было оцѣнено Имъ и взвѣшено на вѣсахъ правосудія еще до начала вѣковъ. Его премудрая предусмотрительность предвидѣла уже тогда, что лучшее и единственное средство избавить свободное въ своихъ поступкахъ духовно-разумное существо отъ грѣха состоитъ въ томъ, чтобы не препятствовать ему переживать и перечувствовать, какъ онъ самъ того желаетъ, всѣ слѣдствія грѣха, что составляетъ само по себѣ достаточное наказаніе за его грѣховность. Никто не наказуется Богомъ. Онъ, идеалъ любви и милосердія, не можетъ заставить кого-нибудь мучиться и страдать. Онъ проливаетъ повсюду одно счастье и одно блаженство. Виноватъ-ли Богъ въ томъ, что, обладая свободнымъ выборомъ поступковъ, существо, сотворенное Имъ, ведетъ свою жизненную дѣятельность наперекоръ Его волѣ, противясь всѣмъ указаніямъ Божіимъ и нарушая всѣ законы Божіи. Всякій можетъ винить въ своихъ бѣдахъ и въ своихъ мученіяхъ только себя, ибо онъ самъ прямой виновникъ ихъ. Всякій долженъ понимать, что грѣхъ и порокъ сами по себѣ неизбѣжно наказываютъ того, кто сдѣлался рабомъ ихъ; ибо пороки ведутъ за собой, какъ естественное слѣдствіе, всякія несчастія въ жизни духовно-разумныхъ существъ: болѣзни, превратности и трудности жизни, усложненія отношеній къ окружающимъ существамъ, страстное и возбужденное настроеніе, желчное и злое состояніе, нервность, истеричность и милліонъ другихъ состояній и настроеній, которыя мучаютъ существо и заставляютъ мучить другихъ. Мучаясь самъ и видя кругомъ себя мученія и разнаго рода бѣдствія, долженъ же, наконецъ, когда-нибудь этотъ несчастный грѣшникъ образумиться и постараться прекратить свои мученія. Долженъ же онъ видѣть, что тамъ, гдѣ грѣха нѣтъ, нѣтъ и мученій. Онъ долженъ быть очень ослѣпленъ грѣхомъ, чтобы не увидать, что другого исхода ему нѣтъ, какъ измѣнить свою злую, порочную и горделивую жизненную дѣятельность на добрую и любвеобильную, что онъ долженъ смириться, покаяться, перестать надѣяться на свои собственныя силы, обратиться за помощью Божіей и покорно, съ вѣрой, слѣдовать Божественнымъ указаніямъ, и только при

Digitized by Google

этомъ условіи онъ избавляется отъ тѣхъ мученій, которыя преслѣдовали его во все время его порочной жизни.

Міры вселенной, на которыхъ должны были жить духовно-разумныя существа, должны быть столь многочисленны, чтобы быть въ состояніи вмѣстить въ себѣ неисчислимые сонмы ихъ, предназначенные Богомъ къ сотворенію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны быть столь разнообразны, какъ разнообразны нравственныя и разумныя качества существъ, въ связи со степенью ихъ развитія. Это разнообразіе положительно неисчислимо. Для примѣра мы можемъ себѣ представить существъ чистыхъ, непорочныхъ, только что вышедшихъ изъ рукъ Творца, но не желающихъ грѣшить или уклоняться отъ воли Создателя. Вся жизнь и вся дѣятельность ихъ состоитъ въ смиренномъ и покорномъ подражаніи Богу. Они еще мало развиты, а потому поступаютъ до нѣкоторой степени безотчетно; но дѣла Божьи такъ соотвѣтствуютъ ихъ вкусу и характеру, что они безсознательно живутъ въ Богѣ и безусловно исполняютъ Его волю. По своей свободной волѣ они могли бы дѣлать и зло, но по своему чистому характеру они его дѣлать не могутъ, ибо питаютъ ужасъ и отвращеніе ко всему грѣховному и злому, какъ къ чему-нибудь противному и не свойственному ихъ чистой природѣ; какъ мы, люди, напримѣръ, не могли бы близко подойти къ раскаленной печи, такъ и они не могутъ сдѣлать ничего такого, что отдаляло бы ихъ отъ Бога. Вся жизнь ихъ въ Богѣ, всѣ желанія состоятъ въ томъ, чтобы подражать Богу и весь ихъ восторгъ взирать на дѣла Его. Существа эти чисты и непорочны, но они еще такъ мало развиты, что имъ предстоитъ пройти долгій путь жизненныхъ испытаній въ обширнѣйшей школѣ самообученія, прежде чѣмъ достигнуть Богоподобія, необходимое условіе котораго есть вполнѣ разумное и сознательное пониманіе дѣлъ Божіихъ и всей Его Премудрости. Даже эти въ высшей степени чуткія къ познанію истины существа должны будутъ прожить тысячи жизней, выработать въ себѣ сознательное отношеніе къ добру и злу, развить въ себѣ умъ, здравый смыслъ и неисчислимое количество другихъ качествъ, которыми владѣетъ въ безконечномъ совершенствѣ Одинъ Богъ, возсѣдающій на Предвѣчномъ престолѣ славы Своей.

Въ противоположность этимъ чистымъ существамъ, укажемъ на такихъ существъ, которыя извратили свою чистую, Богомъ данную, природу до такой степени, что зло стало нравиться имъ больше добра. Они добровольно покинули Бога, и правду, и любовь, и направили свою жизненную дѣятель-

Digitized by Google

ность на дѣла злобы и противленія Богу. Не находя удовлетворенія своимъ желаніямъ и наклонностямъ, они ожесточились, возстали на Бога, на все доброе, и на все любящее и всѣми своими силами сѣютъ зло, гдѣ только могутъ, гдѣ только Богъ попускаетъ ихъ дѣлать это зло.

Въ промежуткѣ между этими двумя крайними типами существъ находится неисчислимое количество существъ, обладающихъ всевозможными нравственными и умственными качествами всевозможныхъ степеней развитія. И каждое изъ нихъ должно найти на одномъ изъ милліарда міровъ вселенной условія, подходящія для наилучшаго и наикратчайшаго разрѣшенія ихъ жизненной задачи, ведущей къ самоулучшенію ихъ. Условія жизни на каждой планетѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ особенностямъ заселяющихъ ихъ существъ, какъ-то: ихъ взглядамъ на природу, ихъ характерамъ, степени духовнаго, нравственнаго и умственнаго развитія, направленію ихъ жизненной дѣятельности, ихъ вѣрѣ въ Бога, степени пониманія Его, силѣ желанія слѣдовать Его святымъ указаніямъ, степени смиренія и покорности Богу, или степени ожесточенія, строптивости, упорства, гордости, тщеславія, непослушанія, своеволія, грубости, жестокости, энергіи, апатіи и милліона другихъ качествъ и свойствъ со всѣми оттѣнками и видоизмѣненіями. Всѣ мельчайшія особенности существа, всякая новая степень ихъ развитія уже возбуждаетъ заботу Бога о немъ и обусловливаетъ тотъ родъ жизненныхъ испытаній, которыя могутъ наикратчайшимъ путемъ вести каждаго къ его самоусовершенствованію.

Существамъ низшихъ развитій, у которыхъ понятія о добрѣ еще не сложились до высшихъ степеней, у которыхъ взгляды на жизнь и вкусы еще грубы, у которыхъ характеръ жестокъ, а умственныя способности ограничены, нужно еще отдѣлываться отъ пороковъ, страстей, худыхъ привязанностей и несовершенствъ всякаго рода. Эти существа всегда питаютъ особую привязанность къ личнымъ проявленіямъ ихъ жизненной дѣятельности, они обращаютъ болѣе вниманія на наружную форму жизни и мало, или совсѣмъ еще не вникаютъ во внутренній смыслъ вещей и фактовъ; они слишкомъ опредѣленно чувствуютъ себя и свои матеріальные интересы и выгоды, а потому склонны къ гордости, къ тщеславію, заносчивости, зависти, алчности, скупости; они склонны обижать ближняго, властвовать и эксплуатировать его, притѣснять слабыхъ и беззащитныхъ и мстить за обиды. Мало того, многіе изъ нихъ настолько грубы и невѣжественны, что способны ѣсть

Digitized by Google

другъ друга и Божьихъ тварей, убивать ближняго, грабить, воровать, вести войны, предаваться разгулу, пьянству, буянству и во всемъ этомъ не видѣть зла; а тѣ, которые и видятъ въ этомъ зло оправдываются необходимостью, слабостью своей организаціи, недостаткомъ вложенныхъ въ нихъ Богомъ качествъ. Они ропщутъ на Бога, богохульствуютъ и, въ концѣ концовъ, отчаиваются и ожесточаются.

Подобнаго рода существамъ Богъ опредѣляетъ жить на матеріальныхъ планетахъ, и чѣмъ существа менѣе воспріимчивы къ познанію добра, тѣмъ и матеріальность планеты ихъ болѣе. Жизнь на матеріальныхъ планетахъ вызываетъ всѣ слѣдствія грѣха и заставляетъ каждаго реально чувствовать всю мучительность и всю пагубность его. Эта жизнь обуздываетъ произволъ существъ, заставляетъ очнуться и подумать о томъ, какъ они живутъ и какъ они должны бы были жить, если бы исполняли требованія отъ нихъ Бога. Матеріальное тѣло сковываетъ и стѣсняетъ ихъ движенія, ихъ произволъ, ихъ распущенность до нѣкоторой степени парализуетъ проявленія того зла, которое могло бы произойти отъ свободнаго проявленія ихъ развращенной воли. Всѣ условія жизни на матеріальныхъ планетахъ постоянно напоминаютъ о томъ низменномъ состояніи развитія, въ которомъ находятся эти грѣшныя и порочныя существа, они заставляютъ влачить жизнь въ тяжкомъ трудѣ, терпѣть неудачи и разныя превратности, болѣзни, голодъ, холодъ, переживать несбывающіяся надежды, горе, печали и тьмы разныхъ трудностей. Всѣ эти реальные и ощутительные бичи должны же когда-нибудь заставить всякое здравомыслящее существо потерять вѣру въ свои, будто бы, обширныя силы и въ свои, будто бы, высокія качества и способности и обратиться къ Богу, прося Его помощи. Богъ никогда не отвергаетъ смиренное и кающееся въ своихъ грѣхахъ сердце и немедленно облегчаетъ тѣ страданія, которыя безъ помощи Божіей все болѣе и болѣе тяготѣли бы надъ грѣшникомъ и, конечно, не кончились бы никогда, ибо смерть прекращаетъ лишь видимыя проявленіи страданій, ибо они въ бо̀льшей степени проявляютъ себя за гробомъ.

Существа чистыя, чуткія къ добру, всегда готовыя исполнить волю Божію и слѣдовать Его святымъ предначертаніямъ, озабочиваются меньше своимъ личнымъ счастьемъ и довольствомъ, чѣмъ счастьемъ и довольствомъ ближнихъ, или, вообще, общимъ благомъ. Они чувствуютъ меньшую потребность переживать свою собственную жизнь покойно и мирно, чѣмъ постоянное ихъ желаніе разсѣевать всюду, всѣмъ

Digitized by Google

и каждому, отраду и любовь. У нихъ нѣтъ самонадѣянной гордости, тщеславія, но во всѣхъ поступкахъ, въ каждый моментъ ихъ жизни, высказывается ихъ смиреніе, ихъ милосердіе, ихъ любовь ко всему, сотворенному Богомъ, неотразимый здравый смыслъ, логика и другія добродѣтели и высокія качества. Жизнь и дѣятельность этихъ существъ ведется въ Божественномъ смыслѣ, а потому они скоро доходятъ до высшихъ степеней развитія при несравненно болѣе легкихъ условіяхъ жизни на планетахъ. Кругозоръ ихъ не можетъ ограничиться узкими рамками личной жизни въ матеріальномъ тѣлѣ, на матеріальной планетѣ, ибо мыслію своею они свободно охватываютъ безграничныя небесныя пространства, понимаютъ духовныя потребности свои и ближнихъ имъ существъ и до нѣкоторой степени проникаютъ въ тайны Божественной премудрости.

Существа эти всегда сами сумѣютъ сдержать всѣ проявленія своего несовершенства и не допустятъ въ себѣ нравственной распущенности, въ силу именно той самой свободной воли, которая такъ сильно соблазняетъ существъ низшихъ развитій. Такъ какъ они не нуждаются ни въ какихъ бичахъ и ни въ какомъ принудительномъ гнетѣ для того, чтобы заставить ихъ слѣдовать истинными и праведными путями жизни, ибо сами по доброй волѣ посвятили себя добродѣтели и милосердію, то Богъ предопредѣляетъ имъ болѣе легкій родъ жизни, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ планеты, въ болѣе легкомъ, хотя и матеріальномъ тѣлѣ; ибо подобная жизнь болѣе всего соотвѣтствуетъ ихъ природѣ, а потому она есть наилучшая для возможности ихъ скораго самоусовершенствованія.

Еще болѣе чистымъ и блаженнымъ существамъ Богъ предопредѣляетъ жизнь на еще менѣе матеріальныхъ планетахъ, въ еще болѣе легкомъ тѣлѣ, при еще болѣе легкихъ условіяхъ жизни. Наконецъ, есть существа святыя, близкія къ Богу, проводящія свое существованіе на духовныхъ планетахъ, матерія которыхъ разрѣжена до необыкновенныхъ предѣловъ. Жизнь этихъ святыхъ существъ полна блаженства безъ конца и восторга отъ лицезрѣнія всей премудрости и величія дѣлъ Божіихъ.

Не этими одними существами, здѣсь перечисленными, была занята мысль Божія до сотворенія ихъ, но и многими другими, о которыхъ мы и не знаемъ. Все предусмотрѣла премудрость Божія до созданія вселенной и всѣхъ міровъ, въ ней находящихся. Въ нихъ найдетъ каждое духовно-ра-

Digitized by Google

зумное существо и жизнь, и испытанія, и всѣ условія для возможности успѣшнаго своего самоусовершенствованія, какого-бы развитія оно ни было, какими бы качествами и особенностями оно ни обладало: будь оно изъ самыхъ злыхъ, безнадежныхъ и ожесточенныхъ, или изъ самыхъ добрыхъ и любящихъ; будь оно изъ самыхъ невѣжественныхъ и низшихъ, или обладай оно Богоподобнымъ разумомъ и здравымъ смысломъ; будь оно самымъ грубымъ и неотзывчивымъ къ добру, или самымъ чистымъ, чуткимъ и святымъ; ибо всѣ дѣти одного Отца, ибо всѣ одинаково пользуются Его любовію и всѣ должны чистыми и непорочными возвратиться къ Нему, отъ Котораго они произошли.

Все предусмотрѣла предвѣчная премудрость Божія, когда рѣшила привести въ исполненіе Свой обширнѣйшій планъ творенія.

Digitized by Google

Глава II.

Міръ духовный.

Для Существа всемогущаго достаточно было помыслить, чтобы явился дѣйствительный міръ, ибо для Него помыслить или изречь значитъ уже сотворить. И мысль Его стала дѣломъ.

Прежде всего Богъ сотворилъ ближайшихъ помощниковъ Своихъ: высшихъ духовъ, окружающихъ Его предвѣчный Престолъ, всѣ силы небесныя и ангеловъ.

Первыя и высшія существа, вышедшія изъ рукъ всесовершеннѣйшаго Творца ихъ, были наилучшія и наисовершеннѣйшія. Богъ щедро надѣлилъ ихъ дарами Своей благодати. Какъ существа сотворенныя, они, конечно, совершенствомъ своей природы и качествами своихъ дарованій безконечно разнились отъ всесовершеннѣйшаго существа Творца ихъ; но тѣмъ не менѣе, какъ существа близкія Богу, они не мыслимы безъ той природы, какъ Самъ Богъ. Если качества, свойства и дарованія каждаго изъ нихъ и не равно Божественны, то во всякомъ случаѣ они сотворены сродными Богу, такъ какъ созданы изъ части Его Самого, для служенія Божественной мысли и для наслажденія тѣми благами, источникомъ которыхъ Самъ Богъ, что̀ возможно только подъ условіемъ ихъ подобія съ Богомъ.

Богъ есть безконечный Духъ; поэтому и высшіе духи, окружающіе Его престолъ, всѣ небесныя силы и ангелы должны быть въ высшей степени духовны. Богъ есть высшій разумъ, а потому и они должны быть въ высшей степени разумны; Богъ есть идеалъ блага и высшая всеобъемлющая любовь, слѣдовательно и они должны быть въ высшей степени добры и любвеобильны. Само собою разумѣется, что всѣ эти высшія качества и способности у нихъ высоки по сравненію

Digitized by Google

съ нами и съ прочими сотворенными существами, но не въ абсолютномъ смыслѣ. Одинъ Богъ владѣетъ этими качествами въ абсолютномъ смыслѣ до безпредѣльности, — всѣ же слуги Его и духи имѣютъ каждый дары Божественной благодати въ той силѣ и въ той мѣрѣ, насколько Богъ даровалъ каждому изъ нихъ по мѣрѣ силы старанія каждаго къ преумноженію въ себѣ даровъ этихъ на пользу своего самоусовершенствованія. Состоя изъ святой части Создателя Своего, а слѣдовательно, бывъ по природѣ своей Богоподобны и сродны Богу, всѣ высшіе духи, силы небесныя и ангелы пользуются силой своихъ дарованій на столько, на сколько Богъ предопредѣляетъ каждому сообразно духовной и разумной мощи ихъ развитія, сообразно степени святости и чистоты ихъ и сообразно степени пониманія дѣлъ Божіихъ.

Тѣла духовъ состоятъ изъ тончайшей матеріи, которая тоньше не только той матеріи, которую мы называемъ эфиромъ, но тоньше нашей мысли; тѣло ихъ проникнуто свѣтомъ ихъ добродѣтели и высокихъ ихъ качествъ, оно не подчиняется законамъ земного тяготѣнія, не имѣетъ вѣса на нашихъ вѣсахъ, но тѣмъ не менѣе оно подчиняется законамъ пространства и времени; оно имѣетъ начало и конецъ своего существованія и занимаетъ мѣсто во вселенной. Какъ тѣло духовъ ни тонко и ни разрѣжено, оно все же есть матерія, ибо состоитъ изъ такихъ частицъ, изъ которыхъ состоитъ и наша матерія, но она лишь другого сложенія, вида и формы и хотя она и очень тонка, но, во всякомъ случаѣ, она не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя мы приписываемъ духу. Мы должны считать всѣхъ высшихъ духовъ, всѣ силы небесныя и ангеловъ существами безплотными и безтѣлесными, но это не въ абсолютномъ смыслѣ, а по сравненію съ нами, существами, живущими въ грубыхъ матеріальныхъ тѣлахъ, ибо тѣла духовъ, въ свою очередь, по сравненію съ Существомъ Бога могутъ то-же назваться грубыми и тяжелыми.

Обладая высшими духовными и разумными качествами, силы небесныя не владѣютъ ими по природѣ своей, въ силу какой-либо необходимости или вслѣдствіе дарованныхъ имъ отъ Бога особыхъ качествъ и способностей, которыхъ не было бы даровано Богомъ другимъ существамъ, но въ силу своей доброй воли и усиленныхъ стараній черпать познаніе истины въ Общемъ Источникѣ безконечной правды и безконечной резумности; но опять таки не въ абсолютномъ смыслѣ, а относительномъ, ибо каждый изъ нихъ черпаетъ силы своихъ способностей изъ Общаго Источника — ограни-

Digitized by Google

ченно; т. е. на столько, на сколько для ихъ же пользы допускаетъ это Богъ, а именнно: постепенно и своевременно.

Всѣ силы небесныя и ангелы святы, чисты, непорочны въ силу своего непосредственнаго общенія съ Богомъ — Источникомъ святости, чистоты и благодати, хотя, обладая свободной и ничѣмъ не стѣсняемой волей, они могли бы дѣлать зло и противленіе Богу. Они свободно могли бы отдалиться отъ добра и пасть, если бы только они захотѣли того. Не дѣлаютъ они зла по собственной любви къ добру и вслѣдствіе своего свободнаго и разумнаго стремленія къ высшей истинѣ, которую они признаютъ только въ Богѣ, понимая уже отчасти цѣль Его святыхъ и премудрыхъ предначертаній.

Дѣятельность высшихъ духовъ небесныхъ силъ и ангеловъ состоитъ въ служеніи Божественной мысли. Обладая высшими духовными и разумными качествами, тончайшимъ сложеніемъ своего тѣла, сильною волей и энергіей, способностью передвигаться по вселенной съ быстротой нашей мысли, они, по первому призыву Божію, съ безусловной покорностью исполняютъ возлагаемыя на нихъ порученія по управленію вселенной, мірами, всѣми явленіями видимой и невидимой природы и по руководству существъ, обитающихъ во вселенной; каждый изъ нихъ имѣетъ свою миссію, исполненіе которой ведетъ его самого къ еще высшему самоулучшенію; они помогаютъ слабымъ, утѣшаютъ страждущихъ, навѣщаютъ больныхъ, даютъ добрые совѣты желающимъ ихъ, руководятъ всѣхъ ищущихъ ихъ помощи и въ постоянныхъ заботахъ перелетаютъ съ одной планеты на другую, съ одного міра на другой.

Всѣ силы небесныя и ангелы составляютъ посредствующее звено между Богомъ и людьми всей вселенной. Служа Богу, они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и людямъ, помогаютъ имъ въ нравственномъ и духовномъ самоусовершенствованіи. Содѣйствуя людямъ, они крѣпнутъ сами въ своемъ добрѣ и въ практическомъ примѣненіи его; просвѣщая людей, они просвѣщаются сами, возвышаются въ своихъ добродѣтеляхъ и получаютъ возможность черпать въ общемъ Источникѣ блага, еще въ большую степень познанія истины и разумѣніе тайнъ премудрости Божіей.

Но не надо думать, чтобы любовь Божія къ этимъ счастливѣйшимъ существамъ изливалась бы въ болѣе обильной степени, чѣмъ на насъ и на другихъ духовно-разумныхъ существъ. Богъ одинаково любитъ всѣхъ сотворенныхъ Имъ существъ. Онъ охотно по Благости Своей надѣлилъ бы

Digitized by Google

каждаго изъ насъ въ неограниченномъ количествѣ дарами Своей благодати и приблизилъ бы каждаго изъ насъ къ Предвѣчному Престолу Славы Своей. Но вѣдь ему извѣстно, что обиліе даровъ Его или слишкомъ большія способности и великія качества, данныя тому, кто не можетъ еще вмѣстить ихъ, вслѣдствіе малости своего духовнаго развитія и пониманія дѣлъ рукъ Божіихъ—послужитъ лишь къ гибели его. Мало развитое существо не поймет, зачѣмъ ему даны эти дары и какое именно нужно имъ дать примѣненіе, какъ употреблять и какъ обращаться съ ними. Онъ можетъ возгордиться дарованными ему Богомъ слишкомъ великими способностями и талантами, слишкомъ обширнымъ умомъ или духовными качествами, онъ можетъ возмечтать о себѣ, впасть во многіе грѣхи гордости, забыть Бога, пасть подъ тяжестью обилія Божественныхъ милостей и погибнуть. Получая отъ Бога Его милости постепенно и понемногу мы пріучаемся владѣть ими совершенно незамѣтно для насъ и рискуемъ впасть въ меньшіе грѣхи. Мы постепенно улучшаемъ свою волю, мысль, разумъ и всѣ другія способности души, тихимъ но вѣрнымъ шагомъ идемъ по пути развитія и рано или поздно, но будемъ (если сами только того пожелаемъ) наслѣдниками Его Небеснаго царства и будемъ чисты и совершенны, ибо Онъ, ведущій насъ къ Себѣ, чистъ и совершенъ.

Богъ отъ вѣчности еще предвидѣлъ, какое направленіе дѣятельности приметъ каждое существо. Онъ отъ вѣчности еще зналъ, —какого рода жизненныя испытанія нужны каждому для его скорѣйшаго самоусовершенствованія. Сообразно съ этимъ и даетъ Онъ каждому столько даровъ Своихъ и столько жизненныхъ испытаній, сколько каждому подъ силу и сколько каждому это полезно; а потому каждый долженъ быть вполнѣ увѣренъ, что если находится въ данной жизненной обстановкѣ и на данной планетѣ, то слѣдовательно эта обстановка и эта планета наиболѣе подходитъ его развитію и наилучшимъ образомъ можетъ способствовать его самоулучшенію; а потому онъ долженъ съ покорностію нести свой крестъ и благодарить Бога за тѣ великія заботы, которыя полагаетъ ежеминутно Онъ намъ на помощь и на спасеніе.

Но гдѣ пребываютъ небесныя силы, высшіе духи и ангелы Божіи? Гдѣ пребываетъ Господь Богъ во всей своей славѣ? Есть ли опредѣленное мѣсто во вселенной, гдѣ находится сосредоточіе Его силы и Его власти? Гдѣ находится предвѣчный Его Престолъ, на которомъ будетъ Онъ судить живыхъ и мертвыхъ?

Digitized by Google

Съ величайшимъ благоговѣніемъ можно только затрагивать эти, для насъ слѣпыхъ и порочныхъ людей, сокровенныя тайны. Мы, облеченные въ наше грубо матеріальное тѣло, лишены возможности знать и видѣть то, что, за весьма малымъ исключеніемъ, знаютъ и видятъ всѣ существа вселенной.

Не Самъ ли Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: „Гдѣ Я, тамъ и слуга мой будетъ"; или въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ разбойнику: „Днесь будеши со мной въ раю"; или сказалъ апостоламъ: „Истинно, истинно говорю Вамъ, что всѣ послѣдовавшіе за Мной въ пакибытіе, когда сядетъ Сынъ человѣческій на Престолъ Свой, сядете на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать коленъ израилевыхъ". Не ясно ли указываютъ эти слова Христа, что есть опредѣленное мѣсто во вселенной, гдѣ помѣщается Его Престолъ славы и сосредоточіе Его власти и силы; что ссли Богъ одновременно и находится всюду и вездѣ во вселенной, въ каждой былинкѣ и въ каждой инфузоріи, тѣмъ не менѣе во вселенной есть мѣсто Его постояннаго святого пребыванія, составляющее Святую Святыхъ вселенной и всего сущаго. Никакое самое высокое воображеніе людей, никакой самый высокій умъ не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія о Ней, однако вѣра въ слова Христа должна подсказывать намъ, что такое мѣсто есть и что Оно свято и неприступно.

Если Святая Святыхъ всего сущаго такъ сокровенно сокрыта отъ людей, живущихъ въ грубо матеріальныхъ тѣлахъ, на грубо матеріальныхъ планетахъ, что никакіе телескопы не видятъ Ея и не могутъ даже указать то направленіе, въ которомъ Она находится, это еще совсѣмъ не доказательство, чтобы Ея совсѣмъ не было во вселенной. Послѣ смерти своей, человѣкъ немедленно почувствуетъ стремленіе къ одному мѣсту во вселенной, куда будутъ направляться всѣ его помышленія, всѣ ощущенія и все существо его; то направленіе, къ которому стремится все доброе, все чистое и возвышенное, и отъ котораго бѣжитъ все злое. Оно то именно и есть то направленіе, въ которомъ находится Престолъ Славы Божіей.

Даже самые злые духи и демоны, и тѣ знаютъ ту сторону небесъ, къ которой они не смѣютъ даже и обратить своего взора, и которая уличаетъ ихъ дѣла и служитъ вѣчнымъ укоромъ ихъ паденія.

Люди вѣрующіе, живши на землѣ благочестиво и умершіе съ упованіемъ на милость Божью, немедленно по смерти своей начинаютъ уже стремиться къ Источнику ихъ спасенія и цѣли всѣхъ существованій. Они не смѣютъ еще приблизиться

Digitized by Google

къ этому лучезарнѣйшему мѣсту, горящему пламенемъ любви и милосердія Божія. Но этотъ обильнѣйшій, все проницающій и все оживляющій свѣтъ видятъ они распространяющимся по всей вселенной, освѣщающимъ всѣ самыя отдаленныя мѣста присутствіемъ Божіимъ. Нѣтъ словъ передать его торжественной лучезарности, разнообразія силы и красоты, не только на человѣческомъ языкѣ, но и на ангельскомъ. Этотъ свѣтъ присутствія Божія доступенъ только высокимъ степенямъ духовнаго совершенства и постигается только тѣми чувствами, какихъ на нашей землѣ нѣтъ и быть не можетъ.

Несмотря на всю несказанную красоту, на ослѣпительнѣйшій огонь и на все живительное воздѣйствіе, которое оказываетъ на все сотворенное свѣтъ, распространяющійся отъ обители Бога Вседержителя, мы, жалкіе люди, не имѣемъ возможности его видѣть, такъ какъ наши чувства передаютъ намъ впечатлѣніе только одного свѣта, одного огня матеріальнаго, все разрушающаго: свѣтъ же болѣе сильный, затемняющій всѣ солнца вселенной, свѣтъ святости Божіей, свѣтъ всякой добродѣтели, любви и милосердія, проливающій отраду во всѣ сердца и животворящій все сущее—остается нами не познаваемъ, ибо мы грѣшны, грубы и абсолютно не чутки и не отзывчивы еще ни къ добру, ни къ святости.

Живя въ своемъ грубо матеріальномъ тѣлѣ, мы, даже отчасти, понять не можемъ тѣхъ въ высшей степени отрадныхъ и манящихъ къ себѣ ощущеній, которыя будутъ наполнять все наше существо при одномъ видѣ обители Божіей и всей ея красоты; и какая несказанная и невыразимая радость наполнитъ каждаго, кому дозволено будетъ приблизиться и хотя отчасти вкусить то блаженство, которымъ оно переполнено, и которое составляетъ всю его природу и всю его истинную суть. Въ противуположность этимъ счастливымъ существамъ, упомянемъ и о тѣхъ несчастныхъ грѣшникахъ, которымъ будетъ закрыто лицезрѣніе Бога. Какъ жестоко будутъ они страдать и какъ будетъ укорять ихъ совѣсть, когда они поймутъ красоты неба и когда будетъ имъ отказано не только вступить въ него, но и приблизиться къ нему. Тогда они глубоко пожалѣютъ, что прожили на землѣ безплодно, что потеряли даромъ время, и мало пріумножили въ себѣ ту любовь и тѣ добрыя качества, которыя вложилъ въ нихъ Самъ Богъ.

Всякій, кто только удостоивается хотя издали видѣть обитель Бога Живаго, видитъ ее всегда окруженною десятью самыми величественными и поражающе красивыми солнечными системами, которыя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обители

Digitized by Google

Божіей, совершаютъ свой правильный, медленный и торжественный кругооборотъ кругомъ нея. Въ этихъ солнечныхъ системахъ, какъ сами солнца, такъ и громадное количество большихъ и малыхъ планетъ, окружающихъ эти солнца, горятъ невыразимо ярко тѣмъ же самымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ добродѣтели, любви и святости, какимъ сіяетъ сама обитель Всемогущаго Бога. Не одинаковымъ свѣтомъ блестятъ всѣ планеты силъ небесныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ одинъ цвѣтъ своего блеска съ особыми оттѣнками, другія совсѣмъ другой съ другими, не менѣе разнообразными, оттѣнками; однѣ блестятъ ярче, другія спокойнѣе, но свѣтъ каждой изъ нихъ затмилъ бы всякое матеріальное солнце.

Среди этихъ десяти лучезарнѣйшихъ солнечныхъ системъ выдѣляется одна система, блистающая необыкновенно мягкими, спокойными, переливающимися цвѣтами, но проявляющимися до того ярко, сильно и прозрачно, что затмеваетъ остальныя, когда они приближаются къ ней. Эта группа планетъ несравненно прекраснѣе всѣхъ остальныхъ и проливаетъ болѣе живительнаго свѣта, любви и добра на всю вселенную и болѣе другихъ вызываетъ благоговѣйное ощущеніе теплой радости, покоя и отрады въ каждую, даже страждущую и грѣшную душу.

Между этими системами планетъ есть одна планета, составляющая рѣзкую противуположность всему ея окружающему. Она никогда не приближается ни къ одной изъ остальныхъ планетъ и совершаетъ свой кругооборотъ вокругъ обители Божіей совершенно одна. Несмотря на безконечное море лучезарнѣйшаго огня, окружающаго ее, несмотря на всю кипучую дѣятельность и обиліе жизни, среди которой она находится, ничто не въ силахъ ни освѣтить ее, ни оживить— она черна, какъ потухшій уголь, лишена всякой жизни, и среди этого Божественнаго царства святости и блаженства, производитъ отталкивающее, пугающее и леденящее впечатлѣніе ужаса и смерти.

Девять солнечныхъ системъ суть первыя отраженія вѣчно животворящаго свѣта. Этотъ первый ореолъ славы Божіей и составляетъ мѣсто постояннаго пребыванія, или обитель всѣхъ силъ небесныхъ, всѣхъ высшихъ небесныхъ существъ и ангеловъ. Десятая система планетъ, наиболѣе сіяющая отрадой и радостью, есть Святая обитель Пресвятой Дѣвы Маріи съ легіономъ Ей подвластныхъ ангеловъ-хранителей людей всей вселенной.

Вся сила блеска этихъ духовныхъ планетъ зависитъ отъ той степени чистоты и святости, до которой дошли служи-

Digitized by Google

тели Божіи, обитающіе на каждой изъ этихъ планетъ. По цвѣту блеска и по оттѣнкамъ небожители могутъ отличать, какія добродѣтели преобладаютъ на каждой планетѣ. Одни солнца этихъ десяти планетныхъ системъ блестятъ совершенно тѣмъ же самымъ свѣтомъ, какъ и обитель Божья, передъ яркостью и силой свѣта, которой меркнетъ все во вселенной и все проникается имъ.

Каждая изъ планетъ, на которой пребываютъ небесныя силы, естественно должна имѣть ту же самую природу и ту же самую сущность, которую имѣютъ и тѣла существъ, обитающихъ на этихъ планетахъ, для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить жизненнымъ потребностямъ каждаго.

Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого изъятія ни для какихъ существъ вселенной. Какъ мы, люди, живемъ на нашей землѣ въ грубо матеріальномъ тѣлѣ, имѣющемъ всѣ свойства и составныя части нашей грубо матеріальной планеты, такъ точно и всѣ существа всѣхъ міровъ имѣютъ тѣла, облекающія ихъ душу, состоящія изъ всѣхъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ и планета ихъ. Чтобы выразить это болѣе правильно, слѣдуетъ сказать, что, сообразно нравственнаго, духовнаго и умственнаго развитія каждаго, Богъ предопредѣляетъ каждому и матеріальное тѣло, т. е. оболочку души, той степени грубости, разрѣженности, чистоты или прозрачности, которую каждый заслужилъ передъ Богомъ и опредѣляетъ его на соотвѣтствующую планету для проявленія жизненной дѣятельности, поэтому планеты небесныхъ силъ такъ-же легки, разрѣжены и эфирны, какъ и святыя дѣла ихъ.

Однако, какъ ни тонки и ни эфирны эти планеты, онѣ все же матеріальны и вещественны. Онѣ имѣютъ всѣ качества и свойства вещества, занимаютъ извѣстное мѣсто въ пространствѣ, имѣютъ начало и конецъ своего существованія, тяготѣютъ къ своимъ извѣстнымъ центрамъ и имѣютъ инерцію. Несмотря на всю свою эфирность, планеты эти имѣютъ исторію своего образованія и постепеннаго развитія; имѣютъ тѣ-же три состоянія своей разрѣженности, т. е. состоятъ: изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ веществъ, имѣютъ органическую и неорганическую природу и производятъ растенія и животныхъ.

Эти планеты предоставляютъ обитателямъ своимъ такія удобства жизни, такое блаженство, такой покой и радости, какія возможны только въ раю, уготованномъ Богомъ для любящихъ Его. Мы, слѣпые и тщеславные люди, не можемъ себѣ составить ни малѣйшаго понятія о красотахъ этихъ пла-

Digitized by Google

нетъ и о всемъ томъ обиліи самой заботливой предусмотрительности природы этихъ планетъ, объ удовлетвореніи всѣхъ самомалѣйшихъ потребностей жизни и всѣхъ самыхъ потаеннѣйшихъ желаній каждаго изъ блаженныхъ обитателей ихъ.

Составляя себѣ, до нѣкоторой степени, представленіе объ условіяхъ жизни счастливыхъ обитателей этихъ планетъ, мы должны признать: 1) что они безусловно преданы волѣ Божіей и всегда въ каждое мгновенье готовы самымъ ревностнымъ образомъ исполнять Его святыя предначертанія; 2) что они всецѣло отдаютъ себя на служеніе благу и ближнему, они всей святой и отзывчивой душой своей участвуютъ въ страданіяхъ страждущихъ, въ слезахъ плачущихъ, въ помощи ищущихъ ее и всѣмъ существомъ своимъ переживаютъ скорби, несчастья, горести людей, стараясь предотвратить ихъ, насколько это имъ возможно, и уберечь отъ зла. При этой дѣятельности, поглощающей все существо ихъ, они неминуемо должны быть очень подвижны, должны перелетать съ одной планеты на другую, чтобы не оставить безъ помощи никого изъ тѣхъ, кому они могли бы принести ее; 3) что они чрезвычайно дѣятельны, заботливы, любвеобильны, не знакомы ни съ усталостью, ни съ минутой праздности и въ постоянныхъ заботахъ о другихъ не имѣютъ ни времени, ни желанія думать о себѣ, а потому личныя потребности каждаго изъ нихъ чрезвычайно ограничены.

Какъ бы ни были счастливы существа, обитающія на планетахъ небесныхъ силъ, дѣятельны и подвижны, какъ бы ни была поглощена вся жизнь ихъ заботами о другихъ, какъ бы ни были ограничены ихъ личныя потребности — однако было бы ошибочно представлять ихъ себѣ въ вѣчно бродячей жизни, не имѣющими ровно никакихъ личныхъ желаній и стремленій, безъ уединеннаго мѣста для размышленія, для молитвы и созерцанія Бога и природы—однимъ словомъ, безъ пристанища и покоя. Нашъ языкъ, конечно, бѣденъ для объясненій и выраженій небесныхъ сущностей; наши пониманія слишкомъ ограничены, чтобы дать намъ право подробно обрисовывать земнымъ бытовымъ описательнымъ способомъ постоянное мѣсто пребыванія высшихъ блаженныхъ существъ, ибо это мѣсто пребыванія имѣетъ для нихъ совсѣмъ другое значеніе, другую форму и видъ, чѣмъ наша земная жизнь, по отношенію нашихъ грубыхъ, грѣшныхъ и эгоистичныхъ потребностей.

Какъ бы ни были высшія, сотворенныя Богомъ существа святы, чисты и совершенны, они все же праведны лишь въ

Digitized by Google

относительномъ смыслѣ, ибо они еще далеки до полнаго Богоподобія. Наивысшія существа, достигшія уже полнаго Богоподобія, возвращаются къ Богу и пребываютъ съ Нимъ въ сосредоточіи Его Славы, въ самой Святая Святыхъ всего сущаго. Обитатели планетъ небесныхъ силъ еще далеко не достигли Богоподобія, а потому они должны еще много трудиться надъ своимъ самоулучшеніемъ, стремиться къ нему и еще болѣе совершенствовать и такъ уже высшія качества свои.

Чѣмъ выше и святѣе существо, тѣмъ труднѣе задача его самоусовершенствованія и тѣмъ тщательнѣе и подробнѣе должно оно изучать сущность свою, всей вселенной, всего премудрѣйшаго смысла бытія и цѣлей Божіихъ. Эта трудная Божественная наука жизни можетъ быть достигнута только черезъ посредство Самого Бога, черезъ единеніе съ Нимъ путемъ молитвы и созерцанія дѣлъ рукъ Божіихъ. Чтобы молиться, надо сосредоточиться, а чтобы созерцать, надо уединиться. Но кромѣ всего этого они должны имѣть время и мѣсто спокойно провѣрить свою жизнь, свои поступки, намѣренія, стремленія и желанія; взвѣсить и оцѣнить ихъ, и если кто изъ этихъ безгрѣшныхъ существъ сознаетъ за собой какіе-либо, хотя самомалѣйшіе недочеты или отклоненія образа своихъ мыслей отъ истиннаго и божественнаго предначертанія,—тотъ долженъ обдумать, принять рѣшеніе, исправиться, раскаяться въ этихъ затемнѣніяхъ его святости, и послѣдующей жизнью искупить эти, говоря нашимъ языкомъ, совершенно маловажные грѣхи, которые для небожителя составляютъ цѣлыя преступленія, противъ которыхъ возстаетъ ихъ чуткая совѣсть и святая природа. Чтобы свято выполнить задачу ихъ Богоподобной жизни, всѣ силы небесныя и ангелы, по свидѣтельству многихъ тайнозрителей, имѣютъ каждый свое опредѣленное мѣсто для постояннаго своего мѣстопребыванія и это мѣсто вполнѣ соотвѣтствуетъ степени развитія и святости каждаго изъ нихъ.

Сущность Одного Бога неизрѣченно и безмѣрно превышаетъ сущность ангеловъ, архангеловъ и всѣхъ святыхъ. Онъ Одинъ обитаетъ въ свѣтѣ непостижимомъ и неприступномъ не только для насъ, но и для небесныхъ силъ и ангеловъ. Онъ Одинъ чистъ и святъ въ абсолютномъ и безконечномъ смыслѣ, Онъ Одинъ Богъ и Творецъ всего сущаго и превыше всего того, что Самъ сотворилъ однимъ словомъ и желаніемъ Своимъ.

Когда по благости Своей и для пользы человѣковъ, Онъ допустилъ лицезрѣть Себя пророку Исаіи, то соблаговолилъ принять образъ, доступный пониманію пророка, образъ, приспособленный къ слабымъ способностямъ его. Тогда видѣлъ

Digitized by Google

Его пророкъ сидящимъ на Престолѣ высокомъ и превознесенномъ, края ризы Его наполняли весь храмъ. Вокругъ Него стояли серафимы; у каждаго изъ нихъ было шесть крылъ: двумя закрывалъ каждый лицо свое и двумя закрывалъ свои ноги и двумя леталъ. И взывали они другъ къ другу и говорили: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ“, и поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ и домъ наполнился куреніемъ.

До такой высокой степени Святъ, неприступенъ и непостижимъ Господь Богъ Вседержитель въ Святой сущности всесовершеннѣйшаго существа Своего, что даже въ умѣренномъ свѣтѣ Своего всемогущества, Своей любви и милосердія, въ свѣтѣ, приспособленномъ или примѣнительномъ къ тому, чтобы могли Его творенія увидѣть Его, самые къ Нему приближенные серафимы не могутъ вмѣстить обилія святости, наполняющей все вокругъ Него. Они принуждены закрывать своими крыльями и голову, и тѣло, ибо и они даже слишкомъ ничтожны и слабы по отношенію къ своему Владыкѣ и Творцу.

О блаженной жизни праведниковъ на лучезарнѣйшихъ планетахъ небесныхъ силъ и о красотѣ ихъ можно ли сказать больше того, что уже не разъ высказывали очевидцы этого блаженства. Передать намъ всѣ красоты и блаженства рая въ такой ясной формѣ, чтобы мы были въ состояніи, дѣйствительно, понять и почувствовать то, что святые очевидцы его видѣли и перечувствовали, конечно, нѣтъ ни малѣйшей возможности, ибо то, что они чувствовали и переживали, находясь въ раю, не соотвѣтствуетъ низшей степени развитія существъ. Чтобы понять эти чувства, мы должны быть лучше, болѣе чисты, смиренны, болѣе покорны Богу, болѣе любить и разумно сознавать, что такое любовь, и какое ея великое значеніе въ мірѣ добра и счастія, однимъ словомъ мы должны умѣть жить для другихъ и чувствовать за другихъ. Находясь въ раю съ нашимъ низшимъ нравственнымъ развитіемъ, мы увидѣли бы многое глазами своими, но чувства наши не восприняли бы ровно никакихъ истинныхъ красотъ его. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ грѣшный еще человѣкъ понять красоты и блаженство райскаго состоянія души, когда онъ носитъ еще въ глубинѣ своего сердца злобу, зависть, гордость, тщеславіе и множество самыхъ разнообразныхъ страстей и глупыхъ привычекъ, которыя такъ въѣлись въ его существо, что сдѣлали его рабомъ своимъ, и судить о чемъ либо онъ можетъ только, глядя на вещи черезъ призму этихъ

Digitized by Google

пороковъ и несовершенствъ всякаго рода. Вся жизнь и всѣ сужденія грѣшнаго человѣчества находятся подъ гнетомъ его пороковъ, заражающихъ всю его, какъ духовную, такъ и физическую природу и дѣлающихъ человѣка прямо слѣпымъ къ познанію всего истиннаго и блаженнаго. Только тотъ, кто избавится отъ своихъ пороковъ, кто пріобрѣтетъ чистую, абсолютно чистую совѣсть, начнетъ избавляться отъ личныхъ чувствъ и потребностей, станетъ безотчетно любить ближняго и Бога, только тотъ въ состояніи ощутить въ себѣ начало того, въ высшей степени отраднаго, безпредѣльно спокойнаго и уравновѣшеннаго состоянія души, которое и будетъ началомъ пониманія райскаго блаженнаго состоянія.

Рай и блаженство находится въ самомъ существѣ, въ чистотѣ его непорочной и святой природы. Поэтому, гдѣ бы чистыя и блаженныя существа ни находились, они одинаково спокойны, счастливы и блаженны, ибо ничто не въ силахъ нарушить гармонію, такъ прочно установившуюся между ихъ чувствами, желаніями, стремленіями и Божественнымъ началомъ, вложеннымъ въ основу всей вселенной и всѣхъ дѣлъ рукъ Божіихъ. Видя Бога всюду и вездѣ, они не могутъ не быть счастливы и спокойны, ибо вся жизнь ихъ въ Богѣ—и Богъ для нихъ есть начало и конецъ ихъ стремленій. Обитель ихъ или пребываніе ихъ на планетахъ небесныхъ силъ нисколько не прибавляетъ имъ блаженнаго состоянія. Они одинаково чувствуютъ свое счастье и на нашей землѣ, если не считать того, въ высшей степени томительнаго и удручающаго, чувства печали и жалости, которое возбуждаемъ мы въ нихъ своимъ упорствомъ въ грѣхѣ, своей слѣпотой ко всему истинному и святому, если только не считать тѣхъ заботъ и тѣхъ попеченій, которыя изливаетъ каждый изъ нихъ на насъ, желая исправить насъ и навести на путь истинный и, видя себя отверженнымъ и непонятымъ, скорбитъ душой и молится за насъ. Много причиняемъ мы, грѣшные люди матеріальныхъ планетъ, заботъ и печалей блаженнымъ небожителямъ своимъ упорствомъ и невѣдѣніемъ, оттого и не могутъ они чувствовать себя одинаково счастливо и уравновѣшенно какъ пребывая на нашей землѣ, такъ и въ своихъ святыхъ обителяхъ.

Святыя обители небесныхъ силъ не прибавляютъ имъ блаженства и счастья, но они соотвѣтствуютъ только природѣ ихъ. На этихъ планетахъ все соотвѣтствуетъ праведному состоянію души, на нихъ только чувствуетъ себя каждый изъ нихъ въ своей сферѣ, у себя дома.

Каждый изъ небожителей имѣетъ свой опредѣленный

Digitized by Google

кругъ сродныхъ и симпатичныхъ существъ, которымъ онъ сообщаетъ результаты своихъ трудовъ, свой успѣхъ и свои неудачи, съ которыми онъ совѣтуется въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, съ которыми онъ молится Богу, созерцаетъ тайны бытія и славословитъ Создателя Своего, и всѣ эти дѣйствія происходятъ всегда на одномъ и томъ же постоянномъ мѣстѣ, которое несказанно красиво, несказанно величественно, ибо это есть рай.

Святой Андрей былъ восхищенъ въ рай и повѣствуетъ о немъ нижеслѣдующимъ образомъ: „Послѣ этого напалъ на меня ужасъ, и я ощупалъ, что стою превыше небесной тверди. Юноша, съ лицемъ подобно солнцу, предшествовалъ мнѣ. Я послѣдовалъ за нимъ и вотъ увидѣлъ крестъ прекрасный и великій, видомъ похожій на радугу. Вокругъ Него стояли пѣвцы огнезрачные, какъ пламень, и пѣли сладкую пѣснь, прославляя Господа, распятаго на крестѣ. Предшествующій мнѣ юноша, приступивъ ко кресту, облобызалъ Его и подалъ мнѣ знакъ, чтобы я сдѣлалъ то же, я припалъ ко святому кресту со страхомъ и радостію великой и усердно лобызалъ Его. Въ то время, какъ я его лобызалъ, насытися неизрѣченной духовной сладости и обонялъ больше благоуханія, нежели въ раю. Миновавъ крестъ, я посмотрѣлъ внизъ и увидѣвъ подъ собою бездну,—потому что мнѣ казалось, что я хожу по воздуху,—началъ пугаться и возопилъ къ руководившему меня: „боюсь, чтобы мнѣ не низвергнуться въ глубину“. Онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „не бойся! намъ должно взойти выше“,— и подалъ мнѣ руку. Когда я схватилъ его за руку, мы очутились выше второй тверди, я увидѣлъ тамъ дивныхъ мужей и покой ихъ, и радость праздника ихъ, неизглаголаннаго языкомъ человѣческимъ. Послѣ этого мы вошли въ чудный пламень, который насъ не опалялъ, но только просвѣщалъ. Я началъ ужасаться и опять руководившій меня обратился ко мнѣ и подалъ мнѣ руку, говоря: „намъ должно взойти и еще выше“. Съ этими словами мы очутились выше третьяго неба, гдѣ я увидѣлъ и услышалъ множество небесныхъ силъ, поющихъ и славословящихъ Бога. Мы пришли предъ завѣсу, блиставшую, какъ молнія, предъ которою стояли страшные, великіе юноши, подобные пламени огненному; лица ихъ сіяли паче солнца, и въ рукахъ ихъ было огненное оружіе; кругомъ со страхомъ предстояло безчисленное множество небеснаго воинства. Руководившій меня юноша сказалъ: „когда отымется завѣса и увидишь Владыку Христа, тогда поклонись престолу славы Его“. Услышавъ это, я вострепеталъ и возрадовался; меня объяли

Digitized by Google

ужасъ и неизъяснимая радость, я стоялъ и смотрѣлъ, когда отымется завѣса. Ее отняла нѣкая пламенная рука, и я увидѣлъ Господа Бога Моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, окруженнаго Серафимами. Онъ былъ облеченъ въ багряную одежду, лице Его сіяло неизрѣченнымъ свѣтомъ, и Онъ съ любовію обратилъ ко мнѣ Свои очи. Увидѣвъ Его, я палъ предъ Нимъ на лице мое, поклоняясь пресвѣтлому и страшному престолу славы Его. Какая же тогда отъ видѣнія лица Его объяла меня радость, того невозможно выразить, такъ что и нынѣ, поминая это видѣніе, исполняюсь неизрѣченной сладости. Въ трепетѣ лежалъ я предъ Владыкою, удивляясь толикому Его милосердію, что попустилъ мнѣ грѣшному и нечистому человѣку придти предъ Него и увидѣть Божественную лѣпоту Его. Я исполнился умиленія, размышляя о моемъ недостоинствѣ и, разсматривая величіе моего Владыки, повторялъ въ себѣ слова Исаіи пророка: „О, окаянный азъ! яко сподобихся человѣкъ сей и нечистоты устнѣ имый, Господа Бога моего очима моима видѣти“ (Исай 6, 5). И услышалъ я, что Премилосердный Творецъ мой изрекъ ко мнѣ пречистыми и сладчайшими устами Своими три Божественныя слова, которыя столько усладили мое сердце и столько разожгли любовію къ Нему, что я весь таялъ, какъ воскъ, отъ дѣйствія теплоты духовной; и исполнились надо мною слова Давида: „бысть сердце мое, яко воскъ таяй посредѣ чрева моего“ (Псал. 21, 15). Потомъ всѣ воинства небесныя воспѣли пѣснь предивную и неизрѣченную. Послѣ этого не знаю, какъ я очутился опять ходящимъ въ раю. Пришла мнѣ мысль, что я не видѣлъ Госпожи Пресвятыя Богородицы, и вотъ вижу нѣкоего мужа свѣтлаго, какъ облако, носящаго крестъ и говорящаго мнѣ: „ты захотѣлъ видѣть здѣсь Пресвятую Царицу небесныхъ силъ?... Нѣтъ, нѣтъ Ея здѣсь: Она ушла въ многобѣдный міръ помогать человѣкамъ и утѣшать скорбящихъ. Я показалъ бы тебѣ Ея святое мѣстопребываніе, но теперь уже не время: тебѣ должно возвратиться туда, откуда ты пришелъ—такъ повелѣваетъ Владыка“. Когда онъ говорилъ это, мнѣ показалось, что я сладко уснулъ; проснувшись, я увидѣлъ, что нахожусь на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде“.

Въ другой разъ, святый Андрей, пребывавшій въ теченіе двухъ недѣль въ созерцаніи невидимаго міра, повѣдалъ: „Я увидѣлъ себя въ раю прекрасномъ и удивительнѣйшемъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это?.. Знаю, что живу въ Константинополѣ, какъ же очутился здѣсь—понять не могу.

Digitized by Google

Я видѣлъ себя облеченнымъ въ самое свѣтлое одѣяніе, какъ бы истканное изъ молніи, вѣнецъ былъ на главѣ моей, сплетенный изъ великихъ цвѣтовъ, и я былъ опоясанъ поясомъ царскимъ. Радуясь этой красотѣ, дивясь умомъ и сердцемъ несказанному благолѣпію Божія рая, я ходилъ по немъ и веселился. Тамъ были многіе сады, съ высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрѣніе, отъ вѣтвей ихъ исходило великое благоуханіе. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, другія украшались златовидными листьями; иныя имѣли на себѣ различные плоды несказанной красоты и пріятности. Невозможно тѣхъ деревьевъ уподобить ни одному дереву земному: Божія рука, а не человѣческая насадила ихъ. Птицъ въ этихъ садахъ было безчисленное множество: иныя изъ нихъ были съ златовидными крыльями, другія бѣлыя, какъ снѣгъ, а иныя разнообразно испещренныя, они сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревъ и пѣли прекрасно; отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ себя—такъ услаждалось мое сердце, и казалось мнѣ, что гласъ пѣнія ихъ досягалъ даже до высоты небесной. Стояли тѣ прекрасные сады рядами, какъ бы полкъ противъ полка. Въ то время, какъ я ходилъ между ними въ веселіи сердца, увидѣлъ рѣку великую, текущую посреди ихъ и ихъ наполняющую. На другомъ берегу рѣки стоялъ виноградникъ, котораго лозы, украшенныя златыми листьями и златовидными гроздіями, широко раскидывались. Дышали тамъ отъ четырехъ странъ вѣтры тихіе и благоухающіе; отъ ихъ дыханія колебались сады и производили дивный шумъ листьями своими" (Жит. св. Андрея. Четьи-Минеи, октября во 2-й день).

Подобно этому, преподобная Ѳеодора повѣдала о райской обители великаго угодника Божія Василія Новаго, что она преисполнена была славы и посѣщала въ раю многіе сады златолиственные и многоплодные. Святой Ѳеодорѣ былъ подробно показанъ рай ангелами, ею руководившими. „И видѣла я,—говорила она,—прекрасныя селенія и многочисленныя обители, уготованныя любящимъ Бога, преисполненныя славы и благодати. Водящіе меня показывали мнѣ: отдѣльно обители апостольскія, отдѣльно пророческія, отдѣльно мученическія, отдѣльно обители каждаго чина святыхъ. Каждая обитель была красоты неизрѣченной въ широту и долготу, сказать бы: подобная Царьграду, но несравненно красивѣйшая, со многими пресвѣтлыми нерукотворенными палатами. Всюду въ обителяхъ тѣхъ слышанъ былъ гласъ радости и веселія духовнаго и видны были лики празднующихъ. Всѣ, увидя меня, радовались о моемъ спасеніи, выходили ко мнѣ навстрѣчу, лобызали меня, восхваляя

Digitized by Google

Господа, избавившаго меня отъ сѣтей вражіихъ“ (Жит. Преподобнаго Василія Новаго. Четьи-Минеи, марта въ 26-й день).

Многіе угодники Божіи новозавѣтной Церкви видѣли рай—садомъ, онъ и въ дѣйствительности таковъ, но вещество его и природа также соотвѣтствуетъ естеству его жителей—духовъ, и потому рай недоступенъ для нашихъ чувствъ, огрубѣвшихъ отъ глубокаго паденія. При погребеніи Божіей Матери св. Іоаннъ Богословъ шелъ съ райскою вѣтвью, принесенною на землю архангеломъ Гавріиломъ. Св. Макарій Великій пишетъ, что наслѣдующіе рай встрѣчаются и отводятся въ особенные сады, обители, имъ уготованныя заблаговременно, и возлагаются на нихъ драгоцѣнныя одѣянія („Бесѣда“ 16, 8).

Святый Григорій Синаитъ пишетъ, что рай есть низшее небо, что дерева садовъ постоянно покрыты цвѣтами и плодами, посреди рая течетъ рѣка, его наполняющая и раздѣляющаяся на четыре рукава.

Подобно св. Апостолу Андрею, восхищенному въ рай, былъ восхищенъ въ рай и одинъ благочестивый подвижникъ, игуменъ Власій. Онъ началъ служеніе Богу съ раннихъ лѣтъ и былъ украшенъ всѣми добродѣтелями. Власію пришло непреодолимое желаніе узнать, въ какое мѣсто за гробомъ вселяются души монаховъ, подвизавшихся во время земной жизни. Послѣ трехлѣтней келейной, въ каждую ночь, молитвы, игуменъ Власій, стоя по обычаю на молитвѣ, внезапно былъ восхищенъ въ рай. Здѣсь онъ почувствовалъ, что ходитъ по какому-то полю; на полѣ былъ рай Божій. Блаженный Власій вошелъ въ рай, который представлялся цвѣтущимъ садомъ, исполненнымъ благовонія и наполненнымъ разными фруктовыми деревьями. Въ раю онъ увидѣлъ монаха своего монастыря Ефросима, сидящимъ подъ деревомъ на золотомъ престолѣ. Увидѣвъ Ефросима, Власій подошелъ къ нему и спросилъ: „Это ты, сынъ мой, Ефросимъ? что ты здѣсь дѣлаешь?“—„Я поставленъ здѣсь отъ Бога стражемъ“,—отвѣчалъ Ефросимъ. „А можешь ли мнѣ что-нибудь дать, ежели я у тебя попрошу?“—продолжалъ Власій.—„Могу, проси“.—Тогда Власій, показавъ рукою на яблоню, сказалъ: „Дай мнѣ съ этой яблони три яблока“. Ефросимъ снялъ три яблока и подалъ ихъ игумену. Игуменъ принялъ ихъ въ мантію и тотчасъ же пришелъ въ себя; онъ опять увидѣлъ себя въ своей келіи и три яблока въ мантіи. По окончаніи заутрени, игуменъ приказалъ братіямъ, чтобы никто изъ нихъ не выходилъ изъ церкви. Призвавъ изъ поварни Ефросима, спросилъ его: „Сынъ мой, гдѣ былъ ты въ эту ночь?“ Ефросимъ, опустивъ глаза въ землю, стоялъ и мол-

Digitized by Google

чалъ. Старецъ не переставалъ его допрашивать, тогда Ефросимъ отвѣчалъ: „Тамъ, авва, гдѣ ты видѣлъ меня“.—„А гдѣ я видѣлъ тебя“?—возразилъ старецъ.—Ефросимъ отвѣчалъ: „Гдѣ просилъ у меня три яблока, въ святомъ Божіемъ раю, и я тебѣ ихъ далъ, а ты принялъ“.—„Вотъ эти три яблока, полученныя мною въ Божіемъ раю,—продолжалъ игуменъ, показывая ихъ братіи,—въ эту ночь Богъ сподобилъ меня быть въ раю и видѣть Его“. Яблоки на благословеніе были раздѣлены между братіею, и больные между ними, по вкушеніи райскихъ плодовъ, сдѣлались совершенно здоровыми (Алфавитный патерикъ).

Digitized by Google

Глава III.

Міръ людей.

Создавши также премудро міръ духовный, Богъ помыслилъ создать міръ людей. До сотворенія людей Богъ уготовалъ имъ обиталище, въ которомъ каждый могъ бы найти все то, что удовлетворяло бы его и сдѣлало бы счастливымъ.

Для проявленія жизненной дѣятельности людей Господь Богъ создалъ міры матеріальные, всевозможныхъ состояній матеріи, отъ самаго грубаго до полуматеріальнаго и даже до совершенно эфирныхъ разрѣженностей.

Эти матеріальные міры были созданы Богомъ столь совершенными, какъ Самъ Богъ совершенъ, и столь разнообразными, какъ разнообразны потребности жизненныхъ испытаній призванныхъ къ жизни существъ. Условія жизни на этихъ мірахъ способны были удовлетворить всевозможнымъ развитіямъ существъ, всевозможнымъ добродѣтелямъ и даже святости. Число матеріальныхъ міровъ неисчислимо велико, ибо они въ состояніи вмѣстить въ себѣ цѣлый сонмъ сотворенныхъ Богомъ существъ и дать каждому возможность жизни и всѣ средства къ самоусовершенствованію и къ дсстиженію Богоподобія.

Поэтому такъ и обширна вселенная со всѣми ея видимыми и невидимыми нами мірами. Для насъ она безконечна, неизмѣрима, непостижима и необъятна.

Взгляните на небо въ темную, чистую, звѣздную ночь, и чѣмъ внимательнѣе будете вы взглядываться въ небесную глубь, тѣмъ большее число звѣздъ будетъ притягивать вашъ взоръ. Одна звѣзда будетъ покрывать другую, а мѣстами вы разглядите цѣлыя сотни звѣздъ, слитыхъ вмѣстѣ, и небо въ этихъ мѣстахъ покажется вамъ сплошь усѣяннымъ разными, болѣе

Digitized by Google

или менѣе сильными, огнями. Самыя отдаленныя звѣзды, которыя удавалось видѣть астрономамъ при сильномъ вооруженіи глаза, находятся въ нѣкоторыхъ туманныхъ пятнахъ. Свѣтъ ихъ достигаетъ земли черезъ 5 милліоновъ лѣтъ, пробѣгая ежесекундно 300.000 верстъ. Это пространство очень велико;— нѣтъ силъ представить себѣ его. Все самое пылкое человѣческое воображеніе и самый высокій умъ не въ силахъ вмѣстить въ себѣ понятія о такомъ пространствѣ. Однако, эти, хотя и очень отдаленныя звѣзды не составляютъ предѣла небесныхъ разстояній; эти звѣзды показываютъ лишь предѣлъ познаваемости человѣкомъ вселенной, но далеко не самый предѣлъ вселенной.

За этими звѣздами мы уже дальше не видимъ, ибо не имѣемъ къ тому достаточно средствъ: ни нашъ глазъ, ни телескопы не въ состояніи открыть намъ звѣздъ, лежащихъ по ту сторону этихъ туманныхъ пятенъ. Но несомнѣнно, что вселенная ими не ограничивается и идетъ неизмѣримо дальше, во много милліоновъ разъ дальше; и мы, положительно, не имѣемъ возможности никакими своими средствами постичь конца этого безконечнаго звѣзднаго пространства.

Однако, какъ бы ни была велика вселенная, можемъ ли мы допустить, чтобы она была безконечна въ томъ строгомъ математическомъ и абсолютномъ смыслѣ, въ которомъ принято понимать слово: „безконечность?“ Математическую безконечность нельзя составить изъ конечныхъ величинъ, она не соизмѣрима никакой большой величиной и какъ бы величина или число ни были бы огромны, они все же никогда не составятъ безконечности, ибо безконечность не имѣетъ ни предѣла, ни конца... Поэтому понятно, что вселенная не можетъ быть безконечна въ этомъ абсолютномъ смыслѣ. Чтобы измѣрить вселенную, надо опредѣлить количество вещественныхъ міровъ и измѣрить реальное между ними разстояніе; какъ число этихъ міровъ, такъ и разстояніе между ними можетъ быть исчислено если не людьми, то существами, стоящими выше людей. Складывая эти величины между собой, мы всегда будемъ получать числа, но никогда не безконечность. Если бы силы знанія людей, ихъ разумъ, чувства и инструменты были бы совершеннѣе, они безспорно могли бы опредѣлить величину вселенной. Можетъ быть, у людей не стало бы бумаги для исчисленія величины вселенной, можетъ быть, на всей землѣ не нашлось бы достаточно мѣста, чтобы написать столь длинную цифру, какъ объемъ и поперечное сѣченіе вселенной, — но эти величины еще не были бы безконечностью, ибо онѣ

Digitized by Google

измѣрялись бы цифрами. Однимъ словомъ, какъ ни велика вселенная, однако, она должна занимать опредѣленное мѣсто въ пустомъ пространствѣ, которое окружаетъ ее; она должна имѣть предѣлъ и границу, дальше которой ея нѣтъ, нѣтъ и міровъ, и нѣтъ жизни.

Совершенно то-же мы должны сказать о числѣ сотворенныхъ Богомъ духовно-разумныхъ существъ, для которыхъ сотворены міры. Число этихъ существъ, получившихъ жизнь отъ начала вѣковъ, получающихъ ее въ настоящее время и имѣющихъ получить въ будущія времена—велико, поражающе велико... оно, въ томъ смыслѣ, неисчислимо и необъятно не только что для насъ, но и для ангеловъ! Однако, оно не можетъ быть безконечно, говоря о безконечности въ абсолютномъ смыслѣ, ибо оно состоитъ изъ единицъ. Если люди и ангелы не въ силахъ написать его, то это еще не значитъ, что оно безконечно, ибо Богъ знаетъ въ точности число Имъ облагодѣтельствованныхъ существъ и знаетъ, въ какое время каждый изъ нихъ достигнетъ блаженныхъ обителей и вернется къ Нему, Творцу Своему.

Какъ планеты духовнаго міра окружаютъ со всѣхъ сторонъ обитель Бога Живаго — это сосредоточіе всего сущаго и цѣль стремленія всего добраго и разумнаго,—такъ точно и вселенная окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, но отстоитъ только отъ нея на громадномъ пространствѣ. Ближайшія матеріальныя солнечныя системы отстоятъ отъ планетъ духовнаго міра въ тысячи разъ дальше, чѣмъ каждая изъ солнечныхъ системъ вселенной отстоитъ отъ своихъ сосѣдокъ, такихъ-же солнечныхъ системъ, какъ она сама. Такимъ образомъ, все видимое нами небо образуетъ гигантскій звѣздный куполъ храма Господня и не менѣе обширное шарообразное подножіе ногъ Его, въ центрѣ котораго пребываетъ Самъ Богъ, Творецъ вселенной, во всей славѣ Своей, окруженный легіонами слугъ и ангеловъ Своихъ.

Этотъ второй, уже гораздо менѣе лучезарный, ореолъ славы Божіей такъ великъ, что человѣкъ не имѣетъ никакихъ средствъ представить себѣ его и охватить его величину. Однако, какъ-бы ни былъ онъ великъ, но, какъ всякое вещество, сколько-бы его ни были, какъ-бы его количество ни было велико, обширно, неисчислимо и необъятно, оно должно подчиняться условіямъ времени и пространства. Оно должно имѣть начало и конецъ своего существованія, оно должно имѣть предѣлъ своей протяженности. Предѣлъ протяженности вселенной дѣйствительно существуетъ. Какъ есть границы, ближе

Digitized by Google

которыхъ матеріальныя солнца не приближаются къ Святая Святыхъ вселенной, такъ есть и такая предѣльная по всѣмъ направленіямъ отдаленность, дальше которой они не удаляются отъ нея и гдѣ кончается небосклонъ видимыхъ намъ, людямъ, звѣздъ. Дальше этого предѣла нѣтъ Божественнаго благословенія, дальше слѣдуютъ безконечныя пустыя пространства, дальше царствуетъ непроглядный мракъ, леденящій холодъ и вѣчная смерть.

Всѣ видимыя нами звѣзды на небѣ еще не даютъ намъ понятія о числѣ обитаемыхъ людьми матеріальныхъ планетъ. Всѣ эти звѣзды суть солнца своихъ планетныхъ системъ и ни одно изъ нихъ не обитаемо людьми, но каждое это солнце, какъ и наше солнце, окружено матеріальными планетами всевозможныхъ степеней плотности, и на нихъ то именно и переживаютъ свои жизненныя испытанія духовно-разумныя существа всевозможныхъ духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ качествъ и развитій. Число матеріальныхъ планетъ, окружающихъ каждое солнце, весьма различно; наше солнце окружено восемью большими планетами, совершающими свой правильный кругооборотъ вокругъ него, въ другихъ солнечныхъ системахъ ихъ больше, есть системы, гдѣ ихъ меньше.

Вообще говоря, ни одна солнечная система не похожа на другую, всѣ имѣютъ свои особенности, отличающія ихъ одну отъ другой и отъ нашей. Есть системы съ двумя и тремя солнцами, есть солнца, свѣтящія другимъ огнемъ, есть солнца, періодически измѣняющія силу своей теплоты, есть солнца потухающія, есть разгорающіяся, и все это разнообразіе очаговъ планетъ не можетъ не отражаться на условіяхъ жизни людей, ибо каждая особенность измѣняетъ весь характеръ физическихъ, химическихъ и метеорологическихъ явленій и даетъ жизнь на каждой планетѣ свою собственную, совершенно не схожую съ другими планетами. Нѣтъ во вселенной двухъ одинаковыхъ планетъ, какъ нѣтъ двухъ одинаковыхъ листьевъ на одномъ и томъ же деревѣ. Планеты такъ же разнообразны, какъ свойства характера и развитія духовно-разумныхъ существъ, предназначенныхъ для жизни на нихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти планеты имѣютъ много схожаго между собой — это ихъ назначеніе и та основная цѣль, для которой онѣ созданы и такъ премудро — разнообразно устроены. Поэтому, разбирая планеты съ чисто философской точки зрѣнія, мы должны сказать, что онѣ абсолютно тождественны, ибо принципъ самоусовершенствованія составляетъ причину существованія.

Digitized by Google

Такъ какъ человѣку не дано знать всѣхъ тайнъ премудрости Божіей, то онъ долженъ ограничиться однимъ общимъ пониманіемъ природы вещей. Общее же пониманіе о каждой отдѣльной солнечной системѣ онъ можетъ получить, изучая свою собственную солнечную систему. Вотъ почему чрезвычайно важно человѣку составить себѣ ясное о ней представленіе, ибо, понявъ ее, онъ пойметъ всѣ остальныя.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что даже изъ весьма интеллигентныхъ людей, знающихъ основныя начала астрономіи, есть такіе, которые не составляютъ себѣ нагляднаго представленія объ огромнѣйшихъ междупланетныхъ разстояніяхъ и объ относительной разницѣ ихъ. Всякій разъ, когда имѣешь дѣло съ билліонами, трилліонами и квадралліонами верстъ, всѣ эти громадныя величины оставляютъ въ воображеніи впечатлѣніе какой-то роковой пустоты и сливаются въ какую-то однозначащую, ничего нашему представленію не открывающую величину, а на многихъ они производятъ впечатлѣніе чего то чуждаго человѣческой ограниченной природѣ, какое то головокруженіе.

Поэтому, чтобы напомнить читателю, не ясно себѣ представляющему строй солнечной системы, мы даемъ миніатюръ солнечной системы, въ величину, доступную нашему представленію. Онъ, конечно, не расширитъ знанія, но возстановитъ въ памяти то, что давно зналъ каждый.

Чтобы нагляднѣе представить отношеніе величинъ и разстояній между различными частями солнечной системы, сдѣлаемъ геометрическій чертежъ.

Выберемъ ровное мѣсто, но достаточно просторное, напримѣръ, большой красивый лугъ; помѣстимъ посреди него шаръ, имѣющій $2^1/_2$ аршина въ діаметрѣ и вообразимъ себѣ, что это солнце. Кругомъ его представимъ себѣ двигающимися восемь планетъ. Если мы приняли солнце въ $2^1/_2$ аршина въ діаметрѣ, то сохраняя тотъ же масштабъ, мы должны изобразить ближайшую къ нему планету, Меркурій, не болѣе, какъ просянымъ семенемъ, летящимъ кругомъ солнца въ разстояніи 10 саженъ.

Вторая планета солнечной системы есть Венера. Сохраняя вездѣ тотъ же масштабъ, мы должны изобразить ее не болѣе, какъ горошиной, вертящейся кругомъ солнца въ разстояніи 17 саженъ.

На окружности, начерченной радіусомъ въ 25 саженъ, помѣстимъ горошину немного покрупнѣе. Это будетъ изображать нашу тщеславную землю, жители которой такъ еще не-

Digitized by Google

давно думали, что все творчество Всемогущаго Бога ограничивается только ими одними, и что будто бы обитаема она одна, полагая, что на другихъ планетахъ не можетъ быть жизни, ибо нѣтъ тѣхъ условій, при которыхъ они привыкли видѣть жизнь.

Продолжая чертить наши круги дальше, опишемъ слѣдующую окружность радіусомъ въ 40 саженъ и помѣстимъ очень малую горошину или перечное зерно. Это будетъ четвертая планета—Марсъ.

На окружности 130-саженнаго радіуса положимъ апельсинъ—это Юпитеръ.

Между Марсомъ и Юпитеромъ намъ надо было бы провести до сотни круговъ и положить на каждую по песчинкѣ—это были бы астероиды, или одна, когда-то разорванная, планета.

На окружности радіуса въ 250 саженъ положимъ мандаринъ—это будетъ Сатурнъ.

Уранъ изобразимъ крупной вишней, вертящейся кругомъ солнца на разстояніи одной версты.

Послѣднюю планету солнечной системы намъ придется отдалить отъ нашего солнца на разстояніи полутора верстъ и замѣнить ее обыкновенной сливой.

Если бы выразить въ такомъ масштабѣ разстояніе отъ нашего солнца до ближайшей звѣзды (звѣзда А въ созвѣздіи Центавра) или солнца другой, самой близкой отъ насъ, солнечной системы, то пришлось бы поставить шаръ въ $1^1/_2$ аршина въ діаметрѣ на разстояніи 22000 верстъ отъ нашего солнца. Такъ удалены одна отъ другой солнечныя системы, и всѣ онѣ несутся съ необыкновенной быстротой въ строгомъ порядкѣ по величественнымъ пространствамъ вселенной, и Одному Богу извѣстно направленіе этого рокового полета. Одинъ Богъ знаетъ, куда направить каждую изъ нихъ, люди же до сихъ поръ еще не могутъ себѣ составить ни малѣйшаго о томъ предположенія.

Таковъ видъ въ миніатюрѣ того уголка вселенной, который предназначенъ для жизни намъ, людямъ земли, и на которомъ мы обязаны выказать наши добрыя качества, наше смиреніе и нашу покорность Богу. Всѣ планеты находятся въ непрерывномъ движеніи кругомъ солнца въ плоскости его экватора съ разными скоростями. Въ нашемъ миніатюрѣ это движеніе выразилось бы слѣдующимъ образомъ: Меркурій совершалъ бы свой путь кругомъ солнца въ $1^1/_2$ минуты, Венера въ $3^3/_4$ минуты, земля въ 6 минутъ, Марсъ въ $11^1/_2$ минутъ.

Digitized by Google

Юпитеръ въ 1 часъ и 12 минутъ, Сатурнъ въ 3 часа, Уранъ въ $8^1/_2$ часовъ, Нептунъ въ $16^3/_4$ часа *).

Живя на нашей землѣ, этой малѣйшей песчинкѣ вселенной, мы видимъ ближайшихъ сосѣдокъ нашихъ, планетъ нашей системы! Меркурія, Венеру, Марса, Юпитера, Сатурна роскошнѣйшими свѣтилами, блистающими на небосклонѣ, наравнѣ съ постоянными звѣздами или солнцами другихъ системъ. Мы любуемся или задумываемся надъ ними и спрашиваемъ себя: обитаемы ли эти планеты? есть ли люди на нихъ? похожи ли они на насъ? какія условія сопровождаютъ жизнь этихъ существъ? и всевозможные подобные вопросы остаются непремѣнно безъ отвѣта, если отыскивать отвѣты на нихъ въ нашей позитивной наукѣ. Нашъ позитивизмъ неумолимъ въ этомъ отношеніи; онъ никогда не занимался обитаемостью планетъ и не знаетъ даже, есть ли органическая жизнь на нихъ. Онъ разсматриваетъ планеты, какъ неорганическія тѣла, получившія нѣкогда толчекъ, который сообщилъ имъ самостоятельное движеніе, совершенно независимое отъ окружающей ихъ среды, и съ тѣхъ самыхъ незапамятныхъ временъ летятъ они со страшнѣйшей быстротой, находясь будто бы безусловно подъ вліяніемъ этого толчка. Это поступательное движеніе планетъ превращается въ круговращательное вокругъ солнца другой силой, притягивающей планеты къ солнцу. Наука утверждаетъ, что только эти двѣ силы служатъ причиной полета планетъ и что другихъ силъ въ природѣ и другихъ причинъ, вліяющихъ на полетъ и на направленіе полета, совершенно нѣтъ. Одна сила толкнула планету милліарды лѣтъ тому назадъ и будто бы по одной инерціи летитъ она до сихъ поръ и будетъ вѣчно летѣть; другая сила будетъ вѣчно держать планету какъ бы на привязи и не позволитъ ей удалиться отъ солнца.

Какъ ни проста эта научная теорія, какъ ни кажется она наглядной на первый поверхностный взглядъ, однако, она заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ недоразумѣній, если мало-мальски вникнуть въ суть дѣла. Она даже въ научномъ смыслѣ нелогична и абсолютно невозможна въ дѣйствительности, въ чемъ легко убѣдится каждый, кто только позволитъ себѣ критику ея и здраво посмотритъ на факты. Наука же не будетъ даже отвѣчать вамъ на ваши возраженія или на возрождаю-

*) Для сравненія дѣйствительныхъ величинъ съ величинами, указанными въ миніатюрѣ, мы напомнимъ читателю, что радіусъ земной орбиты 150.000.000 верстъ. Скорость земли обращенія около солнца 180.000 верстъ въ часъ, радіусъ солнца 643.000 версты. Меркурія 2.300, Венеры 5.850, земли 6.000, Марса 3.100, Юпитера 67.500, Сатурна 54.300, Урана 26.300, Нептуна 23.000 версты.

Digitized by Google

щіяся въ вашей головѣ сомнѣнія. Она самымъ циническимъ образомъ будетъ указывать на математическую формулу тяготѣнія, подобранную Ньютономъ, и скажетъ, что: „математика не въ силахъ ошибаться—слѣдовательно, теорія науки вѣрна и никакимъ сомнѣніямъ нѣтъ мѣста“, и подъ защитой подобнаго рода принципа уже 3 столѣтія коснѣетъ въ наукѣ все тотъ же взглядъ на тяготѣніе планетъ, и никто изъ посвященныхъ въ позивитизмъ не смѣетъ прикасаться къ нему, несмотря на ежедневный прогрессъ науки въ другихъ параллельныхъ отрасляхъ знанія, открывающій еще яснѣе всю несостоятельность этого застарѣлаго ученія о тяготѣніи.

Ньютонъ, дѣйствительно, далъ математическое разъясненіе силы тяготѣнія; онъ сдѣлалъ то великое обобщеніе, которое существуетъ между паденіемъ яблока и движеніемъ луны и планетъ, но онъ никогда не высказывалъ, чтобы сами силы могли произвольно одна толкать, другая притягивать. Въ совершенную противуположность тому онъ выразился, что „естественные законы природы представляютъ постепенно и во всемъ слѣды мудрѣйшихъ цѣлей, но нигдѣ и ни въ чемъ не удавалось намъ подмѣтить и слѣда необходимости“. Слѣдовательно, причину движенія планетъ онъ видѣлъ не въ математической формулѣ, но въ высшей Волѣ, управляющей вселенной.

Позитивисты говорятъ, что Ньютонъ открылъ „гармонію мірового цѣлаго“. Это совершенно правда, но это цѣлое надо понимать совершенно не такъ, какъ они понимаютъ. Ньютонъ говорилъ, что движеніе атомовъ производится черезъ посредство всепроникаемой тончайшей матеріи по законамъ удара, причина котораго скрыта отъ насъ; еще со времени Ньютона, это ученіе было принято учеными того вѣка такъ, что будто бы частицы массъ направляютъ свое движеніе, слѣдуя сами, автоматично, математическому закону безъ всякаго посредства матеріальнаго посредника и безъ всякой разумной причины, управляющей движеніемъ. Такое разъясненіе силы тяготѣнія Ньютонъ считалъ „такой великой безсмыслицей, которой не можетъ вмѣстить ни одна философски мыслящая голова“,— какъ выразился онъ самъ въ своемъ письмѣ къ Бентли въ 1693 году, и эта великая безсмыслица еще не исправлена наукой до сихъ поръ и, совершенно въ томъ видѣ, какъ она была при Ньютонѣ, служитъ незыблемымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ научныхъ выводовъ, и на ней до сихъ поръ ученые устанавливаютъ свое міровоззрѣніе на движеніе планетъ, на ихъ плотность и на всѣ условія ихъ существованія.

Digitized by Google

И въ самомъ дѣлѣ, какъ можемъ мы понять, что тѣло, которое летитъ съ быстротой 108000 верстъ въ часъ или въ 75 разъ быстрѣе пушечнаго ядра, не сбрасываетъ со своей поверхности все неплотно прикрѣпленное къ ней? Какъ можемъ мы представить себѣ, чтобы при этой скорости полета части летящаго тѣла не распредѣлялись по степенямъ своей плотности; впереди должно летѣть все, что болѣе тяжело, затѣмъ все, что легче, а въ хвостѣ газы и воздухъ? Въ природѣ мы видимъ совершенно обратное явленіе: воздухъ, облегающій землю, расположенъ совершенно концентрично слоями одинаковой плотности, по всей поверхности земли, что самымъ очевиднымъ образомъ доказывается явленіями оберраціи и показаніями барометра.

Наука отвѣтитъ вамъ, что „легкія части, облегающія землю, остаются не оторванными отъ поверхности, ибо земля летитъ въ абсолютно пустомъ пространствѣ.“—Но какъ же это такъ? Когда наукѣ надо, чтобы междупланетное пространство было абсолютно пустымъ, то она утверждаетъ, что оно пусто, а когда надо выяснить себѣ какія-либо явленія, которыя безъ посредственной среды не могутъ быть выяснены, то она утверждаетъ, что все пространство между планетами заполнено очень разрѣженной матеріей. Такой пріемъ долженъ быть названъ окончательно не научнымъ.

Междупланетное пространство дѣйствительно все заполнено разрѣженной матеріей и иначе это и быть не можетъ, ибо, въ противномъ случаѣ, мы не могли бы себѣ объяснить многихъ явленій. Безъ заполненности междупланетнаго пространства мы никогда не могли бы видѣть солнца и звѣздъ, мы не могли бы получать солнечной теплоты, не могли бы объяснить самой силы тяготѣнія, которая опять-таки черезъ пустое пространство не имѣла бы причины вліять на тѣла, ибо сила тяготѣнія не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ее нѣтъ,—это ясно.

Если же междупланетное пространство заполнено матеріей, то какъ бы эта матерія ни была разрѣжена, она должна препятствовать полету планеты, ибо скорость этого полета неимовѣрна; а чѣмъ больше скорость, тѣмъ и сопротивленіе среды больше и возрастаетъ пропорціонально квадрату возростанія скорости. Изъ этого мы должны заключить, что если бы планета летѣла, повинуясь только одному первоначальному толчку, то она не летѣла бы вѣчно съ тою же самою скоростью, но должна бы постепенно уменьшать скорость своего полета. Если же этого нѣтъ и мы видимъ, что планета летитъ съ тою же скоростью, то должны допустить вмѣшатель-

Digitized by Google

ство еще другихъ силъ, поддерживающихъ этотъ полетъ и такихъ именно силъ, о которыхъ наука до сихъ поръ и понятія не имѣетъ.

Но, кромѣ того, полетъ тѣла, состоящаго изъ веществъ разной плотности, почти ничѣмъ не связанныхъ между собой, въ сопротивляющейся средѣ, не можетъ совершаться безъ того, чтобы среда эта не дѣйствовала на каждую точку поверхности тѣла. Сопротивленіе это должно неминуемо оказывать большее вліяніе на тѣ тѣла, у которыхъ плотность меньше, а, слѣдовательно, и инерція меньше, а потому скорѣе должны летѣть тѣ тѣла, которыя тяжелѣе, затѣмъ болѣе легкія, а, слѣдовательно, если бы земля летѣла не по законамъ Божіимъ, но по объясненіямъ нашихъ астрономовъ, то это не была бы земля—это былъ бы большой комъ пыли, былъ бы вѣчный водо-камне-воздуховоротъ или что-либо въ этомъ родѣ, это былъ бы хаосъ, но никогда ничего стройнаго и цѣльнаго выйти при подобныхъ условіяхъ не могло.

Однако, мы видимъ землю въ строгомъ порядкѣ. Мы видимъ ее чрезвычайно нѣжной и неустойчивой. Мы признаемъ всю землю состоящей изъ огненной жидкой массы такой высокой температуры, какой мы на поверхности земли не въ состояніи получить ни въ одной изъ плавильныхъ печей. Твердая поверхность земли совершенно ничтожна, она гораздо тоньше, чѣмъ кожица яблока, если мы представили бы себѣ землю въ масштабѣ яблока. Эта кожица не есть нѣчто твердое и крѣпкое, образующее какъ бы крѣпкій сводъ надъ огнемъ; наоборотъ, она чрезвычайно слаба и неустойчива и состоитъ изъ разрозненныхъ частицъ земли, камней и воды, покоющихся на жидкомъ огненномъ ядрѣ, которое при малѣйшей неравномѣрности полета планеты, по законамъ механики, должно бы было поглотить надтреснувшуюся кожицу. Въ этомъ случаѣ никакой рѣчи быть не можетъ ни о какомъ толчкѣ или сотрясеніи земного шара, такъ какъ тогда вся твердая кора земли поглотилась бы огнемъ и моментально все было бы расплавлено.

Далѣе, отъ поверхности земли начинается воздухъ. Онъ совершенно равными концентричными пластами облегаетъ землю, причемъ каждый слой, удаляющійся отъ земли, становится все болѣе и болѣе разрѣженнымъ. Это разрѣженіе, вслѣдствіе малой тяжести воздуха, идетъ крайне медленно, и можно съ увѣренностью сказать, что слѣды воздуха въ междупланетномъ пространствѣ должны находиться за много тысячъ верстъ отъ поверхности земли. Эту разрѣженную среду верхняго слоя воздуха мы должны признавать концентрично обле-

Digitized by Google

гающей землю, ибо иначе явленія оберраціи и показаніе барометра были бы на разныхъ мѣстахъ земного шара разныя, чего до сихъ поръ не замѣчено.

Ненарушимость разрозненныхъ частицъ, составляющихъ нашу столь нѣжную и неустойчивую землю, возможна единственно при условіи совершенной матеріальности и плотности той среды, которая окружаетъ землю. Присутствіе ея мы, конечно, не можемъ уловить ни чувствами нашими, ни инструментами, ни даже разсчетомъ, ибо эта среда внѣ познаваемости людей. Но не потому мы не познаемъ ея, что она очень эфирна, она не только не эфирна, но, говоря въ относительномъ смыслѣ, она болѣе матеріальна, чѣмъ многіе наши не только газы, но и довольно плотныя тѣла. Не познаемъ мы ея потому, что у насъ нѣтъ тѣхъ чувствъ, чрезъ которыя мы могли бы познать ее; у насъ нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы показать намъ степень матеріальности ея. Въ нашихъ вѣсахъ она ничего не вѣситъ не потому, что она такъ легка и разрѣжена, что мы не могли бы взвѣсить матерій такой же плотности, но потому, что она сама есть причина вѣса, вѣсомыхъ на нашихъ вѣсахъ предметовъ.

Среда эта достаточно матеріальна, чтобы держать въ своемъ повиновеніи всякій атомъ, составляющій нашу земную матерію. Она проникаетъ всѣ частицы матеріи, со всѣхъ сторонъ сдавливаетъ каждую изъ нихъ, толкаетъ ее къ центру, что образуетъ частичное сцѣпленіе атомовъ, явленія тяжести, вѣсъ и силу тяготѣнія. Эта среда окружаетъ землю на много милліоновъ верстъ и она то именно и несется сплошной массой съ тою скоростью кругомъ солнца, которую мы приписываемъ нашей землѣ. Въ дѣйствительности же несется не земля, но вся среда, въ которой плаваетъ земля; земля же въ этой средѣ находится въ абсолютномъ покоѣ по отношенію къ этой средѣ и нисколько не ощущаетъ никакихъ слѣдствій этого полета.

Каждая частица земли въ отдѣльности и весь земной шаръ, вмѣстѣ взятый, покоится въ объятіяхъ и въ крѣпкихъ узахъ этой среды; при этомъ только условіи понятно: 1) отчего слабая, ничѣмъ между собой не связанная и сыпучая кожица охлажденной поверхности земного шара, можетъ спокойно покоиться на огненномъ жидкомъ ядрѣ; 2) отчего частички воздуха такъ равномѣрно и спокойно парятъ надъ поверхностью воздушнаго океана, и въ 3) отчего мы, люди, живя на поверхности земли, не ощущаемъ слѣдствій ея необыкновенно быстраго вращенія и передвиженія, и, охотно руководствуясь на-

Digitized by Google

шими чувствами, признали бы ее спокойно и неподвижно стоящей въ пространствѣ. Въ сущности это такъ и есть, земля находится въ совершенно неподвижномъ состояніи въ сферахъ другой, менѣе матеріальной, матеріи, намъ не видимой, не ощущаемой и не улавливаемой, которая совершаетъ свой кругооборотъ вокругъ солнца и увлекаетъ своимъ потокомъ нашу землю, всегда и во всемъ послушную этой второй сферѣ.

Все состояніе нашей земной матеріи зависитъ отъ того воздѣйствія, которое производитъ эта вторая среда, окружающая землю. Она производитъ не только явленіе тяжести, вѣса, притяженія, тяготѣнія, но и всѣ явленія электричества, магнетизма, свѣта и теплоты. Въ ней кроются причины движенія атома, составляющаго частичку вещества; она образуетъ родъ этихъ движеній—силу, скорость и форму движенія, которыя оставляютъ въ насъ тѣ впечатлѣнія, вслѣдствіе которыхъ мы отличаемъ одинъ видъ вещества отъ другого и называемъ одинъ воздухомъ, другой водой, третій камнемъ и т. д. Явленія кристаллизаціи, явленія роста органическихъ тканей, явленія состоянія тѣлъ—все зависитъ отъ состоянія матеріи второй среды или сферы, облекающей каждую частичку нашего вещества. Напримѣръ, при извѣстномъ состояніи второй среды извѣстныя части нашего вещества производятъ на насъ впечатлѣніе воды и твердаго тѣла, но состояніе это мѣняется, атомы второй среды начинаютъ увеличивать движеніе своихъ частицъ внутри тѣла, частички нашей матеріи принуждены расходиться, вода и твердыя тѣла увеличиваются въ объемѣ, и мы говоримъ, что температура повышается. Если эта внутренняя работа частичекъ второй сферы будетъ увеличиваться, мы будемъ чувствовать все больше возвышеніе температуры, при которомъ менѣе устойчивыя тѣла нашей матеріи могутъ одинъ за другимъ нарушать свое состояніе и изъ твердаго переходить въ жидкое, изъ жидкаго въ газообразное. Можно себѣ представить въ центрѣ земли, гдѣ температура доведена до непостижимыхъ намъ высокихъ состояній, гдѣ всѣ самые тугоплавкіе металлы и минералы находятся не только въ жидкомъ, но и газообразномъ состояніи подъ невѣроятной тяжестью облегающихъ ихъ огненныхъ и расплавленныхъ толщъ матеріи, составляющихъ нашу землю. Такова дѣйствительная картина природы нашей земной матеріи и вся подчиненность ея второй средѣ матеріи, окружающей ее.

Каждая матеріальная планета облечена своей собственной сферой, которая имѣетъ свою особую разрѣженность и разныя спеціальныя для каждой планеты условія существованія, со-

Digitized by Google

отвѣтствующія степени разрѣженія этой планеты. Это несходство между собой планетныхъ сферъ присвоило имъ еще издревле названіе астральныхъ сферъ, такъ какъ каждая планета или каждая астра имѣетъ свою особую сферу, не схожую съ астральной сферой другой планеты.

Астральная сфера, окружающая нашу землю, есть среда, въ которой помѣщается нашъ загробный міръ. Она и есть именно среда жизни тѣхъ людей, которые, проживя на землѣ въ своихъ грубо-матеріальныхъ тѣлахъ, умерли и принуждены за гробомъ продолжать свои жизненныя испытанія въ астральныхъ сферахъ земли, такъ какъ они недостаточно еще очистились черезъ свою жизнь на землѣ и не имѣютъ еще достаточной чистоты начать жизнь въ болѣе блаженныхъ сферахъ.

Матерія астральной сферы земной жизни имѣетъ также три состоянія: твердое, жидкое и газообразное. Изъ нея образовано множество большихъ, малыхъ и мельчайшихъ планетъ, окружающихъ землю. Плотность этихъ планетъ совершенно различна: есть планеты малой плотности, но есть и такія, твердое ядро которыхъ очень большой плотности и только не многимъ уступающей нашей земной грубой и вѣсомой матеріи. Если бы возможность познанія матеріи зависѣла отъ одной плотности ея, то мы, люди, совершенно свободно могли бы познавать ее всѣми нашими пятью чувствами и могли бы легко взвѣсить ее, но, въ дѣйствительности, не такъ: взвѣсить ее мы не можемъ, ибо эта матерія состоитъ изъ того вещества, которое составляетъ причину нашего вѣса, и какъ бы она ни была плотна и груба, она не въ состояніи дѣйствовать на наши вѣсы; чувства же наши не имѣютъ соотвѣтствующихъ способностей, при которыхъ они могли бы видѣть, слышать или осязать эти матеріи. Главная причина, отчего мы никакими нашими чувствами не можемъ уловить ихъ, есть та, что Богъ ослѣпилъ насъ къ познанію ихъ. Плотность кометъ, напримѣръ, въ милліоны разъ меньше плотности матерій, составляющихъ нашъ земной загробный міръ, а мы видимъ ихъ.

Плотность Урана и Нептуна тоже гораздо меньше плотности матеріи нашей астральной среды, а они тоже видимы намъ.

Богъ не призналъ полезнымъ открыть человѣку познаніе его ближайшаго будущаго, а потому лишилъ его всѣхъ соотвѣтствующихъ средствъ и способностей. Богъ далъ человѣку умъ и здравый смыслъ, руководствуясь которыми онъ долженъ, черезъ анализъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ чувствъ, доходить до правильнаго рѣшенія задачъ своего бытія и до познанія своего загробнаго міра, окружающаго его, связаннаго

Digitized by Google

съ нимъ атомъ за атомъ и сопровождающаго его по пятамъ всюду и вездѣ.

Прозрѣніе загробнаго міра дается людямъ рѣдко, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, причемъ, каждое подобное прозрѣніе происходитъ по волѣ Божіей и, притомъ, каждый разъ съ Его личнаго на то святого произволенія, ибо прозрѣніе загробнаго міра разрѣшается Богомъ только для особаго назиданія людей, для ихъ пользы и для успѣха самоусовершенствованія.

Планеты астральной сферы тяготѣютъ такъ же, какъ и наша земля, но къ своимъ собственнымъ извѣстнымъ центрамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ центрами тяготѣнія матеріальной части земли, и всѣ движенія этихъ планетъ не находятся ни въ какой зависимости отъ нашей видимой сферы, но, обратно, наша земля находится въ полной, подчиненной отъ нихъ, зависимости.

Каждая видимая намъ планета солнечной системы: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, всѣ окружены матеріальными астральными сферами болѣе разрѣженной матеріи, чѣмъ они сами, отъ которыхъ они находятся въ такой же точно зависимости и относятся къ нимъ совершенно такъ же, какъ и наша земля. Всѣ эти сферы суть сферы жизни духовно-разумныхъ существъ, проживающихъ на каждой планетѣ и не имѣющихъ еще возможности удалиться изъ ея сферъ. Хотя, конечно, на каждой планетѣ задачи жизни иныя, а, слѣдовательно, и отношеніе существъ къ ихъ загробному міру на каждой планетѣ нисколько не схоже между собой.

Всѣ эти астральныя сферы связаны между собой третьей сферой еще болѣе тонкихъ матерій, окружающихъ ихъ, проникающихъ и связанныхъ съ ними атомъ за атомъ. Эта третья сфера матеріи есть такая же причина существованія второй сферы, какъ вторая есть причина существованія первой. Она управляетъ всѣми внутренними движеніями атомовъ вторыхъ сферъ, производитъ всѣ физическія, химическія и метеорологическія явленія, управляетъ міровыми движеніями сферъ планетъ и солнца, и нѣтъ предѣла Премудрости Божіей, вглубину тайны которой не дано человѣку проникнуть.

Лично для человѣка вопросъ о томъ, что такое матерія, какова ея плотность и какую она играетъ роль во вселенной— менѣе существенъ, чѣмъ вопросъ о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на него то вещество, которое его окружаетъ, въ которомъ онъ живетъ и изъ котораго состоитъ его тѣло.

Digitized by Google

Общее впечатлѣніе, которое производитъ вещество на всѣхъ, есть впечатлѣніе гнета или удрученія; оно стѣсняетъ движенія людей, тормазитъ проявленія ихъ свободной воли, привязываетъ къ поверхности земли и не позволяетъ имъ удаляться отъ нея ни въ глубь земли, ни въ воздухъ. Однако, далеко не въ одинаковой степени чувствуетъ каждый изъ насъ этотъ гнетъ своего тѣла, это удрученіе или тяжесть его. Сила этихъ ощущеній находится въ прямой зависимости отъ особенностей каждаго. Одно и то же вещество нашего тѣла въ молодости кажется намъ легкимъ и пріятнымъ; оно совсѣмъ почти не стѣсняетъ насъ, но обратите вниманіе, какъ подъ старость то же самое тѣло, съ тѣмъ же самымъ количествомъ матеріи становится невыносимо тяжелымъ. Мы еле-еле влачимъ его и положительно падаемъ подъ его тяжестью. Есть люди крѣпкіе, сильные, грубые; другіе, наоборотъ, слабые, нѣжные, впечатлительные, чувствительные и всѣ ощущаютъ матерію своего тѣла особеннымъ образомъ. Наконецъ, ощущеніе вещества много зависитъ отъ настроенія человѣка. Напримѣръ, приходитъ рабочій вечеромъ, послѣ дневного утомительнаго труда; онъ такъ усталъ, что съ трудомъ передвигаетъ свое тѣло, ему не только трудно шевелиться, но, несмотря на мучащій его голодъ, ему трудно жевать и подносить ложку супу ко рту. Но вдругъ крикнули: „пожаръ! мы горимъ“, и сразу перемѣняются отношенія этого рабочаго къ его матеріи. Теперь уже не она командуетъ, но онъ. И этотъ изнеможенный человѣкъ вскакиваетъ и часа два или три показываетъ чудеса своей силы и ловкости: таскаетъ ушаты воды, цѣлыя бревна и бѣгаетъ такъ скоро, что угнаться за нимъ трудно.

Въ большинствѣ случаевъ отношенія человѣка къ матеріи мѣняются съ внутреннимъ настроеніемъ его существа или силой его желанія достигнуть чего-либо, или степенью энергіи, съ которой стремится онъ осуществить какую-либо свою идею. Воинъ, въ пылу сраженія, ораторъ на трибунѣ, актеръ на сценѣ—никогда не чувствуютъ тяжести своей матеріи и даже серьезно безпокоившіе недуги въ это время исчезаютъ иногда безслѣдно, вслѣдствіе того, что все существо человѣка поглощается занявшей его идеей. Вообще, если бы человѣкъ относился энергичнѣе къ исполненію своихъ обязанностей и болѣе энергично преслѣдовалъ намѣченныя имъ цѣли жизни, онъ меньше былъ бы рабомъ своего тѣла и меньше чувствовалъ бы свою матеріальность.

Мы считаемъ вѣсы непогрѣшимыми мѣрилами вѣса матеріи. По нимъ мы повѣряемъ наши ощущенія ея. Разберемъ, оди-

Digitized by Google

наковъ ли всюду вѣсъ матерій?—Одинъ и тотъ же кусокъ матеріи на экваторѣ тяжелѣе, чѣмъ на полюсахъ; на горѣ онъ легче, чѣмъ у подножія горы; перенесите его мысленно къ центру земли онъ совсѣмъ потеряетъ свой вѣсъ; поднимите его надъ поверхностью земли только на 150 верстъ—онъ уже потеряетъ 5% своего вѣса; на разстояніи земного радіуса отъ поверхности земли всѣ предметы будутъ въ 4 раза легче; на точкѣ равнаго притяженія земли и луны матерія опять вѣса имѣть не будетъ; перенесите ваше четырехъ-пудовое тѣло мысленно на луну, оно будетъ вѣсить только $2^1/_2$ фунта. Вотъ до какой степени вѣсъ матеріи непостояненъ. Матерія имѣетъ наибольшій свой вѣсъ на поверхности земли, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ единственно могутъ жить люди, какъ будто Господь Богъ преднамѣренно увеличилъ вѣсъ матеріи на этомъ мѣстѣ, чтобы дать людямъ почувствовать всю тяжесть ея.

Плотность или удѣльный вѣсъ каждаго рода вещества есть величина болѣе постоянная, чѣмъ вѣсъ. Куда бы мы ни перенесли кусокъ камня, металла, земли, воды или какого бы то ни было другого рода вещества, онъ всегда для своего существованія будетъ требовать того же вида и того же самаго количества энергіи, которые должны быть ему переданы астральной сферой, безъ которой онъ существовать не можетъ. Опустимъ ли мы кусокъ камня къ центру земли, подымемъ ли мы этотъ кусокъ за облака, перенесемъ ли мы его на луну, плотность его останется все одна и та же. Одна температура можетъ измѣнять плотность тѣла. Съ увеличеніемъ температуры всякое тѣло, увеличиваясь въ объемѣ, теряетъ свою плотность. Большое увеличеніе температуры способно превратить всякое твердое тѣло въ жидкое, а, затѣмъ, и въ газообразное, но какъ только температура спадаетъ и переходитъ въ нормальную, то и тѣло охлаждается, мало-по-малу пріобрѣтаетъ свою прежнюю плотность и всѣ свои прежнія качества и свойства.

Самое плотное тѣло на земномъ шарѣ это металлъ—платина. Она заключаетъ въ себѣ матеріи въ 22 раза больше, чѣмъ заключаетъ ее вода, находящаяся въ томъ же самомъ объемѣ. Нашъ воздухъ имѣетъ въ 770 разъ меньше матеріи, чѣмъ вода, а нашъ водородъ имѣетъ ее еще въ 14 разъ меньше, чѣмъ воздухъ. Изъ этого надо заключить, что въ одномъ объемѣ платины заключается въ 237.160 разъ болѣе матеріи, чѣмъ въ одномъ объемѣ водорода.

Средняя плотность твердаго ядра нашего земного шара

Digitized by Google

(не считая воздуха) есть 5,45; т. е. въ ней 5,45 разъ болѣе матеріи, чѣмъ въ томъ же объемѣ воды.

Но какова плотность матеріи, изъ которой состоятъ другія планеты солнечной системы? Плотности планетъ идутъ въ убывающемъ порядкѣ по мѣрѣ того, какъ эти планеты удаляются отъ солнца. Самая плотная матерія составляетъ планету Меркурій, вторая планета Венера состоитъ изъ матеріи менѣе плотной, Земли матерія менѣе плотна, чѣмъ у предыдущихъ планетъ, Марсъ состоитъ изъ матеріи еще болѣе разрѣженной и т. д. до Нептуна, разрѣженіе матеріи котораго достигаетъ чрезвычайной тонкости и эфирности.

Постоянная разрѣженность матерій, изъ которыхъ состоятъ планеты, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ солнца, есть естественное слѣдствіе порядка сотворенія ихъ. Чтобы пролить свѣтъ на степень плотости матеріи, изъ которой состоятъ планеты, намъ придется нѣсколько остановится на исторіи сотворенія ихъ.

Господь Богъ не удостоилъ открыть людямъ многаго изъ исторіи сотворенія вселенной, ибо мы бы не вмѣстили бы его. Познавательныя способности людей не распространяются далеко за предѣлы познанія ихъ грубой и вѣсомой матеріи. Въ назиданіе людямъ Богъ открылъ имъ лишь начало сотворенія и конецъ, т. е. порядокъ сотворенія матеріальнаго міра. Анализируя этотъ порядокъ и прилагая къ нему математическій разсчетъ, мы ниже выведемъ въ цыфрахъ приблизительное отношеніе плотностей матерій, образующихъ планеты солнечной системы. Въ настоящее же время выслушаемъ, что именно открыто Богомъ людямъ изъ всего премудрѣйшаго сотворенія вселенной.

Сотворивши такъ премудро міръ духовный, Богъ помыслилъ создать вселенную, міры людей и человѣка, и Его Трехъединая мысль стала дѣломъ. Вселенная наполнилась Его присутствіемъ въ каждомъ даже самомъ отдаленномъ уголкѣ ея, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вселенной разлился тотъ же самый безконечно тонкій и безконечно чистый первообразъ матеріи, изъ которой состоитъ и обитель Бога Вседержителя, и основаніе, и причина бытія міра духовнаго. Богъ и въ этомъ случаѣ не лишилъ человѣка того, чѣмъ владѣетъ Самъ, ни того, что далъ ближайшимъ Своимъ слугамъ и ангеламъ. Вся вселенная, всѣ среды и сферы жизней и каждый атомъ даже нашей грубой матеріальной матеріи состоитъ самъ, пронизанъ, пропитанъ и окруженъ святѣйшимъ, могущественнѣйшимъ и чистѣйшимъ первообразомъ

Digitized by Google

вещества, на которомъ и создалъ Богъ все остальное. Съ момента, какъ предрѣшилъ Богъ создать вселенную, Онъ болѣе ни на одинъ мигъ не покидалъ и не лишалъ Своего святѣйшаго личнаго присутствія. Его забота объ исполненіи Имъ же Самимъ предначертаннаго плана творенія такъ же подробна и такъ же безконечно тщательна, какъ безконечны всѣ дѣла Рукъ Его.

Мысль Всемогущаго Бога, какъ призывный трубный гласъ, раздался по всему духовному міру. Содрогнулись небеса, заколыхалось все необъятное, неисчислимое воинство небесное и легіоны небесныхъ силъ, высшихъ духовъ и ангеловъ, всегда послушныхъ первому призыву Божественной Мысли, покинули духовный міръ, чтобы явить свое присутствіе въ тѣхъ мѣстахъ вселенной, которыя были предназначены каждому для его дѣятеллности. Они, какъ метеоры, какъ падающія иногда на землю звѣздочки, по всѣмъ направленіямъ, пронизывая съ необыкновенной быстротой безконечныя пространства, ринулись во вселенную, и безконечно премудрая работа по созиданію всего міра въ одинъ мигъ была уже въ полномъ ходу. Въ этомъ безконечномъ полѣ дѣятельности было достаточно труда и заботъ каждому, и каждый изъ помощниковъ и сподвижниковъ Божіихъ старался наперерывъ, по указанію старшихъ и высшихъ себѣ духовъ, принести свой посильный трудъ, свою ревность, свои занятія и свою долю пользы въ дѣлѣ созиданія вселенной подъ личнымъ на каждомъ мѣстѣ святымъ указаніемъ Самого Бога.

Богъ безконеченъ въ Своемъ вездѣсущіи и въ Своемъ могуществѣ. Его премудрой предусмотрительности нѣтъ предѣла, а потому отъ сотворенія вѣковъ никогда еще ни одинъ атомъ не образовался самъ, ни одно самое ничтожнѣйшее движеніе не произошло произвольно, ни одна самая незначительная сила или энергія не проявилась сама отъ себя автоматично и безпричинно, но каждое самое малѣйшее явленіе природы происходитъ по строго обдуманному Богомъ плану, направляется Имъ Самимъ, выполняется и сохраняется Его святыми помощниками и сподвижниками въ дѣлѣ созиданія и устроенія вселенной.

Для Бога, какъ существа безконечнаго, нѣтъ ничего ни малаго, ни великаго. Онъ одинаково имѣетъ возможность присутствовать, а потому присутствуетъ и печется съ совершенно одинаковой заботливостью какъ о движеніи каждаго атома, какъ о дуновеніи каждаго вѣтерка, такъ и о движеніи цѣлыхъ міровъ

Digitized by Google

всей вселенной, ибо вездѣсущію Его и могуществу нѣтъ ни предѣловъ ни границъ.

Не можетъ существовать въ мірѣ другой необходимости возникновенія фактовъ и явленій природы, кромѣ необходимости исполниться волѣ Божіей, нѣтъ другого „закона природы", кромѣ осуществленія Божественной Мысли. Существа, духовно развитыя, составляющія себѣ понятіе, хотя отчасти, о всей безконечности качествъ и свойствъ Божіихъ и о всемъ вездѣсущіи и могуществѣ Бога, говоря о „необходимости въ явленіяхъ природы", не могутъ не представлять себѣ, что, въ сущности, эти слова значатъ: исполненіи воли Божіей; или говоря „законъ природы", они не могутъ не представлять себѣ, что, въ сущности, это значитъ „осуществленіе Божественной Мысли". Только слѣпые для духовнаго пониманія природы вещей люди, не умѣющіе вдумываться въ истинную причину возникновенія фактовъ, а потому относящіеся ко всему поверхностно, могутъ полагать возможнымъ допустить, чтобы „необходимость", сама по себѣ, командовала міромъ и чтобы „законъ природы", самъ по себѣ, руководилъ явленіями. Чтобы допускать это, надо приписать имъ разумъ и цѣлесообразность,— что окончательно нелѣпо; ибо разумъ и логику могутъ проявлять только разумныя существа. Всякое разумное дѣйствіе должно имѣть свою разумную причину; безъ разумной причины нѣтъ цѣлесообразнаго дѣйствія, и чему-нибудь неразумному мы не можемъ приписать разумныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій. Никто не смѣшаетъ звука колоколовъ на колокольнѣ, если случайно раскачалъ ихъ вѣтеръ, съ тѣмъ звукомъ, который получается въ тѣхъ случаяхъ, когда рукой человѣка, водимой разумомъ, приводятся веревки въ движеніе для призыва молящихся или когда она бьетъ въ набатъ. Въ общежитіи каждый назвалъ бы другого сумасшедшимъ, если бы онъ ему сказалъ: что вѣтеръ, раскачавъ случайно веревки колоколовъ, сыгралъ на нихъ, напримѣръ, арію изъ Трубадура, т. е. произвелъ разумныя и цѣлесообразныя дѣйствія. Тѣ же самые люди, анализируя явленія природы, признавая въ нихъ разумнѣйшія и цѣлесообразнѣйшія дѣйствія, считаютъ возможнымъ приписывать причину возникновенія ихъ неразумнымъ и безсмысленнымъ дѣятелямъ. Такія заключенія можетъ дѣлать только человѣкъ, судящій слишкомъ поверхностно о природѣ вещей и относящійся слишкомъ легкомысленно къ священнымъ и глубочайшимъ тайнамъ бытія. Онъ видитъ, что извѣстныя причины вызываютъ постоянно однѣ и тѣ же явленія или факты въ природѣ, и только на этомъ основаніи, не углубляясь далеко

Digitized by Google

въ суть дѣла, онъ заключаетъ, что иначе и быть не можетъ, что въ этомъ, будто бы, есть какая то необходимость, и что это есть законъ природы, который долженъ вѣчно существовать, совершенно не думая о томъ, что неразумные и безсмысленные дѣятели, сами по себѣ, не могутъ производить разумныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій. Напримѣръ, люди видятъ, что когда соберутся тучи, то идетъ дождь; изъ этого они заключаютъ, что это есть законъ природы и что онъ руководитъ міромъ. Всякій дождь, говорятъ они, идетъ изъ тучи, стало быть, онъ долженъ идти изъ тучи и иначе быть не можетъ, это необходимо, и пока будутъ существовать тучи, будетъ идти изъ нихъ дождь, и дѣлается это само собою, безъ всякой разумной причины. Но, спросимъ себя, изъ всякой ли тучи идетъ дождь? Почему онъ идетъ такъ цѣлесообразно, давая жизнь всему растущему на землѣ? Откуда взялись тучи, и кто собралъ ихъ и собралъ именно на этомъ, а не на другомъ мѣстѣ? Отчего такъ благотворно дѣйствуетъ влага, даваемая тучами и отчего она такъ прекрасно гармонируетъ со всѣмъ строемъ такъ премудро созданной вселенной? Если бы только люди обратили вниманіе на разумность и цѣлесообразность всѣхъ явленій природы, если бы они постарались разобрать общую гармонію, существующую въ мірѣ, они никогда не могли бы остановиться на какомъ-нибудь поверхностномъ заключеніи и удовлетвориться имъ. Тайны бытія несравненно премудрѣе, чѣмъ полагаютъ люди, видя явленія природы съ одной ихъ внѣшней стороны.

Всякая сила и всякая энергія, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась во вселенной, есть сила Самого Бога. Богъ Одинъ есть Сила, и никто во вселенной не въ состояніи произвести никакой силы и никакой энергіи. Богъ Одинъ есть святѣйшій и неистощимый источникъ силъ и энергіи, которая послужила для созданія всей видимой и невидимой вселенной и которая будетъ служить до конца вѣковъ для поддержанія и для сохраненія всего сущаго. Богъ внесъ Свою силу въ міръ Своимъ личнымъ въ немъ присутствіемъ, вызваннымъ Его безпредѣльнымъ желаніемъ создать вселенную, какъ средство, дающее возможность вести всѣ сотворенныя Имъ духовно-разумныя существа къ счастію, блаженству и къ Богоподобію.

Нѣтъ другой основной первородной неразложимой матеріи, кромѣ святѣйшаго и чистѣйшаго первообраза матеріи, разлитаго Самимъ Богомъ по вселенной, наполняющей собой каждый уголокъ ея и служащей мѣстомъ пребыванія въ каждомъ своемъ атомѣ—Бога Вседержителя и Творца ея.

Digitized by Google

Нѣтъ другого закона въ природѣ и нѣтъ другой необходимости совершиться чему-нибудь, кромѣ необходимости осуществиться волѣ Божіей. Предначертанія Божіи святы и неизмѣнны, а, слѣдовательно, нѣтъ причины измѣняться желаніямъ Божіимъ. Постоянство есть одно изъ святѣйшихъ качествъ Бога. Вотъ отчего однѣ и тѣ же причины, проявляющіяся въ природѣ, порождаютъ отъ начала вѣковъ и будутъ порождать до конца ихъ всегда одни и тѣ же слѣдствія, одни и тѣ же явленія или факты. Пока Богъ существуетъ—огонь будетъ всегда жечь, вода будетъ всегда течь, всѣ реагенты будутъ порождать однѣ и тѣ же реакціи и дождь будетъ идти изъ тучъ,—ибо такова есть Воля Божія.

Разливъ по вселенной чистѣйшій первообразъ матеріи и присутствуя въ немъ всегда, Господь Богъ, однако, Своей личной волей не производитъ ни одного явленія природы, ни одного движенія матеріи и, бывши Самъ источникомъ всей безконечной міровой энергіи и силы, не проявляетъ Самъ лично никакой энергіи, никакой силы и, вообще, никакого давленія и никакого насилія ни на явленія природы, ни на духовно-разумныя существа, сотворенныя Имъ. Его святѣйшее и премудрѣйшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы добрая воля сотворенныхъ Имъ духовно-разумныхъ существъ, подъ Его святымъ указаніемъ, сама создала вселенную, сама устроила бы ее, сама сохранила бы ее, сама улучшила бы существа и сама довела бы ихъ до Богоподобія. Онъ предоставилъ всѣмъ духовно-разумнымъ существамъ пользоваться силой, заключающейся въ Немъ, вызывая ее помощью свободной воли, дарованной каждому и этой, вызванной изъ Него, силой дѣйствуя на матерію, производить всѣ явленія природы, творить міры, создавать всѣ средства къ достиженію самоусовершенствованія и черезъ нихъ доходить до блаженства и Богоподобія.

Желанія Божіи извѣстны каждому. Нѣтъ ни одного духовно-разумнаго существа во вселенной, которому не былъ бы извѣстенъ законъ Божій; каждый знаетъ, чего требуетъ отъ него Богъ. Каждому существу даны всѣ средства къ познанію Бога, примѣнительно къ его духовному и разумному развитію въ формѣ, доступной для его пониманія. У каждаго духовно-разумнаго существа есть свободная воля, а, слѣдовательно, свободный выборъ поступковъ, есть разумъ, есть совѣсть и отвѣтственность за поступки. Каждому предоставилъ Богъ поступать въ жизни, какъ ему угодно. Онъ можетъ вести свою жизнь въ Богѣ, т. е. поступать согласно закона Божія или, иначе говоря, онъ можетъ *помогать* Богу *въ скорѣйшемъ осу-*

Digitized by Google

ществленіи Его *предвѣчнаго желанія*, заключающагося, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы всѣхъ сотворенныхъ Имъ духовно-разумныхъ существъ довести до добра и до Богоподобія. Но каждый можетъ одинаково, въ силу дарованной ему свободной воли, пользуясь всѣми данными Богомъ ему преимуществами, дѣлать зло или дѣла, противящіяся цѣли Божій.

Изъ этой общей программы Божественныхъ цѣлей не изъято ни одно духовно-разумное существо вселенной, на какомъ бы низкомъ уровнѣ развитія оно ни стояло. Исключенія не дѣлаемъ не только мы, люди Земли, но и люди планетъ, на которыхъ уровень духовнаго и разумнаго развитія стоитъ несравненно ниже насъ.

Все, что только существуетъ во вселенной, все сотворено непринужденно, слѣдуя желаніямъ и указаніямъ Бога, самой доброй и свободной волей духовно-разумныхъ существъ. Пользуясь Божественной силой, въ личномъ присутствіи Бога, самые святые и высшіе духи, владѣя чистѣйшимъ первообразомъ матеріи, вызываютъ въ немъ цѣлесообразныя явленія, соотвѣтствующія этой сферѣ бытія, клонящіяся къ управленію вселенной и направляющія явленія другихъ низшихъ сферъ жизни, они преобразовываютъ первообразъ матеріи въ другіе виды матерій болѣе плотныя и простираютъ свои заботы о вселенной на всѣ міры, на всѣ явленія и на всѣ существа.

Болѣе плотныя матеріи составляютъ предметъ заботъ другихъ духовъ и небесныхъ силъ, пользующихся указаніями высшихъ духовъ. Въ личномъ присутствіи Бога они устраиваютъ разныя сферы жизни: полуматеріальныя, невидимыя намъ планеты, или наши грубоматеріальныя, сохраняютъ ихъ и подготовляютъ поле дѣятельности для существъ, стоящихъ еще ниже въ іерархіи развитія. Они такъ же, какъ и высшіе духи, черпаютъ свои силы въ Общемъ Источникѣ силъ, вызываютъ явленія природы и назидаютъ и поощряютъ къ дѣятельности духовъ, стоящихъ въ ихъ подчиненіи.

Вообще, всѣ духовно-разумныя существа вселенной, сообразно степени своего развитія, пользуются тѣмъ, что даетъ имъ ихъ планета, или сфера жизни, или, вообще, та среда въ которой они пребываютъ, хотя и временно. Всѣ могутъ вызывать въ этихъ средахъ явленія природы, пользуясь силой Божіей и черезъ то улучшать условія жизни на своей планетѣ и, кромѣ того, имѣютъ случай выказывать направленія своей дѣятельности, черезъ что они сами совершенствуются и улучшаются какъ духовно, такъ и разумно.

Напримѣръ, мы, люди Земли, обращаясь со своей грубо-

Digitized by Google

матеріальной матеріей на каждомъ шагу, совсѣмъ не подозрѣвая этого, при каждомъ вызванномъ нами явленіи, при каждомъ совершенно незначительномъ усиліи, водя, напримѣръ, карандашемъ по бумагѣ, расходуемъ уже силу Божію и вызываемъ Его святое присутствіе. Наша воля, желая подвинуть руку, держащую карандашъ, уже вызываетъ нѣкоторую силу изъ Общаго Источника силъ, т. е. Бога. Мы, слѣпые къ пониманію великихъ тайнъ природы, но тщеславные до мозга костей люди, увѣрены, что это мы сами владѣемъ рукой и пользуемся своей собственной силой и очень мало озабочиваетъ насъ, что сила эта не наша, что въ насъ, если бы не было Бога, не было бы никакой ровно силы и что владѣемъ мы силой только потому, что желаніе Самого Бога таково, чтобы воля наша могла вызвать Его силу изъ того первообраза матеріи, который окружаетъ и пронизываетъ каждый атомъ нашей матеріи. Вызывая силу Божію, мы уже возбуждаемъ мысль Божію о насъ, находящуюся въ постоянныхъ заботахъ о нашихъ дѣйствіяхъ; Онъ уже наблюдаетъ за нами и обсуждаетъ, что написано, какая цѣль писанія и взвѣшиваетъ на вѣсахъ правосудія, куда это писаніе ведетъ: къ добру или злу. Не можемъ мы ступить ни одного шага, не вызывая силы Божіей и Его праведнаго суда, осуждающаго или благословляющаго этотъ шагъ.

Какъ мы заботимся объ улучшеніи нашей планеты, расширяемъ свою науку, строимъ свои дома, кладя постепенно камень на камень, впередъ озабочиваясь, чтобы все необходимое было на лицо, устраняемъ всѣ препятствія, могущія мѣшать нашему дѣлу и наблюдаемъ, чтобы всѣ рабочіе были на мѣстѣ и исполняли правильно свою работу, такъ точно и высшіе духи, подъ руководствомъ старшихъ и назидая младшихъ, и въ личномъ присутствіи Самого Бога, исполняютъ постепенно и своевременно работы созиданія видимыхъ и невидимыхъ міровъ, направляютъ явленія природы и предусматриваютъ впередъ всѣ самыя мелочныя детали своего труда, ибо ничего въ природѣ само не дѣлается; всякое дуновеніе вѣтерка требуетъ разумной воли какого-либо духовно-разумнаго существа, чтобы его вызвать и направить. Всякое сочетаніе матерій, всякое движеніе цѣлой-ли планеты или отдѣльнаго атома, всякое образованіе минерала, всякое измѣненіе температуры, погоды, однимъ словомъ, самое малѣйшее и ничтожнѣйшее явленіе природы непремѣнно вызвано разумной волей, управляется и поддерживается ею же. Сила Божія не можетъ быть вызвана никѣмъ другимъ, кромѣ духовно-разумныхъ существъ;

Digitized by Google

никому кромѣ нихъ такая власть не дана, имъ же ввѣрена вся вселенная всецѣло, и отчетъ за нее придется намъ вести передъ Самимъ Богомъ.

Все вышесказанное достаточно уясняетъ, какъ должна была быть сотворена вселенная, и какъ этотъ великій для міра фактъ былъ дѣйствительно совершенъ.

Услыхавъ голосъ мысли Божіей, возвѣщающій всему міру о томъ, что настало время сотворять вселенную, все доброе въ мірѣ и послушное святой волѣ Божіей ринулось по этому призыву, и каждый началъ свой неутомимый, цѣлесообразный трудъ въ той области и въ той сферѣ, которая была ему доступна. Сперва было создано небо, т. е. всѣ тончайшія астральныя сферы намъ невидимыхъ матерій, а затѣмъ уже, когда все было подготовлено и достаточно устроено для возможности вмѣстить въ себя матеріальный міръ, — была саздана земля и всѣ другія планеты.

Отъ людей, конечно, сокрыты всѣ тайны премудраго сотворенія неба, ибо людямъ онѣ окончательно недоступны, и тѣ пространства, которыя переполнены жизнью и дѣятельностью, кажутся имъ пустыми.

Когда небо было сотворено, мысль Божія обратилась къ созданію видимаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ, направилась на нихъ и дѣятельность могущественнѣйшихъ и разумнѣйшихъ Его помощниковъ и сподвижниковъ. Поспѣшая исполнить Божественныя предначертанія, они начали свою работу съ центровъ будущихъ солнцъ, какъ основанія для бытія каждой будущей солнечной системы.

Вызывая Божественную силу въ атомахъ астральной матеріальной среды, окружающей каждую планету нашей солнечной системы, неутомимые Божественные помощники образовывали цѣлесообразныя явленія природы, черезъ которыя создавалась грубо-матеріальная матерія, изъ которой со временемъ долженъ былъ образоваться весь видимый міръ. Образованіе этой матеріи началось съ центра солнца и постепенно наполняло все окружающее его пространство туманной массой. Эта туманность разросталась и распространялась далеко по небу и скоро образозывала изъ себя шаръ въ нѣсколько тысячъ разъ большій, чѣмъ разстояніе отъ земли до Нептуна.

Могущественные и разумные дѣятели вызвали въ немъ движеніе кругомъ его оси и придали ему поступательное движеніе по небеснымъ пространствамъ. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обжимая туманность внѣшнимъ давленіемъ ея астральной среды, устраивали и образовывали само вещество.

Digitized by Google

Вещество стало быстро образовываться; вся масса—уплотняться, и подъ искусной рукой невидимыхъ дѣятелей, давленій извнѣ, возвышая температуру, доводило матерію до накаливанія и до огня. Такимъ образомъ, въ первый разъ сначала вѣковъ заблисталъ во вселенной матеріальный, все сожигающій и все разрушающій огонь и свѣтъ, такъ сильно отличающійся отъ все возстановляющаго и все оживляющаго небеснаго огня и свѣта добродѣтели и высокихъ качествъ Бога и Его слугъ.

Внутренній огонь и давленіе извнѣ способствовали постоянному уменьшенію объема всей туманной массы, и она дѣлалась все болѣе и болѣе плотной.

Когда разстояніе отъ центра этого обширнѣйшаго шара до ея поверхности сдѣлалось равнымъ разстоянію отъ солнца до Нептуна, то произошла первая планета солнечной системы—Нептунъ. Невидимые устроители вселенной образовали обширнѣйшій вихрь астральной среды Нептуна, который вынесъ изъ общей массы нашего солнца, съ необычайной быстротой, такое количество матеріи, какое было необходимо для образованія планеты Нептуна. Они придали направленіе его полету вокругъ поверхности солнца въ плоскости его экватора и сферическую форму. Послѣ этого матерія начала остывать, подготовляться для принятія на себѣ жизни существъ и людей.

Между тѣмъ солнце все уменьшалось въ своемъ объемѣ. Количество однажды созданной Богомъ матеріи не измѣнялось, но она сама по себѣ дѣлалась болѣе плотной, компактной и тяжелой.

Каждый разъ, когда разстояніе отъ центра солнца до поверхности его дѣлалось равнымъ разстоянію отъ солнца до одной изъ планетъ солнечной системы, вихрь матеріи астральной среды дѣлалъ громадный подпочвенный переворотъ и уносилъ столько матеріи, сколько необходимо было для образованія данной планеты. Тотъ же самый вихрь придавалъ каждой планетѣ круговращательное движеніе всей массы около своей оси и около солнца по его экватору. Невидимые устроители вселенной направляли на каждой планетѣ явленіе природы, преслѣдуя идею о скорѣйшемъ ея подготовленіи къ жизни.

Такимъ образомъ образовался сперва Нептунъ, затѣмъ Уранъ, Сатурнъ, Юпитеръ. Послѣ Юпитера образовалась еще одна планета, которая очень скоро послѣ своего отдѣленія отъ общаго солнца была разорвана внутренними силами на 180 малыхъ планетъ. Онѣ названы однимъ общимъ именемъ астероиды. Послѣ астероидовъ образовался Марсъ, затѣмъ

Digitized by Google

Земля, Венера и Меркурій, а послѣ всѣхъ планетъ стало образовываться солнце.

Теперь понятно, почему въ книгѣ Бытія Моисея сказано, что солнце и звѣзды были созданы Богомъ въ четвертый день творенія Земли, т. е. тогда когда кончился уже періодъ потоковъ и горячихъ дождей, когда суша охладилась и отдѣлилась вполнѣ отъ воды и облаковъ, когда земля была уже покрыта растительностью и была способна удовлетворять условіямъ жизни на ней животныхъ организмовъ. Только тогда солнце дошло до того состоянія, при которомъ оно могло грѣть и свѣтить.

Въ моментъ сотворенія Земли, именно тогда, когда изъ общей массы хаотической матеріи, ужаснѣйшимъ вихремъ эфира, святые устроители Земли вынесли глыбу матеріи, достаточную для образованія ея, тогда когда невидимые разумные дѣятели старались придать Землѣ сферическую форму и установить круговращательное движеніе — само солнце было еще въ зародышномъ состояніи и нисколько на нынѣшнее солнце не походило—это была громадная сферическая туманность, имѣющая радіусъ приблизительно отъ Земли до центра нынѣшняго солнца или, другими словами, имѣла до 300 милліоновъ верстъ въ пеперечникѣ. Туманность эта была наиболѣе раскалена въ центрѣ, но по мѣрѣ удаленія отъ центра и температура, и плотность ея уменьшались; поверхность этой туманности была и темна и газообразна, и, слѣдовательно, и не могла ни свѣтить, ни проливать свою живительную теплоту на Землю и на другія планеты.

Совершенно тоже надо сказать и о всѣхъ постоянныхъ звѣздахъ. Онѣ вѣдь тоже солнца своихъ планетныхъ системъ, всѣ онѣ служили нѣкогда матерьяломъ, изъ котораго образовались планеты ихъ системъ, и всѣ онѣ дали этотъ матерьялъ въ то время, когда сами не были еще сформированы. Сформированіе ихъ несомнѣнно длилось несравненно медленнѣе, чѣмъ сформированіе планетъ, ибо масса ихъ гораздо больше.

Мы не будемъ слѣдовать за тѣмъ, какъ устраивались и заселялись планеты. На столько, на сколько это полезно знать людямъ, это уже открыто имъ какъ въ книгѣ Бытія Моисея, такъ и въ научныхъ гипотезахъ, которыя всѣ въ общихъ чертахъ согласны между собой и достаточно подробно передаютъ намъ дѣйствительность.—Но вопросъ, на которомъ мы остановимся, это вопросъ о степени плотности видимыхъ планетъ солнечной системы. Мы спросимъ себя, если изъ одинаковой матеріи сдѣланы всѣ планеты нашей системы, то могутъ ли

Digitized by Google

онѣ значительно развиться въ своей плотности, и отъ чего именно это могло произойти?

Причина различныхъ плотностей матеріи, изъ которыхъ состоятъ планеты солнечной системы, весьма ясна. Она зависитъ отъ разныхъ степеней плотностей матеріи, изъ которой состояло солнце во время образованія каждой изъ планетъ. Количество матеріи, изъ которой создана солнечная система, есть величина постоянная. Это количество матеріи заключалось сперва въ шарѣ, у котораго радіусъ былъ равенъ разстоянію отъ центра солнца до Нептуна. Земля же, напримѣръ, была создана тогда, когда весь этотъ запасъ матеріи сжался въ несравненно меньшемъ шарѣ, а именно въ такомъ, у котораго радіусъ былъ равенъ разстоянію отъ Земли до солнца. Разстояніе Нептуна отъ солнца въ 30 разъ больше, чѣмъ разстояніе Земли отъ солнца, слѣдовательно объемъ перваго шара въ 27.000 разъ больше второго. Изъ этого можно заключить, что и въ каждой единицѣ объема Земли матеріальныхъ атомовъ въ 27.000 разъ больше, чѣмъ въ той же единицѣ объема на планетѣ Нептунъ.

Представить себѣ эту матерію, конечно, человѣкъ не можетъ, какъ и всего того, что переходитъ за предѣлы его познаваемости. Если мы къ этому добавимъ, что матерія Нептуна, имѣя среднюю плотность въ 27.000 разъ меньше, чѣмъ плотность земли—имѣетъ такъ же, какъ и наша матерія, три состоянія: твердое, жидкое и газообразное, то наше воображеніе совсѣмъ откажется себѣ представить что-либо изъ бытовой стороны жизни на этой планетѣ. Тѣмъ не менѣе разумъ долженъ сказать, что на основаніи математическаго разсчета, основаннаго на логическихъ данныхъ, мы не только можемъ, но и должны допустить возможность столь сильныхъ разрѣженій матерій. Ничего въ этомъ невозможнаго нѣтъ.—Невозможно лишь человѣку представить себѣ жизнь на такихъ разрѣженныхъ, хотя и матеріальныхъ планетахъ, на которыхъ живутъ святые люди.

Примѣняя этотъ взглядъ на вычисленіе плотностей всѣхъ остальныхъ планетъ солнечной системы и подвергая его цыфровому разсчету, мы можемъ вывести вѣсъ человѣческаго тѣла на каждой изъ этихъ планетъ. Въ этомъ разсчетѣ мы приняли, что объемъ, занимаемый человѣческими тѣлами на всѣхъ планетахъ, одинъ и тотъ же и что вѣсъ такого тѣла на Землѣ равенъ четыремъ пудамъ. При этомъ выходитъ, что на Веренѣ человѣкъ вѣситъ 16 пудовъ, на Землѣ 4 пуда, на Марсѣ 25 фунтовъ, на Юпитерѣ 12 фунтовъ, на Сатурнѣ полтора

Digitized by Google

фунта, на Уранѣ 5 золотниковъ, на Нептунѣ 2 золотника. Свободно падающее тѣло проходитъ въ первую секунду на Венерѣ 130 футъ, на Землѣ 32,25 фута, на Марсѣ 4,7 фута, на Юпитерѣ 2,36 фута, на Сатурнѣ 10 сантиметровъ, на Уранѣ 4 милиметра, а на Нептунѣ полтора милиметра. Такова разница плотностей матерій, изъ которыхъ состоятъ планеты.

Созданіе Богомъ видимаго міра было вѣнцомъ творенія Божія. Вся вселенная была создана Богомъ единовременно, т. е. въ одинъ извѣстный періодъ времени и съ тѣхъ поръ во вселенной не появлялось новыхъ обитаемыхъ міровъ. Мысль Божія, закончивши такъ премудро предначертанный планъ вселенной, обратилась къ существамъ, заселяющимъ вселенную и направила Свои святыя заботы на попеченіе о нихъ, на поддержаніе, на управленіе и на сохраненіе всего созданнаго Богомъ.

По мѣрѣ того, какъ выходили міры изъ рукъ Творца и были готовы къ воспріятію духовно-разумныхъ существъ, эти послѣднія призывались Богомъ къ жизни и ими заселялась каждая солнечная система. Всѣ находили въ этомъ безконечномъ обиталищѣ тѣ условія жизни, которыя больше всего соотвѣтствовали всѣмъ особенностямъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, какіе только ни появлялись бы во вновь призванныхъ къ жизни существахъ. Какое направленіе жизненной дѣятельности ни приняло бы существо, оно непремѣнно нашло бы планету соотвѣтствующихъ условій и жизненныя упражненія, которыя принесли бы ей наиболѣе пользы. Богъ ни для одного изъ своихъ дѣтей не жалѣетъ ни даровъ своихъ, ни отеческихъ попеченій, ни любви Своей; всѣмъ одинаково открыты двери къ счастью и уразумѣнію истины, но рѣдкій изъ насъ умѣетъ пользоваться ими.

Вся вселенная есть ни больше ни меньше, какъ величайшая школа самоусовершенствованія, въ которой каждый, черезъ поддержку Божію и черезъ свои старанія доходитъ жизненнымъ практическимъ путемъ до познанія добра и зла. Эта главная задача всѣхъ жизней, въ особенности на планетахъ вродѣ нашей Земли. Она чрезвычайно проста по-видимому, но дается очень трудно намъ, людямъ.

Стоитъ только человѣку постигнуть всю прелесть Божественной любви и милосердія, и всѣ умиротворяющія, согрѣвающія и оживляющія слѣдствія ихъ, вносящія миръ, тишину и уравновѣшенность въ сердце человѣка, чтобы уже съ ужасомъ и омерзѣніемъ смотрѣть на картины жизни, которой руководитъ зло. Кто

Digitized by Google

понялъ добро, тотъ не можетъ не видѣть всѣ пагубныя, растлѣвающія, раздражающія послѣдствія зла, оледеняющія и омертвляющія сердце человѣка и все его существо. Понявъ это, уже одно чувство самосохраненія должно, казалось бы, всецѣло увлекать человѣка къ добру, отвлекать отъ зла и искать всѣ средства идти прямой стезей къ Богу.

Главная задача всѣхъ планетныхъ жизней сводится къ тому, чтобы, во-первыхъ, узнать, что такое добро и что такое зло; что значитъ хорошая жизнь и что худая; какія конечныя слѣдствія той и другой жизни; во-вторыхъ, понявъ это, отвыкнуть отъ зла, привыкнуть къ добру, пріучить себя слѣдовать именно этимъ добрымъ путемъ жизни и развивать и преумножать въ себѣ это добро.

Всѣ міры вселенной, заселенные духовно-разумными существами, вполнѣ отвѣчаютъ этой главной цѣли всѣхъ планетныхъ жизней. Счастіе на каждой планетѣ находится въ прямой зависимости отъ степени пониманія добра и отъ преобладанія добра надъ зломъ, что есть всегда результатъ нравственнаго и духовнаго совершенства существъ. Умственное развитіе меньше способствуетъ развитію и укорененію добра, ибо умъ человѣка можетъ быть направленъ на худыя дѣла; чѣмъ умнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ возможности дѣлать зло и онъ дошелъ бы до геркулесовыхъ столбовъ зла, если бы его сердце не парализовало этого направленія и не настаивало бы на измѣненіи подобной дѣятельности на другую, болѣе нравственную.

Умственное и нравственное развитіе на всякой планетѣ идутъ всегда параллельно, увеличиваясь въ одной и той же степени, ибо нравственный человѣкъ безъ умственнаго развитія не понялъ бы дѣйствительнаго значенія своей нравственности, онъ не зналъ бы, зачѣмъ онъ дѣлаетъ добро, т. е. дѣлалъ бы его безотчетно, что останавливало бы его дальнѣйшее развитіе, ибо эта нравственность не имѣла бы прогресса до тѣхъ поръ, пока онъ не понялъ бы ея разумно и не увидалъ бы возможности уширенія и утонченія своего добра. Люди, развившись только разумно, стали бы примѣнять свой разумъ къ злымъ поступкамъ, зло разрослось бы быстро въ такой степени, что имъ пришлось бы видѣть вредъ отъ своего образованія и чтобы парализовать его, было бы только два средства: остановить свое образованіе или обратить вниманіе на нравственную сторону людей.

Каждая пленета въ каждой солнечной системѣ имѣетъ свои условія обитаемости. Есть планеты съ условіями жизни

Digitized by Google

схожими съ Землей; есть планеты съ условіями несравненно болѣе трудными чѣмъ на Землѣ, и такія, на которыхъ жизнь протекаетъ легко и счастливо. Эти физическія условія находятся всегда въ прямой зависимости отъ нравственнаго развитія людей, обитающихъ на нихъ. На мірахъ трудной жизни, какъ, напримѣръ, на Венерѣ, на которой тѣло человѣка вѣситъ приблизительно 16 пудовъ, всѣ физическія условія соотвѣтственно трудны; матерія, изъ которой состоятъ предметы, естественно, груба и тяжела, вся природа непривѣтлива и груба, жизнь на нихъ жестока и достается съ большимъ трудомъ и лишеніями. Эти физическія трудности жизни находятся въ прямомъ отношеніи съ нравственнымъ состояніемъ и развитіемъ существъ, обитающихъ на этихъ планетахъ. Обитатели этихъ планетъ больше боятся разстаться съ этой трудной жизнью, чѣмъ мы со своей, несмотря на всю непривлекательность ея; ихъ страсти болѣе привязываютъ ижъ къ жизни, чѣмъ наши; вліяніе животныхъ инстинктовъ сильнѣе, чѣмъ у насъ; духовныя отправленія души болѣе стѣснены, и нравственныя отношенія между людьми находятъ себѣ менѣе мѣста, чѣмъ на землѣ. По мѣрѣ того, какъ планета развивается, вліяніе матеріи на отправленіе души уменьшается, духовныя и нравственныя стороны берутъ все бóльшій и бóльшій перевѣсъ, человѣкъ чувствуетъ себя менѣе стѣсненнымъ своимъ матеріальнымъ тѣломъ и начинаетъ все болѣе чувствовать на себѣ вліяніе отвлеченныхъ и чисто нравственныхъ потребностей; кругозоръ его умственныхъ взглядовъ, влѣдствіе расширенія его знаній, увеличивается и требуетъ болѣе глубокаго изученія природы, которое можетъ ему дать только правильное отношеніе въ природѣ, пріобрѣтаемое единственно сознаніемъ сущности жизни, т. е. познаніемъ духа и свойственныхъ ему способностей, т. е.—добродѣтели.

Каждый міръ прогрессируетъ и улучшаетъ свои жизненныя условія, по мѣрѣ возвышенія средняго уровня духовнаго, нравственнаго и разумнаго состоянія существъ, на немъ обитаемыхъ. Вспомните нашу Землю въ періодъ первобытныхъ пещерныхъ медвѣдей, или условія жизни человѣка въ каменный вѣкъ. Перейдите затѣмъ мысленно къ исторіи финикіянъ, владычеству римской имперіи, великому переселенію народовъ, владычеству мавровъ и т. д. до нашихъ временъ, когда вся зе́мля покрылась сѣтью телеграфовъ, телефоновъ, желѣзныхъ дорогъ и гдѣ идеи правды, истины и милосердія уже начинаютъ серьезно прививаться и практиковаться между людьми. Продолживши этотъ рядъ прогресса умственнаго и нравствен-

Digitized by Google

наго, мы уже можемъ представить себѣ, что недалеко то время, когда жизнь на землѣ будетъ довольно сносна и даже легка.

Разнообразіе условій обитаемости міровъ опредѣляетъ уже само по себѣ ихъ роль во вселенной. Есть планеты, предназначенныя для помѣщенія существъ первоначальныхъ, низшихъ развитій, на которыхъ водворяются Богомъ существа только что призванныя къ жизни. Это есть міры испытаній, представительницей которыхъ является на нашей планетной системѣ Венера. Это самая трудная планета по своимъ жизненнымъ условіямъ изъ всѣхъ нашихъ планетъ. Послѣ нея вторая — наша Земля — должна быть названа міромъ искупленія. Ея жизненныя условія несомнѣнно легче, чѣмъ на Венерѣ, однако Земля еще не даетъ счастья; она требуетъ еще трудной работы надъ собой, требуетъ радикальной ломки своего организма въ борьбѣ съ собственной порочностью. Марсъ есть уже планета возрожденія. Люди, живущіе на ней, имѣютъ уже лишь незначительные недостатки и своей жизнію они совершенно исправляются отъ нихъ. Вмѣстѣ съ симъ они отдыхаютъ отъ трудныхъ предыдущихъ жизней и отъ тяжелой, пережитой ими борьбы съ своей собственной прочностью и со своимъ зломъ. Живя на Марсѣ, они черпаютъ новыя силы для болѣе успѣшнаго дальнѣйшаго развитія.

Юпитеръ и Сатурнъ—планеты, на которыхъ добродѣтель вполнѣ укоренилась и самое незначительное зло, которое еще иногда проявляется, не оставляетъ послѣдствій, ибо оно искупляется немедленно самими тѣми, которые его по ошибкѣ сдѣлали. Эти двѣ планеты заслуживаютъ по всей справедливости названія счастливыхъ, ибо на нихъ царствуетъ миръ, согласіе и любовь въ полной ихъ силѣ.

Уранъ и Нептунъ суть планеты совершенствъ организаціи и внутреннихъ божественныхъ качествъ. На этихъ планетахъ чистота и непорочность духа безусловна.

Приведемъ здѣсь три сообщенія, сдѣланныя въ Парижскомъ Обществѣ спиритовъ святымъ Августиномъ въ назиданіе людямъ.

1) Міръ искупленія. „Что могъ бы я сказать Вамъ о мірѣ искупленія того, чего бы вы сами, живя на немъ, не испытали?

„Значительныя разумныя и нравственныя развитія, которыми владѣютъ многіе изъ живущихъ на немъ, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что земля наша не можетъ быть причислена къ тѣмъ мірамъ, на которыхъ духъ, только что вышедши изъ рукъ Создателя, живетъ въ первый разъ. Внутреннія качества, которыми владѣетъ духъ при появленіи своемъ

Digitized by Google

на землю, должны служить яснымъ для васъ указаніемъ, что эти духи не первый разъ принимаютъ на себя тѣла человѣческія, ибо развитіе уже довольно далеко подвинуло ихъ въ сравненіи съ тѣмъ, что бы мы могли назвать невѣжествомъ; но многочисленные пороки, къ которымъ они склонны, составляютъ признаки нравственной слабости, что и составляетъ главную причину, по которой Богъ помѣстилъ ихъ на вашей неблагодарной землѣ, на которой они черезъ тяжкій трудъ и несчастія жизни будутъ искупать свои предыдущіе грѣхи, до тѣхъ поръ, пока не заслужатъ лучшей жизни, для которой будутъ переведены на болѣе легкіе міры.

„Однако, не всѣ люди, живущіе на землѣ, представляютъ изъ себя изгнанниковъ за провинности съ другихъ, болѣе возвышенныхъ міровъ. Коренными жителями земли могутъ считаться всѣ племена, называемыя вами полудикими, которыя, по вашему мнѣнію, находятся еще въ дѣтскомъ состояніи и которыя получаютъ свое развитіе и воспитаніе черезъ столкновеніе съ людьми и племенами болѣе цивилизованными, и полуцивилизованныя племена, которыя черезъ свое развитіе дошли уже до извѣстныхъ степеней зрѣлости, изъ которыхъ, несомнѣнно, многія отдѣльныя личности имѣютъ высшую образованность.

„Многіе духи посылаются на землю для искупленія своихъ грѣховъ; они уже жили на другихъ планетахъ и были исключены съ нихъ за настойчивое и упорное творимое ими зло и сопротивленіе Богу, причемъ примѣръ ихъ былъ причиной соблазновъ для другихъ существъ. Они временно водворены въ міръ меньшихъ совершенствъ, на которомъ познаніе ихъ можетъ все-таки принести пользу, ибо они все-таки обладаютъ болѣе высокимъ развитіемъ и задатками знаній, пріобрѣтенными въ предыдущихъ своихъ жизняхъ. Эти, такъ сказать, иноземные духи, по преимуществу, находятся въ вашихъ интеллигентныхъ и высшихъ расахъ: они болѣе чувствительны къ горестямъ жизни, они болѣе требовательны по отношенію къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ они подвержены бо́льшимъ столкновеніямъ и случайностямъ, чѣмъ природные уроженцы земли, болѣе правильное и равномѣрное развитіе которыхъ дѣлаетъ ихъ болѣе выносливыми и терпѣливыми.

„Итакъ, земля можетъ служить для насъ типомъ неисчислимаго количества существующихъ во вселенной міровъ искупленія, которые всѣ, между другими своими функціями, имѣютъ назначеніе служить мѣстомъ ссылки для духовъ, выказавшихъ въ другихъ высшихъ мірахъ противленіе Богу и Его предвѣчному закону. Здѣсь, на землѣ, духи эти черезъ упражне-

Digitized by Google

ніе въ столкновеніи съ людьми и въ борьбѣ съ трудностями природы развиваютъ свое сердце и умъ, внося свои познанія на общую пользу; изъ чего слѣдуетъ, что Богъ по своей добротѣ и премудрому своему предначертанію обращаетъ наказаніе однихъ духовъ на пользу и на просвѣщеніе другихъ".

2) Міры возрожденія. „Между звѣздами, блистающими въ темноголубомъ небосклонѣ, сколько міровъ похожихъ на вашу землю назначены Богомъ для испытанія и искупленія! Но не всѣ такіе, какъ земля; есть много худшихъ и много лучшихъ, и есть планеты, на которыхъ жизнь имѣетъ временный и переходный характеръ и которыя могутъ называться мірами возрожденія.

„Каждый планетный вихрь, пробѣгая неизмѣримыя небесныя пространства вокругъ какого-либо общаго сосредоточія, увлекаетъ съ собой эти міры разныхъ категорій, служащіе пристанищемъ духамъ всевозможныхъ развитій. Сколько разъ говорили уже вамъ духи о тѣхъ мірахъ, на которыхъ помѣщаются души только что созданныя; не зная въ то время ни добра, ни зла, онѣ могутъ свободно возноситься къ Богу, могутъ вполнѣ располагать собой въ силу своей свободной воли. Сколько разъ говорили вамъ духи, какой обладаютъ они обширной и мощной способностью дѣлать добро; но, увы, не всѣ пользуются ею, какъ то дано имъ, какъ могли бы они и какъ бы должно было это дѣлать,— нѣкоторые изъ нихъ совращаются и Богъ, желая ихъ исправить, позволяетъ переселяться въ другіе міры и черезъ эти переселенія изъ тѣла въ тѣло они получаютъ возможность очиститься и быть достойными той славы, которая имъ предназначена.

„Міры возрожденія служатъ первою такою ступенью къ достиженію этой славы. Они служатъ переходной ступенью отъ міровъ искупленія къ мірамъ блаженства; кающаяся душа всегда находитъ въ нихъ покой и возможность окончательнаго своего очищенія. Въ этихъ мірахъ человѣкъ находится еще подъ вліяніемъ законовъ матеріи; онъ имѣетъ одинаковыя съ вами чувства и желанія, но страсти, которыхъ вы можете смѣло назваться рабами, обуздываются ими легче; тамъ нѣтъ гордости вашей, заставляющей всегда замолчать сердце ваше, нѣтъ зависти, служащей предметомъ вашихъ страданій для васъ, ненависти и т. д.; любовь и милосердіе написаны на каждомъ лицѣ и полное согласіе и дружелюбіе царствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ между людьми, такъ и между обществами; все указываетъ на присутствіе Божіе; все манитъ къ себѣ людей, исполняющихъ законъ Его.

Digitized by Google

„Это, однако, далеко не міры счастія: на нихъ человѣкъ видитъ только зарю приближающагося къ нему блаженства. Онъ обладаетъ еще тѣломъ, которое, хотя и легко, но все-таки склонно къ слабостямъ, отъ которыхъ избавлены только существа, обладающія высшими блаженствами и качествами. У каждаго есть еще недостатки, отъ которыхъ онъ долженъ избавиться, но недостатки эти уже не могутъ имѣть сильныхъ и рѣзкихъ слѣдствій, ибо они, по сравненію съ нашими, рѣдки, малы и ничтожны.

„Сравнительно съ землей эти міры очень счастливы и каждый изъ васъ чувствовалъ бы себя на нихъ какъ въ настоящемъ раю, ибо они напоминали бы ему спокойный отдыхъ послѣ бури или чувство только что избавившагося отъ ужасной болѣзни выздоравливающаго человѣка.

„Существо, менѣе васъ поглощенное веществомъ, предусматриваетъ лучше васъ будущее. Оно понимаетъ, что есть радости, которыя обѣщаны Богомъ тѣмъ, которые окажутся достойными и которымъ смерть еще разъ воздѣлаетъ сердце ихъ для принятія лучшей жизни. Только тогда душа будетъ въ состояніи парить во всѣхъ сферахъ; не будетъ имѣть болѣе грубыхъ и матеріальныхъ воззрѣній, но будетъ владѣть одними чистыми и Божественными чувствами, разливающими кругомъ себя ароматъ любви и милосердія подъ непосредственнымъ присутствіемъ Самого Бога.

„Но въ этихъ мірахъ возрожденія человѣкъ, увы, еще ошибается, и царство зла еще не совсѣмъ покинуло его душу. А если человѣкъ не прогрессируетъ въ добрѣ, это все равно, что онъ отодвигается назадъ, слѣдовательно человѣкъ, не стоящій крѣпкой стопой на стези добродѣтели, можетъ пасть и тогда онъ опять попадетъ на трудные міры искупленія, гдѣ ему еще болѣе сильными испытаніями придется очищать себя.

„Любуйтесь же вашимъ прекраснымъ темно-голубымъ вечернимъ небосклономъ въ часы вашего отдохновенія и молитвы и спрашивайте себя: которая изъ этихъ блестящихъ надъ вашей головой точекъ ведетъ къ Богу и просите Его, чтобы Онъ допустилъ одному изъ такихъ міровъ возрожденія принять васъ послѣ вашей смерти“.

3) *Прогрессъ міровъ.* „Прогрессъ есть одинъ изъ законовъ природы; всѣ существа вселенной, все созданное одушевленнымъ или неодушевленнымъ, по благости Создателя, подчинено этому закону, который хочетъ, чтобы все улучшалось и все благоденствовало. Даже разрушенія, которыя кажутся людямъ

Digitized by Google

концомъ вещей, составляютъ только средство, черезъ нѣкоторое преобразованіе достигнуть высшихъ качествъ, ибо все умираетъ для того, чтобы возродиться, и ничто не уничтожается.

„Въ то время какъ живыя существа нравственно развиваются, міры совершенствуются физически. Кто могъ бы прослѣдить міръ во всѣ періоды его существованія, начиная съ того времени, когда начали сближаться первые атомы, послужившіе центромъ притяженія для другихъ, тотъ только могъ бы замѣтить постепенные переходы развитія матеріи, которые дѣлаются до того медленно, что становятся неуловимыми не только людямъ, но и цѣлымъ поколѣніямъ; но они тѣмъ не менѣе представляютъ людямъ все болѣе и болѣе удобствъ по мѣрѣ того, какъ сами люди, слѣдуя тому же закону прогресса, улучшаются сами.

„Такъ прогрессируетъ все во вселенной: люди, животныя, растенія и условія жизни: ибо ничто не можетъ оставаться постоянно на одномъ уровнѣ. Какъ велика эта истина и какъ достойна она величія всемогущаго Творца вселенной, и какъ, наоборотъ, ничтожна, мизерна, и недостойна Его премудрости та система, которая сосредоточиваетъ всю Его дѣятельность на одной песчинкѣ вселенной и ограничиваетъ все человѣчество вселенной нѣсколькими только людьми, живущими на землѣ.

„Земля, слѣдуя всеобщимъ законамъ прогреса, была раньше на болѣе низкой степени своего матеріальнаго и нравственнаго развитія, при которомъ она начинаетъ приближаться къ мірамъ возрожденія, и тогда человѣкъ будетъ на ней счастливъ, ибо тогда законъ Божій будетъ царствовать повсемѣстно“ („Святый Августинъ“. Парижъ, 1862).

Каждая планета имѣетъ свой естественный ходъ развитія, который видимымъ образомъ отражается на условіяхъ жизни людей и можетъ служить мѣриломъ ихъ средняго умственнаго развитія. Уровень нравственнаго развитія долженъ соотвѣтствовать этому общему усовершенствованію планеты. Разумныя существа, обитающія эти планеты, должны соотвѣтствовать общему строю ея и степени развитія, иначе они нарушали бы правильный ходъ этого гармоническаго отношенія нравственности къ физической природѣ. Поэтому тѣ люди, которые, при жизни своей на этой планетѣ, остались закоренѣлыми безвѣрами и даже выказывали противленіе Богу и Его премудрому закону, удаляются съ этихъ планетъ, ибо научили бы человѣчество противленію Бога и служили бы соблазномъ для людей, имѣющихъ стремленіе къ нравственному развитію. По-

Digitized by Google

добнымъ образомъ изгнанные духи переводятся для дальнѣйшихъ своихъ жизней на планеты болѣе трудныя въ жизненномъ отношеніи и обладающія меньшимъ уровнемъ физическаго и нравственнаго развитія; тамъ могутъ прилагать они свои знанія и проповѣдывать свои противоестественныя истины между тѣми, которыхъ они не могутъ испортить примѣромъ своимъ, ибо эти послѣдніе, пребывая еще въ дѣтскомъ и относительно въ полуварварскомъ состояніи, не поняли бы ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ искупить, загладить свои предыдущіе грѣхи и смягчить свой упорный характеръ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ трудныхъ жизней и черезъ тотъ тяжелый трудъ, которымъ придется имъ добывать свой насущный хлѣбъ.

Мы всегда удивляемся, что на землѣ такъ много зла, дурныхъ наклонностей, болѣзней, недуговъ и уродствъ и приходимъ къ убѣжденію, что родъ людской жалокъ и ничтоженъ. Нельзя не согласиться съ этимъ, хотя надо ввести одну поправку относительно пониманія слова „родъ людской“. Нельзя не найти болѣе правильнымъ, говоря о насъ, употреблять выраженіе: „земной человѣкъ“ и оставить названіе „родъ людской“ для разумныхъ существъ всей вселенной.

Такое невыгодное мнѣніе о людяхъ, говоря вообще, зависитъ отъ вполнѣ неправильной точки зрѣнія, съ которой люди иногда смотрятъ на вселенную. Главная ошибка происходитъ оттого, что они смотрятъ на міръ съ узкой точки зрѣнія. Чтобы составить себѣ правильное представленіе, надо сперва вспомнить, что на землѣ мы не видимъ всего человѣчества. Подъ словомъ „родъ людской“ правильнѣе было бы понимать всѣхъ разумныхъ существъ, обитающихъ на всемъ безчисленномъ множествѣ планетъ вселенной. Разсматривая его съ этой точки зрѣнія, мы должны признать, что мы знакомы съ безконечно малой частью его.

Жизненныя и нравственныя условія нашей земли въ самомъ дѣлѣ отвратительны, и мы должны были бы выразиться еще гораздо рѣзче, если бы стали подробно разбирать вопросы о назначеніи земли и о природѣ ея жителей.

Вы всегда составите себѣ очень неправильное понятіе о какомъ-нибудь городѣ, если будете судить о немъ, увидавъ его пригородные грязные кварталы, мѣста зараженныя, наполненныя бѣднымъ и недужнымъ людомъ. Въ каждомъ городѣ есть госпитали и остроги, но нельзя, судя по жителямъ госпиталей или остроговъ, составить себѣ правильное понятіе о жителяхъ самаго города, о степени ихъ образованія, о процвѣтаніи у нихъ наукъ и искусствъ. Въ острогѣ мы видимъ

Digitized by Google

однихъ порочныхъ людей, въ госпиталѣ всѣ больны и страдаютъ. Если мы вселенную сравнимъ съ городомъ, то наша земля можетъ только сравниться съ острогомъ или съ госпиталемъ, вообще съ какимъ-нибудь мѣстомъ страданія, искупленія или исправленія, и въ такомъ случаѣ станетъ понятно, почему нужда и болѣзнь встрѣчаются у насъ чаще, чѣмъ радость, злость и порокъ чаще, чѣмъ добродѣтель и милосердіе, ибо въ эти физически и нравственно исправительныя заведенія не посылаютъ людей здоровыхъ.

Всѣ въ нихъ находящіеся люди или больны или порочны, всѣ должны рано или поздно получить свое исправленіе однимъ или другимъ путемъ. Кто вылечился,—не остается болѣе въ нихъ, онъ радъ, что можетъ избавиться и какъ можно скорѣе покидаетъ землю.

Отовсюду слышатся жалобы на трудныя условія земной жизни; да какъ же вы хотите, чтобы было иначе? Развѣ могутъ однѣ матеріальныя потребности удовлетворить человѣка и сдѣлать его счастливымъ?—Ни умъ, ни богатство, ни власть, ни цвѣтущее здоровье молодого, полнаго жизни, организма, ни всѣ эти условія, взятыя вмѣстѣ, не даютъ счастья. Человѣкъ легко привыкаетъ ко всему этому, сперва перестаетъ ихъ замѣчать, онъ требуетъ отъ жизни новыхъ удовольствій, рѣшительно не сознавая, что имѣетъ уже не только все возможное, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ нужно для полнѣйшаго земного счастья.

Взглянувъ на матеріальную жизнь человѣка съ этой точки зрѣнія, станетъ совершенно ясно, отчего развивается зависть и вражда, напримѣръ, у бѣдныхъ по отношенію къ богатымъ, у безсильныхъ по отношенію къ сильнымъ и т. д., и отчего всякій стремится достичь такихъ-то благъ, которыя, въ свою очередь, тоже не могутъ удовлетворить его.

Все, что можетъ дать покой человѣку, все, что составляетъ его истинное счастье и блаженство какъ на землѣ, такъ и за гробомъ, все пренебрегается имъ, остается безъ вниманія и безъ всякой попытки къ примѣненію. Мы хотимъ сказать о нравственномъ долгѣ человѣка Одно только нравственное развитіе можетъ дать покой душѣ и полное удовлетвореніе; только оно одно заставляетъ понять, что всякій имѣетъ на семъ свѣтѣ свою долю труда, заботъ, мученій и заблужденій, и что не для радости и счастья живетъ человѣкъ на землѣ, а для исполненія цѣлаго ряда искупленія и испытанія. Чѣмъ скорѣе онъ ихъ отбудетъ, чѣмъ энергичнѣе будетъ заботиться о своемъ нравственномъ воспитаніи, тѣмъ скорѣе окончитъ ихъ и

Digitized by Google

будетъ пользоваться тѣми благами, которыми пользуются не преступные и больные, а разумные члены всемірнаго человѣчества.

Съ другой стороны, развѣ не самъ человѣкъ виноватъ въ доброй половинѣ всѣхъ бѣдъ и несчастій, выпадающихъ на его долю? Развѣ его положеніе не было бы во сто кратъ лучше, если бы онъ отвратилъ только тѣ непріятности жизни, которыхъ онъ самъ прямой виновникъ?

Сколько людей впадаютъ въ ошибки по неопытности, дѣлаются жертвой своей собственной непредусмотрительности, своей гордости и своего самолюбія.

Сколько людей разоряется отъ недостатка порядка въ дѣлахъ, или настойчивости въ характерѣ, отъ безпутства или оттого, что не умѣли ограничить своихъ желаній.

Какъ много несчастныхъ браковъ оттого, что руководятся денежнымъ разсчетомъ, а не влеченіемъ сердца, или имѣютъ въ виду удовлетвореніе своего самолюбія или тщеславія.

Какъ много несогласій и ссоръ можно было бы избѣгнуть при малѣшей обдуманности и сдержанности. Сколько болѣзней являются слѣдствіемъ невоздержности, неумѣренности и порывовъ всякаго рода.

Сколько родителей несчастливы въ своихъ дѣтяхъ, ибо съ-молоду не думали развить въ нихъ хорошихъ стремленій и уничтожить дурныя наклонности, вслѣдствіе собственной лѣни и безразличнаго отношенія къ нимъ.

Не только этими вопросами пришлось бы ограничиться, если бы захотѣть перечислить всѣ промахи человѣчества; пусть каждый проанализируетъ самъ себя и вспомнитъ, сколько разъ приходилось ему жалѣть о какомъ-нибудь поступкѣ и говорить: если бы я этого не сдѣлалъ, то навѣрое никогда не былъ бы въ такомъ безвыходномъ положеніи?

Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ самъ подготовляетъ себѣ иногда цѣлый рядъ бѣдъ и несчастій и, вмѣсто того, чтобы сознать свою вину, разобрать, какъ слѣдуетъ, причины и стараться впредь не дѣлать этого, онъ находитъ болѣе удобнымъ и менѣе оскорбительнымъ для своего самолюбія обвинять Провидѣніе, приписывать всѣ причины случайностямъ, говоря, что „родился подъ несчастной звѣздой“. А чаще всего мы совсѣмъ не доискиваемся причины; мы такъ привыкли относиться къ своей жизни легко и поверхностно, что причины нашихъ бѣдъ совсѣмъ не интересуютъ насъ, мы ли виноваты въ нихъ, или что другое, мы жалѣемъ только о происшедшемъ и опять попадаемъ въ ту же ловушку.

Digitized by Google

Глава IV.

Міръ зла.

Всѣ духовно-разумныя существа вселенной созданы Богомъ одинаково совершенными, всѣ надѣлены одинаковыми дарами Божественной благодати. Въ этомъ именно и заключается идея Божественнаго правосудія, вслѣдствіе которой не можетъ Богъ лишить однихъ существъ того, что далъ другимъ. Цѣль жизни каждаго существа всегда одна и та же. Всѣ должны достигнуть своего внутренняго самоусовершенствованія, которое есть залогъ будущаго блаженства. Богъ одинаково печется и заботится о всѣхъ, ищущихъ Его всесильной помощи, и одинаково желаетъ, чтобы всѣ дошли до совершенства черезъ свой личный трудъ и стараніе постигнуть истину и Его. Тѣмъ не менѣе Богъ никого не ведетъ къ добру насильственно или принудительно; Онъ никого не заставляетъ дѣлать добро, никогда не помогаетъ тому, кто не проситъ у Него помощи и надѣется на свои силы больше, чѣмъ на Него.

Всѣмъ одинаково дана свободная воля, каждый имѣетъ возможность злоупотреблять дарами Божіей благодати и вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ себѣ въ пользу и на спасеніе, онъ одинаково свободно можетъ употреблять ихъ на зло и на погибель свою.

Чѣмъ выше духовное и разумное развитіе каждаго существа, тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него какихъ-либо поступковъ, клонящихся къ противленію дѣламъ Божіимъ, ибо разумное и осмысленное пониманіе, хотя отчасти, дѣлъ премудрости Божіей должно неминуемо вызывать благоговѣйнѣйшее удивленіе, восторгъ и восхищеніе. Оно должно заставить преклониться передъ полнотой Премудрости и всѣмъ сердцемъ

Digitized by Google

и всей душой желать слѣпо и искренно слѣдовать за Богомъ, во всемъ безусловно повиноваться Ему.

Разумное познаніе Бога ведетъ къ признанію своего личнаго ничтожества и, наоборотъ, къ признанію въ себѣ безконечной силы и мощи во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, совершаемыхъ съ благословеніемъ Божіимъ или творимыхъ во имя Его. Поэтому нарушеніе союза съ Богомъ въ высшихъ сферахъ духовной іерархіи,—фактъ чрезвычайно рѣдкій, однако, не невозможный, — какъ свидѣтельствуетъ о семъ само Слово Божіе.

Приступая къ сотворенію существъ міра духовнаго, первымъ сотворилъ Богъ Себѣ ближайшаго помощника, всесильнаго выполнителя Своихъ премудрыхъ и святыхъ предначертаній; приблизилъ его къ Себѣ и поставилъ его въ положеніе друга. Богъ надѣлилъ его всѣми Своими высокими и безконечными качествами и свойствами, за исключеніемъ лишь одной своей способности—сотворять жизнь. Даровать жизнь, хотя бы мельчайшей былинкѣ, хотя бы самой плесени, можетъ только Одинъ Богъ Отецъ. При появленіи жизни, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, нужно особое желаніе Бога Отца и Его личное въ сотвореніи участіе. Проявленіе творческой и животворящей силы есть актъ высшаго проявленія Его Святой воли. Поэтому и жизненное начало, заключающееся въ каждомъ организмѣ, такъ рѣзко отличающее все живое отъ мертваго,—есть сила, превысшая всѣмъ силамъ и не доступна никому, не только человѣкамъ, но и самымъ приближеннымъ къ Богу существамъ. Тотъ, кто сотворенъ, не можетъ творить себѣ подобное. Одно Существо безконечное можетъ сотворить что-либо живое.

Это первосозданное Богомъ существо или денница творенія, предвидя, что Богъ приступаетъ къ сотворенію другихъ духовно-разумныхъ существъ духовнаго міра, началъ убѣждать Бога отказаться отъ исполненія Своего предвѣчнаго плана творенія и ограничиться тѣмъ, что есть. Онъ доказывалъ Богу, что несравненно лучше пользоваться самимъ, въ одиночествѣ, въ высшей степени отраднымъ сознаніемъ своихъ высокихъ качествъ и безконечной силы, чѣмъ дѣлиться этимъ сознаніемъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Онъ находилъ, что для того, чтобы вполнѣ спокойно и безраздѣльно предаться наслажденію, вызываемому ощущеніемъ того безконечнаго блаженнаго состоянія, въ которомъ находился Трехъ-Ипостасный Богъ и онъ, Денница творенія,—не нужно больше никого, ибо всѣ остальные только мѣшали бы Имъ и только

Digitized by Google

уменьшали бы полноту Ихъ состоянія. Онъ просилъ Бога не создавать больше никого и спокойно наслаждаться тѣмъ, что Онъ имѣетъ. Кромѣ этой высказанной Богу причины, Денница имѣлъ еще потаенную мысль, которую онъ Богу не высказывалъ, но самъ ужасно мучился ею. Она то, главнымъ образомъ, и заставляла его быть настойчивымъ передъ Богомъ въ своей просьбѣ и доводахъ. Мысль, которая преслѣдовала и не давала ему покоя, была зависть, что, бывъ равно божественнымъ и имѣя всѣ способности Бога, онъ былъ лишенъ способности творчества, а потому, если бы Богъ никого не творилъ и эта творческая способность Бога оставалась бы не производительной, то онъ во всемъ остальномъ, бывъ Богоподобенъ, окончательно сравнялся бы съ Нимъ. Какъ ни безпредѣльно любилъ Богъ Денницу, однако, отказалъ ему въ его просьбѣ.

Такимъ образомъ перваго, кого искупалъ Денница и кого отклонялъ отъ грандіознѣйшаго добра, каковой только видѣлъ міръ, это былъ Самъ Богъ Вседержитель вселенной. Онъ, конечно, не могъ поддаться соблазну, ибо предвѣчныя предначертанія Его Святы. Богъ долго усовѣщевалъ Денницу и самымъ убѣдительнымъ образомъ увѣщевалъ измѣнить свое эгоистическое стремленіе и распространить громадный запасъ любви, хранящійся въ его сердцѣ, на своихъ младшихъ братій. Но всѣ старанія Бога оказались тщетны, Денница остался при своемъ убѣжденіи, несмотря на то, что любовь его къ Богу была безпредѣльна. Никто не былъ бы въ силахъ такъ любить Бога, какъ любилъ Его Денница, ибо никто не былъ въ состояніи лучше понимать всю премудрость Его, всю безконечность высоты качествъ Божіихъ, всю Его доброту и всю неограниченность любви.

Эта глубочайшая и самая жгучая любовь Бога служила ему причиной ненависти. Любовь Божія разлита по всей вселенной; она неограниченно распространена въ каждомъ живомъ существѣ, въ каждой травкѣ, въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ явленіи природы и всюду находитъ себѣ отголосокъ и всюду ощущаетъ себѣ отраду, ибо вся вселенная дышитъ Богомъ. Неограниченная любовь Денницы болѣзненно сосредоточена на Одномъ Богѣ, онъ любитъ Одного Бога и не находитъ себѣ удовлетворенія въ Немъ, что и составляетъ главную причину его мученій, его скорби и желчи.

Богъ отъ вѣчности еще зналъ, какое употребленіе сдѣлаетъ Денница изъ своей свободной воли и изъ тѣхъ Божественныхъ качествъ и свойствъ, которыми былъ Богомъ ода-

Digitized by Google

ренъ, а потому Богъ пожелалъ излить на него все обиліе любви Своей и безконечно теплаго чувства сожалѣнія, которое Онъ питалъ къ падающему творенію Своему. Онъ окружилъ Денницу всей предупредительной заботливостью, каковою можетъ окружить Одинъ только Богъ. Онъ далъ ему всѣ блага жизни, всѣ удобства, предоставилъ цѣлую планету въ духовномъ мірѣ въ его полное распоряженіе, далъ ему множество подвластныхъ духовъ и такое же значеніе во вселенной, какое даровалъ и другимъ первосозданнымъ духовно-разумнымъ существамъ.

Время, милость Божія и блага жизни не изгладили въ Денницѣ его горделивыя и эгоистическія стремленія. Его мучила зависть, глядя на дѣла Божія и адская мучительная ревность къ Богу, какъ только онъ видѣлъ хотя одного изъ легіоновъ сотворенныхъ Богомъ существъ. Онъ не могъ переносить сознанія, что, бывъ равно-божественнымъ, онъ самъ тварь, а не творецъ твари и подъ конецъ возненавидѣлъ всѣхъ сотворенныхъ Богомъ существъ. Онъ не могъ переносить вида добра, творимаго существами въ подраженіе Богу и всякое исполненіе ими Божественной мысли ожесточало его. Онъ считалъ, что подражать Богу и дѣлать Божественныя дѣла можетъ только онъ одинъ, а потому рѣшилъ уничтожить добро во всѣхъ существахъ. Онъ сталъ въ открытое противленіе съ Богомъ, всѣхъ Его дѣлъ, всего сотвореннаго и всего добраго и любящаго.

Возмутившись самъ, онъ въ то же время произвелъ возмущеніе и во всемъ мірѣ духовно-разумныхъ существъ. Всѣ подвластные ему духи и многіе ему неподвластные, соблазненные его лживыми обѣщаніями, были увлечены имъ и стали подъ его начало. Желая царствовать надъ возможно большимъ числомъ слугъ своихъ, онъ разсѣялъ все свое черное воинство по всѣмъ краямъ вселенной искать себѣ послѣдователей и приверженцевъ. Съ этихъ самыхъ поръ явилось открытое зло во вселенной, и она переполнилась демонами, темными духами и человѣкоубійцами.

Такъ какъ главная цѣль воли Божіей есть распространеніе любви, милосердія и добра между существами, черезъ что Господь Богъ желаетъ, чтобы всякій достигалъ своего самоусовершенствованія до Богоподобія, а главная дѣятельность Бога есть созидать и творить,—то Денница поставилъ себѣ діаметрально противуположную программу дѣйствія, а именно: уничтожать добро, любовь и милосердіе, всѣми средствами соблазнять существа на зло, распространять между ними ненависть и эгоизмъ и истреблять все созданное Богомъ.

Digitized by Google

Онъ поклялся своей безграничной и болѣзненной любовью Бога, что сколько бы Богъ ни создалъ существъ,—привести всѣхъ къ погибели и злу. Онъ поклялся, что изъ всѣхъ этихъ загубленныхъ существъ онъ оснуетъ свое царство тьмы, и когда Богъ прекратитъ, наконецъ, твореніе существъ, а онъ, Денница, соблазнитъ и погубитъ ихъ всѣхъ и всѣ они будутъ подвластны ему, все опять возвратится къ прежнему порядку вещей, который былъ до сотворенія существъ, т. е., что желаніе Денницы исполнится, ибо Богъ будетъ вынужденъ сдѣлать то, о чемъ Его просилъ Денница, а именно: полнымъ, спокойнымъ и безраздѣльнымъ ощущеніемъ блаженства будутъ пользоваться только Тройственный Богъ и онъ, Денница, четвертый и болѣе ни съ кѣмъ они дѣлиться своимъ счастьемъ не будутъ, ибо загубленныя имъ существа будутъ всѣ несчастными мучениками ада и изгнаны за предѣлы вселенной.

Эта клятва и есть главная причина всѣхъ нашихъ страданій, всѣхъ бѣдствій и всего зла вселенной. Денница гордится тѣмъ, что если Богъ создалъ добро и любовь, то онъ создалъ нѣчто болѣе могущественное и болѣе распространенное—это грѣхъ, зло и страданіе, чего безъ него не было бы въ мірѣ. Но вѣдь это не болѣе, какъ игра словъ, ибо въ созданіи зла акта творчества видѣть нельзя; а слѣдовательно нельзя назвать Денницу творцомъ зла, но лишь исполнителемъ его.

Сотворивъ противленіе Богу и открыто возставъ на все доброе, любящее и на все, покорное Богу, Денница не могъ больше оставаться въ предѣлахъ вселенной, каждый уголокъ которой дышитъ и оживотворяется присутствіемъ Божіимъ. Ему была невыносима атмосфера Божества и видъ добра приводилъ его въ ожесточеніе. Онъ удалился за предѣлы вселенной, въ безграничныя пустыя пространства, окружающія ее, и основалъ тамъ свое царство тьмы, истребленія и смерти.

Зло, внесенное злымъ полчищемъ въ міръ, не могло не отразиться и на физической природѣ духовнаго міра. Одна изъ лучезарнѣйшихъ планетъ духовнаго міра, служащая обиталищемъ Денницы съ его отпавшими отъ небеснаго воинства слугами, погасла подъ обиліемъ творящагося на ней зла и противленія Богу и стала мертва и до такой степени черна, что никакой свѣтъ святости Божіей не въ состояніи уже больше освѣтить ее. Она стала такъ же черна, какъ и все, къ чему прикасается и чѣмъ завладѣваетъ злая сила.

Господь Богъ не уничтожилъ ее, не разрушилъ, не стеръ съ лица земли, какъ не уничтожаетъ ничего, что разъ

Digitized by Google

создано Имъ. Эта почернѣвшая планета оставлена Богомъ среди лучезарнѣйшаго свѣта добродѣтели до того времени, когда, познавъ свои злодѣянія, покоренный добромъ и милосердіемъ Бога, Денница падетъ съ раскаяніемъ къ ногамъ Божіимъ для испрошенія себѣ прощенія.

Какъ палъ Денница въ силу своей свободной воли, такъ точно настанетъ время, когда онъ, въ силу разумнаго сознанія своей грѣховности, по своей же волѣ вернется обратно къ Богу и Отцу Своему для испрошенія прощенія и также по своей волѣ будетъ умолять Бога дозволить искупить сдѣланное имъ зло со всѣми его слѣдствіями и воздать міру и Богу за все принесенное имъ разстройство. Богъ, вслѣдствіе безконечной любви Своей, приметъ его обратно въ лоно Свое, какъ принимаетъ каждаго кающагося грѣшнаго, блуднаго сына и радость на небесахъ будетъ велика.

Такъ произошло разстройство въ мірѣ духовномъ; нарушенъ порядокъ и гармонія; нарушено первоначальное состояніе полнѣйшаго согласія и единства и возникло зло и вражда, но все это случилось по волѣ самихъ существъ, безъ всякаго на то воздѣйствія со стороны Творца вселенной. Возникнувъ въ свободномъ мірѣ духовъ, зло естественно должно было развиваться съ возможной силой и проявляться въ разныхъ видахъ. Черезъ свою адскую гордость и высокій умъ Денница поставилъ прежде всего себя во враждебное отношеніе къ Богу, потомъ извратилъ свою природу, вмѣсто прежняго мира и согласія съ самимъ собой онъ внесъ раздѣленіе и раздоръ во внутрь своего собственнаго существа и, наконецъ, утративъ всякую способность къ добру, сталъ злѣйшимъ противникомъ его, въ какомъ бы видѣ и гдѣ бы оно ни проявлялось.

Къ сподвижникамъ своимъ Денница относился съ чувствомъ полнѣйшаго презрѣнія, потому что онъ лучше всѣхъ въ мірѣ понималъ, какъ премудръ и высокъ Господь и какая разница между послѣдователями Господа Бога и его. Всѣ слуги его идутъ за нимъ, ибо онъ обѣщаетъ имъ больше, чѣмъ обѣщаетъ Господь; но Господь даетъ несравненно больше того, что обѣщаетъ, Денница же не можетъ дать и сотой части того, что обѣщалъ. Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы только заманить кого-нибудь въ свой лагерь, пользуясь слабыми сторонами существа. Поощряя дурныя привычки, пороки или страсти, ему многое удается дѣлать худого, и если только явились добровольные проступки, клонящіеся къ противленію волѣ Божіей, то это сознающее свою грѣховность существо скоро дѣлается его добычей.

Digitized by Google

Слуги Денницы относятся къ нему съ паническимъ страхомъ, и единственно этимъ страхомъ онъ подчиняетъ ихъ себѣ. Они думаютъ, что если онъ въ состояніи бороться съ Богомъ, значитъ онъ могучъ и великъ. Если даже они убѣждаются, что всѣ его отношенія къ нимъ есть одно сплошное насиліе и обманъ, если даже они очень хорошо сознаютъ все свое несчастье, не видя со стороны Денницы ровно никакой поддержки, но одни лишь издѣвательства и насмѣшки, и если они начинаютъ даже чувствовать къ нему ненависть, то они все же волей или неволей должны принадлежать къ его лагерю, ибо не ожидаютъ возможности возврата въ лагерь Божій.

Многіе изъ его слугъ ненавидятъ его до глубины своего существа, знаютъ, что онъ никогда не будетъ царемъ міра, но, съ другой стороны, они до того напуганы имъ и боятся его, что ни за что не посмѣютъ сдѣлать ему какое-либо противленіе, ибо знаютъ всю его догадливость, изворотливость и мстительность. Многіе изъ его слугъ знаютъ, что могли бы испросить себѣ милость Божію, но боятся, чтобы это ихъ, хотя и очень потаенное, желаніе не было бы узнано Денницей, который за это будетъ подвергать ихъ худшимъ испытаніямъ и еще больше утяжелитъ имъ ихъ и безъ того мучительное состояніе.

Денница относится къ святымъ и ангеламъ также съ презрѣніемъ и ненавистью, но только по другой причинѣ: онъ знаетъ, что какъ бы высоко по своей святости ни находилось существо, сотворенное Богомъ, оно не можетъ такъ сильно любить Его и не можетъ такъ глубоко понимать дѣла Божіи, какъ понимаетъ ихъ Денница, а потому чувствуетъ все свое превосходство надъ ними, а между тѣмъ они ни за что не хотятъ преклониться передъ нимъ.

Духи святые находятся въ постоянной борьбѣ съ Денницей. Они питаютъ къ нему не личную вражду, но прямо не могутъ примириться съ нимъ за тѣ оскорбленія, которыя онъ постоянно наноситъ Богу, развращая и уничтожая его творенія. Они не могутъ равнодушно переносить, что онъ стремится стать на одну ногу съ Богомъ и считать себя во всемъ равнымъ Богу. Но они прощаютъ ему, жалѣютъ его и молятся о немъ, отчитливо сознавая его полезное значеніе въ мірѣ. Они знаютъ, что, вызывая зло міра, Денница способствуетъ его уничтоженію и что такимъ образомъ онъ самъ дѣйствуетъ противъ себя.

Естественнымъ слѣдствіемъ ненормальныхъ отношеній главы темнаго царства къ себѣ самому, къ своему черному полчищу и ко всѣмъ прочимъ существамъ вселенной являются

Digitized by Google

ненормальныя отношенія его послѣдователей къ міру. Такъ, ангелы находятся въ безусловной покорности и въ полномъ единеніи съ Богомъ; въ противоположность тому, духи злобы находятся въ полномъ противленіи и въ разобщеніи съ Нимъ. Между ангелами царитъ полнѣйшій миръ и безмятежье; демоны же испытываютъ постоянный внутренній раздоръ своихъ чувствъ, постоянное неугасаемое возбужденіе и страстное, ничѣмъ ненасытное состояніе, жаждущее зла, пороковъ, преступленій, бѣдъ, совращеній и мести или, такъ сказать, они ощущаютъ зудъ зла къ тѣмъ, кто не желаетъ примкнуть къ нимъ и не жалаетъ раздѣлить съ ними ихъ горькой участи.

Предметъ дѣятельности ангеловъ есть служеніе добру и распространеніе его кругомъ себя во всѣхъ и во всемъ,—предметъ дѣятельности злыхъ духовъ состоитъ въ искорененіи добра и распространеніи зла во всѣхъ его видахъ и оттѣнкахъ. Отсюда происходитъ непримиримая борьба между ангелами и духами злобы, и духи злобы употребляютъ всѣ усилія, чтобы низвести ангеловъ къ своему мрачному состоянію. Но такъ какъ міръ духовный устойчивъ въ добрѣ, что доказывается тѣмъ, что онъ однажды уже устоялъ отъ казней злой силы и неуклонно стремится къ уподобленію высочайшаго Свѣта, а потому съ непомѣрной силой отражаетъ нападки злобы,—то духи злобы съ особымъ искусствомъ и ловкостью нападаютъ на беззащитныхъ людей, живущихъ въ ихъ матеріальныхъ тѣлахъ, какъ на существъ менѣе устойчивыхъ въ добрѣ, и вносятъ въ ихъ среду развратъ и пороки.

Злой силѣ чрезвычайно удобно сѣять развратъ и раздѣленіе съ Богомъ между людьми, ибо люди не видятъ и не чувствуютъ навѣтовъ ихъ, а потому не могутъ во-время отражать ихъ. Притомъ многіе люди совсѣмъ не вѣрятъ въ существованіе злой силы, а это обстоятельство позволяетъ ей прямо завладѣть ими. Невѣрующіе въ существованіе злой силы не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія, когда злая сила намѣревается завладѣть ими и охотно сами поддаются ея волѣ, черезъ что попадаютъ легко въ когти духовъ злобы.

Несомнѣнно, что безъ желанія самого человѣка злая сила ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать, она не можетъ оказать на него ни малѣйшаго ни давленія, ни принужденія поступать такъ, а не иначе, такъ какъ основной законъ, положенный Богомъ въ основу всякаго проявленія жизненной дѣятельности, есть свобода воли каждаго, и никто безъ воли самого человѣка не можетъ лишить его самостоятельности.

Ежели человѣкъ ведетъ свою жизнь въ характерѣ пад-

Digitized by Google

шихъ духовъ, то понятно, что онъ съ ними въ союзѣ и общеніи, ибо исполняетъ внушеніе ихъ воли. Союзъ этотъ выводится очень ясно логическимъ путемъ. Полное послушаніе или подчиненіе волѣ злыхъ духовъ является у человѣка совсѣмъ не потому, чтобы эти внушенія или подсказыванія злыхъ духовъ были бы обязательны человѣку къ исполненію; не потому, что человѣкъ не могъ бы отвергнуть ихъ, или отогнать прочь, вслѣдствіе какого-либо посторонняго давленія, оказываемаго будто бы на него злымъ духомъ или какой-либо особой силы или власти, которой обладаетъ этотъ злой духъ, имѣя дѣло съ грѣшнымъ человѣкомъ. Злой духъ не имѣетъ ровно никакой власти надъ человѣкомъ, не можетъ выказывать никакого посторонняго давленія или принужденія, вслѣдствіе. котораго человѣкъ долженъ былъ бы поступить такъ или иначе. Онъ можетъ только подсказать или внушить мысль, которую можетъ человѣкъ всегда исполнить или отвергнуть, это вполнѣ находится въ его рукахъ въ силу дарованной человѣку свободной воли для всѣхъ его поступковъ, не стѣсняющихся никакимъ наружнымъ насильственнымъ образомъ.

Вся сила и власть злыхъ духовъ заключается въ сходствѣ идей и убѣжденій. Злой духъ, видя мысли, наклонности и развитіе человѣка, наводитъ его только на мысль о злыхъ поступкахъ; эта мысль нравится человѣку, такъ и поступаетъ онъ. Злой духъ не въ состояніи ничего больше сдѣлать, какъ только подсказать, внушить идею или породить злую мысль; затѣмъ въ полной власти человѣка поступить такъ или иначе, избѣгнуть сквернаго совѣта, или исполнить его; въ то же самое время вѣдь и добрый наставникъ его,—Ангелъ-Хранитель, всегда предостерегаетъ его, давая ему противоположный хорошій совѣтъ, такъ что выборъ всегда готовъ у человѣка, надо ему обсудить только и выбрать тотъ путь, который ведетъ къ лучшимъ результатамъ; но кто виноватъ, если грѣшный человѣкъ охотнѣе принимаетъ совѣтъ злого духа; не значитъ ли это, что онъ одного образа мыслей съ нимъ и съ одинаковыми наклонностями и вкусами, т. е. онъ начинаетъ свое сообщество съ злыми духами еще при жизни своей на землѣ.

Злой духъ совѣтуетъ одинаково и праведникамъ, но это безплодно, ибо они не могутъ послѣдовать злымъ совѣтамъ. Злой духъ можетъ подсказывать сколько угодно праведному человѣку: убей, онъ богатъ, или украдь, никто не видитъ, этотъ совѣтъ будетъ всегда безъ исполненія, если убійство и воровство не сродно человѣку, и въ какихъ бы онъ ни находился обстоятельствахъ, онъ этого сдѣлать не можетъ, ибо

Digitized by Google

это противно его природѣ и его взглядамъ на вещи. Вотъ отчего и сказалъ Господь: „гдѣ трупъ, тамъ и соберутся орлы". Злого человѣка окружаютъ злые духи, стараясь наперерывъ внушить что-либо худое, служащее ему на погибель.

Гдѣ только есть личная грѣховность, общественное разложеніе, глубокое растлѣніе,—туда орлы божественнаго мщенія издалека направятъ полетъ свой, туда съ отдаленныхъ концовъ земли съ быстротою орловъ нагрянутъ народы, свирѣпые видомъ, чтобы терзать и пожирать. Около же праведнаго человѣка имъ дѣлать рѣшительно нечего, ибо ни одинъ изъ злыхъ совѣтовъ ихъ не будетъ принятъ.

Злые духи необыкновенно умны, хитры и лукавы. Чтобы увлечь человѣка въ свои сѣти, они покрываются часто добродѣтелями, что маскируетъ ихъ. Они являются людямъ во снѣ, дѣйствуютъ чувственно не только на грѣшниковъ, чтобы окончательно завладѣвать ими, но являются и къ праведникамъ. Они часто начинаютъ завладѣвать человѣкомъ, открывая ему будущее и тѣмъ вводятъ только въ заблужденіе. Нѣтъ никакого основанія вѣрить ихъ предсказаніямъ: будущее отъ нихъ сокрыто такъ же, какъ и отъ насъ, а потому всѣ ихъ предсказанія только обманъ и обольщеніе.

Но какимъ образомъ попустилъ Богъ совершиться паденію Денницы и низверженію имъ цѣлой тьмы ангеловъ? Неужели Богъ не предвидѣлъ, что эти несчастныя существа соблазнятся обиліемъ Его благодати, злоупотребятъ имъ, озлобятся и падутъ? Неужели не могъ Богъ уничтожить все это темное царство, приносящее такъ много бѣдъ во вселенной, и пожертвовать ими для блага всѣхъ остальныхъ существъ вселенной?—Подобные вопросы задаютъ обыкновенно люди, примѣняющіе свой земной взглядъ на порядокъ вещей къ небеснымъ сущностямъ. Эти люди всегда плохо вѣрятъ въ Бога и совсѣмъ не могутъ представить себѣ всю безконечность качествъ Его.

Развѣ можетъ Богъ уничтожить то, что однажды создалъ? Это было бы недостойно Бога. Это обозначало бы, что Мысль Божія несовершенна и создала нѣчто наугадъ, не предвидя, какіе выйдутъ изъ этого результаты. Подобное заключеніе есть богохульство, а потому ни о какомъ уничтоженіи Богомъ созданныхъ существъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, существованіе злыхъ духовъ должно вести насъ къ признанію строго обдуманнаго плана при сотвореніи міра существъ.

Богъ отъ вѣчности еще предвидѣлъ дѣянія и всѣ ре-

Digitized by Google

зультаты этихъ дѣяній злой силы; равно предвидѣлъ и высчиталъ Онъ все количество извращеній въ природѣ, которое внесутъ злыя существа въ міръ, и если Онъ попустилъ свершиться всему этому злу, значитъ Его всевидящее Око предвидѣло въ томъ необходимость, т. е. видѣло добро въ этомъ злѣ.

Богъ также отъ вѣчности еще предвидѣлъ, какой родъ испытаній долженъ вести этихъ злыхъ существъ къ добру и блаженству. Онъ предвидѣлъ, что воля этихъ существъ настолько будетъ зла, что для того, чтобы преобразовать ее въ добрую, нужны сильныя испытанія и рѣзкія ощущенія, что не отвѣдавъ жизни въ крайнемъ злѣ, они никогда не познали бы разницы между зломъ и добромъ, ибо они не удобоподвижны къ добру и познаютъ его очень трудно.

Среди всѣхъ духовно-разумныхъ существъ находятся всевозможныя степени способности отличать добро отъ зла и воспринимать въ своей жизни или то, или другое. На двухъ противуположныхъ краяхъ этихъ степеней, съ одной стороны, помѣщаются чистыя души, а съ другой—злыя.

Чистыя души совершенно неспособны къ грѣху, ибо стремленія, и намѣренія ихъ чисты, основаны на безграничной любви къ Богу, на покорности Его святой волѣ; онѣ не могутъ грѣшить, ибо не могутъ видѣть необходимости въ этомъ, онѣ не могутъ озлобляться, ибо, любя Бога, любятъ все сотворенное Имъ; онѣ не могутъ гордиться и превозносить своихъ качествъ, ибо видятъ причину добра не въ себѣ и не въ своихъ личныхъ качествахъ, но въ Самомъ Богѣ. Онѣ чувствуютъ, что имъ никогда не достигнуть до того абсолютнаго совершенства въ любви и добротѣ, которыми отъ вѣчности владѣетъ Богъ—Творецъ ихъ. Вся жизнь этихъ чистыхъ духовъ въ Богѣ, въ созерцаніи Его, въ подражаніи Ему въ исполненіи Его святой воли и безграничной въ Него вѣрѣ. Они черпаютъ въ Богѣ всѣ свои познанія истины, и дѣятельность ихъ всецѣло связана съ понятіемъ о Богѣ. Духи эти не могутъ не быть въ высшей степени счастливы, гдѣ бы они ни находились, или въ какомъ бы состояніи они ни были, ибо они чисты, преисполнены добра и любви,—качествами, составляющими ихъ природу и все существо ихъ. Они, конечно, не могутъ не гармонировать съ условіями міра высшаго добра и совершенства, а слѣдовательно не могутъ и ощущать въ себѣ какихъ-либо противорѣчій или несогласій. Святѣйшими представителями подобнаго рода чистыхъ существъ являются всѣ Ангелы-Хранители людей.

Какъ совершенную противоположность этимъ существамъ,

Digitized by Google

мы видимъ такихъ, которымъ нравится зло больше добра. Признавая зло лучше добра, они не могутъ оцѣнить дѣлъ Божіихъ. Они горды, а потому разсчитываютъ только на свои собственныя силы и ни за что не рѣшатся преклонить свои колѣна передъ лицомъ Божіимъ. Постоянная злость составляетъ непремѣнное качество ихъ харектера, иначе и быть не можетъ, ибо они всюду встрѣчаютъ отпоръ своимъ злымъ замысламъ, а слѣдовательно должны увидать и почувствовать свое безсиліе. Хитрость и ложь — обыкновенные пріемы ихъ дѣятельности, ибо никакимъ прямымъ путемъ они не могутъ бороться съ дѣлами Божіими. Вся дѣятельность ихъ заключается въ уничтоженіи добра, насколько можетъ хватать ихъ слабыхъ силъ, а слѣдовательно въ прямомъ противленіи дѣламъ Божіимъ, въ склоненіи добрыхъ существъ на злые поступки и въ направленіи ихъ дѣятельности въ духовную сторону.

Богъ, какъ любящій Отецъ всѣхъ сотворенныхъ Имъ существъ, даетъ и имъ всѣ средства къ исправленію и даетъ ихъ гораздо больше, чѣмъ другимъ существамъ, но они рѣшительно не въ состояніи понять этого. Они всѣми силами противятся этому, черезъ что еще болѣе утверждаются въ своей злости, гордости, хитрости и лжи. Они имѣютъ всѣ средства къ прогрессу и улучшенію, какъ и всѣ другія существа, но они сами не хотятъ пользоваться ими. Препятствіемъ къ ихъ прогрессу и къ исправленію служитъ единственно ихъ собственная воля, а отнюдь не какія-либо постороннія или внѣшнія причины, не зависящія отъ рода избранной ими же самими дѣятельности.

Если-бы прогрессъ былъ принудительный, то исправленіе не было бы заслугою. Богъ никого произвольно не ставитъ выше другихъ: для Него всѣ равны и нѣтъ незаслуженныхъ преимуществъ. Всѣ существа прошли тотъ же путь, всѣ достигнутъ одного и того же совершенства. Богъ не дѣлаетъ никакихъ исключеній при сотвореніи существъ и никому не даетъ ничего лишняго, могущаго отличить его отъ всѣхъ остальныхъ существъ. Злыхъ духовъ надо считать вполнѣ отверженными существами, въ высшей степени ожесточенными противъ всего добраго, питающими единственную привязанность и любовь къ одному злу, безъ котораго они положительно жить не могутъ, ибо оно составило уже ихъ природу и ихъ потребность.

Жизнь и всѣ ощущенія ихъ въ высшей степени ужасны, невообразимо тягостны и нѣтъ словъ выразить ихъ грѣховныхъ потребностей; ихъ любовь ко злу господствуетъ надъ

Digitized by Google

всѣмъ ихъ существомъ, и, какъ слѣдствіе всего этого, они естественно должны быть всегда въ самомъ неудовлетворенномъ мучительно-напряженномъ состояніи всего своего существа.

Но кого могутъ они винить за то невыразимо мучительное состояніе, въ которомъ они всегда находятся, какъ не самихъ себя; они сами желали именно этой дѣятельности, они по своей волѣ выбрали ее и остаются на ней также добровольно; никто ихъ къ этому не принуждаетъ. Богъ и Его слуги и ангелы никого не соблазняютъ зломъ, никого не заставляютъ и не вынуждаютъ дѣлать зло, такъ же, какъ не заставляютъ добрыхъ существъ дѣлать добро. Богъ, какъ злымъ, такъ и добрымъ, предоставилъ дѣйствовать въ жизни, какъ имъ самимъ угодно; добрымъ Онъ помогаетъ въ ихъ добрѣ, но и злыхъ Онъ предотвращаетъ отъ зла на столько, на сколько они желаютъ Его слушать и могутъ слыхать Его святыя внушенія.

Злыхъ духовъ несравненно меньше, чѣмъ ангеловъ и, вообще, небеснаго воинства. По свидѣтельству тайнозрителя св. Іоанна, ихъ только одна треть. Но все же ихъ такъ много, что они составляютъ цѣлое царство тьмы. Ихъ сила, ежели бы она не ограничивалась Богомъ, погубила бы всѣхъ и все на землѣ. Но безъ попущенія Бога они ничего не могутъ сдѣлать злого не только человѣку, но и животнымъ. Зло, дѣлаемое злыми существами, попускается Богомъ на столько, на сколько оно способствуетъ распространенію и укорененію добра и любви въ мірѣ.

Премудрая промыслительность Божія превращаетъ все зло, производящееся злыми существами, въ добро и любовь въ другихъ существахъ. Злая сила усиливаетъ жизненныя испытанія людей и вызываетъ изъ души человѣка тѣ темныя стороны и грѣховныя наклонности, которыя требуютъ исправленія, что достигается путемъ животныхъ упражненій, при которыхъ они переживаются, изглаживаются и уничтожаются. Безъ соблазна, производимаго злой силой, эти иногда большіе, иногда малые пороки и недостатки, могли бы и не быть вызваны изъ самыхъ потаенныхъ уголковъ души нашей. Находясь въ скрытомъ видѣ внутри насъ, они мѣшали бы нашему очищенію. Злая сила видитъ самый мельчайшій порокъ въ нашей душѣ, сродную ему по природѣ черту, и старается соблазнить насъ, или воспользоваться этою нашею слабостью или порочностью. Она раздуетъ цѣлый пожаръ зла и бѣдъ и будетъ поддерживать его, пока мы не исправимся. Наше

Digitized by Google

дѣло достойно пережить эти соблазны, принять соотвѣтствующія мѣры къ исправленію, отмолить грѣхи, раскаяться въ нихъ и тѣмъ отразить вліяніе злой силы, ибо какъ только грѣхъ исчезъ, злая сила оставляетъ человѣка въ покоѣ. Отыскивая и уничтожая одну грѣховную наклонность за другою, злая сила способствуетъ искорененію въ насъ зла и даетъ просторъ добрымъ качествамъ, что приближаетъ насъ къ Богу.

Такимъ образомъ, Господь обращаетъ намъ въ добро то зло, которое разсѣеваетъ злая сила, а потому какъ количество добра, такъ степень и сила его растетъ именно подъ навѣтомъ злой силы. Потому злая сила существъ приноситъ свою долю пользы въ великомъ дѣлѣ самоулучшенія существъ, любящихъ Бога и исполняющихъ его заповѣди.

Въ настоящее время зло помогаетъ намъ крѣпнуть и возвышаться въ добрѣ; но когда количество добра во вселенной возрастетъ до такой степени, что разница между нимъ и зломъ для каждаго злого духа будетъ очевидна, то мало-по-малу, не видя себѣ добычи среди людей, злые духи, покоренные добромъ, одинъ за другимъ станутъ приставать къ добру, будутъ раскаяваться въ причиненномъ имъ злѣ, станутъ искупать свое зло, и зло во вселенной будетъ уменьшаться до тѣхъ поръ, пока все злое, покоренное добромъ, не пристанетъ къ стаду Христову. Послѣднимъ возвратится къ Богу Денница и преклонитъ свое преступное колѣно передъ Нимъ.

Какъ величественна и премудра вся эта міровая задача всеобщаго самоусовершенствованія! Сперва зло поможетъ болѣе добрымъ существамъ выбрατся изъ грязи на чистый путь и итти, улучшаясь въ добрѣ, прямой стезей къ Богу. Въ благодарность за эту услугу, все доброе въ мірѣ соединится совокупными силами и обратитъ все свое добро и всю свою любовь на уничтоженіе зла и приведетъ этихъ несчастныхъ существъ къ раскаянію и Богу.

По безконечной благости Своей Богъ и въ настоящее время не оставляетъ ни одного изъ злыхъ духовъ безъ надзора и наблюденія, и при малѣйшемъ желаніи и поползновеніи вернуться къ добру и къ Богу ему немедленно предоставляются всѣ средства измѣнить свою злую дѣятельность на добрую. Никто не долженъ страдать и мучиться во вселенной больше, чѣмъ это ему полезно и способствуетъ его самоулучшенію. Въ этомъ именно и состоитъ идея правосудія Божія. Не Богъ даетъ страданія существамъ, они сами по своей волѣ страдаютъ; Богъ, напротивъ, уменьшаетъ ихъ, когда къ Нему обращаются существа и просятъ Его о томъ.

Digitized by Google

Слишкомъ закоренѣлымъ въ грѣхахъ душамъ только одинъ Богъ можетъ открыть истину, допуская ихъ переживать отрицательныя стороны жизни. У этихъ душъ уразумѣніе истины является вслѣдствіе того обновленія, которому подвергаетъ ихъ Денница и все его злое царство. Понявъ дѣйствительныя страданія, они начинаютъ страдать за себя, за другихъ и за весь міръ, что выучиваетъ ихъ молиться и любить ближняго истинною или божественною любовью и они естественно отвращаются отъ зла, приближаются къ добру и Богу и въ Немъ уже получаютъ спасеніе.

Многіе злые духи предоставлены Богомъ до поры до времени ихъ собственному произволу, но это только тѣ, которымъ было бы безполезно предоставлять пока еще какія-либо мѣры къ исправленію, ибо онѣ безполезны для нихъ, и усиливали бы только ихъ и безъ того мучительное состояніе. О большинствѣ же злыхъ духовъ Богъ печется и заботится еще болѣе, чѣмъ о добрыхъ, и даетъ имъ еще бо̀льшія средства къ ихъ исправленію, но, пристрастившись къ злу, они очень трудно принимаютъ добро.

Чтобы исправить однихъ, Богъ временно лишаетъ ихъ какихъ-либо органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, ощущенія или способности быстраго передвиженія и направляетъ остальные ихъ органы такъ, чтобы они, не имѣя возможности самостоятельно дѣйствовать, имѣли тѣмъ лучшую возможность наблюдать за жизнью и дѣйствіями другихъ существъ; это заставляетъ ихъ сравнивать, что хорошо, что дурно, каковы результаты доброй и злой жизни, что можетъ ихъ заставить обдуматься, раскаяться и улучшить свое горестное положеніе. Другихъ Богъ приковываетъ къ добрымъ существамъ, живущимъ въ матеріальныхъ тѣлахъ, и лишаетъ ихъ самостоятельныхъ дѣйствій; такимъ образомъ, дѣлая поневолѣ добро, слѣдуя чужой доброй волѣ существа, живущаго на землѣ, онъ пріобрѣтаетъ механическій навыкъ его дѣлать и пріучится къ нему, что до нѣкоторой степени облегчаетъ ему исправленіе и иногда доводитъ до добровольнаго раскаянія.

Способы, какими ведетъ Богъ грѣшныхъ существъ къ исправленію, конечно, не могутъ быть открыты грѣшнымъ людямъ. Однако же люди, вѣрующіе въ благодать Господню, могутъ представить себѣ, до чего Богъ скорбитъ, видя всѣ ихъ злые поступки и желаетъ ихъ исправленія; если же Богъ желаетъ, то, слѣдовательно, и способствуетъ ихъ спасенію.

Нѣкоторымъ злымъ духамъ Онъ разрѣшаетъ даже самостоятельныя жизни на землѣ въ матеріальномъ тѣлѣ. Нѣкото-

Digitized by Google

рые исправляются послѣ непосредственнаго ряда такихъ жизней, однако нельзя сказать того же обо всѣхъ. Большинство злыхъ духовъ до того неудобоподвижны къ добру, что послѣ многочисленныхъ испытаній, даваемыхъ имъ Богомъ, оставляются Имъ на произволъ ихъ собственныхъ желаній и ихъ злой и извращенной, но свободной воли.

Для иллюстраціи жизни злого духа на землѣ приведемъ здѣсь сообщенія св. Георгія, полученныя въ Парижѣ спиритическимъ путемъ.

„Злые духи дерзки и эгоистичны; послѣ смерти своей на землѣ они медленно начинаютъ сознавать свое настоящее и предугадывать то, что ждетъ ихъ въ будущемъ; они оглядываются кругомъ и не видятъ ни одного предмета, на чемъ бы они могли излить душившую ихъ злость; они начинаютъ отчаяваться, ибо одиночество и бездѣйствіе невыносимо злымъ духамъ. Они не обращаютъ своихъ взоровъ по тому направленію, по которому пребываютъ чистые духи, и наблюдаютъ только ихъ окружающее. Въ скоромъ времени они находятъ себѣ какого-нибудь измученнаго, усталаго, страждущаго духа, болѣе слабаго, чѣмъ они сами, и съ радостью накидываются на него, какъ коршуны на свою добычу, вооруженные воспоминаніемъ своей ужасной земной жизни. Этого для нихъ мало, — они опускаются на землю, ищутъ между людьми душу, которая легчѐ всего могла бы поддаться ихъ навѣтамъ и пасть передъ поставленными ей соблазнами. Они останавливаются на ней, разжигаютъ ея чувства и ея алчность, отвращаютъ ее отъ Бога и, когда они видятъ себя господами этой безхарактерной души, они распространяютъ свое заразительное вліяніе на все, что находится въ соприкосновеніи съ этой бѣдной жертвой.

„Чѣмъ болѣе удается злому духу излить свою злость и надѣлать разныхъ бѣдъ, тѣмъ болѣе онъ доволенъ. Онъ страдаетъ, когда не находитъ себѣ жертвы или если жертва устоитъ противъ его искушеній и вообще если добро восторжествуетъ.

„Такъ проходятъ одно столѣтіе за другимъ; наконецъ, злой духъ чувствуетъ себя поглощеннымъ глубокимъ мракомъ; его дѣятельность постепенно уменьшается; до сихъ поръ молчавшая совѣсть начинаетъ возбуждать раскаяніе. Увлеченный непонятнымъ для него вихремъ, онъ несется объятый невыразимымъ страхомъ, отъ котораго подымается дыбомъ каждый волосъ его и вотъ онъ начинаетъ чувствовать пустоту въ себѣ и кругомъ себя. Часъ насталъ; онъ долженъ искупить свою жизнь новою жизнью на землѣ. Онъ, какъ во снѣ, предчувствуетъ ожидающія его испытанія; онъ хочетъ бѣжать, но ма-

Digitized by Google

шинально подвигается впередъ и ввергаетъ самъ себя въ разверстую для него пропасть человѣческой жизни. Онъ безъ ума отъ ужаса до тѣхъ поръ, пока не опустится передъ его глазами занавѣсъ воспоминанія прошлаго.

„Вотъ онъ живетъ на землѣ, дѣйствуетъ — и снова грѣшитъ; онъ чувствуетъ въ себѣ какое-то безотчетное, безпокойное состояніе, которое заставляетъ его дрожать, но это не останавливаетъ его передъ дурными поступками. Черезъ свои пороки и преступленія онъ долженъ умереть. Распростертый на своихъ лохмотьяхъ, или на роскошной кровати, что рѣшительно не мѣняетъ дѣла, преступникъ узнаетъ, при всей своей неподвижности и при всемъ своемъ забытьи, знакомыя уже ему ощущенія. Несмотря на закрытыя вѣки, онъ видитъ мерцаніе какого-то свѣта, слышитъ странные звуки, и его душа горитъ нетерпѣніемъ вырваться, а руки судорожно хватаются за края ложа; онъ хочетъ говорить и не можетъ, онъ пробуетъ кричать, и ни одинъ звукъ не исходитъ изо рта его; смерть уже заковала поблѣднѣвшія губы, и присутствующіе говорятъ: „онъ успокоился“.

„Но онъ все слышитъ, онъ находится здѣсь, около своего тѣла, и не хочетъ покинуть его; онъ видитъ и узнаетъ знакомую обстановку. Потерянный, онъ кидается въ пространство и хочетъ спрятаться, но это невозможно. Нѣтъ болѣе покоя... И другіе духи возвращаютъ ему то зло, которое онъ сдѣлалъ на землѣ; они дразнятъ его, смѣются надъ нимъ; усовѣщенный, въ свою очередь, онъ блуждаетъ и будетъ блуждать до тѣхъ поръ, пока Божественный лучъ не проникнетъ въ его закорузлую въ грѣхахъ душу и не осѣнитъ его, чтобы показать Бога, торжествующаго надъ зломъ, котораго ему удастся смягчить только страданіями и искупленіями“. („Св. Георгій“. Парижъ, 1860 г.).

Digitized by Google

Глава V.

Попеченіе Бога о людяхъ.

Попеченіе Бога о людяхъ такъ же безконечно велико, какъ безконечны любовь Его и желаніе довести всѣхъ до благихъ обителей.

Какъ сама мысль Трехъединаго Бога всецѣло поглощена распредѣленіемъ безконечнаго обилія даровъ благодати и любви, изливающихся на всѣхъ существъ вселенной, такъ точно и всѣ силы небесныя, всегда покорныя высшимъ предначертаніямъ, стремятся по мѣрѣ силы своей святости принимать участіе въ выполненіи великой Божественной задачи: вести всѣхъ къ добру и Богоподобію.

Какъ Самъ Богъ ни на одинъ мигъ не оставляетъ вселенную Своимъ попеченіемъ, такъ точно и каждый членъ святой и великой іерархіи небесныхъ силъ никогда не ослабляетъ силу своего рвенія въ исполненіи возложенныхъ на каждаго изъ нихъ миссій и обязанностей по управленію вселенной, по сохраненію всего въ томъ же видѣ, какъ создалъ Господь, и по содѣйствію добрымъ намѣреніямъ духовно-разумныхъ существъ въ дѣлѣ ихъ самоусовершенствованія.

Въ этомъ обширномъ и безконечно-премудромъ хозяйствѣ всегда находится достаточно дѣла и заботъ каждому, и всѣ строго и ревностно подчинены единой мысли, для выполненія всегда единой цѣли.

Трехъединый Богъ, пребывая въ сосредоточіи Своей власти, находится всюду и вездѣ во вселенной, какъ Святѣйшее Начало всего сущаго и всякаго бытія, ибо все изъ Него и все возвратится къ Нему.

Самъ Богъ Отецъ есть святѣйшая Причина всякой жизни и Единотворная Сила, привлекающая всѣхъ къ жизни.

Digitized by Google

Гдѣ Богъ,—тамъ жизнь, и никакая жизнь не можетъ появиться безъ особой на то воли Самого Бога Отца. Ни одно зерно не можетъ прорости, ни одна былинка существовать, если Богъ лично не благословитъ ее. Гдѣ нѣтъ Бога, нѣтъ и жизни, тамъ все мертво.

Господь Нашъ Іисусъ Христосъ съ предвѣчнаго совѣта Тріединаго Бога, изліяя благодатное просвѣщеніе на всѣхъ существъ, всѣхъ назидаетъ, все направляетъ и указываетъ каждому тѣ пути, которые ведутъ къ благу, къ силѣ, къ Богоподобію.

Богъ Духъ Святой, какъ третья Ѵпостасья пресвятой и предвѣчной Троицы, всѣмъ руководитъ, все исполняетъ, ведетъ все сущее къ предначертанной цѣли и распредѣляетъ дары Божественной благодати.

Передъ Трехсіяннымъ единымъ и нераздѣльнымъ Богомъ преклоняются всѣ силы небеснаго воинства. Въ Божественномъ хорѣ восхваляютъ они Его славу и всемогущество и исполняютъ Его святую волю, каждый въ предѣлахъ возложенныхъ на него обязанностей, сообразно силы его святости.

Всѣ Богоподобныя силы небесныя составляютъ одну стройную гармоничную іерархію существъ не одинаковой силы святости, мощи и познаній. Вся эта обширнѣйшая іерархія имѣетъ Бога Наставникомъ всѣхъ въ своей священной дѣятельности. Непрестанно взирая на Божественную красоту и премудрость, она отпечатлѣваетъ въ себѣ и воспринимаетъ образъ и святость Его и своихъ причастниковъ дѣлаетъ Богоподобными, яснѣйшими и чистѣйшими зерцалами, принявшими въ себя свѣтозарнѣйшіе лучи Его, которыми они могутъ обильно надѣлять другихъ членовъ этой іерархіи, стоящихъ ниже ихъ.

Совершенство каждаго изъ членовъ этой іерархіи состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ Богоподобію и по возможности обнаруживать въ себѣ Божественную дѣятельность, поэтому чинъ іерархіи требуетъ, чтобы каждый изъ нихъ очищался, просвѣщался и усовершенствовался, пользуясь вліяніемъ на нихъ старшихъ и, въ свою очередь, очищалъ, просвѣщалъ и совершенствовалъ младшихъ, насколько это ему возможно, но всегда подражая Богу.

Такимъ образомъ, каждый чинъ іерархіи, по мѣрѣ своихъ силъ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ Божественныхъ, совершая силой дарованной Богомъ благодати то, что находится въ Богѣ естественно и выше естественно, совершается непостижимо и что, наконецъ, открыто для того только, чтобы умы Боголюбивые подражали тому.

Digitized by Google

Высочайшій Виновникъ чиноначалія предначерталъ такой законъ, чтобы въ каждой іерархіи, не только у высшихъ и у низшихъ, но и у стоящихъ въ одномъ чинѣ были первые, средніе и послѣдніе чины и силы. Ближайшіе къ Богу должны быть руководителями для низшихъ въ просвѣщеніи, приближеніи къ Богу и общеніи съ Нимъ; ибо чины высшіе имѣютъ все, что имѣютъ низшіе: и свѣтъ, и силу, а низшіе не имѣютъ всего, что имѣютъ высшіе, а потому они должны заимствовать и черпать у нихъ все то, чего они не имѣютъ.

Сколько чиновъ небесныхъ существъ, какіе они и какимъ образомъ у нихъ совершаются тайны священноначалія, въ точности знаетъ одинъ Богъ, Виновникъ ихъ іерархіи; знаютъ также и они сами свои собственныя силы, свой свѣтъ и священное премірное чиноначаліе. Намъ нельзя знать тайны небесныхъ умовъ и святѣйшія ихъ совершенства, а потому скажемъ о ней только то немногое, что открыто людямъ ими же самими.

Слово Божіе означаетъ всѣ небесныя силы девятью именами и раздѣляетъ ихъ на три тройственныя степени. Находящіяся въ первой степени всегда предстоятъ Богу и непосредственно соединены съ Нимъ. Это святѣйшіе, многоочитые и многокрылатые Престолы, Херувимы и Серафимы. Объ этой тройственной степени говорятъ, какъ о единой и единокупной и истинной первой іерархіи, которой нѣтъ богоподобнѣе и ближе къ первому озаренію отъ первоначальнаго Божественнаго свѣта.

Вторая степень іерархіи небесныхъ силъ содержитъ въ себѣ: Власти, Господства и Силы, третья и послѣдняя содержатъ чины: Началъ, Архангеловъ и Ангеловъ.

Сами названія указываютъ свойства чиновъ первой іерархіи, а превосходныя степени ихъ Богоподобія составляютъ ихъ силу и ихъ святость. На еврейскомъ языкѣ слово „Серафимъ“ означаетъ „пламенѣющій“, или „горящій“, а слово „Херувимъ“— „обиліе познанія“, или „изліяніе мудрости“. Всѣ они, возвышаясь надъ дольнемъ, совершенно изъяты отъ всякихъ низшихъ привязанностей и всѣми силами неподвижно и твердо прилѣплены къ Существу высочайшему, принимая Его внушенія, и раболѣпно выполняютъ его повелѣнія.

Эта первая степень іерархіи составляетъ, такъ сказать, домашнюю у Бога и во всемъ сходствуетъ съ Нимъ. Они суть существа чистыя, ибо они превыше всего низшаго. Они чище всего священнаго, стоятъ выше всѣхъ Богоподобныхъ силъ и, какъ первыя и ближайшія существа, научаются

Digitized by Google

отъ Него Самого премудрымъ причинамъ Божественныхъ дѣлъ Его.

Къ средней степени іерархіи небесныхъ силъ принадлежатъ Господства вмѣстѣ съ истинно сильными изображеніями Божественныхъ Властей и Силъ. Каждое наименованіе этихъ высшихъ существъ изображаетъ ихъ Богоподобныя свойства. Имѣя таковыя Богоподобныя свойства, средняя степень небесныхъ умовъ очищается, просвѣщается и совершенствуется черезъ Божественное озареніе, сообщаемое ей посредственно черезъ чиновъ первой іерархіи, а отъ нея уже разливается на низшіе чины вторичнымъ проявленіемъ. Такимъ образомъ вѣдѣніе переходитъ отъ одной степени къ другой, совершенство начинается свыше и, переходя отъ высшихъ къ низшимъ, постепенно ослабѣваетъ.

Третья степень іерархіи заключаетъ чины ангельскіе и состоитъ изъ Богоподобныхъ Началъ, Архангеловъ и Ангеловъ. Имена эти также означаютъ Богоподобныя способности начальствовать и управлять, сообразно священному порядку, приличествующему начальствующимъ силамъ, сперва обращаться къ Безначальному Началу и затѣмъ уже руководить порученнымъ Имъ.

Какъ нѣтъ іерархіи, которая не имѣла бы первыхъ, среднихъ и послѣднихъ силъ, такъ святой чинъ Архангеловъ, какъ средній въ послѣдней іерархіи, составляетъ крайніе чины своимъ сообщеніемъ съ ними. Онъ сообщается съ пресвятыми Началами и святыми Ангелами. Съ первыми—тѣмъ, что онъ обращается черезъ Начальства къ премірному Началу, сообразуется съ Нимъ, сколько возможно, и хранитъ между Ангелами единеніе, сообразно своему стройному, искусному и невидимому водительству. Съ Ангелами онъ сообщается тѣмъ, что онъ, какъ чинъ, опредѣленный для наученія, пріемлетъ Божественное озареніе черезъ Начальствъ и передаетъ его съ любовью Ангеламъ, а черезъ Ангеловъ сообщаетъ всѣмъ существамъ міра, не исключая и насъ, людей, которые тоже обязаны принимать общее участіе въ преуспѣяніи Божественныхъ и предвѣчныхъ предначертаній.

Чинъ Ангельскій есть ближайшій начальствующій чинъ надъ человѣческими іерархіями и имъ вручается непосредственное водительство судебъ міра, явленій природы и покровительство странъ обществъ, кружковъ, семей и каждаго человѣка въ отдѣльности. Всѣ эти возложенныя миссіи они исполняютъ подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ высшихъ

Digitized by Google

покровителей, восходя черезъ нихъ, въ случаѣ надобности, къ покровительству еще болѣе высокихъ до Самого Бога.

Не одною небесною іерархіею Божественныхъ силъ ограничивается промыслительность Божія надъ мірами, людьми, тварями земными, растеніями, неорганическимъ царствомъ, явленіями природы и всѣмъ, касающимся сохраненія и управленія всего сущаго. Силы небесныя не только руководители и прямые исполнители воли Божіей, но они распредѣляютъ занятія и труды между всѣми духовно-разумными существами, желающими дѣлать добро и поспѣшествовать Богу въ исполненіи Его святыхъ предначертаній. Люди, живущіе на землѣ въ ихъ вѣсомыхъ тѣлахъ или умершіе для земли и живущіе въ астральныхъ тѣлахъ, всѣ одинаково могутъ пользоваться водительствомъ святыхъ Ангеловъ, могущихъ всегда научить каждаго по мѣрѣ его силъ, его развитія и разумѣнія истины класть на алтарь славы Господней свои маловажныя, но добрыя дѣла, которыя также пріемлются Богомъ съ радостью и благословеніемъ, ибо одинаково способствуютъ скорѣйшему осуществленію цѣлей и предначертаній Божіихъ.

Итакъ, Божественная промыслительность не останавливается на святыхъ существахъ небесной іерархіи, но продолжается и до насъ, людей всей вселенной, и на всѣхъ духовно-разумныхъ существъ, желающихъ принять въ ней участіе. Господь Богъ дѣлаетъ и насъ участниками общаго дѣла самоусовершенствованія существъ и даетъ намъ возможность выполнять священныя обязанности, лежащія на всякомъ существѣ, получившемъ благодатные дары Божіи.

Всякій человѣкъ, живущій въ духѣ заповѣдей Божіихъ, имѣетъ свою долю участія въ дѣлѣ увеличенія во вселенной количества добра и уменьшенія зла. Всякая хорошо выполненная задача жизни, всякое хорошее исполненіе человѣкомъ возложенныхъ на него обязанностей, уже способствуютъ его собственному развитію, а черезъ добрый примѣръ и доброе вліяніе на другихъ людей они дѣйствуютъ на общее благо и на пользу отдѣльнымъ личностямъ, и, хотя въ слабой степени, вліяютъ на судьбы цѣлаго народа и отдѣльныхъ личностей. Напримѣръ, священникъ, исполняющій достойно свою священную обязанность и ведущій свою паству къ познанію добра; отецъ семейства, воспитывающій своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, развивающій и укореняющій въ нихъ нравственность и направляющій ихъ умъ и сердце такъ, чтобы они вышли полезными гражданами; ученый профессоръ, учитель или наставникъ, внушающіе правильно своимъ ученикамъ знанія

Digitized by Google

природы; управители странъ и народовъ, дающіе возможность болѣе легкимъ путемъ достигать по возможности высшаго развитія и благосостоянія; коммерсантъ, фабрикантъ, торговецъ и всякій честный человѣкъ—всѣ составляютъ одно или другое звено этой безконечной общей цѣпи, ведущей человѣчество къ облегченію его участи, къ пріобрѣтенію возможности болѣе успѣшной борьбы съ трудностями жизни, а, слѣдовательно, всѣ они преслѣдуютъ одну и ту же цѣль — выполненія законовъ общаго мірового прогресса; всѣ они прямо или косвенно участвуютъ черезъ посредство опыта своего въ нравственномъ и разумномъ развитіи существъ и условій жизни.

Все разумное, нравственное, Божественное во вселенной, къ какой бы степени развитія оно ни принадлежало, участвуетъ въ общемъ строѣ управленія и совершенствованія міровъ; каждый, сообразно своихъ силъ и способностей, приноситъ въ даръ и свою лепту для возврата того, что ему самому дано Богомъ, и блаженъ тотъ, который не остается въ долгу. Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни былъ, онъ всегда долженъ заботиться объ исполненіи своего долга строго и честно, чтобы неукоснительно слѣдовать и поступать согласно предвѣчному плану.

Вездѣ, начиная съ самыхъ низшихъ инстанцій іерархіи до самыхъ высшихъ, господствуетъ всеобщая великая дѣятельность, помогающая, наставляющая и поддерживающая другъ друга, единственная цѣль которой есть достиженіе высшихъ степеней развитія, а, слѣдовательно, блаженства и Богоподобія.

Вотъ та великая, роковая и таинственная связь, установленная Самимъ Богомъ между міромъ видимымъ и невидимымъ, между Богомъ и людьми. Всюду жизнь и движеніе; нѣтъ ни уголка во вселенной, который не былъ бы заселенъ; нѣтъ нигдѣ мѣста, которое не было бы пронизано легіонами пробѣгающихъ по нему лучезарныхъ и блаженныхъ жителей небесъ, не видимыхъ намъ, но составляющихъ предметъ восхищенія и восторга для каждаго покинувшаго свое тѣло человѣка.

На каждой изъ девяти лучезарнѣйшихъ системъ духовныхъ планетъ обитаютъ небесныя силы средней и послѣдней степени іерархіи, на которыхъ возложена одна какая-либо часть по управленію, сохраненію и содѣйствію во вселенной.

Всѣ обязанности небесныхъ силъ не могутъ быть ни перечислены, ни описаны въ деталяхъ; о нихъ можно только говорить вообще и приблизительно, чтобы только дать понятіе

Digitized by Google

объ ихъ неисчислимости, ихъ разнообразіи по родамъ самыхъ разнохарактерныхъ занятій и дѣлъ, которыя возлагаются на нихъ Богомъ.

На одной планетной системѣ обитаютъ небесныя силы, на которыхъ возложено Богомъ управленіе мірами, ихъ физической, химической и метеорологической стороной неорганической природы. Они держатъ въ своей полной власти направленіе полета каждаго видимаго и невидимаго намъ небеснаго тѣла, будь это солнце, планета, спутникъ или комета, метеоръ, болидъ; ни одна песчинка въ междупланетномъ пространствѣ не можетъ появиться безъ участія въ томъ воли Создателя, исполненной Его покорными слугами, небесными силами. Одному Богу извѣстно направленіе полета каждаго небеснаго тѣла. Каждая солнечная система со всѣми окружающими солнце планетами летитъ по безпредѣльнымъ пространствамъ, слѣдуя пути, отъ вѣчности еще предначертанному ему Богомъ, ибо Богъ отъ вѣчности еще зналъ, какія старанія приложатъ люди, живущіе на нихъ, къ своему самоусовершенствованію и къ улучшенію условій жизни на своихъ планетахъ. Поэтому тѣ системы, на которыхъ жители относятся болѣе ревностно къ достиженію своего совершенствованія, Онъ приближаетъ къ области духовныхъ планетъ и къ Себѣ; тѣ планеты, на которыхъ развитіе идетъ тише, приближаются Имъ меньше; тѣ же, на которыхъ развитіе остановилось или даже приняло злое направленіе, приближаются Богомъ къ окраинамъ вселенной и даже, потухая, совсѣмъ улетаютъ за предѣлы Божественной вселенной въ царство тьмы и смерти. Судьба каждой солнечной системы и каждой планеты отдѣльно всецѣло зависитъ отъ средняго уровня нравственной, духовной и разумной дѣятельности духовно-разумныхъ существъ, на ней обитающихъ. Сообразно этой дѣятельности невидимые покровители и оберегатели планеты, съ разрѣшенія Самого Бога, направляютъ всѣ явленія природы, распредѣляютъ погоду на каждомъ мѣстѣ планеты, ожесточаютъ климатъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, смягчаютъ его въ другихъ, измѣняютъ физическія условія жизни, посылаютъ дожди и засухи, вѣтеръ и бури, урожай и голодъ, и всѣ мельчайшія детали, отъ которыхъ зависятъ благоденствіе или бѣдствіе людей, направляются невидимыми покровителями, отъ бдительнаго надзора которыхъ не ускользнетъ ни одинъ малѣйшій фактъ. Все предусмотрѣно ими и все исполнено, благодаря ревности, съ которой каждый спѣшитъ исполнить возложенное на него порученіе, всегда подъ руководствомъ старшихъ и всегда назидая младшихъ.

Digitized by Google

Власть Ангеловъ на небѣ и на землѣ до того велика, до того неотразима, что превышаетъ все то, что мы могли бы предположить о ней. Одного взгляда или одного желанія каждаго изъ нихъ было бы совершенно достаточно, чтобы разрушить весь міръ или возстановить его, чтобы остановить солнце или всю систему въ ея полетѣ, или наоборотъ, усилить ходъ, или измѣнить направленіе полета планеты. Вся природа послушна имъ; всѣ стихіи повинуются, и малѣйшее желаніе каждаго Ангела уже вызываетъ всевозможныя явленія природы, какъ въ астральномъ, такъ и въ матеріальномъ мірѣ. Но властью этою владѣютъ они не сами по себѣ, но въ силу своего общенія съ Богомъ. Каждый изъ нихъ властенъ до той степени, до которой самъ признаетъ власть Господа надъ собой и надъ природой, и каждый изъ нихъ знаетъ очень хорошо, что сдѣлался бы безсильнымъ, если бы сталъ въ раздѣленіе съ Богомъ. Поэтому они относятся къ своей власти съ большимъ смиреніемъ и позволяютъ себѣ примѣнять ее только въ тѣхъ случаяхъ и въ томъ направленіи, которое соотвѣтствуетъ Божественнымъ предначертаніямъ и нисколько своихъ дѣйствій и поступковъ не приписываютъ себѣ, но Богу. Они счастливы уже и тѣмъ, что Онъ разрѣшилъ имъ черезъ эти свои поступки осуществить Божественную мысль и Его святое желаніе.

На второй планетной системѣ духовнаго міра живутъ небесныя силы, завѣдующія животнымъ царствомъ и растеніями. Вся жизнь животныхъ и растеній находится подъ непосредственнымъ попеченіемъ особыхъ небесныхъ силъ, ибо попеченіе это совершенно другое, не имѣющее ничего общаго съ попеченіемъ Бога о духовно-разумныхъ существахъ. Не въ состояніи человѣкъ себѣ представить той полноты и подробности попеченія, которою мысль Божья окружаетъ каждое живое существо и каждое растеніе, возбуждая ревностную дѣятельность невидимыхъ покровителей, между которыми распредѣлены всѣ они; ни на одинъ мигъ не оставляется ни одно животное, ни растеніе своему собственному произволу; вся видимая дѣятельность ихъ руководится, вся жизнь ихъ предусматривается; заботы Божьи о тваряхъ земныхъ положительно не имѣютъ ни конца, ни предѣлъ. Каждый лугъ, усѣянный цвѣтами, каждый листикъ, на которомъ находятся милліарды инфузорій и каждая изъ этихъ инфузорій возбуждаетъ одинаковую заботу Господа, какъ и слонъ, и мамонтъ, и китъ, ибо для существа Безконечнаго нѣтъ ничего малаго, нѣтъ ничего большого, все одинаково возбуждаетъ

Digitized by Google

Его любовь, все одинаково нуждается въ Его помощи и дорого Ему, ибо иначе не было бы сотворено Имъ.

То, что мы по своему невѣжеству и по своей ограниченности считаемъ иногда случайностью и обстоятельствомъ, не заслуживающимъ никакого вниманія, возбуждаетъ часто безконечнѣйшія заботы легіоновъ небесныхъ силъ и труднѣйшую задачу міроздания, надъ которой день и ночь работаютъ и трудятся высочайшіе и святѣйшіе духи, стоящіе у престола Божія и вопрошающіе Его святой помощи, ибо ихъ силы и ихъ знанія оказываются недостаточными. Къ одному изъ такихъ трудныхъ вопросовъ принадлежитъ задача распредѣленія болѣзней между нами, людьми, живущими по всей вселенной, равно и леченіе этихъ болѣзней.

Ни одно самое незначительное страданіе людей не можетъ не возбуждать мысли Божіей, а, слѣдовательно, и ревностнаго участія и попеченія небесныхъ силъ. Каждое самое мельчайшее разстройство нашего здоровья имѣетъ непремѣнно свою нравственную причину, ибо всякая порочность, всякій грѣхъ, всякое несовершенство въ человѣкѣ, дѣйствуя растлѣвающимъ образомъ на душу, не можетъ не поражать болѣзнью нашего тѣла. Степень каждаго грѣха и порока обусловливаетъ и силу болѣзни. Если человѣкъ раньше не замѣтилъ своего грѣха, не исправился отъ него добровольно и не принесъ Господу чистосердечное раскаяніе, то болѣзнь служитъ ему заслуженнымъ напоминаніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественнымъ наказаніемъ за грѣхъ. Всякое нездоровье заставляетъ человѣка одуматься, раскаяться и исправиться, но онъ долженъ все же пережить, перетерпѣть всѣ слѣдствія своего грѣха, чтобы искупить свой грѣхъ и смыть его съ себя. Болѣзнь проходитъ, унося съ собою воспоминанія о старомъ грѣхѣ, и человѣкъ можетъ съ совершенно спокойной совѣстью слѣдовать дальше по пути своего самоусовершенствованія. Однимъ словомъ, цѣль каждой болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку случай радикально излечиться отъ нравственнаго недостатка.

Такъ смотрятъ на болѣзни на планетахъ люди, которые стоятъ въ своемъ развитіи нѣсколько выше нашей земли, напримѣръ, на Марсѣ. Но мы, люди земли, до того грѣшны, порочны, несовершенны, вообще говоря, что если бы всѣ извращенія нашей души передавались бы тѣлу, то оно стало бы настолько недужнымъ, что наша жизненная дѣятельность была бы постоянно парализована; мы не покидали бы своей кровати вслѣдствіе самыхъ ужасныхъ заслуженныхъ нами страданій. Такое количество болѣзней не принесло бы намъ

Digitized by Google

всей ожидаемой отъ нихъ пользы, ибо вся жизнь проходила бы въ мученіяхъ. Не зная причины болѣзни и цѣли ея, многіе могли бы ожесточиться, выйти изъ терпѣнія, впасть въ уныніе или въ отчаяніе, наконецъ, приписывая свою болѣзнь карѣ Божіей, могли бы негодовать на Бога, произнести даже хулу на Него, а слѣдовательно впасть въ новые грѣхи, еще худшіе прежнихъ. Поэтому Богъ сдерживаетъ до нѣкоторой степени вліяніе порочности души на растлѣніе матеріальнаго нашего тѣла и попускаетъ черезъ невидимыхъ покровителей проявляться въ насъ только тѣмъ болѣзнямъ и въ той именно степени, насколько это можетъ принести намъ нравственное исправленіе и пользу.

На землѣ мы нерѣдко видимъ весьма порочныхъ и даже преступныхъ людей, пользующихся превосходнымъ здоровьемъ и, наоборотъ, людей значительно меньше грѣшныхъ, хворающихъ постоянно. Они стараются вести свою жизнь праведно и все же знаютъ, что впадаютъ въ грѣхи и ошибки, они раскаиваются въ нихъ, просятъ Бога о прощеніи имъ этихъ грѣховъ, исправляются до нѣкоторой степени и все же постоянно хвораютъ. Пусть эти люди не унываютъ и не отчаиваются, если они только пережили достойно свои грѣхи на землѣ и переиспытали слѣдствія своего грѣха, ибо они искупили ихъ окончательно и за гробомъ о такихъ грѣхахъ и упоминаться не будетъ. Они съ совершенно чистой душой предстанутъ престолу Всевышняго и будутъ пожинать лавры своихъ добрыхъ дѣлъ и праведной жизни. Но горе тѣмъ за гробомъ, кто взойдетъ въ него съ изъязвленной душой и тутъ только увидитъ, какъ много грѣховъ на немъ и какъ трудно будетъ искупленіе ихъ за гробомъ.

Каждая болѣзнь человѣка приноситъ несомнѣнно нравственную пользу больному, но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть одно изъ лучшихъ нравственныхъ упражненій для людей, окружающихъ больного, вызывая въ нихъ участіе и состраданіе.

Каждая болѣзнь имѣетъ и средства для своего излеченія.

Невидимые покровители, на которыхъ возложено распредѣленіе болѣзней между людьми, озабочены также и тѣмъ, чтобы отъ каждой болѣзни на каждомъ данномъ мѣстѣ были и средства отъ этихъ болѣзней. Отъ умѣнья людей зависитъ найти эти средства тѣмъ или другимъ путемъ и помогать больнымъ.

Въ вопросѣ излеченія болѣзней мы, люди земли, дѣлаемъ крупную ошибку, надѣясь единственно на своихъ докторовъ, думая въ самомъ дѣлѣ, что однѣ химическія реакціи могутъ

Digitized by Google

поправить больного и излечить его тѣло въ то время, когда душа его, источникъ и причина болѣзни, больна своей порочностью. Богъ и въ этомъ случаѣ предоставилъ человѣка его собственному произволу. Человѣкъ можетъ въ надеждѣ на силы знанія своихъ докторовъ и ихъ искусство и добросовѣстность ограничиваться ихъ совѣтами и ихъ лекарствами, а можетъ онъ тоже прибѣгать къ помощи Божіей и, съ Его святого соизволенія, вопрошать святыхъ покровителей болѣзней о способахъ и средствахъ излеченія недуга.

На Марсѣ сами доктора лечатъ не иначе больныхъ, какъ съ помощью Бога и святыхъ покровителей. Они молятся, совѣтуются съ ними и, созерцая природу, находятъ въ ней такія средства и способы, до которыхъ они никогда не дошли бы, если бы руководствовались своей собственной логикой и своимъ умомъ, ибо причина болѣзни лежитъ всегда далеко за предѣлами человѣческой познаваемости ея.

Каждая болѣзнь составляетъ родъ очень трудныхъ и очень существенныхъ для каждаго человѣка испытаній. Не говоря уже о томъ, что болѣзнь излечиваетъ нравственную порочность людей, заставляя ихъ чувствовать и переживать всѣ видимыя слѣдствія грѣха, она заставляетъ человѣка пріучаться къ терпѣнію и смиренію. Одинъ приметъ болѣзнь съ покорностью волѣ Божіей, переживая ее съ терпѣніемъ, съ сознаніемъ своей порочности и милости Божіей, не допускающей страдать ни одно существо болѣе того, чѣмъ это ему полезно. Онъ смиренно взываетъ къ Богу и проситъ Его помощи, говоря: „Не такъ дѣлай, Господи, какъ мнѣ хочется, а какъ Ты находишь полезнымъ и пусть сбудется Твоя святая воля“. — Другой выкажетъ въ болѣзни всю строптивость своего дерзкаго и нетерпѣливаго характера, онъ будетъ сѣтовать, ругаться и негодовать. Третій совсѣмъ ожесточится, впадетъ въ отчаяніе, будетъ укорять и винить въ своей болѣзни Бога и, пожалуй, даже возстанетъ на Него. Всѣ эти настроенія человѣка во время болѣзни со всѣми промежуточными степенями и оттѣнками не могутъ также не вліять на нравственное развитіе человѣка и такъ же отражаются, какъ на его болѣзни, такъ и на нравственномъ его состояніи. Какъ назначеніе болѣзней нашихъ производится при самомъ тщательномъ обсужденіи святыхъ покровителей, такъ точно и ходъ болѣзни руководится ими, при чемъ ни одинъ шагъ нашъ, ни одно настроеніе не ускользаетъ отъ бдительнаго ока ихъ, каждая причина заставляетъ ихъ усиливать болѣзнь и уменьшать ее, усложнять или помогать ея излеченію. Все обсуждается ими, все взвѣшивается,

Digitized by Google

все принимается во вниманіе и всякое ихъ дѣйствіе преслѣдуетъ одну цѣль—увеличеніе добра въ человѣкѣ и его нравственную пользу.

Всѣ эпидеміи, всѣ заразныя повальныя болѣзни составляютъ слѣдствія строго обдуманныхъ дѣйствій святыхъ покровителей болѣзней. При назначеніи ихъ они взвѣшиваютъ не одну только пользу, которую получаютъ больные, но и ту, которая произойдетъ отъ того, что эти эпидеміи возбуждаютъ общее участіе со стороны здоровыхъ и желаніе помочь. Отъ невидимыхъ дѣятелей не скроются также тѣ мотивы, которые заставляютъ каждаго радѣть о больныхъ: одни будутъ принимать мѣры прекратить эпидемію только для того, чтобы не заболѣть самимъ, т. е. чисто изъ эгоистическаго чувства, другіе изъ желанія отличиться передъ начальствомъ и обществомъ и получить себѣ награду, но много ли найдется такихъ, которые предадутся дѣлу съ полнымъ участіемъ къ больнымъ и будутъ помогать имъ, не жалѣя себя? Ничего не скроется отъ бдительнаго ока святыхъ покровителей и все будетъ взвѣшено на вѣсахъ правосудія Божьяго.

Если такъ подробно и тщательно обставленъ Богомъ надзоръ и попеченіе о животныхъ, или о болѣзняхъ людей, то можемъ мы себѣ представить, до какой тонкости должно доходить попеченіе Бога о нравственной и духовной дѣятельности людей, составляющей главную цѣль всего міросданія. Этотъ родъ попеченія Бога о людяхъ не имѣетъ дѣйствительно предѣла и въ полномъ смыслѣ слова безконеченъ. Нѣтъ не только самомалѣйшаго поступка человѣка, но нѣтъ даже ни одного сложившагося рѣшенія сдѣлать одинъ или другой поступокъ, которые ускользнули бы отъ самаго тончайшаго и бдительнаго надзора невидимыхъ покровителей людей. Всѣ они обсуждаются; всѣ они взвѣшиваются на вѣсахъ правосудія не только въ послѣдствіяхъ своихъ, но и въ основныхъ причинахъ, заставившихъ принять то или другое рѣшеніе, и каждый поступокъ, и каждое рѣшеніе уже вліяетъ на дальнѣйшія судьбы людей и на обстановку ихъ жизни, улучшая или ухудшая положеніе ихъ.

Вся вселенная въ отношеніи попеченія надъ судьбами людей раздѣлена между высшими покровителями изъ чина небесныхъ существъ первой іерархіи всѣхъ трехъ степеней, стоящихъ непосредственно у Престола Божія, и составляющихъ Его домашнюю.

Каждая солнечная система и всѣ духовно-разумныя существа, живущія на всѣхъ ея планетахъ, имѣютъ трехъ высшихъ

Digitized by Google

покровителей изъ существъ второй степени іерархіи. Наша земля поручена существамъ чина послѣдней степени іерархіи всѣхъ трехъ силъ, которыя всѣ вѣдаютъ судьбу людей.

Послѣдняя степень іерархіи небесныхъ силъ, простирая свои попеченія о дѣйствіяхъ и жизни людей, распредѣляетъ свои заботы о нихъ, поручая каждому члену своему особую какую-либо часть, сообразно силы его святости, слѣдуя человѣческимъ раздѣленіямъ земли и практикуемыхъ на ней порядковъ. Каждая страна и государство имѣютъ особыхъ покровителей, равно какъ и каждый городъ, село, деревня, кружокъ людей и каждая семья имѣютъ по особому покровителю и кромѣ того каждый человѣкъ имѣетъ своего Ангела-Хранителя.

Затѣмъ охраняются Божественными покровителями всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ собираются люди и которыя вліяютъ на жизнь ихъ. Поэтому каждое коммерческое или общественное дѣло вызываетъ свой родъ попеченія и заботы о себѣ, изъ которыхъ каждое имѣетъ по особому покровителю, какъ то: каждая фабрика, заводъ, лавка, магазинъ, клубъ, биржа, контора и каждое подобное учрежденіе большое и малое; ни одно не дѣлаетъ исключенія; причемъ невидимые покровители вѣдаютъ дѣла этихъ учрежденій несравненно лучше самихъ хозяевъ, ибо они знаютъ всю обратную сторону дѣла и все будущее его.

Этимъ далеко еще не ограничивается святое попеченіе Бога о людяхъ: оно распространяется еще гораздо дальше: всѣ государственныя, административныя учрежденія и всѣ правительственныя и административныя лица имѣютъ своихъ покровителей, которые вѣдаютъ ихъ дѣла. Нечего упоминать, что всѣ главы государствъ находятся подъ особымъ руководствомъ Самого Бога черезъ непосредственное святое попеченіе о нихъ высшихъ существъ небесной іерархіи.

Каждое министерство, департаментъ, отдѣленіе департамента, каждое областное или губернское учрежденіе, каждое уѣздное, волость, сельское управленіе и т. д. — однимъ словомъ, всякій правительственный органъ, вліяющій тѣмъ и другимъ путемъ на судьбы людей, уже охраняется особымъ покровителемъ, который вѣдаетъ каждое дѣло этого учрежденія несравненно лучше всѣхъ въ этомъ учрежденіи служащихъ чиновниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, ибо они знаютъ, какое направленіе приняло бы каждое дѣло, если бы оно было обставлено иначе и что именно служило причиной, что оно получило такой оборотъ, а не другой.

Digitized by Google

Такимъ образомъ: 1) нѣтъ ни одного сборища людей, нѣтъ ни одного дѣла, ни одного предпріятія, которое съ момента своего учрежденія не охранялось бы и не изучалось бы во всѣхъ своихъ деталяхъ, при чемъ невидимые святые покровители людей оцѣнивають всѣ дѣла и поступки каждаго члена его, касаясь причины возникновенія ихъ и всѣхъ слѣдствій ихъ; 2) нѣтъ ни одного человѣка, который не имѣлъ бы своего Ангела-Хранителя.

Ангелы-Хранители суть ближайшіе помощники людей въ ихъ жизни. Они неустанно слѣдятъ за каждымъ шагомъ человѣка и не отходятъ отъ него никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Вся ихъ жизнь и всѣ мысли сосредоточены на томъ человѣкѣ, который имъ порученъ.

Ангелы-Хранители — существа совершенно исключительныя и рѣшительно не походятъ ни на одно существо, входящее въ составъ какъ небесной іерархіи, такъ и духовно-разумныхъ существъ вселенной. Они духи чистые, рѣшительно неспособные грѣшить, не имѣющіе на себѣ ни малѣйшихъ пятенъ, могущихъ затемнить безукоризненную и лучезарную бѣлизну ихъ святой организаціи. Эти духи по сотвореніи ихъ Богомъ находятся въ Его святой обители, въ Святая Святыхъ вселенной и окружаютъ цѣлыми легіонами Его Предвѣчный Престолъ, наполняя всю атмосферу Ея своею святостью и покоемъ. Вся жизнь ихъ, всѣ стремленія и желанія ограничиваются однимъ Богомъ. Они ничего больше не знаютъ, какъ только то, что Богъ есть и что Онъ все для нихъ, а слѣдовательно такимъ долженъ быть и для всѣхъ въ мірѣ. Всю истину, всѣ понятія свои, они связываютъ съ понятіемъ о единой безраздѣльной беззавѣтной и абсолютной любви Бога, и ничего имъ больше не надо, какъ пребывать около Него, чувствовать Его присутствіе, восхищаться Имъ и другого счастія и блаженства они себѣ и представить не могутъ.

Когда Богъ возлагаетъ на кого-нибудь изъ этихъ чистыхъ существъ миссію охранять человѣка и быть его Ангеломъ-Хранителемъ, то духъ этотъ покидаетъ святую обитель Божію и спускается на самую лучезарнѣйшую планетную систему духовнаго міра. На девяти системахъ духовнаго міра обитаютъ, какъ мы видѣли выше, небесныя силы средней послѣдней степени небесной іерархіи, десятая же планетная система служитъ святой обителью самой ревностной и святѣйшей покровительницѣ рода людского, всей вселенной, Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Digitized by Google

Всѣ Ангелы-Хранители людей всей вселенной находятся въ полномъ и безусловномъ подчиненіи Ея. Такимъ образомъ вся ближайшая охрана людей отъ навѣтовъ злобы, вся ближайшая помощь людямъ снисходитъ непосредственно отъ Пресвятой Дѣвы, скорой заступницы людей и святѣйшей молитвенницы передъ Богомъ о прощеніи грѣховъ нашихъ.

Всѣ духовно-разумныя существа, начинающія только стремиться къ благу, наставляются Ею Самою черезъ посредство Ангеловъ-Хранителей, и всѣ одинаково пользуются Ея покровительствомъ. Но особенно распространяетъ Она свои святыя попеченія на дѣтей нашей земли. Всѣ дѣти до 7 лѣтъ находятся подъ Ея особымъ попеченіемъ и покровительствомъ, вслѣдствіе чего они совершенно ограждены отъ всѣхъ навѣтовъ злой силы и ничто нечистое и грѣховное не должно касаться ихъ.

Ангелы-Хранители, сходя изъ Святой Святыхъ на планету Пресвятой Дѣвы Маріи, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о злѣ, ни о грѣхѣ, ни о чемъ ровно нечистомъ. Та безконечная любовь, доброта и чистота, которою они такъ лучезарно сіяютъ, находится въ нихъ совершенно для нихъ безотчетно; они никогда еще не имѣли возможности оцѣнить ее, такъ какъ никогда зла не видали и не имѣли случая сопоставить его съ тѣмъ обиліемъ добра, которое находится въ нихъ, а потому они первое время обрѣтаются въ полномъ невѣдѣніи какъ добра, такъ и зла, но зато въ полнѣйшемъ блаженствѣ.

Прежде чѣмъ быть въ состояніи охранять людей отъ зла, они должны ознакомиться съ разными дѣятельностями существъ, какъ со злой, такъ и съ доброй и умѣть отличить одну отъ другой. Поэтому они долгое время пребываютъ на одной изъ планетъ Пресвятой Дѣвы Маріи, воспитываются тамъ подъ Ея личнымъ руководствомъ, знакомятся съ жизнью людей и подготовляются къ предстоящей имъ дѣятельности.

Когда они чувствуютъ себя достаточно окрѣпшими, чтобы взять на себя отвѣтственность за человѣческую душу, то начинаютъ свою дѣятельность съ душъ болѣе легкихъ къ водительству и къ управленію. Пресвятая Дѣва Марія предопредѣляетъ имъ вести души лѣнивыя, вялыя, невоспріимчивыя или безхарактерныя; послѣ того, какъ они проведутъ уже нѣсколько такихъ душъ успѣшно и пріобрѣтутъ извѣстную степень опытности, только тогда поручаются имъ души людей энергичныхъ, воспріимчивыхъ, закоренѣлыхъ грѣшниковъ, людей съ сильнымъ и пылкимъ характеромъ и вообще такія души, руководство которыми чрезвычайно трудно.

Digitized by Google

При самомъ появленіи человѣка на землю, при первомъ своемъ крикѣ, служащемъ первымъ проявленіемъ его воли, онъ уже имѣетъ своего Ангела-Хранителя, который уже больше не покидаетъ его. Эти два существа какъ бы сливаются вмѣстѣ, они живутъ другъ для друга и преслѣдуютъ однѣ и тѣ же жизненныя цѣли. Человѣкъ склоненъ къ грѣху и паденію, но Ангелъ-Хранитель, въ силу своей чистоты, склонности къ Богоподражанію, грѣшить не можетъ и уже издали узнаетъ не только зло и пороки, но и все, что несетъ на себѣ тѣнь нечистоты. Имѣя постоянно около себя безусловно расположенный къ себѣ чистый и непорочный элементъ, человѣкъ до нѣкоторой степени защищенъ отъ зла.

Человѣкъ, живя на землѣ, получаетъ навыкъ жизни и умственное образованіе; съ нимъ вмѣстѣ имѣетъ возможность учиться, жить и получать свое умственное развитіе и его Ангелъ-Хранитель. Всѣмъ Ангеламъ-Хранителямъ даровалъ Богъ тѣ же дары Своей благодати, какіе даровалъ и небеснымъ силамъ и духовно-разумнымъ существамъ всей вселенной, никто не обиженъ Богомъ и всѣ получаютъ ихъ одинаково. Но никакими познаніями они еще не владѣютъ, а потому наравнѣ съ другими существами они должны пріобрѣтать ихъ сами. До сихъ поръ они жили единственно жизнью своихъ чувствъ, и единственная ихъ наука была любоваться дѣлами Божіими, ощущать въ этомъ особую отраду и подражать Богу—и все это дѣлали они безотчетно, не спрашивая себя, для чего это имъ нужно.

Живя параллельно съ человѣкомъ на землѣ и наблюдая жизнь въ другихъ людяхъ, Ангелъ-Хранитель скоро получаетъ навыкъ жизни. Свои умственныя познанія онъ черпаетъ изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ ихъ человѣкъ. Когда человѣкъ учится чему-нибудь, то параллельно съ нимъ учится и его Ангелъ-Хранитель всему рѣшительно, начиная отъ азбуки и таблицы умноженія. Онъ проходитъ всѣ науки, слѣдя по той же книгѣ, шагъ за шагомъ все, что проходитъ человѣкъ. Но Ангелъ-Хранитель всегда очень прилеженъ, обладаетъ памятью несравненно лучшей, чѣмъ человѣкъ и огромнымъ стремленіемъ къ знаніямъ, а потому онъ научается подробнѣе человѣка и можетъ быть лучшимъ помощникомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Онъ всегда можетъ подсказать человѣку все, что онъ училъ и забылъ, если только человѣкъ будетъ его просить о томъ и научится понимать ясно его голосъ.

Всѣ научныя познанія, какія пріобрѣтаетъ человѣкъ въ

Digitized by Google

теченіе жизни, всю опытность жизни и все рѣшительно дѣлаются одинаковымъ достояніемъ какъ человѣка, какъ и его Ангела-Хранителя. Одни изъ этихъ познаній ему дѣйствительно полезны, ибо развиваютъ его, другія же пріобрѣтаются имъ только для того, чтобы всегда быть въ состояніи придти на помощь человѣку, если онъ забылъ что-нибудь и проситъ Ангела-Хранителя ему подсказать, или помочь, или если въ самомъ дѣлѣ человѣкъ запутался, приходитъ къ ложнымъ заключеніямъ и необходимо его выручить, или внушить логическій выводъ отъ тѣхъ познаній и міровоззрѣній, которыми владѣетъ человѣкъ.

Такимъ образомъ склонный къ паденію человѣкъ имѣетъ всегда неотступно около себя безгрѣшный элементъ, который влечетъ его къ добру (если только самъ человѣкъ того хочетъ и проситъ его о семъ), раскрываетъ ему темныя и порочныя стороны его души, оберегаетъ его отъ опасности подвергнуться навѣтамъ злой силы, а въ случаѣ надобности наталкиваетъ на раскаяніе и постоянно внушаетъ ему добрыя мысли.

Большинство людей земли до того извратили свою природу, что они не въ состояніи отличить мысли, рождающейся въ ихъ собственной душѣ, отъ мысли, внушаемой имъ ихъ Ангелами-Хранителями, а потому они всѣ свои мысли приписываютъ своей собственной душѣ или, такъ сказать, самимъ себѣ. Есть даже такіе люди, которые полагаютъ, что мысль есть продуктъ отправленій головного мозга и является случайно и независимо ни отъ чего ровно. Во всякомъ случаѣ, какъ бы люди ни ошибались, пусть въ трудныя минуты жизни мысленно вознесутся на одно мгновеніе къ Богу и просятъ Его послать имъ помощь черезъ ихъ Ангела-Хранителя и подсказать имъ добрый совѣтъ, и они увидятъ, что эта ихъ просьба не останется тщетной, ибо добрая мысль и даже не одна, а многія немедленно станутъ роиться въ ихъ головѣ и выборъ поступковъ будетъ предоставленъ полный, могутъ изъ нихъ выбирать любой и не ошибутся.

Когда человѣкъ обдумываютъ что-нибудь, онъ непремѣнно получаетъ вмѣстѣ со своими мыслями и добрые совѣты своего Ангела-Хранителя; а иногда въ то же время получаетъ и злые совѣты злой силы, окружающей очень часто порочнаго человѣка. Эти совѣты нисколько не связываютъ его свободной воли; онъ можетъ выбирать любой совѣтъ и пользоваться имъ или пренебречь всѣми и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Порочный человѣкъ обыкновенно болѣе скло-

Digitized by Google

ненъ поступать согласно навѣтамъ злобы, ибо злой духъ хитеръ и въ совершенствѣ умѣетъ поддѣлываться подъ слабости человѣка. Однако, не всегда онъ торжествуетъ, ибо въ каждомъ человѣкѣ есть совѣсть, а потому, слушая добрые совѣты Ангела-Хранителя, онъ узнаетъ въ нихъ истину и если въ немъ есть добрыя стремленія и желаніе дѣлать такъ, какъ лучше, то онъ и поступаетъ согласно указаніямъ Ангела-Хранителя.

Если человѣкъ перестаетъ слушать добрые совѣты своего Ангела-Хранителя и, постоянно слѣдуя внушеніямъ зла, начинаетъ поступать худо, предаваться порокамъ и страстямъ, то Ангелъ-Хранитель прибѣгаетъ къ помощи святого покровителя его группы людей. Они совѣтуются, какія слѣдуютъ принять мѣры, чтобы снова привлечь этого человѣка къ послушанію и добру. Въ этихъ случаяхъ уже и покровитель не отходитъ отъ Ангела-Хранителя; онъ самъ настаиваетъ, внушаетъ человѣку и оба они употребляютъ весь свой умъ и все свое умѣнье къ возвращенію блуднаго сына въ стадо Христово. Если всѣхъ этихъ соединенныхъ усилій и стараній мало, то покровитель проситъ помощи у высшаго покровителя и даже у Бога.

Въ этихъ случаяхъ Ангелъ-Хранитель, все-таки, остается добрымъ геніемъ человѣка и существомъ вполнѣ ему преданнымъ, любящимъ до безконечности и отъ души жалѣющимъ его. Духи-покровители, собравшись вмѣстѣ, обсуждаютъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы человѣкъ самъ по доброй своей волѣ принялъ рѣшеніе вернуться къ доброму пути. Они выжидаютъ нѣкоторое время, а затѣмъ посылаютъ ему болѣзни, или измѣняютъ условія его жизни на болѣе суровыя, или попускаютъ злой силѣ учинить ему какую-нибудь бѣду, горе, несчастіе, или, вообще, непріятную неожиданность и т. д., вообще, принимаютъ какія-нибудь мѣры, чтобы заставить его одуматься, остановиться въ худыхъ дѣлахъ и опять начать слѣдовать указаніямъ своей совѣсти и навѣтамъ добра. Стѣснять волю человѣка и принуждать его поступать такъ или иначе, никто не можетъ — ни Ангелъ-Хранитель, ни покровитель, и человѣкъ остается всегда свободенъ въ выборѣ своихъ поступковъ; но обставить жизнь человѣка въ томъ направленіи, которое способствуетъ человѣку добровольно желать слѣдовать добру и отставать отъ зла, во многихъ случаяхъ зависитъ отъ ловкости и догадливости покровителей и отъ умѣнья ихъ вести человѣка. Духи-покровители относятся всегда къ людямъ съ безмѣрною любовью, всѣми силами желаютъ ихъ исправленія

Digitized by Google

и скорбятъ всей душой о каждомъ ихъ фальшивомъ шагѣ. Это безконечное участіе къ ближнему не можетъ не улучшать ихъ духовно, и, дѣйствительно, черезъ подобнаго рода упражненія они крѣпнутъ въ своихъ добродѣтеляхъ и въ своей святости, переходятъ отъ одной силы къ высшей силѣ, отъ одного знанія и искусства доводить людей до добра къ высшему знанію, къ высшему искусству и къ совершенству.

Есть души, вызывающія постоянныя и неимовѣрныя заботы своихъ Ангеловъ-Хранителей и покровителей. Покровители не имѣютъ просто возможности отходить отъ нихъ и только черезъ особое искусство ихъ и соединенныя силы нѣсколькихъ покровителей удается имъ довести эту душу до болѣе или менѣе доброй жизненной дѣятельности. Но есть также души, настолько упорныя въ своемъ злѣ и во всѣхъ видахъ противленія Богу, что вывести ихъ на истинный путь есть задача неисполнимая. Одни изъ нихъ проповѣдуютъ антихристіанскую науку, другіе непомѣрно алчны къ деньгамъ и къ наживѣ, третьи чрезвычайно склонны къ власти, славѣ и всевозможнымъ соблазнамъ жизни, такъ что отвратить ихъ отъ этихъ извращеній жизни нѣтъ ни малѣйшей возможности. Все искусство Ангеловъ-Хранителей и покровителей остается безполезнымъ. Такія души Богъ посылаетъ жить на землю, какъ нѣкое средство испытанія другихъ людей. Они служатъ орудіемъ истязанія душъ, болѣе склонныхъ къ воспріятію добра. Зло, вносимое ими въ міръ, доставляя трудныя жизненныя упражненія другимъ людямъ, заставляетъ ихъ переносить ихъ съ достоинствомъ, смиреніемъ, покорностью волѣ Божіей, поставившей ихъ въ зависимость отъ злыхъ людей, улучшать свои добрыя качества и, вообще, развиваясь духовно, они вносятъ добро въ міръ несравненно большее, чѣмъ то зло, которое творятъ злые люди. Въ этой идеѣ именно и заключается высшій промыслъ Божій, превращающій зло однихъ лицъ въ добро другихъ и этимъ путемъ увеличивающій количество добра во вселенной.

Эти злыя и упорныя души не могутъ винить Бога въ роли людскихъ палачей, которую имъ приходится играть въ общемъ міровомъ нравственномъ прогрессѣ, ибо они сами добровольно приняли на себя эту ужасную роль, за которую придется имъ рано или поздно отвѣчать передъ своею совѣстью и передъ Богомъ и неминуемо придется искупать всѣ злыя свои дѣла и все то злое вліяніе, которое было ими внесено въ міръ. Но они обладаютъ свободной волей наравнѣ съ другими, слѣдовательно, могутъ дѣлать добро и не дѣлаютъ.

Digitized by Google

Добрые покровители положили вначалѣ ихъ жизни болѣе заботъ и попеченія, чѣмъ на другихъ душъ, хотя заранѣе предвидѣли ихъ паденіе. Но что могутъ съ этими упорствующими душами сдѣлать духи-покровители, если для нихъ очевидно, что всѣ ихъ заботы и попеченія должны въ этихъ душахъ вызвать зло еще худшее, чѣмъ прежде. Они предвидятъ, что при болѣе жестокихъ условіяхъ жизни, при неудачахъ, при болѣзняхъ эти души могутъ впасть въ отчаяніе или произнести хулу на Бога, или наложить на себя руки, и тогда они совсѣмъ погибнутъ и всѣ земныя страданія пропадутъ для нихъ безъ всякой пользы.

Покровители такихъ душъ, съ разрѣшенія высшихъ покровителей и Бога, очень часто совсѣмъ отступаются отъ нихъ, оставляя ихъ на произволъ ихъ собственной воли и ихъ извращенныхъ желаній. Въ этомъ случаѣ около нихъ остается лишь одинъ вѣчный и неизмѣнный спутникъ человѣка — Ангелъ-Хранитель. Такихъ людей всегда окружаютъ массами злые духи, видя въ нихъ несомнѣнную свою добычу. Они постоянно подаютъ имъ совѣты, которые принимаются охотно, и Ангелъ-Хранитель принужденъ стоять отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Съ величайшей скорбью въ сердцѣ возноситъ онъ горячія молитвы къ Богу о спасеніи этой души и зоркимъ окомъ слѣдитъ за ней, улавливая всѣ малѣйшіе проблески добра, которые на предстоящемъ страшномъ судѣ Божіемъ могли бы хотя сколько-нибудь облегчить его горькую участь.

Въ земной жизни эти люди обыкновенно очень счастливы, имъ необыкновенно легко удается все то, что они предпринимаютъ, ибо имъ помогаетъ въ дѣлахъ злая сила. Она старается обставить ихъ всевозможными жизненными благами, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ небесныхъ; она помогаетъ въ ихъ земныхъ дѣлахъ, чтобы какъ-нибудь не лишиться своихъ кандидатовъ на темное царство. Кромѣ того, проповѣдывать между порочными людьми антихристіанскую науку или атеистическія знанія при посредствѣ злой силы составляетъ трудъ несравненно благодарнѣе, чѣмъ радѣть о распространеніи высшихъ христіанскихъ истинъ любви и милосердія. Эти люди скоро добиваются извѣстности, высокаго положенія между людьми, возбуждаютъ общую зависть и громадное число послѣдователей. Властвовать и богатѣть тоже очень удобно при посредствѣ злой силы, которая оберегаетъ человѣка, всѣми силами предупреждаетъ о всѣхъ неудачахъ и сама заинтересована, чтобы ея агентъ былъ силенъ, властенъ, богатъ и разсѣевалъ свое зло, какъ можно дальше; чтобы онъ тѣснилъ

Digitized by Google

людей, мучилъ ихъ, выводилъ изъ терпѣнія и насиловалъ ихъ волю. Но земное счастье ихъ будетъ помрачено за гробомъ словами Христа, Который имъ скажетъ: „Вы все получили отъ земли что хотѣли, что думаете вы получить на небеси?“ Одна надежда ихъ — это ихъ Ангелъ-Хранитель, который въ отвѣтъ на это имѣетъ, можетъ быть, возможность предъявить нѣсколько добрыхъ дѣлъ, имѣющихъ всегда силу сдержать чашу вѣсовъ правосудія, такъ сильно перегруженную грѣхами.

Ангелъ-Хранитель никогда не оставляетъ человѣка; онъ постоянно самымъ ревностнымъ образомъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ и за каждою даже самою мельчайшею его мыслію, и чтобы ни задумалъ сдѣлать человѣкъ, Ангелъ-Хранитель, видя зарождающуюся мысль, намѣреніе поступка, уже обсуждаетъ его и обдумываетъ, хорошо ли это или дурно, и уже разсчитываетъ, какія слѣдствія будетъ имѣть этотъ поступокъ. Если этотъ поступокъ касается этого одного человѣка, то Ангелъ-Хранитель обязанъ самъ принять предупредительныя мѣры и постараться отвратить данный поступокъ, если онъ имѣетъ дурныя слѣдствія и, наоборотъ, помочь его хорошо выполнить, если онъ можетъ быть допущенъ. Если же поступокъ этотъ касается другого человѣка или цѣлой группы людей, то Ангелъ-Хранитель немедленно предупреждаетъ духа-покровителя группы и всѣхъ Ангеловъ-Хранителей тѣхъ людей, до которыхъ этотъ задуманный поступокъ будетъ касаться. Они совмѣстно обсуждаютъ всѣ причины, вызвавшія эту мысль и всѣ слѣдствія, которыя произойдутъ, если этотъ поступокъ сбудется, и немедленно принимаютъ совмѣстныя мѣры для отклоненія этого поступка или допускаютъ его.

Такой образъ дѣйствій практикуется при маловажныхъ обыденныхъ дѣлахъ нашихъ, не имѣющихъ серьезнаго значенія ни для жизни нашей, ни для нашего самоусовершенствованія, т. е. при тѣхъ поступкахъ, которыхъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ и дѣлаемъ ихъ почти машинально, просто по привычкѣ, рѣшительно не думая о нихъ. И эти даже мелочные поступки возбуждаютъ столь подробныя заботы нашего Ангела-Хранителя, который, какъ духъ абсолютно чистый, никогда къ нашимъ дурнымъ привычкамъ, вызваннымъ нашею порочностью, привыкнуть не можетъ и всегда готовъ отвратить насъ отъ нихъ.

При болѣе важныхъ поступкахъ Ангелъ-Хранитель не полагается на свое сужденіе и призываетъ покровителей всѣхъ группъ людей, до которыхъ данный поступокъ касается, и никакое человѣческое представленіе не въ силахъ обрисовать,

Digitized by Google

до чего подробно обсуждаются всѣ причины возникновенія мысли, всѣ вліянія, которыя будетъ имѣть поступокъ на каждаго изъ людей, до котораго онъ коснется, и какъ лучше направить какъ исполненіе этого поступка, такъ и слѣдствія его.

Нѣтъ силъ себѣ представить, какая возбуждается дѣятельность въ средѣ духовъ-покровителей при болѣе серьезныхъ общественныхъ дѣлахъ. Нѣтъ силъ передать той массы заботливой предупредительности, которою они встрѣчаютъ всякое человѣческое дѣло, будь это перемѣна административнаго строя въ странѣ, смѣна ли министерства, новый ли законопроектъ, или судебное дѣло, или биржевая операція, коммерческое предпріятіе, собраніе какого-либо частнаго общества, какая-нибудь вечеринка, какой-нибудь балъ или, вообще, предположеніе о собраніи людей. Люди могутъ затѣвать, что имъ угодно, разсчитывать, подавать проекты, но исполниться изъ всего этого можетъ только то, что допускается духами-покровителями. Всякое дѣло всегда начинается съ Ангела-Хранителя.

Въ головѣ какого-нибудь человѣка, напримѣръ, зарождается мысль о какомъ-нибудь коммерческомъ предпріятіи. Ангелъ-Хранитель, видя, что мысль эта касается не одного человѣка, но многихъ, сообщаетъ о семъ покровителю группы. Покровитель группы провѣряетъ эту мысль и убѣждается, что проектъ этотъ можетъ разростись и принять большіе размѣры, обращается къ высшимъ покровителямъ и вызываются всѣ покровители всѣхъ людей, до которыхъ можетъ коснуться это дѣло, и совокупными силами обсуждаютъ всю полезность этого дѣла. Они знаютъ впередъ, какое зло произведетъ это дѣло, сколько людей соблазнятся этой наживой, сколькіе падутъ подъ тяжестью обмана, интригъ, воровства, хищеній, притѣсненій и обидъ, дѣлаемыхъ ими другимъ; наравнѣ съ этимъ покровители предвидятъ и какую нравственную пользу принесетъ это дѣло другимъ лицамъ, сколько человѣкъ и кто именно переживетъ по-христіански злодѣяніе злыхъ людей и обратятъ себѣ въ пользу ихъ зло и черезъ это возвысятся въ степени своего развитія. Духи-покровители впередъ взвѣшиваютъ количество зла, которое войдетъ въ міръ и которое породитъ это, повидимому, совсѣмъ злое дѣло, и если сумма добра перевыситъ сумму зла, то дѣло это можетъ быть допущено ими, въ противномъ случаѣ духи-покровители никогда не допустятъ свершиться ему.

Поэтому понятно, отчего часто хорошія, на нашъ взглядъ, дѣла не удаются, а по-нашему злыя пользуются какими то

Digitized by Google

особыми удачами, разростаются, процвѣтаютъ и владѣльцы ихъ обогащаются. Видя это и судя съ своей земной точки зрѣнія, мы удивляемся и спрашиваемъ себя: неужели Богъ покровительствуетъ злу? Нѣтъ, Богъ никогда злу не покровительствуетъ, но Богъ только попускаетъ зло злыхъ людей, ибо оно вызываетъ цѣлесообразныя для большинства людей жизненныя упражненія, ведущія ихъ къ добру и самоусовершенствованію и это возрождающееся и намъ невидимое добро превышаетъ видимое намъ зло. Несомнѣнно, что злымъ людямъ придется искупать зло, внесенное въ міръ и расплата будетъ для нихъ не легка.

При каждомъ дѣйствіи человѣка не дремлетъ также и злая сила. Какъ собираются добрые покровители подъ непосредственнымъ руководствомъ высшихъ небесныхъ силъ, такъ точно агенты темнаго царства уже издали видятъ себѣ поживу. Будущаго они, конечно, не знаютъ, а потому ничего впередъ разсчитать не могутъ; но они очень хорошо знаютъ характеръ земнаго человѣка и порядки людей; они знаютъ, что ни одного даже благотворительнаго дѣла не дѣлается съ чистымъ и всецѣло расположеннымъ къ добру сердцемъ, но что всегда въ изгибахъ и потаенныхъ уголкахъ человѣческой души найдутся чувства зависти, алчности, гордости, властолюбія, себялюбія и т. д., которыя, при ревностномъ вліяніи злой силы и ловкости ея, могутъ быть раздуты до большихъ размѣровъ и приблизить многихъ, если не совсѣмъ увлечь въ темное царство зла и смерти.

Можно себѣ представить, какое множество заботъ и обсужденій возбуждаютъ болѣе сложныя дѣла, отъ которыхъ зависятъ интересы цѣлыхъ странъ и народовъ, напримѣръ: измѣненіе какого-нибудь порядка управленія въ государствѣ, или измѣненіе какого-нибудь законопроекта, или смѣна какого-нибудь вліятельнаго правительственнаго лица въ государствѣ, сейчасъ собираются духи-покровители всѣхъ рѣшительно лицъ, на которыхъ можетъ отразиться данное измѣненіе, и всѣхъ правительственныхъ учрежденій, при участіи высшихъ небесныхъ силъ руководителей духовъ-покровителей; обсуждаются всѣ „за“ и „противъ“, все количество добра и зла, которое будетъ внесено въ міръ каждымъ причастнымъ лицомъ и рѣшаютъ,—допустить или не допустить его. Если рѣшено на этомъ небесномъ совѣтѣ не допускать совершиться этому дѣлу, то оно никогда не осуществится, ибо встрѣтитъ не одно, такъ другое препятствіе.

Однако, не надо думать, что порядки земного управленія

Digitized by Google

странами въ какомъ-либо отношеніи стѣснялись бы небесными силами. Небесныя силы налагаютъ только свое запрещеніе или свое veto въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидятъ, что учреждаемый порядокъ не хорошъ и внесетъ болѣе зла въ міръ, чѣмъ добра, а, слѣдовательно, устраняя его, они способствуютъ тому, чтобы люди старались додуматься до чего-нибуть лучшаго, т. е. они способствуютъ лучшимъ порядкамъ въ странѣ. Странно было бы думать, что нравственныя и духовныя требованія духовъ-покровителей могутъ идти въ разрѣзъ съ требованіями практической жизни и административными порядками страны. Истина, къ которой должно стремиться человѣчество одна и та-же для всей вселенной, и по мѣрѣ улучшенія общаго уровня развитія человѣчества, административные порядки страны и нравственныя требованія должны все приближаться другъ къ другу; и, наконецъ, при полномъ развитіи человѣка окончательно слиться во-едино, ибо Богъ одинъ и требованія Его отъ людей всегда одни и тѣ же, и условія счастья и блаженства существъ также одни и тѣ же. Слѣдуетъ только человѣку самому додуматься до нихъ.

Наибольшую заботу доставляютъ невидимымъ нашимъ покровителямъ наши войны. Въ этихъ случаяхъ придутъ въ волненіе почти всѣ небесныя силы и всѣ высшіе покровители всѣхъ тѣхъ странъ, которыя участвуютъ прямо или косвенно въ войнѣ, и всѣхъ тѣхъ странъ, на которыхъ можетъ прямо или косвенно отразиться эта война. Небесныя силы подъ святымъ руководствомъ Бога обсуждаютъ все вліяніе войны на человѣчество, взвѣшиваютъ, сколько каждый человѣкъ внесетъ въ міръ добра и сколько зла. Чтобы оцѣнить все это, они должны предвидѣть всѣ детали войны, всѣ ея эпизоды, всѣ удачи и неудачи, всѣ дѣйствія каждаго человѣка, который участвуетъ въ войнѣ или страдаетъ отъ нея, отпустивъ на войну своихъ родственниковъ, или постороннихъ лицъ, причастныхъ и не причастныхъ къ войнѣ, но на которыхъ она отражается такъ или иначе и, наконецъ, на тѣхъ, которые лечатъ раненыхъ, ухаживаютъ за ними и т. д. и т. д. Все взвѣшивается впередъ на вѣсахъ правосудія Божія, и если это истинно самое трудное для рода людского испытаніе принесетъ больше добра, чѣмъ зла, то оно попускается Богомъ.

Поэтому и войну надо считать такимъ же дѣломъ Божіимъ, какъ и всякое другое испытаніе и попущеніе Божіе и начинать ее съ молитвой и такъ же благоговѣйно, такъ же добросовѣстно, какъ учитель наказываетъ своего любимаго уче-

Digitized by Google

ника, какъ судья приговариваетъ преступника, какъ операторъ дѣлаетъ очень трудную и мучительную операцію больному.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ война не есть причина, вызывающая обиліе и безконечный рядъ нравственныхъ испытаній и упражненій какъ для сотенъ тысячъ людей, участвующихъ въ войнѣ, такъ и для милліоновъ людей, провожающихъ своихъ родственниковъ на войну? Никогда мирное время не вызываетъ столько случаевъ каждому выказать съ полною опредѣленностью свои нравственныя качества, свою вѣру въ Бога и силу своей молитвы, или, наоборотъ, свою злость, варварство, алчность, жестокость, ненависть и массу такихъ качествъ и чувствъ, о которыхъ самъ человѣкъ совершенно не зналъ въ мирное время; какъ только явилась возможность безотвѣтно убить человѣка, воспользоваться его добромъ, или отличиться по службѣ — тутъ забыто все ученіе Христа: любовь къ ближнему, все прежнее великодушіе и проявилась вся сила животной природы человѣка. Поставьте себя въ положеніе нравственнаго и вполнѣ духовно развитого человѣка, который вынужденъ идти на войну и поставленъ въ необходимость сражаться и даже убивать людей,—долгъ присяги и обязанности относительно своей страны будутъ для него священны, какъ выраженія воли Божіей, слѣдовательно,—какъ согласитъ онъ въ себѣ это разнорѣчіе обязанностей и чувствъ? Какъ будетъ поступать? Что переживетъ онъ за эту войну и сколько перечувствуетъ? Это величайшая задача для человѣка думающаго и размышляющаго, въ особенности, если онъ владѣетъ истинными христіанскими знаніями смысла жизни на землѣ. Всѣ поступки, всѣ чувства, всѣ намѣренія и вся борьба съ своими порочными наклонностями каждаго человѣка взвѣшиваются невидимыми нашими покровителями, и, сообразуясь съ этимъ, и направляются всѣ обстоятельства жизни людей.

Вся жизнь человѣка проходитъ при участіи добрыхъ и злыхъ ангеловъ, окружающихъ его и не отступающихъ отъ него въ теченіе всей его жизни. Они способствуютъ ему въ его жизни, разбираютъ и обсуждаютъ каждый шагъ человѣка и не только одни поступки, но и всѣ причины, вызывающія ихъ, т. е. желанія, стремленія и вообще все состояніе души во время совершенія даннаго поступка, всѣ мотивы, заставляющіе человѣка поступать такъ или иначе. Ангелы добрые помогаютъ человѣку исполнять его добрыя намѣренія, а ангелы злобы всегда рады принять участіе во всемъ зломъ, чтобы ни задумалъ человѣкъ, и чѣмъ злѣй задуманъ поступокъ, тѣмъ

Digitized by Google

бо́льшее участіе злыхъ ангеловъ возбуждаетъ онъ. Но никакого зла не можетъ нанести человѣкъ другимъ людямъ безъ попущенія Бога; никакой злой умыселъ, никакое злое намѣреніе не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ того, чтобы Богъ не обратилъ его въ пользу кому-нибудь, предоставивъ ему вполнѣ цѣлесообразныя испытанія, черезъ которыя тотъ можетъ преуспѣть въ своемъ нравственномъ развитіи. Въ этомъ и заключается великая міровая задача промысла Божія, направляющая все зло людей въ нравственную пользу другихъ.

Напримѣръ, преступникъ задумалъ убить кого-нибудь: онъ все предусмотрѣлъ, все кажется обставилъ и разсчиталъ, но удачно привести свой замыселъ въ исполненіе онъ можетъ только при попущеніи Божіемъ, только тогда, когда этотъ злой поступокъ принесетъ кому-нибудь нравственную пользу; во-первыхъ, если Господь уже предопредѣлилъ, что душѣ убитаго достаточно скитаться по землѣ, что испытанія ея и такъ уже должны кончиться, а, во-вторыхъ, если этотъ родъ смерти вызоветъ для окружающихъ и для самаго умирающаго болѣе цѣлесообразныя испытанія, чѣмъ всякій другой.

Совершенно то-же надо сказать относительно всякаго зла, совершаемаго людьми; никакое зло не въ силахъ быть исполнено безъ того, чтобы оно не было предварительно предусмотрѣно Богомъ, взвѣшено, обсуждено, кому какую нравственную пользу принесетъ оно, а потомъ попущено Имъ.

Это, конечно, не отнимаетъ отвѣтственности, лежащей на каждомъ за все имъ произведенное злое и нисколько не можетъ оправдать его поступковъ. Зло всегда останется зломъ.

Богъ никого не ставитъ въ такія обстоятельства, при которыхъ человѣкъ долженъ бы былъ сдѣлать зло, а, напротивъ, добрые Ангелы-Хранители отклоняютъ его всѣми своими силами отъ злыхъ поступковъ, они внушаютъ ему добрыя мысли, указываютъ всю пагубность его поведенія и возбуждаютъ въ немъ голосъ совѣсти, а если послѣ всего этого человѣкъ добровольно принимаетъ противоположное рѣшеніе подъ навѣтами духовъ злобы и принимаетъ на себя роль искусителя рода людскаго, то можетъ пенять только на себя.

Постараемся вникнуть, во сколько разъ внутренняя духовная жизнь въ человѣкѣ обильнѣе и дѣятельнѣе видимыхъ и матеріальныхъ проявленій ея. Для примѣра возьмемъ хотя бы тотъ же самый фактъ, что преступнику удалось убить кого-нибудь. Видимыя проявленія этого факта очень не замысловаты: пропивши свои послѣдніе крохи, бѣднякъ задумалъ

Digitized by Google

убійство изъ корысти, планы его сбылись,—онъ ночью незамѣтно проникъ въ домъ и ловко выполнилъ свое намѣреніе, но былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, послѣ краткаго суда, былъ посаженъ въ острогъ, а затѣмъ сосланъ. Какъ ни кратокъ этотъ разсказъ, но вникнемъ, какую массу нравственныхъ испытаній, упражненій, горя, бѣдъ и борьбы возбудилъ онъ въ массѣ людей.

Во-первыхъ, самъ преступникъ черезъ этотъ поступокъ пережилъ цѣлый адъ разныхъ ощущеній, одно ужаснѣе другого, какъ до совершенія преступленія, такъ и послѣ его. Одна злая первоначальная мысль, зародившаяся въ головѣ убійцы, какимъ-нибудь случайнымъ образомъ получила на порочной почвѣ его души полное развитіе. Отъ постояннаго обдумыванія своего плана, отъ борьбы съ самимъ собою и своими мыслями она давно уже обратилась въ какое то больное мѣсто души, преслѣдующее человѣка во всѣхъ его дѣйствіяхъ и не дающее ему покоя никогда, ни днемъ, ни ночью. Иной разъ, сидя гдѣ-нибудь подъ заборомъ, спокойно по наружному виду и неподвижно, бѣдняга переживалъ ожесточеннѣйшее внутреннее несогласіе своихъ намѣреній: одни останавливали его,—другія поощряли на преступленіе; если бы можно было приподнять покрывало, застилающее отъ насъ невидимый міръ, мы бы увидали цѣлый сонмъ добрыхъ и злыхъ духовъ, окружающихъ его: однихъ, стремящихся навести его на добрыя мысли и отвратить отъ злыхъ, другихъ, внушающихъ злое, и оба эти лагеря мы увидали бы ведущими между собой не менѣе оживленный обмѣнъ мнѣній съ полнымъ участіемъ въ рѣшеніи, которое долженъ предпринять бѣдный нравственный больной преступникъ. Описать всѣ его ощущенія, порядокъ возрожденія въ немъ самыхъ разнообразныхъ мыслей съ начала до конца всей испорченной жизни его, врядъ ли можно было бы на человѣческомъ языкѣ, который такъ богатъ для всего матеріальнаго и такъ бѣденъ для всего духовнаго и отвлеченнаго; мы скажемъ только, что нѣкоторые преступники, сидя въ тюрьмахъ, подвергаютъ сами свое тѣло самымъ ужаснымъ звѣрскимъ истязаніямъ, лишь бы хотя на минуту забыть или заглушить укоры своей совѣсти.

Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на его семейство, оставленное безъ всякаго пропитанія. Къ обычной нищетѣ, къ голоду, къ холоду прибавился для нихъ теперь позоръ и полное отчужденіе отъ людей вслѣдствіе того, что люди стали опасаться семейства преступника. Испытаніе ужасное!.. Вопросъ, какъ приметъ и выполнитъ каждый членъ этого семейства

Digitized by Google

эти слѣдствія преступленія? Со смиреніемъ ли? Съ ожесточеніемъ ли? Съ покорностью ли и полной вѣрой въ то, что ни одно испытаніе не дается Богомъ выше силъ человѣческихъ, а, слѣдовательно, на обязанности каждаго молиться, терпѣть и быть увѣреннымъ, что они по грѣховности своей бо̀льшаго не достойны и что Богъ посылаетъ каждому то, что ему полезно для нравственнаго его развитія? Испытаніе это можетъ вызвать чувство злобы и презрѣнія у потерпѣвшихъ; но, съ другой стороны, сожалѣніе о потерянномъ человѣкѣ можетъ возстановить въ памяти все прежнее добро, всю прежнюю любовь, участіе и благосостояніе, въ которомъ они находились до періода этого рокового пьянства, вызваннаго можетъ быть отчаяніемъ, зародившимся отъ недостатка вѣры въ благость Божію въ человѣкѣ, выбивающемся изъ силъ, отыскивая себѣ и семейству такъ трудно инымъ достающееся пропитаніе. Развѣ въ этихъ обстоятельствахъ не лучше можетъ выказать человѣкъ свои христіанскія убѣжденія, чѣмъ при сытой, спокойной и безмятежной жизни? А чѣмъ труднѣе испытаніе, тѣмъ и заслуга выше.

Въ-третьихъ, укажемъ на родственниковъ убитаго. Потеря близкаго человѣка не могла не потрясти ихъ, и если бы они были людьми окончательно невѣрующими, то одна уже близость смерти заставляетъ каждаго вспомнить свое собственное ничтожество, бренность земного своего существованія и заставить человѣка сойти хотя на минуту съ тщеславнаго пьедестала матеріальной обезпеченности и возможности господства надъ людьми, которыя такъ заманчивы, что положительно поглощаютъ всю жизнь и позволяютъ забывать всѣ остальныя обязанности человѣка, какъ твари Божіей, призванной къ земной жизни для развитія въ себѣ своихъ добрыхъ и нравственныхъ качествъ. Кромѣ того, смерть эта дала еще другой родъ нравственныхъ испытаній и для каждаго изъ родственниковъ убитаго въ своемъ родѣ сообразно качествъ души каждаго изъ нихъ: одни воспылали чувствомъ мести и личной затаенной злобы противъ преступника, видя въ этомъ обиду крови; другіе радуются достающемуся наслѣдству, третьи впали въ отчаяніе, въ уныніе, стали роптать, но многіе ли сохранили въ себѣ христіанскую покорность волѣ Божіей, безъ которой и волосъ съ головы не упадетъ и съ благоговѣніемъ и молитвой на устахъ переносятъ потерю любимаго человѣка, потерю, сопряженную можетъ быть съ разстройствомъ матеріальнаго благосостоянія, съ нарушеніемъ всего строя покойной и безпечной жизни и многолѣтнихъ привычекъ.

Digitized by Google

Въ-четвертыхъ, сколько нравственныхъ упражненій доставитъ этотъ бѣдный преступникъ тѣмъ лицамъ, въ руки которыхъ онъ попадаетъ, какъ преступный членъ общества, подлежащій удаленію изъ него? Сперва влястямъ, задержавшимъ его, охраняющимъ и содержащимъ его; затѣмъ, тѣмъ, которые будутъ его судить, обвинять, оправдывать и приговаривать и, наконецъ, тѣмъ, которые будутъ содержать его въ заточеніи, пересылать и водворять на новомъ мѣстѣ жительства. Какъ исполнитъ каждый изъ нихъ долгъ своей присяги и законъ страны? И не забудетъ ли кто-нибудь изъ нихъ одновременно съ этимъ и ученіе Христа, призывающаго къ любви къ ближнему, къ милосердію, правосудію и справедливости,— Христа, сказавшаго, что не здоровые имѣютъ надобность во врачѣ, но больные? Великая наука ума и сердца для всего человѣчества умѣть согласить практически разумную сторону жизни съ нравственнымъ элементомъ ея. Это можетъ быть достигнуто только истинно-христіанскимъ развитіемъ души каждаго отдѣльнаго человѣка и только черезъ это высокое и осмысленное развитіе каждой отдѣльной личности это христіанское развитіе можетъ отразиться на всемъ обществѣ.

Digitized by Google

Глава VI.

Жизнь людей вообще.

Изучая безконечное звѣздное небо, наши ученые приходятъ къ заключенію, что трудно допустить жизнь на другихъ планетахъ, ибо на нихъ они не находятъ тѣхъ же условій, которыми сопровождается жизнь на землѣ. Логично ли это?

Созданы ли существа для планетъ, или планеты для существъ? Или то и другое суть явленія случайныя?

Только тотъ, чей умъ можетъ допустить, что вся вселенная, всѣ міры, всѣ существа и вся жизнь суть не болѣе, какъ громадная случайность, проявившая себя такъ цѣлесообразно и такъ премудро, можетъ думать, что жизнь и существованіе духовныхъ и разумныхъ существъ ограничено состояніемъ матеріи и что эта матерія не можетъ, будто бы, быть иная, какъ только та, которую знаетъ человѣкъ.

Думать, что жизнь можетъ проявляться только въ одномъ родѣ и видѣ матеріи и, именно, въ томъ, въ которомъ живетъ человѣкъ на землѣ, и утверждать, что другихъ родовъ и видовъ матеріи въ природѣ нѣтъ, а если бы они были, то жизнь въ нихъ невозможна—можетъ только необыкновенно тщеславный человѣкъ, который не полагаетъ разницы между своими знаніями и своей фантазіей и всемогуществомъ Бога; ибо онъ думаетъ, что тамъ, гдѣ кончаются его представленія, кончается и сила творчества Бога и что кромѣ того, что онъ знаетъ, ничего въ природѣ больше нѣтъ и быть не можетъ.

Не можетъ духовно-разумное существо влачить свою жизнь въ зависимости отъ состоянія матеріи, ибо подобное допущеніе противорѣчитъ идеѣ высшаго Божественнаго правосудія и милосердія.

Digitized by Google

Заставить духовно-разумныхъ существъ мучиться, влачить тяжелую земную жизнь для того только, чтобы дополнить картину планетнаго міра движущимися куклами, значитъ допустить, что Богъ любитъ вещество больше, чѣмъ существъ и только для потѣхи Своей создалъ ихъ любящими, чувствующими, страдающими и что, вообще, Онъ въ состояніи пожертвовать внутреннимъ для внѣшняго. Подобная идея богохульна и не достойна безконечно любящаго Бога.

Не міры составляютъ цѣль творенія; цѣль творенія есть увеличеніе любви, добра и милосердія въ духовно-разумныхъ существахъ, созданныхъ Богомъ, а міры суть только орудія упражненій въ добрѣ или только средства, черезъ которыя духовно-разумныя существа имѣютъ возможность проявить дѣятельность своей жизни и черезъ эту дѣятельность прогрессировать въ своемъ развитіи, идти отъ силы къ силѣ, все улучшаясь, пока не достигнутъ Богоподобія. Очень понятно, что для исполненія этой великой задачи міровданія міры вселенной и не должны имѣть одни и тѣ же жизненныя условія и въ дѣйствительности они ихъ не имѣютъ. Міры вселенной должны имѣть самыя разнообразныя условія, соотвѣтствующія всѣмъ нравственнымъ, духовнымъ и разумнымъ заблужденіямъ и порокамъ, которые будутъ искореняться черезъ жизнь на этихъ мірахъ. Сколько степеней разныхъ заблужденій, пороковъ, грѣховъ и, вообще, злыхъ качествъ и свойствъ со всѣми ихъ оттѣнками, столько должно быть и міровъ. Кромѣ того, должны же быть міры для укорененія и развитія добродѣтелей и, вообще, всѣхъ хорошихъ качествъ. Поэтому, можно же себѣ представить, какое требуется разнообразіе въ строеніи міровъ, а, слѣдовательно, и въ родѣ и видѣ матеріи, составляющей ее.

Разнообразіе жизненныхъ условій во вселенной можетъ считаться въ полномъ смыслѣ безконечно, какъ безконечна Предвѣчная Премудрость Божія, ведущая всѣхъ и вся къ совершенству и не дающая никому ни одной минуты лишняго испытанія, лишняго горя, лишнихъ страданій, что непремѣнно бы случалось, если бы во вселенной не было достаточнаго количества міровъ и не всѣ оттѣнки качествъ существъ имѣли бы соотвѣтствующія условія жизни.

Всякое духовное разумное существо имѣетъ тѣло, соотвѣтствующее своему развитію, и планету, соотвѣтствующую этому тѣлу, и условія для такой жизни на этой планетѣ, при которой оно могло бы лучшимъ и кратчайшимъ путемъ слѣдовать къ своему самоусовершенствованію. Болѣе грубыя, не-

Digitized by Google

развитыя существа имѣютъ и тѣло грубое, тяжелое, не послушное ихъ волѣ — какъ они сами не отзывчивы къ добру; склонное къ болѣзнямъ—какъ они сами порочны; и совершенно такую же планету съ жесткой жизнью, съ суровымъ климатомъ, измѣнчивыми и непостоянными погодами — такими же точно, какъ суровъ ихъ характеръ, какъ убѣжденія ихъ основаны на капризахъ и на дурныхъ привычкахъ, не имѣющихъ также постоянства.

Существа чистыя, приближающіяся къ идеалу чистоты и совершенства, имѣютъ и тѣла идеальной легкости, тонкости, способныя выполнять малѣйшее желаніе ихъ, всякую мысль, всякое доброе стремленіе, охватывающія иногда всю вселенную и всѣ міры; эгоизма въ этихъ существахъ нѣтъ и личное чувство доведено до минимума; ихъ интересуетъ судьба всѣхъ существъ, живутъ они для другихъ, любятъ все созданное Богомъ. Поэтому, чтобы отвѣчать этимъ качествамъ, ихъ тѣло должно быть удобоподвижно и переносить ихъ со скоростью мысли съ одного края вселенной на другой, туда, куда влекутъ ихъ благія мысли, направленныя къ исполненію Божественныхъ предначертаній. Планета, на которой они живутъ, должна соотвѣтствовать тѣмъ же условіямъ. Не можетъ Богъ помѣстить эти существа на планету, гдѣ живутъ грубыя души, ибо она стѣсняла бы проявленія и дѣятельность ихъ близкой къ святости души и не давала бы имъ возвышаться, еще болѣе совершенствоваться въ своихъ и такъ уже высокихъ качествахъ.

Непонятна намъ жизнь существъ въ тѣлахъ, разрѣженныхъ матеріей до состоянія бо̀льшаго, чѣмъ мы рисуемъ себѣ эфиръ или нашу мысль, однако, еще непонятнѣе возможность жизни чистыхъ существъ въ столь грубомъ матеріальномъ тѣлѣ, въ столь трудной жизненной обстановкѣ, въ которой мы живемъ. Эта обстановка подчасъ бываетъ невыносима и намъ, эгоистичнымъ людямъ, занятымъ собой, своею личностью, своими дѣлами, и то многіе съ восторгомъ сбросили бы съ себя это ярмо, это грубое тѣло и перенеслись бы на первый разъ хотя бы на луну; что же долженъ чувствовать и ощущать духъ чистый, чуткій и возвышенный и живущій меньше всего для себя?

Не Самъ ли Богъ сказалъ: „гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ“. Значитъ, когда мы только удостоимся того, то будемъ жить съ Нимъ вмѣстѣ, въ той именно обители, гдѣ Онъ пребываетъ на Престолѣ Славы, въ тѣхъ же условіяхъ, въ той же обстановкѣ, въ такомъ же тѣлѣ. Чтобы жить тамъ,

Digitized by Google

гдѣ живетъ Самъ Богъ, мы должны имѣть и качества, приближающія насъ къ Нему, т. е. очищены отъ всего грубаго, порочнаго, отъ всякихъ матеріальныхъ и личныхъ привязанностей и получить навыкъ къ высшимъ духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ, о которыхъ мы въ настояще время и понятія не имѣемъ.

До такого высокаго совершенства нѣтъ возможности дойти сразу, т. е. прямо изъ нашей матеріальной земли вступить въ обитель Бога и быть Ему подобными. Думать, что это возможно, значитъ обладать непозволительнымъ самомнѣніемъ, значитъ не сознавать всего своего грубаго и невѣжественнаго положенія между существами вообще и въ особенности передъ святыми душами. Если бы намъ въ настоящее время даже и предложили переселиться въ обитель чистыхъ существъ, мы должны были бы сознаться, что не поняли бы ихъ блаженнаго счастья и должны были отказаться отъ него. Намъ нужно еще пройти безконечный рядъ жизней все въ лучшихъ и лучшихъ условіяхъ, изучить всѣ эти посредствующія жизни, пережить и перечувствовать горе на нихъ и сдѣлаться развитѣе и лучше. Мы можемъ только постепенно приближаться къ Богу; мы должны много работать надъ своимъ самоулучшеніемъ, и каждый новый шагъ нашего повышенія, каждый новый открывающійся намъ кругозоръ будетъ для насъ бо́льшей, болѣе понятной и болѣе отрадной наградой за праведно прожитую жизнь, чѣмъ незаслуженный скачекъ съ грязной земли на чистыя небеса.

По мѣрѣ нашего самоусовершенствованія и тѣла наши будутъ все менѣе стѣснять насъ и легче выполнять нашу улучшающуюся и крѣпнущую волю и давать болѣе простора нашей благой и доброй дѣятельности, сообразно съ этимъ будутъ улучшаться и условія вселенной жизни.

Итакъ, условія жизни и строеніе каждой планеты должны быть разныя и думать, что на планетахъ нѣтъ жизни потому только, что нѣтъ условій, подходящихъ къ жизни на землѣ, значитъ думать, что творчество Божіе ограничивается человѣческимъ пониманіемъ природы вещей, что—абсурдъ, ибо не можетъ человѣкъ, ограниченное созданіе, понять жизнь на другихъ планетахъ, при другихъ условіяхъ, но это еще не значитъ, чтобы ея не было. Нашъ здравый смыслъ и логика должны подсказывать намъ необходимость существованія во вселенной существъ всевозможныхъ развитій отъ самыхъ примитивныхъ и невѣжественныхъ до самыхъ чистыхъ и Богоподобныхъ; если есть существа, то должны они имѣть и

Digitized by Google

соотвѣтствующее мѣсто во вселенной, иначе мы никогда не поймемъ идеи великой благости Божіей, ведущей весь міръ къ блаженству.

Однако, какъ ни разнообразны всѣ эти планеты, какъ ни разнообразны ихъ жизненныя условія, все же онѣ имѣютъ много схожаго между собой. Разнообразіе планетъ зависитъ отъ разнообразія несовершенствъ существъ, обитающихъ на этихъ планетахъ, но вѣдь всѣ эти несовершенства должны быть изглажены, выправлены и должны дать мѣсто одному общему Совершенству, къ которому стремятся всѣ существа вселенной и этотъ идеалъ совершенства—въ Богѣ, Творцѣ вселенной. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что весь нравственный законъ на всей вселенной долженъ быть одинаковъ, ибо цѣль стремленій всѣхъ существъ одна и та же. Мы всѣ съ разныхъ сторонъ приближаемся къ одному и тому же свѣту истины; чѣмъ мы дальше отъ свѣта, тѣмъ менѣе освѣщены имъ и потому, тѣмъ виднѣе на насъ наша собственная окраска, но, по мѣрѣ приближенія къ источнику свѣта, всѣ окраски меркнутъ, сливаются и поглощаются общимъ сильнѣйшимъ свѣтомъ—свѣтомъ Божественнаго озаренія.

Кромѣ этого *перваго сходства* есть многія другія общія черты между всѣми мірами и жителями этихъ міровъ, на которыя мы въ настоящее время и укажемъ.

Второе сходство. Всѣ видимыя нами звѣзды на небѣ суть центры планетныхъ системъ или ихъ солнца. Кругомъ каждаго изъ этихъ центровъ вращаются матеріальные міры разныхъ плотностей или видовъ матеріальности. Большинство этихъ планетъ заселены людьми, но на самихъ солнцахъ ни на одной системѣ не живутъ люди.

Третье сходство. Хотя есть солнечныя системы, значительно разнящіяся отъ нашей какъ по внѣшнему виду, такъ и по условіямъ жизни, есть системы съ нѣсколькими солнцами, есть системы съ другимъ цвѣтомъ своихъ солнцъ и т. д., однако, матеріальныхъ планетъ, окружающихъ эти солнца, всегда значительно больше, чѣмъ самихъ солнцъ, и вездѣ матерія, изъ которой состоятъ планеты, имѣетъ самыя разнообразныя плотности.

Четвертое сходство. Спутники планетъ не обитаемы духовно-разумными существами. О нихъ можно сказать, что они суть вещественныя напоминанія людямъ о великой къ нимъ милости Божіей и должны бы были вызывать совсѣмъ другія чувства въ людяхъ, чѣмъ они въ настояще время вызываютъ.

Digitized by Google

Наивысшее доказательство либви къ грѣшному человѣчеству явилъ Господь Іисусъ Христосъ Своимъ воплощеніемъ въ тѣло человѣка. Надо имѣть безконечную Божественную любовь, чтобы пожертвовать Собой и Самому Богу изъ блаженнаго Своего царства, изъ Святой Святыхъ спуститься на землю, родиться на землѣ, прожить всю жизнь въ грубомъ, тяжеломъ и чрезвычайно тупомъ тѣлѣ человѣка, не бывъ понятымъ людьми и умереть на крестѣ, молясь Богу за Своихъ истязателей, говоря: „Прости имъ, Господи, не знаютъ бо, что творятъ". На такую жертву способенъ лишь одинъ Богъ, безконечно любящій Свои творенія.

Іисусъ Христосъ Своимъ явленіемъ на землю побѣдилъ все зло міра, уничтожилъ неограниченную власть Денницы надъ людьми, измѣнилъ всѣ отношенія человѣка къ своей земной жизни и вывелъ всѣхъ умершихъ до Него изъ ада, въ которомъ они находились. Онъ составилъ новую эру въ нравственной и духовной жизни земли, и земля съ Его пребыванія на ней можетъ себя считать обновленною.

До явленія Іисуса Христа на землю всѣ умирающіе люди отправлялись въ адъ. Несомнѣнно, что ветхозавѣтные праведники не могли мучиться въ аду, ибо не имѣли въ томъ причины. Напротивъ, они могли бы быть счастливы и блаженны, если бы не были подъ властью злой силы, съ которой вели постоянно личную борьбу, око за око, зубъ за зубъ. Въ этой борьбѣ они всегда оказывались безсильны, ибо никто изъ нихъ не умѣлъ и не могъ преодолѣть злой силы. Находясь подъ постояннымъ гнетомъ злой силы и питая внутри себя весьма опредѣленую ненависть къ Денницѣ и его слугамъ, никто изъ нихъ и не былъ счастливъ, ибо все состояніе ихъ было отравлено злымъ, въ нихъ находящимся, чувствомъ, а потому блаженная, покойная или райская жизнь, при уравновѣшенной гармоничности чувствъ, не могла быть имъ знакома.

Только тогда, когда весь міръ земной, и адъ, и небо, увидали, что Христосъ Спаситель, пребывая на землѣ въ человѣческомъ тѣлѣ, былъ истязуемъ и бичуемъ всей вражьей силой съ самимъ Денницей во главѣ, который отомщалъ всѣ свои неудачи на Немъ и изливалъ всю свою злость черезъ римское воинство; только тогда, когда весь міръ увидалъ, что перенесъ Онъ все это, не проявивъ даже тѣни злости или ненависти, но перенесъ совершенно такъ же, какъ переноситъ любящая мать обиды больного и капризнаго ребенка, съ чувствомъ полнѣйшаго сожалѣнія и безконечной нѣжной любви,—

Digitized by Google

то весь міръ понялъ, что Денница былъ покоренъ этимъ смиреніемъ, этой добротой къ нему, этой нѣжной и безконечной Божественной любовью и Его святой молитвой за Своихъ истязателей. Примѣръ Христа Спасителя повліялъ на всѣхъ; весь адъ, наполненный ветхозавѣтными грѣшниками, по примѣру Христа Спасителя, простилъ Денницѣ и всей его злой силѣ ихъ грѣхи. Всѣ поняли, что зломъ и силой нельзя покорять зло, но что оно легко покоряется добромъ, любовью и молитвой о томъ, чтобы Богъ простилъ его. Поэтому, всякій сталъ молиться за злую силу, всякій освободилъ свою душу отъ злого чувства ненависти, гнетущаго его и замѣнилъ его теплымъ чувствомъ участія и сожалѣнія къ злой, но несчастной силѣ. Это измѣненіе отношенія каждаго къ злой силѣ измѣнило все внутреннее состояніе души каждаго, всѣ перешли отъ ненависти къ любви и жалости, черезъ что всѣ были выведены, освобождены отъ ада и благословлены своимъ Святѣйшимъ Избавителемъ на жизнь въ покоѣ и блаженствѣ.

Содрогнулся Денница той массѣ добра, которое онъ нехотя внесъ въ міръ. Совсѣмъ уничтоженный, удалился онъ за предѣлы вселенной, ибо куда бы онъ ни показывался, всѣ молились за него и своимъ появленіемъ онъ сталъ только увеличивать въ людяхъ добро и благоговѣніе къ Богу. Всеобщая молитва за зло, всеобщее прощеніе отдавали его на Судъ Божій и предвѣщали паденіе Денницы и всей его власти и силы.

Христосъ, живя въ тѣлѣ человѣка, побѣдивъ все зло міра своей любовью и смиреніемъ, тѣмъ самымъ указалъ и намъ, что каждый изъ насъ можетъ дѣлать то же самое, а если можетъ, то и долженъ. Онъ побѣдилъ злую силу, Одинъ, Своимъ собственнымъ смиреніемъ и любовью, а намъ облегчилъ эту задачу, ибо сказалъ, что мы будемъ побѣждать съ Его святою помощью, для чего даровалъ свою особую благодать людямъ, живущимъ на землѣ, далъ имъ таинства, невидимо связывающія съ Нимъ Самимъ и далъ имъ право Его именемъ властвовать надъ зломъ и покорять его такъ же, какъ и Онъ покорилъ его.

По примѣру Христа, должны и мы молиться за своихъ несчастныхъ братьевъ, которые своимъ зломъ помогаютъ намъ очищать свой духъ. Мы должны сожалѣть и любить ихъ и не должны забывать, что они гораздо несчастнѣе насъ, что они страдаютъ гораздо больше, чѣмъ страдаемъ мы и что Господь Богъ любитъ ихъ такъ же безконечно, какъ любитъ

Digitized by Google

всѣхъ и любитъ ихъ больше, какъ всякая мать любитъ больше тѣхъ дѣтей, которыя доставили ей больше мученія и страданія.

Кто сумѣетъ выработать въ себѣ больше чувства любви и жалости къ Денницѣ и ко всѣмъ несчастнымъ падшимъ существамъ, тому будетъ легче бороться съ ними и тому не могутъ они сдѣлать вреда, ибо они знаютъ, что этотъ вредъ послужитъ только увеличенію славы Божіей.

Такова услуга, оказанная Самимъ Богомъ человѣчеству, и мы, темное и наблагодарное человѣчество, до сего времени утопая въ своихъ земныхъ привязанностяхъ, относимся равнодушно къ явленію Бога среди насъ и съ самоувѣренной гордостью къ своимъ знаніямъ раскидываемъ умишкомъ своимъ, въ какого намъ Бога вѣровать: въ научнаго, теософскаго, спиритическаго или христіанскаго, а пока эти вопросы еще не рѣшены, мы предпочитаемъ бродить въ невѣжествѣ.

Не такъ относится духовный міръ къ явленію Спасителя на Землѣ или вообще на какую-либо планету для просвѣщенія людей въ истинѣ. Самъ Богъ отмѣчаетъ эти божественныя явленія особой славой и оставляетъ видимый для всѣхъ слѣдъ, какъ вѣчное напоминаніе существамъ, что Богъ съ ними.

Сколько разъ являлъ себя Господь Іисусъ Христосъ на какой нибудь планетѣ, столько спутниковъ она имѣетъ. На Нептунѣ былъ Христосъ 2 раза, на Ураиѣ 6 разъ, на Сатурнѣ 8 разъ, на Юпитерѣ 5 разъ, на Марсѣ 2 раза. Наши телескопы не открываютъ спутниковъ Марса, ибо они темны и отстоятъ далеко отъ планеты, но они есть; на Землѣ Іисусъ Христосъ былъ 1 разъ, на Венерѣ Онъ еще ни разу не былъ.

На всѣхъ планетахъ солнечной системы Христосъ былъ Однимъ Духомъ Своимъ или въ прославленномъ тѣлѣ, т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ Онъ являлъ Себя апостоламъ послѣ Своего воскресенія. Первая планета, на которой Онъ жилъ въ человѣческомъ грубомъ и тяжеломъ тѣлѣ со всѣми качествами человѣка, есть Земля. Поэтому эта Земля Ему дороже всѣхъ остальныхъ планетъ; на ней именно и побѣдилъ Онъ Денницу, но никто не относится къ Нему съ меньшей любовью и большей неблагодарностью какъ мы, жители Земли.

Передъ явленіемъ Своимъ на какую-нибудь планету, Іисусъ Христосъ снисходитъ изъ Своей Святой Обители и на одномъ изъ спутниковъ этой планеты пребываетъ нѣкоторое время, готовясь явить Себя міру людей. На Лунѣ пребывалъ Христосъ Духомъ Своимъ съ самаго момента зачатія Пресвятой присно Дѣвы Маріи до момента Своего

Digitized by Google

рожденія. Онъ все время молилъ Бога и Отца Своего о людяхъ и готовился къ ихъ искупленію, и потому мѣсто это будетъ свято во вѣки, какъ временная обитель Его и никто не удостоивается жить на ней. Злые духи, скитаясь безъ пристанища по всей вселенной, охотно основали бы на Лунѣ свои временные притоны и сборища, но къ мѣсту, служившему нѣкогда обителью Богу, они не смѣютъ приблизиться и даже больше, они не смѣютъ смотрѣть на нее.

Пятое сходство. Мы видимъ огромное сходство въ строеніи или въ формѣ тѣла между всѣми духовно-разумными существами во всей вселенной, не исключая и духовно-разумныхъ существъ духовнаго міра.

Доходя умозрительнымъ путемъ до возможности жизни на планетахъ, почему то всегда, какъ мы уже сказали выше, люди отвергаютъ жизнь на планетахъ только потому, что не находятъ на нихъ тѣхъ жизненныхъ условій, какія есть на Землѣ и, какъ мы видѣли выше, жестоко ошибаются, ибо жизнь на всѣхъ планетахъ должна быть разная. Относительно же формы тѣла существъ всей вселенной—люди обыкновенно впадаютъ въ діаметрально противуположную ошибку. Они отчего то хотятъ, чтобы форма тѣла существъ на всѣхъ планетахъ была различная, а потому выдумываютъ разныя причудливыя формы тѣла, какія только позволяетъ имъ ихъ игривая фантазія и выдаютъ ихъ за форму тѣла обитателей другихъ планетъ. Но если спросить ихъ, на основаніи чего они такъ дѣлаютъ, то окажется, что это дѣлается ими безъ всякихъ основаній, ибо никто никогда не видалъ подобныхъ формъ тѣла духовно-разумныхъ существъ и это не болѣе, какъ вымыселъ.

Существъ изъ загробнаго міра и, вообще, изъ всѣхъ краевъ вселенной видѣла не одна тысяча человѣкъ и ежедневно въ настоящее время случаются подобные факты. Поэтому форма тѣла духовно-разумныхъ существъ, какъ находящихся въ загробномъ земномъ мірѣ, такъ на другихъ планетахъ, или въ духовномъ мірѣ можетъ быть совершенно точно описана. Никогда и никто не видалъ ни одного духовно-разумнаго существа, съ какого бы то ни было уголка вселенной и какимъ бы оно не обладало развитіемъ, иначе, какъ въ видѣ человѣка, т. е. съ тѣмъ же самымъ видомъ тѣла, въ которомъ живемъ и мы. Видъ этотъ можетъ измѣняться во многомъ: онъ можетъ быть отвратительнѣе или красивѣе, тоньше и изящнѣе нашего или безобразный, или грубый; больше нашего или меньше; онъ можетъ быть вялымъ, выразительнымъ, энергичнымъ, совсѣмъ чернымъ или свѣтлымъ, блестящимъ или лучезарнымъ

Digitized by Google

и огненнымъ, полнымъ силы и мощи, но въ общемъ, видъ всѣхъ существъ всегда одинъ и тотъ же — всѣ ходятъ на двухъ ногахъ, всѣ держатся въ отвѣсномъ положеніи, у всѣхъ есть руки, ноги, голова и все прочее, какъ у человѣка Земли.

Никто никогда не видалъ людей, сошедшихъ во гробъ и являющихся живымъ людямъ, иначе, какъ въ томъ же видѣ, въ которомъ они похоронены, въ томъ же одѣяніи, въ томъ же тѣлѣ, однимъ словомъ, совершенно въ ихъ земномъ видѣ. За гробомъ нѣтъ возраста и нѣтъ уродовъ, ибо это принадлежность только земной жизни; въ томъ царствѣ, гдѣ нѣтъ времени, не можетъ быть и возраста. Поэтому умершіе ребенкомъ могутъ появляться взрослыми, старики являются не хилыми и дряхлыми, но бодрыми и помолодѣлыми, горбатые безъ горба, безногіе съ ногами, но тѣло ихъ всегда имѣетъ форму человѣческаго тѣла. Есть еще особенность, замѣченная не разъ: если человѣкъ, напримѣръ, утонулъ, купаясь или вообще, сошелъ за гробъ безъ одежды, то въ этомъ видѣ онъ никогда не явится живущимъ на землѣ, но въ этихъ случаяхъ онъ является въ бѣлой сорочкѣ до пятъ и съ поясомъ.

Всѣ небесныя силы, когда желаютъ быть видимы людямъ, живущимъ на землѣ, или умершимъ, т. е. живущимъ въ своемъ невѣсомомъ тѣлѣ, появляются всегда въ человѣческомъ видѣ. Никто не видалъ Ангела-Хранителя иначе, какъ несказанно красивымъ юношей съ Божественнымъ выраженіемъ лица, необыкновенно легкаго и изящнаго сложенія, въ бѣлоснѣжной, тончайшей ткани сорочкѣ, съ поясомъ или безъ пояса, но всегда съ крыльями за плечами. Ангелы и Архангелы всегда являлись почти въ такомъ же видѣ, но болѣе возмужалыми, съ выраженіемъ небесной безконечной доброты во взорѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ выраженіемъ непреклонной воли; они всегда облечены въ сорочки бѣлаго или золотистаго, какъ лучъ, цвѣта, иногда съ поясомъ, иногда безъ пояса, съ необутыми ногами, съ непокрытой головой и съ крыльями за плечами. Самыя бѣлыя земныя ткани не могутъ дать понятія о бѣлизнѣ бѣлыхъ небесныхъ тканей, въ которыя облечены Ангелы, Ангелы-Хранители и Архангелы. Бѣлизна снѣга, ярко освѣщеннаго солнцемъ и рѣжущая намъ глаза, ближе подходитъ къ цвѣту небесной ткани, но она глазъ не рѣжетъ, но ласкаетъ нашъ взоръ, она нѣжна, поражаетъ насъ своею нѣжностью, однимъ словомъ, она ярко бѣлаго небеснаго цвѣта. То же самое нужно сказать и о тонкости небесныхъ тканей; тончайшій батистъ гораздо грубѣе ихъ, но небесныя ткани не просвѣчиваютъ нисколько.

Digitized by Google

Святые являли людямъ свое присутствіе всегда въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, окутывающихъ ихъ, и всегда съ непокрытыми головами и необутыми ногами. Крылья имѣютъ одни только небесныя силы и Ангелы-Хранители — святые ихъ не имѣютъ.

Когда святые люди сподоблялись видѣть Пресвятую Дѣву Марію, то Она представала передъ ними не иначе, какъ облеченная длиннымъ покровомъ, ниспадающимъ съ головы до ногъ.

Самъ Богъ являлъ Свое присутствіе святымъ пророкамъ въ образѣ человѣка, безконечно отличнаго отъ насъ, окруженнаго шестикрылыми серафимами такой яркой лучезарности и силы своихъ высокихъ качествъ, что пророки не были въ состояніи смотрѣть на нихъ.

Какое право имѣли бы мы не вѣрить словамъ Самого Бога, сказавшаго при сотвореніи человѣка: „Сотворимъ человѣка по образу Нашему". Слова эти указываютъ намъ прямо, безъ всякихъ иносказаній, что видъ земного человѣка имѣетъ образъ Божій такой же, какой у всѣхъ духовно-разумныхъ существъ вселенной и не дѣлаетъ никакихъ исключеній; онъ тотъ же, въ какомъ являлъ Себя Самъ Богъ съ высоты Своего Престола, тотъ же, въ какомъ являлъ Себя Апостоламъ Господь Іисусъ Христосъ послѣ Своего воскресенія, тотъ же, въ какомъ являли себя пророки Илія и Моисей въ Преображеніи. Этотъ самый видъ имѣютъ всѣ люди вселенной, но лишь съ тѣми оттѣнками и отпечатками, которые кладутъ на нихъ нравственное и духовное ихъ совершенство или порочность и степень паденія.

Богъ сохранилъ даже тотъ же наружный видъ и у злыхъ духовъ, но съ ужасающимъ и страшнымъ клеймомъ. Они черны, какъ перегорѣлые уголья и въ высшей степени антипатичны. Денница облеченъ въ черную рубашку и обернутъ мантіей, съ непокрытой головой и необутыми ногами. Всѣ отпавшія силы небесныя и ангелы облечены также въ черныя рубашки, но мантій на нихъ нѣтъ. Крылья у всѣхъ ихъ отнялъ Господь Богъ, ихъ могутъ носить только слуги Божіи, а не адепты чернаго царя.

Всѣ грѣшныя существа, попавшія въ черное царство Денницы изъ планетнаго міра, сохранили свои бѣлыя одѣянія. Но одежды эти грубы, загрязнены и у большинства изодраны, такъ что рѣшительно не похожи на тѣ бѣлыя одѣянія, которыми владѣли прежде. Весь видъ ихъ крайне безобразенъ, грубъ, дерзокъ, золъ, нахаленъ и на насъ произвелъ бы ужа-

Digitized by Google

сающее впечатлѣніе, если бы они являлись когда-нибудь въ своемъ истинномъ видѣ. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ они принуждены принимать чей-либо чужой образъ, если желаютъ лично искушать человѣка. Въ этомъ случаѣ они принимаютъ видъ звѣрей, птицъ, гадовъ и даже образъ прелестныхъ женщинъ, и въ этомъ видѣ имъ несравненно легче исполнять свои коварные замыслы.

Распространено мнѣніе между людьми, что всѣ явленія съ такого міра дѣлаются примѣнительно къ понятіямъ человѣка, но что будто бы истинный видъ существъ небеснаго царства не тотъ. Надо быть слишкомъ тщеславнымъ и гордымъ, чтобы думать, что вся вселенная, являясь людямъ, переодѣвается и играетъ съ ними въ нѣкій маскарадъ. Какую надобность имѣли бы святые являться не въ своемъ видѣ и скрывать свой истинный видъ отъ людей. Изъ своего вида они никакого секрета не дѣлаютъ и говорятъ прямо, что у нихъ два вида: одинъ, въ которомъ они пребываютъ въ своихъ святыхъ обителяхъ, это тотъ же самый, въ которомъ они являютъ себя людямъ, и другой — невидимый и непостижимый для всѣхъ существъ, стоящихъ ниже ихъ въ своемъ развитіи.

Живя въ своемъ матеріальномъ тѣлѣ съ самаго рожденія до самой смерти, человѣкъ воображаетъ себѣ, что и всѣ другія существа дѣлаютъ то же самое, что всѣ они одинаково крѣпко прикованы къ своему тѣлу и никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ его покинуть, если, конечно, не умрутъ. Люди совершенно забываютъ, что есть даже между ними созерцатели, которые временно покидаютъ свое тѣло и витаютъ душой по землѣ и по всей вселенной, сохраняютъ въ своей памяти все видѣнное и слышанное ими и затѣмъ входятъ обратно въ свое тѣло. Каждый человѣкъ каждую ночь дѣлаетъ то же самое, что и эти созерцатели. Когда тѣло наше безмятежно покоится во снѣ, то душа свободная, какъ всякій духъ, витаетъ безпрепятственно въ областяхъ заоблачныхъ. Вся разница лишь въ томъ, что созерцатели помнятъ свои ночныя путешествія и главнымъ образомъ, все ихъ искусство и заключается лишь въ томъ, что они способны удерживать въ бодрственной памяти впечатлѣнія ночи. Отъ насъ же Богъ отнялъ эту способность, и мы ничего не помнимъ о нашихъ ночныхъ путешествіяхъ; но, сойдя за гробъ, мы увидимъ всѣ знакомыя мѣста, которыя посѣщали еженощно, увидимъ тѣхъ же умершихъ, пріятелей съ которыми еженощно говорили и совѣтывались и будемъ крайне удивлены, когда узнаемъ, что

Digitized by Google

жизнь въ матеріальномъ тѣлѣ не мѣшала намъ не разрывать связи съ духовнымъ міромъ. Если бы память ночныхъ скитаній нашихъ не была бы отнята Богомъ, то стоило бы только намъ заснуть, чтобы уже созерцать духовный и другіе міры вселенной. Такъ, по крайней мѣрѣ, и у насъ на землѣ дѣлаютъ и теперь факиры, брамины, ламайцы и малайскіе созерцатели, такъ заставляемъ и мы разсказывать сонамбулъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онѣ извлекаютъ изъ духовнаго міра.

Дѣло въ томъ, что всѣ существа, достигшія извѣстной степени совершенства, имѣютъ два тѣла: одно, видимое всѣми, другое—невидимое для всѣхъ существъ, стоящихъ ниже ихъ развитіемъ. Они по произволу могутъ принимать и то, и другое тѣло. Для существъ же, стоящихъ выше ихъ совершенствомъ своей святости, оба тѣла одинаково видны и отъ нихъ они не имѣютъ возможности скрыться. Исключенія изъ этого дѣлаютъ только тѣ существа низшихъ планетъ, которыя при появленія на свѣтъ должны перейти черезъ актъ рожденія отъ подобнаго имъ существа. Отъ этихъ грубо матеріальныхъ существъ, къ какимъ принадлежимъ и мы, грѣшные люди Земли, сокрыты всѣ существа всѣхъ міровъ и тѣ, которыя грубѣе насъ и тѣ, которыя болѣе эфирны, чѣмъ мы. Мы имѣемъ возможность видѣть только то, что состоитъ изъ нашей матеріи. Если же люди Земли и видятъ иногда людей изъ загробнаго міра или жителей небесъ, то видятъ ихъ не иначе, какъ каждый разъ съ соизволенія на то Божія и только въ ихъ видимыхъ тѣлахъ.

Какими именно видятъ высшія существа низшихъ въ ихъ невидимомъ тѣлѣ—никто разсказать человѣку не можетъ, ибо у него нѣтъ ни чувствъ соотвѣтствующихъ, ни словъ въ лексиконѣ. Можно сказать только одно, что обликъ человѣческій остается и въ немъ, но обликъ этотъ служитъ только канвой, по которой распредѣляютъ всѣ качества и способности существа, всѣ его старанія, всѣ намѣренія и каждый совершенный имъ поступокъ можетъ быть проченъ на немъ. Высшій духъ, видя низшаго, видитъ по первому взгляду всю исторію прожитой имъ жизни, какіе пороки ухудшали его, какія добродѣтели возвышали. Однимъ словомъ, самый видъ существа есть раскрытая книга судебъ, по которой проницательный взоръ высшихъ небесныхъ силъ читаетъ все прошлое, все настоящее и все будущее.

Шестое сходство есть условія и обстановка жизни всѣхъ духовно-разумныхъ существъ вселенной, не исключая и обитателей планетъ небесныхъ силъ.

Digitized by Google

Очевидцы рая и всѣ тайнозрители, сподоблявшіеся когда-либо видѣть обители блаженныхъ существъ, сообщаютъ о необыкновенныхъ и совершенно не поддающихся никакому описанію на человѣческомъ языкѣ красотахъ ихъ. Они говорятъ, что находясь въ сферахъ жизни матеріи высшихъ разрѣженій, они встрѣчали массу знакомыхъ имъ предметовъ, подобныхъ тѣмъ, которые составляютъ обстановку и нашей земной жизни, но что всѣ эти предметы невыразимо лучше и изящнѣе. Они сообщаютъ, что сами чувствовали себя почти такъ же, какъ на землѣ, т. е. ощущали свое тѣло, сознавали, что они ходятъ по почвѣ, окружены реальной матеріальной средой, могли даже осязать видѣнные ими предметы, совершенно такъ же, какъ и на Землѣ. Они видѣли въ раю сады ни съ чѣмъ несравнимой красоты, съ обильной и самой великолѣпной растительностью; деревья, покрытыя цвѣтами и плодами; видѣли роскошнѣйшихъ птицъ, поющихъ на деревьяхъ; чудеснѣйшія дорожки, раздѣланныя между цвѣтниками, въ которыхъ обиліе, разнообразіе и красота цвѣтовъ превосходитъ все, что можетъ себѣ представить самое пылкое человѣческое воображеніе; они видѣли рѣку, протекающую посреди рая; видѣли великолѣпнѣйшія бесѣдки, дома, дворцы, башни и всевозможныя самыя дивныя сооруженія; видѣли счастливыхъ существъ, обитающихъ въ раю въ видѣ людей; видѣли ихъ собранія ихъ школы и присутствовали даже на проповѣдяхъ и поученіяхъ, производящихся при многочисленнѣйшемъ стеченіи народа, особыми проповѣдниками изъ еще болѣе возвышенныхъ существъ, въ особыхъ Божіихъ домахъ, (какъ ихъ называютъ блаженныя существа), великолѣпіе которыхъ превосходитъ всѣ остальныя ихъ сооруженія.

Подобное описаніе жизни существъ въ блаженныхъ сферахъ возбуждаетъ постоянно недовѣріе въ людяхъ. Они почему то непремѣнно хотятъ, чтобы жизнь небожителей ни въ чемъ не походила на нашу земную.

— Не могутъ счастливые обитатели рая, говорятъ обыкновенно скептики, жить такъ, какъ живемъ мы. Ихъ жизнь ни въ чемъ не можетъ быть подобна нашей.

— Почему же такъ? Какъ рисуете вы въ своемъ воображеніи ихъ жизнь?

— Это не дано намъ знать; во всякомъ случаѣ, они существа духовныя и жизнь ихъ должна быть чисто отвлеченной.

— Но какъ представляете вы себѣ эту отвлеченную жизнь? Развѣ можетъ быть жизнь отвлеченная? Всегда можно описать жизнь существа, ибо для него самого его собственная

Digitized by Google

жизнь должна непремѣнно быть реальна и дѣйствительна. Оно живетъ и дѣйствуетъ; оба эти акта вполнѣ реальны и нельзя себѣ представить, чтобы существо могло жить отвлеченной жизнью—въ пространствѣ и въ небытіи;—это не была бы жизнь.

— Ничего не знаю, но не можетъ духъ жить такъ, какъ живетъ человѣкъ.

И нѣтъ возможности внушить людямъ, что нѣтъ рѣзкой грани, отдѣляющей жизнь однихъ людей отъ другихъ, какъ нѣтъ рѣзкой грани между добромъ и зломъ, и что слова: „духъ“ и „человѣкъ“ въ этомъ случаѣ употреблены неправильно, вмѣсто словъ; „видимые“ нами и „не видимые“ люди.

Намъ, людямъ земли, дѣйствительно не дано видѣть и ощущать загробный міръ; но вѣдь это до той лишь поры, пока мы находимся въ нашей грубо матеріальной оболочкѣ. Но тайнозрители, чтобы имѣть возможность посѣтить загробный міръ и обители блаженныхъ существъ, покидали свое матеріальное тѣло на землѣ и посѣщали его одной душой своей, облеченной въ астральную оболочку, которая имѣетъ всѣ свойства, качества и способности высшихъ сферъ жизни; они ясно и точно приносятъ намъ описаніе жизни небожителей.

Говоря, что жизнь на высшихъ сферахъ жизни должна быть духовна и отвлеченна, люди рѣшительно не уясняютъ себѣ, что говорятъ, ибо въ каждомъ существѣ духовна лишь одна душа его; она одна въ человѣкѣ есть чистая отвлеченность. Но эта чистая отвлеченность одна немыслима, и какъ бы она ни была чиста и свята, она всегда облечена въ матеріальную оболочку. Она можетъ быть разрѣжена до безконечности, но все же она матеріальна.

Мы привыкли къ своему грубому тѣлу и называемъ всѣ тѣла болѣе легкія и невидимыя намъ—духомъ. Но правильно ли это? Наше земное тѣло вѣситъ 4 пуда, такое же точно тѣло у жителя Марса вѣситъ 25 фунтовъ, у жителя Юпитера 12 фунтовъ, на Сатурнѣ $1^1/_2$ фунта, на Ураннѣ 5 золотниковъ, на Нептунѣ 2 золотника. Но эта легкость тѣлъ не даетъ намъ право называть ихъ духовными тѣлами, ибо, во 1-хъ, эти тѣла обладаютъ всѣми качествами и свойствами матеріи и не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя мы приписывали духу или чистой отвлеченности; а, во 2-хъ, жители Нептуна чувствуютъ, сознаютъ и ощущаютъ свое тѣло совершенно такъ же, какъ чувствуемъ, сознаемъ и ощущаемъ мы свое тѣло; живутъ они въ средѣ во всемъ соотвѣтствующей разрѣженности ихъ тѣла, а слѣдовательно производящей на

Digitized by Google

нихъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ и наша земная среда производитъ на насъ, ибо соотношеніе матерій одинаково. Несомнѣнно, что житель Нептуна чувствуетъ оболочку своего тѣла много легче, чѣмъ мы ее чувствуемъ; она меньше стѣсняетъ и удручаетъ его; онъ находится въ меньшей зависимости отъ нее, но все это не составляетъ еще причины исключать эту матерію изъ числа матерій и называть ее духомъ. Положимъ, что дѣйствительно воображенію нашему трудно представить такую большую разрѣженность матеріи, ибо тѣло человѣка, сдѣланное изъ нашего воздуха, вѣсило бы уже 30 золотниковъ, а не 2, тѣмъ не менѣе тѣло существъ Нептуна еще не составляетъ предѣла разрѣженности, ибо кометы въ 400 милліоновъ разъ разрѣженнѣе земной матеріи, и тѣло жителя кометы въ 1500 разъ легче, чѣмъ тѣло жителя Нептуна и все же никто и не подумаетъ причислять кометы къ области духовной.

Независимо отъ этого разрѣшенія матеріи, есть еще причина, которая ставитъ обитателей блаженныхъ планетъ въ полную независимость отъ всякой матеріи и окончательно парализуетъ все вліяніе, которое оказываетъ на нихъ тѣло и окружающая ихъ среда—это ихъ святость или духовная сила ихъ чистаго существа. Святые помыслы ихъ, возвышающіеся постояно къ Богу и стремящіеся къ выполненію предначертаній Божіихъ до того сильны, что поглощаютъ всю дѣятельность ихъ. Они до того безраздѣльно увлечены жизнью въ Богѣ, въ правдѣ, въ любви, въ помощи другимъ, что ихъ собственныя ощущенія себя, ихъ личныя потребности и сознанія матеріальности организма, становятся далеко на второй планъ и нисколько не тревожатъ и не озабочиваютъ ихъ.

Наши земные тайнозрители, не обладая столь высокимъ пониманіемъ смысла жизни, могутъ наблюдать однѣ внѣшнія бытовыя проявленія ея и это всегда особенно интересуетъ ихъ, ибо они, пребывая за гробомъ временно, не успѣваютъ отстать отъ своей земной привычки анализировать жизнь съ ея физической и видимой стороны, которая оказывается во многомъ аналогична съ нашей земной; по крайней мѣрѣ, имѣетъ, приблизительно, тѣ же жизненные атрибуты и тотъ же строй.

Иначе и быть не можетъ; все земное должно имѣть свой первообразъ въ небесномъ, и все небесное должно быть несказанно выше, святѣе, премудрѣе, но во многомъ подобно земному. Чтобы сдѣлать человѣка наслѣдникомъ царства небеснаго, необходимо непосредственнымъ рядомъ жизней обу-

Digitized by Google

чать и подготовлять его именно къ той жизни, которая будетъ со временемъ его удѣломъ, а не къ какой-либо другой, которую онъ никогда со временемъ не встрѣтитъ. Не могъ Господь Богъ, въ самомъ дѣлѣ, держаться той же системы образованія, какая практикуется у насъ на землѣ. Только ограниченное человѣчество можетъ, для того, чтобы сдѣлать насъ порядочными людьми, хорошими гражданами и лучше научить добродѣтельной жизни — учить, главнымъ образомъ свою молодежь латыни и греческому языку, т. е. тому именно, что ровно ни на что для жизни не нужно.

Богъ, идеалъ высшей справедливости, не можетъ лишить однихъ существъ того, что далъ другимъ. Вся земля, первоначально представленная Богомъ для жизни человѣка, была сама раемъ, до тѣхъ поръ, пока самъ человѣкъ не извратилъ ее. Она имѣла тотъ же внѣшній видъ, тотъ же смыслъ жизни и то же значеніе для человѣка, какъ и обители святыхъ ангеловъ имѣютъ для нихъ. Не имѣя достаточно духовныхъ силъ, чтобы познать смыслъ жизни, первоначальный человѣкъ остановился на внѣшней формѣ жизни, на себѣ и на удовлетвореніи своихъ порочныхъ привычекъ и животныхъ отправленій, чѣмъ, конечно, извратилъ себя и природу Богомъ дарованнаго рая. Это извращеніе и есть причина того, что земля нынѣ есть мѣсто мученій и страданій, вмѣсто, чтобы быть мѣстомъ блаженства, что непремѣнно должно было быть, если бы человѣкъ не отступался отъ Бога.

Люди ни за что не желаютъ понять, какъ они близки къ раю, загробному міру и Богу и какъ бы они были бы счастливы и блаженны, если бы не жили въ раздѣленіи съ Богомъ и жили согласно съ Его святымъ закономъ. Рѣшительно всякій, кто живетъ во имя Божіе, можетъ воспользоваться благодатью Бога, дающей счастье и покой. Всѣмъ духовно-разумнымъ существамъ далъ Богъ одну и ту же книгу жизни на прочтеніе и на изученіе; виноватъ ли Онъ, что одни поняли ее, а другіе не поняли и не хотятъ понять, и что каждое развитіе понимаетъ эту книгу по-своему.

Пока ребенокъ не развитъ и не умѣетъ читать, онъ вертитъ книгу, какъ мартышка очки, не умѣя рѣшительно ей дать никакого примѣненія, а потому она никакой цѣны въ его глазахъ и не имѣетъ. Выучившись азбукѣ, онъ начинаетъ уже цѣнить красоту шрифта, ему нравится бумага и обертка. Въ большемъ возрастѣ онъ старается найти погрѣшности въ знакахъ препинанія, ищетъ грамматическія ошибки, провѣряетъ всѣ ли буквы „ѣ“ на своихъ мѣстахъ и всѣ ли заглавныя буквы

Digitized by Google

поставлены прописными. Слѣдующее развитіе его позволяетъ ему уже обращать вниманіе на слогъ, восторгаться оборотомъ рѣчи и удачнымъ примѣненіемъ значенія каждаго слова. Но понять премудрѣйшій смыслъ самаго ученія, проводимаго этой книгой, знать, зачѣмъ, почему и для чего она написана, какія будетъ имѣть слѣдствія все это ученіе, можетъ только человѣкъ вполнѣ развитой, созрѣлый и многосторонне ученый. Только онъ пойметъ истинный ея смыслъ и тотъ истинный духъ, который для всѣхъ низшихъ развитій есть тайна и загадка. Достигнуть возможности такого полнаго пониманія смысла Божественной книги жизни, данной Богомъ каждому человѣку, и есть вся основная задача бытія. Тотъ, кто проникнется истиннымъ духомъ Божественнаго ученія, познаетъ и цѣль бытія и всѣ „зачѣмъ“ и „почему“ вселенной, и больше не будетъ цѣнить въ книгѣ шрифтъ, бумагу и обертку.

Увлеченный и восторженный премудростью и глубиной ученія, онъ преисполнится неизреченнымъ благоговѣніемъ къ Виновнику его и съ полной готовностью будетъ слѣдовать за Нимъ, пожертвуетъ и себя и всю свою жизнь на служеніе правдѣ, истинѣ и добру. Несчастный неучъ, смотря на старика, увлеченнаго ученіемъ, скажетъ: „не можетъ быть, чтобы старикъ сошелъ съ ума отъ чтенія этой книги. Онъ вѣроятно читалъ какую-нибудь другую, ибо эту я читалъ и убѣжденъ, что она совсѣмъ глупа; я давно порвалъ ее на части изъ бумаги сдѣлалъ пѣтушковъ—вышли хорошіе“.

Да! и ученый и неучъ, и злой и добрый, и старый и молодой всѣ читаютъ ту же самую Божественную книгу Бытія. Въ текстѣ самой книги нѣтъ никакой разницы; разно лишь то впечатлѣніе, которое она производитъ на каждаго; неодинакова лишь та польза, которую выноситъ каждый изъ прочтенія книги.

Такъ точно далъ и Богъ одну и ту же жизнь всѣмъ существамъ, отъ мала до велика. Всѣ трудятся надъ изученіемъ ея, вся вселенная, но каждый понимаетъ ее по своему. Эта жизнь видоизмѣняется лишь въ формахъ, но не въ сущности ея. Формы видоизмѣняются сообразно тому примѣненію, какое каждый дѣлаетъ изъ книги. Ученый старикъ получилъ ее, напечатанную на тонкой бумагѣ, въ изящной оберткѣ, чтобы ему было легче всегда носить ее при себѣ; другіе, находящіе возможнымъ разставаться съ ней, получили ее на грубой бумагѣ, въ толстомъ переплетѣ; школьники—на пергаментѣ, а злонамѣренный неучъ получилъ книгу, отпечатанную на листахъ изъ котельнаго желѣза, чтобы въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ онъ сдѣлать изъ нея пѣтушковъ. Но слова книги жизни у

Digitized by Google

всѣхъ одинаковы, всѣ изучаютъ рѣшительно одно и то же, всѣмъ даны однѣ и тѣ же средства и обстановка; всѣ матеріи вселенной отъ самой грубой до самой легкой имѣютъ три состоянія! твердое, жидкое и газообразное, всѣ чувствуютъ подъ ногами почву, всѣ пользуются воздухомъ и водой; вездѣ есть царство органическое и неорганическое: камни, животныя и растенія; всѣ духовно-разумныя существа имѣютъ тѣла матеріальныя, въ которыхъ живутъ на своей планетѣ, поучаются добру и совершенствуются; всѣ имѣютъ жилища, постоянное мѣсто своего пребыванія, для уединенія, молитвы и размышленій.

Однимъ словомъ, не обстановка жизни, не строй ея отличаетъ высшихъ существъ отъ низшихъ, но ихъ міровоззрѣніе, ихъ собственное совершенство, ихъ внутренніе взгляды на жизнь и ихъ любовь къ Богу и всего сотвореннаго Имъ. Самая же жизнь дана всѣмъ одинаковая и всѣ, изучивъ ту же самую жизнь, должны быть готовы наслѣдовать обитель Отца ихъ Небеснаго, ожидающаго ихъ, и зовущаго ихъ къ Себѣ.

Седьмое сходство мы замѣчаемъ въ порядкѣ хода развитія существъ. Всѣ духовно-разумныя существа достигаютъ своего совершенства постепенно и мало-по-малу. Всѣ должны сперва очиститься отъ своего зла, всѣ должны пріобрѣтать одно за другимъ свои добрыя качества; всѣ должны сперва укорениться въ нихъ и затѣмъ уже развивать ихъ въ себѣ до самыхъ высшихъ степеней, до самаго Богоподобія. Поэтому и на каждой солнечной системѣ есть планеты, соотвѣтствующія всѣмъ степенямъ развитія существъ: есть планеты испытанія, искупленія грѣховъ, возрожденія добра и блаженныя планеты для развитія добра. Каждое существо начинаетъ съ самыхъ низкихъ планетъ и должно пройти весь этотъ длинный рядъ постепенныхъ улучшеній жизней.

На нашей солнечной системѣ вновь призванныя къ жизни духовно-разумныя существа начинаютъ предназначенный имъ рядъ жизней съ жизни на Венерѣ, затѣмъ живутъ на нашей Землѣ, послѣ чего живутъ послѣдовательно на Марсѣ, на Юпитерѣ, на Сатурнѣ, на Уранѣ и наконецъ на Нептунѣ.

Передъ тѣмъ, чтобы жить на какой нибудь планетѣ въ ея матеріальномъ тѣлѣ, каждое духовно-разумное существо живетъ нѣкоторое время въ невѣсомыхъ астральныхъ сферахъ, окружающихъ каждую изъ этихъ вѣсомыхъ планетъ.

Какъ мы уже сказали выше, каждая матеріальная планета окружена второй матеріальной сферой, состоящей изъ матеріи, болѣе разрѣженной, чѣмъ сама планета. Эта вторая

Digitized by Google

сфера имѣетъ множество намъ невидимыхъ большихъ и малыхъ планетъ, окружающихъ матеріальную планету и каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности жизни, отвѣчающія духовному и нравственному состоянію существъ, обитающихъ на нихъ.

Въ этихъ сферахъ живутъ существа, которыя готовятся вступить въ жизнь на самой планетѣ; они изучаютъ издали условія ихъ жизни и выбираютъ тотъ родъ жизни, который кажется имъ наиболѣе подходящимъ ихъ умственному и нравственному состоянію. На этихъ же сферахъ живутъ существа, умершія на самой планетѣ. Они сводятъ свои счеты съ прожитой ими жизнью до новаго предопредѣленія Бога и отчасти доканчиваютъ на ней то, чего не успѣли по своей оплошности окончить во время жизни ихъ на планетѣ. Болѣе подробно объ этомъ будетъ сказано ниже.

Digitized by Google

Глава VII.

Жизнь на Венерѣ.

Всѣ духовно-разумныя существа, которымъ Богъ предопредѣлилъ жить, существовать и совершенствоваться на нашей солнечной системѣ, послѣ своего сотворенія тотчасъ же водворяются въ сферы астральной жизни планеты Венеры.

Пребывая въ этихъ сферахъ въ астральномъ тѣлѣ, они имѣютъ возможность находиться невидимо для людей Венеры между ними, знакомиться съ ихъ обычаями, нравами, привычками и образомъ жизни; духъ-покровитель, которому они поручены Самимъ Богомъ, водитъ ихъ по планетѣ и обращаетъ ихъ вниманіе на добро и зло, дѣлаемое людьми Венеры; показываетъ имъ всю разницу между ними; предостерегаетъ ихъ отъ зла и всѣми силами старается возбуждать въ нихъ добрыя стремленія и желаніе подражать добру.

Духъ-покровитель, видя впередъ направленіе дѣятельности, которую приметъ это, порученное ему, существо, избираетъ тотъ родъ жизни, который наиболѣе полезно принять ему, родившись на Венерѣ, и знакомитъ его подробно со всѣми особенностями ея. Онъ старается внушить своему питомцу, что онъ начинаетъ свое жизненное поприще на чрезвычайно трудной въ жизненномъ отношеніи планетѣ, полной соблазновъ, полной пороковъ, болѣзней и лишеній, но что всѣ его будущія жизни зависятъ отъ благихъ результатовъ этой жизни, а потому, онъ долженъ стараться прожить ее, какъ можно лучше, долженъ жить въ Богѣ и въ любви ближняго. Духъ-покровитель обращаетъ его вниманіе на то, что во время жизни на Венерѣ онъ будетъ предоставленъ вполнѣ своему произволу и своей свободной волѣ, что при немъ не будетъ Ангела-Хранителя, могущаго уберечь его отъ навѣтовъ злобы, а потому

Digitized by Google

тѣмъ осмотрительнѣе онъ долженъ жить и тѣмъ осторожнѣе поступать, такъ какъ можетъ надѣяться только на свои собственныя силы и на свои собственныя заботы о себѣ.

Въ большинствѣ случаевъ эти, только что призванныя къ жизни, существа, эти молодыя души, только что вызванныя Богомъ изъ состоянія небытія, до того рады, что получили жизнь, она имъ такъ нравится, что вся планета Венера со всѣми ея трудными условіями кажется имъ раемъ. Они съ нѣкоторымъ восторгомъ предвкушаютъ удовольствіе жизни на ней, и, охотно склоняясь на совѣтъ ихъ духа-покровителя, принимаютъ тотъ родъ жизни, который онъ за нихъ избралъ. Всѣ роды жизни на Венерѣ производятъ на нихъ одинаковое самое отрадное впечатлѣніе; они рады принять на себя любой образъ жизни лишь бы жить, до того имъ нравится жизнь.

На насъ Венера не произвела бы такого отраднаго впечатлѣнія; напротивъ, мы бы ужаснулись, увидавши ее, ибо уже на первый взглядъ она произвела бы на насъ самое удручающее впечатлѣніе.

Тѣло людей Венеры по наружному виду похоже на наше. Они, такъ же, какъ и мы, держатся въ отвѣсномъ положеніи, имѣютъ, какъ и мы, руки, ноги и голову, но все тѣло необыкновенно грубо и тяжело. Оно вѣситъ почти въ 4 раза больше нашего и удручаетъ собой жителя Венеры несравненно больше, чѣмъ наше земное тѣло удручаетъ и связываетъ насъ.

Почва Венеры такъ же груба и тяжела, какъ и ихъ тѣло. Она почти безплодна, чрезвычайно трудно обработывается, а потому жители Венеры почти не культивируютъ ее.

Вода на Венерѣ почти такъ же густа, какъ наша ртуть, и мы смѣло могли бы ходить по ней. Воздухъ планеты Венеры произвелъ бы на насъ скорѣе впечатлѣніе нашей воды, чѣмъ нашего воздуха, ибо этотъ воздухъ весьма замѣтно препятствуетъ передвиженію.

Растительность до невѣроятія груба и неприглядна. Яркихъ цвѣтовъ на планетѣ почти совсѣмъ нѣтъ—нигдѣ и ни въ чемъ. Деревья необыкновенно высоки, разъ въ десять выше нашихъ самыхъ большихъ деревьевъ; стволы этихъ гигантовъ такъ толсты, что въ одномъ дуплѣ живутъ иногда по нѣскольку семей. Деревья столь крѣпкаго строенія, что жители Венеры еще не нашли возможности срубать ихъ, у нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ инструментовъ и приспособленій для этого.

Листва, какъ этихъ деревьевъ, такъ и кустарниковъ, какая то бурая и угрюмая. Мягкихъ листьевъ нигдѣ не видно, все какія то колючки; все это нѣчто чрезвычайно упругое;

Digitized by Google

гнется, но не ломается; все это какіе то шишки и наросты; все это суковато, коряво и неприглядно. Между этими деревьями попадаются и плодовыя деревья, но плоды ихъ облечены въ очень грубую оболочку, они сухи и не вкусны; они оченъ сходны съ нашими орѣхами или еловыми шишками, но громадныхъ размѣровъ и оболочка ихъ такъ крѣпка что житель Венеры безъ особыхъ приспособленій не можетъ вскрывать ихъ.

Трава имѣетъ сходство съ нашимъ камышемъ, она чрезвычайно крѣпка и упруга. Даже цвѣты какихъ то темныхъ, грязныхъ и неопредѣленныхъ цвѣтовъ. Вообще картина Венеры весьма непривлекательна и сурова въ высшей мѣрѣ.

Животныхъ на Венерѣ очень много, въ особенности хищныхъ породъ. Они такъ-же грубы и тяжелы, какъ и вся природа Венеры. Между ними попадаются твари гигантскихъ размѣровъ и всѣ они злы, алчны и прожорливы.

Люди живутъ не только въ дуплахъ большихъ деревьевъ, но и въ землянкахъ, пещерахъ и шалашахъ, всегда большими обществами и кучно. У нихъ нѣтъ даже въ обычаѣ имѣть помѣщеніе или комнату для одного, гдѣ бы могъ человѣкъ уединиться, сосредоточиться или отдохнуть, но всѣ они спятъ и ѣдятъ вмѣстѣ, по нѣсколько семей въ одномъ какомъ-нибудь шалашѣ или пещерѣ.

Человѣкъ на Венерѣ — рабъ своей организаціи, своихъ страстей, своихъ капризовъ и своей распущенности. Отправленія его грубаго тѣла до такой степени порабощаютъ человѣка, и у него нѣтъ настолько силы воли, чтобы хотя маломальски противостоять влеченію своей слабой природы.

Люди Венеры чрезвычайно чувствительны къ погодѣ и перемѣнамъ температуры. Они вообще чрезвычайно склонны къ заболѣваніямъ; здоровье ихъ разстраивается отъ малѣйшихъ физическихъ причинъ, а выздоравливаютъ они очень медленно.

Люди на Венерѣ вообще мало энергичны и физической силы у нихъ только что хватаетъ на передвиженіе ихъ тѣла. Ходятъ они медленно и скоро устаютъ. Но это не мѣшаетъ имъ быть чрезвычайно гордыми, своенравными, заносчивыми и обладать необыкновенно упорнымъ характеромъ; всякій хочетъ поставить на своемъ и ни за что не уступитъ. Между ними идутъ постоянныя распри, драки и войны; они убиваютъ другъ друга положительно безнаказанно. Тамъ царство сильнаго въ полномъ смыслѣ слова: кто осилилъ, тотъ и правъ, и торжествуютъ. Сильный убиваетъ слабѣйшаго и тутъ же пре-

Digitized by Google

спокойно поѣдаетъ его сырьемъ, не заботясь даже о томъ, что побѣжденный еще теплый и не совсѣмъ умеръ.

Вообще на Венерѣ питаются почти исключительно животной пищей. Ѣдятъ животныхъ, гадъ, людей и все, что каждый можетъ достать для своего пропитанія; не рѣдко мать съѣдаетъ своего ребенка и всегда сырьемъ, безъ предварительнаго приготовленія ибо они не имѣютъ возможности жарить или варить, такъ какъ на всей планетѣ нѣтъ огня; они и не знаютъ что такое огонь.

Вообще, они совершенно не берегутъ ни себя, ни свою планету. Объѣдки, остатки отъ ѣды и жилья, всѣ отбросы, остаются тутъ же, въ ихъ жильѣ и кругомъ ихъ; все это гніетъ, распространяетъ зловоніе, заражаетъ воздухъ, воду и землю, и порождаетъ болѣзни. Люди умираютъ сотнями и тысячами и трупы ихъ сгниваютъ тутъ у жилищъ.

Хищные звѣри нападаютъ и уничтожаютъ цѣлыя общества людей, такъ какъ человѣкъ вообще не умѣетъ давать отпора или оградиться отъ звѣрей. Никто не желаетъ трудиться для другихъ, никто не желаетъ заступаться и помогать другому, поэтому нѣтъ возможности составить какого-либо общества для какой нибудь-нибудь обороны; всякій думаетъ только о себѣ и всякій врагъ своего ближняго. На Венерѣ нѣтъ дружбы, нѣтъ любви и состраданія; если люди и живутъ тамъ вмѣстѣ, то это не мѣшаетъ имъ быть душой далеко другъ отъ друга и при каждой возможности открыто проявлять свою ненависть.

Науки на Венерѣ никакой нѣтъ. Понятіе о Богѣ и добродѣтеляхъ у людей весьма ограничено.

Богъ не далъ жителямъ Венеры, какъ Онъ далъ жителямъ Земли, каждому своего Ангела-Хранителя. Жители Венеры предоставлены всѣ своему собственному произволу и живутъ каждый какъ имъ хочется, какъ позволяетъ имъ ихъ совѣсть и ихъ невѣжественный умъ, безъ всякихъ указаній свыше, безъ всякаго руководства духовъ-покровителей. Ихъ жизнь могла бы служить всѣмъ духовно-разумнымъ существамъ примѣромъ, какъ не слѣдуетъ жить и до какого глубокаго паденія можетъ дойти человѣкъ, живя самостоятельно и не испрашивая помощи Божіей.

Отсутствіемъ этого высшаго водительства Божія пользуется въ самомъ широкомъ смыслѣ злая сила. Она положительно завладѣла всей планетой и невидимо для людей наводитъ ихъ на злые поступки. Насиловать чью-либо волю или заставлять человѣка дѣлать то зло, котораго онъ не хочетъ

Digitized by Google

дѣлать, она, конечно, не можетъ на Венерѣ, такъ-же какъ и на Землѣ или на всякомъ другомъ мѣстѣ вселенной, но вызвать изъ сокровенныхъ тайниковъ души каждаго сроднаго себѣ злое чувство или злую наклонность ей несравненно удобнѣе на Венерѣ, чѣмъ на всякомъ другомъ мѣстѣ, ибо самъ по себѣ житель Венеры не въ состояніи дать ей никакого отпора и нѣтъ у него Ангела-Хранителя, могущаго защитить его во всякое время и предупредить объ грозящей ему опасности.

Несомнѣнно, что всѣ злыя желанія и стремленія, находящіяся въ каждомъ человѣкѣ, рано или поздно выказались бы и сами собой, а потому злая сила дѣлаетъ только добро людямъ, вызывая ихъ современно и тѣмъ облегчая и ускоряя реакцію. За эту услугу, оказываемую злой силой, человѣкъ Венеры можетъ только благодарить ее, ибо она, дѣйствительно, оказываетъ ему великую помощь, сокращая время пребыванія ихъ въ этой трудной жизни.

Жизнь на Венерѣ, дѣйствительно, кратковременна; она на половину короче наше земной жизни. Рѣдко кто живетъ на Венерѣ долѣе 50 нашихъ лѣтъ.

Однако, какъ ни трудна жизнь на Венерѣ, люди разстаются съ ней еще съ меньшей охотой, чѣмъ на Землѣ. Смерть еще болѣе страшитъ ихъ, чѣмъ жителей Земли, и никакія болѣзни и страданія не могутъ заставить ихъ желать своей смерти, или хотя покориться своей судьбѣ. Они борются со смертью какъ со злѣйшимъ врагомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, ни въ комъ изъ окружающихъ не въ состояніи вызвать ни капли участія, ни слова утѣшенія и умираютъ не примиренные съ своею совѣстью, не зная, что такое смерть, куда она ведетъ и зачѣмъ она нужна.

Послѣ смерти своей люди живутъ въ астральныхъ сферахъ Венеры и, подъ руководствомъ духовъ-покровителей, сводятъ счеты съ только что прожитою жизнью. Они вспоминаютъ свою жизнь, всѣ поступки и всѣ свои злодѣянія. Духъ-покровитель водитъ ихъ на другія планеты, показываетъ имъ, какъ живутъ люди съ бо́льшимъ нравственнымъ развитіемъ; онъ водитъ ихъ на Землю и на Марсъ, указываетъ имъ разницу между тѣмъ, какъ они должны бы были поступать и какъ они въ дѣйствительности себя вели и поступали, научаетъ ихъ добру, старается возбудить въ нихъ раскаяніе и доброе стремленіе исправиться. Если только человѣкъ начинаетъ познавать, что онъ грѣшенъ, если онъ только созналъ разницу между зломъ и добромъ и принимаетъ чистосердечное рѣшеніе исправиться, то трудная задача жизни на Венерѣ для этой юной

Digitized by Google

и еще неопытной въ дѣлѣ жизни души можетъ считаться оконченной.

Венера есть планета испытанія. Богомъ положенная цѣль жизни на ней есть вызвать темныя и злыя стороны и качества души, и если только онѣ всѣ вызваны, если человѣкъ созналъ ихъ въ себѣ и созналъ также, что безъ помощи Божіей онъ самъ съ собою справиться не можетъ, онъ проситъ Бога помочь ему въ этомъ; если онъ только принимаетъ чистосердечное рѣшеніе исправиться въ послѣдующей жизни, то испытанія его на Венерѣ считаются оконченными и душа эта предъявляется на судъ Божій.

На судѣ Божіемъ душа даетъ вполнѣ сознательно и добровольно обѣщаніе Богу послѣдующей своей жизнью исправить прошлые грѣхи и злые поступки и искупить все зло, внесенное ею въ міръ. Послѣ этого Богъ благословляетъ ее на жизнь на Землѣ. Онъ даруетъ ей новые дары своей благодати, обновляетъ ее и вновь возрожденная душа переносится въ сферы Земли, гдѣ съ новыми силами, съ самымъ отраднымъ чувствомъ облегченнаго сердца, начинаетъ свою новую жизненную дѣятельность.

Переходъ жителя Венеры на Землю уже самъ по себѣ составляетъ для него великую награду. Жизнь на Землѣ послѣ трудной жизни на Венерѣ кажется ему настоящимъ раемъ; онъ ничего большаго для себя и желать не можетъ, ибо еще лучшей и еще высшей жизни онъ не понялъ бы и она не могла бы составить ему такого счастья, какъ жизнь на Землѣ, о которой онъ уже давно мечталъ, которая ему понятна, доступна и составляетъ идеалъ его стремленій.

Digitized by Google

Глава VIII.

Жизнь на Землѣ.

Первое время послѣ своего перехода на Землю, человѣкъ живетъ въ астральныхъ сферахъ Земли, въ астральномъ тѣлѣ, соотвѣтствующемъ степени матеріальности этой сферы, которая уже несравнено болѣе разрѣжена, чѣмъ сфера Венеры.

Здѣсь онъ знакомится съ земной жизнью во всѣхъ ея деталяхъ и подъ руководствомъ духовъ-покровителелей готовится вступить въ нее. Теперь ужъ онъ самъ выбираетъ тотъ родъ жизненныхъ испытаній, который кажется ему наиболѣе полезнымъ для его исправленія; духъ-покровитель только совѣтуетъ и направляетъ его выборъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ духъ-покровитель уже налагаетъ на него нѣкоторыя обязанности по надзору за какою-либо частью вселенной. Онъ поручаетъ ему попеченіе надъ какими-нибудь животными, рыбами, птицами или насѣкомыми, или поручаетъ ему направлять какія-либо явленія природы, или надзирать и направлять явленія растительнаго царства, или что-либо такое, на что человѣкъ этотъ окажется наиболѣе способнымъ. Никто не долженъ отказываться по мѣрѣ силъ своихъ исполнять Божественныя предначертанія, участвовать въ общемъ движеніи мірового прогресса и трудиться подъ руководствомъ и назиданіемъ духовъ-покровителей.

Отдохнувъ отъ предыдущей трудной жизни на Венерѣ, освоившись съ жизнью на Землѣ и избравъ себѣ родъ жизненныхъ земныхъ испытаній, человѣкъ родится на землѣ въ грубо матеріальномъ тѣлѣ съ рѣшительнымъ и самымъ чистосердечнымъ намѣреніемъ добрыми дѣлами этой жизни покрыть

Digitized by Google

всѣ грѣхи и злодѣянія, совершенныя имъ на Венерѣ, и тѣмъ искупить зло, внесенное имъ въ міръ.

Такимъ образомъ, мы всѣ, жители Земли, начинаемъ жить на ней при весьма усложненныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь жизнь на Венерѣ вызвала въ насъ и указала намъ всѣ дурныя наши качества, всѣ пороки, грѣхи и ничего не исправила. На Венерѣ мы пріобрѣли дурныя и грѣховныя привычки и навыки, отъ которыхъ мы обѣщали Богу отвыкнуть и исправиться на Землѣ или, иными словами, *мы пали на Венерѣ* и вошли въ земную жизнь запятненными, загрязненными, съ обязательствомъ смыть съ себя всю эту грязь нашею земною жизнью и покрыть ее нашими добрыми дѣлами. Это обстоятельство чрезвычайно усложняетъ нашу земную жизнь. Мы были бы несравненно менѣе связаны на ней, если бы надъ нами не тяготѣло это, такъ сказать, *проклятіе* Господне, въ которомъ мы сами прямые виновники, а потому и прямые отвѣтчики. При этомъ условіи мы лишены права спрашивать себя: почему я страдаю на Землѣ, когда я ничего дурного не сдѣлалъ. Мы всѣ уже принесли такъ много горя Создателю Своему, посѣяли такъ много зла между ближними и въ видимомъ мірѣ, прежде чѣмъ вступить въ земную жизнь, что должны покорно нести свой крестъ на Землѣ, смиренно повиноваться Волѣ Божіей, усиленно стараться надъ своимъ самоулучшеніемъ и достойно переживать всѣ испытанія, представляемыя намъ жизнью на Землѣ.

Земля есть планета искупленія грѣховъ, а потому главная цѣль жизни на Землѣ состоитъ въ томъ чтобы: 1) избавиться отъ грѣховнаго навыка, который мы получили, живши на Венерѣ и вообще отстать и отвыкнуть отъ зла; 2) привыкнуть къ добру и начать его развивать въ себѣ, и въ 3) добрыми дѣлами, сдѣланными на Землѣ, покрыть и искупить все зло, внесенное нами во внѣшній міръ, въ себя и въ окружающихъ насъ существъ, со всѣми его послѣдствіями.

Вникнувъ въ основной смыслъ цѣли земной жизни, всякій пойметъ, что Земля еще не есть планета счастья и блаженства, но есть планета трудной и усиленной работы надъ передѣлкой себя и всего своего внутренняго человѣка. Не развитіе добра, укоренѣніе въ немъ, практика его въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ не есть цѣль жизни на землѣ — это будетъ цѣлью жизни на слѣдующей за Землей планетѣ — Марсѣ. Тамъ будетъ человѣкъ жить въ добрѣ, творить добро въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, укореняться въ немъ и пожинать его отрадные плоды.

Digitized by Google

Кто на Землѣ позналъ добро и зло, отвыкъ отъ зла и началъ привыкать къ добру, кто своими добрыми дѣлами, дѣлаемыми хотя бы по принужденію, а не повлеченію сердца, покрылъ внесенное имъ зло въ міръ, тотъ можетъ считать свою земную задачу жизни оконченной и удостоиться отъ Бога своей смерти на Землѣ для полученія возможности жить и блаженствовать на Марсѣ.

Задача земной жизни необыкновенно трудна. Мы встрѣчаемъ много людей, дѣлающихъ иногда много добра и почти никакого зла. Эти люди думаютъ, что, дѣлая это добро, они исполняютъ правильно всю свою земную задачу и удивляются, отчего это добро не удовлетворяетъ ихъ, проходитъ безслѣдно для нихъ жизни и не только не приноситъ имъ счастья и отрады, но они, наравнѣ съ недѣлающими добра, также хвораютъ, страдаютъ, терпятъ неудачи и переживаютъ всѣ другія испытанія земной жизни. Они невольно себя спрашиваютъ: отчего и зачѣмъ я страдаю? Кажется, говорятъ они, больше меня никто добра не дѣлаетъ, не помню я то же, чтобы я сдѣлалъ хотя кому-нибудь зло, чего же можно требовать отъ меня?

На это отвѣтъ прямой: очень многаго—пониманія и исполненія главной задачи земной жизни, которая далеко не исчерпывается однимъ дѣланіемъ добра. Пусть эти люди обратятъ вниманіе на нижеслѣдующіе пробѣлы ихъ жизни:

1) Въ нихъ зло не искоренено. Пока человѣкъ не искоренитъ въ себѣ зла, онъ не можетъ считать задачу своей земной жизни выполненной. Оцѣнить зло, находящееся въ человѣкѣ, можетъ только самъ человѣкъ. Люди могутъ видѣть только злые поступки другихъ людей, т. е. одни только видимыя проявленія злой души. Все же потаенное зло, находящееся въ душѣ каждаго человѣка, можетъ не проявляться черезъ его поступки, ибо человѣкъ можетъ воздерживаться отъ нихъ. Узнать находящееся въ себѣ количество зла можетъ человѣкъ по тѣмъ злымъ мыслямъ, которыя постоянно роятся и возникаютъ въ его душѣ. Человѣкъ, конечно, не отвѣтственъ за свои мысли и онѣ не могутъ быть поставлены ему въ вину, если онъ только не прилагаетъ ихъ къ дѣлу и не поступаетъ по ихъ указаніямъ, тѣмъ не менѣе онѣ показываютъ человѣку, что душа его еще порочна и заключаетъ въ себѣ еще зло, отъ котораго ему необходимо освободиться. Освободиться отъ зла, тяготящаго душу, можетъ только человѣкъ черезъ свою молитву и единеніе съ Богомъ, которое совершается не иначе, какъ черезъ таинства. Только Богъ можетъ покрыть

Digitized by Google

зло добрыми дѣлами, даруя душѣ новыя благодатныя силы. Поэтому человѣкъ, не прибѣгающій къ помощи Бога, своими собственными слабыми силами никогда не искоренитъ въ себѣ зла, а слѣдовательно и не выполнитъ съ достоинствомъ этой части задачи земной жизни.

2) Спросимъ себя, все ли то добро, что дѣлаетъ человѣкъ, служитъ ему на пользу и спасеніе? Весьма естественно, что человѣкъ дѣлаетъ добро, вѣдь онъ носитель въ себѣ Самого Бога и Его благодатныхъ даровъ. Надо удивляться тѣмъ людямъ, которые не дѣлаютъ добра и совсѣмъ заглушили въ себѣ искру Божію. Человѣкъ въ теченіе всей своей жизни долженъ постоянно оглядываться и спрашивать себя: сдѣлалъ ли я все то добро, которое я могъ сдѣлать и то, которое предопредѣлено Богомъ на мою долю? Всякій долженъ твердо помнить, что не результаты доброй жизни будутъ поставлены Богомъ въ заслугу человѣку Земли, не самыя добрыя дѣла, не количество розданныхъ денегъ на бѣдныхъ или на постройку храмовъ, но количество внутренняго благочестиваго чувства покорности, смиренія, участія къ ближнему, любви и милосердія, которыя возбуждали человѣка въ то время, когда благодать Божія влекла его къ исполненію его долга. Если человѣкъ будетъ разбирать свое добро съ этой точки зрѣнія, вникнетъ во внутреннія стремленія своей души, въ чистоту своихъ чувствъ и намѣреній и обдумаетъ, все-ли добро онъ сдѣлалъ, которое онъ долженъ былъ сдѣлать, то увидитъ, что многаго онъ не сдѣлалъ, многое имъ забыто, и всегда останется собой недоволенъ, ибо всегда можно было выказать бо́льшую деликатность въ поданіи помощи, бо́льшее смиреніе, бо́льшую любовь къ ближнему и бо́льшую покорность къ Божественнымъ предначертаніямъ, чѣмъ тѣ, которые оживляли сердце грѣшнаго и порочнаго человѣка. Поэтому, обдумывая добросовѣстно свои даже добрыя дѣла, намъ приходится всегда съ полнымъ убѣжденіемъ и съ полнымъ прискорбіемъ, исходящимъ изъ самой глубины нашей души, сказать: я рабъ негодный, ибо сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать, да и знаетъ лишь одинъ Богъ, все ли я сдѣлалъ, что надлежало мнѣ сдѣлать, а потому не поставитъ ли Онъ мнѣ въ вину того, чего я не сдѣлалъ.

3) Было бы страшной и непозволительной гордостью думать, что человѣкъ своими ничтожнѣйшими добрыми дѣлами можетъ покрыть все то зло, которое онъ внесъ въ міръ со всѣми его послѣдствіями. Напримѣръ, учитель, внушающій своимъ ученикамъ атеистическое и матеріалистическое міровоз-

Digitized by Google

зрѣніе. Представьте только себѣ, какъ много зла сѣетъ онъ въ міръ, научая людей съ молоду безвѣрію, которое должно неминуемо отвратиться на всей послѣдующей жизни не только ихъ, но и всего ихъ потомства. Можетъ ли когда-нибудь этотъ учитель возвратить своими собственными добрыми дѣлами ту массу зла и противленія Богу которую онъ принесъ тысячамъ народа. Было бы сатанинскою гордостью думать, что можетъ онъ когда-нибудь однѣми своими силами искупить свои грѣхи: сто, двѣсти праведныхъ жизней не искупятъ того вреда, который внесенъ въ міръ одной жизнью этого учителя. Но Христосъ искупилъ міръ. Онъ принялъ на Себя грѣхи міра и покрываетъ грѣхи людей той массой добра, которое внесъ въ міръ Своимъ посѣщеніемъ его и Своею крестною смертью.

Но Христосъ искупилъ грѣхи не всѣхъ людей, но лишь тѣхъ, кто проситъ Его о томъ, кто самымъ добросовѣстнымъ образомъ напрягаетъ самъ всѣ свои силы на покрытіе своихъ грѣховъ своими маловажными добрыми дѣлами, со смиреніемъ сознаетъ, что это ему невозможно, а потому горячо проситъ Бога помочь ему. Онъ всѣми своими силами приближается къ Богу, соединяется съ Нимъ черезъ благодатно дарованныя Христомъ Спасителемъ міра таинства, исповѣдуетъ вѣру, исполняетъ законъ Божій, всей душой сознаетъ свое безсиліе, кается Богу въ своихъ грѣхахъ и съ полной увѣренностью въ благость Господа съ покорностью ожидаетъ рѣшенія своей участи, съ полной вѣрой въ слова Христа: „что вѣрующій на судъ не идетъ“. И, дѣйствительно, Христосъ Своимъ искупленіемъ покрываетъ грѣхи такихъ людей. Чѣмъ сила вѣры въ благодатное спасеніе больше, тѣмъ и сила искупленія больше: чистое, истинное, всей душой и всѣмъ существомъ выраженное передъ Богомъ желаніе помощи съ твердымъ и непреложнымъ намѣреніемъ больше не грѣшить смываетъ съ человѣка всю грязь, всѣ грѣхи и дѣлаетъ его искупленнымъ и очищеннымъ.

Разительный примѣръ подобнаго искупленія мы видимъ въ разбойникѣ, страдавшемъ на крестѣ одновременно съ Іисусомъ Христомъ. Представимъ себѣ чистую, чуткую и отзывчивую къ добру и правдѣ душу, скажемъ, пожалуй, святую, которая съ самаго рожденія на Землѣ жила въ лагерѣ разбойниковъ. Человѣкъ этотъ, живя на Землѣ безъ воспоминанія о своемъ прошломъ, никогда въ жизни не слыхалъ ни одного слова о Богѣ, о правдѣ; грязная и развратная жизнь окружала его съ самыхъ пеленокъ; убивать и грабить стало его

Digitized by Google

привычкой еще въ то время, когда характеръ его не установился и въ этой обстановкѣ прожилъ онъ всю свою жизнь. Какъ человѣкъ умный, энергичный и ловкій, онъ превзошелъ въ своихъ злодѣяніяхъ и въ искусствѣ убивать всѣхъ своихъ товарищей, и былъ назначенъ атаманомъ ихъ. Онъ постоянно чувствовалъ внутренній голосъ, останавливающій его, но не имѣя понятія о добрѣ и злѣ, онъ не понималъ этого голоса. Онъ сколько ни думалъ и не соображалъ, никакъ не могъ сопоставить обычной своей жизни съ внутренними требованіями души своей, но иная жизнь, кромѣ жизни разбойниковъ, была ему не извѣстна, ибо, какъ разбойникъ, онъ былъ вполнѣ отчужденъ отъ общества и отъ всякой добродѣтельной жизни. Вдругъ, бывши уже на крестѣ, онъ увидалъ добро и истину въ святости Христа, и передъ нимъ открылась вся картина его злодѣяній и весь ужасъ его поведенія. Онъ сразу понялъ все; и истину, и добро, и..... Бога. Униженный, пораженный своимъ открытіемъ и осѣненіемъ свѣтомъ истины Христовой, онъ и тутъ даже не отчаялся, не палъ духомъ, но съ полной вѣрой въ милость Божью обратился за своимъ прощеніемъ къ Христу; искра Божія, дремавшая въ немъ, разгорѣлась въ пламя любви и вѣры во всемогущество Божіе, и онъ изрекъ свое раскаяніе. Это раскаяніе не могло быть нечистымъ, неискреннимъ и не могло не исходить изъ самой глубины возмущеной своими злодѣяніями души. По Своей неизрѣченной благодати Христосъ не могъ не простить его. Онъ не могъ не взять на Себя всей массы злодѣяній этого разбойника и не покрыть ихъ Своими добрыми дѣлами, ибо грѣшить этотъ разбойникъ болѣе не въ состояніи и даже при другой, болѣе легкой жизненной обстановкѣ на Землѣ, онъ былъ бы праведенъ и чистъ. Такимъ образомъ одинъ мигъ чистаго, истиннаго покаянія можетъ излечить цѣлую порочную жизнь и спасти уже почти совсѣмъ погибшую душу. Тѣмъ болѣе дѣйствительна вѣра и покаяніе въ людяхъ, не удрученныхъ столь сильными грѣхами, какъ грѣхи разбойника, но надо имѣть вѣру въ Бога, надо имѣть смиренное и покорное Ему сердце.

Итакъ, глубоко ошибаются тѣ люди, которые думаютъ своими собственными силами, безъ помощи Божіей, въ силу своихъ хотя бы праведныхъ дѣлъ, правильно выполнить свою задачу земной жизни. Ошибаются и тѣ, которые желаютъ одной молитвой безъ добрыхъ дѣлъ угодить Богу. Они забываютъ, что начали жизнь на Землѣ подъ страшнымъ обѣтомъ, даннымъ ими Богу, и, не выполнивъ этого обѣта и не снявши съ себя этого страшнаго проклятія, они не могутъ правильно

Digitized by Google

слѣдовать по пути своего самоулучшенія и будутъ терять только попусту время на Землѣ, а слѣдовательно приближаться ко злу.

Что еще чрезвычайно приближаетъ человѣка ко злу—это неправильное примѣненіе любви. Любовь есть наивысшій даръ Божій, имѣющій возможность наиболѣе возвышать душу и наиболѣе приближать человѣка къ Богу. И этотъ же самый даръ Божій, неправильно примѣненный къ жизни, порождаетъ эгоизмъ и гордость, т. е. наивысшій грѣхъ, ведущій человѣка къ погибели.

Любовь, доводитъ человѣка до Бога, когда онъ любитъ Бога и любитъ ближняго. Эта любовь тѣсно связываетъ человѣка съ Богомъ всѣми его желаніями и стремленіями и имѣетъ свое начало въ Богѣ. Черпая въ Немъ свои силы, она отъ Бога, какъ отъ центра, распространяется во всѣ стороны и переносится на все, что связано съ Нимъ любовью и вѣрой, поэтому дѣятельность ея обширна, велика и всестороння. Кончается она на самомъ человѣкѣ, ибо онъ, распространяя свою любовь на Бога, на ближнихъ и на все сотворенное Богомъ, меньше всего думаетъ о себѣ самомъ. Эта Божественная любовь любитъ добро для самаго добра и всѣхъ тѣхъ кто дѣлаетъ добро, безъ разбора личности; она любитъ рѣшительно все, что приноситъ пользу людямъ и все, что назидаетъ ихъ, въ какомъ бы видѣ это добро, эта польза или это назиданіе ни проявлялись бы; она любитъ Церковь, отечество, уважаетъ порядки страны, любитъ общество и каждую отдѣльную личность и отъ души, уповая на помощь Божью, желаетъ всѣмъ блага и успѣха. Это въ высшей степени теплое чувство согрѣваетъ душу и сердце, даетъ отраду, покой и больше всѣхъ остальныхъ даровъ Божьихъ позволяетъ познать Бога и Его премудрость, ибо Богъ и есть именно любовь.

Тотъ же самый даръ Божій, но въ другомъ примѣненіи его, ведетъ человѣка къ погибели. Это любовь, которая начинается не съ Бога и кончается собой, но, наоборотъ, начинается съ себя и кончается Богомъ—это и есть любовь себя и любовь міра, или привязанность къ его заботамъ. Эта любовь вся сосредоточена на себѣ самомъ, и отъ себя, какъ отъ центра, распространяется на все, что чѣмъ-нибудь соединенно съ самимъ человѣкомъ и, по мѣрѣ того, какъ личный разсчетъ или интересъ для человѣка уменьшается, уменьшается и любовь; внѣ этого интереса нѣтъ любви; все остальное для его сердца чуждо и враждебно, какъ бы это ни было свято, чисто, умно или возвышенно. Этотъ эгоизмъ и эта гордость любитъ

Digitized by Google

больше всего себя; очень горячо и нѣжно любитъ своихъ дѣтей, своихъ внуковъ и родственниковъ, потому что въ нихъ онъ любитъ себя и свое; онъ любитъ всѣхъ, всѣхъ, кто ему льститъ, кто его восхваляетъ и почитаетъ; онъ любитъ также Церковь, свою родину и общество, но лишь въ той мѣрѣ, насколько они ему полезны, онъ любитъ ихъ какъ лакеевъ или какъ слугъ, которые обязаны ему служить, онъ любитъ ихъ какъ средство достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, составленія своей карьеры, славы, власти и чуть дѣло идетъ дальше, въ его сердцѣ проявляется гадливое чувство, заставляющее его сказать себѣ: „какое мнѣ до этого дѣло? пропади они пропадомъ“. Онъ любитъ и отдѣльныхъ личностей, ко всѣмъ ласковъ и любезенъ, ибо еще не знаетъ, кто ему пригодится и не можетъ ли онъ извлечь изъ него пользу; однимъ словомъ, онъ любитъ, чтобы ему служили и ни за что не станетъ ни въ чемъ служить ближнему, ибо онъ всегда чувствуетъ свое превосходство и пренебреженіе или презрѣніе къ другимъ.

Такая Любовь исключаетъ всякое понятіе о вѣрѣ; такіе люди людямъ абсолютно не вѣрятъ; если они, повидимому, и вѣрятъ въ Бога, то ихъ вѣра не есть теплое, успокоивающее душу чувство, заставляющее ихъ уповать на Милость Его, но есть неопредѣленный страхъ отвѣтственности передъ чѣмъ то сильнѣйшимъ, что можетъ вредить имъ и принести ущербъ. Они, такъ сказать, не вѣруютъ въ Него, но опасаются Его. Надѣются они только на свои собственныя силы, и все, что идетъ имъ на перекоръ, то порождаетъ въ нихъ ненависть, злость, зависть, пренебреженіе, они дѣлаются желчны, мстительны, лживы, хитры, криводушны и даже жестоки къ людямъ. Не даромъ говорятъ, что гордость есть мать всѣхъ пороковъ; и иначе это и быть не можетъ, ибо она есть слѣдствіе извращенія высшаго дара Божія, а слѣдовательно и должна вести къ наибольшему растлѣнію души и тѣла и къ высшей степени отвѣтственности за поступки.

Затѣмъ еще большая и весьма распространенная ошибка людей заключается въ томъ, что они мало вѣрятъ въ благость Бога и въ Его премудрый законъ, что они поступаютъ не такъ, какъ повелѣваетъ законъ, но каждый своеобразно ищетъ себѣ земного счастья и, не находя его, желаетъ сорвать съ земной жизни всѣ тѣ удовольствія и развлеченія и вообще тѣ земныя блага и преимущества передъ другими, которыя только возможны. Они говорятъ: „теперь наслажусь жизнью, она же такъ хороша. Сорву съ нея все, что можетъ она мнѣ дать, а

Digitized by Google

потомъ, когда умру, узнаю, для чего мнѣ была дана жизнь и какая была ея задача". Не похожи ли эти несчастные люди на школьниковъ, которые ничему не учатся въ школѣ, ругаютъ учителей и издѣваются надъ ними, говоря: „когда кончу школу, все узнаю, ибо всѣ кончившіе школу все знаютъ".

Этотъ вполнѣ неправильный и эгоистическій взглядъ на сущность жизни, это равнодушіе къ познанію закона Божія, Самого Бога и главной цѣли и назначенія жизни на землѣ— порождаютъ весьма неправильныя отношенія людей въ своей планетѣ, къ другимъ людямъ и къ самимъ себѣ. Неестественно поставленный жизненный вопросъ усложняетъ жизнь, запутываетъ ее и придаетъ ей совершенно фальшивый строй, который не можетъ не отразиться тяжело на самыхъ же людяхъ. И дѣйствительно, жизнь на землѣ во многихъ отношеніяхъ такъ трудна, что для большинства она положительно невыносима. Если тѣ, которые имѣютъ возможность вырывать у жизни свои удовольствія, временныя, развлеченія, мнимыя радости и разныя преимущества и считаютъ себя отчасти удовлетворенными, то они не должны забывать, что они выѣзжаютъ на плечахъ другихъ людей, которыхъ они дѣлаютъ несчастными. Никто не землѣ не можетъ имѣть счастье, не отнимая его у другихъ и не дѣлая ихъ несчастными. Вообще говоря, несчастія и бѣдствія суть неотъемлемая принадлежность Земли. Человѣкъ Земли, вообще говоря, есть настоящій мученикъ, ибо на Землѣ пороки царствуютъ въ полной ихъ силѣ; добродѣтель не цѣнится, но угнетается и осмѣивается, честность—рѣдкость, всегда влекущая за собою нищету, привязанности въ конечномъ результатѣ влекутъ къ сожалѣніямъ и слезамъ; наши идеалы и возвышенные стремленія ведутъ къ разочарованіямъ; всюду обманъ, измѣна, интриги и эксплуатація другъ друга. Вся Земля переполнена болѣзнями и разнаго рода недугами, которые всѣ суть слѣдствія нравственной испорченности людей, ихъ нервности, злости, зависти, алчности, желанія быть не тѣмъ, чѣмъ они есть въ сущности желанія обладать тѣмъ, чѣмъ въ сущности никогда обладать не могутъ.

Если бы люди больше вѣровали въ Бога, исполняли Его предвѣчный законъ, знали главный смыслъ жизни на землѣ, живя по указанію святого Евангелія, считали бы своихъ ближнихъ братьями и были бы слугами ихъ, то жизнь на Землѣ не была бы мѣстомъ мученія, въ каковое ее превратили люди, но была бы планетой съ весьма легкими условіями жизни. Почти всѣ мученія и бѣдствія на землѣ происходятъ отъ са-

Digitized by Google

михъ людей, отъ неправильнаго взгляда ихъ на жизнь и отъ неправильно поставленнаго ими жизненнаго вопроса. Однимъ словомъ, не Богъ создалъ на землѣ столь трудныя условія жизни, но самъ человѣкъ усложнилъ жизнь и сдѣлалъ ее болѣе тяжелою.

Представьте себѣ жизнь на Землѣ при другихъ условіяхъ и подумайте, насколько она облегчилась бы, если:

1) Не было бы на землѣ лжи и обмана. Если бы всѣ относились честно къ своимъ обязанностямъ, къ своему дѣлу, къ ближнему и самому себѣ. Если бы каждый владѣлъ только тѣмъ, что ему неотъемлемо принадлежитъ и съ уваженіемъ смотрѣлъ бы на чужое имущество, радуясь чужому успѣху и благополучію.

2) Если бы люди помогали бы ближнимъ, хотя бы только въ тѣхъ случаяхъ, когда эта помощь не приноситъ имъ самимъ ущерба. Если бы не существовало дѣйствій, выражающихся словами: интрига, подкопъ, клевета и зависть.

3) Если бы всѣ рабочіе относились добросовѣстно къ своему труду и не было бы лѣни, бездѣлья и тунеядства на землѣ, а всѣ хозяева не обманывали бы ихъ разсчетомъ.

4) Если бы всѣ фабриканты, заводчики, домовладѣльцы и, вообще, всѣ производители оставляли бы себѣ только то количество денегъ, которые имъ дѣйствительно нужно на прожитіе, а на остальную сумму, неправильно взимаемую ими нынѣ съ потребителей, понизили бы цѣну своихъ произведеній. Если бы деньги на залеживались бы на рукахъ.

5) Если бы всѣ купцы и торговцы дѣлали бы то же самое.

6) Если бы почва Земли, всѣ произростанія на ней и всѣ подземныя богатства принадлежали бы не тѣмъ, кто ихъ раньше занялъ и, не имѣя возможности пользоваться и обрабатывать ихъ, лежатъ на нихъ, какъ собака на сѣнѣ, — но фактически составляли бы общее достояніе. При этомъ порядкѣ вещей всякій, кто имѣетъ возможность на обработку почвы и, вообще, естественныхъ даровъ Божіихъ, данныхъ всѣмъ людямъ, положить свой личный трудъ, свои личныя старанія, умѣнье и искусство, извлекалъ бы изъ нихъ несравненно больше пользы, чѣмъ теперь и давалъ бы міру болѣе дешевыя произведенія. Кромѣ того, этотъ порядокъ свободнаго пользованія естественными дарами земли исключалъ бы возможность умирать съ голоду каждому желающему трудиться.

7) Если бы все, что сдѣлано или сооружено на общественный счетъ, давало бы право одинаковаго и безвозмезднаго пользованія всѣмъ, безъ всякихъ привилегій. Напримѣръ, если

Digitized by Google

бы наши желѣзныя дороги, почты, телеграфы, телефоны, школы и т. п., составляя общее достояніе, въ дѣйствительности перевозили бы всѣхъ даромъ, учили бы всѣхъ даромъ и т. д., то можно себѣ представить, насколько облегчилась бы жизнь на землѣ.

8) Если бы не было надобности держать войско и воевать, если бы не было государствъ, странъ, народностей и, вообще, не было бы вражды и ненависти между людьми, то можно себѣ представить, насколько поднялся бы общій уровень богатства людей.

9) Если бы не было сословій, правъ и привилегій и люди цѣнились бы по дѣйствительнымъ ихъ личнымъ заслугамъ и по принесенной имъ человѣчеству пользѣ. Если бы эта оцѣнка могла быть произведена правильно, безъ предвзятыхъ идей и безъ лицепріятія.

10) Если бы не было податей, налоговъ и обязательныхъ повинностей, взимаемыхъ одинаково съ богатыхъ и бѣдныхъ, а богатые отдавали бы въ общее пользованіе добросовѣстно все то, что требуется общественными нуждами.

11) Если бы не было роскоши. Если бы люди не только не хвастались тѣмъ, что имѣютъ возможность пріобрѣтать совершенно ненужныя для своей жизни вещи, такія, какихъ у другихъ нѣтъ, но совѣстились бы публично свидѣтельствовать, что, молъ, я или мои родители имѣли возможность обобрать, а потому дѣйствительно и обобрали больше народа, чѣмъ другіе; пустили многихъ по міру и, вообще, натворили больше бѣдъ людямъ, чѣмъ другіе.

12) Если бы не было обжорства, объѣденія, пьянства, кутежей, оргій, разврата, поглощающихъ цѣлыя состоянія и всецѣло наполняющихъ жизнь милліоновъ людей. Если бы не было праздности, бездѣлья, убиванія времени за безполезными и безцѣльными занятіями, не приносящими никому ни пользы, ни удовольствія, ни развлеченія. Если бы общественная жизнь велась болѣе нормально, проще и не усложнялась бы никому ненужными условіями, обычаями и традиціями,—то всѣмъ дышалось бы легче и у всѣхъ было бы больше времени на что-либо полезное, живое и ведущее человѣка прямо къ основной цѣли своего существованія.

13) Если бы всѣ отдавали хотя только хламъ, ненужное имущество, имѣющееся въ домѣ и хозяйствѣ, всѣ старыя платья и тряпье, разводящія только пыль, моль и бактерій, въ общественное достояніе на бѣдныхъ, то могли бы значительно сократить нищету.

Digitized by Google

14) Если бы наука не развращала и не внушала людямъ атеистическихъ принциповъ, но изгнала бы изъ среды своей всѣ научныя положенія, явно противорѣчащія закону, данному Самимъ Богомъ.

15) Если бы всѣ, имѣющіе бо́льшіе противъ другихъ: богатства, умъ, таланты, выдающіяся способности, власть или сообразительность, — направляли бы свою дѣятельность не исключительно эгоистично на свое личное обогащеніе, но брали бы себѣ только то, сколько имъ нужно, а остальное оставляли бы людямъ.

16) Если бы люди, вообще говоря, передвинули грань своихъ обязанностей. Въ настоящее время всякій поступокъ считается честнымъ, если не ведетъ за собою опасенія попасть на скамью подсудимыхъ и всякій ведетъ смѣло до этого предѣла свои личные разсчеты и замыслы. Но людямъ жилось бы несравненно лучше, если бы эта грань добросовѣстно отодвинулась бы до евангельскихъ истинъ и всякій боялся бы преступить законъ любви и милосердія, всякій былъ бы слугою ближняго, то, конечно, скоро настало бы то время, когда жизнь на землѣ стала бы настоящимъ для насъ раемъ и мы быстрыми шагами подвигались бы къ Божественной правдѣ.

Сравните, какая могла бы быть жизнь на землѣ при выполненіи всѣхъ вышеизложенныхъ условій и какая она, въ дѣйствительности, въ настоящее время, и придете къ совершенно опредѣленному заключенію, что не Богъ виновникъ нашихъ мученій на землѣ, нашихъ бѣдъ и всѣхъ тѣхъ страданій, которыя мы видимъ кругомъ себя. Мы можемъ винить только себя и жалѣть, что мы не лучше и что мы мало стремимся и добиваемся быть лучше, ибо не заботимся даже и узнать объ основной причинѣ нашихъ бѣдъ и мученій, чтобы исправить участь какъ свою, такъ и грядущихъ за нами поколѣній, которыя всѣ будутъ страдать по нашей и предшествовавшихъ поколѣній винѣ.

Изъ всѣхъ планетъ солнечной системы самое существенное для дальнѣйшей судьбы человѣка составляютъ испытанія Земли, ибо на ней онъ безусловно долженъ освободиться отъ зла. На послѣдующихъ планетахъ человѣкъ будетъ развивать въ себѣ добродѣтели, укореняться въ нихъ и доводить ихъ до высшихъ степеней. Развитіе это можетъ идти скоро или тихо, что зависитъ уже отъ старанія самого человѣка; но не имѣя внутри себя и зачатковъ зла, его паденіе мало возможно. Мы же, жители Земли, заключаемъ въ себѣ еще преизрядное количество зла, и пока это зло въ насъ еще существуетъ, пока мы

Digitized by Google

не освободились отъ всѣхъ порочныхъ привычекъ, мы не можемъ перейти въ лучшій міръ или на планету Марсъ, ибо мы еще не обезпечили себя отъ паденія. Мы сами не могли бы поручиться за себя, что завтра же наша злая воля не возьметъ верхъ надъ нашимъ добромъ, что мы не примкнемъ къ лагерю злыхъ духовъ и не будемъ порабощены ими. И тогда пропадутъ безъ всякой для насъ пользы всѣ мученія наши, всѣ страданія и всѣ добрыя намѣренія, которыя, можетъ быть, мы выказали въ жизни.

Какъ много людей Земли погибаетъ такимъ образомъ. Они сѣяли, можетъ быть, и добро въ жизни, они не дѣлали видимаго зла никому ровно, но не обращали вниманія на то, что въ тайникахъ ихъ душъ дремало до поры до времени очень много гордости, тщеславія и другихъ пороковъ. Эта самая гордость, можетъ быть, и заставляла ихъ дѣлать добро. Они были увѣрены въ силѣ своихъ добродѣтелей и убѣждены, что безъ всякой посторонней помощи сами ихъ добрыя дѣла будутъ свидѣтельствовать за нихъ. При подобномъ ихъ поведеніи ни Богъ, ни ихъ Ангелъ-Хранитель не могли помогать имъ. Они были безсильны, а злая сила съумѣетъ воспользоваться во-время всѣми сокрытыми пороками и завладѣть человѣкомъ.

Ни на одной планетѣ Богъ не окружаетъ людей такимъ тщательнымъ попеченіемъ, какъ на Землѣ, ибо Богъ предвидитъ возможность паденія каждаго. Ни на одной планетѣ не рождался Христосъ въ грубомъ матеріальномъ тѣлѣ, не жилъ человѣкомъ, не искупилъ грѣхи всѣхъ, ищущихъ Его Святой помощи, и не побѣждалъ самого Денницу и всю его злую силу. Все это ясно показываетъ, что въ этомъ есть существенная необходимость, что жить на Землѣ безъ помощи Бога, безъ постоянной защиты своего Ангела-Хранителя, безъ искупительной жертвы Христа Спасителя не было бы никакой возможности и что человѣкъ Земли, желающій обходиться безъ помощи Божіей, долженъ погибнуть на вѣки и стать жертвой своего легкомысленнаго отношенія къ прямой задачѣ своего бытія.

Жизнь на Землѣ весьма непродолжительна. Богомъ положенный предѣлъ жизни есть въ среднемъ 100 лѣтъ. Въ этотъ срокъ долженъ каждый сумѣть исполнить и окончить съ достоинствомъ свою земную жизнь. Одной жизни вполнѣ достаточно, чтобы, съ Божьей помощью, отдѣлаться отъ зла и умолить Бога покрыть грѣхи добрыми дѣлами. Многіе оканчиваютъ свою задачу жизни и ранѣе полнаго срока и какъ только вся задача ихъ жизни окончена, Господь принимаетъ

Digitized by Google

ихъ къ себѣ и тѣмъ прекращаетъ ихъ земныя мученія. Никто не долженъ страдать болѣе того, чѣмъ это ему полезно и необходимо.

Но какъ много людей умираетъ до срока, не окончивъ своей земной задачи. Неправильною и естественною жизнью своею они испортили свое тѣло, изможднли его, извратили, оно стало слабо, болѣзненно и, наконецъ, не способно жить. Жизнь этихъ людей оканчивается не потому, что душа окончила свои жизненныя испытанія, но потому, что тѣло стало негодно и отказалось жить; а душа на полпути своихъ испытаній возвращается въ астральныя сферы Земли и принуждена преждевременно начать жить на нихъ.

Таинство смерти для всѣхъ людей, независимо отъ того, какъ они окончили свои жизненныя испытанія, есть важный и торжественный актъ въ жизни. Новаго пришельца съ земли встрѣчаютъ ангелы и всѣ умершіе люди, съ которыми онъ сталкивался во всѣхъ жизняхъ и онъ сразу принужденъ вспомнить всѣ свои дѣла, всѣ хорошія и худыя отношенія къ людямъ. Его невольно беретъ ужасъ при видѣ своихъ худыхъ дѣлъ и худыхъ отношеній и онъ утѣшается, если видитъ, что за нимъ числятся и добрыя дѣла. Злая сила также участвуетъ при встрѣчѣ и горе тому человѣку, который еще при жизни далъ ей власть приблизиться къ себѣ. Она отталкиваетъ Ангела-Хранителя и онъ, прямой и самый ревностный помощникъ человѣка, принужденъ стоять поодаль и скорбѣть, видя, какъ злая сила досаждаетъ, ругаетъ, смѣется надъ нимъ и хочетъ завладѣть имъ. Въ эти минуты безобразный и страшный видъ черныхъ демоновъ, въ которыхъ человѣкъ не вѣрилъ при жизни и которыхъ воочію видитъ первый разъ, всегда непомѣрно устрашаетъ его. Ужасна смерть для всѣхъ, кто не приготовилъ себя къ ней при жизни на Землѣ, и зато необыкновенно отрадна и пріятна для всѣхъ, кто ожидалъ ее, какъ избавленіе отъ земныхъ страданій, готовился къ ней и еще на землѣ жилъ съ Богомъ и съ Ангеломъ-Хранителемъ. Эти люди испытываютъ немедленно по переходѣ за гробъ блаженное и райское настроеніе души, которое уже болѣе не покидаетъ ихъ.

Разставшись со своимъ грубо матеріальнымъ тѣломъ, новый пришлецъ въ загробное царство остается въ томъ самомъ астральномъ тѣлѣ, которое служило основой его грубой земной матеріи. Оно и состояло изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоитъ вся астральная сфера планеты Земли. Въ этомъ тѣлѣ будетъ онъ жить все время, пока будетъ нахо-

Digitized by Google

диться на сферахъ Земли и не выполнитъ той задачи, которая положена Богомъ для этихъ сферъ.

Задача жизни на этой сферѣ есть познаніе и оцѣнка своихъ земныхъ дѣяній. Въ разговорномъ языкѣ мы говоримъ: человѣкъ является на судъ Божій. Это почти такъ, но Богъ— идеалъ любви и милосердія, — никого не судитъ, никого не заставляетъ страдать и мучиться. Онъ жалѣетъ, бережетъ и печется о каждомъ больше, чѣмъ мы бережемъ и любимъ сами себя. Въ сущности, задача земной сферной жизни состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ самъ позналъ всѣ ошибки и всѣ грѣхи своей жизни на Землѣ, самъ оцѣнилъ всю свою жизнь и самъ передъ Престоломъ Всевышняго изрекъ свой правильный приговоръ. Господь Богъ благословляетъ только то, къ чему приговариваетъ себя самъ человѣкъ.

Въ этой оцѣнкѣ себя помогаетъ человѣку одинъ только Ангелъ-Хранитель и никто больше. Онъ неотступно находится около человѣка во все время его загробнаго существованія и всѣми силами старается какъ можно скорѣе заставить человѣка узнать себя и свои дѣла.

Для этой цѣли Ангелъ-Хранитель водитъ человѣка по Землѣ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ человѣкъ жилъ, дѣлалъ добро и зло. Онъ напоминаетъ ему всѣ его поступки, указываетъ на добро, которое дѣлалъ человѣкъ и ему всегда необыкновенно утѣшительно видѣть, что и добрыя дѣла у него есть; показываетъ ему все зло, которое онъ сдѣлалъ и всѣ слѣдствія, которыя произвело его зло. Злая сила также сопрождаетъ ихъ при ихъ посѣщеніи Земли и напоминаетъ о каждомъ зломъ дѣяніи, о каждомъ торжествѣ своемъ надъ человѣкомъ, издѣвается надъ нимъ и смѣется надъ тѣми уловками и ухищреніями, какими удалось ей подловить человѣка и ввести его въ соблазнъ и грѣхъ. Эти напоминанія и насмѣшки злой силы о грѣхахъ, видъ своихъ грѣховъ и укоры совѣсти, все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствуетъ крайне удручающе и мучительно на человѣка. Передъ нимъ возстаетъ вся картина его грѣха и всѣхъ его преступленій и въ эти минуты великимъ облегченіемъ служитъ для него то обстоятельство, если на Землѣ онъ привыкъ молиться, призывать Бога въ помощь, что и теперь онъ имѣетъ возможность получить облегченіе черезъ молитву и призывъ Бога на помощь. Молитва и возношеніе къ Богу въ эти тягостныя для человѣка минуты составляютъ его спасеніе и облегчаютъ всѣ его страданія.

Люди, не привыкшіе молиться на Землѣ, оставаясь въ эти минуты безпомощными, часто до неимовѣрности истязаются

Digitized by Google

злыми духами, ихъ приставаніями, насмѣшками и неотступнымъ требованіемъ слѣдовать за ними въ адъ, гдѣ они сулятъ блаженство и покой. Человѣкъ, чувствуя себя дѣйствительно виновнымъ, готовъ рѣшиться на все, лишь бы избавиться отъ этихъ мученій. Не умѣя молиться и не зная Бога, онъ готовъ впасть въ отчаяніе, ожесточиться и возстать на Бога, но Ангелъ-Хранитель не допускаетъ его до этого и отстраняетъ злую силу насколько можетъ и уводитъ человѣка.

Кромѣ того, Ангель-Хранитель показываетъ человѣку обители рая и жизнь праведныхъ людей; показываетъ ему жизнь грѣшныхъ душъ и всѣ слѣдствія грѣха. Водитъ его даже, если это полезно, и въ самый адъ, указывая человѣку, до чего можетъ довести предѣлъ грѣха и порочности. Показывая ему всѣ самыя и разнообразныя жизни, которыми пользуются всевозможныя духовно-разумныя существа, Ангелъ-Хранитель всегда сопоставляетъ съ ними жизнь и поступки своего питомца, разсказывая ему, какъ бы каждый другой на его мѣстѣ поступилъ.

Такимъ образомъ, передъ самимъ человѣкомъ возстаетъ вся картина его предыдущей жизни, освѣщенная со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ степеней нравственнаго и духовнаго развитія, какія только доступны человѣку, и онъ долженъ получить возможность правильной оцѣнки себя.

Періодъ прохожденія человѣкомъ этихъ мытарствъ чрезвычайно разнообразенъ. Напримѣръ, у людей, не удрученныхъ особыми грѣхами, у людей смиренныхъ, покорныхъ волѣ Божіей и безусловно вѣровавшихъ при жизни въ благодать Господню, періодъ мытарствъ длится иногда только нѣсколько часовъ. У людей, удрученныхъ большими грѣхами и преступленіями, невѣрящихъ въ Бога и Его благость къ людямъ, ожесточившихся на Бога еще при жизни на Землѣ и отвергшихъ Его всеблагую помощь, періодъ мытарствъ можетъ длиться нѣсколько столѣтій.

Нѣтъ ни одной планеты на солнечной системѣ, на которой былъ бы болѣе разнообразенъ какъ переходъ человѣка за гробъ, время прохожденія мытарствъ, самое загробное ихъ состояніе, такъ и тѣ пути, къ которымъ ведетъ земная жизнь. И это естественно: на всѣхъ остальныхъ планетахъ живутъ души почти одинаковаго развитія и одинаковыхъ духовныхъ, нравственныхъ и разумныхъ качествъ и способностей, вслѣдствіе чего и жизнь ихъ протекаетъ болѣе ровно и однообразно, безъ сильныхъ соблазновъ и испытаній. При этомъ условіи одни достигаютъ своего совершенства скорѣе, другіе медленнѣе, но

Digitized by Google

все же всѣ идутъ по одному и тому же пути, постоянно приближаясь къ Богу.

Наша земля составляетъ исключеніе. На ней есть души всевозможныхъ качествъ и развитій. На ней жилъ Самъ Богъ Іисусъ Христосъ, апостолы, святые праведники; на ней живали и въ настоящее время живутъ злые духи, закоснѣлые грѣшники, существа, возмутившіяся противъ Бога на другихъ планетахъ и водворенныя въ наказаніе на Землю; и между этими крайними состояніями душъ мы найдемъ между людьми всевозможныя переходныя степени отъ крайняго добра и святости до крайняго зла и порочности. Это составляетъ одну изъ тѣхъ причинъ, отчего на Землѣ жизнь такъ не ровна и такъ трудна. Люди Земли должны радоваться этому, ибо, зная всю трудность земной жизни, Господь Богъ окружилъ ее несравненно большимъ попеченіемъ, чѣмъ всѣ другія планеты и далъ людямъ бóльшую возможность спасенія; поэтому, если человѣкъ Земли проживетъ свою жизнь не соблазнившись искушеніями и не покинетъ Бога, то и Богъ не покинетъ его и возвеличитъ его такими милостями Своими, какихъ не скоро дождутся жители другихъ планетъ.

Вообще говоря, все состояніе человѣка во время перехода его за гробъ зависитъ отъ степени духовнаго и нравственнаго состоянія человѣка, отъ силы вѣры въ Бога и привычки прибѣгать къ Его помощи. Для людей съ чистою совѣстью смерть есть только одна минута пріятнаго сна или забытья безъ малѣйшаго непріятнаго ощущенія. Поэтому человѣкъ долженъ еще при жизни слушать голосъ совѣсти, пріучать тѣло быть послушнымъ добрымъ порывамъ, направлять всю свою дѣятельность такъ, чтобы хотя отчасти находить удовольствіе въ тѣхъ возвышенныхъ духовныхъ радостяхъ, которыя наполняютъ все загробное существованіе. Человѣкъ при жизни еще долженъ знать и понимать загробную жизнь, она должна быть для него неоспорима, реальна и наглядна, и чѣмъ лучше онъ пойметъ весь смыслъ своей смерти, тѣмъ легче она для него настанетъ, ибо въ остальномъ поможетъ ему Самъ Богъ.

Несомнѣнно, что грѣхъ всегда остается грѣхомъ; грѣшитъ ли человѣкъ вѣрующій или невѣрующій, черезъ это никогда значеніе грѣха не уменшится и никто грѣха не назоветъ добродѣтелью. Поэтому, конечно, блаженъ тотъ, у кого нѣтъ грѣховъ или у кого грѣхи покрыты добрыми дѣлами, а также тотъ, кто искупилъ свои грѣхи, но Богъ и не поставилъ задачей жизни планеты искупленія высокихъ практическихъ примѣненій

Digitized by Google

добра или укоренѣнія въ добрѣ,—это составляетъ задачу другихъ высшихъ планетъ, слѣдующихъ за Землей.

На Землѣ человѣкъ еще не гарантированъ отъ паденія и на каждомъ шагу подвергается опасности, ибо не видитъ той массы подводныхъ камней, по которымъ пролегаетъ его путь, тѣхъ бурь и той борьбы, которыя ему предстоитъ пережить; онъ слѣпъ и крѣпко закованъ въ свое грубое тѣло. Представьте себѣ жизнь того разбойника, который былъ распятъ одновременно со Христомъ, имѣлъ ли онъ хотя какую-нибудь возможность не грѣшить и не злодѣйствовать? На Землѣ мы живемъ окруженными соблазнами, наше тѣло скоро устаетъ въ борьбѣ и отказывается служить намъ; мы хвораемъ, терпимъ неудачи, а воля наша слаба, характеръ не установился въ добрѣ, а потому побороть нашъ прежній навыкъ къ злу бываетъ такъ трудно, что задача нашей жизни дѣлалась бы невыполнимой, если бы не являлась благодатная сила Божія, помогающая человѣку.

Чуткая, отзывчивая къ добру душа, любящая Бога и вѣрящая въ Его милость, не можетъ не знать этого и не чувствовать, что все спасеніе въ Богѣ. Послѣ смерти, когда Ангелъ-Хранитель заставляетъ ее проходить длинный рядъ мытарствъ, она сознаетъ всѣ свои грѣхи, видитъ ихъ, скорбитъ о нихъ, кается въ нихъ, проситъ Бога о помощи и Богъ прощаетъ ей ея грѣхи, ея слабости, ошибки, покрываетъ ихъ искупительной жертвой Христа, такъ какъ въ другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ, въ лучшей жизни эта душа не грѣшила бы, такъ какъ нѣтъ въ ней внутреннихъ сокрытыхъ грѣховъ, нѣтъ внутренняго растлѣнія, но есть только ошибки, вызванныя организаціей и трудными условіями жизни. Переходъ за гробъ подобныхъ душъ происходитъ необыкновенно легко и они всегда счастливы, когда покидаютъ земную жизнь.

Для примѣра приведемъ нѣсколько сообщеній о подобныхъ переходахъ, сдѣланныхъ самими умершими.

I сообщеніе, сдѣланное въ 1888 году умершей С. В. Р.-К. своей дочери:

„Миръ тебѣ! — только будь тверда. Вообще, привыкай владѣть собою. Теперь слушай. Ты меня давно просила описать мою кончину, но я не рѣшалась, боясь тебя разстроить. Какъ ты знаешь, смерть для меня давно была желанной избавительницей отъ земного горя; но когда наступила она наконецъ, то мнѣ все-таки жалко было разставаться, если не съ жизнью, то съ вами, т. е. не разставаться, а оставлять васъ сиротами, ибо однимъ вамъ я еще нужна была; я сознавала

Digitized by Google

это какъ во все продолженіе своей болѣзни, такъ и въ послѣднія минуты; но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что лично для меня было лучше перейти сюда. Любить, кого я любила при жизни, я не перестаю и тутъ, помогать же совѣтами отсюда оказалось даже легче. При жизни на Землѣ польза отъ моихъ совѣтовъ была не большая, а теперь она могла быть очень большая. Перейдя сюда, я удалилась отъ всего вашего земного, вижу шире и дальше, и скажу тебѣ, что польза отъ моихъ совѣтовъ была бы временная, земная, но въ тысячу разъ лучше человѣку, если онъ все пройдетъ самъ.

„Не буду разсказывать, какъ разсталась я съ тѣломъ; первое, что я почувствовала здѣсь — это бодрость послѣ той немощи, какую я испытала во время болѣзни; это то того пріятно было... Сознавала я себя какъ при жизни, когда случалось совсѣмъ забывать о своемъ тѣлѣ. Мы здѣсь совершено не думаемъ о своемъ существѣ, иначе, какъ позабывъ о всякой сущности. При жизни я чувствовала: вотъ у меня рука, вотъ нога, вотъ палецъ, теперь же я и не думаю никогда о томъ, что я такое и какая у меня форма. Всѣ внутреннія чувства, способности, наклонности и знанія остались при мнѣ, до внѣшней же формы мнѣ и дѣла нѣтъ, какая она — я ея не чувствую, не вижу ни у себя, ни у другихъ и нисколько не забочусь о ней; да и есть ли она у меня? Я хорошенько не знаю. Первое, что я подумала: гдѣ моя маленькая (двухлѣтняя дочь) Лелюшка? Ее повидать мнѣ очень захотѣлось.

Вопр. Что же, ты увидѣла ее?

Отв. Какъ же, увидѣла, сейчасъ же увидѣла, но не видя ея, ибо не форму ея я увидѣла, но качества, чистоту, непорочность ея, все ея внутреннее и ничего наружнаго. Тѣло составляетъ темницу души; душа сокрыта въ немъ и единственный способъ увидать душу, это анализъ поступковъ и словъ человѣка; безъ дѣятельнаго же проявленія себя можетъ быть видно одно только тѣло, одна лишь внѣшняя форма человѣка.

Вопр. Сразу ли было удовлетворено твое желаніе увидать Лелюшку?

Отв. Сразу. Она встрѣтила меня и все первое время была со мной и много, много ихъ было вокругъ меня, все такія же милыя крошки, какъ и моя Лелюшка; онѣ окружили меня и стали увлекать меня за собой и такъ хорошо было мнѣ идти съ ними, такая у нихъ между собой шла милая болтовня, такъ привѣтливо обращались они поминутно ко мнѣ и обращали мое вниманіе то на то, то на другое, и лишнее, конечно,

Digitized by Google

говорить, что предметомъ ихъ вниманія было только все прекрасное".

II сообщеніе, сдѣланное знаменитымъ русскимъ публицистомъ и редакторомъ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ, издававшейся въ Москвѣ, М. Н. К., въ 1888 году.

„Я только что почувствовалъ приближеніе смерти, какъ пожелалъ покаяться въ грѣхахъ своихъ. Потомъ, что было— я не знаю, не помню; я помню только, какъ кто-то благословилъ меня; я лежалъ на постели и родные плакали кругомъ меня. Вскорѣ повторилось то, что однажды уже было со мной, т. е. нѣчто вродѣ сильной душевной боли и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не удостоился принятія Св. Таинъ. Ровно гора съ плечъ свалилась, мнѣ стало легко и пріятно; душа стала переходить за гробъ и покинула тѣло; вижу... люди плачутъ, жалѣютъ, — отрадно душѣ становилось, когда видѣлъ, что хорошую память о себѣ оставилъ.

„Долго душа находилась около дома между своими; вижу и небо, вижу все то, что и у людей дѣлается и теперь вижу совершенно ясно, потому что могу являться, гдѣ хочу. Переходъ мой за гробъ вообще совершился очень скоро, только тяжелъ былъ. — Бѣдное отечество мое, какъ оно будетъ безъ меня, я могъ бы руководить имъ и отсюда, да никому охоты нѣтъ говорить со мной.

Вопр. Долго-ли длился вашъ переходъ?

Отв. Мощный Богъ совершилъ его скоро. Онъ уменьшилъ страданія мои, склоняясь къ молитвамъ ближнихъ?

Вопр. Были ли вы въ обычномъ забытьи?

Отв. Были у меня разныя такія ощущенія, которыя трудно объяснить.

Вопр. Были ли они болѣзненны?

Отв. Хотѣлось еще пожить.

Вопр. Чувствовало эти ощущенія ваше тѣло или душа?

Отв. Конечно, душа; она положительно какъ бы разрывалась пополамъ, какъ бы что держало ее, а другой кто-то тащилъ къ себѣ.

Вопр. Не можете ли подробнѣе описать самый моментъ перехода и ту картину, которая представилась вамъ впервые въ загробной жизни?

Отв. Сколько длился самый переходъ я рѣшительно не знаю; знаю только, что онъ уже кончился тогда, когда мое тѣло лежало еще въ постели. Самаго перехода рѣшительно не поймете, описать его вамъ невозможно. При сильной фантазіи, впрочемъ, вы можете получить слабое понятіе, если

Digitized by Google

представите себѣ, что вы изъ равнины попали въ горы... карабкаетесь на нихъ, желая достигнуть вершины ихъ... Кругомъ васъ цѣлый сонмъ духовъ,—одни помогаютъ, другія препятствуютъ вамъ и въ этомъ общемъ смятеніи узнать знакомыхъ сразу нельзя, а оглядѣться некогда и притомъ же общество слишкомъ многочисленно".

Ш сообщеніе. „Я не знаю, сколько времени продолжался мой сонъ, онъ былъ не длиненъ. Я проснулся, не ощущая никакихъ болей изъ тѣхъ, которыми былъ одержимъ при жизни, и я очень тому радовался; я хотѣлъ встать и походить; но что-то меня удерживало; это что-то было далеко не непріятно, оно имѣло какую-то особенную прелесть. Я отчасти предался этой бездѣльности или этой лѣни, не отдавая себѣ хорошенько отчета о своемъ состояніи; я нисколько не думалъ, что я умеръ. Все окружающее казалось мнѣ сномъ. Я видѣлъ жену и нѣсколькихъ друзей на колѣняхъ и плачущими; я сказалъ самъ себѣ: они навѣрное думаютъ, что я умеръ. Я хотѣлъ ихъ разубѣдить въ томъ, но не могъ ни пошевелиться, ни выговорить ни одного слова, изъ чего я заключилъ, что это не сонъ. Что меня еще болѣе убѣждало, что это не сонъ,—это то, что я видѣлъ нѣкоторыхъ, давно умершихъ, личностей присутствовавшими тутъ же около меня и другихъ, которые какъ будто ждали, чтобы я проснулся.

„Мало-по-малу мысли мои становились болѣе опредѣленными; свѣтъ, который я видѣлъ какъ въ туманѣ, сталъ яснѣе и я началъ сознавать, что я не принадлежу больше землѣ.

„Останки мои не были еще похоронены. Я смотрѣлъ на нихъ съ какой-то жалостью и поздравлялъ себя, что я отъ нихъ уже отдѣлался. Я былъ очень счастливъ, я сознавалъ себя свободнымъ. Мнѣ дышалось свободно, какъ человѣку, который вышелъ изъ зараженной и душной атмосферы; невыразимое чувство счастья наполняло все мое существо, я чрезвычайно радовался встрѣчѣ тѣхъ, которые меня окружали; я не удивился видѣть ихъ; это казалось мнѣ совершенно естественно, — они производили на меня впечатлѣніе, какъ будто я вижу ихъ послѣ долгаго путешествія. Но что меня удивило,—это способъ нашего разговора; мы не произносили ни одного слова, а между прочимъ мы понимали другъ друга, наши мысли передавались взаимно и были другъ другу понятны черезъ одинъ взглядъ, какъ будто какая-нибудь невидимая связь образовалась между нами.

„Однако, я не совсѣмъ освободился еще отъ земной жизни. Память моихъ предсмертныхъ страданій, физическихъ

Digitized by Google

и нравственныхъ, еще тяготѣла надо мной, какъ будто для того, чтобы я лучше могъ оцѣнить настоящее свое счастье, и я самъ себя спрашивалъ: неужели я освободился отъ всего этого? Я, какъ будто въ доказательство, самъ себя ощупывалъ, и когда я вполнѣ убѣдился, то мнѣ представилось, что огромная, давящая тяжесть свалилась съ меня. Я былъ счастливъ и воздалъ благодарственную молитву Богу. Я былъ, какъ нищій, который неожиданно получилъ несмѣтныя богатства, первое время онъ тоже сомнѣвается въ своемъ счастьи и ощущаетъ всю тяжесть нужды. О, если бы люди понимали загробную жизнь,—съ какой бы настойчивостью, съ какимъ бы мужествомъ стали они добиваться ея. Что бы ни сдѣлали они при жизни своей, лишь бы обезпечить себѣ счастье, которое Богъ бережетъ тѣмъ изъ своихъ дѣтей, которые исполнили Его законъ. Они понимали бы тогда для какихъ мелочныхъ удовольствій они часто жертвуютъ величайшимъ счастіемъ и невыразимымъ блаженствомъ".

IV сообщеніе. П... былъ докторомъ въ Москвѣ. Онъ составилъ себѣ громкую репутацію добраго, вполнѣ нравственнаго человѣка.

Вопр. Потрудитесь сообщить намъ, отчего страдали вы такъ передъ вашей смертью, несмотря на то, что всю жизнь свою вы отличались добротой и снисходительностію?

Отв. Это была особая милость Всевышняго, черезъ которую Онъ далъ мнѣ возможность больше оцѣнить свое освобожденіе и сдѣлать въ послѣднее время моей жизни большой шагъ къ усовершенствованію.

Вопр. Боялись вы смерти?

Отв. Нѣтъ; я слишкомъ вѣрилъ въ благодать Божію, чтобы хотя сколько-нибудь бояться ея.

Вопр. Было ли болѣзненно разставаніе души съ тѣломъ?

Отв. Нѣтъ. То, что вы называете послѣдними минутами жизни, — совершенно не страшно. Я почувствовалъ какое-то потрясеніе... и скоро послѣ этого я уже былъ счастливъ, что избавился отъ своего жалкаго остова.

Вопр. Что было съ вами потомъ?

Отв. Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть многихъ друзей, пришедшихъ встрѣтить меня; они всѣ привѣтствовали мое счастливое возвращеніе. Большинство изъ нихъ были личности, которымъ мнѣ удавалось дѣлать добро.

Вопр. Какія области составляютъ ваше мѣстопребываніе? Находитесь ли вы на какой-нибудь планетѣ?

Отв. Нѣтъ, я нахожусь въ пространствѣ между планетами

Digitized by Google

Но сколько степеней въ этой безконечности, какъ велика лѣстница Іакова, идущая отъ земли до неба, т. е. отъ тѣхъ міровъ, на которыхъ живутъ и искупаютъ свои грѣхи души низшихъ развитій, до тѣхъ міровъ, на которыхъ находятся души высшихъ совершенствъ и высшей чистоты. Я живу въ томъ мѣстѣ, куда попадаютъ духи, перешедшіе очень много испытаній, что равносильно тому, если бы я сказалъ, примѣнясь къ вашему языку, прожившихъ много разъ въ матеріальныхъ тѣлахъ.

Вопр. Вы пережили уже много жизней?

Отв. Какъ же могло бы быть иначе? Нѣтъ исключеній въ удивительномъ и непостижимомъ порядкѣ, устроенномъ Самимъ Богомъ; награда можетъ быть получена только послѣ побѣды, одержанной въ борьбѣ; и если награда велика, значитъ и борьба стоила этой награды. Но жизнь человѣка коротка, а эти испытанія должны имѣть промежутки времени, которые человѣкъ проводитъ у насъ въ состояніи духа. Находясь на очень высокой степени совершенства, я долженъ былъ пройти всѣ эти жизни, въ теченіе которыхъ Богъ разрѣшилъ мнѣ иногда выходить побѣдителемъ изъ той борьбы, которую Онъ назначилъ на мою долю.

Вопр. Въ чемъ заключается ваше счастье?

Отв. Это очень трудно вамъ разсказать; мое счастье состоитъ въ ощущеніи высшаго довольства собой. Не думайте, что я чувствую и восторгаюсь силой своихъ добродѣтелей, это былъ бы эгоизмъ; эгоизмъ же можетъ быть качествомъ только низшихъ душъ. Мое довольство заключается въ любви Бога, въ глубокомъ чувствѣ признательности и благоговѣнія передъ Его безконечными щедротами; въ великомъ чувствѣ радости, что я могу сознавать всю прелесть добра и милосердія; въ восторгѣ отъ того, что я могу себѣ сказать: можетъ быть, отчасти и я былъ причиной, что нѣкоторыя души стали такъ близко къ Престолу Божію, причемъ невольно отождествляешься съ высшимъ порядкомъ и блаженствомъ и сливаешься съ Божественными цѣлями. Когда духъ настолько чистъ, что способенъ понимать цѣль, къ которой клонятся дѣйствія духовъ, стоящихъ еще выше его, тогда дѣлаешься твердо увѣреннымъ, что и самъ достигнешь этихъ неизмѣримо высокихъ предѣловъ. Въ этой безконечности можно увидать такія невыразимо блаженныя сферы, переполненныя свѣтомъ Божественнаго огня, которыя ослѣпляютъ насъ, несмотря на то, что мы видимъ ихъ какъ бы еще задернутыми отъ насъ легкимъ покрываломъ. Но зачѣмъ говорю вамъ это? Можете ли

Digitized by Google

вы понять меня? — Вы думаете, что этотъ огонь похожъ сколько-нибудь, напримѣръ, на ваше солнце. О, нисколько, это совершенно недоступный огонь для пониманія человѣка; вашъ языкъ и ваше пониманіе слишкомъ ничтожны; но знайте, уже то, что вы можете быть увѣрены въ возможности подняться такъ высоко, для васъ должно составлять великое преимущество.

V сообщеніе. Дѣвушка Эмма Л... умерла въ страшныхъ и невыразимыхъ страданіяхъ, причиненныхъ ей ожогами. Послѣ вызова, на соотвѣствующіе вопросы она сообщила слѣдующее:

„Огонь земли избавилъ меня отъ огня ада, такъ думала я, исповѣдуя католицизмъ; и если я не смѣла предвидѣть для себя райскаго блаженства, моя трепещущая душа находила себѣ утѣшеніе, думая о чистилищѣ,—я молилась, страдала и плакала.

„Но кто давалъ мнѣ силы переносить мои страданія? Кто во время длинныхъ безсонныхъ ночей и во время нестерпимо болѣзненной лихорадки наклонялся къ моей кровати мученія? Кто прохлаждалъ мои высохшія губы? Это былъ онъ, мой Ангелъ-Хранитель. Бѣлыя, окруженныя ореоломъ, крылья его прикрывали меня и нашептывали мнѣ слова надежды и любви.

„Полымя, опалившее мое слабое тѣло, избавило меня отъ всѣхъ моихъ земныхъ и преходящихъ привязанностей, вслѣдствіе чего мое тѣло умирало въ то время, когда я уже жила другой, настоящей жизнью. Я не теряла сознанія; не было во мнѣ перерыва бытія при переходѣ моемъ въ этотъ блаженный міръ, я переходила въ него веселая и спокойная и была принята тѣмъ лучезарнымъ днемъ, который окутываетъ здѣсь всѣхъ, которые страдали на землѣ, не покидая надежды на Бога. Послѣднія слова мои были: „Мать моя, дорогая мать, ахъ какъ я желала бы, чтобы она сдѣлалась спиритkой“.

„Я отпала отъ земли, какъ спѣлый плодъ отпадаетъ отъ своего стебля. Я начинала уже поддаваться заманчивому вліянію эгоизма и тщеславія, такъ опасному для всѣхъ несчастныхъ, которыхъ можетъ увлечь блестящій успѣхъ въ свѣтѣ при ихъ молодости и ихъ красотѣ; я благословляю огонь, избавившій меня отъ этой опасности, я благословляю мои мученія, какъ испытанія, послужившія моимъ искупленіемъ.

„Подобно легкой паутинѣ, несущейся осенью по вѣтру, парю я теперь, увлекаемая блестящими потоками, и несу на

Digitized by Google

своей головѣ не брильянтовую звѣздочку ювелирной работы, но звѣзду изъ золота Самого Бога".

VI сообщеніе. „Вопр. Вы больше года до смерти своей страшно страдали отъ вашей неизлѣчимой болѣзни, — какъ чувствуете вы себя теперь?

Отв. Мое положеніе въ настоящее время невыразимо счастливо, никакихъ прежнихъ болей я уже, конечно, не чувствую; я совершенно перерожденъ и обновленъ. Первые моменты послѣ смерти я никакъ не могъ понять своего перехода за гробъ; мы, духи, всегда при этомъ находимся въ такомъ состоянія, что ясно не понимаемъ своего положенія, это продолжается иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но передъ смертію я молилъ Бога, и Онъ разрѣшилъ мнѣ по возможности скорѣе сообщиться съ тѣми, которыхъ я оставилъ на землѣ.

Вопр. Черезъ сколько времени къ вамъ возвратилась отчетливость вашихъ пониманій?

Отв. Черезъ восемь часовъ. Богъ, я вамъ повторяю, призналъ меня достойнымъ Своей милости и я никогда не сумѣю Его отблагодарить за это.

Вопр. Какое впечатлѣніе производитъ на васъ ваше тѣло?

Отв. Мое бѣдное и недужное тѣло должно возвратиться къ состоянію пыли; я же остаюсь при добрыхъ воспоминаніяхъ обо всѣхъ, которые любили меня при жизни. Этотъ обезображенный кусокъ мяса былъ жилищемъ моего духа и орудіемъ многолѣтнихъ испытаній; спасибо тебѣ, мое тѣло, за то, что ты очистило мою душу и да будутъ тысячу разъ благословенны тѣ страданія, которыя я перенесъ въ тебѣ, ибо единственно чрезъ нихъ я заслужилъ то, чѣмъ теперь владѣю.

Вопр. Сохранили ли вы способность мыслить и понимать до послѣдней минуты вашей жизни?

Отв. Да,—мой духъ сохранилъ всѣ свои способности; я уже ничего не видѣлъ, какъ человѣкъ, но все чувствовалъ, какъ духъ; вся жизнь моя пронеслась передо мною и моя послѣдняя молитва была о возможности сообщиться съ вами.

Вопр. Чувствовали ли вы самый моментъ смерти? И что чувствовали вы именно?

Отв. Жизнь разбилась, чувства моего духа временно прекратились тоже; я чувствовалъ какую то пустоту, что-то мнѣ совершенно незнакомое, я былъ увлеченъ какой то непонятной мнѣ силой въ мірѣ, гдѣ все одно величіе и одно блаженство. Я потерялъ всякую чувствительность, не ущущалъ болѣе ничего, однако, былъ преисполненъ полнѣйшаго счастья.

Digitized by Google

Вопр. Вы сказали, что жизнь разбилась; сопровождается ли этотъ моментъ какими-нибудь непріятностями и болѣзненными ощущеніями?

Отв. Конечно; жизнь—что цѣлый рядъ страданій, смерть заканчиваетъ ихъ; духъ чувствуетъ какое то разрываніе и дѣлаетъ нечеловѣческія усилія, чтобы скорѣе избавиться отъ своей оболочки; все существо поглощено имъ до времени полнѣйшаго забытья *).

Вопр. Не знаете ли, для всѣхъ ли духовъ смерть одинаково болѣзненна, напримѣръ, не больше ли страданій у матеріалистовъ, которые думаютъ, что со смертью все кончается?

Отв. Конечно; увѣренность и спокойствіе, съ которымъ умирающій встрѣчаетъ смерть, не позволяютъ ему страдать,—онъ знаетъ, что его ожидаетъ. Нравственныя страданія выше всего; удалите ихъ и вы значительно облегчите себѣ бремя смерти. Невѣрующій уподобляется преступнику, который видитъ уже надъ своей головой занесенный топоръ и за этимъ полнѣйшая и страшная неизвѣстность всего будущаго.

Вопр. Дѣйствительно ли есть матеріалисты настолько закоренѣлые, чтобы въ моментъ смерти оставаться убѣжденными, что за смертью слѣдуетъ полнѣйшее уничтоженіе?

Отв. Конечно, до самой послѣдней минуты многіе вѣрятъ въ полнѣйшее уничтоженіе, но въ самый моментъ разставанія въ нихъ поселяется сомнѣніе и тогда они начинаютъ страшно мучиться, спрашивая себя о будущей своей судьбѣ; они начинаютъ желать возврата къ жизни, ими овладѣваетъ ужасъ, они хватаются за что ни попало, но ничего уже больше для нихъ невозможно.

Вопр. Вы сказали, что въ моментъ смерти вы перестали видѣть, какъ человѣкъ, но все чувствовали, какъ духъ,—какъ понять это?

Отв. Я совершенно точно выразился; смерть тѣла возвращаетъ душѣ ея обычное ясновидѣніе; глаза перестаютъ видѣть, но въ то же время духъ, зрѣніе котораго много лучше, начинаетъ видѣть незнакомыя страны; правда открывается ему немедленно, и онъ начинаетъ познавать или невыразимое блаженство, или горе безъ конца, сообразно состоянію своей совѣсти, сохраняющей всегда память всего прошедшаго.

Вопр. Будьте добры описать намъ, если это возможно,

*) Это есть частный случай; можно указать на многія другія смерти людей, при которыхъ духи теряютъ вполнѣ свое сознаніе и весь переходъ за гробъ совершался для нихъ безъ малѣйшаго болѣзненнаго ощущенія. Они еще при жизни доходили до большой степени дематеріализаціи, такъ что разъединеніе души съ тѣломъ происходило безъ всякихъ болей.

Digitized by Google

всѣ обстоятельства, которыя поразили васъ въ первое время вашей загробной жизни?

Отв. Когда я пришелъ въ себя, я былъ пораженъ, ибо не понималъ хорошо своего состоянія. Ясность моихъ идей возвратилась ко мнѣ нѣсколько позже. Я видѣлъ себя окруженнымъ множествомъ знакомыхъ и пріятелей. Много духовъ-хранителей собралось присутствовать при моемъ возвращеніи къ загробной жизни; они всѣ улыбались мнѣ и лица ихъ были оживлены нескончаемымъ блаженствомъ; я могъ тутъ же, безъ всякихъ усилій, пронестись по пространству. Что представилось въ это время моимъ глазамъ, не имѣетъ, конечно, названія на вашемъ языкѣ. Я буду часто навѣщать васъ, чтобы какъ можно подробно высказывать вамъ всѣ свои блаженства, не выходя, впрочемъ, изъ тѣхъ границъ, которыя положены для этого Самимъ Богомъ. Знайте только, что блаженство въ томъ видѣ, какъ вы его на землѣ себѣ представляете, слишкомъ безцвѣтно по отношенію къ дѣйствительности. Живите благоразумно, благочестиво, въ духѣ милосердія и любви и этимъ себѣ приготовите такое состояніе, какое описать ни одинъ изъ вашихъ земныхъ поэтовъ не въ силахъ.

Вопр. Въ какомъ видѣ предстали предъ вами ваши знакомые, имѣли-ли они видъ людей?

Отв. Да, милые друзья мои, духи мнѣ при жизни еще говорили, что въ загробномъ своемъ состояніи они имѣютъ совершенно видъ людей и это истинная правда. Но... какая разница между неуклюжими, грубыми формами земного человѣка, употребляющаго такія усилія, чтобы передвигаться съ мѣста на мѣсто, съ вѣчнымъ преслѣдованіемъ разнаго рода болѣе или менѣе замысловатыхъ испытаній и между чудесными эфирными очертаніями тѣла духовъ. Въ томъ мірѣ все прекрасно, въ полномъ смыслѣ этого слова, до такой степени, что я рѣшительно отказываюсь описать вамъ; конечно, уродствъ и безобразій не существуетъ за гробомъ, рѣзкость очертаній составляетъ только свойство земныхъ тѣлъ, здѣсь они изящны и граціозны. Богъ освятилъ всѣ эти прекрасныя существа, которыя переносятся съ мѣста на мѣсто съ легкостью и быстротой для васъ, конечно, непостижимой. Языкъ ихъ имѣетъ совершенно непереводимыя на вашъ языкъ интонаціи; взглядъ ихъ такъ-же глубокъ, какъ блескъ звѣздочки. Постарайтесь напряженнымъ воображеніемъ себѣ представить, что можетъ сдѣлать Всесильная Воля Творца, и вы не сумѣете представить себѣ и безконечно-малѣйшей части того, что въ сущности есть.

Digitized by Google

Вопр. Какъ вы видите другъ друга? Имѣете ли вы вполнѣ опредѣленныя и ясныя очертанія? Имѣете ли вы голову, руки ноги?

Отв. Духи сохранили форму земного человѣка, но форма эта, не исключая и всѣхъ тѣхъ членовъ, о которыхъ вы говорите, обожествленна и идеализована. Я отлично чувствую свои руки, ноги, пальцы, и мы, духи, во всякое время имѣемъ способность явиться вамъ въ настоящемъ своемъ видѣ и можемъ пожать вамъ руки. Я стою здѣсь около васъ и сейчасъ пожалъ каждому изъ васъ руку, но вы этого не сознаете. Наша эфирность позволяетъ намъ быть вездѣ, не занимая мѣста въ *вашемъ* пространствѣ, не возбуждая какого-либо чувства, если мы хотимъ, чтобы вы не угадывали нашего присутствія. Въ настоящее время вы сидите съ скрещенными руками на груди, а я держу васъ за руки. Мое тѣло не занимаетъ пространства, свѣтъ проходитъ черезъ него безпрепятственно. Вы назвали бы мое явленіе къ вамъ чудомъ, а между тѣмъ для меня совершенно легко и просто, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, сдѣлаться видимымъ. Видъ духовъ, при всемъ своемъ сходствѣ съ человѣкомъ, не имѣетъ никакого его подобія,—все измѣнено, какъ въ общемъ, такъ и въ коренномъ смыслѣ, въ самомъ основаніи. Духъ проникаетъ всюду, не занимая мѣста; его способности, его проникновеніе и прозорливость доведены до такой степени, что они видятъ всѣ ваши мысли. Они совершенно легко мѣняютъ свою форму, но, конечно, предпочитаютъ послѣднюю, въ которой жили на землѣ, ибо она больше всего приближаетъ ихъ къ Богу.

Вопр. Вы говорите, что читаете наши мысли,—не можете ли намъ пояснить, какъ это дѣлается?

Отв. Это не легко; чтобы вамъ это объяснить, надо было бы открыть цѣлый арсеналъ совершенно незнакомыхъ вамъ дѣятелей или двигателей въ природѣ и вы стали бы такъ же умны, какъ мы, духи, если бы только могли понять это, но это невозможно,—ваши чувства, понятія и способности слишкомъ ограничены. Терпѣніе, друзья мои, будьте добры, милостивы и дойдете до этого; въ настоящее время вы имѣете все, что Богъ вамъ разрѣшаетъ имѣть; будетъ время, вы будете какъ мы, духи, и будете знать столько же. Все ваше настоящее стараніе должно заключаться въ томъ, чтобы лучше умереть, и чѣмъ вы лучше умрете, тѣмъ вы будете больше знать за гробомъ. Любознательность, возбуждающая постоянно думающаго человѣка, доводитъ его спокойно до гроба, послѣ чего она только удовлетворяется знаніемъ прошлой и будущей

Digitized by Google

жизни. Въ настоящее время я скажу вамъ, что окружающая васъ невѣсомая атмосфера такого же свойства, какъ мы, духи, несетъ каждую вашу мысль; ваше каждое дыханіе есть, такъ сказать, страничка изъ той книги, въ которую записываются всѣ ваши мысли; ихъ читаютъ и объясняютъ духи, которые постоянно окружаютъ васъ; это Божественный телеграфъ, отъ котораго ничто не можетъ быть скрыто".

Всѣ описанія ощущеній, сопровождающихъ смерть людей вѣрующихъ, не удрученныхъ особыми грѣхами, оставляютъ въ насъ спокойное, отрадное и радостное впечатлѣніе. Всѣ эти люди рады умирать, ибо смерть для нихъ есть желанное избавленіе отъ земныхъ страданій и давно ожидаемое ихъ переселеніе въ міръ лучшій, въ міръ спокойствія и блаженства. Но не такъ легокъ переходъ за гробъ людей невѣрующихъ.

Мы, люди, живущіе еще на землѣ, никогда не можемъ оцѣнить своихъ собратій по дѣйствительнымъ достоинствамъ ихъ душъ. Мы всегда судимъ по одному внѣшнему виду ихъ поступковъ и не зная внутреннихъ мотивовъ и причинъ, заставляющихъ ихъ поступать такъ или иначе, склонны къ крупнымъ ошибкамъ при оцѣнкѣ ихъ. Напримѣръ, сравнивая двухъ людей, мы видимъ одного чрезвычайно на видъ добродѣтельнаго, но невѣрующаго въ Бога человѣка; другого же несравненно менѣе добродѣтельнаго, но вѣрующаго. Мы говоримъ, что толку, что онъ понимаетъ свою порочность, что онъ молится Богу, что онъ кается въ своихъ грѣхахъ, соединяется съ Богомъ черезъ посредство таинствъ, вѣдь онъ опять грѣшитъ, опять дѣлаетъ зло и далеко не имѣетъ тѣхъ добродѣтелей, какъ первый, невѣрующій человѣкъ. Это вѣрно, но второй очищаетъ себя отъ внутренней порочности души, отъ потаеннаго зла, таящагося въ внутреннемъ его существѣ, онъ пріучаетъ себя, при жизни еще, возвышать свою душу до предвкушенія загробнаго міра и со смиреннымъ сердцемъ ожидаетъ суда Божьяго, съ покорностью готовый исполнить все, что не повѣлѣлъ бы ему Богъ. Онъ увѣренъ, что Богъ всеблагъ и спасетъ его, и эта увѣренность, это смиреніе, эта покорность, однимъ словомъ, это чистое сердце, преданное всей душой Богу, находитъ за гробомъ свое спасеніе. По слабости организаціи своей и по безхарактерности, онъ дѣйствительно спотыкается, падаетъ и впадаетъ въ ошибки, но вѣдь это не безъ борьбы, не безъ скорби о себѣ; и только одному Богу извѣстна сила борьбы, сила желанія и стремленія не дѣлать зла, сила

Digitized by Google

привычки, заставляющая человѣка грѣшить и степень слабости его организаціи; во всемъ этомъ люди не судьи.

Духовное и нравственное настроеніе человѣка не вѣрующаго и не умѣющаго молиться совершенно не похоже на настроеніе человѣка, живущаго на землѣ съ Богомъ. Онъ всю жизнь надѣется на свои силы, вѣритъ только въ неотразимое значеніе своихъ высокихъ добродѣтелей или своего ума и въ нихъ однихъ онъ видитъ свое спасеніе. Развѣ это не есть высшая степень гордости, высшая степень упорства, развѣ это не есть чувство противленія Богу, или нежеланіе покориться Ему. Эти въ высшей степени злыя качества, не искорененныя изъ души, эта непривычка возвышаться до Бога, заставляетъ невѣрующихъ ужасаться смерти, ибо весь загробный міръ есть для нихъ нѣчто чуждое, нѣчто совершенно не соотвѣтствующее ихъ природѣ, ибо они при жизни нисколько не приготовили себя къ загробному существованію. Они въ жизни еще слышали и о загробномъ мірѣ, и о благости Божіей, и о жизни ангеловъ на небѣ, о жизни святыхъ и тогда еще они отвергли это ученіе и не желали обратить на него вниманія, тѣмъ болѣе за гробомъ, они уже совсѣмъ не въ состояніи думать объ этомъ и всѣ внушенія Ангела-Хранителя дѣлаются для нихъ невыносимой сказкой докучной, они жаждутъ лишь одного, чтобы Ангелъ-Хранитель отъ нихъ удалился и сами ищутъ возможности уйти куда-нибудь отъ него. Видя это, Ангелъ-Хранитель дѣйствительно принужденъ отступиться отъ своего питомца и тогда онъ скоро находитъ себѣ симпатичныхъ существъ среди злыхъ духовъ. Это сообщество нѣсколько успокоиваетъ грѣшника, ибо при этой обстановкѣ онъ избавляется отъ тѣхъ страданій, которыя испытываетъ при невозможности дѣлать зло и сѣять дѣла противленія Богу. Однако, Ангелъ-Хранитель не отступился отъ него окончательно, онъ только испытываетъ и выжидаетъ время, чтобы опять приступить къ нему и начать свои увѣщеванія.

Закоренѣлые невѣры въ послѣднія минуты своей жизни чувствуютъ какъ бы ужасъ самаго сильнаго кошмара, въ которомъ они видятъ себя на краю пропасти, въ которую собираются летѣть, и дѣлаютъ сверхъестественныя усилія, чтобы избѣгнуть этого. Они хотятъ зацѣпиться за что-нибудь и не находятъ ничего; хотятъ кричать и не могутъ, ибо смерть тѣла уже сковала всѣ ихъ органы. Они впадаютъ въ абсолютное отчаяніе, усиливающее ихъ и такъ уже невыразимо мучительное состояніе. Кошмаръ при жизни человѣка длится одно мгновеніе, но этотъ кошмаръ за гробомъ продолжается цѣлые годы и онъ

Digitized by Google

тѣмъ болѣе ужасенъ, что человѣкъ не знаетъ конца ему и, вообще, конца своимъ мученіямъ; онъ не можетъ себѣ представить, что дальше будетъ, чѣмъ все это кончится; не видитъ никого около себя, сознаетъ только себя, или свое отчаяннѣйшее положеніе и мракъ, его окружающій.

Но въ сущности этотъ несчастный не одинъ. Ангелъ-Хранитель не покидаетъ его, хотя и не видимъ ему; онъ молится за него, скорбитъ о немъ, проситъ у Бога облегченія этой ужасной участи и употребляетъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе привести его къ сознанію своего положенія, а слѣдовательно и къ раскаянію, единственному средству, могущему сколько-нибудь облегчить это ужасное состояніе.

Ангелъ-Хранитель показываетъ ему Землю и обители рая, сопоставляетъ и сравниваетъ жизнь на нихъ, утѣшаетъ его, стараясь внушить, что со смертью онъ ничего не потерялъ и что здѣсь, за гробомъ, онъ можетъ жить еще лучше, чѣмъ онъ жилъ на Землѣ, даетъ ему надежду на спасеніе, разсказываетъ ему о милости Божіей, о безконечной любви и прощеніи. Но что можетъ сдѣлать Ангелъ-Хранитель, если привычка ко всему низменному и земному такъ глубоко внѣдрилась въ душѣ человѣка, что онъ абсолютно слѣпъ и неспособенъ понять красоту небесъ. Этотъ бѣдный грѣшникъ заключалъ въ глубинѣ своего сердца такъ много пороковъ, такъ много увѣренности въ себя, въ свои собственныя силы и свои добрыя дѣла, что ничего кромѣ себя и своего безвыходнаго положенія онъ не видитъ. Весь загробный міръ виденъ ему только черезъ призму униженной гордости и оскорбленнаго самолюбія. Онъ не въ состояніи отличить рая отъ ада. Въ раю онъ несказанно мучается, какъ рыба, вынутая изъ воды; въ аду онъ чувствуетъ себя лучше и болѣе понимаетъ себя. Все Божественное производитъ на него впечатлѣніе чего то отталкивающаго, чего то невыносимо противнаго и слово „Богъ“ заставляетъ его содрогаться. Онъ жаждетъ лишь одного—своего уничтоженія и положительно не понимаетъ, чего требуетъ отъ него его Ангелъ-Хранитель. Ангелъ-Хранитель требуетъ отъ него раскаянія, но онъ никакъ не можетъ понять, что такое раскаяніе, онъ все оправдывается. По его понятіямъ, можно только оправдываться, а потому на каждый доводъ Ангела-Хранителя о виновности его, онъ подыскиваетъ оправданіе и никогда себя виновнымъ признать не можетъ. Онъ находитъ, что въ томъ, что онъ грѣшилъ при жизни, виноваты всѣ, кромѣ его самого, и Богъ, и люди, но онъ самъ по своимъ понятіямъ всегда остается правъ.

Digitized by Google

Такъ проходятъ годы. Зло, причиняемое самому себѣ, начинаетъ быть уже очень тягостнымъ и упорство души начинаетъ принимать болѣе спокойный характеръ, позволяющій болѣе вдумываться въ настойчивые совѣты Ангела-Хранителя. Человѣкъ начинаетъ болѣе или менѣе соображать свое положеніе и вмѣстѣ съ первой искрой раскаянія (появившейся сперва можетъ быть и случайно, какъ нѣкая проходящая мысль) человѣкъ получаетъ облегченіе и нѣкоторую отраду, нѣкоторую надежду на избавленіе и Ангелъ-Хранитель уже торжествуетъ, радуется и благодаритъ Бога, ибо онъ предвидитъ скорый возвратъ этого человѣка къ Богу. Самый трудный это первый шагъ, за которымъ начинаетъ все чаще и все сильнѣе повторяться раскаяніе и человѣкъ очень быстро улучшаетъ свое загробное состояніе. Если этотъ человѣкъ не имѣлъ при жизни особыхъ грѣховъ, то онъ можетъ скоро за свои добрыя дѣла, содѣланныя на землѣ, получить весьма блаженное состояніе, не смотря на столь жестокое начало.

Чрезвычайно тягостно состояніе душъ, которыя при безвѣріи своемъ не имѣютъ добрыхъ дѣлъ въ свое оправданіе, и еще болѣе тягостно это состояніе, если человѣкъ удрученъ преступленіями. Такую душу водитъ Ангелъ-Хранитель цѣлые вѣка; она испытываетъ настоящія мученія ада, имѣя всегда передъ глазами картину своихъ злодѣяній; она несказанно несчастна, но ничто не въ силахъ привести ее къ сознанію своей виновности. Положеніе Ангела-Хранителя около этой души невыразимо тягостно; онъ мучается не менѣе самой души и выбивается изъ силъ, чтобы спасти ее. Когда же всѣ средства исчерпаны, когда Ангелъ-Хранитель убѣждается, что ничего не можетъ помочь ей, то Богъ опредѣляетъ эту душу во тьму. Она помѣщается въ отдѣльныхъ и темныхъ мѣстахъ астральныхъ сферъ Земли и оставляется на произволъ ея собственныхъ мыслей и ощущеній.

Ангелъ-Хранитель и тутъ ни на шагъ не отходитъ отъ души. Онъ неусыпно слѣдитъ за ней и если бы появился у нея хотя малѣйшій проблескъ раскаянія или добраго желанія, то онъ начинаетъ опять свои увѣщанія, свои совѣты и очень часто удается спасти эту душу. Богъ по безпредѣльной Своей благости даетъ этимъ существамъ всѣ льготы, всѣ средства и всю Свою милость; и если бы эта душа только сама захотѣла вернуться къ Богу и къ добру, она могла бы это сдѣлать при первомъ призывѣ Бога.

Но душа, предопредѣленная Богомъ во тьму, въ большинствѣ случаевъ впадаетъ въ отчаяніе; она не вѣритъ въ

Digitized by Google

возможность возврата къ Богу, и Ангелъ-Хранитель не можетъ увѣрить ее въ томъ, что Богъ вновь приметъ ее въ Свое лоно, какъ принимаетъ отецъ своего блуднаго, но любимаго сына. Гордость и самолюбіе не позволяютъ душѣ и думать о возвратѣ къ Богу и она желаетъ лишь одной милости, чтобы ей было разрѣшено слѣдовать за злой силой въ адъ. Она убѣждена, что только тамъ получитъ она удовлетвореніе и награду, и всѣми силами стремится поскорѣе въ темное царство денницы. Денница давно уже засылалъ къ этой несчастной своихъ слугъ съ обѣщаніями всевозможныхъ благъ жизни; но, кромѣ того, она и сама давно убѣдилась, посѣщая раньше адъ, что онъ болѣе ему по сердцу, чѣмъ рай.

Богъ, однако, не даетъ подобнымъ душамъ сразу окунуться въ жизнь крайняго зла, не испробовавъ всѣхъ путей къ возврату. Онъ опредѣляетъ имъ жизнь на Венерѣ. Если эта жизнь не приведетъ къ благимъ результатамъ, если и послѣ этой жизни эта грѣшная душа будетъ настаивать на желаніи своемъ идти въ темное царство денницы, то Богъ уступаетъ и отпускаетъ ее отъ Себя. Задерживать дальше такую упорную въ злѣ душу было-бы рѣшительно безполезно. Она могла бы пробыть еще вѣка въ такомъ положеніи, и всѣ эти вѣка не принесли бы ей никакой пользы. Окунувшись же въ крайнее зло и испробовавъ его, эта душа можетъ скорѣе получить отвращеніе отъ зла и вернуться къ добру.

Какъ только Богъ изречетъ Свой святой приговоръ, на душу эту налегаютъ злые демоны и уносятъ новую жертву съ дикимъ ликованіемъ въ свое царство на истязанія.

Для иллюстраціи тягостнаго состоянія страждущихъ душъ за гробомъ, приведемъ нѣсколько сообщеній.

I сообщеніе. Р.... былъ при жизни человѣкомъ очень обыкновеннымъ, былъ холостъ и скупъ.

Послѣ смерти своей, въ 1857 году, онъ оставилъ довольно значительное состояніе своимъ дальнимъ родственникамъ боковой линіи. Онъ сообщилъ слѣдующее: „Я хочу получить обратно свои деньги; эти негодяи отняли ихъ у меня и раздѣлили между собой. Они продали мои фермы, мои дома и всѣ деньги раздѣлили. Они разграбили мое добро, какъ будто оно не принадлежитъ мнѣ. Предайте ихъ въ руки правосудія, ибо меня они не слушаютъ; они говорятъ, что я былъ ростовщикомъ при жизни, а деньги все-таки взяли. Отчего же не хотятъ они возвратить денегъ, находя, что онѣ нажиты худыми дѣлами?

Digitized by Google

Вопр. Но, вѣдь, вы умерли, зачѣмъ же вамъ деньги? Просите Бога, чтобы Онъ дозволилъ вамъ возобновить жизнь вашу въ бѣдности, чтобы искупить свою алчность послѣдней жизни.

Отв. Нѣтъ, въ бѣдности я жить не могу, мнѣ нужны деньги, чтобы жить. Какую надо мнѣ еще другую жизнь, если я и теперь живу.

Вопр. Страдаете ли вы?

Отв. О, да, я страдаю мученіями ада, которыя хуже всѣхъ земныхъ страданій, ибо они находятся въ самой глубинѣ моей души. Я всегда признавалъ несправедливость и все криводушіе своей жизни, которая была причиною бѣдствій многихъ людей. Я знаю, что я негодяй, недостойный сожалѣнія, но я такъ страдаю, что надо помочь мнѣ выйти изъ этого ужаснаго положенія.

Вопр. Мы будемъ молиться за васъ.

Отв. Благодарю васъ, молитесь, чтобы я забылъ свои земныя богатства; безъ этого я никогда не буду въ состояніи покаяться. Прощайте. Франсуа Р... Улица благодѣянія, № 14.

II сообщеніе. Въ Гаврѣ получилось внезапное нижеслѣдующее сообщеніе:

„Я въ ужасной пропасти... помогите мнѣ... О, Боже мой, кто вынетъ меня изъ этого жерла? кто протянетъ руку помощи бѣдному, поглощенному моремъ... Ночь темна и мнѣ страшно... вездѣ ревъ волнъ и ни одного дружескаго привѣта для моего утѣшенія въ эти потрясающія минуты, ибо глубокую эту ночь можно сравнить только съ самою ужасающею смертью, не въ будущемъ, а уже въ прошедшемъ, и я навѣки разлученъ со всѣми, которыхъ любилъ. Я вижу свое тѣло, и то, что я чувствую теперь, есть только ужасное воспоминаніе послѣдняго томительнаго разставанія... Сжальтесь надо мной и молитесь за меня... однако это только наказаніе; я предчувствую!.. Молитесь, умоляю васъ... О, море! о, холодъ!.. Меня поглотитъ сейчасъ!.. Спасите!.. Бѣдная моя мать; если бы она могла себѣ представить своего сына въ такомъ положеніи, она бы больше молилась за него; но она думаетъ, что моя смерть искупила все мое прошедшее; она оплакиваетъ меня какъ мученика, а не какъ преступника. Вы, которые знаете теперь о моихъ страданіяхъ, будете ли вы безъ всякаго сожалѣнія ко мнѣ? Нѣтъ, вы будете молиться. Франсуа Бертинъ“.

Это имя не было извѣстно медіуму; онъ догадался, что это несчастный духъ претерпѣвшаго крушеніе человѣка, ко-

Digitized by Google

торый случайно сдѣлалъ это сообщеніе, какъ уже это случалось много разъ въ его практикѣ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что Франсуа Бертинъ былъ одной изъ жертвъ крушенія корабля, случившагося 2 декабря 1863 г. Сообщеніе же было сдѣлано восьмого, т. е. 6 дней послѣ катастрофы.

Франсуа Бертинъ погибъ, принимая самыя усиленныя мѣры къ спасенію своего экипажа и въ томъ самый моментъ, когда онъ думалъ, что спасеніе обезпечено, все судно пошло ко дну.

Черезъ 2 мѣсяца, 2-го февраля 1864-го года, послѣ многихъ молитвъ, произнесенныхъ за спасеніе души его, онъ опять внезапно сдѣлалъ тому же медіуму слѣдующее сообщеніе: „Участіе, которое вы оказали моимъ страданіямъ, меня очень облегчило. Я понимаю надежду, я предвижу прощеніе послѣ нѣкотораго наказанія для искупленія моихъ грѣховъ. Я все еще страдаю, но Богъ позволяетъ мнѣ по временамъ видѣть и предвкушать конецъ страданіямъ при нѣкоторомъ смягченіи ихъ, чему я всецѣло обязанъ вамъ. О, надежда! этотъ лучъ Божій—будь ты благословенна; я счастливъ, когда я чувствую, что она зарождается въ моей душѣ... Но увы, пропасть опять открывается, ужасъ и мученія заставляютъ забывать это сладкое чувство... вода, шумъ волнъ, которыя поглотили мое бѣдное тѣло, — эти слова слишкомъ слабо очерчиваютъ картину того ужаснаго положенія, въ которомъ находится мой духъ... Я спокоенъ, когда нахожусь около васъ; ваше участіе утомляетъ мои боли и успокоиваетъ мой духъ. Молитесь за меня, ваши молитвы меня несказанно облегчаютъ. Я не хочу снова возвратиться къ тѣмъ ужаснымъ снамъ, которые слагаются около меня въ вполнѣ реальныхъ и ощутительныхъ формахъ“.

Черезъ нѣсколько дней этотъ самый духъ, но черезъ другого медіума, былъ вызванъ въ Парижскомъ собраніи спиритовъ и на предложенные вопросы далъ нижеслѣдующее сообщеніе.

Вопр. Что побудило васъ внезапно явиться къ первому медіуму въ Гаврѣ? Когда вы въ первый разъ явились, вы какъ будто еще не знали — живете ли вы еще или уже умерли и вы ощущали тогда еще весь ужасъ перехода за гробъ; отдаете ли вы себѣ въ настоящее время лучше отчетъ о своемъ состояніи? Вы сообщили, что ваша смерть есть искупленіе, можете ли вы объяснить причину? Все это будетъ служить для насъ поученіемъ, а вамъ принесетъ пользу, облегчая вашу душу. Черезъ это признаніе вы вызовете милосердіе Божіе, которое мы испросимъ черезъ молитву.

Digitized by Google

Отв. Можетъ показаться положительно непонятнымъ, какъ можетъ живое существо перенести то, что я перенесъ. Боже мой! какъ мучительно видѣть себя постоянно между волнами разъяреннаго океана и всегда чувствовать этотъ смертельный холодъ. Но къ чему постоянно разсказывать одно и то же?— Чувство признательности къ вамъ за ваше участіе заставляетъ меня дать нѣкоторое разъясненіе на предложенные вопросы. Я не могу вамъ сказать, черезъ сколько времени послѣ своей смерти я сообщался съ медіумомъ; подумайте, какое ужасное было мое положеніе, въ которомъ я по временамъ и теперь еще нахожусь. Я думаю, что былъ приведенъ къ медіуму посторонней, независящей отъ меня волей и еще, чего я никакъ не могу себѣ объяснить, это то, что я владѣлъ его рукой такъ же свободно, какъ пишу рукой медіума въ настоящее время, положительно думая, что это моя рука. Я чувствую въ то время, какъ говорю съ вами, какую-то невыразимую радость, какое-то совершенно особенное облегченіе. Но, увы! оно скоро кончится. Но, Боже мой, я хочу сдѣлать вамъ еще одно признаніе и не знаю, достанетъ ли у меня силъ.

Послѣ нѣкоторыхъ поощреній духъ добавилъ: „Я былъ очень виновенъ. И что меня очень огорчаетъ—это, что теперь меня считаютъ мученикомъ, когда этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ... Въ одной изъ предшествующихъ жизней я посадилъ нѣсколько жертвъ въ мѣшокъ и велѣлъ бросить ихъ въ воду... Молитесь за меня".

Контроль медіума, духъ св. Луки, покровительствующій сеансу, добавилъ слѣдующее: „Признаніе, сдѣланное этимъ духомъ, будетъ причиной большаго облегченія, которое онъ получитъ. Да, онъ былъ очень виновенъ, и та жизнь, въ которой онъ жилъ въ послѣдній разъ, была праведна. Она можетъ назваться благопріятнымъ плодомъ того раскаянія, которое онъ принесъ до того времени, какъ вступилъ въ эту вторую земную жизнь; онъ хотѣлъ быть человѣколюбивымъ въ такой же степени, въ какой онъ былъ жестокъ въ своей предшествующей жизни. Самопожертвованіе и самоотверженіе, которое онъ оказалъ, были доказательствами его исправленія; ему осталось только искупить нѣкоторыя ошибки черезъ смерть. Онъ самъ пожелалъ для полнаго своего искупленія умереть, испытывая тѣ же страданія, которыя испытывали, умирая, его жертвы. Замѣтьте, что его безпокоитъ больше всего, не смотря на ужасныя страданія, то, что его принимаютъ за мученика и, повѣрьте, что это чувство зачтется ему въ заслугу. Теперь онъ кончаетъ всѣ свои испытанія и вступаетъ въ жизнь обно-

Digitized by Google

вленную, возстановляющую все доброе, находящееся въ немъ; ваши молитвы поддержали его и дали ему силу и стойкость слѣдовать долгимъ и труднымъ путемъ искупленія".

Ш сообщеніе. Страждущій духъ Ноэля, обращаясь къ своему земному пріятелю, медіуму, сообщилъ нижеслѣдующее:

„Я хочу тебѣ разсказать, что я претерпѣлъ послѣ своей смерти. Мой духъ, задержанный тѣломъ какими-то вполнѣ матеріальными связями, долженъ былъ употребить страшныя усилія, чтобы освободиться, это была причина моихъ первыхъ и самыхъ ужасныхъ мученій. Умирая на двадцать четвертомъ году, я нисколько не думалъ о смерти, и притомъ жизнь моя была въ полномъ разгарѣ своихъ физическихъ силъ. Я сталъ искать свое тѣло и былъ удивленъ, страшно испуганъ, представивъ себя потеряннымъ въ этой толпѣ безчисленнаго множества тѣней. Наконецъ-то я понялъ свое положеніе; совѣсть заговорила во мнѣ и я пораженъ и уничтоженъ воспоминаніями всѣхъ грѣховъ, сдѣланныхъ мною во всѣхъ моихъ предыдущихъ жизняхъ. Пронизывающій весь мой организмъ свѣтъ освѣтилъ всѣ самые потаенные уголки и складки моей темной души и я почувствовалъ себя голымъ, вслѣдствіе чего голосъ совѣсти производилъ на меня самое ужасное впечатлѣніе — абсолютнаго стыда. Я думалъ избѣгнуть его занявшись созерцаніемъ окружающихъ меня предметовъ, хорошо, впрочемъ, знакомыхъ мнѣ; лучезарные и сіяющіе духи, парящіе въ эфирѣ, наводили меня на мысль о существованіи блаженства, о которомъ мнѣ нечего, конечно бы, и думать; темныя, огорченныя, грустныя тѣни: однѣ, погруженныя въ свое тихое отчаяніе, другія, имѣющія нѣсколько насмѣшливый характеръ и третьи, имѣющія раздраженный и злой видъ, скользили вокругъ меня и по землѣ, отъ которой онѣ никакъ подняться не могли. Я видѣлъ землю и все, что на ней дѣлаютъ люди и завидовалъ имъ, что они такъ близко, а между тѣмъ и не подозрѣваютъ, что около нихъ дѣлается. Вся эта картина поднимала во мнѣ новыя или знакомыя уже чувства, которыя всѣ сразу поглотили все мое существо. Увлеченный невѣдомой силой, которой я противустоять не могъ и, ища въ бѣгствѣ спасенія отъ всѣхъ ужасовъ своего состоянія, я пролеталъ пространства, разныя сферы, проникалъ черезъ матеріальныя препятствія и совершенно отуманенный спасался, не замѣчая ни красотъ природы, ни божественнаго величія картинъ неба, одинъ видъ которыхъ могъ бы на минуту хотя усмирить меня и заставить забыть невообразимо горькое и ужасное состояніе моей совѣсти, ни еще болѣе ужаснѣйшее предчувствіе цѣлой

Digitized by Google

вѣчности, предстоящей мнѣ. Человѣкъ чувствуетъ то же свои мученія, но при его, относительно слабой, волѣ онъ всегда находитъ въ себѣ поддержку въ надеждѣ, умѣряетъ силу ощущеній разными земными развлеченіями и, наконецъ, память измѣняетъ ему; поэтому онъ никогда не пойметъ состоянія страдающей души, но страдающей непрерывно и безъ надежды на лучшее, безъ всякаго раскаянія.

„Я не знаю, сколько я провелъ времени въ этомъ состояніи, въ которомъ я завидовалъ счастливымъ избраннымъ, которыхъ блаженство я видѣлъ изрѣдка, ненавидѣлъ злыхъ духовъ, которыя меня преслѣдовали, дразнили, насмѣхались надо мной и презиралъ людей, дѣла которыхъ были для меня открыты; я все время переходилъ отъ самыхъ сложныхъ огорченій къ безотчетному возмущенію.

„Но ты позвалъ меня и въ первый разъ какое-то теплое и смиренное чувство посѣтило меня; я слушалъ наставленія, которыя даютъ тебѣ твои руководители; истина стала проникать въ меня и я помолился; Богъ меня услышалъ и склонился ко мнѣ Своею милостью такъ же, какъ Онъ относился ко мнѣ Своимъ правосудіемъ".

IV сообщеніе. „Вопр. Желаете ли вы дать мнѣ нѣсколько подробностей о вашемъ состояніи и разсказать причину вашихъ страданій?

Отв. Будь смиренъ сердцемъ, покоренъ волѣ Божіей, терпѣливъ во время испытаній, милостивъ къ бѣднымъ, поддерживай слабыхъ, относись тепло и сочувственно ко всѣмъ страдающимъ и ты не будешь испытывать то, что я испытываю.

Вопр. Если васъ безпокоятъ грѣхи, противуположные тѣмъ качествамъ, которыя вы сейчасъ перечислили, то, вѣроятно, ваши мученія уменьшатся, ибо вы, кажется, раскаиваетесь въ нихъ.

Отв. Нѣтъ, раскаяніе безплодно, если оно вызвано страданіями. Раскаяніе дѣйствительно только тогда, когда оно основано на свободномъ и добровольномъ чувствѣ сожалѣнія, что своими поступками я оскорбилъ величіе Бога, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы было твердое рѣшеніе никогда болѣе въ тѣ же грѣхи не впадать. Къ величайшему своему сожалѣнію, я до этого еще не дошла. Прошу васъ помолиться за меня, мнѣ это существенно нужно.

Вопр. Вашу просьбу мы исполнимъ, но не можете ли дать подробное описаніе вашей послѣдней жизни? Результатомъ вашего разсказа можетъ быть польза для насъ, а вы, разска-

Digitized by Google

зывая и признаваясь въ своихъ поступкахъ, положите уже начало раскаянію.

Отв. Я родилась въ условіяхъ чрезвычайно благопріятныхъ и даже высокихъ. Я имѣла всѣ условія, которыя только можетъ требовать человѣкъ отъ счастья. Я была богата, къ несчастью своему, была эгоисткой, я была красивой кокеткой и относилась вполнѣ безразлично къ ближнимъ; я была лжива и тщеславна, гордясь своимъ благороднымъ происхожденіемъ. Я подавляла своимъ вліяніемъ всѣхъ, которые кланялись мнѣ недостаточно низко и вредила безъ всякой жалости тѣмъ, которые были совсѣмъ въ моей власти, или у моихъ ногъ, не думая, что гнѣвъ Божій раздавитъ того, чья гордость заставляетъ поднимать свою голову выше другихъ.

Вопр. Когда вы жили?

Отв. Полтораста лѣтъ тому назадъ, въ Пруссіи.

Вопр. Съ тѣхъ поръ усовершенствовались ли вы, проживая столько времени въ состояніи духа?

Отв. Нѣтъ; матерія всего моего существа противилась тому. Ты не можешь себѣ представить, какое непреодолимое вліяніе оказываетъ моя матерія, несмотря на то, что раздѣленіе души съ тѣломъ давно уже окончено. Гордость, на подобіе стальной цѣпи, связываетъ и немилосердно сдавливаетъ всѣ свои звенья кругомъ несчастнаго, который рѣшилъ отдать ей свое сердце. Гордость есть стоглавая гидра, которая умѣетъ соразмѣрять свой свистъ сообразно настроенію духа, такъ что этотъ вполнѣ фальшивый тонъ можно принять за Божественную музыку. Гордость есть демонъ, умѣющій приноравливаться ко всѣмъ измѣняемостямъ вашего духа; она прячется въ каждый изгибъ души, проникаетъ въ кровь, окутываетъ все существо, поглощаетъ все всецѣло и влечетъ его затѣмъ въ самыя темныя мѣста геенны вѣчной... да, вѣчной.

Вопр. Богъ слишкомъ милостивъ, чтобы осудить какое-бы ни было свое твореніе на вѣчныя мученія; надѣйтесь на Его милость.

Отв. Можетъ быть, будетъ конецъ, мнѣ уже говорили это, но когда? Я уже давно его ищу и вижу одни только страданія—всегда, всегда".

V сообщеніе. Во время одного спиритическаго собранія въ Брюселѣ, безъ всякаго предварительнаго вызова, получилось неожиданно сообщеніе, сопровождаемое необыкновенно порывистыми движеніями медіума, написанное очень крупными буквами, испачкавъ предварительно всю бумагу какими-то нецѣлесообразными движеніями карандаша; оно слѣдующее:

Digitized by Google

„Я раскаиваюсь, я раскаиваюсь. Жакъ Латуръ".

Присутствующіе очень удивились такой неожиданности; они обратились къ духу съ нѣсколькими успокоивающими словами и потомъ спросили его, что заставило его явить себя здѣсь, такъ какъ никто его не зналъ.

Медіумъ былъ не только пишущимъ медіумомъ, но и говорящимъ, а потому отвѣтилъ очень оживленнымъ голосомъ:

„Я увидѣлъ, что вы души, взирающія съ участіемъ на ближняго; я видѣлъ, что вы сжалитесь надо мной; другіе вызываютъ духовъ больше изъ любопытства, чѣмъ изъ сердечной сострадательности къ нимъ, а чаще совсѣмъ отворачиваются отъ меня".

Вслѣдъ затѣмъ началось зрѣлище, которое описать очень трудно и которое длилось не менѣе получаса. Медіумъ, во время передачи словъ, которыя черезъ него говорилъ духъ, началъ лицомъ своимъ выдѣлывать самыя выразительныя гримасы, опредѣляющія дѣйствительное состояніе настроенія духа; было для всѣхъ ясно, что существо духа вполнѣ овладѣло существомъ медіума. Иногда приступы отчаянія доходили до чисто раздирательныхъ и поразительныхъ предѣловъ: то проявлялась вся сила мученій, испытываемыхъ духомъ, доходящихъ до самыхъ невозможныхъ предѣловъ, то, наоборотъ, мольба его была потрясающа, она умиляла сердца всѣхъ присутствующихъ и возбуждала общее сочувствіе и участіе.

Многіе испугались чрезмѣрнаго возбужденія медіума, но рѣшили, что сообщеніе духа кающагося, молящаго о пощадѣ и участіи, не можетъ вредить медіуму. Если онъ временно занялъ такой силой тѣло медіума, то это только для того, чтобы лучше очертить свое положеніе и больше заинтересовать присутствующихъ своей судьбой, но не для того, чтобы его совершенно одержать и потомъ мучить. Кромѣ того, это, вѣроятно, было ему позволено духами—покровителями сеанса и не иначе, какъ для пользы присутствующихъ.

Онъ вскричалъ:

„О, да, да, пощады прошу, мнѣ она очень нужна, вы не знаете, какъ я страдаю... Нѣтъ, вы не знаете и не можете понять этого. Это ужасно... Гильотина... Она ничего ровно противъ того, что я теперь чувствую. Это ровно ничего. Это одно мгновеніе. Но огонь, который меня поглотилъ... это ужасно, это ощущеніе смерти, которое ни на минуту меня не покидаетъ... Это мученіе не имѣетъ конца.

„А мои жертвы; онѣ всѣ здѣсь кругомъ меня... онѣ показываютъ мнѣ свои раны... онѣ преслѣдуютъ меня своими

Digitized by Google

взглядами... Онѣ здѣсь предо мной... я ихъ всѣхъ вижу... да, всѣхъ... я ихъ вижу и не могу избѣжать ихъ взглядовъ... А эта лужа крови... А это золото, запачканное кровью... Все это здѣсь передо мной... Чувствуете ли вы запахъ крови?.. Кровь, все кровь... Вотъ онѣ, мои бѣдныя жертвы, онѣ молятъ о пощадѣ... а я безжалостенъ, я все наношу удары, я бью... бью... я все бью... и кровь насъ окружаетъ.

„Я думалъ, что послѣ смерти все будетъ кончено; это была причина, что я не боялся казни и отвергъ Бога... И вотъ, когда я думалъ, что я уже совершенно уничтоженъ... навсегда... произошло ужасное пробужденіе... О, да, ужасное... Я окруженъ трупами и угрожающими мнѣ фигурами... Я купаюсь въ крови... я думалъ быть мертвъ, а я живъ... Это ужасно... Это болѣе ужасно, чѣмъ всѣ ваши земныя страданія, взятыя вмѣстѣ.

„О, если бы всѣ люди могли знать, что находится по ту сторону смерти. Если бы они знали, какъ они заплатятъ за свои злые поступки, то не было бы убійцъ, не было бы преступниковъ, не было бы злодѣевъ. Я желалъ бы, чтобы всѣ убійцы видѣли, что я вижу и что я терплю. О, нѣтъ, не было бы больше преступленій, ибо приходится терпѣть слишкомъ жестокія мученія.

„Я хорошо знаю, что я заслужилъ ихъ; о, мой Богъ. Я не имѣлъ сожалѣнія къ своимъ жертвамъ; я отталкивалъ ихъ руки, которыя онѣ протягивали мнѣ, умоляя о пощадѣ. Да, я самъ былъ жестокъ, я ихъ убивалъ самымъ немилосердымъ образомъ, чтобы имѣть ихъ золото. Я порицалъ Твое святое имя... я хотѣлъ забыться и въ этомъ отыскать доказательства, что Тебя,—о, мой Богъ, нѣтъ;—я большой преступникъ, но не будешь-ли милосердъ ко мнѣ, — Ты Богъ, слѣдовательно идеалъ добра и милосердія и, кромѣ того, Ты всемогущъ.

„Сожалѣнія прошу, Господи! О, сожалѣніе и милость! не будь неумолимъ, освободи отъ этого ужаснаго вида... отъ этихъ отвратительныхъ картинъ... кровь... жертвы... взоры ихъ пронизываютъ меня, какъ кинжалы...

„А вы, присутствующіе здѣсь, вы добрыя и милостивыя души, вы сжальтесь надо мной. Молитесь за меня! О, я умоляю васъ, не прогоняйте меня, не отказывайте мнѣ въ молитвѣ. Просите Бога избавить меня отъ этихъ невыносимыхъ для меня картинъ и Онъ послушаетъ и исполнитъ ваши молитвы, ибо вы добры... молитесь за меня“.

Присутствующіе на сеансѣ были глубоко тронуты всѣмъ

Digitized by Google

этимъ; несчастный вызвалъ въ нихъ участіе къ своей участи и они обратились къ нему со словами утѣшенія и ободренія. Потомъ была произнесена молитва за бѣднаго и несчастнаго грѣшника, которая очень успокоила его состояніе.

„Благодарю Тебя, мой Богъ... О, благодарю васъ, что вы сжалились надо мной; эти образы отодвигаются отъ меня. Не покидайте меня. Дайте мнѣ добраго духа, чтобы онъ поддержалъ меня... Благодарю васъ".

Послѣ многихъ подобныхъ сеансовъ и молитвъ за несчастнаго, его положеніе значительно улучшилось. Однажды онъ сообщилъ слѣдующее:

„Я благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ цѣль существованія; цѣль вполнѣ достойную, которой я достигну, когда буду очищенъ отъ грѣховъ. Я еще очень страдаю, но мнѣ кажется, что мои страданія уменьшаются. Было бы ошибочно думать, что въ мірѣ духовъ можно привыкнуть къ своимъ страданіямъ, а потому менѣе чувствовать и бояться ихъ. Ваши молитвы укрѣпили мои силы, и если мои страданія не уменьшились, то силъ у меня теперь значительно больше и я лучше и легче переношу ихъ.

„Мои мысли сосредоточиваются на послѣдней моей жизни, на преступленіяхъ, которыхъ могло бы не быть, если бы я умѣлъ молиться. Я понимаю теперь всю силу и необходимость молитвы и всю чудотворность дѣйствія ея; теперь я понимаю, откуда черпаютъ свои силы бѣдныя честныя женщины, совершенно немощныя своимъ слабымъ и больнымъ тѣломъ, но крѣпкія своей вѣрой и молитвой; я понялъ теперь эту великую тайну, которой не понимаютъ даже ученые Земли. Молитва... одно это слово возбуждаетъ уже усмѣшку ихъ. Я дождусь ихъ здѣсь и посмотрю, когда завѣса, скрывающая отъ нихъ истину, разорвется для нихъ; какъ они станутъ молить о пощадѣ Всевышняго, Котораго они не хотѣли при жизни знать. Они тогда будутъ счастливы, если еще не совсѣмъ потеряли эту способность, ибо они поймутъ всю цѣну ея.

„Давайте, друзья мои, молиться, чтобы Господь меня еще укрѣпилъ...

„Богъ избавляетъ меня отъ вида моихъ жертвъ. Да будетъ благословенно Имя Твое во вѣки за милость, которую Ты мнѣ оказалъ. О, Господи, я сознаю всю силу сдѣланныхъ грѣховъ и я преклоняюсь предъ Твоимъ всемогуществомъ и люблю Тебя всѣми силами своей души; и я прошу Тебя, какъ милости, когда воля Твоя пошлетъ меня опять на Землю, чтобы доказать мое исправленіе, допустить меня

Digitized by Google

быть миссіонеромъ правды, мира и милосердія, учить дѣтей произносить съ уваженіемъ имя Твое. Я Тебя люблю на столько, насколько еще очень грѣшная моя душа можетъ понять эту Божественную способность.

„Братья, будемъ молиться, ибо мое сердце преисполнено чувствомъ признательности. Я теперь свободенъ, я сбросилъ свои оковы, я больше не отверженный, не проклятый духъ, я несчастный страждущій, но раскаивающійся и отъ души желающій, чтобы мой примѣръ могъ удержать на порогѣ преступленія всякаго намѣревающагося поднять руку на ближняго. Остановитесь. О, остановитесь, братья, вы готовите себѣ ужасныя мученія. Не думайте, что Господь всегда такъ легко склоняется къ исполненію молитвы своихъ дѣтей. Мученія, которыя вы себѣ готовите, будутъ длиться многія и многія столѣтія".

Изъ всѣхъ самыхъ мучительныхъ состояній, въ которыхъ находятся грѣшныя существа земныхъ сферъ, безспорно есть состоянія самоубійцъ. Описать мученія, которыя испытываютъ самоубійцы при раздѣленіи души съ тѣломъ, трудно. Это самое мучительное состояніе изъ всѣхъ человѣческихъ состояній и никакія муки на Землѣ не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о мученіяхъ самоубійцъ. Душа по природѣ своей связана съ тѣломъ атомъ за атомъ, тѣло умираетъ рѣшительно не подготовленное къ тому ни физически, ни нравственно, при самомъ ожесточенномъ духовномъ настроеніи. Нѣтъ никакой причины къ скорому раздѣленію и оно дѣйствительно длится многіе годы, а иногда десятки лѣтъ. Человѣкъ чувствуетъ все болѣзненное состояніе разлагающагося и пожираемаго червями тѣла; наконецъ тѣло уже превратилось въ прахъ, въ одинъ пепелъ и этотъ пепелъ еще никакъ отъ души отстать не можетъ и составляетъ съ ней одно цѣлое. Человѣкъ чувствуетъ все это, сознаетъ и мучается, мучается такъ, какъ человѣкъ, живущій на Землѣ въ своемъ матеріальномъ тѣлѣ, и представить себѣ не можетъ.

Ко всѣмъ этимъ невыразимымъ физическимъ страданіямъ слѣдуетъ еще прибавить самыя ужасныя нравственныя страданія, при ощущеніи полной безпомощности, отверженности и страхѣ за будущее. Человѣкъ самъ захотѣлъ лишить себя жизни и прекратить свое бытіе. Онъ не просилъ у Бога ни прекратить, ни облегчить его страданія, но захотѣлъ самовольно распорядиться самъ съ собой и итти противъ воли Божіей и Его святыхъ предначертаній. Что же можетъ сдѣ-

Digitized by Google

лать Богъ болѣе справедливаго, какъ не оставить человѣка пережить и перетерпѣть всѣ слѣдствія своего самоволія. Это актъ высшей справедливости Божіей. Человѣкъ можетъ только винить себя одного, что, не справившись со всѣми слѣдствіями, рѣшился на подобный поступокъ. Слѣдствія же этого поступка дѣйствительно ужасны.

При всякой другой насильственной смерти жизнь то же прекращается моментально во время полной силы и дѣятельности организма. Въ этомъ случаѣ то же тѣло уже умерло, но связь тѣла съ духомъ еще существуетъ и будетъ существовать еще очень долго, а потому могло бы доставить сильныя мученія умирающему. Но если въ этой смерти не виноватъ самъ умирающій, то Богъ и не допускаетъ его до страданій—въ большинствѣ случаевъ наступаетъ перерывъ сознанія и человѣкъ начинаетъ себя чувствовать умершимъ только тогда, когда полное раздѣленіе души съ тѣломъ уже совершено. Вообще говоря, самоощущеніе людей умершихъ отъ насильственной смерти находится въ прямой зависимости отъ ихъ нравственнаго состоянія въ это время; оно совсѣмъ безболѣзненно у людей праведныхъ, вѣрующихъ въ Бога и молившихся Ему.

Для лучшей иллюстраціи состоянія самоубійцъ за гробомъ мы приведемъ нѣсколько сообщеній.

I сообщеніе. Самоубійца Самаритянской бани въ Парижѣ. Въ 7 часовъ вечера, человѣкъ, приблизительно пятидесяти лѣтъ, прилично одѣтый, явился въ Самаритянскія бани въ Парижѣ и заказалъ себѣ ванну. Втеченіе двухъ часовъ онъ не выходилъ оттуда; прислуга, догадываясь, что съ нимъ случилось что-нибудь, вошла въ номеръ и застала его въ ваннѣ съ перерѣзаннымъ бритвой горломъ; такъ какъ личность его была не извѣстна, то тѣло было выставлено въ моргѣ.

Духъ этого человѣка былъ вызванъ въ Парижскомъ обществѣ спиритовъ шесть дней послѣ смерти и далъ слѣдующее сообщеніе:

Вопр. Гдѣ вы теперь?

Отв. Я не знаю... скажите мнѣ... гдѣ, я не знаю.

Вопр. Вы въ обществѣ людей, которые занимаются изученіемъ спиритическихъ явленій и которые расположены къ вамъ.

Отв. Скажите мнѣ, живу ли я?.. Я задыхаюсь въ своемъ гробу.

Вопр. Кто позвалъ васъ къ намъ?

Отв. Я почувствовалъ себя нѣсколько облегченнымъ.

Вопр. Что заставило васъ прибѣгнуть къ самоубійству?

Digitized by Google

Отв. Неужели я умеръ? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... я живу въ своемъ тѣлѣ... Вы не знаете, какъ я страдаю... я задыхаюсь... неужели не найдется добраго существа, которое убило бы меня.

Вопр. Отчего вы не оставили ни одного слѣда, по которому можно было бы узнать вашу личность?

Отв. Я покинутъ всѣми; я думалъ избѣгнуть страданій, а нашелъ столь сильнѣйшія, что нѣтъ словъ ихъ выразить.

Вопр. Хотите ли вы и теперь, чтобы васъ никто не зналъ?

Отв. Да, не вонзайте каленаго желѣза въ мои раны, изъ которыхъ течетъ кровь.

Вопр. Хотите намъ сказать ваше имя, ваши годы, званіе и гдѣ вы жили?

Отв. Нѣтъ... на все нѣтъ.

Вопр. Было ли у васъ семейство, жена, дѣти?

Отв. Меня покинули, никто не любилъ меня.

Вопр. Что же вы сдѣлали, что васъ никто не любилъ?

Отв. Сколько вы найдете такихъ, какъ я. Человѣкъ можетъ быть покинутъ въ кругу своего семейства, если его не любятъ.

Вопр. Во время вашего самоубійства не чувствовали-ли чего-нибудь, чтобы васъ останавливало?

Отв. Я былъ весь преисполненъ жаждой смерти,.. я жаждалъ покоя.

Вопр. Какимъ образомъ мысль о будущемъ не предотвратила васъ отъ вашего замысла?

Отв. Я не вѣрилъ... я былъ безъ надежды на будущее; будущее это надежда.

Вопр. Какія размышленія занимали васъ, когда вы чувствовали, какъ жизнь покидала ваше тѣло?

Отв. Я ни о чемъ не думалъ. Я чувствовалъ... но жизнь меня не покидала... моя душа нераздѣльна отъ тѣла и до сихъ поръ... я чувствую, какъ черви ѣдятъ мое тѣло.

Вопр. Какое чувство было у васъ, когда смерть была окончательная?

Отв. А развѣ она уже окончательна?

Вопр. Болѣзненно ли это время?

Отв. Сперва я страдалъ меньше, потомъ все больше и больше.

(Обращаясь къ св. Льву—духу-покровителю):

Вопр. Что понимаетъ духъ, говоря, что самый моментъ смерти менѣе ужасенъ, чѣмъ послѣ.

Отв. (св. Льва). Сперва духъ освобождался отъ бремени,

Digitized by Google

которое его давило, но послѣ онъ сталъ ощущать всю болѣзненность въ полной ея силѣ.

Вопр. Всегда ли это состояніе сопровождаетъ самоубійцъ?

Отв. Да. Духъ самоубійцъ связанъ съ тѣломъ столько времени, сколько онъ прожилъ бы на землѣ, если бы самоубійца не убилъ себя. Только натуральная смерть освобождаетъ отъ жизни; самоубійство только разрываетъ ее.

Вопр. Сопровождаетъ ли это состояніе всѣ случайныя смерти, т е. тѣ, въ которыхъ смерть послѣдовала независимо отъ воли самого умирающаго,—эти смерти тоже вѣдь сократили жизнь человѣка?

Отв. Нѣтъ... человѣкъ отвѣтственъ только за свои поступку.

II сообщеніе. Въ Гаврѣ 12 февраля 1863 года, во время медіумическаго сеанса, было получено слѣдующее внезапное сообщеніе:

„Имѣйте сожалѣніе къ несчастному страдальцу. который такъ давно испытываетъ самыя ужасныя пытки. О, пустота... пространство... я падаю, я падаю, на помощь... Боже мой, моя жизнь была ужасна... я былъ бѣднымъ человѣкомъ, я голодалъ, несмотря на мои преклонные годы; отъ этого я началъ пьянствовать до тѣхъ поръ, пока мнѣ было стыдно передъ всѣми и все мнѣ опротивѣло... Я захотѣлъ смерти и я бросился... О, Боже мой, какой это моментъ!.. Зачѣмъ было желать своего конца, когда я и такъ былъ старъ? Молитесь за меня, молитесь, чтобы я не видалъ этой пустоты подъ собой... Я сейчасъ расшибусь объ эти камни. Я умоляю васъ; вамъ знакомы всѣ бѣдствія, которымъ мы подвергаемся здѣсь; я обращаюсь къ вамъ, несмотря на то, что незнакомъ съ вами, но я ужасно страдаю... Зачѣмъ хотите доказательствъ? Неужели я недостаточно несчастливъ? Если бы я голодалъ на землѣ вмѣсто этихъ пытокъ, которымъ я самъ не предвижу конца, вы навѣрное сжалились бы надо мной и подали бы мнѣ кусокъ хлѣба. Я прошу васъ молиться за меня, я не выношу больше... Спросите у одного изъ этихъ счастливцевъ, которые присутствуютъ здѣсь, они скажутъ вамъ, что я существовалъ. Молитесь же. Франсуа Симонъ Луве“.

Духъ—покровитель медіума заявилъ: „Тотъ, кто къ тебѣ обращается теперь, это несчастный духъ человѣка, который искупалъ свои грѣхи на землѣ черезъ бѣдность, но не выдержалъ, — это ему опротивѣло. У него недостало силы воли и несчастный, вмѣсто того, чтобы обратиться къ милосердію Божію, какъ онъ долженъ былъ это сдѣлать и Который помогъ

Digitized by Google

бы ему, онъ предался пьянству, опустился до послѣдней степени отчаянія и покончилъ съ собой, кинувшись съ башни Франциска, 22 іюля 1857 года. Будьте жалостливы къ этому бѣдному духу, душа котораго еще немного развита, но который уже имѣетъ нѣкоторое знаніе жизни для того, чтобы страдать и желать новыхъ испытаній. Просите, чтобы Богъ сдѣлалъ ему эту милость и вы сдѣлаете доброе дѣло".

Провѣрка факта оказалась легка, ибо въ Гаврской газетѣ отъ 23 іюля 1857 года значится слѣдующее: „Вчера, въ 4 часа, публика, гулявшая по молу, была поражена ужаснымъ случаемъ: одинъ человѣкъ бросился съ башни и разбился объ мостовую. Это старый бурлакъ, который черезъ пьянство дошелъ до самоубійства. Его тѣло было перенесено къ одной изъ его дочерей на улицу Кардери. Ему было шестьдесятъ семъ лѣтъ. Его звали Франсуа-Викторъ-Симонъ Луве".

Скоро шесть лѣтъ, какъ умеръ этотъ несчастный и втеченіе всего этого времени онъ видитъ себя падающимъ съ башни и ждетъ, когда онъ расшибется о камни; онъ ужасается пустоты, которая подъ нимъ. Онъ находится постоянно подъ впечатлѣніемъ паденія... и это цѣлыхъ шесть лѣтъ. И сколько это будетъ продолжаться еще, онъ совсѣмъ не знаетъ и эта неизвѣстность еще болѣе усиливаетъ его мученія. Не сильнѣе ли это наказаніе всѣхъ тѣхъ мученій, которыя мы можемъ испытывать при жизни нашей? Кто открываетъ намъ эти мученія? Выдумалъ ли ихъ кто-нибудь? Нѣтъ, это говорятъ тѣ сами, которые ихъ испытываютъ; имъ не до лжи и не до обмана; въ настоящее время они въ правдѣ и въ чистотѣ истиннаго признанія видятъ свое избавленіе и свое благополучіе, а потому они меньше, чѣмъ кто-либо, могутъ быть расположены ко лжи или обману, они должны быть въ высшей степени правдивы, ибо они очень несчастны. Они сами ищутъ сообщенія съ людьми и разсказываютъ такія вещи, которыхъ никто изъ людей не знаетъ; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ нельзя предположить, чтобы человѣкъ былъ бы игрой своего собственнаго воображенія и на этомъ основаніи отвергать факты.

Ш сообщеніе. Самоубійца—атеистъ М. Ж. Б. Д. былъ очень образованный и умный человѣкъ; но онъ былъ атеистъ въ полномъ смыслѣ слова, держался самыхъ крайнихъ матеріалистическихъ идей и не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ душу. Онъ былъ вызванъ два года послѣ своей смерти обществомъ спиритовъ по просьбѣ его родственника и послѣ вызова отвѣтилъ: „Я страдаю. Я проклятъ".

„Вопр. Мы вызываемъ васъ по просьбѣ вашихъ родствен-

Digitized by Google

никовъ, которые желаютъ знать вашу участь; не можете ли намъ сказать, пріятенъ ли вамъ нашъ вызовъ или нѣтъ?

Отв. Труденъ.

Вопр. Умерли ли вы по своему желанію?

Отв. Да.

Духъ пишетъ съ большимъ затрудненіемъ большими неправильными буквами, порывисто и неразборчиво. Вначалѣ писанія онъ сердится, ломаетъ карандашъ и рветъ бумагу.

Вопр. Будьте спокойнѣе; мы будемъ молиться за васъ.

Отв. Я принужденъ вѣрить въ Бога.

Вопр. Что могло заставить васъ уничтожить свою жизнь?

Отв. Скука жить безъ надежды.

Вопр. Вы хотѣли избѣгнуть непріятностей жизни? выиграли ли вы что-нибудь? Стали ли вы счастливѣе?

Отв. Отчего нѣтъ уничтоженія послѣ смерти?

Вопр. Будьте добры, дайте намъ описаніе вашего настоящаго состоянія по возможности подробнѣе?

Отв. Я мучаюсь тѣмъ, что я принужденъ вѣрить тому, что я отвергалъ. Моя душа какъ въ жаровнѣ; она ужасно мучается.

Вопр. Какія размышленія довели васъ до того, что вы утопились? и что думали вы въ эту минуту?

Отв. Ничего, я ждалъ уничтоженія. Потомъ я увидѣлъ, что не вынесу всего моего осужденія и что мнѣ предстоитъ много мученій.

Вопр. Теперь убѣждены ли вы въ существованіи Бога, души и будущей жизни?

Отв. Увы, теперь я слишкомъ сильно страдаю за это.

Вопр. Не желаете ли сообщить что-нибудь вашимъ родственникамъ?

Отв. Чтобы молились за меня.

Вопр. Въ обществѣ, въ которомъ вы жили, было много лицъ, раздѣлявшихъ ваши атеистическія идеи; не желаете ли сообщить имъ что-нибудь?

Отв. Ахъ, несчастные... Не могутъ ли они начать вѣровать въ загробную жизнь. Это лучшее пожеланіе, которое я могу сдѣлать имъ для ихъ счастья; если бы они только могли понять мое невыносимое положеніе, они начали бы размышлять и подумали бы о себѣ".

Если только представить себѣ жизнь безъ надежды на будущее, то, конечно, можно путемъ мышленія дойти до оправданія самоубійства. Вмѣстѣ съ вѣрой въ загробную жизнь открываются новыя желанія, и человѣкъ начинаетъ видѣть

Digitized by Google

цѣль своего бытія. Будучи спиритомъ, человѣкъ ясно видитъ, что, избѣгая самоубійствомъ непріятностей жизни, онъ впадаетъ въ бѣдствія во сто разъ худшія. Вотъ отчего спиритизмъ предотвратилъ уже громадное число самоубійствъ. Изъ этого видно, до какой степени виноваты тѣ, которые путемъ научныхъ софизмовъ, во имя человѣческаго разума, силятся доказать, что вмѣстѣ съ жизнью кончается всякое существованіе человѣка, — эта идея служитъ источникомъ многочисленныхъ бѣдствій, страданій и даетъ полное безотрадное чувство пустоты и безцѣльности жизни. Эти люди въ высшей степени виновны не только по отношенію къ своимъ собственнымъ ошибкамъ, но и несутъ полную отвѣтственность за всѣ страданія тѣхъ людей, которые переняли отъ нихъ эти пагубныя идеи и сами стали преступниками.

Всѣ люди, умершіе на Землѣ, живутъ въ сферахъ Земли, изучая и оцѣнивая совмѣстно со своимъ Ангеломъ-Хранителемъ только что прожитую ими жизнь на Землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они принимаютъ участіе въ управленіи вселенной. Духи-покровители и небесныя силы поручаютъ каждому изъ нихъ какое-нибудь дѣло или попеченіе и надзоръ за чѣмъ нибудь, вообще говоря, возлагаютъ на нихъ обязанности по исполненію великихъ предначертаній Божіихъ. Все доброе во вселенной должно по мѣрѣ силъ своихъ стремиться къ исполненію Божественнаго плана, ведущаго всѣхъ существъ къ одной цѣли.

Эти миссіи, возлагаемыя на существа, исполняются ими съ величайшей охотой и рвеніемъ, ибо онѣ способствуютъ имъ въ ихъ самоусовершенствованіи и помогаютъ за гробомъ заполнить тѣ пробѣлы своего развитія, которые, по своей оплошности, они оставили на землѣ. Миссіи, возлагаемыя на людей въ ихъ загробномъ состояніи, чрезвычайно разнообразны и назначаются духами-покровителями сообразно тѣхъ слабыхъ сторонъ развитія, какія имѣетъ человѣкъ, такъ что онъ имѣетъ случай за гробомъ восполнить до нѣкоторой степени всѣ тѣ пробѣлы, какіе не успѣлъ восполнить въ теченіе своей матеріальной жизни на Землѣ. Но не всѣ ошибки земной матеріальной жизни могутъ быть покрыты загробнымъ существованіемъ, а потому и не всѣ могутъ принести своего полнаго оправданія на судѣ Божіемъ, какъ бы дѣятельно человѣкъ ни старался надъ своимъ самоулучшеніемъ за гробомъ. Есть особыя задачи развитія, которыя могутъ быть достигнуты только цѣлесообразной жизнью на Землѣ, въ грубо матеріальномъ тѣлѣ, безъ сохраненія памяти прошлаго, и если одна изъ этихъ задачъ

Digitized by Google

окажется не выполненной, то человѣкъ обязательно долженъ вернуться на Землю и повторить на ней свою жизнь опять.

Когда человѣкъ взялъ отъ загробной жизни все то, что она могла дать его самоусовершенствованію, онъ, по настоянію духовъ-покровителей, представляется на праведный судъ Божій.

Господь Богъ—идеалъ любви и милосердія—никого не судитъ и не осуждаетъ. Онъ заставляетъ самого человѣка изречь надъ собой приговоръ, и человѣкъ уже вполнѣ сознательно проситъ Бога, какъ милости, благословить его на дальнѣйшее существованіе въ томъ мѣстѣ, которое можетъ наиболѣе способствовать скорѣйшему его духовному самоулучшенію. Одни признаются Богу, что много еще въ нихъ скрытыхъ пороковъ и что душа ихъ еще не очищена отъ зла, а потому просятъ Его разрѣшить имъ возвратиться на Венеру и прожить на ней одну жизнь, обѣщая свое исправленіе. Другіе каются въ томъ, что не исполнили своей жизненной задачи и просятъ Бога, какъ милости, снизойти къ ихъ слабости и позволить повторить жизнь на Землѣ, и, наконецъ, третьи приносятъ свое оправданіе, благодаря Бога за всѣ Его милости, черезъ которыя они имѣли возможность взять изъ Земли всѣ испытанія, которыя она могла имъ дать, а потому просятъ Бога благословить имъ дальнѣйшія ихъ испытанія на планетѣ Марсъ.

Богъ всегда благословляетъ сознаніе всѣхъ этихъ людей, ибо до него человѣкъ достигъ подъ Его же святымъ попеченіемъ и если бы оно не было чистосердечно и правильно, то человѣкъ этотъ не имѣлъ бы еще права явиться къ Нему на судъ.

Послѣ суда Своего, Богъ даруетъ всѣмъ соотвѣтствующіе дары Своей благодати; Онъ обновляетъ и возрождаетъ души ихъ и даетъ имъ возможность, совершенно новымъ человѣкомъ, исполнить свой собственный приговоръ, и каждый изъ нихъ начинаетъ жить снова, сообразно своему желанію и своей заслугѣ.

Тутъ только оставляютъ Ангелы-Хранители столь долгое время опекаемыхъ ими людей, прощаются съ ними и возвращаются въ духовный міръ на планеты Пресвятой Дѣвы Маріи, для принятія отъ Нея новыхъ миссій.

Digitized by Google

Глава IX.

Адъ.

Астрономы не разъ уже замѣчали исчезновеніе звѣздъ съ неба. Какая-нибудь звѣзда, или солнце какой-нибудь планетной системы, начинаетъ постепенно меркнуть, уменьшать силу свѣта и теплоты, и, наконецъ, потухаетъ совсѣмъ. Наблюдая подобное явленіе, астрономы говорятъ: „Вотъ отжившее свѣтило. Вотъ еще одна солнечная система погрузилась въ мракъ и замерзла“ и прибавляютъ: „это общая участь всѣхъ нашихъ міровъ; всѣ они рано или поздно израсходуютъ послѣдній запасъ энергіи своего солнца, лишатся теплоты, а слѣдовательно и жизни и превратятся въ одну ледяную массу, при чемъ даже ядро планеты замерзнетъ и отдадутъ пространству тѣ вещества, которыя были взяты мірами, какъ матеріалъ для постройки ихъ“ въ своей теоремѣ Карно утверждаетъ, что конецъ вселенной произойдетъ именно этимъ путемъ.

Но почему бы концу вселенной надо произойти именно такъ?—Неужели Тотъ, Кто создалъ вселенную, не будетъ имѣть достаточно силъ поддерживать ее и она, предоставленная самой себѣ, станетъ разлагаться на составныя части? Чрезвычайно странными бываютъ фантазіи ученыхъ, тѣхъ ученыхъ, которые всегда судятъ по одной внѣшней физической сторонѣ факта и на фактъ безапелляціонно устанавливаютъ свои конечные выводы, не касаясь нисколько премудрѣйшихъ причинъ возникновенія міра и конечныхъ цѣлей его существованія.

Всякое физическое явленіе природы должно имѣть свою причину въ духовномъ мірѣ, въ которомъ и таятся всѣ причины этого явленія. Не могутъ люди погибать на какой-нибудь солнечной системѣ, потому-что планета гаснетъ. Подобное

Digitized by Google

предположеніе противорѣчило бы основному смыслу законовъ Божіихъ, ибо не люди созданы Богомъ для насажденія планетъ, но планеты созданы Богомъ, какъ средства къ жизни и къ проявленію жизненной дѣятельности людей; а слѣдовательно и причину исчезновенія планетъ надо искать не въ физическомъ мірѣ, а въ духовномъ, не въ планетѣ самой, но въ жизни людей на этой планетѣ.

Чтобы созданная Богомъ солнечная система, или зажженный Богомъ очагъ жизни началъ потухать, надо, чтобы и успѣхи развитія жизненной дѣятельности существъ, насажденныхъ Богомъ на этой системѣ, не шли бы въ усиливающемся порядкѣ, но шли бы въ убывающемъ.

Нѣтъ причины гаснуть той солнечной системѣ, планетные жители которой не отвращаютъ отъ себя помощи Божіей, молятъ Его объ Его святомъ попеченіи и исполняютъ Его законъ; какъ развитіе этихъ существъ, такъ и прогрессъ физическаго міра на этихъ системахъ долженъ повышаться, и жизненныя условія этихъ планетъ должны улучшаться. Ибо Духъ Божій, создавшій планеты, жизнь, теплоту и существъ, постоянно животворитъ, возвышаетъ и улучшаетъ всѣхъ и вся. Пока Богъ не отступится отъ Своего созданія, нѣтъ причины ничему оскудѣвать или уменьшать силу жизненной энергіи, ибо эта энергія, эта сила и есть Онъ Самъ и Его благое попеченіе о людяхъ.

Солнечныя системы, на которыхъ духовно-разумныя существа, обитающія на нихъ, идутъ съ помощью Бога правильно по пути своего самоусовершенствованія, по пути, приближающемъ ихъ къ Богу, будутъ и сами развиваться, улучшаться и совершенствоваться. Какъ солнца ихъ, такъ и каждая планета, окружающая солнце, будетъ расти, уменьшать свою матеріальность, улучшать свой климатъ, уменьшать болѣзни и все это въ томъ размѣрѣ, насколько того заслуживаютъ люди сообразно увеличенія средняго уровня ихъ духовнаго разумнаго развитія. Самый полетъ такихъ солнечныхъ системъ направляется Богомъ къ Своей Святой Обители. Чѣмъ скорѣе совершенствуются существа, тѣмъ скорѣе приближаются и самыя планеты къ сосредоточію милостей Божіихъ. Одному Богу извѣстно, когда, вращаясь во вселенной, достигнутъ онѣ до цѣли своего полета и какой славой почтитъ Богъ обитателей ихъ, однако, положительно извѣстно, что гдѣ Богъ, тамъ жизнь, развитіе и блаженство, но смерти, коснѣнія или уничтоженія быть не можетъ.

Потухать можетъ только та солнечная система, планетные

Digitized by Google

жители которой дошли въ своемъ растленіи до охлажденія къ Богу, отказались совершенствоваться въ добрѣ, не желаютъ уподобляться Ему и отвергли Его святую помощь. Какъ только количество добра на планетѣ начинаетъ уменьшаться, вѣра въ Бога ослабѣвать, то начинаетъ и солнце меркнуть и тепло уменьшаться и стоитъ только людямъ совсѣмъ забыть Бога, какъ такая планета, предоставленная самой себѣ, начнетъ гаснуть съ необычайной быстротой, погружаться въ мертвящій мракъ и замерзать.

Такой конецъ солнечныхъ системъ случается такъ же рѣдко, какъ мало такихъ духовно-разумныхъ существъ, которыя полюбили зло больше добра и порѣшили уничтожить добро и творить только зло.

Богъ, по вѣчной благости Своей, не стѣсняетъ свободной воли этихъ погибающихъ существъ, какъ не стѣсняетъ ничьей воли. Онъ предоставляетъ имъ то, чего они сами себѣ желаютъ. Онъ, какъ любящій Отецъ, не могъ сперва не принять всѣхъ мѣръ къ предотвращенію ихъ отъ пагубныхъ замысловъ. Онъ окружилъ ихъ Своимъ попеченіемъ, Своими заботами, посылалъ имъ предупрежденія, наказанія, трудныя жизненныя условія, разныя испытанія; но когда всѣ мѣры были исчерпаны, когда не стало болѣе средствъ предотвратить ихъ зло, то Онъ предоставилъ имъ то, чего они сами хотѣли. Эти люди говорили, что Бога нѣтъ, а потому не желали исповѣдывать Его, потому Богъ лишилъ ихъ Своихъ заботъ объ нихъ и Своего попеченія. Они увѣрены, что природа сама управляется собой, своими силами и своими законами и что будто бы этого совершенно достаточно для ихъ благополучнаго существованія, потому Богъ и предоставилъ имъ испытать, куда могутъ завести ихъ однѣ безсмысленныя силы и законы матеріи безъ всякаго руководства Высшаго разума. Но что произошло изъ всего этого?

Растительная и животная жизнь, лишенная животворнаго начала Всевышняго Бога, начала приходить въ упадокъ и доживаетъ свой вѣкъ; новыхъ возрожденій и зарожденій быть не могло безъ воли Божіей. Истощенныхъ и изможденныхъ недостаткомъ пищи и скудною жизнью послѣднихъ животныхъ съѣли люди. Вся природа опустѣла и оскудѣла; вода стала портиться, производить заразу и сдѣлалась негодна для питья; все живое на планетѣ стало медленно умирать, гнить и разлагаться. Океаны стали уходить въ землю и тушить подземный огонь и все нарушало гармоничное цѣлое природы: всѣ явленія природы стали нецѣлесообразны: гдѣ нужна вода, появляется

Digitized by Google

паръ и даже огонь; гдѣ нуженъ дождь, тамъ падаетъ горячій пепелъ съ неба или песокъ; всякое явленіе природы мѣшало другъ другу и портило одно другое, все перепуталось и жизнь стала невозможной.

Истощенный, нервный, истеричный и больной человѣкъ сталъ бороться за свое существованіе. Каждый кусокъ сырого мяса отнимался у слабѣйшихъ съ оружіемъ въ рукахъ; люди убивали и ѣли другъ друга, потеряли послѣднія понятія о чести и совѣсти, предались пьянству, разврату души и тѣла, всевозможнымъ насиліямъ и, въ концѣ концовъ, извратили и себя, и жизнь, и все окружающее ихъ. Но атеистическая наука ихъ все еще не сдавалась. Она всегда вѣрила въ силу своихъ знаній и своей проницательности. Гордость и тщеславіе диктовали ей разные глубокомысленные расчеты, по которымъ выходило, что всѣ бѣдствія и весь ужасъ ихъ положенія есть явленіе случайное, временное и что, безпорно, все кончится благополучно и старый порядокъ вещей возстановится.

Но жизнь проявлялась уже только на экваторѣ, на остальныхъ-же частяхъ планеты ея уже не было, все замерзло, и солнце уже замѣтно погасло.

Зло давно уже считало эту планету своей и начало постепенно овладѣвать ею. По мѣрѣ того, какъ люди скучились на экваторѣ и доживали свои послѣднія минуты, злая сила и демоны уже на всѣхъ остальныхъ частяхъ планеты устраивали свои притоны.

Но вотъ эта солнечная система совсѣмъ мертва. Ея полетъ отъ вѣчности еще былъ направленъ всевѣдущимъ Богомъ къ окраинамъ вселенной, ибо Онъ отъ вѣчности уже предвидѣлъ все направленіе дѣятельности этихъ существъ и ту участь, которая должна была постигнуть этотъ міръ. Продолжая летѣть по инерціи все въ прямолинейномъ направленіи, она скоро вылетѣла за предѣлы вселенной, въ царство вѣчной тьмы, въ распоряженіе Денницы, который уже давно началъ водворять на ней несчастныхъ жертвъ своего соблазна и торжественно отпразновалъ открытіе своихъ новыхъ колоній.

Богъ надѣлилъ Денницу многими Своими Божественными качествами и способностями, но не далъ ему дара творить и поддерживать жизнь, а потому, владѣя равно божественно всѣми явленіями физической природы, онъ всѣми силами старается воспользоватся этимъ даромъ и хотя наружно и видимо подражать Богу. Онъ размѣщаетъ умершія планеты по своему желанію и придаетъ имъ новое направленіе движе-

Digitized by Google

нія, которое ему кажется лучше и для его цѣлей болѣе удобнымъ. На этихъ планетахъ онъ воспроизводитъ образы горъ, рѣкъ, лѣсовъ, садовъ, растеній, городовъ, дворцовъ, домовъ и т. д. и снабжаетъ все свое населеніе тѣми удобствами, какихъ кто желаетъ; однихъ онъ окружаетъ непомѣрной роскошью и снабжаетъ ихъ драгоцѣнностями, какихъ ни одинъ міръ не видалъ, но все это одинъ призракъ, одинъ сплошной обманъ чувствъ и одно обольщеніе.

Самъ Денница избралъ мѣстомъ своего пребыванія одну потухшую, небольшую планету и помѣстилъ ее на окраинахъ вселенной, чтобы ему было удобнѣе наблюдать за всей вселенной. Съ этого обсерваціоннаго пункта онъ считаетъ, сколько людей еще не подвластны ему и сколькихъ надо еще ему соблазнить, чтобы стать лицомъ къ лицу съ Богомъ.

На эту планету никто не допускается. Онъ живетъ совершенно одинъ, такъ какъ никого близкихъ его сердцу нѣтъ и быть не можетъ. Онъ глубоко ненавидитъ и презираетъ рѣшительно всѣхъ.

Когда Денница появляется среди людей или подвластныхъ ему злыхъ духовъ, онъ всегда веселъ, бодръ и представляется всемогущимъ. Но у себя на планетѣ, въ одиночествѣ, онъ глубоко скорбитъ, въ особенности, когда начнетъ подсчитывать прибывающее число слугъ Божіихъ и сравнивать относительное увеличеніе своего царства. Онъ впадаетъ въ не меньшее уныніе всегда, когда начинаетъ вспоминать о непосильной начатой имъ борьбѣ съ Богомъ; но его гордость и тщеславіе рисуетъ ему еще картины возможнаго торжества. Когда одинъ, на своей планетѣ, онъ предается размышленіямъ о своемъ прошломъ, то со скрежетомъ зубовъ тоскуетъ о потерянномъ раѣ, о томъ блаженствѣ, которое онъ имѣлъ и о невозвратимой чистотѣ своей. Но раскаяніе не можетъ согрѣть и утѣшить его души. Раскаянія нѣтъ въ немъ. Онъ отыскиваетъ оправданія своихъ поступковъ и, дѣйствительно, находитъ ихъ въ изобиліи, но всѣ они лишь раздражаютъ и томятъ его, и нѣтъ у него ни одной свѣтлой минуты, нѣтъ покоя въ немъ, но есть вѣчное раздраженіе, вѣчный зудъ зла, требующій новыхъ жертвъ и новыхъ бѣдъ и несчастій.

Онъ такъ гордъ, что не въ состояніи ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ. Онъ никогда, ни отъ кого не позволитъ себѣ принять ни капли участія, ни слова утѣшенія... Всѣ должны считать его счастливѣйшимъ и могущественнѣйшимъ изъ существъ; всѣ должны признавать его если не выше Бога, то, по крайней мѣрѣ, равнымъ Богу и въ этомъ убѣж-

Digitized by Google

деніи онъ полагаетъ свою силу. Онъ всѣмъ говоритъ, что его планета составляетъ центръ вселенной, что одна половина вселенной уже покорена имъ, а другая будетъ скоро покорена и кто изъ подвластныхъ ему злыхъ духовъ сомнѣвался въ томъ, онъ не смѣетъ этого выскàзать ни жестомъ, ни намекомъ, подъ опасеніемъ жесточайшей кары.

По внѣшнему виду своему Денница необыкновенно красивъ и красотой своей отличается отъ всѣхъ подвластныхъ ему существъ. Его открытый взглядъ сверкаетъ чрезвычайно умной и нѣсколько насмѣшливой улыбкой; на немъ надѣта черная рубашка, опоясанная такимъ же поясомъ; завернутъ онъ въ черную мантію и никогда ничѣмъ не покрываетъ головы; на ногахъ обуви нѣтъ. Вся осанка его величественна и весь видъ величавъ. Онъ рыцарь своего слова и собственно самъ не дѣлаетъ никакихъ безчестныхъ и грязныхъ поступковъ. Когда ему нужно обдѣлать какое-нибудь безчестное, грязное дѣло, то посылаетъ другихъ, и посылаетъ онъ ихъ только потому, что знаетъ, что эти дѣла пріятны имъ, и что они всегда готовы ихъ выполнить, за что онъ ихъ глубоко и презираетъ.

Никто не страдаетъ и не мучается больше его. Чтобы заставить страдать и мучиться другихъ, онъ долженъ знать и самъ пережить мученія, чтобы знать имъ мѣру. Превышеніе мѣры мученія могло бы заставить истязаемаго обратиться къ Богу. Поэтому ему необходимо изучить на себѣ степень муки, и онъ дѣйствительно страдаетъ со всѣми и предварительно мучается за всѣхъ, а потомъ уже присуждаетъ эти мученія другимъ.

Денница старается во всемъ подражать Богу, а потому и свою администрацію онъ раздѣлилъ на три тройственныхъ начала, которыя стоятъ во главѣ всѣхъ подвластныхъ ему духовъ и властвуютъ надъ всѣми остальными.

Собственно говоря, только эти девять помощниковъ его и очень немногіе другіе дѣлаютъ зло сознательно, разумно и здраво ведутъ дѣло ада по программѣ, данной имъ Денницей. Вообще говоря, умъ злыхъ духовъ затемненъ до крайности; дѣлаютъ они зло по привычкѣ, не разбирая зачѣмъ и для чего они его дѣлаютъ. Мелкіе злые духи настолько забиты и запуганы, что соображать или послѣдовательно обдумывать что-либо они положительно не въ состояніи. Они окружены вѣчнымъ ужасомъ и насиліемъ ихъ воли; ихъ заставляютъ издѣваться, насмѣхаться, досаждать всѣмъ и они знаютъ, что за это они никакого наказанія не получатъ, а, напротивъ, по-

Digitized by Google

лучатъ только одобреніе; такъ они постоянно и поступаютъ, не разбирая, кому дѣлаютъ они гадости и зачѣмъ.

Всѣ мелкіе злые духи подчинены своимъ девяти начальникамъ, получаютъ отъ нихъ порученія и отдаютъ имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но единства нѣтъ въ этомъ черномъ полчищѣ. Одинъ кляузничаетъ на другого, всюда несогласія, ябеда и интриги.

Одинъ начальникъ пошлетъ своихъ подвластныхъ духовъ съ какимъ-нибудь порученіемъ; подвластные другого начальника, если узнаютъ объ этомъ, никогда не упустятъ случая сдѣлать вредъ своимъ же злымъ духамъ; они отправляются къ Ангеламъ-Хранителямъ людей предварять ихъ о грозящемъ имъ нападеніи и всѣ замыслы первой группы рушатся. Сплошь да рядомъ одинъ злой духъ, если можетъ, то портитъ дѣло, налаженное его пріятелемъ, измѣняетъ ему и на него же ябедничаетъ начальнику.

По важнымъ и болѣе труднымъ злымъ дѣламъ отправляется самъ Денница; но если дѣло ему не удается, то мелкіе духи начинаютъ и надъ нимъ издѣваться и насмѣхаться, и въ этомъ случаѣ уже и онъ самъ удержать ихъ не можетъ. Вообще, между ними идетъ постоянный раздоръ, ссоры, драки и попреки.

Всѣ мелкіе злые духи недовольны своимъ положеніемъ, у всѣхъ одна потаенная мысль и желаніе—возвратиться къ Богу, но исполниться этому очень трудно, потому что: 1) они всѣ ужасно страшатся искупленія своихъ грѣховъ; 2) имъ внушено, что Богъ не приметъ больше ихъ раскаянія и что возвратъ къ Богу невозможенъ; 3) всѣ они боятся, что, если Денница узнаетъ объ ихъ желаніи возвратиться къ Богу, онъ подвергнетъ ихъ жесточайшему наказанію и лишитъ ихъ свободы, чего они больше всего боятся. Въ сущности же всѣ эти опасенія злыхъ духовъ совершенно не вѣрны: 1) Денница ничего не можетъ сдѣлать, если духъ пожелаетъ идти къ Богу; 2) искупленіе несравненно легче, чѣмъ жизнь въ аду, и многіе изъ нихъ покинули уже адъ, пошли къ Богу, заслужили свое прощеніе и въ настоящее время находятся на блаженныхъ планетахъ со святыми людьми.

Все населеніе ада дѣлится на три категоріи существъ. Къ первой принадлежатъ падшіе ангелы, соблазненные Денницей въ первое время своего грѣхопаденія. Они пользуются безусловной свободой и безъ всякаго контроля имѣютъ возможность пребывать всюду, куда только можетъ проникать злая сила. Есть много планетъ, населенныхъ святыми людьми,

Digitized by Google

куда очень трудно попасть злой силѣ и куда они совсѣмъ и не стремятся проникнуть, такъ какъ на нихъ не ждутъ себѣ поживы. Злые духи не допускаются также на планеты небесныхъ силъ. Одинъ Денница проникаетъ всюду безъ исключенія, онъ посѣщаетъ иногда и обители святыхъ, и планеты небесныхъ силъ.

Къ второй категоріи адскаго населенія слѣдуетъ причислить грѣшныя души людей, которые совсѣмъ отрѣшились отъ Бога; они такъ преступны и такъ закоренѣли въ грѣхѣ, что имъ разрѣшается нести адскую службу наравнѣ съ демонами и бѣсенятами. Они также соблазняютъ существъ по всей вселенной и такъ же, какъ и мелкіе злые духи, несутъ службу по охранѣ ада и его третіей категоріи существъ. Эти двѣ категоріи существъ не имѣютъ никакого постояннаго мѣста пребыванія. Они ведутъ вѣчно бродячую жизнь и нѣтъ имъ нигдѣ во вселенной ни покоя, ни пристанища. Имъ негдѣ одуматься, сосредоточиться, провѣрить свою жизнь или отдохнуть отъ нее. Они безъ отдыха скитаются по вселенной и никогда не остаются одни, сами съ собой.

Третья категорія существъ составляетъ большинство и состоитъ изъ душъ людей грѣшныхъ, которыхъ Денница еще не можетъ оставить безъ присмотра и надзора, ибо они еще не надежны для ада; они, собственно говоря, и есть мученики ада.

Всѣхъ ихъ привели сюда ихъ страсти, пороки, наклонности къ преступленіямъ или ихъ привязанности ко всему временному и матеріальному, отъ которыхъ люди эти не могли или не желали отказываться при жизни. Эти злыя привязанности обратились теперь какъ бы въ природныя качества души, безъ которыхъ не можетъ человѣкъ существовать или, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что не можетъ, а потому онъ совершенно для себя инстинктивно ищетъ такое мѣсто, гдѣ могли бы быть удовлетворены эти привычки къ грѣху или эти, такъ бы сказать, требованія его извращенной природы души.

Собственно говоря, именно этой слабой стрункой человѣка или этой погубившей его привычкой и воспользовались злые духи — они обѣщали человѣку полное исполненіе его желаній или удовлетворенія этой привычки, чѣмъ и заманили его въ адъ. Слѣдовательно, вся задача ада состоитъ лишь въ томъ, чтобы исполнить это обѣщаніе и дать удовлетвореніе привычкамъ каждой извращенной души. Для исполненія именно этой задачи и пользуется Денница въ самомъ широкомъ размѣрѣ: 1) своими знаніями физической природы; 2) знаніемъ

Digitized by Google

всѣхъ потребностей порочной и страстной души, и въ 3) своимъ искусствомъ воспроизводить образы. Онъ старается всѣхъ поставить именно въ ту жизненную обстановку, въ которой желалъ бы быть каждый и старается дать каждому удовольствія и занятія сообразно его вкуса, желанія и его привычки, и въ этомъ направленіи обставляетъ онъ свой адъ. Все это чрезвычайно легко достигается имъ, имѣя отжившія планеты въ своемъ распоряженіи.

На этихъ отжившихъ планетахъ Денница водворяетъ своихъ плѣнниковъ, окружаетъ ихъ надзоромъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не избѣжалъ его рукъ и потомъ лично и черезъ помощниковъ разжигаетъ или раздражаетъ ихъ воображеніе; все остальное додѣлываютъ порочная воля и мысль самихъ заключенныхъ въ адѣ.

Мысль и воля суть тѣ великіе двигатели, которые создали всѣ міры и всю вселенную. Только человѣкъ, живя въ грубоматеріальномъ тѣлѣ, не можетъ понять всей мощной силы ихъ, ибо скованъ своей матеріей до слѣпоты.

Всѣ же люди, живущіе въ менѣе матеріальныхъ сферахъ, даже въ астральныхъ сферахъ Земли, уже пользуются волей и мыслью, какъ мы пользуемся нашими руками и ногами. При первомъ проявленіи мысли, или, говоря нашимъ языкомъ, при первомъ возраждающемся желаніи, воля наша, вызывая силы изъ Общаго Источника Силъ, уже слагаетъ и разлагаетъ матерію, токи и жидкости той, болѣе или менѣе матеріальной, сферы, въ которой живетъ существо. Вся наша, видимая и вѣсомая грубая матерія есть слѣдствіе желанія высшихъ духовъ образовать ее, и никакихъ усилій они не употребляютъ, какъ желанія, а воля самопроизвольно вызоветъ Силу Божію и образуетъ матерію или явленіе нашего міра.

За гробомъ—мыслить, желать и дѣлать—синонимы и значатъ положительно одно и тоже. За гробомъ человѣкъ не можетъ подумать безъ того, чтобы его мысль не вызвала тѣхъ образовъ, о которыхъ онъ подумалъ. Онъ не можетъ желать безъ того, чтобы это желаніе не воспроизвело соотвѣтствующія дѣйствія, явленія или образы, вполнѣ реальные, видимые и ощутительные для всѣхъ тѣхъ существъ, которымъ эта сфера жизни вообще доступна. Иначе и быть не можетъ, ибо всѣ эти образы состоятъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ и тѣло его и сфера, его окружающая.

Такимъ образомъ мысль за гробомъ вполнѣ реальна и вещественна, и если она касается предметовъ вещественныхъ, то эти вещественные предметы немедленно въ дѣйствитель-

Digitized by Google

ности воспроизводятся. Даже безотчетная мысль объ вещественныхъ предметахъ немедленно вызываетъ всѣ видимые и вещественные образы. Совершенно такъ же, какъ мы, задумавшись о чемъ-нибудь, вдругъ совершенно машинально, сами не замѣчая того, поднимаемъ руку или дѣлаемъ какой-либо жестъ, а всѣ, окружающіе насъ, видятъ его; или мы, не думая о томъ, машинально насвистываемъ какой-нибудь мотивъ, сами не замѣчая того, а окружающіе слышатъ его. Рѣшительно то же самое у жителей болѣе тонкихъ матерій, они могутъ вызывать соотвѣтствующія дѣйствія, явленія и образы не въ одномъ своемъ организмѣ, но и въ окружающей ихъ природѣ. Такимъ образомъ человѣкъ болѣе легкихъ матерій не можетъ скрыть ни одной своей идеи, или мысли, или своего желанія, ибо всѣ они воспроизводятъ образы, всѣми окружающими видимые, слышимые и до мельчайшей подробности понятные.

Люди, не старавшіеся возвышать своей души еще при жизни на Землѣ, не пріучившіе своей мысли предвкушать удовольствіе въ представленіи себѣ отвлеченныхъ идей добра, милосердія, участія къ людямъ во всѣхъ его видахъ и любви ко всему, сотворенному Богомъ,—обыкновенно сосредоточиваютъ свои мысли преимущественно на предметахъ матеріальныхъ и на явленіяхъ вещественнаго міра и эта ихъ привычка остается у нихъ и за гробомъ. Поэтому одни видятъ себя окруженными роскошью и богатствомъ; военные видятъ себя въ красивыхъ мундирахъ, съ тѣми орденами, которыхъ добивались на землѣ и, можетъ быть, не получили; курильщики съ сигарой или папироской; пахарь видитъ себя съ телѣгой и волами такихъ достоинствъ, о которыхъ только мечталъ на землѣ; франтихи-дамы увидятъ себя въ тѣхъ нарядахъ, которые имъ удавалось видѣть только въ окнахъ магазиновъ и которыхъ не пріобрѣли за недостаткомъ средствъ, но которые потомъ видѣли еще разъ во снѣ; и всѣ эти вещи, хотя сами по себѣ не болѣе, какъ продуктъ болѣзненной фантазіи и сформированы силой одного больного воображенія, вслѣдствіе одной зародившейся мысли, тѣмъ не менѣе они такъ же реальны для самаго человѣка и для всѣхъ окружающихъ ихъ, какъ наши земные предметы реальны для насъ. Конечно, на нашемъ языкѣ это одна мечта, ибо они исчезаютъ, какъ только мысль окончила ихъ себѣ представлять; но вѣдь при первомъ проявленіи мысли они являются опять. Ихъ нѣтъ только тогда, когда они намъ не нужны, когда мы не думали о нихъ, но какъ только вспомнимъ, они уже здѣсь, слѣдовательно для насъ они всегда существуютъ.

Digitized by Google

Это свойство воли и мысли играетъ могущественную роль въ жизни праведныхъ существъ, не имѣющихъ пустыхъ мыслей и желаній, у которыхъ всѣ стремленія чисты и опредѣленны и у которыхъ мысль и воля въ повиновеніи. Оно облегчаетъ задачу ихъ существованія и дѣлаетъ всякій ихъ трудъ и, повидимому, обширныя и самыя трудныя работы по устроенію вселенной и существъ окончательно неутомимыми: стоитъ высшему духу только подумать или пожелать, какъ все уже сдѣлалось само. Если высшее существо подумало о какой-либо отдѣльной планетѣ, оно уже перенеслось туда; если оно подумало, что надо воспроизвести какое-нибудь явленіе изъ видимаго міра, оно уже сдѣлано; оно задумало измѣнить хорошую погоду на дурную, она сейчасъ мѣняется; это свойство воли и мысли у праведныхъ существъ замѣняетъ вообще все, что у насъ называется трудомъ и работой; а потому для нихъ все одинаково легко сдѣлать и во всякомъ случаѣ такъ же легко, какъ намъ подумать.

Это же самое свойство мысли и воли, которое облегчаетъ жизнь чистыхъ и праведныхъ существъ и дѣлаетъ ихъ всемогущими и вездѣсущими, отражается на грѣшныхъ и порочныхъ существахъ совершенно иначе и причиняетъ имъ мученіе ада, которое такимъ образомъ уже является естественнымъ слѣдствіемъ за ихъ порочную жизнь и за ихъ преступленія, совершенныя на землѣ. Всякая страсть, всякая привычка или привязанность къ вещественнымъ предметамъ, перенесенная человѣкомъ за гробъ, естественно должна уже теперь остаться качествомъ его души, отъ которой онъ уже за гробомъ избавиться не можетъ. Она постоянно будетъ тревожить и возбуждать образы помимо воли самого человѣка, который не былъ въ силахъ остановить своихъ страстей и привычекъ при жизни на землѣ, и онъ уже не въ силахъ заглушить ихъ за гробомъ.

Вотъ именно этимъ свойствомъ воли и мысли, въ самомъ широкомъ размѣрѣ, пользуется Денница, чтобы эксплуатировать своихъ узниковъ. Помѣстивъ ихъ на одной изъ своихъ отжившихъ планетахъ, его дѣло возбуждать порочныя мысли каждаго и эти мысли, помимо воли самого человѣка, вызываютъ тѣ образы, которые лучше всего соотвѣтствуютъ привычкамъ, вкусамъ и наклонностямъ каждаго. Вся забота Денницы и его помощниковъ возбуждать неусыпно болѣзненную фантазію, чтобы всѣ эти образы никогда не исчезали и чтобы съ теченіемъ времени человѣкъ, пребывая въ аду, не отсталъ отъ своихъ земныхъ привычекъ.

Digitized by Google

Фантазія однихъ рисуетъ себѣ города, превосходящіе по красотѣ всѣ города вселенной. Другіе видятъ эти города, гуляютъ въ нихъ, устраиваютъ себѣ образы чертоговъ, роскошнѣйшихъ помѣщеній; третьи устраиваютъ въ нихъ уже трактиры, кабаки, увеселительныя заведенія, биржи, театры, игорные дома, банкирскія конторы. Каждый устраиваетъ себѣ жизнь по своему вкусу, такъ, какъ ему хотѣлось бы жить и чего онъ нигдѣ достигнуть не могъ.

Иной видитъ себя министромъ, магнатомъ, аристократомъ и устраиваетъ пріемы, къ нему съѣзжаются съ поклономъ и считаютъ, что, наконецъ, добились той чести, что они приняты у столь высоко поставленной особы. Всегда находятся лакеи, которые при жизни добивались быть лакеями у министра и этого счастья удалось достигнуть имъ только въ аду. Устраиваются роскошные салоны; прекрасныя кареты, запряженныя небывалыми на землѣ лошадьми, развозятъ визитеровъ по разнымъ концамъ города, заѣзжаютъ на катанья, въ парки и даже на стрѣлку. Тутъ же сады съ такимъ обиліемъ растительности, которой ни на одной планетѣ вселенной нѣтъ; съ такими статуями, изъ которыхъ каждая есть чудо искусства, съ рѣшетками изъ чистаго золота съ драгоцѣнными камнями и брильянтами неимовѣрной величины, съ фонтанами, бьющими до небесъ и съ цвѣтами изумительной красоты. Въ другомъ углу этого фантастическаго города идетъ нескончаемое веселье, собрались весельчаки и жуиры: пьютъ, кутятъ, ѣдятъ, танцуютъ и чего, чего только у нихъ нѣтъ. Никакой Неронъ не въ силахъ придумать столь великаго празднества, обставить себя столь комфортабельной роскошью и столь веселымъ дамскимъ обществомъ. Нигдѣ нѣтъ столькихъ красавицъ, какъ въ аду, нигдѣ онѣ такъ не любезны, не привлекательны и не пикантны и наперерывъ не стараются удовлетворить нашимъ извращеннымъ вкусамъ. Однимъ словомъ, идетъ оргія въ полномъ разгарѣ, которую никакая сказка сказать не въ силахъ.

Въ третьемъ углу ада собрался народъ дѣловой. Они занимаются денежными операціями. Нѣтъ банковъ богаче, чѣмъ въ аду. Проценты взимаются безъ ограниченія, народъ посѣщаетъ ихъ охотно, ибо всякій желаетъ обдѣлать свои дѣлишки и члены банка обогащаются не по днямъ, а по часамъ несмѣтно.

По близости расположенъ игорный домъ; здѣсь ведется игра безъ запрещенія и по какому угодно кушу. Передвигаются капиталы прямо лопатами, ибо горстей уже не хватаетъ. Стра-

Digitized by Google

сти разыгрываются, всѣ выигрываютъ и, вполнѣ довольные собой, начинаютъ новую нескончаемую пульку.

Такова внѣшняя, показная сторона ада. Всякій найдетъ себѣ занятіе и жизнь по вкусу и по характеру и совершенно въ томъ тонѣ и размѣрѣ, какъ каждому угодно. Здѣсь есть мѣсто и время для властвованія, кто привыкъ къ тому; для торговли, кто того желаетъ; для ростовщичества, для изданія книгъ и газетъ; однимъ словомъ, нѣтъ такого дѣла на землѣ, котораго не нашлось бы въ аду. Денница ходитъ невидимо между ними и съ глубокимъ презрѣніемъ къ нимъ злорадствуетъ своей побѣдѣ и научаетъ бѣсенятъ къ неусыпному возбужденію болѣзненныхъ фантазій. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ скорбитъ, что погубилъ еще мало народу, но зато представляетъ себѣ будущее ада, когда весь міръ обратится къ нему за исполненіемъ своихъ желаній. Онъ считаетъ людей настолько глупыми, такъ глубоко презираетъ ихъ, что считаетъ это возвращеніе всѣхъ людей къ нему вполнѣ возможнымъ. Онъ мститъ имъ за Бога. Онъ считаетъ, что выполнилъ передъ каждымъ всѣ свои обѣщанія и даже далъ имъ больше, чѣмъ обѣщалъ.

Но если заглянуть въ душу каждаго, то картина будетъ не столь отрадная. Они всѣ наказаны тѣмъ родомъ жизни, который такъ желали получить, и мучаются теперь избыткомъ ея, или сознаніемъ всей безполезности этого избытка, ибо и онъ даже не въ состояніи удовлетворить ихъ.

Обратите вниманіе на этого скупца-банкира, заглушившаго въ себѣ еще при жизни всѣ добрыя чувства, всю любовь къ своимъ дѣтямъ и нарушившаго весь завѣтъ Бога изъ-за денегъ и страсти къ наживѣ. При жизни не было конца его алчности къ деньгамъ, онъ чистилъ каждый потускнѣвшій червонецъ, чтобы насладиться его видомъ, и такимъ сошелъ за гробъ. Теперь онъ окруженъ несмѣтными богатствами—это была мечта въ его жизни и теперь она исполнилась за гробомъ; онъ теперь имѣетъ столько богатствъ, что не знаетъ, куда ихъ дѣвать; но мысль его привыкла къ ненасытности въ этомъ направленіи; страсть и алчность работаютъ постоянно и требуютъ все новыхъ, это ему надоѣдаетъ, дѣлаетъ его состояніе невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ всю безполезность ихъ. Теперь онъ не переноситъ вида денегъ, но мысль, независимо отъ его воли, требуетъ ихъ еще и еще. Онъ вспоминаетъ теперь о красотѣ жизни, о бывшей у него нѣкогда любви къ дѣтямъ и состраданіи къ ближнимъ, но все заглушается однимъ алчнымъ требованіемъ денегъ и несмѣтнымъ прибываніемъ ихъ. Голова перестаетъ соображать, онъ какъ бы въ чаду, какъ бы

Digitized by Google

окруженъ чѣмъ то невыносимо ему противнымъ, а деньги все прибываютъ и прибываютъ.

Вонъ, вдали, вы видите пьяницу, забился онъ въ уголъ и окружилъ себя виномъ; но теперь вино уже не удовлетворяетъ его, оно ему противно, но развращенная воля требуетъ вина, вина, и иначе онъ не можетъ себя представить, какъ пьющимъ этотъ отвратительный напитокъ и невольно для себя требуетъ вина и еще вина.

Вотъ барыня-кокетка, которая бросила всѣ заботы о дѣтяхъ и прямо помѣшалась на визитахъ, костюмахъ и на своей якобы красотѣ и молодости въ 40 лѣтъ. Теперь она обречена на то же занятіе, и безъ перерыва будетъ визитировать и наряжаться, наряжать и визитировать цѣлую вѣчность безъ отдыха, ибо ночи въ аду нѣтъ, тамъ одинъ свѣтлый день. Объѣзжая всѣ великосвѣтскіе салоны ада, она выслушиваетъ все тѣ же банальные комплименты флиртеровъ. Теперь она насквозь видитъ своего флиртера и знаетъ, что онъ нагло лжетъ передъ ней, ибо думаетъ совсѣмъ не то, что говоритъ. Въ свою очередь, она невольно отвѣчаетъ ему любезностью, зная очень хорошо, что здѣсь въ аду и флиртеръ понимаетъ, что въ душѣ она его глубоко ненавидитъ и презираетъ. Однако, ни тотъ, ни другой остановиться не могутъ, ибо привыкли къ модной лжи и притворству. Они глубоко другъ друга ненавидятъ, рады растерзать другъ друга, но скалятъ модную улыбку, продолжаютъ сохранять этикетъ и говорятъ другъ другу пошлости безъ конца и будутъ вѣкѣ ихъ повторять на разные лады, ибо ни къ чему другому, лучшему, они не пріучили свою душу.

Мученія преступниковъ и гордецовъ еще ужаснѣе! Для нихъ Денница самъ устраиваетъ особыя помѣщенія, гдѣ они могли бы удобно предаваться своимъ собственнымъ ощущеніямъ. Гордецы въ аду живутъ очень удобно, но въ одиночествѣ и во тьмѣ. Они при жизни не пріучили себя обращать вниманія на людей и съ участіемъ входить въ положеніе ближняго, теперь уже имъ кажется, что никто не замѣчаетъ и не видитъ ихъ. Они скитаются по всей планетѣ, посѣщаютъ самыя людныя улицы, люди шныряютъ по всѣмъ направленіямъ, ихъ множество, но никто не замѣчаетъ ихъ. Люди проходятъ такъ близко къ нимъ, что задѣваютъ и толкаютъ ихъ, но они не могутъ возбудить въ нихъ вниманія къ себѣ, ихъ никто и видѣть не можетъ.

Убійца представляетъ себѣ постоянно картину своего убійства. Въ ужаснѣйшемъ видѣ предстаютъ передъ нимъ всѣ жертвы и не покидаютъ его. Онъ самъ находится въ непод-

Digitized by Google

дающемся описанію раздраженіи и представляетъ себя постоянно вонзающимъ кинжалъ въ раны. Кровь течетъ нескончаемо, онъ купается въ крови, ему невыносимъ видъ и запахъ теплой крови, но болѣзненная мысль требуетъ новыхъ жертвъ, все больше и больше крови, все новыхъ преступленій и такъ безъ конца и предѣла, все одно и то же и все невыносимо тягостно.

Физическихъ мученій въ аду никто, никогда не испытываетъ; но всякій родъ грѣха со всѣми его разновидностями имѣетъ и соотвѣтствующій ему родъ нравственныхъ мученій, истекающихъ изъ самыхъ особенностей грѣха. Поэтому можно себѣ представить, до чего разнообразно помѣщеніе мучениковъ ада, ибо нѣтъ положительно предѣла разнообразію оттѣнковъ каждаго грѣха. Напримѣръ, непріязнь къ ближнему, презрѣніе, ненависть, вражда, злоба, отвращеніе, омерзѣніе, мстительность, обида, издѣвательство, плутня, обманъ, мошенничество, все суть разновидности одного и того неправильнаго отношенія къ ближнему и всѣ они вызываютъ особое внутренное состояніе, которымъ Денница подыскиваетъ особое помѣщеніе, болѣе соотвѣтствующее вкусамъ каждаго, чтобы покрѣпче связать ихъ съ адомъ и тѣмъ упрочить ихъ пребываніе въ немъ.

Въ аду нѣтъ ночи,—тамъ вѣчный день, вѣчный праздникъ, вѣчное осуществленіе самыхъ завѣтныхъ желаній каждаго и это осуществленіе доведено до одурѣнія, до невозможности, до обморока. Усталый, выведенный изъ всякаго терпѣнія человѣкъ впадаетъ по временамъ въ какое-то забытье. Мучимый какимъ-то ужаснѣйшимъ кошмаромъ, въ которомъ онъ видитъ все тотъ-же избытокъ и избытокъ, онъ мало-по-малу погружается въ мракъ и хочетъ хотя бы на минуту забыться. Но сна въ аду нѣтъ,—нѣтъ и покоя. Передъ нимъ появляются бѣсенята, которые издѣваются надъ нимъ, смѣются, выставляютъ всѣ его смѣшныя стороны, представляютъ его, передразниваютъ и выводятъ изъ терпѣнія. Физическихъ болей они никакихъ не причиняютъ, развѣ только кто-нибудь изъ нихъ по-дружески щипнетъ или толкнетъ, но за то нравственное состояніе не поддается никакому описанію, и какъ только разсерженный и раздосадованный человѣкъ вскакиваетъ, чтобы разогнать ихъ—зашевелилась и его собственная мысль и снова требуетъ денегъ, водки, флирта или оргій... и такъ цѣлую вѣчность, пока человѣкъ не вспомнитъ Бога и не признаетъ передъ Нимъ своей виновности.

Никто не страдаетъ въ аду дольше того, какъ самъ того пожелаетъ, или какъ самъ находитъ для себя необходимымъ.

Digitized by Google

По первому призыву Бога, по первой мольбѣ каждаго о помощи, является и облегченіе страданій. Богъ помогаетъ, ибо милости Его нѣтъ конца, власть Денницы надъ человѣкомъ уменьшается, рушатся его чары и человѣкъ свободенъ. Благословляя Бога, переходитъ онъ въ сферы болѣе легкихъ жизней, совершенствуется, искупаетъ свои грѣхи, исправляется отъ своихъ пороковъ и ничто не мѣшаетъ ему доходить и до высшихъ степеней блаженства и чистоты.

Digitized by Google

Глава X.

Жизнь на Марсѣ.

Благословеніе Божіе перенести свою жизненную дѣятельность съ Земли на Марсъ всегда встрѣчается человѣкомъ съ величайшимъ восторгомъ, ибо онъ, живя на сферахъ Земли и посѣщая Марсъ, уже давно ознакомился съ жизнью на немъ, а потому очень хорошо знаетъ, что жизнь какъ въ астральныхъ сферахъ Марса, такъ и на матеріальной планетѣ, несравненно лучше жизни на Землѣ и ея астральныхъ сферахъ.

Поэтому онъ отъ всего сердца благодаритъ Бога за Его великія милости, вполнѣ осмысленно сознавая, что лучшаго рая человѣкъ отъ Бога ожидать не можетъ. Вся жизнь и стремленія жителей Марса вполнѣ понятны человѣку Земли; нѣтъ въ жизни Марса трудныхъ и неисполнимыхъ для него задачъ, а между тѣмъ всѣ жизненныя условія такъ легки и удобны, что о томъ человѣкъ не смѣлъ и мечтать на Землѣ.

Переносясь изъ сферъ Земли на сферы Марса, обновленный, возрожденный и принявшій искупленіе человѣкъ, получаетъ и тѣло астральной матеріи Марса, которое несравненно болѣе разрѣжено, чѣмъ тѣло сферы Земли. Теперь уже его духовныя силы и способности стали несравненно выше, тѣло разрѣженнѣе, духъ могущественнѣе, пониманіе истины болѣе глубоко, а потому ѣму открывается возможность безпрепятственно посѣщать несравненно бо́льшія области вселенной. Кругозоръ его увеличивается ежедневно, такъ какъ онъ, первое время въ особенности, постоянно осматриваетъ тѣ новые міры и новыя сферы разныхъ жизней, которыя только теперь стали ему доступны. Онъ изучаетъ, знакомится съ ними и обогащаетъ свои познанія. Духи-покровители изъ небесныхъ силъ возлагаютъ на него теперь уже не маловажныя попеченія

Digitized by Google

о вселенной и существахъ; онъ теперь уже самъ отвѣтственъ за свои поступки, ему дано для руководства и назиданія множество существъ меньшаго, чѣмъ онъ самъ, развитія.

На сферахъ Марса онъ живетъ несравненно дольше, чѣмъ жилъ на сферахъ Земли. Это пребываніе для него необыкновенно отрадно и радостно; заботы, возлагаемыя на него, не только не тяготятъ его, но составляютъ непрерывный рядъ постоянно смѣняющагося счастья и блаженства. Въ исполненіи каждой порученной ему заботы онъ чувствуетъ внутри себя самого величайшую награду Господа, придающую ему новыя силы и возможность быть полезнымъ Богу въ исполненіи Его Святыхъ предначертаній. Всякое доброе дѣло укрѣпляетъ его въ любви къ Богу и ко всему, сотворенному Имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему еще большую возможность разсѣвать свое добро среди людей все въ усиливающейся степени. Все пребываніе его на сферахъ Марса есть одинъ въ высшей степени отрадный и радостный день, укрѣпляющій и возвышающій всѣ духовныя силы его, приближающій его къ Богу и дѣлающій его существомъ вполнѣ оконченнымъ, всей душой преданнымъ Богу и съ восторгомъ понимающимъ гласъ Его.

Какъ ни велико то счастье и блаженство, которое испытываетъ онъ, пребывая на сферахъ Марса; какъ ни много почерпнулъ онъ познаній истины и какъ ни приблизился къ Богу, однако, онъ начинаетъ чувствовать, что есть счастье выше его счастья, ибо есть знанія истины глубже тѣхъ, какими онъ владѣетъ, есть степени любви и добра, которыя ему еще недоступны, а потому не можетъ онъ еще приближаться къ Богу въ той мѣрѣ, какъ это ему въ настоящее время желательно, въ той мѣрѣ, какая въ настоящее время уже составляетъ для него потребность. Чтобы достигнуть этого, онъ знаетъ, что долженъ еще больше укрѣпиться въ добрѣ и любви черезъ новую жизнь въ грубо матеріальномъ тѣлѣ планеты возрожденія добра—на Марсѣ.

Несмотря на то, что жизнь въ матеріальномъ тѣлѣ на Марсѣ не столь легка и блаженна, какъ жизнь на его сферахъ, онъ вполнѣ сознательно проситъ у Бога разрѣшить ему принять эту жизнь. Онъ очень хорошо знаетъ, что черезъ нее онъ скорѣе приблизится къ Богу, скорѣе укоренится въ еще бо̀льшемъ добрѣ и любви и получитъ возможность приносить еще бо́льшую пользу Богу, ибо будетъ лучше понимать тайны премудрости Его.

Если Богъ благословляетъ его выборъ, то онъ родится на Марсѣ и при первомъ появленіи въ жизнь получаетъ Ан-

Digitized by Google

гела-Хранителя, съ которымъ больше не разстается, пока не кончится жизнь и все загробное состояніе Марса.

Онъ самъ избираетъ себѣ образъ жизни на Марсѣ, ибо знаетъ всѣ слабыя стороны своего духовнаго развитія, которыя мѣшали ему приблизиться къ Богу; знаетъ, какой родъ испытаній ему долженъ быть болѣе полезенъ, ибо въ деталяхъ изучилъ всю жизненную дѣятельность людей на Марсѣ. Совершая этотъ свой выборъ вполнѣ осмысленно, онъ увѣренъ, что добьется благихъ результатовъ черезъ жизнь на Марсѣ, ибо сознаніе жизни и жизненныя задачи планеты Марсъ не такъ крѣпко скрыты отъ людей, какъ онѣ скрыты на Землѣ и всѣ условія жизни легче и пріятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ:

На Марсѣ нѣтъ раздѣленія на страны и государства, нѣтъ различія языковъ и народностей, нѣтъ вражды между людьми, нѣтъ собственности, нѣтъ денегъ, а потому нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни роскоши, ни нужды, а слѣдовательно, нѣтъ зависти.

На Марсѣ нѣтъ даже городовъ, этихъ большихъ скученныхъ центровъ населенія, заражающихъ воздухъ, воду, землю и людей, развивающихъ нужду, болѣзни, развратъ мысли и тѣла и составляющихъ средоточіе эксплуатаціи другъ друга, господства, власти, притѣсненія и насилія всякаго рода.

При всемъ этомъ на Марсѣ, конечно, нѣтъ ни военнаго сословія, ни судовъ, ни полиціи, никакой власти, никакого начальства, кромѣ слова Божьяго; нѣтъ другого бича, кромѣ любви Бога и боязни прогнѣвить Его и преступить Его святой законъ. На Марсѣ каждый, въ полномъ смыслѣ слова, слуга своего ближняго, самый вѣрный помощникъ его и предупредительный заботливый другъ. Тамъ считается уже грѣхомъ не сдѣлать того добраго дѣла и не оказать того вниманія ближнему, которое человѣкъ могъ бы сдѣлать. Каждый считаетъ своею священнѣйшею обязанностью предупредить желаніе ближняго, если представляется къ тому хотя малѣйшая возможность и оказывать всѣмъ самое сердечное вниманіе и самое душевное участіе.

На Марсѣ всякій человѣкъ есть равноправный владѣлецъ даровъ и удобствъ, предоставляемыхъ ему планетой и вмѣстѣ съ тѣмъ самый добросовѣстный труженикъ, всегда готовый положить всѣ свои знанія и все стараніе на улучшеніе и сохраненіе своей планеты и на увеличеніе ея производительности. Вся производительность планеты составляетъ достояніе всѣхъ имѣющихъ въ ней надобность. Всѣ могутъ одинаково пользоваться всѣми произведеніями, независимо отъ того, кто

Digitized by Google

произвелъ ихъ. Но зато никто и не беретъ ихъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ они дѣйствительно нужны ему для его существованія. Всякая роскошь и всякій излишній запасъ чего бы то ни было считается уже грѣхомъ, ибо то, что непроизводительно лежитъ безъ всякаго употребленія и надобности у одного, могло бы съ пользой служить другому, а потому это уже есть воровство.

Главнымъ образомъ все вниманіе и заботы жителей Марса обращены на обработку почвы и на произрастающее на ней, такъ какъ на Марсѣ и люди, и животныя питаются исключительно растительной пищей, и преимущественно плодами. Никто не ѣстъ на Марсѣ не только животныхъ, но и ничего, изъ чего должны выйти животныя или растенія, какъ то: икру, яйца, сѣмена растеній или зернышки. На Марсѣ нѣтъ даже животныхъ или насѣкомыхъ плотоядныхъ—всѣ питаются одними растеніями.

Понятія, выражаемаго словомъ „убійство“, на планетѣ нѣтъ, въ самомъ детальномъ значеніи его. Богъ даетъ жизнь, Богъ Одинъ имѣетъ право ее отнять, и никто больше, и всякій долженъ, слѣдуя примѣру Творца, увеличивать все живущее, но не уничтожать.

Планета Марсъ на половину меньше Земли; заселена далеко не по всей поверхности, а между прочимъ на ней свободно помѣщается и блаженствуетъ народонаселеніе больше земного, ибо жизнь людей несравненно дольше земной. На Марсѣ, если считать продолжительность времени по нашему календарю, люди живутъ въ среднемъ до 500 лѣтъ.

Всякій, имѣющій возможность, а слѣдовательно и желаніе обработывать землю, занимаетъ такое пространство подъ свои угодья, какія онъ въ состояніи обработать самъ своимъ личнымъ трудомъ безъ всякой посторонней помощи и строитъ на этомъ участкѣ себѣ домъ. Никто не позволяетъ себѣ занять ни одной пяди лишней, ему не нужной почвы, ибо этимъ онъ обездолилъ бы своего сосѣда. Поэтому вся населенная часть планеты покрыта сплошь домами находящими на извѣстномъ отдаленіи другъ отъ друга, окруженными садами такой роскоши, такъ обильно снабженными самой разнообразной растительностью, о которой мы, жители Земли, ни малѣйшаго понятія себѣ составить не можемъ.

Почва Марса необыкновенно рыхла и легка. Она несравненно легче нашей; мы могли бы ее сравнить въ отношеніи ея вѣса развѣ только съ легчайшимъ пухомъ или съ пушистымъ снѣгомъ и рѣшительно не могли бы ходить по ней,

Digitized by Google

ибо наше тѣло, вслѣдствіе своей тяжести, погружалось бы въ почву и все ушло бы въ нее. Вся матерія Марса имѣетъ именно эту разрѣженность и легкость. Ихъ вода не могла бы утолить нашей жажды; мы почти могли бы дышать ею; нечего говорить, что и ихъ воздухъ соотвѣтственнно разрѣженъ и все, что на планетѣ существуетъ, все легко и нѣжно.

Какъ вся матерія Марса легка и нѣжна, такъ точно легко и тѣло людей, животныхъ и насѣкомыхъ. Тѣло человѣка при томъ же объемѣ, какъ у насъ, вѣситъ по приблизительному разсчету 25 фунтовъ, т. е. въ шесть разъ легче нашего. Эта легкость тѣла, однако, не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно сильнымъ, крѣпкимъ, удобоподвижнымъ и необыкновенно послушнымъ волѣ человѣка. Житель Марса почти не чувствуетъ своего тѣла; оно нисколько не стѣсняетъ его и никогда не отказывается исполнять хотя бы малѣйшія желанія сильной энергичной и опредѣленной воли человѣка и почти не знаетъ усталости.

Это господство духа надъ тѣломъ, эта легкость тѣла, совмѣщенная съ необыкновенной силой и устойчивостью его, исключаетъ всякое понятіе объ утомительности всякаго физическаго труда. О жителяхъ Марса никакъ нельзя сказать, что они въ потѣ лица своего добываютъ свой хлѣбъ, ибо для нихъ трудъ есть пріятное не обремянительное развлеченіе. Вся задача земледѣлія, напримѣръ, сводится не къ количеству труда, потребнаго для обработки почвы, но къ наилучшему разведенію новыхъ породъ растительности, къ искусству улучшенія старыхъ породъ, къ увеличенію ихъ плодоносности и увеличенію, вообще, производительности на возможно меньшемъ пространствѣ почвы. И иначе это быть не можетъ, ибо при той силѣ, которой обладаютъ люди и той легкости и пушистости, которую имѣетъ почва, обработка ея должна достигаться безъ всякаго труда. Но кромѣ всего этого жители Марса обладаютъ такими совершенными машинами и такимъ обиліемъ всевозможныхъ даровыхъ двигателей, о которыхъ мы, жители Земли, и понятія себѣ составить не можемъ. Они примѣняютъ разныя самодѣйствующія машины, орудія и самыя разнообразныя приспособленія при своихъ даровыхъ двигателяхъ, положительно всюду и вездѣ, для исполненія каждой самой малѣйшей работы, такъ что и безъ того уже совершенно легкій трудъ обработки почвы сводится къ одному наблюденію за работой машинъ или, лучше сказать, къ одному знанію управлять машиной или просто къ одному желанію достигнуть данныхъ результатовъ.

Digitized by Google

Почва Марса необыкновенно плодородна, а при томъ знаніи и искусствѣ, какими обладаютъ люди, при томъ стараніи, какое они прилагаютъ, чтобы обработать всякій клочекъ земли, вся планета ихъ представляетъ одинъ сплошной, роскошнѣйшій садъ гиганскихъ деревьевъ, сплошь покрытыхъ плодами и цвѣтами, и травяныхъ породъ самыхъ разнообразнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ сортовъ, возвышающихся чуть не до небесъ. Всѣ растенія на Марсѣ приносятъ разнообразную пользу и всѣ доведены до крайняго совершенства.

Плоды растеній доведены до необыкновенныхъ степеней сочности, нѣжности и питательности. Не говоря уже объ обиліи и разнообразіи видовъ этихъ плодовъ, надо сказать, что каждый видъ каждаго плода видоизмѣняется сообразно вкусу и желанію каждаго. У насъ, напримѣръ, ананасъ всегда одинъ и тотъ же, но на Марсѣ, есть болѣе ароматные, болѣе сочные, круглѣе и, наоборотъ, совсѣмъ маленькіе, безъ сладости и всѣхъ промежуточныхъ степеней; однимъ словомъ, каждый вкусъ найдетъ соотвѣтствующій ему плодъ.

Нѣтъ того времени года, когда жители Марса не могли бы питаться наилучшей растительной пищей, которую имѣютъ тутъ же, въ своихъ садахъ, подъ руками, безъ всякихъ хлопотъ.

Нѣтъ того времени года, когда сады Марса не удивляли бы и не поражали необыкновенной красотой и разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ. Можно сказать, что ихъ цвѣты имѣютъ положительно всѣ самые яркіе и чистые цвѣта радуги, если бы наша радуга не была бы слишкомъ тускла для обрисованія колорита цвѣтовъ Марса. У нихъ масса оттѣнковъ и колоритовъ, о которыхъ мы рѣшительно не имѣемъ понятія, въ особенности тѣхъ, которые впадаютъ въ металическіе цвѣта золота и серебра съ сильнѣйшимъ блескомъ, напримѣръ, пурпуръ, отдающій золотомъ и блестящій столь ярко, что нашъ глазъ не выдержалъ бы этого свѣта. Есть цвѣта прозрачные, какъ хрусталь, со свѣтомъ серебра, переливающагося всѣми возможными оттѣнками. Нѣтъ словъ на нашихъ земныхъ языкахъ, чтобы хотя примѣрно описать всю прелесть садовъ Марса, роскошь ихъ убранства и того изящества и вкуса, съ которымъ они обыкновенно планируются.

На Марсѣ есть очень много растеній, которыя ночью свѣтятся и загораются разнообразными огнями. Этимъ качествомъ пользуются въ самомъ обширномъ размѣрѣ жители Марса и въ темныя ночи всѣ сады освѣщены, какъ днемъ. Всѣ дорожки, всѣ алеи обсаживаются такими растеніями,

Digitized by Google

придающими совершенно новую прелесть картинѣ этого настоящаго рая.

Вообще надо сказать, что ни одинъ дѣвственный бразильскій лѣсъ не въ состояніи передать и въ слабой степени высоты, густоты, роскоши и обилія наслажденій, которыя у нихъ, положительно, въ каждомъ саду, благодаря тому принципу, которому придерживаются жители Марса: не позволять почвѣ гулять даромъ, но стараться утилизировать каждый клочекъ пространства. Всякій считаетъ грѣхомъ, а потому ни за что не пройдетъ мимо, если только имѣетъ возможность воздѣлать какое-либо невоздѣланное еще пространство и до всего они достигаютъ безъ малѣйшаго физическаго труда, силой своей заботы, умѣнья и старанья.

До чего плодородна почва и удобна ко всякому произростанію и до чего жители Марса во всѣхъ случаяхъ имѣютъ возможность быть хозяевами своей платеты, можно судить по тому, напримѣръ, какъ увѣренно и свободно они распоряжаются растительностью, когда кто изъ нихъ вздумаетъ напримѣръ заново распланировать свой садъ или замѣнить одни вѣковыя гигантскія деревья другими. Въ этомъ случаѣ самъ хозяинъ одинъ беретъ смѣло этотъ трудъ на себя, по нашему земному сужденію, трудъ совершенно невыполнимый. Не стѣсняясь ни погодой, ни временемъ года, ни тѣмъ, что всѣ деревья въ цвѣту или покрыты плодами, онъ совершенно легко передвигаетъ и пересаживаетъ весь садъ заново такъ же легко, какъ бы мы перестанавливали мебель въ своей комнатѣ, и все продолжаетъ расти и цвѣсти на новыхъ мѣстахъ, какъ цвѣло и росло прежде.

Плодоносности почвы способствуетъ въ высшей степени одна особенность планеты Марсъ, которой у насъ на Землѣ совсѣмъ нѣтъ. Это особаго рода теплота чрезвычайно живительная, оздоровляющая всю растительность, которую выдѣляетъ и производитъ почва. Теплота это не есть продуктъ подземнаго огня, но явленіе, совершенно незнакомое на Землѣ, и проявляющееся съ тѣмъ большей силой, чѣмъ разрѣженность планеты больше. На высшихъ планетахъ это самое явленіе не только согрѣваетъ почву, но издаетъ свѣтъ и вся почва по временамъ какъ бы загорается разными огнями. Здѣсь, на Марсѣ, проявляется только одна теплота и она уравновѣшиваетъ климатъ, умѣряетъ всякія проявленія холодной погоды и въ высшей степени способствуетъ растительности, дѣлая, приблизительно то, что мы достигаемъ нашими паровыми грядками, только въ несравненно обширнѣйшихъ размѣрахъ.

Digitized by Google

Всѣ эти сады не огораживаются никогда никакими заборами, ибо подобная ограда на Марсѣ не имѣла бы никакого смысла. На Марсѣ всякій, кто желаетъ, можетъ входить въ садъ и брать все, что ему требуется и ѣсть сколько ему угодно; хозяинъ сада будетъ только его благодарить за то, что онъ доставилъ ему удовольствіе быть полезнымъ. Слова „свой“ и „чужой“ на Марсѣ совсѣмъ не существуютъ; тамъ все общее. Тотъ, кто считаетъ занимаемый имъ садъ своимъ, считаетъ его своимъ только по отношенію къ работѣ въ немъ и по воздѣлыванію. Говоря „свой“, житель Марса понимаетъ, что въ этомъ саду положенъ его трудъ, но произведенія сада никто не подумаетъ присвоить себѣ, ибо весь приплодъ сада есть достояніе общее, какъ и все на Марсѣ. Придти въ чужой садъ и ѣсть плоды—значитъ сдѣлать удовольствіе хозяину, ибо это обозначаетъ, что эти люди изъ всѣхъ садовъ предпочли именно этотъ, ибо въ немъ все лучше: плоды сочнѣе, удобства больше, хозяинъ привѣтливѣе и т. д., однимъ словомъ, изъ множества садовъ эти люди предпочли этотъ, что не можетъ не доставить хозяину удовольствія. Но всякій, кто съѣлъ плоды въ саду, почтетъ за грѣхъ съѣсть или, вообще, загубить какое-нибудь зернышко отъ съѣденнаго плода, ибо изъ этого зернышка должно со временемъ вырости дерево или, вообще, растеніе и съѣсть зернышко, значитъ загубить цѣлое растеніе, а потому всѣ зерна растеній бережно очищаются и возвращаются хозяину сада. Замѣчательно то, что нѣтъ на Марсѣ мелкихъ зеренъ—все крупныя.

Въ каждомъ саду, какъ мы уже сказали, превосходящемъ своей красотой все, что можетъ нарисовать намъ самое пылкое земное воображеніе о райскихъ садахъ, при вѣчно благопріятной погодѣ, господствующей на Марсѣ, среди благоухающихъ цвѣтовъ, помѣщается на самомъ лучшемъ и самомъ видномъ мѣстѣ небольшой домъ хозяина, какъ какая-нибудь игрушечка, или, скорѣе, бонбоньерка, представляющая изъ себя верхъ изящества и вкуса.

На Марсѣ нѣтъ многоэтажныхъ домовъ, за исключеніемъ фабрикъ и школъ. Всѣ же жилые дома одноэтажны и дѣлаются изъ камня. Это общій характеръ ихъ.

Матеріаломъ для такого дома служитъ камень самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, похожій на нашъ мраморъ. Онъ такъ же легокъ, какъ и вся матерія, изъ которой состоитъ планета, но необыкновенно проченъ въ постройкѣ. Кусокъ нашей магнезіи можетъ намъ дать понятіе о легкости строительнаго матеріала на Марсѣ, но, при всей своей легкости, онъ ни-

Digitized by Google

сколько не поддается разрушительному дѣйствію ни времени, ни климата. Обработка этого камня такъ же легка, какъ обработка воска или стеарина, а при обиліи механическихъ средствъ и всевозможныхъ приспособленій, имѣющихся всегда подъ руками жителя Марса, онъ, шутя, придаетъ своему мрамору самыя причудливыя формы и дѣлаетъ изъ нихъ самыя изящныя украшенія на своихъ домахъ, съ которыми никакіе греческіе, дорійскіе и другіе ордена и стили сравниться не могутъ.

Каждый домъ есть чудо ваянія или самой мельчайшей рѣзной работы, доказывающей всю обширную сообразительность и разнообразіе фантазіи хозяина, его умѣнье группировать формы, пользоваться тѣмъ, что у него подъ рукой, и что дано ему Богомъ.

Внутреннее расположеніе комнатъ и количество ихъ, конечно, зависитъ отъ желанія и вкуса хозяина и отъ числа живущихъ въ немъ лицъ. Но вообще можно сказать, что въ каждомъ домѣ живетъ только одно семейство и лишнихъ комнатъ никогда и никто не позволитъ себѣ дѣлать уже потому, что онѣ жителю Марса, совсѣмъ не нужны. Ему некогда разсиживать у себя дома и вообще праздность считается у нихъ большимъ грѣхомъ, а потому съ ранняго утра и до вечера всѣ заняты. Домъ, это мѣсто ихъ отдыха, уединенія и молитвы, а потому каждый, живущій въ домѣ, имѣетъ свою особую комнату; это условіе считается обязательнымъ и никто отъ него не отступаетъ. Затѣмъ есть одна и не болѣе двухъ общихъ комнатъ и обязательно нѣсколько террасъ кругомъ дома. При каждомъ домѣ есть большой бассейнъ въ особой комнатѣ, въ которомъ моются и купаются.

Слугъ на Марсѣ нѣтъ; всякій дѣлаетъ самъ все, что ему нужно, да даже и не ощущается и потребности въ слугахъ, ибо каждый составляетъ себѣ удовольствіе въ услугѣ другому, кто бы это ни былъ, гость ли или членъ собственнаго семейства.

Войдя въ домъ, васъ поражаетъ чистота, опрятность и изящество, доведенныя до красоты и удобства; вы сразу замѣтите, что у жителя Марса ничего лишняго въ домѣ нѣтъ, одно только необходимое. Нѣтъ и слѣда ни въ чемъ роскоши или излишняго, всего въ обрѣзъ, какъ разъ столько, сколько нужно и безъ чего обойтись нельзя.

Вся мебель металлическая. Металлъ этотъ гораздо легче нашего аллюминія. Онъ обладаетъ удивительной прочностью, а потому тонкость и изящество издѣлій поразительна. Вообще вся мебель чрезвычайно красива, легка и изящна.

Digitized by Google

Вся посуда сдѣлана изъ естественнаго камня, похожаго на нашъ хрусталь. Камень этотъ обрабатывается необыкновенно легко, онъ самъ по себѣ проченъ и упругъ, а потому посуда не легко разбивается.

Чистота въ домѣ удивительная: стѣны, полы, потолки— все мраморное и все полировано. Никакихъ ковровъ и драпировокъ, производящихъ пыль, нѣтъ; нѣтъ ничего, могущаго производить соръ, грязь и разныя нечистоты. Все прибрано и вымыто. Весь соръ немедленно сжигается, зола возвращается почвѣ. Особенно щеголяетъ чистотой и изяществомъ бассейнъ. Это единственная роскошь жителей Марса; они нѣсколько разъ въ день окунаются въ него; послѣ каждаго раза бассейнъ вымывается и вода идетъ на поливку садовъ.

Все, что необходимо жителю Марса и чего не даетъ ему его садъ, получаетъ онъ съ фабрики безвозмездно. Что бы это ни было: посуда ли, одежда, домашняя утварь, мебель, инструменты, машины, вообще все, чтобы кому ни понадобилось изъ того, что производятъ фабрики, все въ его распоряженіи и доставляется ему по первому его требованію. Фабрики производятъ рѣшительно все, что человѣку нужно, зато и онъ отсылаетъ на фабрику, что ему отслужило, или что у него поломалось. Жители Марса необыкновенно бережливы и аккуратны; никто не позволитъ себѣ не только взять чего-нибудь лишняго съ фабрики, но и продержать лишній часъ то, что ему не нужно, напримѣръ, если была имъ взята какая-либо машина для работы, какъ только работа кончена, машина возвращается фабрикѣ сейчасъ же.

У жителя Марса нѣтъ даже лишней одежды; онъ беретъ новую на фабрикѣ, а старую оставляетъ тамъ. Къ чему имѣть дома такъ много стараго платья и бѣлья, никуда не нужнаго тряпья—хранилище пыли и сора, источникъ заразы и болѣзней, когда несравненно чище и удобнѣе избавиться отъ нихъ. На фабрикѣ все пригодное пойдетъ на какое-нибудь новое дѣло, а непригодное сожжется и пепелъ разсыплется по почвѣ.

Получая все необходимое съ фабрикъ, жители Марса, въ свою очередь, даютъ имъ весь необходимый матеріалъ даромъ. Все, что ни производила бы почва, предлагается каждымъ наперерывъ, и каждый радъ, если фабрика соглашается брать у него, предпочтительнѣе чѣмъ у другихъ; это значитъ, что его произведенія лучше и онъ охотно сообщаетъ другимъ тѣ способы, которыми онъ достигъ своего превосходства. Никто не позволяетъ себѣ сдѣлать секрета изъ того, какимъ способомъ ему удалось улучшить продуктъ, чтобы другіе имѣли

Digitized by Google

всегда возможность воспользоваться его открытіемъ и, въ свою очередь, улучшать продукты.

Фабрики, главнымъ образомъ, обработываютъ растительные и ископаемые продукты. Животныхъ продуктовъ фабрики обработываютъ очень мало, ибо они добываются только изъ тѣхъ матеріаловъ, которые сбрасываетъ съ себя живое животное, напримѣръ: шерсть, пухъ, перья, такъ какъ убить на Марсѣ животное — есть такое неслыханное преступленіе, о которомъ никто и подумать не смѣетъ. Они не употребляютъ въ дѣло никакихъ продуктовъ отъ умершихъ животныхъ. Въ этомъ случаѣ жители Марса точны до педантизма. Никто не позволитъ себѣ сорвать неспѣлый плодъ, ибо въ этомъ случаѣ зернышки будутъ погублены, а это, по ихъ понятіямъ, есть то же убійство и грѣхъ.

Вся одежда жителей Марса дѣлается главнымъ образомъ изъ волокнистыхъ растеній, похожихъ на нашъ ленъ или коноплю; эти растенія гигантскихъ размѣровъ и имѣютъ также крупныя сѣмена.

Въ общихъ чертахъ люди Марса похожи на насъ; можно было бы сказать, что они имѣютъ совершенно нашъ видъ и наше тѣло, если бы они не были несравненно красивѣе, изящнѣе и болѣе легки и граціозны во всѣхъ движеніяхъ, манерахъ и пріемахъ. Въ ихъ глазахъ, совсѣмъ по наружному виду схожихъ съ нашими, сіяетъ правота, увѣренность, сила воли и бодрость духа. Тѣло сильно, бодро, бѣло и дышитъ здоровьемъ; оно не разслаблено, не изможденно родовыми традиціями, болѣзнями, страстями и пороками, какъ наше. Жители Марса мощны, энергичны и скоры въ исполненіи своихъ рѣшеній. Ихъ тѣло — послушный рабъ ихъ непреклонной воли. Они почти не чувствуютъ его, ибо оно нисколько не стѣсняетъ ихъ желаній и не служитъ имъ тормазомъ, какъ у насъ; оно здорово, а потому они очень мало обращаютъ на него вниманія и совсѣмъ не заботятся объ его существованіи.

Красота женщинъ изумительна; въ глазахъ ихъ свѣтится ангельская доброта и полнѣйшее участіе къ тому, съ кѣмъ она говоритъ или на кого обратила свое вниманіе; скромность ихъ, изящество и грація во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ жестахъ и во всемъ рѣшительно доведена до такихъ высокихъ степеней, что каждый изъ насъ, жителей Земли, прямо преклонился бы передъ каждой изъ нихъ и пришелъ бы въ безусловный восторгъ.

Мужчины и женщины совершенно равноправны и одѣваются почти одинаково. Не вдаваясь въ мелочныя детали,

Digitized by Google

надо сказать, что всѣ они носятъ широкую и длинную, ниже колѣнъ, сорочку, подпоясаны шнуркомъ и сверхъ этого накинутъ на плечи плащъ, ноги босыя. Какъ мужчины, такъ и женщины волосъ никогда не стригутъ. Всѣ волосы очень искусно собраны на верху головы; никто никогда не покрываетъ ничѣмъ головы, только женщины вплетаютъ въ волоса весьма изящно что-то вродѣ широкой ленты или шарфика, всегда яркихъ и веселыхъ цвѣтовъ. Цвѣтъ волосъ похожъ на нашъ: есть блондинки и брюнетки. У мужчинъ есть борода, у женщинъ ея нѣтъ.

Въ обыкновенное и рабочее время все одѣяніе бѣлоснѣжное. Въ праздники и во время игръ они одѣваются въ разноцвѣтное платье, весьма пестрое. Особенно любятъ они яркіе цвѣта и пеструю одежду. Они сами раскрашиваютъ ее всевозможными клѣтками, фигурами или полосами. У нѣкоторыхъ нарисованы букеты, или гирлянды, другіе изображаютъ птицъ и звѣрей и чѣмъ пестрѣе, тѣмъ считается одежда изящнѣе.

Дѣти находятся при родителяхъ только то время, когда мать кормитъ ребенка грудью; но какъ только періодъ этотъ окончился, родители относятъ ихъ въ общевоспитательныя и образовательныя заведенія. Это громаднѣйшіе и великолѣпнѣйшіе многоэтажные дома, обставленные всѣми тѣми удобствами, которыя можетъ дать только Марсъ. Все вниманіе, всѣхъ рѣшительно, обращено въ особенности на своихъ юныхъ питомцевъ, на ихъ помѣщеніе, на ихъ воспитаніе и на ихъ образованіе. О нихъ печется рѣшительно все населеніе и они составляютъ предметъ самыхъ тщательныхъ заботъ; рѣшительно весь общественный интересъ сосредоточивается именно на этихъ домахъ. Каждый по очереди принимаетъ личное участіе въ воспитаніи и образованіи дѣтей, кто чѣмъ можетъ. Одни чередуются въ присмотрѣ за ними, другіе въ назиданіи, третьи въ ученіи, и нѣтъ человѣка, который не вложилъ бы своей лепты, самаго теплаго участія, съ полнымъ рвеніемъ, до самопожертвованія. Дѣти составляютъ одну изъ самыхъ главныхъ общественныхъ заботъ, ибо дѣти суть будущее населеніе планеты и каждый долженъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы оно вышло по возможности лучше, и во всякомъ случаѣ лучше настоящаго поколѣнія. Никто изъ жителей Марса не разбираетъ — его ли это ребенокъ или чужой. Никто изъ нихъ не позволитъ себѣ сказать: моему ребенку нуженъ лучшій кусокъ оттого, что онъ мой; его нужно лучше учить или кормить оттого, что я этого хочу, это моя гордость. На Марсѣ всѣ дѣти равны, всѣ будущіе граждане, всѣ должны получать одну

Digitized by Google

и ту же пищу, одно и то же воспитаніе, ибо всѣ должны быть и здоровы, и нравственны, и умны.

По мѣрѣ того, какъ дѣти подростаютъ, они, параллельно съ теоретическимъ образованіемъ, получаютъ и практическое, они уже съ малыхъ лѣтъ посѣщаютъ фабрики, пріучаются ко всевозможнымъ производствамъ и даже сами работаютъ на фабрикахъ.

Механическая часть на Марсѣ доведена до степеней, совершенно непонятныхъ людямъ Земли. Электричествомъ владѣютъ они вполнѣ и пользуются имъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Для двигателей употребляютъ они статическое электричество прямо изъ воздуха и знаютъ еще многіе виды его, которые намъ совершенно неизвѣстны, что позволяетъ имъ имѣть на каждомъ мѣстѣ даровые двигатели, и мелкіе, и крупные. Всякій, даже самый мельчайшій родъ работы имѣетъ настолько усовершенствованныя машины и приспособленія, и они настолько просты и понятны, что трудъ по надзору за ними составляетъ чисто дѣтскую работу. Поэтому всѣ фабрики даютъ занятіе дѣтямъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, нисколько не утомляя ихъ.

Этихъ фабрикъ множество и всѣ они находятся около образовательныхъ домовъ и на всѣхъ работаютъ дѣти. Фабрики всѣ щеголяютъ великолѣпіемъ убранства, чистотой и опрятностью; вездѣ свѣтло, просторно и нигдѣ ни одной пылинки. Это громаднѣйшіе многоэтажные дома и каждая изъ нихъ есть чудо искусства и изящества. Ни одинъ нашъ земной дворецъ не далъ бы намъ малѣйшаго понятія о великолѣпіи фабрикъ на Марсѣ. Машины блестятъ своимъ металлическимъ блескомъ; ходъ ихъ положительно не слышенъ; работа удивительная, стѣны, полы и потолки,—все изъ мрамора; въ одномъ мѣстѣ онъ бѣлоснѣжный, въ другомъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, всюду чистота, опрятность, красота, изящество и удобства, доведенныя до непонятныхъ намъ степеней. Но роскоши ни въ чемъ нѣтъ; нигдѣ ничего лишняго и нигдѣ ничего, могущаго загрязнить или заразить, или испортить почву, воду или воздухъ.

Работая на фабрикахъ, дѣти получаютъ полное практическое и теоретическое образованіе. Они проходятъ науки, которыя очень упрощены на Марсѣ, ибо ничему лишнему, не имѣющему практическаго примѣненія или не способствующему укорененію ихъ въ добрѣ и нравственности, не учатъ. Около фабрикъ дѣти находятся до періода своей возмужалости, до совершеннолѣтія или до вступленія въ бракъ. Одни занимаются

Digitized by Google

болѣе простой работой, другіе болѣе сложной, третьи учатъ тѣхъ, которые еще не умѣютъ работать или не дошли до совершенства въ работѣ. Даже управленіе фабриками производится тѣми же молодыми и холостыми людьми или незамужними женщинами.

Когда наступаетъ совершеннолѣтіе, молодые люди или дѣвицы возвращаются въ дома своихъ родителей, гдѣ живутъ, пока не женятся. Послѣ свадьбы они отыскиваютъ мѣсто для дома съ прилегающимъ участкомъ для сада и начинаютъ самостоятельную жизнь равноправными гражданами планеты Марсъ.

Всѣ дома на планетѣ соединены между собой телефонами и аппаратами для зрѣнія на разстояніи, такъ что, живя особнякомъ, никто не отчужденъ отъ свѣта и постоянно въ состояніи сообщаться съ каждымъ уголкомъ планеты и со всѣми тѣми, кто имъ нужны.

Обыкновенный способъ передвиженія на Марсѣ есть летаніе по воздуху. Какъ по виду, такъ и по формѣ своей, всѣ летательные снаряды чрезвычайно разнообразны. Къ нимъ примѣнены всевозможные двигатели, въ большинствѣ случаевъ электрическіе, но есть летательные снаряды, управляемые силой воли. Всѣ они имѣютъ чрезвычайно быстрое движеніе, такъ что житель Марса можетъ въ нѣсколько часовъ облетѣть почти всю свою планету.

Сила воли развита у жителей Марса до поразительныхъ размѣровъ. Многіе изъ нихъ могутъ подниматься на довольно большую высоту отъ почвы одной своей силой воли, такъ что на многоэтажныхъ фабрикахъ есть и лѣстницы, но есть и приспособленія у многихъ оконъ, чтобы тѣ, которые изберутъ болѣе простой способъ восхожденія, т. е. полетъ прямо снизу вверхъ, могли бы всегда имѣть къ тому возможность.

Жители Марса необыкновенно религіозны; они постоянно носятъ въ себѣ имя Бога, постоянно вспоминаютъ о Немъ и не начнутъ ни одного дѣла, даже самого мелочнаго или просто обыденнаго своего занятія, не испросивъ на то благословенія Божія и помощи своего Ангела-Хранителя. Въ дѣлахъ обыденныхъ и маловажныхъ Ангелъ-Хранитель внушаетъ имъ свои совѣты мысленно, но по первому призыву человѣка, въ дѣлахъ болѣе важныхъ, Ангелъ-Хранитель является къ нимъ въ своемъ тѣлѣ. Видъ Ангела-Хранителя всегда одинъ и тотъ же, это красивый юноша въ бѣлоснѣжной сорочкѣ, съ поясомъ или безъ пояса, съ крыльями за плечами; онъ всегда лучшій совѣтникъ человѣка и никто на Марсѣ безъ совѣта своего Ангела-Хранителя не сдѣлаетъ ни одного шага.

Digitized by Google

Вообще, жители Марса очень осторожны въ принятіи какого-либо рѣшенія, даже самого ничтожнаго. Они обдумываютъ, разсчитываютъ, обсуждаютъ со всѣхъ сторонъ, совѣтуются съ Ангеломъ-Хранителемъ, но зато, что разъ рѣшено, то должно быть выполнено во что бы то ни стало; нѣтъ силъ, могущихъ остановить ихъ; жители Марса точны, энергичны и дѣятельны.

Какъ оберегаютъ они себя лично отъ всякихъ нравственныхъ пятенъ, такъ точно оберегаютъ и свою планету отъ всякой физической нечистоты. Они считаютъ преступленіемъ не только спускать грязные потоки въ рѣки, озера и ручейки, но даже купаться въ водѣ, ибо изъ этой воды можетъ кто-нибудь напиться. Они никогда не позволятъ себѣ бросить въ воду что-либо нечистое, что можетъ загнить въ ней или вызвать броженіе или разложеніе. Вода и воздухъ, по ихъ мнѣнію, въ нѣкоторомъ родѣ святыни, которыя никто изъ нихъ не позволитъ себѣ загрязнить. Все, что нечисто, сжигается немедленно и безусловно, а пепелъ разсѣвается по полямъ. Всякая грязная вода поступаетъ на поливку растительности; если же она заключаетъ въ себѣ остатки, вредные для растительности, то вода эта испаряется на огнѣ.

Домашняя жизнь ихъ очень регулярна, занятія распредѣлены по часамъ и все происходитъ въ одинъ опредѣленный для каждаго часъ. Ѣдятъ они разъ въ день, а ночью спятъ.

Передъ сномъ, каждый изъ нихъ удаляется въ свою особою комнату и призываетъ къ себѣ своего Ангела-Хранителя, который является къ нимъ всегда въ своемъ видимомъ тѣлѣ. Они вмѣстѣ молятся Богу, бесѣдуютъ, разбираютъ поступки, намѣренія и мысли всего прожитаго дня; вспоминаютъ, не сдѣлалъ ли человѣкъ чего-либо грѣховнаго. Грѣхи ихъ конечно, совсѣмъ не тѣ, что у насъ. Жители Марса считаютъ уже за грѣхъ полѣниться, не сдѣлать того, что онъ могъ бы сдѣлать полезнаго; не оказать той стенени любезности и предупредительности, которую онъ могъ бы оказать; не быть внимательнымъ къ словамъ другого, чѣмъ опечалилъ бы этого другого; нарушить даромъ чей-либо покой; быть недостаточно ласковымъ и снисходительнымъ къ животнымъ; отогнать рѣзко птицу, которая садилась на голову или на плечи въ то время, какъ онъ работалъ, и т. д. Отыскавъ грѣхи, сдѣланные въ теченіе дня, они опять молятся вмѣстѣ, приносятъ покаяніе и на другой же день ошибки поправлены и грѣхи искуплены.

Главная забота жителя Марса есть во всѣхъ случаяхъ

Digitized by Google

жизни сохранить совѣсть чистой. При чистой же совѣсти и духъ бодръ и человѣкъ веселъ, а потому всѣ на Марсѣ всегда въ хорошемъ настроеніи духа и съ легкимъ сердцемъ, шутя, исполняютъ всѣ свои заботы и дѣла. Страстей на Марсѣ нѣтъ; гнета грѣха тоже, слѣдовательно, духъ свободенъ и каждый властенъ надъ собой.

Заходятъ и злые духи на Марсъ, но власть ихъ здѣсь вполнѣ парализована. Никто не поддается ихъ злымъ навѣтамъ. Ангелы-Хранители, видя издали приближеніи злой силы, предупреждаютъ людей и всѣ знаютъ о грозномъ нападеніи, поэтому принимаютъ мѣры и ведутъ себя еще болѣе осторожно, чѣмъ въ другое время. Если же кто-нибудь изъ нихъ и сдѣлаетъ что-либо не совсѣмъ хорошее, то вечеромъ же слѣдуетъ покаяніе, а на другой день искуплены и всѣ слѣды ошибки заглажены, такъ что злая сила уже на планетѣ Марсъ не имѣетъ того убійственнаго успѣха, который она имѣетъ на Землѣ.

Не вся жизнь жителй Марса заполнена одними трудами, молитвой и исполненіемъ своего долга. Напротивъ, они часто собираются вмѣстѣ, разговариваютъ, веселятся, въ особенности ихъ красивая молодежь. Собранія эти бываютъ всегда въ роскошнѣйшихъ садахъ или лугахъ, переполненныхъ восхитительными цвѣтами. Эти мѣста сборищъ спеціально для этой цѣли обставляются особенно красиво всякой растительностью и воздухъ положительно благоухаетъ отъ количества ароматныхъ цвѣтовъ.

Молодежь играетъ въ разныя игры, показываетъ другъ другу свою ловкость и искусство въ чемъ-нибудь; задаютъ другъ другу загадки, бѣгаютъ, поютъ по одиночкѣ и хоромъ, играютъ на разныхъ инструментахъ. Голоса и напѣвы ихъ ближе подходятъ къ ангельскимъ, чѣмъ къ нашимъ земнымъ. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ много, несравненно больше чѣмъ у насъ, и они очень разнообразны. Есть такіе, на которыхъ играютъ люди и они требуютъ искусства, есть же и такіе, которые играютъ сами; вообще, планета Марсъ должна быть причислена къ очень музыкальнымъ.

На этихъ веселыхъ сборищахъ участвуютъ не одни люди, но и Ангелы-Хранители ихъ. Они наравнѣ съ людьми веселятся беззаботно, бѣгаютъ и ведутъ бесѣды или занимаются музыкой или пѣніемъ.

Церквей на Марсѣ нѣтъ, ибо каждая спальная есть храмъ, но есть религіозныя празднества въ память какихъ-нибудь великихъ событій или въ память посланныхъ людямъ великихъ

Digitized by Google

чудесъ Свыше, или въ память явленія на Марсѣ Христа Спасителя.

Эти праздники отличаются многолюдствомъ; почти всѣ жители планеты собираются на эти великія празднества въ одно какое-либо опредѣленное мѣсто, всегда на открытомъ воздухѣ и празднество продолжается цѣлый день. Праздники заключаются въ общей молитвѣ, въ благочестивыхъ разговорахъ и въ выслушаніи проповѣдей. Ангелы-Хранители присутствуютъ всегда на этихъ празднествахъ въ своихъ видимыхъ тѣлахъ и наравнѣ съ людьми молятся и назидаются. Нерѣдко на эти празднества являютъ себя святые и назидаютъ людей. Сама пресвятая Марія Дѣва посѣщала Самолично эти празднества и молилась съ людьми, и цѣлымъ хоромъ многотысячныхъ голосовъ Ангеловъ-Хранителей и людей возносились моленія къ Престолу Всевышняго.

Похожи ли эти празднества на наши праздничные дни, въ которыхъ о молитвѣ почти и помину нѣтъ, но гдѣ главенствуютъ балаганы, кабачки въ палаткахъ и тьмы полумертваго отъ пьянства народа.

Уродствъ на Марсѣ совсѣмъ нѣтъ, болѣзней очень мало, ибо внутреннихъ и органическихъ болѣзней совсѣмъ нѣтъ. Тѣло людей необыкновенно устойчиво и не поддается вліянію перемѣны температуры и погоды. Они могутъ выдерживать нечувствительно для себя значительно бо́льшія колебанія температуры, чѣмъ мы, люди Земли. Житель Марса можетъ сдѣлать себѣ порѣзъ на пальцѣ, сломать себѣ руку или ногу, или сдѣлать себѣ другое механическое поврежденія, но и эти болѣзни проходятъ у нихъ очень скоро. Отъ всѣхъ этихъ случайныхъ поврежденій есть на Марсѣ превосходныя лекарственныя средства среди ихъ растительнаго царства, которыя излечиваютъ весьма скоро. Даже усталость лечатъ они извѣстными плодами, и всякій разъ, какъ кто-нибудь начинаетъ уставать, ѣстъ эти плоды и можетъ снова трудиться. Во всѣхъ случаяхъ заболѣваній больной молится со своимъ Ангеломъ-Хранителемъ и Богъ дозволяетъ духамъ покровителямъ способствовать излеченію.

Рожденіе на Марсѣ не только безболѣзненно, но и сопровождается въ высшей степени пріятными ощущеніями; оно просто, легко и естественно, причемъ присутствуетъ одинъ мужъ.

Есть, правда, болѣзнь и на Марсѣ, которая, по ихъ понятіямъ, ужасна и повергаетъ въ грусть и печаль всю округу. Время отъ времени появляются на Марсѣ люди съ не совсѣмъ вывѣтрившимися земными привычками и наклонностями. Одни

Digitized by Google

изъ нихъ желаютъ властвовать; другіе не охотно позволяютъ пользоваться тѣмъ, что сами признали своей собственностью; третьи заводятъ роскошь и начинаютъ припрятывать имущество и беречь у себя то, что имъ не нужно и чѣмъ они въ данное время не пользуются. Такое поведеніе заставляетъ сейчасъ же обратить на нихъ вниманіе. Притомъ и тѣло ихъ, слѣдуя ихъ нравственной порочности, начинаетъ грубѣть и принимать оттѣнки земного человѣка, вслѣдствіе чего онъ никакъ не можетъ скрыть отъ другихъ своей болѣзни. Тогда всеобщія заботы обращаются на него, его отдѣляютъ отъ людей, сажаютъ въ особую больницу, устроенную спеціально для столь тяжкой болѣзни и онъ становится предметомъ общей заботы и соболѣзнованія. Всѣ его посѣщаютъ, усовѣщеваютъ, молятся за него, выдумываютъ разныя средства, чтобы отклонить его отъ принятой имъ жизненной дѣятельности и, конечно, больше всѣхъ хлопочетъ и выбивается изъ силъ его Ангелъ-Хранитель. Если больной скоро не образумится и не исправится, то начинаетъ страдать и утрачивать силу воли.

Кромѣ этой болѣзни, жители Марса не знаютъ страданій. Всѣ возрасты имѣютъ свои удовольствія, всѣ благоденствуютъ всѣ счастливы, даже и старики.

Какъ только человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что задача его жизни можетъ считаться оконченной, и что пора уступить другимъ поле своей дѣятельности, онъ удаляется отъ свѣта. Все, надъ чѣмъ онъ трудился при жизни, все его хозяйство, домъ и садъ переходитъ первому попавшемуся лицу, которое въ это время ищетъ себѣ мѣсто помѣститься и устроиться; самъ же старикъ отправляется въ пріютъ для стариковъ. Эти старческіе пріюты такъ же великолѣпно устроены, какъ и дома для образованія, какъ и все, что устраиваютъ жители Марса. Старики пользуются полнымъ покоемъ, тишиной и каждый изъ нихъ имѣетъ особое уединенное помѣщеніе. Здѣсь онъ провѣряетъ всю прожитую имъ жизнь и находится въ постоянномъ сообществѣ со своимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Они бесѣдуютъ, вмѣстѣ молятся и созерцаютъ вселенную, т. е. душа старика, по временамъ, покидаетъ свое тѣло и вмѣстѣ съ Ангеломъ-Хранителемъ осматриваетъ другіе міры и сферы жизни. Они посѣщаютъ планеты небесныхъ силъ и помѣщенія святыхъ, совѣтуются со святыми, назидаются отъ нихъ и молятся всѣ вмѣстѣ. Нѣкоторые удостоиваются посѣщать Пресвятую Дѣву Марію и даже доходятъ до лицезрѣнія Господа Нашего Іисуса Христа.

Время своей смерти они знаютъ уже впередъ. Она для

Digitized by Google

нихъ составляетъ давно ожидаемое отрадное время. Они знаютъ впередъ, что ихъ ожидаетъ за гробомъ, знаютъ, какъ жили, и оцѣнили свою жизнь еще до смерти, знаютъ, какъ и для чего они умираютъ, и всегда покорны Богу и всѣмъ его святымъ предначертаніямъ.

Тѣла умершихъ на Марсѣ сжигаютъ и пепелъ разсѣваютъ по полямъ.

Смерть даже близкаго и любимаго человѣка никого не печалитъ. Печалей нѣтъ на Марсѣ; кто вѣритъ въ Бога и покоренъ Ему, у того не можетъ не быть полнѣйшей бодрости духа и уравновѣшенности чувствъ. Напротивъ, всякая смерть радуетъ, если только человѣкъ въ жизни не спотыкался и по-христіански окончилъ жизнь. Смерть на Марсѣ есть награда, открывающая всегда двери въ лучшій міръ, еще болѣе приближающій человѣка къ Богу. Смерть способствуетъ увеличенію горизонтовъ познанія природы, истины и тайнъ Премудрости Божіей, къ которой всю жизнь стремился человѣкъ Марса и, наконецъ, черезъ свою смерть достигъ этого.

На Марсѣ есть также и наука, есть письмена и книги. Познанія всѣхъ далеко не ограничиваются одними мастерствами и практическими знаніями. Но наука Марса чрезвычайно проста, всѣ ее знаютъ и посвящены въ нее. Она далеко не требуетъ особой учености и спеціальныхъ кастъ, какъ у насъ. Вся наука Марса основана на словѣ Божіемъ и на прямомъ созерцаніи природы. Всякій подвигаетъ шагъ за шагомъ всѣ отрасли знанія и все, что его интересуетъ.

Христосъ жилъ на этой планетѣ два раза и за два раза Своего пребыванія Онъ открылъ людямъ все, что имъ необходимо знать и чего слѣдуетъ имъ держаться. Зная же это, всякій знаетъ, чего слѣдуетъ избѣгать и чего опасаться. Вслѣдствіе этого на Марсѣ всякій достигаетъ истины прямымъ путемъ и нѣтъ такихъ научныхъ ухищреній, какими думаемъ мы, люди Земли, дойти когда-нибудь до истины: тамъ нѣтъ научныхъ теорій и цѣлыхъ сотенъ философскихъ системъ, прямо противорѣчащихъ другъ другу, ибо тамъ нѣтъ въ наукѣ лжи, обмана, самохвальства, догадокъ и всевозможной путаницы; тамъ нѣтъ даже категорій знанія и нѣтъ такихъ ученыхъ, изъ которыхъ одинъ признаетъ то, что другіе отвергаютъ и, съ своей стороны, отвергаетъ все то, что другіе признаютъ, ибо истина у нихъ одна.

На Марсѣ, если кому-нибудь надо знать что-нибудь, онъ обращается къ своему Ангелу-Хранителю и проситъ его поискать черезъ Ангеловъ-Хранителей, нѣтъ ли этого знанія у кого-

Digitized by Google

нибудь среди людей Марса. Если есть, то онъ прямо обращается къ тому, кто владѣетъ этимъ знаніемъ и, конечно, получаетъ разъясненіе и указанія. Если этихъ знаній еще нѣтъ, то онъ молится Богу со своимъ Ангеломъ-Хранителемъ и спрашиваетъ въ молитвѣ Бога—можетъ ли быть разрѣшено Богомъ планетѣ Марсъ обладать этими знаніями; если это возможно и разрѣшено ему, то онъ сосредоточивается, созерцаетъ природу, находитъ его въ ней и уже своимъ умомъ примѣняетъ его къ планетѣ Марсъ. Вотъ какъ легко и просто дѣлаются научныя открытія на той планетѣ, которая живетъ въ согласіи съ Богомъ и во всемъ, даже въ научныхъ открытіяхъ, ищетъ помощи Божіей. Все рѣшительно дается имъ черезъ ихъ усердную молитву. При этомъ условіи вся природа кажется имъ вполнѣ ясной и наглядной и наука ихъ никакихъ запутанностей не имѣетъ. По первому призыву ихъ желанія имъ открываются всѣ причины явленій, а потому всѣ слѣдствія даются имъ легко.

На Марсѣ есть высочайшія обсерваторіи и такіе телескопы, черезъ которые они видятъ конечныя во вселенной звѣзды, видятъ ихъ планеты и спутниковъ планетъ. Они наблюдаютъ даже за жизнью на ближайшихъ планетахъ. Вообще всѣ средства для научнаго изученія природы несравненно обширнѣе нашихъ. При геологическомъ изысканіи почвы, вмѣсто нашего буренія они употребляютъ зрительный приборъ, позволяющій имъ безъ всякой буровой скважины видѣть всѣ напластыванія земли и всѣ формаціи. Поэтому, пробивая шахту или колодезь, они не ищутъ ощупью, какъ мы на Землѣ, но впередъ знаютъ, какія препятствія они встрѣтятъ и до какой глубины будутъ идти.

Машины и всѣ механическія приспособленія для работъ доведены до высшей степени искусства, такъ что вполнѣ во власти жителей Марса вскопать громаднѣйшую гору, насыпать на это мѣсто большой слой растительной почвы и сдѣлать необитаемое мѣсто обитаемымъ. Имъ одинаково легко выкопать каналъ шириной въ нѣсколько верстъ для оздоровленія мѣстности и для снабженія ее водой, или засыпать море или озеро и выкопать его на другомъ мѣстѣ. Всѣ подобнаго рода работы на Марсѣ постоянно производятся; они не доставляютъ никому никакихъ хлопотъ, ни расходовъ, ни трудовъ—машины сооружены дѣтьми, двигательная и рабочая сила берется даромъ изъ облаковъ, почва чрезвычайно легка и каждый жертвуетъ охотно избытокъ своего свободнаго времени на общественный трудъ, клонящійся къ улучшенію ихъ планеты. Всякій

Digitized by Google

считаетъ своей обязанностью участвовать въ этой работѣ не тѣмъ, такъ другимъ, и нѣтъ для жителя Марса неисполнимой работы въ области матеріальнаго міра, ибо жители Марса являются во всѣхъ случаяхъ жизни вполнѣ хозяевами своей планеты, и матерія у нихъ всегда покорный рабъ ихъ духа и ума.

На Марсѣ есть также животные, птицы и насѣкомыя. Но они играютъ несравненно меньшую роль, чѣмъ у насъ на Землѣ и численность ихъ несравненно меньше. Человѣкъ не обижаетъ ни одного животнаго, а потому ни одно животное не обижаетъ человѣка. Напротивъ, животныя любятъ людей и держатся около нихъ, въ особенности птицы. Птицы на Марсѣ всѣ необыкновенно красивы, всѣ чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ, чрезвычайно разнообразныхъ породъ и служатъ большимъ украшеніемъ и оживленіемъ садовъ Марса.

Виды животныхъ на Марсѣ почти тѣ-же, что и у насъ на Землѣ, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ мы нашли бы многихъ представителей изъ нашихъ животныхъ. На первый взглядъ какъ-будто наша корова, наша лошадь, наша собака, но, вглядѣвшись въ нихъ, надо удивиться разницѣ между ними. Они красивѣе нашихъ, элегантнѣе, сильнѣе, видъ ихъ болѣе благообразенъ и осмысленъ, и, дѣйствительно, они обладаютъ извѣстнаго рода разумомъ.

На Марсѣ есть школы для животныхъ и въ нихъ они учатся работать и приносить человѣку пользу. Наука эта усваивается такъ удачно, что есть животныя, которыя работаютъ до нѣкоторой степени цѣлесообразно нѣкоторыми машинами и притомъ исполняютъ такъ добросовѣстно свою работу, что нѣтъ надобности подгонять ихъ; они слушаютъ человѣческаго голоса и исполняютъ приказанія людей. Работа животныхъ бываетъ настолько осмыслена, что ихъ оставляютъ однихъ и они сами продолжаютъ ту работу, на которую ихъ поставили и къ которой приспособили.

Никто, конечно, не позволитъ себѣ не только ударить животное, но даже выказать нетерпѣніе въ обращеніи съ нимъ. Да это совсѣмъ и не нужно, само животное не доведетъ себя до этого — оно любитъ человѣка, старается угодить ему и на работѣ исполняетъ свое дѣло такъ же добросовѣстно, какъ и человѣкъ.

Развѣ подобная жизнь не есть истинный рай для насъ людей, вступившихъ въ него съ нашей Земли? Развѣ можемъ мы представить себѣ что-либо лучшее, какъ бы праведно мы ни жили на Землѣ? Какъ жизнь эта близко походитъ на нашу

Digitized by Google

земную и между тѣмъ какъ отдаляетъ ее весь нравственный и духовный смыслъ, всѣ внутренніе мотивы жизни, вся наша порочность, сама создавшая себѣ всѣ трудности жизни и всю ту путаницу, изъ которой мы выйти своими силами ни за что не можемъ. Довольство мы превратили въ роскошь и пресыщеніе и дошли, наконецъ, до того, что стали слугами и рабами своихъ вещей и своего богатства; однимъ словомъ, мы средство превратили въ цѣль. Бѣдное человѣчество Земли ни въ чемъ не знаетъ предѣла и ни чему не знаетъ истиннаго назначенія, а потому всѣ благіе дары, посылаемые Богомъ для возможности блаженствовать на землѣ, человѣкъ извратилъ и изъ нихъ создалъ себѣ адъ и мученіе. Да поможетъ имъ примѣръ жизни жителей Марса выйти хотя отчасти изъ своего незавиднаго положенія и сколько-нибудь улучшить и облегчить свою жизнь.

Послѣ смерти своей на Марсѣ, человѣкъ остается пребывать на сферахъ, окружающихъ Марсъ. Въ этихъ сферахъ онъ ничего не находитъ себѣ новаго, ибо при жизни еще въ матеріальномъ тѣлѣ Марса онъ нѣсколько разъ посѣщалъ эти сферы и вполнѣ знакомъ съ ними. Онъ знаетъ, что блаженство жизни на сферахъ несравненно выше всего того, что можетъ дать жизнь на Марсѣ. Онъ знаетъ, что блаженство каждаго зависитъ не отъ мѣста его пребыванія, а отъ количества добра и любви, находящагося въ душѣ человѣка и отъ степени приближенія его къ Богу, а потому, умирая со спокойнымъ сердцемъ, онъ, безъ всякаго перерыва бытія, наравнѣ съ небесными силами принимаетъ на себя заботы о преуспѣяніи дѣлъ Божіихъ и счастью, и блаженству его нѣтъ конца.

Пребываетъ онъ на блаженныхъ астральныхъ сферахъ Марса, пока Богъ не предопредѣлитъ ему жизнь на Юпитерѣ.

Digitized by Google

Глава XI.

Жизнь на Юпитерѣ.

Мы, земные люди, можемъ еще отчасти понять и оцѣнить прелесть жизни на Марсѣ, такъ какъ развитіе жителей Марса только на одну ступень выше нашего развитія. Такую жизнь, какую мы видѣли на Марсѣ, мы можемъ себѣ легко представить и на Землѣ и, можетъ быть, современемъ мы дѣйствительно на Землѣ увидимъ что-либо подобное. Но жители Юпитера несравненно болѣе совершенны, чѣмъ жители Марса и во всякомъ случаѣ настолько выше, что ихъ стремленія, ихъ цѣли жизни и вообще вся ихъ жизненная дѣятельность будетъ во многихъ отношеніяхъ мало понятна намъ, не посвященнымъ въ тайны духовнаго міра и неумѣющимъ еще уловить высшіе полеты ихъ святой души. И это весьма естественно: мы не въ состояніи понять ни смысла ихъ жизни, ни ихъ высшихъ удовольствій, ни ихъ чистаго безгрѣшнаго счастья, ибо мы требуемъ отъ жизни нѣчто совершенно другое, чѣмъ они и понимаемъ счастье и удовольствіе совершенно иначе, а потому для насъ ихъ счастье было бы несчастіемъ, ихъ удовольствіе для насъ было бы скукой, ихъ отрады, которыя они почерпаютъ въ духовной нравственной области, для насъ, требующихъ отъ жизни вещественныхъ и реальныхъ удовольствій, были бы пусты и безсодержательны.

Мы требуемъ отъ жизни личныхъ удовольствій, личнаго благополучія, удовлетворенія своихъ личныхъ желаній, требуемъ пріятныхъ личныхъ ощущеній, поэтому можемъ ли мы понять стремленія и счастье высшихъ существъ, если оно заключается именно въ уменьшеніи въ себѣ личныхъ чувствъ и ощущеній и въ усиленіи жизни для другихъ, для міра и для Бога. Поэтому чѣмъ выше существо, тѣмъ оно намъ менѣе

Digitized by Google

понятно, ибо оно все болѣе и болѣе приближается своими качествами къ Божественнымъ качествамъ, къ вездѣсущію, всевѣдѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ полнѣйшему отреченію отъ всѣхъ личныхъ желаній и личныхъ стремленій.

Желая ознакомиться съ чьей-либо жизнью мы, люди Земли, главнымъ образомъ останавливаемъ наше вниманіе на бытовомъ описаніи ея; мы желаемъ знать, какъ живетъ высшій человѣкъ? Гдѣ онъ живетъ? Имѣетъ ли онъ домъ? Есть ли въ этомъ домѣ столы, стулья и какіе они именно? Что онъ ѣстъ или пьетъ? Какъ спитъ? и т. д. Мы говоримъ: „фактовъ намъ подайте и однихъ только фактовъ, а всѣ заключенія мы уже изъ фактовъ выведемъ сами“... Получивъ эти факты, мы думаемъ, что получили все, и заключаемъ, что жизнь состоитъ изъ одной внѣшней обстановки. Далѣе наша земная логика продолжаетъ: если у жителей Марса такъ интересна и полна жизнь, если она настолько совершеннѣе и удобнѣе нашей, то что же мы въ правѣ ожидать отъ жителей Юпитера? Вся ихъ жизнь должна состоять изъ непрерывнаго ряда чудесъ или фантастическихъ и утопичныхъ фактовъ. Если на Марсѣ всѣ передвиженія дѣлаются посредствомъ летательныхъ аппаратовъ, то на Юпитерѣ навѣрно ходятъ цѣлые поѣзда по воздуху; если на Марсѣ телескопы такъ совершенны, что наблюдаютъ жизнь на планетѣ, то на Юпитерѣ навѣрно слышатъ, какъ жители планетъ говорятъ; если жители Марса могутъ засыпать моря, то жители Юпитера могутъ навѣрно строить желѣзную дорогу на луну и т. д.

Но наша земная логика въ этомъ случаѣ глубоко ошибается; жителямъ Марса нужна еще наука, механика, фабричное производство, ибо жители Марса должны исполнять требованія своихъ матеріальныхъ организацій, потому что ихъ личная жизнь еще довольно полна; эти же самыя требованія у жителей Юпитера совсѣмъ ничтожны, интеллектуальныя же способности ихъ такъ высоки, что они приближаются ко всевѣдѣнію. Зачѣмъ имъ механика и воздушные поѣзда, если каждый изъ нихъ силой своей воли можетъ свободно переноситься съ мѣста на мѣсто? Зачѣмъ имъ обсерваторіи и телескопы, если, сосредоточившись, каждый изъ нихъ имѣетъ возможность душей перенестись на любую планету и, дѣйствительно, не только подслушивать, что говорятъ на ней жители, но и лично говорить съ ними? Зачѣмъ имъ науки и всѣ научныя лабораторіи и школы, если каждый изъ нихъ черпаетъ свои познанія въ Общемъ источникѣ познаній,—въ Богѣ?

Такимъ образомъ, хотя жители высшихъ блаженныхъ

Digitized by Google

планетъ еще и облечены въ нѣкое, хотя и очень разрѣженное матеріальное тѣло и подчиняются всѣмъ физическимъ, физіологіческимъ и органическимъ условіямъ, но всѣ они такъ ничтожны по сравненію съ условіями нашей жизни и играютъ столь незначительную роль въ жизни жителя Юпитера, что почти совсѣмъ не усложняютъ ихъ жизнь, и въ большинствѣ случаевъ они сами не замѣчаютъ подчиненія своего организма роковымъ условіямъ жизни. Именно эта свобода и независимость отъ вліянія среды и позволяетъ имъ всецѣло предаваться жизни ихъ духа и все счастье, и блаженство ихъ заключается именно въ этой свободѣ духа. Вообще, чѣмъ существо выше и болѣе свято, тѣмъ духъ его свободнѣе.

Если человѣку удается посмотрѣть на жизнь высшихъ существъ, то онъ, конечно, видитъ одну только внѣшнюю сторону жизни и, какъ дитя, говоритъ: „этотъ пьетъ одну воду, но ничего твердаго не ѣстъ, а этотъ уже и воды не пьетъ, онъ питается воздухомъ“. И эти факты намъ интересны. Но сами высшія существа такъ поглощены духовными потребностями своей души, такъ заняты желаніемъ принести пользу всѣмъ, кто ожидаетъ ея отъ нихъ, что они рѣшительно не думаютъ о питаніи своего матеріальнаго тѣла. Проносясь мимо воды, они напьются, когда голодны, и сыты на цѣлую недѣлю. Они совсѣмъ и не думаютъ о томъ, гдѣ имъ питаться, когда они напились и когда опять будутъ пить—это мало ихъ занимаетъ, такъ какъ вода есть повсюду на ихъ планетѣ.

Мы воображаемъ, что всѣ обязаны жить такъ, какъ мы живемъ: заказывать обѣдъ наканунѣ, а если онъ званный, то за цѣлый мѣсяцъ; обсуждать, что именно къ этому обѣду приличнѣе приготовить и съ такою мининистерско-глубокомысленною важностью, съ какою мы никогда о своей душѣ не говоримъ; затѣмъ собираются всѣ, разряженные, и осуждаютъ тѣхъ, кто не надѣлъ фрака и бѣлаго галстука или пришелъ къ обѣду съ клякомъ не отъ Брюно; столы накрыты, лакеи бѣгаютъ; на кухнѣ уже за день разведены адскіе огни; сколько разговоровъ, хлопотъ и пересудовъ—можно подумать, что люди дѣлаютъ какое-нибудь важное дѣло; въ сущности же совершается совсѣмъ пустой фактъ—требуется ввести въ желудокъ немного питательнаго вещества... Какъ это все глупо, какъ безсмысленно... Зато есть о чемъ поговорить, и о хорошемъ обѣдѣ дѣйствительно вспоминаютъ на разные лады цѣлые мѣсяцы; не будь этого званнаго обѣда и нѣсколькихъ еще торжественныхъ случаевъ, совершенно въ сущности пустыхъ, въ салонахъ изсякли бы всѣ темы для разговора, ибо они насъ за-

Digitized by Google

нимаютъ больше, чѣмъ общественныя бѣдствія, нужда, болѣзни и всѣ средства, черезъ которыя можно было бы уменьшить ихъ. Даже о видимомъ гнѣвѣ Божіемъ люди Земли говорятъ меньше, чѣмъ о какомъ-нибудь обѣдѣ, который задала графиня Зизи князю Фифи и на которомъ присутствовалъ самъ баронъ Жоржъ.

Люди Земли находятъ еще возможнымъ всецѣло посвящать свою жизнь столь пустымъ интересамъ; болѣе же развитыя существа уже не удовлетворяются ими и начинаютъ наполнять свою жизнь служеніемъ какой-нибудь идеѣ, при чемъ сохраняютъ еще свои личныя потребности; болѣе высшія существа служатъ уже добру, любви и Богу и въ значительной степени понижаютъ свои личныя потребности и, наконецъ, очень высокія доводятъ свои личныя потребности до такихъ незначительныхъ предѣловъ, что ихъ жизнь очень трудно поддается бытовому описанію, такъ какъ связь съ матеріей у нихъ совершенно не значительна. Вотъ причина, отчего описаніе жизни на Юпитерѣ не задержитъ насъ долго.

Матерія, изъ которой состоитъ сама планета Юпитеръ и тѣло жителей, гораздо болѣе разрѣжена, чѣмъ та, изъ которой состоитъ планета Марсъ. Средній вѣсъ предметовъ на поверхности Юпитера приблизительно въ 15 разъ меньше, чѣмъ у насъ на Землѣ, слѣдовательно вѣсъ человѣческаго тѣла, равнаго съ нами объема, будетъ около 12 фунтовъ.

Мы можемъ себѣ представить, какъ мало стѣсняетъ это тѣло жителя Юпитера, если только представить себѣ всю мощь ихъ святой души, ихъ энергію и силу воли. Они положительно не стѣсняются своимъ тѣломъ для выполненія задачи своей жизни.

Однако, какъ не легка матерія, изъ которой состоитъ Юпитеръ, она все же матерія со всѣми тѣми качествами, которыя присущи матеріи и въ дѣйствительности оказываетъ на жителей Юпитера (разсматривая вопросъ съ физіологической стороны) такое же вліяніе, какое оказываетъ наша земная матерія на насъ — лишь во столько разъ меньше, во сколько она легче.

Матерія на Юпитерѣ, какъ и всякая матерія во всей вселенной, какъ бы она ни была разрѣжена, имѣетъ всегда три состоянія: твердое, жидкое и газообразное, т. е. почва, вода и воздухъ. Тонкость этой матеріи рѣшительно не препятствуетъ образованію растительнаго и животнаго царства на ней; напротивъ, надо думать, что разрѣженность матеріи только спо-

Digitized by Google

собствуетъ имъ, ибо чѣмъ разрѣженнѣе планета, совершеннѣе животныя и красивѣе растительность.

Красота, густота, разнообразіе растительности на Юпитерѣ не имѣетъ положительно предѣла. Вся планета, за исключеніемъ мѣстъ, покрытыхъ водой, есть сплошной роскошнѣйшій цвѣтникъ самыхъ разнообразныхъ растеній и цвѣтовъ не только всѣхъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ нашей радуги, но цвѣтовъ всевозможныхъ колоритовъ, о которыхъ мы никакого представленія сдѣлать не можетъ. Красота этихъ садовъ выше всего того, что можетъ требовать отъ Божьяго рая не только житель Земли, но и житель Марса.

Богъ Самъ даетъ ту роскошь жителямъ Юпитера, которую они себѣ заслуживаютъ и окружаетъ ихъ тѣми удобствами жизни, которыхъ они навѣрно сами лишили бы себя, если бы устройство этихъ удобствъ зависѣло бы отъ нихъ, ибо не требовательное тѣло ихъ было бы счастливо во всякой обстановкѣ и при всякихъ условіяхъ. Гдѣ бы они ни были, блаженство не можетъ покинуть ихъ, ибо оно въ святой душѣ ихъ, въ бодрости духа и въ ихъ сильномъ и мощномъ существѣ.

Говоря о растеніяхъ, надо указать на то, что растенія ихъ обладаютъ качествомъ, съ которымъ мы на низшихъ планетахъ еще не встрѣчались: это—самовольное перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто. Кромѣ того, если жителю Юпитера нужно сгруппировать иначе свою растительность, то они перемѣщаютъ ее силой своей воли.

Животное царство начинаетъ значительно вырождаться; начинаютъ появляться большія насѣкомыя; птицъ, больше чѣмъ животныхъ и всѣ необыкновенно красивы и равнообразны. Вообще, и животныхъ, и насѣкомыхъ очень мало; всѣ они питаются исключительно растительной пищей и вообще ѣдятъ очень мало. Никто изъ животныхъ не только не боится людей, но животныя очень любятъ ихъ и держатся почти исключительно около жилищъ людей,хотя люди, вообще говоря, очень мало обращаютъ на нихъ вниманія.

Среди растеній чрезвычайно много такихъ, которыя издаютъ свой собственный и чрезвычайно яркій свѣтъ, освѣщающій все окружающее пространство на далекое разстояніе. Не одни растенія на Юпитерѣ издаютъ самостоятельный свѣтъ, но и почва въ очень многихъ мѣстахъ. Вся почва Юпитера издаетъ самостоятельную теплоту несравненно бо́льшую, чѣмъ на Марсѣ. Теплота эта, такъ же, какъ и на Марсѣ, не есть продуктъ подземнаго огня, но продуктъ совершенно намъ

Digitized by Google

неизвѣстнаго явленія природы. Теплота эта такъ сильна, что она почти совсѣмъ парализируетъ вліяніе климата, погоды и вліяніе зимы и лѣта; она устанавливаетъ свою особую равномѣрную температуру по своей планетѣ.

Жители Юпитера питаются одной водой. Они не пьютъ даже и сока плодовъ. Вслѣдствіе этого, конечно, они и не обрабатываютъ почвы и не заботятся о растительности на планетѣ.

Тѣло жителей Юпитера совершенно устойчиво. Оно не боится ни холода, ни тепла, ни перемѣнъ погоды. Болѣзней они не знаютъ; на всей планетѣ ровно никакихъ болѣзней нѣтъ. Всѣ всегда одинаково здоровы, бодры, веселы и спокойны.

Они всегда живутъ кучно или, лучше сказать, обществами, но каждый имѣетъ свое особое помѣщеніе. Ангелъ-Хранитель каждаго—почти всегда находится въ своемъ видимомъ тѣлѣ около человѣка. Они никогда неразлучаются, живутъ всегда вмѣстѣ и Ангелъ-Хранитель живетъ на планетѣ такъ же, какъ человѣкъ и дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ и люди. Они проводятъ вмѣстѣ время и вмѣстѣ же посѣщаютъ другихъ.

На Юпитерѣ существуетъ только два способа перемѣщенія: пѣшкомъ, который практикуется при всякомъ близкомъ разстояніи; но если жителю Юпитера надо посѣтить болѣе далекую мѣстность, то онъ силой своей воли подымается на воздухъ и перелетаетъ это пространство безъ всякихъ механическихъ приспособленій. Житель Юпитера, если хочетъ сообщиться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, совершенно не нуждается идти лично на то мѣсто, гдѣ находится этотъ знакомый, но онъ можетъ во всякое время сообщиться съ нимъ мысленно, говорить съ нимъ и видѣть его на разстояніи.

Жилище жителя Юпитера весьма незатѣйливо и просто. Одни выбираютъ себѣ какой-нибудь гротъ или пещеру, другіе устраиваютъ себѣ удобную бесѣдку изъ группы деревьевъ или изъ густой растительности и проводятъ всю жизнь подъ открытымъ небомъ. Нѣкоторые строютъ себѣ дома. Эти дома всегда каменные, маленькіе, чистенькіе, бѣленькіе, безъ всякихъ затѣй, поставлены въ мѣстности, богатой растительностью. Дома обыкновенно имѣютъ три маленькихъ комнаты и изъ каждой двери ведутъ въ садъ.

Есть одинъ замѣчательно красивый городъ на Юпитерѣ. Это—хрустальная гора самыхъ причудливыхъ формъ. Въ ней масса пещеръ, гротовъ, проходовъ и самыхъ роскошнѣйшихъ помѣщеній, въ которыхъ живутъ люди. Эта гора имѣетъ свой самостоятельный яркій свѣтъ, горитъ и блеститъ самыми разно-

Digitized by Google

образными огнями. Всякое описаніе ея будетъ блѣдно въ сравненіи съ той феерической красотой, которую она имѣетъ въ дѣйствительности. Ничего подобнаго не въ силахъ себѣ представить человѣческое воображеніе, ибо на Землѣ нѣтъ и подобія такихъ красокъ, такого блеска и такого огня.

На Юпитерѣ люди живутъ до 1200 лѣтъ, если считать по нашему календарю. Но нельзя считать, что они находятся все это время безотлучно на своей планетѣ, несмотря на то, что живутъ и въ матеріальныхъ тѣлахъ. Высокій ихъ умъ, обширныя духовныя качества и способности позволяютъ имъ созерцать всю вселенную и всѣ міры. При этомъ условіи они видятъ въ какомъ углу вселенной и на какомъ мѣстѣ могутъ они приносить пользу и разсѣвать добро и дѣла любви, а если только дано имъ видѣть и посѣщать эти мѣста, то, конечно, не могутъ они въ дѣйствительности этого не дѣлать. Вся главная дѣятельность жителей Юпитера—внѣ своей планеты, вездѣ во вселенной, гдѣ только требуется присутствіе ихъ. Они наравнѣ съ небесными силами участвуютъ въ попеченіи надъ существами низшихъ развитій, ведутъ ихъ къ благой цѣлѣ, устраиваютъ и сохраняютъ вселенную.

То относительно короткое и свободное отъ своихъ святыхъ занятій время, которое они проводятъ на своей планетѣ, они посвящаютъ молитвѣ, бесѣдѣ со своимъ Ангеломъ-Хранителемъ, провѣркѣ своей жизни и своихъ поступковъ и обдумыванію того образа дѣйствій, котораго имъ слѣдуетъ держаться при дальнѣйшемъ исполненіи возложенныхъ на нихъ заботъ исполненія Божественныхъ предначертаній. Они не знаютъ праздности, развлеченій, безсодержательнаго времяпрепровожденія. Все время ихъ поглощено пользою и заботою о другихъ. Они удѣляютъ на себя столько времени, сколько необходимо для отдохновенія, молитвы и размышленій и немедленно спѣшатъ на мѣсто исполненія своихъ святыхъ обязанностей.

При подобной жизни не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь общественной жизни на планетѣ; ея въ дѣйствительности нѣтъ, ибо вся дѣятельность каждаго, всѣ мысли, всѣ заботы, всѣ желанія и стремленія ихъ далеко отъ нихъ, отъ личной жизни и жизни на своей планетѣ. Они прилетаютъ лишь отдохнуть душей и спѣшатъ возвратиться туда, гдѣ ихъ сердце и всѣ ихъ помыслы.

На Юпитерѣ нѣтъ физіологическихъ браковъ, нѣтъ матеріальнаго рожденія, но есть духовныя симпатіи между двумя полами, есть духовное слитіе и духовное рожденіе.

Digitized by Google

Только на Юпитерѣ познаетъ человѣкъ въ полномъ объёмѣ нормальныя, Богомъ требуемыя отношенія между мужчиной и женщиной и задачу ихъ совмѣстнаго сотворенія.

На Юпитерѣ нѣтъ старости. Старики одинаково бодры, какъ и люди въ полной порѣ своей силы. Они задолго до смерти знаютъ время окончанія испытаній, постепенно сливаются со своей загробной жизнью, пока, наконецъ, этотъ переходъ не совершится окончательно. Послѣ смерти они не оставляютъ почвѣ никакихъ остатковъ своего тѣла, все поступаетъ въ воздухъ и разносится вѣтромъ.

Digitized by Google

Глава XII.

Жизнь на Сатурнѣ, Ураиѣ и Нептунѣ.

Если смыслъ жизни на Юпитерѣ не поддается описанію на земномъ языкѣ, то, подавно, жизнь на еще болѣе разрѣженныхъ планетахъ, на которыхъ живутъ существа еще большей святости и еще большей чистоты, представляютъ еще гораздо большія затрудненія къ возможности ея пониманія.

Человѣку Земли можно обрисовать жизнь этихъ высшихъ Богоподобныхъ существъ только въ общихъ чертахъ, весьма неточно и лишь очень приблизительно. О нихъ можно сказать только, что Богъ далъ имъ столь легкое тѣло, состоящее изъ матеріи столь разрѣженной и чистой, что оно одно только въ состояніи удовлетворить возвышеннымъ духовнымъ потребностямъ ихъ чистой души и святой природы. Каждая изъ этихъ планетъ имѣетъ тѣла все болѣе и болѣе чистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильныя, мощныя настолько, насколько каждый изъ этихъ существъ стоекъ и устойчивъ въ добрѣ и любви, энергиченъ и ревнивъ къ исполненію предначертаній мысли Божіей.

По примѣрнымъ соображеніямъ, тѣло жителя Сатурна вѣситъ въ 100 разъ легче, чѣмъ тѣло земного человѣка при одинаковомъ объемѣ его, тѣло жителя Урана въ 3000 разъ легче, а жителя Нептуна въ 7000 разъ легче.

Возможно ли въ самомъ дѣлѣ намъ, людямъ Земли, имѣть себѣ какое-либо представленіе о человѣческомъ тѣлѣ, если мы предположимъ себя имѣющимъ вѣсъ лишь въ 2 золотника? Поневолѣ мы спросимъ себя, гдѣ кончается матерія и гдѣ начинается духъ? Какую жизнь повели бы мы въ столь легкомъ тѣлѣ и какія были бы наши отношенія въ окружающей насъ природѣ? Всѣ это вопросы, на которые нѣтъ возможности отвѣтить.

Digitized by Google

Жители Сатурна уже настолько устойчивы въ добрѣ и вѣрѣ въ Бога, что не имѣютъ Ангеловъ-Хранителей: но у нихъ весьма высокія существа изъ небесныхъ силъ покровительствуютъ цѣлымъ группамъ людей и назидаютъ ихъ. Каждый изъ жителей Сатурна уже свободно переносится по одной своей волѣ на обширнѣйшія пространства вселенной и посѣщаетъ всѣ самыя отдаленныя мѣста ея; онъ непосредственно самъ сообщается съ духовнымъ міромъ и лицезритъ уже Бога.

Жители Урана имѣютъ то же духовъ-покровителей, но эти духи-покровители назначены къ нимъ Богомъ изъ среды высшихъ степеней іерархіи небесныхъ силъ, чѣмъ для Сатурна, и покровительствуютъ они большему числу жителей Урана. Покровители способствуютъ жителямъ Урана въ расширеніи ихъ и такъ уже обширнѣйшей дѣятельности, открывая имъ еще бо́льшія тайны Премудрости Божіей. Назидаясь отъ старшихъ, они, съ своей стороны, руководятъ младшими и дѣятельность жителей Урана простирается рѣшительно на всю вселенную, на всѣ міры и на всѣ сферы.

Жители Нептуна не имѣютъ уже ни Ангеловъ-Хранителей, ни духовъ-покровителей, они уже сами достигли тѣхъ степеней самостоятельной святости, которая позволяетъ имъ находиться непосредственно въ Святѣйшемъ Источникѣ всѣхъ познаній—въ Богѣ. Получивъ отъ Бога указанія, они спѣшатъ исполнить ихъ черезъ легіоны подвластныхъ имъ существъ какъ изъ силъ небесныхъ, такъ и изъ умершихъ планетныхъ людей, живущихъ въ ихъ астральныхъ тѣлахъ.

О постоянной и самой ревностной дѣятельности жителей всѣхъ трехъ планетъ можно сказать только то, что было уже много разъ говорено объ другихъ блаженныхъ существахъ, что чѣмъ выше и святѣе существо, тѣмъ и разумная ревность его къ своимъ обязанностямъ больше и тѣмъ отраднѣе для нихъ эта дѣятельность, ибо они глубоко понимаютъ цѣль, къ которой ведетъ все и всѣхъ и тайны Премудрости Божіей.

Блаженное состояніе не можетъ состоять въ праздности. Спокойное ощущеніе или познаніе собственнаго совершенства должно скоро наскучить и сдѣлается невыносимымъ, во всякомъ случаѣ это было бы по отношенію дальнѣйшаго совершенствованіи существъ въ полномъ смыслѣ потерянное время. Жизнь существъ всѣхъ степеней и развитій представляетъ изъ себя рядъ постоянной, самой оживленной дѣятельности, но такой, которая не ведетъ за собой ни утомленія, ни скуки.

Высшее блаженство заключается въ познаніи премудрости Творчества, въ невыразимо радостномъ чувствѣ пониманія всѣхъ

Digitized by Google

красотъ природы, передать которыя, конечно, не въ состояніи никакой человѣческій языкъ. Оно заключается въ отсутствіи всякихъ безпокойствъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, въ полномъ внутреннемъ самодовольствѣ и невозмутимомъ спокойствіи души, въ безконечной любви по отношенію ко всему существующему во вселенной, какъ слѣдствіе невозмутимаго, безпредѣльнаго и самаго безкорыстнаго желанія добра на пути прогресса, даже при столкновеніяхъ со всѣмъ злымъ и со всѣмъ порочнымъ. Высшее блаженство состоитъ въ лицезрѣніи Бога и въ пониманіяхъ Его святыхъ предначертаній, которыя открыты наидостойнѣйшимъ.

Могущество и сила существъ находится въ прямомъ отношеніи къ полнѣйшей чистотѣ развитія въ дарованіяхъ, въ опытности и той степени довѣрія, которую они заслужили передъ Всесильнымъ Творцомъ ихъ. Нѣтъ наградъ и преимуществъ, которыя не были бы дѣйствительными слѣдствіями высокихъ трудовъ надъ собой, черезъ которые единственно и доступны эти заслуги, оцѣненныя по самому точному смыслу Правосудія.

Въ личномъ присутствіи Бога и участіи небесныхъ силъ они составляютъ высшій совѣтъ міроздданій, направляютъ явленія природы и составляютъ весь смыслъ бытія и краеугольный камень всего послушнаго Богу и исполняющаго всѣ высшія предначертанія Его.

Въ этомъ обширномъ гармоничномъ проявленіи безконечно мудраго и безконечно совершеннаго управленія находится всегда достаточно занятій каждому высшему веществу; къ какой бы степени развитія онъ ни принадлежалъ, онъ всегда съ величайшей готовностью принимаетъ, какъ особую милость Божію, всѣ возлагаемыя на него порученія и функціи, ибо въ успѣшномъ выполненіи каждой изъ нихъ и заключается его развитіе, а слѣдовательно и естественная награда.

Счастье блаженнаго существа не можетъ быть личнымъ. Если бы какое-нибудь высшее существо было принуждено наслаждаться своимъ счастьемъ одно, вдали отъ всѣхъ ему сродныхъ существъ, если бы онъ не имѣлъ возможности сообщать и провѣрять свои впечатлѣнія съ другими сочувствующими ему существами, былъ ли бы онъ счастливъ? Это немыслимо,—онъ находился бы въ состояніи ничѣмъ не удовлетворимаго желанія, что равносильно мученію; при томъ же это былъ бы эгоизмъ безъ конца. Всѣ симпатичные духи и существа должны сообщаться между собой постоянно, хотя бы мысленно. Всѣ блаженные духи, сближенные между собой

Digitized by Google

однообразіемъ воззрѣній, чувствъ, взглядовъ и родовъ своей дѣятельности, образуютъ одну громадную семью, или одно обширное и однородное единство, среди котораго каждый изъ нихъ блистаетъ своими собственными возвышенными качествами, проливая неистощимые запасы благодѣянія, милосердія и добра всюду, гдѣ только онъ можетъ этимъ помочь чьему-либо развитію, послужить на чью-нибудь пользу и чей-нибудь нравственной поддержкой, ни на одинъ мигъ не оставляя своихъ великихъ обязанностей. Всѣ блаженные духи и существа сливаются въ одинъ общій гармоничный хоръ однообразнаго единства для совокупнаго обсужденія, исполненія и принятія мировыхъ рѣшеній, и для взаимнаго сообщенія о своихъ великихъ дѣлахъ, выслушивая премудрыя предначертанія отъ сущеетвъ, ближе стоящихъ къ престолу Создателя.

Матерія, изъ которой состоятъ планеты Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, совершенно соотвѣтствуетъ тѣламъ существъ, обитающихъ на нихъ. И каждая имѣетъ также три состоянія матеріи: твердое, жидкое и газообразное, имѣетъ органическую и неорганическую природу.

На Сатурнѣ животныя уже больше не встрѣчаются; птицы еще есть, но насѣкомыя встрѣчаются необыкновенныхъ размѣровъ.

На Уранѣ уже и птицъ нѣтъ и насѣкомыя встрѣчаются очень рѣдко.

На Нептунѣ нѣтъ уже и насѣкомыхъ, но лишь одна растительность.

Жители Сатурна уже почти не пьютъ и воды, но питаются воздухомъ.

Жители Урана питаются исключительно воздухомъ, но могутъ обходиться и безъ него, поглощая черезъ поры своего тѣла, если это нужно, атмосферы тѣхъ сферъ, гдѣ они временно пребываютъ.

Жители Нептуна ничѣмъ не питаются, но впитываютъ въ себя черезъ поры тѣла ту атмосферу, въ которой они находятся.

Растительность на всѣхъ трехъ планетахъ одна лучше и красивѣе другой; объ удобствахъ жизни жителей ихъ заботится Самъ Богъ, даруя имъ все, что только для нихъ нужно. Такой поразительной красоты, цѣлесообразности во всемъ и всѣхъ самыхъ предупредительныхъ удобствъ, какія даетъ каждая изъ этихъ планетъ своимъ жителямъ, конечно, мы и вообразить себѣ не можемъ. Всѣ имѣютъ отъ своихъ планетъ все то, что только можетъ имъ понадобиться и все послушно ихъ волѣ.

Всѣ три планеты удалены отъ солнца, а потому вліяніе

Digitized by Google

дня и ночи, зимы и лѣта вполнѣ парализуется теплотой и свѣтомъ, зараждающимся въ почвѣ, въ растеніяхъ и въ самомъ воздухѣ. Жители Нептуна, напримѣръ, почти совсѣмъ не пользуются солнечной теплотой и солнечнымъ свѣтомъ. У нихъ нѣтъ ни дня, ни ночи и это соотвѣтствуетъ ихъ блаженному состоянію, незнакомому съ усталостью и не требующему опредѣленнаго отдыха, ибо они всегда одинаково готовы исполнять волю Божію. Но взамѣнъ солнечнаго свѣта, планеты эти освѣщены вѣчно свѣтящимся своимъ собственнымъ свѣтомъ, который разлитъ рѣшительно вездѣ и во всей природѣ, вслѣдствіе чего на Нептунѣ царитъ одна непрерывная весна, такой восхитительной и очаровательной красоты, съ вѣчно цвѣтущими и благоухающими цвѣтами, какую можетъ дать только Самъ Богъ для любящихъ Его.

Начиная съ Урана, природа окончательно подчинена волѣ людей. Дѣйствіемъ одной воли ихъ передвигаются растенія съ мѣста на мѣсто, нагибаются къ нимъ, издаютъ свѣтъ сильнѣе и слабѣе, и когда человѣкъ ложится отдыхать, то прекращается всякій свѣтъ и наступаетъ тьма.

Человѣкъ Нептуна повелѣваетъ всѣми стихіями.

Жители Сатурна живутъ до 3000 лѣтъ.

Жители Урана и Нептуна живутъ еще дольше, но одинъ Богъ можетъ опредѣлить тотъ срокъ, въ который они достигнутъ полнаго Богоподобія, однако, и ихъ жизнь на планетѣ Нептунъ кончается и они предстаютъ на судъ Божій. Однимъ изъ этихъ святѣйшихъ существъ Богъ повелѣваетъ остаться на планетѣ небесныхъ силъ и поручаетъ имъ раздѣлить заботы святыхъ апостоловъ или помогать Пресвятой Дѣвѣ Маріи въ попеченіи о людяхъ и въ назиданіи Ангеловъ-Хранителей; другимъ повелѣваетъ взойти въ Свою Святую резиденцію—въ Святую Святыхъ вселенной, пріобщиться къ числу высшихъ небесныхъ силъ, окружающихъ Его Предвѣчный Престолъ, въ составъ Его домашней. Такъ награждаетъ Богъ любящихъ Его. Всякій, идущій по стопамъ заповѣдей Его, вѣрующій Слову Его, дойдетъ до этихъ блаженныхъ обителей и унаслѣдуетъ то блаженство, живѣйшій и самый дѣятельнѣйшій источникъ которыхъ есть Творецъ вселенной—Богъ Единосущій, но троичный въ лицахъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—XXX

Знанія человѣка не полны, если они не открываютъ ему цѣль и смыслъ его жизни—I. Обыкновенно думаютъ, что всѣ вопросы о цѣли бытія достаточно выясняетъ религія—II. Религіи доводятъ человѣка до душевнаго самоулучшенія—II. Мистицизмъ, заключающійся въ основѣ нехристіанскихъ религій, не сообщается послѣдователямъ ея—III. Грубыхъ представленій о небесныхъ сущностяхъ религіи не допускаютъ—IV. Культивируя въ себѣ одинъ умъ, человѣкъ не доходитъ до высшихъ знаній природы—VI. При изученіи природы необходимо примѣнять всѣ силы, которыми владѣетъ человѣкъ—VII. Что говоритъ о семъ Карлъ дю-Прель—VIII. Хотя позитивизмъ доказательнѣе мистики, но его свѣдѣнія всегда опаздывали: напримѣръ, свѣдѣнія о шарообразномъ видѣ земли—X. О душѣ—XI. Физика Моисея—XII. Знанія физической природы факировъ—XII. Арнольдъ Гюйо сопоставляетъ космогоніи—XIII. Мистицизмъ наученъ—XX. Нехристіанскія религіи заключаютъ въ основѣ своей мистическія знанія—XXI. Христіанскія же ихъ не заключаютъ—XXI. Преимущество христіанскихъ религій передъ нехристіанскими—XXII. Выписка изъ кодекса „Бѣзы"—XXIII. Прямымъ путемъ человѣкъ не можетъ познать смысла вселенной—XXIV. Поправки позитивизма—XXV. Введя поправки мы превратимъ позитивизмъ въ мистику—XXIX.

ГЛАВА I.

Начало мірозданія . . . . . 1—21

Одинъ Богъ безначаленъ; Онъ отъ вѣчности уже созерцалъ премудрѣйшій планъ творенія Своего—1. Единственное побужденіе къ Созданію Существъ были благость и любовь Бога—2. Всѣ существа созданы совершенными—3. Создавая существъ, Богъ давалъ имъ дары Своей Благодати—4. Первый даръ есть жизнь — 5. Второй даръ — пониманіе истины—6, Третій—умъ и мысль—7. Четвертый,—совѣсть—8. Пятый—свободная воля—9. Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ направленіе дѣятельности каждаго существа — 10. Онъ отъ вѣчности предвидѣлъ количество зла, которое будетъ внесено въ міръ существами—12. Іисусъ Христосъ нази-

Digitized by Google

даетъ всѣхъ существъ Вселенной—13. До сотворенія существъ надо было приготовить имъ жилище — 14. Міры устроены такъ, что существа всѣхъ развитій находятъ соотвѣтствующую жизнь—15.

ГЛАВА II.

Міръ духовный . . . . . 22—38

Прежде всего Богъ сотворилъ ближайшихъ помощниковъ своихъ—22. Высшіе духи сродны Богу—22. Качествами своими они владѣютъ не по природѣ своей, но въ силу свободной своей воли—23. Дѣятельность небесныхъ силъ—24. Обитель Божія и небесныхъ силъ—26. Десять планетныхъ системъ небесныхъ силъ—28. Планеты эти вещественны—29. Условія жизни блаженныхъ существъ—30. Чѣмъ выше существо, тѣмъ труднѣе задача его самоусовершествованія—31. Явленіе Бога пророку Исаіи—32. Райская жизнь—33. Святой Андрей повѣствуетъ о раѣ—34. О томъ же—преподобная Ѳеолора—36. Посѣщеніе рая игуменомъ Власіемъ—37.

ГЛАВА III.

Міръ людей . . . . . 39—76

Разнообразіе созданныхъ Богомъ міровъ—39. Вселенная по величинѣ своей кажется безпредѣльной—40, но она не безконечна—41. Вселенная есть шаръ, въ центрѣ котораго находится Святая Святыхъ и обители небесныхъ силъ—41. Ни одна планета не похожа на другую, но всѣ имѣютъ одно и тоже назначеніе—42. Вселенная въ миніатюрѣ—43. Позитивизмъ утверждаетъ, что движеніе планетъ зависитъ отъ первоначальнаго толчка и силы притяженія—45. При этомъ не могла бы земля быть ничѣмъ другимъ какъ комомъ пыли—46. Между-планетное пространство матеріально.—Все состояніе—47. Все состояніе земной матеріи зависитъ отъ состоянія астральной матеріи—50. Всѣ планеты окружены своей особеной астральной средой—52. Вѣсъ не есть величина постоянная—53. Плотность болѣе постоянна—54. Сотвореніе матеріальныхъ міровъ—55. Одинъ законъ природы есть: исполненіе Воли Божіей—57. Всякая сила во вселенной есть Сила Самого Бога—58. Богъ Самъ не производитъ ни одного явленія природы—59. Все, что сотворено во вселенной, сотворено самими существами въ силу желанія и помощи Божіей—60. Порядокъ сотворенія—62. Вѣсъ планетныхъ людей—65. Каждая планета имѣетъ свои условія обитаемости—67. Міръ искупленій—69. Міръ возрожденія—70. Прогрессъ міровъ—72. Землю можно сравнить только съ госпиталемъ или лазаретомъ—74. Человѣкъ самъ виноватъ въ большей части своихъ бѣдствій—75.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Міръ зла . . . . . 78—93

Всѣ духовно-разумныя существа вселенной созданы одинаково совершенными—77. Фактъ паденія высшихъ существъ очень рѣдокъ, но невозможенъ—78. Первый, кого искушалъ денница, была Пресвятая Троица—79. Паденіе Денницы—80. Возмущеніе на небѣ—80. Клятва Денницы—81. Отношеніе Денницы къ другимъ существамъ вселенной—82. Предметъ дѣятельности злыхъ существъ—84. Власть злыхъ духовъ надъ человѣкомъ есть сходство идей—85. Можетъ ли Богъ уничтожать зло и злую силу—86. Если бы прогрессъ былъ принудительнымъ, онъ не имѣлъ бы заслуги—88. Злыхъ духовъ несравненно меньше, чѣмъ добрыхъ—89. Зло злыхъ существъ промыслительность Божія обращаетъ въ добро добрымъ—90. Заботы Бога о злыхъ духахъ—91.

ГЛАВА V.

Попеченіе Бога о людяхъ . . . . . 94—122

Трехъединый Богъ, пребывая въ сосредоточіи Своей власти, находится всюду и вездѣ во вселенной—94. Передъ Нимъ преклоняются всѣ силы небесной іерархіи—95. Вся іерархія состоитъ изъ первыхъ, среднихъ и послѣднихъ—96. Чины ангельскіе ближайшіе начальствующіе надъ людьми—97. Небесная іерархія распространяется и на людей—98. На одной планетной системѣ пребываютъ силы, управляющія явленіями физической природы—100. На другой—завѣдующія животнымъ царствомъ—101. На третьей—вѣдающія болѣзнями людей—105. На четвертой пребываютъ силы, вѣдающія судьбами людей—105. Ангелы хранители—107. Грѣшный человѣкъ имѣетъ около себя безгрѣшный элементъ—110. Заботы и попеченіе о людяхъ—115. Наибольшую заботу доставляютъ наши войны—117. Духовная жизнь человѣка много дѣятельнѣе видимыхъ нами проявленій ея—120.

ГЛАВА VI.

Жизнь людей вообще . . . . . 123—142

Ученые полагаютъ, что жизнь на другихъ планетахъ невозможна, ибо тамъ нѣтъ тѣхъ условій жизни, какія есть на землѣ—123. Разнообразіе жизненныхъ условій должно быть полное—124. Какъ ни разнообразна жизнь, она имѣетъ много сходствъ, первыя четыре сходства—127. Спутники планетъ и искупительная жертва Іисуса Христа—128. Пятое сходство—видъ и форма тѣла существъ—131. Шестое сходство—обстановка и строй жизни—135. Седьмое сходство—ходъ развитія—141.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Жизнь на Венерѣ . . . . . 143— 148

Жизнь въ астральныхъ сферахъ Венеры—143. Вода, воздухъ, растительность—144. Животныя; жилища людей; это настоящее царство сильнаго — 145. Пища; звѣри обижаютъ людей; наука Венеры; власть злой силы—146. Жизнь на Венерѣ кратковременна; смерть; жизнь въ астральныхъ сферахъ Венеры—147.

ГЛАВА VIII.

Жизнь на Землѣ . . . . . 149—198

Жизнь въ астральныхъ сферахъ Земли—149. Надъ человѣкомъ тяготѣетъ проклятіе Господне; главная цѣль жизни на Землѣ—150. Собственными силами человѣкъ не можетъ ее выполнить—151. Разительный примѣръ искупленія—153. Неправильное примѣненіе любви—155. На Землѣ не можетъ человѣкъ обладать счастьемъ, не отнявъ его отъ другого—157. Не Богъ создалъ трудности жизни на Землѣ, но люди. Другія условія облегчили бы жизнь на Землѣ—158. Попеченіе Бога о людяхъ Земли болѣе чѣмъ, о людяхъ другихъ планетъ—161. Таинство смерти есть торжественный актъ въ ихъ жизни—162. Мытарства—163. Переходъ за гробъ вѣрующаго человѣка. Первый примѣръ мирнаго перехода за гробъ—166. Второй—168. Третій—169. Четвертый—170. Пятый—172. Шестой—173. Переходъ за гробъ невѣрующихъ и грѣшниковъ—177. Первый примѣръ такого перехода—181. Второй—182. Третій—185. Четвертый—186. Пятый—187. Переходъ за гробъ самоубійцъ — 191. Первый примѣръ такого перехода—192. Второй—194. Третій—195. Загробная жизнь—197. Судъ Божій—198.

ГЛАВА IX.

Адъ . . . . . 199—214

Потухающія звѣзды—199. Нѣтъ причины звѣздѣ потухать, люди которой вѣрятъ въ Бога—200. Безвѣріе людей есть причина охлажденія и смерти планеты. Деннида овладѣваетъ потухшими планетами—202. Планета Денницы и его пребываніе на ней—203. Внѣшній видъ Денницы и строй адской администраціи—204. Три категоріи населенія ада—205. Задача Денницы есть удовлетвореніе грѣховныхъ привычекъ каждаго—206. Мысль и воля—207. Безотчетная мысль грѣшныхъ людей производитъ образы—208. Мысль и воля пра-

Digitized by Google

ведныхъ людей повелѣваетъ стихіямъ—209. Грѣшная и страстная фантазія сама создаетъ себѣ мученія—209. Внѣшній видъ жизни въ аду—210. Ощущенія души жителя ада—211. Минутныя забвенія жителя ада—213. Возвратъ къ Богу—214.

ГЛАВА X.

Жизнь на Марсѣ . . . . . 215—236

Жизнь въ астральныхъ сферахъ Марса—215. Человѣкъ Марса есть равноправный владѣлецъ даровъ своей планеты—217. Обработка почвы есть главное занятіе жителей Марса—218. Легкость почвы и тѣла человѣка; господство духа и крѣпость его—219. Плоды, сады, растенія—220. Пересадка растеній и вообще плодоносность почвы. Самостоятельная внутренняя теплота почвы—221. Дома—222. Мебель—223. Все необходимое получается съ фабрикъ—224. Люди Марса—225. Дѣти—226. Дѣти учатся и работаютъ на фабрикахъ—227. Телефоны, летательные снаряды. Религіозность—228. Домашняя жизнь—229. Отношеніе къ злой силѣ. Развлеченія—230. Празднества, болѣзни и уродства—231. Старость—232. Смерть, наука—233. Обсерваторіи. Механическія приспособленія—234. Животныя—235. Астральная жизнь—236.

ГЛАВА XI.

Жизнь на Юпитерѣ . . . . . 237—244

Человѣку земли трудно представить себѣ жизнь высшихъ существъ—237. Личныя требованія жителя Юпитера ничтожны—238. Питаніе ихъ не отымаетъ времени—239. Разрѣженность матеріи; три ея состоянія—240. Растительность, животное царство—241. Питаніе, болѣзни, строй жизни, перемѣщеніе, жилища—242. Долгота жизни—243. Старость и смерть—244.

ГЛАВА XII.

Жизнь на Сатурнѣ, Ураиѣ и Нептунѣ . . . . . 245—249

Степень разрѣженности матерій—245. Люди не имѣютъ уже Ангеловъ-Хранителей—246. Высшее блаженство состоитъ въ познаніи премудрости Божіей—247. Нѣкоторыя бытовыя особенности—248. Самостоятельный свѣтъ и теплота планетъ. Дальнѣйшее предопредѣленіе жителей Нептуна—249.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google